

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

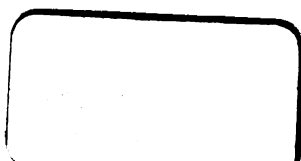
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 05929238 7

Callan

3277

*3CA

1 02

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ
ЧТЕНИЯ

*G.C.A.

БИБЛІОТЕКА
ДЛЯ ЧТЕНІЯ.
X.

۲۰۰

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕН-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ ■ МОДЪ.

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ.

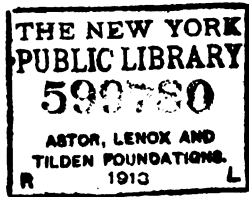
ИЗДАНИЕ

книгопродавца Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВДОВЫ ПЛЮШАРЪ СЪ СЫНОМЪ.

1838.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цен-
сурный Комитетъ три экземпляра.

Санктпетербургъ, 1835 года апрѣля 29 дня.

Ценсоръ *А. Никитенко.*

О Г Л А В Л Е Н І Е ДЕСЯТАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Сказка о рыбахъ и рыбкѣ. <i>А. С. Пушкина</i>	5.
Сибирскій казакъ, Баллада. Часть вторая. <i>П. П. Ершова</i> .	11.
Побѣда Вакха. <i>Г. Сорокина</i>	22.
Последній день, поэтическая картина. <i>А. Тимовеева</i> .	151. ✓
Русская пѣсня. <i>П. П. Ершова</i>	171
Мальвина. <i>И. И. Козлова</i>	172.
Призраки. Изъ Виктора Гюгò. <i>М. Сорокина</i>	173
Весна. <i>А. Зилова</i>	180.

ПРОЗА.

Три жениха. Провинціальныя очерки. <i>М. Н. Загоскина</i>	25. ✓
Стамбульскіе оригиналы. <i>Г. Базили</i>	101.
Потерянная для свѣта повѣсть. <i>А. Бѣлкина</i>	134. ✓
Бѣда, если бѣ не медвѣдь. Повѣсть. <i>М. А. Маркова</i> .	183. ✓
Провинціальныя Актеры, повѣсть. <i>А. Вельтмана</i>	208. ✓
Прихоть, повѣсть. <i>А. П. Степанова</i>	244.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Волшебный ключъ, повѣсть <i>Г. Крузе</i> . Изъ <i>Taschenbuch der Freundschaft und Liebe</i>	1. ✓
Повѣдка въ Луговыя степи. Новѣйшее сочиненіе Вашингтона Ирвинга, <i>A Tour on the Prairies</i>	44. ✓
Последній романъ <i>Г. Бальзака</i> . Статья <i>Г. Юлія Жана</i>	62
Записки покойнаго Доктора. <i>Г. Гаррисона</i> . Жена Баронета. Изъ <i>The diary of a late Physician</i>	67.
Амброзіянскія Ночи, <i>Г. Готта</i> . Ночь LXXI.....	121.
Деревенскія забавы столичнаго звѣзди. Изъ <i>New Monthly Magazine</i>	138.
Ламартины у леди Стенгопъ. Изъ <i>Souvenirs impressions, etc, par M. de Lamartine</i>	158.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

✓ Японія. Изъ <i>Quarterly Review</i>	1.
✓ Морозъ-ли истребилъ Французскую Армію въ 1812 году? <i>Д. В. Давыдова</i>	28.
Галлеева комета, Статья Г. Араго. Изъ <i>Annuaire du Bureau des longitudes 1835</i>	54.
Періодъ Самозванцевъ. <i>М. П. Погодина</i>	57.
Начало рѣжъ и ключей. Статья Г. Араго.....	78.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Свекло-сахарная промышленность и новыя методы производства. <i>Г. Аллина</i>	1.
Отчетъ свекло-сахарнаго завода <i>Гг. Аллиныхъ</i>	17.
Картофель. Происхожденіе и важность картофеля въ сельскомъ хозяйствѣ, способъ сохранять его въ большихъ количествахъ безъ подваловъ, въ обыкновенныхъ житницахъ; употреблять въ пищу, хотя бы и перемерзъ; и изъ перемерзшаго печь хлѣбъ лучшей чѣмъ изъ варенаго. <i>Д. П. Шелехова</i>	30.
Исторія преобразованія Русскаго помѣстья, съ трехпольнымъ зерновымъ полеводствомъ, въ Англійское, съ пятипольнымъ плодоперемѣннымъ. Введеніе. <i>Д. П. Шелехова</i>	38.
Приготовленіе кошащковъ для ударныхъ ружей (<i>fusil à percussion</i>). <i>Н. П. Филипова</i>	51.
Испытанное средство отъ запоя. (<i>Сальваторіево лекарство</i>). <i>Н. П. Филипова</i>	54.
Описаніе земледѣльческихъ орудій Г. Роджера. — 1. Чугунно-железный плугъ. — 2. Три бороны съ железными зубьями. — 3. Распашникъ, пахущій и боронующій въ одно время. (Съ рисункомъ.) <i>Д. П. Шелехова</i>	57.
Приготовленіе Лепгинова шоколата, отъ чахотки, сухотки и всякаго рода разслабленій. <i>Н. П. Филипова</i>	61.
Способъ истреблять мухъ.....	64.
Средство сохранять на зиму живые цветы.....	-

V.

КРИТИКА.

Стихотворенія Е. Баратынскаго.....	1.
Свѣтославичъ Врѣжій-Питомецъ, Г. Вельтмана.....	9.
Исторія Пугачевскаго бунта.....	21.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Апрѣль, 1835. Новыя книги.....	1.
Разныя извѣстія.....	29.
Май, 1835. Новыя книги.....	28.
Разныя извѣстія.....	43.

VII.

СМѢСЬ.

М А Й.

Опыты надъ термометромъ подъ землею.....	1.
Замѣчательный рыбій уродь.....	3.
Среднее продолженіе жизни въ разныхъ возрастахъ..	—
Плясучая болѣзнь.....	4.
Пребываніе Наполеона въ Берлинѣ, изъ записокъ очевидца. <i>В. И. Панаева</i>	9.
Празднества въ Гердварѣ и Джернатъ, въ Индіи...	15.
Новѣйшее путешествіе въ Исландію.....	19.
Бедуинскіе турниры.....	21.
Вестминистерскіе обои.....	22.
Древнія Египетскія картины.....	25.
Кѣмъ и какъ издается газета Times.....	28.
Число журналовъ въ сѣверной Америкѣ.....	31.
Фабрикація драмъ и водевилей въ Парижѣ.....	32.
Французскій театръ въ Парижѣ :	
Charlotte Brown. Les beignets à la cour. Le père	
Goriot, и проч. Le cheval de bronze, новая опера	
Г. Скриба, музыка Обера.....	35.

Италянскій театръ :

Мариньо Фалiero, музыка Доницетти	48.
Словесность во Франціи	51.
Словесность въ Англіи	52.
Словесность въ Германіи	55.
Новыя книги: Французскія. Англійскія. Нѣмецкія....	59.
Моды	63.

І ю н ъ.

Парижская Академія наукъ :

1. Новое ударное ружье	65.
2. Литотритія, или каменотренте	66.
3. Движеніе крови въ волосковатыхъ сосудахъ ...	68.
Лучезвръ Гершеля	69.
Измѣреніе быстроты электричества	— .
Новыя наблюденія надъ магнитною стрѣлкою	70.
Вторичная экспедиція капитана Росса къ полюсу	71.
Эскуріальская бібліотека	78.
Проектъ страховой компаніи на акціяхъ для покойниковъ	82.
Мѣновая торговля идеями и репутаціями	85.
Новый родъ медвѣжьихъ шубъ	86.

Французскій театръ въ Парижѣ :

Angélo Malipieri, новая драма Г. Виктора Гюго. Le mompane. <i>La traite des noirs</i> . Une chaumière новый водевиль Г. Скриба. et son coeur!, Les boudeurs. Manette, новый водевиль Г. Баяра. La croix d'or. La chasse aux maris	89.
Словесность во Франціи	117.
Словесность въ Англіи	118.
Словесность въ Германіи	121.
Новыя книги, Французскія и Англійскія	125.
Моды	128.

=

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

—•••—
I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=====
СТИХОТВОРЕНИЯ.

=====
С К А З К А

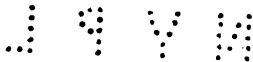
o

Р Ы Б А К Ъ И Р Ы Б К Ъ .

==

Жилъ старикъ со своею старухой
У самаго синяго моря;
Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Старикъ ловилъ неводомъ рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Разъ онъ въ море закинулъ неводъ, —
Пришелъ неводъ съ одною тиной.
Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ, —
Пришелъ неводъ съ травой морской.
Въ третій разъ закинулъ онъ неводъ, —

Пришелъ неводъ съ золотой рыбкою,
 Съ непростою рыбкой, — золотою.
 Какъ взмолился золотая рыбка!
 Голосомъ молвить человѣчьимъ:
 «Отпусти ты, старче, меня въ море!
 Дорогой за себя дамъ откупъ:
 Откуплюсь чѣмъ только пожелаешь.»
 Удивился старикъ, испугался:
 Опъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года,
 И не слыхивалъ, чтобъ рыба говорила.
 Отпустилъ онъ рыбку золотую,
 И сказалъ ей ласковое слово:
 — Богъ съ тобою, золотая рыбка!
 Твоего мнѣ откупа не надо;
 Ступай себѣ въ синее море,
 Гуляй тамъ себѣ на просторѣ. —
 Воротился старикъ ко старухѣ,
 Рассказалъ ей великое чудо.
 — Я сегодня поймалъ-было рыбку,
 Золотую рыбку, непростую;
 По нашему говорила рыбка,
 Домой въ море синее просилась,
 Дорогою цѣною откупалась:
 Откупалась чѣмъ только пожелаю.
 Не посмѣлъ я взять съ нее выкупъ;
 Такъ пустилъ ее въ синее море. —
 Старика старуха забранила:
 «Дурачина ты, простофиля!
 Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки!
 Хоть бы взялъ ты съ нее корыто,
 Наше-то совсѣмъ раскололось.»
 Вотъ пошелъ онъ къ синему морю:
 Видитъ, — море слегка разыгралось.
 Сталъ онъ кликать золотую рыбку,
 Приплыла къ нему рыбка и спросила:
 — Чего тебѣ надобно, старче?

Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ
«Смилуйся, государыня рыбка!
Разбранила меня моя старуха,
Не дасть старику мнѣ покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсѣмъ расколосось.»
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
— Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ,
Будетъ вамъ новое корыто. —
Воротился старикъ ко старухѣ:
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится,
«Дурачина ты, простоѣила!
Выпросилъ, дурачина, корыто!
Въ корытѣ многоли корысти?
Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ;
Поклонись ей, выпроси ужъ избу.»
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю:
Помутилось синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку,
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
— Чего тебѣ надобно, старче? —
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Еще пуще старуха бранится,
Не дасть старику мнѣ покою:
Избу просить, сварливая баба.»
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
— Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ.
Такъ и быть: изба вамъ ужъ будетъ. —
Пошелъ онъ ко своей землянкѣ,
А землянки нѣтъ ужъ и слѣда;
Передъ нимъ изба со свѣтелкой,
Съ кирпичною, бѣленою трубою,
Съ дубовыми, тесовыми вороты.
Старуха сидитъ подъ окошкомъ,
На чемъ свѣтъ стоитъ — мужа ругаетъ.

«Дурачина ты, прямой простофиля!
 Выпросилъ, простофиля, избу!
 Воротись, поклонись рыбку:
 Не хочу быть черной крестьянкой,
 Хочу быть столбовою дворянкой.»

Пошелъ старикъ къ синему морю:
 Не спокойно синее море.
 Сталъ онъ кликать золотую рыбку.
 Приплыла къ нему рыбка, спросила:
 — Чего тебѣ надобно, старче? —
 Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
 «Смилуйся, государыня рыбка!
 Пуще прежняго старуха вздурилась,
 Не дастъ старику мнѣ покою:
 Ужъ не хочетъ быть она крестьянкой
 Хочетъ быть столбовою дворянкой.»
 Отвѣчаетъ золотая рыбка:

+ — Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ. —

Воротился старикъ ко старухѣ.
 Чтожъ онъ видитъ? Высокій теремъ;
 На крыльцѣ стоитъ его старуха,
 Въ дорогой соблабѣй душесгрѣйкъ;
 Парчевая на маковкѣ кичка,
 Жемчуги огрузили шею;
 На рукахъ золотыя перстни,
 На ногахъ красныя сапожки;
 Передъ нею усердныя слуги;
 Она бьетъ ихъ, за чупринъ таскаетъ.
 Говоритъ старикъ своей старухѣ:
 «Здравствуй, барыня сударыня дворянка!
 Чай, теперь твоя душенька довольна.
 На него прикрикнула старуха,
 На конюшнѣ служить его послала.»

Вотъ недѣля, другая проходитъ,
 Еще пуще старуха вздурилась:
 Опять къ рыбку старика посылаетъ.
 — Воротись, поклонися рыбку:
 Не хочу быть столбовою дворянкой,
 А хочу быть вольною царицей. —
 Испугался старикъ, взмолился:
 «Что ты, баба, бѣлены обѣлася?
 Ни ступить, ни молвить не умѣешь!
 Насмѣшишь ты цѣлое царство.»
 Осердилась пуще старуха,
 По щекъ ударила мужа,
 — Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною,
 Со мною, дворянкой столбовою?
 Ступай къ морю, говорятъ тебѣ честию:
 Не пойдешь, поведутъ по-неволю. —

Старичокъ отправился къ морю:
 Почернѣло синее море.
 Сталъ онъ кланять золотую рыбку.
 Приплыла къ нему рыбка, спросила:
 — Чего тебѣ надобно, старче? —
 Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
 «Смилуйся, государыня рыбка!
 Опять моя старуха бунтуетъ:
 Ужъ не хочетъ быть она дворянкой,
 Хочетъ быть вольною царицей.»
 Отвѣчаетъ золотая рыбка,
 — Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ.
 Добро! будетъ старуха царицей. —

Старичокъ къ старухѣ воротился.
 Что жъ? Предъ нимъ царскія палаты;
 Въ палатахъ видитъ овою старуху:
 За столомъ сидитъ она царицей,
 Служать ей бояре да дворяне,
 Наливаютъ ей заморскія вины,

Забдаеть она пряникомъ печатнымъ,
 Вкругъ ея стоитъ грозная стража,
 На плечахъ топорики держать.
 Какъ увидѣлъ старикъ, — испугался!
 Въ ноги онъ старухѣ поклонился,
 Молвилъ; «Здравствуй, грозная царица!
 Ну теперь твоя душенька довольна.»
 На него старуха не взглянула,
 Лишь съ очей прогнать его велѣла.
 Подбѣжали бояре и дворяне,
 Старика въ-зашен затолкали.
 А въ дверяхъ-то стража подбѣжала,
 Топорами чуть не изрубила.
 А народъ-то надъ нимъ насмѣялся:
 «Подъломъ тебѣ, старый невѣжа!
 Впредь тебѣ, невѣжа, наука:
 Не садися не въ свои сани!»

Вотъ недѣля, другая проходитъ,
 Еще лучше старуха вздурилась.
 Царедворцевъ за мужемъ посылаетъ:
 Отыскали старика, привели къ ней.
 Говорить старику старуха:
 «Воротись, поклонися рыбкѣ.
 Не хочу быть вольною царицей,
 Хочу быть владычицей морскою,
 Чтобы жить мнѣ въ Окіанѣ-морѣ,
 Чтобы служила мнѣ рыбка золотая,
 И была бъ у меня на посылкахъ.»

Старикъ не осмѣлился перечить,
 Не дерзнулъ поперегъ слова молвить.
 Вотъ идетъ онъ къ синему морю,
 Видитъ, на морѣ черная буря:
 Такъ и вздулись сердитыя волны,
 Такъ и ходять, такъ воемъ и воютъ.
 Сталъ онъ кликать золотую рыбку,

Приплыла къ нему рыбка, спросила:
 — Чего тебѣ надобно, старче? —
 Ея старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
 «Смилуйся, государыня рыбка!
 Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой?
 Ужъ не хочетъ быть она царицей,
 Хочетъ быть владычицей морской,
 Чтобъ жить ей въ Окіанъ-морѣ,
 Чтобы ты сама ей служила,
 И была бы у ней на посылкахъ.»
 Ничего не сказала рыбка:
 Лишь хвостомъ по водѣ плеснула,
 И ушла въ глубокое море.
 Долго у моря ждалъ онъ отвѣта,
 Не дождался, къ старухѣ воротился:
 Глядь, опять передъ нимъ землянка!
 На порогъ сидитъ его старуха!
 А предъ нею разбитое корыто!

А. ПУШКИНЪ.

СИБИРСКІЙ КАЗАКЪ.

СТАРИННАЯ ВѢЛЬ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Дни со свѣтомъ идутъ,
 Ночи съ мракомъ бѣгутъ,
 Утро вечеръ прохладный сменяетъ;
 Въ полдень солнце горитъ,
 Въ полночь мѣсяцъ глядитъ:
 Часовой по редуту гуляетъ.

И, въ полуденный зной,
 Золотистой волной
 Озерённые зыблются нивы;
 И, въ раздолье степей,
 Стадо дикихъ коней
 Вьсть по вѣтру косматыя гривы.

И въ небесной выси,
 Будто рати Руси,
 Громоносныя движутся тучи;
 И, подпора небесъ,
 Не шелохнется лвьсь,
 Не играетъ въ степи вихрь летучій.

И молчанье кругомъ.
 Утомленнымъ крыломъ
 Царь пернатыхъ на землю слетаетъ;
 И съ стѣсненной душой
 Пѣшеходъ молодой,
 Ослабѣвши, шаги ускоряетъ.

Вотъ громады сошлись.
 Молнии въ тучахъ зажглись, —
 И ударилъ перунъ быстротечный.
 Опаленный кругомъ,
 Съ раздробленнымъ челомъ,
 Рухнулъ кедръ, — великанъ вѣковѣчный.

И, дохнувши огнемъ,
 Прошумѣли дождемъ,
 И песчаную степь наводнили.
 Свѣтлый солнечный лучъ
 Проглянулъ изъ за тучъ, —
 И двѣ радуги сводъ расцвѣтили.

Океанъ разсыпной,
 Будто конь молодой,
 Сребровласую шею вздымаетъ;

Гриву въ космы плететь,
Чуткимъ ухомъ прадеть,
Длинный хвостъ въ три трубы завиваетъ.

Въ надвоздушный предѣлъ
Царь-орелъ полетѣлъ
Осушиться въ потокѣ огнистомъ,
И, — предвѣстникъ весны, —
Съ голубой вышины
Засверкалъ перерывчатымъ свистомъ.

На курганъ крутомъ,
Подъ встлѣвшимъ крестомъ,
Молодая казачка сидѣла,
И, склоняся главой
На тополь луговой,
Она грустно на степи глядѣла.

Изъ развитой косы
Въ безпорядкѣ власы
На лилейную грудь упали,
И на блѣдныхъ щекахъ,
Какъ роса на цвѣтахъ,
Какъ жемчужины, слезы блистали.

Тихо все. Лишь у ногъ
Говорилъ ручейкъ,
И прозрачной волной къ ней ласкался;
И съ журчаньемъ ручья
Тихой голосъ ея,
Будто ласточки щебетъ, сливался.

* * *

пѣсня казачки.

Полетай, мой голубочекъ,
Полетай, мой сизокрылой,

Через степи, через горы,
Через темныя дубровы!

«Отыщи, мой голубочекъ,
Отыщи, мой сизокрылой,
Мою душу, мое сердце,
Моего милѣва друга!

«Опустись, мой голубочекъ,
Опустись, мой сизокрылой,
Легкимъ перышкомъ ко другу, —
На его правую руку!

«Проворкуй, мой голубочекъ,
Проворкуй, мой сизокрылый,
Моему милому другу
О моей тоскѣ-кручинѣ!

«Ты лети, мой голубочекъ,
Отъ восхода до заката;
Отдыхай, мой сизокрылый,
Ты, во время темной ночи!

«Если на небо порою
Набѣжить налетна тучка,
Ты сокройся, голубочекъ,
Подъ кустокъ частой, подъ ветку!

«Если коршунъ хищна-птица
Надъ тобой разпуститъ когти,
Ты спрячься, сизокрылый,
Подъ навѣсъ крутой, подъ кровлю!

«Ты скажи мнѣ, голубочекъ,
Что увидѣлъ мое сердце!
Ты повѣдай, сизокрылой,
Что здоровъ мой ненаглядный!

«Я за вѣсточку люблю
Накормлю тебя пшеничкой;
Я за радостну такую
Нашою сытой медвяной.

«Я прижму къ ретиву сердцу,
Сладко, сладко подвлюю;
Обвяжу твою головку
Дорогою алой лентой.»

* * *

Вдругъ песокъ полетѣлъ:
Ясный день потемнѣлъ,
И гроза поднялась отъ восхода.
Громъ — отъ громкихъ рвчей!
Молнья — съ свѣтлыхъ мечей!
То казаки летятъ изъ похода.

Пламень грозный въ очахъ,
Кликъ побѣдный въ устахъ,
За спиной понавѣшены вьюки.
На конѣ боевомъ,
Впереди молодцомъ
Вызываетъ удача Безрукій.

И широкой копной
Вѣтъ песокъ конь степной,
Рветъ узду, и храпитъ, и бодрится.
Есаулы за нимъ
Предъ отрядомъ своимъ:
Грозны ихъ загорѣлыя лица.

«Гей! мой трубачи!
Опустите мечи,
Занграйте въ трубы боевыя!
Съ хлѣбомъ съ солью скорѣй
Пусть встрѣчаютъ гостей,
И отворятъ врата крѣпостныя!»

И, не мѣдя, за-разъ
 Атаманскій приказъ
 Трубачи-усачи выполняютъ:
 Боевой мечъ—въ ножны,
 И трубу со спины,
 И походную пѣсню играютъ.

«Гей, скорѣй на редутъ!
 Наши, наши идутъ!»
 Закричалъ часовой. И въ минуту,—
 «Наши, наши идутъ!» —
 Крича, люди бѣгутъ
 Отсюда толпами къ редуту.

Гранулъ въ пушку пушкарь, —
 Зазвонилъ пономарь, —
 И широки врата заскрипѣли.
 Изъ отверзтыхъ воротъ
 Хлынулъ съ шумомъ народъ, —
 И казаки орломъ налетѣли.

«Къ церкви, храбрый отрядъ!
 (Есаулы кричатъ)
 Исполняйте отцовской обычай;
 И къ иконѣ святой
 Вы усердной рукой
 Приносите дары изъ добычи.»

Казаки съ коней въ рядъ,
 Въ Божью церковь спѣшать, —
 Имъ на встрѣчу причетъ со крестами:
 Подъ хоругвью святой,
 Въ ризахъ, пастырь свдой
 Ихъ встрѣчаетъ святыми словами:

Пастырь.

Съ нами Богъ! съ нами Богъ!

Онъ возвысилъ нашъ рогъ!
Укрѣпилъ Онъ во брани десницы!

Клиръ.

Съ нами Богъ! съ нами Богъ!
Супостать изнемогъ,
Мы крѣпки: покоряйтесь языцы!

Пастырь.

Мышцей сильной своей
Укротилъ Онъ звѣрей,
Онъ низвергнулъ коней, колесницы!

Клиръ.

Съ нами Богъ! съ нами Богъ!
Супостать изнемогъ,
Мы крѣпки: покаряйтесь языцы!

Пастырь.

Онъ услышалъ нашъ гласъ;
Онъ сталъ крѣпко за насъ,
Онъ явился во блескъ денницы!

Клиръ.

Съ нами Богъ! съ нами Богъ!
Супостать изнемогъ,
Мы крѣпки: покоряйтесь языцы!

Пастырь.

Онъ щиты ихъ сломилъ,
Ярый огонь воздымилъ, —
И вихрь бурный пожралъ ихъ станицы!

Клиръ.

Съ нами Богъ! съ нами Богъ!
Супостать изнемогъ,
Мы крѣпки: покоряйтесь языцы!

Старецъ кончилъ. За нимъ,
За начальствомъ своимъ,

Казачи въ Божью церковь вступили,
Т. X. — Отд. I.

И съ молитвой въ устахъ
 При святыхъ образахъ
 Они часть изъ добычи сложили.

И, подь громъ пушкарей,
 Пѣтъ Владыкъ царей
 Благодарственный гимнъ за спасенныхъ;
 И, подь медленный звонъ,
 Похоронный капонъ
 Возгласили за прахъ убиенныхъ.

Служба кончена. Тутъ
 Всѣ на площадь бѣгутъ:
 Ихъ родные, друзья ожидаютъ;
 Сынъ къ отцу, къ брату братъ
 Съ полнымъ сердцемъ летятъ,
 И съ слезами на грудь упадаютъ.

Что жъ казачка? Она,
 Въщей грусти полна,
 Ищетъ друга милова очами:
 Вся на площади рать, —
 Но его не видать, —
 Не видать казака межъ рядами!

Не во храмъ ли онъ?
 Божій храмъ затворѣтъ, —
 Вотъ ограду ключарь запираетъ!
 Что жъ онъ къ ней не спвшитъ?
 Сердце рвется спросить, —
 Но вопросъ на устахъ замираетъ.

Вдругъ урядникъ съдой
 Подошелъ къ молодой,
 И взглянулъ на нее со слезами;
 Ей кольцо подаетъ:
 «Онъ окончилъ походъ!»
 И поспѣшными скрылся шагами.

И, блѣдный полотна,
 Съ тихимъ воплемъ, она,
 Недвижима, безгласна упала;
 Свѣтъ померкнулъ въ очахъ,
 Смерть на блѣдныхъ устахъ,
 Тихо полная грудь трепетала.

Вотъ, съ угрюмымъ челомъ,
 Ночь свинцовымъ крыломъ
 Облекла и поля и дубравы,
 И съ далекихъ небесъ
 Сыплеть искрами звездъ
 И катить въ облакахъ шаръ кровавый.

И на ложѣ крутомъ
 Спитъ болезненнымъ сномъ
 Молодая казачка. Прохладой
 Надъ ея головой
 Вѣетъ вѣтеръ ночной
 И дымится струей надъ лампадой.

Кровь горить. Грудь въ огнѣ,
 И въ мучительномъ снѣ
 Страшный призракъ, какъ червь, сердце гложетъ.
 Темнота. Тишина.

И злобщаго сна
 Ни одинъ звукъ живой не тревожить.

Вдругъ, она поднялась!.....
 Чья-то тѣнь происслась
 Мимо оконъ, и въ мракъ сокрылась.
 Вотъ—храпѣнье коня!
 Вотъ, кольцомъ не звѣня,
 Дверь тяжелая вдругъ отворилась!

Онъ вошелъ. Страшный видъ!
 Весь онъ кровью покрытъ,
 Страшно впали помершія очи;
 Кости въ кожу вдвинулись,

И уста запеклись,
 Мраченъ взоръ: онъ мрачнѣй тѣмной ночи!

Онъ близъ ложа стоитъ,
 Онъ ей въ очи глядитъ,
 Онъ манитъ поспявшей рукою.
 То казакъ молодой!
 Онъ пришелъ во тѣмь ночной
 Свой исполнить обѣтъ предъ женою.

И она узнаетъ:
 Тихо съ ложа встаетъ,
 И выходитъ за нимъ молчаливо.
 У воротъ черный конь
 Бьетъ копытомъ огонь,
 И трясетъ серебристою гривой.

Вмигъ казакъ — въ стремя.
 Молодая жена
 Съ нимъ, дрожа и блѣднѣя, садится.
 Закусивъ удила,
 Какъ свинець, какъ стрѣла
 Конь ретивой дорогою мчится.

Вотъ гора: на-лету
 Онъ сровняетъ высоту;
 И песется широкой долиной!
 Вотъ рѣка: чрезъ рѣку!
 На могучемъ скаку
 Онъ сплотилъ берега надъ пучиной.

Скачутъ день. Скачутъ два.
 Ни жива, ни мертва
 И не смѣетъ взглянуть на милова.
 Куда путь ихъ лежитъ,
 Она хочетъ спросить;
 Но боится. Казакъ ни полслова.

Наконецъ, въ день шестой,
 Какъ коверъ золотой,

Развернулись степи передь ними.
 И кругомъ пустота!
 Лишь вдали три креста
 Возвышались въ безбрежной пустыни.

«Вотъ дань кровь! вотъ нашъ домъ,
 Подъ лазурнымъ шатромъ!»
 Вдругъ промолвилъ казакъ. «Посмотри же,
 «Какъ хороши оиъ на взглядъ!
 Что за звѣзды горять!
 Что за блескъ! То вдали, что же ближе?»

«Насъ тутъ сто казаковъ, —
 Все лихихъ молодцовъ:
 Мы привольно живемъ, не старьемъ.
 Ни печаль, ни болѣзнь
 Намъ невѣдомы здѣсь,
 И житейскихъ заботъ не имьемъ.

Мы и утромъ и днемъ
 Спимъ въ землѣ крѣпкимъ сномъ
 До явленья вечерней зарницы;
 Но зато при звѣздахъ
 Мы гарцуемъ въ степяхъ
 До восхода румяной денницы.»

Тутъ казакъ замолчалъ:
 Конь заржалъ, запрядалъ.....
 И казачка глядитъ въ изумлени.
 Степь! Средь бѣлаго дня
 Ни его, ни коня:
 Только что-то гудитъ въ отдалени.

И въ степи! и одна!
 Будто пытка, страшна
 Одинокая смерть! Озирая
 На холмъ насыпномъ
 Степь горящу кругомъ,
 Ищетъ тѣни казачка младая.

Но кругомъ степь пуста!
 Ни травы, ни куста,
 Ни отъвика въ сини отдаленной.
 Кругомъ небо горить,
 Воздухъ душень, — томить, —
 Что за зной на степи раскаленной!

И на жгучій песокъ,
 Какъ увядшій цвѣтокъ,
 Задыхаясь, она упадаетъ.
 И въ томленьи немомъ,
 Сжавши руки крестомъ,
 Безнадежно въ степи погибаетъ.

П. ЕРШОВЪ.

ПОБѢДА ВАКХА.

Пируетъ богъ вина румяный
 Въ долину мирной Индоставы.
 Толпы Сатировъ и Менадъ
 Вкругъ бога юнаго стоятъ.
 Межь ними, на скамь дерновой,
 Сидитъ восторженный пѣвецъ;
 На головѣ его — лавровый,
 Сплетенный музами, вѣнецъ.
 Восторга пыль кудри густые
 Подъемятъ надъ его челомъ,
 И очи темноглубые
 Горятъ божественнымъ огнемъ,
 И славить сынъ достойный Феба
 Созданья дивныя боговъ,
 Величье дна, красу Эрса,
 И радость Зевсовыхъ пировъ,
 И ужась мстительнаго ада,
 Грозу Ираковыхъ побѣдъ:

Лишь только бога винограда
Не славить доблестный поэтъ.

Потупилъ очи Вакхъ ревнивый
Съ негодованіемъ, и стыдъ
Въ душѣ его едва сокрытъ.
«Почто пѣвецъ краспорѣчивый
Вина и Вакха не поетъ?
Воспой-же пѣснь вину и лѣту,
Красъ Вакханокъ!» — И поэту
Онъ полный кубокъ подаетъ.

— «Тебѣ, источникъ вѣнча,
Жизнеподатель Апполонъ —
И чашу богу пѣснопѣвца
Надменно посвящаетъ онъ.

И Вакхъ, исполненный смущенья,
Вакханкою зоветь.
Мгновенью дѣва предстаетъ:
Огнемъ любви и наслажденья
Горять коварные глаза,
И виноградная лоза
Вѣнчаетъ голову младую;
И, вождельнія полна,
Лебяжья грудь обнажена.
Вотъ, снова, чашу роковую
Подносить юности она.
Обнявъ ее рукою жадной,
Онъ томно смотреть на нее,
И, вмѣстѣ съ влагою отрадной,
Онъ пьетъ лобзаніе ея.
Она, съ улыбкою лукавой,
Ему твердитъ слова любви:
Кипитъ волшебная отрава
Въ поэта дѣвственной груди.
На обезсиленные плечи
Главой горячей онъ поникъ;

Невразумительныя рѣчи
 Твердить косивющій языкъ.
 Его глаза, полузакрѣты,
 На все безсмысленно глядятъ;
 Его румяныя ланиты
 Багровымъ заревомъ горятъ;
 Смолкаютъ звуки томной лиры,
 Напрасно пальцы струны рвутъ, —
 И вотъ косматыя Сатиры
 Пѣвца сраженнаго несутъ.
 Ужасенъ ихъ божанный хохотъ,
 Побѣдный кличъ импановъ грохотъ:
 Подъ ихъ нестрѣлочный звукъ поютъ
 И пляшутъ рѣзвые Фауны.
 Пѣвецъ подъ яворомъ лежить;
 Вокругъ его Вакханокъ юныхъ
 Толпа безумная шумить.

Онъ, снявъ тонкія съ плечъ бѣлыхъ покрывала,
 Кольчиги спутали поэту моему,
 И винограда сокомъ алымъ
 Лице забрызгали ему.

«Эванъ, эвоэ! Бейте въ бубны!
 «Богъ винограда отомщенъ!
 «Пѣвецъ надменный побѣжденъ!»
 И вдругъ въ долину говоръ шумный
 Со всѣхъ подѣмлетъ сторонъ:
 «Эванъ, эвоэ! Слава, слава!
 «Вакхъ побѣдителемъ грядетъ!
 «Во вѣки Вакхова держава
 «Какъ плющъ зеленый да цвѣтетъ!
 «И слава мирному атлету!
 «Онъ въ битву доблестно вступилъ.
 «Вънчайте гроздіемъ поэта!
 «Его несмертный побѣдилъ!»

М. СОРОКИНЪ.

=

П Р О З А.

Т Р И Ж Е Н И Х А.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ.

Тому назадъ, — такъ точно! — не болѣе двухъ или трехъ лѣтъ..... Но прежде чѣмъ я расскажу вамъ эту исторію, мнѣ хочется спросить васъ, живали ли вы когда нибудь въ провинціи. Не въ деревнѣ, не въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ, но въ губернскомъ городѣ, — среди людей, которые говорятъ съ гордо-стью, и почти всегда на Французскомъ языкѣ, о своемъ большомъ свѣтѣ, о своемъ хорошемъ и дурномъ тонѣ, даже о разныхъ кругахъ, на которые раздѣляется ихъ общество. Если вы никогда не живали въ этихъ, подчасъ довольно забавныхъ, обращикахъ нашей матушки Москвы-Бѣлокаменной, и желаете знать хоть поверхностнымъ образомъ, что такое провинціальный городъ, — не двадцать лѣтъ тому назадъ, но теперь, въ наше время, — такъ слушайте.

Далеко отсюда, въ низовомъ губернскомъ городѣ, въ Дворянской Улицѣ, — почти въ каждомъ губернскомъ городѣ есть улица, которую зовутъ «Дворянскою», — возвышается крытый желѣзомъ, двухъ-этажный кирпичный домъ, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ года два тому назадъ вросали въ землю деревянныя хоромы, выстроенныя, какъ говорятъ старики, еще до Пугачева. Онѣ тянулись въ длину саженъ шест-

надцать, не считая двухъ подъездовъ съ холодными сѣнями и небольшой пристройки, въ которой помещалась Русская баня съ двумя предбанниками. Этотъ домъ занималъ всю глубину обширнаго двора, который съ двухъ сторонъ былъ застроенъ развалившимися службами, а съ третьей отдѣлялся отъ улицы почернѣвшимъ отъ времени рѣшетчатымъ заборомъ. Сзади, къ самому дому примыкалъ большой плодovitый садъ, поросшій высокой травой и почти непроходимый отъ безчисленнаго множества кустовъ колючаго крыжовника, барбариса и смородины. Разумѣется, эти хоромы не были ни окрашены, ни обшиты тесомъ, и на дощатой ихъ кровлѣ росла преспокойно мурава шелковая и пробивались кой-гдѣ украдкою цвѣты лазоревые.

Однажды, вечеромъ, въ началѣ маія мѣсяца, который, несмотря на восторги нашихъ поэтовъ, почти всегда хуже апрѣля, погода стояла самая осенняя, дождь лилъ какъ изъ ведра, и хотя еще не было восьми часовъ, однако на дворѣ сдѣлалось такъ сумрачно, что въ одномъ изъ оконъ развалищъ, описанныхъ мною, замѣлькалъ огонекъ. Онъ свѣтился въ диванной, въ которой хозяйка, пожилая вдова, статская совѣтница, Анна Степановна Слуккина, сидѣла за ломбернымъ столомъ и раскладывала гранъпасіансъ: насупротивъ ся, расположась покойно въ широкихъ креслахъ и понюхивая табакъ изъ огромной серебряной табакерки, сидѣлъ человекъ лѣтъ шестидесяти, въ коричневомъ долгополомъ кафтанѣ, съ бронзовой медалію въ петлицѣ и въ черныхъ плюсовыхъ сапогахъ. Къ нему спиною, подлѣ раствореннаго окна, стояла миловидная дѣвушка лѣтъ семнадцати, въ простомъ бѣломъ платьѣ. Широкий поясъ со стальной пряжкой обхватывалъ гибкій станъ ея; свѣлорусые волосы, завитые и убранные à-l'enfant, рассыпались густыми кудрями по ея плечамъ,

полнымъ, и бѣлымъ какъ пушистый снѣгъ въ перевозимъ. Попытаюсь, удастся ли мнѣ описать вамъ наружность хозяйки. Не совсѣмъ еще увидшее лицо высказывало не болѣе сорока пяти лѣтъ. Большіе черные глаза, довольно правильныя черты, прекрасный цвѣтъ лица, — все это заставило бы подумать каждаго, что она была нѣкогда очень хороша собою: но вотъ беда, — эти большіе черные глаза походили на красивые фонари безъ свѣчь, а румяное, ничего не выражающее, лице ея было просто —

бѣло и красно, —

И точно херувимъ на вербѣ восковой!

Впрочемъ я ошибся, сказавъ, что лице ея ничего не выражало: нѣтъ, въ немъ замѣтно было безпрестанное усиліе казаться «горькой, беззащитной вдовою», какое-то подленькое притворное смиреніе, едва прикрывающее невѣжественную спѣсь и чванство провинціальной барыни пятаго класса. Эта беззащитная вдова успѣла, по собственнымъ словамъ ея — при помощи Господа Бога и добрыхъ людей, укрѣпить за собою двѣ тысячи душъ покойнаго своего супруга, выиграть три процесса, пустить по міру нѣсколько сиротъ, разорить вконецъ роднаго брата и выплакать себѣ шесть сотъ рублей пожизненнаго пенсіона.

Самый пошлый мадригалъ щеголя Демутье, столкнувшись нечаянно съ самой высокой, творческою мыслию великаго Ньютона или Гердера, не представилъ бы такой рѣзкой противоположности, какую представляло почти безобразное лице пожилаго господина въ коричневомъ кафтанѣ съ румянымъ и правильнымъ лицомъ хозяйки: огромный носъ Николая Ивановича Холмина, — такъ звали этого гостя, — его изрытыя оспой багровыя щеки, его узкіе Камыцкіе глаза, крутой лобъ, покрытый морщинами,

и въ то же время умъ и веселость, которые блистали въ его маленькихъ сѣрыхъ глазахъ, и улыбка по времени намсмшливая, но всегда добродушная, и пріятный звукъ голоса, и то, чему нѣтъ названія, — это неизъяснимое что-то такое, что плѣняетъ насъ съ перваго взгляда, — всё это вмѣстѣ составляло одну изъ тѣхъ загадочныхъ физиономій, которыя нравятся, не спросясь у Эстетики и вопреки всѣмъ условнымъ понятіямъ о красотѣ и безобразіи человѣческомъ.

— Опять не вышло! сказала Анна Степановна, бросивъ съ досадою карты, которыя остались у нея на рукахъ: а все этотъ проклятый валетъ! Нейдетъ, какъ нейдетъ!.... Эй, дѣвка! Дашка!..... поди сюда, подыми платокъ! Возьми, положи карты въ комоду, въ третій ящикъ!..... Да что это, мать моя? Ни-какъ въ корсетъ? Смотри, пожалуй, ужъ и они стали затягиваться!.... Эй, мальчикъ! сними съ свѣчи..... Дурракъ! чуть не погасилъ!.... Варинька!

Дѣвушка въ бѣломъ платьѣ вздрогнула, и обернулась торопливо къ своей мамахъ.

— Ну что, мой другъ? продолжала Анна Степановна: дождикъ пересталъ?

— Пересталъ, маменька!

— Такъ на дворъ прочистилось?

— Прочистилось, маменька!

Въ эту самую минуту проливный дождь загудѣлъ сильнѣе прежняго, и въ сосѣднемъ покоѣ вода, пробивъ оштукатуренный потолокъ, съ шумомъ полилась на полъ.

— Помилуй, матушка! вскричала Анна Степановна: дождь ливня льетъ, а ты говоришь..... Да что ты, ослѣпла чтоль? Эй, мальчикъ! Андрюшка!.... Ну что стоишь? Ведро въ гостиною! Подставить тамъ, гдѣ протекло. Да вѣрно на чердакъ нѣтъ ушатовъ? Вотъ я васъ, разбойники!.... То-то вдовье дѣло! Обо всемъ изволь сама думать..... Смотри, пожалуй, — прочисти-

лось! дождь нейдетъ! Да чего жъ ты въ окно-то смотрила, сударыня?

Варинька вспыхнула, и не отвѣчала ни слова, а гость, какъ-будто-бы не нарочно, повернулся, и взглянулъ на окно, подлѣ котораго она стояла. Прямо черезъ улицу, въ небольшомъ домикѣ 'мелькаль огонекъ, и, хотя слабо, но вполне, освѣщаль гусарскій киверь, небрежно кинутый на окно. Николай Ивановичъ улыбнулся.

— Что это, Анна Степановна? сказалъ онъ, обращаясь къ хозяйкѣ: ни-какъ противъ вашего дома военный постой?

— Да, Николай Ивановичъ! Вонъ въ томъ домикѣ дней пять тому назадъ отвели квартиру гусарскому офицеру..... какъ бишь его?.... Дай Богъ память!.... Да! Тонскому!

— Александру Михайловичу? Отличный молодой человекъ!

— И, батюшка! да что жъ въ немъ отличнаго? Конечно собой онъ молодецъ изрядный, — говорятъ, не пьетъ, въ карты не играетъ: да и то сказать, что ему сердечному проигрывать? Вѣдь, чай, за нимъ души нѣтъ христіанской, — голъ, какъ соколъ: а какъ поглядишь иногда, такъ, Господи Боже мой, весь облить золотомъ! Ну право фунта три выжиги будетъ! А не бось, дома перекусить нечего. Вотъ то-то и есть! Служилъ бы себѣ, да служилъ, въ пѣхотѣ. Такъ нѣтъ, всѣ въ гусары лѣзутъ!

— Онъ не такъ бѣденъ, какъ вы думаете. Его дядя, Александръ Алексѣичъ Тонской, оставилъ ему небольшое, но прекрасно устроенное, имѣнье.

— Право? А сколько душъ, батюшка?

— Конечно, немного. Душъ тридцать....

— Тридцать душъ! И ты, Николай Ивановичъ, называешь это имѣньемъ?

— Да онъ дають безъ малаго двѣ тысячи рублей въ годъ доходу.

— Двѣ тысячи? Ну, батюшка, подлинно несмѣтное богатство!

— Нельзя же всякому, какъ вамъ, Анна Степановна, имѣть тысячъ пятьдесятъ въ годъ доходу. Разумѣется, въ сравненіи съ вами, Тонской бѣденъ, но зато какой образованный, воспитанный малой....

— Да, Николай Ивановичъ! Что правда, то правда: воспитанъ хорошо, знаетъ себя и разумѣть другихъ. Вотъ хоть со мной: всегда обходится весьма политично, — и, нечего сказать, услужливъ! Прошлое воскресенье, кабы не онъ, такъ не знаю, что было бы со мною: на рукахъ вынесъ изъ собора.

— А что такое съ вами было?

— Вотъ что, батюшка, Николай Ивановичъ. Я, прошлое воскресенье, была, какъ слѣдуетъ всякой христіанкѣ, у обѣдни въ соборѣ; самъ преосвященный изволилъ служить, и, хоть въ трапезѣ было довольно просторно, но зато въ пастоящей, а особливо кругомъ амвона, и сказать нельзя, что за давка была. Ну, нельзя же, мой отецъ, статской совѣтницѣ стоять позади Богъ-вѣсть кого! Вотъ я, гдѣ бочкомъ, гдѣ локотками, продралась, и стала впереди. Тѣсно, батюшка, душно, а дѣлать нечего, — стою! Вотъ, подъ конецъ, голова стала у меня кружиться, и начало въ глазахъ зеленѣть, — а я все-таки стою! Когда преосвященный вышелъ съ крестомъ, я, пропустя мимо себя губернатора, хотѣла-было по моему чину вслѣдъ за нею, какъ-вдругъ откуда не возмись дворянская предводительница, — шмыгъ изъ подъ меня, — да шастъ первая впередъ! Коллежская ассессорша!.... Ну, батюшка! хоть я и беззащитная вдова, хоть за меня, круглую сироту, вступиться нѣкому, а ужъ не стерпѣла бы я ни отъ кого такого афрона: и если бъ это было не въ соборѣ, такъ подняла бы такую аларму, что и Боже

упаси! А тутъ,—дѣлать нечего,—смолчала: да ужъ каково-то было моею душинькѣ! Начало меня подергивать, подкатилось къ сердцу, схватило удушье, и если бѣ не подвернулся этотъ Тонской, дай Богъ ему здоровье, такъ я бы со всѣхъ ногъ грянулась о полъ.

— Знаете ли, Анна Степановна, сказалъ Холминъ, помолчавъ нѣсколько времени: что если бѣ Александръ Ивановичъ Тонской былъ побогаче, такъ этакого жениха поискать!

— Да; если бѣ у него было тысячь тридцать въ годъ доходу.

— Погодите, будетъ и больше. Онъ отличный офицеръ, служить охотникъ, и пойдетъ далеко.

— Статься-можетъ, батюшка! Да въдь это еще буки.

— Я увѣренъ, что и теперь любая невѣста въ нашемъ городѣ за него пойдетъ.

— Любая не любая, а можетъ-быть и найдутся охотницы. Въдь дураковъ и дуръ вездѣ много, Николай Ивановичъ! Ихъ не орутъ, не съютъ, а сами родятся.

— Знаете ли что? продолжалъ Холминъ въ полголоса: я иногда думаю — что если бѣ вышла за него ваша Варвара Николаевна?

— Что, что батюшка?

— То-то была бы парочка!

— Эхъ, Николай Ивановичъ, охота тебѣ такой вздоръ говорить!

— Почему же, вздоръ? Онъ не богатъ, зато у васъ прекрасное состояніе.

— Что ты, что ты? Перекрестись, батюшка! Тридцать душъ!.... Да этакъ всякой однодворецъ женихъ моею падчерицы.

— Такъ, Анна Степановна, такъ, не спорю: по состоянію, Тонской не женихъ Варинькѣ; но если бѣ онъ успѣлъ ей поправиться.....

— Что? поправиться?....безъ моего вѣдома?....Да если бѣ она смѣла подумать объ этомъ! Если бѣ только занк-

нулась! Да сохрани ее Господи! Да развѣ она можетъ выступить изъ моей воли? Развѣ не я ея опекуншею? Да хоть бы за нее вся родня вступилась! Да хоть бы самъ покойникъ всталъ изъ гроба!....

— Ну полно-те, матушка, полно-те, не сердитесь! Вѣдь это одинъ только разговоръ.

— Добро бы еще онъ былъ въ чинахъ, — четвертаго или пятаго класса: а то простой офицерикъ, нищій... Да чему же ты смеешься, батюшка?

— А тому, что мнѣ удалось васъ разсердить. Эхъ, матушка, Анна Степановна, ну, какъ вы могли подумать, чтобъ я сталъ сватать не-шутя вашу Вариньку, мою крестную дочь, за какого-нибудь гусарскаго поручика, съ тридцатью ревижскими душами, потому только, что онъ уменъ, молодецъ собою, добрый малой?

— Ну то-то же, мой отецъ! А то было я совсѣмъ перепугалась. Да и я дура! какъ-будто-бы не знаю, что ты всегда подшучиваешь. А мнѣ бы надобно съ тобой о серьезномъ поговорить, батюшка: да вотъ видишь ты какой, — опять начнешь балагурить! Варинька! Что ты мой другъ, иль забыла, что мы сегодня съ визитами ѣдемъ? Поди, матушка, надѣнь свое гриденевое платье..... Ну, что стоишь? Ступай, сударыня! Теперь, Николай Ивановичъ, поговоримъ-ка о дѣлѣ.

— Поговоримте, Анна Степановна.

— Охъ, дѣти, дѣти! продолжала хозяйка, смотря вслѣдъ за уходящей Варинькой. Сколько съ ними горя и хлопоть! Вотъ, говорятъ, мачихи не заботятся о своихъ падчерицахъ: не правда, мой отецъ! Видитъ Господь Богъ, — только и думаю о томъ, какъ бы пристроить Вариньку. Ты человекъ умный, батюшка, — посоветуй мнѣ: что ты, родной мой, скажешь, такъ тому и быть.

— Даже и тогда, Анна Степановна, когда мой советъ будетъ не согласенъ съ вашей волею?

— И, батюшка! Да развѣ у меня есть какал-нибудь воля? Что скажутъ добрые люди, то и дѣлаю. Вотъ изволишь видѣть: твоя крестная дочка ужъ на возрастѣ.

— А что, развѣ вы хотите ее выдать замужъ?

— Пора, мой отецъ. Вѣдь ужъ ей скоро семнадцать лѣтъ.

— Да это что еще за годъ, Анна Степановна!

— Полно, полно, Николай Ивановичъ! Я сама по четырнадцатому году за перваго мужа вышла замужъ: такъ что тутъ говорить! Да и не объ этомъ рѣчь.

— А что, развѣ кто-нибудь сватается?

— Кто-нибудь, повторила съ гордой улыбкою хозяйка. — Нѣтъ, батюшка! продолжала она, поправляя свой чепецъ: женишки-то давно уже около насъ увиваются, и въ старину бы мнѣ отъ свахъ отбою не было. Вотъ теперь дѣло другое: за это ремесло взялись наши сестры дворянки. Да полно, лучше ли? Бывало отъ свахи узнаешь всю подноготную, отберешь все до копѣчки, и коли замѣтишь, что она начала лисой лисить да переминаться, такъ ее, голубушку мою, въ три шеи со двора долой: вѣдь дѣло-то было торговое. А теперь прошу покорно! Сама губернаторша придетъ сватать; съ ней много говорить не станешь; вѣрь на честное слово. «У такого-де, сударыня, тысячу душъ, да столько-то доходу, да то, да сѣ.» А попробуй сказать — Нельзя ли матушка, ваше превосходительство, документики сообщить? — такъ пойдутъ исторіи, претензіи, разстанешься всегда домами, и нашей сестрѣ, беззащитной вдовѣ, отъ этой губернаторши и всѣхъ ея прихвостницъ житья не будетъ.

— А что, развѣ губернаторша дѣлала вамъ предложеніе?

— Вотъ то-то и есть, батюшка! Она говорила мнѣ о своемъ племянникѣ.

— Объ Иванѣ Степановичѣ Вельскомъ?

Т. X — Отд. I.

— Да, Николай Иванович! Я ужь давно замѣтила, что этотъ отставной камеръ-юнкеръ имѣеть виды на мою Вариньку. Конечно, онъ человекъ порядочный, — слишкомъ тысячу душъ, — прекрасный домъ, отличная услуга, музыка, — все это хорошо, — да вотъ о чемъ его тетушка не разсудила со мной распространиться: говорить, что у него до пятисотъ тысячъ рублей долгу, такъ это почти все равно, что онъ ничего не имѣеть.

— Слѣдовательно вы ему отказали?

— Ужь тотчасъ и отказать! Погоди, батюшка; пусть посватается порядкомъ. Вѣдь его тетушка стороной только мнѣ объ этомъ намѣкала. Вотъ какъ онъ сдѣлаетъ формальное предложеніе и весь городъ будетъ знать, что онъ ищетъ въ Варинькѣ, такъ успѣю еще и тогда. Небольшая бѣда, если стануть говорить, что у нея много жениховъ было.

— Такъ какого же, матушка, вы просите у меня совета?

— А вотъ постой, мой отецъ: это еще одинъ женихъ.

— А кто жь другой?

— Алексѣй Андреевичъ Зоринъ.

— Предсѣдатель гражданской палаты?

— Да, батюшка.

— Пожилой вдовецъ....

— Да, батюшка.

— Съ большой семьею....

— Такъ что жь?

— Да кстати ли ему свататься за Вариньку? Она ему въ меньшія дочери годится.

— Это ничего, Николай Иванович! И мой покойникъ былъ вдвое меня старше. Да вотъ что худо: вѣдь у него наслѣдственнаго имѣнья нѣтъ, а все благопріобрѣтенное! Куплено было на имя покойной жены; такъ онъ изъ него только и можетъ взять законную седьмую часть, то есть, много много душъ сто. Конечно, онъ человекъ умный, нажилъ бы еще: да вре-

мена-то не ть, батюшка! Ко всему придираются! Судья возьметъ по дружбѣ какой-нибудь подарочекъ, а его назовутъ взяточникомъ. Не бери ничѣмъ, ни деньгами, ни натурой: да этакъ скоро вовсе служить нельзя будетъ!

— И, матушка, Анна Степановна, ну, что Господа Бога гнѣвить! И теперь еще такъ-то себя деревеньки и домики наживаютъ, что на-поди!

— Да, не бось, ты скопилъ имѣньеце? Шестъ лѣтъ былъ дворянскимъ предводителемъ, сколько разъ за-сѣдалъ въ рекрутскомъ присутствіи: а что нажилъ?

— Да покаместъ честное имя, Анна Степановна.

— Честное имя! Да вѣдь честное-то имя доходу не даетъ; его ни продать, ни въ Опекунской Совѣтъ заложить нельзя: такъ съ нимъ далеко не уѣдешь. А сверхъ-того вы всѣ честные люди — гордецы, а гордымъ Богъ противится..... Ну что ухмыляешься?

— Радуюсь, матушка, Анна Степановна, что вы такъ хорошо знаете и такъ ловко толкуете Священное Писаніе.

— Да что объ этомъ говорить! Всякой молодець на свой образецъ. Скажи-ка лучше, что мнѣ дѣлать? Я сама вижу, что Зоринъ не женихъ Варинькѣ.

— Такъ откажите ему.

— А про мое тяжebное дѣло-то, батюшка, ты вѣрно забылъ?

— Нѣтъ, помню. Такъ что жъ?

— А то, что коли испортятъ его здѣсь въ палатѣ, такъ еще Богъ-вѣсть поправишь ли въ Москвѣ. Нѣтъ, мой отецъ, усвѣю ему отказать и тогда, какъ дѣло будетъ рѣшено въ мою пользу.

— Ну вотъ ужъ два жениха забракoвано. Нѣтъ ли еще третьяго?

— Есть, Николай Ивановичъ, есть женишекъ! Да и дѣло-то почти совсѣмъ слажено.

*

— Вотъ что? Какъ же мнѣ Варинька ничего объ этомъ не намѣкнула?

— Да она еще сама не знаетъ.

— Право? Такъ вы заранѣе увѣрены, что этотъ женихъ ей понравится!

— Какъ ему не понравиться, батюшка? Вѣдь у него, — легко вымолвить, — четыре тысячи душъ.

— Четыре тысячи? Такъ это.....

Князь Владиміръ Ивановичъ Верхоглядовъ. Что, батюшка, каковъ женишекъ!

— Да хорошо ли вы знаете этого человѣка?

— Я знаю, батюшка, навѣрное, что у него четыре тысячи душъ и ни копѣйки долгу.

— Конечно, послѣ этого и говорить нечего. Вотъ если бы у него не было ста тысячъ въ годъ доходу....

— Полтора ста, батюшка.

— Неужели?... Смотри, пожалуй! Такъ что жъ это говорить, будто онъ самый пустой человѣкъ; будто у него нѣтъ ни какихъ правилъ; будто онъ на словахъ сумасшедшій либераль, а на дѣлѣ трехъ-бунчужный паша; будто онъ толкуетъ безпрестанно о потребности вѣка, о вышнихъ взглядахъ, о правахъ человѣчества, и разоряетъ своихъ крестьянъ; будто у него давно уже умъ за разумъ зашелъ, и что, рано или поздно, ему не миновать опеки?

— И, что ты, мой отецъ! Да развѣ отдаютъ подъ опеку людей, у которыхъ полтора ста тысячъ въ годъ доходу и ни копѣйки долгу?

— Вотъ то-то и есть. Говорятъ также, что будто-бы у него такой причудливый и скверный характеръ, что съ нимъ ужиться нѣтъ ни какой возможности.

— Вздоръ, батюшка, вздоръ! То же самое говорили и про моего покойника: да вѣдь жили же мы кое-какъ? Ну конечно, — какъ безъ того? — бывало, пошумимъ, погрыземся, а все таки онъ, — дай Богъ ему царство небе-

сное, сдѣлаешь какъ сдѣлаешь по-моему. Правный мужъ не бѣда, мой отецъ: лишь только не поддавайся, да кричи громче его, такъ все пойдетъ своимъ чередомъ.

— Правда, Анна Степановна, правда: это самый лучший способъ жить въ ладу съ мужемъ. Дурака запугаешь, умному надобшь, такъ и тотъ и другой будутъ поневолю дѣлать все, что жена захочетъ. Да Варинька-то, кажется, у насъ не такого характера: она уступчива, добра, самаго кроткаго нрава.....

— Переѣзвится, мой отецъ, переѣзвится. Въдѣлужда чему не научить!

— Конечно, Анна Степановна, конечно. Да и материнскіе ваши совѣты, быть-можетъ, на нее подѣйствуютъ. Такъ, это дѣло кончено: племяннику губернаторши Вельскому.....

— Я ничего рѣшительнаго не сказала; однако же, признаюсь, надеждою польстила.

— Предсѣдателю палаты, Зорину.....

— Его поневолю приголубиваю, батюшка: вотъ такъ изрѣдка намѣки дѣлаю, обинячки говорю.

— А князю Владиміру Ивановичу Верхоглдову?

— И ему еще формальнаго слова не дала.

— То есть; вы обнадежили разомъ трехъ жениховъ?

— Эхъ, батюшка, батюшка, да когда же мнѣ и помолаться-то какъ не теперь? Пока я не совсѣмъ еще порѣшилась; такъ мнѣ житье-то славное. Посмотри въ собраніи, на балахъ, кому такой почетъ, какъ мнѣ? Одинъ слугу отыщеть, другой салопъ подасть, третій съ лѣстницы сведеть: не успѣешь откланиваться. А какъ въ вистикъ-то съ ними засяду, батюшка, въ вистикъ! Житье да и только! Ренонсъ сдѣлаю, — никто не видитъ; безъ двухъ фигуръ сочту четыре онѣра, — молчать. И даже этотъ скопидомъ, Зоринъ, не заикнется сказать, что я ошиблась. О! ужъ объ этомъ не говорю, сколько другихъ прочихъ мелкихъ женишковъ мнѣ въ

глаза-то забѣгаютъ: ну такъ и рвутся одинъ передъ другимъ, чтобъ мнѣ услужить!

— Не спорю, Анна Степановна: теперь вамъ весело, да весело ли будетъ тогда, какъ женихи узнаютъ, что вы ихъ дурачили.

— Такъ что жъ, батюшка? Посердятся, посердятся, да будутъ таковы. Одинъ Алексѣй Андреевичъ Зоринъ могъ бы мнѣ хлопотъ надѣлать, если бъ узналъ объ этомъ: да, къ счастью, дѣло мое слушаютъ на будущей недѣль. Ты самъ знаешь, батюшка, — резолюціи переменить нельзя: такъ что жъ мнѣ помѣшаетъ тогда выдать Вариньку за князя Владиміра Ивановича?

— Хорошо разочтено, Анна Степановна! Вы только забыли одно, что отъ этого можетъ пострадать репутація вашей дочери.

— А это какъ, батюшка?

— Да такъ: станутъ говорить, что Варинька сама заводила всѣхъ жениховъ, что она съ ними кокетствовала, что обманывала съ вами за одно. Мало ли что злость можетъ придумать!

— Помилуй, да съ чего бы это взяли?

— Знаю, Анна Степановна, что въ этомъ и на волю не будетъ правды: но зачѣмъ давать поводъ къ злословію? Вѣдь клевета какъ уголь, — не обожжетъ, такъ замараешь.

— И, полно, мой отецъ! Стану я бояться всѣхъ людскихъ рѣчей. Да мало ли что и про меня грѣшную говорили: и обобра-то я покойнаго моего мужа, и пустила по міру роднаго брата, да и Богъ-вѣсть что! Всего, батюшка, не переслушаешь. А! вотъ и Варинька. Ну, что одѣлась, мой другъ?..... Побудь покажѣсть съ твоимъ крестнымъ, а я пойду, и сама принаряжусь. Пора бхать съ визитами.

Варинька, оставшись одна съ крестнымъ отцомъ своимъ, сѣла подлѣ него, и, не говоря ни слова, не смѣя поднять глаза, перебирала въ рукахъ концы

своего газового шарфа. Щеки ея то вылали, то покрывались блѣдностью. Холминъ также молчалъ. Онъ смотрѣлъ съ нѣжностью и примѣтнымъ состраданіемъ на бѣдную дѣвушку, которая нѣсколько разъ пыталась начать разговоръ, но каждый разъ чувствовала такое сильное замираше сердца, что слова исчезали на устахъ ея. — Бѣдненькая! сказалъ наконецъ Холминъ, положивъ руку на ея плечо. — Варинька подняла глаза, взглянула робко на своего крестнаго отца, и бросилась къ нему на шею.

— Ну что, мой крестный папешка? прошептала она едва слышнымъ голосомъ: говорили ли вы?

— О чемъ, мой другъ?

— Ну.....о томъ.

— О томъ? повторилъ съ улыбкою Холминъ. Нѣтъ, мой ангелъ, я ничего не говорилъ о томъ.

— Не правда! Вы что-то говорили; я слышала сама, что вы называли его по имени.

— Да о комъ ты говоришь, Варинька?..... Ну полно, полно, не гнѣвайся! Да, мой другъ, я говорилъ объ немъ.

— Ну что жъ мамешка?

— И слышать не хочетъ.

— Ахъ, Боже мой!

— Она рѣшилась выдать тебя замужъ за князя Владиміра Ивановича.....

— Что вы говорите? вскричала съ ужасомъ Варинька.

— Чего жъ ты испугалась, мой другъ? Не бойся, на святой Руси насильно никого не вѣнчаютъ. Послушай, моя душа. Ты ужъ не ребенокъ, и должна иногда думать о будущемъ. Ты любишь Тонскаго, и онъ достоинъ этого счастья. Но у князя полтора ста тысячъ въ годъ дохода, а Тонской почти ничего не имѣетъ. Ты также, мой другъ, безъ всякаго состоянія, или, что почти одно и тоже, оно совершенно зависитъ отъ твоей махи. Покойный твой батюшка былъ человекъ ис-

тинно добрый, но подъ старость такъ ослабѣлъ и тѣломъ и душою, что не имѣлъ рѣшительно собственной своей воли. Ты знаешь, Варинька, что всѣмъ его имѣньемъ владѣть по жизни Анна Степановна, и что хотя по духовной покойнаго ты имѣешь право требовать въ приданое за собою тысячи душъ, но только тогда, когда выйдешь замужъ за того, кого она сама назначить: въ противномъ случаѣ, одно только добровольное ея прощеніе можетъ возратить тебѣ это право. Теперь ты видишь, мой другъ, что у тебя ничего нѣтъ. Анна Степановна никогда не согласится выдать тебя замужъ за Тонскаго, и никогда не проститъ тебя, если ты выйдешь за него противъ ея воли.

— Ахъ, Боже мой, да какая ей прибыль, если я выду за этого князя?

— Пребольшал, мой другъ. Засадить тебя вѣчно въ дѣвкахъ она не можетъ: это было бы уже слишкомъ явнымъ и слишкомъ гнуснымъ доказательствомъ ея жадности. Ты сирота: правительство можетъ взять тебя подъ свою защиту, а сверхъ-того и самые бездушные люди боятся общаго мнѣнія. Князь Владиміръ Ивановичъ беретъ тебя безъ приданаго: я это знаю, хотя почтенная Анна Степановна заблагоразсудила умолчать объ этомъ, говоря со мною. Теперь видишь ли, мой другъ.....

— Такъ что жъ? перервала съ живостью Варинька: неужели вы думаете, что Тонской не откажется также отъ моего приданаго?

-- О, я не сомнѣваюсь въ этомъ!

— И развѣ богатство можетъ сдѣлать наше счастье?

— Не о богатствѣ рѣчь, мой другъ. Полтора ста тысячъ въ годъ доходу не сдѣлаютъ тебя ни на волосъ счастливѣе; но бѣдность.... Ахъ, Варинька, Варинька, мы живемъ не въ Аркадіи! Кустъ розановъ, шамашъ и милый другъ, — все это прекрасно въ романсѣ, который ты

воешь, сидя за фортепiano; но въ шалашѣ и холодно и тѣсно; розы цвѣтутъ только весною; милый другъ не вѣчно будетъ ворковать подлѣ тебя: онъ захочетъ вѣсть, ты также, а тамъ-семья, дѣти.... Нѣтъ, мой ангелъ, если счастье наше не всегда бываетъ слѣдствиемъ хорошаго состоянія, по-крайней-мѣрѣ оно помогаетъ намъ сносить терпѣливѣе всѣ житейскія горести и напасти, которыя при бѣдности становятся еще несноснѣе. Подумай хорошенько: если ты выдешь за князя, то всѣ желанія твои, всѣ прихоти будутъ исполняться. Ты очень молода, мой другъ: тебя еще, безъ всякаго сомнѣнія, платяютъ и щегольской экипажъ, и модныя платья, и тысячи другихъ блестящихъ бездѣлокъ, которыя стоятъ такъ дорого, хотя и не служатъ ни къ чему. Придетъ время, когда все это тебѣ надобно, не спорю; но пока еще лѣта и горькій опытъ не отучатъ тебя забавляться этими игрушками взрослыхъ людей, ты станешь тосковать объ нихъ. Сколько разъ ты будешь плакать отъ зависти и досады, сравнивая свой простинокъ Московской буръ-де-суа съ какимъ-нибудь Колокольцовскимъ платкомъ или Турецкой шалью прежней твоей подруги, встрѣчая на каждомъ шагѣ знакомыхъ, которые станутъ давить тебя своимъ богатствомъ и роскошью! Ты поневолѣ сдѣлается подозрительною; дружба богатыхъ людей будетъ тебѣ казаться обиднымъ покровительствомъ, а каждое ласковое слово милостыною, которую подають тебѣ изъ состраданія. Что, если тогда, встревоженное твое самолюбіе и эта тяжкая необходимость отказывать себѣ почти во всемъ расхолодятъ прежнюю любовь твою? Что, если ты начнешь говорить о томъ, что не вышла за богатаго князя, и бѣдный мужъ твой отгадаетъ наконецъ причину этой горести?...

— Мужъ мой? перервала съ жаромъ обиженная дѣвушка: тотъ, кого выбрало мое сердце? И вы можете такъ душно думать о вашей крестной дочери? Щегольской экипажъ? Турецкая шаль? Боже мой!.... да!

и я стала бы плакать о Турецкой шали, если бы въ ней показалась милѣе моему мужу; и я стала бы завидовать богатому экипажу, когда бы могла имъ потышить моего мужа; но желать всего этого для себя, грустить, что богатый мужъ не закутаетъ меня какъ куклу въ Турецкія шали, горевать о томъ, что я не принадлежу этому князю, котораго ненавижу..... Да, да!..... ненавижу.....

— Да за что же, мой другъ?

— Зато, что онъ хочетъ быть моимъ мужемъ! И вы могли мнѣ совѣтовать?....

— Я ничего тебѣ не совѣтую. Когда дѣло идетъ объ участи цѣлой жизни, тогда трудно, мой другъ, совѣтовать. Впрочемъ, если любовь твоя къ Тонскому не одно только минутное предпочтеніе, не кака-нибудь романическая, безотчетная страсть, но искренняя, душевная привязанность, то, безъ всякаго сомнѣнія, съ нимъ и бѣдность будетъ для тебя счастьемъ. Но прежде, чѣмъ ты рѣшительно откажешься отъ супружества, которое свѣтъ сталъ бы называть блестящимъ, я долженъ былъ описать тебѣ всѣ невыгоды твоего замужства съ человѣкомъ небогатымъ. Тебѣ самой никогда бы не пришло въ голову и подумать о вашемъ будущемъ домашнемъ бытѣ, о необходимомъ прожиткѣ, о расходѣ и приходѣ, однимъ словомъ о всемъ томъ, что господа поэты называютъ земнымъ и прозаическимъ, но безъ чего и поэзія становится подчасъ прескучною прозою. Теперь я исполнилъ мою обязанность, и если безпрерывныя лишения и бѣдность тебя не пугаютъ, если любовь точно можетъ для тебя замѣнить все, вотъ тебѣ рука моя, — ты будешь женою Тонскаго. Не богатъ, Варинька, но все, что имѣю, будетъ принадлежать вамъ..... Не благодарни меня, мой другъ. Я былъ искреннимъ пріятелемъ отца твоего и люблю тебя какъ родную дочь. Покойный твой батюшка, умирая на

рукахъ моихъ, повидимому раскаялся въ своемъ недобдуманномъ поступкѣ: но духовной переменить было уже невозможно. За нѣсколько минутъ до своей кончины, онъ крѣпко сжалъ мою руку, и устремилъ свой потухающій взоръ на твой портретъ, который висѣлъ надъ его изголовьемъ. Онъ не могъ уже говорить, но я понялъ его, — и мой бѣдный, обманутый другъ умеръ спокойно: онъ зналъ, что дочь его не останется круглой сиротою.....

Варинька опустила голову на плечо крестнаго отца своего, и горько заплакала.

— Полно, полно, мой другъ! сказалъ Холмицъ. Ты и такъ довольно погорѣвала.—Ба, ба, ба! да ни-какъ и я расплакался? продолжалъ онъ, утирая глаза. Куда мнѣ это должно быть къ лицу!..... Послушай, мой другъ. Хорошій генералъ никогда не считаетъ себя побитымъ до тѣхъ поръ, пока не истощитъ всѣхъ средствъ, чтобъ вырвать побѣду изъ рукъ непріятеля. Ты выйдешь за Томскаго, это рѣшено; но если въ то же время и состояніе ваше будетъ обезпечено, такъ, кажется, это ничего не испортить.

— Да вы сами говорите, что Анна Степановна никогда не согласится....

— Безъ всякаго сомнѣнія, не согласится. Но дѣло не въ томъ, чтобъ она была твоей посаженой матерію, а только бы, послѣ свадьбы, васъ простила. У меня кой-что бродитъ въ головѣ. Что если бы.....? Почему же нѣтъ! — А какъ бы это было забавно! примолвилъ Холмицъ, и глаза его, выразившіе за минуту глубокую чувствительность, заблестали веселостію. — Но вотъ, кажется, Анна Степановна кончила свой туалетъ, продолжалъ Николай Ивановичъ. Вы ѣдете сегодня съ визитами: я также сдѣлаю завтра поутру нѣсколько визитовъ, и можетъ-быть..... Но впередъ загадывать нечего. Прощай, Варинька. Прощай, мой другъ!

II

На другой день Николай Иванович Холмигъ, часу въ девятомъ утра, надѣль свой коричневый кафтанъ, накрыль голову бѣлымъ пуховымъ картузомъ, и, опираясь на высокую «натуральную» трость съ костянымъ набалдашникомъ, отправился пѣшкомъ, — сначала въ домъ председателя гражданской палаты, Алексѣя Андреевича Зорина. Но прежде, чѣмъ я открою читателямъ причину его посѣщенія, мнѣ должно ихъ предъувѣдомить, что вмѣсто разказа я намѣренъ предложить имъ для прочтенія, нѣсколько отдѣльныхъ драматическихъ сценъ изъ этой комедіи, которую мы называемъ «Общественною жизнью», и которая, глядя по тому, какъ на нее смотришь, и забавна и скучна, и смѣшна и печальна, а иногда, — не погнѣвайтесь, — не только вовсе не утѣшительна, но даже гадка и возмущаетъ душу. Можетъ-быть, я ошибаюсь; но мнѣ кажется, что эта глава будетъ менѣе утомительна, если я дамъ ей форму совершенно драматическую. *А посему*, прерывая мой разказъ, прошу почтенныхъ читателей превратиться въ почтеннѣйшихъ зрителей, и вообразить, что передъ ними театральнѣй помость, на которомъ происходитъ *нижеслѣдующее* :

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Довольно опрятная комната, оклеенная зелеными обоями. По стѣнамъ висятъ эстампы въ почернѣвшихъ золоченыхъ рамкахъ, шпага безъ темляка и шляпа съ бѣлымъ плюмажемъ. Между двухъ оконъ, покрытый краснымъ сукномъ столъ, заваленный бумагами. Въ одномъ углу нѣсколько полокъ съ толстыми книгами. Передъ столомъ широкія кресла, обтянутыя черной кожей, которая прибита по краямъ: кругомъ гвозди съ мѣдными головками. На креслахъ сидитъ Алексѣй Андреевичъ Зоринъ, въ Бухарскомъ халатѣ, тафтяномъ зеленомъ наглазникѣ, и красныхъ, шитыхъ золотомъ, сапожкахъ. Подлѣ него съ бумагами стоитъ секретарь.

зорниъ (подписавъ одну бумагу).

Ну что, Андрей Пахомычъ, что говорятъ присутствующіе о дѣлѣ Анны Степановны Слуквиной? Вѣдь оно на будущей недѣлѣ пойдетъ въ докладъ.

СЕКРЕТАРЬ.

Да что, ваше высокородіе! Совѣтникъ все-еще ломается. Ни какихъ резоновъ не припимаетъ! А когда я сталъ ему докладывать, что, въ силу сепаратнаго указа, тысяча семьсотъ восемьдесятъ перваго года, можно дать резолюцію въ пользу челобитчицы, вдовы, статской совѣтницы Слуквиной, такъ онъ наговорилъ мнѣ столько, что и сказать нельзя: и новыя, дикія, указы уничтожаютъ силу предъидущихъ, и случайное - де измѣненіе закона, сдѣланное не въ примѣръ другимъ и въ пользу одной особы, не можетъ служить основаніемъ для судейскаго приговора, и то, и сѣ. Вотъ я-было намъкнулъ ему, что штрафа бояться нечего, — во-первыхъ потому, что палата во всякомъ случаѣ можетъ отозваться, что судила по крайнему своему разумію, — а во-вторыхъ потому, что всякое денежное взыскаііе будетъ обезпечено со стороны просительницы: но лишь-только я это вымолвилъ, какъ онъ закричитъ, Господи, Боже мой! Вѣрите ли, ваше высокородіе?.... не зналъ, куда дѣваться.

зорниъ.

Чудакъ!..... Хорошо, хорошо. Я съ нимъ самъ объ этомъ поговорю. (*Дверь изъ лакейской потихомку растворяется*). Кто тамъ?

СЕКРЕТАРЬ.

Андрюшка сапожникъ.

АНДРЮШКА (въ сивемъ сюртукѣ и кожаномъ фартукѣ. Въ одной рукѣ шило, въ другой сапожное голенище).

Николай Ивановичъ Холминъ.

зорниъ.

Проси. А ты, братецъ, Андрей Пахомычъ, подожди покаместъ въ столовой. Быть-можетъ у насъ завяжется серьезный разговоръ. Вѣдь онъ крестный отецъ Варвары Николаевны.

(Секретарь кланяется, и выходитъ въ боковыя двери).

ХОЛМИНЪ (входя въ комнату).

Здравствуйте, Алексѣй Андреевичъ!

зоринъ (идя къ нему на встречу).

А, почтеннѣйшій! Добро пожаловать! Какими судьбами?...
Прошу покорно! (*подвигаетъ стулъ*).

холминъ (садясь).

Давно хотѣлось съ вами повидаться. Ну что? Какъживаете?

зоринъ.

Плохо, батюшка, Николай Ивановичъ, плохо! Когда хозяйки нѣтъ въ домѣ, такъ какое житье.

холминъ.

Хозяйки нѣтъ, — такъ что жъ? Вы, Алексѣй Андреевичъ, не въ такихъ еще годахъ, чтобъ вамъ оставаться вдовцомъ. Я думаю, вамъ и пятидесяти нѣтъ.

зоринъ.

Да; съ небольшимъ.

холминъ.

Такъ зачѣмъ же дѣло стало? Неужли за невѣстою?

зоринъ (улыбаясь).

Невѣста быть-можетъ найдется.....

холминъ.

Вотъ что? Поздравляю! А кто, если смѣю спросить?

зоринъ.

Полноте, почтеннѣйшій! Полноте подшучивать! Чай, вы давнымъ-давно знаете.

холминъ.

Право нѣтъ.

зоринъ.

Да перестаньте! Какъ вамъ не зпать? Вы у нихъ чело-вѣкъ свой.

холминъ.

У кого, Алексѣй Андреевичъ?

зоринъ.

Да хоть у Анны Степановны.

холминъ.

Слукпной? Такъ вы на ней хотите жениться?....

зоринъ.

И, нѣтъ батюшка! Анна Степановна ни за кого не пойдетъ замужъ. Да и на что ей? Вотъ дѣло другое — дѣвица безродная, безъ отца, безъ матери.....

холминъ.

Какъ! Такъ дѣло-то идетъ о моей крестной дочери?

Зоринъ.

Что жъ вы этому такъ удивились, Николай Ивановичъ? Конечно, мы съ ней не ровни.....

Холминъ.

И, что вы? Не о лѣтахъ рѣчь. По мнѣ, чѣмъ старше мужъ, тѣмъ лучше. Да и чего ждать путнаго, если бѣ такой ребенокъ, какъ Варинька, вышла замужъ за какого-нибудь мальчишку!

Зоринъ.

Конечно, конечно!

Холминъ.

Когда дѣвушка по сиротству, или какой ни есть другой причинѣ, выходитъ прежде двадцати лѣтъ замужъ, такъ ей надобенъ мужъ не вѣтрогонъ, не слѣтокъ какой-нибудь, а человекъ зрѣлыхъ лѣтъ, опытный и благоразумный.

Зоринъ.

Совершенная правда.

Холминъ.

Хороши мужъ и жена, которые оба еще въ куклы играютъ! Вѣдь страсть — пустое дѣло, Алексѣй Андреевичъ. И къ молодому и къ старому мужу приглядишься. Любовь пройдетъ, а дружба и уваженіе остаются.

Зоринъ.

Правда, истинная правда!

Холминъ.

Нѣтъ, батюшка, я знаю, какой мужъ ей надобенъ. Человекъ умный (*Зоринъ кланяется*), солидный, (*Зоринъ кланяется*); который не станетъ учиться, а другихъ можетъ поучить, какъ домъ вести (*Зоринъ кланяется*); который съ приданаго не промотаетъ, да и своего имѣнья не проживетъ (*Зоринъ усмыляется*); по милости котораго жена будетъ занимать не послѣднее мѣсто въ губерніи (*Зоринъ бросаетъ довольный взглядъ на свою шляпу съ большимъ плюмажемъ*); который могъ бы въ одно и то же время быть ея супругомъ и наставникомъ. Однимъ словомъ, такой мужъ какъ вы, Алексѣй Андреевичъ!

Зоринъ. (*кланяясь и пожимая руку у Холмина*).

Помилюйте!.... Мнѣ право совѣстно! Такъ вы не прочь отъ этого?

ХОЛМИНЪ.

Кто? я? Да если бы это отъ меня зависѣло, такъ я и думать бы не сталъ; но вы знаете, что ея мачиха.....

ЗОРИНЪ. (улыбаясь)

Съ ней-то мы какъ-нибудь поладимъ.

ХОЛМИНЪ.

Право? А что, развѣ ужъ объ этомъ рѣчь была?

ЗОРИНЪ.

Какъ же! Сначала мы говорили все обнянками, да намѣки другъ другу дѣлали; а третьяго дня я просто, напрямки сказалъ.

ХОЛМИНЪ.

Ну, что жъ она?

ЗОРИНЪ.

Почти слово дала; только просила пообождать и до-времени не говорить никому.

ХОЛМИНЪ.

Вотъ что? Ай-да Анна Степановна!.... Ну!!!

ЗОРИНЪ.

А что такое?

ХОЛМИНЪ.

Такъ, ничего! Что мнѣ въ эти сплетни мѣшаться! Когда они отъ меня секретничаютъ, да не хотятъ со мною посоветоваться, такъ мое дѣло сторона.

ЗОРИНЪ.

Да что жъ вы такое знаете?

ХОЛМИНЪ.

Что я знаю?.... (Помолчавъ нѣсколько времени) Послушайте, Алексѣй Андреевичъ. Мнѣ васъ учить нечего, а на вашемъ мѣствѣ я зналъ бы, какъ поступить. Вся эти секреты да отсрочки ни къ чему не ведутъ. Я настоятельно бы сталъ требовать помолвки, да не по-домашнему, а публично, торжественно, чтобъ весь городъ зналъ, что вы женитесь на Варинькѣ. И мальчишкѣ лѣтъ въ двадцать о-статься съ носомъ вовсе не забавно: а какъ нашему брату, пожилому человеку, забрѣютъ затылокъ, такъ при-знаюсь!....

ЗОРИНЪ.

Забрѣютъ затылокъ?.... Такъ вы полагаете, что Анна Степановна изволить надо мной потѣшаться?

ХОЛМИНЬ.

Я не говорю этого. И как подумаешь, так на что-бы, кажется, ей вась обманывать?... Э! да ведь у ней есть тяжебное дѣло, и если оно должно скоро рѣшиться....

ЗОРИНЬ.

Ну, нѣтъ еще! Очередь не за нимъ. А позвольте вась спросить: развѣ у ней есть еще какіе-нибудь женишки на примѣть?

ХОЛМИНЬ.

Женихъ? Да въ нашемъ городѣ, кажется, жениховъ довольно. Вотъ хоть Иванъ Степановичъ Вельской.

ЗОРИНЬ.

Э, э, э! губернаторской племянникъ!

ХОЛМИНЬ.

Да этого также обракують. (*Поглядѣвъ вожругъ себя, и въ полголоса*) А развѣ князь Владиміръ Ивасовичъ.....

ЗОРИНЬ.

О, о! Вотъ что? Такъ и онъ также сватается за Варвару Николаевну.

ХОЛМСКОЙ (значительно улыбаясь).

Не знаю!

ЗОРИНЬ.

Ну, если такъ, то позвольте, Николай Ивановичъ..... И подлинно, это дѣло надо привести въ ясность.

ХОЛМИНЬ.

Однако жъ, смотрите, не выдавайте меня.

ЗОРИНЬ.

Не безпокойтесь.

ХОЛМИНЬ.

Ну то-то же! Пожалуйста, чтобъ это осталось между нами.

ЗОРИНЬ.

Да ужъ будьте увѣрены! Тутъ и умерло.

ХОЛМИНЬ.

Правду сказать, мнѣ бы вовсе не слѣдъ мѣшаться въ эти смелги. Да и что мнѣ въ голову пришло? Вотъ то-то и есть: языкъ мой — врагъ мой! (*Вставая*) Ну добро, прощайте, Алексѣй Андреевичъ. Да смотрите же!

ЗОРИНЬ.

Не бойтесь! Мы люди присяжные, молчать умѣемъ. Да что жъ вы такъ изволите торопиться? Не угодно ли закусьте чего-нибудь?

Т. X. — Отд. I.

4

ХОЛМИНЪ.

Нѣтъ, я никогда не завтракаю.

ЗОРИНЪ.

Не прикажите ли Донскаго?... Рюмочку мадеры?

ХОЛМИНЪ. (уходя):

Покорнѣйше васъ благодарю.

ЗОРИНЪ (проводивъ его до дверей передней).

Гмъ! гмъ! такъ вы, матушка, Анна Степановна, финтить со мной изволите?... Нѣтъ, моя благодѣтельница! Прошу не прогнѣваться, мы васъ выведемъ на чистую воду: а покамѣстъ.... (подходитъ къ дверямъ) Андрей Пахомачъ! Пожалуй сюда! (Секретарь въ ходитъ). Такъ ты говоришь, что совѣтникъ никакъ не соглашается съ твоимъ мнѣніемъ?

СЕКРЕТАРЬ.

Касательно дѣла госпожи Слуквиной?

ЗОРИНЪ.

Да.

СЕКРЕТАРЬ.

И слышать не хочетъ.

ЗОРИНЪ.

А что, любезный,—какъ ты думаешь, — вѣдь оно въ самомъ дѣлѣ....

СЕКРЕТАРЬ.

Что грѣхъ таятъ! Плоховато, ваше высокородіе.

ЗОРИНЪ.

То-то и есть! Не худо бы его еще разоукъ, другой, прочесть со вниманіемъ. Да время-то коротко: вѣдь мы слушаемъ его на будущей недѣлѣ?

СЕКРЕТАРЬ.

Можно и поотложить.

ЗОРИНЪ.

Нѣтъ ли справокъ какихъ?

СЕКРЕТАРЬ.

Какъ не быть! И если вы прикажете.....

ЗОРИНЪ.

Да, да! Не мѣшаетъ. Ступайка, любезный, да похлопочи объ этомъ.

СЕКРЕТАРЬ.

Слушаю-съ. (Кланяется и уходитъ).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Роскошный кабинетъ, отдѣланный въ готическомъ вкусѣ. Онъ освѣщается двумя окнами: одно изъ нихъ съ узорчатыми рамами, въ которыя вставлены разноцвѣтныя стекла. Полъ обитъ цѣльнымъ ковромъ. На длинномъ столѣ съ витыми ножками множество бронзовыхъ вещей; коллекція обдѣланныхъ въ золото и перламутръ щеточекъ, гребешечковъ, лорнетовъ и трубочекъ; полный приборъ инструментовъ для чистенія и подстриганія ногтей, и нѣсколько чернилицъ, безъ чернилъ, готическихъ, Китайскихъ, фантастическихъ, изъ бронзы, хрустала, фарфора. Стѣны оклеены Французскими насыщенными обоями. Вмѣсто картинъ и эстамповъ, вѣшанные въ четырехугольныя дощечки изъ чернаго дерева, миниатюрные портреты мамзель Марсъ, Тальони, Зонтагъ, Г-жи Пасты и многихъ другихъ знаменитыхъ артистовъ. Въ одномъ углу этажерка съ дюжиною альбомовъ, кипсековъ и альманаховъ, въ тисненыхъ, сафьянныхъ и бархатныхъ, переплетахъ; въ другомъ, на мраморной колоннѣ, ваза изъ прозрачнаго алебастра, и прочая, и прочая. Иванъ Степановичъ Вельской почти лежитъ въ широкихъ, украшенныхъ рѣзьбою креслахъ; на немъ, сверхъ фланелевой фуфайки, надѣтъ халатъ изъ терно. Противъ него, на стулѣ съ высокой готической спинкою, сидитъ Холминъ.

ВЕЛЬСКОЙ (звѣая).

Извините! я не смѣлъ васъ не принять.... Но если бъ вы знали, какъ я измученъ! (Звѣаетъ.) Вчера я имѣлъ дурачество съѣсть послѣ ужина по пятидесяти рублей въ каску съ этимъ несноснымъ Волгинымъ. Ахъ, какой злодѣй!.... полчаса думаетъ, полчаса держится за карту, двадцать разъ ее мѣняетъ. Повѣрите ли, мы кончили нашу партію безъ свѣчей!

ХОЛМИНЪ.

А что вы сдѣлали?

ВЕЛЬСКОЙ.

Проигралъ.

ХОЛМИНЪ.

Немного?

ВЕЛЬСКОЙ.

Такъ, бездѣлицу! (Звѣаетъ.) Рублей триста, или четыреста, — не помню.

ХОЛМИНЪ.

Вы, кажется, всегда проигрываете?

ВЕЛЬСКОЙ.

Почти.

ХОЛМИНЪ.

Такъ зачѣмъ вы играете?

ВЕЛЬСКОЙ.

Для того, чтобъ какъ-нибудь убить время. Мнѣ надобно было прѣхать сюда, чтобъ устроить мое имѣнье, и вотъ ужъ я два года занимаюсь хозяйствомъ. Это очень забавно, не спорю. Когда я до обѣда порядкомъ пошумлю съ моими прикащиками, одного похвалю, другаго побраню; выгоню ихъ наконецъ изъ моего кабинета, отобѣдаю, отдохну, — вотъ, кажется, и день прошелъ, слава Богу! — а съ вечеромъ-то что прикажите мнѣ дѣлать? Неужли ѣхать въ здѣшній театръ, который, хоть мнѣ это казалось и невозможнымъ, право еще хуже Московскаго.

ХОЛМИНЪ. (улыбаясь).

Нѣтъ, шутите!

ВЕЛЬСКОЙ.

Въ самомъ дѣлѣ. Виновать! здѣсь иногда въ трагедіи я смѣюсь, а тамъ... о Боже мой! Но въ Москвѣ есть Французскій спектакль, въ Москвѣ есть даже общество: а здѣсь если васъ не посадятъ за карты, такъ смѣю спросить, какъ вы проведете вашъ вечеръ? Говорить! — О чемъ? съ кѣмъ?... Съ Хопровой, — что ея горничная дѣвка свела любовную связь съ вице-губернаторскимъ лакеемъ? Съ Елецкимъ, — что у него взбѣялся полвопъгой кобель и перекусалъ всю стаю? Съ губернскимъ докторомъ фонъ-Раухомъ, — что онъ дѣлаетъ, изъ собственнаго своего табаку, отличный кнастеръ? Съ Вельдюзевой, — что у ней сманили третью мадамъ?... Конечно, все это имѣетъ свою забавную сторону въ первые три дни: но два года!!.... Нѣтъ, Николай Ивановичъ, холостому челоуѣку, который ищетъ разсыанія въ обществѣ, не возможно жить въ провинціи; а если ему придется по своимъ обстоятельствамъ заживо схоронить себя въ какомъ-нибудь губернскомъ городѣ, то онъ долженъ непременно...

ХОЛМИНЪ.

Жениться, не правда ли?

ВЕЛЬСКОЙ

Разумвется. Расчетъ самый вѣрный: съ хорошей женою ему будетъ весело и дома; съ-дурной онъ станетъ безпретанно ссориться: следовательно во всякомъ случаѣ не у-

мреть отъ этой проклятой муки (*звѣаетъ*), которая душитъ меня съ утра до вечера.

ХОЛМИНЬ.

Такъ что жъ, Иванъ Степановичъ! лекарство у васъ, кажется, подъ руками.

ВЕЛЬСКОЙ (значительно улыбаясь).

Вы думаете?

ХОЛМИНЬ.

Да мало ли у насъ невѣсть? Вотъ напримѣръ, Катерина Федоровна Радугина: восемнадцати лѣтъ, собой не дурна, состояніе хорошее, воспитана....

ВЕЛЬСКОЙ (прерывая).

Прекрасно! Двухъ словъ не умѣетъ сказать сряду, и одѣвается какъ прачка. Помилуйте! Да ее стыдно будетъ въ люди показать.

ХОЛМИНЬ.

Я думаю, вы не скажете этого о Катинькѣ Лидиной. Она воспитана въ Смольномъ Монастырѣ, ловка, мила, собою прелесть....

ВЕЛЬСКОЙ.

То есть, молода. Впрочемъ, конечно она довольно *презентабельна*, и если бъ я что-нибудь къ ней чувствовалъ, такъ ужъ вѣрно бы не остановился затѣмъ, что у нее ничего нѣтъ. Я не хлопочу о богатствѣ, однако жъ....

ХОЛМИНЬ.

Понимаю. Такъ вамъ бы жениться на единственной дочери перваго виннаго заводчика нашей губерніи, у котораго, какъ говорятъ, есть лежащихъ до полумиліона. Конечно, Степанида Алексѣевна Салковская, не красавица....

ВЕЛЬСКОЙ.

Салковская! Что вы, что вы? Да развѣ мой домъ кунсткамера? Салковская? Побойтесь Бога! Да ее можно возить по ярмаркамъ, чтобъ за деньги показывать.

ХОЛМИНЬ.

Ну вотъ то-то и есть: на васъ не угодишь.

ВЕЛЬСКОЙ.

Да вы Богъ-знаетъ кого называете.

ХОЛМИНЬ.

Какъ, Богъ-знаетъ? Я назвалъ вамъ первыхъ здѣшнихъ невѣсть.

вельской.

А для чего же вы ни слова не говорите о вашей крестнице?

холминь.

О Варинькѣ?

вельской.

Да; о Варварѣ Николаевнѣ.

холминь.

Для того, что по моему мнѣнію, одна и та же дѣвушка не можетъ быть въ одно и то же время невѣстою двухъ жениховъ.

вельской.

Двухъ жениховъ! Что вы хотите сказать?

холминь.

Не погнѣвайтесь! Это еще покаместъ семейная тайна. По настоящему, мнѣ бы не должно было и намѣкать объ этомъ.

вельской.

Ахъ, сдѣлайте милость!....

холминь.

Послушайте, Иванъ Степановичъ. Я могу вамъ сказать только одно, и то подъ большимъ секретомъ: не сватайтесь за мою крестницу, — она почти помолвлена.

вельской.

За кого?

холминь.

Извините, этого я не могу вамъ сказать.

вельской.

Вы меня удивляете! Третьяго дня тетюшка говорила обо мнѣ съ Анной Степановной, и она не только не отказала, но даже подала ей большую надежду.

холминь.

Что вы говорите?

вельской.

Увѣрю васъ.

холминь.

Ну, это не хорошо, очень не хорошо! Эхъ, Анна Степановна! Вѣчно надѣляетъ глупостей.

вельской.

Такъ поэтому вы увѣрены.....

ХОЛМНЪ.

Теперь и самъ не знаю, что подумать, — кого она дурачить, меня или васъ?

ВЕЛЬСКОЙ (невольно приподымаясь съ кресель.)

Меня!.... Да нѣтъ, это невозможно! (*Садится опять*).

ХОЛМНЪ.

Со мною, кажется, ей хитрить нечего, — такъ воля ваша! А мнѣ, кажется, она дурачить васъ.

ВЕЛЬСКОЙ (съ принятной досадою.)

Меня? Oh, ceci est trop fort! Я не люблю, чтобъ меня дурачили женщины, и помоложе Анны Степановны. Впрочемъ, я во всякомъ случаѣ благодаренъ, что вы мнѣ это сказали. Теперь я знаю, какъ мнѣ должно поступить.

ХОЛМНЪ.

Постойте, постойте! Что вы хотите дѣлать?

ВЕЛЬСКОЙ.

Не беспокойтесь, я васъ не скомпрометирую; но сегодня же эта статская совѣтница скажетъ мнѣ рѣшительно, принимаетъ ли она мое предложеніе, или нѣтъ. Я знаю, что замужство Варвары Николаевны зависитъ отъ ея воли; но если она для того, чтобъ продолжать грабить свою падчерицу, будетъ подъ разными предлогами отъѣзжаться отъ рѣшительнаго отзыва, то дядя мой, какъ начальникъ губерніи, и безъ-сомнѣнія нашъ предводитель дворянства, вступятся въ положеніе этой несчастной сироты, тѣмъ болѣе, что исканія мои, какъ видно по всему, не противны Варварѣ Николаевнѣ.

ХОЛМНЪ.

Въ самомъ дѣлѣ?

ВЕЛЬСКОЙ.

А вотъ послушайте. Недѣли три тому назадъ, мой дядя давалъ балъ; я пріѣхалъ поздно, потому что долженъ былъ завернуть къ Александру Михайловичу Тонскому, — вотъ къ этому гусарскому офицеру, — вы, кажется, съ нимъ знакомы?

ХОЛМНЪ.

Да! Немножко.

ВЕЛЬСКОЙ.

Онъ также приглашенъ былъ на балъ, и просилъ меня захватить за нимъ въ моей каретѣ. Тетушка рассказала мнѣ послѣ все. До моего пріѣзда на балъ ваша крестница была

печальна, задумчива, разсыльна, безпрестанно смотрѣла на двери, и какъ-будто кого-то дожидалась; но лишь только я показался на балѣ, она въ ту же самую минуту стала весела, разговорчива, — словомъ совершенно переродилась. Ну что вы на это скажете?

ХОЛМИНЪ.

Да; это не даромъ.

ВЕЛЬСКОЙ.

Въ прошлую субботу, на *déjeuner-dansant* у княгини Ландышевой, когда въ котильонѣ къ ней подводили два раза меня и Тонскаго, — то какъ вы думаете, кого она каждый разъ выбирала?..... Да не забудьте, что это было въ глазахъ ея мачихи; не забудьте также, что Тонской танцуетъ лучше меня, и, какъ кажется, старается очень съ ней любезничать. Меня, Николай Ивановичъ! Оба раза меня! Смѣю спросить, что это значитъ?

ХОЛМИНЪ.

О, это явное предпочтеніе!

ВЕЛЬСКОЙ.

Когда я сталъ въ первый разъ говорить ей о любви моей, такъ она поблѣднѣла, и до того смѣшалась, что не могла отвѣчать ни слова. Конечно, не всякой постигнетъ настоящую причину этого испуга; но тотъ, кто имѣетъ нѣкоторый опытъ, кто успѣлъ уже разгадать женское сердце, — тотъ безъ труда пойметъ, что значитъ такая необычайная робость.

ХОЛМИНЪ.

Ну, Иванъ Степановичъ, исполать вамъ! Да я вижу, вы настоящій профессоръ въ этомъ дѣлѣ.

ВЕЛЬСКОЙ (улыбаясь.)

Опытъ, Николай Ивановичъ, опытъ! Женщины имѣли всегда такое сильное вліяніе на судьбу мою! Въ жизни моей было столько необычайныхъ случаевъ, что я..... Да вы вѣрно знаете Французскую пословицу — *à force de forger....*

ХОЛМИНЪ.

Какъ не знать! Однако жъ я съ вами черезчуръ заговорился: мнѣ еще надобно кой-куда зайти, а ужъ теперь, я думаю, часъ первый?

ВЕЛЬСКОЙ.

Едвали. Да постоитъ, выпейте со мною чашку шоколаду.

ХОЛМНЯЪ.

Я его никогда не пью. (*Вставая.*) Прощайте. Только съѣзжайте милость! Если у васъ дойдетъ до какого-нибудь изъясненія съ Анной Степановной, такъ прошу васъ, чтобы я былъ совершенно въ сторонѣ.

в е л ь с к о й (*провожая его нѣсколько шаговъ.*)

Не беспокойтесь. Я коммерчей не люблю, а особливо съ тѣхъ поръ, какъ живу въ провинціи. Все то, что сличкомъ обыкновенно, становится скучнымъ. Прощайте. До свиданія.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Обширная комната. Кругомъ большіе шкафы съ книгами. Въ одномъ углу на столѣ модели разныхъ машинъ, воздушный насосъ и полный гальванической приборъ; въ другомъ, коллекціи медалей и образки разныхъ минераловъ. По стѣнамъ развѣшены эстампы, гравированные съ картинъ Вермея, и портреты Лафаета, Манюэля, Виктора Гюго, Мирабо, Байрона и леди Морганъ. Всѣ шкафы и этажерки уставлены бюстами Вольтера, Руссо, Дидерота и другихъ философовъ прошедшаго столѣтія. Вездѣ, на окнахъ, въ простѣнкахъ, на столахъ, бюсты и статуи Наполеона, большіе, маленькіе бронзовые, фарфоровые, изъ слоновой кости, во всѣхъ возможныхъ видахъ и положеніяхъ. Посреди комнаты огромный столъ; на столѣ ящикъ съ сигарами, переплетенные въ юбку фолианты, одинъ томъ Conversations-Lexicon'a, романы Жюль-Жанена, Евгенія-Сю, и Жоржа-Завда; Journal des Débats и Revue de deux mondes. Подъ столомъ нѣсколько листовъ Франкфуртскаго Журнала и цѣлыя кипы Русскихъ періодическихъ изданій. Къ ножкамъ стола привязанъ веревкою оборванный мальчикъ лѣтъ двѣнадцати. Князь Верхогладовъ сидитъ въ откидныхъ волтеровскихъ креслахъ. Онъ держитъ въ одной рукѣ исписанный листъ бумаги, а въ другой толстый дысьтъ. Холмянъ стоитъ въ дверяхъ кабинета.

к н я з ь, (*незамѣчая Холмяна, и обращаясь къ мальчику.*)

Глупое созданіе! Грубая порода! Ничего не помнить! ничего не понимаетъ! Да я вклучу въ тебя просвѣщенныя понятія! Мало ли я, дуракъ, толковалъ тебѣ объ этомъ?.... Ну, чѣмъ человекъ отличается отъ медвѣдя?

м а л ь ч и к ь, (*привязанный къ ножкамъ стола.*)

Человекъ отличается отъ медвѣдя образованностью.

К н я з ь.

Слѣдовательно, первая обязанность всякаго человека.....

МАЛЬЧИКЪ.

Первая обязанность всякаго человѣка.....

КНЯЗЬ.

Быть кроткимъ и человѣколюбивымъ..... Ну!

МАЛЬЧИКЪ (переминиваясь).

И не поступать, какъ..... не поступать, какъ.....

КНЯЗЬ (бьетъ его хлыстомъ).

И поступать съ другими кротко.....и сердобольно!

МАЛЬЧИКЪ (кричитъ и плачетъ).

Ай, ай!..... Кротко и сердобо-бо-больно..... больно..... больно.

ХОЛМИНЬ.

Что это вы князь, Владиміръ Ивановичъ, какую науку преподаете?

КНЯЗЬ (вставая).

Ахъ, это вы, Николай Ивановичъ!

ХОЛМИНЬ.

Извините, что я вошелъ къ вамъ безъ доклада: въ лакейской никого нѣтъ.

КНЯЗЬ.

Какъ никого? Возможно ли! (*Бьжитъ къ дверямъ, и вдругъ останавливается*) Да, да! совсѣмъ забылъ. Вы знаете, что я либераль, Европейецъ; что я ненавижу эту Азіатскую роскошь, и никогда не держу болѣе четырехъ слугъ: вчера я долженъ былъ двухъ прогнать въ деревню....

ХОЛМИНЬ.

А третьяго я сей часъ повстрѣчалъ: онъ, кажется, ведетъ четвертаго въкабакъ, чтобъ утѣшить его въ горѣ послѣ острастки.

КНЯЗЬ.

Негодяй!..... Закоренчылый невѣжда! Какъ вы думаете?— онъ не только не хотѣлъ мнѣ вѣрить; но даже осмѣлился спорить со мною, когда я сталъ ему толковать, что у насъ нѣтъ еще ни одной книги..... (*Отвязываетъ мальчика*). Пошелъ въ лакейскую!..... Да если ты выдешь за ворота!.... (*Мальчикъ уходитъ*).! Прошу покорно садиться. Ну что, не слышали ли чегонибудь новаго? Правда ли, что въ Петербургъ входятъ въ большое употребленіе Артезіанскіе колодцы?

ХОЛМИНЬ.

Нѣтъ, не слыхалъ. Да для чего бы это?

князь.

Какой вопрос! Помилуйте, Николай Ивановичъ, да будемъ ли мы когда-нибудь Европейцами?

холминый (улыбаясь).

А развѣ Европейецъ непременно долженъ пить воду изъ Артезіанскаго колодца?

князь.

О святая Русь!.... Да неужели вы не постигаете, что отвергать все улучшенія, держаться во всемъ старины, стоять на одномъ мѣстѣ, когда вся Европа движется впередъ, есть самый вѣрный признакъ непросвѣщенія.

холминый.

Нѣтъ, князь, я постигаю, что хорошее перенимать во все не стыдно; да только вотъ бѣда,—не все хорошее равно хорошо для всѣхъ. Перенимать, не думая о томъ, полезна ли будетъ эта новость собственно для насъ; передразнивать иностранцевъ только для того, чтобъ сказать — «Я иду за вѣкомъ, я Европейецъ!», воля ваша, а это по мнѣ просто пускать пыль въ глаза и увлекаться одними фразами, громкими словами, которыя конечно имѣютъ свою цѣну послѣ сытнаго обеда и рюмки шампанскаго, но которыя на тощій желудокъ никуда не годятся.

князь.

Да почему жъ вы полагаете, что, хоть напримѣръ, введеніе Артезіанскихъ колодцевъ....

холминый.

Чрезвычайно будетъ полезно въ степныхъ и безводныхъ мѣстахъ, — въ этомъ конечно никто съ вами спорить не станетъ: но въ Петербургъ, гдѣ подчасъ отъ воды не знаютъ куда дѣваться, смѣю васъ спросить, какую пользу принесутъ эти Артезіанскіе колодцы?

князь.

Пользу? пользу? Вы только и думаете о пользѣ! Да знаете ли, сударь, что эти-то меркантильные расчеты и убиваютъ все на свѣтѣ. Прошу говорить о просвѣщеніи, вышнихъ взглядахъ, съ людьми, которые считаютъ копейки!

холминый.

Что жъ дѣлать, князь! Каждый думаетъ по своему. По мнѣ, всякое новое изобрѣтеніе, служащее къ улучшенію

общественнаго быта, тогда только достойно подражанія, когда оно приноситъ дѣйствительную пользу не одному человѣку, не одному и малочисленному классу людей, а цѣлому обществу. Все то, что не облегчаетъ труда рабочихъ людей, не улучшаетъ состоянія простаго народа, не оживляетъ торговли, не уменьшаетъ расходовъ на первыя и необходимыя потребности человѣка, однимъ словомъ что не доставляетъ существенной и общей пользы, едва ли можетъ быть предметомъ безусловнаго подражанія. Я удивляюсь изобрѣтательному гению человѣка, который придумалъ Артезианскіе колодцы, и сталъ бы еще болѣе удивляться тому, кто нашелъ бы способъ извлекать изъ воздуха чистую, рѣчную воду; но вѣрно бы не рѣшился тратить и время и деньги на то, чтобъ для вседневнаго употребленія добывать воду, посредствомъ химическаго процесса, когда могу просто зачерпнуть ее въ рѣкѣ. Вотъ, я очень понимаю всю пользу канала, который устроивается теперь близъ древней нашей столицы, для соединенія Москвы Рѣки съ Волгою: когда барки съ товаромъ не должны будутъ отправляться изъ Москвы въ Нижній, чтобъ попасть въ Петербургъ, такъ тутъ не трудно понять, для чего правительство учреждаетъ это водяное сообщеніе.

князь.

Водяное сообщеніе! И, Николай Ивановичъ, кто въ наше время станетъ заботиться о водяныхъ сообщеніяхъ! Да развѣ вы не знаете, что чугуныя дороги давно уже убили всѣ каналы?

холмины.

Можетъ - быть; но до тѣхъ поръ, пока у насъ нѣтъ еще чугуныя дорогъ.....

князь.

Да что у насъ есть! Степи, лѣса, болота. Намъ еще надобно многому учиться у иностранцевъ, много перенять.... Нѣтъ, Николай Ивановичъ: я совершенно согласенъ съ однимъ изъ нашихъ мыслителей, что мы до тѣхъ поръ не поумнѣемъ, пока не перейдемъ не только обычаевъ, но даже одежды иностранцевъ.

холмины.

Вотъ что! Вѣроятно, князь, это касается до нашего про-

стаго народа, потому что мы съ вами давно уже носимъ фраки. А что вы думаете? въ самомъ дѣлѣ, нашъ Русской мужичекъ точно поумнѣетъ, если вмѣсто своего теплаго овчиннаго тулупа надѣнетъ, А особливо зимою, холодный Нѣмецкой камзолъ или холстинный блузъ Французскаго крестьянина. Хоть, по правдѣ сказать, я не очень вижу, почему нашъ толковый простой народъ глупѣе Французскаго, и когда въ тысяча восемьсотъ четырнадцатомъ году мнѣ удалось побывать во Франціи.....

князь (перерывая съ досадою.)

Да! вы были, но что отъ этого прибыли, когда вы смотрѣли на все сквозь призму этого, — извините! — квантаго патриотизма, котораго душа моя вынести не можетъ. Нѣтъ, почтенный Николай Ивановичъ! вы человекъ умный, не безъ познаній, много читали; но несмотря на это, — признайтесь, — вы очень очень отстали отъ нашего вѣка.

холмины (улыбаясь).

Статься-можетъ, князь. Я человекъ пожилой, бѣгать не мастеръ, да и боюсь: какъ разъ спотыкнешься.

князь.

Мы этого не боимся.

холмины.

И, полноте, князь! Будто-бы вы никогда и ни въ чемъ не ошибались? Несмотря на премудрость, *глубину* и либерализмъ нашего вѣка, мы точно такъ же какъ прежде рабы своихъ собственныхъ страстей: следовательно, ошибаемся, дѣлаемъ глупости, и всегда возстаемъ противъ здраваго смысла, если онъ противорѣчитъ нашему образу мыслей. Въ старину, закоренные невѣжды называли благоразумнаго человека вольнодумцемъ, а нынче его же, и можетъ-быть тѣ же самые люди, назовутъ старовѣромъ, отсталымъ и варваромъ. Нѣтъ, Владиміръ Ивановичъ, люди всегда останутся людьми. Да одна любовь, сколько глупостей заставляетъ насъ дѣлать не только въ молодыхъ лѣтахъ, но въ годахъ зрѣлаго разсудка; и если, князь, вы когда-нибудь любили.....

князь.

Я?.... Если я любилъ!..... И вы это спрашиваете?.. У меня?

ХОЛМИНЬ.

Ого! да вы, кажется, и теперь еще любите.

КНЯЗЬ.

Съ безуміемъ, съ неистовствомъ!

ХОЛМИНЬ.

Ай, ай, ай!

КНЯЗЬ.

Какъ Ромсо любилъ свою Жюльету, какъ Дюмасовъ Антоній, свою..... свою.....

ХОЛМИНЬ.

Неввсту?

КНЯЗЬ.

Нѣтъ. Жену другаго.

ХОЛМИНЬ.

Ахъ, батюшки! Да неужели и вы такъ же?....

КНЯЗЬ (почти съ горемъ.)

О нѣтъ! Она свободна.

ХОЛМИНЬ.

Слава Богу! Да кто жъ эта красавица, которая, какъ видно, къ крайнему вашему прискорбію, можетъ законнымъ образомъ принадлежать вамъ?

КНЯЗЬ.

Она? Это фантастическое созданіе пламеннаго юга! Это полувоздушная Пери? Эта Сильфида?.... О, какъ она прекрасна! Какое блаженство льется изъ подъ ея сладострастно опущенныхъ рѣсницъ! Она.... Да неужели вы не отгадали, о комъ я говорю?

ХОЛМИНЬ.

Нѣтъ, князь. Это пѣитическое описаніе вовсе меня съ толку сбilo.

КНЯЗЬ.

Виновать! Я позабылъ, что вашъ идеалъ красоты не можетъ быть сходенъ съ моимъ. Вы любите Русскую красоту. По вашему была бы только была да дородна, да румянецъ во всю щеку. А такъ какъ ваша крестная дочь блвдна и худощава.....

ХОЛМИНЬ.

А, такъ вы это говорите о Варинькѣ?

КНЯЗЬ.

Да о комъ же, Николай Ивановичъ? Кого могъ бы я назвать Сильфидою?

х о л м и н ь.

Вотъ что. Вероятно, и вы, князь, ей такъ же нравитесь?
князь.

О, мы давно уже понимаемъ другъ друга. Съ мѣсяцъ тому назадъ, я прѣехалъ поутру къ Аннѣ Степановнѣ; въ гостиной никого не было; но на столѣ лежало рукодѣлье и бѣлый платокъ, онъ былъ смоченъ, — вымытъ слезами.

«Этотъ платокъ былъ ея!»

«Я невольно прижалъ его къ груди, и чувство сладостное и горькое, чувство вовсе дотога мнѣ не знакомое, какъ дикой звѣрь впилося въ мое сердце. О, сколько поэзіи было въ этомъ брошенномъ платкѣ!»

«Этотъ платокъ былъ цѣлая поэма.»

Она вошла въ гостиную, наши взоры встрѣтились, — и все было копчено.

х о л м и н ь.

Такъ вы даже и не говорили съ ней объ этомъ?

князь.

Нѣтъ! Одинъ взглядъ сказалъ мнѣ все: я прочелъ въ немъ и настоящій адъ ея положенія, и будущій рай моего блаженства. Мнѣ нужно было только переговорить съ ея маичихою. Тутъ земный языкъ былъ необходимъ: мы съ ней поладили и можетъ-быть недѣли черезъ двѣ вы поздравите меня женихомъ.

х о л м и н ь.

Отъ всего сердца. Но зачѣмъ же черезъ двѣ недѣли? Зачѣмъ нѣ прежде?

князь.

Вотъ ужъ объ этомъ меня не спрашивайте. Анна Степановна никакъ не хотѣла согласиться на мои просьбы, и даже требовала, чтобъ я отъ всѣхъ скрывалъ это какъ государственную тайну.

х о л м и н ь (значительнымъ голосомъ.)

Право? Послушайте, князь, дѣлайте, что хотите, но по моему чѣмъ скорѣе будетъ вашъ сговоръ съ Варинькою, тѣмъ лучше.

князь.

Вы думаете?

х о л м и н ь.

И нѣмю полное право такъ думать. Отвѣчайте откровенно: какъ вы полагаете, — выдавая за васъ свою падчерицу,

что имѣть въ виду Анна Степановна, ея счастье или собственную свою выгоду? Да не церемоньтесь, говорите прямо.

князь.

Ну, если вы хотите, такъ я думаю, что дѣло идетъ вовсе не о счастіи вашей крестной дочери.

холмннѣ.

Вотъ видите! Вы теперь поладили съ Анной Степановной; а если кто-нибудь другой поладитъ съ ней еще болѣе... Вы меня понимаете?

князь.

Понимаю. Но развѣ вы имѣете причины подозревать, что кто-нибудь другой....

холмннѣ.

Я не скажу вамъ ничего. Только совѣтую не соглашаться ни на какую отсрочку. Эй, князь, куйте желѣзо, пока оно горячо! Вы не знаете Анны Степановны: она готова объявить торги, и съ аукціону продать свою падчерицу.

князь.

Что вы говорите?

холмннѣ.

То, что внушаетъ въ меня искреннее желаніе выдать мою крестную дочь за человѣка, который ея достоинъ, и за которыхъ она вѣрно будетъ счастлива.

князь.

Мнѣ чрезвычайно пріятно слышать, Николай Ивановичъ. Я вамъ очень благодаренъ.

холмннѣ.

Не беспокойтесь, князь. Вамъ, право, не за что меня благодарить.

князь.

Такъ вы думаете, что я долженъ....

холмннѣ.

Настоятельно требовать, чтобъ все было рѣшено, и какъ-можно скорѣе. Да оно впрочемъ и натурально. Вы сами говорите, что любите безъ-ума Вариньку, а любовь всегда не терпѣлива. Это знаютъ всѣ. Это даже пойметъ и Анна Степановна: вѣдь всякой изъ насъ любилъ хоть разъ въ своей жизни.

князь.

Любилъ? И полноте! Да знаютъ ли у насъ, что такое любовь? Могутъ ли холодныя сердца, воспитанныя на ква-

сь, понимать это чувство, исполненное жизни и энергій. Взгляните на изображеніе этой неукротимой страсти во всѣхъ произведеніяхъ юной Европейской Словесности, — и если дыханіе не сопрется въ груди вашей, если волосы ваши не станутъ дыбомъ, если вы не постигнете всей прелесть этихъ судорожныхъ восторговъ, этихъ неистовыхъ порывовъ страсти, этой адской пытки и райскаго наслажденія, то, сдѣлайте милость, Николай Ивановичъ, — кушайте на здоровье ваши соленые огурцы, живите двѣ трети года по уши въ спѣгу, заведите, если хотите, хозяйкою: только Бога радя, не говорите ничего о любви!

х о л м и н ъ .

Слушаю, ваше сіятельство! Впрочемъ, если за мои грѣхи Господь Богъ пошлетъ на меня горячку съ пятнами, такъ можетъ-быть тогда....

к н я з ь . (почти съ презрѣніемъ.)

Не будемте говорить объ этомъ! Скажите-ка лучше, увижу ли я васъ сегодня вечеромъ у княгини Ландышевой?

х о л м и н ъ .

Не думаю.

к н я з ь .

Я постараюсь пріѣхать къ ней поранѣе. Вотъ женщина, съ которой еще можно провести безъ скуки нѣсколько часовъ. Не правда ли, что она вовсе не походитъ на нашу Русскую барыню?

х о л м и н ъ (улыбаясь).

А мнѣ, такъ кажется, что очень походитъ. Однако жъ, прощайте, князь: мнѣ пора домой!

к н я з ь . (Провожая его нѣсколько шаговъ)

Очень вамъ благодаренъ. До свиданья!

III.

Начиная эту повѣсть, я, кажется, говорилъ уже моимъ читателямъ, что почти въ каждомъ губернскомъ городѣ дворянское общество раздѣляется на нѣсколько круговъ. Надобно прибавить къ этому, что ни въ одной изъ столицъ этотъ раздѣлъ не наблюдается съ такою строгостью, какъ въ провинціи. Можно было бы срав-

нить эти отдѣльные круги съ Индѣйскими кастами, если бы иногда, въ табельные дни за обѣденнымъ столомъ у губернатора и на балахъ Благороднаго Собранія, не сливались они въ одно общество; но и въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ самый высшій кругъ отличается обыкновенно отъ другихъ и туалетомъ и Французскимъ языкомъ, а болѣе всего тѣмъ свободнымъ обращеніемъ и насмѣшливой улыбкою, которыя, какъ кладъ, не даются деревенскимъ, мелкопомѣстнымъ барышнямъ и дочерямъ ассессоровъ, стряпчихъ и секретарей.

Молодая вдова, княгиня Ландышева, занимала первое мѣсто въ числѣ этихъ блестящихъ созвѣздій городского общества. Домъ ея былъ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ модныхъ дамъ вышняго круга и молодыхъ, фешіонабельныхъ людей всей губерніи. Княгиня Ландышева имѣла весьма хорошее состояніе, наружность пріятную и столько ума, чтобъ съ перваго взгляда не показаться глупою: она знала наизусть множество краснорѣчивыхъ фразъ, въ которыхъ не было здраваго смысла, и все то, чего не понимала, называла «тривіальнымъ»; говорила весьма хорошо по-Французски, не дѣлала никогда *des liaisons dangereuses*, и выговоръ имѣла самый чистый. Но это еще ничего: она два раза ѣздила въ Карлсбадъ, провела цѣлое лѣто въ Дрезденъ и сверхъ того, — о Господи, помилуй насъ грѣшныхъ, — два мѣсяца жила въ Парижѣ! Ожесточеніе, съ которымъ она преслѣдовала все Русское, было бы очень забавно, если бъ она не такъ часто прибѣгала къ этому средству выказывать свое Европейское просвѣщеніе. Впрочемъ, надобно сказать правду, въ этомъ отношеніи ей не чѣмъ было похвастаться передъ своими пріятельницами. Конечно, и наши Московскія барышни, — дай Богъ имъ добраго здоровья, — не упустятъ случая сдѣлать обидное сравненіе между чужимъ и своимъ отечествомъ, но у нихъ бывають иногда минуты милосердія и справедливости: случается, что онѣ похва-

лать отечественнаго художника, прочтуть съ удовольствіемъ Русскую книгу, и даже, къ ужасу своихъ почтенныхъ матушекъ, рѣшатся подчасъ назвать глупцомъ Француза, если онъ точно пошлый дуракъ: но наши провинціальные молодлицы!....

Жестокія созданья!

Онъ не знаютъ состраданья

И душуть сряду всѣхъ.

Небольшой кругъ, котораго главою была княгиня Ландышева, называлъ самъ себя обществомъ людей «высокаго полета», — извините, не умью лучше перевести Французскаго выраженія, — *de la haute volée*. Въ числѣ этихъ высоколетающихъ господъ, разумѣется, первыя мѣста занимали князь Владиміръ Ивановичъ и Вельской, а между дамами отличались особенно высокимъ полетомъ Анна Ивановна Златопольская и Глафира Ѳедоровна Гореглядова. Первая — женщина, лѣтъ тридцати пяти, съ томными глазами, глубокой чувствительностью и огромнымъ носомъ, который, *par grosseur*, называли Греческимъ. Она жила большую часть года въ своемъ городскомъ домѣ, ѣздилъ по баламъ для того, чтобъ поддержать знакомство, давала у себя вечера для своей дочери, которой еще никуда не вывозила, и не мѣшала заниматься хозяйствомъ своему мужу, который жилъ почти безвыездно въ деревнѣ, пахалъ землю, курилъ вино и ѣздилъ съ собаками. Вторая, то есть, Глафира Ѳедоровна Гореглядова, лѣтъ двадцати двухъ, весьма пріятной наружности, ловкая, стройная женщина, которая такъ граціозно присѣдала, входя въ комнату, и такъ мило припрыгивала, когда подходила цѣловаться съ хозяйкою дома, что всѣ дѣвицы и молодья женщины низшаго полета смотрѣли на нее съ какимъ-то благоговѣніемъ, и удивлялись ей со страхомъ и трепетомъ. Старикъ, мужъ ея, человекъ богатый, но скупой и мѣсяцевъ десять въ году прикованный подагрою къ своимъ волтеровскимъ кресламъ,

*

женился на ней ддятого, чтобъ не сидѣть одному дома, а она вышла за него потому, чтобъ разъѣзжать съ утра до вечера по гостямъ. Сначала онъ сердился; потомъ, какъ слѣдуетъ, пересталъ; и, чтобъ не умереть отъ скуки, билъ хлопнушкою мухъ, выводилъ канарѣекъ и игралъ въ марьяжъ съ своимъ дворецкимъ. Весь городъ дивился ихъ согласію, и всѣ называли старика Гореглядова отменно счастливымъ.

Часу въ седьмомъ вечера въ тотъ самый день, въ который поутру Николай Ивановичъ Холминъ сдѣлалъ три визита, описанные въ предъидущей главѣ, княгиня Ландышева, въ ожиданіи гостей, которые и въ провинціи не съѣзжаются прежде девятаго часа на вечеръ, сидѣла въ гостиной съ пріятельницами своими, Златопольской и Гореглядовой. Передъ ними на столѣ лежали двѣ Французскія книги въ синей красивой оберткѣ: это были «Сцены изъ приватной жизни», сочиненіе Г. Бальзака.

— «Сцены изъ приватной жизни!» сказала Гореглядова (разумѣется, по-Французски), перебирая листы перваго тома: это названіе ме много обѣщаетъ.

— Я получила ихъ сегодня, прервала княгиня. Говорятъ, что онѣ очень интересны.

— Но ужъ вѣрно не такъ, какъ романы моего милаго Дарменкура, подхватила Златопольская, закативъ подъ лобъ свои чувствительные глаза.

— И я сомнѣваюсь въ этомъ, сказала княгиня. Кто написалъ Неизвѣстную, Ренегата, Ипсибоэ....

— А Пустынника! вскричала Златопольская: а Пустынника! Fuis, fleuve de la vallée!... О, Дарменкуръ!

— Я читала однако жъ, продолжала княгиня, въ одномъ Русскомъ журналѣ, что этотъ Бальзакъ....

— Ахъ, перестань, ma chère! перервала Златопольская. Что можетъ сравниться съ Дарменкуромъ..... Fuis, fleuve de la vallée!

— Это правда, прибавила Гореглядова. Кто читалъ Ипсибозъ, Регената.....

— И знаетъ наизусть Пустынника, сказала Златопольская, тому не скоро понравится какой-нибудь Бальзакъ. Да онъ же и старый писатель! Я еще ребенкомъ слыхала объ немъ отъ нашего Французскаго учителя. Какая разница мой милый Дарленкуръ.....
Oh, fuis fleuve....

— Ольга Федоровна Зарѣцкая! сказалъ громкимъ голосомъ лакей, отворяя двери гостиной.

— Ольга Федоровна! вскричала княгиня, вставая съ канапе. Такъ она прѣехала изъ Москвы?... — Ахъ, chère amie, какъ я рада, что вы опять съ нами! продолжала она, идя на встрѣчу къ пожилой дамѣ, разодѣтой по послѣдней модѣ, съ преогромными *беретами* на рукавахъ и колоссальнымъ токомъ на головѣ.

Послѣ обыкновенныхъ лобызаній и отрывистыхъ фразъ, которыя, разумѣется, должны всегда выражать искреннюю радость, хозяйка и гости усѣлись вокругъ стола, и между ними начался слѣдующій разговоръ:

Княгиня. Ахъ, ma chère, какіе у васъ чудные рукава! Comme c'est joli!

Зарѣцкая. Да. Это самая послѣдняя мода. Мадамъ Лебуръ поклялась мнѣ, что этимъ фасономъ первое платье дѣлано для меня.

Златопольская. Ахъ, какъ мило!

Гореглядова. Прелесть! А косынка?..... Посмотрите!

Зарѣцкая. Ихъ только что привезли изъ Парижа. Это шамù.

Княгиня. Шамù..... Да, да, знаю! C'est délicieux!

Гореглядова (*тихо Златопольской*). Какъ все это вестро!..... А этотъ токъ! Боже мой, въ пятьдесятъ лѣтъ!..... Elle est d'un ridicule achevé.

Княгиня. Ну что, та сдѣге? вы очень веселились въ Москвѣ?

Зарѣцкая. О, не говорите мнѣ! Я умираю съ тоски.

Княгиня. Неужели?

Зарѣцкая. Ахъ, та сдѣге, что за общество! Что за тонъ! Я вообразить себя не могла, чтобъ въ городѣ, который называется столицею, было такъ мало хорошаго тона. Одни названія улицъ выведутъ всякаго изъ терпѣнія: напримѣръ, я остановилась у моей родственницы, въ собственномъ ея домѣ, — какъ вы думаете, гдѣ? — на Плющихѣ!!!

Златопольская. На Плющихѣ? Dieu, comme c'est vulgaire!

Зарѣцкая. А какъ живутъ, та сдѣге! Вотъ однажды пригласили меня на балъ въ одинъ домъ, помнится, за Москвой-Рѣкой, на Зацѣпѣ....

Горьгладова. На Зацѣпѣ? Боже мой, какія *три-сiальныя* названія!

Княгиня. Согласитесь, что это можетъ быть только у насъ.

Зарѣцкая. И только въ Москвѣ. Вотъ мы ѣхали, ѣхали, какимъ-то огородами, Крымскимъ Бродомъ.... Ужасъ! И что жъ вы думаете нашли на этомъ балѣ?... Хозяйку, которая заговорила съ нами по-Русски, голыя деревянныя стѣны и салныя свѣчи въ запачканныхъ хрустальныхъ люстрахъ.

Княгиня. Нѣтъ, шутите!

Зарѣцкая. Увѣряю васъ. По этому вы можете судить о прочихъ. Я была на публичномъ балѣ только однажды, на Масляницѣ. Зала не дурна: но что за тонъ! что за манеры! Молодые люди ходятъ взадъ и впередъ, никто не обращаетъ на васъ ни какого вниманія, и если вы не хотите сидѣть на скамѣйкѣ, то ужъ конечно не догадаются подать вамъ стула. Я это испытала на себѣ.

Княгиня. А театръ, та сѣге?

Зарѣцкая. Французскій — прелесть; но зато Русскій!..... Вы не можете себя представить!..... Что за актеры, какія названія у этихъ актеровъ! Щепкинъ, Рѣпкинъ. Ну, повѣрите ли, тошно слышать! А какъ играютъ!..... Меня уговорили однажды посмотреть какую-то оперу; кажется, Волшебнаго Стрѣлка. Ну, та сѣге, признаюсь; мнѣ стало стыдно, что я Русская. Но это еще ничего: подлѣ меня въ ложѣ, какой-то господинъ, котораго называли графомъ, началъ говорить съ своими дамами, и хвалить игру актеровъ, декорации, костюмы, словомъ все, и даже увѣрять ихъ, что онъ видѣлъ эту оперу въ Парижѣ, и что она дается тамъ не лучше чѣмъ въ Москвѣ. Какъ вы думаете? Эти дамы, которыя впрочемъ одѣты были не дурно и, казалось, принадлежали къ хорошему обществу, слушали его какъ оракула! Такое невѣжество вывело меня совершенно изъ терпѣнія, и, чтобъ показать этому господину, какъ мнѣ гадко было слушать его наглуую ложѣ, я вскочила, накинула шаль, и тотчасъ уѣхала изъ театра.

Княгиня. Признаюсь, и я на вашемъ мѣстѣ не усидѣла бы спокойно.

Гореглядова. Вы меня удивляете, Ольга Федоровна.

Княгиня. Ахъ, та сѣге, чему тутъ удивляться! Да развѣ прошлаго года не были у насъ прїѣзжіе изъ Москвы? Помнишь этого князя Брянскаго и еще какого-то ученаго? Ну вотъ этихъ, которые.... ха, ха, ха!..... которые преважно объявили, что *вожляируютъ* по Россіи. Они не хотѣли сблизиться съ нашимъ кругомъ, — а съ кѣмъ были знакомы? Съ Волгиными, съ Дубровинымъ, съ Закамскимъ, съ этимъ невѣжою Холминымъ. Помнишь, что они говорили — «Вотъ почтенные люди! Вотъ настоящіе Русскіе дворяне! Вотъ истинно просвѣщенные помѣ-

«щики!» Просвѣщенные! А первый Дубровинъ говоритъ по-Французски, такъ, что безъ смѣха нельзя слышать.

Зарѣцкая. Ну, та сѣге, я въ Москвѣ видѣла двухъ волжеровъ Англичанъ, которые еще хуже Дубровина коверкаютъ несчастный Французской языкъ.

Княгиня. И, та bonne amie! да зато они прекрасно говорятъ по-Англійски.

Зарѣцкая. Да; это правда. Да что это за князь Брянской, та сѣге? Я что-то никогда не слыхала этой фамиліи. Что онъ такое?

Княгиня. Какъ что? Онъ принадлежитъ къ лучшему Московскому обществу, — я это знаю.

Гореглядова. О, если такъ, то кажется, намъ нечего перенимать у Москвы.

Златопольская. Намъ перенимать? Нѣтъ, та сѣге, не мы у Москвы, а Москва должна перенимать у насъ.

Княгиня. Да, да! Не мѣшало бы ей поучиться здѣсь хорошему тону, и спросить у насъ, что значить образованный вкусъ.

Зарѣцкая, (которая между-тѣмъ взяла въ руки одну изъ книгъ). Ахъ, Боже мой! Бальзакъ!

Княгиня. Вы его знаете, та сѣге?

Зарѣцкая. Бальзака? Какой вопросъ! Вся Москва отъ него безъ ума.

Гореглядова. Неужели?

Златопольская. Однако жъ, вѣрно, Дарленкуръ.....

Зарѣцкая. Фи, та сѣге, что вы говорите? Дарленкуръ! Да его ужъ никто не читаетъ, всѣ надъ нимъ смѣются. Но Бальзакъ!..... Ахъ, Бальзакъ!! Въ Москвѣ нѣтъ ни одной порядочной женщины, которая не знала бы его наизусть.

Княгиня. Въ самомъ дѣлѣ?

Зарѣцкая. Да, та chère. Когда на Масляницѣ я была въ Благородномъ Собраніи, кто-то сказалъ, что Бальзакъ въ Москвѣ. Потомъ стали говорить, что онъ въ Собраніи. Боже мой, какъ всѣ дамы засуетились, какая пошла тревога, шумъ, распросы, и одного молодого человѣка, который свиду походилъ на Француза, совсѣмъ было задушили. Къ счастью, онъ заговорилъ по-Русски: это его спасло.

Златопольская. Ахъ, та chère, вы вѣрно дадите мнѣ прочесть эти книги.

Гореглядова. И мнѣ, та bonne amie!

Княгиня. Съ большимъ удовольствіемъ.... когда прочту ихъ сама.

Слуга (*растворяя дверь*). Анна Степановна Слукина!

Княгиня. Ну такъ! всегда первая!.... Какъ она мнѣ надоѣла! (*Идетъ къ ней на встрѣчу*). Вотъ одолжила Анна Степановна! Это по-пріятельски. Чѣмъ ранѣе, тѣмъ лучше..... А, Варвара Николаевна! Bon soir, mon enfant!

Черезъ полчаса въ гостиной княгини Ландышевой играли уже на трехъ столахъ въ вистъ, а въ залѣ музыканты настраивали свои инструменты. Иванъ Степановичъ Вельской и Алексѣй Андреевичъ Зоринъ были налице; но Анна Степановна не взяла карточки, потому что не доставало князя Владиміра Ивановича, чтобъ составить ея всегдашнюю партію. Четвертаго игрока найти было не трудно, да только можетъ-быть онъ не сталъ бы прощать Аннѣ Степановнѣ ренонсы, и не позволилъ бы ей приписывать онѣровъ. Вотъ ужъ въ гостиной стало тѣсно. Вотъ загремѣла музыка и нѣсколько вѣжливыхъ кавалеровъ съ просѣдою *подняли* съ полдюжины почетныхъ дамъ и первыхъ чиновницъ общества. Переваливаясь съ ноги на ногу, они потащились въ залу,

чтобы, какъ водится, открыть балъ неизбежнымъ польскимъ. Молодые люди нехотя пристали къ нимъ, и длинный рядъ танцующихъ, изгибаясь и изворачиваясь въ разныя стороны, началъ прохаживаться по залу и всѣмъ открытымъ комнатамъ. Въ третей парѣ Вельской велъ Анну Степановну, которая съ примѣтнымъ нетерпѣніемъ посматривала вокругъ себя.

— Что это нашъ князь Владиміръ Ивановичъ не ѣдетъ? сказала она наконецъ своему кавалеру. Охота же ему терять золотое времечко! Да не съестъ ли намъ, батюшка, Иванъ Степановичъ, втроемъ? Я буду играть парти-фиксъ съ болваномъ.

— Князь скоро будетъ, отвѣчалъ сухо Вельской: а между-тѣмъ я хочу воспользоваться его отсутствіемъ и спросить васъ — слышали ли вы, что говорятъ въ городъ?

— А что такое?

— Вы вѣрно не забыли, зачѣмъ пріѣзжала къ вамъ третьяго дня моя кузина. Вы почти дали ей слово; а несмотря на это говорятъ, будто-бы имѣете какіе-то другіе виды на Варвару Николаевну. Я не хочу этому вѣрить; но согласитесь, что такіе слухи очень не пріятны, особливо для человѣка, который, смѣю васъ увѣрить, не привыкъ играть жалкую роль всесвѣтнаго жениха. Такъ извините, Анна Степановна, если я попрошу васъ не откладывать моего благополучія и объявить рѣшительно, что вы принимаете мое предложеніе.

— Что вы, что вы, Иванъ Степановичъ? Подумайте! Мѣсто ли здѣсь?....

— Да я и не прошу васъ дѣлать помолвку здѣсь, на балѣ, а, если позволите, пріѣду къ вамъ послѣ завтра съ моей кузиною.

— Послѣ завтра? То есть, въ пятницу? Помилуйте, что за экстра такая и к чему такъ торопиться?

— Да хоть бы для того, сударыня, чтобъ уронить эти вздорные слухи, столько же обидные для васъ, сколько и для меня. Впрочемъ я не хочу никакъ васъ женить, — извольте, я прїѣду къ вамъ не въ пятницу, а въ субботу; но тогда уже попрошу у васъ позволенія извѣстить всѣхъ родныхъ и прїятелей о моей помолвкѣ. Послѣ того, что вы изволили говорить моей кузинѣ, я не смѣю и сомнѣваться....

— Помилуйте, да что жъ я такое говорила? прервала съ большимъ смущеніемъ Анна Степановна. Конечно, я сказала ея превосходительству, что для меня весьма прїятно, что я очень буду рада....

— Слѣдовательно вы согласны? И позвольте вамъ сказать, Анна Степановна, что послѣ этого, всякое съ вашей стороны затрудненіе, будетъ явнымъ доказательствомъ, что вы хотѣли насъ дурачить, смѣяться надо мной, надъ моей кузиной, надъ всѣмъ нашимъ семействомъ.... Но, виновать! я вижу, что ужъ одно это обидное предложеніе васъ огорчаетъ. И такъ, въ субботу! Вотъ и польской кончился. Теперь я въ вашихъ приказаніяхъ, и если вамъ угодно играть втроемъ въ вистъ.....

Но Слукиной было не до виста: она отказалась, и съѣла въ залѣ между матушекъ, тетушекъ и старшихъ сестрицъ. Проигравъ еще нѣсколько минутъ польской, музыка перестала, и изъ толпы нетерпѣливыхъ танцовщиковъ, между которыми было человѣкъ пять военныхъ, раздалось наконецъ давножданное восклицаніе — Вальсъ! Музыканты заиграли вальсъ изъ Волшебнаго Стрѣлка, и этотъ, исполненный жизни, веселый и невинный танецъ начался....

Невинный! Какая пошлая иронія! какая старая, избитая насмѣшка! — Извините, я вовсе не шучу; и повторю еще разъ безъ всякой ироніи, что этотъ танецъ точно также невиненъ, какъ и всѣ прочіе, — какъ щеголеватая Французская кадрили, — какъ блестящая

мазурка, — какъ давно забытые экосезы, — и даже какъ древній, чопорный минуэтъ. Англійскіе писатели, а въ слѣдъ за ними Французскіе, а въ слѣдъ за Французскими наши, немилосердо клеветуютъ на бѣдный и, право безвинный, вальсъ. Послушайте ихъ, какъ сердце дѣвушки бьется почти въ одной груди съ сердцемъ того, кто съ ней танцуетъ, какъ дыханья ихъ сливаются, какъ шелковые волосы красавицы касаются его пылающихъ щекъ, какъ, рука въ руку, душа въ душу, они не летаютъ по гладкому паркету, а отдѣляются отъ земли, живутъ въ другомъ мірѣ, и прочая. Ну, прошу послѣ этого вѣрить печатному! Я спрашиваю всѣхъ молодыхъ людей, что можетъ быть невиннѣе этого удовольствія, и приходитъ ли кому изъ нихъ на умъ въ то время, когда онъ вальсируетъ съ какой-нибудь красавицей, что она почти лежитъ въ его объятіяхъ? Чувствуетъ ли онъ какое-нибудь особенное удовольствіе отъ того, что рука ея покоится на его плечѣ, и не предпочтетъ ли онъ праву обвивать своей рукою ея талію и вертѣться съ нею въ кадансѣ дозволеніе, просто, безъ всякихъ танцевъ и украдкою, взять ее за руку? Почему правовѣрный мусульманинъ, неимѣющій ни какого понятія о нашихъ обычаяхъ, отвернется съ отвращеніемъ отъ самой добродѣтельной женщины, которая подойдетъ къ нему съ открытымъ лицомъ, и почтительно будетъ смотрѣть на какую-нибудь Нинонъ-Ланкло, если она окутаетъ свою голову вуалью? Потому, что наши дамы, даже и не очень красивыя, не прячутъ ни отъ кого своихъ лицъ, а на Востокъ безъ покрывала ходить однѣ только женщины, принадлежащія къ самому послѣднему и презрительному разряду общества. Почему какая-нибудь краса Востока, пламенная, черноглазая Турчанка, трепещетъ и дрожитъ какъ преступница, почему сердце ее замираетъ отъ восторга и ужаса, когда она откидываетъ назадъ

свое покрывало передъ мужчиною? Потому, что открывая лице свое, она дѣлаетъ все то же самое, что сдѣлала бы наша Русская барышня, если бъ сказала мужчинѣ — «Я люблю тебя и хочу быть твоею.» Теперь видите ли, что въ нашемъ житейскомъ быту, не самое дѣйствіе, но мысль, которую мы къ нему привязываемъ, дѣлаетъ его или совершенно невиннымъ или рѣшительно преступнымъ въ глазахъ нашихъ? И вотъ почему я называю невиннымъ танецъ, который, несмотря на всѣ пійтическія описанія, не можетъ возбуждать въ насъ ни какихъ дурныхъ помысловъ: потому, что право обнимать гибкій станъ дѣвушки и держать въ рукѣ своей ея руку принадлежитъ не исключительно одному, но всѣмъ, то есть, каждому кто танцуетъ, и по этой самой причинѣ не говоритъ ничего нашему воображенію, не ведетъ насъ ни къ чему, и слѣдовательно не значитъ ничего.

Но виновать! заступаясь за бѣдный, оклеветанный вальсъ, я забылъ совсѣмъ про мою, не столь невинную, Анну Степановну. — «Въ субботу!» повторяла она про себя: «въ субботу! А дѣло мое слушаютъ еще на будущей недѣль.... Нѣтъ, батюшка, Иванъ Степановичъ, хоть вы и родня нашему губернатору, а не прогнѣвайтесь! Своя рубашка къ тѣлу ближе. Не хотѣлось бы мнѣ ссориться съ ея превосходительствомъ..... Ну, да дѣлать нечего!»

Въ эту самую минуту объ половины дверей передней распахнулись, и губернаторша, въ провожаніи двухъ дамъ, вошла въ залу. Она сказала что-то мимоходомъ хозяйкѣ, и, незамѣчая никого, прямо подошла къ Слукиной; расцѣловалась, сѣла подлѣ нея на стулъ, и наговорила ей столько пріятныхъ вещей, что бѣдная статская совѣтница совсѣмъ одурѣла, особливо когда губернаторшины ассистентки принялись, одна передъ другой, увѣрять ее въ своей дружбѣ, любви и уваженіи. Вся твердость ея поколебалась. — «Ахъ

ты, Господи Боже мой!» думала она, когда губернаторша услась съ своимъ причетомъ за ломберный столикъ. «Да что же мнѣ дѣлать? Итти на явнуюссору съ ея превосходительствомъ послѣ такихъ ласкъ? Теперь я почти первый человекъ на балѣ.... а тогда! И взглянуть-то на меня ни кто не захочетъ. Охъ, да вѣдь они требуютъ приданого..... непременно потребуютъ! А мое дѣло?.... Ахти! бѣда, да и только.»

—Здравствуйте, матушка, Анна Степановна! сказалъ председатель гражданской палаты, Зоринъ, усаживаясь подлѣ Слукиной. Радъ сердечно, что могу съ вами словечка два перемолвить. Да гдѣ же Варвара Николаевна?

—Здѣсь, батюшка, Алексѣй Андреевичъ! Развѣ не видишь, танцуетъ вотъ съ этимъ гусарскимъ офицеромъ.... какъ его?

—Съ Тонскимъ.

—Да, батюшка. Да что жъ она съ нимъ такъ растанцовалась!... Не видитъ, что ты здѣсь, а то давно бы кончила, чтобъ подойти къ намъ. Ужъ какъ она тебя уважаетъ, Алексѣй Андреевичъ! какъ любить!..... Варинька, поди сюда, мой другъ. Ну вотъ ты все спрашивала — да будетъ ли сюда Алексѣй Андреевичъ? да пріѣдтъ ли онъ? Вотъ онъ, валице. Ну что, успокоилась?

Бѣдная Варинька поглядывала съ удивленіемъ на свою мачиху, краснѣла, присѣдала, и не знала, что ей отвѣчать.

—Какъ вы изволили вспотѣть, Варвара Николаевна! сказалъ съ вѣжливою ужимкою Зоринъ, цѣлуя у ней руку. Словно розанъ, раскраснѣлись. А что? вѣрно очень устать изволили?

—Нѣтъ-съ! отвѣчала разсѣянно Варинька, поглядывая въ ту сторону, гдѣ стоялъ прекрасный собою молодой человекъ, въ гусарскомъ вице-мундирѣ.

— Вы, какъ вижу отивнно любите танцы, продолжалъ Алексѣй Андреевичъ.

— Да-съ.

— Угодно вамъ Французскую кадрили, сказалъ, шаркнувъ ногою долговязой недоросль съ огромнымъ хохломъ и накрахмаленными брызжами.

Варинька подала ему руку, а Зоринъ снова обратился къ Аннѣ Степановнѣ.

— Сегодня, матушка, я цѣлое утро занимался вами, сказалъ онъ вполголоса.

— Мною, Алексѣй Андреевичъ?

— То есть, вашей тяжбою.

— Покорнѣйше васъ благодарю.

— Охъ, Аниа Степановна, надѣми вы мнѣ петлю на шею!

— Какъ такъ, батюшка?

— Да вѣдь дѣло-то ваше больно плоховато.

— Что ты, мой отецъ? Дѣло чистое, свлтое!

— Нѣтъ, матушка, Анна Степановна, пополамъ съ грѣшкомъ. Конечно, можно бы повернуть его иначе, да чтобъ оглядокъ не было. Вѣдь рѣшеніе узднаго суда не законъ, а голословныя доказательства вашего права не документы, матушка, Анна Степановна!

— Ну, Алексѣй Андреевичъ! не думала я, чтобъ ты...

— Да что жъ мнѣ дѣлать! прервалъ предсѣдатель. Я вамъ докладываю, что дѣло ваше очень плоховато. Конечно, одинъ Богъ безъ грѣха: что и говорить, какъ подчасъ не покривить душею для роднаго чловѣчка!....

— Ну вотъ то-то и есть, батюшка!

— Да вѣдь мы еще съ вами не родня, Анна Степановна!

— Я тебѣ говорила, мой отецъ, возьми терпѣнья недѣльки на три.

— Такъ и вы ужъ, матушка, потерпите.

— Какъ, потерпѣть? А не ты ли мнѣ сказалъ, что на будущей недѣль?...

— Мало ли что говорится, сударыня! Да вѣдь я же вамъ не передъ зеркаломъ это объявилъ, и мои слова въ протоколъ не записаны.

— Ну, батюшка, Алексѣй Андреевичъ, покорнѣйше благодарю!

— Да что, Анна Степановна, изъ пустова въ порожнее переливать! Не угодно ли вамъ, этакъ, денька черезъ три, помолвку сдѣлать: такъ я за ваше дѣло примусь порядкомъ. А тамъ, какъ свадебку съиграемъ, такъ на другой день и резолюцію подмахну.

— Что ты, что ты, мой отецъ? Черезъ три дни помолвка! Да вѣдь это не что другое, около пальца не обведешь. Черезъ три дня! Да въ умъ ли ты, батюшка?

— Какъ угодно, Анна Степановна! Вашъ разумъ, ваша и воля.

— И гдѣ видано? Присталъ какъ съ ножемъ къ горлу!

— И, матушка, Анна Степановна! Давно ли вы сами проволочекъ не жалуете? Такъ за что же и мнѣ ихъ любить?..... Но, извините, господинъ Вельской сказалъ мнѣ, что вы отъ партіи отказались: такъ я взялъ карточку и, чай, меня дожидаются. Подумайте хорошенько, матушка. Денька черезъ два я самъ у васъ побываю. Честь имѣю кланяться!

Анна Степановна не успѣла еще образумиться отъ такого неожиданнаго нападенія, какъ вдругъ худощавый мужчина, высокаго роста, съ усами и густыми черными бакенбардами, которыя, сходясь подъ галстухомъ, обхватывали, какъ рожками, блѣдное лицо его, явился передъ нею, и, молча, устремилъ на нее свои блестящіе глаза.

— Ахъ, князь Владиміръ Ивановичъ! вскричала Слукина. Это вы?

— Да, сударыня, это я, прошептала князь, продолжая смотрѣть на нее съ этой «горькой» Байроновской улыбною, о которой такъ много говорятъ новѣйшіе Французскіе писатели. — Это я! повторилъ онъ тихо, но такимъ мрачнымъ и глухимъ голосомъ, что у статской совѣтницы сердце замерло отъ ужаса.

— Ахъ, батюшка, ваше сіятельство! сказала она съ безпокойствомъ: да что съ вами сдѣлалось?

— Ничего! Бездѣлица, самый обыкновенный случай. Представьте себѣ, что мнѣ бы вздумалось понтировать, и счастье всей моей жизни поставить на одну карту.

— Эхъ, князь, напрасно! Что вамъ дался этотъ банкъ? Играли бы себѣ, да играли, въ вистикъ.....

— Да! продолжалъ князь, не слушая Слукиной. Да, все блаженство, всѣ радости, все, что привязываетъ насъ къ землѣ, поставлено на одной картѣ, и вы думаете, что я позволю банкомету передернуть?..... Вы меня понимаете?

— Нѣтъ, батюшка, не понимаю.

— Скажите мнѣ, Анна Степановна, знаете ли вы, что такое любовь?

— Какъ не знать, Владиміръ Ивановичъ! Я очень любила покойника.

— Любили? То есть, поплакали, когда онъ умеръ; вносили черное фланелевое платье, и построили деревянный голубецъ надъ его могилою?

— Да, князь! Я все это выполнила, какъ слѣдуетъ.

— Какъ слѣдуетъ! Нѣтъ, Анна Степановна, я говорю вамъ не объ этой любви.

— О какой же, батюшка?

— О той, которая наполняетъ мою душу; о той, которая не знаетъ и не хочетъ знать ни какихъ приличій, ни какихъ условій свѣта, которая..... Но я

вижу, что мнѣ должно говорить съ вами опредѣлительнѣе. Эта любовь, сударыня, походить на булатный кинжалъ Черкеса: онъ гладокъ, свѣтель и красивъ, но имъ играть опасно. Вы меня понимаете?

— Нѣтъ, батюшка, не понимаю!

— Послушайте. Я люблю Варвару Николаевну, и если бы кто-нибудь осмѣлился забавляться этой страстью, шутить счастьемъ всей моей жизни; если бъ вы, Анна Степановна,....

— Ахъ, батюшка, ваше сѣятельство, что вы, что вы?.....

— Я васъ спрашиваю, для чего она до-сихъ-поръ не принадлежитъ мнѣ? Для чего всѣ эти отсрочки? Кажется, между нами все кончено. Мы сторговались....

— Опомнитесь, князь! Что вы говорите?

— Не прогнѣвайтесь, Анна Степановна! Я ненавижу эту притворную въжливость, которая хочетъ все на свѣтъ усыпать розами. Я люблю называть вещи собственными ихъ именами, и повторяю еще разъ, — мы сторговались, и теперъ вы не имѣете ни какого права продавать эту несчастную сироту съ публичнаго торга, какъ продаютъ невольницъ на базарахъ Востока. Она моя!

— Тише, князь! Бога ради, тише! Что вы это?....

— Скажите одно слово, и я замолчу.

— Да что это съ вами сдѣлалось? Помилуйте! съ чего вы взяли, что я отступлюсь отъ моего обѣщанія? Но вѣдь надобно также подумать и о Варинькѣ. Дайте ей хоть немножко къ вамъ привыкнуть, — а то долго ли до бѣды? Какъ больно круто повернемъ, да дѣвка-то заупрямится....

— О, объ этомъ не беспокойтесь!

— Ну, Богъ въсть! Вѣдь она еще молода, глупа, не вдругъ пойметъ, что жениха съ четырью тысячами душами не встрѣтишь на каждомъ перекресткѣ.

— Фи! что это такое? Да кто вамъ говорить о ду-

шахъ, Анна Степановна? Я вижу, мы вѣчно не пойдемъ другъ друга. Послушайте: быть-можетъ, вы имѣете причины откладывать нашу свадьбу, но я ихъ не имѣю, и говорю вамъ рѣшительно, — или завтра же вы меня примите какъ жениха Варвары Николаевны, или весь городъ узнаетъ, какъ вы торгуете вашей падчерицею.

— Завтра! Какъ завтра?

— Извольте, я дамъ вамъ двое сутокъ на размышленіе. Слышите ли, Анна Степановна? Двое сутокъ. — То есть, прибавилъ князь, посмотрѣвъ на свои часы: въ пятницу, ровно въ полночь, Варвара Николаевна назоветъ меня женихомъ своимъ, а вы, — какъ вамъ угодно, — вы можете меня не называть своимъ сыномъ: я объ этомъ не хлопочу.

Сказавъ это, князь кивнулъ слегка головою Аннѣ Степановнѣ, и пошелъ отыскивать хозяйку дома.

— «Да что жъ это такое?» прошептала статская совѣтница. «Что они всѣ, прости Господи, бѣлены что ль объѣлись? Ну какъ они вздумаютъ стакнуться, да всѣ трое разомъ ко мнѣ пристанутъ? Ахъ, Господи, нѣтъ!..... нѣтъ! Уберусь-ка, за добра ума, поскорѣй домой, и завтра чѣмъ свѣтъ пошлю за Николаемъ Ивановичемъ: авось онъ придумаетъ чтонибудь?... Варинька! Варинька!.... Не слышитъ! Да что у ней за шуры-муры съ этимъ Тонскимъ?..... Варвара Николаевна!

— Что вамъ угодно? сказала Варинька, подойдя къ Аннѣ Степановнѣ.

— А то, сударыня, чтобъ вы не изволили перебивать съ каждымъ сорванцемъ, который танцуетъ съ вами на балѣ. О чемъ ты, матушка, тараторила полчаса съ этимъ офицерикомъ..... а? Ужъ не подпускаетъ ли онъ тебѣ какихъ-нибудь турусовъ на колесахъ? Ну то-то у меня смотри, сударыня! Да изволь-ка взять свою шаль: мы сейчасъ ѣдемъ.

— Какъ, маменька? Такъ рано!

— У меня голова очень разболѣлась.

Когда Слуккина сошла съ крыльца, чтобъ ѣхать домой, она почувствовала, что кто-то подсаживаетъ ее въ карету. Этотъ вѣжливый кавалеръ былъ Тонской. — Покорно васъ благодарю, батюшка! сказала она очень сухо: напрасно извоили трудиться! — Карета застучала по исковерканной мостовой, и кто-то черезъ минуту, проскакавъ мимо ея на дрожкахъ. — Да что жъ это такое? продолжала Слуккина, помолчавъ нѣсколько времени: что этотъ усачъ, словно осенняя муха, такъ въ глаза мнѣ и лѣзеть? Куда я не люблю этихъ подлипалъ!

— А онъ очень васъ любитъ и уважаетъ, сказала робкимъ голосомъ бѣдная дѣвушка.

— Право?... А что мнѣ, матушка, въ его любви? И на какую потребу уваженіе этого нищаго? Я и сама замѣтила, что онъ что-то не путемъ умильно на меня посматриваетъ. Ужъ не хочетъ ли денегъ попросить въ займы?... Пожалуй, чего добраго, прикинется, что влюбленъ въ меня. Вѣдь эта голь хитра на выдумки; на обухъ рожь молотить, и съ камня лыки дереть.

— Вы напрасно, маменька, такъ дурно объ немъ думаете. Онъ очень честный и хорошій человекъ.

— Ась?... Что, мать моя?

— Я говорю, что онъ честный и хорошій человекъ.

— Право? Да что ты такъ за него заступаешься! Что это значитъ, сударыня?

— Такъ, маменька; ничего.

— То-то ничего. Правда, я до нынѣшняго дня не замѣчала, чтобъ ты съ нимъ пускалась въ большіе разговоры, да и не думаю, чтобъ этотъ однодворецъ осмѣлился..... Но какъ бы то ни было, а прошу васъ, сударыня, впередъ съ нимъ не фамиллярничать: я этого не люблю. Да вотъ ужъ мы и пріѣхали. Ну что сидишь? Вылѣзай, матушка!

Варинька выпрыгнула изъ кареты, и, когда обернулась назадъ, сердце ее забилось отъ радости: на-супротивъ, въ маленькомъ домикъ, свѣтился огонекъ, и подлѣ открытаго окна сидѣлъ Тонской.

IV.

— Голубчикъ, Николай Ивановичъ! батюшка! будь отецъ родной! приставь голову къ плечамъ! такъ говорила Анна Степановна Слукинѣ, когда на другой день рано поутру Холминъ вошелъ въ гостиную, въ которой она его дожидалась.

— Что съ вами сдѣлалось, Анна Степановна? спросилъ онъ, садясь подлѣ нее на канапе.

— Охъ, бѣда, кормилецъ! Сушая бѣда! Всю ночь не спала: ужъ я вертѣлась съ боку на бокъ, думала, думала!..... А что проку? какъ не кинь, все клинь!

— Да что такое?

— Что, батюшка, худо! Всѣ женихи мои взбѣленились.

— Какъ такъ?

— Да такъ; словно заговоръ какой. Вчера, — да еще, слава Богу, что поодиначѣ, — пристали ко мнѣ: «Рѣши, да рѣши!» Я и такъ, и сякъ. Куда-те! И слышать не хотятъ. Повѣришь ли, никто больше трехъ дней сроку не даетъ? Этотъ франтъ, шематонъ, губернаторскій племянничекъ, такъ закидалъ меня словами, что я чуть-было сама не повѣрила, что выдаю за него Вариньку. А кропивное-то сѣмя, выжига проклятая, Зоринъ, какъ-будто-бы ему чортъ на ухо шепнулъ! Формально объявилъ мнѣ, что дѣло мое до тѣхъ поръ не будетъ рѣшено, пока я сама съ нимъ не порѣшусь. И даже этотъ шальной князь, Владиміръ Ивановичъ: ну, вотъ такъ и напираетъ, — да какія рѣчи говорить! Господи, Боже мой, уши вянуть, батюшка!

— Ну, матушка, не предсказывала ли я вамъ?.....

— Эхъ, Николай Ивановичъ! брани меня, ругай, да только выручи.

— Выручи! Это легко сказать, Анна Степановна. Какъ не вертись, какъ не хитри, а надобно объявить, за кого Варинька идетъ замужъ.

— Да лишь-только я объявлю, такъ Зоринъ и Вельской....

— Что и говорить: житья вамъ не будетъ! А особливо Вельской и его семейство.....

— Охъ, бѣда, батюшка! живую съдятъ. Вѣдь ты знаешь, какая семейка-то!

— То-то и есть. Впрочемъ, что жъ въ самомъ дѣлѣ: не за того, такъ за другаго, а надобно вытти замужъ. Оно досадно, спору нѣтъ: да вѣдь нельзя же и Варинькѣ разорваться. Посердятся, посердятся, да перестануть. А вотъ чего никогда вамъ не простятъ — что вы ихъ обманывали, водили за носъ, за знамо дурачили.

— Такъ, батюшка, такъ!

— Ну, пусть Варинька выдетъ за князя Владиміра Ивановича, это еще ничего: только бы васъ-то какъ-нибудь выгородить.

— Въ томъ-то и дѣло, мой отецъ. Постарайся, родной! Придумай что-нибудь.

— Пойдите-ка!... А что, въ самомъ дѣлѣ, Анна Степановна! вѣдь вы тогда только будете въ отвѣтъ, когда отдадите сами Вариньку замужъ?... Ну, а если она убѣжить и обвиняется безъ вашего вѣдома?...

— Какъ убѣжить?

— Ну да! Если ее увезутъ.

— Увезутъ? Кто увезетъ?

— Разумѣется, князь Владиміръ Ивановичъ.

— А, понимаю! Только воля твоя, что ему за радость увозить Вариньку, когда онъ и безъ этого можетъ на ней жениться?

— Что за радость? Такъ вы вовсе его не знаете! Да онъ, я думаю, съ тоски умираетъ, что долженъ жениться такимъ обыкновеннымъ и пошлымъ образомъ. О, повѣрьте мнѣ, Анна Степановна: лишь-только я ему намѣкну, что онъ можетъ и даже долженъ увезти свою невесту, такъ онъ запрыгаетъ отъ радости. Да впрочемъ это ужъ мое дѣло: не беспокойтесь.

— Но я думаю, мнѣ надобно прежде поговорить объ этомъ съ Варинькой?

— Что вы, что вы? Напротивъ, она должна думать, что все дѣлается безъ вашего вѣдома. За скромность мою я вамъ ручаюсь, но я никакъ не поручусь вамъ ни за Вариньку, ни за будущаго ея мужа, съ которымъ, вѣроятно, она секретничать не станетъ. Вы, я думаю, понимаете всю важность этой тайны. И малѣйшее подозрѣнiе можетъ васъ совершенно погубить въ общемъ мнѣнiи. А если, на бѣду, откроется вся истина, то вы совсѣмъ погибли. Весь городъ на васъ обрушится: чего добраго, эту невинную хитрость назовутъ, пожалуй, подборомъ, стачкою, фальшивымъ поступкомъ, вмѣшаютъ правительство: а вы знаете, Анна Степановна, какъ судятъ дворянъ за фальшивые поступки?.....

— Охъ, знаю, батюшка, знаю! Лишатъ чиновъ и дворянства. Да только, воля твоя, гдѣ жъ тутъ фальшивый поступокъ?

— Какъ гдѣ! Да развѣ вы не должны будете принести жалобу губернатору? развѣ не станете кричать, что Вариньку увезли; что она обвинчалась безъ вашего вѣдома и согласiя?.... Вѣдь чѣмъ болѣе вы надѣлаете шуму, тѣмъ невиннѣе будете казаться въ глазахъ тѣхъ, которые по милости вашей останутся въ дуракахъ.

— Правда, мой отецъ, правда!

— Не мѣшайте только мнѣ, а ужъ дѣло будетъ сдѣлано. Да гдѣ Варинька?

— У себя, батюшка, на антресоляхъ.

— Такъ я пойду и переговорю съ нею, а вы подождите меня здѣсь.

Часа черезъ полтора Холминъ вошелъ опять въ гостиную.

— Ну что, мой отецъ? спросила торопливо Анна Степановна: уладилъ ли ты наше дѣльцо?

— Кой-какъ уладилъ. Да ужъ чего же мнѣ это стоило! Въ одномъ я не ошибся. Варинька точно не равнодушна къ князю; но убѣжать съ нимъ и обвѣчаться безъ вашего вѣдома никакъ не хотѣла.

— Вотъ что!

— Я объявилъ рѣшительно, что вы никогда не выдаете ея замужъ за того, кого она любитъ.

— Ну!... Что жъ она?

— Заплакала, а бѣжать не соглашалась. Я сказалъ ей, что она не родная ваша дочь, и не обязана вамъ слѣпымъ повиновеніемъ.

— Ну, ну! Что жъ она?

— Согласилась со мною, а бѣжать не хотѣла. Я сталъ ей доказывать, что это одинъ способъ выйти замужъ, что она вѣчно останется въ дѣвкахъ, если будетъ дожидаться вашего благословенія....

— Ну!

— И въ этомъ не спорила со мною; а убѣжать никакъ не рѣшалась.

— Этакая упрямая дѣвченка! Батюшкинъ правъ, что и говорить. Да чего жъ она хотѣла?

— Чтобъ я далъ честное слово, что вы ее простите. Нечего было дѣлать: я побожился ей, что вы, торжественно и при всѣхъ, ее простите. Теперь смотрите же, Анна Степановна, не введите меня въ слово.

— Такъ она очень этого добивалась? А не знаешь ли, батюшка, па что ей мое прощеніе?

— Она говорить, что ей стыдно будетъ на людей смотрѣть, если вы навсегда отъ нее отступитесь.

— Право? Такъ у ней нѣтъ ничего другаго на умъ?

— А что такое?

— Такъ, ничего! Впрочемъ мы съ княземъ на этотъ счетъ ужъ объяснились; и у меня есть кой-какіе документики.

— Документы? Какіе документы?

— Такъ, батюшка, такъ! Вотъ изволишь видѣть: дѣло мое вдовье; сохрани Господи, навяжется зять ябѣдникъ, затаскаетъ по судамъ. Вѣдь за меня сиротинку вступиться нѣкому. Такъ Варинька хочетъ непременно, чтобъ я ее простила?

— Да, Анна Степановна, и я въ этомъ далъ ей честное слово.

— Ну, хорошо! Однако жъ, какъ ты думаешь, батюшка: все-таки надобно поломаться?

— Немножко, да! Но много не советую: это будетъ ненатурально. Вы всегда такъ любили Вариньку, ваша нѣжность къ ней всемъ извѣстна, и если вы хоть крошечку пересолите, злые люди тотчасъ скажутъ, что вы играли комедію.

— Хорошо, батюшка, хорошо! А когда же?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; а то, Богъ знаетъ, не равно еще ваши женихи какъ-нибудь изъяснятся между собою, такъ и выдумка наша ни на что не будетъ годиться. Я думаю, сегодня, ночью.

— Сегодня?...

— Да. Скажите, что у васъ голова болитъ. Вариньку спать не укладывайте, а сами часу въ десятомъ лягте почивать. Она скажетъ своей дѣвушкѣ, что у ней бессонница, и, этакъ, часу въ двѣнадцатомъ пойдетъ гулять по саду. Въ задней улицѣ подлѣ калитки будетъ стоять карета, а я, въ моей деревнѣ,—знаете, что верстъ пять отсюда,—стану ихъ дожидаться въ приходской церкви. Да ужъ не безпокойтесь: все будетъ улажено. Вы, Анна Степановна, не извольте вставать ранѣе обыкновеннаго; а какъ встаните, да хватитесь Вариньки, такъ и подымите шурирь; сейчасъ карету,

къ губернатору; ревите, плачьте. — Да что вамъ толковать! прибавилъ Холминъ, раскрывая свою серебряную табакерку: ученаго учить, лишь только портить.

Слукина улыбнулась, и, понюхавъ табаку вмѣстѣ съ Николаемъ Ивановичемъ, сказала съ видомъ глубокаго смиренія: — И, батюшка, гдѣ намъ! Вѣдь я человекъ глупой; что на умъ, то и на языкъ. Да дѣлать нечего: попробую, прикинусь какъ-нибудь.

— Только смотрите! продолжалъ Холминъ, вставая: если губернаторъ васъ спросить, на кого вы имѣете подозрѣнїе, не вздумайте намѣкнуть на князя: онъ изъ всѣхъ Варинькиныхъ жениховъ самый выгодный. Слѣдовательно тотчасъ можетъ родиться подозрѣнїе, что тутъ есть съ вашей стороны какая-нибудь хитрость и подборъ. Стойте въ одномъ—Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю!

— Слушаю, батюшка.

— Прощайте же, Анна Степановна. Я отправлюсь теперь къ князю; а тамъ къ себѣ, въ деревню. Мнѣ сегодня дѣла будетъ много: такъ не погнѣвайтесь, если я къ вамъ ужъ не заѣду.

Николай Ивановичъ отправился. Вотъ, прошло утро. Вотъ, ужъ буфетчикъ Филька въ своемъ засаженомъ сюртукѣ вошелъ въ гостиную, и доложилъ, что кушанье готово. Анна Степановна съѣла вдвоемъ съ своей падчерицей за столъ. Онъ объ молчали. Какъ ни старалась Варинька казаться спокойною, но яркой румянецъ, который выступалъ по-временамъ на ея блѣдныхъ щекахъ, разсѣянные взоры, смущенный видъ, — все изобличало необыкновенное состоянїе души. Анна Степановна была также не очень спокойна; кушала очень мало, то есть, не за троихъ, вертвлась на своемъ стулѣ и безпрестанно посматривала на стѣнные часы съ курантами, которые висѣли въ столовой. — Что это подѣмалось съ нашей барыней? шептали межъ собой слуги: словно въ воду опущенная! Сло-

вечка не вымолвить! Да и барышня-то не краше ея. Посмотри-ка, Паррень! сказалъ буфетчикъ, сдавая повару не початое блюдо: что за диковинка такая? Барышня не изволила сегодня и левашниковъ кушать.— Да, братъ, это не даромъ! замѣтилъ поваръ, поспрашивая съ удивленіемъ на любимое «хлѣбное» Анны Степановны: всѣ до одного цѣлехоньки! Ну!..

Такъ прошелъ весь день. Часу въ девятомъ Анна Степановна стала жаловаться на головную боль, повязалась намоченнымъ въ уксусъ полотенцемъ, и безпрестанно нюхала о-де-колонь.— Ахъ, какъ у меня голова-то расходилась! примолвила она подконецъ болѣзненнымъ голосомъ: лягу пораньше, авось сномъ пройдетъ.— А вы, голубушки, смотрите, продолжала она, обращаясь къ своимъ горничнымъ дѣвушкамъ: прошу не мѣшать мнѣ спать; чтобы ни случилось, не смѣй никто меня будить. Слышите?... Ахъ, Господи, словно молотками въ виски колотить. А все отъ того, что совсѣмъ моціону не дѣлаю. Да и ты, Варинька, вовсе неходишь; все сидишь за рукодѣльемъ. Ну, что хоть теперь: вечеръ славный, пошла бы себѣ гулять по саду. Эхъ, вы, барышни, барышни! толку-то въ васъ нѣтъ: или всю ночь танцуете до-упаду, или цѣлый день сидите на одномъ мѣстѣ. Въ твои годы я, бывало, такую теплую ночь напролетъ гуляю. Ступай-ка, мой другъ, ступай. Какъ обойдешь разъ двадцать всѣ дорожки, такъ завтра будешь какъ встрепаная. А я прилягу: авось пройдетъ! Охъ, батюшки свѣты, что за боль така! Такъ голова и трещить. Прощай, Варинька; прощай, мой другъ.

Прошло еще около двухъ часовъ. Вотъ, въ столовой заиграли куранты, и громкой колокольчикъ прозвенѣлъ одиннадцать разъ сряду.— Не дожидайся меня, Дуняша, сказала тихимъ голосомъ Варинька: мнѣ что-то не спится; я пойду гулять по саду, и разбуду тебя, когда ворочусь назадъ.— Дуняша, толстая дѣвка

лѣтъ тридцати, у которой давно ужъ глаза слипались, вышла въ другую комнату, помолилась Богу, прилегла на свою постеленку, и заснула мертвымъ сномъ. Варинька закутала голову платкомъ, накинула на себя бархатную казавейку, и сошла по дѣвичьему крыльцу на дворъ. Кругомъ, все было тихо: одинъ только дремлющій сторожъ постукивалъ отъ времени до времени въ чугунную доску, и лаяла изрѣдка цѣпная собака. Робко озираясь кругомъ, Варинька растворила рѣшетчатыя дверцы сада, и пустилась по длинной, заросшей травою аллеѣ. Ночь была лунная, но свѣтъ отъ полнога мѣсяца едва проникалъ сквозь частыя вѣтви огромныхъ липъ, которыми обсажены были дорожки. О, какъ билось, какъ замирало сердце бѣдной дѣвушки! Черезъ нѣсколько минутъ участь ея должна была навсегда рѣшиться. Каждый шорохъ приводилъ ее въ трепеть: зашелеститъ ли вѣтерокъ между деревьями, хрупнетъ ли сухая вѣтка подъ ея ногою, вскрикнетъ ли кузнечикъ, — все заставляло ее вздрагивать и озираться.

Случалось ли вамъ, — я спрашиваю это у моихъ читателей, а не читательницъ: женская скромность помѣшаетъ имъ отвѣчать откровенно, — случалось ли вамъ, во-первыхъ, любить?.... Но поймите меня хорошенько: не такъ любить, какъ любятъ многіе, какъ любить всѣ, во-второй, десятой, сотой разъ; а такъ, какъ мы любимъ въ первый разъ жизни, со всею непорочною юной, дѣвственной души, когда честь и добродѣтель той, которую выбрало наше сердце, дороже намъ самой жизни, когда мы не вѣримъ, а вѣруемъ и въ дружбу и въ любовь. Если вы испытали это чувство, если когда-нибудь, поздно вечеромъ или въ тихую весеннюю ночь, вы дожидались вашей любезной въ тѣнистой рощѣ, и дожидались для того только, чтобъ въ миліонный разъ повторить ей, и можетъ быть въ первый услышать отъ нея — «Я люблю тебя!»,

то скажите мнѣ, что происходило тогда въ душѣ вашей. Не замирало ли сердце, не перерывалось ли ваше дыханіе, когда, послѣ многихъ и напрасныхъ тревогъ, вы услышали наконецъ знакомый для васъ шорохъ, и вдали между деревьевъ замелькало бѣлое платице? Если вы не забыли еще, какое производили надъ вами дѣйствіе эти мучительныя и, въ то же время, неизяснимо пріятныя ощущенія, то легко можете себя представить, что почувствовала Варинька, когда въ недалекомъ отъ нея разстояніи раздался внятный шелестъ шаговъ. Въ концѣ аллеи, по которой она шла, двѣ густыя черемухи, сплетаясь вѣтвями, составляли небольшой сводъ, сквозь который виднѣлись, какъ въ окно, свѣтлоголубыя, усялицыя звѣздами, небеса. Вдругъ, что-то темное заслонило этотъ отдаленный просвѣтъ. — Это онъ! шепнула Варинька, прислонясь къ дереву, чтобъ не упасть на землю. — Вотъ опять замелькали вдали звѣзды; опять что-то ихъ зазасгло. Этотъ темный предметъ, бросая передъ собой длинную тѣнь, быстро подвигался впередъ. Вдругъ свѣтлый лучъ мѣсяца прорвался сквозь частыя вѣтви липъ, и облилъ своимъ мирнымъ и тихимъ свѣтомъ закутаннаго въ сѣрую шинель, высокаго мужчину. Варинька хотѣла сдѣлать шагъ впередъ, но ноги ея подогнулись, и она упала почти безъ чувствъ въ объятія Тонскаго. — Это вы!.... это ты, мой другъ!.... вскричалъ съ восторгомъ молодой человекъ. О, я не смѣю вѣрить моему счастью! Мнѣ все кажется.... Да, мой другъ, да, я боюсь проснуться!

Варинька не говорила ни слова, но голова ея лежала на груди Тонскаго, и крупныя слезы текли по ея пылающимъ щекамъ. — Ахъ, если вы когда-нибудь перестанете любить меня! прошептала она прерывающимся голосомъ.

— О, никогда, никогда!

— Меня некому было благословить, продолжала Варинька, рыдая. У меня нѣтъ ни отца, ни матери....

— Они видятъ мое сердце, перервалъ Тонской, и вѣрно въ эту минуту благословляютъ насъ обоихъ. Но поидежь, мой другъ! Твой крестный отецъ дожидается насъ въ церкви. О, поспѣши, поспѣши сказать, что ты навсегда будешь принадлежать мнѣ!

Опираясь на руку Тонскаго, Варинька вышла изъ аллеи на обширный лугъ, который начинался отъ самаго дома, и оканчивался заборомъ. Она невольно оглянулась назадъ, и ей показалось, что одно изъ оконъ спальни ея мачихи до половины было растворено. Между-тѣмъ Тонской отперъ калитку. Она опять захопнулась, и коляска, запряженная четверкою лихихъ коней, помчалась какъ изъ лука стрѣла. На минуту оживилась молчаливая улица, — вдали раздался окликъ полусоннаго будошника, — еще далѣе залаяли встревоженные собаки, — тамъ стукъ отъ звонкой мостовой сталъ все тише и тише, — вотъ раздался еще одинъ едва слышный окликъ часоваго, — и вскорѣ все замолкло попрежнему.

— Ну, слава Богу, уехали! сказала Слуккина, затворяя окно. Ухъ! какъ гора съ плечь!

Она поправила свой ночникъ, легла на постель, и, мечтая о двухъ тысячахъ душъ, которыя теперь на всю жизнь и нераздѣльно останутся въ ея единственномъ владѣннн, заснула самымъ сладкимъ и спокойнымъ сномъ.

V.

— Дѣвка, дѣвка!.... Малашка!

Горничная дѣвушка отворила потихоньку дверь въ спальню Анны Степановны, и остановилась на порогѣ.

— Который часъ?

— Семь часовъ, сударыня.

— Какъ я заспалась сегодня! Да что ты тамъ стоишь? Войди!

Горничная вошла. За нею перевалилась за порогъ старуха Кондратьевна, нянюшка Анны Степановны. За Кондратьевной тащилась ключница Мавра. За Маврой двѣ пожилыя сѣнныя дѣвушки, изъ-за которыхъ виднѣлись головы трехъ или четырехъ прачекъ: онѣ не смѣли войти въ опочивальню ихъ барыни, и стояли въ уборной. На всѣхъ лицахъ изображались страхъ, смущеніе, и какое-то робкое любопытство.

— Что вы, что вы? вскричала Слуккина. Зачѣмъ?

Нянюшка посмотрѣла на ключницу. Ключница поглядѣла на сѣнныхъ дѣвушекъ. Сѣнныя дѣвушки поглядѣли другъ на друга. Но никто не отвѣчалъ ни слова.

— Ну, что жъ вы молчите? Зачѣмъ пришли? повторила грознымъ голосомъ Слуккина.

— Ахъ, матушка, Анна Степановна! прохрипѣла наконецъ Кондратьевна.

— Родная ты наша! завопила ключница.

— Да что такое сдѣлалось? спросила Слуккина, вставая съ постели, и накидывая на себя шлафрокъ.

— Бѣда, матушка! завизжала одна изъ сѣнныхъ дѣвушекъ: такой грѣхъ, что и доложить не смѣемъ.

— Да скажите ли вы мнѣ, проклятыя? закричала Анна Степановна. Говори хоть ты, Кондратьевна.

— Что, матушка! несчастье, да и только. Варвара Николаевна безъ вѣсти пропала.

— Какъ пропала?

— А такъ, кормилица! Сгинула да пропала. Вчера около полуночи она изволила пойти гулять въ садъ; Дуняшкѣ приказала себя не дожидаться, а та съ дуру-то прилегла соснуть, да и прохрапѣла до самаго утра, окаянная. Какъ проснулась, — глядь, барышни нѣтъ! постель не измята! Она въ садъ: и тамъ никого. А калитка отперта! Вотъ, какъ она увидѣла,

что дѣло-то худо, — ко мнѣ! Мы подняли всю дворню на ноги, обшарили всѣ мышиныя норочки: нѣтъ, какъ нѣтъ!

— Ахъ, Боже мой, да что жъ это значить? Не ужъ ли Варинька убѣжала съ какимъ-нибудь пострѣломъ? Быть не можетъ!

— Охъ, кормилица, видно такъ! промолвила ключница: я ссейчасъ ходила купить Французскихъ хлѣбовъ къ Нѣмцу булочнику, вонъ, что живетъ позади нашего сада. — «Все ли у васъ здорово?» спросилъ онъ у меня. — А что, Францъ Иванычъ? — «Да такъ! Вчера, этакъ, въ полночь, подлѣ калитки вашего сада, стояла коляска, и я самъ видѣлъ, какой-то высокой баринъ съ барыней вышли изъ саду, сѣли въ нее, да и по всѣмъ по тремъ!

— Ахъ, Господи! Такъ въ самомъ дѣлѣ? вскричала отчаяннымъ голосомъ Слукина. Такъ точно, она ушла! Карету, карету! одѣваться, скорѣй, сейчасъ! Ахъ, срамъ какой! Бѣгите къ Николаю Ивановичу! Скажите ему, что я поскакала къ губернатору. Вотъ до чего дожила! Что стоите? Ступайте вонъ!.... Антонъ и Филька поѣдутъ за каретою.... Ахъ, батюшки мои свѣты, что это! Мамашка, черное платье!.... Да поворачивайся, негодная!.... Государи мои, что это! Бѣлой чепецъ!.... Да Бога ради, карету, скорѣй карету!

Карету подвезли. Два дюжихъ лакея посадили въ нее Анну Степановну, у которой съ горя ноги подкосились и чуть-чуть голова держалась на плечахъ. Кучеръ ударилъ по лошадамъ, и они взяли съ мѣста рысью, — что обыкновенно случалось въ однихъ только важныхъ и «экстренныхъ» случаяхъ. Анна Степановна была очень сострадательна къ животнымъ, и особенно берегла своихъ лошадей: правда, она кормила ихъ однимъ сѣномъ; но зато всегда ѣздила шагомъ. До губернаторскаго дома было далеко, и Слукина успѣла обдумать все и приготовиться къ своей

полю. Она сдернула на одну сторону чепецъ, растрепала волосы, перевернула на изнанку свою Турецкую шаль, и до тѣхъ поръ нюхала сткляночку съ нашатырнымъ спиртомъ, пока глаза ея налились кровью, а вѣки распухли и покраспѣли. Вотъ наконецъ усталые кони остановились у подъѣзда губернаторскаго дома. Антонъ и Филька вынули свою барыню изъ кареты, почти внесли ее на рукахъ на лѣстницу; потомъ ввели подъ руки въ столовую, и посадили въ кресла, которыя подаль ей вѣжливый губернаторскій камердинеръ, сказавъ, что его превосходительство сейчасъ ее приметъ. Минуть черезъ пять двери изъ гостиной отворились, и вышелъ Николай Ивановичъ Холмицъ. — Губернаторъ просить васъ къ себѣ, сказалъ онъ. — Ахъ, это ты, мой отецъ! вскричала Слуккина: помоги мнѣ, родной. Охъ, батюшки мои!.... Ноги нейдуть.

Николай Ивановичъ пособилъ ей подняться, и введя ее подъ руку, прошепталъ: — Славно, Анна Степановна! славно! нельзя лучше. Только, пожалуйста, не такъ налегайте: тяжело, матушка. — Въ гостиной встрѣтилъ ихъ губернаторъ; подлѣ него стояли дворянскій предводитель и докторъ фонъ-Раухъ.

— Успокойтесь, сударыня, сказалъ губернаторъ, усаживая Слуккину на канапе.

— Ахъ, батюшка, ваше превосходительство! завопила она. Отецъ ты нашъ! Помоги, спаси!

— Успокойтесь. Будьте увѣрены, я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ. Я сейчасъ узналъ отъ Николая Ивановича, что Варвара Николаевна....

— Вотъ, ваше превосходительство, до чего я дожила! Какой позоръ! Уйти изъ моего дома! Убѣжать Богъ знаетъ съ кѣмъ!....

— Какъ? Такъ вы не знаете?....

Т. X — Отд. I.

— Нѣтъ, ваше превосходительство! Какъ Богъ святъ, не знаю.

— И не имѣете даже подозрѣнiя?

— Не имѣю. Видитъ Богъ, не имѣю! Да и кого я могу подозрѣвать? Какъ могло прійти мнѣ въ голову, чтобъ дочь покойнаго моего Николая Степановича рѣшилась на такое дѣло? Ахъ, Господи, да неужели бы я стала противиться ея склонности? Ужъ я ли не любила, я ли не тѣшила ее неблагодарную? На всѣхъ пошлюсь: въ глаза ей смотрѣла, сдувала съ нея каждую порошинку. И чѣмъ же она мнѣ отплатила? Ахъ, я несчастная! Охъ, тошно!.... Батюшки мои, тошно!.... Смерть моя!....

Анна Степановна закрыла глаза, голова ея скатилась на грудь, и она упала *безъ чувствъ* на канане.

— Воды, скорый воды! закричалъ губернаторъ. Ей дурно!

— Однако жъ она вовсе не поблѣднѣла, замѣтилъ предводитель.

— Позвольте! сказалъ докторъ фонъ-Раухъ, взявъ за руку Слукину. — Гмъ, гмъ! промычалъ онъ, нахмуривъ брови: пульсъ очень высокъ, весьма высокъ.... Сильный приливъ крови къ головѣ.... Посмотрите, какъ горитъ ея лице! Э, да это можетъ имѣть серьезныя послѣдствiя. Сей же часъ надобно пустить кровь.

— Вы думаете? сказалъ Холминъ.

— Да, да! Позвольте. Со мною, кажется, есть ланцетъ. Гей, человекъ, тарелку!... полотенце! Скорый! скорый! Не надобно терять ни минуты. Потрудитесь, Николай Ивановичъ, заворотить рукавъ; хотя на правой рукѣ.... все равно!

Анна Степановна очнулась.

— Что вы, что вы? вскричала она, отталкивая фонь-Рауха.

— Ничего, сударыня, ничего! Потерпите одну минуту. Вамъ надобно непременно пустить кровь.

— Ахъ, батюшка, зачѣмъ? на что? Подите прочь, подите прочь!...

— Какъ вы себя чувствуете? спросилъ губернаторъ.

— Крошечку получше. Охъ, батюшка, ваше превосходительство, что мнѣ дѣлать? къ чему присту-пить?.... Надоумите меня, посоветуйте мнѣ!

— Если вамъ угодно знать мое мнѣніе, такъ вотъ оно. Вѣроятно Варвара Николаевна уже обвинена: следовательно этого переменить нельзя. На вашемъ мѣстѣ я простилъ бы ее.

— Какъ, батюшка, ваше превосходительство? Вы мнѣ советуете.....

— Да вы сами говорили, что не стали бы противить-ся ея склонности.

— О, конечно бы не стала!.... Но разсудите милос-тивно!

— Я не оправдываю поступка вашей падчерицы: она дурно сдѣлала, что не имѣла къ вамъ довѣренности; вы такъ ее любите....

— Какъ родную дочь! Видить Богъ, какъ родную дочь!

— А если такъ, сударыня, сказалъ предводитель, такъ будьте же до конца нѣжной матерью: простите ее!

— Въ самомъ дѣлѣ, Анна Степановна, прибавилъ Холминъ, мигнувъ украдкою Слукиной: вѣдь сняв-ши голову, о волосахъ не плачутъ. Добро бы дѣло-то было поправное, а то что толку и себя надрывать, и ихъ мучить? Эхъ, матушка, простите ее!

— Ну, если все меня просятъ, сказала съ глубокимъ вздохомъ Слукина: такъ видно пришлось простить.....

— Но можетъ-быть, примолвилъ губернаторъ, тотъ, за кого она вышла замужъ.....

— Да кто бы онъ не былъ! перервала Слуккина: все равно! По-моему, батюшка, ваше превосходительство, прощать, такъ прощать. Онъ мужъ ея, такъ я и его буду любить какъ роднаго сына.

— Какъ вы добры, Анна Степановна! сказалъ предводитель.

— Что жъ дѣлать, Николай Ивановичъ! Знаю сама, что это слабость: да ужъ у меня натура такая!

— Вы слышите, ваше превосходительство? сказалъ въ полголоса Холминъ, обращаясь къ губернатору: госпожа Слуккина добровольно, по одному побужденію своего добраго сердца, прощаетъ мою крестницу. Варинька здѣсь, Анна Степановна; и если вы позволите ей войти.....

— Охъ, постой, батюшка, постой! Дай собраться съ духомъ.... Сердце-то у меня, сердце!.... Вотъ такъ выскочить и хотеть.

— Право, вамъ не мѣшастъ пустить кровь, сударыня, шепнулъ докторъ фонъ-Раухъ. Вы въ такомъ волненіи.....

— Не ваше дѣло, батюшка! вскричала Слуккина. — Ну, пусть войдетъ, продолжала она, закрывая лице объими руками. О, Господи, укрепи меня грѣшную!

Боковыя двери отворились, и молодые вошли въ гостиную.—Вотъ она! сказалъ Холминъ, подводя къ Слуккиной свою крестницу.

— Ну, Варинька, Богъ тебѣ судья! проговорила Анна Степановна, стараясь всхлипывать: огорчила ты меня на старости! Ну, да такъ и быть. Господь съ тобой! Я прощаю тебя, мой другъ!... Да гдѣ же твой мужъ?

— Вотъ онъ, маменька.

Слукина подняла глаза: передъ нею стоялъ Тонской.

На этотъ разъ она не-шутя упала въ обморокъ, и докторъ фонъ-Раухъ добился своего: онъ пустилъ ей кровь.

* * *

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого приключенія, въ собраніи общества людей «высокаго полета» происходилъ такой разговоръ:

княгиня ландышева (*обращаясь къ Вельскому*).
Такъ, князь Владиміръ Ивановичъ сегодня къ намъ не будетъ?

вельской. Нѣтъ, княгиня. Я уговорилъ его отправиться въ деревню.

гореглядова. Что это вамъ вздумалось?

вельской. Такъ вы не знаете? Князь хотѣлъ рѣзаться съ Тонскимъ.

златопольская. Ахъ, Боже мой! Дуэль?

вельской. Да! И вы не можете себя представить, какого мнѣ стоило труда доказатьему, что онъ навсегда сдѣлается смѣшнымъ, если станетъ драться съ этимъ молокососомъ, — и за кого же? — за какую-то Барвару Николаевну Тонскую, урожденную Слукину!

княгиня. Да неужели онъ въ самомъ дѣлѣ былъ влюбленъ въ эту дѣвочку?

вельской. До безумія.

княгиня. Впрочемъ у ней очень хорошее состояніе. Надобно сказать правду, Анна Степановна поступила съ ней весьма благородно: она дала за ней въ приданое тысячу душъ.

гореглядова. Право? О, такъ я понимаю, что Тонской могъ въ нее влюбиться. Но князь!! Боже мой! да что онъ напелъ въ ней хорошаго? Une petite sottie!

зарѣцкая. Худа, блѣдна какъ смерть.

гореглядова. Стекланные, голубые глаза.....

княгиня. Сѣрые, та chère.

гореглядова. Сѣрые или голубые, только въ нихъ вовсе нѣтъ души.

златопольская. А носъ, та chère, носъ?... (взглянувъ украдкою въ зеркало.) Надѣюсь, его никто не назоветъ Греческимъ?

вельской. И, полноте! Охота вамъ говорить объ этой алебастровой куклѣ? Мнѣ все кажется, какъ-будто-бы ее сейчасъ на лоткѣ носили.

зарѣцкая. Comme vous êtes méchant!

гореглядова. Для меня этотъ Тонской несравненно лучше своей жены. (Взглянувъ изъ подлѣбья на Вельскаго) Il est assez joli garçon!

вельской. Кто, онъ? Да, конечно, онъ былъ бы прекраснымъ тамбуръ-мажоромъ.

княгиня. Да; это правда, онъ не дурень собою, но такъ обыкновенень! Такія иньобельныя формы!....

зарѣцкая. Бѣлъ, румянь....

златопольская. Свѣтлые волосы.... Фи! настоящая Русская физиономія.

вельской (улыбаясь). Вы, кажется, не всегда это думали.

златопольская (коверкаясь). Ай! что вы это говорите? Полноте!

вельской (обращаясь къ Зарѣцкой). Да мнѣ помнится, что и вы....

зарѣцкая (ломаясь). Кто? я?.... Quelle idée!

вельской. Если не ошибаюсь, такъ было время, что даже и вы княгиня.....

княгиня (взглянувъ пристально на Вельскаго). Я?

вельской. Да, да! Признайтесь, что онъ вамъ очень нравился.

княгиня. Можетъ-быть. Я даже вамъ скажу.

когда это было.... Да, точно такъ! Въ то самое время, какъ вы сватались за эту алебастровую куклу.

ГОРЕГЛЯДОВА (*вспыхнувъ*). Какъ? Вельской, вы хотѣли на ней жениться?

ВЕЛЬСКОЙ (*съ примѣтнымъ замѣшательствомъ*). Кто? я?... Жениться на Слукиной? Помируйте!..

КНЯГИНЯ. Да вы почти при мнѣ ей дѣлали предложенія.

ГОРЕГЛЯДОВА (*нескрывая своей досады*). Прекрасно!

ВЕЛЬСКОЙ (*тихо Гореглядовой*). Полмоте! (*Громя*) Какъ вамъ не стыдно,, княгиня!

КНЯГИНЯ. А, Вельской, вы любите шутить надъ другими!

ГОРЕГЛЯДОВА. C'est bien, monsieur! C'est très-bien! Такъ вы хотѣли жениться?... (*Ее начинаетъ подергивать.*)

КНЯГИНЯ. Qu'avez-vous, ma chère?... Что вы?...

ГОРЕГЛЯДОВА. Ничего!... Dieu!... Спазмы! Мнѣ душно!....

КНЯГИНЯ. Человѣкъ! человѣкъ!.... Спирту, воды!

(*Вся суетится около Гореглядовой.*)

ГОРЕГЛЯДОВА (*Вельскому*). Laissez-moi!.... Ахъ, я задыхаюсь!.... Oh, les hommes, les hommes!

ВЕЛЬСКОЙ. Это ничего. Пройдетъ! (*Тихо княгинѣ*) Какая неосторожность!

ЗЛАТОПОЛЬСКАЯ (*тихо Зарѣцкой*). Какъ она себя компрометируетъ!

ЗАРѢЦКАЯ. Да, ma chère! Мнѣ очень ее жаль! Elle est si bonne!.... (*Въ сторону*) Поѣду сейчасъ разсказать объ этомъ моей кузинѣ!

М. ЗАГОСКИНЪ.

=

СТАМБУЛЬСКІЕ ОРИГИНАЛЫ.

=

Я не стану рассказывать вамъ здѣсь ни о томъ, какъ Бостанджи-баши пытается Армянскаго банкира, ни о томъ, какъ на углу улицы палачъ, среди глупой и любопытной толпы, отрѣзываетъ голову преступнику, какъ барану, и кладетъ ее подъ мышку или между ногъ окровавленному трупу; ни о чумѣ, ни о пожарахъ, ни о бунтахъ, ни даже о здѣшнихъ балахъ. Я предпочитаю всему этому здѣшнихъ оригиналовъ. Я познакомлю васъ съ особымъ классомъ путешественниковъ. Они не за тѣмъ пришли сюда, чтобы вылечиться отъ болѣзни: здѣсь и здоровый не устоитъ при встрѣчѣ съ черною гостью, которая, прибывъ изъ Африки вмѣстѣ съ пассажирами на купеческомъ бригѣ, такъ роскошно гуляетъ по берегамъ Босфора и каждый годъ собираетъ жатвы нѣсколькихъ тысячъ кляфировъ всѣхъ народовъ, толпящихся въ столицѣ Исламизма, — вѣрующихъ или нѣтъ въ предопредѣленіе. Они также не артисты: Турки не любятъ артистовъ, и считаютъ тяжкимъ грѣхомъ писать свои портреты. Кромѣ всѣхъ путешественниковъ, которыхъ любопытство, наука или торговля, сзываютъ въ Константинополь, есть другой родъ странниковъ, гораздо многочисленнѣе, пестрѣе, предприимчивѣе. Это люди, которые гонятся за счастьемъ. Это искатели приключеній, которымъ вся широкая Европа тѣсна для полета ихъ генія; которымъ всѣ обыкновенные пути въ жизни кажутся грязными тропинками; которые рѣшились проложить себѣ новую дорогу, во что бы то ни стало, покинули родину и родныхъ, готовы выбрить голову и отказаться отъ своей вѣры, чтобъ осуществить

сонъ, встревожившій ихъ праздную лѣнь картиною золоченнаго кіоска на берегу Босфора, ароматической атмосферы восточнаго цвѣтника на терасѣ сада, сладострастной нѣги гарема и круга розовыхъ пажей и нѣмыхъ рабовъ. Французы въ этомъ разрядѣ занимаютъ первое мѣсто, можетъ-быть по существующему у нихъ сочувствію къ Туркамъ и къ ихъ образу жизни; можетъ-быть, — и это вѣрнѣе, — по недостатку религіозныхъ правилъ, которымъ страждетъ значительная часть этого народа. Первое ихъ дѣло по прибытіи въ Константинополь — итти на кладбище Дервишей-плясуновъ въ Перъ, и поклониться огромному мрамору, украшенному старинною Турецкою чалмою, и подъ которымъ поживаетъ прахъ славнаго ренегата, ихъ соотечественника, графа Бонневая, прежде Австрійскаго генераль-лейтенанта, сражавшагося противъ Турокъ подъ знаменами принца Евгенія, потомъ Турецкаго паши и дервиша, и наконецъ безстыднаго хоть и остроумнаго историка своихъ походовъ. Со времени преобразования, введеннаго султаномъ въ военной системѣ, каждый корабль, идущій отъ береговъ западной Европы, доставляетъ въ его армію или въ армію его врага, Мехеммед-Алія, будущихъ пашей изъ самой послѣдней сволочи Европейскихъ обществъ. Правда, что большая часть ихъ, отъ неудачъ или по другимъ причинамъ, скоро получаютъ отвращеніе къ новому роду жизни: пробывъ нѣсколько лѣтъ на берегахъ Босфора и Нила, многіе изъ нихъ вспомнили свои родные берега, и уже возвратились тайкомъ во-свои; но многіе также, разорвавъ навсегда всѣ узы родства и боясь показаться въ отечествѣ, гдѣ вѣроятно ожидаетъ ихъ исправительный домъ за старыя прегрѣшенія или тюрьма за долги, рѣшились пуститься въ другую промышленность: они промѣняли шпагу на ланцетъ, сдѣлались signori medici, и дѣятельно стали за-

лечивать подданныхъ султана, которыхъ надѣялись прежде душиить другими средствами, въ качествѣ его сановниковъ и любимцевъ. Мнѣ случилось видѣть нѣсколько такихъ побочныхъ дѣтей Эскулапа въ Кандіи, въ Смирнѣ, въ Дарданеллахъ. Многіе изъ нихъ сознаются безъ обиняковъ, что никогда не учились Медицинѣ, что даже для формы не знаютъ сколько-нибудь по-Латыни, и увѣряютъ, что практикою узнали свойства человеческого тѣла, и что такимъ образомъ пріобрѣтаютъ они болѣе свѣдѣній, нежели ихъ Европейскіе собраты, коптѣющіе въ книгахъ. Они всегда составляютъ какую-нибудь сентиментальную исторію своихъ приключеній, принудившихъ ихъ оставить Европу и сдѣлаться докторами: то неудачи по службѣ, то преслѣдованіе за благородство мыслей, то измѣна любимой особы, заставили искать убѣжища въ Турціи. Самые добросовѣстные изъ нихъ идутъ въ шарлатаны: они употребляютъ только невинныя средства, и даютъ за хорошую цѣну своимъ пациентамъ стекляночки съ водою, окрашенною розовымъ, желтымъ, кофейнымъ цвѣтомъ, пилюли изъ хлѣба съ какимъ-нибудь незначимымъ порошкомъ, и тому подобное. Другіе не такъ снисходительны, и лечатъ на убой. Рыская по Турціи съ сумою, наполненною лечебнымъ запасомъ, они иногда заслуживаютъ громкую извѣстность, особенно если насмѣшница судьба вздумаетъ имъ улыбнуться и позволить вылечить какое-нибудь высокое лицо подъ ихъ надзоромъ: тогда открываются имъ гаремы; они пріобрѣтаютъ политическій вѣсъ вліяніемъ своимъ на вельможу или на его кадыну; вливаются какъ пѣвки въ ихъ довѣренность; простираютъ свои интриги до самого сераля, продаютъ дорогою цѣною свое покровительство не только мелкимъ просителямъ, но посламъ и государямъ, и иногда располагаютъ судьбою цѣлыхъ областей. Но болѣею частію они при-

нуждены довольствоваться весьма скромною промышленностью: я видѣлъ, какъ они десятками отправляются каждый день изъ Перы въ Константинополь, обходятъ самыя уединенныя улицы, и хриплымъ голосомъ исчисляють болѣзни, отъ которыхъ несомнѣнные лекарства хранятся въ ихъ коробкѣ, оканчивая всегда исчисленіе какою-нибудь фразою въ восточномъ вкусѣ освоенъ врачебномъ всемогуществѣ. Положеніе ихъ незавидно, несмотря на возможность вдругъ выскочить въ люди. Въ странѣ, гдѣ царствуетъ вѣра въ предопредѣленіе, они имѣють опасныхъ соперниковъ въ старыхъ дервишахъ, которые лечатъ всѣ болѣзни тализмапами. Азіятское воображеніе, воспламененное таинственными изрѣченіями Корана, обрядами словія и мученичествомъ, которому эти святоши добровольно подвергаются, крѣпко вѣрять въ силу средствъ, почерпнутыхъ въ самой религіи: притомъ дервиши имѣють то преимущество предъ другими шарлатанами, что въ случаѣ неудачи своего пользованія, могутъ торжественно объявить, что смерть была написана на скрижаляхъ судебъ, — а что значать усилія челоуѣка передъ одною буквою предвѣчной книги! А докторамъ по званію нерѣдко достаются палки по пятамъ, и были случаи, что какой-нибудь своенравный паша предлагалъ имъ или вылечить любимаго сына, или готовиться къ висѣлицѣ въ случаѣ его смерти, и потомъ буквально сдерживалъ свое слово. Сверхъ-того, въ странѣ непрерывныхъ переворотовъ опасно связывать свою судьбу съ судьбою могучаго лица, которое при первомъ гнѣвѣ султана, при первой вспышкѣ мятежа, можетъ сдѣлаться жертвою обстоятельствъ.

Въ Перѣ есть теперь нѣсколько ученыхъ Европейскихъ врачей, но они служатъ почти исключительно для Европейцевъ, поселившихся въ этомъ предмѣстіи Константинополя: если случится, что ихъ

позовутъ къ мусульманину, они должны только бороться съ непреодолимыми предразсудками, и часто всѣ ихъ убѣжденія безсильны передъ упрямымъ невѣжествомъ Турка. Недавно, одинъ Англійскій докторъ, желая познакомиться съ состояніемъ своей науки въ Константинополѣ, рѣшился войти въ кофейный домъ, гдѣ Левантскіе его собраты обыкновенно имѣютъ свои засѣданія, и сыграть комедію подобно имъ. Онъ важно усѣлся на скамьѣ, а его переводчикъ сталъ, по обычаю, исчислять мнимые его подвиги. «На «дняхъ, говорилъ онъ, этотъ достопочтенный *хекимъ* («мудрецъ»), цвѣтъ мудрецовъ (лекарей) Френгистана, «вылечилъ, въ присутствіи многихъ свидѣтелей, по- «чти умершаго эфендія: онъ извлекъ изъ груди боль- «наго лёгкое, очистилъ отъ всѣхъ поврежденій, по- «ложилъ назадъ, и на другой день эфенди былъ въ «вождемѣнномъ здоровіи, за чтѣ и щедро наградилъ «его пятью мѣшками золота.» Слушатели, привыкшіе вѣрить подобнымъ рассказамъ, такъ же какъ чудесамъ Тысячи Одной Ночи, «положили въ уста палецъ удивленія.» Одинъ воскликнулъ — «Нѣтъ божества кромѣ Бога!»; другой прибавилъ — «и Магометъ пророкъ Бога!»; третій, вставъ съ мѣста, сказалъ доктору самымъ дружелюбнымъ голосомъ — *Гель глуръ!*, «Поди за мной, огнепоклонникъ *!»), и повелъ его къ одному большому пашѣ. Медики всѣхъ націй, правовѣрные и невѣрные, осаждали постель страждущаго, вмѣстѣ съ толпою друзей, слугъ и рабовъ его. Главную дѣйствующую роль въ этомъ нестромъ собраніи игралъ важный имамъ: онъ началъ консиліумъ слѣдующимъ экзордомъ: «Аллахъ сотворилъ міръ для «того, чтобы разлить въ немъ свѣтъ Исламизма. Госпо-

* Мы не скажемъ ничего новаго, напомнимъ читателямъ, что слово *глуръ*, которымъ Турки величаютъ всѣхъ иновѣрцевъ; есть йсковерканное ими Персидское — *геберъ*, или *геверъ*, Гебръ, Гвевбръ, огнепоклонникъ.

«динъ нашъ, Магометъ-Избранный — да благословить его Аллахъ, да привѣтствуетъ онъ его! — получилъ «благородный Коранъ изъ рукъ ангела Гавріила. Эта «книга писана собственноручно Аллахомъ прежде «всѣхъ вѣкъ, и на ея священныхъ страницахъ изоб- «ражена вся мудрость богословія и природы. И такъ «всякое знаніе, почерпнутое не изъ Корана, есть толь- «ко обманъ и нечестіе.» Имамъ справлялся съ Кора- номъ, и нашель-было, что слово «медъ» повторялось въ немъ столько разъ, сколько дней продолжалась болѣзнь паши: слѣдовательно медъ былъ единствен- нымъ отъ ней лекарствомъ. Воскъ входитъ въ составъ меду: и такъ, надлежало употреблять воскъ. «Мудре- «цы, хекимы! продолжалъ онъ, возложимъ упованіе «на Аллаха, и дадимъ болящему должный пріемъ во- «ску. Онъ страждетъ уже тридцать шесть дней: *ин- «маллахъ теалл*, — если угодно Всевышнему Аллаху, — «при благословеніи Его пророка, — пусть онъ прини- «масть по тридцати шести капель воску черезъ каж- «дыя тридцать шесть часовъ.» Когда имамъ кончилъ эту рѣчь, слуги, рабы, друзья больного и правовѣр- ные хекимы, превозгласили глубокую его премуд- рость, и кончили тѣмъ, что нѣтъ божества кромѣ Ал- лаха, и другаго лекарства кромѣ воска для Его Благо- получія, государя нашего, паши. Никому не было позволено противурѣчить. Всякое свѣтское разсужде- ніе считалось бы нечестіемъ послѣ всесильнаго га- данія по Корану. Имамъ далъ каждому врачу по пяти цекиновъ: они раскланялись, и оставили больного на произволъ судьбы. Англичанинъ, который описывалъ потомъ эту коми-трагическую сцену, выходя отъ паши, изъявилъ свое удивленіе одному Армянскому врачу: тотъ, болѣе опытный въ подобныхъ обстоя- тельствахъ, съ осторожностью осмотрѣлся, и сказалъ ему на ухо: «Пашу хотятъ отравить! Онъ завѣщаль всѣ свои богатства одной мечети.» Англичанинъ, для

облегченія своей совѣсти, зашелъ опять въ домъ паши, и сказалъ одному изъ невольниковъ, чтобы онъ предостерегъ своего господина, что онъ умретъ, если приметъ лекарство. Но смерть паши была написана въ книгъ предопредѣленія, и судьба его исполнилась.

Нѣчто подобное случилось съ капитанъ-пашею, умершимъ въ 1830 году. Ахмедъ-Папуджчу, то есть, Ахмедъ-Башмачникъ, до вступленія въ должность главнаго адмирала Турецкой имперіи, или, какъ его офиціально называли въ фирманахъ, въ должность «опытнаго пловца среди острововъ и скалъ, и храбраго воителя морей отъ одного горизонта до другаго», занимаясь шитьемъ туфель въ одной изъ грязныхъ улицъ Галаты. Его пользовали Европейскіе доктора, но, при самомъ критическомъ переломѣ болѣзни былъ призванъ имамъ, который, запретивъ всѣ лекарства невѣрныхъ, увѣрилъ больнаго, что нечистый духъ поселился въ его желудкѣ, и сталъ его заговаривать. Неизвѣстно, какія средства употребилъ имамъ для изгнанія нечистаго, но потомъ всѣ невольники паши увѣрили, что онъ извлекъ пять штукъ чертей изъ тѣла великаго адмирала, связалъ ихъ, и положилъ на софу. Они скоро улетѣли: разумѣется, что за нечистыми духами улетѣла и чистая душа его превосходительства Ахмеда-Башмачника.

Французскій врачъ, Г. Бальи, который провелъ нѣсколько лѣтъ въ Константинополь по любви къ своей наукѣ, также насмотрѣлся на странныя приключенія съ докторами, которые лечатъ Турокъ. Любопытенъ анекдотъ его съ славнымъ Гусейнъ-Пашею, истребителемъ янычаръ, который теперь омрачилъ свою славу въ войнѣ съ Ибрагимомъ-Пашею, но который послѣ побойща этой страшной рати на Атъ-мейданъ, или Инподромъ, былъ однимъ изъ первыхъ любимцевъ султана и однимъ своимъ именемъ приводилъ въ

трениръ оробѣвшіе остатки дѣтей Хаджи-Бекташа.

Гусейнъ-Паша сказалъ доктору Бальи, что прежде страдалъ онъ какою-то болью, — будто его три иглы кололи по печени, и что эта боль наводила на него шорой сильную лихорадку. — Это, вѣроятно, отъ усталости послѣ неумѣреннаго движенія, или отъ какого-нибудь удара, замѣтилъ докторъ. — «Нѣтъ! отвѣчалъ паша: въ Варнѣ измѣнили мнѣ три злодѣя; мнѣ не удавалось ихъ наказать, и тогда зародилась эта болѣзнь. Шесть мѣсяцевъ я сильно страдалъ; потомъ мнѣ посчастливилось застрѣлнить двухъ изъ монхъ злодѣевъ: это меня облегчило. Боль осталась только въ одной точкѣ, потому что третій спасся.» — Докторъ замѣтилъ ему, что, поэтому, его леченіе зависѣло болѣе отъ поисковъ полиціи, нежели отъ Медицины. — «Я совершенно убѣжденъ, прибавилъ паша, что вся боль пройдетъ, если третій изъ злодѣевъ попадетсѣ въ мои руки: но не можешь ли облегчить мое страданіе?» — Я совѣтую вамъ быть умѣреннѣе, если вы дорожите жизнью. — «Меня и безъ того изломали годы! сказалъ паша со вздохомъ. Что если бъ ты меня зналъ прежде, когда голова у меня была желѣзная, умъ въ головѣ огонь, и душа пороховая! Все во мнѣ кипѣло тогда. Оступитсѣ ли моя лошадь, пуля ей въ лобъ! Разсердитъ ли меня непослушный солдатъ, долой ему голову!» — Васъ бы излечила, сказалъ ему докторъ, кровавая битва, такая напимѣръ, какъ Атъ-мейданскій день. — При этомъ воспоминаніи лице Гусейна загорѣлось. — «Ты правъ, хекимъ! сказалъ онъ доктору: ты угадалъ мою болѣзнь!»

Болѣе всего досаждаютъ Турки своимъ докторамъ безпрестанными требованіями кровепительныхъ, *менджунѣ*, необходимыхъ имъ при вепомѣрной неводержности. Всѣ изобрѣтенія невѣжественныхъ и сладострастныхъ вѣковъ употребляются до-сей-поры въ

Цареградскихъ гаремахъ для возбужденія чувственной любви въ пресыщенныхъ *Османлы*. Ихъ женщины, которыхъ судьба значительно улучшается, когда сдѣлаются онѣ матерями, убѣдясь въ безсиліи всѣхъ употребленныхъ фильтровъ, обращаются также къ докторамъ, и просятъ у нихъ напитковъ, способствующихъ къ дѣторожденію. Все это, не считая палокъ и висѣлицы, поставляетъ врачей въ весьма непріятное положеніе, но зато они щедро вознаграждены особымъ преимуществомъ ихъ званія, — правомъ входить въ завѣтныя двери гаремовъ. Визиты въ гаремы дѣлались прежде съ большими предосторожностями: всѣ невольницы, кадыни (барыни), посѣтительницы, запирались въ особомъ покоѣ; эвнухъ велѣлъ доктора къ постели больной, лежавшей подъ покрываломъ; если докторъ хотѣлъ пощупать пульсъ, рука давалась подъ тонкою кисеею, чтобы не осквернить тѣла прикосновеніемъ чужаго мужчины; если онъ требовалъ языка, только часть покрывала приподнималась, и онъ могъ видѣть кончикъ языка, не видя губъ красавицы. Въ наше время Турки возымѣли лучшее понятіе, если не о нравственности своихъ Европейцевъ, по-крайней-мѣрѣ о правилахъ Европейской Медицины, и безпрекословно покоряются всѣмъ требованіямъ доктора, даже въ гаремахъ. Мой пріятель докторъ Г*** имѣлъ много случаевъ посѣщать Турецкіе гаремы въ Константинополь и въ Смирнѣ. Въ этомъ послѣднемъ городѣ, сохраняющемъ гораздо строже коренные Оттоманскіе обычаи, визиты дѣлаются еще съ какою-то таинственностью, и окружены безчисленными предосторожностями; но въ Стамбулѣ, гдѣ Европеизмъ дѣлаетъ столь чувствительные успѣхи, хотя онъ и не облегчилъ, да и никогда не облегчитъ, участи гаремныхъ затворницъ, въ этихъ случаяхъ гораздо меньше церемоній. Турокъ прехладнокровно вводитъ доктора въ свои покои, показываетъ ему жену

или дочь, и все вопросы, которые привели бы въ замѣшательство Европейскую даму, дѣлаются преспокойно въ его присутствіи. Въ этихъ визитахъ забавнѣе всего то, что все Турчанки гарема, въ покрывалахъ и безъ покрывалъ, поочередно подходятъ къ доктору, даютъ ему пульсъ и показываютъ языки. Въ первый разъ мой пріятель, смущенный этимъ обрядомъ, принялъ то за насмѣшку своему званію, и хотѣлъ удалиться отъ фигуръ, которыя окружали его съ разинутымъ ртомъ и протянутыми руками; но бывшій съ нимъ старикъ переводчикъ успѣшилъ объяснить ему, что необходимо пощупать у всѣхъ пульсъ и осмотрѣть все языки, потому что Турчанки увѣрены, что одно это дѣйствіе снабжаетъ ихъ здоровьемъ по-крайней-мѣрѣ на нѣсколько недѣль. Были даже случаи, что если непредувѣдомленный объ этой церемоніи докторъ отказывался отъ ревизіи двадцати здоровыхъ языковъ, оскорбленные невѣжествомъ его Турчанки снимали туфли и били его хоромъ по щекамъ, доколь онъ не согласился надѣлать всѣхъ ихъ порціею здоровья.

Эти понятія, такъ способствующія развитію самаго дерзкаго шарлатанства, и эти вольности, позволяемыя привилегированному классу врачей, подають иногда поводъ къ самымъ интереснымъ интригамъ. Такъ какъ одна только круглая шляпа на головѣ составляетъ въ глазахъ Турокъ аттестатъ медицинскій академіи, то всякой, кто ее носить, можетъ выдать себя за доктора и подъ его именемъ нарушить неприкосновенность гаремной святыни. Этого рода самозванцы не довольствуются однимъ только воззрѣніемъ на языкъ мусульманокъ. Зная сильную ихъ склонность къ измѣнѣ и особенную привязанность ихъ къ Франкамъ, о которыхъ нравъ и обхожденіи съ женщинами ходять между ними весьма благопріятные слухи, многіе изъ этихъ господъ умѣли воспользоваться случаемъ, и затѣ-

вали сношенія, сопряженные съ величайшими опасностями. Турчанки, несмотря на свою непомянутую глупость, слѣдствіе ихъ вѣчнаго затворничества, одарены какимъ-то природнымъ остроуміемъ въ назначеніи любовныхъ свиданій, и самозванные доктора стараются развивать счастливое ихъ расположеніе, хотя нерѣдко поплачиваются дорого, въ случаѣ открытія. Но вообще смѣлость, съ которою Турчанки пускаются въ приключенія, превосходить вѣроятіе. Во время пребыванія нашего въ Константинополь, двѣ изъ нихъ надѣлали такую суматоху, что вся Пера пришла въ волненіе.

Два восемнадцати-лѣтніе мичмана Англійскаго военнаго корабля, стоявшаго на Босфорѣ, бѣлые, свѣжіе, весьма привлекательной наружности, шли одной изъ Перскихъ улицъ, и были подмѣчены гаремными затворницами. Данный изъ-за рѣшетки знакъ остановилъ ихъ. Черезъ минуту отворится калитка, и черная невольница приглашаетъ ихъ войти въ домъ. Они, не долго думая, бросаются въ калитку, но къ несчастью сосѣди ихъ замѣтили, и дали знать на гауптвахту, занятую отрядомъ регулярнаго войска. Солдаты окружили домъ и ожидали выхода Англичанъ: они не смѣли отыскивать ихъ въ гаремъ, потому что полиція гаремовъ не подлежитъ вѣдѣнію ни какой другой власти кромѣ мужниной. Черезъ часъ молодые джентльмены, которые знали уже о своемъ осажденіи, вышли съ обнаженными саблями. Штыки загородили имъ дорогу; Турецкій офицеръ хотѣлъ ихъ арестовать, но они упершись спиною въ стѣну, стали махать саблями, въ твердомъ намѣреніи не сдаться. Солдаты составили около нихъ полукружіе, но атаковать ихъ не смѣли: впечатлѣнія войны съ Россіею поселяли въ нихъ страхъ къ Европейскимъ воинамъ. Англійскій консулъ былъ увѣдомленъ о происходившемъ, и поспѣшилъ освободить молодыхъ шалуновъ. Онъ взялъ ихъ

на свое поручительство, съ условіемъ представить по востребованію, но въ тотъ же вечеръ тайкомъ отправилъ изъ своего дома обратно на корабль, который выгружалъ тогда у арсенала пушки, присланныя султану изъ Англійи. На другой день капитанъ-паша, стоявшій на рейдѣ со всѣмъ флотомъ и начальствующій надъ этою частию города, получилъ донесеніе о провсшествіи. Хозяинъ гостепріимнаго гарема былъ его любимый офицеръ, и капитанъ-паша рѣшился утѣшить его наказаніемъ преступниковъ. Онъ послалъ къ Англійскому капитану требовать съ угрозами, чтобы виновники были выданы въ его руки. Англичанинъ отвѣчалъ съ насмѣшкою, что онъ справлялся съ своими законами, но не нашелъ въ нихъ никакого наказанія за посѣщеніе гарема. Озлобленный капитанъ-паша велѣлъ схватить двухъ первыхъ офицеровъ, какіе попадутся на берегу, и привести ихъ къ нему. Такъ случилось, что два офицера другаго Англійскаго корабля о восьмидесяти-четырехъ пушкахъ, были тогда въ городѣ: люди Турецкаго адмирала поймали ихъ на улицѣ. Капитанъ, узнавъ, что два его офицера арестованы на Турецкомъ кораблѣ, посѣпшилъ объявить черезъ своего министра капитанъ-пашѣ, что за это оскорбленіе Великобританскаго флага онъ готовъ рѣшиться на все, чего только требуетъ отъ него долгъ службы и чести, и что если черезъ нѣсколько часовъ офицеры не будутъ освобождены, онъ притянется къ арсеналу и сожжетъ все, хотя бы и самъ сдѣлался жертвою пламени. Капитанъ-паша не хотѣлъ върять столь дерзкой угрозѣ, но когда Англійскій корабль приготовился сняться съ якоря, онъ освободилъ офицеровъ, которыхъ, быть-можетъ, сбирался посадить на колъ съ особеннымъ удовольствіемъ, за проказы невѣрныхъ мичмановъ съ мусульманками.

Судьба Турчанокъ осталась совершенно неизвѣстною.

Возвращаясь къ шарлатанамъ, не должно забывать, что въ Константинополь есть главноначальствующій надъ шарлатанами, министр шарлатанства. Это хеки-мъ-баши, «глава мудрецовъ», то есть, врачей, который въ тоже время управляетъ всею медицинскою частію, какъ это, впрочемъ, извѣстно даже и читателямъ романовъ. Я имѣлъ удовольствіе быть у него съ моимъ пріятелемъ докторомъ, чтобъ лично освѣдомиться о состояніи его кейфа. Хеки-мъ-баши Бегджетъ-Эфенди-Турокъ очень примѣчательный, и одинъ изъ самыхъ любезныхъ Османлы. Онъ живетъ въ своемъ Босфорскомъ домѣ, передъ которымъ фрегатъ нашъ стоялъ на якорѣ. Бегджетъ-Эфенди-человѣкъ лѣтъ пятидесяти, говоритъ довольно бѣгло по-Италіянски, но въ глазахъ Турокъ имѣетъ важный недостатокъ, — онъ занкается, а это вредитъ мусульманской важности. Онъ былъ когда-то въ Европѣ, и болѣе всего любитъ говорить о политикѣ. Чтобы ослабить насъ всѣмъ блескомъ своихъ обширныхъ познаній, онъ сдѣлалъ намъ нѣсколько вопросовъ о Камчаткѣ и о нравахъ Алеутовъ: мы стали ему рассказывать, какъ шаманы лечатъ Камчадаловъ, надѣясь обратить разговоръ на его предметъ. Но онъ объ этомъ мало заботился. Онъ ставитъ берега Босфора выше всего на свѣтѣ, и любитъ свою безмятежную жизнь, которая есть не что иное, какъ продолжительный кейфъ при долговременной къ нему благосклонности вадишаха: что касается до Медицины, то знаніе этой науки ни сколько не входитъ въ его обязанности.

Прежде это мѣсто было почетнымъ званіемъ; но Мустафа III (1768), по случаю смерти любимаго имъ кызларъ-аги, умершаго въ рукахъ одного шарлатана, подчинилъ всѣхъ Константинопольскихъ медиковъ придворному своему хекиму. Теперь должность этого министра Медицины состоитъ въ томъ, чтобы передъ весеннимъ равноденствіемъ разсылать всѣмъ султан-

шамъ и вельможамъ крѣпительныя и продавать по червонцу дипломы на докторство всѣмъ желающимъ вписаться въ врачебное сословіе; безъ-сомнѣнія, чѣмъ болѣе является шарлатановъ, тѣмъ для него лучше, потому что этотъ сборъ составляетъ его доходъ. Другой не менѣе значительный источникъ его доходовъ состоитъ въ томъ, что султаны имѣютъ обыкновеніе, въ знакъ особенной милости къ больному вельможѣ, посылать къ нему своего лейбъ-медика, — а эти визиты обходятся дорого и карману и жизни несчастливеннаго подобнымъ вниманіемъ.

Нынѣшній хекимъ-баши бываетъ иногда приглашаемъ въ засѣданія Дивана, то есть, совѣта министровъ, какъ человекъ, который знаетъ всѣ болѣзни и котораго мнѣніе, поэтому, очень важно въ случаѣ политическаго недуга государства. Такъ на примѣръ, въ тотъ критическій день, когда рѣшалась судьба Оттоманской имперіи, когда всѣ министры султана, всѣ лица, имѣющія вѣсь при дворѣ и въ народѣ, собрались въ домъ великаго муфтія, чтобы подписать уничтоженіе япычаръ, послѣ рѣчи, въ которой верховный визирь излагалъ вредъ, нанесенный государству этимъ войскомъ, Бегджетъ-Эфенди подалъ свое мнѣніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Беспорядокъ есть испорченная кровь, которая разстроиваетъ организацію общественнаго тѣла, и которую должно извлечь ланцетомъ мудрости. Пусть же изложитъ намъ Рейсъ-Эфенди состояніе нашихъ внѣшнихъ сношеній, чтобы мы могли, какъ опытные врачи, по разсмотрѣніи всѣхъ припадковъ недуга, предписать должное лекарство». Это напечатано въ «Исторіи истребленія япычаръ», писанной государственнымъ исторіографомъ, Эсадъ-Эфендіемъ. Въ случаѣ открытія войны или заключенія мира, хекимъ-баши равнымъ образомъ подаетъ иногда свое мнѣніе, стараясь всегда прикрасить свои рѣчи учеными терминами въ родѣ

приведеннаго образца его медицинскаго краснорѣчія.

Я посѣтилъ также медицинскую академію, находящуюся при мечети Сулейманіе. Въ прежнее время слава ея гремѣла по всему Востоку: ее называли «обильнымъ источникомъ здравія на почвѣ мудрости», и «свѣтлою планетою, которой каждый лучъ возбуждаетъ жизнь»; но въ послѣдніе годы эта планета много потеряла въ общемъ мнѣніи. Я нашелъ только довольно неопрятную комнату, въ которой сидѣло на коврахъ до десяти учениковъ, большею частию людей возмужалыхъ, а въ углу старикъ ходжа, или учитель, хриплымъ голосомъ объяснялъ имъ, кажется, вліяніе звѣздъ на здоровье человѣческое. Турки гораздо болѣе успѣваютъ въ хирургіи: это происходитъ отъ частаго опыта надъ живыми людьми, а не отъ изученія Анатоміи, которая встрѣчаетъ у нихъ непреодолимыя преграды въ отвращеніи мусульманъ къ разсѣканію труповъ.

Но довольно Медицины. Перейдемъ къ оригиналамъ, которые играютъ со слѣпымъ счастьемъ въ жмурки въ султанской службѣ. Врачебное поприще для нихъ послѣднее средство существованія въ Турціи, и этотъ родъ шарлатанства служитъ имъ только на худой конецъ. Самые твердые и предприимчивые остались въ военной службѣ; многіе сдѣлались ренегатами, — не по необходимости, а по вкусу, потому что султанъ не требуетъ этого отъ своихъ Европейскихъ офицеровъ. Послѣдователи графа Бонивалля и барона Детотазанимаютъ теперь разныя должности по арміи. Между ними наиболѣе извѣстны генераль Болюе и баронъ Болле, образователи генеральнаго штаба, и полковникъ Калоссо. Походженія послѣдняго весьма любопытны. Онъ родомъ изъ Пиемонта. Подъ Наполеоновскими орлами дослужился онъ до чина ротмистра въ войскѣ принца Эвгенія, и, когда Французская имперія распалась, вступилъ тѣмъ же чиномъ

въ армію возстановленнаго Савойскаго дома. Въ продолженіе шестилѣтняго всеобщаго міра военная жизнь въ полкахъ Сардинскаго короля показала ему скучнѣе монашеской: притомъ, онъ не имѣлъ другой перспективы, какъ вѣкъ служить капитаномъ и умереть въ томъ же чинѣ. Надѣясь на повышеніе при другомъ порядкѣ вещей, онъ принялъ участіе въ бунтѣ 1821 года, но вся комедія кончилась ровно въ мѣсяць; Австрійскія войска поспѣшили на помощь старому королю Виктору Эммануэлю, и карбонари принуждены были спасаться бѣгствомъ. Калоссо, блуждавшій изъ города въ городъ, пріѣхалъ наконецъ въ Константинополь. Тогда еще не было рѣчи о преобразованіяхъ; чувство военной чести не позволяло ему сдѣлаться *signor medico*; вся его наука состояла въ верховой ѣздѣ и въ командованіи эскадрономъ, — и эта наука была совершенно бесполезна среди вѣчно нѣшей, торгующей толпы его соотечественниковъ, поселившихся въ Перъ. Нѣсколько времени Калоссо жилъ скудными ихъ подаваніями, скитался полубосый по грязному предмѣстію, и ожидалъ открытія ваканціи прикащика въ какой-нибудь конторѣ. Наконецъ какой-то Швейцарецъ, большой прожектеръ, вздумалъ удесятерить свой капиталъ открытіемъ портернаго завода на Босфорѣ, и взялъ Калоссо въ прикащики. Бывшій ротмистръ «великой арміи» занялся усердно разливаніемъ портера въ бутылки. Къ несчастію, ихъ портеръ оставался въ совершенномъ небреженіи у жителей Стамбула. Прожектеръ имѣлъ въ виду единственно тотъ стихъ Корана, которымъ запрещается правовѣрному употребленіе вина, и былъ твердо убѣжденъ, что вопреки Пророку, непредвидѣвшему его зати, онъ станетъ пить до-пьяна мусульманъ любимымъ напиткомъ Англій и Германій, и что они съ восторгомъ примутъ Вакхическую систему съвера, — а того не рассчиталъ, что Турки изба-

лованы шербетами и сладями, и что горечь портеру будетъ имъ вовсе не по вкусу. Дѣйствительно, тѣ изъ нихъ, которые рѣшились отвѣдать Европейской бузы, сдѣлали гримасу, и торжественно объявили, что она никуда не годится. Что касается до моряковъ, на которыхъ также полагался предприимчивый Швейцарецъ, то они тѣмъ только и блаженны подѣ острымъ скипетромъ султана, что могутъ досыта и за безцѣнокъ напиваться сладкими винами, и ихъ фанатизмъ вовсе не простирается такъ далеко, чтобы предпочитать невинный портеръ проклятому Тенедосскому и Самосскому винамъ. И такъ, портерный заводъ, расположенный въ Терапіи, въ самомъ живописномъ мѣстоположеніи Босфора, скоро былъ включенъ въ списокъ несостоятельныхъ спекуляцій, и Калоссо опять остался безъ мѣста. Новъ Константинополь уже наступала эпоха проектовъ важнѣе и прибыльнѣе пивоварни.

Одна изъ султанскихъ лошадей долго не давалась сѣдокамъ. Калоссо вызвался ее выѣздить: этимъ онъ сдѣлался извѣстнымъ султану, и обратилъ на себя его вниманіе, когда Махмудъ началъ формировать первый кавалерійскій эскадронъ своей гвардіи по Европейскому образцу. Обученіе эскадрона было ввѣрено Наполеоновскому офицеру. Вскорѣ самъ султанъ рѣшился научиться ѣздить по-Европейски, на маленькомъ сѣдлѣ и на длинныхъ стременахъ. Онъ взялъ къ себѣ Калоссо въ учителя. Султанъ Махмудъ считался однимъ изъ лучшихъ ѣздоковъ своей имперіи на старинный Турецкій манеръ, и теперь онъ ѣздитъ прекрасно въ гусарскомъ сѣдлѣ; но въ одномъ изъ первыхъ уроковъ Европейской ѣзды, когда Калоссо заставилъ его скакать въ манежѣ на неосѣдланномъ конѣ, онъ захотѣлъ слишкомъ рано выполнить какую-то эволюцію, показанную ему учителемъ, и съ непривычки, потерявъ равновѣсіе, владыка правовѣрныхъ неминуемо упалъ бы наземь безъ расторопно-

сти Калоссо, который его подхватилъ и спасъ отъ заключенія, сопряженнаго съ ужасными послѣдствіями. Надо знать предрасудки Турокъ и то, какое впечатлѣніе сдѣлало бы на умы царедворцевъ, войска и народа, это незначашее обстоятельство, что бы исполнивъ оцѣнить услугу Калоссо. Съ той минуты онъ сдѣлался однимъ изъ любимцевъ Махмуда, — пожалованъ въ полковники, награжденъ значительными подарками и содержаніемъ, и его образованность, его любезность, запрятанныя прежде подъ рубищемъ несчастія и вдругъ блеснувшія въ немъ вмѣстѣ съ богатымъ гусарскимъ мундиромъ, а болѣе всего частые случаи видѣться съ монархомъ, доставили ему уваженіе первыхъ вельможъ: многіе даже изъ членовъ дипломатическаго корпуса Перы ищутъ его дружбы.

Безъ-сомнѣніи, подобный прыжекъ изъ пивоваровъ въ кавалерійскіе полковники, въ любимцы султана, можетъ сильно воспламенить воображеніе искателей счастья, но, къ досадѣ, милость падишаха рѣдко достается незванымъ гостямъ, и Европейцы, приѣзжающіе сюда опредѣляться въ службу, болшею частию валяются въ Перотской грязи, которая гораздо неопрятнѣе грязь всѣхъ Европейскихъ столицъ.

Все это еще второклассные оригиналы: главные, первенствующіе и — самые забавные — сами Пероты; Пероты, то есть, коренные жители Перы, Европейскаго происхожденія, — болѣе или менѣе, — потому что генеалогія ихъ весьма сомнительна, хотя многіе изъ нихъ производятъ себя отъ Генуэзцевъ, владѣвшихъ этимъ предмѣстіемъ еще при Византійскихъ императорахъ. Поглядите на нихъ съ окошка, когда они въ странныхъ своихъ нарядахъ расхаживаютъ по тѣснымъ улицамъ, надутые двумя огромными спѣсами, Европейскою и Турецкою; когда суетятся по базарамъ, важничаютъ по крикливымъ пристанямъ или

гуляют по кладбищамъ! Представьте себя на первомъ планѣ этой чудной картицы десять, пятнадцать или болѣе разнохарактерныхъ купъ, которыя изображаютъ столько же Европейскихъ племенъ, перемѣшанныхъ и образующихъ родъ винегрета на холмѣ Перы, и которыя при всякомъ «важномъ политическомъ событіи», какъ то, прїездѣ новаго посланника, аудіенціи у визиря, табельномъ праздникѣ или балѣ въ посольствахъ, отдѣляются однѣ отъ другихъ, чтобы составить такъ называемыя «націи Перы». А націею въ Перѣ называется сословіе всѣхъ подданныхъ какой-нибудь христіанской державы, живущихъ здѣсь и въ другихъ мѣстахъ имперіи подъ непосредственнымъ вѣдомствомъ своего посольства, и управляющихся своими законами. Не должно думать, чтобы эти двадцать націй составляли по-крайней-мѣрѣ большую часть народонаселенія Перы: онѣ всѣ вмѣстѣ — едва десятая доля жителей предмѣстія, въ которомъ считается до пятидесяти тысячъ душъ обою пола. Но онѣ такъ шумятъ, такъ чванятся тѣмъ, что не признаютъ надъ собою власти султана, что могутъ безнаказанно смѣяться въ глаза всѣмъ Турецкимъ кадіямъ, и что ихъ пяты недоступны палкамъ бостанджи-баши, — что вы скорѣе прїимете ихъ за ватагу крестоносцевъ, идущихъ на завоеваніе Востока и случайно остановившихся въ Византіи при ея императорахъ, нежели за мирныхъ иностранцевъ, пользующихся только правомъ гостепрїимства въ чуждой имъ державѣ. Самые даже мусульмане, живущіе въ Перѣ, свыклись съ Европейскою дерзостью своихъ поселенцевъ, которая постоянно увеличивается съ каждымъ новымъ несчастіемъ, постигающимъ Турцію. Конечно, это ни сколько не мѣшаетъ усерднѣйшимъ мусульманамъ честить ихъ, по старой привычкѣ, невѣрными, огнепоклонниками и даже собаками, но эти слова потеряли свое значеніе для народа, и,

при всемъ его религіозномъ презрѣніи къ Европейцамъ, въ немъ проглядываетъ страхъ, внушаемый гюрами. За это Пероты должны благодарить оружіе Русскихъ и задунайскіе ихъ подвиги. Но они не благодарятъ ихъ ни мало! Они все вообще Турецкіе патриоты.

Значительнѣйшую и самую благодатную часть ихъ составляютъ католики, — и католики не въ шутку: ужь не попадайся имъ еретикъ! Они предпочитаютъ Турка христіанскому иновѣрцу и въ фанатизмъ не уступаютъ самимъ Армянамъ. Терпя постепенно со времени поселенія въ Перъ свою національную физиономию, они замѣнили любовь къ забытымъ родинамъ привязанностью къ догматамъ своихъ предковъ, выражаемую жестокою ненавистью ко всемъ другимъ исповѣданіямъ. Отъ времени до времени пылкій миссіонеръ католическаго Запада приходитъ поджигать новымъ факеломъ ихъ рвеніе. Недавно былъ въ Перъ извѣстный Французскій аббатъ, Жансонъ - Форбенъ, на возвратномъ пути изъ Іерусалима. Этотъ оригиналъ, вмѣсто того, чтобы у гроба Спасителя научиться смиренію, терпимости и кротости христіанина, воспламенился тамъ неисто вымъ негодованіемъ на «ереси». Увлеченный жаромъ своего воображенія или раскаяніемъ за заблужденія бурной юности, онъ разшевелилъ, проповѣдями своимъ въ здѣшней католической церкви, всю ненависть здѣшнихъ католиковъ противъ грековъ и протестантовъ. Главнымъ предметомъ своихъ проповѣдей избралъ онъ опасность всякихъ сношеній, особенно кровныхъ связей, Римскихъ католиковъ съ христіанами другихъ исповѣданій; и такъ какъ всякое краснорѣчіе, согрѣтое воображеніемъ и приправленное мистицизмомъ, сильнѣе дѣйствуетъ на пылкій умъ женщинъ, то слѣдствіемъ его возгласовъ были безчисленные семейные раздоры. Многія матери семействъ этой Церкви, которыхъ

мужья были протестанты или греки, пробудились съ религиознымъ испугомъ, и ихъ долготѣнее домашнее счастье показалось имъ продолжительнымъ грѣхомъ: разрывая священныя узы семейной жизни, онѣ вдругъ покинули своихъ супруговъ и дѣтей, чтобы раскаяніемъ купить свое спасеніе. Въ Смирнѣ поведеніе Жансона было еще преступнѣе. Въ этомъ городѣ нашель онъ совершенный миръ между христіанами: когда проповѣди его начали тревожить умы, протестантскій пасторъ вступилъ съ нимъ въ богословское и нравоучительное преніе, не о догматахъ вѣры, а о вредѣ и соблазнѣ, проистекающихъ отъ подобныхъ раздоровъ въ странѣ магометанской. Благоразуміе требовало производить такія пренія втайнѣ, чтобы не возжигать взаимной ненависти приверженцевъ той и другой Церкви; но аббатъ въ одной изъ своихъ громовыхъ проповѣдей показалъ письма, писанныя по этому предмету протестантскимъ пасторомъ, началъ со злобою отвергать слова мира, и до того воспламенилъ своихъ слушателей, что фанатическая толпа, оставивъ церковь, бросилась въ домъ пастора, чтобы растерзать еретика. Къ счастью, покуда ломали дверь, пасторъ успѣлъ спастись на крышу сосѣдняго дома, и поспѣшилъ оставить городъ. Можно себя представить, какое впечатлѣніе производятъ подобные соблазны надъ умомъ Турокъ. Въ одинъ этотъ день Смирнскіе мусульмане болѣе не восклицали — Гяурь! и — Собака! нежели вся остальная Турція въ теченіе цѣлаго послѣдняго вѣка.

Въ прежнее время квакеры иногда посѣщали Турцію; теперь иногда посѣщаютъ ее сенсимонисты. Надъ первыми Турки смѣялись, но сенсимонистовъ они не терпятъ, потому что проповѣдуемая ими свобода женщины вовсе несогласна съ ихъ выгодами и можетъ взбунтовать всѣ гаремы.

Льтомъ высшее общество Перы, ея дипломатическій кругъ и семейства богатыхъ банкировъ живутъ на Босфоръ, въ Терапіи и Бююкдере, въ деревнѣ Санъ-Стефано и на Княжескихъ Островахъ. Одинъ только купеческій классъ всѣхъ націй толпится въ базарахъ Галаты и одушевляетъ своей суетливостью длинную улицу, вьющуюся вдоль всего предмѣстія. Но теперь весь холмъ Перы гремитъ оглушающимъ стукомъ построекъ. Пожаръ 1831 года превратилъ это богатое предмѣстіе въ кучу пепла. Этотъ пожаръ былъ одинъ изъ ужаснѣйшихъ, какіе только въ памяти у Константинопольскихъ жителей, привыкшихъ впрочемъ считать тысячами дома, истребляемые огнемъ ежегодно. Но я обещалъ не говорить о пожарахъ: это вещь слишкомъ обыкновенная.

Пойдемъ лучше, по здѣшнему обычаю, подышать вечернимъ воздухомъ на одномъ изъ кладбищъ Перы. Ихъ бѣлые мраморы и вѣчнозеленые кипарисы обложили съ разныхъ сторонъ красивою мозаикою погорѣлое предмѣстье, какъ-будто для того, чтобы заключить въ раму неизмѣннаго покоя смерти и постоянства гробоваго быта картину судорожной дѣятельности человека на пепелищѣ его города. Вотъ конгрессъ оригиналовъ! При вечерней прохладѣ группы жителей Перы всѣхъ сословій, всѣхъ народовъ, всѣхъ вѣроисповѣданій, группы пестрыя, причудливыя, странныя, блуждаютъ по Кючюкъ-Мезарлыкъ, или «Маломъ Кладбищѣ», и сидятъ между надгробными мраморами, со всѣмъ безстрастіемъ, какое только внушается привычнымъ сближеніемъ со смертію въ странѣ чумы, пожаровъ и вѣчныхъ кровопролитій. Мусульмане по-крайней-мѣрѣ сохраняютъ и здѣсь свою ненарушимую важность, на которой, какъ и на всей ихъ жизни, отражается спокойствіе гробницъ; но вы невольно ощущаете непріятное впечатлѣніе при видѣ

болтливыхъ Перотовъ и Перотокъ, которые сходятся по вечерамъ сюда съ хлопотливою веселостью своего Левантскаго нрава, со всѣми сплетнями своихъ тѣсныхъ круговъ; шумно толкуютъ о своихъ оборотахъ, рассказываютъ свои продѣлки, разсыпаютъ свой мелкій житейскій бытъ на величїи могильномъ, или въ завѣтный часъ сумрака назначаютъ любовныя свиданїя среди обширнаго поля смерти. По праздникамъ жида скоморохи забавляютъ гуляющихъ: шаманская ихъ музыка, обильныя возмїанїя Вахху, шумное веселїе гуляющей толпы, немилосердо тревожатъ покой мертвецовъ. Я не могу объяснить себѣ, какимъ образомъ Турки, имѣя столь строгїя понятїя о неприкосновенности гробницъ и спокойствїи усопшихъ правовѣрныхъ, допускаютъ подобныя оскверненїя могильной святыни, ненарушимой у всѣхъ другихъ народовъ!

Одно только кладбище дервишей Мевлеви, расположенное кругомъ *теккїе*, или монастыря этихъ отшельниковъ, въ одномъ изъ лучшихъ мѣстоположенїй Перы, свободно отъ гуляющихъ. На немъ воздвигнуть надгробный памятникъ славному Халедъ-Эфенди, любимцу нынѣшняго султана, отданному имъ въ жертву янычарамъ. Кромѣ своего мавзолея, Халедъ-Эфенди оставилъ этимъ дервишамъ, къ сословію которыхъ принадлежалъ онъ самъ, богатую бібліотеку и разные вклады. Онъ также обновилъ и украсилъ *теккїе*, въ которой совершаются ихъ мистическія пляски. Дважды въ недѣлю жители Перы могутъ видѣть это странное зрѣлище, по вторникамъ и по пятницамъ въ первомъ часу по полудни. Сказавъ объ Европейскихъ оригиналахъ, я долженъ представить вамъ Турецкихъ. Созерцательная жизнь дервишей Мевлеви однообразно протекаетъ на возвышенїи, съ котораго ихъ взоръ обнимаетъ столицу, Босфоръ и окрестности,—

весь этотъ обширный театръ, гдѣ такъ быстро развиваются въ глазахъ внимательной Европы проекты преобразователя Турецкой имперіи. Но Мевлеви не принимаютъ въ нихъ участія: ни перемѣны костюмовъ, ни устройство регулярнаго войска, до нихъ не касаются. Сохраняя свои высокіе остроконечные колпаки и небрежно драпированныя мантии, они присутствуютъ какъ безстрастные зрители въ великой драмѣ Махмуда; блуждаютъ по Стамбулу среди непознаемой толпы населенія, одѣтаго имъ въ однообразное платье, и попрежнему соблюдаютъ полуязыческіе обряды своего ордена. Они всегда были извѣстны своей вѣротерпимостью, а нынче составляютъ родъ эпикурейской секты между строгими послѣдователями Корана, любятъ застольное веселье, и, послѣ утомительныхъ пируэтовъ, которыми добиваются просвѣтленія свыше, съ удовольствіемъ тянутъ «нечистую влагу» въ ночномъ уединеніи.

Я нѣсколько разъ былъ зрителемъ ихъ религіозныхъ плясокъ. Толпа любопытныхъ всѣхъ народовъ каждый разъ ожидала у рѣшетки, пока откroется ихъ святилище. Входъ въ мечети болѣе или менѣе воспрещенъ иновѣрнымъ, но въ ихъ теккiе позволено бывать христіанамъ, и даже евреямъ. Женщины всегда составляли большую часть этой толпы. Турецкія семейства, кадыны, ихъ дѣти и невольницы, были расположены на травѣ или на мраморныхъ ступеняхъ преддверій храма. Затворническая жизнь Турчанокъ заставляетъ ихъ жадно искать зрѣлищъ, которыя придаютъ сколько-нибудь разнообразія ихъ быту. Широкіе фереджѣ (ферязи, плащи) закрывали все ихъ тѣло; головы ихъ были закутаны въ бѣлую кисею, представлявшею любопытству нашему только черныя ихъ глаза и часть ланитъ, которыхъ блѣдно-матовая бѣлизна можетъ быть цвѣтомъ утомлен-

ныхъ страстей юга, но не согрѣта его солнцемъ. Армянки одѣты были такимъ же образомъ, и отличались только цвѣтомъ платья и непріятнымъ впечаткомъ грубой, вялой, сидячей жизни своего племени: онѣ такъ рано толстѣють, что вся широта плащей не можетъ скрыть ихъ лѣнивыхъ формъ; брови ихъ соединяются природою или кистию въ дугу между глазами. Гречанокъ почти не было. Кромѣ цвѣта фезъ и туфель, нравственныя разности полагали еще больше различія между представительницами разныхъ исповѣданій. Турчанки рѣдко благоволили обращать рѣчь къ Армянкамъ и Жидовкамъ: въ ихъ рѣзкомъ и отрывистомъ тонѣ отзывалась вся гордость владычествующаго племени. Армянки съ покорностью опускали взоры предъ женскимъ аристократизмомъ мусульманокъ, и презрительно отдалялись отъ Жидовокъ, которыя составляли отдѣльную группу. Даже дѣти разныхъ религій держались другъ отъ друга въ какомъ-то недружелюбномъ разстояніи, опасаясь въ своихъ играхъ всякаго прикосновенія съ иновѣрцами.

Когда открылась теккѣ, желтыя туфли Турчанокъ, красныя туфли Армянокъ и синія туфли Жидовокъ вдругъ пришли въ движеніе. Женщины вмѣстѣ съ дѣтьми заняли назначенную для нихъ галерею, обведенную рѣшеткою, и сдѣлались невидимками: только изрѣдка лучъ чьего-нибудь взгляда мгновенно мелькалъ сквозь таинственную рѣшетку. На другой открытой галереѣ, кое-какъ, сложивши ноги, усѣлся я среди мусульманъ, расположенныхъ на полу, на старой цыновкѣ.

Внутренность теккѣ чрезвычайно проста. Архитектура ея представляетъ Китайскій многоугольникъ подъ остроконечною кровлею; нѣсколько деревянныхъ

колоннъ и рядъ перилъ отдѣляютъ зрителей отъ мѣста, гдѣ совершается обрядъ. Надъ дверями, въ небольшой галлерей, находится оркестръ, составленный изъ нѣсколькихъ восточныхъ флейтъ и литавръ, и хоръ поющихъ дервишей. Огромнаго размѣра Арабскія надписи изъ Корана украшаютъ стѣну съ восточной стороны. Зеленая подушка для настоятеля ордена и нѣсколько цыновокъ для братья, — вотъ все внутреннее убранство. Середина залы, назначенная для круженія, полирована какъ стекло.

Настоятель, сухой старикъ скелетнаго цвѣта, въ зеленой мантии и съ зеленымъ турбаномъ на огромномъ дервишескомъ колпакѣ, сидѣлъ на подушкѣ съ восточной стороны залы, обратясь къ зрителямъ и неподвижный какъ истуканъ. Три старыхъ дервиша стояли по сторонамъ, сложивъ руки, потупивъ взоры и не измѣняя спокойнаго выраженія въ лицѣ. Тутъ вошло тринадцать другихъ дервишей въ парадномъ платьѣ ордена, — узкихъ доюманахъ и широкой драпировкѣ изъ сукна самыхъ яркихъ цвѣтовъ, перетгнутой ремнемъ кругомъ пояса и висячей до земли. Они стали въ серединѣ круга, въ равномъ одинъ отъ другаго разстояніи. Недвижность ихъ взгляда, опущеннаго долу, болезненная блѣдность лицъ, высокіе колпаки, длинныя сѣдые бороды и разноцвѣтная одежда самаго фантастическаго покроя придавали имъ невыразимую таинственность: въ моемъ воображеніи бродили балладныя мертвецы.

Хоръ пропѣлъ вмѣстѣ съ музыкою свое — *Ля илге иль Аллахъ*; потомъ настоятель произнесъ протяжнымъ, носовымъ голосомъ молитву, при которой всѣ дервиши стали на колѣни: отъ времени до времени они клали земные поклоны, и согласно издавали глухой звукъ — *Гу!* (Онъ!), выходявшій какъ-будто изъ

внутренности' груди. Нѣсколько минутъ царствовало глубокое молчаніе. Хоръ началъ протяжное и тихое пѣніе, сопровождаемое только чуть слышными вздохами инструментовъ. Дервиши проходили мѣрными шагами передъ настоятелемъ, останавливались, поклонялись ему до земли, и начали свое круженіе на пятахъ,—сперва медленно и сложивъ руки на груди. Музыка постепенно дѣлалась громче, хоръ издавалъ восклицанія во славу Аллаха и круженіе дервишей становилось живѣе. Они протянули руки. Полы ихъ широкой драпировки поднялись на воздухъ, и образовали огромные вертящіяся круги, среди которыхъ блѣдные дервиши казались вертящимися куколками. Музыка, пѣніе и восклицанія хора слились наконецъ въ дикій, оглушительный гулъ; шумъ и восторженное круженіе дервишей привели, казалось, теккідъ въ содроганіе. По среди самой большой суматохи знакъ, данный невидимо, невзначай остановилъ разомъ и музыку и дервишей. Они очутились въ тѣхъ же разстояніяхъ одинъ отъ другаго, какъ при началъ представленія,—опять недвижные и блѣдные какъ мертвецы.

Невозможно себѣ представить, какой сильный эффектъ производитъ это мгновенное прерваніе музыки, пѣсенъ, пляски. Ихъ дикая гармонія такъ овладѣла нами, что мы находились какъ-будто подъ вліяніемъ волшебной силы: превратясь всѣмъ существомъ въ зрѣніе и слухъ, мы нечувствительно упились этою фантазмагорією, и теккідъ съ своею странною архитектурою, и эти кружащіяся вихри, и судорожные звуки этой музыки, и чудныя восклицанія старцевъ, слились—было для насъ въ неразгаданное видѣніе. И вдругъ это все прекратилось, омертвѣло,—какъ-будто съ послѣднимъ трескомъ оркестра лопнула пружина огромной машины. Я невольно содрогнулся, когда послѣ про-

должительной, постепенно возраставшей бури, сдѣлалась вдругъ глубокая тишина, и все какъ-бы окаменѣло. Послѣ короткаго отдыха дервиши начали опять пляску прежнимъ порядкомъ. Это возобновлялось три раза, и каждый разъ ихъ круженіе дѣлалось быстрее и продолжительнѣе; музыка также издавала звуки болѣе рѣзкіе, унылый голосъ восточныхъ флейтъ, *ней*, усиливался до самыхъ дикихъ и раздражающихъ слухъ гудевій, глухое стенаніе литавръ и барабановъ обращалось въ страшные, разорванные удары грома, а пѣніе дервишей разбивалось въ бѣшенія, дрожащія восклицанія.

Плясуны вертѣлись безостановочно и съ неимоверною скоростью около двадцати минутъ; потъ лился съ нихъ градомъ; блѣдность ихъ лицъ стѣснялась желтыми и синими отливами; но когда они останавливались, ни малѣйшее движеніе усталости не измѣняло ихъ глубокому смиренію, глаза такъ же были опущены и почти закрыты, руки такъ же недвижно сложены на груди, даже дыханіе не становилось сильнѣе и грудь не приподнималась. Во все продолженіе пляски начальникъ ихъ теккідѣ ходилъ между ними, по всѣмъ направленіямъ, мѣрными, почти незамѣтными шагами; и въ самомъ изступленномъ ихъ вращаніи, когда круги, очерченные на воздухъ протянутыми руками и длинными полами платья, почти дотрогивались одинъ къ другому, этотъ таинственный старичекъ, сгорбленный и въ зеленой мантии, какъ привидѣніе скользилъ промежъ нихъ, ни къ кому не касаясь.

Мнѣ сказывали, что этимъ плясунамъ дѣлается дурно отъ продолжительнаго круженія, что они падаютъ и издають пѣну: это эпилептическое состояніе считается минутою просвѣтленія; простой народъ вѣрять, что ихъ душа приходитъ тогда въ ясновидѣніе Божества.

*

Но при мнѣ этого не случилось. Магометане, сидѣвшіе на галлерей, были глубоко тронуты зрѣлищемъ, отъ котораго ихъ религіозныя понятія, возбужденныя эффектами чудной пляски и вліяніемъ музыки, воспламенялись и пересиливали на-время ихъ обычное безстрастіе.

Въ этомъ обрядѣ состоитъ все богослуженіе дервишей Мевлеви. Нововступающіе въ ихъ званіе должны подвергнуться тысячи-одно-дневному искусству, въ продолженіе котораго каждое утро сообщаютъ они настоятелю ордена видѣнные ими сны. Магометъ, очищая Востокъ отъ язычества, предалъ проклятію всѣ обряды, всѣ пляски древнихъ маговъ, и запретилъ употреблять въ молитвахъ Творцу музыкальные инструменты: потому пуристы въ магометанствѣ не любятъ этихъ дервишей, ни ихъ пляски, ни музыки; они ихъ подозреваютъ даже въ тайномъ ученіи, не со всѣмъ согласномъ съ догматами Исламизма, но простой народъ питаетъ къ нимъ большое уваженіе.

Къ чести этого мистическаго сословія должно сказать, что его члены ведутъ жизнь спокойную и добродѣтельную: они выше бышеннаго фанатизма, которымъ славятся другіе дервиши. Они усердно пляшутъ во славу Аллаха, но не вырываютъ себя всѣхъ зубовъ какъ это дѣлаютъ Іеменскіе отшельники, въ память Пророка, которому вышибли два зуба въ битвѣ, не привязываютъ себя за волосы къ стѣнѣ, чтобы не уснуть всю ночь, и не терзаютъ своего тѣла раскаленнымъ желѣзомъ. Неблагопріятный слухъ, который носился въ прежніе годы объ употребленіи ими непозволительныхъ напитковъ, теперь неопасенъ, потому что самъ намѣстникъ Пророка, великій халифъ, разрешилъ правовѣрнымъ питьевина, какъ увѣряютъ злые языки, собственнымъ примѣромъ. Впрочемъ, законъ,

воспрещающей хмельные напитки, никогда не былъ такъ строго соблюдаемъ въ Турціи, какъ о томъ думали въ Европѣ: во-первыхъ Турки, такъ же какъ и другіе народы, умѣютъ толковать законы, а во-вторыхъ и оправданіе, въ случаѣ явнаго нарушенія этой статьи, не сопряжено съ большими трудностями: оно большею частію состоитъ въ томъ, чтобы виновный прочиталъ передъ кадіемъ то мѣсто Корана, которымъ вино дается анаѣемъ. Если онъ въ состояніи исполнить это какъ-нибудь, то, при помощи небольшой взятки, не считается пьянымъ. Одинъ даже изъ ихъ богослововъ законодатель требуетъ, чтобы, для обвиненія кого въ пьянствѣ, онъ былъ не въ состояніи различить мужчины отъ женщины. Да сверхъ того, на Турецкомъ языкѣ есть книга, модъ заглавіемъ — «Остроты Ходжы Насиръ-эддина», которая составляетъ любимое чтеніе нижшихъ сословій, и гдѣ значительная часть анекдотовъ относится всякъ пьянымъ кадіемъ.

Вкусу этихъ оригиналовъ къ созерцательнымъ удовольствіямъ должно благопріятствовать много и самое мѣстоположеніе ихъ монастыря. Онъ вѣчаетъ вершину холма Перы и обладаетъ однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ видовъ Константинополя.

ВАЗИЛИ.

=

ПОТЕРЯННАЯ ДЛЯ СВѢТА

П О В Ъ С Т Ъ .

=

§ 1.

О ТОМЪ, КАКЪ МЫ ОТПРАВИЛИСЬ ОБѢДАТЬ ВЪ ПАРГАЛОВО.

Наконецъ положено было собраться къ Якову Петровичу, который жилъ въ Болотной улицѣ, — что между Пустой и Безъимянной, — и оттуда уже всѣмъ вмѣстѣ итти къ омнибусамъ. Яковъ Петровичъ и Лука Лукичъ наканунѣ были избраны распорядителями *сего parti plaisir* какъ изъяснялся Иванъ Никитичъ на разныхъ діалектахъ, и они взяли съ собою все нужное, — самоваръ, кремень, огниво, трутъ, горсть угольевъ въ носовомъ платкѣ, фонарь, свѣчку, скатерть, салфетки, — нѣтъ, къ чему салфетки! по зрѣломъ соображеніи, мы разочли, что дѣло загородное, своя компанія, можно обойтись и безъ салфетокъ, — чайникъ, чашки, тарелки, три мелкихъ и двѣ глубокихъ, блюдо, ножей, вилокъ, ложекъ, — пару занялъ онъ у хозяйки и три у знакомаго трактирщика, съ которымъ нѣкогда имѣлъ дѣлишки, — лимоновъ, сахару, перцу, соли, стакановъ, рюмокъ, — впрочемъ, лгать не стану: статья можетъ, что рюмки не было ни одной, — сельдей, колбасу, окорокъ, уксусу, хрѣну, бѣлаго хлѣба, сыру, рѣдьки, масла, — сливочнаго и прованскаго, — жаренаго пѣтуха и огромную кулебяку. Все съѣстное и все относительное къ пуншу Яковъ Петровичъ забралъ въ сосѣдней мелочной лавочкѣ, тоже по знакомству. Максимъ Козмичъ явился съ парюю холодныхъ сиговъ, Иванъ Никитичъ съ

частью поросенка, Галактионъ Андренчъ съ кускомъ жареной говядины, Лука Лукичъ со штофомъ отличной домашней настойки и бутылкой краснаго, Шля Никифоровичъ съ тремя бутылками дрей-мадеры, наконецъ я самъ съ двумя бутылками рому, также съ картузомъ трехрублеваго табаку и пучкомъ сигарокъ съ перышками и безъ перышекъ, — *ad libitum*, — такъ что было чего и поѣсть, и попить, и покурить, сколько душѣ угодно.

Мы сошлись, съ удивительною точностью, ровно въ одиннадцать, хотя жили одни на Петербургской Сторонѣ, а другіе въ Гавани, и черезъ часъ сидѣли уже въ omnibusъ, — точнѣе, на omnibusъ, потому что одинъ только Яковъ Петровичъ не хотѣлъ подняться на имперіаль, а Максимъ Козмичъ съѣлъ съ нимъ внизъ только для компаніи. Трясаясь на высотѣ колесницы, — немножко похожей на погребальную, по это не наше дѣло, — мы всю дорогу разсуждали о «горахъ» Паргаловскихъ, — Галактионъ Андренчъ (бывшій въ юности, кажется, придворнымъ пѣвчимъ) спѣлъ по этому случаю большую Малороссійскую арію, *Пидь горою Маруся*, — и о невыгодахъ, сопряженныхъ съ высокими чинами. Лука Лукичъ первый замѣтилъ: — Вотъ, напримѣръ, Яковъ Петровичъ! дослужился до седьмаго класса, и поневоля садится ужъ въ первое мѣсто въ omnibusъ. Чтобы ему взобраться на имперіаль! — Тутъ пошли толки о независимости и близости къ милой простотѣ природы чиновъ четырнадцатаго, двѣнадцатаго и десятаго класса, — отчасти даже девятаго. Такія разсужденія могутъ казаться мелочными стороннимъ людямъ, вѣдущимъ шибко въ Паргалово въ своихъ коляскахъ, но надо знать, какъ облегчаютъ они сердце дѣловое, эскъ-канцелярское, неиспорченное высокობлагородіемъ, на пути отъ Гостиннаго Двора до Поклонной Горы, гдѣ кучеръ деспотически приказалъ намъ слѣз-

ти съ имперіала, потому что его чахлыя четыре кляченки не могли всташить на гору всей нашей компаніи съ провіантомъ. Мы хотѣли спорить, но онъ отвѣчалъ, что омнибусы имѣютъ на то привилегію. Далѣе мы ѣхали довольно скоро; — кучеръ разгорячился, обгоняя Чухонскую одноколку, — и пріѣхали бы на мѣсто почти безъ приключенія, если бъ одна изъ четырехъ лошадей не пала и не околѣла на осьмой верстѣ. Злополучная! она околѣла вполонинѣ пути, хотя имѣла привилегію ходить десять лѣтъ безпрепятственно отъ Городской Башни до самого Паргалова.

Мы наконецъ пріѣхали. Яковъ Петровичъ, принявшій на себя почтное званіе хозяина, — онъ превосходно знаетъ Паргалово, — повелъ насъ прямо во второй садъ, къ круглому, зеленому столу на одной ножкѣ, осѣнениому великолѣпными соснами, между которыми есть и ели, и самъ, собственными руками, разстелилъ скатерть, — не совсѣмъ чистую, но и не совсѣмъ запачканную: можно заключать, что она вымота не далѣе какъ за недѣлю, — потомъ разставилъ свою посуду, являвшую самое пестрое разнообразіе фабрикъ, размѣровъ, оттѣнковъ и царпинъ; наконецъ общими силами приступили мы къ установкѣ блюдъ, — статья чрезвычайно важная и сопряженная съ большими затрудненіями, потому что пріималѣйшемъ нарушеніи равновѣсія столъ имѣетъ привычку наклоняться то въ ту, то въ другую сторону, и какъ-будто угрожать паденіемъ. Но съ помощію палокъ, чубуковъ и разбитаго цвѣточнаго горшка, подъ руководствомъ Ильи Никифоровича, который нѣкогда служилъ въ артиллеріи, удалось намъ утвердить его совершенно въ горизонтальномъ положеніи; мы выпили по полустакану настойки.....

Я долженъ прервать здѣсь рассказъ. Теперь я хорошо помню, что рюмокъу насъ не было: мышили настой-

ку стаканами, такъ какъ въ хорошемъ обществѣ нынче совсѣмъ не въ модѣ пить прямо изъ бутылки, а Илья Никифоровичъ очень совѣтовалъ употребить къ тому стаканы, что, какъ онъ увѣрялъ, вообще принято въ низовыхъ, приволжскихъ губерніяхъ.

Мы выпили по полустакану настойки, закусили рѣдкой, перекрестились и, съѣли объѣдать. День былъ прекрасный, — не было ни дождя, ни солнца, — не холодный, — но и не жаркій, — какъ обыкновенно бываетъ въ знойное, каникулярное, свободное отъ занятій время, — когда бѣсятся собаки.

=

§ 2.

О томъ, какъ мы объѣдали въ паргаловѣ.

Не знаю, отчего жребій палъ прежде всего на холодныхъ сивговъ, но знаю, что черезъ пять минутъ ихъ какъ не бывало. — «Подвиньте-ка, сказалъ Яковъ Петровичъ твердымъ голосомъ: подвиньте-ка сюда поросенка.» — Но поросята оказались такъ же скоропроходящими, какъ и сиги, — какъ колбаса и окорокъ, премники поросенка: впрочемъ, ясное доказательство, что никто изъ насъ не слѣдовалъ ученіямъ ни Юдаизма, ни Исламизма, и что все былъ народъ православный. Говядина и пѣтухъ смѣнили голую кость окорока, и мы напали на нихъ съ такимъ же плотояднымъ ожесточеніемъ: живо ходили пожи и челюсти, погребальная тишина господствовала въ сосновой рощѣ, мертво было молчаніе присутствующихъ. Первый нарушилъ его Иванъ Никитичъ.

— Желательно бы выпить теперь за ваше здоровье! сказалъ онъ Лукъ Лукичу, утираясь рукою.

— Съ моимъ удовольствіемъ! отвѣчалъ тотъ: но

чего прикажете? У меня только настойка да красное.

— Да хоть красненькаго, батюшка! Къ настоичкѣ имѣли случай прикладываться.

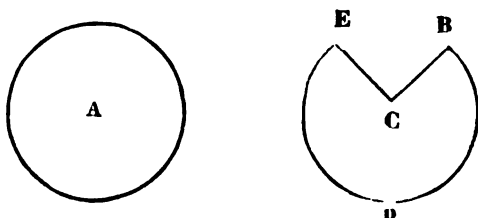
— Что за церемоніи! молвилъ Яковъ Петровичъ, взялъ бутылку, и разомъ пустилъ ее въ ходъ, какъ залежавшееся дѣло послѣ доброй взятки.

Всѣ отзывались съ самой лучшей стороны о красномъ, которое было объявлено отиѣннымъ винограднымъ виномъ и ротвейномъ перваго сорту, и говорили Лукъ Лукичу столько лестныхъ привѣтствій, что лице его непремѣнно покрылось бы румянцемъ стыдливости, если бъ не было такого цвѣта, къ которому нельзя прибавить ни какого дополнителнаго отлива красноты. О дополнителныхъ отливкахъ, зри «Библиотеку для Чтенія», на которую мы подписались вшестеромъ: седьмой, Максимъ Козмичъ, покаместъ читаетъ ее даромъ, потому что еще не внесъ семи рублей четырнадцати копѣекъ. Въ нынѣшнемъ году однако жъ мы оставили «Библиотеку» и подписались на «Энциклопедическій Лексиконъ» вмѣстѣ съ нашимъ лавочникомъ,—такъ какъ въ самой «Библиотекѣ» и «Сѣверной Пчелѣ» было сказано, что лексиконъ тотъ же журналъ, только по алфавитному порядку. Все это говорю я только для свѣдѣнія и надлежащаго соображенія тѣхъ, которые исчисляють успѣхи наукъ и образованности въ Гавани и на Петербургской Сторонѣ. Дѣло въ томъ, что румянецъ на щекахъ Луки Лукича былъ бы то же самое, что позолота на чистѣйшемъ золотѣ.

— Ахъ, а сырѣ! Сырѣ-то мы и забыли, вскрикнулъ Яковъ Петровичъ почти съ отчаяніемъ, потому что красное было выпито, а мадера стояла еще не раскупорена и мракъ неизвѣстности покрывалъ намѣреніе ея расчетливаго хозяина.

— А кулебяка съ капустой! подхватил Максимъ Козмичь.

Вытащили сыръ и кулебяку. Мы принялись за кулебяку съ необыкновеннымъ рвеніемъ. Она имѣла видъ весьма странный, — круглая какъ солнце, — я никогда въ жизни не видывалъ такой кулебяки, — двѣнадцать вершковъ въ поперечникъ, — и запахъ ея разлился по всей сосновой рошчѣ, какъ скоро ее разрѣзали. Рѣзать ее по общепринятымъ правиламъ было очень неудобно, но мы нашли средство: въ самое короткое время выѣли въ ней уголь въ 45 градусовъ. Она явилась на столъ правильнымъ кругомъ, но черезъ нѣсколько минутъ видъ ея совершенно измѣнился, — что можно яснѣе видѣть изъ слѣдующаго чертежа

А — первоначальный видъ кулебяки; ЕВД — видъ кулебяки послѣ перваго натиска семи исключенныхъ изъ службы чиновниковъ, которыхъ презрительно называютъ въ романахъ мелкими» ЕВС — уголь въ 45°.

Чтобъ не повторять чертежей, я могу сказать тутъ же, что и сыръ, — настоящий Латышинскій, — княгини Мещерской, — представлялъ точно такую же геометрическую фигуру не болѣе какъ послѣ пяти минутъ нашихъ усилій.

— Господа! произнесъ Яковъ Петровичь, оглядывая съ самодовольнымъ видомъ корку сыра: право,

мы умно сдѣлали, что не навезли съ собой ни десертовъ, ни бланманже, ни мороженого, ни какой дребедени!

Мы единодушно обнаружили свое презрѣніе ко всѣмъ ничтожнымъ затѣямъ избалованнаго вкуса, извѣстнымъ на лѣвомъ берегу Невы и при-этомъ невольно взглянули на непочатыя бутылки, стояшія передъ Ильею Никифорычемъ. Ободренный этимъ взглядомъ, ясно выразившимъ общее сочувствіе большинства присутствующихъ, Яковъ Петровичъ рѣшился взять одну изъ нихъ и откупорить; однако жъ, не наливъ себѣ ни капли, онъ съ рѣдкимъ самоотверженіемъ передалъ ее хозяину.

— Я, сказалъ Илья Никифорычъ, если и выпью, такъ развѣ на поросенка: боюсь, чтобъ не забурчало въ животъ.

— А мнѣ непременно должно запить сига, подхватилъ Лука Лукичъ, принимая бутылку.

— Я, сказалъ Иванъ Никитичъ, выпью отъ жару: нынче мнѣ что-то такъ душно!

— Я тоже выпью стаканчикъ, сказалъ Максимъ Козмичъ: у меня цѣлый день какъ морозъ по кожѣ.

— Такъ выпить и мнѣ! молвилъ Галактіонъ Андренчъ: дѣйствительно, погода такая страшная, — не знаешь что дѣлать!

— И я за вами, сказалъ Яковъ Петровичъ, съ свойственнымъ ему достоинствомъ и лаконизмомъ.

— Что грѣха таить! сказалъ наконецъ историкъ этой попойки: признаться вамъ, я выпью потому, что люблю выпить.

Несмотря на то, что мы пили всѣ по разнымъ причинамъ, въ бутылкахъ не осталось ни капельки.

§ 3.

О томъ, какъ мы разговаривали въ Паргалоуѣ.

Когда это было сдѣлано, всѣ мы легли на травѣ и закурили трубки и сигарки, — но легли такъ, какъ лежали Димляне, которые, несмотря на лежачее свое положеніе, могли удобно пить. Винцо было право хоть куда, и мы тѣмъ сильнѣе чувствовали его достоинство, что, въ нашихъ странахъ, рѣдко употребляемъ ренское. Бесѣда наша скоро оживилась, и, — Боже милостивый, о чемъ не было у насъ рѣчи! Я думаю, ни въ одной книгѣ, не только Русской, но и Французской, даже въ Смѣси «Библіотеки для Читенія», нѣтъ и со-той доли тѣхъ исторій, поговорокъ и шуточекъ, которыя отпускались тутъ наперерывъ, не говоря ужъ о канцелярскихъ анекдотахъ и дѣльныхъ толкахъ касательно службы и наградъ, или точнѣе наградъ и службы, безъ которыхъ два православные не могутъ пробыть пяти минутъ вмѣстѣ. Черезъ нѣсколько времени разсужденія наши образовали одинъ, непонятный, хаотическій гулъ звуковъ, въ которомъ, слушающая со стороны, можно было различить только одинъ глаголь, — повторяемый всеми въ различныхъ тонахъ: — получилъ! — не получилъ! — да, получилъ! — не получилъ! — получилъ! — получить!!!....

Потомъ пошли разсказы, — сцены изъ частной жизни.

Илья Никифорычъ разсказывалъ, какъ, поступивъ въ милицію, онъ прежде всего воспользовался своимъ мундиромъ, чтобъ припугнуть одного лавочника въ Бѣлевѣ, который пришелъ къ нему за старымъ должкомъ. Яковъ Петровичъ служилъ съ отличіемъ по питейному сбору, а когда тамъ все пошло на новый ладъ, онъ успѣшилъ выйти въ отставку съ неболь-

шимъ чиномъ и маленькимъ кускомъ хлѣба, который накопилъ изъ жалованья и крошечныхъ доходцевъ. Съ тѣхъ поръ Яковъ Петровичъ занимается дѣлишками, и былъ бы совершенно доволенъ своимъ состояніемъ, если бѣ прежніе товарищи его не были теперь кто коллежскимъ, кто даже статскимъ совѣтникомъ. Лука Лукичъ, въ бытность его безъ всякой вины подѣ судомъ, управлялъ партикулярно однимъ господскимъ домомъ, — и надо было видѣть, въ какой онъ привелъ его порядокъ и какъ умѣлъ держать въ стрункѣ людей! Правда, онъ вывихнулъ себѣ объ руки, но безъ такой усиленной дѣятельности не возможно быть управителемъ въ настоящемъ смыслѣ слова. Иванъ Никитичъ, — тотъ самый, который изъяснялся «на разныхъ діалектахъ», — былъ прежде квартальнымъ поручикомъ, и уволенъ отъ службы за сущую бездѣлицу: въ его кварталѣ былъ рынокъ, и каждый торговый день Иванъ Никитичъ ходилъ туда съ двумя будочниками, наблюдалъ за порядкомъ, и иногда, единственно для домашняго обихода, снималъ сливки у деревенскихъ бабъ, которыя пріѣзжали съ молокомъ изъ окрестностей. Подѣ этимъ ничтожнымъ предлогомъ бдительный Иванъ Никитичъ былъ отставленъ: но онъ клянется, что его отставили только для того, чтобы мѣсто его дать другому. Максимъ Козмичъ былъ смотрителемъ въ одномъ казенномъ домѣ; ему поручили распорядиться экономическимъ образомъ поправкою печей, и архитекторъ, который крестилъ у него старшаго сына, Петю, засвидѣтельствовалъ, что, сколько можно судить по наружности, печи совершенно исправны; но не прошло двухъ недѣль, какъ четыре изъ нихъ развалились. Представьте, что начальство велѣло передѣлать всѣ печи на счетъ строителя, въ то время, какъ Максимъ Козмичъ не виновать ни тѣломъ, ни душою!

Затѣмъ разговоръ обратился къ Словесности, — по-

тому что *все это уже читаетъ, все это уже судить, не прогнѣвайтесь, господа сочинители,* — и само собою разумѣется, что литература Московская и литература Петербургская были поставлены лицомъ къ лицу, обозрѣны и сравнены въ своихъ относительныхъ достоинствахъ. Большинство клонилось въ пользу того мнѣнія, что въ Петербургскихъ книгахъ болѣе просвѣщенія образованности, вкуса..... то есть, сударь, толку.....

Тутъ Яковъ Петровичъ хотѣлъ налить себѣ мадеры, но ся уже не было.

— Плохой же вашъ погребщикъ, сказалъ онъ Ильѣ Никифорычу, что отпускаетъ вамъ по три бутылки! Право, слѣдовало бы узаконить, чтобъ меньше полудюжины отнюдь не давали въ долгъ.

— Правда ваша, отвѣчалъ Ильѣ Никифорычъ. Я жъ ему, разбойнику, не заплачу за это ни копѣйки!

И не думайте, что Ильѣ Никифорычъ пошутилъ: могу васъ увѣрить, что въ подобныхъ случаяхъ онъ всегда держитъ слово.

Наконецъ возникло самое интересное преніе о томъ, какъ лучше насладиться ромомъ, въ видѣ пуншу, или въ видѣ грогу. Нѣкоторые утверждали, что въ хорошихъ компаніяхъ грогъ теперь гораздо больше въ употребленіи чѣмъ пуншъ, и что эта мода основывается на весьма логическомъ началѣ: горячую воду съ чаемъ можно пить отдѣльно, и ромъ съ горячей водою отдѣльно; такимъ образомъ ни чай, ни ромъ не уничтожаютъ другъ друга и совокупно содѣйствуютъ успѣхамъ просвѣщенія. Яковъ Петровичъ предложилъ рѣшить вопросъ коллегіально. Пошли на голоса:

Въ пользу грогу.

Лука Лукичъ.

Яковъ Петровичъ.

Галактіонъ Андреичъ.

Я.

Въ пользу пуншу.

Ильѣ Никифорычъ.

Максимъ Козмичъ.

Иванъ Пикитичъ.

Большинство въ пользу грогу.

Къ чести нашего общества должно замѣтить, что никто не изъявилъ желанія пить ромъ голью.

Илья Никифорычъ былъ отряженъ къ самовару, а я избранъ для приготовленія грогу на все общество, — во-первыхъ какъ ревностный защитникъ этого напитка, — во-вторыхъ по тому соображенію, что, живучи въ Гавани, поближе къ морьякамъ, я долженъ обладать основательными свѣдѣніями въ пропорціи двухъ главныхъ составныхъ частей его, рому и воды, — что весьма важно: нѣтъ ничего легче, какъ испортить лучшей ромъ, разливъ его черезчуръ водой!

=

§ 4.

О томъ, какъ галактіонъ андренчъ прервалъ свое молчаніе въ паргаловѣ.

Когда мы выпили по четыре чашки чаю, наступила очередь грогу. Когда мы стали пить грогъ, бесѣда пошла шумнѣе прежняго. Читатели конечно уже замѣтили, что я ни разу не упоминалъ объ участіи, какое принималъ въ общемъ разговорѣ Галактіонъ Андренчъ. Это единственно потому, что онъ во все время не вымолвилъ почти ни слова. Галактіонъ Андренчъ на службу поступилъ, — кажется, изъ пѣвчихъ! — но онъ говорить, что изъ дворянъ, — и въ чины происходилъ по провіантской части, и если бъ не одно несчастное обстоятельство, которое заставило его обещаясь въ сѣрый мундиръ и потомъ просить увольненія отъ должности, онъ вѣрно былъ бы провіантмейстеромъ.

Отчего же онъ такъ безмолвствовалъ въ нашемъ обществѣ? Я, право, не знаю. Прежде, когда онъ

служилъ по провіантской части, онъ любилъ разсуждать, любилъ разсказывать «случай», и, о чемъ бы вы съ нимъ ни заговорили, — хоть объ Астрономіи, — ну хоть о Философіи, — онъ тотчасъ прерывалъ васъ восклицаніемъ — «Вотъ именно былъ у насъ одинъ подобный случай по провіантской части!» — Тутъ начиналась длинная исторія. Такихъ исторій по провіантской части у него было по двѣ, иногда по три, на всѣ обстоятельства внѣшней и внутренней жизни, на всѣ предметы разговора. Длины ихъ въ точности опредѣлить не могу, но помню, что одна была какъ отсюда до Могилева, — потому что разъ путешествовалъ съ нимъ туда на перекладныхъ и онъ разсказывалъ мнѣ ее всю дорогу. Словомъ вся созданная природа объяснялась у него какъ нельзя лучше провіантскою частию, и только нѣкоторые, очень темные вопросы, комиссаріатскимъ штатомъ. Но, между нами сказать, Галактіонъ Андреичъ былъ не далекъ, и, кажется, не чувствовалъ въ себѣ отваги тягаться съ такими людьми, какъ Максимъ Козмичъ или Яковъ Петровичъ. Какъ бы то ни было, онъ, сердечный, присмирѣлъ какъ мокрая курица, такъ, что мнѣ даже стало его жаль. Однако жъ, осушивъ стаканчикъ, другою, грогу, онъ какъ-будто поободрился, и за третьимъ стаканомъ въ немъ явно обнаружилось намѣреніе что-нибудь сказать. Мы на эту пору посмолкли, и прилежно курили свои трубки и сигары, какъ вдругъ изъ облака табачнаго дыма раздался козиный голосъ Галактіона Андреича, и произнесъ очень явственно:

— Вотъ именно одинъ такой случай былъ у насъ по провіантской части....

Всѣ мы продолжали курить въ глубокомъ молчаніи, прислушиваясь къ словамъ разсказчика, и Галактіонъ Андреичъ завелъ предлинную исторію. Ничто не мешало звонкому его голосу; только изрѣдка случайный

звукъ стакапа или шипѣніе докурившейся трубки сливались съ потокомъ его рѣчи. Повѣсть длиннѣла, ширилась, толстѣла; Галактіонъ Андреичъ излагалъ ее во всей полнотѣ, безъ малѣйшаго опущенія; мы слушали какъ нельзя внимательнѣй, пускали дымъ, ткнули грогъ, — а исторія все шла своей дорогою. Галактіонъ Андреичъ не кончилъ бы ея до сихъ поръ, если бъ стукъ отъѣзжающаго омнибуса не заставилъ насъ вскочить съ мѣстъ, допить остатки грогу и настойки и уложить на-скоро драгоценную посуду Якова Петровича.

Какъ мы доѣхали на трехъ лошадакахъ до заставы, какъ начали расходиться по домамъ, какъ я имѣлъ несчастіе попасть въ руки будочниковъ и ночевать на съѣзжемъ дворѣ, — все это легко себя представить безъ особеннаго о томъ параграфа.

=

§ 5.

О ТОМЪ, КАКУЮ ИСТОРИЮ РАЗСКАЗЫВАЛЪ ГАЛАКТИОНЪ АНДРЕИЧЪ ВЪ ПАРГАЛОВѢ.

На другой день, прямо съ казеннаго ночлега, зашелъ я къ Якову Петровичу. У него былъ Илья Никифориичъ. Мы выпили по рюмкѣ водки, закусили остатками вчерашняго сыра, потомъ стали смѣяться, стали вспоминать о своей поѣздкѣ, — признаваясь другъ другу, что еще никогда такъ славно не потѣшились, — повторяя сказанное нѣсколько разъ накануне, — и опять смѣяться отъ чистаго сердца, какъ будто были еще въ сосновой рощѣ. Мы сожалѣли только объ одномъ, — что намъ никакъ не удалось погулять по саду! Вдругъ лице Якова Петровича омрачилось думою; онъ былъ въ явномъ недоумѣшии, и сидѣлъ не говоря ни слова.

— Яковъ Петровичъ, что съ вами случилось?

Подумавъ еще не много, онъ спросилъ насъ:

— Что за исторію рассказывалъ вчера Галактіонъ Андреевичъ, когда мы сидѣли за третьимъ стаканомъ грогу?

— Я помню, что она начиналась такъ: «Вотъ именно одинъ такой случай былъ у насъ по провіантской части.....»

— Да, да! У насъ, по провіантской, подхватилъ Илья Никифорычъ.

— Это-то я знаю, отвѣчалъ Яковъ Петровичъ: да что же дальше? Я, хоть убей, не припомню.

Напрасно все мы ломали голову: повесть Галактіона Андреевича не оставила ни малѣйшихъ слѣдовъ въ нашей памяти; въ отношеніи къ ней мы какъ-будто не существовали. Между-тѣмъ пришли еще Лука Лукичъ и Иванъ Никитичъ.

— Знаете ли, объ чемъ мы сейчасъ толковали до-рогою? спросилъ послѣдній.

— Нѣтъ, не знаемъ.

— О томъ, продолжалъ Иванъ Никитичъ, какую исторію рассказывалъ намъ вчера Галактіонъ Андреевичъ.

— Она начинается:— «Вотъ именно былъ такой же случай и по провіантской части», примолвилъ Лука Лукичъ: а далѣе мы ни какъ не могли вспомнить.

— Вотъ чудо! воскликнули мы все вмѣстѣ.

— Ахъ, да вотъ и Максимъ Козмичъ! У него память не подлиннѣй ли нашей?

Тщетная надежда! Максимъ Козмичъ зналъ только— «Вотъ именно то самое случилось и у насъ по про-віантской части.....»

— Да это психологическая задача! вскричалъ онъ съ удивленіемъ: Максимъ Козмичъ учился въ семинаріи, и сверхъ-того читалъ повѣсть М. П. Погодина о Московскомъ извощнкѣ, который нашелъ мѣшекъ съ деньгами, отдалъ хозяину и самъ повѣсился; онъ знаетъ, что такое *психологическая*, и очень часто употребляетъ это слово. — Пойдите же! со мной кажется есть красненькая: сейчасъ пойду къ Галактіону Андричу, позову его въ Памкинъ завтракать, подпою голубчика, и онъ расскажетъ мнѣ снова свою исторію.

Иванъ Никитичъ увязался съ нимъ вмѣстѣ, а мы остались ждать ихъ у Якова Петровича. Они воротились въ сумерки.

— Ну что, рассказалъ ли онъ вамъ, что было по провіантской части?

— Рассказать-то рассказалъ, отвѣчалъ Максимъ Козмичъ почти съ ужасомъ: только боюсь вамъ, я ничего не припомню.

— И я то же, примолвилъ Иванъ Никитичъ.

Эта странность сдѣлала въ насъ сильное впечатлѣніе. Мы выпили по стакану пуншу, и рѣшились тотчасъ же послать за Галактіономъ Андричемъ и навести его на вчерашній разговоръ.

Черезъ полчаса онъ уже сидѣлъ между нами. Пуншъ и настойка развязали ему языкъ, и ровно въ одиннадцать онъ началъ тѣмъ же голосомъ:

— Вотъ именно одинъ такой случай былъ у насъ по провіантской части.....

— Ну! воскликнули мы въ одинъ голосъ: теперь-то услышимъ мы эту исторію. Чуръ, не проронить ни одного слова!

— Что это значит? спросилъ Галактіонъ Андреичъ съ изумленіемъ.

— Ничего, ничего! Намъ очень хотѣлось слышать вашу повесть.

— Понимаемъ-съ! сказалъ Галактіонъ Андреичъ съ бѣшенствомъ. Теперь помню, что когда-то ужъ я вамъ ее рассказывалъ. Не безпокойтесь! я не дамъ въ дураки.....

— Полно сердиться, Галактіонъ Андреичъ! сказалъ ласково хозяинъ.

— Нѣтъ, Яковъ Петровичъ! терпѣть не могу насмѣшекъ, и если вы затѣмъ меня позвали, такъ прощайте.

Сказавъ это, онъ схватилъ шляпу и зонтикъ, и убѣжалъ изъ комнаты.

Да! убѣжалъ, — съ тѣмъ, чтобъ никогда не возвращаться, и повесть его осталась по-сю-пору неизвѣстною. Скорѣе успѣете вы прочесть всѣ іероглифы древняго Египта нежели повесть Галактіона Андреича: она погребена въ душѣ его, и никогда не воскреснетъ для свѣта. Эпохи будутъ слѣдовать за эпохами, государства будутъ процвѣтать и падать, но никто не узнаетъ, что это за исторія. Такова непреложная воля судьбы!

Поэтому и я не могу сообщить вамъ этой исторіи для напечатанія въ «Библіотекъ для Чтенія». Вы потеряли повесть, — или бѣшь, все равно, — оригинальную, настоящую Русскую, въ которой не было ни малѣйшаго слѣда подражанія иностранному; въ которой все было наше; которая отличалась неподдѣльною народностью, — и которая теперь, увы, невозвратно погибла для Словесности!.....

Покорнѣйше прошу упомянуть, сочиня Исторію Русской Литературы, что повѣстей и былей собственно у насъ одною меньше, чѣмъ бы слѣдовало быть по-настоящему, потому что, клянусь, я имѣлъ твердое намѣреніе напечатать этотъ любопытный случай по провіантской части: вѣдь такимъ образомъ пишутся почти всѣ повѣсти для нашей Словесности, — повторяя безъ всякихъ усилій своего воображенія, первый слышанный гдѣ-нибудь анекдотикъ! Будь только рассказъ Галактіона Андрейча такого свойства, чтобъ можно было его упомянуть, — вы бы имѣли одной «оригинальною» повѣстью больше, и я былъ бы одинъ лишній оригинальный сочинитель.

А теперь имѣю честь пребыть и прочая.

А. ВЪЛКИНЪ.

=

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ.

Роскошный садъ. Небо ясно. Легкій, утренній вѣтерокъ разметаеъ благоуханіе цвѣтовъ и пѣніе птицъ. Со всѣхъ сторонъ столы, обремененные яствами и винами. Вокругъ столовъ — множество людей обоего пола. Вдали видяются городъ, нѣсколько деревень и поля, покрытыя жатвою.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ ПИРА.

Ну, Эмма, спой намъ что нибудь!
При пѣсняхъ какъ-то веселѣе
И говоришь, и вѣшь, и пьешь.
Смотри, еще едва свѣтаетъ,
А мы все дремлемъ, словно ночь
Насъ убаюкала, какъ няни.

Между-тѣмъ какъ Эммѣ подають ареу, одинъ изъ пирующаихъ хочетъ встать; его удерживаютъ, и слышны —

ГОЛОСА ГОСТЕЙ.

Куда? — Домой. — Пустое! — Нѣтъ,
Позвольте! Скоро день. — Не смѣйте
О томъ и думать! — У меня
Жена и дѣти; надо вспомнить....
— Вотъ глупости еще!.... Жена!
Ну, ну, сидите же, сидите!
— Я на минуточку схожу! —
Вотъ вамъ вино! — Сажу, сажу!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Ну, Эмма, другъ мой, поскорѣе!
Т. X. — Отд. I.

Смотри, какъ смирно всѣ сидятъ.
Вина! Напѣивайте чаши!

Эмма (поеть).

Друзья, прекрасенъ солнца свѣтъ,
Еще прекраснѣй вдохновенье;
Прекрасна слава прежнихъ лѣтъ, —
Всего прекраснѣй наслажденье.

Не вѣчно жизнь для насъ цвѣтеть:
О, запасемтесь же цвѣтами!
Не то, ихъ вѣтеръ разнесетъ,
И мы жъ растопчемъ ихъ ногами.

Жизнь не заботится объ насъ,
Летитъ стрѣлой. Скорѣй, ловите!
Друзья, проснитесь: дорогъ часъ!
Пройдетъ, умретъ.... не возвратите!

ГОЛОСА ГОСТЕЙ.

Прелестно! — Bravo! bravo! — Фора!
Не вѣчно жизнь для насъ цвѣтеть!....
Здоровье Эммы! — Ваше! — Пейте!
Друзья, проснитесь! Дорогъ часъ! —
Вина! — Я веселъ, какъ ребенокъ....
Еще! Еще! Скорѣй.... Бокаль! —
Что жъ наша музыка умолкла?....
Гей, музыканты!... Ну, живѣй!

(Музыка издаетъ тихіе плѣнительные звуки. Веселье собранія усиливается.)

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Теперь опять все закипѣло;
Мы встрѣтимъ солнце за столомъ.
Пусть намъ завидуетъ, и съ неба
На землю злится, а завтра
Я угощу васъ новымъ пиромъ,
Еще неслыханнымъ нигдѣ.

(Вдали слышенъ звонъ колоколовъ, и за садомъ, на возвышеніи поминается погребальное шествіе.)

Вотъ очень кстати!

ГОЛОСА ВЪ СОВРАНИИ.

Похороны? —

Кто это умеръ?

ПОЖИЛОЙ МУЖЧИИ.

Нашъ бѣдный Юрикъ,
Говорятъ, боленъ былъ крѣпко:
Не вздумалъ ли ужъ онъ на правду
Облечься въ праздничный колпакъ,
Чтобъ легче до земли добраться, —
И тамъ на счетъ нашъ погулять!

ПЕРВЫЙ СТАРИКЪ.

Какъ, неужели бѣдный Юрикъ
Скончался? — Вотъ что значить жизнь!
Давно ли, кажется, межъ нами
Онъ здѣсь сидѣлъ и говорилъ,
Что если вздумаетъ «разжиться»,
То щѣлый свѣтъ переживетъ!

ВТОРОЙ СТАРИКЪ.

А сколько плановъ, сколько бредней
Кипѣло въ этой головѣ!
Какое сердце!... Вотъ что значить
На этомъ свѣтѣ человекъ!

ПЕРВЫЙ СТАРИКЪ.

Я что-то чувствую ужасный
Припадокъ боли въ головѣ!...

Нѣсколько голосовъ.

Пройдетъ! — Не бойтесь! — Такъ, простуда! —
Рышительно здоровыхъ нѣтъ
Во всей вселенной, и не будетъ!
Гримъ вѣчно боленъ, да живетъ. —
Старикъ нашъ струсилъ не на шутку!...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Я замѣчаю, господа,
 Что нашъ неожиданный посвѣтитель
 Встревожилъ нѣкоторыхъ здѣсь.
 Напѣньте чаши пополнѣе,
 Пусть снова кубокъ круговой
 Всѣхъ обойдетъ! Вино затопить
 Какую бы ни было хандру.
 А чтобъ очистить совершенно
 Вниманье наше, мы займемъ
 Его какимъ-нибудь веселымъ
 Разказомъ. Вспомнимъ старину!
 А то всѣ эти восклицанья
 Лишь только на вѣтеръ летять
 И послѣ насъ же расслабляютъ.
 Вотъ такъ, пусть каждый изъ гостей
 Разскажетъ намъ, — когда бы съ судьбою
 Онъ былъ въ особенномъ ладу,
 Что сдѣлалъ бы? чѣмъ былъ бы счастливъ?

ГОЛОСА ВЪ СОБРАНІИ.

Прелестна мысль! — Прелестна! — Да! —
 Ну, начинайте жь, господа! —
 Начните вы! — Нѣтъ вы! — Извольте! —
 Мы слушаемъ! — Вина!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Позвольте!

Мы здѣсь всѣхъ возрастовъ почти:
 И такъ пусть начинается младшій.

ПЕРВЫЙ ЮНОША:

Я не знаю,
 Что зовете
 Вы всѣ счастьемъ.

Я доволенъ
 И собою,

И судьбою;
 Не забочусь
 Ни о правь,
 Ни о славь;
 Все имью,
 Что мнѣ надо;
 И покоенъ,
 И свободенъ;
 Бмъ прекрасно,
 Сплю, какъ мертвый....
 А о счастья
 Съ колыбели
 И доселѣ
 Я не думалъ!

Пью здоровье
 Всѣхъ счастливецъ!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Урокъ прекрасный, господа,
 Намъ всѣмъ, поклонникамъ веселья!

ВТОРОЙ ЮНОША.

Поклонникамъ веселья, — да!
 Но я жалю человека,
 Который приметъ тотъ урокъ.
 Одно здѣсь счастье — слава!

Тамъ, гдѣ огонь
 Съ черной бѣдою;
 Гдѣ кипить бой
 Бурной волною;
 Гдѣ онъ сильнѣй,
 Гдѣ разрушенье,
 Гибель и смерть
 Въ свѣчъ сраженья;
 Тамъ, гдѣ гроза
 Спорить съ грозой, —

Я у себя,
 Счастье со мною!
 Дайте мнѣ мечъ и броню стальную,
 Дайте мнѣ лукъ, стрѣлу каленую:
 О какимъ соколомъ туда бѣ я помчался,
 И какъ бы леталъ, и какъ бы сражался!

ТРЕТІЙ ЮНОША.

Неужели наше счастье
 Такъ зависить отъ другихъ?
 Неужели безъ погибели
 Нашихъ ближнихъ и родныхъ
 Не возможно быть счастливыми?
 Какъ хотите, господа,
 Я не вѣрю въ это счастье!
 Быть любиму и любить
 Друга нежнаго и вернаго; —
 Съ этимъ другомъ все дѣлать,
 И печаль, и наслажденіе,
 И заботы, и мечты, —
 Вотъ что счастьемъ называю я
 Нашей жизни-суеты!

ЧЕТВЕРТЫЙ ЮНОША.

Любовь и дружба — вздоръ!
 Безмысленный наборъ
 Фантазій, чувствъ и словъ!
 Пустой кумиръ глупцовъ!
 Безъ денегъ счастья нѣтъ;
 То знаетъ цѣлый свѣтъ.
 Какъ славно ни мечтай,
 Какъ ни кричи, что рай
 Любить, любиму быть, —
 Безъ денегъ плохо жить!

ПЯТЫЙ ЮНОША.

Вся ваши богатства,
 Весь пышный вашъ вздоръ, ..

Одно святотатство,
 Одинъ лишь позоръ
 Святаго кумира!
 Не здѣшняго міра,
 Не нашей земли
 Жилецъ это счастье;
 И развѣ вдали,
 Сквозь дождь и ненастье,
 Какъ солнце съ луной,
 Блеснетъ намъ порою:
 Въ поэзіи одной
 Святою струею
 Сбѣжить иногда, —
 И то не на долго,
 И то не всегда;
 И этого много!

ГОЛОСА ВЪ СОБРАНІИ.

Взгляните, что это такое!
 — Заря! — На западъ? — Ну, да! —
 Теперъ заря? Давно свѣтаетъ!...
 — Что тамъ? — Взгляните, господа!
 (шумъ усиливается).

Ахъ, что это? — Пожаръ! Пожаръ! —
 Какой пожаръ! Не можетъ статья! —
 Прелестная картина! — Да! —
 И тутъ и тамъ заря! Однако,
 Ей Богу, странно! Никогда
 Такого чуда не видали! —
 Никто не слыхиваль, ей ей!
 — Смотрите, какъ вдругъ побагровѣлъ
 Весь западъ!.. Зарево! — Нѣтъ, нѣтъ! —
 Какъ будто огненное море
 По небосклону разлилось! —
 Какая тишина! — Взгляните,
 Весь западъ въ пламени, горить.....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Пустое! Успокойтесь! — Туча,
И больше ничего..... Пройдетъ!

ОДИНЪ ИЗЪ ПИРУЮЩИХЪ.

Помилуйте! А это пламя?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Ну, отраженье отъ лучей.....
Отъ солнца.....

ДРУГОЙ.

Гдѣ жь оно?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Взойдетъ!

ПЕРВЫЙ.

Теперь же нѣтъ его...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Тѣмъ лучше!

Какое дѣло! объяснится
Само собою наконецъ.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА.

Что касается до счастья,
То, я право, никогда
И не знала, что за счастье!
Развѣ, развѣ иногда
Что-то схожее мелькало,
Да и то уже съ тѣхъ поръ
Какъ я за мужемъ, — пропало....
И доселѣ и на дворъ
Къ намъ съ супругомъ не влетало.
Несмотря на то, что мы
Любимъ искренно другъ друга;
Несмотря, что я — жены,
А мой добрый мужъ — супруга
Образцами здѣсь слышемъ.
Всѣмъ извѣстно безъ изыятъ,

Какъ мы мирно съ нимъ живемъ!
 Грѣхъ сказать, — и насъ бы счастье
 Свѣтлой радугой своей
 Освнило, можетъ статься,
 Если бъ не было — дѣтей...

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА.

Откровенно вамъ признаться,
 Этого нельзя понять!
 Чтобъ дѣтей имѣть, — какъ можно, —
 Я готова все отдать.
 Вы не знаете, какъ много
 Счастья матерію быть, —
 Нѣжить, нянчиться съ ребенкомъ,
 Всей душой его любить,
 Прыгать съ нимъ самой, рѣзвиться,
 И учиться, и играть,
 И смотрѣть, — и веселиться,
 Какъ онъ будетъ лепетать!
 И потомъ съ нимъ вѣкъ дѣлиться
 Всею жизнію своей!
 О, друзья, какъ я несчастна,
 Что Богъ не далъ мнѣ дѣтей!
 Для чего я создана?

ТРЕТЬЯ ЖЕНЩИНА (САМОДОВОЛЬНО).

И что жъ это, другъ любезной!
 Все заботливость одна!
 Вотъ что счастье: — быть прелестной!....

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ (ЭММА).

Милы лъстящія мечты!....
 А у тебя что счастье?

ЭММА (нѣжно).

— Ты!

(онъ въ восторгъ жметъ ея руку.)

МУЖЧИНА СРЕДНИХЪ ЛѢТЬ (наливая стаканъ вина)

Всѣ вы, всѣ чудаки!
 Врутъ себѣ пустяки,
 Сказки!
 Счастье имъ и вздыхать,
 И острить, такъ-сказать,
 Глазки!
 И рѣками лить кровь,
 И страдать за любовь —
 Чудо!
 Право, счастье — вино!
 Если бы не оно,
 Худо!
 Да! пришлось бы всему,
 И счастливѣйшему,
 Жутко!
 Посвистали бы вы
 Безъ вина, соловьи!
 Нутка!..

ГОЛОСА ВЪ СОБРАНІИ.

Вина! Вина!... Да здравствуетъ.....

(къ пирующимъ подходитъ старецъ въ рубищѣ. Извѣстное время всѣ въ изумленіи).

ОДИНЪ ИЗЪ ГОСТЕЙ.

Подайте милостыню. Нищій!

ДРУГОЙ.

Гоните прочь! И такъ ихъ много.

СТАРЕЦЪ ВЪ РУБИЩѢ.

Не подаю я прошу!
 Къ иному Богъ меня назначилъ.
 Покайтесь! Ужъ близокъ часъ!
 Приспѣлъ день жатвы, и сѣкира
 При корнѣ дерева лежитъ.....
 Оставьте ваши ликованья!...

ГОЛОСА ВЪ ТОЛПѢ.

Нельзя ль не много поучтивѣй! —

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Позвольте!..

Видите ль, отецъ
Святой, что здѣсь слова напрасны.
Давать советы хорошо,
Когда ихъ просятъ.

СТАРЕЦЪ ВЪ РУБИЦѢ.

Нечестивцы!

Богъ говоритъ вамъ чрезъ меня:
Откройте вѣжды; пробудитесь
Отъ сна грѣховнаго. Еще ль
Вы раболѣпствовали мало
Предъ нимъ?

ОДИНЪ ЮНОША.

Оставьте насъ, отецъ
Святой, какъ недостойныхъ, въ жертву
Грѣху и прихоти: а то
Мы слишкомъ веселы сего дня!

СТАРЕЦЪ ВЪ РУБИЦѢ.

О, родъ невѣрный!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

До свиданья!

Прощайте!

(толпа служителей выгоняетъ старца въ рубицы).

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ (послѣ нѣкотораго молчанія).

И такъ, вотъ сколько ни толкуемъ,
А все вертимся, какъ на зло,
Вокругъ одной и той же мысли.
Сложите весь нашъ разговоръ
И вычитите все пустословье,
Какой получите итогъ?

У всякаго свое здѣсь счастье,
И — счастья нѣтъ ни у кого!

И тамъ, гдѣ огонь
Съ свирѣпой бѣдою,
И гдѣ кипитъ бой
Кровавой волною, —
Бываль я;

И все блаженство скоротечное
Кипучей, пламенной любви,
И все святое, все сердечное
Холодной грѣшницы земли
Знаваль я!

А счастье все меня бѣжало.
Сначала я его искалъ
Въ бреду, мучительномъ томленьѣ
И взрывахъ бѣшенныхъ любви.
И мнѣ казалось, что блаженство,
Само блаженство, обняло
Меня волшебными крылами.
Я спалъ, я грезилъ, я мечталъ...
Но что же было все блаженство,
Весь этотъ длинный, чудный сонъ? —
Минута буйнаго восторга
И цѣлый день потомъ тоски.
И то прошло; настала скука...
Но предо мной еще вдали
Тянулось будущее свѣтлой,
Очаровательной мечтой.....

нѣсколько голосовъ.

Солнце! Солнце!

Всѣ смотрятъ на востокъ и любятъ на восходящее солнце. Глубое молчаніе.

Въ городѣ мало-по-малу начинается движеніе; по горамъ видны идущіе настухи; поля наполняются жнецами. Все оживаетъ. Заря на западъ становится часъ отъ часу багровѣе.

Эмма (смотря на солнце.)

Быть можетъ, такъ оно взойдетъ
Въ послѣдній разъ!

юноша.

Скажите лучше ,

Такъ въ первый разъ оно взошло.

старикъ.

Въ послѣдній — да! Куда ни взглянешь ,
Все говоритъ намъ о концѣ.

юноша.

Охъ, эти мнѣ предвѣстники!

пожилой мужчина (старикъ.)

Однако, что же напримѣръ?

старикъ.

Все, все, другъ мой, куда ни взглянешь!
Возьмемъ, хотъ наши времена:
Кругомъ развратъ, кругомъ соблазны,
Кругомъ безстыдство и позоръ;
Нѣтъ ни религiи, ни чести;
Законы попораны; судья
Торгуютъ властью, правосудьемъ;
Повсюду бунты, возмущенья,
Раздоръ въ семействахъ; все живетъ
Однимъ грабительствомъ, насильемъ,
Одною гибелью, бѣдой!
Повсюду мерзость, запустѣнье,
Кумиры злату и грѣху.
Богатый тонетъ въ пресыщенъхъ,
Солдаты купается въ крови,
Бѣднякъ дѣтей ведетъ въ продажу,
Братъ возстаетъ на брата, и
Сынъ на отца, отецъ на сына.....

предсѣдатель.

Повѣрьте мнѣ, все то же было
И прежде. Разница лишь въ томъ,
Что то прошло давно, въ туманъ,
А это все у насъ въ глазахъ.

СТАРИКЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Дряхлѣть этотъ свѣтъ,
Дряхлѣть тѣломъ и душою.....

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Все тотъ же онъ; дряхлѣемъ мы
Съ своими мнѣнiями и знаньемъ!

(Пирующие громогласно одобряютъ мнѣнiе председателя, и въ изступленiи веселости поютъ всѣ вмѣстѣ:)

ХОРЪ.

Мы всѣ люди, — и земное
Намъ дороже всѣхъ надеждъ!
Пиръ нашъ — море разливное!
Мы живемъ.....

Вдругъ раздается ужасный ревъ. Со всѣхъ сторонъ появляются дикiе звери и, повѣсивъ головы, взрывая когтями землю, бѣгутъ къ пирующимъ. Гимнъ прерывается. Всѣ въ ужасъ соединяются въ одну беспорядочную группу. Крикъ, шумъ, суматоха.

Звери, подбѣжавъ къ людямъ, начинаютъ ласкаться къ нимъ. Ужасъ переходитъ въ изумленiе.

ГОЛОСА ВЪ ТОЛПѢ.

Смотрите! — Что это? — Гиенна.....
Ахъ, прочь, прочь! — Львица! Барсъ!.... — Не бойтесь
Они ручные! — Чудеса! —
Какъ смиренъ тигръ! — О, нѣтъ! Взгляните,
Глаза какъ кровью налились
И шерсть стоитъ щетиной. — Дальше! —
Ахъ, ахъ! Онъ лижетъ руку мнѣ.....
Какъ-будто молятъ о приютѣ.....
— Сюда! сюда! — Смотри, шакаль! —
Вотъ жалко, нѣтъ у насъ тенетовъ!
Мы ихъ забрали бы теперь.....
— Нѣтъ, это что-нибудь не даромъ! —
Предчувствiе? — Не такъ ли? — Ну,
Не смѣйтесь!.....
— Что жъ нашъ пиръ? — Довольно!
Прощайте! — Я домой! — И я! —

И я! — И мы! — Еще хоть чашу
Осушимъ вмѣстѣ!

— Посмотри! —

— Ну, что еще? — Взгляни на небо!

Солнце начинаетъ меркнуть; на западѣ появляется другое, необыкновенной величины, — тусклое, багровое, — и идетъ прямо къ первому. Повсюду водворяется необыкновенная тишина. Пирующие, блѣдые, совершенно разстроенные, стоятъ неподвижно на мѣстѣ.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Комета, больше ничего!

Не бойтесь! Гей, вина скорѣе!....

Не стыдно ль трусить такъ! — Вина!

Опомнитесь!..... Вина, живѣе!

Его никто не слушаетъ. Все приходитъ въ ужасное смятеніе. Между-тѣмъ окрестныя поля, горы и долины наполняются народомъ. Звери мѣшаются съ людьми. Вода превращается въ кровь. Небо багровѣетъ. Оба солнца, сошедшися вмѣстѣ, сливаются въ одно, и вдругъ раздвинувшись огненною полосою по всему небу, разрываютъ его отъ одного конца до другаго. Скоро огненная полоса исчезаетъ, и небесный сводъ становится чернымъ какъ смоль.

Съ земли начинаютъ подыматься густыя облака чернаго тумана и наполняютъ всю атмосферу. Повсюду глубокой мракъ и торжественная тишина, прерываемая стопами, ревомъ и скрежетомъ зубовъ. Гробы раскрываются съ трескомъ; мертвые встаютъ и присоединяются къ живымъ.

Земля колеблется. Въ разныхъ мѣстахъ вспыхиваютъ вулканы.

Пирующие разбѣжались въ разные стороны. Предсѣдатель пира и Эмма спасаются на утѣсь. Она плачетъ. Въ блѣдномъ лицѣ его отражается ожесточеніе сердца.

Э м м а.

О Генрихъ мой! ужасенъ часъ
Разлуки съ жизнью и тобою!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ. (разсынно.)

Забудь объ немъ! Взгляни сюда,
На эту дивную картину!
Смотри, какъ закипѣлъ хаосъ,
Взрывая бурными волнами
Воздушный, страшный океанъ,
И вдругъ, рассыпавшись горами,

Какъ безконечный ураганъ,
 Взревѣвъ, взмахнуль, возсталъ, и гордо
 Уперся въ грозный сводъ небесъ.
 Смотри, какъ небо въ напряженьи,
 Скрѣпясь, багровое, какъ кровь,
 Налегши всей своей твердыней
 На этотъ страждущій хаосъ,
 Его сдавило мѣдной крышей!...
 И вотъ онъ борется, реветъ,
 Крутится, рвется, бьетъ валами,
 Члокочетъ, ползаетъ, дрожить,
 То вдругъ раздвинется стѣнами;
 То весь осядетъ и кипитъ;
 То вдругъ, смотавшись пеленою,
 Несется, стелется; то вдругъ,
 Поднявшись страшною скалою,
 Съ презрѣньемъ посмотрится вокругъ
 Въ съдое зеркало тумана....
 Смотри, смотри! Кругомъ темно;
 Надъ нами горы облаками
 Нависшихъ въ воздухъ паровъ;
 Кругомъ безбрежный океанъ
 Густыхъ тумановъ.... Вотъ живые
 Утесы, села, города
 Средь черной мглы идутъ, кружатся,
 Летятъ, спираются, трещать; —
 Вотъ вдругъ блеснуло гдѣ-то пламя,
 Взвилось, мелькнуло полосой!
 И вдругъ разсыпалось наметомъ
 Алмазно-бирюзовыхъ искръ!
 Вотъ заиграли водометы
 Блестящихъ, радужныхъ цвѣтовъ!...
 И вотъ межъ черными скалами,
 Среди безбрежной, мутной мглы,
 Кривавой лентой покатылись!...
 А тамъ?... Тамъ грозное чело

Изнемогающаго неба.
Еще мгновенье, и — оно
Все въ дребезгахъ!

О Эмма, Эмма!

Поди ко мнѣ, прижмись ко мнѣ!
Пусть міръ разрушится: мы вместе!...

Смотри! Что тамъ червьется вдали
И копошится словно червь?....
А! Это люди. Вотъ они!
Герои — въ праздничныхъ кафтанахъ,
И трусы жалкіе — въ бѣдѣ!
Ты слышала, какъ за мгновенье,
Когда былъ ясенъ сводъ небесъ,
Они клялись мнѣ и ругались....
Теперь, смотри, мой другъ, смотри!
Вотъ все они предъ тѣмъ же небомъ
Ползутъ, глотая прахъ и пыль,
И въ униженіи просятъ жизни.

ЭММА

О Генрихъ!... Милый, добрый Генрихъ!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Чего страшнись ты?

ЭММА.

Кругомъ

Все гибнетъ!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Что жъ? Пускай все гибнетъ.

ЭММА.

А мы?

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

И мы погибнемъ! Смерть

Не пощадитъ тебя за то,

Что ты трепещешь передъ нею.

ЭММА.

Я не могу владѣть собой!

Т. X. — Отд. I.

Нѣтъ, Генрихъ, нѣтъ, сама природа
Противъ меня!... Не ужась, нѣтъ, —
Тоска въ моей душѣ....

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Тѣмъ хуже!

Для ужаса разсудокъ врачъ;
Противъ тоски нѣтъ врачеванья.

ЭММА.

Какъ мы предстанемъ предъ Творца!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Съ покорной волей, съ чистымъ сердцемъ!
Ты каждый день предъ нимъ была.

ЭММА.

Я за тебя страшусь, мой Генрихъ!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Я погибъ, Эмма!... какъ и всѣ!...

Волосы у него становятся дыбомъ; въ безмолвномъ изступленіи онъ
кусаётъ свои пальцы; потомъ страшно хохочетъ.

Смотри! Когда бы намъ дожидаться
Такой картины!... Никогда!
И если бы имѣлъ я силы,
То эту сумрачную мглу
Осыпалъ бы звѣздами. Къ черной
Одеждѣ золото идетъ!

ЭММА.

Утесъ колеблется!...

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Не бойся!

Когда воскресли мертвецы,
Живые не погибнуть!

ЭММА!

Ты вел дрожишь! — Сойдемъ!... Оттоль...

Взтръ порывають ихъ съ утеса. Они кружатся нѣсколько времени въ
туманѣ и исчезаютъ.

Съ земли начинаетъ подниматься кровавый столбъ. Кругомъ столба
летаютъ огни въ видѣ огромныхъ молній. Далѣе со всѣхъ сторонъ
черный мракъ.

ХОРЪ ОГНЕННЫХЪ ДУХОВЪ.

Богъ правосудный,
 Духъ безконечный,
 Трижды святыи!
 Мы — порожденье
 Свмени древа,
 Зла и огня,
 Молимъ, — надъ нами
 И человекомъ
 Судъ сотвори!

ХОРЪ ОГНЕННЫХЪ ДУХОВЪ ВЪ КРОВАНОМЪ СТОЛБѢ.

Мы — кровь невинныхъ,
 Кровь убиенныхъ,
 Слезы сиротъ,
 Скорбь безпріютныхъ,
 Плачь угнетенныхъ,
 Стоны рабовъ, —
 Богъ милосердый,
 Богъ правосудный
 Молимъ Тебя!
 Призри несчастныхъ
 И отъ гоненья
 Насъ защити!

ХОРЪ ЧЕРНЫХЪ ДУХОВЪ ВО МРАКѢ.

Господи, Боже,
 Духъ Всемогущій,
 Трижды святыи!
 Мы — порожденье
 Свмени древа,
 Крови и зла,
 Молимъ, — межъ нами
 И человекомъ
 Судъ сотвори!

Земля трещить страшно и раскаляется въ разныхъ мѣстахъ. Изъ огромныхъ разъяливъ начинаютъ вспыхивать массы огня съ свѣрнымъ удушливымъ дымомъ и повременамъ освѣщаютъ толпы народа, скопившіяся во мракѣ. Изъ толпы слышны смѣшанные голоса хулы и отчаянія.

голоса.

Обрушѣйтесь на меня утесы!
 — Разверзнись подо мной земля!
 — Зачѣмъ ты, мать, меня родила?....
 Зачѣмъ не умерь я, когда
 Увидѣлъ въ первый разъ вселенну!....
 Молитесь грѣшники! — Весь адъ
 Въ груди моей! — О, лопни сердце!....
 Изсохни мозгъ въ моихъ костяхъ! —
 Проклятье! — Нѣтъ нигдѣ отрады!
 — Гори, гори моя душа!.....
 — Клянупу тебя мой день рожденья!
 Клянупу и адъ, и небеса! —
 Молитесь, грѣшники, молитесь!
 — А?..... Прочь! Исчезните! Прочь, прочь!
 Я знаю васъ..... Бѣгите! Знаю, знаю,
 Вы твни обиженныхъ слугъ!
 — Прощенье!..... Гибель!..... Умоляю!
 — Скорѣй, терзайте!.... Смерть! скорѣй!
 — Отдайте мнѣ мою могилу!
 — Не проклинай меня отецъ!
 — Возьми назадъ свое проклятье!
 — Разбейте молніи меня!
 — Бушуйте яростные ветры!
 — Кипи безсмысленный хаосъ!
 — О, скрой меня мракъ черной ночи! —
 Готовьтесь грѣшники! — Прочь! Прочь! —
 Не скрежещите такъ зубами!..

Кровавый столбъ, поднявшисъ до самаго неба упирается въ него. Земля загарается. Небо разверзается, и сокрушенный сводъ его сыплется съ страшнымъ звономъ по воздуху хрустальными осколками. Сквозь отверстія пробивается ослѣпительный свѣтъ.

ХОРЪ ПРАВЕДНИКОВЪ.

Свѣте нашъ тихій,
 Богъ и Владыка
 Неба, земля!

Дверь милосердыя
 Намъ — недостойнымъ,
 Грѣшнымъ рабамъ,
 Въ небѣ отверзи,
 И покаянье
 Наше прими!

Небо падаетъ цѣлою пеленою. Со всѣхъ сторонъ необыкновенное сіяніе. Земля разрушается въ одно мгновеніе ока и миллионами пылающихъ обломковъ летитъ въ преисподнія бездны. Въ свѣтломъ воздухѣ завѣшены мнѣры людей, и съ громовымъ эхомъ раздаются въ пространствіе уничтоженной вселенной —

ЗВУКИ СТРАШНОЙ ТРУБЫ.

ТИМОФЕЕВЪ.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Ужъ не цвѣсть цвѣтку въ пустынь,
 Въ клеткѣ пташечкѣ не пѣть!
 Ужъ на горькой на помынь
 Сладкой ягодкѣ не зрѣть!

Ясну солнышку въ ненастьѣ
 Въ синемъ небѣ не сіять!
 Добру молодцу въ несчастьѣ
 Дней веселыхъ не видать!

Какъ, во той ли тяжкой долѣ,
 Русы кудри разовью?
 Ужъ какъ, выйду ль въ чисто поле
 Разгулять тоску мою?

Можеть, вѣтеръ на долину
 Грусть злодѣйку разнесеть;
 Можеть, рѣчка злу кручину
 Быстрой стружкой разобьетъ.

Не сходить туману съ моря,
 Не събжать тѣнямъ съ полей!
 Не разбить мнѣ люта горя,
 Не разнести тоски моей!

П. ЕРШОВЪ.

М А Л Ь В И Н А .

Цвѣла лилея полевая:
 Какъ яркій снѣгъ бѣла, нѣжна;
 Красой душистою пѣвняя,
 Цвѣткомъ любви наречена.
 Долина ею любовалась;
 Журчалъ привѣтно светлый токъ,
 Пчела къ цвѣтку не прикасалась,
 Ее меляя вътерокъ.

Но буря вдругъ, вдали чернѣя,
 Одѣла мракомъ небеса, —
 И съ корнемъ вырвана лилея, —
 Поляны милая краса.

Веселье взорѣвъ миновалось.
 Уже лилеи не видать!
 Листочка даже не осталось
 Ея удѣлъ намъ рассказать!

Цвѣла Мальвина молодая,
 Ясный лилеи полевой,
 Въ краѣ воздушной дѣвы рай,
 Любви плѣнительной звездой.

Въ прелестномъ образѣ свѣтлѣло
 Душъ понятное въ мечтахъ,
 И сердце нѣжное горѣло
 Въ ея задумчивыхъ очахъ.

Но тщетно витязи искали
 Соединиться съ ней вѣнцомъ;

Какой-то дивный мракъ печали
Тайтся въ сердцѣ молодомъ.

Она, какъ-будто жить не смѣя,
Простяся съ радостью земной,
Сама прекрасная лилея
Уже встревожена грозой.

Иль грудь, предчувствіемъ твѣнима,
Бѣдой ли призракъ ей грозилъ?
Измѣной ли какой крушима?
Но свѣтлый умъ въ ней страхъ затмилъ?

И ей ужасна тѣнь ночная;
Она забыла сладкій сонъ,
И все, тоскуя и мечтая,
Глядитъ на лунный небосклонъ.

И бѣдную тоска убила!
И ужъ прелестной дѣвы нѣтъ!
Взяла холодная могила
Младаго сердца вѣжнѣй цвѣтъ.

И что безмолвный гробъ скрываетъ,
Чѣмъ жизнь была отравлена,
Увы, быть-можетъ только знаетъ
Одна полночная луна!

И. КОЗЛОВЪ.

ПРИЗРАКИ.

ИЗЪ ВИКТОРА ГЮГО.

I.

Сколько дѣвъ, и юныхъ, и прекрасныхъ
Тлѣетъ тамъ, — подъ кровомъ гробовымъ!
Смерть добычи просить, — и напрасны
Жалобы! А рокъ неумолимъ!

Серпъ жнеца, сверкающій и острый,
Косить знакъ на бархатныхъ лугахъ —
Средь потьхи, рой танцоровъ пестрый
Раздавляеть розы на балахъ; —

Ручеекъ въ долинахъ пробвгаетъ,
Зной его и сушить, и палить, —
Въ черныхъ тучахъ молнія сверкаетъ,
И одно мгновеніе блестятъ; —

Въ майски дни поля опустошаетъ
Холода нечаянный набѣгъ:
Имъ сраженъ цвѣтъ яблони душистый,
Весны теплою благовоный снѣгъ, —

Это жизнь!... Угаснетъ день прекрасный,
Ночь разстелетъ мглу по небесамъ;
Все пройдетъ! Намъ должно пробудиться:
Радости иль скорби встрѣтимъ тамъ?

Пиръ гремитъ торжественный и пышный;
За столомъ веселый кругъ гостей:
Сколько, не допразднивавъ, уходитъ
Изъ среды пирующихъ друзей!

II.

Гдѣ жъ онъ?... Вотъ та — цвѣтокъ прелестный!
Щеки — розы, грудь — лебѣжій пухъ;
Голось звучаль музыкой небесной, —
И все это превратилось въ духъ!

А другая, грустію убита!
Взоръ потухшій, блѣдность на щекахъ!...
И угасла, ото всѣхъ съ забытымъ
Именемъ въ трепещущихъ устахъ.

Та исчезла, тихо увядая,
 Какъ на лнрѣ умираетъ звукъ;
 Та съ улыбкой ангела, играя,
 Жизнь скончала безъ страстей и мукъ.

Всѣ цвѣты, что, не цвѣта, увяли
 Утромъ, жизни въ безразсвѣтной мглѣ!
 Голубицы, посланныя небомъ
 Въ даръ грѣхомъ колеблемой землѣ!

Всѣ прешли!... Какъ! столько дѣвъ прелестныхъ
 Подъ могильнымъ камнемъ? Ихъ глаза
 Не горятъ уже огнемъ небеснымъ?
 Сладкіе ихъ смолкли голоса?

Столько звѣздъ безвременно потухшихъ?
 Столько розъ поблекнувшихъ въ веснѣ?
 Ахъ, пойду топтать сухія листья,
 И блуждать въ лѣсахъ, тамъ, гдѣ онѣ!

Тѣни милыя, вашъ миръ нарушить
 Прихожу я въ темнотѣ ночной!
 Тамъ онѣ меня приходять слушать
 И въ тиши бесѣдовать со мной.

Вижу ихъ разсвѣянныхъ въ дубравахъ;
 Но число ихъ сумерки таятъ, —
 Лишь межъ листьевъ и ветвей кудрявыхъ
 Очи ихъ, какъ звѣздочки, горять.

О, прекрасный сонмъ видѣній милыхъ!
 Онѣ съ моею сродняется душой....
 Нѣтъ границъ межъ жизнью и могилой, —
 И покровъ разверзся гробовой.

Тамъ брожу съ подругами моими,
 Иль во тмѣ блуждаю съ ними я;

Какъ онъ, я — мертвый между ними;
А онъ живыя, какъ и я.

Произвольно образы тѣлесны
Имъ мои мечтанья придають.
Вотъ ихъ рой воздушный и чудесный!
Вотъ онъ!... Меня къ себѣ зовуть.

На могилахъ, таинственнымъ крутомъ,
Тѣни рѣзво пляшутъ въ тишинѣ;
И потомъ уходятъ другъ за другомъ,
И исчезнуть въ мрачной глубинѣ.

III.

Ахъ, одна, Испанка молодая!
Ручки — снѣгъ, и черная коса,
Долгая, волнистая, густая,
И полудня страстные глаза;

Вздохами колеблемая перси,
И невинности румяный цвѣтъ,
И вѣнецъ, что на чель блистаетъ
Дѣвушки четырнадцати лѣтъ!

Не любовь свела ее въ могилу;
Не любовь въ ней волновала духъ:
Всѣ ее увидѣвъ, -- Ангелъ милый!
Съ умиленьемъ говорили вслухъ.

Балъ ее увлекъ подъ сѣнь гробницы.
И теперь ея трепещетъ прахъ,
Въ ночь, когда вокругъ луны-царицы
Пляшутъ облака на небесахъ.

Если гдѣ затѣянъ балъ, бывало,
Очи дѣвы не сомкнутся сномъ.

О, три дня она объ немъ мечтала,
И три ночи думала объ немъ!

И тогда, въ ночныхъ ея мечтаньяхъ,
Возмутивъ души ея покой,
Музыканты, кавалеры, дамы,
Проходили шумною толпой;

А потомъ узоры одѣяній,
И жемчугъ въ извигтяхъ косы,
Перья, токи, разноцвѣтны ткани,
Топкія, какъ крылышко осы.

Шумный балъ ужъ начался. Толпамъ
Рѣзвыми подругъ окружена,
Мило вееръ свой вертя руками,
Въ пышный залъ вбѣгаетъ вотъ она.

И бѣжить, садится: рядъ прекрасный
Платьевъ, лентъ пестрѣтъ и блеститъ;
Загремѣлъ оркестръ тысячегласный, —
Въ звукахъ сердце дѣвушки дрожитъ.

Восхищенье — пляски дѣвъ прелестныхъ!
Какъ люблю тогда смотрѣтъ на нихъ!
Какъ на ихъ одеждахъ разноцвѣтныхъ
Искрится рой блестокъ золотыхъ!

Черныя и огненные очи
Подъ прической черною блестятъ:
Такъ межъ мрачныхъ тучъ, въ часы полночи,
Дѣвъ звѣзды сверкаютъ и горятъ!

Все въ ней было, — легкость, смѣхъ и радость. Ѹ
Милая! О, какъ досуга въ часъ,
Рѣзвая ея, живая младость
Пріунувшихъ забавляла насъ.

Сердце счастье не въ прахъ находить ,
 Жизнью живетъ не на балахъ:
 Тамъ съ утѣхой выстъ скука бродить,
 Вкругъ кадрили вьется ѣдкій прахъ.

Но она, забывшись, въ упоеньѣ
 Котильона облетала залъ,
 И садилась, — а, помотришь, снова
 Вальса вихрь ее по залу мчалъ.

Все въ ней сладко душу сотрясало, —
 Звуки флейты, пестрота цвѣтовъ,
 И въ огняхъ сверкающая зала,
 Шумъ шаговъ и звуки голосовъ.

Балъ блистательный — очарованье!
 Какъ вкругъ насъ все весело шумить!
 Какъ душа, средь плясокъ, въ ликованьѣ,
 Радостно трепещетъ и кипитъ!

Какъ, танцуя, мы не знаемъ сами,
 Носимся ль въ воздушныхъ облакахъ,
 Волны ли клубятся подъ погами,
 Или мы летаемъ въ небесахъ!

Но пора! Блѣднѣютъ въ небѣ звезды,
 Осушенъ веселія сосудъ:
 Ждетъ она, пока ей у подъезда
 Шелковый мантѣ не подадутъ;

Между-тѣмъ, склонившись, утомленной
 Головою, на крыльцѣ дрожить;
 Грудь ея и плечи обнажены;
 Предразсвѣтный вѣтеръ холодить.....

И потомъ, какое пробужденье
 Послѣ шумныхъ пиршества утѣхъ!.....

О, простите, музыка и пѣнье,
Игры, танцы и безпечный смѣхъ!

Уже свѣтлымъ, какъ вчера, сіянемъ
Взоръ ея унымый не горитъ;
И недуга пламенникъ багровый
Сжегъ румяный цвѣтъ ея ланитъ.

IV.

Нѣтъ ея! Увяль цвѣтокъ нашъ милый
Майскій цвѣтъ прекрасный и живой!
Кто изъ насъ, скорбя, ея могилы
Раннѣя не окроплялъ слезой!

Не совлекшую одежды свѣтлой,
Смерть ея, холодною рукой,
Вырвала изъ пламенныхъ объятій
Матери растерзанной тоской.

Рвзвая! она была готова
На другихъ еще балахъ плясать, —
Такъ спышила смерти длань сурова
У печальныхъ насъ ея отнять!

И ея вѣнокъ изъ розъ прелестный,
Что вчера еще благоухалъ,
Въ глубинѣ ея могилы тѣсной,
Цвѣтъ любви безвременно увяль!

V.

Мать ея, у милой колыбели
Утомленныхъ не смыкавъ очей,
Столько скучныхъ, долгихъ и безъ цѣли
Надъ малюткой провела ночей!

И зачѣмъ? Труды напрасны были!
Ужъ червей голодная семья

Въ мрачной, глубинѣ, сырой могилы
Жадно точить бѣду плоть ея.

И когда полночи часъ унылый,
Прозвенѣвъ въ стѣнахъ темныхъ гробовъ,
Позоветь и трупъ ея застылый
На веселый праздникъ мертвецовъ, —

Съ ней не мать сидитъ у туалета,
А мертвецъ съ безжизненнымъ челомъ, —
И съ ужаснымъ хохотомъ скелета
Говоритъ: — Красавица, пойдѣмъ!

И потомъ, холодными губами,
Прикоснется онъ къ губамъ ея!
И рукою съ длинными ногтями
Обовѣтъ изсохшій станъ ея!

И могильный камень поднимаетъ!
И она, дрожащая, идетъ!.....
Духи пляшутъ, — и она вступаетъ
Въ ихъ воздушный, страшный хороводъ!

Полный мѣсяцъ таинственно блещетъ,
И ныряетъ въ мутныхъ небесахъ!
И сіянье радуги трепещетъ
Въ серебристыхъ, влажныхъ облакахъ!.....

М. СОРОКИНЪ.

В Е С Н А.

Весна! И солнце запылало
Въ прозрачныхъ майскихъ небесахъ;
Все жизнью въ полѣ зантрало,
И цвѣтомъ вспыхнуло въ лѣсахъ!

Пойдемъ, въ часъ утренній, Мальвина,
Смотрѣть на счастье, на красу, —
Какъ улыбается долина,
Какъ пташки празднуютъ въ лѣсу.
Поздравимъ юную природу
Съ вновь возрожденнымъ бытіемъ;
Она изъ смерти въ жизнь, въ свободу
Зовется солнечнымъ лучемъ.
О благородное свѣтило,
Какой скрытъ рай въ твоихъ лучахъ!
Какая жизненная сила
Ліется съ ними въ мертвый прахъ!
Смотри, Мальвина: возрожденье
Ты въ каждой травкѣ видишь вновь;
И жизни каждое движенье
Благовѣствуетъ намъ любовь.

Мой другъ! твои краса и младость,
Улыбка, вздохъ, огонь въ крови,
И сердца бой, и думы сладость,
Есть также даръ святой любви!

Смотри, какъ здѣсь ростокъ отпрыснулъ
Отъ оживленнаго пенька!
Чу, соловей, какъ громко свиснулъ,
И трелью стихъ въ нѣдрахъ лѣска!
Какъ пташки пламенно щебещуть,
Свивая гнѣзда средь вѣтвей!
Какъ рѣки солнцемъ пышно блещуть,
И шепчеть сладостно ручей!
Какую роскошь навѣваетъ
Воскресшій съ гроба вѣтерокъ!
Какъ весело въ лугу порхаетъ
Цвѣтку товарищъ, мотылёкъ!
Какую жизнью счастьедатной
Планета вся оживлена!

И эта жизнь душъ понятна, --
Она любовью создана.

Мальвина, другъ мой, милый, нѣжный!
Вотъ Божій міръ передъ тобой,
Диковинный и безмятежный,
Съ своею райской красотой.
Взгляни на міръ умильнымъ окомъ,
Забывъ и шумъ, и суету,
И въ созерцаніи высокомъ
Любви проникни красоту.
Съ-весною весело играя,
Природа тайну скажетъ намъ, --
Какъ достигать изъ скорби рая,
Парить изъ тлѣнья къ небесамъ.
Но я замолкну: сердца трепеть
Въ тебѣ -- Божественный пророкъ;
Онъ объяснить мой слабый лепеть,
Мой недосказанный урокъ.

Вотъ холмъ увѣнчанный цвѣтами
Чело взнесъ къ горней высотѣ.
Онъ какъ алтарь предъ небесами
Стоитъ въ священной красотѣ.

Пойдемъ! И тамъ благодаренье
Творцу міровъ мы воздадимъ,
За эту жизнь, за наслажденье,
За то, что -- міръ Имъ такъ любимъ!

АЛЕКСѢЙ ШИЛОВЪ.

=

П Р О З А.

БѢДА, ЕСЛИ БЪ НЕ МЕДВѢДЬ!

Была половина іюня. Вечерняя заря, какъ самолюбивая красавица, долго любовалась румянцемъ своимъ въ зеркаль спокойной Невы, и наконецъ разлеглась тонкой нитью по горизонту. Время близилось къ полуночи. Полная луна висѣла серебрянымъ шаромъ на темносинемъ сводѣ, и жители Петербурга, счастливые какъ Елисейскія тѣни, когда въ холодномъ и темномъ Эребѣ на тѣни неба настанетъ тѣнь весны, быстро мелькали въ этомъ волшебномъ полусвѣтѣ между зеленью деревъ, красиво перемѣшанною воздушными жилищами лѣта. Строгоновскій Садъ былъ еще окруженъ темнымъ вѣнцемъ изъ экипажей, но изъ сада тянулись уже разноцвѣтною гирляндю гуляющіе и рассыпались по всему протяженію Невского берега. Вы знаете, куда они шли изъ сада! Тоненькія ножки красавиць охотно оставляютъ бархатную зелень садовъ, чтобъ пройти по колено въ песокъ по улицѣ Новой Деревни, — гдѣ..... ну, гдѣ стоитъ кавалерія! Да еще какая! Воображеніе Петербургскихъ матерей и невестъ такъ тѣсно соединило съ именемъ кавалергарда пятьдесятъ тысячъ годоваго дохода, что и самый опытъ не можетъ переувѣрить искательницъ богатыхъ жениховъ въ ошибочности этого расчета въроятій. Пусть ихъ идутъ въ Новую Деревню! Между тѣмъ пробило двѣнадцать часовъ. Толпы начинали примѣтно уменьшаться; стукъ экипажей разносился по разнымъ направленіямъ острововъ рѣже и рѣже;

всюду раздавались прощальныя восклицанія; эхо смѣшанныхъ привѣтствій, каламбуровъ, признаній, хохота, вздоховъ, поцѣлуевъ, пробѣгало по гладкимъ водамъ и замирало въ отдаленіи. Эхо поцѣлуевъ замирало дальше всѣхъ, — въ Крестовскомъ лѣсу.

Почти послѣдній оставилъ гулянье Евгений Рамирскій, гвардейскій прапорщикъ, только-что оперенный офицерскимъ султаномъ. Безъ родныхъ и близкихъ, онъ началъ и кончилъ свое воспитаніе въ одномъ изъ военныхъ учебныхъ заведеній. а на девятнадцатомъ году перешагнулъ изъ рекреационной залы корпуса на поприще свѣта, предоставленный рѣшительно самъ себѣ. Онъ не имѣлъ и поверхностнаго понятія о томъ, что происходитъ за кулисами свѣта, и принималъ представленіе за дѣйствительность; его чистая душа, какъ полированное стекло, отражала всѣ эти деревья, дачи, дорожки, экипажи, шляпы, шляпки, ноги, ножки, косынки, ленты, движенія, кривлянья, спѣси, расчеты, — всю эту довольно натуральную игру безчисленныхъ актеровъ, не теряя своей свѣтлости, не обременяясь ни какимъ пятномъ. Онъ былъ скромнень, и эта скромность была въ немъ такъ же неподдѣльна, какъ маленькіе, молодые усы, какъ прекрасное лице съ черными, огненными глазами, какъ стройность ловкаго стана и благородство въ пріемахъ, чуждое всякаго жеманства. Прибавьте къ тому совершенное пезнаніе противоположнаго пола.

Упоенный цѣлительною прохладой ночи, медленно всходилъ онъ на крутизну Каменно-островскаго Моста; все его существо было надушено радостью; онъ готовъ былъ броситься первому встрѣчному на шею и разцѣловать его, не умѣя дать себѣ отчета въ своемъ самодовольствіи; ему нравились люди, — они въ первый разъ всегда нравятся. Передъ нимъ лежало широкое зеркало Невы; небо вверху, небо внизу; звѣзды на небѣ и звѣзды на землѣ; двѣ прекрасныя

луны, — и луна, плававшая въ Невѣ, была еще красивѣе той, которая скользила по тверди. Однимъ словомъ свѣтъ, казалось, былъ чудо-свѣтъ. И въ самомъ дѣлѣ онъ восхитителенъ ночью. Прапорщикъ остановился. Картина природы восхитила юношу; къ довершенію очарованія, подѣ мостъ незамѣтно подплыла шляпка съ гуляющими; одинъ акордъ роговой музыки, какъ голосъ небожителей, пролетѣлъ по воздуху, и Евгеній зарыдалъ ребенкомъ; всѣ мысли его слились въ теплую, святую молитву, и воспарили къ стопамъ Того, Кто всемошною десницею, какъ горсть алмазнаго песку, бросилъ въ безпредѣльность эти милліоны живыхъ и блестящихъ міровъ.

Мостъ задрожалъ отъ стука экипажа, когда восхищенный юноша готовъ былъ броситься на колѣни отъ умиленія.

Рамирскій обернулся. Мимо его, запряженная парю сѣрыхъ лошадей, неслась шегольская коляска, съ двумя дамами. Евгеній не успѣлъ еще окинуть ее глазами, какъ прямо къ ногамъ его упалъ букетъ свѣжихъ цвѣтовъ. Экипажъ вскорѣ остановился. Рамирскій поспѣшилъ возвратить потерю. Одна изъ дамъ привстала и протянула руку; Евгеній, отдавая букетъ, взглянулъ въ лице его владѣтельницы, ясно озаренное луною, — и приросъ къ мѣсту. «Есть великолѣпіе природы, котораго я еще не постигъ!» подумалъ онъ. Дама поблагодарила услужливаго кавалера; онъ низко поклонился; заструились возжи, и лошади понеслись стрѣлою.

Онъ долго слѣдовалъ взоромъ за коляской, постепенно утопавшей въ облакъ пыли. Ему показалось, что она остановилась; но сумракъ мѣшалъ съ точностью опредѣлить мѣсто; къ счастью, оно лежало на его пути, и Евгеній непременно желалъ узнать, подѣ какой кровлею живетъ существо, которое такъ мило теряетъ свои цвѣты на мосту. Приближаясь къ за-

*

мѣченной точкѣ, онъ очутился подлѣ растворенной въ садъ калитки. Сквозь густую зелень акаціи мелькалъ яркій свѣтъ. Вскорѣ послышалась арфа. Евгений не могъ превозмочь любопытства, вошелъ въ садъ, и началъ неслышимо пробираться къ свѣту. Наконецъ онъ могъ рассмотреть широкій балконъ, уставленный цвѣтами и освѣщенный нѣсколькими лампами; посрединѣ стоялъ накрытый столъ съ тремя приборами. Дама въ бѣломъ пенуарѣ, перехваченномъ голубою лентою, сидѣла за арфой, и разстѣянно перебирала струны; вблизи были брошены шляпка и букетъ цвѣтовъ. Евгений, едва переводя дыханіе, подвинулся шага на два впередъ. За стуломъ дамы въ тѣни, стоялъ массивный болванъ, — положимъ, что это было существо, — стояло существо, безмолвное, толстое, пожилое, лысое, въ темномъ фракѣ. Юноша узналъ владѣтельницу букета, и, несмотря на завтрашнее раннее выступленіе въ лагерь, готовъ былъ любоваться на нее цѣлую ночь.

— Что вы молчите, храбрый маіоръ? сказала дама, оборотясь къ своему сосѣду. Промолвите что-нибудь!

— Что угодно будетъ скомандовать вашему сіятельству? сказалъ маіоръ, нѣсколько заикаясь.

— Развѣ я вашъ командиръ?

— Нѣтъ, княгиня, но....

Тутъ маіоръ крѣпко заикнулся, и сдѣлалъ такую длинную паузу, что дама, не дождавшись ея окончанія, пересѣла къ столу, предлагая мѣсто маіору.

— Какъ можно прежде Даріи Климовны! Она такая взыскательная, такая.....

— Какая? закричалъ другой болванъ, но повидимому болванъ женскаго рода, отворяя другую половинку стеклянныхъ дверей, чтобы пролѣзть на балконъ.

Маіоръ при этомъ возгласъ отступилъ назадъ; а до-

родная Дарія Климовна хлопнулась на стулъ такъ что стекла зазвенѣли. Вслѣдъ за нею придвинулся къ столу и маіоръ, осторожно помѣстивъ салфетку въ третьей петлицѣ своего фрака.

— Замѣтили вы, тетушка, офицера, который подаль мнѣ букетъ? спросила княгиня толстую собесѣдницу, разсматривая что-то на тарелкѣ.

— Я вѣдь не сычиха, матушка, чтобы видѣть ночью.

«Не лучше!» подумалъ Евгеній. Онъ подвинулся еще на шагъ, наткнулся носомъ на цвѣтокъ акаціи и чихнулъ во весь садъ.

Княгиня устремила соколи очи въ ближнюю зелень. Маіоръ хотѣлъ крикнуть, разинулъ ротъ, и заикнулся. Дарія Климовна хотѣла взвизгнуть, и проглотила комара. Такъ первая минута прошла безъ суматохи, а во вторую Рамирскій былъ уже внѣ сада.

Княгиня Марья Александровна Златопольская, вдова двадцати лѣтъ, стройная, высокая, полная, румяная, постигшая въ совершенствѣ искусство нравиться, позабывшая счетъ своимъ поклонникамъ, приковала къ себѣ мысли неопытнаго Евгенія. На семнадцатомъ году перешла она, съ рукъ на руки, отъ начальницы пансіона къ князю Златопольскому съ титуломъ его жены, не понимая ни важности, ни даже обязанностей новаго званія. Достопочтенный супругъ, занятый счетомъ банковыхъ билетовъ, никогда не имѣлъ времени посчитать свои годы: съ сорокалѣтнею опытностью, можно было бы ему предвидѣть неумѣстность женитьбы на ребенкѣ; но князь крѣпко надѣялся на свое богатство. Оно произвело желаемое дѣйствіе, то есть, склонило Марію къ замужству. Однако природа взяла свое. Едва передъ юной княгиней открылась долина свѣтской жизни, какъ она, подобно мотыльку, вспорхнула со ста-

раго ренейника, и понеслась кружиться вокругъ цвѣтовъ, привлекавшихъ ея вниманіе своею свѣжестью.

Имѣя обширныя средства удовлетворять порывамъ вѣтренной души и прикрытая отъ притязаній сплетницъ званіемъ жены почтеннаго человѣка, она дѣйствовала произвольно на сценѣ большаго свѣта, но отнюдь не была безиравственна. Многіе говорили объ ней съ невыгодной стороны, но никто не могъ придумать имени, которое бы поставило подлѣ имени Маріи, для нея безславія. Она кружила головы многимъ, и оставалась сама непобѣдимой. Молодежь боготворила ее. Она это знала, и всегда являлась подобною лучезарной звѣздѣ; возбуждая злобу матушекъ и тетюшекъ, зависть дочекъ и племянницъ, восторгъ и отчаянныя поклонниковъ ея пола. Двухлѣтнее упражненіе въ кокетствѣ довело въ ней эту невинную страсть до утонченнаго искусства. Она была одинаково очаровательна и въ утреннемъ неглиже, и осыпанная брилліантами. Каждое положеніе ея было пріятно до изящества, каждое движеніе выражало краснорѣчивую мысль для ея обожателя. О глазахъ я не говорю: это былъ полный Энциклопедическій Лексиконъ любви, — въ двадцати четырехъ томахъ.

Супругъ Маріи наравнѣ съ прочими издали любовался ею, — что жъ ему оставалось дѣлать болѣе въ семьдесятъ лѣтъ! — раскупоривая завѣтные сундуки и дочитывая послѣднюю страницу черновой приходо-урасходной книги, называемой жизнію; страницы, на которой, кромѣ итоговъ женниныхъ издержекъ, ничего особеннаго не имѣлось.

Князь заболѣлъ. Ему присовѣтовали ѣхать на воды. Марія увѣрила князя, что она можетъ его выручить, поѣхавъ сама вмѣсто его въ Карльсбадъ, и что это будетъ очень полезно для его здоровья.

И уѣхала, оставивъ больнаго мужа на руки ста-

ринной пріятельницы дома своихъ родителей, умершихъ въ бытность ея въ пансіонѣ.

Эта пріятельница была Дарія Климовна Борщъ, чиномъ капитанша, званіемъ вдова, пережившая двухъ мужей, имѣвшая еще притязаніе на третьяго, и особенно на красоту тѣлесную, — о душевной Дарія Климовна не слыхала. Въ ожиданіи вождельнаго третьяго супружества, капитанша, отъ нечего-дѣлать, присоединилась къ комитету сѣдоволосыхъ блюстительницъ нравовъ, которыя, съ утратою надежды имѣть когда-нибудь въ жизни поклонниковъ, вмѣняютъ себѣ въ священную обязанность мѣшать благополучію слѣдующаго поколѣнія. Ревностно подвизаясь на попріщъ сплетней и злословія, добродѣтельная капитанша также долгомъ почитала управлять домашними дѣлами своихъ знакомыхъ, и ни кого не оставляла въ покоѣ. Человѣкъ значительный не зналъ куда дѣваться отъ ея просьбъ: будучи чрезвычайно обязательною, она просила за всякаго; человѣкъ средняго состоянія былъ жертвою ея пересудовъ, а бѣдный подвергался ея бранному деспотизму.

При выходѣ Маріи за богатаго князя, капитанша отъявилась къ ней въ званіи тетки, подробно исчисляя свою родословную: пылкая княгиня не дослушала и утвердила Дарію Климовну во всѣхъ званіяхъ, на которыя имѣла она документы, то есть, теткою, въ такомъ колѣнѣ, какомъ ей было угодно, совѣтницею при выборѣ лентъ и матерій и, главное, домоправительницею.

У капитанши былъ родной племянникъ, по ея заключенію превеликой умница. Онъ уже нѣсколько лѣтъ зѣвалъ на чужіе края, и прозѣвалъ не одну тысячу изъ заповѣднаго капитала тетушки. Она, какъ появленія краснаго солнышка, ждала своего Платоши; однако жъ не говорила объ немъ ни слова.

Отъѣздъ княгини на воды былъ совершенно по

сердцу корыстолюбивой капитаншѣ. Она безъ помѣхи овладѣла больнымъ княземъ, не отходила отъ него ни днемъ, ни ночью. Старикъ умеръ на ея рукахъ, оставивъ ее, вмѣстѣ съ другими, своею душесприказщицею.

Она получила значительную награду по духовному завѣщанію князя, который отказалъ женѣ своей милліонъ двѣсти тысячъ, съ тѣмъ однако жъ условіемъ, если она, выходя вторично замужъ, избересть себѣ супруга по совѣту и одобренію почтенной Дарьи Климовны; въ противномъ случаѣ сумма эта будетъ принадлежать законнымъ его наследникамъ. До замужества, она имѣла право взять себѣ изъ его наследства только сто тысячъ, которыя князь полагалъ достаточнымъ капиталомъ на короткое время ея вдовства.

Завѣщаніе было утверждено законнымъ образомъ.

Отставной маіоръ Фролъ Силычъ Торопенко, со служивецъ покойнаго послѣдняго мужа капитанши, былъ свидѣтелемъ при завѣщаніи и, по милости Дарьи Климовны, остался постояннымъ жителемъ дома княгини, какъ человекъ нужный для справокъ. А въ самомъ дѣлѣ, капитанша имѣла особенные виды на маіора. Капитанша была женщина дѣловая.

Фролъ Силычъ былъ человекъ степенный, страстный любитель животныхъ, неутомимый разсказчикъ о военныхъ дѣйствіяхъ и своей храбрости, хотя, служа за косноязычіемъ квартирмейстеромъ, онъ не видалъ ни разу, какъ заряжаютъ ядромъ пушку.

Капитанша часто его бранила, и любила безъ памяти. Лестная мысль быть со временемъ штабшей занимала все пространное существо Дарьи Климовны.

Княгиня не застала мужа въ живыхъ.

Она, какъ водится, нарядилась въ черное платье, и многимъ показалась въ немъ очаровательнѣе прежняго. О завѣщаніи она не заботилась. И можетъ ли

заботиться о будущемъ молодая вдова, когда сто тысячъ готовы къ ея услугамъ! Княгиня объявила, что она рѣшительно не пойдетъ въ другой разъ замужъ. Опытная капитанша столько же не довѣряла этому обѣщанію, сколько вѣровала въ скорый конецъ стотысячнаго капитала, и своего драгоценнаго Платошу мысленно предназначала Маріи, которая, къ удивленію своему, только теперь узнала о существованіи Платоши.

Уже траурное время кончилось, уже на разныя необходимости было ею вытрачено болѣе пятидесяти тысячъ, когда букетъ цвѣтовъ упалъ къ ногамъ Рамирскаго, и видъ невиннаго, прекраснаго юноши мгновенно положилъ печать на беззаботное сердце кокетки.

Евгеній жилъ двѣ недѣли подѣ холстинною кровлей: ни на минуту не покидалъ его образъ прелестной княгини. Засыпая, онъ воображалъ ее передъ собою; потомъ сонъ осуществлялъ думу, и восхитительный призракъ до утра носился надъ усыпленнымъ, какъ это водится въ лагерь, гдѣ такіе призраки очень обыкновенны. Задумчивость замѣнила веселый нравъ Рамирскаго: онъ сталъ искать уединенія; что-то непонятное тѣснило грудь его и прерывало дыханіе; по всему составу его разлился томительный жаръ, который не простывалъ и при умѣренной температурѣ іюльской ночи. Евгеній казался изнуреннымъ и жаловался товарищамъ, не открывая тайныхъ своихъ помышлений. Однажды полковой докторъ пощупалъ пульсъ страдальца и улыбнулся. Старшіе офицеры перешепнулись съ медикомъ, и капитанъ сказалъ Рамирскому: — Пришла пора голубчику! — Прапорщикъ не понималъ капитана.

Наканунъ перваго іюля, одинъ изъ сослуживцевъ

предложилъ ему мѣсто въ коляскѣ до Петергофа и удобное помѣщеніе на время наступающаго праздника. Предложеніе было принято съ благодарностью.

Рамирской, въ день гулянья, сдѣлался хозяиномъ двухъ прекрасныхъ комнатъ, потому что знакомцы его товарища, по болѣзни, не пріѣхали. Ему было предоставлено полное право распоряжаться квартирою.

Пусть небо хмурится, пусть вѣтеръ срываетъ крыши, пусть море потопляетъ государства, земля трясется, солнце, мѣсяцъ и звѣзды валяются съ неба, — что за надобность до этого жителю Петербурга! Онъ ѣдетъ перваго іюля на Петергофскій праздникъ, — не то идетъ пѣшкомъ. Шоссе между столицей и Петергофомъ наканунѣ праздника уже не проходимо. Кареты, коляски, колымаги всехъ возможныхъ фасоновъ, начиненныя людьми, обвязанныя стульями, столами, картонками, кулками, тянутся въ нѣсколько рядовъ непрерывною процессіей между двумя потоками пѣшеходовъ, съ праздничнымъ нарядомъ за плечами прыгающихъ черезъ кучи камней, сложенныхъ по сторонамъ дороги. Въ самомъ Петергофѣ, въ этотъ день, каждый домъ, домикъ, домишко, съ фундамента до кровли, набитъ посѣтителями; чердаки, сараи, чуланы завалены странствующимъ любопытствомъ; въ каждомъ стойлѣ стоитъ почтенное семейство, каждая щель, въ которую, немножко сгорбясь, можно влѣзть на мѣсто изгнаннаго таракана, чтобъ переодѣться, отдана за дорогую цѣну. Тамъ, пришлецы разныхъ половъ и возрастовъ, готовясь къ торжественному наслажденію, сперва церемонятся, прищипываютъ простыни и рогожи къ стропиламъ для защиты своей стыдливости; потомъ этикетъ исчезаетъ, и круговая услуга начинаетъ дѣйствовать съ неутомимостью: парикмахеръ завиваетъ перчаточницу, модистка разглаживаетъ манишку башмачнику, сидѣлецъ портерной

Лавочки въ потѣ лица стягиваетъ корсетъ двоюродной сестрицѣ хлѣбницѣ, тогда какъ хлѣбникъ..... Я хотѣлъ однажды описать, что дѣлается въ этихъ щеляхъ, но мнѣ сказали, что все это уже описано Поль-де-Кокомъ. Но вотъ что еще ни кѣмъ не описано:

Отобѣдавъ, въ день гулянья, Рамирскій сидѣлъ задумавшись передъ раствореннымъ окномъ своей квартиры, и машинально смотрѣлъ на улицу, кипящую народомъ, какъ вдругъ его развлекъ пронзительный крикъ женщины, разразившейся гнѣвомъ на полупьянаго лакея. Онъ узналъ Дарію Климовну, и сердце его затрепетало. Капитанша, высунувъ голову изъ каретнаго окна, кричала на слугу, почтительно обнажившаго передъ нею голову: — Мошенникъ ты! Пьяница ты! Негодай! Что ты панималъ? Самъ не знаешь что!.... Постой уже!.... Да отвози по зубамъ этого мерзавца, Фроль Сильчъ! — Маіоръ высунулъ лысую голову, хотѣлъ страшно разругать лакея, — и заикнулся. Онъ нырнулъ въ карету, и, форменнымъ тономъ, присовѣтовалъ обратиться лучше къ будочнику.

— Провались ты съ будочниками! заревѣла капитанша. А еще былъ военной! Бойтся треснуть по харѣ дурака! Если бѣ не столько народу, я бы сама, средь улицы, налощила ему щеки. Да, молчи ты!.... Будешь, въ другой разъ, натрескиваться, да прогуливать барскія квартиры!

Между-тѣмъ, карета загородила дорогу другимъ экипажамъ, ее стѣснили кругомъ, и вся масса остановилась, сцѣпясь колесами и постромками. Капитанша задыхалась отъ досады. Увидѣвъ вышедшаго на улицу Рамирскаго, она закричала во все горло: — Господинъ офицеръ, прикажите, Бога ради, посторониться этой коляскѣ! Помогите намъ выбраться изъ кутурмы.

Евгеній, подойдя къ каретѣ, увидѣлъ княгиню, и насилу собрался съ духомъ, чтобы сдѣлать неловкій поклонъ. Княгиня, довольно важно, отвѣтивши ему движеніемъ головы, оборотилась въ противоположную сторону и стала лорнировать группу народа.

О женщины! говоритъ Цицеронъ. Марія узнала Евгенія, и тогда какъ притворялась хладнокровною, она едва могла перевести духъ отъ внутренняго волненія.

Рамирскій обратился къ капитаншѣ.

— Сколько я понимаю, человекъ вашъ не нанялъ квартиры?

— Какое не нанялъ, батюшка! Нанялъ и далъ задатокъ, да, вишь, не достало мозгу сказать, что мы будемъ сегодня не очень рано: хозяева прождали насъ цѣлое утро, да и пустили другихъ. — Молчи ужъ ты, разбойникъ! прибавила она, оцетинясь на лакея.

— Ежели бы я былъ такъ счастливъ, отвѣчалъ, потупя глаза Евгеній, чтобъ мое предложеніе было принято.... Въ моемъ распоряженіи двѣ чистенькія комнаты: вы ихъ можете осмотрѣть изъ кареты. Вотъ онъ!... И, ежели угодно, онъ къ вашимъ услугамъ.

— Благодаритель! Оумка, осель, вели въѣзжать на дворъ! Вотъ одолжили, батюшка! Дуракъ! Да поворачивайся, болванъ!...

Карета остановилась у подъезда, указаннаго Рамирскимъ. Растворились дверцы, прежде всѣхъ выскочилъ тощій маіоръ, и вытянулся въ струнку для поддержанія Даріи Климовны. Рамирскій осмѣлился помочь выйти княгинѣ. Она милостиво оперлась на руку своего пѣвника, и примолвила, остановясь на минуту: — Я уже два раза обязана вамъ благодарностью. При вашей любезности, не мудрено сдѣлаться ужасною должницею.

Княгиня раскраснѣлась при видѣ милой застѣнчивости Евгенія, и, съ пылающими удовольствіемъ глазами, вошла въ его комнату.

Вскорѣ, по всемогущему голосу капитанши, карета разродилась кастрюлями, тарелками, ножами, вилками и разными яствами. Послѣ закуски, дамы присвоили себѣ одну комнату, оставивъ кавалерамъ другую. Капитанша крѣпко притворила смежную дверь, и повѣсила на мѣдную ручку чепецъ, въ отвращеніе всякаго покушенія на любопытство черезъ замочную скважину.

Рамирскій, оставшись глазъ-на-глазъ съ маіоромъ, долженъ былъ выслушивать длинныя исторіи, сперва о военныхъ дѣйствіяхъ и храбрости разскащика, послѣ о воспитаніи и образованіи разныхъ животныхъ, способныхъ привыкнуть къ челоуѣку. Капитанша избавила наконецъ нетерпѣливаго юношу отъ скучныхъ повѣствованій. Она явилась въ коридоръ, разряженная впухъ: огромный чепецъ, похожій на клумбу цвѣтовъ, остнялъ ея широкое лице; платье, шумя, топырилось вокругъ жирныхъ членовъ. По мнѣнію Фрола Силыча, Дарія Климовна никогда еще не была одѣта съ такимъ вкусомъ.

— Княгиня еще не готова, сказала она, обратясь къ Рамирскому. Если вамъ угодно, я пойду съ Фроломъ Силычемъ, а вы будьте кавалеромъ моей племянницы; ей будетъ очень пріятно.

Евгеній поклонился.

Маіоръ, согнувшись съ пріятностью въ видѣ лите-ры S, повѣсилъ на одну руку шаль, а другую подалъ капитаншѣ, — хотѣлъ сказать ей привѣтствіе, — но заикнулся, и продолжалъ шествіе безъ комплимента. Они вышли на улицу.

Едва дружелюбная чета очутилась за воротами, какъ Дарія Климовна почувствовала давленіе снуров-

ки, и вернула маіора за сткляночкой спирта, на случай дурноты.

Въ домъ, гдѣ они помѣстились, осталась одна комнатка незанятою, — нанявшіе ее не пріѣхали. Расчетливый хозяинъ, бывшій нѣкогда дворникомъ въ Петербургъ, подумалъ себѣ, что не худо было бы отдать эту комнатку другому, и изготовилъ ярлыкъ съ надписью крупными буквами — Сія (слогъ дворниковъ) комнатка отдается въ наймы. Чтобы приклеить его къ косяку порожней комнаты, онъ намазалъ лѣвую сторону крахмаломъ; но, внезапно призванный голосомъ хозяйки, оставилъ объявленіе у воротъ, на лавочкѣ, которая, на бѣду, была бѣлая. Капитанша, ничего не подозревая, разсѣлась на ней въ ожиданіи маіора. По его прибытіи со спиртомъ, она преспокойно встала, и начала расхаживать передъ воротами дома. Толпа народа съ хохотомъ окружила ее, указывая пальцами на прильнувшую къ платью бумагу. Она вертѣлась и выходила изъ себя, не понимая причины всеобщей веселости. Хозяинъ вертѣлся вокругъ нея, стараясь сорвать ярлыкъ. Маіоръ хотѣлъ объяснить Даріи Климовнѣ, въ чемъ состоитъ дѣло, и впопыхахъ сталъ заикаться пуще обыкновеннаго. Смѣхъ, шумъ, суматоха и брань капитанши раздавались вокругъ дома. Евгеній могъ бы смѣяться вмѣстѣ съ прочими, но ему было не до смѣха. Онъ скорыми шагами ходилъ по комнатѣ, собираясь съ силами предстать безъ смущенія передъ княгинею. Она явилась. Воображеніе поэта не придумало бы наряда прелестнѣе: она казалась мечтою, взрывающеюся на воздухъ, въ лучезарномъ вѣнцѣ свѣтлой и торжественной мысли.

Марія подала руку Евгенію.

— Я вамъ ввѣрю себя, быть-можетъ на цѣлый день, сказала она, бросивъ небрежно на юнаго прапорщика одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, которые разнѣва-

ютъ вокругъ челоуѣка свѣтъ десяти Петергофскихъ иллюминацій.

Рамирскій, почувствовавъ руку ея такъ близко, зыпымалъ какъ зарево, и неловкимъ движеніемъ, похожимъ на поклонъ, заплатилъ ей за довѣренность.

Они пошли. Лампы пылали. Они восхищались лампами. Фонтаны играли. Они восхищались фонтанами. Потомъ лампы начали гаснуть..... Болѣе ничего не было.

Только на разсвѣтъ четырехъстная карета стояла у крыльца, маіоръ уже сидѣлъ въ ней, капитанша протискивалась въ дверцы; Марія, поддерживаемая Рамирскимъ, стояла у подножки экипажа.

— Прелестный праздникъ! сказала она: я не думала такъ пріятно провести здѣсь время, и за все обязана вамъ. Признаюсь, я было не хотѣла ѣхать.

— Княгиня, я долженъ считать себя счастливейшимъ изъ людей.....

Комплиментъ былъ очень дурно начатъ, и потому не могъ быть приведенъ къ концу. Впрочемъ это былъ первый комплиментъ въ жизни прапорщика.

Княгиня тотчасъ угадала это, и задрожала отъ удовольствія.

— Позвольте мнѣ надѣяться, что буду имѣть случай поблагодарить васъ въ городѣ.

— Княгиня, я сочту себя счастливейшимъ изъ.....

Она порхнула на подножку. Дверцы захлопнулись, и карета покатилась.

Евгеній долго простоялъ на мѣстѣ въ окаменѣніи. Должно знать, что вмѣстѣ съ нимъ и его комплиментъ превратился въ окаменѣлость.

Пришедъ въ себя, онъ покраснѣлъ и воскликнулъ: — Какой я дуракъ! Когда она сказала, что не хотѣла было ѣхать на праздникъ, мнѣ слѣдовало отвѣчать — Тогда бы этому празднику не доставало лучшаго его украшенія!

Онъ легъ спать въ отчаяніи отъ своей неловкости.

Время несется скоро. Непримѣтно минуло лѣто. Холодные вѣтры выдули весь изящный Петербургъ изъ разноцвѣтныхъ шалашей, которые онъ называетъ дачами; зима уже царствовала на берегахъ оледенѣлой Невы. Рамирскій сдѣлался короткимъ знакомымъ въ домъ княгини Златопольской, — иные говорили, болѣе чѣмъ знакомымъ. Онъ научился кое-какъ выражать свои чувства передъ Марією и смотреть прямо въ глаза, которые часто устремлялись на него съ выраженіемъ и жаждою любви.

Евгеній любилъ Марію сильно, пламенно, со всею необузданностью молокососа, и былъ награжденъ тѣмъ же, — всею необузданностью вдовы.

Марія до сихъ поръ играла сердцами, оставаясь хладнокровною зрительницею энтузіазма, производимаго ея прелестями. Кокетство казалось ей шалостью отъ скуки, а мужчины, привлеченные къ ногамъ ея, жалкими и смѣшными. Теперь она сама загорѣлась страстію, и стала другая. Съ какимъ невыразимымъ упоеніемъ смотрѣла она на невиннаго, счастливаго юношу, который красовался передъ нею какъ румяный персикъ, и кипѣлъ желаніемъ разрѣшить скорѣе загадку природы, облеченную роскошнымъ образомъ женщины.

Княгиня перестала выѣзжать, никого не принимала кромѣ Евгенія. Переѣзну ея жизни всѣ приписывали разоренію. У ней дѣйствительно не было уже ни копѣйки. Бриллианты и серебро начали превращаться въ билеты Ссудной Казны. Къ досадѣ капитанши, вещей въ дому было много, и ей нельзя было приступить къ ходатайству за племянника. Къ тому же Рамирскій... Капитанша готова была съѣсть Рамирскаго, — тѣмъ болѣе, что онъ былъ похожъ на персикъ. Чтò ежели княгиня въ него влюбится! Тогда ея ни чѣмъ не урезонишь! По міру пойдетъ, а

на своемъ поставить! Я знаю женщинъ..... я сама женщина.....

Польская война неожиданно избавила предусмотрительную тетюшку отъ опаснаго гостя. «Ахъ! можетъ-быть, его тамъ убьютъ,» подумала Дарія Климовна.

Горестно было отбытіе Рамирскаго.

Марія со слезами проводила своего любимца, и отъ души желала ему всего лучшаго и скорого возвращенія.

Дарія Климовна слезно рыдала.

Маіоръ хотѣлъ произнести, для юнаго вонна, рѣчь, приличную настоящему случаю, — заикнулся, и ограничился поклономъ.

Марія, по уходѣ на войну Евгенія, сдѣлалась совершенною затворницей. Она прѣискала, на лѣто, отдаленную отъ города мызу, и, при первомъ появленіи холеры, тамъ поселилась. Два лѣта прожила она въ этомъ уединеніи.

Война и карантинныя мѣшали письменнымъ сношеніямъ влюбленныхъ. Одно только воспоминаніе о Рамирскомъ поддерживало Марію въ добровольномъ ея заточеніи: иначе она умерла бы со скуки.

Дарія Климовна толстѣла болѣе и болѣе, въ ожиданіи истощенія необходимыхъ для жизни средствъ вѣрченной племянницы. Съ ней, между прочимъ, приключилось страшное горе: Платоша былъ уже на возвратномъ пути къ Петербургу, какъ вдругъ, услышавъ, что Везувій началъ страшное изверженіе, вернулся къ Везувію, и, по случаю страшнаго изверженія, потребовалъ отъ тетюшки пять тысячъ рублей.

Капитанша въ первый день ахала; во второй охала; на третій отправила деньги.

Маіоръ постоянно занимался выкармливаніемъ животныхъ: онъ уже возростилъ двухъ ручныхъ бѣлокъ и одну лисицу; но какъ первые прогрызли у капитанши мѣшокъ съ орѣхами, а послѣдняя заѣла гол-

ландскаго пѣтуха, то онъ всѣ были казнены смертію по ея приговору, съ присовокупленіемъ Фролу Сильчу строжайшаго выговора и запрещенія впредь заводить подобныя безчинства. Однако жъ, маіоръ, вопреки неоднократнымъ подтвержденіямъ капитанши, завелъ медвѣженка, и образовалъ его на славу. Къ переезду княгини въ городъ, медвѣженокъ, могшій уже осилить корову, чинно садился по знаку Фрола Сильча на заднія лапы, и подчивалъ его табакомъ. Фролъ Сильчъ хотѣлъ объяснить княгинѣ, какіе нынче изумительные успѣхи видимо дѣлаетъ образованность, — но заикнулся, и весьма кстати, и предоставилъ этотъ фактъ собственному ея соображенію.

Въ Петербургѣ, чтобы сохранить воспитанника своего отъ преслѣдованій капитанши, маіоръ отправилъ его на дачу княгини, еще съ бѣсѣлы объявленную къ продажѣ. Здѣсь онъ сдалъ дворнику съ рукъ на руки своего мохнатого ученика, а самъ, для преподаванія ему уроковъ, являлся на дачу три раза въ недѣлю аккуратно. Лѣтомъ онъ держалъ его потаенно на мызѣ, гдѣ жила княгиня.

Въ одно ясное осеннее утро, когда всѣ уже возвратились въ городъ, — когда и они оставили свою мызу, и медвѣдь опять отправился къ дворнику на дачу, къ крайнему удовольствію маіора все еще не проданную, Марія, пригорюнясь, сидѣла у окна и слѣдила клубы розоваго дыма, летѣвшіе съ трубы противоположнаго строенія.

Вдругъ вошелъ Евгенийъ.

Марія вскрикнула, и бросилась къ нему на шею.

Какъ онъ возмужалъ, пополнѣлъ, выросъ! Онъ былъ уже поручикъ, увѣшанный орденами, и молодець хоть куда.

Марія устыдилась перваго движенія. Она предчувствовала свое благополучіе, если бъ Рамирскій захотѣлъ искать прочной, законной связи съ нею: теперь

это не было бы такъ смѣшно, какъ прежде; никто бы не сказалъ, что она выходитъ за ребенка. Но, увы, у Рамирскаго одинъ мундиръ, а она прожила все! Даже билеты Ссудной Казны перешли въ руки ростовщиковъ, подъ залогъ ничтожнаго капитала за безбожные проценты. Каждое утро кредиторы не выходили изъ передней; удовлетворять ихъ же было средства; Марія была въ отчаяніи.

Капитанша готовилась къ атакѣ, получивъ извѣстіе, что Платоша скачетъ на перекладныхъ облобызывать ручки безцѣнной тетушки.

Евгеній сдѣлалъ предложеніе Маріи.

Она откровенно пересказала ему свои обстоятельства.

Евгеній, пренебрегая все постороннее, просилъ одной руки.

Она отвѣчала слезами.

Въ первый разъ Марія вполне почувствовала тяжесть недостатка, и возроптала на завѣщаніе покойнаго мужа, ввѣрившаго ея судьбу алчной, капризной и необразованной женщины, которая, съ видомъ кротости, разставила съти свои вокругъ больнаго, чтобы обогатить племянника, о которомъ такъ мастерски умѣла молчать въ свое время.

— Подождите нѣсколько дней, Евгеній, сказала наконецъ Марія: я подумаю, что мнѣ дѣлать. Пріѣзжайте завтра обѣдать, а теперь оставьте меня плакать. Да, плакать!... Прощайте! Подите, и пріѣзжайте завтра.

Рамирскій какъ на пытку дожидался слѣдующаго свиданія.

Капитанша, видя грусть Маріи, надобѣдала ей извѣстіями о настойчивости займодавцевъ, которые, какъ нарочно, смѣяли одинъ другаго въ ея передней; потомъ приступила къ формальному объясненію, стараясь сколько можно краснорѣчивѣе представить княгинѣ ея положеніе и доказать, что ей не остается

другаго средства выпутаться изъ бѣды, какъ отдать руку Платошѣ.

— Неужели вы думаете, непрощенная тетушка, возразила Марія, что я давно не проникла вашихъ гнусныхъ намѣреній? Я ихъ знаю, и прошу васъ не забываться. Я отъ васъ завишу ровно столько же, сколько вы отъ меня: я не пойду замужъ, буду нуждаться и заставлю цѣлый свѣтъ указывать на васъ пальцами, какъ на посрамленіе рода человѣческаго, и вы, кромѣ позора, ничего не выиграете. Припомните также, что мнѣ только двадцать одинъ годъ, а вамъ сорокъ пять лѣтъ.

Капитанша оглянулась, нѣтъ ли въ комнатѣ маіора.

— Легко можетъ статься, что я буду еще свидетельницей, какъ смерть припечатаетъ вашъ языкъ со всеми постыдными предложеніями, и избавить меня отъ непріятности имѣть дѣло съ такою низкою женщиной. Тогда я употреблю все, чтобы вашъ ненаглядный племянникъ проклятіями разшевелилъ въ могилѣ ваши кости, — вы этого стоите! Вы должны были ожидать награды отъ моего великодушія, если бѣ не смѣли заикнуться о своихъ правахъ; я бы вамъ бросила кусокъ, какъ бросаютъ его собакъ, чтобы не укусила. Теперь, умру съ голоду, но васъ заставлю раскаяться. А ежели вы еще осмѣлитесь хоть намѣкнуть мнѣ о своемъ племянникѣ, я прикажу васъ вывести изъ дому. Подите, вы мнѣ теперь не нужны.

Говоря послѣднія слова, Марія приняла такой величественный видъ, что слушательница не дерзнула возразить ни слова.

Закусивъ губы отъ досады, разъяренная фурія вышла въ другую комнату, и разругала на повалъ маіора, который по неосторожности перешелъ ей дорогу передъ самымъ носомъ, — чего Дарія Климовна крѣпко не жаловала, зная по собственному опыту, что это бѣдственная примѣта.

На другой день, Марія, собравъ и заложивъ все, что можно было заложить, взяла на прокатъ столовое серебро, бронзу, фарфоръ, приказала приготовить комнаты на своей дачѣ, и пригласила туда многихъ знакомцевъ и знакомокъ прѣхать пить чай, танцовать и ужинать, а очень короткихъ пріятелей и ночевать. Она распорядилась такъ, чтобы всякой вполнѣ остался доволенъ проведеннымъ у нея временемъ. Вы спросите, для чего все это? Такъ, съ отчаянія! Другой причины не было.

Рамирскій, являсь прежде всѣхъ, нашелъ ее за страннымъ занятіемъ: она съ крайнимъ любопытствомъ рассматривала пистолеты, уложенные въ богатомъ ящикѣ со всѣми принадлежностями.

—Посмотрите, что я нашла! сказала она съ живостью Рамирскому.

—Прекрасные пистолеты, особенно для войны: ихъ можно свободно заряжать солдатскою пулею.

—Да; покойный князь заплатилъ за нихъ очень дорого. Что это значитъ — заряжать?

—Надобно пистолеть сперва зарядить, чтобы потомъ выстрѣлить.....

—Ахъ, покажите, какъ это дѣлается!

—Съ удовольствіемъ. Есть ли у васъ порохъ?

—Вотъ онъ, въ этомъ мѣдномъ флаконѣ.

—То есть, въ пороховницѣ....

—Не смѣйтесь, Евгенийъ, я право не знала....

Рамирскій всыпалъ мѣрку пороху въ дуло одного пистолета.

—Теперь надобенъ пыжь, что-нибудь мягкое....

—Годится перчатка?

—Да; но зачѣмъ же портить?

—Вотъ вздоръ!

Она разорвала перчатку, и подала Евгению.

—Пуля, и опять пыжь, сказалъ онъ, исполняя слова свои. Это значитъ — зарядить пистолеть. Теперь

остается только, вотъ сюда, надѣть одинъ изъ этихъ мѣдныхъ колпачковъ и спустить курокъ.....

Кто-то позвонилъ.

— Мерси! сказала Марія, спрятала пистолеты; и полетѣла въ пріемную.

Она была необыкновенно весела.

Вскорѣ набралось множество гостей на дачу княгини, великолѣпно освѣщенную, и украшенную цвѣтами и деревьями, которые возвращали юную свѣжесть весны позднему осеннему времени.

Загремѣла музыка, пошелъ пиръ горой. Танцы и мороженое, фрукты и танцы, танцы, конфекты, оржадь, — все это вмѣстѣ пестрѣло, благоухало, услаждало. Сама княгиня веселилась до упаду. Рамирскій былъ постояннымъ ея кавалеромъ.

Ужинъ, при потокахъ шампанскаго, еще болѣе разшевелилъ гостей. Маіоръ торжественно открылся въ любви капитаншѣ, началъ очень краснорѣчиво просить ее не быть жестокою, — и заикнулся на самомъ этомъ словѣ. Вслѣдствіе чего, принуждены были отвести его въ свою комнату; а какъ Маіоръ имѣлъ особую каморку, то онъ заранѣе перемѣстилъ въ нее медвѣдя и уложилъ за сундукъ, чтобъ скрыть его отъ пронизательности Даріи Климовны. Маіоръ бросился на постелю и ничего уже не помнилъ. Его раздѣли.

Долго веселились гости княгини. Наконецъ иные стали развѣзжаться; для другихъ готовили ночлегъ, и тѣ принялись опять танцовать.

Евгеній вышелъ освѣжиться отъ жару. Онъ встрѣтилъ въ сѣняхъ служанку Маріи, которая съ ящикомъ въ рукахъ бѣжала по лѣстницѣ на антресоль.

Рамирскій узналъ ящикъ съ пистолетами.

— Куда это, Катерина?

— Княгиня приказала отнести къ ней въ спальню, проговорила неостанавливаясь служанка — и скрылась.

Евгеній задумался. Но грянулъ вальсъ; одинъ изъ отчаянныхъ танцоровъ схватилъ его за руку, утащилъ въ залу и поставилъ въ необходимость вертѣться изъ угожденія до тѣхъ поръ, пока голова у него закружилась, и мысль о пистолетахъ вылетѣла изъ головы.

Танцамъ не предвидѣлось конца. Княгиня казалась усталою и сонною. Она, съ особенною пріятностью, раскланялась тѣмъ, которые не танцевали, и скрылась. Капитанши уже не было въ залѣ.

Хотя Дарія Климовна лице не очень интересное, но я могу рассказать тоже, куда и она дѣвалась. Дарія Климовна, упоенная любовнымъ признаніемъ маіора и шампанскимъ кнлгини, давно уже утопала въ широкой перинѣ, разостланной на софѣ въ комнату, смежной съ каморкою своего возлюбленнаго, намазавъ щеки мастикою своего изобрѣтенія, растворенною въ меду. Дарья Климовна всегда съ вечера мазалась этою мастикою, когда на другой день хотѣла блеснуть красотою.

Тутъ танцы прекратились.

Нѣсколько дамъ и кавалеровъ, въ томъ числѣ Евгеній, остались въ залѣ. Иные разбрелись по комнатамъ въ ожиданіи постели.

Вдругъ раздался пронзительный крикъ: — Спасите! спасите!..... Умираю!

Всѣ переполошились. Гости сбѣгаются со всѣхъ сторонъ, спрашиваютъ — Гдѣ? что такое? что случилось?... Крикъ въ комнатѣ капитанши. Всѣ бросились туда, — и что же представилось глазамъ изумленныхъ?..... Одна изъ любопытнѣйшихъ сценъ частной жизни. Медвѣдь, привлеченный медовымъ запахомъ мастики, изволилъ облапить Дарью Климовну, и прехладнокровно облизывалъ ея тучныя ланиты.

Никто не смѣлъ подступиться къ чудовищу, и никто не зналъ, откуда онъ взялся.

Откуда взялся! Онъ вылезъ изъ-за сундука. Но откуда бѣ ни взялся, а я не понимаю, какъ тѣ, которые пишутъ у насъ «Сцены изъ частной жизни,» забываютъ совершенно о медвѣдѣ!

Рамирскій, вспомнивъ о пистолетахъ, бросился въ спальню княгини. Онъ постучался легонько, — нѣтъ отвѣта; онъ пріотворилъ дверь, — никого не видно. Онъ вбѣжалъ въ спальню опрометью..... Марія лежитъ распростертая передъ образомъ! Подлѣ нея, на полу, со взведеннымъ куркомъ, пистолеть.

Евгеній кинулся на оружіе, какъ соколъ на добычу, и, въ одно мгновеніе ока, очутился подлѣ капитанши.

— Говорите, согласны ли вы не противорѣчить княгинѣ въ выборѣ жениха? вскричалъ онъ громовымъ голосомъ: или животное вѣсь задушить! Говорите — согласны, и вы спасены!

— Согласна, батюшка! на все согласна! простонала несчастная.

— Господа, будьте свидѣтелями! сказалъ Рамирскій, ставя дуло пистолета между глазами звѣря.

Вбѣжавшій маіоръ хотѣлъ остановить убійство, — заикнулся.....

Патъ!

Безжизненнаго лакомку стащили съ трепещущей капитанши.

Рамирскій, видя, что и княгиня была свидѣтельницею его договора, сказалъ ей: — Теперь вы свободны располагать своимъ состояніемъ.....

— И моею рукою, подхватила Марія. Господа, рекомендую вамъ своего жениха!

Она представила гостямъ Евгенія.

Тутъ же, несмотря ни на какія отговорки, взяли и утвердили свидѣтелями подписку съ капитанши, которая, между-тѣмъ, узнавъ, какимъ случаемъ явился

медвѣдь, наотрѣзь и во всеуслышаніе, отвергла любовныя исканія маіора.

Марія отвела въ сторону жениха, и просила молчать о томъ положеніи, въ какомъ онъ засталъ ее въ спальнѣ. — Видите ли, какъ я была несчастна! прибавила она въ полголоса.

— Бѣда, если бѣ не медвѣдь! отвѣчалъ Евгений, прижимая къ устамъ руку обожаемой невесты.

Если кто-нибудь другой станетъ описывать послѣ меня это приключеніе, онъ навѣрное захочетъ въ этомъ мѣстѣ, по обыкновенію нашей Словесности, воскликнуть — Шампанскаго! Предваряю не восклицать напрасно, потому что шампанскаго уже не было ни бутылки. Все выпили за ужиномъ.

Вошедшій человекъ отдалъ капитаншѣ записку изъ города.

Платонъ Сергѣевичъ доносилъ ей о своемъ пріѣздѣ въ Петербургъ.

Капитанша ахнула.

Поздно!

Хотя не было шампанскаго, всѣ гости поздравляли Марію и Евгенія такъ искренно, отъ всей души, какъ при самомъ лучшемъ шампанскомъ. Они были счастливы счастіемъ будущихъ супруговъ, и ложась спать долго еще разговаривали о томъ, какую глупость дѣлають будущіе супруги: она почти двумя годами старше его! чего добраго ждать отъ подобнаго союза! лѣтъ черезъ десять она будетъ стара, а онъ только начнетъ быть мужчиною и прочая!

До меня дѣло это вовсе не касается, и я не смѣю имѣть своего сужденія; я хотѣлъ только рассказать, что дѣлають медвѣди въ XIX вѣкѣ, и какое они имѣють еще вліяніе на домашнія дѣла моихъ современниковъ: вѣдь бѣда, если бѣ не медвѣдь!

М. МАРКОВЪ.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ АКТЕРЫ.

=

Въ одномъ изъ пяти сотъ пятидесяти пяти городовъ Имперіи, въ заѣздной жидовской корчмѣ, ходилъ по комнатѣ, изъ угла въ уголь, человекъ лѣтъ тридцати, важной наружности, съ пламенными черными глазами, съ пылкимъ румянцемъ на щекахъ. На немъ былъ синій сюртукъ; три звѣзды свѣтились на груди; безпокойство и смущеніе выражалось во всѣхъ чертахъ.

Двери въ хозяйскую спальню были притворены. Подъ спальни, въ кухнѣ, молодая Еврейка стряпала на шабашъ «кугель», и готовила чай для постояльца; нѣсколько жидковъ въ штанахъ, въ нагрудникахъ, въ шапкахъ, толпились около нея и бормотали по-своему. Вдругъ, раздалось громкое восклицаніе постояльца. Жидки бросились къ дверямъ, и по-очереди заглядывали сквозь щель въ занимаемую имъ комнату.

— «Ангелика!» произнесъ онъ отчаяннымъ голосомъ.

Жидки отскочили отъ двери со страхомъ.

— *Wos sakt er?* пробормоталъ одинъ изъ нихъ, и снова уставилъ глаза въ щель. *Chaim, Chaim! Schlome, seh'! kuck, kuck!*

Хаимъ и Шлёмка также подошли къ щели.

— «Ангелика!» повторилъ знаменитый постоялецъ, остановясь посреди комнаты. Очи его были неподвижны, поднятая рука тряслась.

«Природа!» продолжалъ онъ: «ты глуха къ воплямъ несчастнаго! Слезы мои пробили дикіе камни «и не смягчили тебя, чтобъ отдать мою собственность!..... Въ степь обращаю я вселенную, чтобъ «въ безпредѣльныхъ равнинахъ Ангелика не могла «скрыться отъ взоровъ моихъ! Ангелика! неужели въ

« обширномъ свѣтъ есть мѣсто, которое въ состояніи
« утаить тебя?... »

Послѣ нѣкотораго молчанія, онъ ударилъ себя въ
грудь, и продолжалъ голосомъ страданія.

« Боже Всевышній, безконечная борьба!... Или не-
« довольно мученій?... Какая Фурі! чичила ядови-
« тый кинжалъ въ крови моей?... юдоли спокой-
« ствія, въ ея объятіяхъ въ минуту аженства.... онъ
« самъ совершилъ свой приговоръ!... Можетъ-быть,
« она предпочла суровому названію война нѣжное имя
« пастуха, своенравное божество любви!... Лей въ рану
« мою ядъ!... Она не чувствуетъ его болѣе!.....: Что жъ
« медлю я! Иди, ищи се, несчастный.....

Съ этими словами онъ бросился въ сторону.

— Тыши, судерь! вскричала Еврейка шепелявымъ
нарѣчіемъ, отскочивъ отъ изступленнаго постояльца;
въ рукахъ ея былъ подносъ, на которомъ внесла она
одинъ засаленный чайникъ съ чаемъ, другой съ го-
рячей водою, третій съ молокомъ, одно блюдечко съ
четырьмя кусочками сахару и другое съ жидовскимъ
хлѣбомъ.

— А, Рифка! теперь ты отъ меня не уйдешь, вскри-
чалъ постоялецъ, сдавивъ въ своихъ объятіяхъ Еврей-
ку, только-что успѣвшую поставить подносъ на столъ.

— Wos macht er, Chaim? пробормоталъ жиденокъ,
смотрѣвшій въ щель двери.

— Дзъ! тыши, судерь! вскричала Еврейка, защища-
ясь отъ поцѣлуевъ, которые сыпались на лице ея, и
съ трудомъ вырвавшись изъ рукъ постояльца.

Когда она выбѣжала изъ комнаты, неизвѣстный
посмотрѣлъ пламенными очами въ слѣдъ за ней; на-
лилъ стаканъ чаю, выпилъ его почти залпомъ, сдѣ-
лалъ нѣсколько шаговъ, снова остановился посреди
комнаты, вскинулъ руки, и закричалъ:

— « Проклятый! и ты не сбросилъ ихъ въ адъ!.....
« Да; я все опустошу, что только носить на себѣ отпе-

«чатокъ постыдной любви!.... Погибните, несчастныя
«тѣни, блюстители гнусныхъ наслажденій, и свидѣ-
«тели моего стыда!.... О, будь дыханіе мое подобно
«бурному вихрю!.....»

Вслѣдъ за этимъ, проклятія полились потокомъ;
сама Рифка выбѣжала изъ кухни, и, отогнавъ жид-
ковъ отъ двери, приложила глаза и уши къ сква-
жинѣ.

«Солнце! продолжалъ неизвѣстный: скройся,
«если ты когда-нибудь приблизишься по золотому
«пути своему къ этой плачевной юдоли. Луна! отвра-
«ти лучъ небеснаго твоего свѣта отъ постыднаго мѣ-
«ста. Вѣчная ночь! покрой собою это адское жилище.
«Смертоносный воздухъ! рази приближающагося
«сюда странника..... Лютые тигры! селитесь
«здѣсь.....»

Въ это время наружныя двери заскрипѣли, и кто-то
вошелъ въ комнату. Неизвѣстный продолжалъ, но
уже гораздо спокойнѣе.

«Солнце торопится скрыться отъ этого ужаса!
«Смотри, видишь ли добродѣтель въ рубищѣ, а по-
«рокъ въ шелку? Видишь ли горлицу? Надъ ней вѣетъ
«ястребъ.... онъ уже схватилъ, раздираетъ ея
«сердце, еще кипящее любовью.....»

— Готово, судерь! произнесъ человѣкъ, стоявшій
въ дверяхъ: по голосу можно было догадаться, что
это жидъ, факторъ.

Деревянныя часы, висѣвшіе въ углу, пробили шесть
часовъ; дверцы отхлопнулись, высунулась кукушка,
и прокуковала шесть рѣвъ.

— Пора! сказалъ неизвѣстный.

Накинувъ на себя плащъ, онъ вышелъ. Факторъ
провелъ его по корридору со свѣчей. На дворъ было
уже темно; подлѣ воротъ стояла маленькая Польская
бричка, запряженная въ одну лошадь, которою пра-

вилъ также жидъ въ мохнатой шапкѣ, съ витыми огромными пейсами.

— На водку фактору, судерь!

— Убирайся къ чорту! отвѣчалъ неизвѣстный, вскочивъ въ бричку.

Жидъ, сидѣвшій на козлахъ, хлопнулъ бичемъ по тощимъ ребрамъ клячи; факторъ со свѣчей воротился въ комнату, копыта застучали о твердую землю; бричка задрезжала; по обѣ стороны улицы замелькали въ домахъ огни жидовскаго шабаша.

Безъ помѣхи катилась бричка. Вдругъ, при спускѣ подъ гору, на встрѣчу обозъ. Жидъ своротилъ въ сторону.

Изъ ближайшаго дома свѣтъ ударилъ на улицу.

— Оврагъ! держи!.... вскричалъ неизвѣстный, но слова его прервались, бричка опрокинулась, звѣзды на платьѣ мелькнули, раздался стонъ, и вдругъ умолкъ. Только слышно было, какъ на гору тянулись волы, да свистъ погонщиковъ, да хлопанье бичей, и — *цобе, цобе!* Обозъ проѣхалъ. Все утихло. Жалостное жидовское *iox!* послышалось подъ горою. Снова ударъ бича. Снова копыты застучали, и бричка задрезжала вдалекъ.

Глухой стонъ повторился подлѣ освѣщеннаго дома, близъ мостика черезъ оврагъ.

=

Въ день Св. Мученицъ Минодоры, Митродоры и Нимфодоры, къ господину городничему стекались гости. По случаю именинъ почтенной своей супруги, онъ строилъ пиръ на весь мѣръ.

У всѣхъ значительныхъ особъ въ городѣ, знающихъ приличія большаго свѣта, этотъ день отмѣченъ былъ въ календарѣ.

Въ этотъ день, какъ въ городской праздникъ,

предсѣдатель и члены магистрата, судья и значительные члены судовъ записывали опредѣленіе рано поутру: «По неполученію надлежащихъ свѣдѣній, отложить разсмотрѣніе дѣлъ до слѣдующаго засѣданія»; а почтмейстеръ и помощники его препоручали принимать и отправлять корреспонденціи дежурному почталіону; а городской лекаръ давалъ необходимыя наставленія для исправленія своей должности фельдшеру; а квартальные возлагали полицейскія заботы на хожалыхъ, — потому что всѣ они, въ полныхъ мундирахъ, отправлялись на поздравленіе Нимфодоры Михайловны и супруга ея, потомъ къ обѣдни, потомъ къ обѣденному столу именинницы.

Всѣ три гильдіи городскихъ купцовъ также помнили этотъ день: препроводивъ ранымъ-рано съ прикащиками своими кулечки со всѣмъ, что только относилось къ хозяйственной экономіи Нимфодоры Михайловны, сами они шли поздравлять именинницу около полудня.

Обѣдъ былъ великолѣпный.

Какая кисть изобразить то единодушное удовольствіе, которымъ всѣ присутствующіе за столомъ были исполнены? Тосты за здравіе Нимфодоры Михайловны, съ ея супругомъ и всѣмъ семействомъ, были повторяемы съ сердечнымъ изліяніемъ чувствъ преданности и должнаго уваженія къ почтенному начальнику города, съ пожеланіемъ всякаго блага и благополучія, ста тысячъ годоваго дохода, и ста лѣтъ жизни. Вензловое имя почтенной именинницы, вылитое изъ леденца и опутанное сахарной паутиною, возвышалось посреди стола. Подлѣ стояли марципаны, варенья на тарелкахъ, дыни и арбузы, груши и яблоки. Пѣсельники пожарной команды пѣли «Многая лѣта.»

Когда Нимфодора Михайловна принялась жевать

слоеный круглый пирогъ, хозяинъ подрѣзалъ проволоку у бытылки шампанскаго, и пробка ударила въ потолокъ. Когда упала на полъ, се подняли по требованію судьи, знающаго толкъ въ винахъ, передавали изъ рукъ въ руки какъ диво, и нѣсколько голосовъ произнесло почтительно: — VCR, со звѣздочкой! — Когда напѣнились бокалы и раздались гостямъ, всѣ привстали, залпомъ произнесли — Желаю здравія! — и потомъ, какъ бѣглый огонь, посыпались похвалы вину: — Дивное вино! — Старое вино! — Очень старое вино! — Цѣльное вино, вино безъ подмѣси! — Царское вино! — Когда разнесли десертъ, сопровождаемый ратафіей, пьяной водицей и вишневкой, и гости стали тучны и алы, хозяйка поднялась съ мѣста, стулья двинулись, загремѣли, всѣ приложились къ ручкѣ хозяйки и вошли въ гостинную.

Дамы засѣли на диванъ около круглаго стола, на которомъ стоялъ новый десертъ, — Вологодская пастिला, разныхъ сортовъ орѣхи и фрукты, вареные въ сахаръ. Мужчины, чиновные, засѣли по сторонамъ, и занялись чисткою зубовъ и нюханіемъ табаку; подчиненные толпились по сторонкамъ, перешептываясь или рассматривая богатое украшеніе комнаты, — Московскіе обои съ изображеніемъ пастушки въ фижмахъ и пастуха, играющаго на дудкѣ; мебель, обитую зеленымъ сафьяномъ; картинки производства Логинова, въ золотыхъ узенькихъ рамкахъ, изображающія исторію Женевьевы, Павла и Виргинію, Блуднаго Сына, и искаженные черты полководцевъ, съ подписью и стихами въ честь имъ. Пошли разговоры и жалобы на настоящее время. Какъ и вездѣ, каждый началъ съ близкаго своей душѣ, — военный о войнѣ, помѣщикъ о хлѣбѣ, лекаръ о повѣтрин, судья и страпчіе о тяжбахъ, женщины о военныхъ и балахъ. Наконецъ разговоръ сдѣлался общимъ.

Почтмейстеръ, взявъ кусокъ пастилы, завелъ рѣчь о Наполіонѣ Банапартѣ-съ.

Потомъ хозяйка предложила одной изъ дѣвушекъ сыграть на клавикордахъ. Дѣвушка отговаривалась съ ужимками, что все позабыла. Мать дѣвушки приказала ей играть. Она, надувшись, сѣла за клавикорды; клавиши застучали, струны зазвенѣли, педаль, придѣланная для маршей и Турецкой музыки, забила въ деку какъ тулумбасъ, клавикорды закачались на складныхъ ножкахъ. Всѣ гости оступили виртуозку, и дивились искусству игры; но удивленіе возрасло до безмѣрности, когда ея правая рука, перескочивъ черезъ лѣвую, заиграла на басахъ.

— Это вѣрно Французская варіація! вскричалъ председатель.

— Точно такъ-съ! отвѣчала она съ самодовольствіемъ: это Французская кадрили.

— Я отгадалъ! продолжалъ председатель: у нихъ все на выворотъ. Ну зачѣмъ бы, кажется, играть правою рукою вмѣсто лѣвой, а лѣвой вмѣсто правой.

— Софія! сказала строгимъ голосомъ мать виртуозки: я не разъ тебѣ говорила, играй просто варіаціи, не перекидывай руки! Что за глупая манера? Какъ будто нельзя играть добрымъ порядкомъ.

Софія порывисто встала изъ-за клавикордъ, и вышла въ другую комнату. Мать пошла въ слѣдъ за ней бранить ее наединѣ.

Между-тѣмъ мужчины засѣли на нѣсколько столовъ играть въ бостонъ, а хозяйка съ своими гостями около десерта.

Пробило шесть часовъ, ломберные столы уже были исписаны ремизами, а синяя салфетка десертнаго стола покрылась скорлупой.

— Господа! вскричалъ городничій: пора въ театръ, ремизы разыграемъ послѣ.

Пора, пора! повторили всѣ дамы. У васъ есть лешка? Говорятъ, что актеры безподобны.

Какъ же-съ! Антрепренёръ представилъ мнѣ списокъ актерамъ. Играть будутъ пьесы отличныя, по моему назначенію,—драму, «Добродѣтельная преступница, или Преступникъ отъ любви,» въ трехъ дѣйствіяхъ, и комедію въ пяти дѣйствіяхъ, «Неистовый Роландъ».

— Какъ это интересно! Пора, пора! повторяли дамы, собираясь и съ нетерпѣніемъ ожидая дрожекъ у подъезда.

Бостонисты сложили ремизы, разыграли, рассчитались, схватились за шапки, и, кто пѣшкомъ, кто на дрожкахъ, всѣ двинулись въ театръ.

=

Городъ, въ которомъ это случилось, лежалъ на берегу большой рѣки, которой имя находится во всѣхъ географіяхъ. Въ этотъ городъ пріѣхала труппа странствующихъ актеровъ, и господинъ антрепренёръ, заплативъ положенный штрафъ за намѣреніе играть трагедіи, комедіи, оперы, драмы и мелодрамы, къ удовольствію городской публики, получилъ дозволеніе «воспользоваться» театромъ, который поступилъ въ городскую собственность также отъ одной походной труппы актеровъ, изгнанной за то, что осмѣлилась, по болѣзни нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ, отложить спектакль до другаго дня.

Настало роковое время. Театръ освѣтился площадками. Четыре жиды, съ скрипкой, віолончелью, цимбалами и треугольникомъ, засѣли передъ сценой. Занавѣсъ, съ изображеніемъ Аполлона и девяти музъ, уже волнуется отъ сквознаго вѣтра. Всѣ дѣйствующія лица уже готовы для представленія драмы, только не достаётъ еще маркиза Лафаета, преступника отъ

любви, главнаго лица. Французскій король, въ черномъ фракѣ, осыпанномъ лентами и звѣздами, съ тафтяною мантіею на плечахъ, усыянною блестками и мишурой, ходитъ съ досадою по сценѣ, распоряжается за кулисами, протверживаетъ по тетрадкѣ свою роль, и у всѣхъ спрашиваетъ, пришелъ ли Зарѣцкой.

Софія, добродѣтельная преступница, также заботится объ немъ.

Публика наполняетъ уже театръ; пріѣхалъ и городничій съ своимъ семействомъ; музыка загремѣла мазурку, — а маркиза Лафаета нѣтъ.

— Чортъ! восклицаетъ въ отчаяніи театральнй король.

— Что съ нимъ сдѣлалось? восклицаетъ Софія.

— Я сгоню его, не будь я антрепренёръ! восклицаетъ театральнй король.

— Посмотримъ, какъ сгоните! И я отойду прочь, восклицаетъ Софія.

— Что жъ мнѣ дѣлать! Что мы будемъ дѣлать безъ него? восклицаетъ театральнй король.

— Подождутъ! велика бѣда! восклицаетъ Софія.

— Какъ подождутъ? продолжаетъ тотъ.

— Да такъ же! И въ столицъ ждуть, не только что въ поганомъ городишкѣ, продолжаетъ Софія.

Ждутъ, — а маркиза Лафаета нѣтъ какъ нѣтъ.

Жида проиграли всѣ мазурки и польскіе; публика, по примѣру супруги городничаго, бьетъ въ ладоши, стучитъ ногами; городничій послалъ за кулисы хожалаго съ приказаніемъ начинать.

— Чортъ! что намъ дѣлать? вскричалъ снова театральнй король. Нѣтъ, вонъ! долой съ театра!

— Посмотримъ! повторила опять Софія: а я сейчас же долой съ себя костюмъ!

— Что жъ намъ дѣлать безъ него? Мы погибли!

Какъ объявить публикѣ? Да я и въ тюрьмѣ мѣста не найду!

Хлопанье и стуки повторились сильнѣе прежняго; жожалый явился снова съ приказаніемъ поднимать занавѣсъ.

— Чортъ! вскричалъ театральный король съ отчаяніемъ: поднимай занавѣсъ! Лундоръ, выходи, выбрось всѣ явленія, гдѣ маркизъ Лафаетъ; начинай съ третьяго явленія.

Занавѣсъ поднялся.

— Что я слышалъ?... что видѣлъ? закричалъ страшнымъ голосомъ Лундоръ, выбѣжавъ на сцену.

И вся публика захолопала. Драма играется безъ главнаго дѣйствующаго лица, драма идетъ прекрасно, принимаетъ новый смыслъ, носить на себѣ первообразъ новой драматической школы.

И публика довольна. Публика въ изступленіи отъ игры Софіи, добродѣтельной преступницы. Фора, фора! кричатъ ей послѣ всякаго монолога, и бѣдная Софія должна выходить снова, повторять монологи въ нѣсколько страницъ. А Зарѣцкаго нѣтъ какъ нѣтъ. Во второй піесѣ онъ долженъ играть неистоваго Роланда. Ждутъ, — не является, — и снова король, но уже Карлъ великій, ободренный успѣхомъ драмы, рѣшается начинать и «Неистоваго Роланда» безъ неистоваго Роланда.

— Гдѣ же неистовый Роландъ? спрашиваютъ другъ друга зрители, въ половинѣ піесы, и городничій посылаетъ квартальнаго за кулисы спросить — гдѣ же неистовый Роландъ

— Неистовый Роландъ въ отсутствіи, отвѣчаетъ содержатель театра, снявъ бумажный вѣнецъ свой передъ квартальнымъ.

— Какъ въ отсутствіи?

— Въ отсутствіи-съ; но онъ прибудетъ къ заключенію піесы.

Этотъ отвѣтъ удовлетворяетъ публику. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ заключенія; Софія является уже Ангеликой, Луидоръ Китайскимъ рыцаремъ; выходятъ волшебникъ, пастухъ, — и никому не хлопаютъ, — ждутъ Роланда.

Карлъ великій слышитъ ропотъ публики.

— Я погибъ! говоритъ онъ, сбросивъ съ себя свою великолѣпную одежду.

Вдругъ на дворъ послышался шумъ.

— Что тамъ такое? спрашиваетъ городничій.

— Не здѣсь ли господинъ лекарь? раздается снаружи голось.

— Что тамъ такое? повторилъ грозно городничій, и всѣ находившіеся въ театрѣ полицейскіе бросились вонъ, узнать причину шума; сквозь толпу ихъ прорвался слуга лекаря.

Его схватили за воротъ.

— Что тебѣ, мошенникъ?

— Осипа Андреевича требуетъ какой-то генераль, что остановился у господина казначея, отвѣчалъ запыхавшись слуга.

Въ то же время къ городничему подбѣжалъ писарь полиціи.

— Ваше высокоблагородіе, сказалъ онъ ему шепотомъ: кажись, что новый генераль-губернаторъ пріѣхалъ!

— Неужели? промолвилъ городничій смутясь. Ахти несчастье! какъ обманули! А мы ожидали его недѣли черезъ двѣ. Да точно ли генераль-губернаторъ?

— Точно ваше высокоблагородіе: только что пріѣхалъ, потребовалъ къ себѣ городского; вишь, не очень здоровъ съ дороги.

Городничій, не говоря ни слова, бросился изъ театра.

— Губернаторъ, губернаторъ! раздалось между публикою.

При этомъ имени, всѣ чиновныя, служащіе люди, встали съ своихъ мѣстъ, засуетились, забыли пѣсу, заходили между стульями, пробираясь вонъ.

— Виноватъ, почтеннѣйшая публика! произнесъ вдругъ жалкимъ, умоляющимъ голосомъ содержатель театра, выбѣжавъ съ отчаяннымъ лицомъ на сцену. Прошу милости и прощенья! Я не причиной тому, что мой актеръ пропалъ.....

Въ общемъ шумъ сборовъ, стучанья дверями, ни кто не слышалъ словъ антрепренера, вообразившаго, что публика наконецъ догадалась, что неистоваго Роланда нѣтъ на сценѣ.

Всѣ приняли его самого за Неистоваго Роланда, который долженъ былъ явиться къ заключенію пѣсы, и, выходя изъ театра, хлопали и кричали—*фора!*

Антрепренеръ повторилъ извиненіе, и занавѣсъ опустился.

—Генераль-губернаторъ! генераль-губернаторъ! раздавалось въ толпѣ, выходящей изъ театра.—Генераль-губернаторъ! несло по улицамъ города, и служебный народъ возвратился домой съ мыслию,—генераль-губернаторъ, около которой образовалась сфера идей объ отвѣтственности за безпорядокъ и неисправность.

Городовой лекаръ также пришелъ въ ужасъ: онъ торопится домой сбросить фракъ, надѣть мундиръ, вооружиться шпагою, и между-тѣмъ посылаетъ за своимъ помощникомъ, ждетъ его съ нетерпѣніемъ, бранитъ за медленность, приказываетъ составить списокъ больнымъ городской больницы, съ трепетомъ ѣдетъ въ домъ казначея, входитъ въ переднюю, и отирая потъ на лицѣ, спрашиваетъ у слуги:—Домали его высокопревосходительство?

Его вводятъ въ залу. Казначей съ женой и съ двумя дочерьми встрѣчаютъ его, чуть дотрогиваясь до полу, и шепотомъ рассказываютъ ужасное событіе,—какъ

его высокопревосходительство разбили лошади, — какъ выпалъ его высокопревосходительство изъ экипажа, къ счастію подлѣ ихъ дома, — какъ его высокопревосходительство весь разбить и лежить безъ памяти, на диванъ, въ гостиной, и просить войти туда, осмотрѣть раны его высокопревосходительства.

— Какъ же это можно! говорить лекарь: войти безъ особеннаго на то приказанія его высокопревосходительства! Не лучше ли подождать, когда онъ очуствуется и потребуеть медика?

— Помилуйте, Осипъ Андреевичъ! что вы изволите говорить! Его высокопревосходительству нужна неотлагаемая медицинская помощь; потому, что вся голова его отъ сильнаго удара при паденіи, приведена въ окровавленное состояніе.

Лекарь убѣдился словами казначея; поправивъ мундиръ и шагу, и, взявъ въ правую руку треугольную шляпу, вошелъ въ гостиную.

На диванъ лежалъ среднихъ лѣтъ мужчина съ окровавленнымъ лицомъ, съ огромной, посинѣвшей шишкой на лбу, въ сюртукъ, на которомъ сіяли три звѣзды.

— Пощупайте у его высокопревосходительства пульсъ, Осипъ Андреевичъ, сказалъ тихо казначей.

Лекарь пощупалъ пульсъ; и пришелъ въ себя, потому что его высокопревосходительство дѣйствительно былъ безъ памяти.

— Что скажете?

Осипъ Андреевичъ покачалъ головою.

— Не нужно ли пустить кровь?

— Да, нужно бы! Его высокопревосходительство безъ памяти. Не худо бы послать за фельдшеромъ.

— Помогите, почтеннѣйшій Осипъ Андреевичъ! Вы представьте себѣ, что его высокопревосходительство будетъ почитать васъ и меня своими спасителями. Если бъ не я, дѣйствительно онъ погибъ бы, изшелъ бы весь кровію. Надо же быть такому счастію: ѣду

въ театрѣ, выѣзжаю изъ вѳротъ, слышу стукъ экипажа, и вдали крикъ, а подъ ногами стонъ. Что это значить, думаю я. Стой! Слѣзая съ дрожекъ, гляжу, — что же? — его высокопревосходительство у мостика лежитъ въ канавѣ, весь разбитъ, какъ видите. Экипажъ вѳрно опрокинулся, лошади понесли подъ гору, и прямо въ рѣку.

— Необыкновенное счастье, подхватила жена казначея, что коляска во-время опрокинулась: иначе и его высокопревосходительству быть бы въ рѣкѣ.

— Помогите скорѣе, Осипъ Андреевичъ, прервалъ казначей: за спасеніе жизни, онъ возьметъ насъ подъ свое покровительство.

— Употреблю все искусство. Мы пустимъ ему кровь..... Послали за фельдшеромъ?

— Послали, послали! отвѣчала жена казначея и двѣ ея дочери.

Лекарь подошелъ къ больному.

— Голова вся разбита! Боюсь, не потревожился ли мозгъ.

Фельдшеръ пришелъ. Руку больного освободили изъ рукава, натянули, перевязали выше локтя; жила напряжилась, ланцетъ щелкнулъ, кровь брызнула въ потолокъ.

«Несчастный!» вскричалъ больной, отдернувъ руку: «дай обойму тебѣ!... будемъ сражаться съ смертью!.....»

— Боже, онъ умираетъ! закричали всѣ женщины и выбѣжали.

— Что, нѣтъ надежды, Осипъ Андреевичъ?

— Посмотримъ! Помогите держать руку его высокопревосходительства, отвѣчалъ лекарь, и при помощи казначея и фельдшера снова натянулъ руку больного и снова ланцетъ стукнулъ, а кровь брызнула струей.

«Смертельный удар!» вскричалъ больной въ безпамятствѣ.

Лекарь отскочилъ со страхомъ.

— Боже, что вы сдѣлали! произнесъ казначей.

«Тяжніе объяло всѣ мои члены!....» продолжалъ безпамятный, вскинувъ руку, изъ которой лилась кровь. «Пожирающее время губить память мою! Земля разверзается! Стой!... Обрушимъ съ собою землю! она дрожить!... прочь!.....»

Судорожная дрожь обняла больного; долго продолжалъ онъ бредить, но слова его заглушались стукомъ зубовъ. Наконецъ умолкъ, впалъ въ совершенное безчувствіе.

— Есть ли надежда, Осипъ Андреевичъ? спросилъ казначей.

— Увидимъ, что скажетъ ночь, отвѣчалъ лекарь.

Цѣлую ночь лекарь и казначей провели въ дремотѣ подлѣ больного. Подъ-утро, онъ пошевелился. Глухой вздохъ вылетѣлъ изъ его груди.

— Слава Богу! будетъ жить, вскричалъ лекарь.

«Жить!» повторилъ больной.

— Онъ приходитъ въ чувство, произнесъ, перекрестясь казначей.

«Въ стѣнахъ великолѣпной столицы, которую я оставилъ..... въ этихъ стѣнахъ..... гдѣ.....»

— Слышите? прошепталъ казначей на ухо лекарю: его высокопревосходительство прямо изъ столицы!

Больной, снова, заговорилъ что-то невнятно, и потомъ продолжалъ:

«Знаю, знаю мои обязанности..... Я..... все свое благополучіе полагаю въ томъ, чтобъ дѣлать людей счастливыми..... а теперь..... эхъ, какъ я несчастливъ!.....»

— Успокойтесь, ваше высокопревосходительство! Осипъ Андреевичъ поможетъ вамъ, а у меня вы изволите быть какъ у себя въ домѣ.....

— Тсъ! прервалъ лекаръ рѣчь казначей: не говорите теперь съ его высокопревосходительствомъ; онъ еще не пришелъ въ себя. Оставьте его; онъ, кажется, заснулъ. Я между-тѣмъ схожу домой отдохнуть и приготовить необходимую микстулку, изъ хины. О, это новое вѣрнѣйшее средство отъ всѣхъ болѣзней: всѣ роды лихорадокъ, какъ рукой снимаетъ.

И лекаръ отправился домой; но у воротъ онъ столкнулся съ городничимъ во всей формѣ, который спѣшилъ представиться генералъ-губернатору.

— А, Осипъ Андреевичъ!

— Куда вы?

— Къ его высокопревосходительству, донести о благосостояніи города.

— Не возможно! вскричалъ лекаръ: не можетъ принять; онъ только что сталъ приходить въ себя; лошади разбили его жестокимъ образомъ, но я принялъ съ своей стороны всѣ необходимыя мѣры.

— Какія, сударь, мѣры съ вашей стороны! Какъ начальникъ города, я долженъ принимать всѣ мѣры, и первый явиться къ его высокопревосходительству, для полученія приказаній.

— Какъ вамъ угодно, господинъ городничій: я не буду виновать, если его высокопревосходительство не выздоровѣетъ.

Лекаръ отправился домой, городничій вошелъ въ переднюю. Казначей вышелъ къ нему на цыпочкахъ.

— Тсъ! его высокопревосходительство уснулъ.

— Я удивляюсь, господинъ казначей, сказалъ городничій строгимъ тономъ: какимъ образомъ вы осмѣлились предложить его высокопревосходительству домъ свой и вмѣшиваться въ распоряженія полиціи!

— Помилуйте! отвѣчалъ казначей: его высокопревосходительство въ глазахъ моихъ разнесли лошади,

и я поднялъ его подлѣ моего дома всего разбитаго , безъ памяти.....

— Тѣмъ хуже, сударь! Безъ вѣдома полиціи вы не смѣли поднять на улицѣ челоуѣка безпамятнаго, тѣмъ менѣе внести въ свой домъ. Мое дѣло было изслѣдовать, кто такой лежитъ на улицѣ въ безчувственномъ состояніи , и, узнавъ, что значительное лице, отвести ему приличную квартиру, а не лачужку, сударь. Это промски , сударь мой ; вы подкапываетесь подъ свое начальство ; вы челоуѣкъ безпокойный ; вы не знаете подчиненности. Генераль-губернаторъ у васъ въ домъ, а вы смѣете быть въ халатъ! Я донесу, сударь, на васъ! Эй, жожалый , какъ только его превосходительство проснетъ, донести немедленно мнѣ!

Городничій скорыми шагами вышелъ изъ передней, и отправился въ полицію, поскорѣ приводить все въ порядокъ. Казначей испугался словъ его, и сталъ расканваться, что вмѣшался не въ свое дѣло : онъ былъ добрый и умный челоуѣкъ, но имѣлъ много враговъ между своими сослуживцами.

Въ одно мгновеніе непроспавшаяся полицейская команда поставлена на ноги ; письмоводитель, съ синимъ носомъ , сѣлъ составлять рапортъ о благосостояніи города и списокъ колодниковъ , содержащихся въ острогъ ; другіе побѣжали ловить на рынкѣ подводы и рабочихъ людей для очищенія улицъ.

Между-тѣмъ изъ магистрата и прочихъ судебныхъ мѣстъ вынесена не принадлежащая къ производству тяжбныхъ, уголовныхъ и письменныхъ дѣлъ посуда ; судьи принялись повторять зады, составлять прежними числами журналы и подводить итоги въ шнурованныхъ книгахъ.

Когда дошло извѣстіе о прибытіи въ городъ генераль-губернатора до командира гарнизоннаго округа, подполковника Адама Ивановича , сердце почтеннаго старика обдалось ужасомъ. Гарнизонный солдатикъ

стоялъ почтительно, руки по швамъ, близь его дверей, и въ молчаніи ожидалъ приказанія.

— Ужь не прїѣхалъ ли съ нимъ и нашъ генераль?

— Не могу знать, ваше высокоблагородіе! Поллицейской посылной того не говорилъ; можетъ прїѣхалъ, а можетъ и нѣтъ!

— Былъ ли ты у Ивана Ивановича?

— Былъ, да его благородія нѣтъ въ квартирѣ!

— Боже мой, нѣтъ въ квартирѣ! Что же я буду дѣлать!.... Бѣги, ищи его, скажи, что окружный командиръ приказалъ просить его къ себѣ!

— Слушаю, ваше высокоблагородіе!

И гарнизонный солдатикъ, приложивъ лѣвую руку къ тесаку, поворотилъ налѣво кругомъ, притопнулъ правою ногою, и отправился искать его по всему городу.

Иванъ Ивановичъ, лихой поручикъ, лѣтъ сорока пяти отъ роду, въ блѣднозеленомъ мундирѣ, съ парю свѣсившихся на грудь, желтыхъ эполетъ, торопливо вошелъ въ комнату. Огромная шпага его, какъ палашъ, стучала объ ноги и о полъ; въ треугольной шляпѣ торчала рѣпица бывшаго чернаго пера; лѣвый глазъ его шурился, лѣвая часть рта подергивалась, бакенбарды отвисли, лобъ морщился.

— Что изволите приказать? сказалъ онъ, воткнувъ указательный палецъ лѣвой руки между третьей и четвертой пуговицею.

— Ахъ, любезный Иванъ Ивановичъ! вы слышали, что прїѣхалъ генераль-губернаторъ? Должно сдѣлать надлежащее распоряженіе и отдать приказъ по командѣ.

— Дѣйствительно-съ такъ; потому, что по случаю прибытія его высокопревосходительства, команда имѣеть быть собрана во всей аммуниціи, и въ предписанномъ порядкѣ представлена для инспекторскаго смотра, который и имѣеть быть учиненъ. А также,

по случаю прибытія его высокопревосходительства, имѣетъ быть назначенъ почетный караулъ къ занимаемому его высокопревосходительствомъ дому.

— Такъ, такъ, Иванъ Ивановичъ. Слѣдовательно вы назначите караулъ.

— Да не благоугодно ли будетъ представить рапортъ о благосостояніи команды, о числѣ постовъ и больныхъ?

— Такъ, такъ, Иванъ Ивановичъ! Конечно, мнѣ должно представить рапортъ о благосостояніи въренной мнѣ команды.

— «Кстати, Адамъ Ивановичъ: вы бы изволили представить его высокопревосходительству, что городничій осмѣливается распоряжаться гарнизонной командой мимо начальства, и брать безъ вашего вѣдома солдатъ на съѣзжу.

— Да, да, Иванъ Ивановичъ, справедливо; въ слѣдующій пріѣздъ его высокопревосходительства, я донесу обо всѣхъ беспорядкахъ и неурядицахъ, а на первый случай мы подадимъ только рапортъ о благосостояніи команды.

— Какъ вамъ угодно; а я бы въ глаза сказалъ городничему, какъ онъ осмѣливается дѣлать такія вещи.....

— Я скажу ему, скажу; онъ не смѣетъ этого дѣлать.

— Такъ какъ же? Прикажете ли завтра поутру собрать команду на площадь?

— Да, да, непременно, на площадь, во всей аммуниціи.

— Пойду въ пакгаузъ, да велю почиститься да побѣлиться.

— Хорошо, хорошо, Иванъ Ивановичъ; прикажите, чтобъ все было въ надлежащей исправности и чистотѣ.

Поручикъ отправился, а старикъ, довольный своими распоряженіями, набилъ наследственную пивковую трубку канастеромъ, и принялся точить бритвы.

Настало утро. Поручикъ Иванъ Ивановичъ, перетянутый нитянымъ шарфомъ, съ обнаженной шпагой, ходитъ по фронту гарнизонныхъ солдатиковъ, равняетъ линію, и ожидаетъ окружнаго гарнизоннаго командира.

Сопровождаемый вѣстовымъ, является наконецъ Адамъ Ивановичъ. Въ огромныхъ бѣтфортахъ со шпорами, въ лосинныхъ панталонахъ, замѣняющихъ бѣлыя суконныя, въ блѣднозеленомъ мундирѣ съ двумя пуговицами и съ желтымъ стоячимъ воротникомъ, который отъ времени сдѣлался откладнымъ, въ треугольной шляпѣ, опрокинувшейся назадъ, перетянутый шарфомъ, какъ-будто для поддержанія живота, Адамъ Ивановичъ походилъ на Карла XII.

— Здорово, ребята! вскричалъ онъ, приближаясь къ фронту.

— Здравія желаемъ! крикнули солдатики.

Адамъ Ивановичъ только-что хотѣлъ scomандовать своимъ корпусомъ, какъ послышался звонкій голосъ городничаго, скакавшаго по улицамъ для установленія порядка.

— Помилуйте, Адамъ Ивановичъ! кричалъ издали городничій: помилуйте, вы по сіе время не назначили еще караула къ его высокопревосходительству! не отправили даже вѣстовыхъ и ординарцевъ!

— Я свое дѣло очень знаю! отвѣчалъ сердито Адамъ Ивановичъ вслѣдъ за удаляющимся городничимъ. Иванъ Ивановичъ, извольте назначить караулъ, вѣстовыхъ и ординарцевъ къ его высокопревосходительству.

— Не прикажите ли, Адамъ Ивановичъ, поставить двѣ будки къ воротамъ его высокопревосходительства.

— Непремѣнно, непремѣнно! Да не забудьте назначить двухъ часовыхъ къ экипажу его высокопревосходительства.

— Слушаю-съ! отвѣчалъ поручикъ.

Адамъ Ивановичъ отправился сопровождаемый въ-стовыми къ знаменитому гостю. Между-тѣмъ нахлынули туда, вдругъ, всѣ чиновные и служащіе люди города, члены купечества и городской голова, и на цыпочкахъ вошли въ маленькую залу казначея. Съ подобострастною важностью на лицахъ, построились они по старшинству у дверей этой комнаты, держась лъвою рукою за шпаги, а тремя пальцами правой придерживая по формѣ треугольныя шляпы. Всѣ, въ почтительномъ молчаніи, смотрѣли на притворенныя двери въ гостиную.

Вотъ, дверь отворилась; всѣ вздрогнули, вытянулись....

Вышелъ казначей.

— Тсъ! произнесъ онъ тихо: его высокопревосходительство *не могутъ* принимать теперь; *они* уснули.

Всѣ на цыпочкахъ подошли къ казначею, обступили его, осыпали вопросами; но его начальникъ, председатель магистрата, имѣющій полное право на его довѣренность, воспользовался имъ, взялъ своего подчиненнаго за руку, и отвелъ въ сторону, для допросовъ.

«Боже мой!» раздался громкій голосъ изъ гостиной.

Председатель отскочилъ отъ казначея, рассыпавшійся фронтъ построился снова; казначей бросился въ гостиную. Подлѣ постели стоялъ лекаръ съ ложкой микстуры, которую онъ хотѣлъ влить въ ротъ больному.

«Она совсѣмъ почти лишила меня разсудка и воли; она похищаетъ то время, которое я обязанъ посвящать великой должности, возложенной на меня отечествомъ!...» произнесъ больной, и продолжалъ что-то невнятно; и вдругъ взбросивъ голову, вскочилъ съ мѣста и вскричалъ:—«Что я вижу? домъ Софіи! Это храмъ, гдѣ обитаетъ божество души моей!.....»

Лекаръ взглянулъ на казначея; казначей весь

вспыхнулъ.— Не понимаю, когда его высокопревосходительство былъ у насъ и видѣлъ мою дочь! подумалъ казначей.

Городничій, услышавъ голосъ его высокопревосходительства, не утерпѣлъ. Я начальникъ города, я долженъ явиться къ генераль-губернатору; да и что жъ за такая особа казначей, что смѣетъ входить къ его высокопревосходительству, безъ доклада! подумалъ городничій, и вышелъ въ гостиную.

Больной бросилъ на него взоръ, и вскричалъ:

« Кто ты, дерзкой?..... »

— Ваше высокопревосходительство.... Я.... городничій.... Честь имѣю.....

« Кто осмѣлился лишить меня перваго въ жизни удовольствіа? Говори! » продолжалъ больной грознымъ голосомъ.

— Не могу знать, ваше высокопревосходительство!.... Я не былъ предувѣдомленъ о вашемъ пріѣздѣ.... У меня и квартира готова для вашего высокопревосходительства... Постоянно шесть лѣтъ исполняю я должность свою съ рачительностью....

Во время доклада городничаго, казначей и лекарь стояли съ почтительнымъ видомъ, вперивъ глаза въ землю, а больной продолжалъ что-то говорить про себя, и вдругъ произнесъ въ слухъ, прервавъ слова городничаго:— « Что жъ ты мнѣ скажешь? »

— При семъ имѣю честь представить рапортъ о благосостояніи ввѣренной мнѣ должности....

Слова его прервалъ окружный гарнизонный командиръ. Вошедъ въ комнату въ киверъ, онъ мѣрными шагами приблизился къ дивану, приложилъ руку къ киверу, и произнесъ громко:

— Вашему высокопревосходительству честь имѣю.....

— Сдѣлайте милость, оставьте меня! вскричалъ больной, взглянувъ на него жалостно.

Адамъ Ивановичъ отступилъ, замолкъ и затрясся. Спустия немного, выступилъ впередъ председатель.

— Счастіе, которымъ ваше высокопревосходительство изволили осчастливить нашъ городъ и сей радостный день, въ который.....

«Неужели и ты, Бруть, противъ меня?» громко произнесъ больной. «Неужели всѣ согласились на мою погибель? Неблагодарные Римляне! Безпокойные люди, которымъ хотѣлъ я быть отцемъ, осыпать «благодѣяніями..... Вы поклялись въ моей погибели..... «Погибели?..... Пѣть!» прибавилъ онъ грознымъ голосомъ, сбросивъ съ головы платокъ, и потомъ продолжалъ скороговоркою безсвязныя слова.

Председатель магистрата перепугался. Городничій, Адамъ Ивановичъ, казначей и лекаръ молчали, не смѣя поднять глазъ. Лекаръ болѣе всѣхъ былъ смущенъ и въ недоумѣніи: ему казалось, что онъ гдѣ-то читалъ совершенно тѣ самыя слова, которыми теперь его высокопревосходительство изволилъ отвѣчать на рѣчь председателя, — и только не могъ припомнить, въ медицинской ли книгѣ, или въ какой-нибудь трагедіи?....

— Что это значитъ? сказалъ больной явственно: что всѣ за мной ходятъ и не хотятъ ни на часъ меня одного оставить?....

Городничій, Адамъ Ивановичъ, председатель, казначей и лекаръ, исполняя волю его высокопревосходительства, вышли изъ комнаты, а онъ продолжалъ говорить громко, съ сердцемъ.

— Пойдемте, господа, сказалъ городничій. Его высокопревосходительство предупреждень противу насъ. Это каверзы господина казначея.

— Напрасно, господа! говорилъ казначей вслѣдъ за уходящими: напрасно!

=

Въ спальнѣ казначея былъ ужасный споръ между нимъ и его женою.

— Полно, сударь! ты думаешь только о своей дочери, а мою ты готовъ на кухню отправить, сбить съ рукъ, выдать замужъ хоть за хожалаго. Я своими ушами слышала, какъ онъ произносилъ имя Ангелики.

— «Помялуй, душенька, я могу тебѣ представить въ свидѣтели Осипа Андреевича! Какъ теперь слышу слова его высокопревосходительства — «Это домъ моей Софii, моей дражайшей Софii!»

— Ахъ ты, этакой! ты и послѣдній домышко хочешь отдать въ приданое своей возлюбленной Софii! Нѣтъ, сударь, этому не бывать.

— Прямая ты мачиха! Богъ съ тобой! По мнѣ, все равно: и Ангелика моя дочь. Впрочемъ кто тебя знаетъ....

Съ сердцемъ казначей вышелъ изъ комнаты, не кончивъ рѣчи.

— Лысый чортъ! проворчала казначейша, и кликнула Ангелику.

— Принарядилась?... Вотъ такъ! Хорошо; косыночку-то попусти немного на плечки. Ну, ступай; скажи, что я, дискать, лекарства хочу дать вашему высокопревосходительству.

Вятской породы, рябенькая, одутлеватенькая Ангелика, получивъ наставленiя отъ матери, вошла въ комнату больного. Онъ лежалъ въ забывчивости; глаза его были устремлены въ потолокъ.

Ангелика стукнула стеклянкой.

Больной оглянулся, привсталъ, и произнесъ, устремивъ на нее неподвижный взоръ: «Пойду къ ней.... Да не подозрительно ли? Нѣтъ!.... — Смѣю спросить, сударыня, о чемъ вы изволите беспокоиться?»

— Лекарство, вашему высокопревосходительству.... произнесла Ангелика.

— Да вы на кого-то жаловались?

Т. X. — Отд. I.

Ангелика вспыхнула. Боже! думала она: онъ слышалъ, какъ я жаловалась на Софью матушкѣ.

— Никакъ нѣтъ-съ; я не жаловалась; у меня нѣтъ ни какого сердца, сказала она.

— Если угодно, я могу служить вамъ своимъ.

— Я не стою, ваше высокопревосходительство.

«Любовь!» вскричалъ онъ, отворотивъ голову въ сторону: «теперь вспомоществуй мнѣ!» и, обратясь къ Ангеликѣ, продолжалъ: «Ахъ сударыня, вы не откажете мнѣ въ вашей услугѣ?»

— Что вамъ угодно?

«Открою вамъ тайну, меня угнетающую, но ужасно... Я бы хотѣлъ открыть вамъ мое сердце, но языкъ не повинуется моему желанію...»

— Если вы мнѣ сдѣлаете честь... Мое состояніе.... отвѣчала она, перебирая концы ленты.

«Не въ моей волѣ открыть вамъ причину моего безпокойства... Оно началось въ этотъ самый день, какъ въ этомъ домѣ было печальное происшествіе...»

— Когда умерла бабушка, меня здѣсь не было; я съ матушкой была на ярмаркѣ; только сестра осталась.

«Я видѣлъ божество, котораго прелести ввергли меня въ это бѣдствіе.»

— Я не знаю-съ, отвѣчала съ сердцемъ дѣвушка. Можетъ-быть сестрица Софія....

«По-крайнѣй-мѣрѣ, въ вашей волѣ дать случай въ послѣдній разъ на нее взглянуть...» сказалъ больной, смотря на нее неподвижными глазами.

— Извините-съ! сказала она, вспыхнула отъ досады, и вышла изъ комнаты.

— Это ужасъ! вскричала она, хлопнувъ дверью: онъ требуетъ, чтобъ я дала случай видѣться ему съ сестрой Софьей.

— Видишь ли, мой другъ? сказалъ казначей: не я ли тебѣ говорилъ!

Казначейша начала бранить его и Софію. Между-тьмь больной что-то говорилъ въ слухъ. Раздалсь громко слова — «А послѣ приведи ко мнѣ доктора, да какъ-можно скорѣй!» Казначей бросился туда.

— Что угодно вашему высокопревосходительству?

Больной, склонясь на подушки и глядя въ потолокъ, продолжалъ: «Слабость моя уменьшается....»

— Слава Богу, ваше высокопревосходительство!

«Силы подкрѣпляются какою-то надеждою..... Конечно, Софія въ безопасности! Ахъ, если бѣ испол-нилось предчувствіе! Всесильное Существо, какую принесу тебѣ благодарность, когда увижу въ своихъ объятіяхъ Софію!.... Чу, я слышу ея голосъ!»

— Софья, Софья! закричалъ казначей, выбѣжавъ въ спальню и схвативъ Софью за руку: ступай дурочка; поднеси его высокопревосходительству лекарства.

Софья, добренькая, скромненькая дѣвушка, съ голубенькими глазами, на которыхъ еще свѣтились слезы отъ брани мачихи, втокнувшая отцомъ въ комнату больного, остановилась и закрыла платкомъ лице.

«Я живъ еще, любезная Софія! Живъ еще! Не мучься!» сказалъ больной съ чувствомъ, протягивая руки къ казначею.

— Вотъ она, ваше высокопревосходительство, ска-залъ казначей, ставя дочь впереди себя.

— «Въ какомъ она изступленіи!» продолжалъ боль-ной. «Это отъ любви ко мнѣ!.... О, сердце мое разди-рается болью и досадою!»

— Куда ты, Софья! прошепталъ казначей, удержавъ дочь свою, которая хотѣла выбѣжать. Извините, ва-ше высокопревосходительство, моя Софья немного за-стычива.

«Не безпокойся, дражайшая! Мнѣ оставлена жизнь.... Благодари Провидѣніе, которое соединяетъ насъ навсегда.»

Батюшка! пустите меня!....

*

« Я живъ, и живъ для того, что тебѣ это драгоценно... »

Слышишь, глупая?

— А, вы здѣсь?... Помогите мнѣ встать, любезная. Охъ!... Мнѣ не позволяетъ слабость.....

— Позвольте я, ваше высокопревосходительство, приподниму васъ!

Казначей бросился подымать больного, а Софья выбѣжала изъ комнаты. Сѣвъ на диванъ, больной вдругъ устремилъ страшные глаза на казначея, долго что-то шепталъ про себя, потомъ схватилъ подушку, и, приподнявъ ее, вскричалъ трагическимъ голосомъ:

« Что? или ты, варваръ, затѣмъ пришелъ сюда, «чтобъ докончить свои злодѣянія?» »

— Ваше высокопревосходительство, милостивѣйшій государь!.... я ничего-сѣ! сказалъ казначей, и затрепеталъ какъ листъ.

Больной замолкъ. Онъ оставался нѣсколько минутъ неподвижнымъ и, казалось, сталъ спокойнѣе. Казначей ободрился.

— Кто ты таковъ?

— Казначей-сѣ.

— Скоро ли у васъ начнется представленіе?

— Вчера кончилось.

— Гдѣ антрепренеръ?

— Не знаю-сѣ. Я тотчасъ съищу его....

— Не нужно. Я самъ пойду къ нему. Я покажу этому мошеннику, что значить меня обманывать! Какъ онъ смѣлъ давать представленіе безъ меня?....

— Никакъ не ожидали вашего высокопр.....

Глаза больного опять засверкали яростью. Казначей опять струсилъ. Гость вскочилъ съ дивана, накинулъ на лѣвое плечо сюртукъ, который былъ сдернутъ съ руки для пусканія крови, схватилъ треугольную шляпу казначея, и скорыми шагами вышелъ изъ ком-

наты. Въ передней, вскочилъ съ мѣста слуга, и вытянулся ординарцы.

Его высокопревосходительство отправляется скорыми шагами по улицѣ прямо на площадь.

=

Во все это время, въ городѣ и во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ господствовала необыкновенная дѣятельность, дивная исправность по дѣламъ и усердіе, достойное вниманія знаменитаго гостя. Городничій работаетъ днемъ и ночью, и въ потъ чела подписываетъ донесенія, отношенія, рапорты, билеты.

Но занятія его были вдругъ прерваны глубокимъ поклономъ вошедшаго антрепренера театра.

— Здорово, любезный! Что это? Афишка новаго представленія? сказалъ онъ, продолжая подписывать бумаги. Надобно сыграть что-нибудь хорошаго для нашего гостя.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, просьбица.

— Ивановъ, возьми и читай скорѣе, сказалъ городничій, подмахивая уже пятую бумагу со времени перваго своего вопроса.

Письмоводитель началъ читать.

«Вольноотпущеннаго Якимъ Прохорова Козырина прошеніе.

«1. Бывъ по ремеслу актеръ, и поступивъ въ «директоры, сирѣчь, содержатели вольной труппы, я «производилъ на сценѣ разныя піесы, какъ то, комедіи; оперы, трагедіи, къ совершенному удовольствію публики, на ярмаркахъ и въ провинціаль- «ныхъ городахъ, имѣвъ на то повсюду дозволеніе «мѣстнаго начальства, на собственный коштъ, съ «различными декораціями и костюмами.

«2. Въ прошлый годъ, на Ростовской ярмаркѣ «ступилъ въ труппу дирекціи моей мѣщанинъ Корне- «лій Ивановъ Зарѣцкій, по контракту, съ тѣмъ, да-

«бы быть на моихъ хлѣбахъ и играть трагическія роли, а когда нужда воспослѣдуетъ, то и комическія, а въ случаѣ отсутствія, или болѣзни опернаго артиста труппы моей, оставнаго баса, имѣетъ онъ Зарѣцкій и пѣть. Несмотря на сіе, онъ Зарѣцкій, «по прибытіи въ сей городъ, отъ должности своей скрылся, и снесъ отъ меня, содержателя, разные костюмы, а именно, бархатные античные штаны, «сюртукъ синяго сукна съ краснымъ стамеднымъ подбоемъ, жилетъ зеленый шелковый шитый, на «сюртукъ три звѣзды фольговья, шитыя канителью, «и сверхъ сего забралъ впередъ сто двадцать рублей; «кого прошу оную полицію отыскать, и, поступивъ «по законамъ, вышеозначенныя вещи и деньги мнѣ «возвратить.

«Къ поданію надлежитъ въ городскую полицію. «Прошеніе сочинялъ и переписывалъ, со словъ просителя, самъ проситель. Къ сему прошенію руку «приложилъ,» и прочая.

— Ты, братецъ, не выставилъ въ просьбѣ, сколько ему отъ роду лѣтъ, какія примѣты, женатъ, или холостъ, гдѣ приписанъ къ мѣщанству: это вещи необходимыя для полиціи; по симъ соображеніямъ мы составимъ отношеніе въ тотъ городъ.

— Вамъ высокоблагородіе, вотъ его паспортъ.

— Все равно, братецъ, отвѣчалъ городничій, продолжая подписывать: въ просьбѣ должно быть все упомянуто. Просьба должна быть написана по формѣ. Теперь, знаешь, время такое щекотливое. Въ городъ присутствуетъ высшее начальство..... Ивановъ, подай другое перо: это уже исписалось.... То-то братецъ, чѣмъ бы самому сочинять и переписывать просьбу, ты бы обратился къ человѣку знающему дѣло.

— Позвольте я вамъ напишу! сказалъ письмоводитель антрепренеру: это пустаго стоимъ.

Вдругъ раздался шумъ на улицѣ.

— Узнать, что тамъ такое? вскричалъ городничій, продолжая подписывать.

Квартальный и полицейскіе служители бросились вонъ, и долго не возвращались. Любопытство и обязанность повлекли ихъ вслѣдъ за народомъ, который сбѣгался на площадь, толпясь около неизвѣстнаго челоѵка въ треугольной шляпѣ. Сквозь народъ виднѣлись только его сверкающіе глаза и дикія движенія рукъ. Онъ произносилъ страшнымъ, изступленнымъ голосомъ: «Великолѣпный городъ!.... Какое «величіе управлять имъ, блистать надъ нимъ подобно «царственному дню, погрузить въ бездонный океанъ «всѣ клокоущія страсти, всѣ ненасытныя желанія!.... «Пропастъ! Ниспровергните въ нее все, что только «челоѵкъ имѣетъ драгоцѣннаго, ваши побѣды — за- «воеватели; ваши безсмертныя произведенія — худож- «ники; ваше сластолюбіе — эпикурейцы; — ваши мо- «ря и острова — мореплаватели!....»

— Въ городъ страшный безпорядокъ: какой-то пріѣзжій буянитъ на площади, въ азартъ, хочетъ ниспровергнуть въ пропасть всѣ моря и острова, сказалъ запыхавшійся писарь, съ шумомъ вбѣгая въ комнату.

— Какъ? вскрикнулъ городничій, и схватилъ шляпу и шпагу со стола. Собрать всю команду! Послать къ окружному командиру, чтобъ шелъ съ солдатами на площадь! За мной!...

И съ этимъ словомъ городничій бросился какъ угорѣлый на площадь.

Между-тѣмъ неизвѣстный продолжалъ:

«Неужели я убилъ жену свою?..... О, заклинаю «васъ, не смотрите подобно блѣднымъ привидѣніямъ «на эту игру природы! Благодарю, Всевышній! есть «случаи, которыхъ челоѵкъ не можетъ страшиться, «потому, что онъ челоѵкъ!.... Кому отказано въ вос- «торгахъ сладостныхъ, тому неужели суждено тер- «пѣть мученія дьявольскія?»

— Вотъ онъ, вотъ! раздался голосъ въ толпѣ, стоявшей съ открытыми головами и повторяющей съ удивленіемъ :

— Вотъ онъ ! Онъ убилъ свою жену !

— Молчи !.... Куда ? грозно сказалъ неизвѣстный , схвативъ одного попятившагося назадъ жиденка за шиворотъ и отбросивъ его въ толпу .

— Схватите его , схватите ! кричалъ полицейскій чиновникъ , продираясь сквозь народъ .

«Превратись языкъ твой въ крокодила!» заревѣлъ неизвѣстный , бросаясь на чиновника . «Ступай въ бездну адскую!.....»

Чиновникъ увернулся , замолкъ , и вытянулся во фронтъ . Его испугалъ не самъ незнакомецъ , но сіявшія на груди его три звѣзды .

— Схватите его , схватите ! раздался издали голосъ запыхавшагося городничаго ; но народъ отхлынулъ отъ неизвѣстнаго , когда онъ , заскрежетавъ зубами , произнесъ : «Прочь , прочь ! лица человѣковъ ! О , «если бъ мірозданіе попало въ мои челюсти!..... «Человѣкъ!»..... «Съ какою радостью стоитъ это жалкое твореніе , и благословляетъ судьбу свою , что она «не подобна моей !» прибавилъ неизвѣстный , указывая на стряпчаго , который растолкнулъ толпу и только-что выбрелся впередъ . «На одного меня обратилась вся злоба ада!».... «Братъ !» продолжалъ онъ жалкимъ голосомъ , ударивъ босаго жида въ лохмотьяхъ , по плечу : «Благодарю тебя , судьба ! здѣсь «есть еще одинъ , котораго не разразилъ этотъ «громъ!.....»

— Зарѣцкій ! раздался новый голосъ въ толпѣ .

— Вотъ онъ , вотъ онъ ! кричалъ содержатель походной трупы , продираясь сквозь народъ , и обхватывая оратора . Онъ пьянствовалъ ! Я узналъ его по голосу и по монологу изъ «Фіеско» ! Нашелъ мѣсто деклами-

ровать!... Вотъ и костюмъ театральный, и мои звѣзды. Счастье, что не пропиль!

Выведенная содержателемъ театра изъ недоумѣнія, полицейская команда обсыпала несчастнаго Зарѣцкаго, у котораго дѣйствительно мозгъ былъ поврежденъ ушибомъ, полученнымъ въ голову. Врачеваніе Осипа Андреевича довершило ея разстройство.

Скрутите ему руки назадъ! сказалъ торжественно городничій: ведите въ полицію для допроса.

Влекутъ бѣднаго Зарѣцкаго, и невнятный, отрывистый его голосъ, сопровождаемый сверкающими очами, не слышенъ въ шумъ народа, который его преслѣдуетъ.

Его привели въ полицію; толпа остушила домъ; крикъ, гвалъ, толкотня. Городничій, занявъ свое мѣсто, приказалъ ввести преступника; письмоводителю приготовилъ бумагу для допросовъ.

Два будочника ввели Зарѣцкаго; за нимъ вошелъ содержатель театра.

ГОРОДНИЧІЙ.

Имя твое?

Зарѣцкій (въ сторону).

Господи Боже мой, ошибка! И гдѣ же?... на сценѣ, во время представленія! Онъ долженъ былъ сказать «имя ваше?» (къ *городничему*) «Конрадъ Туринскій!»

СОДЕРЖАТЕЛЬ ТЕАТРА.

Онъ пьянъ, ваше высокоблагородіе.....

ГОРОДНИЧІЙ.

Тсъ! никто не перебивай словъ моихъ. Званіе?

Зарѣцкій.

«Имперскій баронъ и членъ сего судилища.»

ГОРОДНИЧІЙ.

Какъ? что?... Новый подлогъ. Хорошо! (къ *письмоводителю*) пиши! (къ *Зарѣцкому*) По какому случаю прибылъ въ сей городъ?

ЗАРЬЦКІЙ (въ сторону).

Да онъ не то говорить, что слѣдуетъ! Онъ меня со-
бьетъ съ толку! (къ городничему) «Защищать мою ме-
«винность и занять мѣсто!»

ГОРОДНИЧІЙ.

Хороша невинность! О, другъ, ты займешь мѣсто
въ тюрьмѣ!

ЗАРЬЦКІЙ (въ сторону).

Чортъ знаетъ, что онъ говорить! (къ антрепренеру)
Гдѣ суфлёръ? Дайте ему суфлёра! (къ городничему)
«Какое мое преступленіе?»

ГОРОДНИЧІЙ.

Какъ? какое преступленіе? Запираться! Нѣтъ, прі-
ятель; свидѣтель цѣлый городъ..... Говори, какимъ
образомъ и съ какою цѣлю уговорился ты съ госпо-
диномъ казначеемъ сыграть роль генераль-губерна-
тора? А!

ЗАРЬЦКІЙ (въ сторону)

Ну, просто вретъ! Я? роль генераль-губернатора?
(къ городничему) «Гдѣ жъ мой обвинитель?»

СОДЕРЖАТЕЛЬ ТЕАТРА.

Да онъ, ваше высокоблагородіе, спяна бредитъ
ролями, которыя игралъ на театрѣ!

ГОРОДНИЧІЙ.

Тсъ! Тѣмъ лучше. Что у тверезаго на умѣ, то у
пьянаго на языкѣ. (къ Зарьцкому) Отвѣчай на во-
просъ: съ какою цѣлю? А? Не съ тою ли, чтобъ по-
хитить казенныя суммы и вмѣстѣ скрыться? (къ квар-
тальнымъ) Извольте отправиться немедленно, сейчасъ
же, и безъ малѣйшаго отлагательства арестовать го-
сподина казначея. Если онъ скроется; то вы будете
отвѣчать. Слышите ли? (къ Зарьцкому) Ну, говори,
съ какою цѣлю? А?

ЗАРЬЦКІЙ (въ сторону).

Не то! (къ городничему, съ удивленіемъ) «Какой
звукъ голоса!»

ГОРОДНИЧІЙ.

Говори. Что ты будешь на это отвѣчать?

ЗАРЪЦКІЙ.

«Что судилище слишкомъ справедливо, чтобъ на-
казывать заблужденія, или чтобъ разставлять сѣти.»

ГОРОДНИЧІЙ.

Какая дерзость! Сѣти!.....

ЗАРЪЦКІЙ (перебиваетъ).

Да, сѣти! «Всей Германіи извѣстны связи дружбы,
«родства.....»

ГОРОДНИЧІЙ (перебивая).

Связи дружбы и родства?... А, наконецъ! (къ пи-
сарю) Пиши: Связи дружбы и родства..... Пиши.
Вотъ что! Теперь-то объяснилось.

ЗАРЪЦКІЙ (въ сторону съ сердцемъ).

Все испортилъ! Не далъ всего высказать!

ГОРОДНИЧІЙ.

А что господинъ казначей обѣщаль тебѣ за это?

ЗАРЪЦКІЙ (въ сторону).

Ну играй же съ нимъ! Самъ не знаетъ, что говорить!
(къ городничему) «И сдержалъ слово, онъ былъ мой
другъ.»

ГОРОДНИЧІЙ. (къ писмоводителю).

Пиши: другъ!

ЗАРЪЦКІЙ (продолжая).

«Мой гость, а я изгналъ его; онъ простираля ко
мнѣ руки, а я умерщвляля его....»

СОДЕРЖАТЕЛЬ ТЕАТРА.

Да онъ декламируетъ роль изъ «Вольныхъ Судей»!

ГОРОДНИЧІЙ (перебивая).

Тсъ, молчать! Здѣсь не вольный, а казенный судъ!.....

ЗАРЪЦКІЙ (въ сторону).

Совсѣмъ сбили меня! Что бишь?... Да! (къ городни-
чому). «Долженъ ли онъ умирать два раза, два раза
«переносить томленіе смерти? Кто бѣ ты ни былъ.....»

«если это твое мнѣніе, то у тебя сердце людоѣда!»
(бросается къ городничему)

Городничій (вскочивъ съ мѣста съ ужасомъ).

Онъ убьетъ! Схватите его. Онъ убьетъ!.... Закуйте его въ желѣза, тащите его въ тюрьму. Колодки на ноги!.....

СОДЕРЖАТЕЛЬ ТЕАТРА.

Ваше высокоблагородіе, онъ пьянь; онъ спяна все это надѣлалъ. Извольте прислушать, онъ говоритъ не свои слова.

Городничій.

Тѣмъ хуже; это значитъ, что онъ подученъ. Рогатку на шею! А завтра въ кандалахъ представить его для вторичнаго допроса и личной ставки съ казначеемъ. Разбой среди бѣлаго дня!

=

Въ тюрьму къ Зарѣцкому тайно пришла «Добродѣтельная преступница»; она застала его въ безпамятствѣ, бросилась въ его объятія, вскричала, какъ Ангелика: — Роландъ. взгляни на скорбь мою о тебѣ!.... Успокойся, другъ мой!

А онъ отвѣчалъ:

«Здравствуй, здравствуй, благородная дочь дикаго «Сакрипанта! Здравствуй!.... Какъ ты одна убѣжала «отъ твоего отца?»

И она, видя, что нѣтъ надежды возвратить бѣдному Роланду рассудка, произнесла горестно какъ Ангелика — «Несчастный!», и удалилась изъ тюрьмы скорыми шагами, чтобъ не опоздать на репетицію.

Настоящій генераль-губернаторъ, до котораго дошли слухи объ этомъ происшествіи, смѣялся надъ нимъ отъ души, и велѣлъ перевести Роланда изъ тюрьмы въ домъ сумасшедшихъ, а казначея перемѣстить въ другой городъ.

По-сю гору казначейша, во время ссоры съ мужемъ, посылаетъ его навѣстить зятя своего въ Москвѣ въ желтомъ домѣ; а Зарьцкій то и дѣло декламируетъ: то воображая себя честолюбцемъ Фіеско, заноситъ преступную руку на Джіанеттина, поражаетъ стѣну кулакомъ, клянеть судьбу надъ трупомъ Розабеллы, низвергается въ море съ кровати и лежитъ безъ памяти на полу; то, вдругъ очнувшись, является маркизомъ Лафаетомъ, и клянеться въ любви Софіи; то передъ лицомъ Вольнаго Судилища защищаетъ права и невинность имперскаго барона. Но въ роли Неистоваго Роланда онъ превосходить самого себя: всѣ сумасшедшіе, находящіеся съ нимъ въ одной камерѣ, забываютъ свою манію,—музыкантъ перестаетъ перебирать на воздухѣ клавиши,—духовидецъ ловитъ за хвостъ чортяковъ, которые садятся ему на носъ,—у поэта выпадаетъ изъ рукъ воображаемое перо,—ораторъ не откашливаетъ слова, которое остановилось у него въ горлѣ,—и всѣ внимательно, безмолвно, разинувъ ротъ, дивятся изступленному искусству Зарьцкаго.

А. ВЕЛЬТМАНЪ.

=

П Р И Х О Т Ь.

=

Не далеко отъ Малой Невки, поутру, на дачѣ, въ обширной комнатѣ съ высокими окнами, сквозь которыя струился свѣтъ солнца,—въ этотъ день въ Петербургѣ было солнце,—сидѣла госпожа Чарова за длиннымъ столомъ, и разсматривала альбомъ. Два такіе же альбома лежали на столѣ. Подлѣ нея, съ одной стороны, стояла ея подруга; съ другой мужчина чрезвычайно привлекательной наружности.

—Превосходно! превосходно! вскричала хозяйка. Это отдѣленіе назначено, кажется, для видовъ и ландшафтовъ. Вотъ древній храмъ въ честь Августу въ Ангорѣ. Вотъ деревенька Серта: о, это бывшая великолѣпная столица Креза!... Вотъ развалины храма поклонниковъ звѣздъ, на холмѣ Авраама, близъ Орфы. Храмъ солнца въ Геліополь. Все храмы, храмы, да развалины!... Прелестъ! Посмотрите, Петръ Петровичъ! Это цвѣтущая долина какой-то Низибіи.

—Знаменитой Низибіи, отвѣчала молодой человекъ. Она когда-то устояла противъ грозныхъ Паряевъ, и кровью враговъ облила эту цвѣтущую долину.

—Посмотрите, господинъ Лугановъ: цвѣты,—бѣлыя розы,—но что здѣсь подписано?... Ими усыяны всѣ окрестности Низибіи..... Такъ и они были орошены кровью людей!... Еще развалины; это храмъ и амфитеатръ Джеразы. Но какъ хорошо выполнено! Безъ подписи можно узнать, что онъ стоитъ въ пустыняхъ Сиріи: вотъ пастухи со стадами козь; вотъ Арабскіе бедуины... О! гадкій!.....это крокодилъ? Нѣтъ, ящерица Гвириль.

—Однако жъ эта ящерица такъ же сильна, какъ крокодилъ, замѣтилъ Лугановъ.

—Всѣ они хороши, отвѣчала она. А, снова цвѣты!

Гиацинты, ранонкулы, нарцисы, анемоны съ острова Кипра; гвоздика, амариллисъ, лилія, антиллисъ пурпуровый, ксерантема съ горы Либана. Ахъ, ахъ съ горы Либана! Точно какъ гербарій; какъ-будто онъ ихъ сорвалъ оттуда. Какая самонадъянность!... Но люди съ истинными дарованіями всегда таковы. Возьмите, Лугановъ, возьмите этотъ букетъ. Что жъ вы стали?

Она нагнулась и понюхала.

— Право, кажется, обдасть меня запахомъ лилій.

Лугановъ вздохнулъ.

Вы, мнѣ кажется, Любовь Александровна, предпочитаете всему дарованія къ изящнымъ искусствамъ и поэзін?

— Разумѣется.

— Да вѣдь онъ даются всегда въ вознагражденіе сумасшедшимъ!

— Я люблю сумасшедшихъ.

— Вы любите сумасшедшихъ? раздался голосъ чело-вѣка, вошедшаго въ комнату.

То былъ мосье Рюселье, отставной капитанъ Французской гвардіи, хозяинъ альбомовъ.

Чарова сперва вздрогнула, потомъ засмѣялась, — подтвердила слова свои, — вздохнула, — переверотила листокъ альбома.

— Чудесный видъ!... Какъ хороша эта деревенька на скаль! Бунарбаши. Что это, на мѣсть бывшей Трои?

Она задумалась, и тихо сказала:

— Троя, Троя! гдѣ теперь ея слава? гдѣ ея Парисъ?... скажите мосье Рюселье, отчего это въ книгъ костюмовъ у васъ нѣтъ ни одной женщины?

— Какъ это?

Онъ взялъ одинъ альбомъ, и, приискивая рисунокъ, продолжалъ: — Вообще кожа всѣхъ Американцевъ имѣетъ цвѣтъ корицы; мнѣ хотѣлось выбрать женщину побѣлѣе. Между рѣками Платою и Кансе, на-

шелъ я племя, которое называется Ли-Пани. Можете себя представить, какъ я обрадовался, увидѣвъ не только бѣлыхъ, но и бѣлокурыхъ.... А вотъ и сама Наная.

Госпожа Чарова, подруга ея и Лугановъ отскочили отъ стола.

— Это я! вскричала госпожа Чарова. Не возможно!... Когда успѣли вы срисовать меня?

Разумется не возможно, отвѣчалъ Рюселье: вчера только, поутру, я имѣлъ честь познакомиться съ вами; весь день пробылъ вмѣстѣ; возвратился домой поздно вечеромъ, и по желанію вашему тогда же прислалъ къ вамъ альбомы съ моимъ Негромъ. Я васъ удивлю еще болѣе, когда скажу, что этотъ портретъ, какъ я ни старался, со всѣмъ не похожъ на оригиналъ; только положеніе головы, уборка волосъ и руки здѣсь совершенно такъ, какъ было у Нанай.

— Это странно! сказали всѣ вдругъ.

— Что жъ дѣлать? продолжалъ Рюселье: не всегда можно ладить съ упрямою кистью, особенно съ такой, какъ моя.

— Вы шутите, капитанъ. А я никогда не видывала такихъ прелестныхъ рисунковъ, хотя они наскоро набросаны. Чего тутъ не достаетъ? Перспектива, правильность, смѣлость, колоритъ. Въ нѣкоторыхъ рисункахъ воздухъ изображенъ такъ, что переносить меня въ то мѣсто, гдѣ вы рисовали!

— Набилъ руку, какъ говорятъ Русскіе, отвѣчалъ капитанъ. *A force de forger on devient forgeron.* Не шутка шесть лѣтъ больше ни чего не дѣлать, какъ ѣздить да рисовать.

— Вы объѣхали весь свѣтъ?

— Почти. До такой степени, что не смѣю говорить. Я имѣлъ удовольствіе или несчастіе видѣть все, что дѣлается на свѣтѣ. Я былъ въ Канадѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Бразиліи, въ Мексикѣ, въ Кали-

Формин, — ежели хотите, въ Камчаткѣ, въ Кантонѣ, въ Индустанѣ. Обѣхалъ всѣ берега Африки, пробѣжалъ по островамъ Средиземнаго Моря. Видѣлъ устья всѣхъ знаменитыхъ рѣкъ, исключая Оби, Енисея, Лены и Мѣдной. Видѣлъ Кордильеры, Анды, Лунныя Горы и безтолковый Тавръ. Видѣлъ Иду и Олимпъ Мизійскій. Я видѣлъ, госпожа Чарова, бѣднаго Адониса: онъ подплылъ кровью, этотъ любимецъ богини красоты.

— Вы смѣетесь, Рюселье. Вы, кажется, перенеслись воображеніемъ во времена Аргонавтовъ?

— Капитанъ говоритъ о рѣкѣ Адонисъ въ Сириі, сказалъ съ улыбкою Лугановъ: которая имѣетъ два-ва-ый цвѣтъ, отъ красной глины береговъ.

— И которая напоминаетъ, что бессмертная хотѣла почтить нетлѣннымъ памятникомъ изуродованный трупъ возлюбленнаго человѣка.

— Ахъ, Адонисъ, Адонисъ! прошептала Чарова. Что же вы еще видѣли?

— Ливанъ, увѣнчанный кедрами; Таборъ, съ котораго въ одно время взоръ обхватываетъ Озеро Тиверіяды, берега Средиземнаго Моря и рѣку Іорданъ. Я былъ въ Самаріи, въ Іудеѣ, въ Іерусалимѣ; поклонился гробу Спасителя.....

Послѣ продолжительнаго молчанія Лугановъ спросилъ у капитана: — Что же извлекли вы изъ вашего путешествія?

— Альбомы, отвѣчалъ капитанъ сухо.

— Какую пользу, хотѣлъ я спросить.

— Возможность жить безъ счастья.

Вскорѣ Рюселье ушелъ.

Лугановъ еще оставался. Онъ выманивалъ на разговоръ хозяйку, но видя, что не клеится, сказалъ грустно: — До свиданья, Любовь Александровна.

Чаровой двадцать шестой годъ. Каждый изъ читателей имѣетъ свое понятіе о красотѣ. Пусть же каж-

дый вообразить себя женщину со всѣмъ, что для него прелестно, мило, плѣнительно, отъ головы до ножки, и, составивъ себя идеаль совершенства, принесть его ко мнѣ: мы примѣримъ любой изъ этихъ идеаловъ къ Чаровой, и я увѣренъ, что онъ ни чѣмъ не будетъ различаться съ нею. Мой идеаль совершенно къ ней приходится.

Лице, вся голова и станъ покойнаго ея мужа были выкрадены изъ Академіи Художествъ, гдѣ только они и существуютъ. На выставкахъ, когда онъ появлялся, женщины не смотрѣли на картины. Онъ самъ знаетъ свое достоинство, и самъ любовался собою, и несмотря на умъ образованный, преобразованный, на душу благородную и возвышенную, очень уважалъ свою наружность, — потому, говорилъ онъ, что она приобрѣла ему жену, единственную въ свѣтѣ. Къ нему въ полной мѣрѣ причтнялось правило древняго мудреца — *Anima pulchra in corpore pulchro*, — «въ прекрасномъ тѣлѣ душа прекрасная». Зато и жена, несмотря на свой семнадцатилѣтній возрастъ, утверждала, что мужъ ея, во всѣхъ отношеніяхъ, превосходитъ всѣхъ мужчинъ въ свѣтѣ. Для меня только мудрено, почему она могла знать это. Но въ быту супружескомъ бываютъ такіа мистическія сравненія, что и самъ чортъ не всегда извѣстенъ объ ихъ основаніи. Подите, спрашивайте!

Впрочемъ госпожа Чарова говорила просто: она и не думала повѣрять своего предложенія опытомъ, и ей было нѣкогда: она не успѣвала опомниться отъ любви своего мужа, отъ любви къ своему мужу; она даже не хотѣла сравнивать и на свободѣ, оставшись на двадцатомъ году вдовою.

Бѣдный дрался съ непріателемъ, какъ дерутся Русскіе, — не оглядываясь, и послѣ кровавой, ужасной битвы, можно сказать послѣ бойни, остался на мѣстѣ.

Его не успѣли вынести. То была сѣча, которую можно сравнить только съ тѣмъ, что происходило въ станѣ Варуса. Эхъ, любезный штабсъ-капитанъ! помните ли вы этотъ станъ Варуса, — въ мѣстѣ, ужасномъ для взора и воспоминанія. Черезъ шесть лѣтъ послѣ этого несчастнаго боя, Германикъ воздалъ достойную честь браннымъ останкамъ Римлянъ. Черезъ шесть лѣтъ узналъ онъ еще мѣсто, гдѣ погибли его соотечественники; видны были еще интервалы, которые раздѣляли три легіона; немного далѣе представлялось укрѣпленіе, окруженное рвомъ, наполненнымъ водою, въ которомъ, какъ полагали, скрыта была часть войска. Посреди стана валялись еще черепы и бѣлыя кости, разбросанныя по частямъ или цѣлыми остовами, въ такомъ положеніи, въ какомъ смерть застигла вонновъ, въ бѣгствѣ или битвѣ. Повсюду обломки копій или дротиковъ; тамъ головы лошадей, тамъ головы людей, на сучьяхъ деревьевъ. Въ окрестностяхъ стана примѣтны еще жертвенники, гдѣ варвары заколали трибуновъ и начальниковъ первыхъ степеней. Тѣ, которые спаслись отъ ихъ жестокости, рассказали подробности ужасной битвы. Тамъ, говорили они, погибли предводители легіоновъ; здѣсь потеряли мы орловъ своихъ; тамъ получилъ Варусъ первую рану, а здѣсь лишилъ онъ себя жизни. Вотъ здѣсь Арминій говорилъ рѣчь своимъ воинамъ; а здѣсь велѣлъ ставить висѣлицы для пленныхъ и рыть ямы, чтобъ закопать въ нихъ Римлянъ по-Римски, такъ, какъ они хоронили казненныхъ преступниковъ, засыпая ихъ землей, смоченною собственною ихъ кровію. Помните ли вы это описаніе въ Тацитѣ, штабсъ-капитанъ? Въ бою, почти столь же ужасномъ, находился и Чаровъ: онъ палъ при кликахъ побѣды; но въ кровавой суматохѣ до того ли было, чтобъ сохранить его остатки? Я думаю, и теперь еще голова его выглядываетъ большими впадинами своими изъ подъ кор-

ня какого-нибудь развѣсистаго бука. Посмотрѣвъ бы на этого красавца!

Чаровъ, какъ-будто предчувствуя смерть, украсилъ, отправляясь въ походъ, все богатое свое имѣніе женъ. Тѣмъ лучше. Молода, прекрасна, богата, — сколько законныхъ преимуществъ на грамату почетнаго божества! И вотъ у нее полторы сотни поклонниковъ, но ни одного жреца. Поговаривали, что Г. Лугановъ принять ею въ катехумены: да вѣдь только, поговаривали.

Или кто говорить, мало ли о чемъ говорить? Одна, прямая какъ аршинъ, блѣдно-фіолетовая, съ соловыми глазами, съ раздутымъ носомъ, сжатыми губами, — словомъ Прюда Праксѣевна, называла Чарову чинною, прикидливою, лукавою скромницею. Другая, худое, истомленное, тщеславное созданище, называла ее затѣливою, капризною, своенравною. Третья, роскошная тѣломъ и душою, придала ей эпитетъ — прихотливой.

Зачѣмъ, напримѣръ, ломаться Чаровой? Она выше всѣхъ мелочныхъ предрасудковъ; она презираетъ всѣ мистификаціи, и не подозрѣваетъ ни въ чемъ низкаго. Она бываетъ скромна и осторожна; но это грѣшно же называть лукавствомъ. Она бываетъ такою передъ тѣми, къ кому не лежитъ сердце ея, кто присутствіемъ своимъ заставляеть это бѣдное сердце судорожно сжиматься; но кого она любитъ, какъ друга, того любить со всеми знаками дружбы; не играетъ его чувствами, и не боится своихъ чувствъ. Она ласкова, радушна, чистосердечна, потому что чиста и благородна въ мысляхъ и дѣлахъ.

Зачѣмъ ей капризничать, быть своенравною, затѣливою? У ней все есть: здорова, хороша, умна, богата, — особенно, богата; а въ такомъ случаѣ затѣи вовсе не примѣтны и заключаютъ въ себя обыкновенное дѣйствіе воли, просто удовлетворяемой.

Но прихотливость? Это можетъ-быть и такъ, Чѣмъ человекъ изобильнѣе богатствомъ, душою, умомъ, дарованіями, тѣмъ онъ прихотливѣе. Посудите сами: Чарова имѣла мужа, который, по ея словамъ, былъ превосходнѣе во всѣхъ отношеніяхъ всѣхъ возможныхъ мужей въ свѣтъ: какъ же не быть ей прихотливой въ выборѣ другаго? А притомъ, Миронья Ивацона, ея молодая подруга, товарищъ ея красивой жизни, выпускаетъ иногда словце, другое, по которымъ какъ-будто можно заключить, что Любовь Александровна вздыхаетъ еще по покойномъ мужѣ.

Ужасное положеніе женщины въ двадцать лѣтъ въ которой любовь борется съ любовію!

Что это значитъ, — любовь борется съ любовію? Стало быть, Чарова влюблена уже въ другаго?

Позвольте, милостивые государи, — это археологическая загадка. Ничего вышло изъ обыкновенія учить Греческой Мифологіи, — и прекрасно! потому что она не приноситъ ни какой пользы, и крадетъ время у чего-нибудь путнаго: не лучше ли употребить его на изученіе своихъ вѣдьмъ, разбойниковъ, каторжниковъ и разныхъ другихъ источниковъ высокаго и изящнаго? Наконецъ люди спохватились! Полагая, что новое поколѣніе читателей не имѣетъ совершенно ни какого свѣдѣнія о богахъ и богиняхъ, которые стоятъ въ Лѣтнемъ Саду, подъ липами, я нахожусь принужденнымъ растолковать ученымъ кандидатамъ Философіи и кандидаткамъ Супружества то, чему меня учили въ гимназій, въ царствованіе блаженной памяти классицизма.

Изволите видѣть: были богъ Югантисусъ, такъ сказать, «Запргаевъ», который соединялъ супруговъ; богиня Виргиніенсисъ, то есть, «Дѣвичья», которая развязывала поясъ молодой; потомъ Волупіа, которая проливали сладость въ сердце; потомъ Сти-

мула, которая его подстрекала; потомъ Стрениа, которая, не помню что дѣлала, — но что-то очень важное. Древніе были очень акуратны; они ничего не пропустили, — даже самыхъ бездѣлицъ, — ежели только это бездѣлицы, — и замѣтили, что это еще не все; что въ супружествѣ есть двѣ, совершенно различныя любви, одна простонародная, другая книжная. Первую отдали они въ завѣдываніе богинѣ Афродитѣ, Любви Земной, другую Ураніи, то есть, Любви Небесной, потому что слово «романическая» еще не существовало. Такъ воть, — возвращаясь къ предмету, — въ душѣ госпожи Чаровой боролись Афродита съ Ураніею. Можно вообразить потасовку двухъ женскихъ существъ, — и какихъ женскихъ!

Небесная, или книжная, билась подъ орифламомъ съ именемъ покойника, — билась на смерть, но благородно, по всемъ уставамъ рыцарства; земная не имѣла ни эмблемы, ни девиза, ни хоругви съ именемъ; и какъ Фурія бросалась на грудь своей противницы, впивалась ей въ бока, щипала ее, щекотала, колола булавами.

Госпожа Чарова не знала что и дѣлать съ этой безпрерывною суматохою!

Въ жаркій день, послѣ купанья въ обширной ваннѣ, съ проточною, студеною водою, госпожа Чарова покоилась на широкомъ диванѣ въ пенуарѣ и въ юпочкѣ изъ бѣлаго кемрика; густые, длинные волосы, въ ожиданіи пока высохнутъ, подобраны были сверху, скручены небрежно, но живописно, и держались на гребнѣ. Будуарь, не садъ и не роща, въ которыхъ часто скрываются предатели, — будуарь обезпечивалъ ее со стороны всякаго любопытства; поэтому ея ножки, ея шейка, ея бюстъ не имѣли ни какого покрова, и, всегда бѣлыя какъ слоновою костью, были

теперь облиты тонкимъ, розовымъ пламенемъ зари, признакомъ роскошнаго ощущенія той животворной теплоты, которая пылаетъ во всемъ составъ тѣла послѣ купанья.

Подлѣ нея сидѣла Мира, ея подруга, и шила.

— Вы что-то часто начинаете скучать, Любовь Александровна?

— Грустно, Мирочка, мой другъ.

И слезы навернулись на глазахъ ея.

— Да прогоните эту бесполезную тоску! Чѣмъ поддаетесь вы ей? Зачѣмъ позволите ей грызть ваше бѣдное сердце?

— Развѣ есть возможность забыть моего Чарова? Тебѣ только было четырнадцать лѣтъ..... Но ты помнишь его? Скажи, видала ли ты что-нибудь прелестнѣе? Я не говорю о лицѣ, о головѣ, — это *вещи* выше всякаго сравненія; но его станъ, — его станъ, грозный и вмѣстѣ гибкій! походка болѣе чѣмъ смѣлая! всѣ движенія, какъ-будто начертанныя Граціями!.... А голосъ? Голосъ — ровный, чистый теноръ! А даръ изъясняться коротко и сильно, долго и вмѣстѣ увлекательно? О, когда онъ рассказывалъ что-нибудь, я переходила вся въ слухъ, онъ весь былъ во мнѣ!....

— Вы разрываете мою душу, Любовь Александровна. Къ чему все это?

— Я и сама не знаю!.... Вѣдь онъ всегда въ глазахъ моихъ; онъ живетъ со мною. — Живетъ, прибавила она уныло: и не живетъ!.... Ахъ!

Чарова заложила на голову ручки, сплетенныя пальцами.

— Знаешь ли что, Мира? Мнѣ кажется, что онъ манитъ меня къ себѣ въ могилу.

— Что жъ? отвѣчала подруга съ маленькою досадою: смерть не за горами! Можно скоро исчахнуть, умереть.

Мира взвела глаза съ работы на Чарову, и застала улыбку на ея устахъ, и указательный палецъ правой руки, приставленный къ верхнему ряду перловыхъ зубковъ.

— Не хочется! сказала тихо Любовь Александровна.

Мира бросилась цѣловать свою Любовь Александровну. Она съела возлѣ нея, и обняла ее одной рукою.

— Мирочка, Мирочка! я не могу жить одна. Мнѣ надобно хлопотать по дѣламъ, распоряжаться по дѣлу; нужны совѣты, защита. Я чувствую частые приступы круженья. У меня боль въ головѣ, трепетанье въ сердцѣ..... Мнѣ нужно соучастіе мужа, любяшаго, понимающаго мое сердце.

— Выходите, сказала Мира съ маленькою робостію: выходите скорѣе за Луганова.

— Ахъ, полно пожалуйста!.... Знаешь ли, что я тебѣ скажу? Я полюбила этого Француза, Брюселье.....

Она закрыла лице объими руками.

— Что вы это, Любовь Александровна? Да и съ какой это стати? Ну, какъ сравнить Луганова съ этимъ уродомъ?

— Съ уродомъ! вскричала Чарова. Ахъ, Мира!.... я люблю уродовъ.

— Что ужъ это такое, Любовь Александровна? Любите сумасшедшихъ, любите уродовъ! Да вѣдь это въ самомъ дѣлѣ—рожа. Посмотрите: рябина на рябину; а носъ—точно граненый остроконечникъ на старомъ хрустальномъ жирандолѣ, что въ передней.

— А глаза? спросила Чарова.

— И глаза безпутные, шальные. Мнѣ все кажется, будто онъ васъ хочетъ съѣсть.

— А голосъ?

— Да все въ немъ дурно, дурно; и притомъ онъ Французъ.

— Какіе предрасудки, Мира! Я готова быть женою негра, Готтента, ежели онъ мнѣ понравится. Я свободна: зачѣмъ же мнѣ, для пересудовъ людей, лишать себя счастья на всю жизнь? Я люблю Луганова: въ два года нашего знакомства, я съ нимъ освоилась. Я люблю слушать, какъ онъ мнѣ рассказываетъ о былыхъ городахъ, о балахъ, о сѣмлетняхъ. Онъ разсѣиваетъ меня, когда мнѣ сдѣлается грустно. Онъ читаетъ мнѣ книги, достаетъ прекрасныя картинки, приноситъ новыя музыкальныя сочиненія. Я часто посылаю его въ Англійскій Магазинъ и къ Гиберу. Онъ сообщаетъ мнѣ о магазинныхъ новостяхъ, выискиваетъ для меня разныя миленькія штучки, бездѣлушки. Онъ привозитъ мнѣ превосходныхъ сладостей отъ Рязанова, Амато, Лареды. Онъ разматываетъ со мною шелкъ, вдѣваетъ шерсть въ иглу, подбираетъ бисеръ, натираетъ краски. Ко всему этому я привыкла. Я люблю даже повѣрять ему мои тайны. Онъ точно какъ-будто мой мужъ; но если бы я за него вышла, то онъ не былъ бы моимъ мужемъ..... Я не чувствую къ нему того, что чувствовала къ Чарову.

— А къ Французу? спросила съ усмѣшкою Мира.

— Ахъ, не спрашивай! Я не могу, не умѣю передать тебѣ чувства моего къ нему. Я согласна, что онъ уродъ и сумаспешій: да что жъ мнѣ дѣлать! Всѣ его недостатки кажутся мнѣ плѣнительными. Стыдно сказать, Мира: въ рябомъ лицѣ его я нахожу столько прелести, что при взглядѣ на него вся кровь приливаетъ у меня въ голову. Когда онъ входитъ, — я не своя; когда вдругъ заговоритъ, — я содрогаюсь; когда онъ сидитъ въ комнатѣ, — мнѣ кажется, какой-то духъ властитель въ ней присутствуетъ. Мнѣ кажется, что я ему принадлежу, что я его добыча, что онъ левъ, а я агненокъ, тренешуцій въ его когтяхъ; что онъ гремучій змѣй, который своимъ мощнымъ,

магнитическимъ взоромъ осѣнилъ меня, бѣдную птичку, и я, какъ птичка, прикованная къ вѣткѣ колдовствомъ, жду въ сладостномъ упоеніи, чтобъ онъ скорѣе проглотилъ меня; что я уже въ немъ, и въ немъ живу; что онъ во мнѣ живетъ; что моей волѣ, моимъ мыслямъ, моимъ словамъ, сообщаетъ онъ движенія — только онъ. Мнѣ кажется..... Я не умѣю сказать, что мнѣ кажется! Но такъ или не такъ, я хочу принадлежать ему.

Мира всплеснула руками.

— Онъ очаровалъ васъ, Любовь Александровна!

— Да; я говорю тебѣ, что глаза его мнѣ говорятъ — ты моя! ты будешь моей! ни какаѣ сила не въ состояніи положить между нами преграды!..... И они жгутъ меня, палятъ до самаго сердца, — и это сердце, робко, трепетно, шепчетъ — жги меня! жги въ уголь и въ золу; но только жги!

Спусти два мѣсяца послѣ того, какъ Чарова разсматривала съ Лугановымъ альбомы, онъ сидѣлъ съ нею глазъ-на-глазъ въ ея полумрачной венеціанской комнатѣ, гдѣ вся старина гордой и промышленной республики была собрана для украшенія стѣнъ по новому вкусу. Черныя атласныя обои съ широкою каймою изъ вышитыхъ золотомъ арабесковъ; чернымъ бархатомъ обитыя кушетки, и покойныя кресла съ гербами, съ раззолоченными рукоятками и ножками, — все черное; и оно не могло не возвышать красоты бѣлокурой хозяйки. А великаны зеркала, — а резеда, — а фіалки, — а мягкія съ гагачьимъ пухомъ подушки на диванахъ, — а мраморная группа Марса и Киприды, — а картины Аннибала Каррачіо, которыя необходимы въ каждой венеціанской комнатѣ, — все это не должно ли было располагать бѣлокурую хозяйку къ пріятливому и ласковому слушанію разсказовъ молодого гостя?

- И Рохнинскіе были? спросила она.
- Были; только очень поздно пріѣхали, часу во второмъ; кажется, съ другаго бала..... (Ахъ!)
- Кто былъ лучше всѣхъ одѣтъ?
- Разумвется, Саварина. Токъ воздушный, съ перомъ, съ алмазнымъ аграфомъ!..... Прическа à la Rompadour; платье.....
- А третьяго дня гдѣ вы были вечеръ?
- Въ театрѣ.
- Что тамъ?
- Ненаглядный Робертъ-Діаволъ. Признаюсь, что онъ при каждомъ представленіи нравится мнѣ болѣе и болѣе. Что касается до музыки..... (Ахъ!)
- Какая сцена нравится вамъ больше?
- Возстаніе изъ гробовъ; нѣтъ ни какого сомнѣнія.
- А въ музыкѣ?
- Все; и радость, и торжественность, и состраданіе, и ужасъ, — все это мѣняется въ душѣ, потрясаетъ ее безпрестанно.
- И вы это любите?
- Пора привыкнуть, Любовь Александровна! Музыка вашего голоса, вашего взора, вашихъ мыслей, желаній, уже около двухъ лѣтъ, забавляется такимъ образомъ надъ моею душею.
- Другъ мой, милый другъ мой! послушайте меня.... Вошелъ маленькой жокей, и прокричалъ: — Капитанъ Рюселье!
- Гдѣ онъ?
- Здѣсь.
- Проси!
- Блѣдная какъ смерть, Чарова привѣтливо приняла гостя.
- Не обращая ни на что вниманія, онъ сѣлъ какъ дома, какъ другъ, какъ ближній родственникъ, какъ хозяинъ.

— Какая Французская замашка! прошептала про себя Лугановъ, кусая губы.

Сначала разговоръ былъ чрезвычайно сухъ; но Рюселье умѣлъ раскалывать умы.

— Ежели то, что называютъ любовью, сказала онъ, ограничивается однимъ эгоизмомъ; то конечно духовное начало наше не принимается въ ней ни какого участія; одна сила воображенія для нея достаточна. Но въ любви невольной, взаимной, симпатической, гдѣ грубое наслажденіе есть уже не что иное, какъ второстепенное побужденіе; гдѣ сладостныя ощущенія сердца выходятъ изъ общаго условія видимой природы и обращаются въ метафизику чувства, тамъ души узнаютъ другъ друга издалека, и здороваются какъ старые знакомые; ихъ взаимность предопредѣлена; ихъ соучастіе равносильно.

Горячій румянецъ разливался по лицу Чаровой.

— Мнѣ кажется, сказала Лугановъ, что ничто не можетъ дѣлаться безъ причины, даже и видъ известной намъ природы.

— Я съ вами согласенъ; но кто изъяснить невольное влеченіе любви и ненависти? Съ перваго взгляда, я люблю и ненавижу.

— Этому, отвѣчалъ Лугановъ, могутъ быть виною наружность, вкусъ.

— И сравненіе, и воспоминанье, прервала Чарова.

— Все это очень возможно; однако жъ, вѣдь надобно, чтобъ существовали прежде тѣ лица и случаи, которые память представляетъ вамъ для сравненій. По какому же сравненію, спрошу я васъ, нравились вамъ тѣ прежнія лица? И стану допрашивать подобнымъ образомъ до того времени, когда ваши понятія только-что развились, когда кто-нибудь понравился вамъ первый: и тогда отвѣчайте мнѣ, что было побудительною причиною, что онъ вамъ понравился?

— Красота, отвѣчала Чарова быстро, и покраснѣла.

— Стало быть, сказалъ съ улыбкою Рюселье, я не могъ бы быть никогда любимъ вами. Но уродство иногда не примѣчается, и сумасшествіе нравится: этому бывали примѣры.

Чарова поблѣднѣла.

— Можно дошупываться, продолжалъ Рюселье, умомъ своимъ, какъ угодно; но тайны симпатіи не разгадаете, — и, разгадавъ, будете-ли счастливы? И что прибавится черезъ то къ любви симпатической, взаимной? Сдѣлается ли она сильнѣе, прелестнѣе? И ежели сдѣлается, такъ развѣ для того, чтобъ умереть отъ наслажденія.

Чарова была вся въ огнѣ.

— И на что, продолжалъ Рюселье, проникать въ подобныя тайны, когда не можемъ добраться, отъ чего гдѣ-нибудь на тѣлѣ бываютъ у насъ родимыя пятнышки съ точнымъ изображеніемъ какихъ-нибудь знаковъ, буквъ какого-нибудь слова?

Чарова задрожала какъ струна въ арфѣ, сильно дернутая пальцами и превратившаяся отъ быстрого колебанія въ пруть толстый и полупрозрачный.

Рюселье продолжалъ, не замѣчая ничего и обращаясь къ Луганову.

— Вы, милостивый государь, счастливецъ, баловень природы. Вы привыкли считать себя побѣдителемъ; для васъ не диво привѣтливая улыбка красавицы, ея ласки, даже ея вызовы. А я!.... Я отдалъ бы всю жизнь за то, если бъ мнѣ хоть разъ въ жизни улыбнулись красивыя уста. Я отдалъ бы все, даже свой разумъ, если бъ когда-нибудь слеза моей Цинтіи, окрашенная любовію, упала въ минуту восторга на мои горячія губы....

Чарова помертвѣла, и трепетала всѣми членами.

— Что съвами дѣлается? спросили вдругъ оба гостя.

— Ахъ!... мнѣ дурно! отвѣчала она: ничего! я думаю, скоро пройдетъ.

Послѣ нѣкотораго молчанія, Лугановъ спросилъ у Рюселье, долго ли онъ пробудеть въ Петербургѣ.

— Смотри по обстоятельствамъ, отвѣчалъ онъ.

— Развѣ ни что не привлекаетъ васъ въ Парижъ, послѣ продолжительнаго отсутствія?

— Мнѣ и здѣсь хорошо.

— Развѣ отечество не имѣетъ для васъ особенной привлекательности?

— Для меня и здѣсь отечество.

— Вы космополитъ?

— Я отдалъ себя волѣ Провидѣнія.

Онъ взялъ шляпу, и ушелъ.

— Ну такъ, — Любовь Александровна, — вы мнѣ хотѣли что-то сказать?

— Лугановъ! отвѣчала она: я не хочу васъ обманывать; вы не должны быть моимъ мужемъ.

— О, милый другъ мой!

— Да, да; не должны, ежели не хотите моего и своего несчастія.

— Любовь!

— Не должны! не должны! Я люблю другаго; я люблю Рюселье....

Луганова не было уже въ комнатѣ.

Проходятъ дни, недѣли, и Лугановъ не является. Онъ болѣвъ, онъ въ сильнѣйшей горячкѣ. Мысль быть супругомъ Чаровой, мысль постоянная, продолжительная, срослась съ его душою, — и вдругъ все исчезло для него, разомъ оборвались всѣ нити надежды, увѣренности, всѣ фибры сердца. Онъ обрушился въ бездну, наполненную хаосомъ мрачныхъ идей. Если

бы онъ былъ менѣ пылокъ, онъ неминуемо лишился бы ума: теперь, кровь буйно взволновалась въ жилахъ его, и тѣло сдѣлалось жертвою духа.

— Навѣстите его, сказалъ хладнокровно Рюселье: дружба требуетъ отъ васъ этого.

— Я давно бы это сдѣлала; но приличіе....

— Что такое приличіе противъ потребности благородныхъ чувствованій? Извините меня, сударыня, — кажется вы на шагъ сдѣлаться супругою господина Луганова?

Чарова измѣнялась безпрестанно въ лицѣ и неволью устремила на него глаза, въ которыхъ отражались страхъ и болѣзненное чувство. Рюселье теръ крѣпко ладонью по всему рябому своему лицу.

— Ступайте, ступайте, сказалъ онъ съ важностью: навѣстите, больного, и Провидѣніе не оставитъ васъ, божественная госпожа Чарова!

Въ первый разъ она услышала что-нибудь лестнаго для себя отъ этого Француза. Она воскресла. Сердце ея заиграло, какъ, по мнѣнію народному, играетъ восходящее солнце, въ день Пасхи.

— Карету! закричала она, и вотъ она въ спальнѣ у Луганова.

Онъ выздоравливалъ. Ему сдѣлалось гораздо легче; но, по приказанію доктора, онъ не оставлялъ еще постели.

— Ангель утѣшитель! вскричалъ онъ, увидя любимицу своей мысли, и томные голубые глаза его освѣтились какъ сводъ небесный, когда туманъ припадаетъ къ землѣ: у него палъ онъ въ сердцѣ.

Она стала на колѣни подлѣ его кровати.

— Милый, несчастный другъ мой, сказала она ему: я пришла не утѣшать тебя, но только по эгоизму мо-

его сердца. Оно обливалось кровію, оно мучилось какъ преступное; мнѣ хотѣлось облегчить его, узнать о твоёмъ положеніи.

Лугановъ просилъ встать Чарову и сѣсть возлѣ кровати на табуреткѣ.

— Лугановъ, будешь ли ты въ силахъ меня выслушать?

— Нѣтъ!..... Да!..... Говорите! говорите! Вылейте все въ разбитое сердце мое!

Онъ засмѣялся какъ безумный, и продолжалъ: — Лейте! вѣдь оно разбито; не бойтесь. Въ немъ ничего не останется.

Чарова протянула къ нему руку. Онъ съ жадностью цѣловалъ руку, готовую поразить его.

— Другъ мой, я отдаю на твою волю избирать, — хочешь ли имѣть меня женою непостоянною, невѣрною, или другомъ вѣрнымъ до могилы? Рѣшайся! и я сейчасъ иду къ вѣнцу, — къ моему безчестию; или падаю къ ногамъ твоимъ, къ ногамъ моего благодѣтеля, спасителя.

— Любовь, сказалъ тихо Лугановъ, чѣмъ очаровала васъ Рюселье?

— Его глаза, его голось, его походка, его станъ, все живо напоминаетъ мнѣ мужа, котораго я люблю страстно.

— Любите и отдаете руку другому! сказалъ удивленный Лугановъ,

Чарова замолчала. И что могла отвѣчать она? Оставалось одно, — и это одно заключало въ себѣ то второстепенное побужденіе, о которомъ когда-то въ разговорѣ намекнула Рюселье. Но объ этомъ женщины никогда не упоминаютъ.

II.

ПРОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ВОЛШЕБНЫЙ КЛЮЧЬ.

=

ПОВѢСТЬ Г. КРУЗЕ.

=

Когда я учился въ Копенгагенскомъ университетѣ, въ одномъ домѣ со мною жилъ товарищъ, студентъ же. Знакомство наше обратилось въ дружбу, и во все время академическаго курса неразлучность была для насъ потребностью. Всякой, кто только знавалъ Рудольфа, не находилъ въ этомъ ничего удивительнаго; напротивъ, я примѣчалъ, что товарищи и знакомые завидовали мнѣ въ томъ удовольствіи и той пользѣ, которыя сопряжены были съ его сообществомъ. Мы оба были родомъ изъ одного мѣста; оба священническіе дѣти; оба подверглись предварительнымъ испытаніямъ, и теперь заботливо высматривали себѣ будущность. Хотя мы жили вмѣстѣ, однако ученіе обыкновенно разлучало насъ до поздней ночи: по окончаніи дѣла мы сходились, и тутъ повѣряли другъ другу наши дневныя событія. Наибольшее удовольствіе находили мы въ посѣщеніи театра вмѣстѣ: удовольствіе это было для насъ столь заманчиво, что мы часто отказывали себѣ въ положительныхъ необходимостяхъ, чтобъ имѣть средства воспользоваться идеальнымъ наслажденіемъ. Намъ бывало чрезвычайно весело, когда, взявшись подъ руки, мы шли къ нашему

любимому мѣсту, и Рудольфъ въ особенности былъ тогда такъ одушевленъ, такъ восторженъ, что я часто вспоминаю о ночныхъ часахъ, проведенныхъ нами вмѣстѣ такимъ образомъ, какъ о счастливѣйшихъ въ моей жизни.

Послѣ Рудольфа не случилось мнѣ встрѣчаться ни съ кѣмъ, кто бы владѣлъ даромъ описывать характеры и положенія съ такою живостью, какъ онъ. Его воображеніе, его чувствованія, непреодолимо увлекали слушателя; было что-то особенно трогательное въ глубокой привязанности его къ своимъ роднымъ и въ той неизъяснимой прелести, которую этотъ молодой человѣкъ, кумиръ всѣхъ нашихъ обществъ, обладалъ свои воспоминанія о родительскомъ кровѣ.

Самопознаніе, какъ онъ говорилъ, пробудилось въ немъ первоначально печалію о смерти его матери: это случилось, когда ему было не болѣе семи лѣтъ. Первыя чувствованія радости позналъ онъ двумя годами ранѣе при возвращеніи своей сестры, прибывшей въ родительскій домъ отъ одного родственника изъ Альтоны.

Ничто не могло быть обольстительнѣе его описанія молодой Полины. Ея красота, ея пріятности, удивленіе отца при ея прибытіи, ея легкой иностранной выговоръ, ея изящное траурное платье, ея дѣтская радость въ объятіяхъ ближнихъ родственниковъ, наконецъ ея грусть при воспоминаніи о недавней потерѣ матери. — Ахъ! восклицалъ онъ, посмотрѣли бы вы, какъ она плачетъ, какъ она смѣется: никто никогда такъ не смѣялся, ни плакалъ, какъ она! Какое милое лукавство въ ея взглядахъ! Какая очаровательная улыбка! Какая горестъ, какое непреодолимое волшебство въ ея слезахъ! Самое суровое сердце не могло бы противустоять ихъ вліянію. Никакая фізіономія не можетъ быть такъ выразительна, никакая душа такъ

удободвижима. Всякая черта красоты или добра, какъ бы слаба ни была, всегда находитъ себѣ сочувственное отраженіе въ ея прелестной груди.

Часто, слыша такіе рассказы Рудольфа, приходилось мнѣ говорить самому себѣ: — О, если бы эта дѣвушка не была его сестрою! Гдѣ найдетъ онъ невѣсту, которая бы всегда поддерживала свое владычество надъ его воображеніемъ и его сердцемъ? — По-несчастью, мои предчувствія слишкомъ скоро осуществились событіями, которыя за тѣмъ послѣдовали.

Рудольфъ получилъ отъ отца своего письмо, которымъ его извѣщали, что одинъ богатый и красивый молодой человекъ изъ сосѣдей начинаетъ искать руки Полины. Съ полученіемъ этого роковаго письма, казалось, что нашъ добрый геній отлетѣлъ отъ насъ: лишь-только Рудольфъ прочелъ отцовское посланіе, имъ одолевъ столь сильный, столь неистовый припадокъ печали, что онъ тотчасъ почувствовалъ лихорадку и слегъ въ постель на нѣсколько дней. Съ той минуты спокойствіе его покинуло; глубокая горестъ, совершенный беспорядокъ въ мысляхъ овладѣли имъ; даже извѣстіе, которое онъ вскорѣ потомъ получилъ, что Полина самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергла это искательство, хотя нѣсколько утѣшило взволнованную душу, не могло возстановить его веселости, ни прояснить его мрачныхъ думъ. Обыкновенныя занятія сдѣлались ему въ тягость, здоровье его видимо ослабѣвало, и даже въ минуты самыхъ откровенныхъ, сердечныхъ изліяній, онъ никогда не упоминалъ имени Полины. Въ одинъ вечеръ, когда онъ былъ немножко живѣе обыкновеннаго, мы сидѣли вмѣстѣ въ партеръ, и, по опущеніи занавѣсы въ междуѣйствіи, начали осматривать красавицъ, мелькавшихъ въ ложахъ. Вдругъ наше вниманіе было привлечено видомъ одной дамы, находившейся въ одной изъ отдаленныхъ ложъ. Никогда не видалъ я ничего такъ

ослѣпительно, такъ волшебнo-прекраснаго. Ея вьющіеся локоны блистали при театральномъ освѣщеніи какъ золото; ея глаза, алебастровая бѣлизна и какой-то отсвѣтъ ея чела и плечь, казалось, осыпали блескомъ то мѣсто гдѣ она сидѣла; классическое спокойствіе, разлитое по вѣсѣмъ ея чертамъ, ея превосходно образованныя формы, напоминали намъ статуи Фидіаса, изваянныя изъ золота и слоновой кости и предназначенныя къ украшенію храмовъ богинь. Въ надеждѣ поближе разсмотрѣть эту красавицу, мы рѣшились стать у дверей ея ложи, чтобы воспользоваться ея выходомъ и даже въ нѣкоторомъ отдаленіи послѣдовать за нею для узнанія, кто такая эта прелестная незнакомка, возбуждившая въ столъ сильной степени наше удивленіе и любопытство.

Едва представленіе кончилось, какъ мы уже стояли у дверей ложи, которой номеръ былъ намъ извѣстенъ. Мы ждали, ждали, но напрасно; зрители, одинъ послѣ другаго выходили изъ этой и изъ сосѣднихъ ложъ. Театръ постепенно пустѣлъ; капельдинеры, обходя корридоры, затворяли ложи; предметъ нашего удивленія не являлся.

— Она вѣрно вышла въ то самое время какъ мы выходили изъ партера, сказалъ я. — Иначе, отвѣчалъ Рудольфъ, она была бы не земнымъ существомъ, но нимфою или феей, покинувшею свою родную область для того, чтобы мгновенно ослѣпить наше зрѣніе и потомъ покинуть насъ во мракъ.

Въ продолженіе этого разговора вышли мы изъ театра, и лишь-только пустились по улицѣ, какъ Рудольфъ наступилъ на что-то ногою. Онъ нагибается и поднимаетъ ключъ. — Повидимому, сказалъ Рудольфъ, это ключъ отъ комнаты, и конечно потеря его поставитъ хозяина въ затрудненіе.

Мы немного постояли около театра въ ожиданіи, что хозяинъ ключа воротится отыскивать свою поте-

рю; но прождали напрасно. Рудольфъ положилъ его къ себѣ въ карманъ, и, какъ въ теченіе нѣсколькихъ дней никто объ немъ не навѣдался, онъ считалъ его своимъ и обыкновенно носилъ съ собою. Этотъ простой, обыкновенный ключъ, кажется, особенно завладалъ его воображеніемъ; онъ часто вынималъ его, разсматривалъ и погружался въ глубокую задумчивость.

— Съ этимъ ключемъ, сказалъ онъ однажды, должно быть сопряжено что-нибудь пріятное; онъ очевидно назначенъ отворять маленькую дверь. Желалъ бы я знать, гдѣ мнѣ отыскать ее. Я увѣренъ, что какой-нибудь влюбленный обронилъ его. Это талисманъ, доставлявшій ему доступъ къ счастью: и вотъ онъ потерялъ его въ то время, когда спѣшилъ къ назначенному свиданію! Счастливъ тотъ, кому такой ключъ ввѣренъ. Онъ можетъ — быть вмѣстѣ съ нами любовался предметомъ своего обожанія и мечтаній тысячи другихъ, но къ сердцу и ласкамъ красавицы онъ одинъ только имѣлъ этотъ ключикъ. Нѣтъ! ни какая любовь не можетъ быть столь благополучна, какъ то урывчатое блаженство, которое сопровождается тайною и препятствіемъ.

— Ни какая любовь столь благополучна? возразилъ я. О, въ тысячу разъ предпочелъ бы я быть торжествующимъ, счастливымъ, молодымъ супругомъ, сидящимъ въ театрѣ подлѣ цвѣтущей молодой жены, и возвращающимся оттуда съ нею подъ руку, въ сопровожденіи нѣсколькихъ друзей, очарованныхъ ея милыми свойствами и готовыхъ раздѣлять общія радости!

— Но, отвѣчалъ Рудольфъ, за этимъ пріятнымъ вечеромъ какъ скоро послѣдовали бы дни огорченій! Ссоры, хозяйственныя заботы, счеты модистокъ и магазинщиковъ, плачущія дѣти, сварливость жены, я тысяча другихъ золъ, неразрывно сопряженныхъ съ брачнымъ состояніемъ!

— Ты описываешь брачное состояніе въ бѣдности,

а не въ довольствѣ, перервалъ я: но даже и въ этомъ несчастномъ положеніи нѣжная внимательность и сочувствіе жены можетъ доставить нѣкоторую степень отрады, можетъ въ извѣстной мѣрѣ облегчить то, что въ немъ есть несноснаго. Что въ самомъ дѣлѣ связываетъ насъ тѣснѣе, какъ не злополучія, раздѣляемыя и переносимыя вмѣстѣ съ взаимною вѣрностью и съ достоинствомъ?

— На одну такую чету придется по сотнѣ, которыя разошлись.

— Положимъ, отвѣчалъ я: но то же самое можно приписать и къ тѣмъ сокровеннымъ связямъ, о которыхъ ты говоришь.

Какъ ни маловаженъ можетъ показаться этотъ разговоръ, но изъ него я вновь удостовѣрился, какъ люди иногда невольно обнаруживаютъ свои сокровенныя желанія и чувствованія, проявляющіяся даже въ самой горести ихъ жалобъ и укоризнъ, которыми они, какъ кажется, стараются заглушить ихъ. Мы рѣдко ошибаемся, когда предполагаемъ, что женщина питаетъ тайную привязанность къ человѣку, котораго бранить она не пропускаетъ ни малѣйшаго случая. Несчастный Рудольфъ пытался скрыть силу своихъ чувствованій, издѣваясь надъ тѣмъ благополучіемъ, которое для него казалось недоступнымъ, между-тѣмъ какъ я, такъ горячо бравшій сторону супружескаго счастья, въ самомъ дѣлѣ былъ совершенно къ нему равнодушенъ.

Въ тотъ самый день, какъ происходилъ между нами этотъ разговоръ, я воротился домой необыкновенно поздно; однако, противъ моего ожиданія, Рудольфа еще не было. Я рѣшился подождать его; взялъ книгу, но часы летѣли, а Рудольфъ все не приходилъ. Наконецъ его отсутствіе стало меня беспокоить. Я растворилъ окно, и высматривалъ его во всѣ стороны:

ночь была свѣтлая, лунная; то было въ осеннее равноденствіе. Улицы совершенно пусты; нигдѣ ни малѣйшаго признака жизни; только по временамъ крики пѣтуховъ, привѣтствовавшихъ занимающуюся зарю, бой церковныхъ часовъ и окликъ ночного сторожа нарушали всеобщее безмолвіе. Наконецъ слышались приближающіеся шаги, и я съ радостью узналъ Рудольфа; онъ насвистывалъ веселую арію, примѣтилъ, что я стою у окна, вошелъ, и сталъ извиняться, что заставилъ меня провести безсонную ночь.

— Со мною случилось, сказалъ онъ, такое странное и вмѣстѣ такое пріятное происшествіе!.... Но теперь я не хочу отвлекать тебя отъ покоя. Утромъ я расскажу тебѣ все: сегодня праздникъ; у насъ будетъ и досугъ и развлеченіе.

Поутру мы вошли почти въ одно время въ нашу общую комнату, и были невыразимо удивлены роскошью и изысканностью завтрака, который намъ приготовили. На зажженной спиртовой лампѣ стоялъ превосходной отдѣлки серебряный кофейникъ; сервизъ былъ изъ отличнаго хрусталя и фарфора; столъ уставленъ самыми лакомыми яствами. На окнахъ стояли цвѣты. Осеннее солнце самымъ живописнымъ образомъ освѣщало эту картину. Мы никакъ не могли объяснить себѣ всего этого иначе какъ тѣмъ, что хозяйка наша, достаточная и очень добрая женщина, вздумала изумить насъ нечаянностью. Однако, на вопросы наши, и хозяйка и домашняя прислуга изъявили величайшее удивленіе, и увѣрили, что они не знаютъ, какъ и объяснить этотъ случай. Наконецъ мы съли въ самомъ пріятномъ расположеніи духа. Рудольфъ, затворивъ двери, началъ свой обѣщанный рассказъ.

— Не знаю, замѣтилъ ли ты между разрушенными домами, свидѣтельствующими доньшѣ бомбардировку Англичащъ, одно мѣсто, гдѣ стоитъ высокая

красная стѣна: по ея уединенію, по ея сбѣжавшему цвѣту, въ сравненіи съ окружающими ее новыми красивыми домами, ее можно уподобить старому изувѣченному инвалиду, смотрящему на парадъ, составленный изъ свѣжихъ полковъ. Дорога, по которой я каждый вечеръ возвращаюсь, пролегаетъ, какъ тебѣ извѣстно, черезъ самое это мѣсто, и въ наружномъ видѣ стѣны было всегда что-то такое, что поражало мое воображеніе. Вчера вечеромъ, проходя мимо, я остановился и началъ ее разсматривать. Освѣщенная сіяніемъ луны, освѣщенная высокими деревьями, она показалась мнѣ живописнѣе и величественнѣе обыкновеннаго. Между - тѣмъ въ одномъ углу примѣтилъ я небольшую дверь, и вдругъ представились мнѣ вопросы, куда эта дверь можетъ вести: къ какому нибудь опустѣлому двору, наполненному развалинами? Вѣрить ли мнѣ предчувствію, что за этою дверью что-нибудь да есть? Тутъ пришла мнѣ мысль о ключѣ, который я всегда ношу въ карманѣ. Я не могъ противустоять искушенію, и попыталъ, не придется ли онъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ пришелся, дверь отворилась, и я очутился въ длинной галлерей, слабо освѣщенной лампою. Странная фигура подошла ко мнѣ съ почти-тельнымъ видомъ: то былъ небольшого роста негръ, въ темноцвѣтномъ платьѣ и съ чалмою на головѣ. Поклонясь мнѣ очень низко, онъ сказалъ: — Позвольте мнѣ провести васъ къ моей госпожѣ: она васъ ожидаетъ. — Прежде нежели я успѣлъ опомниться, негръ подбѣжалъ къ дверямъ, вынулъ ключъ, заперъ снутри, потомъ подаль его мнѣ съ видомъ величайшаго уваженія и повторилъ: — Извольте итти за мною.

Отступленіе было уже не возможно; но если бы это и было иначе, все-таки мнѣ хотѣлось посмотреть, что будетъ дальше. Негръ велъ меня черезъ длинный корридоръ, на концѣ котораго была опять маленькая дверь. Потомъ мы поднялись нѣсколько

ступеней и вошли въ другой корридоръ, приведшій насъ къ великолѣпной залѣ, обставленной статуями, растеніями въ цвѣтахъ и въ плодахъ, и освѣщенной висячею лампою. Отсюда я вошелъ въ гостиную: волшебныхъ украшеній, упоительныхъ благоуханій, сладостной музыки, которыми наполнялась эта комната, я описать не въ силахъ. Въ гостиной сидѣло нѣсколько молодыхъ прекрасныхъ женщинъ, одѣтыхъ особеннымъ образомъ, почти въ восточномъ вкусѣ. Представъ себѣ мое изумленіе, когда я увидѣлъ, что ко мнѣ подходитъ одна изъ нихъ и именно та самая, которая очаровала насъ въ театрѣ, и которая столь неизъяснимымъ образомъ отсюда исчезла.

Она привѣтствовала меня какъ стараго знакомаго, и посадила подлѣ себя на диванъ; окружавшія ее женщины, которыя составляли повидимому прислугу, подали намъ десертъ, потомъ запѣли хоромъ, пріятно, но довольно тихо, конечно для того, чтобы только покрыть нашъ разговоръ, но не помѣшать ему.

Когда я сталъ извиняться передъ нею въ вольности, которую позволилъ себѣ, зашедши въ ея очарованный замокъ, она, перервавъ меня, сказала:— Правда, что мы недавно познакомились: но сколько есть въ человѣческой жизни непостижимыхъ обстоятельствъ! Какъ она ни кратковременна, но человѣкъ колеблется насладиться тѣми удовольствіями, которыя она ему представляетъ; онъ не вѣритъ, что на то уполномоченъ, если онъ не употребилъ на пріобрѣтеніе ихъ ни размышленій, ни трудовъ, если не пожертвовалъ въ этой борьбѣ цвѣтомъ молодости и свѣжестью мыслей. Должна ли радость походить на глубоко зарытое сокровище, къ которому не иначе можно прикасаться, какъ слабою, трепетною рукою? Или смотрѣть на печаль какъ на самовластнаго деспота, которому должно приносить въ дань лучшую

часть этого сокровища? Если такъ, то конечно наслажденію принадлежать немногія минуты.

Я былъ въ восхищеніи отъ философіи моей плънительной красавицы. Тутъ начались танцы, которые составили ея женщины; но онѣ были помрачены въ этомъ своею госпожею. Она встала, взяла тамбуринь и начала танцовать вмѣстѣ съ ними; ея плавныя, ловкія движенія были сопровождаемы такою пріятностью, что ни какими словами нельзя изобразить произведеннаго впечатлѣнія. Что за ножка, что за руки, что за волосы! Надо тебѣ сказать, что во время танцовъ волосы ея распустились и обвили будто лучезарнымъ вѣнкомъ ея нѣжное, полупрозрачное личико. То была пляска духовъ въ лѣтнюю ночь, упоительная, приводящая въ изступленіе. Я чувствовалъ что-то подобное этому. Лишь только она приблизилась, я бросился къ ея ногамъ. Мы открыли другъ другу любовь свою: самый сладостный союзъ соединилъ насъ. Другъ мой! эта дивная красавица моя совершенно, безвозвратно моя.

— Но кто эта красавица? спросилъ я. Или можетъ быть тебѣ нельзя отвѣчать на этотъ вопросъ.

— Нѣтъ! нельзя, и по весьма простой причинѣ: я самъ этого не знаю. Я ее спрашивалъ; но она отвѣчала мнѣ: «Кто я такова? — твоя любовница, я думаю! Чѣмъ я могу быть болѣе? Развѣ я не любовница твоя? О, тогда я ничто! Мое имя Аура; будь доволенъ этимъ.»

Я слушалъ разсказъ Рудольфа съ удивленіемъ. Я зналъ всю опасность подобныхъ связей. Въ нашихъ разговорахъ мы часто касались этого предмета, и Рудольфу извѣстно было мое о немъ мнѣніе. Тутъ однако надлежало выбрать изъ двухъ золъ одно, — или связь съ Аурую или пагубную, преступную страсть, которую я невольно подозрѣвалъ въ немъ къ сестрѣ его, и съѣдающую меланхолю, которая

угрожала изсушить все источники его мысли и деятельности. Взвѣсивъ это, я сказалъ самъ себѣ, какъ Шарлотта у Гёте въ «Родствѣ по выбору»: — Могущество, усматривающее добро тамъ, гдѣ мы видимъ одно зло, быть-можетъ опредѣлило ему возвратиться этимъ путемъ къ самому себѣ и къ спокойствію, какъ ни опасенъ онъ съ перваго взгляда!

Мы провели остатокъ этого пріятнаго осенняго дня съ друзьями за городомъ, и, воротясь домой, подумали, что мы какъ-нибудь ошиблись или что насъ обольщаетъ сновидніе. Вмѣсто нашей старой простой и нѣсколько бѣдной мебели, мы увидѣли новую, изящную, удобную, даже роскошную, хотя впрочемъ соответственную скромному виду нашего жилища.

Все это дышало какимъ-то идеальнымъ изяществомъ. Въ особенности понравились намъ небольшая, но избранная библіотека и картина, изображавшая съ обольстительною живостью нимфъ, пляшущихъ при лунномъ свѣтѣ на морскомъ берегу. Почти вся ночь прошла прежде, нежели мы могли окончить свое обозрѣніе: мы оба онемѣли отъ удивленія; насъ обоихъ тревожили одинаковыя предчувствія, но ни который изъ насъ не рѣшился повѣрить другъ другу своихъ подозрѣній. Вошедши на другое утро въ эту комнату, я отскочилъ назадъ при видѣ странной фигуры, тамъ стоявшей; но, вспомнивъ Рудольфовъ разсказъ, я тотчасъ догадался, что это долженъ быть Ауричь черный карла. Рудольфъ уже сидѣлъ за завтракомъ, а черный уродецъ разстанивалъ передъ нимъ разныя лакомства, которыя вынималъ изъ корзины, стоявшей на полу у стола. Окончивъ свое дѣло, онъ низко поклонился, поднявъ корзину на плечи, и, прощаясь, спросилъ: — Не угодно ли вамъ приказать мнѣ что-нибудь?

— Ничего, добрый Омаръ, отвѣчалъ Рудольфъ: благосклонность твоей госпожи приводитъ меня въ смущеніе.

Негръ, пренизко поклонясь, вышелъ изъ комнаты.

Оставшись одни и передавъ другъ другу наше удивленіе, мы стали придумывать, какъ бы лучше скрыть все происходившее съ нами отъ вниманія нашей хозяйки. Благодаря нѣжности и тонкому соблюденію приличій, съ которыми Аура предупреждала каждое желаніе своего любовника, это было, по-счастію, не такъ затруднительно. Домашніе и немногіе друзья, которые были съ нами въ короткихъ сношеніяхъ и могли бы примѣтить видимую перемену въ нашемъ состояніи, легко повѣрили, что это улучшеніе произошло отъ успѣховъ нашихъ въ преподаваніи частныхъ уроковъ и отъ бережливости.

Такъ протекла зима. Каждое утро Омаръ являлся, и приносилъ въ корзину все, что только могло понадобится Рудольфу въ теченіе дня. Я замѣтилъ, что между подарками, которые присылали ему, никогда не было денегъ. Между-тѣмъ долги его всегда бывали выплачены, когда онъ освѣдомлялся объ нихъ по истеченіи мѣсяца. Онъ всякій разъ получалъ въ отвѣтъ, что по счетамъ все заплачено и что расписки въ полученіи денегъ отосланы къ нему: въ самомъ дѣлѣ, возвращаясь домой, онъ всегда находилъ ихъ на своемъ письменномъ столѣ.

Такъ какъ мы все продолжали преподавать уроки, не смотря на измѣненіе нашего состоянія, и какъ Рудольфу некуда было издерживать своихъ денегъ, то онъ употреблялъ всѣ свои доходы на подарки отцу и сестрѣ. Мнѣ въ особенности было пріятно, что Рудольфъ вмѣсто того, чтобы предаться нѣгѣ и сладострастію въ объятіяхъ своей Армиды, посвящалъ даяныя ему средства на пріобрѣтеніе тѣхъ сокровищъ ис-

куства и науки, которыя при обыкновенныхъ его способахъ могли бы остаться для него недоступными. Въ немъ почти не замѣтно было признаковъ веселаго и безпечнаго любовника. Напротивъ того, едва нѣсколько мѣсяцевъ протекло съ того времени, какъ началась его таинственная связь, и слѣды его прежней задумчивости, правда, болѣе скромной, болѣе облагоуженной, нежели въ эпоху полученія роковаго письма, стали вновь обнаруживаться.

Однажды, когда я спросилъ его о причинѣ снова появившейся тоски, онъ отвѣчалъ мнѣ: — Кажется, я неблагодаренъ и причудливъ; но, признаюсь, я чувствую себя недовольнымъ, несчастливымъ въ моей связи съ Аурою. Какъ ни искусна она въ общеніи всей пріятности, всей утонченности наслажденіями жизни, однако у ней нѣтъ тѣхъ высокихъ, благородныхъ чувствованій, которыя могли бы одни сдѣлать союзъ нашъ счастливымъ и прочнымъ. Я приведу тебѣ примѣръ, который лучше объяснить мои слова, нежели всѣ описанія ея характера. Третьяго дня вечеромъ, она забавлялась при мнѣ и при своихъ женщинахъ съ маленькою, очень красивою обезьяною, и вдругъ это животное укусило ее за руку. Она отбросила его отъ себя съ пронзительнымъ воплемъ, и, увидѣвъ, что изъ ея ничтожной раны показалась кровь, начала рыдать и плакать какъ ребенокъ. Ея женщины раскричались и расплакались пуще ея самой; напрасно я старался ихъ успокоить. Онъ столпилсь вокругъ нея, а между-тѣмъ одна изъ нихъ съ яростью въ глазахъ схватила бѣдную обезьяну. Бѣдное животное въ страхъ сложило свои переднія лапы и какъ-бы умоляло о помилованіи; но, видя, что его кривлянья ни сколько не помогаютъ, оно вырвалось изъ рукъ схватившей его женщины и стало кидаться изъ угла въ уголъ, пока наконецъ не разбило себя головы о мраморный пьедесталъ и не упало безъ жиз-

ни на полъ. Я поднялъ обезьяну, поднесъ къ Ауру, и сказалъ съ нѣкоторымъ огорченіемъ: — Она мертва! Эти слова и видъ околѣвшей обезьяны, казалось, лишили Ауру чувствъ. Черты ея измѣнились отъ судорожныхъ движеній, и она упала въ обморокъ. Подруги окружили ее съ воплями отчаянія; я самъ почувствовалъ, что голова моя разстроилась отъ этой суматохи, и лишь-только Аура пришла въ себя, какъ я поспѣшилъ оставить это мѣсто, сдѣлавшееся для меня столько же ненавистнымъ, сколько было прежде пріятнымъ. Однако въ слѣдующій вечеръ я пошелъ туда какъ обыкновенно. Я засталъ Ауру въ ея кабинетъ одну, лежащую на софѣ, блѣдную и въ изнеможеніи. Тутъ она показалась мнѣ болѣе обыкновеннаго привлекательною: было что-то плѣнительное въ этой тоскѣ, отънявшей прекрасныя черты, которыхъ всегдашнее улыбающееся выраженіе начинало надоѣдать мнѣ. Естественно, что разговоръ обратился на сцену предшествовавшего вечера, и когда я изъясилъ удивленіе, что такая бездѣлица могла такъ сильно ее потревожить, она отвѣчала: — Бездѣлица? Развѣ бездѣлица терпѣтъ страданіе, видѣтъ текущую кровь, быть свидѣтельницею отвратительной перемѣны, которую называютъ смертію! Это бездѣлица?

— Милая Аура, возразилъ я: даже это измѣненіе, какъ оно ни ужасно, не есть еще самое худшее изъ того, что можетъ случиться съ нами.

— Какъ! воскликнула она: можетъ ли что быть хуже, отвратительнѣе смерти?

— Конечно, сказалъ я, послѣ краткаго молчанія: смерть не всегда величайшее изъ золъ; есть много случаевъ, въ которыхъ она можетъ быть сочтена за большое благодѣяніе.

— Ахъ; не говори такъ безразсудно! сказала Аура.

— Прелестная дѣвушка! отвѣчалъ я: скажи сама, развѣ нѣтъ печалей, гнетущихъ горестей, которыхъ

непереносимая тяжесть заставляет насъ призывать смерть на помощь?!

— Нѣтъ, я не знаю ни какой.

— Не сердись же на меня за то, что я скажу, продолжалъ я. Ты явила столько доказательствъ своей любви ко мнѣ, что я вполне убѣжденъ, что ты меня дѣйствительно любишь. Отвѣчай же мнѣ послѣ этого, — какая мысль была бы для тебя болѣе убійственна, та ли, что громовой ударъ поразилъ бы вдругъ насъ обонхъ, въ объятіяхъ другъ друга, или та, что наступило бы время, въ которое бы ты меня презрѣла, почла недостойнымъ своей любви и раскаялась, что избрала Рудольфа предметомъ своихъ нѣжнѣйшихъ чувствованій?

— Презрѣть тебя? раскаяться въ моей любви?... Этихъ понятій я не разумѣю; они непостижимы. Развѣ ты находишь возможнымъ сдѣлаться ко мнѣ суровымъ, жестокимъ, способнымъ меня возненавидѣть? Это ли ты хочешь сказать?

— Милая Аура, отвѣчалъ я: я право не знаю что и говорить. Но скажи мнѣ, знакомо ли тебѣ чувство тоски и томленія? Скажи, не помрачало ли когда-нибудь твоихъ мыслей опасеніе, что я могу любить другую?

— Чувство томленія? — нѣтъ. Тоски? да, конечно. Но только при мысли о смерти, о жестокости. Страшилась ли я когда-нибудь, что ты могъ любить другую? На это я буду отвѣчать одною улыбкою. Ахъ, перестань мнѣ говорить о своихъ неистовыхъ страстяхъ, перестань говорить о ревности и тому подобномъ! Я этого ничего не понимаю; это лишь грезы разстроеннаго воображенія. На Востокъ, гдѣ пламенное солнце доставляетъ живѣйшую яркость цвѣтамъ, гдѣ ночный зефиръ вѣетъ благоуханіями, гдѣ любовь пылаетъ жарче, тамъ жена живетъ въ родственномъ согласіи съ своими подругами, а онъ покор-

ствують ей, какъ почтительныя рабыни; онъ любить ее, и между дѣтьми ихъ нѣтъ ни какого различія.

— Такъ ты была и на Востокъ, милая Аура? спросилъ я ее: не принадлежишь ли и ты къ тѣмъ прекраснымъ цвѣтамъ, которые заимствуютъ блескъ свой отъ лучей тамошняго солнца?

Она приложила палецъ къ устамъ и сказала: — Не спрашивай меня; я уже тебѣ сказала, что на эти вопросы отвѣчать я не могу.

Такимъ образомъ оканчивается большая часть нашихъ разговоровъ. Напрасно старался я постигнуть это удивительное существо: оно всегда ускользало отъ моихъ изслѣдованій. Но связь моя съ нею тяготитъ меня. Я лучше желаю умереть, нежели причинить ей малѣйшее страданіе; но я не увѣренъ, станетъ ли она оплакивать мою потерю. Иногда случается, что я являюсь къ ней послѣ недѣльнаго отсутствія; она даже и тогда принимаетъ меня съ одинаковою веселостью, никогда не спрашиваетъ о причинахъ моего отсутствія, и не перестаетъ присылать ко мнѣ съ Омаромъ все, что по ея мнѣнію можетъ доставить мнѣ удовольствіе. Каковы бы ни были ея свойства, они въ самомъ дѣлѣ и благородны и нѣжны, но по-несчастію они не соотвѣтствуютъ моимъ требованіямъ: она есть и будетъ всегда чуждою моему сердцу.

Это признаніе облегчило душу Рудольфа: онъ сдѣлался спокойнѣе, и могъ съ большею ясностью и хладнокровіемъ сообщить мнѣ свои виды и чувствованія относительно Ауры. Что онъ не любилъ ея, что онъ никогда не могъ любить ея истинно, было для меня яснѣе чѣмъ для него самого. Мнѣ даже казалось, что я могъ бы довольно естественно объяснить большую часть этого загадочнаго приключенія; но я не отваживался входить далѣе въ этотъ предметъ, изъ опасенія вновь потревожить едва успокоившіяся мысли и

чувствованія Рудольфа. Я рѣшился предоставить все это случаю, и онъ наступилъ гораздо скорѣе, чѣмъ я ожидалъ.

Пришло лѣто. Однажды утромъ, сидя съ Рудольфомъ наединѣ, мы слышали легкой стукъ у двери. Я отворилъ, и увидѣлъ челоуѣка пожилыхъ лѣтъ съ молодою прекрасною дѣвицею: онъ спрашивалъ Рудольфа, и при первыхъ звукахъ его голоса, Рудольфъ вскочилъ со своего мѣста и бросился въ объятія отца. То былъ отецъ его и съ нимъ сестра. Они пріѣхали ночью и располагали пробить только одну недѣлю. Въ теченіе этого времени мы старались бывать какъ-можно долѣе вмѣстѣ, и, хотя быстро оно протекло, я успѣлъ однако полюбить этихъ милыхъ и достойныхъ людей, какъ своихъ ближайшихъ и дорогихъ, родственниковъ. Всякая минута, проведенная въ обществѣ Полины, живо напоминала мнѣ, какъ изображалъ ее Рудольфъ.

Она принадлежала къ числу тѣхъ рѣдкихъ созданій, о которыхъ можно сказать, что духовное начало такъ проникло ихъ вещественныя формы, что казалось почти доступнымъ взору: каждое движеніе ея души просвѣчивало наружу, и всѣ они сливались между собою какъ музыкальные звуки, куда разногласіе допускается только для того, чтобъ разрѣшиться въ стройность, въ гармонію.

День ихъ отъѣзда наступилъ слишкомъ скоро. Мы объѣдали вмѣстѣ въ послѣдній разъ, отецъ пошелъ со двора для окончанія дѣлъ своихъ передъ выѣздомъ, и, уходя, вручилъ мнѣ рукопись, которую прежде обѣщалъ дать для прочтенія. Посреди нашей комнаты стоялъ огромный каминъ, раздѣлявшій ее на двѣ половины, а въ простѣнкѣ противъ каминна висѣло зеркало. Братъ съ сестрою сидѣли по одну сторону каминна и разговаривали очень тихо; а я по другую читалъ рукопись: мы находились въ та-

комъ положеніи, что за выдавшимися углами каминна не могли видѣть другъ друга иначе какъ въ зеркалѣ, висѣвшемъ на противъ насъ. Мое занятіе было скоро прервано ихъ бесѣдой, которую, по забвенію или по равнодушію къ моему присутствію, они вели уже не шепотомъ.

— Полина! воскликнулъ Рудольфъ: ты раздраешь мою душу. По какому поводу ты обвиняешь меня въ холодности? Не пользовался ли я всѣми случаями, чтобы доказать вамъ, что всѣ мои помышленія были направлены къ моему семейству?

— Такъ, Родольфъ, отвѣчала ему Полина: ты присылалъ мнѣ дорогіе подарки, ты украсилъ нашу обитель тысячею прекрасныхъ вещей въ продолженіе мнѣувашаго года, и, повѣрь мнѣ, я умѣю цѣнить твои дары: но Рудольфъ,—не сердись на меня — что они значатъ въ сравненіи съ твоими письмами, которыя ты бывало ко мнѣ писывалъ? Въ теченіе полутора года я получила отъ тебя только два, да и то такія, что лучше бъ никогда не получать подобныхъ: я замѣтила въ нихъ чудную переменъ. Я вскрыла ихъ съ быющимъ отъ радости сердцемъ, а сложила съ горькими слезами. Они были ласковы, даже льстивы: но какъ холодны, какъ принужденны, какъ различны отъ тѣхъ, которыя я привыкла получать въ то время, когда каждое изъ нихъ доставляло мнѣ радость на нѣсколько дней сряду. Что значатъ всѣ привѣтствія и дары въ сравненіи съ непринужденнымъ языкомъ сердечныхъ чувствованій? Пѣть, «не о хлѣбъ единомъ живѣть будетъ человекъ, но о всякомъ глаголь, исходящемъ изо устъ Божиныхъ.» Ахъ, если бъ ты слышала батюшкину проповѣдь на этотъ текстъ, ты лучше бы меня поняла!

Рудольфъ вскочилъ съ своего мѣста, и воскликнулъ: — Полина! я понимаю тебя лучше, нежели ты думаешь, лучше нежели ты можешь вообразить!

— Я содрogaюсь отъ собственныхъ моихъ предчувствій, отвѣчала Полина: такія мрачныя мысли невольно тревожатъ мое воображеніе!... Мнѣ иногда кажется, что ты уже никогда не можешь смотреть на меня такъ, какъ смотрѣлъ прежде! Ахъ, это изобиліе, въ которомъ ты живешь, это богатство, эта роскошь, которыя веселятъ твоего отца, воображающаго, что все это плоды твоихъ дарованій и дѣятельности! Я не могу ихъ видѣть! Мнѣ кажется, что все это похоже на деньги, выигранныя въ карты, купленныя пожертвованіемъ совѣсти, приобретенныя безчестно. Прости меня, братъ, за это выраженіе: я сожалью, что такъ изъяснилась; я не смѣла бы даже коснуться этого предмета, если бы не чувствовала, что твоя душа, что твоя совѣсть неразрывно перевиты съ моими.

При этихъ словахъ она начала плакать. Рудольфъ стоялъ противъ нея блѣдный, окаменѣлый. Она взглянула на него съ печальною улыбкою: крупныя слезы еще катились по щекамъ ея; она протянула къ нему руку, и онъ опять сѣлъ подлѣ нея.

— Ты будешь смѣяться тому, что я скажу тебѣ, продолжала она: и въ самомъ дѣлѣ это довольно смѣшно: я написала къ тебѣ множество писемъ, которыхъ ты никогда не получалъ, и которыя вовсе для тебя не назначались. Когда я оставалась одна въ своей комнатѣ по ночамъ, и чувствовала на сердцѣ тягость, тогда я садилась писать къ тебѣ письмо, прочитывала его, и смывала строки своими слезами, чтобъ въ слѣдующій вечеръ повторять то же самое.

Рудольфъ бросился къ ногамъ ея, и, сжавъ ея руки, сказалъ умоляющимъ голосомъ: — Полина, милая сестра, сестра души моей!... прости меня. Съ этой минуты я буду жить только для того, чтобы быть братомъ и сыномъ,—клянусь тебѣ.

Тутъ послышались шаги возвращающагося пасто-

*

ра. Рудольфъ вскочилъ. Почтенный старикъ привѣтствовалъ меня ласково, взглянулъ на дѣтей съ важною, и въ молчаніи сѣлъ въ уголъ.

Полина подошла къ нему. — Любезный батюшка, сказала она: что съ вами сдѣлалось? Не дурно ли вамъ?

— Нѣтъ, дитя мое, я не много разстроены. Я только что покинулъ изголовье грѣшника; въ ожесточенное сердце его старался я вдохнуть чувство кротости и милосердія; но напрасно. — Я старался въ то же время, примолвилъ онъ, взявъ Родольфа за руки, устроить твою будущность, но не успѣлъ и въ этомъ. Нужды нѣтъ: жалобы тутъ напрасны, все можетъ быть хорошо и безъ того. Обещай мнѣ только, что при первомъ случаѣ ты станешь искать пасторскаго мѣста въ нашемъ сосѣдствѣ.

Къ изумленію моему, Рудольфъ далъ это обещаніе, ни мало не колеблясь, и на другой день отецъ съ дочерью уехали. Вечеромъ того же дня Рудольфъ сказалъ мнѣ: — Сдѣлай одолженіе, пойдемъ прогуляться; я чувствую такую тягость, что мнѣ необходимо подышать чистымъ воздухомъ. Какая дорога за городъ самая безлюдная? Пойдемъ туда. Мнѣ хочется поговорить съ тобою безъ помѣхи. — Мы отправились за городъ, и пошли по самой удивенной дорогѣ. Вечеръ былъ пасмурный, вѣтреный, безотрадный. Мы шли противъ вѣтра, и намъ нельзя было слышать другъ друга. Мы воротились, и какъ намъ было все равно куда ни итти, то мы стали бродить по самымъ безлюднымъ улицамъ Христіансгавена. Долго Рудольфъ не могъ сказать ни слова; наконецъ, когда я навелъ рѣчь на связь его съ Аурую, онъ началъ укорять себя съ необыкновеннымъ жаромъ.

— Мнѣ кажется, сказалъ онъ, что я продалъ себя діаволу. Нельзя, чтобъ всѣ приключенія, случившіяся со мною съ той несчастной минуты, какъ я поднялъ ключъ, были естественны! Ты улыбаешься, но пой-

ми меня. Я не так слабъ, чтобъ приписывать вліянію какихъ бы то ни было обстоятельствъ возможность измѣнять непреложный порядокъ природы. Но кто осмѣлится сказать, что ему извѣстенъ этотъ порядокъ? Кто можетъ сомнѣваться, что мы окружены міромъ, который, по слабости или по грубости нашихъ чувствъ, остается для нихъ неосвязаемымъ, но который однако имѣетъ непосредственное вліяніе на насъ самихъ и на нашу участь?

Правда, перервалъ я его: есть тысячи подобныхъ сокровенныхъ вліяній въ природѣ, но слѣдуетъ ли изъ того, чтобъ это были нечистыя силы?

— И я также могъ бы разсуждать тому съ недѣлю, возразилъ онъ: но теперь я убѣжденъ, что есть могущественныя и направленныя ко злу силы въ природѣ, и по всей вѣроятности духовнаго начала: онъ ниже, недостойнѣе, но могущественнѣе человѣческихъ. Возьми въ примѣръ страшное злоупотребленіе, какое можно сдѣлать изъ магнетизма; обрати вниманіе на повѣсти о духахъ, на каждое народное суевѣріе: что-нибудь во всемъ этомъ должно же быть, потому что весь народъ, или лучше сказать всѣ народы, какъ самые образованные, такъ и самые сильные характеромъ, тому вѣрятъ! Меня страшитъ мысль, что я переступилъ предѣлъ, назначенный мнѣ какъ человѣку, и что я невольно вошелъ въ сношеніе съ міромъ, который моя душа отвергаетъ съ чувствованіемъ страха и ужаса.

— Любезный Рудольфъ, сказалъ я: твое собственное, слишкомъ живое воображеніе ослѣпляетъ тебя. Не входя съ тобою въ изслѣдованіе этого запутаннаго, хаотическаго предмета, позволь сказать тебѣ, что я не совсѣмъ отчаяваюсь объяснить твою загадочную исторію. Нашъ пріятель, докторъ А***, который не можетъ даже и подозрѣвать твоихъ связей, недавно мнѣ сказывалъ, что онъ былъ призванъ въ качествѣ

врача къ молодой дамѣ, которая страдала спазмодическими припадками, испугавшись легкой раны, случайно ей нанесенной. Человѣкъ, который пригласилъ его, былъ его старыи знакомый, жившій долгое время въ чужихъ краяхъ. Онъ былъ введенъ имъ въ великолѣпный домъ и представленъ молодой страдалицѣ, которая хотя перешла первыя лѣта цвѣтущей молодости, но все еще была необыкновенно прекрасна. Онъ не могъ скрыть невольнаго удивленія, видя своего знакома, котораго всегда почиталъ человѣкомъ недостаточнымъ, окруженнаго такимъ богатствомъ и великолѣпьемъ; но скоро узналъ отъ него, что все это богатство принадлежитъ не ему, а одному иностранцу, который провелъ большую часть своей жизни въ путешествіяхъ по различнымъ странамъ, особенно на Востокъ, потому что нравы и обычаи Азіатцевъ чрезвычайно ему понравились. Вотъ уже два года, продолжалъ онъ, какъ мой иностранецъ владѣеть этою дѣвицею: она Черкесскаго происхожденія; онъ привезъ ее сюда, и на время своего отсутствія обыкновенно поручаетъ ее мнѣ и женѣ моей для надзора. Но возвращеніи, онъ намѣренъ обвиняться съ нею, потому что любить ее до безумія, и она управляетъ имъ съ неограниченною властію. Молодая дама, продолжалъ докторъ, скоро выздоровѣла, и я почти совершенно забылъ объ этомъ, какъ недавно встрѣтилъ опять того же знакома въ Гамбургѣ: онъ мнѣ разсказалъ, что старикъ иностранецъ женился на своей красавицѣ, и, устроивъ для ней въ Копенгагенѣ домъ, отдѣланный во вкусъ восточнаго великолѣпія и охраняемый съ восточною же недовѣрчивостію, опять уѣхалъ путешествовать. Возвращенія этого старика ожидаютъ въ Копенгагенѣ къ нынѣшней осени: онъ намѣренъ, взявъ съ собою свою жену, уѣхать отсюда, и поселиться въ своей сторонѣ, гдѣ у него также есть домъ, убран-

ный съ необыкновеннымъ великолѣпиемъ. Анекдоты, которые рассказывалъ мнѣ докторъ о старомъ женихѣ, были, несмотря на ихъ дивную странность, смѣшны чрезвычайно. Онъ обладаетъ, говорилъ докторъ, познаніями въ сокровенныхъ наукахъ и въ духовныхъ таинствахъ: короче, это былъ настоящій Кальостро.

— Аура! воскликнулъ Рудольфъ. Это она! Ни ты, ни докторъ А*** неспособны переименовать дѣла, и весь этотъ рассказъ очень согласуется съ ея положеніемъ. Но этотъ Кальостро, какъ ты его назвалъ, не есть ли какой-нибудь старшій, гнусный волшебникъ, заманившій это прелестное созданіе въ свои адскія сѣти?

— Стыдись, Рудольфъ! прервалъ я его. Возможно ли, чтобъ этотъ князь шарлатановъ даже и по смерти своей имѣлъ силу разстроивать твой умъ, какъ онъ разстроивалъ воображеніе многихъ людей при жизни? — Станемъ разбирать дѣло, сказалъ онъ. Былъ ли я въ домѣ Ауры? Какимъ образомъ я вошелъ туда? Какъ достался мнѣ ключъ? Отчего онъ пришелся къ ея дверямъ? Откуда взялся негръ, ожидавшій меня у отворенныхъ мною дверей? Отчего Аура приняла меня какъ давно знакомаго?

— Ну есть ли тутъ какое-нибудь чудо, отвѣчалъ я, что ключъ пришелся къ двери, для которой онъ не былъ сдѣланъ? что Аура, соскучившись въ гаремѣ, гдѣ была заключена какъ невольница, съ радостью приняла красиваго молодого челоуѣка, явившагося передъ нею? Что касается до негра, то онъ невольникъ: мы не можемъ знать данныхъ ему наставленій.

— Но если Аура, возразилъ Рудольфъ, въ самомъ дѣлѣ затворница, какимъ же образомъ она могла быть въ театрѣ, гдѣ мы оба ее видѣли, и гдѣ, какъ сама говоритъ, она видѣла меня?

— На это я не могу положительно отвѣчать; но конечно, чтобъ объяснить это явленіе, нѣтъ надобности прибѣгать къ сверхестественнымъ силамъ. Безъсомнѣнія, въ отсутствіе ея мужа, всѣ его слуги служатъ ей даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда воля ея совершенно противоположна его воле. Онъ въ отдаленіи: да и совершенно ли ты увѣрснъ, что она именно та самая особа, которую ты видѣлъ въ театрѣ? Я не отвергаю словъ ея, что она замѣтила тебя тамъ.

— Предположимъ, что все это такъ, какъ ты говоришь, продолжалъ Рудольфъ. Но какъ ты объяснишь то, что желанія, которыя я чувствовалъ и однако никогда не обнаруживалъ, всѣ были узнаны и предупреждены? И какимъ образомъ, безъ посредства чего-нибудь неестественнаго, можно имѣть въ городѣ такой домъ, какой описывалъ тебѣ докторъ, чтобы онъ не сдѣлался предметомъ общихъ разговоровъ?

— Я буду отвѣчать на твои многочисленные вопросы, какъ только съумѣю, но въ обратномъ порядкѣ. Я спрашивалъ доктора А*** объ улицѣ, въ которой находится тотъ домъ, гдѣ была его больная. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что, сколько можетъ припомнить, онъ находился въ улицѣ, параллельной къ той самой стѣнѣ, въ которой твоя дверь отворяется, и, какъ кажется, дверь эта должна быть задняя, вѣроятно потайной ходъ. Что касается до замѣчанія, что такой домъ не могъ бы существовать, не сдѣлавшись всѣмъ извѣстенъ, то и это довольно понятно: хозяинъ его окруженъ толпою рабовъ, покорныхъ малѣйшему его мановенію, обязанныхъ хранить ненарушимое молчаніе и вознаграждаемыхъ за это всеми способами, какіе даетъ большое богатство. На первый труднѣйшій изъ твоихъ вопросовъ я только и могу отвѣчать, что предупрежденіе твоихъ жела-

ній должно приписать случайности, удѣливъ что-нибудь и воображенію.

— Если бы ты и успѣлъ, говорилъ мнѣ Рудольфъ печальнымъ голосомъ, удовлетворительно объяснить мнѣ всѣ предложенныя мною трудности, — чего ты сдѣлать однако не можешь то, — еще есть одно такое обстоятельство, которое, по моему мнѣнію, опровергаетъ всѣ твои доводы: я разумѣю вчерашнія слова Полины, озарившія мгновениымъ свѣтомъ тотъ мрачный путь, по которому я шествую; чувство отвращенія къ вещамъ Ауры и ко мнѣ самому, возбужденное въ этой чистой душѣ, которая отвергаетъ все худое, какъ противоположный полюсъ магнита отталкиваетъ желѣзо.

Во время этого разговора мы подошли къ Нѣмецкой церкви, и, походивъ по площади, пустились въ тѣсный переулокъ между церковною оградой и заборомъ сада. Было уже поздно, и это мѣсто, вообще мало посѣщаемое, нашлось въ то время совершенно пустымъ. Рудольфъ остановился противъ церковнаго фасада, взглянулъ на шпигъ колокольни, и съ видимымъ волненіемъ сказалъ мнѣ :

— Мой отецъ потребовалъ отъ меня, чтобы я сдѣлался пасторомъ, и я въ тогдашнемъ расположеніи духа изъявилъ на то согласіе. Но какъ исполню я обѣтъ свой, — я, вовлеченный въ ковы дьявольской силы? Смогу ли я приблизиться къ алтарю, когда не имѣю силы вынести взгляда Полины?

— Любезный Рудольфъ, возразилъ я: твои ощущенія при встрѣчѣ ея взглядовъ могутъ быть легко объяснены и безъ волшебства.

Онъ помолчалъ, потупилъ глаза въ землю, и отвѣчалъ съ возрастающимъ жаромъ :

— Ты правъ, и можетъ — быть болѣе чѣмъ самъ подозреваешь. Такъ, мой другъ! тебѣ не все извѣстно; ты знаешь только половину моего преступленія.

Гораздо прежде моего знакомства съ Аурую, я уже питалъ преступную страсть: въ этомъ состоялъ тотъ грѣхъ, который ввергнулъ меня во власть лукаваго. Какъ Прометей, я осмѣлился похитить съ небесъ огонь, и съ тѣхъ поръ ястребъ грызеть мое сердце, съ тѣхъ поръ предсталъ мнѣ искушитель и осыпалъ меня земными благами въ замѣнъ души моей.

Въ изступленіи вырвалъ онъ таинственный ключъ изъ кармана и бросилъ его, сказавъ: — Сгинь, сатана!

Мы слышали, какъ онъ звякнулъ о камень: потомъ раздалось еще нѣсколько звуковъ, какъ — будто задевалъ онъ что-то въ паденіи, и наконецъ слабѣйшій, глухой отголосокъ возвѣстилъ намъ, что онъ улегся въ землю.

По мнѣ пробѣжала дрожь, самъ не знаю отчего. Я взглянулъ на Рудольфа: онъ былъ блѣденъ, глаза его блуждали; мы поворотили въ улицу, которая вела къ нашей квартирѣ, прибавили шагу, и во всю дорогу не сказали другъ другу ни слова.

Только вошедши въ свои комнаты, мы уже примѣтили, что нѣтъ Рудольфовой собаки. Это было очень красивое и очень умное животное, подаренное Рудольфу Аурую въ первые дни ихъ связи. Эта собака ни на минуту не отставала отъ своего хозяина, и Рудольфъ очень любилъ ее. Она была съ нами во время прогулки, и мы очень помнили, что она вертѣлась около насъ, когда мы были подлѣ церкви. Рудольфъ тотчасъ побѣжалъ ее отыскивать. Онъ не возвращался до разсвѣта: наконецъ, вошедши въ комнату, онъ промолвилъ съ видомъ сожалѣнія — Нѣтъ, не отыскалъ! — и поспѣшилъ въ свою спальню.

При сказанныхъ имъ словахъ мнѣ пришло въ голову, что они могутъ относиться и къ собакѣ и къ ключу, и что онъ не ограничился отыскиваніемъ первой. Я тоже пошелъ спать, чувствуя сильную усталость, но не могъ заснуть. Я всталъ довольно рано; во-

шедши въ залу, не встрѣтилъ, какъ обыкновенно, чернаго Омарова лица; онъ не приходилъ ни на другой день, ни послѣ; мы уже болѣе никогда его не видали.

Съ того времени, казалось, будто какая-то враждебная сила испровергала всѣ наши предпріятія. На другой же день послѣ того, какъ Рудольфъ лишился ключа, онъ потерялъ одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ своихъ доходовъ по неожиданному отзыву его учениковъ въ родительскіе дома. Черезъ недѣлю послѣ этого, онъ поспорилъ съ содержателемъ пансіона, въ которомъ преподавалъ по часамъ, и былъ принужденъ отказаться отъ своего мѣста, а то, что получалъ онъ за остальные уроки, было слишкомъ недостаточно для его содержанія. Подобныя непріятности, хотя и не въ такой мѣрѣ, случились и со мною: въ теченіе не болѣе трехъ недѣль средства наши сдѣлались скуднѣе, чѣмъ были при самомъ началѣ нашихъ трудовъ. Хозяйка прислала намъ сказать, чтобы мы очистили квартиру къ первому числу. Текущаго мѣсяца оставалось немного: надо было пріискивать новую квартиру, но и тутъ, какъ и во всемъ прочемъ, преслѣдовала насъ неудача. Наконецъ, въ узкомъ и темномъ переулкѣ отыскали мы себѣ небольшую квартиру: какъ она ни казалась тѣсною и грязною, но, утомясь безплодными поисками и не надѣясь найти дешевле, мы наняли ее на три мѣсяца. Надлежало перебраться, и это обстоятельство было не маловажно, судя по множеству вещей, накопившихся у насъ въ теченіе минувшаго года: эта перевозка была тоже сопряжена съ разными неудачами и непріятностями. Все, что могло разбиться или сломаться, было разбито и сломано; мебель испорчена, многія изъ лучшихъ вещей унесены. Когда къ вечеру мы обставились на новой квартирѣ, едва могли повѣрить, чтобы это была наша мебель: такъ измѣнился видъ

каждой вещи, такъ все было испорчено, истерто и искажено! Въ особенности огорчило насъ то, что почти всѣ наши книги оказались неполными, и что для прекрасной картины нельзя было отыскать приличнаго мѣста: куда мы ее ни вѣшали, никакъ не могли доставить ей выгоднаго освѣщенія; казалось, что всѣ краски въ ней перемѣшались.

Рудольфъ, потерявъ терпѣніе, сѣлъ въ углу и сказалъ: — Ну, пляска нимфъ кончилась! Волшебство исчезло. Что ты теперь скажешь? Естественно ли все это?

— Слишкомъ естественно, что стекло и фарфоръ могли разбиться, и что мебель попортилась отъ солнца и воздуха на прежней квартирѣ, хотя недостатки ея были тамъ не такъ замѣтны, какъ на новой, гдѣ она разстановлена совсѣмъ въ другомъ порядкѣ.

— А книги? воскликнулъ онъ: а картина?

— Я право не знаю, отвѣчалъ я съ сердцемъ, кому бы вздумалось объяснить столь простыя вещи: квартира эта мерзкая, и отъ того все въ ней кажется гадко. Мнѣ досадно, что мы ее наняли.

Съ каждымъ днемъ мы имѣли новыя причины сожалѣть, что переехали въ этотъ домъ: казалось, что всѣ Египетскія язвы поразили насъ съ того времени. Комнаты были сыры; ни солнце, ни мѣсяцъ, ни свѣжій воздухъ не имѣли къ нимъ доступа; онъ наполнялись дымомъ и кухоннымъ запахомъ; непрерывный шумъ и пискъ крысъ и мышей подъ поломъ не давали намъ покоя. Каждый извѣдалъ опытомъ, какъ скопленіе маленькихъ золь можетъ составить доброе несчастіе; но у насъ не было недостатка и въ злѣ существующемъ. Обстоятельства мои были немного лучше Рудольфовыхъ. Я усугубилъ старанія, и мое положеніе еще болѣе поправилось. Такъ какъ Рудольфъ дѣлилъ со мною свое изобиліе, то естественно, что и я дѣлился съ нимъ моимъ доходцемъ. Однажды, когда мы были въ большомъ противъ обыкновеннаго затрудне-

ни, онъ сказалъ мнѣ: — Любезный другъ, мнѣ прискорбно, что ты все дѣлаешь, а я ничего. Я безъ твоего вѣдома продалъ часть нашей серебряной посуды; этою выручкою мы на нѣсколько времени будемъ имѣть возможность поддержать себя. Онъ отворилъ ящикъ, въ которомъ были спрятаны деньги; сталъ ихъ искать и не нашелъ; сталъ обшаривать всѣ углы, всѣ карманы, но напрасно, — денегъ не было, онъ исчезли.

Онъ бросился въ кресла съ видомъ отчаянія — Видишь ли теперь преслѣдованія діавола? воскликнулъ онъ: что ты на это скажешь?

— Я только скажу, отвѣчалъ я, что деньги крадутъ не въ первый разъ, и есть надежда, что и не въ послѣдній.

Кажется, я перенесъ бы всѣ эти несчастія довольно равнодушно, если бы меня не тревожило разстроенное состояніе Рудольфа. Онъ сдѣлался задумчивъ, молчаливъ, скрытенъ, такъ, что никто не могъ бы узнать въ немъ того любезнаго, откровеннаго, веселаго Рудольфа, какимъ былъ онъ прежде. Часто онъ возвращался домой поздно ночью и всегда съ измѣнившимся лицомъ. Я не смѣлъ его спрашивать, а онъ тщательно избѣгалъ всякаго повода къ разговору.

Однако жъ скоро озарился я печальнымъ свѣтомъ, когда одинъ изъ моихъ пріятелей, жившій въ Христіансгавенъ спросилъ меня: — Кого другъ твой, Рудольфъ, навѣщаетъ въ моемъ сосѣдствѣ? Я часто встречаю его по вечерамъ близъ Нѣмецкой церкви.

Въ слѣдующій вечеръ, воротясь домой и не найдя Рудольфа, я отправился къ Нѣмецкой церкви, и съ прискорбіемъ увидѣлъ, что несчастный другъ мой роется въ грудахъ камня и кирпича, лежавшихъ подлѣ церкви. Онъ такъ былъ занятъ своею работою, что не примѣтилъ меня, пока я не тронулъ его по плечу и не произнесъ: — Боже мой! ты ищешь ключа? — Пол-

но, полно, перестанемъ! отвѣчалъ онъ мнѣ, и взявъ меня подъ руку, пошелъ со мною домой.

Тутъ наконецъ перервалъ онъ свое мрачное молчаніе, открылъ мнѣ всю душу, и сдѣлался попрежнему моимъ другомъ.

— Любезный, вѣрный товарищъ, говорилъ онъ: признаюсь, много ночей бродилъ я въ надеждѣ отыскать роковой ключъ, брошенный мною въ припадкѣ бѣшенства, но, повѣрь мнѣ, совсѣмъ не для того, чтобы возобновлять не въ добрый часъ начатую связь съ Аурую. Это кончено; я уже никогда не могу быть ея любовникомъ. Довольно странно однако, что съ тѣхъ поръ, какъ лишился того ключа, я сталъ чувствовать, что не могу быть къ ней равнодушнымъ. Не любовь, но глубокое состраданіе томить меня, когда я объ ней вздумаю. Я вижу ее во снѣ, вижу, какъ она выбивается изъ объятій чудовища, которое ею владѣеть; чувствую, что я всему виною, и это ввергаетъ меня въ отчаяніе. Не такъ бы надлежало прервать эту связь. Мнѣ должно бы было пойти къ ней, возвратить ей зловѣщій ключъ, и тогда мы могли бы разстаться съ нею друзьями, а не врагами. Я поступилъ неблагородно, невеликодушно, безчеловѣчно.

На это я не могъ ничего сказать въ утѣшеніе моему другу, потому что тѣ же самыя мысли приходили и мнѣ въ голову; но я старался не покидать его во весь мой досугъ, и въ особенности уговаривалъ прекратить ночныя прогулки.

Однажды вечеромъ, какъ мы возвращались домой, онъ сказалъ мнѣ:—Сегодня равноденствіе: въ эту ночь прошлаго года вошелъ я къ Ауры. Сдѣлай одолженіе, пройдемъ еще разъ мимо ея дома.

Я согласился. Лишь - только мы поровнялись съ извѣстною красною стѣною, онъ бросился къ двери и началъ въ нее стучать: не слыша ни какого отзыва изнутри, онъ приложилъ уста къ замочному

отверзтію и сталъ кричать: — Аура, Аура! вели Омару отпереть мнѣ еще разъ! Удостоверь меня, что ты меня простила! Подай хоть знакъ, что съ тобой не случилось ни какого несчастія!

Отвѣта не послѣдовало; не слышно было внутри ни малѣйшаго шороха. Съ трудомъ отвлекъ я его отъ этого мѣста; по-счастію тутъ никого не было, и слѣдовательно никто не могъ насъ примѣтить. Я старался возвратить ему спокойствіе.

Въ слѣдующее утро мы были изумлены, увидѣвъ на столѣ, гдѣ обыкновенно ставили намъ завтракъ, шкатулку диковинной формы. Она имѣла Китайскую наружность, была сдѣлана изъ чего-то похожего на мѣдь, и на крышкѣ лежалъ серебряный сфинксъ, отличной работы. Рудольфъ отворилъ ее; внутри была маленькая коробочка изъ тонкаго листоваго свинцу, отворлявшаяся какъ обыкновенный бумажникъ: тамъ была записка. Рудольфъ развернулъ дрожащею рукою и прочелъ:

«Жестокій, неблагодарный человѣкъ! зачѣмъ ты зовешь меня? Зачѣмъ ты бросилъ ввѣренный тебѣ ключъ въ пропасть, откуда ни какая человѣческая рука его не достанетъ? Знай, что судьба моя, мое спокойствіе, моя безопасность неразрывно сопряжены съ этимъ ключемъ!»

Я не въ силахъ описать дѣйствіе, которое произвели эти строки на взволнованнаго Рудольфа. Я самъ почувствовалъ себя столь встревоженнымъ и разстроеннымъ, что съ величайшимъ трудомъ могъ овладеть собою для преслѣдованія моихъ занятій.

Рудольфъ былъ вовсе не способенъ ни къ чему. Цѣлый день онъ проходилъ по комнатѣ, погруженный въ глубокую думу, и, лишь-только смерклось и почналъ тѣнь стала опускаться на городъ, онъ побѣжалъ опять къ церкви, и принялся искать брошеннаго ключа; потомъ ринулся къ дверямъ Ауры, и началъ умо-

лять самымъ жалобнымъ голосомъ, чтобы открыли ему, гдѣ можно отыскать тотъ таинственный ключъ; но все напрасно.

Я уже былъ не въ силахъ удерживать его отъ ночныхъ прогулокъ; я могъ только провожать его и присматривать за нимъ изъ опасенія, чтобы онъ наконецъ не впалъ въ совершенное сумасшествіе: я даже сталъ замѣчать, что и моя голова не совсемъ въ порядкѣ. Всего страннѣе было то, что куда бы на ночь ни поставлена была шкатулка, утромъ она опять являлась на столѣ. Меня утѣшало это обстоятельство: оно доказывало, что связь между Аурую и Рудольфомъ не вовсе еще пресѣклась, и что наконецъ можно будетъ довѣдаться, гдѣ дѣвался ключъ, — который не могъ же провалиться сквозь землю! Когда я сообщилъ мои надежды Рудольфу, онъ спросилъ меня, какимъ же образомъ Аура можетъ это знать, когда кромѣ насъ въ то время не было тамъ ни одного чело-
вѣка?

— Можетъ-быть, отвѣчалъ я, это ей извѣстно посредствомъ собаки, которая, какъ ты припомнишь, пропала въ тотъ самый вечеръ. Османъ былъ такъ хорошо выдрессированъ, что онъ всегда находилъ и подавалъ всякую брошенную или брошенную вещь.

Постоянное перенесеніе на столѣ шкатулки я объяснялъ ему тѣмъ, что Омаръ бываетъ у насъ въ наше отсутствіе: очевидно, что у него былъ особенный ключъ отъ нашей прежней квартиры: следовательно нѣтъ ничего мудренаго, что у него есть ключъ и отъ теперешней; равно и отъ мебели, которую онъ же къ намъ доставилъ. Шкатулка была устроена съ особеннымъ механизмомъ: когда Рудольфъ отперъ ее, сфинксъ опустился и лапы его пришлось подъ край крышки, такъ что нельзя было плотно притворить ее. Какъ ни маловажно было это обстоя-

тельство, но въ тогдашнемъ расположеніи духа, и это насъ огорчало.

Однажды, глядя на шкатулку, Рудольфъ сказалъ мнѣ:—Этотъ проклятый сфинксъ какъ-будто на меня смотритъ. Что за ужасная загадка въ этомъ ларчикѣ? отпереть его я могу, а запереть не въ силахъ. Проклятая шкатулка! она подтверждаетъ мои сомнѣнія: Аура конечно во власти адскаго духа! подобно жень Раула Синей-Бороды, ей слѣдовало хранить этотъ ключъ: съ потерею его, преступленіе ея обнаружилось, и она погибла!

Въ это время я сталъ еще разъ осматривать шкатулку, и спросилъ, гдѣ свинцовая коробочка, въ которой была записка.

— Она у меня въ карманѣ, отвѣчалъ онъ, и подавъ ее мнѣ.

Я тщательно вложилъ ее въ середину: сфинксъ тотчасъ отскочилъ, и шкатулка стала затворяться и отворяться по-прежнему. Мы не могли открыть механическаго устройства, отъ котораго происходили эти явленія. Но не было сомнѣнія въ томъ, что подлежало сдѣлать. Рудольфъ тотчасъ написалъ слѣдующія строки:

«Скажи мнѣ только, гдѣ можно отыскать твой ключъ, и если достать его въ человѣческихъ силахъ, съ какимъ бы это ни было сопряжено трудомъ или опасностію, хоть бы даже стоило мнѣ послѣдней капли крови, — ты его получишь.»

Эту записку вложили мы въ коробочку, а ее въ середину шкатулки, затворили и оставили на столѣ.

На другое утро шкатулка исчезла: мы выводили изъ этого самыя отрадныя заключенія, и во весь тотъ день были оба гораздо спокойнѣе.

Воротясь домой вечеромъ, мы нашли шкатулку опять на столѣ. Рудольфъ отперъ, и нашелъ въ ней новую записку:

«Мой ключъ въ недрахъ земли, тамъ гдѣ смерть обитаетъ съ своими жертвами. Онъ брошенъ близъ ея храма, входъ былъ отворенъ, и ключъ опустился въ пещеру смерти. Потеря ума и жизни твоей удѣлъ, если ты осмѣлишься извлечь его оттуда.»

Близъ храма смерти, храмъ былъ отворенъ? Загадка разрѣшена! Не устрашась предостереженія, мы приготовились отыскивать ключъ. Мы или не знали или забыли, что подъ церковью были склепы, въ которыхъ хоронили усопшихъ, и, что ключъ могъ упасть туда, было очень вѣроятно. Мы тотчасъ пошли къ церковнику, чтобы испросить дозволенія войти въ слѣдующее утро подъ своды.

Онъ согласился, и рано поутру мы отправились въ церковь. Тамъ встрѣтила насъ маленькая дѣвочка и повела ко входу, говоря, что отецъ ея съ двумя почитателями уже вѣзду; потомъ, указавъ намъ, куда надлежало спуститься, она удалилась.

Не обращая вниманія на окружавшіе насъ предметы, мы старались подойти къ тому окну, противъ котораго ключъ былъ брошенъ. Къ нашей несказанной радости, мы нашли его тутъ между двумя гробами. Рудольфъ поднялъ его, положилъ въ карманъ и вздохнулъ глубоко, какъ — будто сбросивъ съ себя какую нибудь ужасную тяжесть. Мы хотели поблагодарить церковника за сдѣланное намъ одолженіе, но нашли его въ неожиданномъ положеніи: онъ съ помощію еще одного человѣка старался поднять третьяго, лежавшаго на землѣ. Это былъ старикъ сухощавый и изнуренный. Онъ казался умершимъ: мы поспѣшили, чтобы по возможности пособить ему, и узнали, что старикъ внезапно лишился чувствъ. Мы вынесли его и положили на паперть; свѣжій воздухъ оживилъ его, но слабость не позволяла ему приподняться, и казалось, что для него наступилъ уже послѣдній часъ. Мы посадили его въ карету, и отправились съ нимъ

вмѣстѣ въ его квартиру, которую указалъ намъ слуга; больного уложили въ постель и тотчасъ послали за его лекаремъ.

Когда лекарь вошелъ съ посланнымъ за нимъ слугою, больной сдѣлалъ знакъ послѣднему, и прошепталъ ему что-то на ухо. Между-тѣмъ лекарь подошелъ къ больному, осмотрѣлъ его, и потомъ вышелъ въ сопровожденіи насъ и слуги въ смежную комнату, чтобы прописать лекарство.

— Захарій, сказалъ онъ слугѣ, я долженъ предвѣстить тебя: твой господинъ не переживетъ нынѣшняго вечера. И скажи, ради Бога, что тебѣ вздумалось вести больного человѣка подъ церковный сводъ въ такую раннюю пору?

— Ахъ, господинъ докторъ, въдѣ вамъ извѣстно его своенравіе! Не возможно было удержать его.

— Ну, скажи мнѣ, устроилось ли то дѣло, о которомъ мы недавно говорили.

— Къ сожалѣнію, нѣтъ! отвѣчалъ Захарій: но онъ очень сожалѣетъ о томъ завѣщаніи, которое написалъ прежде.

— Въ самомъ дѣлѣ жаль, сказалъ лекарь, теперь каждая минута дорога. Не знаешь ли ты, кто надъ нимъ имѣетъ власть или вліяніе? — Онъ сейчасъ приказалъ мнѣ сбѣгать за пасторомъ церкви. — Не надо лучше! воскликнулъ лекарь: бѣги, не терлай ни минуты, и приведи въ то же время нотаріуса и свидѣтелей.

Мы съ Рудольфомъ вызвались сходить за нотаріусомъ, пока слуга сбѣгаетъ къ пастору; однако жъ согласились, чтобы одинъ изъ насъ присмотрѣлъ за больнымъ, потому что лекарь не хотѣлъ оставлять его на рукахъ ключницы: кончилось тѣмъ, что Рудольфъ остался.

Я воротился прежде Захарія, и засталъ, что Рудольфъ и ключница ухаживаютъ около больного, только-что

пришедшаго въ себя послѣ втораго обморока: онъ принялъ лекарство, и казался немного спокойнѣе.

Между-тѣмъ Рудольфъ, отведши меня въ смежную комнату, разсказалъ мнѣ, что говорилъ ему старикъ Г. Л***, оставшись съ нимъ наединѣ. — Я никогда не видалъ ни васъ ни вашего товарища, и, несмотря на это, вы приняли во мнѣ, покинутомъ, несчастномъ старикѣ, живое участіе. Я можетъ-быть имѣю средства изъяснить вамъ свою признательность: скажите, какъ зовутъ вашего товарища и васъ самихъ. Я объявилъ ему мое имя, потомъ свое. Старикъ повторилъ, возвысивъ голосъ Рудольфъ! Рудольфъ П***? Не сынъ ли пастора П*** въ Ютландіи? — Когда я подтвердилъ его слова, онъ всплеснулъ руками и воскликнулъ: — О Господи, твои пути неисповѣдимы! — и снова палъ въ обморокъ. Я не постигаю, что это значить. Какая связь между нимъ и моимъ отцомъ?

Въ это время Захарій вошелъ съ пасторомъ, котораго присутствіе нѣсколько оживило умирающаго старика. Пока мы ожидали въ смежной комнатѣ нотариуса, Захарій сообщилъ намъ нѣкоторыя подробности о своемъ господинѣ.

— Баринъ чрезвычайно богатъ, и есть какая-то особа, которой однако я не знаю, имѣющая законное право на огромное наслѣдство послѣ его смерти. Можетъ-быть, вы слышали много дурнаго о моемъ старикѣ; но, зная его коротко въ теченіе тридцати лѣтъ, могу васъ увѣрить, что онъ болѣе заслуживаетъ сожалѣнія, нежели укоризны. Ни какой поденщикъ, снискивающій въ потъ лица хлѣбъ свой, не можетъ быть несчастнѣе этого богача среди его сокровищъ. Когда дѣло идетъ о спекуляціи, онъ не жалѣетъ тысячъ; не удалась спекуляція, онъ въ отчаяніи на день или на два, но потомъ опять забываетъ свою неудачу. Когда же дѣла его идутъ успѣшно, когда счастье возвращаетъ ему капиталы съ большими прибытками,

тогда онъ поистинѣ несчастливъ, тогда овладѣваетъ имъ тоска и страхъ потерять свои деньги. Днемъ занимаютъ его эти мысли, и ночью не даютъ ему спать: онъ бродитъ какъ призракъ по всему дому. Онъ часто завидовалъ нищему, который проводилъ ночи у нашихъ воротъ на улицѣ, и говаривалъ: «Онъ мене меня несчастливъ! онъ спокоенъ душою и можетъ спать по ночамъ!» Очень часто онъ будилъ меня и говорилъ: «Захарій! какъ ты счастливъ, что можешь спать такъ покойно,» и садясь на мою кровать, ломалъ руки, плакалъ и жаловался на судьбу, не зная, куда дѣваться съ своимъ золотомъ. Я сожалѣлъ объ немъ отъ всей души: стараясь его утѣшить, я ему говаривалъ, что эти сокровища, которыя такъ возмущаютъ его спокойствіе, можно бы употребить на доставленіе благополучія нуждающимся, на учрежденіе благотворительныхъ заведеній и тому подобное; но онъ на это всегда отвѣчалъ горькою улыбкою недовѣрчивости. Около полутора года тому, онъ занемогъ очень опасно; никто не ожидалъ его выздоровленія, но онъ оправился, и съ тѣхъ поръ характеръ его перемѣнился. Онъ извлекъ свои капиталы изъ торговли, и обезпечилъ ихъ самымъ вѣрнымъ образомъ, чтобы, по словамъ его, насладиться въ старости покоемъ. Но случилось напротивъ: онъ сталъ тогда помышлять, какимъ образомъ распределить богатство на случай смерти. Въ этой новой заботѣ онъ писалъ множество духовныхъ завѣщаній, и всѣ потомъ уничтожалъ. Наконецъ послѣднее, которое теперь существуетъ, самое нелѣпое и безразсудное изъ всѣхъ предшествовавшихъ: онъ ежедневно сожалѣетъ, что написалъ его, но не имѣетъ надъ собою столько власти, чтобы его уничтожить. Часто я совѣтовалъ ему перемѣнить это завѣщаніе; но онъ всегда колебался, и наконецъ сердился. Недавно овладѣло имъ отвращеніе къ жизни; послѣ заботъ о завѣщаніи проявилась новая за-

бота о мѣстѣ погребенія. Онъ осмотрѣлъ всѣ кладбища, но не нашелъ ни одного по себѣ. Слышавъ, что между прочими кладбищами есть еще одно подъ сводами Нѣмецкой церкви, онъ непременно хотѣлъ и его видѣть; всѣ мои просьбы были напрасны: всю вчерашнюю ночь онъ пробродилъ по комнатамъ отъ бессонницы, и утромъ, ослабѣвшій, изнеможенный, отправился туда со мною.

Лишь только Захарій успѣлъ намъ это высказать, какъ вошли къ намъ нотаріусъ съ пасторомъ. Нотаріусъ, подошедъ къ Рудольфу, спросилъ его: — Не вы ли Г. Родольфъ Н***? не въ 1802-ли году родились? Вы сынъ пастора В-скаго прихода въ Ютландіи? его единственный сынъ? — Рудольфъ на всѣ эти вопросы отвѣчалъ утвердительно.

Тутъ подошелъ къ нему лекаръ, взялъ его за руку и въ присутствіи всѣхъ насъ сказалъ: — Г. Л*** объявилъ мнѣ, что вы его сынъ: доказательства вашего рожденія предъявить онъ въ присутствіи этихъ свидѣтелей.

Изумленный Рудольфъ последовалъ за нимъ въ комнату больного, который посадилъ его подлѣ себя, приказавъ Захарію подать себѣ ключъ отъ желѣзнаго сундука, стоявшаго подъ кроватью, красный бумажникъ и духовное завѣщаніе. — Ключъ говорилъ онъ долженъ быть у меня подъ подушкою. Захарій поискалъ его тамъ, но ключа не было; обшарилъ всѣ карманы, и то напрасно.

Больной началъ тревожиться. — Куда дѣвался этотъ ключъ? Безъ него нельзя достать бумаги изъ сундука. Замокъ особеннаго устройства: какъ мы его отперемъ?

Безпокойство старика усилилось до того, что лекаръ началъ опасаться за жизнь его. — Успокойтесь, сказалъ онъ больному: успокойтесь, я сыщу ключъ.

Онъ попытался отпереть сундукъ ключемъ, кото-

рый носилъ съ собою, но сундукъ не отпирался, и попытки всѣхъ прочихъ, остались такъ же безуспѣшны. Рудольфъ, какъ будто пробудившись отъ сна, вынулъ свой новонайденный ключъ изъ кармана, вложилъ его въ замокъ, и сундукъ отворился. Захарій вынулъ что ему было приказано, и подалъ все больному. Л^{***}, взявъ бумаги потребовалъ, чтобы затворили сундукъ и подали ему ключъ: когда это исполнили, онъ вручилъ его Рудольфу вмѣстѣ съ бумажникомъ, а духовное завѣщаніе изорвалъ. Сдѣлавши это, онъ сказалъ Рудольфу: — Ты, сынъ мой, знаешь почеркъ пастора ^{***}: въ этомъ бумажникъ есть его письмо; вынь его и дай Г. пастору прочесть намъ вслухъ.

Пасторъ началъ: « По прошествіи столь многихъ лѣтъ, я чувствую всю несправедливость моего негодованія противъ васъ, и извиняюсь только тѣмъ, что я былъ молодъ и что вы причинили мнѣ нестерпимое оскорбленіе. Вы же въ свое извиненіе уже не могли ссылаться на молодые годы, когда обольстили неопытную дѣвушку и пустили ее съ бѣднымъ малюткою по міру. Это безпомощное созданіе была сестра моя, — сестра, которую я любилъ болѣе всего на свѣтѣ. Я принялъ къ себѣ несчастную Марію, и, для спасенія ея добраго имени, мы съ женою согласились признать ея ребенка своимъ. Когда жена моя умерла, Марія взяла съ собою мою осиротѣвшую дочь въ Альтону, а я оставилъ при себѣ ея сына. Каждый изъ насъ съ своей стороны приложилъ всевозможныя попеченія о воспитаніи этихъ дѣтей. Рудольфъ образовалъ свои способности въ такой мѣрѣ, что всякій отецъ за счастье почелъ бы признать его своимъ сыномъ. Умоляю васъ, покоритесь голосу природы, возвратите вашему сыну, сыну Маріи, принадлежащія ему права на ваши чувствованія. Сестра моя уже не существуетъ; ея доброе имя не постраждетъ отъ это-

го признанія; она въ послѣднемъ письмѣ своемъ ко мнѣ изъявила желаніе, чтобы сыну ея было позволено усладить послѣдніе дни его отца. Рудольфъ конечно имѣетъ право требовать отъ васъ нѣкотораго обезпеченія, хотя онъ обладаетъ такимъ достояніемъ, которое не подвержено тлѣнности сего міра, и которое всегда можетъ доставить ему насущный хлѣбъ, если вы и откажете ему въ вашемъ пособіи. Я только прошу васъ, чтобы вы признали его своимъ сыномъ: на это я имѣю причины, которыхъ не смѣю повѣрять бумагъ; черезъ нѣсколько недѣль я буду въ Копенгагенъ и лично объясню ихъ. Тогда я открою вамъ мое сердце: наша старая вражда да не снидетъ съ нами во гробъ; именемъ нашей несчастной Маріи мы обнимемъ какъ братья, и забудемъ минувшія заблужденія и горести.»

Когда чтеніе кончилось, Л*** протянулъ руку къ Рудольфу, который сталъ передъ нимъ на колѣни и поцѣловалъ ее въ сильномъ волненіи. Старикъ положилъ руку ему на голову и произнесъ:— Да благословитъ тебя Богъ и да наградитъ Онъ тебя лучшимъ счастьемъ, нежели отца твоего! Мое состояніе принадлежитъ тебѣ. Я паживалъ его съ трудомъ и скорбію, но безъ несправедливости. Располагай имъ съ благоразуміемъ.

Послѣ этого онъ началъ самымъ внятнымъ образомъ диктовать свое духовное завѣщаніе, признавая Рудольфа законнымъ сыномъ и единственнымъ наследникомъ, и подписалъ его. Потомъ поручилъ покровительству Рудольфа своего стараго слугу; спросилъ, гдѣ ключъ отъ сундука, требовалъ, чтобы ему еще разъ его показали, наконецъ смолкъ, забылся, и уснулъ навѣки. Рудольфъ поцѣловалъ еще руку, и вышелъ, чувствуя потребность въ свѣжемъ воздухѣ и въ успокоеніи.

Вышедши на улицу, мы какъ-будто пробудились

отъ сна. Долго мы не могли сказать другъ другу ничего болѣе, кромѣ нѣсколькихъ несвязныхъ словъ, выразившихъ удивленіе.

Во мнѣ, сказалъ наконецъ Рудольфъ, произвели особенное впечатлѣніе тѣ подробности, которыя сообщили намъ Захарій о душевныхъ страданіяхъ покойнаго. Я почти предчувствовалъ, что та же безпокойная кровь кипитъ въ моихъ жилахъ. Несчастный отецъ! несчастный сынъ! обоихъ преслѣдуетъ неутомимый демонъ тревоги!.... Но поспѣшить къ Аурѣ; я опасюсь, не слишкомъ ли поздно приду къ ней.

Въ молчаніи торопились мы къ извѣстному мѣсту. Когда мы подходили къ красной, стѣнѣ мною овладѣло непреодолимое любопытство обозрѣть это волшебное обиталище; и лишь-только Рудольфъ вложилъ ключъ въ замочное отверстіе, я сталъ противъ самой двери, чтобы взглянуть, когда она отворится, на освѣщенный корридоръ на Омара, можетъ-быть на Ауру. Однако въ ту самую минуту влетѣла ко мнѣ въ глаза мошка, и пока я старался ея вынуть, Рудольфъ уже вошелъ и дверь снова затворилась. Вооружившись терпѣніемъ, я сѣлъ на камень и ожидалъ, не успѣю ли удолетворить своему любопытству при выходѣ Рудольфа, который противъ моего ожиданія явился очень скоро. Онъ разсказалъ мнѣ, что, шедши во внутренніе покои, онъ былъ встрѣченъ Аурую въ корридорѣ; она приняла ключъ, поблагодарила его съ чувствомъ, сказала ему, что она скоро уѣзжаетъ отсюда навсегда, что она счастлива, и, пожелавъ ему всѣхъ благъ, протянула руку и удалилась.

— Ну, теперь, сказалъ Рудольфъ, я совершенно свободенъ и счастливъ! Сердцамало, чтобы вмѣстить все мое благополучіе. Такъ Павлина не сестра мнѣ! Пусть проститъ меня тѣнь отца моего за радость, которую чувствую, едва покинувши его смертный одръ; если бъ онъ видѣлъ мою благодарность, то конечно

не отказалъ бы мнѣ и въ прощеніи. Хотя онъ не признавалъ меня при жизни, но передъ смертію онъ вознаградилъ меня вполнѣ, отстранивъ угрызенія совѣсти, единственный источникъ всѣхъ моихъ несчастій и проступковъ, этими волшебными, отрадными словами — Павлина не сестра тебѣ!

Едва Рудольфъ успѣлъ это выговорить, какъ откуда ни взялась собака: она прыгала, ласкалась, выла, лаяла, и лизала платье отъ радости. Мы тотчасъ узнали Османа, пропавшаго въ тотъ вечеръ, когда былъ брошенъ ключъ.

Съ этимъ днемъ окопчилисъ наши чудныя приключенія, кромѣ одного послѣдняго. Когда Рудольфъ хотѣлъ отпереть сундукъ своего отца, чтобы вынуть оттуда бумаги, на которыя Захарій просилъ его обратить вниманіе, онъ вдругъ вспомнилъ, что ключъ отъ него былъ врученъ Ауръ; но, невольно опустивши руку въ карманъ, онъ вынулъ оттуда ключъ, который призналъ за тотъ самый, а Захарій увѣрялъ его, что это именно старый ключъ, который недавно потерялся.

Бракъ Рудольфа съ Павлиною наступилъ въ непродолжительномъ времени, и молодые супруги водворились въ имѣніи, которое Рудольфъ купилъ въ сосѣдствѣ того мѣста, гдѣ онъ провелъ свои ранніе дни. Я навѣстилъ ихъ въ минувшую осень, и очень былъ обрадованъ, нашедши, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ разлуки, моего друга, наслаждающагося всѣми семейственными радостями и разливающимъ вокругъ себя отраду и счастье. Тогда было время равноденствія, и онъ приготовилъ для крестьянъ своего имѣнія сельскій праздникъ; за пиршествомъ слѣдовала пляска на полянѣ противъ господскаго дома, иллюминированнаго и украшеннаго гирляндами, фестонами и триумфальными арками. Все радовалось и веселилось отъ души.

Проведя нѣсколько времени на этомъ праздникѣ, Рудольфъ вышелъ вмѣстѣ со мною прогуляться въ ночной тиши. Нашъ разговоръ естественнымъ образомъ обратился къ минувшему и къ тѣмъ чудеснымъ происшествіямъ, которыхъ мы были свидѣтелями. Мы опять разсматривали старые вопросы, и опять приходили къ тѣмъ же неудовлетворительнымъ рѣшеніямъ, относительно естественнаго истолкованія нашихъ Копенгагенскихъ приключеній. Каждый изъ насъ остался при своемъ мнѣніи. Между-тѣмъ мы взошли на небольшое возвышеніе, откуда освѣщенный господскій домъ и танцующія группы представились нашимъ взорамъ.

Здѣсь мы съли, и съ истиннымъ наслажденіемъ смотрѣли то вокругъ себя, то на небо: ночь была прекрасная; надъ нами растиался лазуревый сводъ усыянный звѣздами; внизу живописный ландшафтъ занималъ почти неизмѣримое протяженіе; тамъ лучный свѣтъ, скользя между древесныхъ листьевъ, серебрилъ окрестность и сливался со свѣтомъ иллюминаціи; здѣсь мелькали движущіяся фигуры гостей; звуки веселой музыки доходили до насъ въ той степени мелодіи, которая навѣваетъ на душу пріятную задумчивость; сердца наши были полны чистой радости Османъ, обыкновенно слѣдовавшій за хозяиномъ, положилъ голову на Рудольфовы колѣна и пристально смотрѣлъ ему въ глаза.

Рудольфъ приласкалъ собаку, и, продолжая прекрасный разговоръ, сказалъ: — Бѣдный Османъ! если бы ты могъ говорить, то, какъ дѣйствующее лице въ этой волшебной драмѣ, ты можешь-быть лучше всякаго другаго объяснить намъ, въ чемъ дѣло.

— Это правда, сказалъ я: не даромъ же говорится изстари, что въ подобныхъ вещахъ собака дальновиднѣе человѣка.

Taschenbuch der Liebe und Freundschaft.

*

ПОЪЗДКА ВЪ ЛУГОВЫЯ СТЕПИ.

=

ПОСЛѢДНЕЕ СОЧИНЕНІЕ ВАШИНГТОНА ИРВИНГА*.

=

Мы обѣщали познакомить нашихъ читателей съ новымъ произведеніемъ изящнаго пера Г. Ирвинга. «Поѣздка въ луговья степи» восхищаетъ нынче въ Лондонѣ всѣхъ любителей его прекраснаго таланта. Она усыяна пѣвными видами дѣвственной и сильной природы Новаго Свѣта, живыми разсказами о приключеніяхъ, искусными очерками характеровъ, оригинальными замѣчаніями, и въ особенности отличается тѣмъ блескомъ и той красотою слога, которыя составляютъ главную прелесть твореній этого писателя. И должно признаться, что дарованіе Г. Ирвинга всегда лучше сіяетъ посреди предметовъ родной его земли, — предметовъ новыхъ и живописныхъ, нежели когда онъ изображаетъ нашу старую Европу.

Въ октябрь 1832 года Г. Ирвингъ отправился изъ крѣпости Фортъ - Гибсонъ съ комиссаромъ, посланнымъ отъ правительства Соединенныхъ Штатовъ для водворенія осядлости между вольными Индѣйскими племенами. Вскорѣ присоединился онъ къ отряду вооруженныхъ объѣздчиковъ, предпринявшихъ отдаленный набѣгъ на западъ, и теперь, начиная разсказъ о своихъ походахъ, даритъ читателя прежде всего превосходными портретами своихъ спутниковъ, — Швейцарскаго графа, охотниковъ и маленькаго Анту-

* A tour on the Prairies. By the author of The Sketch-Book. New-York and London, 1835.

ана, или Тониша, хвастливаго, дерзкаго, непосѣднаго Французскаго креола, который исправлялъ при экспедиціи должность повара, хвастуна и шута. Остановимся на минуту въ агентствѣ Озажей, гдѣ путешественники встрѣтились съ толпою Индѣйцевъ и переводчикомъ изъ креоловъ, Петромъ Биттомъ, который играетъ впослѣдствіи важную ролью.

«Деревушка, въ которой находилось агенство, была вся на ногахъ; особенно дѣлались большія приготовленія на кузницѣ. Дюжій негръ подковывалъ лошадей; двое креоловъ выдѣлывали желѣзныя ложки для расплавки свинца на пули. Старый охотникъ, въ кожаномъ кафтанѣ и панталонахъ, поставивъ ружье къ прилавку, надзиралъ за ихъ работою и толковалъ о своихъ лѣсныхъ подвигахъ; нѣсколько огромныхъ собакъ бѣгали то изъ избы, то въ избу, или спали на солнцѣ, а маленькой ублюдокъ, склонивъ голову на сторону и поднявъ одно ухо вверхъ, смотрѣлъ съ любопытствомъ, свойственнымъ мелкимъ породамъ, какъ подковываютъ лошадей, — будто самъ хотѣлъ научиться этой хитрости или ожидать, чтобъ его тоже подковали.»

А вотъ и Петръ Биттъ, о которомъ сейчасъ было упомянуто.

«Признаюсь, онъ мнѣ не слишкомъ понравился, когда я увидѣлъ его въ первый разъ. Онъ расхаживалъ въ старомъ охотничьемъ кафтанѣ и въ лосинныхъ панталонахъ, запачканныхъ, засаженныхъ и вытертыхъ почти до глянца. Онъ былъ повидимому лѣтъ тридцати шести, широкоплечъ и крѣпкаго сложенія. Черты его были не дурны, и имѣли нѣкоторое сходство съ Наполеоновыми; но вообще лице его было угловатѣе, и особенно выдавались Индѣйскія скулы. Быть-можетъ, зеленовато-смуглый цвѣтъ его придавалъ ему еще болѣе сходства съ старымъ бронзовымъ бюстомъ императора, который мнѣ случалось прежде видѣть. Однако жъ у него было какое-то мрачное, могильное выраженіе, усиливаемое большою, распущенною шляпою и мелкими кудрями, вившимися около ушей.»

Едва переступили они за границу, какъ встрѣтили другое замѣчательное явленіе.

«На краю дикой пустыни мы остановились, чтобъ спросить о дорогѣ въ деревянномъ домикѣ, занимаемомъ бѣлымъ поселенцемъ, — высокимъ, костистымъ и пожилымъ человѣкомъ, съ рыжими волосами, съ худощавымъ, длиннымъ лицомъ и съ закоренѣлою привычкою подмигивать однимъ глазомъ, какъ-будто каждое его слово имѣло особенное значеніе, на которое онъ безпрестанно намѣкалъ. Онъ былъ вѣкъ себя отъ бѣшенства. У него пропала лошадь, и онъ клялся, что она украдена въ эту самую ночь бродячею шайкою Озажей, стоящихъ таборомъ въ сосѣдней долинѣ. Но онъ съ ними справится! Онъ дастъ себя знать краснымъ мерзавцамъ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ схватилъ со стѣны ружье, этого безсмысленнаго защитника правды и неправды на здѣшней границѣ, и, осѣлавъ коня, приготовился сдѣлать навздѣкъ на долину, а другой поселенецъ, также съ ружьемъ въ рукѣ, взялся ему сопутствовать.»

Они ѣхали нѣсколько миль съ этимъ оригиналомъ, и вотъ чѣмъ кончилось его приключеніе.

«Остановившись поговорить съ нимъ на отлогости холма, мы увидѣли, что Озажъ выѣзжаетъ на лошади изъ опушки лѣса и держитъ другую лошадь въ поводу. Подмигивающій другъ нашъ тотчасъ узналъ въ ней свою пропажу. Когда Озажъ подъѣхалъ ближе, я былъ пораженъ его наружностью. Онъ былъ лѣтъ девятнадцати или двадцати, не болѣе, но славнаго роста и съ прекраснымъ Римскимъ лицомъ, отличающимъ все это племя; онъ ѣхалъ въ одномъ передникѣ, и нагая грудь его могла бы служить образцемъ для ваятеля. Подъ нимъ былъ статный пѣгій конь дикой породы, съ широкимъ ошейникомъ, на которомъ спереди висѣла кисть изъ гривы, окрашенная въ яркій красный цвѣтъ.»

«Юноша подъѣхалъ къ намъ съ чистосердечнымъ видомъ и объявилъ черезъ переводчика Битта, что лошадь, которую онъ ведетъ, забѣжала къ нимъ въ таборъ, и что онъ вѣдетъ теперъ возвратитъ ее хозяину. Я ожидалъ, что нашъ

горемычный вершникъ изъяснить ему признательность, но къ удивленію моему старикъ взбѣсился пуще прежняго. Онъ кричалъ, что Индѣйцы украли лошадь ночью съ тѣмъ, чтобы привести ее утромъ и требовать награды за находку, по всегдашнему ихъ обыкновенію, и, полагалъ, что должно привязать молодого Индѣйца къ дереву и дать ему за это хорошую порку: его чрезвычайно удивило общее наше негодованіе противъ этого новаго способа благодарить за услугу. Но такая расправа слишкомъ часто бываетъ здѣсь на границѣ, и даже технически называется «Линчевой расправой», Lynch's law: тутъ самъ челобитчикъ можетъ быть и свидѣтелемъ, и присяжнымъ, и судьей, и палачемъ, а отвѣтчика обвиняютъ и наказываютъ по одному подозрѣнію. Я увѣренъ, что это причиною многихъ озлобленій, которыя воспламеняютъ Индѣйцевъ къ мести, и ведутъ къ непрерывнымъ войнамъ.»

Молодому графу хотѣлось кажется приключеній опаснѣе тѣхъ, какихъ можно было ожидать такому многочисленному обществу: поэтому онъ пригласилъ къ себѣ въ проводники молодого Озажа и отдѣлся отъ своихъ товарищей; но онъ встрѣтилъ столько безславныхъ и нестерпимыхъ препятствій на дорогѣ, что воротился черезъ день, совершенно потерявъ охоту къ уединеннымъ предпріятіямъ въ такомъ непроходимомъ краѣ, какъ здѣшній.

Вотъ что говоритъ Г. Ирвингъ о характерѣ Индѣйцевъ.

«Индѣйцы, которыхъ случалось мнѣ видѣть въ дѣйствительной жизни, отнюдь не похожи на тѣхъ, которыхъ изображаетъ намъ поэзія. Они совсѣмъ не такіе стойки, какими ихъ описываютъ, и совсѣмъ не такъ молчаливы, не такъ непреклонны и не такъ неспособны къ слезамъ и къ смѣху. Правда, они молчаливы съ бѣлыми, которымъ они не доверяютъ и которыхъ языкъ имъ непонятенъ: да въ такихъ обстоятельствахъ не говоривъ и бѣлый. Но между собою Индѣйцы такіе болтуны, какъ не дѣзья больше. Половину своего времени проводятъ они въ толкахъ о приключеніяхъ на

войнѣ и на охотѣ и въ разсказываніи фантастическихъ новѣстей. Они большіе мимикки и буффы, и особенно любятъ позабавиться насчетъ бѣлыхъ, съ которыми имѣютъ дѣло, и которые полагаютъ, что сдѣлали на нихъ глубокое впечатлѣніе своимъ величіемъ и важностью. Они также острые наблюдатели, и замѣчаютъ все молча, но проникательно и неусыпно, мѣняясь иногда взглядомъ или звукомъ, если что поразитъ ихъ особенно, и удерживаясь отъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій до тѣхъ моръ, пока останутся шедни. Тутъ-то даютъ они полную свободу своей критикѣ, сатиры, мимикѣ и веселью.»

Однимъ изъ первыхъ предпріятій путешествующаго общества была экспедиція противъ пчель.

«Лишь только водворились мы въ станъ, какъ часть нашихъ отправилась искать бортей: любопытствуя видѣть этого рода охоту, я съ удовольствіемъ принялъ ихъ предложеніе взять меня съ собою. Партіею предводительствовалъ старій пчелоловъ, рослый и худощавый, въ платьѣ изъ домашней ткани, которое моталось у него около членовъ, и въ соломенной шляпѣ, довольно похожей на улей; по-пятамъ шелъ за нимъ товарищъ въ такомъ же неуклюжемъ нарядѣ и съ длиннымъ ружьемъ на плечѣ. Потомъ слѣдовали еще шестеро, кто съ топорами, кто съ ружьями, потому что никто не уходилъ далеко отъ табора безъ огнестрѣльнаго оружія, чтобъ быть всегда наготовѣ и противъ дикаго оленя и противъ Индѣйца.

«Черезъ нѣсколько времени пришли мы къ открытой полянѣ на опушкѣ лѣса. Здѣсь остановился нашъ предводитель, и преспокойно подошелъ къ кусту, на которомъ я замѣтилъ часть медоваго сота. То была притрава для дикихъ пчель. Многія жужжали около сота и спускались въ ячен. Набравъ меду, онѣ поднимались на воздухъ и летѣли по прямой линіи съ быстротою пули. Охотники внимательно наблюдали, куда онѣ направятъ путь, и пошли въ ту же сторону, глядя въ верхъ и спотыкаясь объ старыя корни и валежникъ. Такимъ образомъ пчелы довели ихъ до самаго улья, бывшаго въ дубовомъ душлѣ; тутъ онѣ опять пожу-

жали съ минуту и влетѣли въ отверстіе, находившееся футовъ на шесть десятинъ отъ корня.

«Двое пчелолововъ взялись за топоры, и начали подрывать дерево вровень съ землею. Между-тѣмъ зрители и дилеттанты удалились на приличное разстояніе, чтобы избѣгнуть падающаго дупла и мстительности его обитателей. Звонкіе удары топора повидимому ни сколько не тревожили промышленнаго общества. Члены его продолжали свои обычные занятія: иные прилетали съ полнымъ грузомъ, другіе отправлялись опять на промыселъ; точно купцы въ богатой столицѣ, отнюдь не подозрѣвающіе угрожающаго имъ подрыва и банкротства. Даже сильный скрипъ, возвѣстившій надломъ дерева, не отвлекъ ихъ вниманія отъ дѣловыхъ заботъ: дупло повалилось наконецъ съ страшнымъ трескомъ, разсѣвшись снизу до верху и обнаруживъ всю сокровища, накопленные трудолюбивымъ государствомъ.

«Одинъ изъ охотниковъ тотчасъ подбѣжалъ съ зажженнымъ мукомъ сѣна, чтобы защититься отъ пчелъ; но онѣ не сдѣлали ни какого нападенія и не думали о мести: казалось, что это страшное событіе ихъ совершенно изумило; онѣ не подозрѣвали его причины, и съ жужжаніемъ ползали по развалинамъ, не дѣлая намъ ни какого вреда. Тутъ все наши принялись выгребать ложками и охотничьими ножами соты, которыми было наполнено дупло. Нѣкоторые были уже стары и темнаго цвѣта, но другіе были какъ снѣгъ, и медъ въ нихъ былъ почти прозраченъ. Тѣ, которые остались цѣлы, сложены были въ котлы и отвезены въ таборъ, а изломанные паденіемъ были съѣдены на мѣстѣ. Каждый добрый пчелоловъ держалъ въ рукѣ богатую добычу, которая текла у него по пальцамъ и исчезала такъ же быстро, какъ бисквитка передъ праздничнымъ анегитомъ школьника.....

«Окрестность изобиловала дичью, и станъ нашъ былъ заваленъ припасами, и какъ мы срубили еще не меньше двадцати бортей, то намъ было чѣмъ полакомиться. При непомерной расточительности охотниковъ, пирушка вовсе не прерывалась, и едвали кто изъ нихъ откладывалъ запасъ на завтра. Стряпня была также въ охотничьемъ вкусѣ. Мясо выкалывали на деревенные вертелы, утвержденные пирамидаль

по въ землѣ и поддерживавшіе его надъ самымъ огнемъ: такимъ образомъ оно сохраняло всю свою сочность и пришлось бы по вкусу даже самому опытному гастроному. Этого нельзя сказать о хлѣбѣ, который былъ не что иное, какъ тѣсто изъ муки съ водою, обжаренное въ салѣ. Нѣкоторые употребляли еще простѣйшій способъ, — накатывали тѣсто на палки и такъ пекли его надъ огнемъ. Однако жъ , и жареный и печеный хлѣбы находилъ я тогда очень вкусными. Надо имѣть апетитъ охотника, чтобъ знать истинную цѣну пищи....

«Когда сумерки начали сгущаться въ темноту, мы выставили часовыхъ вокругъ стана, — предосторожность, необходимая въ такомъ краѣ, гдѣ бродитъ много вольныхъ Индѣйцевъ. Ночлегъ нашъ представлялъ теперь живописную картину. Огни съ трескомъ пылали тамъ-и-сямъ между деревьями, а вокругъ нихъ расположились охотники: одни сидѣли, другіе лежали наземь; тамъ обливало ихъ румяное зарево, здѣсь мелькали они въ сумракѣ ночи.

«У одного изъ огней царствовало шумное веселье, какъ вдругъ раздались у другаго звуки гнусливой мелодіи, къ которымъ хоръ пѣвцевъ присоединялъ голоса свои въ самомъ печальномъ псалмопѣніи. Имъ управлялъ одинъ высокій и тощій поручикъ, который, какъ намъ сказывали, исправляетъ въ одной пограничной деревнѣ должности школяра, учителя пѣніи и иногда методистскаго проповѣдника. Пѣніе несло печально и торжественно въ ночномъ воздухѣ и напомнило мнѣ описаніе подобныхъ сценъ въ станѣ Ковенантеровъ. Въ одинъ изъ промежутковъ этой удручающей музыки дилеттантка-сова принялась гукать въ запуски съ пѣвцами, и тотчасъ раздалось по всему стану — Это сова Чарли! сова Чарли!.... Кажется, что мрачная птица навѣщала насъ каждую ночь: одинъ изъ часовыхъ, именемъ Чарли, вздумалъ въ нее выстрѣлить, и, когда его спросили, зачѣмъ онъ стрѣляетъ стоя на часахъ, онъ отвѣчалъ себѣ въ извиненіе, что ему сказывали, будто изъ совъ приготавливаютъ чрезвычайно вкусную похлебку. Одинъ изъ объѣзчиковъ въ шутку сталъ кричать по-совиному, и эмблема мудрости съ несвойственною ей простотою прилетѣла на его крикъ и свѣла на голомъ суку, освѣщенномъ нашими огнями. Моло-

дой графъ тотчасъ схватилъ ружье, прицѣлился, и въ мгновеніе ока бѣдная зловѣщая птица свалилась трепещась на землю. Позвали Чарли, чтобъ онъ сварилъ себѣ свинную похлебку, но онъ отрекся, потому что не самъ убилъ птицу.»

Однако жъ и эта веселая, привольная жизнь на чистомъ воздухѣ несовсѣмъ безъ непріятностей; бури, лѣсные пожары, недостатокъ дичи, потеря лошадей, нашествія дикихъ звѣрей или Индѣйцевъ иногда порядкомъ тревожатъ странника. Кому знакомы Куперовы повѣсти, тотъ вѣрно не забылъ, какъ искусно пользуется онъ въ нихъ опасностями дикой пустыни. Слѣдующій разсказъ конечно можетъ стать наряду съ лучшими его картинами.

«— Страшно должно быть заблудиться въ незнакомой и глухой сторонѣ, сказалъ одинъ изъ молодыхъ объѣзчиковъ.

—Если случится самъ-другъ или самъ-третей, такъ ничего, отвѣчалъ другой постарше. По-крайней-мѣрѣ мнѣ было бы такъ же весело въ этой трущобѣ, какъ и дома, если бъ со мной былъ хоть одинъ товарищъ для смѣны на караулъ и поддержки огня. Я пролежалъ бы здѣсь цѣлый вѣкъ, глядя на эту ясную звѣздочку, которая смотритъ къ намъ въ таборъ, будто стережетъ его.

—Да! и звѣзда хорошій товарищъ человѣку, когда стоишь на часахъ одинъ-одинехонекъ. Звѣзда же эта веселая,—какъ бишь ее, Венера, что ли?

—Если это планета Венера, сказалъ одинъ изъ мужей со вѣта, и кажется, тотъ же псаломшвецъ: такъ она добра не знаменуетъ, потому что я, помню, читалъ въ какой-то книгѣ, что звѣзды этой молятся Индѣйцы Пони и приносятъ ей въ жертву плѣнныхъ. Такъ по мнѣ, право, хоть бы не видать ея въ здѣшнемъ захолюстьѣ.

—Добро! сказалъ сержантъ, который въ лѣсу и родился, и выросъ: звѣзда ли, нѣтъ ли, а я провѣлъ много ночей одинъ, да еще не въ такой глуши какъ эта, и спалъ крѣпко: право не лгу! Однако жъ разъ и мнѣ пришлось больно жутко. Я запоздалъ, проѣзжая лѣсомъ около рѣки Томбигба; высккъ огню, зажегъ костеръ, лошадь пустилъ на волю, а

самъ растянулся спать. Вотъ и слышу, завывли волки; конь такъ и жметса ко мнѣ отъ страха. Я отогнала его прочь, но онъ опять воротился и подходилъ все ближе и ближе; потомъ сталъ, поглядывая то на меня, то на огонь, дремалъ и безпрестанно переставлялъ переднія ноги, потому что усталость его одолевала. Немного спустя раздался чудный и страшный крикъ. Сперва я думалъ, что это сова, но услышалъ опять и распозналъ, что не сова, а долженъ быть барсъ. Барсовъ-то мы видали, слава Богу, на своемъ въку! Мнѣ стало не по себѣ, потому что со мной всего на все былъ двойной перочинный ножикъ. Однако жъ я приготовился къ защитѣ, какъ смогъ, и нагребъ изъ огня голешекъ, чтобы отпаливаться ими, если зверь подойдетъ близко. Тутъ лошадь показала мнѣ дорогимъ товарищемъ: бѣдняжка, легла подлѣ меня и скоро заснула. Я караулил, дремалъ, кивалъ головою, и опять просыпался и оглядывалъ, не уставляетъ ли на меня барсъ своихъ буркалъ; но, какъ бы то ни было, усталость взяла свое, и я уснулъ какъ убитый. Утромъ нашелъ я слѣдъ барса шагахъ въ шестидесяти; каждая ступня, что мои два кулака. Видно было, что онъ похаживалъ взадъ и впередъ и раздумывалъ, какъ за меня приняться: да слава Богу, знать, не хватило отваги!

Въ противоположность этому разсказу поставимъ картину утреннихъ сборовъ.

«Я сидѣлъ на утесѣ, который повисъ надъ ручьемъ, бѣжавшимъ въ верхней части долины, и любовался картиною перемѣнъ, которыя происходили у меня передъ глазами. Во-первыхъ приготовленія къ отъѣзду: лошадей загоняютъ въ станъ, охотники скачутъ по утесамъ и по кустарникамъ, отыскивая другихъ, которыя далеко забѣжали; съ шумомъ убираютъ весь скарбъ; кто кричитъ, чтобъ отдали ему котелокъ и сковороду, взятые другою артелью, кто громко понукаетъ лѣнливыхъ лошадей или ругаетъ тѣхъ упрямецъ, которыя съ сѣдломъ и кладью на спинѣ опять ушли щипать траву, — и среди всѣхъ этихъ кликовъ явственно раздается звонкій голосъ нашего Французика Антуана.

«По звуку рога, всѣ садятся на лошадей, и пускаются въ

дорогу. Всадники тянутся неровной цѣпью внизъ по ложбинѣ и по лѣсу, гдѣ исчезаютъ между деревьями, хотя голоса и рожки ихъ слышатся еще и послѣ. Аррьергардъ нашъ расположился подъ деревьями въ нижней части долины: кто былъ на конѣ и подъ ружьемъ, кто съѣлъ у огня или легъ наземь; разговаривали тихо и какъ-будто нехотя; разстланные лошади стояли и дремали близъ сѣдоковъ; между-тѣмъ одинъ изъ нихъ, пользуясь свободнымъ временемъ, брился передъ карманнымъ зеркальцемъ, прикѣпленнымъ къ дереву.

«И голоса и звуки роговъ наконецъ замерли; въ долину воцарилось безмолвіе, случайно прерываемое тихимъ говоромъ группы, расположившейся передъ огнемъ, — печальнымъ свистомъ охотника, одиноко бродящаго между деревьями, — шелестомъ пожелтѣвшихъ листьевъ, которые отъ малѣйшаго вѣтерка тучами легли наземь.....

Эта картина дышитъ какою-то отрадною свѣжестью сердца и истиннымъ наслажденіемъ: дѣйствительно, нельзя не согласиться съ слѣдующими словами автора :

«Я едва могу себя представить родъ жизни, болѣе способный къ оздоровленію души и тѣла. Утромъ, верховая ѣзда, продолжающаяся нѣсколько часовъ, и два, три охотничьихъ приключенія для перемѣны; послѣ обѣда, отдыхъ въ тѣнистой рощѣ на берегу свѣтлой рѣки; вечеромъ, ужинъ изъ свѣжей дичи и дикій медъ тотчасъ съ дерева,—все это приправленное аппетитомъ, о которомъ столичные бѣлки не имѣютъ понятія; а ночью такой сладкой сонъ на свѣжемъ воздухѣ! Не то—картина мѣсяца и ясныхъ звѣздъ, которыя просвѣчиваютъ сквозь вѣтви!»

Еще много можно было бы сдѣлать выписокъ въ этомъ родѣ, но мы спѣшимъ къ интересному поиску за лосями.

«Послѣ завтрака, капитанъ съѣлъ на лошадь и поѣхалъ отыскивать лося, котораго онъ ранилъ наканунѣ вечеромъ и, какъ онъ полагалъ, смертельно. Я рѣшился ему сочувствовать, и мы отправились вчетверомъ съ его братомъ,

сержантомъ и еще однимъ поручикомъ. Два охотника шли за нами пѣшкомъ, чтобы отнестъ домой трупъ лани, убитой тоже наканунѣ. Мы скоро къ ней подъѣхали: она лежала на скатѣ холма, среди прекраснаго лѣснаго вида. Двое охотниковъ тотчасъ принялись разсѣкать ее и готовить къ отправкѣ въ лагерь съ истиннымъ искусствомъ, а мы пустились опять своей дорогою. Мы ѣхали отлогими холмами, опушками чащей и рѣдкимъ лѣсомъ, пока достигли одного мѣста, въ которомъ по высокой, помятой травѣ можно было признать ночлегъ множества ланей. Отсюда капитанъ и прежде поднялъ все ихъ стадо; осмотрѣвшись пристально, онъ указалъ намъ слѣды ихъ ногъ, не уступавшіе величиною копытамъ рогатаго скота. Онъ повѣхалъ по этимъ слѣдамъ, а мы тянулись за нимъ гусемъ. Наконецъ онъ остановился въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ лось, когда онъ по немъ выстрѣмилъ: кровяныя пятна на травѣ доказывали, что капитанъ не далъ промаха. Видно было, что раненый звѣрь шелъ нѣсколько времени вмѣстѣ съ стадомъ, по брызгамъ крови на кустахъ и листьяхъ около слѣда. Далѣе эти брызги вдругъ исчезли. «Здѣсь гдѣ-нибудь, сказалъ капитанъ, лось отсталъ отъ своихъ товарищей. Когда они чувствуютъ себя смертельно ранеными, всегда сворачиваютъ съ дороги, чтобы умереть гдѣ-нибудь въ сторонѣ.... Лось долженъ быть здѣсь близко: это вы можете видѣть по тому, что мышеловы такъ и вьются въ воздухъ; они всегда летаютъ такъ надъ трупами. Но мертвый лось отъ насъ не уйдетъ, а мы поищемъ-ка живыхъ: можетъ-быть, они остановились гдѣ-нибудь не далеко щипать траву; мы ихъ опять пощелкаемъ.»

«Мы воротились, и снова повѣхали по слѣдамъ лосей, которые вели насъ вкривь и вкось холмами и долинами, изрѣдка поросшими дубомъ. Часто мелькалъ у насъ передъ глазами олень, летящій стрѣлой черезъ пролѣсокъ, но такая легкая добыча не могла отвлечь капитана отъ преслѣдованія лосей. Огромное стадо дикихъ индѣекъ поднялось, испуганное топотомъ нашихъ коней: однѣ улетѣвали отъ насъ такъ скоро, какъ только могли нести ихъ длинныя ноги; другія прятались въ деревья и глядели на насъ оттуда съ вытянутыми шеями. Капитанъ не позволилъ намъ ни

разу по нихъ выстрѣлить, чтобъ не испугать лосей, которыхъ онъ надѣялся скоро увидѣть. Напоследокъ мы очутились тамъ, гдѣ лѣсъ оканчивается крутымъ берегомъ и рѣка Редь-Форкъ извиается въ песчаной ложбинѣ. Слѣдъ спускался съ берега, и можно было видѣть, какъ онъ терялся въ рѣкѣ, которую лоси по всей вѣроятности перешли въ бродъ наканунѣ вечеромъ.

«Дальше искать нечего, сказалъ тутъ капитанъ: видно, лоси очень перепугались, и въ такомъ случаѣ они могли уйти миль двадцать за рѣку безъ малѣйшей остановки.»

«Партія наша теперь раздѣлилась: поручикъ съ сержантомъ пустились въ объездъ за дичью, а мы съ капитаномъ отправились прямо въ лагерь. Дорогой напали мы на старый слѣдъ буйсловъ. Онъ былъ не шире обыкновенной тропинки, но пробить глубоко, потому что эти животныя ходятъ обыкновенно другъ за другомъ въ одинъ рядъ. Вскорѣ повстрѣчали мы двухъ нашихъ людей, которые охотились пшше. Они ранили одного лося, но онъ убѣжалъ, и, преслѣдуя его, они нашли застрѣленного наканунѣ капитаномъ. Они воротились, и провели насъ къ тому мѣсту. Лось былъ прекрасный, величиною съ годовалаго теленка, и лежалъ на полянѣ, мила за полторы отъ того мѣста, гдѣ получилъ рану. Мышеловы, которыхъ мы прежде замѣтили, вились надъ нимъ и теперь. Замѣчаніе капитана оправдалось. Бѣдный звѣрь, чувствуя конецъ жизни, оставилъ своихъ невредимыхъ товарищей и отошелъ къ сторонѣ, чтобы умереть въ уединеніи.»

Отыскавъ молодаго графа, который заблудился на охотѣ и не возвращался къ нимъ всю ночь, путешественники наѣхали вдругъ на цѣлое общество степныхъ собаченокъ.

«Здѣшнія собаки и видомъ и величиною похожи на кроликовъ,—живы, рѣзвы, чутки, суетливы и запальчивы. Онѣ очень общительны и живутъ обыкновенно большими селеніями на пространныхъ нѣсколькихъ десятинъ, гдѣ хорошо пробитыя дорожки свидѣтельствуютъ о неутомимой бѣготнѣ обитателей. Право, кажется, что они безпрестанно заняты играми, домашними заботами и общественными дѣ-

лами; то швыряють другъ къ другу въ норки какъ-будто съ визитами, то собираются на открытомъ воздухѣ и рѣзвятся въ прохладные вечера послѣ дождей. Иногда проводятъ онѣ половину ночи въ забавахъ, лая и визжа потихоньку, какъ самыя маленькія дѣти; но при малѣйшей тревогѣ, всѣ скрываются въ свои кельи, и собачье селеніе оспагается безмолвно и пусто. Если застануть ихъ въ расплохъ, такъ, что имъ некуда спрятаться, онѣ принимаютъ сердитый видъ, презрѣнно выражающій безсильное негодованіе и задорливость.

«Все, что рассказывали мнѣ объ этихъ животныхъ, заставило меня приближаться къ ихъ селенію съ большимъ любопытствомъ. Къ несчастію, въ этотъ день посѣщали его стрѣлки, и даже убили двухъ или трехъ обывателей. По этому случаю все общество было въ сильномъ негодованіи; кругомъ стояли, кажется, часовые, которые при появленіи нашего тотчасъ бросились бить тревогу, и осторожные граждане, сидѣвшіе каждый у своей норы, таякнули и ушли въ землю такъ проворно, что одиѣ заднія лапки мелькнули у насъ передъ глазами.

«Мы пробѣжали черезъ всю ихъ деревню, занимавшую десятинъ двѣнадцать во всѣ стороны, и не видали ни одного обитателя. Здѣсь было безчисленное множество норъ, съ маленькими осыпями, образовавшимися изъ земли, которую собачки вырывали: они были пусты, по-крайней-мѣрѣ на то пространство, какое можно было ощупать шомполомъ; мы не нашли ни собакъ, ни совъ, ни гремучихъ змѣй. Отосѣдъ потихоньку на небольшое разстояніе, мы легли наземь и караулили нѣсколько времени безмолвно и неподвижно. Мало-по-малу осторожные старшины общества начали кое-гдѣ высовывать свои рыльца, но прятали ихъ тотчасъ опять. Другіе, подалѣе, выходили и совсѣмъ наружу, но, посмотрѣвъ въ нашу сторону, бросались кувыркомъ въ свои норы. Наконецъ обитатели противоположной стороны селенія, обремененные продолжительной тишиною, рѣшились выйти и перебѣжать въ другую отдаленную норку, какъ-будто для того, чтобъ навѣстить какую-нибудь родственницу или короткую знакомку и потолковать съ ней насчетъ послѣднихъ происшествій. Другіе, которые были еще смѣлѣе,

сходились кучками на улицахъ и площадяхъ и, кажется, разсуждали объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ государству ново-пришельцами, и о несчастной смерти, постигшей согражданъ. Мы встали, и начали подкрадываться, чтобы лучше рассмотреть ихъ, какъ вдругъ взвизгнувъ одинъ, другой, третій, и потомъ всѣ разбѣжались. Мы опять увидѣли одну мелькающую лапку, которая мигомъ исчезла подъ землю.

«Темнота вечера заставила насъ прекратить свои наблюденія, но даже поздно ночью, когда мы воротились въ таборъ, еще слышенъ былъ визгъ изъ отдаленнаго ихъ селенія, какъ-будто бѣ жители его оплакивали всѣмъ міромъ потерю какой-нибудь знатной особы въ ихъ обществѣ.»

Мы сообщимъ еще, въ «Смѣси» слѣдующихъ книжекъ, нѣсколько примѣчательнѣйшихъ отрывковъ этого прелестнаго сочиненія. Теперь книга знаменитаго Американскаго прозаика послужитъ намъ предлогомъ къ обзорѣнню поэтической литературы его отечества, о которой мы досель ничего не говорили. По части прозы, какъ мы уже сказали въ прошломъ мѣсяцѣ, Г. Ирвингъ можетъ одинъ быть признанъ оригинальнымъ писателемъ того края: предшественники его не многочисленны, соперники безсильны. Но стихотворная поэзія составляетъ, кажется, любимую отрасль литературныхъ занятій Американцевъ. Она, конечно не блестяща, но характеръ ея достоинъ примѣчанія и служить хорошимъ поясненіемъ свойствъ Американской прозы, которая, какъ то видно даже изъ приведенныхъ отрывковъ, вовсе не похожа на нынѣшнюю Европейскую.

Въ главѣ тамошнихъ поэтовъ надобно поставить Дану, Персивала и Браента (Bryant). У Даны особенно много вкуса, изящности, и большое искусство освѣщать предметъ сравненіями пріятными или меланхолическими. Дана человекъ лѣтъ сорока: онъ былъ некогда адвокатомъ, а потомъ журналистомъ.

Оба эти ремесла наскучили ему, но не охладили его воображенія. Нынѣ онъ живетъ въ Италіи, любимой землѣ поэтовъ, гдѣ онъ освѣжаетъ мысль свою въ источникъ классической древности.

Въ Америкѣ мало у кого есть дѣдъ; вообще Американецъ знаетъ только отца своего: генеалогія ихъ выходитъ, какъ вы видите, не длинна. Персиваль вель жизнь бѣдную и скучную; его хотѣли сдѣлать врачомъ, но поэтической инстинктъ увлекъ его: онъ весь предался Музѣ, которая при нынѣшнемъ состояніи Американскаго общества, плохо награждаетъ своихъ любимцевъ и доставляетъ имъ существованіе не блестящее. Бывъ военнымъ хирургомъ и профессоромъ химіи и наскучивъ этими занятіями, Персиваль посвятилъ все свое время корректурѣ большаго Вебстерава Словаря: этимъ онъ едва могъ кормиться. Персиваль скромнень и бѣденъ, но онъ отличается посреди Американскихъ писателей поэтическимъ даромъ самымъ неприпущеннымъ и пламеннымъ. Онъ мало поправляетъ свои сочиненія; талантъ его походить на импровизацію, и это для него большое несчастіе. Неправильности и длинноты портятъ почти всѣ стихотворенія Персиваля; но въ нихъ есть что-то пылкое и краснорѣчивое. Дарованіе естественное и сильное, — и если бы обстоятельства благоприятствовали поэту, если бы все окружающее не охлаждало его мысли, оно возвысилось бы до самыхъ выпреннихъ вдохновеній.

Вслѣдъ за Персивалемъ мы должны упомянуть о Физъ-Гренъ-Галленъ. Это банкиръ, родившійся въ Коннектикетъ. Онъ нажилъ себѣ состояніе, и несмотря на свое промышленное постоянство и коммерческую проницательность, соединенныя съ строгими привычками бережливости, обыкновенными въ его

провинціи, издалъ довольно много стихотвореній, и между прочими «Фони», комическій романъ въ стихахъ, нѣсколько сатиръ и «Замокъ Ольвинкскій». Въ его произведеніяхъ замѣтны даръ юмористическій, тонкая насмѣшливость, которыхъ основаніе — здравый смыслъ, но которыя часто украшаются цвѣтами поэзіи. Докторъ Дракъ (Родмень) заслуживаетъ почетное упоминаніе въ этомъ спискѣ. Въ отрывкахъ, заимствованныхъ многими журналами изъ его рукописной поэмы «Преступная волшебница» много прелести и легкости. Это достоинство весьма замѣчательно посреди положительныхъ выгодъ, совершенно владѣющихъ Сѣверною Америкою.

У всѣхъ этихъ поэтовъ и даже у Персиваля, страсть является не столь живою и сильною какъ у великихъ Европейскихъ поэтовъ. Самъ Дана, первый Американскій поэтъ, скорѣе человекъ съ воображеніемъ задумчивымъ, съ расположеніемъ къ созерцательной философіи, чѣмъ съ душою страстною. Главная поэма его называется «Морской разбойникъ»; его описанія сценъ убійства, грабежа, разбоя не удовлетворяютъ читателя, избалованнаго Г. Евгешемъ Сю. Дана человекъ ученый, любящій уединеніе, скромный и тихій: какъ же онъ можетъ сродняться съ кровавыми бурями, которыя хочетъ изображать? Талантъ его несравненно болѣе естественъ, когда онъ, слѣдуя по слѣдамъ Вортсворта, несетъ тихимъ и ровнымъ полетомъ горлицы въ облакъ; подобно свосму первообразу онъ умѣетъ занять читателя предметами простыми и обыкновенными. «Старая умирающая ворона» есть превосходное произведеніе въ своемъ родѣ.

Единственная въ Америкѣ женщина, принявшаяся за трудное ремесло поэта, есть мистриссъ Лидія

(Генриетта Сигурни), которая известна была прежде подъ именемъ миссъ Гонтли. Богатое замужство было наградою ея стихотвореній, — правда впрочемъ, что этимъ счастливымъ результатомъ литературныхъ занятій она обязана не силъ своего генія, а чистой нравственности, замѣтной во всѣхъ ея произведеніяхъ. Мы должны еще упомянуть о Г. Пирпонтѣ, искусномъ прозаикѣ, который въ своихъ стихотвореніяхъ придерживается школы Попа и Роджерса. Версификація у него чиста, но изобрѣтательности мало. Спрагъ, уроженецъ Бостонскій, по мнѣнію своихъ одноземцевъ, одаренъ геніемъ болѣе возвышеннымъ: онъ служитъ кассиромъ въ одномъ банкирскомъ домѣ въ Бостонѣ. Необычайная отдѣлка его произведеній заставляеть поставлять его въ числѣ подражателей, а можетъ-быть и соперниковъ, Кембелля, его соотечественника.

Г. Виллисъ, состоящій нынѣ при Американскомъ посольствѣ въ Парижѣ, издавалъ сначала духовныя стихотворенія, которыя очень славились. Потомъ онъ управлялъ литературнымъ журналомъ, который имѣлъ большой успѣхъ. Поэма его «Умирающій Алхимикъ», — произведеніе превосходное. Въ прошломъ мѣсяцѣ онъ издалъ въ Лондонѣ новый томъ своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ — «Меланія, и другія поэмы», изъ которыхъ мы читали прелестныя отрывки. Должно также упомянуть о В. Лонгфелло, авторѣ прекраснаго произведенія «Духъ поэзіи», и о Джоржѣ Вашингтонѣ Донѣ, который написалъ «Дорожныя пѣсни», стихотворенія почти ребячески простыя, но между-тѣмъ трогательныя. Бренардъ, человекъ одаренный довольно живою чувствительностью и свободною версификаціей, пишетъ только для того, чтобы наполнять столбцы своего журнала, но безъ этой несчастной необходимости могъ бы подняться гораз-

до выше. Нельзя тоже пропустить именъ Эдуарда Пинкни, морскаго офицера; Ветмора, Нью-Йоркскаго купца, поэта и мецената своихъ собратій; Самуила Вудворта, котораго народныя пѣсни повторяются во всей Америкѣ; Джона Ниля, автора «Рожденія поэта». Мы заключимъ списокъ нашъ именемъ Джемса Нака, глухонѣмаго отъ рожденія, который едва достигнувъ юношескаго возраста, издалъ поэму «Легенда утесовъ».

Мы, конечно, не исчислили здѣсь и десятой части Американскихъ поэтовъ: въ Кеттелевомъ Specimen, ихъ насчитано до двухъ сотъ, и все отличныхъ. Вообще благонамѣренность ихъ произведеній заслуживаетъ всякое уваженіе: къ сожалѣнію благонамѣренность и поэзія слова неодозначны. Не возможно отрицать, чтобы сильное раздраженіе страстей не возбуждало гения. Съ одной стороны Европейскіе образцы не для всякаго удобоподражаемы, съ другой чрезвычайная строгость, почти ханжество Американскихъ нравовъ, представляетъ непрерывныя затрудненія порывамъ тамошней Музы. Въ Америкѣ не можетъ быть Байрона въ поэзіи, — еще менѣе Бальзака, Виктора Гюгò или Жоржа Занда въ прозѣ. Преимущества, которыя мы отличили здѣсь у разныхъ поэтовъ, совокупаются всѣ въ прозѣ Г. Вашингтона Ирвинга, и придаютъ ей особенную прелесть въ нашу эпоху судорожной мысли и разбитаго, искривленнаго параличемъ слога. Она не возбуждаетъ въ васъ «сильныхъ ощущеній», но вы пріятно отдыхаете на ней послѣ бури.

=

ПОСЛѢДНІЙ РОМАНЪ

Г. БАЛЬЗАКА.

=

СТАТЬЯ Г. ЮЛІА ЖАНЕНА.*

=

Г. Бальзакъ напечаталъ въ *Revue de Paris*, а потомъ издалъ въ видѣ романа, родъ двуличной сказки, одну изъ тѣхъ сказокъ, которую онъ такъ славно рассказываетъ. Эту исторію зовутъ «Старикъ Горіо». Первая ея половина исполнена ума и занимательности: это описательная часть разсказа, — а Г. Бальзакъ большой мастеръ на описанія. Ничто не укрывается ни отъ взгляда, ни отъ пера его. Онъ-то именно, встрѣтивъ дворецъ, опишетъ вамъ, какъ говорить Буало, весь фасадъ его и не пропуститъ ни малѣйшаго архитектурнаго украшенія, — да не только дворецъ, но самый дрянной домъ, самую глухую улицу. Это буквально справедливо. Въ Парижѣ есть улицы, открытыя Г. Бальзакъ: напримѣръ улица Соли! Г. Бальзакъ ея Америкъ Веспучій и Христофоръ Колумбъ. А хотите ли знать, отъ чего длинныя описанія Бальзака васъ занимаютъ, между тѣмъ какъ описанія Г-жи Скюдери нестерпимы? Оттого, что Г.

* Некоторые приверженцы нынѣшней Французской словесности возставали противъ насъ за то, что мы, нѣсколько прежде, писали объ ней то самое мнѣніе, которое теперь здравый разумъ, освобождаясь отъ узовъ моды, начинаетъ превозглашать и во Франціи. Г. Бальзакъ, по мнѣнію нашему расхваливъ съ дарованіемъ, но писатель не умѣющій ни мыслить ни писага, былъ всегда главнымъ предметомъ спора. Въ доказательство тому, что не мы одни такъ его осуживаемъ, мы помещаемъ здѣсь, на тѣхъ же страницахъ, гдѣ недавно красовалась одна его повѣсть, сужденіе объ немъ Г. Юліа Жанена. Дѣло идетъ о «Старикъ Горіо». Мы должны только замѣтить, что упреки Французскаго критика примѣняются болѣе къ подлиннику чѣмъ къ переводу, который мы напечатали, потому что въ переводѣ устранены были всѣ негнѣности, которыя только можно было устранить, не портя связи происшествій, и романъ получилъ совершенно другой видъ. *Б. для Ч.*

Бальзакъ большею частію самъ видѣлъ, а Г-жа Скюдери только воображаетъ то, что описываетъ. Такъ и въ сказкѣ «Старикъ Горіо», Г. Бальзакъ открылъ въ старомъ «Латинскомъ кварталѣ» домъ, содержимый старухою, у которой были жильцы на хлѣбахъ, и онъ такъ старательно, такъ натурально описалъ старую мебель, старые подносы, старую посуду, старыя стѣны, старую экономію, затхлый хлѣбъ и кислое вино этого дома, что волосы на головѣ дыбомъ сгановятся. На этихъ страницахъ, написанныхъ если не съ жаромъ и талантомъ, то по крайней-мѣрѣ съ наблюдательностью очевидца, которая тоже талантъ, и съ той мелочною старательностью, которая лучше самой счастливой легкости, вы можете сосчитать одинъ по одному всѣ пороки, всѣ недостатки, всѣ низкіе или смѣшныя обычаи этого дома. Г. Бальзакъ ничего не забылъ, ни даже пятенъ, которыя дѣлають лѣтнія мухи на жестяномъ подносе. Грустно читать это, и, право, морозъ по кожѣ подираетъ. Тѣмъ болѣе, что посреди этой нищеты Г. Бальзакъ помѣстилъ общество, достойное этого дома,—стариковъ и юношей, молоденькую дѣвушку и старыхъ дѣвицъ, студентовъ медицины и студентовъ правовѣдѣнія, и даже бѣгло каторжника. Все это сидѣло за однимъ столомъ, пило, ѣло, пѣло, кричало, вопило, хохотало, ругалось, благословляло, проклинали. То была забавная смѣсь всего на свѣтъ,—мнѣній, досадъ, сочувствій, жалости, отчаянія, невѣжества, учености; и надъ всѣмъ этимъ отвратительнымъ хаосомъ парила нищета. Лозунгомъ этого дома было—бѣдность и одиночество. Домъ, въ которомъ живутъ на хлѣбахъ, это—отсутствіе всѣхъ семейственныхъ связей. Подобный домъ—нѣчто среднее между тюрьмою и богадѣльнею: тутъ непрерывно и на все въ свѣтъ разсчитываютъ,—на вашу голодь, на нашъ холодъ, на вашу болѣзнь и на ваше здоровье; тутъ барыши собираютъ по частичкамъ, по крошкамъ, какъ уличный ветошникъ разсчитываетъ на выбрасываемыя изъ домовъ ветошки. Эта ветошка, какъ она ни мала, непременно должна принести что-нибудь несчастному, который ее подобралъ. Бѣднякъ, какой бы бѣднякъ онъ ни былъ, непременно долженъ приносить что-нибудь дому, въ которомъ онъ живетъ и вѣтъ! Г. Бальзакъ нашелъ тутъ введеніе превосходное, романъ, который могъ бы быть превосходнымъ:

къ несчастію, романъ его очень плохъ, совершенно неудаченъ.

Во-первыхъ самъ старикъ Горіо, герой романа, — глупѣйшій изъ смертныхъ. У него двѣ дочери, и онъ каждой изъ нихъ далъ въ приданое по милліону. Одна изъ нихъ графиня, другая баронесса. Онъ живутъ въ большомъ свѣтѣ, и отца не пускаютъ къ себѣ въ домъ. — Но старикъ Горіо такъ любитъ дочерей своихъ, что всякой день, какая бы ни была погода, онъ караулитъ ихъ на улицѣ, чтобы только увидать какъ онъ провадутъ. У него осталось нѣсколько государственныхъ облигацій, которыя приносятъ ему двѣнадцать тысячъ дохода, и кое-какія серебряныя вещи. Онъ продаетъ и серебро и облигаціи, чтобы купить дочерямъ платье, ленты, бездымки. А онъ, его дочери, у которыхъ у каждой по милліону, разоряютъ бѣдняка безъ страха, безъ жалости, безъ пощады, безъ милосердія! А когда онъ умираетъ съ голоду, холоду, съ горя и нищеты въ домѣ старухи, которая не соглашается одолжить ему простыни, на которой бы онъ могъ умереть, ни одна изъ дочерей его не пріѣзжаетъ съ нимъ проститься: имъ нѣкогда, объ онъ похвали на балъ, въ платьяхъ, которыя купилъ имъ отецъ. Смертныя муки этого несчастнаго продолжаются двадцать битыхъ страницъ; цѣлыя двадцать страницъ вы слышите только стоны, жалобы, крики, ужасы! Вотъ вамъ «Старикъ Горіо.»

Что касается до другой части романа, происходящей вне дома, въ которомъ живетъ старикъ Горіо, то, — мнѣ очень жаль Г. Бальзака, — но, право, эта величайшая нелѣпость. Наши сказочники, и въ главѣ ихъ Г. Бальзакъ, непременно хотятъ описывать то, что они называютъ большимъ свѣтомъ Сень-Жерменскаго Предмѣстья: къ несчастію, этотъ свѣтъ не такъ легко узнать какъ домъ, въ которомъ живутъ на хлѣбахъ, или улицу Соли. Этотъ свѣтъ не поддается; онъ увертывается, когда вы уже думаете, что схватили его; онъ тонокъ, насмѣшливъ; онъ окруженъ твердыми стѣнами. Если онъ когда и пускаетъ къ себѣ сказочника, то развѣ для того только, чтобы часокъ имъ позабавиться; онъ слушаетъ его, и тихонько надъ нимъ посмѣвается; онъ какъ-будто открывается, а между-тѣмъ

очень остороженъ; иногда онъ даже притворяется простякомъ, смѣряется, а какъ скоро легковѣрный сказочникъ хочетъ схватить его за гриву, большой свѣтъ оборачивается и кусаетъ сказочника. Сказочникъ является въ большомъ свѣтѣ, только въ качествѣ игрушки, и притомъ только тогда, когда большой свѣтъ готовъ показаться; но когда онъ въ спальномъ платьѣ, безъ маски, когда онъ не хочетъ рисоваться и не намѣренъ играть комедію, онъ не пускаетъ къ себѣ сказочника. Да и по чему же не такъ? Большой свѣтъ знаетъ, что этотъ господинъ сказочникъ выставитъ его на сцену, разберетъ по крюкамъ, запрячетъ кусками въ повѣсти и романы, — и большой свѣтъ остерегается. Вотъ почему человекъ, который очень хорошо описываетъ столовую жильцевъ на хлѣбахъ, не умѣетъ разсказать мнѣ что дѣлается въ гостиной какого-нибудь знатнаго дома. Не потому, чтобы для этого нужно было болѣе таланта, но потому что въ эту гостиную входись и особенно держись въ ней не такъ свободно. Это исторія романовъ Г. Бальзака.

Покуда онъ разпочинецъ, простолюдинъ, студентъ, уличный наблюдатель, покуда онъ Г. Бальзакъ, до-тѣхъ-поръ онъ превосходенъ, простодушенъ, занимателенъ, веселъ, забавенъ, и даже *иногда* хорошо пишегъ; но какъ скоро Г. Бальзакъ дѣлается Г-мъ де-Бальзакомъ, знатнымъ баринномъ, маркизомъ, — о, тогда онъ совсѣмъ не тотъ человекъ! Онъ тяжелъ, натянутъ; онъ не доходитъ, или переходитъ; слогъ у него надутый, манерный, пустозвонный; онъ вертится на кончикъ стула какъ провинціалъ застѣчивый, или неучтиво разваливается въ креслахъ какъ провинціалъ дерзкій, — потому что онъ не понимаетъ этого особенно языка, этихъ отрывистыхъ рѣчей, ясныхъ только для посвященныхъ. Онъ сидитъ, слушаетъ, и не постигаетъ всѣхъ этихъ маленькихъ хитростей, изворотовъ, мыслей, которыя скрываются подъ словами, какъ подъ самою естественною и ловкою маскою мысли; онъ тутъ какъ человекъ, который попалъ не въ свою компанію, какъ былъ бы знатный баринъ въ нашемъ кругу литературномъ. Все это бѣда еще небольшая: но стараться говорить языкомъ, котораго и на-

чальных оснований не знаешь, хотеть перенести въ книгу свѣтъ, котораго совсѣмъ не видывалъ или только видѣлъ всколзь, — вотъ что не хорошо, и вотъ отъ чего вторая половина «Старика Горіо», происходящая въ большомъ свѣтъ, самое безобразное твореніе, какое только можно придумать.

Вообразите напримѣръ, что тутъ являются три женщины, — одна, баронесса, молоденькая и хорошенькая, которая занимаетъ квартиру для своего любовника; другая, графиня, молоденькая и хорошенькая, которая платитъ долги своего любовника; третья, герцогиня, молоденькая и хорошенькая, женщина самаго высшаго «полета», которая даетъ балъ въ тотъ самый день, какъ любовникъ ея женится, а потомъ уѣзжаетъ Богъ-вѣсть куда, — великая женщина, говорить Г. Бальзакъ, такъ хорошо знающій великихъ женщинъ! Эта самая Г-жа Боссанъ, великая женщина съ такимъ тонкимъ вкусомъ, съ такимъ разборчивымъ умомъ, пишетъ подъ диктовкою Г. Бальзака письмо, которое начнется слѣдующими словами: *Madame, j'aurai beaucoup de plaisir à faire votre connaissance.* Это языкъ Французской дамы хорошаго тона! Вотъ какъ выражается въ романахъ Г. де-Бальзака большой свѣтъ Сень-Жерменскаго Предмѣстья.

О.

=

ЗАПИСКИ

ПОКОЙНАГО ДОКТОРА.

=

Сочиненіе, котораго заглавіе выписано на этой страницѣ, возбудило въ прошломъ году живѣйшее вниманіе Европейской публики отрывками, помѣщенными въ разныхъ журналахъ. Оно теперь вышло все изъ печати. Общее мнѣніе приписываетъ его извѣстному доктору Гаррисону, который отнюдь не принадлежитъ къ числу покойниковъ. Чтобъ познакомить нашихъ читателей съ родомъ этого весьма оригинальнаго сочиненія, писаннаго съ большимъ могуществомъ таланта, наблюденія и чувства, и подать нашимъ молодымъ врачамъ хорошій образецъ медицинской изящной словесности, мы помѣщаемъ здѣсь одну главу изъ «Записокъ покойнаго доктора», которая въ подлинникѣ носитъ названіе *The Baronets bride*.

ЖЕНА БАРОНЕТА.

=

Ни одинъ человекъ не женился такъ счастливо, какъ сирѣ Генри Гарле. Самъ онъ — потомокъ древняго дома и владѣлецъ блестящаго состоянія; новобрачная прелестнѣйшій цвѣтокъ, которымъ украшалось благородное семейство: здѣсь были кажется всѣ стихіи благополучія, завѣряемаго поздравленіями цѣлой толпы друзей, которая придавала собою еще болѣе блеска великолѣпной свадьбѣ. — Богъ благослови тебя, милая Юлія! взрыдалъ почтенный

отецъ, сжимая дочь въ своихъ объятіяхъ, когда сирь Генри подошелъ съ тѣмъ, чтобъ вести ее къ дорожной каретѣ: «пусть будутъ это послѣднія твои слезы!— Стыдливая, трепещущая Юлія не могла вымолвить ни слова, и, опершись на руку своего прекраснаго мужа, шла за нимъ въ такомъ смущеніи, что почти не замѣчала прощаній, которыми напутствовалъ ее каждый изъ гостей. Счастливая чета съѣла въ карету. Сирь Генри раскланялся въ послѣдній разъ съ обществомъ, которое столпилось у оконъ; кучера хлопнули бичами, и молодые понеслись на пышной четверкѣ въ живописное помѣстье баронета.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ нравы сира Генри и жены его были очень несходны. Въживость баронета растворялась какою-то осторожностью или, лучше, задумчивостью, которую иные приписывали раннимъ и напряженнымъ его занятіямъ, другіе, можетъ сира справедливѣе, врожденной склонности, которая перешла къ нему отъ матери. Видно было, что онъ подавляетъ силу своего характера, и, несмотря на его спокойствіе, можно было замѣтить въ немъ борьбу дарованій съ честолюбіемъ. Напротивъ, леди Юлія была жива и веселонравна до безконечности. Они сошлись точно лучъ солнца съ облакомъ; она l'allegro, онъ — il penseroso. Свойства каждаго изъ нихъ естественно должны были умѣряться свойствами другаго, — и кто не предсказалъ бы счастливѣйшаго соединенія *такимъ* двумъ крайностямъ!

Черезъ полгода послѣ свадьбы, счастливые супруги воротились въ Лондонъ, объѣхавъ значительную часть Европы. Леди Юлія была еще миловиднѣе, и умъ ея кипучѣе и блестящѣе прежняго. Казалось, что она перелела этой живости даже въ степенный нравъ своего мужа: въ пріемахъ его обнаруживалась такая рѣзкость и веселость, какой друзья его никогда въ немъ не замѣчали. Во всю зиму леди Юлія плавала

въ наслажденіи; она была кумиромъ супруга, средоточіемъ вѣсхъ удовольствій, свѣтиломъ моды. Дебютъ ея при дворѣ былъ однимъ изъ самыхъ лестныхъ, какіе запомнятъ. Раза два или три имѣлъ я удовольствіе встрѣчать леди Юлію въ обществахъ. — Что за улыбка! — Посмотрите, какъ мило она идетъ! — Нѣтъ, а плечи, а шея! — Счастливецъ этотъ Гарле! — Видѣли вы леди Юлію? Вотъ, смотрите, та, что смѣется, въ бѣломъ атласномъ платьѣ; видите? треплетъ Французскаго посланника опахаломъ по плечу. — Такъ это леди Юлія, что вальсируетъ теперь съ лордомъ Д***? Что за ножка! что за.... Вотъ восклицанія и говоръ, которые сопровождали сира Генри и молодую жену его, куда бы они ни явились, и я увѣренъ, что читатель сказалъ бы то же самое, если бъ увидѣлъ очаровательную леди. Но я не стану описывать ея наружности, потому что подумаютъ, — я лгу какъ повѣстчикъ, а между-тѣмъ, что бы я ни сказалъ, все будетъ мало. Надо было видѣть огонь страсти, чувства и ума, горѣвшій въ голубыхъ глазахъ ея; надо было видѣть близну и ясность ея барскаго чела, достоинство и очаровательность каждаго ея движенія, и при этомъ милое чистосердечіе, съ какимъ она вездѣ и всегда обнаруживала любовь свою къ сирѣ Генри. Впрочемъ и онъ не уступалъ ей въ этомъ отношеніи. Оба были радостью другъ для друга и предметомъ зависти для общества. Всѣ утренніе журналы превозносили объды сирѣ Генри и балы, которыхъ она была царицею. Впрочемъ самъ баронетъ, какъ прилежный членъ парламента, мало вмѣшивался въ ея забавы, и, будучи занятъ своей политикой, только смотрѣлъ на нихъ сквозь пальцы. Сирѣ Генри, хотя былъ свѣтскій человѣкъ, имѣлъ однако жъ свои странности. Приемы его, отличавшіеся достоинствомъ, часто становились надменными, но въ обхожденіи съ женою онъ всегда сохранялъ одинаковую

*

нѣжность, и многіе не могли надивиться, какъ, при множествѣ своихъ занятій, онъ находилъ время такъ часто сопровождать ее въ прогулкахъ и выѣздахъ.

Однако нашлись люди, которые воображали, что съ извѣстнаго времени они замѣчаютъ въ немъ угрюмость, раздражительность, безпокойство, которыхъ нельзя удовлетворительно объяснить его политическими отношеніями.

Говорили, что онъ внезапно задумывается и приходитъ въ волненіе, если кто ему помѣшаетъ.

Что жъ могло бы его тревожить? Не проживается ли онъ въ жену? Не оскорбился ли онъ какимъ-нибудь вѣтренымъ или неосторожнымъ ея поступкомъ? Не повѣрилъ ли онъ одной изъ тѣхъ сказокъ, которыя сотнями распускаютъ въ обществѣ о каждой женщинѣ высокаго тона? Не безпокоютъ ли его слѣдствія какого-нибудь важнаго политическаго начинанія? Никто не зналъ, что подумать; но многіе замѣчали въ немъ возрастающіе признаки неудовольствія и унынія.

Стали наблюдать за леди Юліей, и на ея веселомъ личикѣ подмѣтили налетныя облака грусти. Въ свѣтлыхъ глазахъ ея выражалось иногда опасеніе, она то краснѣла, то блѣднѣла; пріветливое и радушное ея обхожденіе часто смѣнялось сухостью, нетерпѣливостью и разсѣянностью. Все это подавало поводъ къ сожалѣнію со стороны друзей и къ догадкамъ со стороны знакомыхъ.

Въ присутствіи мужа, — говорили въ свѣтъ, — она ни на минуту не бываетъ покойна; отъѣздъ его служить всегда предвѣстникомъ возврату ея веселья, и, что удивительно, повидимому каждый изъ нихъ чувствуетъ себя виною опасеній другаго. Замѣчали, что они украдкою бросаютъ другъ на друга взгляды, подсматриваютъ движенія, вслушиваются въ разговоры другъ друга, и иногда внезапно измѣняются въ лицѣ. Какая бы была тому причина? Всѣ удивлялись, ни-

кто не зналъ. Иные приписывали эту переменѣ истощенію, необходимому слѣдствію безсонныхъ ночей; мало кто намѣкалъ на беременность леди Юліи; многіе шептали, что сиръ Генри играетъ въ карты, другіе, что не онъ, а его жена. Нѣкоторые давали разумѣть, что каждый изъ нихъ имѣлъ достаточную причину быть недовольнымъ вѣрностью другаго. Когда еще всѣ начали говорить, что въ клубъ подали недавно сиръ Генри письмо, отъ котораго онъ поблѣднѣлъ какъ смерть и весь затрясся, что это разстроило его на нѣсколько дней, и что при одномъ весьма важномъ случаѣ онъ даже не могъ быть въ парламентъ, любопытство болѣе усилилось и не знало, что придумать для объясненія всѣхъ этихъ странностей. Между тѣмъ нельзя было не сказать, что новобрачные обходятся между собою съ безпритворной, недвусмысленной нѣжностью. Но въ леди Юліи ежедневно обнаруживались признаки возрастающаго безпокойства; огонь потухъ въ ея глазахъ и румянецъ исчезъ съ прекрасныхъ щечекъ; живости въ ней какъ не бывало; она даже не старалась и казаться веселою. Какъ она худѣетъ! восклицали со всѣхъ сторонъ. Ихъ рѣже видали въ обществѣ, и если они куда являлись, очевидно было, что это имѣ въ тягость. У леди Юліи вырывались вздохи; глаза ея внезапно наполнялись слезами, а когда замѣчала, что сиръ Генри за ней наблюдаетъ, она тотчасъ усиливалась скрыть свои чувства. Въ одну изъ такихъ минутъ, на балѣ, сиръ Генри вдругъ подошелъ къ женѣ своей, подаль ей руку черезъ кавалеровъ, которые просили ее танцовать, и вышелъ въ примѣтномъ волненіи. «Боже мой, что тутъ кроются за чудеса? подумали вдругъ полсотни челоуѣкъ, бывшіе свидѣтелями этой сцены.

— Чутьли не ведутъ они самую бѣдственную жизнь, сказалъ одинъ. — Впрочемъ я и не думалъ, чтобъ они были другъ другу пара, отвѣчалъ ему кто-то.

— Признаюсь вамъ, шепелялъ одинъ чахлый дворянчикъ: оно точно немножко странно, но вообразите да! право, мнѣ кажется, я могу объяснить вамъ всю тайну. Я знаю, что Гарле терпѣть не можетъ, когда она танцуетъ со мною, — ха!

— Неужли вы не видали? она побѣѣла, какъ полотно, когда замѣтила, что онъ говорить съ миссъ П***? шептала старая вдовца, которой дочь была въ числѣ посягавшихъ на руку баронета.

Эти и тысяча другихъ вопросовъ, намѣковъ и догадокъ, раздавались въ обществѣ всю зиму. Вскорѣ леди Юлія родила сына, и лишь-только позволили обстоятельства, сирь Генри и жена его уѣхали — никто не зналъ куда. Впослѣдствіи открылось, что они проводятъ лѣто въ уединенной части Швейцаріи. Къ концу осени воротились они въ Лондонъ, и, сколько можно было судить по рѣдкимъ появленіямъ ихъ въ большомъ свѣтѣ, Швейцарская жизнь не произвела надъ ними ни какого дѣйствія; только леди Юлія сдѣлалась послѣ родовъ очень слаба здоровьемъ. Городскимъ толкамъ снова открылось обширное поприще, когда сирь Генри среди зимы внезапно удалялся со всѣмъ домомъ на дачу, въ десяти или двѣнадцати миляхъ отъ столицы. Какъ ни страненъ былъ этотъ шагъ, онъ однако произвелъ то дѣйствіе, котораго вѣроятно ожидалъ отъ него сирь Генри, то есть, послѣ перваго шума, скоро угомонилъ нескромное любопытство. Въ круговоротѣ столичныхъ удовольствій и разсѣяній, стануть ли долго заниматься отсутствующими? Тѣмъ болѣе, что повидимому самыя родственники леди Юліи не знали причины ея страданій. Старикъ отецъ, котораго здоровье быстро клонилось къ упадку, переехалъ на родину, въ отдаленную часть Ирландіи. Дочери его, прекрасныя свѣтскія дамы, оставались въ Лондонѣ Говорили за тайну, что на но-

восель баронета встрѣтилъ ихъ самый холодный приемъ, и что если цѣлю сира Генри было совершенное уединеніе, то онъ успѣлъ въ своемъ намѣреніи какъ нельзя лучше.

Должно замѣтить, что, во все это время, многіе обращались съ распросами ко мнѣ, въ томъ предположеніи, что, бывъ прежде знакомъ съ баронетомъ по моему званію, я могъ имѣть нѣкоторый доступъ къ тѣмъ ственностямъ его поведенія. Но сиръ Генри, при всей своей вѣжливости, всегда держалъ себя поодаль, и былъ не слишкомъ говорливъ: да хотя бъ то было и иначе, то со времени его женитьбы я почти не имѣлъ съ нимъ личныхъ сношеній, и потому могъ только раздѣлять, а не удовлетворять, общее любопытство, возбуждаемое его поступками.

Поздо вечеромъ, 25 Апрѣля 1817 года, получаю я письмо съ надписью на оберткѣ—«Въ собственныя руки и секретно». Почеркъ—баронета и письмо точно отъ него. Пусть читатель представитъ себѣ мое удивленіе, когда я прочелъ слѣдующія строки:

«Любезный докторъ! Карета моя явится къ вамъ завтра воутру, часу въ десятомъ, и отвезетъ васъ ко мнѣ на дачу, гдѣ необходимо ваше пособіе. Только, Бога ради, чтобъ ничто, кромѣ смерти, не помѣшало вамъ пріѣхать именно въ то время и такимъ образомъ, какъ я припять смѣлость назначить! Повѣрьте, что въ присутствіи нашемъ есть крайняя надобность, и притомъ по такому дѣлу, которое требуетъ особеннаго довѣрія. Могу сказать вамъ только одно, что леди Юлія будетъ единственнымъ предметомъ вашего посѣщенія. Постараюсь, если можно, встрѣтить васъ на дорожѣ, чтобы вы могли нѣсколько приготовиться къ предстоящему вамъ дѣлу. Имѣю честь, и прочая.

Генри Гарле.

«P.S. Изви ните! я нарочно распечаталъ письмо, чтобы просить васъ не сообщать никому на свѣгѣ, что я за вами посылаю.»

Это приглашеніе ввергло меня въ цѣлую бездну за-

ключеній. Я думалъ, что слѣдующее утро представитъ глазамъ моимъ картину бѣдствія, которое не можетъ быть иной причины кромѣ семейнаго раздора. Я тотчасъ приготовился на всякій случай, и съ наступленіемъ утра, ни мало не давъ женѣ своей замѣтить куда я ѣду, сѣлъ въ присланную карету и поскакалъ во весь опоръ. Я замѣтилъ, что карета была безъ гербовъ и ливрея не баронетова. Сиръ Генри не встрѣтился мнѣ, какъ могъ я ожидать по его письму. Догнавъ до воротъ парка, которые были отворены, верхникъ соскочилъ съ лошади, отперъ дворцы, и съ почтительнымъ поклономъ объявилъ мнѣ, что баронетъ приказалъ просить меня выйти у воротъ. Я, разумѣется, исполнилъ эту просьбу, и пошелъ по аллеѣ прямо къ дому, удивляясь той таинственности, какою окружали всѣ мои движенія. Я взбѣжалъ на крыльце и даже отворилъ дверь въ сѣни, не встрѣтивъ ни одной души человеческой. Но когда я позвонилъ, ко мнѣ вышла пожилая, не слишкомъ чисто одѣтая, женщина, и спросила меня, не докторъ ли я Б***. На утвердительный отвѣтъ мой, она объявила, что сиръ Генри ждетъ меня въ смежной комнатѣ и указала, куда идти. Для меня было довольно странно, что до сихъ поръ не появлялся ни одинъ слуга, тогда какъ въ городѣ сиръ Генри обыкновенно держалъ ихъ цѣлую стаю. Я замѣтилъ что-то необыкновенное въ лицѣ и словахъ не только этой женщины, но и конюха, который меня везъ. Скоро я очутился въ присутствіи баронета. Комната была обширна, высока и убрана съ великолѣпіемъ и вкусомъ. Нѣсколько бюстовъ, статуй и отличныхъ картинъ украшали ея углы и стѣны, по которымъ сверхъ-того расположена была библіотека въ нѣсколько тысячъ томовъ. Прежде чѣмъ я успѣлъ хорошенько оглядѣться, сиръ Генри вошелъ въ противоположную дверь, и дружески пожалъ мнѣ руку. На немъ былъ зеленый бархатъ.

ный халатъ, и воротъ его рубашки былъ отогнуть. Кажется, я никогда не видалъ человѣка прекраснѣе и лица выразительнѣе этого, хотя его омрачала суровость, смѣшанная съ безпокойствомъ.

— Докторъ! сказалъ онъ, подводя меня къ стулу; очень благодаренъ вамъ за скорое исполненіе моей просьбы; боюсь только, не помѣшало ли это вашимъ занятіямъ. Вы завтракали или нѣтъ?

— Завтракалъ, но повѣзка возбудила мой аппетитъ, и я не отказался бы отъ чашки шоколада или кофе.

— А! хорошо, очень радъ. Не угодно ли пройтись со мной по саду, а тамъ мы пойдемъ завтракать къ леди Юліи.

Я молча изъявилъ согласіе. У него было что-то порывистое въ обращеніи и что-то повелительное въ голосѣ: я видѣлъ, что онъ въ волненіи и нетерпѣливо ждалъ, чѣмъ это кончится. Мы вышли въ садъ стеклянными дверями.

— Докторъ! сказалъ мнѣ потихоньку сиръ Генри: нынче я пригласилъ васъ по самому печальному случаю. (Онъ пріостановился отъ избытка чувствъ и потомъ продолжалъ.) Я сердечно радъ, что могу воспользоваться вашимъ пособіемъ; знаю и вашу доброту, и вашу опытность, и то, что вамъ можно вѣрится.

Онъ умолкъ, глядя мнѣ прямо въ глаза; я поклонился, онъ опять началъ.

— Быть-можетъ, вы слышали что-нибудь на счетъ леди Юліи и на мой? Мы, я думаю, были поводомъ ко многимъ догадкамъ!

Я улыбнулся, и отвѣчалъ однимъ поклономъ.

— Чувствую, что это было не безъ основанія, продолжалъ онъ со вздохомъ: и теперь все должно открыться, я долженъ все вамъ объяснить. Вы, я думаю, встрѣчались съ нами въ обществѣ, и, вѣрно, помните жену?

— Сколько разъ, сиръ Генри! Я очень ее помню, и...

— Не поражало ли васъ что-нибудь особенное въ ея лицѣ или осанкѣ?

Я смотрѣлъ на него, не зная какъ это понять.

— То есть, не замѣчали ли вы чего-нибудь необыкновеннаго въ ея чертахъ? продолжалъ онъ съ настойчивостью.

— Позвольте, да! я точно замѣчалъ въ ней томность и усталость; лице ея бывало блѣдно, и иногда омрачалось внезапною грустью.—Но я думалъ, что все это можно объяснить естественнымъ образомъ, сирѣ Генри, прибавилъ я усмѣхаясь, и лице баронета мгновенно отуманилось неудовольствіемъ.

— Ахъ! возразилъ онъ торопливо: я.... вижу, я понимаю васъ; но вы ошибаетесь, ошибаетесь совершенно. Скажите, неужли это общее мнѣніе?

— Нѣтъ, не могу сказать, чтобъ это именно такъ объясняли, но мнѣ самому естественнымъ образомъ приходило оно въ голову.

Пока я говорилъ, сирѣ Генри измѣнялся въ лицѣ.

— Докторъ! сказалъ онъ тихимъ, дрожащимъ голосомъ, схвативъ меня за руку съ судорожной силою: намъ нечего терять времени. Одно слово, одно, одно объяснить все. Это нестерпимая мука, но не могу скрывать долѣе. Надо вдругъ сказать вамъ всю правду. Леди Юлія — помѣшана

Онъ не выговорилъ, а выдохнулъ послѣднее слово; умолкъ и закрылъ лице руками. Онъ трясся отъ внутренняго волненія. Оба мы онѣмѣли на нѣсколько минутъ и только я почтивъ самозабвеніи повторилъ за нимъ: — Помѣшана?

— Я едва върю ушамъ своимъ, сирѣ Генри. И вы употребили это слово въ его буквальномъ, медицинскомъ значеніи?... Да! да! я говорю вамъ, что жена моя сумасшедшая! Вы будете завтракать съ сумасшедшею! Повѣрьте, докторъ, ужасъ и скорбь одолѣли меня до того, что я самъ чуть не впасть въ это положеніе!

Боже мой, какова была жизнь моя въ последнее время, когда страшное бѣдствіе надвигало исподоволь!...

Я просилъ его умѣрить свои чувства.

— Да! правда ваша, сказалъ онъ послѣ краткаго молчанія и стараясь преодолѣть свою горестъ: я теперь опомнился. Пойдемъ въ столовую. Только, Бога ради, не обнаружьте, что между нами что-нибудь происходило. Оправдайте, чѣмъ угодно, пріѣздъ свой. Скажите, что я пригласилъ васъ собственно для себя, что у меня.... Выдумайте, что хотите. Наблюдайте мою бѣдную Юлію со всевозможнымъ вниманіемъ, по разумѣтся такъ, чтобъ это не было замѣтно, а я, будто-бы случайно, оставлю васъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ наединѣ. Послѣ, мы посовѣтуемся о мѣрахъ, какія необходимо будетъ взять въ этомъ горестномъ случаѣ. Однако, послушайте: не воображайте увидѣть что-нибудь дикое или сумасбродное въ ея обхожденіи. Она даже не покажется вамъ и странною; она очень осторожна при чужихъ. — Ссть! сказалъ онъ, вздрогнувъ и оборачиваясь къ дверямъ весь блѣдный: слышите?... Нѣтъ, это не то! Ахъ, какъ слабы у меня нервы! Она мнѣ совершенно послушна, но всмотритесь въ ея глаза, въ уста, въ глаза особенно (онъ содрогнулся) и вы все увидите!... Ну, докторъ, шепталъ онъ мнѣ, когда мы входили къ нему въ комнату, теперь, сдѣлайте милость, не выдайте ни себя, ни меня, — прошу васъ!

Онъ пріостановился на минуту, чтобъ перевести духъ; потомъ, отворивъ дверь, изъ которой ко мнѣ вышелъ, онъ ввелъ меня въ столовую. Леди Юлія, прелестное созданіе! — сидѣла въ бѣломъ утреннемъ нарядѣ у серебрянаго чайника, и, повидимому, читала газеты. Она казалась изумлена моимъ прибытіемъ, и поклонилась вѣжливо, но не вставая съ мѣста, когда сиръ Генри назвалъ меня по имени. Лице ея было очень блѣдно, и глубокая то-

ска или точнѣе опасеніе выражалось въ глазахъ ея, быстро перебѣгавшихъ съ меня на сирь Генри и съ него на меня. При всѣхъ своихъ усиліяхъ, баронетъ не могъ казаться спокойнымъ: щеки его пылали, рука дрожала, голосъ былъ густъ, всѣ приемы порывисты.

— Что вы, сирь Генри? не нездоровы ли? спросила у него жена, глядя на него пристально.

— Нѣтъ, другъ мой, слава Богу! отвѣчалъ онъ, стараясь улыбнуться.

— Боюсь, сударыня, не помѣшалъ ли я вамъ читать газету, сказалъ я, чтобъ перервать наступившее вдругъ затруднительное молчаніе.

— О, нѣтъ! право, нѣтъ! Я не нашла тутъ ничего занимательнаго, прибавила она съ чуть слышнымъ вздохомъ. Знаешь, Генри, я пробѣжала только описаніе праздника герцогини С***. Вамъ угодно завтракать? спросила она потомъ меня.

— Чашку чаю и ломтикъ языка, если позволите. Кстати о праздникахъ, прибавилъ я будто безнамеренно: въ свѣтъ говорятъ, что вы или постриглись, или умерли; всѣ дивятся, чѣмъ съ вами сдѣлалось, то есть, и съ вами, сударыня, и съ сирь Генри.

— А что? сказалъ баронетъ съ притворнымъ любопытствомъ: я думаю, на пашу долю таки досталось догадокъ и предположеній! Скажите, докторъ, какую послѣднюю новость тиснули на нашъ счетъ въ типографіи болтовни и огласокъ?

Рука леди Юліи задрожала, передавая мнѣ мою чашку, и глаза ея боязливо остановились на мужниныхъ.

— Вообще думаютъ, что вы играете роль нелюди-ма вслѣдствіе какого нибудь политическаго неудовольствія.

Сирь Генри усмѣхнулся.

— И вы насъ оставили, сударыня! Ужъ не измѣнило ли вамъ здоровье и та блестящая веселость, которою очаровывали вы свѣтъ?

— Да! они точно мнѣ измѣнили. Я одна изъ тѣхъ многочисленныхъ жертвъ....

— Скуки, быстро перервалъ баронетъ, устремивъ на жену повелительные взгляды, и я видѣлъ, съ какимъ нервическимъ опасеніемъ, — чтобъ она не подтвердила того открытія, которое онъ сдѣлалъ мнѣ въ саду.

— Да, да, скуки! подхватила она боязливо, и потомъ сказала со вздохомъ: — Удивляюсь, какъ свѣтъ такъ долго объ насъ помнить!

— Мнѣ нужно написать нѣсколько строкъ, молвилъ вдругъ баронетъ, и слегка наступилъ мнѣ на ногу: я буду просить васъ доставить маленькую записку въ городъ. Вы меня извините? (Я поклонился.) А куда, леди Юлія расскажете вамъ что-нибудь изъ газетъ—ха, ха, ха!

Она слегка улыбнулась. Я примѣтилъ, что, затворяя дверь, сиръ Генри вперилъ въ нее глаза съ выраженіемъ безнадежнаго опасенія. Можете вообразить себя, какое я чувствовалъ замѣшательство, оставшись наединѣ съ леди Юліей. Не зная ни степени, ни рода ея умственной болѣзни, я затруднился, какъ повесть съ ней разговоръ. Сколько можно было судить по наружности, она была въ полномъ умѣ, въ совершенной памяти. Я не подмѣтилъ ни дикости во взглядѣ, ни безсвязности въ рѣчахъ, ни странности въ пріемахъ, ничего, кромѣ томности и тоски въ чертахъ лица.

— Сиръ Генри, кажется, здоровъ, сказалъ я, когда онъ притворилъ за собою двери.

— Да! онъ всегда *кажется* здоровымъ, и даже когда боленъ, не хочетъ казаться больнымъ.

— Душевно бы желалъ сказать и вамъ что-нибудь хорошее на счетъ вашего здоровья, продолжалъ я и посмотрѣлъ на нее пристально.

— Конечно, я прежде была лучше! отвѣчала она со вздохомъ: однако меня беспокоитъ не тѣлесная боль, а уныніе.

— Вы не первыя, на кого внезапное удаленіе отъ общества произвело такое дѣйствіе. Почему бы вамъ не воротиться въ городъ хоть на одну зиму?

— Есть причины, по которымъ я предпочитаю теперь уединеніе, отвѣчала она и опустила рѣсницы, чтобъ избѣгнуть моего пристального взгляда.

— Причины? Позвольте мнѣ спросить васъ о значеніи этого таинственнаго слова, сказалъ я, придвигаясь къ ней ближе, въ надеждѣ услышать наконецъ рѣшеніе загадки.

— Я не полагаю, докторъ, отвѣчала она холодно, чтобы вы желали, чтобъ у меня вырвалось что-нибудь таинственное.

— Простите, простите меня, сударыня! Я думалъ, пѣтъ ли у васъ какого-нибудь тайнаго источника печали, отъ котораго бы я могъ вамъ пособить моимъ совѣтомъ. Повѣрьте, что я самъ принимаю живѣйшее участіе въ очевидной перемѣнѣ вашего здоровья, и долженъ сказать вамъ откровенно, что сиръ Генри крайне беспокоится на этотъ счетъ.

— Какъ! что? Сиръ Генри беспокоится насчетъ моего здоровья! повторила она съ изумленіемъ. Докторъ! неужели вы пріѣхали нынче собственно для меня?

Я помолчалъ немного; но зачѣмъ скрывать отъ нея истину, подумалъ я.

— Точно такъ, сударыня; вы угадали. Опаснѣй сиръ Генри привели меня сюда нынче утромъ. Ему угодно, чтобъ я удостовѣрился, не страдаете ли вы какою-нибудь болѣзнію.

— А скажите, продолжала леди, примѣтно блѣднѣя, чѣмъ, полагаетъ онъ, я больна? Не упоминалъ ли онъ какихъ-нибудь особенныхъ признаковъ?

— Какъ же! утомленіе, потерю аппетита, упадокъ духа.

Она подняла платокъ къ глазамъ своимъ, и, полныя слезъ, устремила ихъ на окошко, какъ-будто боясь повстрѣчаться съ моими. Уста ея подергивались отъ сильнаго волненія.

— Милая леди, Бога ради, успокойтесь! Чѣмъ вамъ тутъ огорчаться? сказалъ я, тихо касаясь ея руки:

Она обернулася, отняла руку, посмотрѣла мнѣ съ ужасомъ прямо въ лице; слезы полились у ней градомъ, и въ безмолвіи плакала она нѣсколько минутъ.

— Ахъ, докторъ! взрыдала она послѣ этого съ отчаяньемъ: вы не можете, не можете вообразить себѣ, какъ тяжело у меня здѣсь.... (и она положила руку на сердце.) Я бѣдная, несчастная женщина! Въ міръ нѣтъ существа злополучнѣе! Никогда, никогда не буду я покойна.

— Послушайте, сударыня, вы непременно должны вѣрять мнѣ вашу тайну! Скажите, ради самого Бога, что значитъ такая горестъ? Ужъ вѣрно, никто не могъ васъ оскорбить? Скажите откровенно, сдѣлайте милость!

— Нѣтъ! не могу, не смѣю! Тяжко скрывать эту тайну, но страшно ее высказать. Неужели вы въ самомъ дѣлѣ ничего не знаете? Развѣ не шептали объ этомъ во всѣхъ обществахъ? спрашивала она съ дикой выразительностью.

Бѣдная леди! Довольно я насмотрѣлся на нес, чтобъ убѣдиться въ справедливости опасеній баронета. Онъ вошелъ въ это время съ запискою въ рукѣ, и перервалъ нашъ печальный tête-à-tête. Онъ бросилъ испытующій взглядъ на насъ обонхъ, потомъ подошелъ къ женѣ, и поцѣловалъ ее съ нѣжностью, не говоря ни слова. Но какая скорбь выступила на лицѣ его въ эту минуту! Я по всему видѣлъ, что ему хочется, чтобъ я всталъ и простился. Поговоривъ немного о

разныхъ разностяхъ, я откланялся леди Юліи, и вышелъ изъ комнаты въ сопровожденіи баронета.

— Ну что, справедливы мои ужасныя подозрѣнія или нѣтъ? спросилъ онъ дрожа всѣмъ тѣломъ, когда мы остановились у большаго окна въ библіотекѣ.

Я вздохнулъ и покачалъ головою.

— Не говорила ли она о перемѣнахъ, которыя мнѣ должно было сдѣлать у насъ въ домѣ?

Я рассказалъ ему въ сущности все, что между нами происходило. Онъ вздохнулъ изъ глубины души и всплеснулъ руками.

— А никогда не приходитъ она въ изступленіе? спросилъ я баронета.

— Нѣтъ.... рѣдко.... никогда, никогда! Да я желалъ бы, чтобъ это было! Хотя бы чѣмъ-нибудь нарушилось ужасное однообразіе меланхолическаго помѣшательства! Но я не въ силахъ говорить объ этомъ, я едва перемогаю свои чувства.

Онъ отвернулся и глядѣлъ въ окно: горесть его одолевала. Нѣсколько минутъ ни одинъ изъ насъ не вымолвилъ ни слова.

— Однако по-неволѣ должно возвратиться къ этому ужасному предмету, сказалъ онъ, вдругъ обернувшись ко мнѣ. Докторъ, скажите на милость, что дѣлать въ этомъ бѣдственномъ обстоятельствѣ? Пуще всего, чтобъ это не сдѣлалось гласнымъ. Боюсь, не нужно ли будетъ временное заключеніе. — Что, какъ вы думаете? прибавилъ онъ глухимъ шопотомъ и вперилъ въ меня мрачный взглядъ свой.

Я отвѣчалъ, что едва ли не такъ, но что опасаться ему нечего, потому что есть много превосходно устроенныхъ убѣжищъ для такого рода больныхъ какъ его супруга, гдѣ сокровенность совокупляется съ удобствомъ, съ развлеченіемъ и съ искуснымъ надзоромъ. Я уговаривалъ его не терять надежды на скорый возвратъ леди Юліи его въ общество.

— Ахъ, докторъ! но какъ ужасна мысль, что моя милая, моя дорогая Юлія будетъ оторвана отъ моей груди, отъ дому, отъ ребенка, и сдѣлается жительницей.....

Онъ вдругъ умолкъ. Дикая улыбка сверкнула въ лицѣ его.

— Докторъ, сказалъ онъ, понизивъ голосъ до тихаго шопота: могу я ввѣрить вамъ очень важную тайну? Чувствую, что это большая неосторожность.... Зачѣмъ открывать ее безъ нужды? Но я знаю, что въ васъ можно быть увѣреннымъ.

Я поклонился и сталъ слушать, не переводя духа отъ изумленія. Кровь замерзла во мнѣ съ головы до ногъ, когда онъ разсказалъ мнѣ свою важную тайну! Я все утро былъ игрушкою сумасшедшаго. Глаза его впились въ меня съ дьявольскимъ выраженіемъ. Нечаянный ударъ лишилъ меня на минуту не только языка, но даже зрѣнія и слуха. Я очнулся отъ громкаго хохота моего собесѣдника. Онъ съ насмѣшкою указывалъ мнѣ пальцемъ прямо въ лице. Страшная истина тотчасъ озарила умъ мой. Тутъ я понялъ болѣзнь и тоску леди Юліи, которой блѣдное лице мелькнуло въ полуотворенную дверь изъ столовой. Я боялся, чтобъ помѣшанный не увидалъ ея и не пришелъ въ бѣшенство.

Тайна баронета состояла въ мнимомъ открытіи имъ способа превращать сало въ воскъ. Онъ говорилъ, что если привести его въ исполненіе, можно получать до пятидесяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ годоваго дохода; что король, не успѣвъ склонить его къ объявленію этой тайны, подослалъ лазутчиковъ стеречь всѣ его движенія, и грозилъ отдать его подъ стражу за государственную измѣну. Всю эту чепуху разсказывалъ онъ громкимъ, серіознымъ и выразительнымъ голосомъ, и хотя я вѣрно поблѣднѣлъ какъ смерть, когда узналъ съ кѣмъ имѣю дѣло, но сирь Генри, кажется, не замѣтилъ моего безпокойства. Не знаю, что

возбудило въ немъ тотъ громкій хохоть, если не удовольствіе, что онъ такъ долго меня дурачилъ.

— Докторъ, продолжалъ баронетъ: вѣдь я открылъ вамъ эту великую тайну не даромъ. Меня побудило искать ее одно несчастное обстоятельство, о которомъ и вы и весь свѣтъ скоро услышите. Коротко сказать, мнѣ сталъ необходимъ новый источникъ независимаго существованія, и, благодаря Бога, я наконецъ нашелъ его. Но деньги тутъ отнюдь еще не главное; будутъ слѣдствія гораздо важнѣе: объ этомъ послѣ. Вы, докторъ, человекъ ученый, а я имѣю только поверхностныя свѣдѣнья: для успешнаго производства моего дѣла необходимо, чтобъ вы пошли ко мнѣ въ товарищи, а? (Я отвѣсилъ поклонъ.) Условиться мы можемъ и послѣ. Ха, ха, ха, ха! Что скажутъ на это мои избиратели, мои политическіе друзья? Сиръ Генри Гарле вощаникъ!... Да что жъ вы все молчите, докторъ? Что вы такъ нахохлились? а?

Я все это время думалъ о мѣрахъ, какія должно будетъ принять въ этомъ чрезвычайномъ обстоятельстве, и далъ ему полную волю колобродить.

— Вѣрно, рассчитывали барыши? Но до этого еще долга пѣсня. Во-первыхъ (и лице его омрачилось грустью; онъ бросилъ безпокойный взглядъ на дверь изъ столовой) должно рѣшиться на что-нибудь съ бѣдной Юліей. Ей известна моя тайна, и мысли объ этомъ совсѣмъ лишили ее разсудка, — знаете, женщины не умѣютъ переносить внезапнаго благополучія! Но что за кроткое, что за милое помѣшательство!

Это восклицаніе произнесъ онъ такимъ голосомъ, что тронулъ меня до глубины души: звукъ его былъ нѣженъ, тающъ, сердеченъ, какъ иногда шопоть Кина въ Отелло.

— Докторъ, началъ онъ опять послѣ минутнаго молчанія: дайте подумать; мнѣ приходитъ въ голову мысль.... Ни за что въ мірѣ не хотѣлъ бы я оскорбить

ея чувствительности! Я подумаю и скажу вамъ, на что рѣшился.

Онъ сложилъ руки на груди, и медленно ходилъ по комнатѣ, какъ-будто въ глубокомъ размышленіи: это продолжалось минутъ пять или десять; онъ по-видимому совсѣмъ забылъ меня, а я стоялъ, прислонившись къ окну, и глядѣлъ на него съ невыразимымъ ощущеніемъ. Что мнѣ было дѣлать? Почти пельзя было и подумать о свиданіи съ леди Юліей до отъѣзда въ Лондонъ: да я и не хотѣлъ возбудить его подозрѣній такой попыткою. Поэтому мнѣ казалось всего лучше уѣхать безъ всякой тревоги, и какъ-можно скорѣе, чтобъ тотчасъ повидаться съ зятемъ его, Г. Кортропомъ, съ которымъ я былъ немного знакомъ, и подумать съ нимъ вмѣстѣ о мѣрахъ, необходимыхъ для безопасности не только самого баронета, но и несчастной леди. Рѣшившись на это, я только и смотрѣлъ, какъ бы уйти. Но размышленія баронета все-еще не кончились, и я прервалъ ихъ.

— Однако, сиръ Генри, сказалъ я: мнѣ должно вамъ откланяться; у меня много больныхъ въ городѣ.

— Знаете ли что? отвѣчалъ онъ съ видомъ недоумѣнія: я никакъ не могу вспомнить, о чемъ мнѣ надо было подумать! Какъ это странно! Что бишь такое?.... Онъ остановился и насунилъ брови.

— Не нужно ли мнѣ видѣться съ леди Юліей до отъѣзда....

— Да, да, да, подхватилъ онъ скороговоркой: такъ точно, помню, помню.... Да зачѣмъ видѣться съ леди Юліей? — Нѣтъ, право, не нужно, прибавилъ онъ такимъ голосомъ, какъ-будто не понравилось ему это предложеніе. Я провожу васъ на дорогу; карета совсѣмъ готова, и васъ отвезутъ обратно въ городъ.

Тутъ онъ вынулъ изъ бумажника пачку банковыхъ билетовъ и далъ мнѣ за визитъ одинъ — въ пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ.

*

— Что жъ мы сдѣлаемъ съ леди Юліей? спросилъ онъ совсѣмъ неожиданно, когда мы шли съ нимъ объ руку къ воротамъ парка: Какъ странно, что мы объ ней забыли! Ну, такъ что намъ рѣны вы предпринять съ самаго начала?

Я вздохнулъ.

— Прежде надо подумать объ этомъ хорошенько, а ужъ послѣ приступить къ дѣлу.

— Аа! Саллюстій!... *Prisquam incipias, consulto; sed ubi consulueris, ubi consulueris.... doctor!* Прежде чѣмъ начинать, подумай; но когда придумаешь, когда придумаешь..... любезный докторъ!

— *Maturè facto opus sit.* Должно поступать не торопясь, сирь Генри, отвѣчалъ я, въ подражаніе его ссылькѣ.

— Хорошо. Никогда не слыхалъ я ничего короче и яснѣе. *Mature facto opus sit.* Ну, а что жъ вы сдѣлаете?

— Не могу теперь навѣрно сказать, но надѣюсь быть у васъ сегодня жъ вечеромъ. Только не говорите ничего леди Юліи; это можетъ ее встревожить.

— Смотрите, докторъ, я.... я не хочу ни какихъ насильственныхъ мѣръ, подхватилъ баронетъ, и черты его измѣнились самыхъ страннымъ образомъ.

— Насильственныя мѣры, сирь Генри? Боже сохрани отъ насильственныхъ мѣръ! вскрикнулъ я съ не-притворнымъ изумленіемъ.

— Вы, докторъ, лично будете отвѣчать за эти мѣры, каковы бы онѣ ни были. Но вотъ карета. Я буду ожидать васъ съ нетерпѣніемъ.

Я пожалъ ему руку, и сѣлъ въ знакомый мнѣ экипажъ.

— Прощайте, прощайте, сирь Генри! сказалъ я баронету, когда лошади готовы были тронуться съ мѣста.

Онъ сунулъ голову въ раму и прошепталъ мнѣ въ тороняхъ: — Докторъ, я ужъ отдумалъ, и прошу

вась не мѣшаться въ это дѣло, по-крайней-мѣръ сего-дня.

Только онъ это выговорилъ, карета покатилаь.

— Стой, эй, стой! закричалъ баронетъ во всю мочь: стой! Не то выстрѣлю!

Этотъ послѣдній возгласъ заставилъ вершниковъ повиноваться. Съ изумленіемъ выглянулъ я въ окно и увидѣлъ, что сиръ Генри бѣжитъ къ намъ въ бѣшенствѣ и съ карманнымъ пистолетомъ въ правой рукѣ.

— Помилуйте, сиръ Генри! вскрикнулъ я, цѣпенѣя отъ ужаса: что значить этотъ необыкновенный поступокъ?

— Одно слово вамъ наухо, сказалъ онъ задыхаясь и подошелъ къ самой дверцѣ кареты.

Я склонилъ къ нему голову.

— Мнѣ кажется, докторъ, вы хотите употребить противъ меня насиліе.

— Противъ вась? Насиліе противъ кого бы то ни было? Да вы не во снѣ ли, сиръ Генри!

— Нѣтъ, я дальше вижу, чѣмъ вы думаете! Вы хотите высосать у меня тайну, чтобъ воспользоваться ею одному. Такъ помяните мое слово: если вы еще разъ явитесь ко мнѣ въ замокъ, вамъ живому не выйти! Прощайте!

Онъ отошелъ съ надменнымъ видомъ въ сторону, махнулъ рукою испуганнымъ вершникамъ, и мы тотчасъ ускѣкали отъ несчастнаго безумца. Я вѣхалъ въ совершенномъ разстройствѣ. Личная опасность угрожала не только мнѣ, но и леди Юліи. Чего не можетъ онъ сдѣлать въ мое отсутствіе или въ то время, когда я ворочусь въ замокъ?

Волнуемый этими мыслями, я былъ весьма доволенъ тѣмъ, что несусь во весь опоръ къ городу, и когда мы стали спускаться потихоньку съ крутизны одного холма, я заговорилъ съ ближайшимъ ко мнѣ вершникомъ.

— Послушай! ты живешь у сира Генри?

— Нѣтъ, сударь, не то чтобъ живемъ-сь, а мы у него въ услуженіи.

— Ну, все равно! Я думаю, ты тоже удивился, когда онъ давича оставовилъ насъ.

— Нѣтъ-сь, отвѣчалъ онъ понизивъ голосъ и осматриваясь, нейдетъ ли за нимъ баронетъ: случается, они и не то еще дѣлають.

— Да что онъ, не въ умъ что-ли?

— Намъ, сударь, не приходится говорить такъ о господахъ, а сказать правду, если бъ нашъ братъ пустился въ такія проказы, какія видаемъ мы на господскомъ дворѣ, его давно упрятали бы въ смирительный или въ сумасшедшій домъ.

— Право? Да что жъ это за проказы?

— Вѣдь вы, сударь, не скажете на меня, если до чего дойдетъ дѣло?

— О, нѣтъ! можешь быть увѣренъ, что я тебя не выдамъ.

— Такъ изволите видѣть, сказалъ онъ оборачиваясь ко мнѣ на сдѣл: первое дѣло, баринъ отосмалъ насъ съ Томасомъ, чтобъ мы жили на постояломъ дворѣ за милію отъ замка; потомъ кучера, лакеевъ и всѣхъ дѣвушекъ, кромѣ кухарки да барыниной горничной: ну гдѣ жъ имъ двумъ управиться съ такимъ большимъ домомъ?

— Да! А скажи мнѣ, что дѣлаеть самъ сиръ Генри?

— Что онъ дѣлаеть? Вѣдь вы, сударь, не повѣрите. Кухарка божилась намъ, что онъ все плавить сальныя свѣчи.

— Плавить свѣчи? Это что значить? Да ты, братъ, не врешь ли?

— Какъ можно врать, сударь! Онъ растапливаетъ ихъ въ кастрюляхъ, мѣшаетъ ихъ съ водкой, — съ хорошею сладкою водкой, — и каждую ночь выливаетъ въ глубокую яму, которую вырылъ для этого въ саду.

— Ну, а барыня что жъ на всѣ его проказы?

— Она, бѣдная, совсѣмъ почти изсохла; кости да кожа-съ; ходить за нимъ какъ за ребенкомъ, и сама все плачетъ. А ужъ куда ей отъ него худо! Онъ стережетъ ее какъ кошка мышку, и разъ продержалъ цѣлый день въ спальнѣ на хлѣбъ да на водѣ. И какъ бывы, баринъ, думали? Онъ же выдаетъ ее за помѣшанную: да въдъ такъ хитро, что мы и сами долго ему вѣрили!

— А приходитъ онъ когда-нибудь въ бѣшенство?

— Какъ же, сударь! Кухарка рассказывала намъ чудеса. Онъ каждую ночь запираетъ самъ всѣ двери и окна, и ходитъ каждую ночь съ заряженнымъ мушкетонемъ.

— Барынина горничная, подхватилъ другой вершникъ, говорила кухаркѣ, та сказала потихоньку моеѣ сестрѣ, а сестра мнѣ, что сиръ Генри спитъ всегда съ шпагой наголо и съ парюю пистолетовъ: а какъ онъ пугаетъ ими барыню, такъ не приведи, Боже!

— Какъ же вы не дали знать объ этомъ въ Лондонъ?

— Мы, сударь, не посмѣли. Да и кто жъ повѣритъ нашему брату? Сиръ Генри говоритъ иной разъ такъ складно какъ пасторъ: объяви-ка мы въ городѣ, сюда наѣдетъ всякаго господства, и онъ, пожалуй, нарочно такъ замечетъ словами, что послѣ не найдешь и мѣста.

Мы между-тѣмъ спустились съ горы, и я велѣлъ гнать прямо къ Г. Кортропу. По-счастію онъ былъ дома, и мы тотчасъ уговорились ѣхать къ доктору Б***, одному изъ самыхъ извѣстныхъ сумасшедшихъ докторовъ, mad-doctors, какъ называютъ ихъ запросто въ Англии. Б*** взялъ съ собою двухъ сторожей, и мы немедленно отправились всѣ пятеро въ замокъ къ баронету.

Г. Кортропъ и я, оба были довольно грустны, но маленькій докторъ Б*** былъ такъ спокоенъ и веселъ, какъ-будто бѣ ѣхалъ на пирушку.

— Что если Гарле прійдетъ въ отчаянье и вздумаетъ

сопротивляться? сказалъ Г. Кортропъ съ безпокойствомъ.

— Это весьма сомнительно, возразилъ хладнокровно докторъ Б***: впрочемъ со мной есть такіе два молодца, которые усмирять кого вамъ угодно, ха, ха!

— Ради Бога, изъ состраданія къ леди Юліи, не употребляйте силы, докторъ!

— О нѣтъ! Я и самъ не люблю этого способа. Къ чему дѣйствовать лихою, гдѣ можно взять доброю? Поступки наши будутъ совершенно сообразоваться съ баронетовыми, и, какъ бы то ни было, онъ попадетъ къ намъ на уду.

— Ну, если у него будетъ огнестрѣльное оружіе? сказалъ я. Онъ еще пынче утромъ цѣлилъ въ меня изъ заряженнаго пистолета.

— Ахъ, любезный докторъ, кто вамъ сказалъ, что онъ былъ заряженъ? Признайтесь, вѣдь это одно предположеніе. Сумасшедшіе чрезвычайно склонны пугать огнестрѣльнымъ оружіемъ, но какъ-то всегда забываютъ о зарядахъ.

— Однако, положимъ, что сирь Генри носятъ заряженный пистолетъ: что вы на это скажете?

— Въ такомъ случаѣ можетъ выйти что-нибудь незабавное, отвѣчалъ докторъ: но я крѣпко полагаюсь на дѣйствіе моего взгляда. У меня это такой талисманъ!

Тутъ мы подъѣхали къ воротамъ парка. Докторъ Б***, Г. Кортропъ и я, вышли всѣ трое, и велѣли каретѣ слѣдовать за нами шагомъ до самаго крыльца. Я позвонилъ въ колокольчикъ, и немного погодя вышла къ намъ пожилая женщина.

— Можно намъ видѣть сира Генри Гарле? спросилъ Г. Кортропъ.

— Нѣтъ, сударь.

— Отчего же? Намъ, любезная, необходимо сейчасъ же переговорить съ нимъ по весьма важному дѣлу.

— Вотъ, сударь?! Такъ вамъ пожаловать бы пора-
нѣе.

— Какъ поранвѣ? сказалъ я: это что такое? Сирь
Генри самъ назначилъ нынѣшній вечеръ.

— Видно, изволивъ передумать: и онъ, и барыня ча-
са съ два тому уѣхали куда-то въ почтовой коляскѣ.
Не лучше ли вамъ догнать ихъ?

Мы смотрѣли другъ на друга съ изумленіемъ.

— А въ которую сторону онъ поѣхалъ?

— Да внизъ по дорогѣ, батюшка, и велѣлъ говорить
всѣмъ, кто спроситъ, что онъ уѣхалъ въ Вельсь.

Я вздохнулъ отъ этой печальной неудачи; Г. Кор-
тропъ перемѣнился въ лицѣ; докторъ Б*** стоялъ при-
щурясь, и съ улыбкою наблюдалъ нашу собесѣдницу.
Что намъ было дѣлать? Мы совершенно пришли въ
тупикъ.

— Пожалуйте сюда! сказалъ докторъ Б***, отводя
насъ немного въ сторону. Знаете ли, что баба надъ
нами подшучиваетъ? Я вамъ ручаюсь, что сирь Генри
здѣсь. Она не умѣла обмануть хорошенько.

— Послушай, милая, сказалъ онъ ей, возвращаясь
къ двери: ты все говоришь намъ не дѣло. Вѣдь мы зна-
емъ, что баронетъ наверху; мы сейчасъ видѣли его
въ окошко, и какъ тебѣ угодно, а пойдемъ и обыщемъ
всѣ углы въ замкѣ.

— Боже мой! отвѣчала старуха съ прискорбіемъ: по
мнѣ дѣлайте, что хотите; только чуръ не пѣнять, — я
вамъ заранѣе сказываю.

При этихъ словахъ она удалилась. Г. Кортропъ вы-
звался одинъ обойти главныя комнаты. Минуть че-
резъ десять онъ воротился, не нашедъ ничего, кромѣ
необсохшаго еще адреса, писаннаго баронетовой ру-
кою. Тутъ мы начали тщательно обыскивать весь за-
мокъ, но напрасны были наши старанія. Намъ остава-
лось осмотрѣть принадлежности и службы: на ту по-
ру пошелъ проливной дождь и поднялась такая силь-

ная гроза, что мы должны были переждать ихъ въ комнату. Громъ гремѣлъ прямо надъ нами и страшныя молніи безпрестанно освѣщали сумракъ пасмурнаго вечера.

— Признаюсь, это не слишкомъ весело, сказалъ докторъ Б***: если сиръ Генри теперь ѣдетъ, онъ, я думаю, немного освѣжится.

— Но что сдѣлалъ онъ съ леди Юліей? вскрикнулъ Г. Кортропъ.

— О, будьте увѣрены, что она у него спрятана гдѣ-нибудь въ добромъ мѣстѣ. Эти сумасшедшіе хитры до без....

Не успѣвъ вымолвить докторъ Б***, какъ вдругъ распахнулись двери стараго кабинета, къ которому мы подходили, но сочли его запертымъ, и изъ нихъ выступилъ баронетъ въ дорожномъ платьѣ, съ спокойнымъ и надменнымъ видомъ.

— Господа! сказалъ онъ намъ хладнокровно: помните, что вы дѣлаете? Знаете ли, что я сиръ Генри Гарле, и что домъ этотъ мой? Кто далъ вамъ право, кто прислалъ васъ, нарушать спокойствіе въ моемъ замкѣ?

Онъ остановился съ простертою къ намъ рукою. Его повелительный видъ и положеніе очаровали бѣ живописца. Мы съ Г. Кортропомъ совершенно ослѣбѣли отъ нечаяннаго явленія, но докторъ Б*** тотчасъ подошелъ къ сиръ Генри съ самоувѣреннымъ поклономъ и улыбкою, какъ-будто онъ ожидалъ его выхода. Никогда въ жизни не видалъ я такой удивительной спохватливости.

— Сиръ Генри, сказалъ докторъ съ живостью, вы избавляете насъ отъ большаго затрудненія: мы искали васъ по всему дому!

— Вы меня искали, сударь! Ваше имя? вскрикнулъ баронетъ съ гордостью и изумленіемъ, отступая отъ него шага на два и пріосаниваясь.

— *Пожалуйста*, скажите намъ, гдѣ ваша супруга, продолжалъ непоколебимый докторъ.

Не знаю почему, но я чувствовалъ, что онъ какъ-будто околдовалъ бѣднаго баронета. Сирь Генри смотрѣлъ то на него, то на меня, то на Г. Кортропа.

— Еще разъ, сударь, прошу васъ сказать свое имя! повторилъ баронетъ, но уже не съ прежней твердостью.

— Докторъ Б***, отвѣчалъ ему нашъ товарищъ съ низкимъ поклономъ.

Баронетъ оглазѣлъ. — Докторъ Б*** изъ Сомерфильда? прошепталъ онъ, послѣ краткаго молчанія, дрожащимъ голосомъ.

— Такъ точно, сирь Генри, отвѣчалъ докторъ, опять кланаясь.

Сирь Генри поблѣднѣлъ. Онъ отвернулся въ сторону, какъ-будто былъ не въ силахъ смотреть на доктора, и упалъ въ кресла бормоча:—Такъ я погибъ совершенно!

— Не тревожьтесь, сирь Генри, говорилъ докторъ Б***, и подошелъ къ нему съ дружелюбнымъ видомъ; но лице баронета было исполнено ужаса, и мы стояли безмолвно и неподвижно, повинувшись запретительнымъ знакамъ доктора.

— Джоржъ, сказалъ сирь Генри трепещущимъ голосомъ Г. Кортропу: ты не врагъ мнѣ....

— Милый, милый Генри! вскрикнулъ Г. Кортропъ, кинулся къ баронету, и схватилъ его за руку, чуть не въ слезахъ.

— Поди, приведи оуда леди Юлію; она ждетъ меня въ бестѣкѣ.

Г. Кортропъ, съ согласія нашего, поспѣшилъ исполнить его просьбу, и черезъ минуту воротился съ леди или, лучше, за леди Юліей, которая опередила его на лѣстницѣ, и съ крикомъ вбѣжала къ намъ въ дорожномъ платьѣ. — Гдѣ, гдѣ онъ? Другъ

мой! милый Генри! что они съ тобой сдѣлали? Куда они хотятъ тебя везти?—Ужасный человѣкъ! произнесла она, рыдая и обративъ ко мнѣ свое блѣдное, прекрасное, полное отчаянья лице. Это все ваше дѣло!— Ангелъ мой! другъ мой! говорила бѣдная леди мужу, который все это время сидѣлъ неподвижно въ креслахъ: я жена твоя, я твоя Юлія!

Она обвила его руками и цѣловала, цѣловала съ изступленіемъ.

— Я такъ и думалъ, что будетъ сцена, сказалъ мнѣ на ухо докторъ Б***: напрасно мы позволили ее при-
весть. — Сдѣлайте милость, успокойтесь, сударыня! Вы только увеличите его страданія....

— Да, да! я ужъ спокойна, я теперь очень спокойна,— и она судорожно прижимала къ себѣ сира Генри, а онъ окаменѣлъ у ней въ объятіяхъ какъ статуя!

Докторъ Б*** не много смутился.—Этакъ мы ничего не сдѣлаемъ, говорилъ онъ намъ потихоньку: съ сирь Генри совсѣмъ нельзя будетъ сладить.

— Леди Юлія, могу я сказать вамъ одно слово наединѣ, спросилъ онъ ее шопотомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда не разлучите вы меня съ мужемъ! Другъ мой, вѣдь никогда?

Она посмотрѣла ему въ лице съ неизъяснимой нежностью, и вдругъ опять обняла его изо всей силы, съ отчаяньемъ.

— Поговорите вы съ супругою; успокойте ее; вы одни можете это сдѣлать, сказалъ докторъ Б*** баронету съ видомъ человѣка, который увѣренъ, который знаетъ, что его послушаютъ.

Слова его, казалось, вызвали баронета изъ глубокой задумчивости или, точнѣе, изъ онемѣнія: онъ самъ нежно обнялъ жену свою и сказалъ ей ласково.— Полно, полно, другъ мой! я не дамъ тебя въ обиду, не безпокойся.

— Видите! слышали? Ну, говорятъ ли такъ су-сумасшедшіе? почти вскрикнула леди Юлія.

— Полно, милая, полно душа моя! Они говорятъ, что намъ должно разстаться, но вѣдь не надолго, произнесъ несчастный мужъ самымъ трогательнымъ голосомъ и отиралъ слезы, которыя градомъ катились по лицу Юліи.

— Никогда, никогда этого не будетъ! Не хочу, не хочу, не хочу, воскликнула она съ истерическимъ рыданіемъ.

Онъ опять взялъ ее въ объятія, и, глядя на небо, говорилъ: — Умилосердись, сжалясь надъ нею! — Потомъ вдругъ захохоталъ во все горло, выпустилъ ее изъ рукъ, и бѣдная Юлія упала въ обморокъ. Г. Кортропъ вынесъ ее изъ комнаты.

— Сирь Генри, сказалъ докторъ Б***, намъ нельзя терять ни минуты: карета наша у крыльца, садитесь и поѣдьте. Леди Юлія послѣдуетъ за вами въ вашемъ собственномъ экипажѣ.

Онъ всталъ и застегнулъ сюртукъ. — Такъ Его Величество въ самомъ дѣлѣ прислалъ за мною безъ гнѣва? Поспѣшимте; нечего шутить съ королемъ. У васъ есть собственноручное повелѣніе? — Докторъ Б*** кивнулъ головою, и сирь Генри, не говоря ни слова, вышелъ съ нимъ и Г. Кортропомъ изъ комнаты, взявъ палку, шляпу, перчатки, сѣлъ въ карету, и они отправились. Я тотчасъ бросился къ леди Юліи. Но зачѣмъ говорить вамъ объ ея страданіяхъ? Бѣдная женщина! Одинъ Богъ видитъ, что она терпѣла, и я охотно опускаю занавѣсъ между ея муками и холоднымъ любопытствомъ безчувственнаго свѣта.

Оставивъ ее на рукахъ горничной и подлекаря, я сѣвшиль воротиться въ городъ. Поздо вечеромъ пріѣхалъ ко мнѣ Г. Кортропъ и рассказывалъ, какъ путешествовали они съ баронетомъ. Сначала сирь Генри былъ погруженъ въ задумчивость; потомъ началъ становиться неугомоннымъ, и наконецъ пришелъ въ совершенное бѣшенство. Онъ разбилъ въ дребезги сте-

кло и чуть не удушилъ одного изъ сторожей, схвативъ его за галстухъ. Когда они прѣехали въ Сомерфильдъ, мѣстопробываніе доктора, сирь Генри сдѣлался вдругъ совершенно смиренъ; онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, побѣднѣлъ какъ смерть, и далъ вести себя безъ сопротивленія. Онъ воображалъ, что это тюрьма, Лондонская Башня. Нѣсколько времени сидѣлъ онъ въ мрачномъ безмолвіи; потомъ потребовалъ пастора и стряпчаго. Передъ первымъ упалъ онъ на колѣни, и каялся, что нѣсколько разъ посягалъ на жизнь леди Юліи; но въ то же время торжественно объявлялъ, что отнюдь невиненъ въ государственной измѣнѣ. Сколько можно было заключить изъ его словъ, онъ почиталъ себя женоубійцею! Онъ говорилъ, что подѣломъ настигло его правосудіе, и, прощаясь съ Г. Кортропомъ какъ на смерть, убѣждалъ его самымъ краснорѣчивымъ образомъ не предаваться влеченію необузданныхъ страстей и воли.

Какой чудный, какой печальный день пережилъ я въ моей жизни!

На другое утро я распорядился такимъ образомъ, чтобъ пораньше навѣстить леди Юлію, какъ вдругъ знакомая мнѣ карета подъѣхала къ крыльцу, и я увидѣлъ, что горничная леди высаживаетъ изъ нея свою барыню. Усиліе дойти до залы чуть не стоило ей обморока,—такъ ослабѣла она отъ вчерашнихъ происшествій! Я скоро узналъ причину ея поспѣшнаго прибытія: она непремѣнно рѣшилась сама ходить за сиромъ Генри, даже въ качествѣ простаго слуги. Напрасны были всѣ мои возраженія; она слушала ихъ нехотя, и отвѣчала съ сердцемъ или просто ручьями слезъ.

Мы съ женою едва могли уговорить ее лечь въ постель и подождать, пока я ворочусь домой и привезу извѣстіе о сирѣ Генри. Часа черезъ два успѣлъ я захватить въ Сомерфильдъ. Докторъ Б * * * сказалъ мнѣ, что баронетъ послѣ сильнаго бѣшенства и изступле-

нiя впалъ въ спокойную задумчивость. Вошедъ въ его комнату, гдѣ удобство соединилось со вкусомъ отделки, я засталъ его за письменнымъ столикомъ. Онъ принялъ меня вѣжливо, и если бъ не странная дикость въ глазахъ, отъ которой не можетъ освободиться ни одинъ помѣшанный, право нельзя было бы примѣтить въ немъ постигшей его переменъ.

— Теперь можете, сударь, выйти, сказалъ баронетъ своему сторожу, который взглянулъ на меня значительно и удалился.

— Сирь Генри, сказалъ я, придвигаясь къ столу, у котораго онъ сидѣлъ: кажется, вы помѣщены здѣсь довольно удобно....

— Я и не заслуживаю, да и не желаю ничего лучше; очень чувствую свое глубокое униженiе, но клянусь, что я невиненъ въ томъ, за что меня посадили. — Однако, мнѣ нельзя отрыватья отъ дѣла, присовокупилъ онъ съ учтивымъ поклономъ и взялся опять за перо.

Я наблюдалъ его нѣсколько минутъ въ молчанiи. Онъ какъ-будто и не замѣчалъ моего присутствiя, занятый своей работою. Я не зналъ, какъ заговорить о леди Юлии, когда, совсѣмъ неожиданно, онъ самъ спросилъ меня, не переставая писать, въ какомъ положенiи я ее оставилъ.

— Я радъ, что вы объ ней спрашиваете, сирь Генри: она теперь у меня въ домѣ. Позвольте привезть ее къ вамъ?

— Какъ? развѣ сюда пускають женщинъ? Не провѣдали ли еще чего-нибудь?

— Нѣтъ, ничего, отвѣчалъ я, не зная, что онъ подъ этимъ разумѣеть.

— Да будетъ ли она тиха?

— Почему же нѣтъ, сирь Генри!

— Пожалуйте, чтобъ она не носила съ собой колокольчиковъ.

— Будьте увѣрены, сирь Генри, что она ничѣмъ васъ не обезпokoитъ.

— Хорошо! теперь вы меня оставьте, чтобъ мнѣ приготовиться къ свиданію. Да не лучше ли пригласить скорописца? Быть-можетъ, она выскажетъ что-нибудь важное.

— Мы постараемся все уладить. Такъ часа черезъ два вы будете готовы?

Онъ поклонился и взявъ перо, а я вышелъ. Воротившись домой, я засталъ леди Юлію въ слезахъ съ моей женою. Я говорилъ ей, какъ сирь Генри казался доволенъ и покоенъ, и съ какой радостью онъ принялъ предложеніе ее видѣть: она сплеснула руками, и увѣряла меня съ легкимъ судорожнымъ смѣхомъ, что теперь она очень, очень счастлива. Но я видѣлъ ея слабость, и со страхомъ ожидалъ минуты свиданія.

Часовъ въ шесть леди Юлія и сестра ея леди Анна, только-что пріѣхавшая изъ деревни, отправились вмѣстѣ со мною и съ Г. Кортропомъ въ Сомерфильдъ. Докторъ Б*** самъ провелъ насъ къ своему паціенту.

— Генри!!! вскрикнула она, завидѣвъ своего мужа, бросилась къ нему въ объятія, и долго лежала молча, неподвижно, такъ, что я думалъ, не сдѣлался ли съ ней обморокъ.

— Юлія, это ты?... Какова ты? спросилъ баронетъ безъ всякаго смущенія. (Она тяжело рыдала.)—Съ, перестань! говорилъ онъ шепотомъ: здѣсь надо быть тихой; шумѣть строго запрещено; не то выведутъ тебя изъ компаты. Да ты и мсмя растревожишь до такой степени, что я не выдержу этого свиданія.

Все это произнесъ онъ съ совершеннымъ хладнокровіемъ, будто вовсе не зная, что онъ единственною виною слезъ жены своей. Рыданія ея становились громче.

— Замолчи же, Юлія! сказалъ баронетъ грознымъ голосомъ: это безразсудно!

Руки бѣдной леди мгновенно опустились съ ея шеи; она упала въ обморокъ. Я скоро привелъ ее въ чувство, и мы съѣли опять по мѣстамъ, но разговоръ нашъ ни сколько не оживлялся.

— Тяжкій долгъ отъ меня требуетъ, сказалъ вдругъ сирь Генри съ важнымъ видомъ, чтобъ я объяснилъ теперь всю тайну. Перенесешь ли ты это, Юлія? (Она кивнула головою.) И въ присутствіи всѣхъ этихъ господъ? (Она опять кивнула, — говорить не могла.)

— Не выйти ли намъ лучше? спросилъ я баронета.

— Зачѣмъ же? Развѣ только сами этого хотите. Чѣмъ больше свидѣтелей истины, тѣмъ лучше, сказалъ онъ, и потомъ продолжалъ торжественнымъ голосомъ. Я не безчестный человекъ, и никогда имъ не былъ; однако боюсь, врядъ ли мнѣ удастся увѣрить васъ въ томъ, что вы услышите. Какъ бы то ни было ужасная тайна должна открыться: чувствую, что поступки мои въ послѣднее время требуютъ объясненія; долге притворяться нельзя, да и бесполезно. Рука Всемогущаго привела меня къ этому, и тяжело она лежитъ на мнѣ: вы видите передъ собой несчастнаго, котораго Онъ заклеймилъ проклятіемъ пуще Каинова!

Онъ пріостановился, и перебиралъ листы своей рукописи, будто хотѣлъ изъ нея читать. Мы всѣ глядели и слушали съ непритворнымъ удивленіемъ. Въ баронетъ было нѣчто такое, что рѣшительно заставило меня усомниться въ его помѣшательствѣ, и я почти готовился услышать отъ него признаніе, что для какой-нибудь сокровенной цѣли онъ притворялся сумасшедшимъ. Леди Юлія сидѣла подлѣ него блѣдная и неподвижная какъ статуя, и взоръ ея былъ прикованъ къ мужу со смѣшаннымъ, ужаснымъ выраженіемъ любви, отчаянья и боязни.

— Знайте жъ, продолжалъ сирь Генри мрачнымъ и пониженнымъ голосомъ: знайте, что передъ вами — самозванецъ! Свѣтъ скоро огласится этою исторіей:

друзья будут презирать меня, парламент отвергнет, родные от меня отступятся, и жена (онъ поднялъ на нее взоръ) меня покинетъ. Я не баронетъ! (Онъ смолкъ, и старался перемочь свои чувства) Я не имѣю права ни на званіе, которое я унижилъ, ни на богатство, которое я расточалъ, ни на руку, которую я обезчестилъ. (Вопреки всѣмъ усиліямъ, уста его дрожали, лице побѣлѣло какъ савань.) Но, Богъ свидѣтель, что при вступленіи въ бракъ съ этой благородною дамой (онъ дрожащею рукою указалъ на леди Юлію) я не зналъ того, что теперь знаю, что не я, другой имѣлъ право быть на моемъ мѣстѣ и пользоваться богатствомъ и почестями... Что жъ? Это васъ не изумляетъ? Ни въ комъ незамѣтно волненія. Развѣ это не новость? Развѣ всѣ вы къ этому приготовлены? Развѣ нарушена моя тайна, моя довѣренность? Какъ это, леди Юлія? Скажите, вы это сдѣлали? (Бѣдная леди улыбнулась черезъ силу — улыбкою нѣжной недовѣрчивости.) Ааа, болтушка! вонъ.... закричалъ онъ, вскочивъ съ мѣста и шагая по комнатѣ въ страшномъ волненіи.

Леди Юлію вынесли безъ чувствъ.

— Да! продолжалъ баронетъ, несмотря на возвращеніе своего сторожа, который тотчасъ прибѣжалъ на шумъ: эта лживая женщина предала меня бѣдствію и стыду! Она овладѣла моею тайною, и обратила мнѣ ее въ пагубу! Если бъ не она, и до сихъ поръ все было бъ скрыто! Га! вотъ тайна, которая такъ долго отравляла мнѣ сердце, ржавила умъ, возбуждала къ злодѣйству, дѣлала діавола самого лукаваго моимъ всегдашнимъ спутникомъ, и превращала въ адъ все вокругъ меня! Оо, я задыхаюсь! Я горю! Мочи нѣтъ! Это нестерпимо! Что жъ вы не говорите мнѣ ни слова, докторъ Б***, теперь, какъ завлекли меня въ свои сѣти? Заодно вы что-ли съ леди Юліей? *Леди Юлія! Леди!* Да! она сохранить это званіе, только связанное съ именемъ мужика! А-ахъ, что со мною будетъ!— Говори-

те, докторъ, говорите! кричалъ онъ мнѣ, лишь только я воротился отъ леди Юліи.

— Это будетъ напрасно, пока вы въ такомъ изступленіи, сирь Генри....

— Сирь Генри! И вы дерзнули смѣяться мнѣ въ глаза?

Онъ сталъ прямо передо мною, и, кажется, хотѣлъ меня ударить, но подоспѣлъ докторъ Б***, и сумасшедшій убрался на другой конецъ комнаты. Мы скоро его оставили. Я поѣхалъ домой одинъ, потому что леди Юлія съ сестрою отправились къ Г. Кортропу. Всю дорогу занимали меня мысли о внезапномъ бѣдствіи, постигшемъ баронета и жену его. И въ самомъ дѣлѣ, каково теперь было положеніе этой прежде столь счастливой, столь блестящей четы! Сирь Генри въ домъ сумасшедшихъ; леди Юлія, истощенная душевнымъ терзаніемъ! Роскошь, богатство, знатность, — все исчезло! Какой комментарий на слова царственнаго страдальца въ Св. Писаніи — «Азь же рѣхъ «въ обилии моемъ: Не подвижуся во вѣкъ. Господи, волею твоею подаждь добротъ моей силу; отвратилъ же «еси лице твое, и быхъ *смущенъ*.»

Вскорѣ послѣ этой ужасной сцены, газеты подтвердили все то, что слышали мы отъ баронета, и что можно было бы почесть одною изъ многочисленныхъ грезъ его разстроеннаго воображенія. Дѣйствительно, нашелся-было челоувѣкъ, который объявилъ права свои названіе и на все богатство сирь Генри, и представлялъ такія доказательства, которыя дѣлали рѣшеніе тяжбы весьма сомнительнымъ. Баронетъ узналъ объ этомъ скорѣ послѣ своей свадьбы, и сначала никакъ не хотѣлъ вѣрить справедливости извѣстія, — однако ему вѣрилось поневолю! Слухи о розыскахъ, которые дѣлалъ неутомимый стряпчій его противника, съ каждымъ днемъ усугубляли безпокойство сирь Генри, и какъ онъ ни скрывалъ его отъ жены, въ ней невольно родилось слабое подозрѣніе. Баронетъ строго запре-

*

щаль ей всякіе распросы, но часто самъ говорилъ во снѣ, и тревожный бредъ его, къ которому съ ужасомъ прислушивалась леди Юлія, только подтверждалъ ея опасенія. Къ несчастію, они слишкомъ скоро оправдались.

Я почти каждый день навѣщалъ обоихъ супруговъ. Болѣзнь сирѣ Генри обнаруживалась самыми страшными припадками, которые требовали крайнихъ мѣръ. Кто узналъ бы милаго, прекраснаго собою, образованнаго баронета въ воющемъ, неистовомъ сумасбродѣ, котораго я съ ужасомъ видалъ прикованнаго къ стѣнѣ, съ выбритой головою, вышученными, налитыми кровью, глазами и искривленнымъ ртомъ, изъ котораго сыпались самыя страшныя проклятія и ругательства? Не могу описать ощущенія, съ которымъ переходилъ я отъ этого зрѣлища къ изголовью кроткой, тихо гаснущей страдалицы. Я утѣшалъ ее добрыми вѣстями о здоровьѣ мужа. Морозъ пробѣгалъ у меня по жиламъ, когда я говорилъ эти лжи.

Впрочемъ тѣлесное здоровье сирѣ Генри дѣйствительно поправлялось, а вскорѣ и дикіе припадки сумасшествія стали затихать. Въ глазахъ его выражалось рѣшительное, спокойное безуміе. Признаюсь, и я, и опытный докторъ Б***, оба теряли надежду на его исцѣленіе. Онъ переходилъ отъ мечты къ мечтѣ, и одна другой нелѣпѣе. Однажды спросилъ онъ двадцать листовъ бумаги, и писалъ три недѣли почти безъ отдыха. Напослѣдокъ вышло, что это рѣчь для произнесенія въ нижнемъ парламентѣ, которою онъ оправдывался въ жестокихъ поступкахъ противъ леди Юліи, и доказывалъ права свои на званіе баронета и на помѣстья. Онъ заставилъ сторожа слушать всю эту проповѣдь, но утомившись продолжительнымъ чтеніемъ, бросилъ его самъ на половинѣ. Онъ велѣлъ сдѣлать себѣ такой чудный нарядъ, что при всемъ огорченіи нельзя было смотреть на него безъ смѣху, — камзолъ и штаны

въ обтяжку изъ свѣтло-зеленой байки съ шелковыми чулками и штиблетами. Въ этой одеждѣ я заставлялъ его въ углу комнаты на столѣ, произносящаго рѣчь передъ простодушнымъ сторожемъ со всей силою ораторскаго краснорѣчія, — и только я войду, онъ слѣзаетъ со смущеніемъ маленькаго шалуна, котораго надзиратель поймалъ въ проказахъ.

А леди Юлія, прекрасная и прежде столь живая леди Юлія, — она увядала съ каждымъ днемъ. Всѣ старанія привязаннаго къ ней семейства, все нѣжное участіе многочисленныхъ друзей оставались бесполезны. Поэтому легко себя представить, какъ встревожила насъ возобновленная ею, настоятельная просьба перевезти ее совсѣмъ къ сирѣ Генри. Подкрѣпленный убѣжденіями всѣхъ окружавшихъ и моимъ собственнымъ мнѣніемъ, я рѣшительно отказалъ ей въ этомъ опасномъ шагѣ. Напрасно она умоляла насъ съ горькими слезами, даже съ изступленіемъ, — мы всѣ оставались непреклонны. Несмотря на то, къ всеобщему удивленію и радости, здоровье ея въ теченіе этого мѣсяца замѣтно поправлялось. Мы старались развлекать ее пріятнымъ образомъ и утѣшали добрыми вѣстями о положеніи сирѣ Генри. Маленькой сынъ ея, — премилый ребенокъ, — былъ безпрестанно около нея, и забавлялъ бѣдную своимъ лепетомъ. Она встала съ постели, проводила по нѣсколькимъ часамъ въ гостиной, и тутъ опять начала приставать къ намъ, чтобъ ей дозволили повидаться съ сирѣ Генри. Я долженъ былъ обѣщать ей затѣхать къ баронету и предупредить его объ ея намѣренъ.

Онъ былъ одѣтъ по-прежнему, — и если нарядъ его производилъ сильное впечатлѣніе надомною, какого жъ дѣйствія должно было ожидать на леди Юлію? Я засталъ его въ самомъ веселомъ расположеніи; онъ сейчасъ только побѣдилъ въ шахматы одного изъ своихъ товарищей, и, потирая руки, съ жаромъ рассказывалъ

объ этомъ подвигъ сторожу. Онъ принялъ меня очень дружелюбно.

— Что скажете вы, сиръ Генри, если къ вамъ прїѣдутъ гости, навѣстить васъ?

— Очень радъ, очень радъ ихъ видѣть, только не завтра, отнюдь не завтра; завтра мнѣ никакъ нельзя: я приглашенъ обѣдать къ королю, и буду играть съ нимъ на бильярдѣ.

— А, имѣю честь поздравить! Скажите, пожалуйста, Его Величество самъ прїбудетъ въ Сомерфильдъ, или вы отправитесь къ нему въ Виндзоръ?

— Ъхать въ Виндзоръ? Что вы, Богъ съ вами! Да король живетъ здѣсь; это его дворецъ, и я одинъ изъ приближенныхъ лордовъ. Развѣ вы этого не знаете?

— Да, да! А въ которомъ часу вы должны быть у Его Величества?

— Въ три часа, непременно.

— Ммъ! Ну, если я привезу къ вамъ моихъ знакомыхъ въ двѣнадцать?

Онъ призадумался. Мнѣ было досадно, что онъ не спрашиваетъ, кто хочетъ его видѣть, и я рѣшился намѣкнуть ему на это самъ.

— Такъ что жъ, сиръ Генри, можно прїѣхать ей въ двѣнадцать часовъ?

— Если она не долго пробудетъ, пожалуй! Только Бога ради, чтобъ меня не растревожили, потому что мнѣ надо быть у короля. Могу ли я играть на бильярдѣ, когда у меня будутъ дрожать руки!

— Конечно нѣтъ; но при свиданіи съ леди Юліей, что можетъ васъ такъ встревожить?

— Леди Юлія! повторилъ онъ настоящимъ дурачкомъ. Да! вѣдь вы знаете леди Юлію! Не сдѣлаетъ ли она какихъ-нибудь уступокъ, — а?

— О, конечно! вы можете быть увѣрены. Ей очень хочется васъ видѣть.

— Да! Только съ тѣмъ, чтобы вы были съ нею. Скажи-

те ей, чтобъ она меня не пугала, — знаете, — для короля!

Онъ пожалъ мнѣ руку, отворилъ дверь, и я откланялся.

На другой день, когда я вошелъ предупредить его о прибытіи леди Юліи, онъ ужъ былъ въ полномъ нарядѣ. Сверхъ обыкновеннаго зеленого платья былъ на немъ алый поясъ и на шеѣ золотая цѣпь. Палка изъ чернаго дерева заступала мѣсто шпаги, а фуражка украшена была длиннымъ павлиньимъ перомъ, ободранымъ по самую маковку. Онъ особенно гордился этой послѣдней принадлежностью, и никакъ не хотѣлъ ее снять. Какое ужасное зрѣлище для бѣдной супруги!

— Позвольте спросить васъ, сирь Генри, что вы нынче такъ разрядились?

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ. — Кажется, я говорилъ вамъ, докторъ, о королевскомъ приглашеніи.

— Ахъ, да! это правда. Но все-таки вы встрѣтите супругу свою безъ шапки? сказалъ я ласково.

— Нѣтъ, сударь, отвѣчалъ онъ мнѣ наотрѣзъ. Да что жъ, готова эта гостья?

— Сейчасъ, сирь Генри: она нетерпѣливо ожидаетъ позволенія броситься въ ваши объятія.

— Какъ! броситься въ мои объятія? въ мои объятія? слыханное ли это дѣло! вскрикнулъ баронетъ въ недоумѣніи: нѣтъ, нѣтъ, мнѣ нельзя допускать такихъ короткостей! — Это ужъ слишкомъ.... а? спросилъ онъ, обращаясь къ сторожу: какъ вы думаете?

Тотъ поклонился.

— Сверхъ-того, продолжалъ баронетъ, указывая на него, этотъ господинъ, — секретарь мой, — долженъ быть здѣсь и записывать все, что будетъ происходить.

— Конечно, отвѣчалъ я съ прискорбіемъ, и внутренно проклиная себя за то, что согласился на это свиданіе.

Я поспѣшилъ въ ту комнату, гдѣ оставилъ своихъ

дамь и чтобъ приготовить леди Юлію, описывалъ ей съ улыбікою нарядъ ея мужа. Она старалась улыбаться вмѣстѣ со мною, и просила поскорѣе ввести меня къ нему.

— Перо, перо, перо! зашепталъ баронетъ своему сторожу, лишь только мы отворили дверь, и тотъ сейчасъ же сѣлъ къ столу съ перомъ и чернильницей.

Когда мы вошли, баронетъ учтиво поклонился.

— Поговорите съ нимъ, сказалъ я на ухо леди Юліи.

Она было хотѣла, но не смогла; уста ея шевелились безъ звука. Леди Анна говорила за нее что-то трепетнымъ голосомъ, а Юлія, увидѣвъ странную одежду своего мужа, затворила глаза и тряслась какъ листъ.

— Генри, милый Генри, произнесла она немного погодя, протягивая къ нему дрожащія руки.

Сирь Генри снялъ шапку съ вѣжливѣмъ, но чуждающимся видомъ, и тотчасъ надѣлъ ее весьма тщательно, не сказавъ ни слова.

— Можемъ мы сѣсть, сирь Генри? спросилъ я баронета.

— Пусть ее сядетъ, отвѣчалъ онъ повелительно, сложилъ руки, прислонился къ окну и поглядывалъ на жену съ любопытствомъ.

— Вы пришли сюда по своей волѣ? спросилъ онъ равнодушно.

— Да, Генри, да, отвѣчала она потихоньку.

— Записать это, сказалъ баронетъ въ полголоса своему секретарю.

— Вы теперь совсѣмъ выздоровѣли?

— Совсѣмъ другъ мой!

— Записать это, быстро повторилъ баронетъ и не спустилъ глазъ съ «секретаря», пока тотъ не исполнилъ его воли.

Молчаніе. Я сѣлъ подлѣ Юліи; она дрожала, и была блѣдна какъ смерть.

— Я увѣренъ, сирь Генри, сказалъ я, что для васъ

не неприятно посѣщеніе вашей супруги? А когда такъ скажите ей это: она боится, что вы ею не довольны!

Она схватила меня за руку съ судорожнымъ усиліемъ, но не пыталась говорить. Сирь Генри, послѣ затруднительнаго молчанія, подошелъ къ ней ближе и глядя ей пристально въ лицо, сказалъ въ полголоса:

— Богъ свидѣтель, Юлія, я не имѣю на тебя зла; скажи, ты не имѣешь ли?

Онъ поднялъ палецъ и взглянулъ на сторожа, чтобъ тотъ записалъ отвѣтъ, но отвѣта не было. Онъ тихо преклонилъ коленно, снялъ перчатку съ правой руки, какъ-будто для того, чтобъ взять Юліину, и произнесъ съ нѣжностью: — Юлія, неужли я не дождусь отвѣта?

Ни въ звукъ его голоса, ни въ пріемахъ не было помѣшательства, и она сейчасъ замѣтила эту перемену.

— Генри, Генри! милый другъ мой! проговорила она слабымъ голосомъ, и кинулась къ нему на шею.

— Бѣдная! какія у ней мягкія чувства! говорилъ баронетъ равнодушно. Юлія, тебѣ надо стараться владѣть ими какъ я. Я не сержусь на тебя; я знаю, что ты была раздражена. — Какъ бьется у ней сердчишко! продолжалъ онъ въ раздумь. Ахъ, да ей дурно! Что это за ребячество!

Въ самомъ дѣлѣ нечастная леди лежала безъ чувствъ въ его объятіяхъ. Лице баронета сдѣлалось вдругъ пасмурно. Онъ далъ намъ снять съ нея чепецъ, но крѣпко держалъ руки ея въ своихъ, и смотрѣлъ ей въ лице съ выраженіемъ заботливости и удивленія. Опытный глазъ его «секретаря» предвидѣлъ наступленіе бури.

— Лучше вамъ приказать вынести отсюда вашу супругу! шепнулъ ему сторожъ повелительно и въ то же время тихонько освобождалъ ее у него изъ рукъ.

— Хорошо, пожалуй; мнѣ ея жаль; я помню, что она была такая добрая, и вотъ, до чего дошло. — Бѣдная Юлія! произнесъ онъ трепетнымъ голосомъ, отошелъ

къ крайнему окну, и обернувшись къ намъ спиною, плакалъ горько.

Мы тотчасъ вынесли леди Юлію, и такъ долго не могли привести ее въ чувство, что сомнѣвались, будетъ ли она въ силахъ ѣхать домой. Выходя изъ ея комнаты, я повстрѣчалъ баронета съ его сторожемъ.

— Куда вы теперь? спросилъ я со вздохомъ.

— Иду сказать королю, что не могу у него обѣдать; я весь въ волненіи, и не знаю отъ чего. — Кто привезъ ко мнѣ леди Юлію? спросилъ онъ потихоньку. (Я не отвѣчалъ.) Однако весьма радъ, что васъ встрѣтилъ: пройдемтесь по саду; мнѣ нужно сообщить вамъ кое-что очень важное.

— Право, извините меня, сиръ Генри, я....

— Шутите вы, докторъ? Развѣ не знаете, какія слѣдствія грозятъ тому, кто мнѣ въ чемъ-нибудь откажетъ?

Онъ взялъ меня подъ руку, и повелъ въ садъ. Мы ходили, ходили, самымъ скорымъ шагомъ, и во все это время онъ смотрѣлъ на меня съ сокрушеніемъ, но не говорилъ ни слова. А между-тѣмъ мы шли все быстрѣе, и наконецъ чуть не бѣгомъ: усталость одолевала меня до того, что мнѣ закружило голову; я старался направить шаги его къ крыльцу.

— Бѣдная, бѣдная Юлія! вскрикнулъ онъ вдругъ печальнымъ голосомъ, и отскочилъ отъ меня въ сторону, сѣлъ во впадинѣ стѣны, облокотился на колына, закрылъ лице платкомъ.

Я смотрѣлъ на него изъ-за двери; онъ плакалъ горькими слезами. Бѣдный баронетъ! Тутъ подбѣжалъ къ нему съ веселымъ видомъ одинъ изъ его товарищей, ударилъ его по спинѣ, и закричалъ во все горло: — Я владѣтель острововъ!

— Нынче мнѣ нельзя играть на бильярдѣ съ вашимъ величествомъ, сказалъ сиръ Генри, поднявъ на него красные, распухшіе отъ слезъ глаза.

— Такъ хотъ обними меня! сказалъ сумасшедшій, и

они заключили другъ друга въ объятія. — Ты плачешь! отвѣчалъ пришелецъ, и завылъ вдругъ самъ, но черезъ минуту онъ пустился бѣжать во всю мочь, и, приложивъ руку къ губамъ въ видѣ дудки, кричалъ: — Ату его! ату его! ушелъ, ушелъ!

Баронетъ впалъ въ свое прежнее расположеніе. Когда я воротился къ леди Юліи, она немного успокоилась, и объявляла рѣшительно, что ни за что не выйдетъ изъ того дома, гдѣ живетъ ея несчастный мужъ. Она успѣла распросить Г-жу Б***, есть ли у нея нѣсколько свободныхъ комнатъ, и нацѣла для себя лѣвую половину, вопреки всѣмъ нашимъ возраженіямъ и просьбамъ. Мы должны были согласиться, но разумѣется, приняли самыя тщательныя мѣры для безопасности ея со стороны баронета. Въ цѣлый мѣсяцъ видѣла она его раза два, и то на минуту; несмотря на то, здоровье ея какъ-будто поправлялось. Однажды, когда сиръ Генри былъ очень веселъ, ему объявили, что она давно живетъ въ Сомерфильдѣ: онъ этому отнюдь не удивился, и позволилъ пригласить ее къ нему пить чай. При первомъ свиданіи онъ былъ довольно дикъ и неразговорчивъ, но въ послѣдствіи привыкъ къ ея обществу, самъ оплачивалъ дѣлаемые ему посѣщенія, разумѣется, въ сопровожденіи своего «секретаря», — и очень любилъ слушать леди Юлію и сестру ея, когда онѣ играли на фортепіано. Онъ сочинялъ пѣсни, а онѣ клали ихъ на музыку; часто онъ носилъ имъ цвѣты, и получалъ за это маленькіе подарки. Онъ просиживалъ съ ними по нѣсколькимъ часамъ, читалъ самъ или слушалъ повѣсти и газеты; однимъ словомъ, дѣлался опять похожимъ на человѣка. Съ леди Юліей обращался онъ чрезвычайно вѣжливо, а за леди Анной — просто волочилъ! Онъ уговорили баронета разстаться не только съ павлинымъ перомъ, но и со всѣмъ его шутовскимъ нарядомъ. Одной мысли нельзя было выжить изъ разстроенной головы его, именно той, что

онъ въ заключеніи и ожидаетъ суда за женоубійство и государственную измѣну.

Не знаю, какъ отдать справедливость добродѣтелямъ его несравненной супруги, какими похвалами превознести ея неутомимое, благородное самопожертвованіе въ пользу несчастнаго мужа! Единственною ея отрадою было попеченіе объ его удобствахъ, во что бы оно ни становилось ея чувствительности, или здоровью, она примѣнялась ко всѣмъ нелѣпымъ выдумкамъ и прихотямъ; казалась довольною, когда онъ былъ доволенъ, и утѣшала его съ неистощимымъ терпѣніемъ въ горестяхъ, создаваемыхъ сумасбродствомъ. Въ отсутствіе мужа всѣ ея мысли поглощены были придумываніемъ для него новыхъ забавъ и развлеченій. Она не хотѣла и слушать, когда просили ее успокоиться и отдохнуть; ни какія убѣжденія не могли склонить ее удалиться на минуту отъ страшнаго позорища. *Хвала тебѣ, возвышенная женщина! Нѣтъ словъ для выраженія всѣхъ твоихъ заслугъ!*

И представьте, что несчастный мужъ повидимому отнюдь не признавалъ въ ней жены своей! Онъ обходился съ нею и говорилъ объ ней, какъ о любезной собеседницѣ; даже ввѣрялъ ей иногда свои тайны. Онъ разсказалъ ей между-прочимъ предлинную исторію о любви своей къ какой-то дѣвчонкѣ, которую выдалъ онъ на дворъ, и настоятельно спрашивалъ ея совѣта, какъ-бы ему скорѣе къ ней поддѣлаться.

Въ одно утро онъ привѣтствовалъ ее титуломъ королевы, и встрѣтилъ со всевозможнымъ почестями. Эта мечта укоренилась въ немъ до невѣроятія, и съ тѣхъ поръ — конецъ всѣмъ короткостямъ, всѣмъ маленькимъ ласкамъ для леди Юліи! Наступило царство строгаго этикета, и едва можно было уговорить сирь Генри, чтобъ онъ сѣлъ передъ мнимой королевою. Какая тоска изображалась тогда въ ея взорахъ! Но въ угодность вздорной мечтѣ супруга, она носила великолѣп-

ныя платья и брилліанты; при прощаніи холодно протягивала ему руку, а онъ цѣловаль ее со вѣсьмъ благоговѣніемъ вѣрноподданнаго. Вообразивъ себя пожалованнымъ въ генералы, онъ настояль, чтобъ у него подъ окнами играла каждый вечеръ военная музыка. Разъ онъ пригласилъ меня къ обѣду именемъ королевы. Это было въ одинъ изъ теплыхъ сентябрьскихъ дней, когда природа только что начинаетъ чувствовать легкое прикосновеніе осени. За столомъ, сирѣ Генри оказываль женѣ своей вѣсь почести, принадлежащія королевскому величеству, и каждая изъ нихъ терзала ея сердце, какъ новое доказательство закоренѣлости ужаснаго недуга. Я наблюдаль ее пристально. Небыло слезъ въ глазахъ ея, не замѣтно было порывовъ чувства въ пріемахъ, — одна тяжкая, безмолвная тоска души, сокрушенной страданіемъ!

Въ ближней бесѣдкѣ играла военная музыка. Отъ смѣлаго, блестящаго марша перешла она къ унылымъ звукамъ валторнѣ. И какъ согласовался этотъ переходъ съ тихимъ, полусумрачнымъ часомъ заката, съ обстоятельствами, съ расположеніемъ слушателей! Слезы градомъ текли по щекамъ леди Юліи, и глаза ея печально оставались на баронетѣ, а онъ сидѣль, опершись на ладонь, и задумчиво смотрѣль на померкающую окрестность. Тихій плачь скоро превратился въ рыданія, и напрасно леди Юлія старалась подавить ихъ. Почти въ забытьѣ положила она руку на мужнину и пожимала ее съ невольнымъ усиліемъ. Это длилось нѣсколько минутъ, какъ вдругъ сумасшедшій обернулся потихоньку и заглянулъ ей прямо въ лице; черты его страшно измѣнились, онъ вперилъ въ нее дѣвольскій взоръ и медленно поднялся со стула какъ злобный духъ, вызванный чародѣйствомъ музыки. Стрѣлою ринулся онъ къ дверямъ. Леди Юлія упала съ слабымъ стенаніемъ; сестра ея вскрикнула отъ страха, и подбѣжала къ ней на по-

мощь; я поспѣшилъ за сумасшедшимъ, но увидѣвъ, что сторожъ преслѣдуетъ его изо всѣхъ силъ, воротился опять въ комнату. Никогда не забуду я этого вечера! Сирь Генри бѣжалъ въ темноту съ чудовищной быстротою; сторожъ едва нагналъ его миля за двѣ отъ дома, и только хотѣлъ-было взять, какъ баронетъ сшибъ его съ ногъ ловкимъ и неожиданнымъ ударомъ, а самъ тотчасъ вскарабкался на дерево и взвылъ оттуда ужаснѣйшимъ голосомъ. Вдругъ раздался трескъ между вѣтвями, какъ-будто падало что-нибудь тяжелое: сирь Генри лежалъ наземь окровавленный и безъ памяти! Сторожъ и высланные на подмогу люди принесли его домой. Докторъ В*** перевязалъ сильныя, хотъ и не опасныя раны, а мнѣ было довольно хлопотъ съ леди Юліей и ея сестрою, которыя перепугались до такой степени, что, при всемъ моемъ навыкѣ, я самъ пришелъ въ ужасъ и не зналъ, что съ ними начать. Здѣсь нельзя умолчать объ одной странности: пока мы были въ этомъ страшномъ переполохѣ, музыканты, не зная ничего о томъ, что случилось, продолжали забавлять насъ своимъ искусствомъ, и только поздней ночью пришло кому-то въ голову велѣть имъ наконецъ перестать.

Послѣ этого бѣдственнаго случая, мы рѣшились, во что бы то ни стало, перевезти леди Юлію въ ея собственный домъ. Она была не въ силахъ прекословить, и оставила Сомерфильдъ безъ всякой жалобы. Я того и смотрѣлъ, что она сама лишится разсудка, и прошло нѣсколько недѣль, а въ ней все не видно было ни малѣйшихъ признаковъ оздоровленія.

Между-тѣмъ наступилъ тотъ день, когда должна была рѣшиться участь не сирь Генри, но его званія и помѣстевъ. Тяжба, начатая его противникомъ, возбуждала всеобщее участіе: многочисленныя толпы любопытныхъ тѣснились въ судѣ съ самаго утра. Собрались присяжные; судья занялъ свое мѣсто; вызва-

ли свидѣтелей: не доставало только истцова стряпчаго. Онъ явился блѣдный, въ смущеніи. Довѣрителя его нашли мертвымъ въ постель. Наканунъ онъ попиравалъ съ своимъ ходатаемъ и съ свидѣтелями такъ неумѣренно, что былъ отвезенъ домой безъ всякаго чувства. Онъ умеръ; у него не было наслѣдниковъ, и слѣдственно тяжба прекращалась по необходимости,—но что было въ этомъ пользы для сирь Генри, отверженнаго обществомъ, отлученнаго отъ дома, отъ жены, отъ самого себя! Что было въ этомъ пользы леди Юліи, страдалицѣ, погибающей подъ бременемъ нестерпимыхъ золь! Однако я рѣшился испытать дѣйствіе неожиданной вѣсти надъ баронетомъ. Я пришелъ къ нему часа въ два, и засталъ его передъ огнемъ, за Шекспиромъ. Сначала я навелъ его на свой предметъ стороною, а потомъ рассказалъ въ короткихъ словахъ его собственную исторію по самое последнее происшествіе, только примѣняя все это къ постороннему лицу. Онъ слушалъ меня съ глубокимъ участіемъ.

— Боже мой! произнесъ онъ въ раздумь, когда я кончилъ: должно быть, я или слышалъ, или читалъ гдѣ-нибудь эту повѣсть! Въдъ вы и не выдаете ее за былъ, за недавній случай?

— Это дѣйствительно такъ было, сирь Генри.

— И оба они еще живы? и мужъ, и жена?

— Оба. И знаете ли, что они не далѣе, какъ въ десяти миляхъ отсюда!

— Неужели? Ахъ, какъ жаль!

— Жаль, сирь Генри? спросилъ я съ изумленіемъ.

— Для меня очень жаль. Знаете ли, чтѣ мнѣ пришло въ голову? Какой бы это былъ славный предметъ для трагедіи! Но если дѣйствующія лица еще живы, такъ оно конечно нейдетъ. Однако, все можно что-нибудь сдѣлать; надо только измѣнить, подправить событія.

— Это трагедія изъ дѣйствительной жизни, сказалъ я съ глубокимъ вздохомъ.

— Правда ваша! подхватилъ онъ, вздыхая за мною: она доказываетъ, что былъ часто превосходить всякой вымыселъ, — не такъ ли? Ну, будь это основаніемъ повѣсти или романа, всѣ закричатъ — Какъ невѣроятно! какъ неестественно!

— Безъ-сомнѣнія, сирь Генри, отвѣчалъ я, и едва могъ удержать наворачнушія слезы.

— Это очень трогательно, сказалъ онъ съ чувствомъ: А кого вамъ больше жаль, докторъ, лорда С*** или леди Марію?

— Обоихъ. Я, право, не знаю, кого болѣе.

— Кстати: не слыхали ли вы, какъ перенесли они эту новость? спросилъ онъ съ неожиданнымъ любопытствомъ.

— Кажется, леди Марія въ такомъ положеніи, что ей не смѣютъ объявить. Говорятъ, она при смерти.

— Бѣдная! Какая горькая участь! И скажите, она молода и хороша собою?

— Молода, но ужъ не прекрасна, сирь Генри!

— Я желалъ бы, чтобъ это не все было на самомъ дѣлѣ, сказалъ онъ, смотря задумчиво въ огонь. Ну, а лордъ С***, какъ принялъ онъ извѣстіе объ окончаніи страшной тяжбы?—Постойте, постойте! перервалъ онъ самъ себя: какъ изобразилъ бы эту сцену Шекспиръ? Погодите! Обыкновенный писатель заставилъ бы сумасшедшаго лорда кричать, топтать ногами и неистовствовать, а потомъ, быть-можетъ, и выздороветъ: какъ вы думаете?

— Очень вѣроятно, сирь Генри, отвѣчалъ я въ полголоса.

— О, совсѣмъ иное направленіе далъ бы этому великій живописецъ! У него помѣшанный выслушалъ бы, можетъ-быть, эту новость какъ рассказъ о постороннемъ человѣкѣ; онъ удивлялся бы истинѣ, и

естественности вымысла и жалеть бы самого себя въ другомъ — бѣдняга! Какое глубокое заблужденіе! Какъ это близко къ природѣ! Какъ проста, какъ живо прекрасна вышла бы эта сцена изъ-подъ кисти Шекспира! продолжалъ онъ со вздохомъ, сложилъ руки на груди, оперся на спинку стула, и глядѣлъ въ огонь задумчиво, по-прежнему.

— Да вы сами не хуже Шекспира, любезный сиръ Генри.

— Какъ! что вы, докторъ? сказалъ онъ, обернувшись ко мнѣ съ изумленіемъ, въ которомъ однако жъ проглядывало удовольствіе. Развѣ я....

— Вы описали это точно такъ, какъ оно въ самомъ дѣлѣ было.

— Нѣтъ! неужели? Почему вы знаете, любезный докторъ? говорилъ баронетъ, и едва могъ усидѣть на мѣстѣ; лице его сіяло удовольствіемъ.

— Потому, что я былъ при этомъ, сиръ Генри; я сообщилъ первое извѣстіе....

— Боже мой! И вы точно не шутите?

— Клянусь жизнью, нѣтъ! отвѣчалъ я съ такою силою, какую только могъ придать своему замирающему голосу, и пристально смотрѣлъ ему въ глаза.

Онъ страшно изумился, и самъ глядѣлъ на меня съ необъяснимымъ выраженіемъ.

— Видѣли вы, какая молнія? проговорилъ онъ, запынаясь и дрожа съ головы до ногъ.

— Молнія, сиръ Генри! (Я хотѣлъ позвать съ шюжа.)

— О, о! произнесъ онъ, тяжело переводя духъ: простите меня! Я такъ слабъ нервами! Ха, ха, ха!.... (и этотъ смѣхъ обличалъ его слабость); но право, вы говорите мнѣ такія ужасныя вещи и съ такимъ страшнымъ выраженіемъ, что.... божусь..... я не въ силахъ перенести. Пхъ! какъ здѣсь жарко! Отворите окно!

Онъ всталъ и я за нимъ. Къ счастью, онъ не смогъ отдернуть задвижки, и я сталъ дышать свободнѣе. Онъ

расхаживалъ по комнатѣ, и обмахивался платкомъ; лице его становилось блѣднѣе и блѣднѣе, ноги тряслись; я только успѣлъ посадить его на стулъ, — ему сдѣлалось дурно.

— Ахъ, это ты! сказалъ онъ съ улыбкою, когда пришелъ въ себя и увидѣлъ своего сторожа. Я думалъ, мы ужъ на долго разстались!

Скоро онъ совсѣмъ оправился.

— Ну, теперъ я пойду играть въ шахматы съ королемъ. Можно видѣть его величество?

Меня одолѣла грусть, и въ этотъ день я не могъ навѣстить леди Юлію. Буду къ ней на слѣдующее утро, и застаю ее окруженною сестрами и двумя посторонними дамами; она сидѣла въ подушкахъ передъ каминомъ, и огонь ярко освѣщалъ лице ея, истомленное печалью. Ей не было двадцати восьми лѣтъ, а казалось слишкомъ сорокъ! Когда я вошелъ въ комнату, леди Эмма, младшая сестра ея, искала на полу обручальнаго кольца, которое скатилось съ высохшаго ея пальца.

— Ты бы обмотала его шелкомъ, молвила тихо леди Юлія, когда та стала надѣвать ей кольцо: мнѣ хочется, чтобъ оно ужъ никогда не спадывало!

Сестра вышла съ нимъ въ другую комнату, а я сѣлъ подлѣ больной на ея мѣсто. Не успѣлъ я сдѣлать нѣсколько обычныхъ вопросовъ, какъ леди Эмма показала, вся блѣдная, въ дверяхъ, и выманила одну изъ сестеръ своихъ, чтобъ сообщить ей сейчасъ полученное извѣстіе о кончинѣ ихъ престарѣлаго отца, который ѣхалъ изъ Ирландіи повидаться съ умирающей дочерью, и уснулъ вѣчнымъ сномъ на дорогѣ. Вскорѣ всѣ присутствовавшія вышли одна за другою изъ комнаты, и я остался наединѣ съ леди Юліей.

— Докторъ, сказала она безтревожно: кажется опять случилось что-то непріятное. Посмотрите, какъ онъ

всѣ выбѣжали. — Я видѣла Эмму въ это зеркало, при-
молвила она, указывая на туалетъ, отражавшій двери.
Скажите, вы ничего не слышали?

Я рѣшительно отвѣчалъ, что ничего. Она вздох-
нула, но не обнаруживала ни малѣйшаго волненія.

— Надѣюсь, онъ отъ меня не скроютъ. Благодаря
Бога, я, кажется, могу перенести все, что бы ни слу-
чилось!... А между-тѣмъ позвольте спросить васъ,
каковъ сиръ Генри? Когда вы его видѣли?

Я сказалъ ей.

— Ну что? есть надежда?

Я медлилъ отвѣтомъ.

— Докторъ, будьте откровенны съ умирающею!
скажите правду, каковъ онъ?

— Я... я, право... По-крайней-мѣрѣ ему не хуже,
и онъ теперь гораздо покойнѣе прежняго.

— Знаетъ онъ, что дѣло его кончилось? Произвело
это въ немъ какое-нибудь впечатлѣнiе?

— Не сильное. Кажется, онъ не совсѣмъ понимаетъ.
Она тихо покачала головою и вздохнула.

— Надѣюсь, леди, что по-крайней-мѣрѣ васъ утѣ-
шило сколько-нибудь это извѣстiе?

— А что жъ тутъ для меня! Благодарю Бога за ре-
бенка, что онъ теперь не будетъ нищимъ сиротою.

У ней навернулась слеза, но скоро исчезла.

— Докторъ, продолжала она еще тише прежняго,
потому что силы ей очевидно измѣняли: я, думаю, час-
то надѣдала вамъ своимъ неотступными просьбами,
чтобъ мнѣ повидаться съ моимъ бѣднымъ, несчаст-
нымъ Генри! (Она молчала нѣсколько секундъ.) Но
Богу угодно.... Я не увижу его больше въ этой жи-
зни! Я написала къ нему письмо, чтобъ ему отдали,
когда меня не будетъ, если только умъ его... (Она
опять умолкла.) Оно вотъ тамъ, въ портфели, съ
черной печатью. Въ немъ локонъ моихъ волосъ.... и

я написала нѣсколько строкъ.... но все такъ, чтобъ не огорчить его. Не возьмете ли вы этого на себя?

Я поклонился въ знакъ благоговѣйнаго согласія. Она протянула мнѣ изсохшую руку. Сказать не могу, какъ это было трогательно. Я сидѣлъ подлѣ нея въ безмолвіи. Глаза ея сомкнулись, и я думалъ, что она въ забытьѣ. Одна изъ сестеръ ея потихонку вошла въ комнату съ заплаканными глазами.

— Кто умеръ, душа моя? спросила леди Юлія, не отворяя глазъ. (Сестра молчала.) Да! онъ былъ бы здѣсь.... да! я чувствую, что батюшка умеръ!.. Если бъ мнѣ только рассказать вамъ мой вчерашній сонъ!... Позовите, позовите ихъ скорѣе: я еще успѣю! (Она вдругъ открыла глаза и оставила ихъ на сестрѣ своей.) Что жъ? зови ихъ поскорѣе! (Въ изумленіи воспѣшила та исполнить ея волю.) Онъ думаютъ, я не вижу батюшки! Вотъ онъ! онъ зоветъ дѣтей своихъ..... бѣдный старикъ!... Ахъ, онъ идутъ!

Сестры ея показались въ дверяхъ.

— Аннушка, Катерина, Эмиа... Эмма... Эми... Эм...

Леденбующая рука ея стиснула мою, и все кончилось.

Выходя отъ покойной, я встрѣтился съ ея малюткою. Нянька не знала, что съ нимъ дѣлать; онъ все хныкалъ и тямался къ маменькѣ здороваться.

Дня черезъ два навѣстилъ я отца его. Сиръ Генри преусердно сражался на биллиардѣ съ докторомъ Б***: это такъ его занимало, что онъ едва имѣлъ время со мной поздороваться. Я стоялъ, пока онъ выигралъ партію, и восхищеніе его было безпредѣльно.

— Хотите на сто фунтовъ, докторъ? Я дамъ вамъ двѣнадцать впередъ!

— Что жъ вы не поговорите съ вашимъ гостемъ? возразилъ докторъ Б***, зная, что я пріѣхалъ объявить несчастному о кончинѣ леди Юліи, въ тѣхъ мысляхъ, не приведетъ ли это его въ чувство.

— Ахъ, да! мы съ нимъ съиграемъ партію; только на первый разъ даромъ, потому что я не знаю, какой онъ игрокъ.—Докторъ, сказалъ онъ мнѣ, подавая кій: извольте, начивайте!

Я умѣлъ отклонить это предложеніе, напомнивъ ему будто невзначай объ исторіи лорда С*** и леди Маріи.

— Я долженъ сказать вамъ, сиръ Генри, что бѣдная леди умерла. Въ послѣднія минуты она произносила ваше имя и усердно молилась за васъ Богу.

— Какъ? что это? Развѣ она меня знала?

— Да! сиръ Генри, и очень коротко.

— Боже мой, какъ это удивительно! Кто такова эта леди? (Онъ взялъ себя за лобъ.) Какъ бишь вы ее называли?

Я молчалъ, и думалъ о возможности близкаго перелома его болѣзни.

— Боюсь, право, боюсь сказать ей имя....

— И, полноте! перервалъ онъ съ живостью: скажите, скажите! Я знаю, чего вы боитесь, но, клянусь честью, это будетъ для меня священною тайной. Я не такой подлець, чтобъ всѣмъ рассказывать.

— Леди Юлія Гарле! произнесъ я трепетнымъ голосомъ.

— Ба, ба, ба! (Онъ поблѣднѣлъ какъ смерть, и затрясся.) Что, что вы?.. Вы говорите о женѣ?

— Да! о супругѣ вашей, любезный сиръ Генри. Малютка остается вамъ въ утѣшеніе.

— Малютка! вскрикнулъ онъ съ страшнымъ проклятіемъ: Вы говорили о женѣ!

— Ради Бога, успокойтесь! сказалъ я, вставая съ мѣста.

— Жена, жена! кричалъ онъ безсмысленно, и черты его измѣнились въ обликъ чудовища....

Но я избавляю читателей отъ картины дальнѣйшихъ ужасовъ. Сиръ Генри наконецъ утихъ, и

взялъ съ меня честное слово сыграть съ нимъ завтра партію на билліардъ. Я захалъ къ нему на другой день, разумется, не въ исполненіе даннаго обѣта, а для того чтобъ посмотрѣть, не подѣйствовало ли на него вчерашняя вѣсть: но каково было мое изумленіе, когда докторъ Б*** объявилъ мнѣ въ величайшей тревогѣ, что сирь Генри и мнимый король его пропали въ эту самую ночь, и что до сихъ поръ не открыто даже и слѣдовъ ихъ побѣга!

Непостижимо, какъ могли они уйти. Наканунъ у нихъ были большія хлопоты: они безпрестанно перешептывались въ саду, но умѣли потомъ обезоружить всякое подозрѣніе притворной ссорой. Оба съ гнѣвомъ разошлись по своимъ комнатамъ, а когда сторожа хотѣли звать ихъ ужинать, они не нашли ни того, ни другаго. Ускользнувъ изъ дому, бѣглецы вѣроят-но съѣли въ одинъ изъ проѣзжихъ дилижансовъ и отправились, Богъ вѣсть, куда.

Недѣли черезъ полторы сирь Генри пришелъ къ себѣ домой подъ вечеръ, весь блѣдный, въ изодраномъ платьѣ, и приказывалъ новому дворнику впустить его, объявляя себя хозяиномъ. Поднялся шумъ, дѣвки выбѣжали взглянуть — что такое, и съ крикомъ узнали своего барина. Онъ былъ ужъ не помѣшанный, хотя сначала этому не вѣрили. Горестъ о потерѣ жены повергла его въ тяжкую нервическую лихорадку, и чуть живой отправился онъ по совѣту моему въ Италію. Онъ провелъ тамъ нѣсколько лѣтъ въ печальномъ уединеніи, пережилъ сына, и недавно умеръ самъ, вполне подтвердивъ собою слова Пророка — «Азъ же рѣхъ во обилии моемъ: не подвижуся во вѣкъ. Господи, волею твоею подаждь добротъ моей силу; отврати же еси лице твое, и быхъ смущень!»

The Diary of a late Physician.

=

АМБРОЗИАНСКІЯ НОЧИ

Г. ГОГГА.

=

Одно изъ самыхъ странныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самыхъ остроумныхъ произведеній новѣйшей Словесности давно уже содержитъ въ напряженіи любопытство и удовольствіе Англійскихъ читателей: это *Ностес Амброзіанае*, «Амброзіанскія Ночи», известнаго друга Вальтера Скотта, Г. Джемса Гогга, который прославился подъ именемъ «Эттрикского пастуха». Ихъ вышло двѣ части въ началѣ текущаго десятилѣтія, и авторъ неутомимо продолжаетъ ихъ донинѣ, помѣщая по одной «Ночи» почти въ каждой книжкѣ «Блаквудова Магазина». Самое ихъ заглавіе напоминаетъ всякому знаменитыя «Аѳинскія Ночи» и многочисленныя Греческія «Попойки», или *Симпосіа*, которыя дошли до насъ въ цѣлости, между-тѣмъ какъ творенія о наукахъ большею частію затеряны: въ самомъ дѣлѣ, «Ночи» Г. Гогга довольно на нихъ похожи, по крайней-мѣрѣ своей формою. Тамъ пьютъ и пляшутъ; здѣсь пьютъ и ѣдятъ устрицъ. Тамъ между бокаломъ и танцовщицей разсуждаютъ о Философіи; здѣсь тоже, между бутылкою и шалостью, рдятъ о важныхъ дѣлахъ и разбираютъ занимательные вопросы Словесности, Наукъ и современной политики. Но что касается до содержанія, то разнообразіе, веселость, острота, оригинальный взглядъ на предметы и колоритъ разговора обезпечиваютъ устрицамъ Г. Гогга неоспоримое преимущество передъ всѣми Греческими «Попойками», хотя творцы ихъ были нешуточные гени, — Ксенофонтъ, Платонъ, Плутархъ, Аѳиней!

Въ Ксенофонтовой «*Попойкѣ*», *Симпосіонъ*, нѣкто Каллій, богатый Греческій хлѣбосоль, возвращаясь со Всеаѳинскихъ Игрищъ, встрѣчается съ нѣсколькими пріятелями и зоветъ ихъ къ себѣ на пирушку, которую онъ хочетъ дать въ честь молодому Автолику, получившему Панкратійскую премію за свои стихотворенія. Съ этимъ красивымъ юношей приходитъ и его отецъ. Въ числѣ гостей находятся какой-то Аѳинскій господинъ, который недавно женился, и Сократъ, который привелъ съ собою четырехъ молодцевъ, своихъ учениковъ, Хармиса, Антисѳена, Клитовула и Гермогена. Сперва, по обыкновенію, всѣ церемонятся; потомъ, вслѣдствіе краснорѣчивыхъ убѣжденій хозяина, всѣ садятся ужинать, и каждый ѣсть и пьетъ за десятерыхъ: и это отнюдь не метафора. Во время ужина является Филиппъ, Аѳинскій Репетилловъ, пустой, забавный и нецеремонный малой, который входитъ безъ спросу всюду, гдѣ только ужинаютъ. Хозяинъ, изъ учтивости, хочетъ вымазать всѣхъ своихъ гостей пахучимъ масломъ, но Сократъ очень логически доказываетъ, что гораздо лучше пить. Тутъ начинается попойка. Всѣ пьютъ, шумятъ, смѣются, — сколько можно смѣяться на бумагѣ, — врутъ, шутятъ; миленькій Греческій мальчикъ, очень красивой наружности, пляшетъ и ломается къ несказанному удовольствію всего собранія; Сиракузскіе танцоры и танцовщицы восхищаютъ гостей своими роскошными тѣлодвиженіями, — танцовщицы въ особенности; Сократъ, у котораго голова во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенная, дотога что онъ даже въ силахъ выпить оксофть вина и ни-чуть не будетъ пьянъ отъ этого, — Сократъ напоминаетъ имъ, что они забыли объ ответственнѣхъ наслажденіяхъ, и всѣ гости разомъ пристають къ нему, чтобъ онъ опредѣлилъ имъ идею «добраго». Странно, что имъ захотѣлось идеи «добраго» такъ поздно! Но, какъ бы то ни было, всѣ са-

дятся, — то есть, какъ кто можетъ, — и слушаютъ. Сократъ выполняетъ передъ ними, соло, финалъ о любви Представленіе оканчивается водевилемъ «Вакхъ и Аріадна», который даетъ имъ Сиракузскій маэстро. Общая цѣль сочиненія состояла въ томъ, чтобы возвеличить и осыпать похвалами Сократа, котораго Ксенофонтъ любилъ отъ всей души, и, должно признаться, что она вполне достигнута.

Симпосіонъ Платона гораздо высшаго рода. Хозяинъ пира — Агафонъ, и гости все люди знаменитые: Аристодемъ, Эриксимахъ, Павсаній, Федръ, Аристофанъ, Сократъ. Последний — гость по положенію, потому что всѣ эти попойки давались Греческою словесностью единственно для Сократа. Докторъ Эриксимахъ, какъ докторъ, который долженъ ихъ лечить, совѣтуетъ имъ пить умеренно, — тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ были уже порядочно пьяны вчера, — и заняться лучше назидательною бесѣдою, — тѣмъ болѣе, что и танцовщица уже отпущена. Сократъ всегда радъ случаю поговорить, и онъ начинаетъ. Тема опять — любовь. Сократъ исчисляеть разныя источники любви, и силы, влекущей существа другъ къ другу; сводитъ всѣ эти источники къ двумъ главнымъ началамъ, — къ тому, что «добро», и тому, что «прекрасно»; говоритъ о прекрасномъ въ художествахъ, о прекрасномъ въ наукахъ, о красотѣ души, и наконецъ, непрерывною цѣпью вопросовъ и доказательствъ, приводитъ слушателей къ верховному добру и прекрасному, — безсмертію души и несомнѣнности будущей жизни. Симпосіонъ Платона былъ бы образцомъ пріятной и изящной поучительной бесѣды, если бъ авторъ окончилъ этимъ свое сочиненіе; но онъ вдругъ вводитъ, въ свое избранное общество, шалуновъ и повѣсь, которые уничтожаютъ всѣ прекрасныя наведенія мудреца. Приходятъ Алкивіадъ и нѣсколько челоуѣкъ Аѣнпскихъ баричей; Сократъ кричитъ — вина, и эти сума-

сброды, уже полупьяные, заводят о любви такую диссертацию, которая ни дѣлаетъ чести не вкусу «божественнаго» Платона, ни его чувству благопристойности. Алкивиадъ приказываетъ папѣннить виномъ, *frappé à glace*, кружку въ четыре штофа, и осушаетъ ее залпомъ. Сократъ, котораго желудокъ не боится такихъ шутокъ, слѣдуетъ первый его примѣру. Вынолется, и назидательная бесѣда великихъ людей оканчивается совершеннымъ изложениемъ ихъ силъ и разсудка. Докторъ выползъ на четверенькахъ, вспомнивъ, что ему поутру надо идти къ больному; Аристодимъ уснулъ, Аристофанъ свалился наземь, Агаеонъ сидитъ красный какъ ракъ, — и ни съ мѣста! Одинъ Сократъ, какъ-будто ни въ чемъ не бывалъ, ходитъ ровно, пешатаясь, по одной доскѣ, и преспокойно отправляется въ Лицей, читать лекцію о Нравственной Философiи. Такъ видно понималъ «божественный Платонъ» философію человѣческой жизни.

Пирушка почтеннаго Плутарха — прескучная книга. Признаться по совѣсти, мы никогда ея не читали. Но это потому, что она скучна.

Что касается до Дипсофистовъ, до «Пирующихъ софистовъ» Аѳиней, — софистами тогда называли тѣхъ, кого мы теперь зовемъ педантами, — то объ его сочиненiи можно дать понятiе въ нѣсколькихъ словахъ, хотя оно дошло до насъ безъ начала: это огромная хрестоматiя, составленная изъ отрывковъ тысячи разныхъ творенiй, большею частію теперь неизвѣстныхъ, и всѣ эти выписки связаны разговоромъ нѣсколькихъ лицъ, такъ, чтобъ казалось, будто каждая изъ нихъ пришла къ слову. Да еще какъ связаны! И какой разговоръ!... За всѣмъ тѣмъ, это архивъ очень любопытныхъ подробностей о словесности и обычаяхъ древняго міра. Книга преусыпительная, преполезная!

«Амброзіянскія Ночи» Г. Гогга соединяютъ въ себѣ главныя черты занимательности всѣхъ этихъ твореній, которыя дѣйствительно служатъ ему образцомъ. Его Христофоръ Нортъ, который не болѣе годится въ председатели Общества Трезвости, чѣмъ Сократъ Ксенофонта и Платона, уменъ какъ чортъ и часто высокъ какъ Олимпъ. Возвышенность помысловъ, обильная иронія, смѣлость нравственныхъ понятій, сильная и блистательная діалектика, въ которой авторъ владѣетъ орудіемъ вопросительнаго способа преній не хуже Платона, — таковы главныя качества, составляющія этотъ живописный и разнообразный характеръ, столь рѣзко отсвѣчивающійся отъ грубаго юмора и лѣснаго воображенія Тиклера. Между собесѣдниками, которые сходятся по ночамъ у Норта, самое примѣчательное лице — Shepherd, Шотландскій пастухъ, или скорѣе скотоводъ, въ образъ котораго заключился самъ авторъ. Этотъ скотоводъ — созданіе истинно поэтическое и безподобное: оно несравненно удачнѣе и оригинальнѣе Ксенофонтава Филиппа и Платонова Эриксимаха. И вообще все это сочиненіе отличается необыкновенно драматическою силою разговора, въ которомъ авторъ безпрестанно и съ большою ловкостью переходитъ отъ неопредѣленнаго и мистическаго восторга къ мужеской простотѣ и точности опредѣленій, отъ изящнѣйшей бесѣды къ языку простолюдиновъ, отъ торжественныхъ выходовъ, софистическихъ тонкостей, цвѣтистаго Аѳинскаго краснорѣчія, нерѣдко глубокой философіи, къ самому дикому и причудливому юмору, къ самымъ уморительнымъ буффонадамъ. На насъ часто находила охота ознакомить читателей этого журнала съ фантастическимъ произведеніемъ Г. Гогга, но трудность, даже невозможность перенести въ другой языкъ фізіономію подлинника, всегда насъ удерживали. Нынче однако мы рѣшились сообщить небольшой отрывокъ

изъ его послѣдней «Ночи», потому что этотъ отрывокъ можетъ дать довольно ясное понятіе о примѣчательномъ твореніи, линась даже всего своего колорита въ переводѣ. Г. Гоггъ очень любитъ простонародное Шотландское нарѣчіе, и это нарѣчіе «Скотоводъ» его постоянно употребляетъ и въ своемъ мужиковатомъ разговорѣ, и въ дивныхъ порывахъ своего воображенія, и оно придаетъ имъ еще болѣе выразительности и Фламандской свѣтотѣни. Засѣданіе открывается глубоко-мысленнымъ замѣчаніемъ Норта о матеріи и духѣ.

=

НОЧЬ LXXI.

=

ХРИСТОФОРЪ НОРТЪ. СКОТОВОДЪ. ПОТОМЪ ТИКЛЕРЪ.

Нортъ. Право, господинъ Скотоводъ, въ эти полчаса вы наговорили столько прекрасныхъ вещей, что при всемъ вниманіи я потерялъ имъ счетъ. Да что жъ вы не ѣдите устриць? Пожалуйста, — и ихъ безъ счету! Только я долженъ замѣтить вамъ, любезный, — вы все восхищались однимъ вещественнымъ міромъ, витійствовали о небѣ, о лунѣ, о звѣздахъ: а о духовномъ ни полслова! Отчего это?

Скотоводъ. Помидуйте! вѣрно вы и сами не матеріалисты?

Нортъ. Избави Боже! Матеріалисты съ торжествомъ уличали своихъ противниковъ, что они ничего не знаютъ о томъ, что называютъ духомъ; но повѣрьте, любезный другъ, мы также ничего не знаемъ и о матеріи.

Скотоводъ. Вы думаете?

Нортъ. Послушайте. Мы говоримъ, что можемъ постигать бытіе матеріи, вещества, но не можемъ составить себѣ понятія о бытіи духа.

Скотоводъ. Ну, да! это говорить матеріалисты.

Нортъ. Но, спрашиваю, какое понятіе имѣемъ мы о бытіи вещества? Не представляется ли уму ео-первыхъ образъ чего-то протяженнаго и плотнаго?

Скотоводъ. Точно.

Нортъ. Потомъ, если захотимъ точнѣе опредѣлить это понятіе, прибавимъ еще свойство тѣла двигаться и двигать?

Скотоводъ. Точно.

Нортъ. Пойдемъ еще далѣе; станемъ придавать качество къ качеству, и у насъ образуется понятіе о какой-нибудь опредѣленной вещи.

Скотоводъ. Объ этомъ столъ.

Нортъ. Да! положимъ. Не то, дадимъ умственной дѣтельности противоположное направленіе и станемъ отвлекать качество за качествомъ до самаго нельзя. Въ обоихъ случаяхъ явно, что понятіе о веществѣ образуется изъ действительныхъ впечатлѣній, оставляемыхъ предметами въ нашихъ чувствахъ.

Скотоводъ. Казалось бы такъ. Да! Оно такъ и есть.

Нортъ. Слѣдственно мнимое понятіе наше о бытіи вещества есть понятіе или о прежнихъ чувственныхъ впечатлѣніяхъ или вообще о силѣ, производящей чувственные впечатлѣнія, и какъ скоро мы захотимъ постигнуть эту силу вовсе отдѣльно отъ известныхъ намъ чувственныхъ впечатлѣній, то находимъ, что мы не въ силахъ составить себѣ объ ней понятіе, и должны признаться, что бытіе самого вещества такъ же для насъ непостижимо, какъ и бытіе духа.

Скотоводъ. Кажется, это такъ ясно, что вотъ эта устрица могла бы понять и еще объяснить другой.

Нортъ. Поэтому, любезный мой Скотоводъ, нельзя называть несовершенствомъ понятія нашего о духѣ непостижимости его отвлеченнаго бытія; вещество равно непостижимо для насъ въ этомъ смыслѣ.

Скотоводъ. Заключение правильно.

Нортъ. Мнѣ кажется, что понятію о духѣ недостаетъ лишь того, чего оно и заключать въ себя не можетъ, то есть, образа чувственнаго впечатлѣнія.

Скотоводъ. Пусть-ка отвѣчаютъ на это матеріалисты! Да имъ не прожевать этого въ цѣлый вѣкъ.

Нортъ. Любезный Скотоводъ, пожертвуйте мнѣ вашимъ ухомъ еще минутъ на пять.

Скотоводъ. Но вы не разсердитесь, если я буду вместе и слушать и есть устрицы?

Нортъ. Ни мало. Духъ не представляетъ таюй совокупности грубыхъ, общедоступныхъ впечатлѣній, какъ вещество, и потому понятіе объ немъ развивается въ умъ гораздо медленнѣе; но оно заключаетъ въ себѣ все, что въ немъ заключаться можетъ. Знанію нашему о духъ недостаетъ лишь того, чтобъ свойства его были постижимы чувствамъ, но это именно и составляетъ основной его характеръ, существенное его отличіе отъ вещества, которое мы иначе опредѣлять не можемъ, какъ назвавъ его существомъ, постижимымъ для внѣшняго чувства.

Скотоводъ. Если это не истина, такъ мы, право, зазнались.

Нортъ. Духъ сознаетъ самъ себя, и это сознание есть единственная основа нашей вѣры въ его существованіе.

Скотоводъ. Да чего жъ хотятъ еще эти ослы?

Нортъ. Вся жизнь человѣческая не что иное, какъ самосознание, разнообразящееся въ миллионы видовъ и оттънковъ! Мы поневолю вѣримъ въ бытіе, различное отъ вещественнаго, и если это мыслящее, желающее, чувствующее бытіе никогда не поддавало внѣшнему ощущенію, то утверждать съ матеріалистами, что оно постижимо чувствамъ, по-крайней-мѣрѣ такъ же неосновательно, какъ полагать, что оно имъ недоступно.

Скотоводъ. Въ сто тысячъ миллионъ разъ неосновательнѣй!

Нортъ. Поэтому, мы вѣримъ въ бытіе духа, и давая себѣ отчетъ въ этой вѣрѣ, разсуждаемъ такъ: вотъ вещество, которое я познаю чувствами; въ немъ не вижу я ничего подобнаго тому, что примѣчаю въ самомъ себѣ; чувства, познающія вещество, не говорятъ мнѣ ни слова о существѣ мыслящемъ, хотящемъ и чувствующемъ; я вѣрю, что есть существо, одаренное этими способностями, но котораго мои чувства не могутъ показать мнѣ. Я вѣрю, что я духъ.

Скотоводъ. «Платонъ, ты разсуждаешь благо».

Нортъ. Съ той самой минуты, какъ ребенокъ начнетъ сознать въ себѣ внутреннюю силу, мысль, чувство, лю-

Бовь, желаніе, удовольствіе, скорбь, волю, — съ той самой минуты накаплиются въ немъ впечатлѣнія, ощущенія, воспоминанія, которыя онъ совокупить въ послѣдствіи подл'именемъ духа. Какой бездонный, безконечный міръ раскрывается постепенно внутри насъ, отгбняясь прекрасными картинами вещественнаго міра!...

Скотоводъ. Проще, проще, проще, любезный Нортъ! Я уже какъ-то не понимаю.

Нортъ. Въ изустныхъ рѣчахъ нельзя соблюдать такой точности, какъ въ письменныхъ. Однако я, пожалуй, воздержусь отъ краснорѣчія и прибавлю только, что если бь меня спросили, отчего намъ такъ трудно дать себѣ отчетъ въ этомъ понятіи, отчего мы такъ долго собираемся приступить къ дѣлу, я отвѣчалъ бы просто, что умы наши вялы къ самопознаію, лѣпвы подумать....

Скотоводъ. Вотъ это очень понятно!

Нортъ. Духъ, питающій тѣло жизнью, скоро изнеможетъ, если не научится поддерживать въ себѣ огонь дѣятельности. Только сильная мысль, овладѣвъ его способностями, можетъ возбудить въ немъ внутреннюю силу, и тогда только онъ истинно знаетъ, тогда только онъ живо чувствуетъ самъ себя, и какъ угро веселятся собственнымъ блескомъ.....

(Слышенъ страшный стукъ у сѣнныхъ дверей и звъкъ колокольчика).

Скотоводъ. Это что такое?

Нортъ. Нѣтъ ничего мудренаго, что Тиклеръ.

Скотоводъ. А если не онъ, такъ вѣрно Бриарей.... Чортъ его возьми! покъшалъ мнѣ васъ слушать, а при немъ объ этихъ вещахъ вещественныхъ, да еще духовныхъ, и говорить не стоить.

Тиклеръ. (*входитъ*.) Виновать, господа, извините!

Скотоводъ. Виновать? Ахъ ты, разбойникъ! гдѣ бродилъ ты до темной ноци?

Тиклеръ. Ты знаешь я не люблю толкаться днемъ по улицамъ, и всегда гуляю поздно, на просторъ.

Скотоводъ. Хорошъ гусь! Ну, да что съ тобой дѣлать! Послушай: если ты еще не пьянъ, такъ садись и выпей.

Тиклеръ. А! преславное вино. Однако, о чемъ вы говорили съ Нортомъ, когда я подошелъ къ дверямъ?

Скотоводъ. Вотъ изволите видѣть, Г. Тяклеръ: когда вы застучали въ двери, я докладывалъ ему про себя, что ни какъ не могу разстаться съ вѣрою въ метемпсихозу,—съ позволенія сказать, въ переселеніе душъ, или лучше, душепскитаніе. Часто находятъ на меня чудеса: мнѣ кажется, когда я сижу на опушкѣ своего «Лѣса» и смотрю на окрестности, какъ-будто этотъ лѣсъ, эти деревья, кустарники, скалы, знакомы мнѣ сдѣтства; мнѣ кажется, что лѣтъ двѣсти или триста тому назадъ, я жилъ именно между ними или чѣмъ-то очень на нихъ похожемъ. Они точно тѣ же,— я вижу ихъ собственными глазами! И между-тѣмъ я чувствую, что тѣсная жизненная связь между ими и умомъ моимъ теряется въ какомъ-то мракѣ; что я не могу ясно соединить ихъ; что это грезы, отрывки какого-то древняго сна, которые сдѣлываются кой-какъ съ другими грезами и составляютъ неполную тайну моей прошедшей жизни, моего потеряннаго существованія.

Нортъ. Да ты, братецъ, мѣтишь прямо въ Пиеагоры!

Скотоводъ. Впрочемъ, я не намѣренъ присягать въ истинѣ того, что расскажу вамъ; не знаю на сколько тутъ мечты, на сколько дѣйствительности, и не берусь рѣшить философически, точно ли существуетъ три міра,—одинъ для глазъ, другой для памяти, третій для воображенія; утверждаю только, что, если ихъ и подлинно три, иногда они такъ сливаются, такъ смѣшиваются между собою, что чувствуешь, будто они одинъ и тотъ же міръ, одна жизнь, одно бытіе. Сознаніе, что я равно принадлежу каждому изъ этихъ трехъ міровъ, ложится мнѣ на умъ тройною тѣнью, и душа моя сидитъ въ этой тѣни ни жива ни мертва отъ страха, когда подумаетъ, черезъ какія прошла она мытарства въ теченіе многихъ столѣтій, съ тѣхъ поръ, какъ первый проблескъ раждающейся мысли связалъ нѣкогда мое отдѣльное бытіе со всеобщностью творенія. Вѣдь это, кажется, ясно?

Тяклеръ. И прозрачно, какъ сосулька на солнцѣ.

Скотоводъ. Да что ты врешь о сосулькахъ! Это дѣло, любезнѣйшій, не твоему уму разобрать, и не моему. Ужъ развѣ господинъ Нортъ.....Ты все-еще не видишь, къ

чему это клонится, а у меня нѣтъ словъ, чтобъ растолковать тебѣ.

Тиклеръ. У него нѣтъ словъ! Пожалуй, ты скажешь, что у тебя и пить печего, когда передъ тобою шесть бутлокъ. Налей-ка мнѣ между-тѣмъ...

Скотоводъ. Изволь.... Я какъ теперь вижу ту пещеру, — всегда темную, какъ дремучій лѣсъ въ полночь, — и только двѣ свѣточн горять въ ней ярче звѣздъ на небѣ, два страшные живые огня, — страшные, но полные любви и слѣдственно прелести! Я ихъ вижу! То глаза моей дражайшей матери, когда она нѣжно рычала надо мною, и звукъ ея голоса возбуждалъ во мнѣ жажду къ молоку и къ крови.

Тиклеръ. Твоя мать рычала?..... Да онъ рехнулся!

Скотоводъ. Она львица, любезнѣйшій, а я львенокъ.

Тиклеръ. Ты? Львенъ.....?

Нортъ. Молчи, молчи, Тиклеръ!

Скотоводъ. Я сосалъ ее и сдѣлался такъ свирѣпъ, что могъ кусаться. Отъ скуки она бывало потреплетъ меня лапою, а я начну кувыркаться какъ котенокъ. Впрочемъ я вѣдь и подлинно былъ котенокъ. Мы львы все принадлежимъ къ кошачей породѣ: такъ сказано въ Естественной Исторіи, по которой я послѣ учился. Маменька, бывало, возьметъ меня за шиворотъ, и съ ворчаньемъ вынесетъ на траву; сама ляжетъ подлѣ, и дастъ мнѣ играть пушистою кистью своего хвоста, а я, въ детской простотѣ, считаю его особеннымъ животнымъ, и стараюсь подзадорить на драку; бѣгаю, прыгаю, ловлю его, — потомъ прикинусь, будто сплю..... А это кто? Это мой батюшка, левъ! Чую, что онъ отецъ мой, но гривѣ, по всему; но матушка не подпускаетъ его близко, потому что онъ разинулъ пасть отъ голода, а ей извѣстно, что въ такомъ случаѣ онъ готовъ жевать собственное дѣтище. Ахъ, какъ хрустѣла у него на зубахъ серна, которую онъ дралъ при мнѣ въ первый разъ! Онъ проглотилъ ее какъ мышенка! Впрочемъ это уже позднѣйшее сравненіе: тогда я не зналъ еще мышей, да кажется не видѣлъ ихъ и во всю бытность мою въ Сахаръ.

Нортъ (отодвигаясь). Тиклеръ, онъ смотритъ настоящимъ львомъ!

Скотоводъ. Ты знаешь, гдѣ Сахара?... Это, братъ, большая пустыня въ Африкѣ. Мы жили въ Африкѣ, которую я, дѣйствиємъ неодолимой симпатіи, люблю всегда какъ второе мое отечество, хотя теперь знаю ее только по лубочнымъ картинамъ дѣтской книжки. Я не умѣлъ тогда схватывать живописнаго, но изъ предметовъ, съ которыми такъ свыкся глазъ мой въ ту пору, потомъ, я часто составлялъ себѣ картину моего древняго дѣтства,—и если бъ я только могъ перенести ее на холстъ.....

Нортъ. То Сальваторъ Роза и Пуссенъ, отъ стыда, спрятали бъ передъ тобою свои бѣдныя головы, даромъ что ты скотоводъ. Ну, ну!....

Скотоводъ. Шутите, господа, шутите! Пещера была въ половинѣ ниже знаменитой Стаффы, что на нашихъ Гэбридскихъ Островахъ, но безъ глухихъ шестиграпныхъ столбовъ, которымъ такъ дивятся путешественники. Посмотрѣли бы вы на эту! Чудесная пещера! Это дикое и царственное убежище было—very comfortable, очень отрадно: со свода опускался въ серединѣ пестрый занавѣсъ, сотканный самой природою изъ пышныхъ листьевъ и Африканскихъ цвѣтовъ, вѣчно свѣжихъ, вѣчно обновляющихся. Надъ нами подымались къ облакамъ высокія деревья и бросали густую, прелестную тѣнь. Отъ пещеры зеленая ложбинка между скалами вела къ пруду, образованному обильнымъ ключемъ. Сюда хаживалъ обыкновенно пить неуклюжій пеликанъ, и часто я караулилъ въ водяныхъ лиліяхъ, чтобъ прыгнуть на него въ распахъ; но я былъ хитеръ, а онъ остороженъ, и всегда умѣлъ добраться до гнѣзда благополучно. Кругомъ со всѣхъ сторонъ былъ песокъ; мы, извольте видѣть, жили на маленькомъ оазисѣ, островкѣ зелени среди необозримой, бѣлой и безплодной пустыни, и кажется тамъ были пальмы: по крайней-мѣрѣ, ни съ чѣмъ не могу сравнить широкихъ листьевъ, которые съ нихъ облетали, кромѣ парашюта. Я игралъ ими, покада они завянутъ, а послѣ валялся въ нихъ и прятался какъ ребенокъ отъ матери; потомъ вдругъ выбѣгалъ, рывился и ескакивалъ прямо къ ней на шею. Вы не можете вообразить, какъ нѣжны къ своимъ дѣтейшамъ самые лютые звѣри, и съ какимъ удовольствіемъ маменька поддавалась мнѣ, когда мы съ нею боролись. Такъ проходила

жизнь моя, и львенка счастливейе меня не было въ цѣлой Ливіи. Только выдавалось днями, даже недѣлями, что я голодалъ до бѣшенства. Серны и другіе подобныя звѣрки стали переводиться: мы ихъ или повили, или распугали. Дошло дѣло до того, что бывало радъ и шаклу.

Тиклеръ. Въ окорокъ оно должно быть не душно.

Скотоводъ. Это еще все не бѣда! А какъ пришла весна, вотъ тутъ ужъ я истинно не зналъ, что дѣлать. Повѣрите ли, ни день, ни ночь покоя! То въ жаръ, то въ ознобъ! Разсвѣривалъ до неистовства,—мочи нѣтъ!

Тиклеръ. Какъ влюбленный левъ.....

Скотоводъ. Признательно сказать тебѣ, я не понималъ хорошенько отчего это, да и матушка тоже. Она посматривала такъ серьезно, какъ—будто собиралась разорвать меня на части.

Тиклеръ. Какъ такъ?

Скотоводъ. Да такъ! Она уставляла на меня свои сверкающіе, зеленые глаза, словно хотѣла спалить мнѣ нѣмнѣ шкуру; она валялась и терлась въ песокъ; потомъ вскакивала и, отряхнувъ пыль, бросалась къ пруду, какъ—будто съ тѣмъ, чтобъ утопиться; и хотя вообще она не любила воды, но тутъ подоскалась въ ней какъ утка. Вдругъ вся степь огласилась страшнымъ рыкомъ, и левъ, — покойный отецъ мой, — примчался къ намъ страшными прыжками съ распущенною гривой, съ вытянутымъ струною, оцетинившимся хвостомъ. Я такъ перепугался, любезный Тиклеръ, что убѣжалъ безъ оглядки, и рѣшился никогда не возвращаться въ родной оазисъ. Вскорѣ я отыскалъ себѣ другое убжище, — конечно не такъ роскошное, но свѣтлое, пріютное, и счастливое; здѣсь, изволишь видѣть, случилось со мной такое приключеніе, отъ котораго я вдругъ сдѣлался настоящимъ львомъ.

Тиклеръ. Что жъ это? Говори скорѣе.

Скотоводъ. Да вотъ что: въ среднѣхъ рощицы былъ родникъ, не искусственный, а промытый ключемъ, который не боялся лѣтняго солнца, и вокругъ расло нѣсколько прекрасныхъ кустовъ, покрытыхъ цвѣтами, величиною съ розу, однако, помнится, болѣе похожими на лилію; но прелестнѣе всего этого, и прелестнѣе въ сто миллионѣвъ

кратъ, была та, которая почивала подъ этими роскошными кустами. Вообрази себя, какъ я обрадовался: существо моей породы! Очаровательное рыльце ее протянулось между передними лапками! Хвостъ лежалъ красными изгибами на мягкой муравь и выставился только пушистый его кончикъ! Глаза и уста ее были сомкнуты!..... Такъ отдыхала дѣва степей, безмятежная и чистая какъ родникъ, въ которомъ отсвѣчивался ея образъ! Я дрожалъ какъ козленокъ; она не просыпалась; я подползъ на брюхъ, и легъ съ нею рядомъ безъ малѣйшаго рычанья, — и когда моя шерсть коснулась ея шерсти, меня бросило въ жаръ и мурашки пошли по сердцу! Тихо, тихо положилъ я ей одну лапу на затылокъ, а другую сунулъ подъ рыльце; самъ прилетъ щекою къ ея щекъ, — и чуть дотронулся зубами до ея ушка. Какъ она вспрыгнетъ вдругъ!..... И только стала опять на ноги, — скокъ, скокъ, — и исчезла между кустами, прежде чѣмъ я собрался съ духомъ ее преслѣдовать!.....

Нортъ. А, Скотоводъ! по усамъ текло, въ ротъ не попало. Неужли ты потерялъ ее навсегда?

Скотоводъ. Ахъ, господинъ Нортъ! а бичевалъ себя хвостомъ, топталъ и рвалъ кусты, лгалъ задними лапами, обращалъ зевъ свой къ небу, ревелъ съ неистовствомъ, отчаянно, рылъ землю и лакалъ воду до того, что взбѣлъ пѣну въ родникъ раскаленнымъ языкомъ своимъ. Потомъ сталъ я отыскивать то мѣсто, гдѣ покоилось прекрасное ся тѣло, въ бычешствѣ укусылъ самъ себя, и, вспрыгнувъ отъ боли, пустился за очаровательной львицею. Вдругъ вижу, — она пробирается въ пустыню по краю другаго клокка зелени, и какъ нарочно оглядывается въ мою сторону. Я кружилъ около нея, подходя все ближе и ближе, а когда увидѣлъ, что ей ужъ не миновать моихъ лапъ, бросился къ пей прямо на шею и заставилъ ее выслушать объѣтъ самой пламенной любви, какою когда-нибудь горѣло львиное сердце.

Нортъ. Ай, Скотоводъ!

Скотоводъ. Мы, сударь, были совершенно счастливы. Сколько сернь, сколько обезьянъ растерзали мы вмѣстѣ, въ теченіе медоваго мѣсяца нашего супружества! И если бъ

вы знали, какъ она была зитра и проворна! Лежить, бывало, въ кустахъ, подлѣ ключа, не шевельнется, пока дичинка, безъ всякаго опасенія и не подозревая ея присутствія въ оазисѣ, набѣжитъ изъ пустыни и окружить ее со всѣхъ сторонъ, — и вдругъ подымется на нихъ съ ревомъ, и давить десятками однимъ прикосновеніемъ своей тяжелой лапы, которую я находилъ мягче пуха и бархата; потомъ выберетъ себѣ жертву, и сосетъ изъ нея кровь на просторѣ. Тутъ ужъ и я не смѣлъ къ ней подступаться, потому что у васъ въ пустынѣ голодъ и жажда такъ же свирѣпы, какъ и любовь. Я въ этомъ отношеніи былъ гораздо великодушнѣе, и часто приносивъ ей лакомый кусочекъ, а она даже и не благодарила меня за мою угодность. Иногда мнѣ хотѣлось придавить по-своему избалованную красавицу, но она бывало потреплетъ меня лапою, — и перестанешь щетиниться, позволишь ей прилечь къ себѣ подъ гриву....

Тигляръ. Послушай, Скотоводъ: вѣдь ты много бродилъ по Африкѣ, — ты вѣрно узналъ прежде Мунго-Парка и Ландера настоящее теченіе Нигера, о которомъ теперь столько пишутъ по газетамъ?

Скотоводъ. Да! заботился я тогда объ этомъ? А мнѣ какая была надобность до того, течетъ ли Нигеръ на западъ или на востокъ? Вѣдь у меня, любезнѣйшій, въ пустынѣ, которой я считался царемъ и корою, не хвастая, правилъ съ большою мудростью, не было Львиного Географическаго Общества, какъ у васъ въ Лондонѣ есть Общество Вольное Географическое. У меня звѣри не занимались такими пустяками. Я хаживалъ на Нигеръ, да только въ лѣтніе жары, и разъ, какъ теперь помню, подобрался къ толпѣ черненькихъ купальницъ, — въ Нигеръ, знаешь, котораго воды свѣтлы и прозрачны, негрятники купаются словно какъ мухи въ молоко, — и схватилъ одну изъ нихъ себѣ на завтракъ, — да такую нѣжную, такую сочную, что всѣ ваши — лыко въ сравненіи съ нею!

Нортъ. Прекрасно!!! Скажи, пожалуй, правда ли, что левъ предпочитаетъ человѣчье мясо всякому другому, и,

отвѣдавъ его однажды, обыкновенно дѣлается антропофагомъ.

Скотоводъ. Онъ можетъ дѣлаться и можетъ не дѣлаться антропофагомъ, потому что я не знаю, что такое антропофагъ. Что касается до предпочтенія, оказываемаго имъ человѣческому мясу, то это много зависитъ отъ его качества и доброты. Я, напримѣръ, никогда не могъ безъ принужденія съѣсть старой бабы, какъ бы она жирна ни была, не говоря уже о старикахъ. А *la longue*, предпочиталъ я серну даже самой молодой и мягкой дѣвушкѣ. Дѣвчатица хороша въ двѣ, въ три недѣли разъ, а всякой день надоѣсть до-смерти.....

Нортъ. *Toujours perdrix.*

Скотоводъ. Именно. Другой левъ, мой короткій пріятель, думалъ совсѣмъ иначе: онъ все ловилъ дѣвушекъ и питался ими круглый годъ; но замѣтите вы, чѣмъ кончилось: онъ взбѣсился, и околѣлъ отъ неистовства.

Тиклеръ. А ты какъ кончилъ свое львиное поприще? Въ западнѣ что ли?

Скотоводъ. Нѣтъ. Среди дня, на большой площади въ Томбукту.

Тиклеръ. Ага! тебя затравили?

Скотоводъ. Не то, чтобъ затравили, — а разъ лежалъ я одинъ въ кустахъ, и поджидалъ, не придетъ ли кто къ роднику напиться, — въ пустынѣ жажда вѣдь пуще страха и жители достаютъ воду у льва изъ подъ носа; вдругъ вижу между деревьями голову неизвѣстнаго мнѣ звѣря, — потомъ длинную шею, — потомъ грудь, — потомъ переднія ноги, — потомъ туловище, — потомъ и хвостъ какъ у буйвола. Я вскочилъ съ обычнымъ моимъ рыкомъ и вмигъ очутился на спинѣ у камелопарда.

Тиклеръ и Нортъ. Ого, го!

Скотоводъ. Я былъ не очень голодень, и впустилъ въ него когтей всего на вершокъ или на два. Понесъ меня мой камелопардъ во всю прыть! Онъ перешмыгъ черезъ Нигеръ, и наконецъ палъ отъ слабости среди множества домовъ, которые я почелъ сперва за утесы. Тотъ-

часть окружила меня толпа мерзавцевъ негровъ, — кто съ лукомъ, — кто съ копьемъ, — кто съ дубиной. Я храбро защищался, и распугать-было весь городъ; но, покрытый ранами, безъ ноги, истекая кровью, грянулся наземь и околѣлъ на большой Томбуктской площади!

Нортъ. И шкура того, кто теперь «Эттрикскимъ па-стухомъ,» уже нѣсколько вѣковъ въ законномъ владѣніи короля Всесахарскаго?

Скотоводъ. Странно, а справедливо! Нутка, Нортъ, а ты чѣмъ былъ тогда, когда эти подлецы оторвали у меня одну ногу? Расскажи намъ что-нибудь о своихъ походе-ніяхъ.

Нортъ. «Нѣсколько отрывковъ изъ жизни водянаго че-ловѣка!»

Скотоводъ. Пожалуйста.

Нортъ. Въ другой разъ, Джемсъ; право, послѣ такой жи-вописной и поэтической.....

Скотоводъ. Добро, добро, сударь; я и не настаиваю. Ахъ, какъ ненавижу эти неотступныя просьбы! Васъ про-сятъ рассказать анекдотъ, просятъ, чтобы вы спѣли, про-сятъ выпить еще бутылочку, просятъ посидѣть, просятъ написать сказку, просятъ прочитать ихъ рукопись, просятъ сказать свое мнѣніе объ ихъ статейкѣ, просятъ выправить ихъ слогъ, просятъ напечатать ихъ стихи, — словомъ недо-ступно просятъ, чтобъ вы дѣлали именно то, отъ чего вы двадцать разъ торжественно отрекались. Чортъ возьми не-отступныхъ просителей!....

Нортъ. Джемсъ, молчи! Кто-нибудь изъ просителей мо-жетъ прочитать это!....

Blackwood's Magazine.

=

ДЕРЕВЕНСКІЯ ЗАБАВЫ

СТОЛИЧНАГО ЗЪВАКИ.

==

Да кто жъ не обожаетъ сельской жизни? Потому-то и ѣдутъ все на дачи въ трехъ шагахъ отъ города, — куда выкидываютъ навозъ. Но и былъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ настоящей деревнѣ! Я могу похвалиться, что узналъ все удовольствіе сельской жизни, изведалъ все деревенскія забавы, исчерпалъ всю сладость мызы. Какъ славно можно тамъ веселиться!

Недавно одинъ Французскій помѣщикъ пригласилъ меня на нѣсколько недѣль къ себѣ въ деревню, миль за пятьдесятъ отъ Парижа. Вамъ извѣстно, что я только-что изъ Парижа?.... Такъ какъ я родился и выросъ въ переулкѣ, то страхъ люблю сельскую жизнь; я очень хорошо разсуждаю обо всѣхъ загородныхъ увеселеніяхъ; притомъ же москѣ В*** славный малой, — и я недолго заставилъ себя упранивать. Ахъ, когда я произнесъ роковое «да!», мнѣ и въ голову не приходило, что я самъ долженъ буду веселиться по-деревенски! Однимъ этимъ словомъ я обрекъ себя на семидневное ужасное страданіе. Этому виновата не деревня, а просто деревенщина, которая не имѣетъ и понятія о томъ, какъ должно веселиться за городомъ, и чѣмъ именно пріятна сельская природа. Но чтобъ муки, которыя я претерпѣвалъ, могли быть оцѣнены въ полной мѣрѣ, необходимо изложить мои понятія о деревнѣ и деревенскихъ удовольствіяхъ.

По-моему, деревня такое мѣсто, гдѣ взамѣнъ тысячи домовъ, обступающихъ васъ шайкою со всѣхъ сторонъ, видѣнъ только одинъ домъ на значительномъ пространствѣ; гдѣ небо является въ своей безпредельно-

сти, а не выкроено длинными полосками въ аршинъ съ четвертью ширины; гдѣ деревья растутъ сами собою въ изобиліи, десятками, и отличаются свѣжей, веселой, здоровой зеленью, а не пересажены издалика, не натѣканы здѣсь и тамъ, по мѣрѣ удобности, не дышать чистымъ воздухомъ изъ трубъ, не закопчены, не высохли, не одѣты пылью какъ въ траурѣ; гдѣ вмѣсто жесткихъ, раскаленныхъ плитъ и гольшей разстилаются подъ ногами прохладные, мягкіе и прекрасные ковры природы; гдѣ можно дышать воздухомъ — пхъ! — полнымъ ртомъ; ходить вдоль и поперегъ безъ опасенія быть раздавленнымъ экипажами, и гулять себѣ ночью, не слыша на каждомъ углу непрерывныхъ допросовъ какъ вору — «Кто идетъ?», не отвѣчая дружески каждому будочнику — «Свой!»; и гдѣ льется въ рѣкъ вода, а не помои. Вотъ, деревня. Сельскія удовольствія состоятъ въ томъ, чтобъ цѣлый день не скидать съ себя халата; чтобъ по утрамъ спокойно сидѣть въ своей комнатѣ, и не ходить ни въ канцелярію, ни въ приказъ, ни съ визитами; потомъ бродить въ виду дома, не ища дальнихъ гульбищъ и не встрѣчая тѣхъ людей, которые вычисляютъ ходьбу по милямъ; потомъ отдыхать гдѣ-нибудь въ тѣни съ книгою въ рукѣ, читать, перечитывать, или ни читать, ни перечитывать; послѣ итти на скотный дворъ смотрѣть птицъ, или къ пруду, кидать корки уткамъ, а тамъ къ мостику, — облечься на перилы и глядѣть по нѣскольку часовъ сряду, какъ плывутъ листья, вѣтки, щепы; а иногда и плюнуть въ воду, — это верхъ наслажденія! Вотъ понятія мои, и, надѣюсь, понятія всѣхъ порядочныхъ людей, воспитанныхъ въ столицѣ, центрѣ просвѣщенія и вкуса, о деревнѣ и о сельскихъ удовольствіяхъ; и хотя изъ послѣдней моей поѣздки оказывается, что тамъ есть еще и другія забавы, — но онѣ отнюдь меня не прельщаютъ; онѣ принаровлены къ такимъ вкусамъ и при-

вычкамъ, которыя вовсе не сходны съ мамми. Я никогда не любилъ ихъ, а теперь, послѣ тѣхъ мученій, которымъ онъ меня подвергли, я чувствую къ нимъ отвращеніе, — не могу ихъ терпѣть, — ненавижу, — и плуще прежняго держусь собственныхъ идей о деревенской жизни.

Наступилъ вечеръ нашего отъезда. Мы съѣли въ дилижансѣ. Во время ночнаго странствія Г. В*** неразъ дружески трепалъ меня по плечу, восклицая: — Ah ça, mon ami, nous nous amuserons, j'espère, — «Ну, мой любезный, надѣюсь, что мы позабудемся!» Это заранѣе возбуждало во мнѣ отрадные мысли о рошицахъ, лугахъ и чистыхъ ручейкахъ моего пріятеля. Утро освѣтило передъ нами прекрасныя виды. Мы ѣдемъ, — а безпрестанно то заяцъ перебѣжитъ дорогу, то пролетитъ куропатка. При всякомъ подобномъ случаѣ Г. В*** повторялъ мнѣ — «Видѣли? А? Каково это, любезнѣйшій?», и глаза его блистали удовольствіемъ. Я приписывалъ это его страсти къ жаренымъ зайцамъ и куропаткамъ, и общалъ себя повсть ихъ вдоволь; я вовсе не предвидѣлъ тѣхъ напастей, которыми грозили мнѣ эти пресмьгающіяся. По случаю необыкновенныхъ задержекъ на дорогѣ, мы пріѣхали въ Осерръ такъ поздно, что не застали дилижанса, который ходитъ оттуда въ Вилеттъ, конечную цѣль нашего путешествія. — C'est un petit malheur, — «Маленькое несчастіе! говорилъ мой спутникъ (во Франціи почти никогда не бываетъ grand malheur, большаго несчастія!): отсюда всего пятнадцать верстъ до Вилетта, а въ девять часовъ вечера мы заберемъ въ раташе, въ сидѣйку, и поѣдемъ.»

Ratache — вещь очень хорошая, но она все не такъ удобна, какъ Англійская дорожная карета; даже не такъ, какъ почтовая коляска; даже не такъ, какъ телѣга. Это четырехугольный ящикъ безъ рессоръ, утвержденный на шестахъ, и ползущій на двухъ тя-

жельхъ, неуклюжихъ колесахъ. Ночь была темная; мы ѣхали проселкомъ, по которому, въ замѣнъ мостовой, разбросаны были огромные камни; извозчикъ чуть сидѣлъ на козлахъ, полупьяный и полусонный. Насъ бросало вправо и влево, назадъ и впередъ, къ потолку и къ жесткому сидѣнью, такъ, что мнѣ было уже не до сельскихъ удовольствій. Сначала мы смѣялись, хотъ, можетъ, и не отъ души, а наконецъ пришло не вѣдь силу. — *C'est égal*, — «Это ничего», говорилъ помѣщикъ, который съ дѣтства привыкъ къ сельскимъ камнямъ и первое сильное ощущеніе сердца испыталъ вѣрно отъ ухаба. А по мнѣ, такъ это вовсе не было — «ничего!» Послѣ безконечной толкотни, отъ которой я превратился въ порошокъ, въ два часа утромъ извозчикъ остановился въ дрянной деревушкѣ, и рѣшительно объявилъ, что не поѣдетъ далѣе до разсвѣта. — «Что жъ за бѣда! сказалъ Г. В***: мы отдохнемъ часа полтора, *et ça sera charmant!*» — *Charmant*, то есть — славно. Ну, ужъ славно! Что за безбожное изобрѣтеніе — въ утомительномъ путешествіи «отдыхать» полтора часа? Да я въ городѣ отдыхаю долѣе, проѣхавъ четыре улицы! Едва успокоились вы отъ лихорадочнаго волненія, возбужденнаго продолжительною тряскою, и только-что начали засыпать, васъ безъ жалости тащатъ опять въ дорогу. Но все-таки это лучше сидѣйки. Меня высадили, потому что я самъ не могъ пошевелиться, а на разсвѣтъ усадили опять, и часу въ одиннадцатомъ пріѣхали мы наконецъ въ желанный Вилеттъ. «Теперь-то, воскликнулъ мой пріятель, *vous vous amusezons!* Теперь-то мы позабавимся!.....»

Весь этотъ день пролежалъ я на софѣ, и ночью спалъ какъ убитый. На другое утро, сообразно съ моими понятіями о сельскихъ увеселеніяхъ, я взялъ съ собою книгу, положилъ въ карманъ бумаги и карандашъ для записыванія тѣхъ свѣтлыхъ и нѣжныхъ мыслей,

который долженствовали внушить мнѣ деревья, ручейки, коровы, и явился къ завтраку. Дамы и мужчины, также прїѣхавшіе сюда погостить, были уже всѣ въ столовой. Женщины въ деревнѣ не дуры, — но къ чему онѣ служить? Только-что мы успѣли отзавтракать, хозяинъ объявилъ мнѣ тотчасъ: — *Main-tenant, mon cher, nous nous amusezons.* Теперь будемъ веселиться. Пойдемте. Вы Англичанинъ, и следовательно отличный охотникъ. У меня найдете все, что вамъ угодно, — рыболовные сѣти, удочки, собакъ, ружья, лошадей. Я чрезвычайно люблю Англичанъ за то, что они умѣютъ веселиться въ деревнѣ. Вы знаете, я немножко Англоманъ. Да въ деревнѣ и мѣльзя иначе!..... Пока вы у насъ будете, мой Гекторъ всегда къ вашимъ услугамъ. Здѣсь никто съ нимъ не справится, но вы его проучите. *Allons!* Поѣдемъ верхомъ нынче же. *Sacristi*, Гекторъ пролетитъ подъ вами двѣнадцать миль въ часъ. Только не забудьте, мой любезный, что мы всѣ не на такихъ скакунахъ: такъ вы его сдерживайте; иначе намъ не удастся и поговорить съ вами дорогою.» Потомъ онъ обернулся къ прочимъ гостямъ и сказалъ: «Англичане вѣдять верхомъ гораздо лучше насъ, госнода; сравненья нѣтъ, — *vous allez voir!* вы увидите!»

Какой печальный ударъ! Я желалъ бы, чтобъ земля поглотила меня въ глубочайшія свои пропасти. Поддѣть меня такъ безчеловѣчно, призвавъ въ деревню для сельскихъ забавъ! Сроду не поймалъ я ни одной плотицы, никогда въ жизни не спускалъ курка во вредъ какому-нибудь животному, никогда не отличался я наѣздничествомъ, — и вдругъ мнѣ должно удивлять свѣтъ верховой ѣздою и поддерживать охотническую славу Великобританіи! Что жъ изъ этого, что я Англичанинъ? Прежде чѣмъ Англичанинъ, я коренной городской житель! Мое отечество — городъ! Мои нравы — нравы третьяго этажа! Я прї-

ѣхалъ наслаждаться тихою и безмятежною сельскою природою, а тутъ меня поставляютъ въ опасное и несчастственное положеніе — сидѣть на шеѣ высокаго какъ башня животнаго, и драться съ зайцами, съ лисицами, — пожалуй, еще съ медвѣдемъ или тигромъ. Въ лѣсахъ вѣдь водится и это! Лѣсъ — не публичный садъ! Но дѣлать нечего: съ отчаянною мыслию, что я отдаляюсь отъ этого «увеселенія» тѣмъ, что, на худой конецъ, только сверну себѣ шею за верховую славу моего отечества, я вышелъ вмѣстѣ съ прочими на дворъ, гдѣ лошади уже стояли осѣдланнныя.....

Минутку терпѣнія. Чтобъ постигнуть весь ужасъ моего положенія, необходимо сообразить нѣкоторыя другія обстоятельства моей жизни. До зрѣлаго возраста, «учиться верховой ѣздѣ» почиталъ я вовсе излишнимъ. Поставить одну ногу въ стремя, закинуть другую черезъ сѣдло и потомъ сидѣть поперегъ его — было по-моему такъ же просто, обыкновенно и естественно, какъ, напримѣръ, ходить. Живя всегда въ столицѣ, я ни разу не имѣлъ случая почувствовать необходимость верховой ѣзды, и, признаюсь, не считалъ ея за удовольствіе: по дѣламъ ли или безъ дѣла я всегда ѣздилъ на четырехъ колесахъ, въ экипажѣ. Такъ достигъ я совершеннолѣтія, никогда не садившись на лошадь. Однажды собралось насъ большое общество ѣхать въ Вейбриджъ. Наканунъ отъѣзда открылось, что всѣ мѣста въ каретахъ будутъ заняты дамами; всѣ мужчины, кромѣ меня, приваляли лошадей, и потому возникъ-было вопросъ — на чемъ отправится туда господинъ П***? Однако, кто-то скоро рѣшилъ его, объявивъ, что дастъ мнѣ лошадь: я принялъ предложеніе и благодарилъ за вѣжливость съ такимъ хладнокровнымъ спокойствіемъ, какъ-будто дѣло шло о коляскѣ. Мнѣ не приходило на умъ ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ успѣха предстоящей попытки: что жъ такое, — сѣсть на лошадь и ѣхать въ

Вейбриджъ! Эту ночь спалъ я покойно; поутру всталъ въ пріятномъ расположеніи духа; завтракалъ по обыкновенію, и вообще велъ себя, какъ слѣдуетъ, вплоть до отъезда. Я первый прибылъ на сборное мѣсто. Ведутъ лошадь, я самъ подступаю къ ней твердымъ шагомъ, сажусь, ну право — молодцомъ, и даже послѣ не обшаруживаю ни какихъ признаковъ безпокойства. Прошло добрые четверть часа, пока собралась вся кавалькада: я терпѣливо ждалъ у крыльца, и могу сказать безъ всякаго преувеличенія, что во все это время я сидѣлъ съ удивительной неустрашимостью, — сидѣлъ такъ крѣпко, такъ неподвижно, что мнѣ позавидовала бы статуя въ Донъ-Жуанъ. Наконецъ мы тронулись, по данному знаку, — я вмѣстѣ съ прочими, — не забѣгая впередъ, какъ на показъ, однако жъ и не отставая съ излишней робостью. Я ѣхалъ такъ, какъ угодно было судьбѣ и какъ ѣхалъ бы, на моемъ мѣстѣ, каждый опытный всадникъ, не придающій особенной важности тому, что онъ сидитъ на лошади. На первомъ перекресткѣ, всѣ товарищи мои повернули на право, а моя лошадь пошла на лѣво. Это вызвало всеобщій крикъ — «Сюда, сюда!», и кажется, я замѣтилъ признаки недовѣрія къ моимъ наѣздническимъ способностямъ. Но я надѣялся на себя, какъ на каменную стѣну, и, дернувъ лошадь вправо, тотчасъ исправилъ свою или, точнѣе, ея ошибку. Мы ѣхали до самой заставы довольно благополучно; только не понимаю, какъ полиція не запретитъ молочникамъ таскаться по городу съ ихъ проклятыми коромыслами! Одна изъ нихъ вздумала перейти мнѣ дорогу, и если бъ Т*** не схватилъ за какой-то ремешекъ, прикрѣпленный къ мордѣ моей лошади, я непременно задавилъ бы эту разиню. Ужъ посмѣялись же надъ ней мальчишки, -- и по-дѣломъ! У конюшеннаго двора, лошадь моя, вмѣсто того, чтобъ слѣдовать за другими, пошла тихимъ шагомъ къ дому

маркиза Стаффорда: я дернулъ ее влѣво, и опять присоединился къ товарищамъ. Признаться, я почти былъ доволенъ этимъ случаемъ; онъ убѣдилъ меня, что я имѣю нѣкоторую власть надъ гордымъ животнымъ; и вѣроятно, поворотъ сдѣланъ былъ не безъ искусства, потому что часовые взглянули другъ на друга. Впрочемъ, прохожіе вообще останавливались съ обѣихъ сторонъ и провожали меня глазами, а въ Сентъ-Джемскомъ Паркѣ даже одинъ кавалерійскій офицеръ долго любовался на меня издали. Товарищи мои пошептались, и ускакали впередъ, всѣ, кромѣ бѣднаго Р***, котораго ужъ нѣтъ теперь на свѣтъ. Онъ одинъ остался со мною, и мы ѣхали съ нимъ довольно тихо: мнѣ было такъ покойно, какъ въ креслахъ; но Р*** безпрестанно посматривалъ на меня съ опасеніемъ, хотѣлъ что-то сказать, мялся, покашливалъ, и казался въ смущеніи, — право, не знаю, отчего. Наконецъ онъ вымолвилъ: — Любезный П***, намъ должно сдѣлать двадцать миль до обѣда; мы вѣкъ не добдемъ этимъ шагомъ. — Такъ что жъ? сказалъ я: прищпорьте свою лошадь. — Да!! А..... а вы? — Мнѣ все равно, какъ ни ѣхать. — Право, очень жаль, мой любезный, что вы отправились верхомъ. На это я не отвѣчалъ ни слова, но такъ стиснулъ бока своей лошади, что она понесла меня съ неимоверной быстротою тѣмъ шагомъ, который, какъ растолковали мнѣ впоследствии, называется рысцей. Почему конь мой предпочелъ его рыси или галопу, этого я никогда не могъ добиться; но я былъ крайне обязанъ ему за такой выборъ, потому что при всей неостижимой скорости его бѣга, движеніе казалось мнѣ пріятнымъ и покойнымъ. Думаю, что это должно быть очень похоже на полетъ. Онъ едва прикасался къ землѣ копытами. Дома, сады, бесѣдки, оранжереи, все это мгновенно мелькало передо мною, — только являлось, и тотчасъ исчезало! Ни какое перо не опи-

шесть стремленія, называемаго рысцею, и я увѣренъ, что если бѣ мнѣ дали ѣхать такъ всю дорогу, я черезъ часъ поспѣлъ бы въ Вейбриджъ, или куда-нибудь въ другую сторону за двадцать миль отъ столицы. Но Р*** кричалъ мнѣ вслѣдъ — «Постойте, Бога ради, постойте! вы сломите себѣ шею», — догналъ меня въ одну минуту, говорилъ, что страшно смотреть, какъ я скачу, и упрасивалъ воротиться, предлагая проводить меня домой. Я поблагодарилъ его за излишнюю заботливость, оборотилъ лошадь, и безъ всякаго дальнѣйшаго внимательства съ моей стороны, она привезла меня прямо къ конюшнѣ, и остановилась. Когда я слѣзъ, она тихонько обернула голову и посмотрѣла на меня такими глазами, въ которыхъ выражался кроткій и добродушный упрекъ, за то, что я вытаскивалъ ее изъ стойла понапрасну. Потомъ взглянула она на конюховъ, и однимъ этимъ взглядомъ сообщила имъ весь мой приключеніе. Въ этомъ я увѣренъ, — потому что они тотчасъ стали перемигиваться и кивать на меня. Я прибѣгнулъ къ другому способу ѣзды, который рекомендую всѣмъ, кто, подобно мнѣ, не бывалъ на лошади до зрѣлаго возраста; то есть, я нанялъ коляску и, увѣряю васъ, что поспѣлъ въ Вейбриджъ къ самому обѣду.

Первая неудача сдѣлала меня осторожнѣе. Въ другой разъ я рѣшился поѣздить сначала на маленькой лошадекѣ, а потомъ выбирать себѣ коня каждый день верхомъ повыше; покуда привыкну владѣть лошадьми самыхъ огромныхъ разиѣровъ. Но кажется, мнѣ не судьба отличатся по этой части, и вторичный опытъ вышелъ едва ли не хуже перваго. По принятому мною правилу, я взялъ на первый разъ такую лошадь, что когда сѣлъ, то почти доставалъ ногами до земли, и весьма трудно было рѣшить со стороны, ѣду ли я верхомъ, или иду съ жеребенкомъ межъ ногами. Только-что я выѣхалъ за ворота, конекъ мой

разгорячился: онъ бѣжать и я съ нимъ, но онъ былъ проворнѣе, онъ выскочилъ изъ подъ меня, и я остался среди улицы съ раздвинутыми ногами, какъ-будто верхомъ на невидимкѣ. Догонять его нечего было и думать; я побрелъ прямо домой въ тѣхъ мысляхъ, что придется мнѣ заплатить за потерянную лошадь. Каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ ее у себя на дворѣ! Насмѣшливый взглядъ этой мелкой, ничтожной твари встрѣтилъ меня при самомъ входѣ, и съ тѣхъ поръ я не могу равнодушно смотрѣть ни на одну лошадь: мнѣ поневоля приходитъ въ голову, что исторія моихъ несчастныхъ походовъ разнеслась между этими животными и служить вѣчнымъ источникомъ смѣха для всей ихъ породы.

Читатель можетъ теперь вообразить себя, что я чувствовалъ, выходя на конюшенный дворъ въ замкѣ Вилеттѣ. Дамъ особенно приглашали полюбоваться, какъ я переверну неукротимаго звѣря по-Англійски. Кто тонетъ, хватается и за соломенку! «Вѣдь я еще не ѣзжалъ во Франціи, думалъ я: такъ, почему знать, можетъ и не сломяу себя шею.» Конь былъ рослый, статный, караковый, съ длиннымъ хвостомъ и густою гривою. Я только-что поставилъ ногу въ стремя и хотѣлъ заносить другую, онъ взглянулъ на меня выразительно искоса, — точь-въ-точь какъ эта маленькая мерзавка, которая пропала у меня изъ промежь ногъ, — и этотъ взоръ высказалъ мнѣ всѣ подробности путешествія въ Вейбриджъ и приключенія съ лошадкой! Въ немъ совокуплялись всѣ способы краснорѣчія, но господствующимъ было самое настоящее убѣжденіе, чтобъ я избавилъ отъ труда сбить себя долой. Для моей опытности все это было очень ясно. Я увидѣлъ, что дѣлать нечего, отскочилъ отъ лошади, согнулся въ дугу и съ жалобами на жесточайшія спазмы, ушелъ въ свою комнату. — *Sezega roug un autre jour*, — «Когда-нибудь въ другой разъ,» ска-

заль Г. В***, давая знакъ, чтобъ Гектора отвели въ конюшню, и берейторская слава Англїи осталась по-камѣсть невредима.

Часа черезъ два по отбытіи кавалькады, я почувствовалъ такое облегченіе, что могъ выйти изъ комнаты, и поспѣшилъ насладиться деревнею по-своему. Сперва я посидѣлъ подъ одной клумбою, потомъ подъ другою; тамъ пошелъ по лугу на скотный дворъ, бродилъ по берегу излучистаго ручья, остановился на мостикъ, и предался тѣмъ отраднымъ занятіямъ, о которыхъ упоминалъ прежде. Послѣ того отправился я въ огородъ, смотрѣлъ на труды садовника, и выучился у него названіямъ разныхъ цвѣтовъ и корней: здѣсь особенно удивляло меня то, что картофель, морковь и свекла на грядкахъ совсѣмъ не таковы, какъ въ кушаньѣ. Вотъ настоящія, невинныя, сельскія забавы! единственныя, какія мнѣ понятны, и съ какими я желаю быть знакомъ. Я наслаждался ими вплоть до обѣда.

За столомъ сыпались со всѣхъ сторонъ сожалѣнія, что непріятный случай помѣшалъ мнѣ выказать передъ обществомъ превосходство Англійскаго способа объѣзжать бѣшеныхъ лошадей: каждый непременно надѣялся увидѣть это зрѣлище завтра утромъ. Я не надѣялся. Послѣ обѣда предложили прогулку и, слава Богу, не верхомъ. Вечеръ провели по Французскому обычаю: отъ стараго до малаго воѣ играли въ жмурки; потомъ Г-жа В*** съѣла съ дочерью за фортепіано, мамзель Адель пѣла, мамзель Виржини вышивала, танцовали, играли въ экарте, опять танцовали, — выпили сахарной воды и разошлись. Это по-крайней-мѣрѣ сколько-нибудь похоже на увеселенія!

Я спалъ дурно. Меня давила домовою. Во снѣ видѣлъ я Гектора, маленькую лошадку, Вейбриджъ. Конскія головы вертелись около меня въ быстромъ

хороводъ; между ними мелькали кентавры, чудовищныя превращенія лошадиныхъ формъ, и даже деревянные коньки на палочкахъ. Лишь-только разсвѣло, и я всталъ съ постели, Г. В*** вошелъ ко мнѣ въ комнату. Я думалъ, что за нимъ ввалитъ и Гекторъ; но дѣло шло вовсе не объ Гекторъ. Хозяинъ съ гостями собрались на охоту, и ждали только меня, чтобы отправиться. Меня! Въ другихъ обстоятельствахъ я счелъ бы это невчастиемъ, но теперь — у меня отдало отъ сердца. «Что жъ за бѣда! думалъ я: все равно стрѣлять во что-нибудь или просто въ воздухъ; надо только прицѣлить ружье и спустить курокъ, а тамъ ужъ зарядъ самъ попадай, какъ хочеть!» Мнѣ силою навязали пороховницу съ лучшимъ порохомъ и отличное дуствольное ружье съ новѣйшими патентованными усовершенствованіями. Обыкновенный порохъ и обыкновенное ружье могли бы доставить мнѣ хоть какое-нибудь оправданіе въ случаѣ неудачи; теперь, что прикажете дѣлать съ этими патентованными совершенствами? чѣмъ прикрыть свою неопытность? Хотя я и увѣренъ, что это очень легко, однако упражненіе и здѣсь необходимо. Я просилъ, умолялъ, говорилъ, что мнѣ крайне совѣстно завладѣть лучшимъ изъ всѣхъ ружей. Напрасно! Я одинъ между ними Англичанинъ и долженъ показать имъ, что можно сдѣлать такимъ превосходнымъ ружьемъ. Сверхъ того, прибавлялъ Г. В*** потихоньку: мнѣ хочется убѣдить недовѣрчивыхъ пріятелей, что рассказы мои о подвигахъ вашихъ соотечественниковъ на охотѣ вовсе не въ разладѣ-съ истиной и что я говорилъ имъ правду, утверждая, что Англичанинъ изъ сотни пушенныхъ голубей убиваетъ обыкновенно девяносто восемь.» Видя, что горю пособить нечѣмъ, я зарядилъ свое патентованное, усовершенствованное, дуствольное, ударное ружье, и чтобъ усилить вѣроятіе удачи, набилъ въ него какъ можно больше дроби. «Вѣдь попада-

детъ же хоть одна дробинка!» думалъ я про себя. Мы отправились, и увидѣли вдругъ цѣлое стадо куропа-токъ. Я скорѣй за ружье, и выпалилъ на волю Бо-жюю, спустивъ оба курка вмѣстѣ. Я не убилъ ни одной птицы, но, къ большому моему изумленію и удо-вольствію, ранилъ цѣлыхъ трехъ. Этотъ первый по-двигъ на новомъ для меня поприщѣ, кажется, удивилъ моихъ товарищей: да и не мудрено, — когда я самъ не зналъ, чему приписать такую удачу! Одинъ спро-силъ меня, неужели въ Англии стрѣляютъ обыкно-венно въ стаю птицъ, не давъ имъ подняться; а дру-гой, неужели Англійскіе охотники всегда спускаютъ оба курка разомъ? Последнему я прехладнокровно отвѣчалъ, что иные спускаютъ, иные нѣтъ, и сталъ опять заряжать свое патентованное, усовершенство-ванное, двуствольное, ударное орудіе. Только-что у-спѣлъ я это сдѣлать, какъ увидѣли, что въ самомъ близкомъ разстояніи сидитъ заяцъ, и тотчасъ указа-ли мнѣ его, изъ вѣжливости. Я прицѣлился, спустилъ курки, — ружье осѣклось. Всѣ сказали — что это — Grand malheur! Большое несчастіе! А заяцъ между-тѣмъ улизнулъ! Дѣло въ томъ, что, видно, и самое лучшее ружье не всегда выстрѣлитъ безъ нѣкоторыхъ при-готовленій, — а я, сказать правду, забылъ насыпать пороху на пѣлку, или, какъ теперь изъясняются па-тентованнымъ, усовершенствованнымъ образомъ, на-дѣть колпачекъ. Кромѣ-того, я близорукъ, слабъ зрѣ-ніемъ, а это, говорятъ, не находка въ полѣ, и поэто-му не мудрено, что третій мой выстрѣлъ направленъ былъ въ крестьянскую шляпу, висѣвшую на суку и показавшуюся мнѣ тетеревомъ. Къ счастью я не по-палъ, и Г. В***, въ полной увѣренности, что я вы-стрѣлилъ для шутки и нарочно подальше, чтобъ не испортить шляпы у бѣдняка крестьянина, смѣлся отъ всего сердца, и вмѣстѣ хвалилъ меня за внима-тельность. Я охотно оставилъ его въ этомъ заблужде-

ни, и сталь-было заряжать въ четвертый разъ, какъ приближалъ ко мнѣ изъ замка человекъ съ письмомъ изъ Парижа. Надпись «весьма нужное» доставила мнѣ предлогъ воротиться домой для отправленія немедленно отвѣта. Я передалъ двуствольное съ рукъ на руки. Товарищи мои съ сожалѣніемъ рѣшились ждать опять до завтра, а я чувствовалъ себя истинно счастливымъ, когда облегся на перилы милаго мостика и беззаботно плевалъ съ него въ струи ручейка.

Слѣдующій день съ самаго утра обѣщаль мнѣ чистое, безпримѣсное удовольствіе. Съ неизъяснимой радостью услышалъ я проснувшись, что дождь льетъ какъ изъ ведра и что, по всѣмъ признакамъ, едва ли перестанетъ онъ до ночи. «Ну! думалъ я: нынче не увижу ни чертовскихъ лошадей, ни проклятыхъ ружей.» Мы всѣ сошлись къ завтраку, и я необыкновенной своей веселостью разшевелилъ даже унылыхъ товарищей, которые скучали дождливой погодою и говорили мнѣ съ участіемъ:—«Какъ вамъ должно быть досадно, что вы на цѣлый день принуждены отказать себѣ и въ верховой ѣздѣ, и въ охотѣ!» Повторенными увѣреніями, что я могу иногда обойтись и безъ этихъ удовольствій, мнѣ удалось ихъ успокоить. Послѣ завтрака Г-жа В*** предложила мнѣ сыграть партію на билліардѣ. — «Смотрите, сударыня! сказалъ ей мужъ: Англичане отличные игроки.» — Неужто конца не будетъ моимъ мученіямъ! говорилъ я самъ себѣ: Провалиться бы этому билліарду! Я отродясь не сыгралъ ни одной партіи. Впрочемъ, вѣдь не всякому же быть знаменитымъ игрокомъ на билліардѣ: будетъ и того, что я по-сю-пору слышу отличнымъ всадникомъ и мѣткимъ стрѣлькомъ: почему жъ не сознаться мнѣ въ своемъ невѣжествѣ по билліардной части. Я такъ и сдѣлалъ: всѣ хвалили меня за скромность. Я торжественно объявлялъ, что не играю: Г-жа В*** увѣряла меня, что она и са-

ма не мастерица, но соглашается взять только шесть впередъ. Я крѣпко стоялъ въ своей необычности: Г-жа В*** не сомнѣвалась, что эти отговорки происходятъ отъ сознанія собственнаго моего превосходства, и предлагала въ угодность мнѣ взять впередъ восемь и даже десять. Мы пошли въ бильярдную. — «Какую партію вы лучше любите, Русскую или Французскую?» — Не зная этихъ народныхъ различій, я предоставилъ выборъ Г-жѣ В***, и онъ палъ — я право не знаю, на которую. Минуть черезъ десять она считала уже семь, а я, разумѣется, не сдѣлалъ ни одного шара. Всѣ превозносили мою угодливость. Вдругъ я изъ всей мочи толкнулъ кіемъ въ свой шаръ, а онъ случайно попалъ въ другой, а тотъ отскочилъ и попалъ какъ-то въ третій, — всѣ шары перемѣшались, такъ, что я не зналъ который мой, — причемъ одинъ изъ трехъ покатился влѣво и упалъ въ мѣшечекъ на углѣ бильярда. Меня оглушили рукоплесканіями и криками *C'est admirable! Oh, que c'est bien joué!* — Мастерски сыграно! Удивительно! Какой чудесный ударъ! Какъ играетъ! Моя милая соперница, замѣтила мнѣ, что до-сихъ-поръ я былъ — *complaisant*, а теперь начинаю становиться *méchant*. Но снисходительность моя скоро воротилась, и въ нѣсколько минутъ Г-жа В*** выиграла партію, а мнѣ не удалось больше задѣть ни одного шара. Она была въ восхищеніи отъ моей вѣжливости, — я, какъ-будто, поддавался ей нарочно и сыгралъ только одинъ шаръ, чтобы показать, что я могу сдѣлать; но она просила, чтобы въ другой разъ я не тѣшилъ ее какъ ребенка, и игралъ бы нешутя, потому что ей самой хочется усовершенствоваться. Въ заключеніе условились, чтобы на другой день я сыгралъ партію съ знаменитымъ игрокомъ Г. Л***, давъ ему однако жъ два впередъ по-крайней-мѣрѣ. Дождь лилъ препрiятно вплоть до ночи, и я провелъ этотъ день безъ особенной тре-

воги, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда просили меня разрѣшить какой-нибудь трудный охотничій вопросъ или жаркій споръ о породахъ и выѣздкѣ лошадей, моихъ пріятельницъ. Однако, я и тутъ кое-какъ отдѣлывался: говорилъ мало, а больше кивалъ значительно головою,—способъ рѣшенія трудностей, который, какъ я видѣлъ въ высшихъ слояхъ общества, употребляется съ большимъ успѣхомъ во множествѣ дѣлъ, гораздо важнѣйшихъ.

Дня три или четыре дождь шелъ какъ нельзя лучше, и потоки его были для меня настоящею «росою жизни.» Каждое наступающее утро грозило мнѣ какимъ-нибудь новымъ увеселеніемъ, но всегда погода препятствовала исполненію надо мной страшнаго приговора. День и ночь смотрѣлъ я на барометръ, висѣвшій въ столовой, и двое сутокъ стоялъ онъ на «сильномъ дождѣ.» Я спалъ покойно, и былъ въ самомъ веселомъ расположеніи. На третій день, къ крайнему моему прискорбію, въроломная ртуть поднялась къ «перемѣнной погодѣ». Я сталъ еще чаще на нее поглядывать, и движенія ея тревожили меня точно такъ, какъ-будто я отправилъ въ море цѣлый флотъ съ дорогими товарами. Однажды я стоялъ въ раздумь передъ барометромъ: вдругъ легкой ударъ по плечу вывелъ меня изъ этого положенія. Г. В*** сказалъ мнѣ: «Ахъ, mon cher, я отнюдь не удивляюсь вашему нетерпѣнію; но поздравляю васъ, погода разгуливается, и мы вознаградимъ себя за потерянное время. Nous nous amuserons bien, allez; увидите, какъ мы еще позабавимся. Погода въ самомъ дѣлѣ начала разгуливаться; барометръ рѣшительно поднялся къ «ясной». Что мнѣ было дѣлать? Не всегда же отговариваться спазмами; не всегда для смѣха цѣлить въ шляпу вмѣсто тетерева; не всегда получать письма изъ Парижа въ критическую минуту; не всегда поддаваться Г-жѣ В*** въ бильярдъ изъ угожденія, которое наконецъ будетъ равносильно обидѣ.

Въ первое прекрасное утро, я всталъ самъ несвой. Всю ночь ворочаясь я въ постели и не могъ выдумать предлога, чтобъ отдѣлаться какъ-нибудь отъ охотниковъ. Сказать имъ всю правду почиталъ я невозможнымъ: мнѣ было совѣстно, — смѣйтесь, господа! — а мнѣ до смерти было совѣстно. Да можетъ, и не повѣрили бы такому признанію, а отнесли бы его къ чрезмѣрной, пересоленной скромности. Однако, надо же на что-нибудь рѣшиться! Если мнѣ въ самомъ дѣлѣ не повѣрятъ, долженъ ли я въ доказательство истинны словъ моихъ, застрѣлить любимую собаку моего пріятеля, и для лучшаго удостовѣренія еще убить одного изъ пріятелей моего пріятеля?... Я вышелъ изъ своей комнаты въ совершенномъ недоумѣніи.

— «А, вотъ онъ! Скорѣй, въ дорогу!» закричалъ Г. В**, лишь только я показался въ двери. Объ Гекторѣ ни слова, — это ужъ не бездѣлица; всѣ собрались опять стрѣлять. Мнѣ вручили то самое патентованное, усовершенствованное, двустольное, ударное ружье, съ которымъ я прежде познакомился: я зная его, самъ не зналъ, что дѣлаю. Когда мы вышли на крыльце, въ голову моей внезапно мелькнула мысль, какъ-бы внушенная самимъ небомъ. Я схватился за нее со всей силою отчаянья, и, боясь, чтобъ она у меня не вырвалась и не пропала, произнесъ какъ можно поспѣшнѣй: — Я не расположенъ сегодня стрѣлять; мнѣ хочется удить рыбу. — «Parbleu! сказалъ хозяинъ: все, что вамъ угодно; въ деревнѣ совершенная свобода; я дамъ вамъ свой рыболовный снарядъ. Я и забылъ, что Англичане тоже страстные охотники и мастера удить!» — Онъ вошелъ въ комнату, и тотчасъ воротился съ двумя или тремя удочками, съ разными крючками, крылышками, пробочками и другими подробностями. «Вотъ вамъ все, сказалъ онъ, вы найдете здѣсь въ пруду рыбу мелкую, крупную, какую хотите, и притомъ въ изобиліи.» Не могу описать вамъ

моего удовольствія! Правда, что я былъ такой же ма-стеръ удить, какъ и стрѣлять; но я думалъ, что съ удочкой въ рукахъ, я ни мало не отваживаю своей доброй славы: я видалъ отличныхъ рыболововъ, кото-рые, просидѣвъ надъ водою весь день, возвращались домой съ пустыми руками, и слава великаго ихъ ис-кусства однако не претерпѣвала отъ этого ни малѣй-шаго ущерба. Мнѣ только стоило сказать: «Прокля-тыя! ни какъ нейдутъ на уду.» Но радость моя была не продолжительна. Вообразите себѣ мой ужасъ, мое отчаянье, когда Г. В*** призвалъ метръ д'отеля, и ска-залъ ему: — «Escoutez, monsieur Goulard, фрикассе изъ зайца сегодня не нужно. Г. П*** идетъ ловить рыбу: такъ вы приготовите намъ пару шукъ à la maitre d'hôtel; сдѣлаете мателотъ изъ карповъ, а осталь-ное зажарите.» — И такъ, объѣдъ цѣлаго общества по-ставленъ въ зависимость отъ весьма сомнительныхъ послѣдствій перваго моего опыта въ рыболовномъ ис-кусствѣ! Я самъ вызвался на эту бѣду; пособить было нечѣмъ. Г. В*** совѣтовалъ мнѣ взять садовникова сы-на, Этьенна, чтобъ онъ помогалъ мнѣ снимать съ крюч-ка большихъ рыбъ, а то ихъ такъ много и онъ такъ жадно бросаются на приманку, что я скоро устану. Мы разстались: онъ съ гостями пошелъ противъ зай-цевъ и куропатокъ, а я противъ шукъ и карповъ.

Мнѣ опять не на что было сослаться въ случаѣ неу-дачъ! Отвратительное чудовище, Гекторъ былъ лучший конь во Франціи; ружье было-патентованное, усовер-шенствованное, дуствольное и еще съ какимъ-то эпи-тетомъ, котораго ужъ не упомяну, и удочка, — провалъ ее возьми, — перваго разбора, тоже съ разными усо-вершенствованіями. Къ довершенью золь, здѣсь во-дилось бездна рыбы. Дорогою я старался успокоить себя слѣдующимъ образомъ: «Тутъ не можетъ быть особенной трудности; надовоткнуть приманку на крю-чекъ, опустить его въ воду, и только рыба начнетъ

хватать, сейчас вытащить.» Однако, по какому-то тайному, неодолимому предчувствію, я счелъ за лучшее отослать Этьенна съ тѣмъ, что позову его, когда онъ мнѣ понадобится. Г. В*** сказалъ правду. Только что я закинулъ удочку, приманка была сорвана, и я вытащилъ одинъ крючекъ! Другой, третій, двадцатый, пятидесятый опытъ увѣнчался такимъ же успѣхомъ. Несмотря на уваженіе мое къ любезному хозяину, я наконецъ соскучился кормить его рыбу, и подозрѣвалъ, что становлюсь смѣшнымъ въ глазахъ этой породы, что противъ меня сдѣланъ въ прудѣ явный заговоръ. Я испытывалъ всѣ способы, — бралъ то меньше, то больше притравы, — манялъ рыбу на голый крючекъ, но и эти ухищренія были напрасны. Наконецъ, видно, самъ попался ко мнѣ на удочку крошечный пискарикъ, потому что грѣшно сказать, чтобъ я поймалъ его. Какъ ни мелка была эта рыбка, я опустилъ ее въ огромную корзину, которую принесъ за мной Этьеннъ: я надѣялся, что первый успѣхъ будетъ предвѣстникомъ дальнѣйшихъ; но имъ началась, и на немъ и кончилась моя удача. Между-тѣмъ пришелъ навѣстить меня Г. В***. Онъ заглянулъ въ корзину, и сказалъ: — «Вы хорошо сдѣлали, что отослали тѣхъ домой.» — Я увѣрялъ его, что рыба, которую онъ открылъ на днѣ корзины, одна только и попала къ мнѣ въ цѣлое утро. Онъ померъ со смѣху, и отвѣчалъ, что догадывается, въ чемъ дѣло: я *farceur*, я — большой шутникъ, и нарочно пустилъ опять въ воду крупную рыбу, чтобъ всѣ посмѣялись, когда я принесу одного маленькаго пискаря въ такой огромной корзину. Я снова увѣрялъ его, что это единственный плодъ моего продолжительнаго занятія. Куда! онъ не хотѣлъ и слушать. Англичане опытные рыболовы, прудъ кишитъ рыбою, я истратилъ весь прикормъ, — тутъ нечего и говорить! Гуларь вмѣсто карповъ и шукъ, принужденъ былъ наскоро приготовить

зайца. Въ продолженіе объѣда нѣсколько разъ принимались смѣяться моему пискарю въ большой корзинѣ, и величали это самою забавною шуткою. *La plaisanterie est bonne!* говорили Французы. Однакожъ, кто-то замѣтилъ, что хотя шутка и славная, мателоть изъ карпа едва ли не былъ бы лучше, и что такъ какъ я лишилъ всѣхъ этого блюда, то въ наказаніе долженъ завтра удѣлить полчаса отъ времени моей верховой ѣзды, чтобъ наловить къ объѣду рыбы.

Я страдалъ уже заранѣе, какъ вдругъ вошелъ въ комнату человекъ съ пачкою газетъ и писемъ. Въ числѣ ихъ было одно ко мнѣ. Я прочелъ его, притворился изумленнымъ, озабоченнымъ, и объявилъ, что завтра же непременно долженъ ѣхать по одному дѣлу, не терпящему отлагательства. Напрасно уговаривали меня остаться хоть на одинъ день, чтобъ повздить на Гекторъ: я былъ неумолимъ. Но всего труднѣе было мнѣ отдѣлаться отъ Г. В***, который непременно хотѣлъ, чтобъ я не церемонился и для скорости отправился въ Парижъ верхомъ на его Гекторъ!

На другой день, чѣмъ свѣтъ, я пустился въ дорогу, вытерпѣвъ недѣлю невыразимыхъ мученій въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я думалъ прожить цѣлый мѣсяцъ въ отрадномъ спокойствіи; благодаря чудесному стеченію обстоятельствъ, я оставилъ за собою славу самаго искуснаго ѣздока, самаго лихаго охотника, самаго отличнаго и вѣжливаго игрока на билліардѣ и самаго опытнаго рыбака. Но, съ тѣхъ поръ, хочу быть подлецомъ, если я побѣду когда-нибудь въ деревню! На что это? Для меня, городского жителя, сельской природы весьма довольно въ загородномъ домѣ, который я купилъ себѣ шагахъ въ двухъ стахъ, не далѣе по-ту-сторону заставы.

New Monthly Magazine.

=

ЛАМАРТИНЪ

УЛЕДИ СТЕНГОПЪ.

=

Новое сочиненіе Г. Ламартина, *Souvenirs, impressions, pensées et paysages pendant un voyage en Orient*, чрезвычайно слабо, чтобы не сказать — не достойно его имени, хотя его провозгласили до небесъ заранее, и хотя оно издано въ одинъ день по-Французски и по-Англійски, въ Парижъ и въ Лондонъ. Это «Воспоминанія, впечатлѣнія, мысли и виды», собранныя во время странствованія по Палестинѣ, Сири, Греціи, Турціи, Сербіи; попросту — это путешествіе по Востоку. Но вотъ въ чемъ дѣло: Г. Ламартинъ не видалъ Востока, несмотря на то, что пробылъ тамъ полтора года. Его воспоминанія такого рода, что могли бы безъ потери быть имъ забыты; его впечатлѣнія нечисты и ложны, — чеканъ видно поскользнулъ, въ то самое время, когда стремился отпечатать свои чудныя и характеристическія черты на умъ путешественника; его мысли престранны; его виды списаны сквозь очки, которыя, кажется, не были хорошо протерты. Изъ всего Востока великій поэтъ увидѣлъ ясно только леди Стенгопъ, и изъ всего его сочиненія мы приведемъ только свиданіе съ этою странною, нѣкогда очень умною, теперь восторженною женщиною, которая такъ сильно и такъ долго занимаетъ любопытство Европейской публики по поводу многихъ, очень занимательныхъ сплетней, ходившихъ въ свѣтъ на счетъ причинъ добровольнаго ея удаленія изъ Англіи въ Сирию. Леди Эсэиръ Стенгопъ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ весьма значительной фамилии въ своемъ отечествѣ, и нѣкогда вдавалась въ политику, будучи близкою

родственницей знаменитому Питту, который весьма уважалъ ея умъ и дарованія. Лѣтъ тому двадцать или болѣе, она путешествовала по южной Европѣ, и была въ Константинополь, откуда отправилась въ Египеть. Тамошній паша принялъ ее съ честью, и далъ ей одного своего мамелюка изъ Французскихъ ренегатовъ, который провожалъ ее въ Палестину.

«Перекочевавъ во всѣхъ (?) странахъ Востока, говоритъ Г. Ламартинъ, леди Эсвиръ Стенгопъ основалась почти въ неприступномъ уединеніи на одной изъ Ливанскихъ горъ близъ Сайды, древняго Сидона. Акрскій паша, Абдаллахъ, питавшій къ ней уваженіе и привязанность, подарилъ ей остатки монастыря и село Джіунъ, котораго обитатели — друзья. Леди выстроила тамъ нѣсколько домовъ и окружила ихъ стѣною, подобною укрѣпленіямъ среднихъ вѣковъ; она развела прекрасный садъ въ Турецкомъ вкусѣ, наполненный цвѣтниками и плодовыми деревьями, бесѣдками изъ виноградныхъ лозъ и кіосками, украшенными рѣзьбою и арабесками: вода струится въ мраморныхъ каналахъ, и бьетъ фонтанами изъ полу кіосковъ, освѣненныхъ померанцевыми, смоквенными и лимонными деревьями. Леди Стенгопъ жила здѣсь нѣсколько лѣтъ въ настоящей Восточной роскоши: окруженная множествомъ Европейскихъ и Арабскихъ толмачей, и толпою прислужницъ и черныхъ невольниковъ. Во все это время она поддерживала дружественныя и даже политическія связи съ Портою, Абдаллахъ-пашою, эмиромъ Беширомъ, владѣтелемъ Ливанскимъ, и пуще всего съ Бедуинскими шейхами пустынь Сирійской и Багдадской.

«Однако доходы леди уменьшились по причинѣ разстройства дѣлъ въ отсутствіе ея изъ Англій, и она стала получать въ годъ не болѣе тридцати или сорока тысячъ рублей, которыхъ впрочемъ доставало ей на прожитокъ. Между-тѣмъ люди, сопровождавшіе ее изъ Европы, или умерли или разъяхались; пріязнь Арабовъ, которою нельзя пользоваться безъ подарковъ и безъ мишурнаго блеска, охладѣла; сообщенія сдѣлались рѣже и леди Эсвиръ, дошла до того уединеннаго состоянія, въ которомъ я нашелъ ее;

но тутъ-то раскрылся весь геройскій отливъ ея характера, вся сила, все постоянство, вся рѣшительность ея духа. Она ни разу не подумала воротиться назадъ; ни разу не вздохнула по свѣтъ или по минувшемъ; она не изнемогла подъ бременемъ утраты друзей, не устрашилась ни старости, ни забвенія, и осталась одна тамъ, гдѣ и теперь, безъ книгъ, безъ газетъ, безъ писемъ изъ Европы, окруженная немногими негритянками, маленькими ихъ дѣтьми и извѣстнымъ числомъ Арабскихъ поселянъ для ухода за ея садомъ и лошадьми, и для охраненія ея личной безопасности.

«Здѣсь вообще полагають, — и сношенія мои съ нею заставляютъ меня раздѣлять это мнѣніе, — что сверхъестественную силу ея духа и ея рѣшительность должно приписывать не одному природному характеру, но и сильно возбужденнымъ релігіознымъ понятіямъ, въ которыхъ Европейскій иллюминизмъ смѣшивается съ нѣкоторыми Восточными догматами, и особенно съ чудесами Астрологін. Какъ бы то ни было, леди Стенгопъ пользуется большою славою на Востокъ (?), и удивляетъ собою Европейцевъ. Будучи отъ нея такъ близко, я чрезвычайно желалъ ее видѣть: между ея наклонностью къ одиночеству и размышленію и моими собственными чувствами было повидимому столько сродства, что мнѣ очень хотѣлось удостовѣриться, до какой степени оно простирается. Но Европейцу крайне затруднительно добиться съ нею свиданія: она устраняетъ всякое сообщеніе съ Англійскими путешественниками, съ женщинами и даже съ членами своего семейства. Поэтому я мало надѣялся быть ей представленнымъ; тѣмъ менѣе, что не имѣлъ даже рекомендательнаго письма. Однако я зналъ, что она въ сношеніяхъ съ Палестинскими и Месопотамскими Бедунами, и что покровительство ея будетъ мнѣ очень полезно въ предполагаемомъ путешествіи, и потому рѣшился послать къ ней Араба съ слѣдующимъ письмомъ:

«Миледи,

«Подобный вамъ путешественникъ и чужеземецъ на Востокъ странствуетъ нарочно для того, чтобъ наблюдать здѣсь природу, развалины и дѣла рукъ Божіихъ. Я сейчасъ только пріѣхалъ въ Сирію съ моимъ семействомъ.

«Почту однимъ изъ лучшихъ дней моего путешествія тотъ, въ который сдѣлаюсь извѣстенъ женщинамъ, причисляемой къ первымъ чудесамъ Востока.

«Если вы будете такъ милостивы, что захотите принять «странника, благоволите назначить день, какой вамъ будетъ «угодно, и извѣстить меня, долженъ ли я прѣхать одинъ, «или могу ввести къ вамъ и нѣкоторыхъ моихъ спутниковъ, знающихъ всю цѣну чести быть вамъ представленными.

«Умоляю васъ, миледи, не соглашаться изъ одной въ-«жливости на мою просьбу, если исполненіе ея должно «нарушить непріятнымъ образомъ вашу привычку къ рѣ-«шительному уединенію. Я самъ такъ живо чувствую цѣ-«ну свободы и одиночества, что буду умѣть постигнуть «и уважить вашъ отказъ.

«Примите,» и прочая.

«Не долго ожидалъ я отвѣта: тридцатаго числа, часа въ три по полудни, прѣехалъ ко мнѣ конюшіей леди Стенгопъ, исправляющій должность и врача ея, съ тѣмъ, чтобы проводить меня въ Джіунъ, гдѣ живетъ эта необыкновенная женщина.

«Въ четыре часа мы отправились; со мною были докторъ Леонарди, Г. Парсваль, слуга и проводникъ: все мы вѣли верями. Я миновалъ довольно близко Байрутъ, великолѣпную сосновую рощу, насаженную нѣкогда эмиромъ Ливана, Фахръ-эдиномъ на высокомъ мысѣ, откуда видны вправо бурное Сирійское море, а влѣво въ нѣдрахъ горнаго хребта чудесная долина, гдѣ богатство прозябеній Запада, — виноградъ, смоковницы, шелковичникъ, пирамидальный тополь (кипарисъ?) смѣшаны съ высокими пальмами (?) Востока, которыхъ широкія листья качаются въ ясно-голубой тверди какъ огромный пукъ перьевъ.»

Бѣда, когда поэтическое воображеніе станетъ еще путешествовать! Эти пальмовыя листья, конечно, качаются прекрасно въ ясно-голубой тверди, и совершенно-похожи на огромный пукъ перьевъ; жаль только, что ихъ тамъ нѣтъ и въ заводѣ. Ни въ Байрутѣ, ни около Байрута, пальмъ не растеть; во всей этой области есть

едва десяти или двѣнадцать тощихъ пальмъ, въ садахъ, на показъ. Таковы виды Г. Ламартина.

«Почти подѣ этого мѣста увидѣли мы родъ пустыни, покрытой буграми краснаго песку въ видѣ громаднѣхъ волнъ океана. Въ это время дулъ сильный вѣтеръ и взрывалъ песчаную равнину, какъ море. Это зрѣлище, для меня совершенно новое, было печальнымъ образцемъ настоящей, обширной пустыни, которую я собирался посѣтить. Не было слѣда ни челоуѣка, ни животнаго на всемъ съпучемъ пространствѣ; единственными путеводителями служили намъ съ одной стороны ревущія волны, съ другой вершины Ливанскаго хребта. Скоро мы напали на нѣкоторый родъ дороги или тропы, гдѣ мѣстами разбросаны были огромные угловатые каменья. Эта дорога, идущая по морскому берегу вплоть до Египта, привела насъ къ развалившемуся дому, остатку древней обрুষенной башни, гдѣ мы провели темные часы ночи на тростниковыхъ циновкахъ и завернувшись въ плащи. Лишь-только взомель мѣсяцъ, мы опять сѣли на лошадей и повѣзали.

«Небо сверкало звѣздами, совершенная ясность господствовала въ эфирныхъ пространствахъ, а окружающая насъ природа какъ-будто стонала въ страшныхъ судорогахъ (?). Унылый видъ берега на пространствѣ нѣсколькихъ миль усиливалъ горестное впечатлѣнiе. Мы оставили за собою прекрасныя, тѣнистыя рощи и зеленющія равнины Ливана. Передъ нами были горы, усыяныя съ низу до верху черными, бѣлыми и сѣрыми каменьями, памятниками землетрясенiй; вправо и влево море, съ самаго утра колеблемое бурей, катило свои тяжелые, грозные валы; длинная тѣнь изъ-дали возвышала ихъ приближенiе: они ударяли въ берегъ съ громовымъ трескомъ, обрызгивали пѣной всю дорогу, прорывались даже подъ ноги нашимъ лошадямъ и грозили увлечь насъ съ собою. Мѣсяцъ, сѣившiй какъ зимнее солнце, проливалъ на море столько свѣта, что мы могли видѣть всю его ярость; но намъ казалось, что онъ недовольно освѣщаетъ опасности дурной дороги, по которой мы ѣхали почти ошущю. Вдругъ пожарное пламя огазилося на вершинахъ Ливана и слилось съ утреннимъ туманомъ, придавая всей картинѣ какой-то обманчи-

вый, исчезающій отъенокъ, не похожій ни на блескъ дня, ни на ясность лунной ночи, тягостный для глазъ и для души, — бореніе двухъ противныхъ началъ, встречаемое иногда въ природѣ, но всего чаще въ сердцѣ человѣчскомъ!

«Въ семь часовъ утра, когда солнце уже палило, выѣхали мы изъ Сайда, древняго Сидона, который простирается въ море славнымъ памятникомъ минувшаго владычества, и стали взбираться на обнаженные, ивловые холмы: подымаясь исподоволь, они вели къ пустынному убожищу, котораго мы напрасно искали глазами. Какъ-скоро мы достигали вершины одного холма, намъ открывался другой еще выше, на который мы должны были карабкаться или объѣзжали его кругомъ: горы примыкали одна къ другой какъ звенья спутанной цѣпи, оставляя между собой глубокіе бѣлые рвы, въ которыхъ мѣстами лежали рухнувшія скалы. Эти холмы вовсе лишены прозябенія и даже не прикрыты землею. Это остовы горъ, которыя въ теченіе вѣковъ сжаты и развѣяны. Не въ такой пустынѣ думалъ я найти жилище той, которая объѣздила весь свѣтъ, и могла выбрать себѣ любое мѣсто. Наконецъ, съ вершины одной изъ скалъ увидѣлъ я глубокую и обширную долину, окруженную высотами, болѣе величественными, но не менѣе бесплодными. Въ серединѣ этой долины подымается гора Джунъ, въ видѣ основанія обширной башни, а около нея лежатъ уступами круглыя скалы, и, стѣсняясь къ вершинѣ, образуютъ наконецъ поляну въ нѣсколько сотъ саженей, покрытую прекраснѣйшимъ прозябеніемъ. Бѣлая стена, съ кіоскомъ на одномъ изъ угловъ, опоясываетъ эту массу зелени. Вотъ мѣстопробываніе леди Эсеири! Мы пріѣхали туда въ полдень. Домъ не имѣетъ ни какого сходства съ тѣмъ, что носить это названіе въ Европѣ, ни съ тѣмъ, что разумѣютъ подъ нимъ на Востокѣ. Это — беспорядочное и странное соединеніе десяти или двѣнадцати дѣмиковъ обь одной или, много, двухъ комнатахъ, безъ оконъ: они раздѣлены маленькими дворами или садиками, и очень похожи на бѣдные монастыри нищенствующихъ орденовъ, разсѣянные по горамъ въ Италіи и въ Испаніи.

«По всегдашнему своему обыкновению, леди Стенгопъ не показывалась до четырехъ часовъ. Каждому изъ насъ отвели родъ тѣсной кельи безъ окна и мебели. Намъ принесли завтракъ, и, въ ожиданіи невидимой хозяйки этого таинственного жилища, мы прилегли на диваны. Я спалъ, какъ часа въ три разбудилъ меня стукъ у дверей, и мнѣ сказали, что леди готова принять меня. Я прошель дворомъ, садомъ, открытымъ кіоскомъ, наполненнымъ ясминями; потомъ слѣдовали два или три темные корридора, и наконецъ маленькій негръ отъ шести до восьми лѣтъ, ввелъ меня въ кабинетъ леди Эсэри.

«Здѣсь было такъ темно, что я съ трудомъ могъ различить ея благородныя, важныя, кроткія и величественныя черты. Она встала съ дивана, подошла ко мнѣ, и подала руку. Леди Эсэри на видъ лѣтъ пятидесяти; у нея одно изъ тѣхъ лицъ, которыхъ не измѣняютъ годы: румянецъ, округлость, свѣжесть пропадаютъ съ молодостью; но если красота въ самыхъ формахъ, въ самыхъ очертаніяхъ, въ достоинствѣ, въ величіи, въ мысли, запечатлѣнной на лицѣ мужчины или женщины, — такая красота можетъ подвергаться переменамъ въ разные періоды жизни, — совсѣмъ никогда она не исчезаетъ. Красота леди Стенгопъ этого рода. На ней была бѣлая чалма, и алая шерстяная перевязь опоясывала лобъ и спускалась по обѣимъ сторонамъ на плеча. Длинная, желтая кашмирская шаль и полное Турецкое платье, изъ бѣлой шелковой матеріи, съ широкими рукавами, обвивали ее своими простыми и великолѣпными складками; только въ разрѣзъ этого сарафана, виднѣлось другое платье изъ Персидской матеріи, шитое цѣтнами и доходившее до самой шеи, гдѣ оно застегивалось жемчужною запоною. Турецкіе полусапожки изъ желтаго сафьяна, вышитые шелкомъ, довершали прекрасный нарядъ: она носила его съ такой непринужденной ловкостью, какъ-будто не знала другаго отъ младенчества.

«—Вы пріѣхали издалека навѣстить пустынную, сказала она: милости просимъ. Я принимаю мало гостей, едва-ли одного или двухъ въ продолженіе цѣлаго года, но письмо ваше мнѣ понравилось. Я хотѣла узнать человека, который, подобно мнѣ, любитъ Бога, природу и уединеніе. Сверхъ

того, что-то говорило мнѣ, что звезды наши одного порядка, и что мы съ вами сойдемся. Вижу съ удовольствіемъ, что предчувствіе меня не обмануло: черты ваши, которыя теперь вижу, и отголосокъ вашихъ шаговъ, который слышала, когда вы шли по корридору, высказали мнѣ объ васъ столько, что я не могу раскаиваться въ желаніи васъ видѣть. Прошу садиться и поговоримте; мы уже друзья.

«—Какъ, миледи! вы такъ скоро удостоиваете названіемъ друга того, чье имя и чья жизнь вамъ вовсе неизвѣстны? Вѣдь вы не знаете, кто я.

«—Это правда; я не знаю, что вы такое по понятіямъ свѣта, и не знаю, что вы дѣлали, пока жили между людей; но знаю, что вы передъ Богомъ. Почитайте меня безумною,—мнѣ часто даютъ это прозвище въ свѣтъ,—но я не могу преодолѣть себя, чтобъ не открыть вамъ моей души. Есть наука, которая утратилась теперь въ Европѣ,—наука, родившаяся на Востоку и никогда тамъ не умирившая: она и нынче существуетъ, я знакома съ нею. Я читаю въ звездахъ. Мы всѣ дѣти одного изъ небесныхъ свѣтилъ, господствовавшихъ при нашемъ рожденіи: ихъ счастливое или злосчастное вліяніе написано у насъ въ глазахъ, на лбу, на всемъ лицѣ, въ чертахъ рукъ, въ формѣ ногъ, въ тѣлодвиженіяхъ, въ походкѣ. Я видѣла васъ только нѣсколько минутъ, а право знаю такъ совершенно, какъ-будто прожила съ вами цѣлое столѣтіе. Открыть вамъ васъ самихъ? Хотите, я предскажу вамъ судьбу вашу?

«—О, гдѣтъ, миледи! отвѣчалъ я съ улыбкою: я неспору, что она мнѣ неизвѣстна; не утверждаю, чтобъ видимая и невидимая природа не были связаны между собою, чтобъ существа низшаго порядка, напримѣръ люди, не были подъ вліяніемъ высшихъ, каковы звезды или ангелы; но мнѣ не нужно ихъ откровеній для убѣжденія самого себя, что я-глѣнь, слабость и ничтожество! Что касается до тайнъ моей будущности, то я счелъ бы оскорбленіемъ Божества, отъ меня ихъ сокрывшаго, если бѣ сталъ искать ихъ въ существѣ сотворенномъ. Я вѣрую только въ Бога и въ добродѣтель.....

«—Во что бы вы ни вѣровали, вы все-таки одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ я ожидала,—которые посылаются

мих Провиднiемъ,—которые должны исполнить важную обязанность предстоящемъ въ дѣлѣ. Вы будете въ немъ участвовать; не знаю еще какъ, но могу сказать вамъ это, если хотите, нынче вечеромъ, сообразившись съ вашими звездами. Теперь не знаю ихъ всѣхъ по имени; однако вижу болѣе трехъ, распознаю четыре, быть—можетъ пять, и даже болѣе. Одна изъ нихъ навѣрное Меркурiй, дающiй ясность, цвѣтъ и умъ рвчи: вы должны быть поэтъ,—это видно у васъ по глазамъ и по верхней части лица; нижняя часть подъ влiанiемъ совсѣмъ другихъ свѣтилъ, почти противоположныхъ первымъ. Есть какаа—то энергiя и дѣятельность, есть какой—то солнечный свѣтъ въ вашихъ волосахъ и въ томъ, какъ вы закидываете голову къ лѣвому плечу. Благодарите Бога! немногiе рождены болѣе чѣмъ подъ одной звездой; немного такихъ, чья звезда счастлива, и еще менѣе тѣхъ избранныхъ, чья звезда, при всей ея благопрiятности, не пересиливается зловреднымъ влiанiемъ противоположной. У васъ, напротивъ, ихъ пѣсколько, и всѣ онѣ согласно вамъ служатъ; всѣ взаимно помогаютъ одна другой въ вашу пользу. Ваше имя?

«Я сказалъ ей.

«—Никогда не слыживада его прежде, отвѣчала она съ выраженiемъ истины.

«—Видите, сударыня, что такое слава! Въ свое время я написалъ пѣсколько стиховъ, заставившихъ всѣ литературныя эха въ Европѣ, повторить имя мое миллионъ разъ; но эти эха были однако жъ такъ слабы, что не достигли къ вамъ за море и за горы, и здѣсь я человекъ совершенно новый, существо вовсе неизвѣстное,—имя мое никогда не было произнесено! Тѣмъ лестнѣе для меня ваша спискодительность: я обязанъ ею только вамъ и самому себѣ.

«—Да! сказала она: поэтъ вы или нѣтъ, а я люблю васъ, и полагаю на васъ мою надежду: мы опять сойдемся, будьте увѣрены! Вы воротитесь на Западъ, но скоро опять прiѣдете къ намъ на Востокъ: это ваше отечество.

«—По—крайней—мѣрѣ, это сторона моего воображенiя.

«—Не смѣйтесь, возразила она: это дѣйствительно ваше отечество, родина вашихъ предковъ. Теперь я въ этомъ увѣрена: взгляните на свою ногу!

«— Я ничего не вижу, отвечалъ я, кроме пыли, которою покрыли ее ваши дороги, и которой я стыдился бы въ гостиниой древней Европы.

«— Ничего! Дѣло не въ томъ: посмотрите на свою ногу! Я прежде сама этого не замѣчала. Посмотрите! подъемъ очень высокъ; когда вы ее поставите наземь, между пяткою и пальцами остается столько пустоты, что вода пройдетъ подъ подошву и не замочитъ ея. Это Арабская нога! Это нога Востока! Вы здѣшній, и скоро придетъ то время, когда каждый воротится въ отчизну предковъ. Мы опять свидимся.

«Тутъ вошелъ черный невольникъ, палъ ницъ, касаясь лбомъ ковра и поднимая руки надъ головою, и сказалъ что-то госпожѣ своей по-Арабски.

«— Пожалуйте, молвила она, для васъ готовъ обѣдъ: покупайте скорѣе, и приходите опять ко мнѣ. Я займусь между-тѣмъ вами же, и проясню мои мысли насчетъ вашей будущности. Я никогда ни съ кѣмъ не сажусь за столъ, потому что въ слишкомъ умеренно: когда проголодаюсь, съ меня довольно немного хлѣба и плодовъ. Зачѣмъ же гостямъ постничать со мною?

«Меня повели большою крытою аллею, освѣщенною лампами и олеандромъ. Столъ былъ накрытъ для Г. Парсваля и для меня; мы вли очень торопливо, но леди не дождалась, пока мы встанемъ, и прислала Леонарди сказать мнѣ, что она меня ожидаетъ. Я поспѣшилъ на зовъ, и засталъ ее съ предлинною трубкою; она велѣла подать и мнѣ такую же. Я ужъ привыкъ видѣть на Востоке, что самыя милыя и прекрасныя женщины курятъ табакъ: я пересталъ чувствовать отвращеніе при видѣ этого небрежнаго, очаровательнаго положенія и этихъ тонкихъ струй пахучаго дыма, выходящихъ изъ устъ красавицы и прерывающихъ бесѣду, ни мало ея не охлаждаая. Мы долго разговаривали такимъ образомъ и все о любимомъ предметѣ,—о таинственныхъ соображеніяхъ этой необыкновенной женщины, этой новой чародѣйки, вылитой по древнему образцу, этой степной Цирцен.

«Мнѣ показалось, что религіозныя ученія леди Эсэри-любощытная, хоть и безпорядочная смѣсь тѣхъ различныхъ

исповѣданій, посреди которыхъ она обрекла себя жить. Таинственная, какъ друзья, которыхъ мистическія тайны можетъ быть ей одной хорошо извѣстны; покорная судьбѣ, какъ мусульмане, и фаталистка подобно имъ, она часть мессіи съ жидами. Прибавьте къ этому фантастическія краски и сверхъестественныя грезы воображенія, упитаннаго восточностью и возбужденнаго уединеніемъ, думами, и откровеніями Арабскихъ астрологовъ, и вы будете имѣть понятіе объ этомъ чудномъ совокупленіи, которое удобнѣе называть безуміемъ, чѣмъ разобрать и постигнуть. Она однако же не сумасшедшая! Безумія, которое такъ ясно написано въ глазахъ у тѣхъ, кто ему подверженъ, вы не замѣтите въ ея прекрасномъ, открытомъ взорѣ; безумія, которое всегда обличаетъ себя въ разговорѣ, невольно перерывая его связь внезапными, беспорядочными скачками, вы отнюдь не найдете въ высокой, таинственной, полусумрачной, но связной и остроумной бесѣдѣ леди Стенгопъ. Если бъ мнѣ пришлось объявить на этотъ счетъ свое мнѣніе, я сказалъ бы, что заблужденіе ея произвольно, обдуманно, ей самой извѣстно, и что она придаетъ себѣ видъ безумія по особеннымъ причинамъ. Мнѣ кажется, что это маска. Могуцственное вліяніе ея гелія, существовавшее и доселѣ существующее между кочующими Арабскими поколѣніями, окружающими эти горы, служитъ достаточнымъ доказательствомъ, что это безуміе есть только средство къ достиженію извѣстной цѣли. Для обитателей этого края чудесь, для этого степнаго и горнаго народа, котораго воображеніе и ярче и пасмурнѣе горизонта его песковъ или морей, необходимо слово Магомета или леди Стенгопъ. Они жаждутъ общенія съ звѣздами, пророчествъ, чудесь, ясновиднѣй духа. Истинно высокій умъ леди Стенгопъ постигъ это съ перваго взгляда, а впоследствии—какъ обыкновенно бываетъ съ людьми, которые одарены могучими умственными способностями,—она сама увлеклась своимъ мечтаніемъ и стала первопоклонницею символа, созданнаго ею для другихъ. Вотъ впечатлѣніе, какое произвела она во мнѣ. Объ ней нельзя судить и рѣдить съ одного взгляда: это статуя колоссальныхъ размѣровъ. Её можно разсматривать только съ ея собственной точки зрѣнія. Я не удивлюсь, если въ непродолжительномъ времени часть ожидаемаго ею совер-

шится,—возникнетъ царство въ Аравіи, престолъ въ Іерусалимѣ. Малѣйшее политическое потрясеніе въ томъ краѣ Востока, гдѣ живетъ она, можетъ вознести ее на эту высоту.

«—Сдѣлаю одинъ только упрекъ вашему генію, сказалъ я ей: вы были слишкомъ робки въ отношеніи къ событіямъ и не воспользовались всемъ тѣмъ, чѣмъ могли бы воспользоваться.

— Вы говорите какъ человекъ, который слишкомъ полагается на свою волю и мало вѣрять непреодолимой судьбѣ, — а въ ней вся моя сила. Я жду ее, но не вызываю; я старѣюсь, значительно разстроила свое состояніе; я теперь одна, предоставлена самой себѣ на этомъ голомъ утесѣ, и могу сдѣлаться добычею перваго смѣлаго разбойника, который вздумаетъ ко мнѣ еломиться: я окружена толпою невѣрныхъ слугъ и неблагодарныхъ невольниковъ, которые грабятъ меня каждый день, а иногда грозятъ и моею жизнью. Еще очень недавно сохраненіемъ ея была я обязана вотъ этому князю: я должна была защищать имъ грудь свою отъ ножа чернаго невольника, котораго я выростила! И что жъ? Среди всехъ этихъ бѣдствій я счастлива; я противопоставляю имъ обычное изреченіе Мослемовъ — *Аллахъ керимъ!* «Богъ милостивъ!», и жду съ довѣріемъ будущности, о которой вамъ говорила, и которою желала бы одушевить васъ.

«Когда мы выкурили по нѣскольку трубокъ и выпили по нѣскольку чашекъ кофе, подаваемыхъ намъ каждые четверть часа черными невольниками, она сказала:

«—Пойдемте! Я поведу васъ въ святилище, куда не входитъ никто изъ непосвященныхъ, — въ садъ мой.

«Мы сошли туда по небольшому крыльцу, и я гулялъ съ нею въ совершенномъ очарованіи отъ одного изъ красивѣйшихъ Турецкихъ садовъ, видѣнныхъ мною на Востоку. Темныя крытыя аллеи, поддерживавшія на зеленыхъ сводахъ блестяція грозды Общественной Земли; кіоски, гдѣ фантастическія навалиці перевивались ясминными и разстилающимися прозябеніями Азіи; водоемы, въ которые вода проведена была за милю и съ шумомъ била изъ мраморныхъ фонтановъ. Дорожки, обсаженныя всѣми плодовыми

деревьями Английскими, Европейскими и туземными; зеленые лужайки, украшенные кустами и цветами, совершенно для меня новыми, и заключенными въ мраморныхъ перегородкахъ: вотъ этотъ садъ. Мы отдыхали во многихъ кюскахъ, которыми онъ украшенъ, и важная бесѣда леди Эсеири ни въ одномъ случаѣ не теряла того истины и той возвышенности, которыми она отличалась утромъ.

«—Сама судьба, сказала она наконецъ, привела васъ сюда; удивительное сочувствіе между нашими звездами позволяетъ мнѣ вѣрять вамъ то, что я сокрыла бы отъ многихъ непосвященныхъ. Пойдемте! Я хочу, чтобы вы видѣли собственными глазами чудо природы, котораго назначеніе известно только мнѣ и моимъ единомышленникамъ: Восточными предсказаніями возвыщали его за нѣсколько вѣковъ, и вы сами можете судить, сбылись ли эти предсказанія.

«Она толкнула дверь, отворившуюся изъ саду въ маленькую дворикъ, и я увидѣлъ двухъ прекрасныхъ кобылицъ, чистой Арабской породы и самыхъ отличныхъ статей.

«—Подойдите, сказала мнѣ леди, и рассмотрите эту гнѣдую кобылицу: не совершила ли въ ней природа всего того, что писано о кобылицѣ, которая должна вести будущаго мессію, именно, что она родится совсѣмъ осѣдланная.

«Дѣйствительно, я увидѣлъ на этомъ прекрасномъ животномъ яру природы, столь необыкновенную, что она легко могла соблазнить суевѣріе полуварварскаго народа: у кобылицы на спинѣ было углубленіе, весьма похожее на Турецкое сѣдло, и очень можно было сказать, что она родилась совсѣмъ осѣдланная. Если бы не недостатокъ въ стременахъ, на ней ловко было бы ѣздить и безъ искусственнаго сѣдла. Эта прекрасная кобылица, казалось, привыкла къ удивленію и почтительности, которая оказываютъ ей леди Стенгопъ и ея невольники, и какъ-будто предчувствуетъ свое призваніе. Никогда никто на нее не садился; два Арабскіе конюха ходятъ и смотрятъ за нею, не спуская глазъ. Другая кобылица, на которой также никогда не ѣздили, — была и по моему несравненно прекраснѣе первой, разделяетъ съ нею уваженіе и попеченія хозяйки. Леди Стенгопъ не сказала мнѣ, но дала выразить, что хотя назначеніе белой кобылицы менѣе важно, однако жъ и ей предстоитъ

важный и таинственный удѣлъ: кажется, что леди Эсэриь припасла ее для собственнаго употребленія на тотъ день, когда она будетъ торжественно възжать въ завоеванный Иерусалимъ объ-руку съ мессією, ожидаемымъ Евреями. Лошадей вывели погулять на лугъ, внѣ укрѣпленія; мы долго любовались красотою ихъ движеній, и потомъ воротились домой. Леди Стенгопъ уступила наконецъ моимъ просьбамъ, и позволила представить ей моего друга и товарища, Г. Парсвала. Мы всѣ трое вошли въ маленькую комнату, которую я уже описывалъ, чтобы провести тамъ вечеръ, или точнѣе — ночь. Кофе и трубки явились опять въ Восточномъ изобиліи, и комната вскорѣ такъ наполнилась облаками дыма, что леди Стенгопъ мелькала намъ сквозь атмосферу, подобную волшебнымъ парамъ духопризываній.

«Она говорила здѣсь съ тою же силою, пріятностью и легкостью, какъ со мною наединѣ; но не такъ сверхъестественно и не о столь высокихъ для нея предметахъ.»

Г. Ламартинъ рассказываетъ далѣе о замѣчательныхъ примѣрахъ дара леди Эсэрии угадывать характеры: между прочимъ приводитъ онъ описаніе двухъ или трехъ знакомыхъ ему путешественниковъ, которые были у ней въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ. Разумѣется, они говорили и о Наполеонѣ, а между-тѣмъ прошла почти вся ночь. При разставаніи, леди Стенгопъ сказала ему, что она съ нимъ не прощается и что они часто будутъ видаться въ нынѣшнее его путешествіе, а еще чаще въ продолженіе другихъ, и которыхъ онъ и не думаетъ; проси за сего итти отдохнуть и помнить, что онъ оставилъ друга въ пустыняхъ Ливанскихъ, тутъ она протянула ему руку. Онъ положилъ свою на сердце, по Арабски, и вышелъ съ товарищемъ изъ комнаты.

Это — единственное любопытное мѣсто въ «Воспоминаніяхъ» Г. Ламартина, и мы надѣемся, что разговоръ съ леди Стенгопъ онъ лучше удержалъ въ своей памяти, нежели виды Ливанскихъ долинъ около Байрута, въ которыхъ ему чудились такія пышныя

пальмы. Но и здѣсь есть много поверхностнаго. Г. Ламартинъ, напримѣръ, вѣритъ, что «геній леди Стенгопъ имѣетъ могущественное вліяніе на Бедуиновъ», и, поднявшись на политическую глубокомысленность, онъ еще предполагаетъ, будто она помѣшалась на кабалистикѣ съ дальновиднымъ намѣреніемъ сдѣлаться царицею Іерусалима! Плохо же великій поэтъ узналъ Сирію и Бедуиновъ. Все это такъ далеко отъ истины, что мы удивляемся только добродушію или легковѣрности автора, который могъ перенести на бумагу подобныя сплетни певѣжества Сирійскихъ Левантинцевъ. Г. Ламартину, кажется, неизвѣстно, что было причиною этого страннаго направленія ума знаменитой отшельницы. Мы можемъ объяснить ему загадку. Нѣкто Лустандѣ, Французъ, нѣкогда служившій въ войскѣ одного Индѣйскаго раджи и потомъ, съ фантастическимъ титуломъ генерала и значительнымъ богатствомъ, воротившійся въ Парижъ, гдѣ онъ скоро промотался, вѣхалъ въ 1817 году вторично въ Индію, черезъ Сирію, и нашелся въ крайней нуждѣ. Леди Стенгопъ, приняла его въ свой домъ, котораго онъ потомъ сдѣлался управителемъ, пріобрѣвъ себѣ дружбу сострадательной хозяйки. Лустандѣ еще прежде, въ Индіи и во Франціи, занимался Астрологіей и сокровенными науками, и онъ-то посвятилъ свою благодѣтельница въ тѣ тайны, въ которыя она хотѣла посвятить Г. Ламартина. Этотъ лунатикъ, достигшій уже глубокой старости, живетъ теперь, какъ видно изъ «Писемъ о Востокъ» Гг. Мишѣ и Пужула, въ Іерусалимѣ; отростилъ себѣ длинную бороду, ревностно упражняется въ кабалистикѣ, и ждетъ, вмѣстѣ съ тамошними Евреями, скорого появленія мессіи.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Я П О Н И Я.

Два весьма любопытныя сочиненія, хотя изданныя на языкѣ, мало известномъ Европейской публикѣ *, обратили въ концѣ прошедшаго года вниманіе журналовъ на обширное, сильное и образованное государство, о которомъ давно уже не представлялось случая сказать что-нибудь новаго и достовѣрнаго. Почти не нужно напоминать читателямъ, что съ 1637 года, когда Португальцы выгнаны были изъ Японіи, ни одинъ Европейскій народъ, кромѣ Голландцевъ, не имѣлъ доступа къ купѣ острововъ, составляющихъ это государство. Что это исключительное преимущество всегда ограничивалось тѣсными предѣлами, — известно намъ изъ Кемпфера и всѣхъ старыхъ авторитетовъ. Но изъ разсматриваемыхъ теперь сочиненій узнаемъ мы, что эти предѣлы съ недавнихъ поръ начали еще болѣе стѣсняться: торговля до такой степени обезотважена возрастающею неприязненностью туземцевъ, что производится болѣе по привычкѣ и изъ любопытства, чѣмъ изъ какой-нибудь

* Сочиненія эти писаны по-Голландски. — 1. Japan voorgesteld in Scheetsen over de Zeden en Gebruiken van dat Ryk, byzonder over de Ingezetenenen der Stad Nagasaky, door G. F. Meylan, Opperhoofd aldaar, Amsterdam, 1830. — 2. Bydrage tot de Kennis van het Japansche Ryk, door J. F. van Overmeer Fischer, Ambteenaar van Neêrlandsch Indie, Amsterdam. 1833.

дѣйствительной прибыли. Прежде, депутаты единственной здѣсь Голландской факторіи, въ Десимъ, ѣздили въ Иеддо каждый годъ; теперь пускаютъ ихъ только черезъ четыре года, но все по той же дорогѣ и съ тѣми же обрядами, какіе описаны Кемпферомъ. Поэтому, подлинныя и основательныя извѣстія о нынѣшнемъ состояніи этой дивной державы должны имѣть для насъ особенную занимательность и цѣну.

Г. фанъ-Мейланъ, авторъ перваго, по порядку времени, изъ двухъ сочиненій, о которыхъ мы упомянули, жилъ очень долго въ Голландской факторіи, и, кажется, онъ теперь ея начальникомъ. Г. фанъ-Офермеръ Фишеръ, сочинитель втораго и новѣйшаго, также провелъ тамъ девять лѣтъ, и въ 1822 году, въ качествѣ секретаря, сопровождалъ бывшаго президента ея въ столицу. Разказы ихъ тѣмъ богаче свѣдѣніями, что Японія теперь для насъ край почти невѣдомый. Отдѣленная отъ материковъ, между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ, она защищена самой природою отъ нападеній чужеземцевъ. Преданіе и большое сходство, которое Европейскій глазъ находитъ здѣсь съ Китаемъ, указываютъ на «Поднебесное Государство» какъ на первобытный источникъ, если не языка Японцевъ, по-крайней-мѣрѣ образованности, вѣры и обычаевъ, и введеніе ихъ оттуда предполагаетъ или завоеваніе или по-крайней-мѣрѣ открытіе и первоначальное занятіе; но все это теряется въ сумракъ древности, а лѣтописи не упоминаютъ повидимому ни объ одной попыткѣ къ завоеванію, которая не уничтожилась бы естественной недоступностью этого края: теченія, мели и тифоны, всегда лишали Японцевъ случая оказать свою храбрость противъ Монгольскихъ армій. Такъ, напримѣръ, въ 1281 году, когда Японцы отреклись отъ ига Чи-Дзу (Кублая), завоевавшаго Китай, и онъ послалъ противъ нихъ сто тысячъ войска изъ Кореи, флотъ его разбился у острова Файран-

до, и только десятая часть спаслась отъ истребленія.

Край, который, въ отношеніи къ природѣ, Г. Фишеръ сравниваетъ съ живописнѣйшими мѣстами съверной Италіи, и который обрабатывается какъ плодовой садъ даже на горныхъ возвышенностяхъ; климатъ, въ которомъ главныя произведенія тропиковъ растутъ рядомъ съ южно-европейскими; земля, окаймленная морскими заливами, пересѣкаемая озерами и рѣками, обильная разнообразнѣйшими животными; почва, въ которой наша скромная рѣпа достигаетъ полутора-пудоваго вѣса, а цвѣтъ сливника равняется величиною столбистой розѣ, — и все это въ рукахъ тридцати четырехъ милліоновъ людей, живущихъ подъ деспотизмомъ строгаго, но непреложнаго закона, который по-крайней-мѣрѣ въ два послѣдніе вѣка не допускалъ ни междоусобій, ни внѣшней войны, — вотъ картина, представляемая новѣйшими посѣтителями этихъ острововъ, которые почти можно назвать счастливыми.

Однако жъ напрасно было бы думать, чтобъ при ближайшемъ обзорѣ этого счастья не отыскалось въ немъ черныхъ пятенъ: процвѣтающая неподвижность, которую всѣ извѣстія приписываютъ вліянію общественныхъ учрежденій Японіи, покупается не иначе, какъ важнымъ пожертвованіемъ умственнаго развитія и утратою почти всякой возможности къ дальнѣйшимъ успѣхамъ.

Японцы отнюдь не признаютъ себя потомками Китайскихъ выходцевъ, и ведутъ собственную родословную, которая объемлетъ нѣсколько милліоновъ лѣтъ и слѣдственно гораздо древнѣе Китайской. Путешественники и оріенталисты пускались въ разныя догадки о происхожденіи этого народа. Нѣкоторые полагаютъ, что одинъ Китайскій императоръ, утомивъ палачей казнію многочисленныхъ заговорщиковъ, рѣшился сослать остальную часть виновныхъ на пустыя

острова, бывшіе между Китаемъ и Японією. Другіе говорятъ, что Китайскій же императоръ, не желая разстаться съ жизнію и верховнымъ владычествомъ, отправилъ по совѣту и подъ рукою одного изъ своихъ врачей триста юношей и столько же дѣвицъ на острова Японскіе для исканія травъ, нужныхъ къ составленію лекарства отъ всѣхъ болѣзней человѣческихъ. Но это была, говорятъ, одна медицинская хитрость: врачу хотѣлось укрыться на острова отъ тиранизма своего властителя и основать тамъ поселеніе. Съ этимъ предположеніемъ согласны отчасти и туземныя преданія. «Японцы показываютъ еще, говоритъ Кемпферъ, на южномъ берегу Киокуми и въ другихъ смежныхъ областяхъ мѣсто, гдѣ присталъ этотъ врачъ, и гдѣ онъ основалъ потомъ свое небольшое селеніе: тутъ же можете видѣть остатки храма, сооруженнаго ему въ память того, что онъ перенесъ сюда изъ Китая гражданственность, искусства и общезнаменныя науки.»

Мы не последуемъ за этимъ авторомъ въ длинномъ его разсужденіи о происхожденіи Японцевъ, тѣмъ болѣе, что онъ начинаетъ только съ столпотворенія. Что касается до настоящихъ Японскихъ дѣтонисей, то начало ихъ относится къ мѣстому въку передъ Р. Х., не далѣе, хотя сами Японцы приписываютъ свое происхожденіе двумъ поколѣніямъ боговъ: одно, состоявшее изъ чистыхъ духовъ, управляло несчетныя вѣки, другое, составленное изъ земныхъ духовъ, или боговъ человѣческихъ, царствовало очень долгое, однако жъ определенное время, пока не произвело третьей породы, населяющей теперь государство и отнюдь не имѣющей ни чистоты, ни совершенства свѣихъ предковъ. Къ этой-то исторической эпохѣ относится учрежденіе *дайри*, или верховныхъ главъ государства, которые управляли Японіей непрерывно и нераздѣльно до 1158 года нашей эры. Тогда про-

изошла сильная распря между дайри и главнымъ военачальникомъ, или сеогунемъ, и кончилась тѣмъ, что первый лишился половины своихъ правъ и съ тѣмъ поръ властвовалъ только по имени.

Такъ какъ съ 1585 года сеогунъ обладаетъ однимъ свѣтскою властію, то Японское правленіе можно почитать наследственно-неограниченною монархіей, подерживаемою даіюсами, или наследственными князьями, которыхъ покорность верховному властителю упрочивается ихъ взаимной завистью и заложниками. Каждый князь распоряжается доходами своего удѣла, употребляя ихъ на содержаніе двора, военной силы, дорогъ и гражданскаго управленія. Даіюсы пользуются не всѣ одинаковыми преимуществами, и многіе въ тѣсной зависимости отъ сеогуна. Последние должны не только оставлять въ столицѣ свои семейства, но и сами жить тамъ по шести мѣсяцевъ. Что касается до сеогуна, то онъ оставляетъ дайри только имя императора, но признаетъ себя, для вида, первымъ его подданнымъ, и оказываетъ ему знаніи глубокаго уваженія, даже принимаетъ отъ него почетныя званія, наравнѣ со всѣми прочими вельможами. Дайри живетъ затворникомъ въ Міяко, или «святомъ городѣ», въ превеликолѣпномъ дворцѣ, откуда выходитъ только для посвященія главнѣйшихъ храмовъ въ государствѣ. Сеогунъ содержитъ при себѣ гвардію и пристава, и ежегодно отправляетъ къ нему посольство съ богатыми подарками. Сеогунъ, или кубо, живетъ въ Кеддо. Чтобы дать яснѣйшее понятіе о раздѣленіи власти между этими двумя особами, можно повторить съ каждою географіей, что свѣтская въ рукахъ сеогуна, а духовною обладаетъ дайри.

Еще въ шестнадцатомъ столѣтіи Португальцы, выброшенные бурей на берега Японіи, успѣли овладѣть тамошней торговлею, и быть-можетъ пользовались бы ею и донынѣ, если бы слѣпой прозелитизмъ слѣд-

комъ ревностныхъ Іезуитовъ не навлекъ на нихъ общаго возстанія. Лѣтисиси христіанства мало представляють примѣровъ, чтобъ за такимъ быстрымъ торжествомъ слѣдовало такое полное истребленіе. Не извѣстно, силою ли обстоятельство были вынуждены Іезуиты пристать къ одной изъ сторонъ, раздиравшихъ государство крамолою, или сами они зажгли междоусобіе изъ одной жажды къ кознямъ, которую обыкновенно приписываютъ послѣдователямъ Лоіолы. Достоверно то, что они взялись за это не въ добрый часъ, и погибли. Японскія преданія считаютъ это страшное событіе достойной казнью за ихъ сластолюбіе и грабительство. Но пороки эти являются обыкновенно вслѣдствіе продолжительнаго и безспорнаго владѣванія, а Португальскіе миссіонеры были отнюдь не въ такомъ положеніи. Правдоподобнѣе, что соперники ихъ, Голландцы распространили на весь орденъ Іезуитовъ тѣ упреки, которые были справедливы только въ отношеніи къ нѣкоторымъ Португальцамъ духовнаго и свѣтскаго званія вообще, и что ревность ихъ преслѣдователей увѣковѣчила это обвиненіе. Г. Фишеръ признается, что, по изгнаніи Португальцевъ въ 1637 году, Голландцы были вынуждены дѣйствовать противъ послѣднихъ остатковъ христіанской секты, укрывшейся въ области Синабаръ. Христіане хотѣли лучше погибнуть чѣмъ сдать, и уже до сорока тѣсячъ пало съ обѣихъ сторонъ, когда взятіе города рѣшило наконецъ истребленіе побѣжденныхъ. Поэтому можно судить, до какой степени укоренился тогда католицизмъ въ томъ краѣ, гдѣ теперь можетъ возникнуть его одно только чудо.

Голландцы, въ соперничествѣ съ Португальцами, такъ хорошо умѣли скрывать свою вѣру, что императоръ крайне изумился, когда узналъ, что и они христіане. Такъ какъ Японское правительство было не въ состояніи различить католицизмъ съ ученіями Лю-

тера и Кальвина, то вѣроятно, что, для избѣжанія преслѣдованій, Голландцы должны были всенародно показывать себя противниками Римскаго богослуженія. Впрочемъ они никогда не могли совершенно успокоить подозрительнаго тиранства своихъ хозяевъ, и съ той поры были заточены на островокъ Десиму, служащій имъ и конторою и острогомъ, и лежащій подъ баттарелами Нагасаки, отъ котораго онъ отдѣляется только широкимъ рвомъ.

Относительно вѣры, Японцы раздѣляются на двѣ большія секты, — Синто и Будзо. Первая существуетъ съ незапамятныхъ временъ, вторая объемлетъ всѣ вѣроученія, занесенныя Китайскими и Индѣйскими племенами, особенно Буддаическое Шаки, или Шеккямуніево, и Конфуціево. Нѣтъ надобности перебирать всѣ многочисленныя секты, покровительствуемыя высокочтимымъ имеемъ Будзо, или Будда, но нельзя не порадоваться ихъ взаимной терпимости. Изъ шестидесяти одного храма въ области Нагасаки, только семь принадлежатъ исповѣданію Синто.

«Никогда, говоритъ Г. Мейланъ, не слышали мы у Японцевъ о ссорахъ или ненависти за вѣру. Напротивъ, они считаютъ себя въ обязанность посвѣщать храмы другъ-друга и обиваться почестями богамъ, которымъ въ нихъ поклоняются. Когда свѣтскій императоръ, кубо, отправляетъ посольство въ Цѣ, молиться за него въ храмъ Синто невидимому богу, онъ въ то же время назначаетъ важную сумму для сооруженія храма въ честь Конфуцію, а духовный императоръ, дайри, позволяетъ мірянамъ ставить въ Японскихъ капищахъ изображенія боговъ, занесенныхъ изъ Сіама или Китая, рядомъ съ туземными божествами. Надъ всеми вѣроисповѣданіями и обрядами парить здѣсь настоящій по мнѣнію Японцевъ представитель и прямой потомокъ верховнаго существа, дайри, который оказываетъ равное покровительство всѣмъ, обожающимъ это существо, какъ бы они ему ни поклонялись. Конечно, вѣротерпимость эта облегчила и распростра-

неніе христіанства, и если бъ излишняя ревность миссіонеровъ не увлекала ихъ иногда къ поруганію народнаго богослуженія, если бъ выбираемые изъ среды ихъ первые епископы не настаивали на совершенной независимости и приняли бы покровительство дайри, если бъ наконецъ они не вмѣшались въ междуусобія, смущавшія государство, можно рѣшительно полагать, что вѣра католическая не только не была бы изгнана, но восторжествовала бы надъ ученіями Лампизма и Коноуціа.»

Дайри, или микадо, былъ прежде, какъ мы уже говорили, неограниченнымъ властителемъ государства. Названіе микадо не что иное, какъ уменьшительное *микотто*, имени Японскихъ полубоговъ. Первый дайри, Синъ-мютей-да, основалъ Японскую монархію въ 660 году до Рождества Христова. Поколѣніе его соединяло въ рукахъ своихъ власти политическую и духовную. Но около двѣнадцатаго вѣка сеогунъ, или главный военачальникъ, началъ раздѣлять съ дайри верховное владычество и безпрестанно усиливался до конца шестнадцатаго столѣтія. Тогда-то сеогунъ Тайко-Сама раздѣлилъ императорскую власть на двѣ части, на свѣтскую и на духовную. Первая сдѣлалась исключительнымъ удѣломъ его династіи со званіемъ кубо, или свѣтскаго императора. Это раздѣленіе было бѣ чрезвычайно опасно, если бъ всѣ богослуженія не пользовались свободою съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ признавать дайри представителемъ бога на землѣ, и если бы свѣтская власть, оказывая имъ одинаковое покровительство, не держала въ совершенной зависимости народа, вельможъ и самого дайри. Однако жъ сеогунъ очень чувствуютъ опасность, сопряженную съ нынѣшнимъ политическимъ устройствомъ Японіи, и неусыпно наблюдаютъ за всеми отношеніями чужеземцевъ къ ихъ подданнымъ и самымъ подданнымъ между собою. Только два народа имѣютъ право приставать къ этимъ

негостепріимнымъ берегамъ—Голландцы и Китайцы, да и они живутъ здѣсь въ такомъ подозрѣніи, которое едва только выносимо. Туземцы, недопускаемые немолчимымъ законодательствомъ ни до малѣйшаго нововведенія или измѣненія общественнаго порядка, подвержены системѣ лазутчества, нисходящей отъ духовнаго императора до послѣдняго чиновника и до самаго мелкаго гражданскаго подраздѣленія, состоящаго изъ пяти семей.

Дайри, заточенный въ своемъ Міякскомъ дворцѣ, выводитъ изъ него только въ торжественные дни, когда отправляется въ храмъ Цивонью. Особу его охраняютъ отъ всякаго нечистаго прикосновенія, предоставляя ему вмѣстѣ имѣть одну законную жену и двѣнадцать наложницъ. Сверхъ-того развлекается онъ музыкой, поэзіей и науками. Трубки и посуду употребляетъ онъ только по одному разу, послѣ чего онъ тотчасъ разбиваются, зато и подають ему самыя простыя, соразмѣрно съ опредѣленнымъ для него скромнымъ содержаніемъ. Когда онъ умретъ, событіе это скрываютъ до тѣхъ поръ, пока преемникъ займетъ его мѣсто при восклицаніяхъ— Да здравствуетъ дайри! Дворъ его состоитъ изъ многочисленной духовной іерархіи, и начальникъ ея, *куанбафъ*, представляетъ лице духовнаго императора и объявляетъ его приказанія. Кубо не можетъ достигнуть этого сана, но послѣ пятидесяти-лѣтняго царствованія получаетъ иногда званіе *садайина*, третье въ духовномъ чиновначаліи. Это родъ обоготворенія, котораго удостоился царствующій кубо въ 1822 году, и которое не воздавалось ни одному мірянину со времени переворота, переведеннаго Тайко-Самою.

Святскій императоръ затворенъ, подобно дайри, въ своемъ огромномъ дворцѣ въ Іеддо, столицѣ острова Ниппона и всей имперіи. Двойной рядъ гражданскихъ и военныхъ сановниковъ заступаетъ обществомъ

нымъ дѣламъ путь къ его престолу, какъ-будто заботы государя были ниже его достоинства. Исполнительная власть ввѣрена семи совѣтникамъ, или министрамъ, первой степени, шести второстепеннымъ и двумъ полицейскимъ сановникамъ, въ родъ великихъ инквизиторовъ, которымъ особенно поручено смотрѣть, чтобъ христіанская вѣра не появилась опять въ государствѣ. Въ этомъ верховномъ совѣтѣ председательствуетъ первый министръ, и въ случаѣ разногласія дѣло представляется на разрѣшеніе не императора, а трехъ ближайшихъ его родственниковъ, въ томъ числѣ и наследника престола. Совѣтъ ведетъ переписку съ правителемъ каждой области, или лучше съ двумя секретарями, которые управляютъ его именемъ. Должность правителей наследственная: чтобъ избавиться сопряженныхъ съ нею издержекъ, отцы передаютъ ее сыновьямъ, какъ скоро они подросли, и это не влечетъ за собою ни какого неудобства, потому что вся отвѣтственность лежитъ на секретаряхъ, которые живутъ поочередно одинъ въ областномъ городѣ, другой въ Іеддо, а семейства ихъ всегда остаются заложниками въ столицѣ. Здѣсь, подъ видомъ многообряднаго этикета, наблюдаютъ за ними строжайшимъ образомъ: они встаютъ съ постели, обѣдаютъ, прогуливаются, и ложатся спать не иначе какъ въ назначенное время.

Тому же порядку подчинены и императорскіе градоначальники. Лазутчество и доносы преслѣдуютъ малѣйшіе ихъ поступки и простираются на всѣхъ жителей безъ изъятія.

«Не только, говоритъ Г. Мейланъ, описывая Нагасакскую полицію, каждый отецъ семейства обязанъ ручаться за поведеніе дѣтей, прислуги и гостя, котораго онъ къ себѣ принялъ, но и каждый членъ пятины, или пяти-семейнаго подразделения отвѣчаетъ за поступки своихъ сосѣдей. Отъ этого доноительство дѣлается обязанностью для всякаго, и самый

ничтожный случай въ домашнемъ быту доводится до отвѣдвнїя начальства прочими членами пятины. Малѣйшее нарушеніе этихъ правилъ наказывается строгимъ домовымъ задержаніемъ, продолжающимся обыкновенно до ста дней. На это время запирають въ домъ виновнаго двери и окна, прекращають его занятія, удерживають слѣдующій ему заработокъ, и не пускають не только знакомыхъ, но даже цирюльника.»

Каждая семья ставитъ солдата; пятеро составляютъ капральство, двадцать пять капральствъ баталіонъ подъ начальствомъ штабъ-офицера, а баталіоны распределяются по бригадамъ отъ шести до семи тысячъ человекъ, такъ, что по числу семей въ городъ можно судить о военной его силѣ. Кромъ регулярнаго войска и полиціи, въ каждой улицѣ есть сторожа, которые день и ночь наблюдаютъ за порядкомъ въ случаѣ большихъ стеченій народа. По концамъ улицъ есть загородки, которыми въ извѣстныхъ обстоятельствахъ можно прерывать всякое сообщеніе съ прочими частями города.

Эта предупредительная система охраняетъ въ Японіи безопасность личности и собственности какъ-нельзя лучше, и содѣлываетъ телесныя наказанія чрезвычайно рѣдкими. Последнее можно приписать еще тремъ другимъ причинамъ, — строгости законовъ, точному ихъ исполненію въ случаѣ доказанной вины и отвращенію гражданъ отъ важныхъ доносовъ.

Характеръ Японцевъ именно таковъ, какой должно предполагать въ народъ, роскошно надѣленнымъ всеми потребностями жизни и уединенномъ отъ прочихъ обитателей земнаго шара своими установленіями.

Они горды, сластолюбивы и невѣжественны. Подобно Китайцамъ презирають они все, что имъ не извѣстно. Мракъ невѣднїя, скрывающей отъ нихъ другіе народы, рождаеть въ этихъ двухъ отрасляхъ мон-

гольскаго племени, полную увѣренность въ собственномъ превосходствѣ и въ ничтожествѣ передъ ними всѣхъ прочихъ обитателей земли, о которыхъ они не имѣютъ ни какого понятія. Но Японцы обладаютъ передъ Китайцами важнымъ преимуществомъ: ихъ ученые занимаются однимъ изъ Европейскихъ языковъ, то есть, Нидерландскимъ. Впрочемъ, имѣя безпрестанно передъ глазами уничиженность торгующихъ съ ними Голландскихъ купцовъ, они тѣмъ болѣе гордятся и гнушаются Европейцами.

Японцы вообще невоздержны и развратны, и въ ра ихъ повидимому благопріятствуетъ этой наклонности вѣсто того, чтобъ ее обуздывать. Городъ Нагасаки, который могъ быть наилучше наблюдаемъ Европейцами по близости къ нему Голландской конторы, содержитъ, при семидесяти тысячахъ жителей, шестьдесятъ капищъ и [семьсотъ домовъ разврата. Во время Кемпфера эти дома составляли особенную часть города, называвшуюся Казыматкъ. Сюда-то бѣднѣйшіе жители острова Сиконфа, знаменитаго красотой своихъ женщинъ, сами отдаютъ тѣхъ дочерей своихъ, которыя, во ихъ прелестямъ, кажутся имъ пригоднѣе къ этому роду жизни. Содержатели покупаютъ ихъ лѣтъ десяти или двѣнадцати, учатъ влскъ, пѣнію, грамотъ, и часто случается, что взятыхъ вертенахъ разврата дѣвушки находятъ себѣ мужей, которымъ остаются вѣрными, и которые возвращаютъ имъ въ глазахъ свѣта имя порядочныхъ женщинъ. Снисходительность общественнаго мнѣнія слагаетъ всю вину къ прежней жизни на безсовѣстныхъ родителей. Отсюда же берутъ Европейцы женщинъ для прислуги, и не нахвалятся ихъ неподкупной вѣрностью. Такъ какъ на Голландскихъ корабляхъ, выходящихъ ежегодно въ Десиму, никогда не возятъ женщинъ, то обитателямъ этого островка пришлось бы вести жизнь совершенно холостую, если бъ въ лиц-

ные зиніе вечера рука хорошенькой Японки не приготавлила имъ чай, и такъ далѣе.

Строгость общественнаго устройства Японіи обнаруживается въ наследственности всѣхъ званій и ремеслъ. Весь народъ дѣлится на восемь разрядовъ,— на князей, или областныхъ начальниковъ, на дворянъ, духовныхъ, военнослужащихъ, гражданскихъ чиновниковъ, въ томъ числѣ и ученыхъ, на купцовъ, ремесленниковъ и земледѣльцевъ. Изъ всѣхъ сословій въ государствѣ одни кожевники носятъ клеймо отверженія подобно паріямъ въ Индіи. Всякое сообщеніе съ ними запрещено закономъ, и изъ среды ихъ исключительно выбираются палачи. Три первые свѣтскіе разряда имѣютъ право носить по двѣ сабли; пятый, заключающій хирурговъ, лекарей и вообще всѣхъ, занимающихся свободными ремеслами и искусствами, довольствуется одною. Въ теченіе двухъ послѣднихъ вѣковъ военные мало имѣли случаевъ употреблять въ дѣло любимое свое оружіе, но говорятъ, что они владѣютъ имъ мастерски, и что клинки ихъ, не уступая Дамаскскимъ, далеко превосходятъ произведенія Бирминггана. Образцы ихъ есть въ Гагскомъ музеѣ. Если Турокъ возьмется снести саблю голову верблюду, то Японскій рубака сразу пересечетъ вамъ челоуѣка. Оружіе это переходитъ отъ отца къ сыну, какъ драгоценное наследіе, и за хорошую саблю всегда можно получить двѣ тысячи рублей и болѣе. Сабля пользуется здѣсь какимъ-то суевѣрнымъ уваженіемъ. Съ пяти-лѣтняго возраста, Японецъ, имѣющій наследственное право носить ее, не расстаётся съ нею ни на минуту, и если сниметъ ее, ложась спать или сядя за столъ, всегда кладетъ подлѣ себя и остерегается, чтобъ не задѣть какъ-нибудь ногою. Верховая ѣзда, фехтованье и стрельба изъ лука, составляютъ необходимую принадлежность воспитанія высшихъ сословій; что

касается до другихъ отраслей военнаго искусства, какъ напримѣръ артиллеріи, инженерной науки и тактики, то онъ еще въ колыбели. Поэтому, если бѣ въ государствѣ открылось опять междоусобіе, сторона, защищаемая старыми крѣпостями, непременно восторжествовала бы надъ своими противниками. Гагскій музей обладаетъ прелюбопытнымъ собраніемъ Японскихъ оружій. Въ томъ числѣ есть нѣсколько кольчугъ прекрасной работы со стальными забралами, или масками, изображающими лице паяца съ щетинными усами. Одна такая кольчуга есть и въ кунсткамерѣ Петербургской Академіи Наукъ. Стволы огнестрѣльныхъ орудій превосходные, но безъ курковъ; притомъ и порохъ не лучшей доброты.

Японцевъ можно причислить къ тѣмъ огненнымъ душамъ, для которыхъ мшение—верхъ добродѣтели. Забвеніе обидъ считается у нихъ подлостью. Что касается до ихъ воинскаго мужества, то трудно составить себѣ объ немъ вѣрное понятіе, потому что въ теченіе двухъ вѣковъ Японцы ни разу не имѣли случая доказать его въ значительномъ дѣлѣ. Однако жъ Г. Мейланъ увѣряетъ, что, когда Голландская Остъ-Индская Компанія устроивала свое войско, въ него поступило много Японцевъ, оказывавшихъ потомъ рѣдкую неустрашимость, такъ, что онъ считаетъ ихъ храбрѣйшимъ изъ всѣхъ восточныхъ народовъ. Самоубійства очень часты въ этомъ краѣ, и презрѣніе къ смерти доходитъ до такой степени, что человѣкъ въ отчаяніи рветъ собственными руками свои внутренности при рукоплесканіяхъ многочисленныхъ друзей, которые всегда готовы слѣдовать его примѣру. Вотъ что сдѣлалъ въ 1808 году Нагасакскій губернаторъ. Въ пристань вошелъ силою Англійскій фрегатъ, взявъ въ плѣнъ защищавшихъ ее Голландцевъ, и капитанъ, отнюдь не подозрѣвая, какъ жестоко попираетъ онъ народныя предразсудки, потребовалъ за нихъ въ выкупъ

свѣжей говядины. Требованіе его было исполнено; но лишь-только Голландцевъ высадили на берегъ, какъ губернаторъ, у котораго они были подъ покровительствомъ, упредилъ свою опалу самоубійствомъ, избравъ родъ смерти, о которомъ мы сейчасъ упоминали, и говорятъ, что онъ нашелъ себѣ подражателей въ числѣ своихъ приближенныхъ. Капитанъ фрегата, предувѣдомленный Голландцами объ угрожавшей ему опасности, только-что успѣлъ уйти въ море. Черезъ нѣсколько часовъ показались на берегу четырнадцать тысячъ войска, и болѣе ста джонокъ тянулись къ единственному проходу, которымъ фрегатъ могъ достигнуть открытаго моря.

Какъ всѣ почти народы, живущіе въ уединеніи, Японцы отличаются любовью къ родителямъ, несмотря на строгость родительской власти. Воспитаніе дѣтей чрезвычайно просто. До восьмилѣтняго возраста ограничивается оно развитіемъ физическихъ силъ и затверживаніемъ словъ, необходимыхъ для объясненія простыхъ потребностей. Послѣ того ввѣряютъ ихъ бонзамъ, или духовнымъ, у которыхъ учатся они отечественной исторіи, священнымъ преданіямъ и первымъ началамъ стихотворства и живописи. Женщины обладаютъ въ высокой степени искусствомъ очаровывать: будучи вынуждены употреблять всѣ прелести, полученныя отъ природы, и все жеманство, привитое воспитаніемъ, для того, чтобъ привязать къ себѣ мужчинъ, которые могутъ имѣть столько наложницъ, сколько пожелаютъ, онѣ отличаются безпредѣльнымъ повиновеніемъ воле супруговъ. Но законъ, предоставляя мужьямъ полное право на невѣрность, наказываетъ за нее женъ смертію, и, послушныя судьбѣ, женщины не знаютъ, что такое ревность. Впрочемъ онѣ пользуются большимъ уваженіемъ и, какъ въ Европѣ, председательствуютъ на всѣхъ праздникахъ. Пріятныя искусства не во-

все для нихъ чужды, и *самси*, или гитара, столь же необходимая принадлежность въ ихъ гостиныхъ, какъ фортепiano у нашихъ дамъ.

Японцы чрезвычайно искусны во всехъ отрасляхъ мануфактурной промышленности. Земледѣліе у нихъ также въ хорошемъ состояніи, но въ садоводствѣ усилія ихъ очень не велики. Они однако жь умѣютъ разводить цветы, и охотники вѣрно поблагодарятъ Японскихъ садовниковъ, когда узнаютъ, что имъ обязаны они камеліей. Съ удивительнымъ успѣхомъ доводятъ они большія растенія до самоалѣйшихъ размѣровъ: Г. Мейлацъ увѣряетъ, что правителю Голландской факторіи предлагали за двѣ тысячи шесть сотъ рублей ящичекъ въ три дюйма вышины и въ одинъ ширины, гдѣ посажены были бамбукъ, сосна и яблоня въ полномъ цвѣтѣ. Японцы, подобно Гвидусамъ, имѣютъ религіозное предубѣжденіе противъ животныхъ, отрыгающихъ жвачку, и потому, ни сколько не пекутся объ ихъ пастбищахъ. Буйволовъ употребляютъ они для земледѣлія и для переноски тяжестей, и кожу ихъ выдѣлываютъ только въ томъ случаѣ, когда животное издохло своею смертію; оттого-то ремесло кожевника впадо у нихъ въ такое презрѣніе. Отвращеніемъ ко всему жирному различаются они отъ Китайцевъ и отъ Монгольскихъ народовъ вообще. Они особенно любятъ живность, фазановъ и дичину. Рынки ихъ обильно снабжаются этими припасами, привозимыми въ джонкахъ съ острововъ и изъ сосѣднихъ областей. Море и рѣки доставляютъ имъ превосходную рыбу, начиная съ ракушки до кита, котораго третій усъ служить приправою ихъ пранымъ кушаньямъ. Мы охотно уступаемъ Японцамъ эти блюда, какъ и сыраго дельфина, котораго они ѣдятъ съ поливкою, называемою *соемъ*, съ пивомъ изъ сарацинскаго пшева,

или *саки*, и съ горчицею. Къ аисту питають они такое же уваженіе, какъ Голландцы и Гиндусы.

«Изъ официальной вѣдомости, составленной въ 1744 году компанейскимъ генераль-губернаторомъ въ Батавіи, видно, говоритъ Г. Мейланъ, что въ началѣ семнадцатаго вѣка вывозъ золота и серебра изъ Японіи простирался до десяти милліоновъ гульденовъ» (около 22 милліоновъ рублей). Вывозъ этотъ постепенно ограничивался, и наконецъ былъ вовсе запрещенъ. Въ теченіе шестидесяти лѣтъ вывезено всего на сумму отъ 660 до 1320 милліоновъ рублей. Если еще принять въ соображеніе, что Японія производитъ много мѣди, которой Голландцы вывозили иногда отъ тридцати до сорока тысячъ пекуловъ, или отъ 3,990,000 до 5,320,000 фунтовъ, кромѣ стали и желѣза, и что всѣ эти металлы отличной чистоты, должно будетъ заключить, что горное, литейное и пробирное искусства давно уже отправляются тамъ съ большимъ успѣхомъ. Однако жъ Японцевъ обвиняють въ томъ, что они разрабатываютъ рудники свои какъ попало, и оттого истощають ихъ въ короткое время. Говорять, что этимъ обстоятельствомъ воспользовались въ 1790 году ложные друзья Голландіи, чтобы склонить верховный советъ къ ограниченію отпускной торговли. «Союзъ нашъ съ Голландіею, говорили они, основанъ на торговль, но она поддерживается только мѣдью, которую мы имъ доставляемъ, и должна будетъ прекратиться, когда не станетъ этого произведенія. Поэтому неблагоразумно было бы отпускать Голландцамъ столько мѣди, сколько могутъ давать наши рудники: мѣдь не волосы, которые острижешь и они снова выростутъ; она какъ кости въ тѣль, — вынуть можно, а назадъ не вставишь.» Следствіемъ столь убѣдительнаго довода было то, что вмѣсто двухъ Голландскихъ кораблей въ Нага-

саки велѣли пускать только одинъ; однако съ 1820 года правительство опять смягчило свою строгость.

Въ настоящее время Китайцы могутъ ежегодно отправлять въ Нагасаки по десяти джоноквѣ, а Голландцы по два корабля отъ шести до семи тоннъ, не болѣе. Китайцы возятъ въ Японію сахаръ, кѣжи, шелковыя ткани, жынъсынъ, саидаль, цинкъ, чай, и прочая; вывозятъ камфору, бусы, бумагу, фарфоръ и нѣкоторые другіе товары. Японскія таможни выпускаютъ Китайцамъ не болѣе девяти сотъ тоннъ мѣди ежегодно. Съ 1710 года вывозъ этого металла уменьшился двумя третями: въ концѣ семнадцатаго столѣтія Португальцы и Китайцы вывозили 4,500 тоннъ мѣди; а теперь вывозится ея не болѣе 1800. Надо быть Китайцемъ или Голландцемъ, чтобъ хладнокровно сносить всѣ униженія и непріятности, которымъ подвергаются начальники и экипажи судовъ, посѣщающихъ Нагасаки. Только-что успѣтъ прійти корабль, съ него свозятъ пушки и всякое оружіе; товары выгружаютъ и отдаютъ подъ надзоръ Японскимъ чиновникамъ, а на корабль ставятъ воинскую команду. Когда офицеры и экипажъ получаютъ разрѣшеніе съѣхать на берегъ, они должны выворотить карманы, спустить рукава и сложить руки на груди. Наконецъ, когда войдутъ они въ Десимскую факторію, родъ тюрьмы, выстроенной на скалѣ въ 236 шаговъ длины и 82 ширины, туча полицейскихъ подвергаетъ ихъ самому немилосердому обыску. Цѣна товаровъ, привезенныхъ въ Нагасаки Голландцами, простиралась въ 1825 году до восьми сотъ тысячъ рублей, а вывезено ими тогда же на миллионъ шесть сотъ тысячъ.

Кромъ знаменитаго фарфора, Японцы съ успѣхомъ выдѣлываютъ телескопы, термометры и самыя превосходныя часы. «Въ 1827 году, говоритъ Г. Мейланъ, императору поднесли стѣнные часы, которые могли

бы поспорить съ отличнѣйшими произведеніями Германскаго искусства: они были пяти футовъ въ ширину и трехъ въ вышину. Цифферблатъ представлялъ солнце, восходящее надъ горою и озаряющее самый роскошный сельскій видъ. Когда били часы, птица взмахивала крыльями, мышь, вышедши изъ норы, взбѣгала на гору, и черепаха вмѣсто стрѣлки указывала, который часъ. Жаль только, что забвеніе правилъ перспективы, столь обыкновенное у восточныхъ народовъ, простиралось здѣсь до такой степени, что птица была гораздо больше дерева, а мышь въ одну секунду взбѣгала на гору, которую по всему должно было полагать въ нѣсколько тысячъ футовъ вышиною.»

По мнѣнію Г. Фишера, Японцы съ весьма давнихъ поръ занимаются рисованьемъ и живописью: картины, находимыя на стѣнахъ ихъ храмовъ, хотя и не относятся къ одиннадцатому столѣтію, какъ они полагаютъ, однако жъ должны быть очень стары. По невѣжеству или предрасудку, Японскіе художники стараются только передать съ точностью малѣйшія подробности въ одеждѣ и положеніи, ни сколько не заботясь о сходствѣ въ лицахъ. Приложенія къ книгѣ Г. Фишера, снятыя съ произведеній Нагасакскихъ живописцевъ, обличаютъ въ нихъ большое дарованіе. Что касается до ихъ лакированныхъ вещей, то нельзя судить объ нихъ потѣмъ, которыя продаются въ Европѣ, потому что они всегда низшаго разбора. Ящики изъ камфорнаго дерева, въ которыхъ отправляютъ они свои издѣлія, поспорятъ въ чистотѣ работы съ произведеніями Гилло и Мореля въ Лондонѣ.

Японцы очень любятъ театръ, и въ обстановкѣ и декораціяхъ они гораздо искуснѣе Китайцевъ. Драммы ихъ представляютъ всегдашнюю смѣсь трагическаго съ самыми плоскими шутками, и ни мало не заботятся о соблюденіи трехъ единствъ. Оркестромъ

управляют у них слѣпые изъ братства *феки*, котораго всѣ члены лишены зрѣнія. Учрежденіе этого общества приписываютъ какому-то князю Сенми-мару, который, потерявъ любовницу, съ отчаянья выкололъ себѣ глаза. Театры часто посѣщаются, и званіе актера подвержено тѣмъ же предубѣжденіямъ, какъ и у насъ. Японскія дамы, сидя въ ложахъ, которыя закрываются щитами, переменяютъ туалетъ раза по два или по три въ представленіе, чтобы выказать все богатство своего гардероба. При входѣ въ театръ посѣтителю предлагаютъ печатную программу пьесы съ такой ловкостью, которая сдѣлала бы честь любому Европейскому шарлатану.

Дамы большаго свѣта въ длинныя зимніе вечера дѣлаютъ разныя вещицы для подарковъ, коробочки, цвѣты, птичекъ, бумажники, кошельки, тесемочки для головныхъ уборовъ, и такъ далѣе. Весною предаются онѣ сельскимъ забавамъ. Лишь-только солнце проетится съ очаровательными окрестностями ихъ городовъ, множество лодокъ, украшенныхъ флагами и разноцвѣтными фонарями, скользятъ по поверхности озеръ и рѣкъ или качаются на одномъ мѣстѣ. Многочисленныя общества, пользуясь свѣжестью вечера, забавляются разными играми, всегда сопровождаемыми звукомъ гитары. Эти милыя развлеченія въ совершенной противоположности съ грубымъ распутствомъ мужчинъ и ребяческими забавами женщинъ у другихъ восточныхъ народовъ. Японки, присутствуя, подобно Европейскимъ женщинамъ, во всѣхъ обществахъ, наслаждаются такимъ удовольствіемъ, какого мусульманки не знаютъ въ своихъ баняхъ, и если мужчины въ Японіи раздѣляютъ съ Турками страсть къ трубкѣ, то все-таки имѣютъ понятіе о тѣхъ пріятностяхъ, которыя смѣшеніе половъ доставляетъ обществу.

Со времени переворота, происшедшаго въ 1585 го-

ду, Японскія суда перестали ходить по морьямъ Китая и Индіи; государство не имѣетъ флота, и строгіе законы наказываютъ всякаго, кто дерзнетъ удалиться за предѣлы имперіи. Однако несмотря на эту мѣру, которая запрещаетъ Японскому правительству даже и думать о распространеніи своихъ владѣній, оно содержитъ сто двадцать тысячъ войска и обременяетъ жителей налогами, простирающимися, какъ полагаютъ, до семи сотъ милліоновъ рублей. Японскіе джонки строятся не иначе какъ въ определенныхъ закономъ размѣрахъ для плаванія около береговъ, такъ, что малѣйшій порывъ вѣтра заставляеть ихъ укрываться въ пристани. Наибольшіе имѣютъ сто футовъ въ длину и шесть футовъ углубленія. Г. Гуцлафъ сказываетъ, что въ пристани острова Лу-Чу, или Лаоко, видѣлъ онъ три Японскія джонки, которыхъ экипажъ не смѣлъ сообщаться съ туземцами. Вѣроятно, что этотъ островъ и негостепримный берегъ Иессо положены предѣлами ихъ плаванью. Кажется однако жъ, что по особеннымъ повелѣніямъ императора предпринимали они морскія путешествія для открытій. Въ сочиненіи Валентина находимъ мы, что въ 1686 году одна джонка, отправившись къ востоку, долго не возвращалась въ Нагасаки, и начальникъ ея повидимому самъ былъ того мнѣнія, что онъ приставалъ къ берегамъ Новой-Голландіи: по-крайней-мѣрѣ узнавъ, что между служителями Голландской факторіи есть одинъ тамошній уроженецъ, онъ отыскалъ его и спрашивалъ о нравахъ и наружности его соотечественниковъ. Они плохо понимали другъ друга, но изъ словъ Японскаго капитана можно было выразумѣть, что, плывъ нѣсколько дней къ востоку и видя передъ собою одно открытое море, онъ рѣшился наконецъ итти въ обратный путь, однако жъ бурей снесло его еще далѣе, и онъ достигъ наконецъ земли, въ которой, по описанію его, Голландцы узнали Американскій берегъ между 40 и 50 гра-

дусами сѣверной широты. Вотъ послѣднее предпріятіе въ этомъ родѣ, какое тамъ запомнить.

Если Японская литература долго оставалась неизвѣстною ученому свѣту, забвеніе это должно приписывать не столько трудности языка, сколько запрещенію изучать его въ Японіи и вывозить отсюда какія бы ни было книги. Однако въ началѣ нынѣшняго столѣтія, ученый Голландецъ, Г. Дуфъ (Doef), предпринялъ, съ дозволенія императора и съ помощію десяти переводчиковъ, сочиненіе Японско-Голландскаго словаря. Одинъ экземпляръ этого прекраснаго труда утраченъ при пересылкѣ въ Европу, а другой хранится въ императорской библіотекѣ, въ Иеддо. Къ счастью, Г. Фишеръ отыскалъ въ Десимъ подлинныя замѣчанія, по которымъ былъ составленъ этотъ словарь, и въ теченіе семи лѣтъ занимался онъ приведеніемъ ихъ въ порядокъ. Въ 1829 году важное это сочиненіе кончено въ другой разъ, и драгоценная рукопись идетъ теперь, если уже не пришла, въ Амстердамъ.

Астрономія, или по-крайней-мѣрѣ наблюденіе небесныхъ тѣлъ, въ большой чести у Японцевъ. Г. Фишеръ не говоритъ, воспользовались ли они Голландской литературою до такой степени, чтобъ принять полную систему Астрономіи; но увѣряетъ, что они коротко знакомы съ нашими хронометрами, телескопами и другими инструментами, и что измѣряютъ высоту горъ посредствомъ барометра. Успѣхи ихъ въ Медицинѣ незначительны, тѣмъ болѣе, что предразсудокъ запрещаетъ изучать Анатомію; однако жъ у нихъ заимствовали мы употребленіе моксы и накалыванія (асирунтура). Первоначальное воспитаніе, при всемъ его несовершенствѣ, распространяется на всѣ сословія, и можетъ-быть и въ мірѣ края, гдѣ умѣнье писать было бы такъ обыкновенно. Удивительно, что народъ, имѣющій передъ Китайцами неогцѣненное пре-

имущество алфавита, теряет время на изучение ихъ языка, вмѣсто того, чтобъ усовершенствовать свой собственный. Японцы большіе охотники собирать естественно-историческіе и художественные предметы, и любители ихъ поспорятъ съ нашими въ ревности къ отыскиванію медалей и примѣчательныхъ картинъ. У правителя области Тамба есть драгоцѣнный кабинетъ Европейскихъ медалей, а въ Іеддо Г. Фишеру случилось видѣть собраніе старыхъ Европейскихъ эстамповъ, сохранявшееся въ одномъ и томъ же семействѣ болѣе полутора ста лѣтъ. Музеи наполнены здѣсь искусственнымъ чудовищами, сиренами, летучими змѣями, и прочая. Какъ ни искусны Японцы въ обработкѣ металловъ, они почти вовсе не обдѣлываютъ драгоцѣнныхъ камней ни для украшеній, ни для отпуска за границу.

Мы уже сказали, что Голландская факторія отправляетъ каждыя четыре года депутацію въ Іеддо: обрядъ, наблюдаемый при дворѣ сеогуновъ, былъ описанъ всѣми путешественниками, говорившими подробно о Японіи, особенно Кемпферомъ и Тунбергомъ. Мы думаемъ однако жъ, что не безъ любопытства можно будетъ прочесть нѣсколько выписокъ изъ повѣствованія Г. Фишера о посольствѣ 1822 года. Оно отправилось 6 февраля, сопровождаемое, какъ обыкновенно, однимъ старшимъ Японскимъ офицеромъ, оррег ванжоост, тремя младшими, тремя переводчиками и конвоемъ изъ ста человекъ съ двадцатью лошадьми. Пожитки и припасы, въ которыхъ не настояло непосредственной надобности, были отправлены моремъ на Осаку. Передъ посольствомъ ѣхали два Японскіе повара: одинъ въ назначенномъ мѣстѣ приготавливалъ обѣдъ, другой на слѣдующей станціи ужинъ.

«Осьмаго числа, въ Синоги, посѣтили мы хижину одного старика, который съ молодыхъ лѣтъ не пропускалъ ни одного случая посмотрѣть на проѣздъ Голландцевъ. Ему было подъ девяносто, и онъ видѣлъ сорокъ разъ это шествіе.»

«Двѣнадцатаго февраля посольство прибыло въ пристань Кехуру, лежащую на каналѣ, который отдѣляетъ островъ Ниппонъ отъ того, гдѣ построенъ Нагазаки. Тринадцатаго оно переправилось къ Сямпнесеки, на западную оконечность Ниппона, и ожидало попутнаго вѣтра до 22 числа; потомъ плыло вдоль берега сто семнадцать миль до самаго Муру, гдѣ опять вышло на сушу. Провзавъ нѣсколько многочисленныхъ городовъ, въ томъ числѣ Осакку, оно прибыло 7 марта въ Фугими, послѣднюю станцію передъ Міако, гдѣ живетъ дайри.

«Отъ Фугими до Міако разстояніемъ на двѣ мили (болѣе десяти верстъ), ѣхали мы сплошною улицею лавокъ, фабрикъ и мастерскихъ. Магазинамъ глиняной посуды, хлебнымъ амбарамъ, лавкамъ съ дичью и живностью, чайнымъ домамъ и такъ далѣе, нѣтъ счету, и все это оживлено движущимися толпами. Въ Міако помѣстили насъ лучше, нежели въ Осаккѣ, но мы подверглись такому же безконечному числу посѣщеній. Міако, иногда называемый Кіото, содержитъ до шести сотъ тысячъ жителей. Храмы очень красивы; хорошъ также видъ рѣки, омывающей городъ и плодоносныя окрестности. Здѣшнія женщины считаются прекраснѣйшими въ цѣлой имперіи; науки и художества въ великомъ уваженіи. Сюда стекается народъ изъ всѣхъ частей государства для поклоненія въ храмъ Цѣ или для закупки фабричныхъ издѣлій. Этотъ городъ слыветъ раемъ Японіи и особенно знаменитъ своимъ здоровымъ воздухомъ.

«Двадцатаго марта ѣхали мы горами, но, къ счастью, здѣсь были гостиницы, предлагавшія отдыхъ послѣ безпокойствъ дурной дороги. Молодыя и хорошенькія женщины встрѣчали насъ съ холодною водою, чаемъ, саккою и плодами, и приглашали къ себѣ самымъ очаровательнымъ образомъ. Изъ одной такой гостиницы увидѣли мы въ первый разъ Японскій Гималай, — гору Фузи, скрывающую въ облакахъ свою снѣжную вершину. Эта гора, возвышающаяся на одиннадцать или двѣнадцать тысячъ футовъ надъ поверхностью моря, есть давно угасшій вулканъ и считается однимъ изъ чудесъ Японіи. Живопись и поэзія славятъ наперерывъ этого исполнна горъ съ окружающими его прелестными долинами и лугами.

«Когда путешественникъ подъѣзжаетъ къ Синагавъ, все возвышается ему столпцу, которой этотъ городъ одно предмѣстье. Дорога — превеликолѣпная улица, окаймленная красивыми домами и оживляемая безпрестанно возрастающей людностью. Мы бѣжали ею болѣе двухъ часовъ, пока достигли до мѣстопребыванія своего, Нангасаки, лежащаго посреди Иеддо, въ двухъ шагахъ отъ императорскаго дворца.»

Иеддо имѣетъ миллионъ двѣсти тысячъ жителей. Число это можетъ показаться преувеличеннымъ, но въ 1703 году одинъ пожаръ истребилъ здѣсь до ста тысячъ домовъ. Главное зданіе въ столицѣ—дворецъ сеогуна, имѣющій двадцать верстъ въ окружности. Множество домовъ и замковъ назначено для князей, министровъ и главныхъ государственныхъ сановниковъ: среди этихъ безчисленныхъ зданій и обширныхъ садовъ возвышается императорскій дворецъ, собственно такъ называемый. Эта громада, стоящая на пригоркѣ, хотя и странной архитектуры, но величественна. Во внутренности особенно замѣчательна зала въ шесть сотъ футовъ длины и въ триста ширины. Кедровые столбы, покрытые отличною рѣзбою, головы драконовъ, тысячи люстръ и жирандолей и богатѣйшіе бумажные обои составляютъ главныя украшенія этой залы. Въ ней нѣтъ иной мебели, кромѣ циновокъ, отчего и прозвали ее «Циновочною».

«По прибытіи депутатовъ, ихъ заточаютъ въ собственномъ дворцѣ; они выходятъ только на торжественную аудіенцію къ кубо, и всегда окружены тучею лазутчиковъ: имъ однако жъ дозволяется принимать офіціальныя посѣщенія. Изъ всѣхъ нашихъ гостей, только подпереводчикъ его императорскаго величества, врачи и астрологъ разумѣли по-Голландски. Мы безпрестанно обмѣнивались между собою распросами объ Европѣ и Японіи. Туземцы такъ любопытствовали насъ видѣть, что тѣснились къ намъ съ разсвѣта до поздней ночи, не исключая и женщинъ, которымъ запрещено это стариннымъ закономъ. Впрочемъ онъ всегда являлся съ кавалеромъ, который вводилъ иногда по ше-

сти вдутъ. Одно или два Голландскія слова, написанныя на опахалъ, вмѣсто альбома, удовлетворяли множество мелкихъ притязаній. Секретари области Садсумы поднесли намъ двѣнадцать прекрасныхъ птицъ, пятнадцать рядкихъ растений, двухъ собачекъ, пару кроликовъ, разныхъ шелковъ, и прочая, — все это въ отличныхъ клеткахъ и ящикахъ, которыя были гораздо дороже того, что въ нихъ заключалось.

«Аудиенцъ-зала кубо обширна, но проста и вовсе безъ пышныхъ украшеній. Противъ самаго входа было возвышеніе для императорскаго трона; влѣво простирались мѣста для принцевъ крови и для членовъ верховнаго совѣта по старшинству ихъ. Эта зала, отворяемая только въ торжественные случаи, убрана гораздо скромнѣе остальной части дворца, который отличается отъ другихъ зданій столицы величественностью архитектуры, богатствомъ отделки и колоссальными размѣрами дверей. Пока мы дожидались въ приемной, пошелъ проливной дождь съ громомъ и молніей, но, къ счастью, гроза тотчасъ миновала, а иначе отложили бы аудиенцію, потому что его величество страхъ боится грома. Въ одиннадцать часовъ президентъ депутаціи былъ допущенъ къ престолу, и воротился къ намъ черезъ полчаса. Явившись передъ лице императора, онъ палъ ницъ и лежалъ до тѣхъ поръ, пока восклицаніе — *Caritan Hollanda!* кончилось его слуха. Послѣ того царствовало мертвое молчаніе, прерываемое только тихимъ ропотомъ, которымъ Японцы изъявляютъ обыкновенно свое благоговѣніе. Одинъ Нагасакскій губернаторъ, съ главнымъ переводчикомъ, сопровождалъ президента, и онъ-то далъ ему знакъ къ отбытію: выходя, такъ же какъ и при входѣ, отсюда не должно разгибать спины послѣ поклона, и безъ нарушенія правилъ Японской вѣжливости нельзя ни осмотрѣться, ни взглянуть ни на одинъ изъ окружающихъ предметовъ.»

Впрочемъ Г. Фишеръ отзываясь съ самой лучшей стороны о гостепріимствѣ и радушіи, которыя нашелъ онъ въ Іеддо, несмотря на тягостныя иногда посѣщенія туземцевъ и на то, что ему пришлось однажды выдержать ученое испытаніе отъ всего факультета императорскихъ астрологовъ. Докторъ по-

сольства подвергся такому же пяти-часовому, допросу со стороны шестнадцати своих Японских собратьев. Нѣкоторые знакомцы Г. Фишера морили его со смѣху, являясь къ нему, изъ особенной учтивости, въ старомодномъ и разностатейномъ Голландскомъ платьѣ.

Мы желали бы посвятить еще нѣсколько страницъ этому достопримѣчательному народу, но боимся переступить границы любопытства нашихъ читателей. Оставляемъ Японцевъ при сладостномъ ихъ убѣжденіи, что они первый народъ въ свѣтъ и старшіе потомки божества; что превосходство ихъ не нуждается ни въ какой перемѣнѣ и что нѣтъ ничего лучше ихъ поговорки — «Велѣнія кубы, какъ потъ человѣческаго тѣла, выступаютъ наружу и никогда не возвратятся къ своему источнику». Присовокупимъ только краткій очеркъ ихъ характера, которымъ Г. Мейланъ заключаетъ свою любопытную книгу. «Они хитры, въжливны, подозрительны, осторожны, сластолюбивы, нетерпѣливы, надменны, суевѣрны, мстительны, равнодушно жестоки; но съ другой стороны они справедливы и честны, привязаны къ отечеству, примѣрны въ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми, тверды въ дружбѣ и, вѣроятно, мужественны.

Quarterly Review.

=

МОРОЗЪ ЛИ ИСТРЕБИЛЪ

ФРАНЦУЗСКУЮ АРМІЮ ВЪ 1812 ГОДУ ?

=

Два отшиба потрясли до основанія власть и господствованіе Наполеона, казавшіяся неколебимыми. Отшибы эти произведены были двумя народами, обитающими на двухъ оконечностяхъ завоеванной и поработенной имъ Европы, — Испанією и Россією.

Первая, противувавшая Французскому ополченію одинокому, безъ союзниковъ и безъ Наполеона, сотрясла налагаемое на нее иго, при помощи огромныхъ денежныхъ капиталовъ и многочисленной арміи союзной съ нею Англій. Последняя, принявшая на свой щитъ удары того же Французскаго ополченія, но усиленнаго возставшимъ на нее всѣмъ Европейскимъ войскомъ, которымъ предводительствовалъ и управлялъ самъ Наполеонъ, достигла того же предмета безъ всякихъ иныхъ союзниковъ, кромѣ оскорбленной народной гордости и пламенной любви къ отечеству.

Однако жъ, всѣ уста, всѣ журналы, всѣ историческія произведенія эпохи нашей, превознесли и не перестаютъ превозносить самоотверженіе и великодушное усиліе Испанской націи, а о подобномъ самоотверженіи, о подобномъ же усиліи Русскаго народа ни сколько не упоминаютъ, и въ добавокъ поглощаютъ ихъ разглашеніемъ, будто всѣ удачи произошли отъ одной суровости зимняго времени, не-

* Въ последней нашей книжкѣ (Критика, стр. 43), мы слегка приподняли, по случаю «Записокъ о походахъ 1812 и 1813 годовъ», вопросъ, изображенный въ этомъ заглавіи, и теперь представляемъ его рѣшеніе, удовлетворительнѣе котораго, по мнѣнію нашему, и желать не возможно. Мы весьма благодарны почтенному автору за то, что онъ такъ во-время и кстати отдалъъ для насъ эту превосходную статью отъ своихъ Записокъ. *Б. для Ч.*

ожиданнаго и наступившаго въ необыкновенный срокъ года.

Двадцать два года продолжается это разглашеніе между современниками, и двадцать два года готовится передача его потомству посредствомъ книгопечатанія. Всѣ враги Россіи, всѣ союзники Франціи, впоследствии предательски на нее возставшіе, но, въ неудачномъ вмѣстѣ съ нею покушеніи противъ насъ, вмѣстѣ съ нею же раздѣлившіе и стыдъ неудачнаго покушенія, неутомимо хлопотали и хлопочуть о разсѣваніи и укорененіи въ общемъ образѣ мысли этой мнимой причины торжества нашего.

Должно однако замѣтить, что не въ Германіи, а во Франціи возникъ первый зародышъ этого нелѣпаго разглашенія, — и не могло быть иначе. Надутая двадцатилѣтними побѣдами, завоеваніями и владычествомъ надъ Европейскими государствами, могла ли Франція простить тому изъ нихъ, которое безъ малѣйшей посторонней помощи и въ такое короткое время отстояло независимость свою не только отбитіемъ отъ себя, но и поглощеніемъ въ нѣдрахъ своихъ, всей Европейской армады, принадлежавшей ей, ополчившейся съ нею, и предводительствуемой величайшимъ геніемъ вѣковъ и міра? Націи ли этой, исполненной самолюбія и самохвальства, преслѣдуемой порицаніями и, что еще чувствительнѣе, карриатурами и насмѣшками, болѣе всего для нея несносными, — ей ли можно было признаться въ истинной причинѣ несостоятельности своей въ обѣщаніяхъ славы и добычи увлеченнымъ ею государствамъ? И когда! Когда обладая монополіею Словесности, проникающей во всѣ четыре части свѣта, завоеванныя ея нарѣчіемъ, которое справедливо почитается общимъ нарѣчіемъ нашего вѣка, она, болѣе другихъ народовъ, могла ввести въ заблужденіе и современниковъ и потомство на-счетъ приключенія, столь

жестоко омрачившаго честь ея оружія, столь насильственно прогнавшаго призракъ ея непобѣдимости! Будемъ справедливы: какая нація рѣшилась бы на пожертвованіе такого преимущества? Какая нація, напротивъ, не поддержала бы, посредствомъ его, и кредита своего въ общемъ мнѣніи, и славы своего оружія, потрясенныхъ столь неожиданнымъ злополучіемъ? Франція не пренебрегла этого преимущества, и похвально сдѣлала: священнѣйшій долгъ всякаго народа дорожить своимъ достоинствомъ, спасти и защищать всѣми мѣрами и всѣми средствами это нравственное бытіе свое, неразрывно сопряженное съ его бытіемъ вещественнымъ. Но похвально ли для нѣкоторыхъ изъ насъ, еще болѣе для тѣхъ изъ насъ, Русскихъ, которые, бывъ свидѣтелями, даже дѣйствовавшими лицами на этомъ великолѣпномъ позорищѣ, знаютъ истинную причину гибели нахлынувшихъ на насъ полчищъ, — похвально ли повторять чужой вымыселъ, для того только, чтобы не отстать отъ моднаго мнѣнія, какъ не отстаютъ онъ отъ покроя фракковъ или повязки галстуховъ, изобрѣтенныхъ и носимыхъ въ Парижѣ? И пусть бы разглашали это городскіе господчики или маменькины сынки, которымъ извѣстенъ огонь однѣхъ восковыхъ свѣчъ и кенкетовъ, да запахъ пороху только на фейерверкахъ. Словамъ, произносимымъ подобными устами, награда извѣстна. Но грустно слышать эти же слова отъ тѣхъ самыхъ людей, которымъ знакомы и чугуны, и свинець, и желѣзное остріе, какъ хлѣбъ насущный. Грустно слышать, какъ тѣ, кого я самъ видѣлъ подвергавшаго опасности и покой, и здоровье, и жизнь свою на войнѣ отечественной, теперь приписываютъ лавры ея одной той же причинѣ съ врагами, противъ которыхъ они такъ неустрашимо, такъ ревностно тогда подвизались; какъ въ угожденіе имъ, они жертвуютъ нынче и собственными трудами, и подвигами, и ра-

нами, и торжествомъ, и славою Россіи, — какъ-будто ничего этого никогда не бывало!

Вооруженный неоспоримыми документами, я опровергъ, въ изданной мною нѣкогда особой книгѣ *, ложное показаніе Наполеона, будто «въ кампаніи 1812 года легкія войска наши не нанесли ни малѣйшаго «вреда его арміи.» Теперь приступаю къ другому вопросу, — къ опроверженію того, будто «армія Наполеона «погибла единственно отъ стужи, наступшей нежданно и въ необыкновенное время года», а не отъ другихъ обстоятельствъ; будто она погибла —

I. Не отъ искуснаго занятія нашей арміею Тарутинской позиціи, прикрывавшей хлѣбороднѣйшія губерніи, и въ то же время угрожавшей единственному пути непріятельскаго сообщенія; позиціи, на которой князь Кутузовъ обѣщаніемъ мира успѣлъ усыпить Наполеона на столько времени, сколько нужно ему было для возрожденія нашей арміи;

II. Не отъ заслоненія Калужскаго пути при Малоярославцѣ, — чѣмъ принудилъ онъ Наполеона обратиться на Смоленскій путь, опустошенный и безпріютный;

III. Не отъ фланговаго марша нашей арміи отъ Тарутина до Березины, прикрывавшаго, подобно Тарутинской позиціи, всѣ жизненные и боевые наши подвозы, которые шли къ намъ изъ хлѣбороднѣйшихъ губерній, и вмѣстѣ съ тѣмъ угрожавшаго заслонить единственную отступательную черту, невольпо избранную непріателемъ, какъ скоро онъ малѣйше на ней замедлилъ;

IV. Не отъ усилій, трудовъ и храбрости нашихъ войскъ, разстроившихъ ея единство при Малоярославцѣ, Вязьмѣ и Красномъ;

* Разборъ трехъ статей Наполеона.

V. Не отъ чудеснаго соединенія почти въ опредѣленный день у Борисова на Березинѣ трехъ армій, пришедшихъ одна изъ-подъ Москвы, другая изъ Финляндіи и отъ Пскова, третья изъ Молдавіи и Волыніи;

VI. Не отъ истребленія подвозовъ и фуражировъ, отъ изнуренія ежечасными денными и ночными тревогами и наѣздами нашихъ партій, которыя тѣснили ее какъ въ ящикъ отъ Москвы до Нѣмана, и не позволяли ни одному непріятельскому солдату на шагъ отлучаться отъ большой дороги, для отысканія себѣ пищи или убѣжища отъ стужи;

VII. И наконецъ будто она погибла не отъ неусыпнаго надзора надъ нею тѣхъ же партій, отчего каждое движеніе каждой ея части было тотчасъ извѣстно главнокомандующему и встрѣчало противодѣйствіе.

Я уже изложилъ въ «Опытѣ партизанскаго дѣйствія» мнѣніе мое на этотъ счетъ: здѣсь представлю мнѣніе иностранныхъ писателей, охлажденное временемъ и слѣдственно нѣсколько уже очищенное отъ того отвратительнаго пристрастія, которымъ ознаменованы всѣ произведенія ихъ, касающіяся до военныхъ подвиговъ Французской арміи.

Начнемъ съ Г. Коха *. Онъ говоритъ:

«Вообще точность замѣчаній генерала Гурго достойна похвалы; но пристрастіе къ Наполеону увлекаетъ его къ защитѣ мнѣній, совершенно ложныхъ. Таково, на примѣръ, увѣреніе его, что одна стужа причиною злополучія Французской арміи. Во время похода отъ Смоленска до Орши, стужа во всѣ четыре

* Examen critique de l'histoire de Napoléon et de la grande armée par le comte de Ségur et de la critique qu'en a faite le général Gourgaud.

«дня была слабѣе, нежели въ 1795 году, когда ствер-
 «ная армія перешла по льду Вааль и овладѣла Гол-
 «ландскимъ флотомъ въ Зюйдерзе; слабѣе, нежели въ
 «1807 году, когда огромныя толпы конницы неодно-
 «кратными наскоками сшибались на покрытыхъ
 «льдомъ и свѣгомъ озерахъ. Слѣдственно, если по соб-
 «ственному расчету генерала Гурго Французская ар-
 «мія состояла только въ сорока пяти тысячахъ дѣй-
 «ствовавшаго войска по прибытіи ея на берега Бере-
 «зины, должно искать иныхъ причинъ ея уменьшенію.
 «Онъ, какъ кажется, состоятъ въ недостаткѣ распо-
 «рядительности относительно продовольствія.»

Но тотъ самый Гурго, на котораго возстаеъ Г. Кохъ за то, что онъ всѣ бѣдствія Французской арміи приписываетъ одной стужѣ, самъ себѣ противорѣчитъ, говоря слѣдующее *:

«Въ это время, 22 октября (3 ноября н. ст.), то есть,
 «на обратномъ пути около Вязьмы, Французская ар-
 «мія не была еще въ томъ безпорядкѣ и развратномъ
 «положеніи, въ какомъ Французскій историкъ ста-
 «рается показать ее..... До 25 октября, то есть, на
 «обратномъ пути около Дорогобужа, погода была хо-
 «рошая и стужа гораздо умѣреннѣе той, которую мы
 «переносили во время кампаніи въ Пруссіи и въ Поль-
 «шѣ въ 1807 году, и даже въ Испаніи среди Кастиль-
 «скихъ горъ, въ теченіе зимней кампаніи 1808 года,
 «подъ предводительствомъ самого императора..... Ок-
 «тября 25, на обратномъ пути около Дорогобужа, кор-
 «пуса арміи еще находились въ устройствѣ, были со-
 «ставленные изъ дивизій, бригадъ и полковъ, хотя
 «уронъ, понесенный ими въ походъ, много убавилъ
 «числительную силу ихъ....

«Господинъ придворный чиновникъ (графъ Сегюръ)

* Examen critique de l'histoire de la campagne de 1812 du comte de Ségur, par le général Gourgaud.

«ошибается еще и въ томъ, будто-бы въ Оршѣ безпо-
 «рядокъ въ арміи умножился: напротивъ, найденные
 «въ Оршѣ запасы розданы были войскамъ, а оттепель,
 «послѣ сильныхъ морозовъ, сдѣлала биваки сносны-
 «ми..... Что касается до сильной стужи, то мѣру ея
 «опредѣлить можно тѣмъ, что Березина не была еще
 «покрыта льдомъ во время переправы чрезъ нее....»

Г. Шамбре представляетъ намъ слѣдующія измѣненія термометра *:

«Октября 15, с. ст., четыре градуса стужи.» Это было на обратномъ пути отъ Малоярославца.

«Октября 23, снѣгъ, слѣдственно стужа умѣренная.» Это было на обратномъ пути изъ Вязьмы.

«Октября 24, снѣгъ продолжается.» Это было на обратномъ пути между Вязьмою и Дорогобужемъ.

«Октября 25, снѣгъ сильнѣе съ вѣтромъ, слѣдственно «но немногъ холоднѣе, чѣмъ наканунѣ.» Это было тамъ же, и уже около Дорогобужа.

«Октября 28, двѣнадцать градусовъ стужи.» Это было на обратномъ пути между Дорогобужемъ и Смоленскомъ.

«Октября 31 и ноября 1, семнадцать градусовъ стужи.» Это было на обратномъ пути въ Смоленскъ.

«Ноября 2, стужа гораздо слабѣе.» Это было на обратномъ пути по выступленіи изъ Смоленска къ Красному.

«Ноября 6, оттепель.» Это было на обратномъ пути между Краснымъ и Оршею.

«Ноября 12, оттепель прекращается.» Это было на обратномъ пути между Оршею и Борисовымъ.

Онъ же продолжаетъ:

«Не одна стужа разстроила и истребила Француз-

* Histoire de l'expedition de Russie, par M*** (Chambray). Tome III.

«скую армію, потому что второй и девятый корпусы
«сохранили совершенный порядокъ, невзирая на
«претерпѣнныя такой же стужѣ, какъ и главная армія.
«Стужа сухая и умѣренная, сопровождавшая войска
«отъ Москвы до перваго снѣга, была болѣе полезна
«нежели гибельна. Главныя причины злополучія,
«постигшія нашу армію, были, во-первыхъ, голодъ,
«потомъ непрерывные переходы и кочевья, и нако-
«нецъ уже стужа, когда она достигла до чрезвычай-
«ности или когда была сопряжена со снѣгомъ. Что
«касается до лошадей, то сытыми онѣ весьма легко
«переносятъ стужу, сколь она ни жестока. Онѣ
«погибли не отъ нея, а отъ голоду и усталости.....»

«Я уже сказалъ, и еще повторяю, — сытыя лошади
«переносятъ кочевья безъ затрудненія, какъ бы стужа
«ни была чрезмѣрна. И такъ не стужа погубила ло-
«шадей Французской арміи, и ихъ не пало до тридцати
«тысячъ въ одну ночь, какъ сказано въ одномъ изъ
«бюллетеней... Самая жестокая стужа въ ноябрѣ мѣ-
«сяцѣ продолжалась отъ 28 октября до 1 ноября с. ст.,
«то есть, на обратномъ пути между Дорогобужемъ и
«Смоленскомъ.

Самъ Наполеонъ говоритъ*: «Еще три дня хорошей
«погоды, и армія совершила бы въ устройствѣ отсту-
«пленіе свое.»

Генераль Жомини въ послѣднемъ своемъ сочине-
ніи**заставляетъ говорить Наполеона: «Главныя при-
«чины неудачнаго предпріятія на Россію относили къ
«ранней и чрезмѣрной стужѣ: всѣ мои приверженцы
«повторяли эти слова до пресыщенія. Это совершен-
«но ложно. Какъ подумать, чтобы я не зналъ о

* Mémoires pour servir à l'histoire de France, par Napoléon; publiés par Moniholon. T. II, pag 413.

** Vie politique et militaire de Napoléon, etc., Tome IV

«срокъ этого ежегоднаго явленія въ Россіи... Не только «зима не наступала ранѣе обыкновеннаго, но при- «ходъ ея 26 октября с. ст. былъ позже, нежели «какъ это ежегодно случается. Стужа не была чрез- «мѣрна, потому что до Краснаго она измѣнилась отъ «трехъ до осьми градусовъ, а 8 ноября наступила «оттепель, которая продолжалась до самаго прибытія «нашего къ берегамъ Березины: одинъ только день «пѣхота могла переходить по льду черезъ Днѣпръ, и «то до вечера. Вечеромъ оттепель снова повредила «переправу.

«Стужа эта не превышала стужи Эйлауской кам- «паніи: въ послѣдней, громады конницы носились по «озерамъ, покрытымъ льдомъ, и въ эту эпоху рѣка «была такъ сильно имъ схвачена, что могла бы под- «нять цѣлую армію съ артиллерією. Но при Эйлау ар- «мія моя не разстроилась потому, что была въ краѣ «изобильномъ, и что я могъ удовлетворять всѣмъ ея «нуждамъ. Совсѣмъ противное произошло въ 1812 го- «ду: недостатокъ въ пищѣ и во всемъ необходимомъ «произвелъ разбродъ войска; многочисленныя колон- «ны наши обратились въ буйную сволочь, въ которой «солдаты разныхъ полковъ были чужды одинъ дру- «гому. Чтобы собраться и распутаться, намъ надле- «жало остановиться дней на восемь въ укрѣпленномъ «лагерѣ, снабженномъ огромными магазинами.

«Въ Смоленскѣ этого нельзя было сдѣлать, и мы «должны были погибнуть, потому что оттуда до Вис- «лы не было уже мѣста, довольно безопаснаго для «пристанища, а у Вислы армія уже не существова- «ла..... Я прибылъ въ Смоленскъ 28 октября с. ст. «Вся армія собралась 1 ноября: она во всемъ нужда- «лась. Спѣша къ Смоленску, какъ къ землѣ обѣтован- «ной, какъ къ предѣлу своего злополучія, что она об- «рѣла тамъ? Обрушенные дома, заваленные больны-

«ми, умирающими, и пустые магазины! Двухмѣсяч-
ное пребываніе корпуса маршала Виктора вокругъ
«города, гарнизонъ, пятнадцать тысячъ больныхъ и
«раненыхъ, и проходившія команды издерживали въ
«сутки по 60,000 раціоновъ!

«Армія вступила въ Смоленскъ толпами и непохо-
«жая на себя: *трехдневная вовсе не чрезвычайная сту-*
«*жа* достаточна была, чтобы ее частію разстроить.»

Въ примѣчаніи сказано: «Стужа во время кампаніи
«въ Голландіи въ 1795 году и въ Эйлаускую кампанію
«въ 1807 году была сильнѣе той, которая продолжа-
«лась отъ Москвы до Березины. Но въ этихъ двухъ
«кампаніяхъ войска получали пищу, вино и водку, и
«не каждыя сутки, какъ въ послѣдней кампаніи, ко-
«чевали голодными съ увѣренностью, что завтра бу-
«детъ хуже.

«Такъ какъ уже извѣстно, что стужа до Березины
«была умѣреннѣе, а при всемъ томъ, по прибытіи
«къ берегамъ этой рѣки у насъ осталось не болѣе пя-
«тидесяти тысячъ челоувѣкъ изъ трехъ сотъ тысячъ,
«которыя я привелъ на берега Двины и въ Москву,
«то должны быть другія причины столь ужасному
«злополучію.

«Не въ пользу мою дѣйствуютъ тѣ, которые поро-
«чать моихъ противниковъ и унижаютъ ихъ подвиги.
«Они вмѣстѣ съ тѣмъ унижаютъ и мою славу, и сла-
«ву Французской арміи, состоящую въ преодолѣніи
«преградъ неожиданныхъ. Какъ бы то ни было, ни-
«кто не похититъ у Русскихъ того, что, невзирая на
«разрывъ ихъ линіи при первомъ шагѣ моего втор-
«женія, они умѣли избѣгнуть пораженія и отступить
«тысячу двѣсти верстъ, сохранивъ всѣ тяжести и не
«оставивъ намъ ни одной трофеи. Если бъ мы творили
«одни чудеса, а непріатели наши однѣ ошибки, то
«какъ Барклай и Багратионъ, выступившіе одинъ изъ

«Дриссы, другой изъ Словама, и отдѣленные одинъ
 «отъ другаго тремя стами тысячами моего войска, —
 «какъ могли бы они соединиться наперекоръ моему
 «старанію не давать имъ соединиться? Какъ Витген-
 «штейнъ, начальствовавшій корпусомъ вполонину ма-
 «лочисленнѣе трехъ корпусовъ, дѣйствовавшихъ про-
 «тивъ него, могъ бы сохранить угрожающую осан-
 «ку въ теченіе всей кампаніи? Не менѣ сверхесте-
 «ственно было бы и то, чтобъ, при непрестанныхъ
 «промахахъ, армія, разстроенная подъ Бородинымъ,
 «могла явиться въ назначенный часъ подъ Краснымъ,
 «и схватиться грудь съ грудью съ нашею арміею,
 «какъ это случилось. Наконецъ, могъ ли непріятель,
 «если бы онъ не обладалъ ни военными качествами,
 «ни дарованіями, и при началѣ кампаніи раздѣлен-
 «ный и раздробленный на части, — могъ ли бы онъ
 «сообразить и исполнить наступательное соединеніе
 «обѣихъ крылъ и середины арміи своей при Берези-
 «нѣ, и къ самой рѣшительной эпохѣ привести изъ
 «Финляндіи и отъ Прута войска, долженствовав-
 «шія оспоривать намъ переправу?

«Безъ-сомнѣніи, ему вспомошествовали обстоятель-
 «ства, а противъ меня возстало все то, что ему благо-
 «пріятствовало; но надо быть черезмѣру ненавистли-
 «вымъ, черезмѣру несправедливымъ, чтобы порицать
 «то; что достойно похвалъ и подражанія.

«Конечно, Русскіе дѣйствовали не безъ ошибокъ.
 «Главнѣйшія суть: начальное размѣщеніе силъ на гра-
 «ницѣ, направленіе къ Дриссѣ, и образъ отступленія
 «отъ Смоленска; дознаю также, что Кутузовъ могъ
 «бы сдѣлать болѣе того, что онъ сдѣлалъ, и будь я на
 «его мѣстѣ, — я бѣ вѣрно не упустилъ случая истре-
 «бить армію, возвращавшуюся изъ Москвы; но, не-
 «смотря на излишнюю его осторожность, должно
 «признаться, что онъ далъ искусное направленіе дви-
 «женіямъ своей арміи.....

«Смѣшно увѣрять, будто Русскіе совершенно были «чужды въ нашемъ злополучіи: правда, злополучію «этому причиною не генеральныя сраженія, выигран- «ныя у насъ нашими противниками, — но какъ не со- «гласиться въ томъ, что ему способствовали пламен- «ное рвеніе арміи, правительства, народа и генера- «ловъ, ознаменованное особенно во второй части кам- «паніи? Высокопарныя ругательства могутъ имѣть «временное вліяніе на чернь и людей немыслящихъ: «истина господствуетъ надъ вѣками!»

Заклучимъ выписки эти извлеченіемъ изъ извѣст- наго сочиненія сиръ Вальтера Скотта * :

«Причины такого ужаснаго событія были въ лож- «ныхъ расчетахъ, которые зародились при первыхъ «мысляхъ объ этомъ предпріятіи и сдѣлались оче- «видными при первомъ шагѣ къ приведенію ихъ въ «дѣйствіе. Мы знаемъ, что такой способъ смотрѣть «на предметъ не во вкусъ обожателей Наполеона. Въ «ра безусловно словамъ, которыя самъ онъ разсъ- «ялъ, они считаютъ, что ихъ герой ничѣмъ не могъ «быть побѣжденъ, развѣ однѣми только стихіями. «Объ этомъ объявлено и въ двадцать девятомъ бюл- «летенѣ: «До 25 октября с. ст., говорятъ тамъ, успѣ- «хи его или одинаковы, но выпавшій тогда снѣгъ «въ шесть дней разстроилъ духъ его арміи, отняли «мужество у солдатъ его и ободрили, презрительныхъ «казаковъ, лишилъ Французовъ артиллеріи, фура- «жа и кавалеріи, и повергъ ихъ, хотя Русскіе мало «тому способствовали, въ то жалкое положеніе, въ «какомъ они вступили въ Польшу. Наполеонъ никогда «не выходилъ изъ этого увѣренія, и оно — одинъ изъ «тѣхъ пунктовъ, отъ которыхъ восторженные его обо- «жатели отступаютъ съ крайнимъ нехотѣніемъ. Но

* Vie de Napoléon Bonaparte, par sir Walter Scott. Tome IV.

«прежде, нежели согласишься съ ихъ мнѣніемъ, надобно рѣшить три вопроса: 1. Обыкновенное паденіе снѣга, или походъ черезъ страну, покрытую снѣгомъ, должны ли непременно сами по себѣ причинить всѣ бѣдствія, которыя Французы имъ приписываютъ? 2. Возможность такого происшествія не должна ли была входить въ расчеты Наполеона? 3. Паденіе ли снѣга, какъ бы впрочемъ оно чрезмѣрно ни было, причиною разстройства арміи Бонапарте, или, не дѣйствіе ли климата благопріятствовало скорѣйшему развитію многихъ другихъ причинъ ея гибели,— причинъ, неразлучныхъ съ этимъ походомъ при самомъ его зарожденіи и уже дѣйствовавшихъ прежде жестокости зимы?

«Безполезно распространяться на счетъ перваго вопроса. Паденіе снѣга, сопровождаемое сильнымъ морозомъ, недостаточно само собою для того, чтобы разрушить до основанія отступающую армію. Безъ-сомнѣнія, въ этомъ случаѣ солдаты самые слабые должны погибнуть; но цѣлой арміи удобнѣе производить движенія зимою, нежели въ дождливую погоду.»

Тутъ знаменитый авторъ представляетъ нѣкоторыя удобства для военнаго дѣйствія зимою, вознаграждающія до нѣкоторой степени нужды причиняемая суровостію времени.

«Перейдемъ ко второму вопросу. Если морозъ и снѣгъ въ Россіи суть бѣдствія непреодолимая, vlastныя уничтожать цѣлыя арміи, то какъ же эти обстоятельства не вошли въ расчеты генерала, столь знаменитаго, замыслившаго предпріятіе столь огромное? Развѣ въ Россіи никогда неидетъ снѣгъ? Развѣ морозы въ ноябрѣ мѣсяцѣ тамъ рѣдкое явленіе? Говорятъ, что морозы начались ранѣе обыкновенно»

«веннаго: мы увѣрены, что это оправданіе не имѣть ни какого основанія; но во всякомъ случаѣ величайшее безразсудство подвергать сохраненіе и цѣлость всей арміи, — арміи столь многочисленной и употребленной на такое важное предпріятіе, зависимости отъ мороза, могущаго случиться въ сколькими днями ранѣе или позднѣе.

«Дѣло въ томъ, что Наполеонъ предвидѣлъ, что въ октябрѣ настанетъ стужа, такъ какъ онъ въ іюль предвидѣлъ необходимость собрать съѣстные припасы, достаточные для продовольствія своей арміи; но, увлеченный нетерпѣливостью, онъ ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ не принялъ мѣръ для преодоленія ни голода ни стужи, которые предвидѣлъ.

«Въ двадцать второмъ бюллетенѣ сказано: *«Можно ожидать, что Москва-Рѣка и прочія рѣки въ Россіи замерзнутъ въ половинѣ ноября.»* Это должно было приготовить императора къ снѣгу и къ началу морозовъ пятью или шестью днями ранѣе.

«Въ двадцать шестомъ бюллетенѣ признана необходимость зимнихъ квартиръ, и императоръ предѣставленъ, съ видомъ самодовольствія, осматривающимъ вкругъ себя, гдѣ бы ему избрать квартиры, на югѣ Россіи, или въ пріязненныхъ владѣніяхъ Польши. *Время прекрасное*, говоритъ бюллетень, *но должно ожидать холода въ первыхъ числахъ ноября, и слѣдственно должно заботиться о зимнихъ квартирахъ: особенно кавалерія имѣетъ въ нихъ нужду.* Не возможно, чтобы тотъ, передъ глазами котораго составлялись эти бюллетени, или тотъ, кто составлялъ ихъ, самъ былъ изумленъ выпаденіемъ снѣга 6 ноября: это такое событіе, вѣроятность котораго была предвидѣна, но противъ котораго не взято было предосторожностей»....

Далѣ говорить авторъ о забытіи начальствомъ велѣть перековать лошадей и зацѣпиться подковами.

«Въ-третьихъ, хотя безъ-сомнѣнія суровость погоды значительно умножала бѣдствія и потери арміи, имѣвшей недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, въ одеждѣ, и подвергавшейся всякаго рода нуждамъ, однако жъ она не была первою, и ни съ какой точности зрѣнія главнѣйшею, причиною этихъ бѣдствій. Читатель долженъ припомнить походъ черезъ Литву: Наполеонъ, не бывъ пораженъ ни разу, потерялъ десять тысячъ лошадей и около ста тысячъ людей уже тогда, когда онъ проходилъ страну дружественною. Развѣ эта потеря, случившаяся въ іюнь и въ іюль, была причинена раннимъ снѣгомъ, какимъ называютъ снѣгъ, выпавшій 6 ноября? Со-всѣмъ нѣтъ: причину этому находятъ, какъ говоритъ биолетень, въ неизвѣстности, въ томленіи, въ маршахъ и контръ-маршахъ войскъ, въ ихъ усталости, въ претерпѣніи нуждъ, словомъ, въ этой системѣ усиленныхъ переходовъ, которая впрочемъ не доставила Наполеону ни какой существенной выгоды, — системъ, всегда стоявшей ему около четвертой части арміи, прежде нежели она доводила ее до какого-нибудь сраженія*. Если предположимъ, что онъ оставилъ на обоихъ флангахъ и позади себя силу изъ ста двадцати тысячъ человекъ, подъ командою Макдональда, Шварценберга, Удино и другихъ военачальниковъ, то онъ началъ настоящее шествіе на Россію съ двумястами тысячами. Половина этой значительной силы погибла прежде прибытія его въ Москву, въ которую онъ вступилъ со сотнею тысячъ человекъ. Усталость погубила множество, битвы и госпитали поглотили остальныхъ. Наконецъ Наполеонъ покидаетъ Москву 7 октября

* Мнѣніе совершенно ложное.

« какъ городъ, гдѣ ему нельзя уже было оставаться,
 « хотя выходъ оттуда, какъ онъ предвидѣлъ, былъ
 « сопряженъ съ значительными затрудненіями. То-
 « гда находилось подъ его начальствомъ около ста двад-
 « цати тысячъ человекъ. Армія его умножена была
 « до этого числа присоединеніемъ къ ней выздоровѣв-
 « шихъ бродягъ и командъ, прибывшихъ изъ резер-
 « вовъ. Онъ далъ сраженіе бесполезное, хотя и съ
 « честію выдержанное, при Малоарославцѣ; не у-
 « спѣлъ пробить себѣ дороги къ Калугѣ и Тулѣ,
 « и принужденъ былъ бѣжать черезъ Бородино по
 « разграбленной и опустошенной Смоленской до-
 « рогѣ. На этомъ пути онъ далъ сраженіе подъ
 « Вязмою, въ которомъ потеря Французовъ была
 « весьма значительна; его колонны были безпрестан-
 « но тревожимы казаками, и онъ лишился многихъ
 « тысячъ плѣнными. Два сраженія, столь кровопро-
 « литныя, не считая притомъ разбитія Мюрата и без-
 « престанно возобновляемыхъ стычекъ, стоили Фран-
 « цузамъ, убитыми и ранеными, — потому что каждый
 « раненый былъ уже погибшимъ для Наполеона, — по-
 « крайней-мѣрѣ двадцати пяти тысячъ человекъ. На-
 « конецъ наступило 25 октября. До того дня еще не
 « видали клокъ снѣгу, который въ самомъ дѣлѣ по-
 « шелъ тогда уже, когда Наполеонъ испыталъ боль-
 « шую часть бѣдствій, потому что въ то время флан-
 « ги его и резервъ уже выдержали-было жестокія
 « сраженія и понесли большіе уронъ, не получивъ
 « ни какой существенной выгоды. Такимъ образомъ
 « почти три четверти арміи, которую онъ привелъ
 « въ Россію, были разрушены, а остальная четвер-
 « тая часть была приведена въ жалкій безпорядокъ
 « еще до выпаденія снѣга, которому онъ потомъ за-
 « благоразсудилъ приписать неудачу свою.....

« Конечно, когда наступила чрезмѣрная стужа, то-
 « гда нужды и потери Французской арміи еще умно-

«жились; но зима была только союзницею Русскихъ, а не, какъ тогда думали, единственною ихъ защитницею: отступленіе Наполеоновой арміи совершилось подъ остріями казачьихъ пикъ прежде, нежели морозы съвера поудили ее къ отступленію.»

Изъ всѣхъ этихъ выписокъ можно заключить слѣдующее:

Непріятельская армія, выступивъ изъ Москвы 7 октября с. ст. шла *хорошею погодою*, по словамъ Г. Шамбрè и Г. Жомини, до 28 октября, то есть, двадцать одинъ сутки, а по словамъ Гургò до 25 октября, то есть, восемнадцать сутокъ. Но отъ этого числа армія въ теченіе трехъ сутокъ, по словамъ Шамбрè, Жомини и самого Наполеона, или въ теченіе пяти сутокъ по словамъ Гургò, *претерпѣла стужу*, которая, по термометрическому наблюденію Шамбрè, простиралась отъ 12 до 17 градусовъ, а по словамъ Жомини отъ 3 до 8 градусовъ. Далѣе, всѣ писатели соглашались уже въ томъ, что во время переходовъ Французской арміи отъ Смоленска до Орши стужа весьма уменьшилась, и если позволено мнѣ прибѣгнуть къ моей собственной памяти, то смѣло могу увѣрить, что тогда морозы простирались отъ 2° до 4 градусовъ*. Наконецъ Шамбрè, Гургò и Жомини соглашаются въ томъ, что отъ Орши до Березины продолжалась оттепель. Послѣдній упоминаетъ даже объ опасности,

* Это обстоятельство, которое теперь сдѣлалось важнымъ для Исторіи и для славы Русскаго оружія, можетъ быть рѣшено самымъ положительнымъ образомъ. Всѣ гимназій дѣлають постоянно метеорологическія наблюденія трижды въ сутки, поутру, вполдень и ввечеру, и вносить ихъ въ книгу; въ концѣ каждаго года, списки съ этихъ книгъ представляются университетамъ. Нѣтъ ничего легче, какъ сдѣлать выправку въ метеорологическихъ книгахъ гимназій Смоленской, Могилевской, Витебской и Минской, и узнать съ достоверностью, сколько градусовъ тепла или холода было въ тѣхъ мѣстахъ каждый день съ 1 октября по 1 декабря 1812 года. Мы приглашаемъ господъ директо-

представившейся при переправѣ черезъ Дибъръ подъ Оршею 8 ноября, а мы помнимъ, что, при переходѣ черезъ эту рѣку корпуса Нея при Гусиновѣ, большая часть его тяжестей и нѣкоторая часть войска этого отряда обрушились подъ ледъ и погибли.

И такъ, во все время шествія Французской арміи отъ Москвы до Березины, то есть, въ теченіе двадцати шести дней, стужа, *хотя и не чрезвычайная* (отъ 12 до 17 градусовъ), продолжалась не болѣе трехъ сутокъ по словамъ Шамбрѣ, Жомини и Наполеона, или пяти сутокъ по словамъ Гурго.

Между-тѣмъ Французская армія, при выступленіи своемъ изъ Москвы состояла, по списку Французскаго главнаго штаба, отбитому нами во время преслѣдованія, изъ 110,000 человекъ свѣжаго войска, а по словамъ всѣхъ историковъ кампаніи, представляла только 45,600 по прибытіи своемъ къ берегамъ Березины. Какъ же подумать, чтобы ста-десяти-тысячная армія могла лишиться шестидесяти пяти тысячъ человекъ единственно отъ трехъ или пяти-суточныхъ морозовъ, тогда, какъ гораздо сильнѣйшіе морозы въ 1795 году въ Голландіи, въ 1807 во время Эйлауской кампаніи, продолжавшейся около двухъ мѣсяцевъ сряду, и въ 1808 въ Испаніи среди Кастильскихъ горъ въ теченіе всей зимней кампаніи, скользнули, такъ сказать, по поверхности Французской арміи, не проникая въ средину ея, и отстали отъ ней, не разрушивъ ни ея единства, ни устройства?

ровъ и членовъ этихъ заведеній и любителей отечественной исторіи сдѣлать выписки изъ метеорологическихъ книгъ за 1812 годъ и доставить ихъ намъ: мы охотно беремся напечатать ихъ въ нашемъ журналѣ. Русскіе, находящіеся въ Вильнѣ, могли бы отыскать въ архивѣ бывшаго Виленскаго университета списки термометрическихъ наблюденій, представленные ему со всѣхъ точекъ края, которымъ отступала непріятельская армія. *В. дль Ч.*

Все это приводит насъ къ тому увѣренію, что не стужа, а другое обстоятельство причиною разрушенія гигантскаго ополченія.

Читая представленныя мною выписки, можно ясно видѣть согласіе всѣхъ историковъ кампаніи на счетъ причинъ событія. Они полагаютъ, что эти причины состоятъ, во-первыхъ, въ голодъ, претерпѣнномъ Французскою арміею; во-вторыхъ, въ непрерывныхъ усиленныхъ переходахъ, и, въ-третьихъ, въ кочевья подъ открытымъ небомъ.

Соглашаясь отчасти съ ними, я предлагаю вопросъ: что обыкновенно производитъ голодъ въ арміяхъ? Дѣйствованіе или шествіе армій по бесплодному или опустошенному краю; безъ обозовъ, наполненныхъ съѣстными припасами, или, какъ технически ихъ называютъ, безъ подвижныхъ магазиновъ.

Казалось, что это двойное несчастіе не должно было угрожать Французской арміи, потому что, при выступленіи ея изъ Москвы, она, по словамъ самого Наполеона, несла на себѣ и везла съ собою на двадцать дней провіанта *. Сверхъ-того, какъ всѣмъ извѣстно, она имѣла намѣреніе и направляла всѣ усилія, чтобы, прибывъ прежде насъ черезъ Малоярославецъ въ Калугу, итти оттуда на Юхновъ и Рославль къ Днѣпру по краю невредимому и изобилующему съѣстными припасами, и быть преслѣдуемой нашею арміею стѣлу, а не сбоку, какъ это случилось.

Такимъ образомъ Французская армія никогда бѣ не имѣла недостатка въ пищу; переходы ея могли бѣ быть производимы безъ поспѣшности, потому что никто не угрожалъ бы пресѣченіемъ пути ея отступле-

* Mémoires pour servir à l'histoire de France, par Napoléon, publiés par Montholon, tome II, page 113.

нія, и производимы подъ прикрытіемъ сильнаго арріергарда, котораго войска смѣнялись бы черезъ каждые нѣсколько дней свѣжими отрядами; она была бы въ возможности безпрепятственно располагать на квартиры, если не всѣ свои корпуса, по-крайней-мѣрѣ бѣольшую часть ихъ, и это доставило бы покой ея войскамъ на ночлегахъ и укрыло бы ихъ отъ стужи. Малога не доставало, чтобы не удалось это предпріятіе. Уже снабженная, какъ я выше сказалъ, на двадцать дней провіантомъ, обогнувъ потаенно оконечность лѣваго фланга нашей арміи, занимавшей Тарутинскую позицію, Французская армія почти касалась до той точки, отъ которой можно было ей отступать въ довольствіи всего и никѣмъ нетревожимой. Вдругъ, партизанъ Сеславинъ выхватываетъ солдата изъ колоннъ главной Французской арміи, даетъ о томъ знать Ермолову, находившемуся съ корпусомъ Доктурова въ Аристовъ; тотъ немедленно извѣщаетъ Кутузова, и самъ спѣшитъ занять Малоярославецъ до его прибытія; Кутузовъ съ своей арміею летитъ отъ Тарутина туда же, и заслоняетъ Наполеону Калужскій путь, отбиваетъ его отъ изобильнаго края, по которому онъ намѣревался слѣдовать, и принуждаетъ его предпринять отступление по пути опустошенному. Еще при Французской арміи находилось на двадцать дней пищи, но и это вспомогательное средство вскорѣ исчезаетъ. Кутузовъ бросаетъ вслѣдъ за нею всю свою легкую конницу, и въ трое сутокъ не остается у непріятели ни одной подводы съ провіантомъ. Наконецъ представляется послѣдній способъ къ прокормленію этой арміи: въ нѣкоторомъ разстояніи отъ опустошеннаго пути, по которому прошла она лѣтомъ, находились еще деревни, не совершенно ограбленныя; онъ могли бы снабдить ее хоть малымъ количествомъ пищи. Но и на фуражированіе въ этихъ деревняхъ нельзя было ей рѣшиться съ тѣхъ поръ, какъ многочи-

сленная легкая конница наша окружила ее своими толпами, истребляя все, что осмѣливалось отдѣлаться на одинъ шагъ отъ большой дороги. И вотъ Французская армія идетъ по опустошенному пути, безъ обозовъ наполненныхъ пищею, и не смѣетъ посылать фуражировъ въ придорожныя деревни. Что жъ этому причиною? Точка, избранная для лагеря при Тарутинѣ; заслоненіе Калужской дороги при Малоарславцѣ; отстраненіе непріятельской арміи отъ края, изобилующаго съѣстными припасами; принужденіе его итти по Смоленскому разоренному пути; взятіе легкою конницею нашею непріятельскихъ обозовъ съ пищею; окруженіе ею Французскихъ колоннъ отъ Малоарславца до Нѣмана, не позволявшее ни одному солдату отлучаться отъ большой дороги для отысканія себѣ пищи и пріюта.

Въ такомъ положеніи Наполеону необходимо было спѣшить къ магазинамъ своимъ въ Литвѣ: но какъ спѣшить съ войскомъ, у котораго нечѣмъ подкрѣпить себя послѣ cadaго перехода, и которое слѣдственно становится съ каждымъ днемъ неспособнѣе къ физическимъ усиленіямъ? Какъ было, между-тѣмъ, и медлить для отдохновенія, или употреблять короткіе переходы? Отдохновенія, какъ бы ни продолжительны, переходы какъ бы коротки ни были, а все не въ состояніи, безъ пищи, подкрѣплять сами собою челоуѣка голоднаго! Ктому жъ, вотъ гдѣ оказывается превосходство фланговаго марша Кутузова: чѣмъ продолжительнѣе были бы Наполеоновы привалы и стоянки, чѣмъ переходы были бы короче, словомъ, чѣмъ медленнѣе происходило бы движеніе его до Литвы, тѣмъ Кутузовъ, слѣдуя съ своей арміею параллельно Французской арміи по краю изобильному и никѣмъ еще не прикосновенному, по которому въ началѣ намѣревался слѣдовать Наполеонъ, болѣе и болѣе опережалъ бы его, болѣе и бо-

лве угрожалъ бы заслоненіемъ единственнаго пути отступленія, — Смоленской дороги. И такъ безпрерывные переходы, которые, по словамъ иностранныхъ писателей, были, не менѣе голода, причиною гибели Французовъ, произошли отъ той же причины, отъ которой и голодъ, съ прибавленіемъ къ ней еще фланговаго марша Кутузова, грозившаго заслонить имъ путь отступленія. Что касается до кочевій подъ открытымъ небомъ, то и они — слѣдствіе общей причины, произведшей и голодъ и безпрерывные переходы: путь, по которому противъ воли своей долженствовала слѣдовать Французская армія, разоренный отчасти Русскими войсками во время нашего отступленія лѣтомъ и окончательно опустошенный непріателемъ, насъ преслѣдовавшимъ, не представлялъ ни избы ни сарая для пріюта; а безпрерывный надзоръ и набѣды легкой конницы нашей и поспѣшность, необходимая для достиженія края, болѣе изобилующаго съѣстными припасами, не позволяли Французамъ ни отдѣлять малыя части войскъ за черту большой дороги для отысканія себѣ пріюта, ни отстранять большой громады войскъ отъ прямого пути, чтобъ не увеличить окружными путями разстоянія, отдѣляющаго армію отъ избранной ею меты.

Словомъ, подведя къ одному знаменателю всѣ три причины гибели Французской арміи, мы видимъ, что гибель простиетла, какъ я выше сказалъ, изъ отстраненія непріятельскихъ силъ Кутузовымъ отъ изобильнаго края, по которому хотѣли онѣ слѣдовать; отъ обращенія ихъ на путь опустошенный; отъ успѣшнаго дѣйствія легкой нашей конницы, отнявшей у ней обозы съ пищею и не позволявшей ни одному солдату уклоняться съ большой дороги для отысканія пищи и убѣжища; наконецъ отъ фланговаго марша нашей арміи, который угрожалъ Наполеону пресѣченіемъ единственнаго пути отступленія.

Но неужели можно ограничить гибель Французской арміи этими причинами? Если бь было такъ, ни одно ружье, ни одна пушка въ Русской арміи не закоптилась бы порохомъ; ни одинъ штыкъ, ни одна сабля, ни одна пика, не облились бы кровію непріятельской, — а мы помнимъ кровопролитныя битвы подъ Тарутинымъ 6 октября, подъ Малоярославцемъ 12 октября, подъ Вязмою 23 октября, и подъ Краснымъ 5 и 6 ноября, не говоря уже о каждодневныхъ сшибкахъ непріятеля съ отдѣльными отрядами и даже съ корпусами нашими.

Соединивъ три приведенныя причины со всѣми этими битвами, мы можемъ подвести приблизительный итогъ урона Французской арміи, согласить наши исчисленія съ показаніями историковъ кампаніи и насчетъ количества непріятельскихъ силъ, погибшихъ во время отступленія отъ Москвы до Березины, и насчетъ того числа, которое пришло къ берегамъ этой рѣки, и тѣмъ заключить разсужденіе.

Вальтеръ-Скоттъ полагаетъ, что уронъ Французской арміи въ сраженіяхъ при Малоярославцѣ и при Вязмѣ простирался до 25,000 человекъ: это чрезвычайно! Я считаю, что это число тогда только будетъ вѣрно, когда мы къ двумъ сраженіямъ, при Вязмѣ и Малоярославцѣ, присоединимъ сраженіе при Тарутинѣ, сшибку Платова при Колоцкомъ Монастырѣ и другія частныя битвы, случившіяся до Смоленска.

Потомъ, по спискамъ плѣнныхъ, которые взяты были подъ Краснымъ, — спискамъ, составленнымъ при отправленіи плѣнныхъ въ нѣдра Россіи, — мы видимъ, что число ихъ состояло въ 21,170 нижнихъ чинахъ и 300 офицерахъ.

Наконецъ, полагая слишкомъ 18,000 человекъ, —

что весьма умѣренно, — взятыхъ и убитыхъ легкою конницею, взятыхъ и убитыхъ крестьянами, замерзшихъ и погибшихъ на поляхъ сраженій отъ Смоленска до Березины, мы удостовѣримся, что Французская главная армія дѣйствительно подошла къ Березинѣ въ числѣ 45,000 человекъ, и что изъ 110,000 выступившихъ изъ Москвы, пропало 65,000 человекъ, *но не отъ одной стужи*, какъ стараются въ томъ увѣрить насъ неловкіе приверженцы Наполеона или вѣчные хулители славы Россійскаго оружія, а посредствомъ, — что кажется я достаточно доказалъ, — глубокихъ соображеній Кутузова, мужества и трудовъ линейныхъ войскъ нашихъ, неусыпности и отваги легкой нашей конницы. Вотъ истинная причина гибели непріятельской арміи! Ничто другое. Все прочее есть выдумка, соображенная не безъ искусства, потому что ея изобрѣтатели знали что дѣлаютъ, смѣшивая двѣ эпохи отступленія, столь рѣзко различествующія между собою. И подлинно, общее выраженіе — «Армія Наполеоновская погибла отъ стужи и мороза», это выраженіе, сливающее въ одно и эпоху ея отступленія отъ Москвы до Березины, и эпоху отступленія отъ Березины до Нѣмана, самимъ смѣшеніемъ двухъ эпохъ сокрываетъ истину, облекая ее неоспоримымъ фактомъ, — *стужею и морозомъ*, въ нѣкоторомъ отношеніи не чуждымъ даже истребленію Французской арміи. Вниманіе слушателей и читателей, легко привлекаясь къ этому факту, ощутительнѣйшему и слѣдовательно болѣе постигаемому общимъ понятіемъ, чѣмъ фактъ отвлеченный, состоящій въ соображеніяхъ и въ разборъ движеній военныхъ, прильпляетъ къ нему всей силою убѣдительности, не требующей размышленія. Но чтобы извлечь истину изъ этого сложнаго состава, слѣдуетъ только, отдѣливъ одну эпоху отъ другой, прибѣгнуть

къ вопросу о времени наступленія губительнаго феномена природы, — наступило ли оно въ первую или во вторую эпоху отступленія непріятели, или свирѣпствовало оно въ обѣ эпохи?

Доказано уже, что въ теченіе двадцати шести дней, составляющихъ первую эпоху, морозъ отъ 12° до 17 градусовъ, продолжался не болѣе *трехъ* или *пяти* сутокъ, а во второй, морозъ достигъ отъ 20° до 25 градусовъ и продолжался двадцать два дня почти безпрерывно.

Такъ, въ первой эпохѣ, вліяніе холода было весьма слабо на непріятельскую армію, — во второй, истинно для нея губительно.

Но дѣло въ томъ, что уже въ концѣ первой эпохи, то есть, уже у береговъ Березины, арміи не существовало: я говорю объ арміи въ смыслѣ военномъ, объ арміи вооруженной, устроенной, твердой чино-подслушаніемъ, и слѣдственно способной къ стройнымъ движеніямъ и битвамъ. Единая часть ея, еще находившаяся въ этомъ положеніи, состояла изъ корпусовъ маршаловъ Удинѣ и Виктора, пришедшихъ отъ Полоцка, совершившихъ свой переходъ въ одно время съ главною арміею, которая бѣжала отъ Москвы къ Березинѣ, подобно ей перенесшихъ трехъ или пяти-суточный морозъ и ни мало не потерявшей отъ этого ни своего устройства ни числительной силы, — потому что причины, разрушившія и устройство и числительную силу главной арміи, не существовали при отступленіи корпусовъ Удинѣ и Виктора. Когда подошла вторая эпоха, то есть, когда всѣ эти войска перешли за Березину и настигла смертоносная стужа, тогда какъ я сказалъ, арміи, въ смыслѣ военномъ, уже не существовало, и ужасное явленіе природы губило уже не армію, способную мане-

врировать и сражаться, а одну сволочь, толпы людей, скитавшихся безъ начальства, безъ послушанія, безъ устройства, даже безъ оружія, — или, губило армію приведенную въ такое положеніе не стужею и морозами, а причинами, которыя здѣсь представлены.

И на все сказанное мною не опасуюсь возраженій, — вызываю ихъ; бросаю перчатку: подымай, кто хочетъ!

ДЕНИСЪ ДАВЫДОВЪ.

=

ГАЛЛЕЕВА КОМЕТА.

=

СТАТЬЯ Г. АРАГО.

=

Опредѣливъ посредствомъ многотрудныхъ вычисленій тѣ замѣшательства, которымъ Галлеева комета должна была подвергнуться въ пути своемъ отъ совокупныхъ притяженій Юпитера, Сатурна, Урана и Земли, Гг. Дамуазо и Потекуланъ полагаали одинъ 4, другой 7 число ноября днемъ прохожденія ея чрезъ перигелій, то есть, чрезъ точку ближайшаго разстоянія отъ Солнца. Послѣ этихъ первыхъ изслѣдованій, астрономы открыли, что толща Юпитера, которая полагалась равною 1070-й доль толщи Солнца, составляетъ только 1054-ю часть ея. Допустивъ эту толщу и принявъ еще полнѣе въ расчетъ дѣйствіе нашей планеты, Г. Понтекуланъ рѣшительно отнесъ прохожденіе черезъ перигелій къ 13 ноября нынѣшняго года.

Въ моментъ этого прохожденія, разстояніе кометы отъ Солнца будетъ не болѣе трехъ-пятыхъ разстоянія Солнца отъ Земли. Но черезъ тридцать девять лѣтъ, когда комета достигнетъ другой оконечности большой оси своей орбиты, разстояніе ея отъ Солнца будетъ неизвѣримо. Вычисленіе дасть его въ тридцать пять кратъ болѣе радіуса земной орбиты, то есть, въ тридцать же пять кратъ болѣе разстоянія Солнца отъ Земли.

Результатъ выкладки прохожденія кометы черезъ перигелій въ 1835 году, по сравненіи его съ выводомъ наблюденія, покажетъ, задрудняется ли она въ пути своемъ сопротивленіемъ ээира подобно небольшой и малоперіодной кометѣ Энке; а это сравненіе доставитъ нѣкоторыя свѣдѣнія о физическомъ составѣ ожидаемой кометы, потому что данное упорное посредство производить болѣе или менѣе дѣйствія, смотря по объему и плотности движущагося въ немъ тѣла.

Не подвиженъ ли самый ээиръ, или онъ обращается во-кругъ Солнца отъ запада къ востоку, подобно планетамъ? Въ последнемъ случаѣ дѣйствіе его на малоперіодную ко-

мету, которая сама движется отъ запада къ востоку, будетъ различно съ твмъ, какое производитъ онъ на Галлееву, идущую напротивъ отъ востока къ западу. Наука небесныхъ движеній и Космогонія обв нетерпѣливо ожидаютъ рѣшенія этого вопроса.

Еще не знаютъ навѣрное, самосвѣтны ли кометы, или заимствуютъ онъ блескъ свой отъ Солнца. Изслѣдованіе ихъ видоизмненій казалось единственнымъ средствомъ къ устраненію этого сомнѣнія; но оно доселѣ оставалось безуспѣшно. Сравнительныя измѣренія силы свѣта, — измѣренія фотометрическія могутъ вести къ цѣли путемъ столь же несомнѣннымъ. Этотъ родъ наблюденій конечно обратитъ на себя вниманіе астрономовъ при наступающемъ появленіи Галлеевой кометы. Впрочемъ, второе изданіе «Ежегодника» за 1852 годъ покажетъ и простымъ любителямъ науки, что они также могутъ съ пользою заняться этимъ любопытнымъ изслѣдованіемъ при пособіи даже весьма слабыхъ инструментовъ.

Въ 1305 году Галлеева комета была чрезвычайно блестяща; въ 1456 году она тащила за собою хвостъ, обнимавшій двѣ трети пространства между горизонтомъ и зенитомъ; въ 1682 году она хотя и ослабѣла сравнительно съ двумя прежними явленіями, однако жъ все считалась блестящею и хвостъ ея былъ въ 30 градусовъ; въ 1759 году она вѣрно заняла бы однихъ астрономовъ, если бъ не была первою задолго предсказанной кометою. Изъ этихъ фактовъ повидимому слѣдовало, что кометы постепенно ослабѣваютъ, и можно было искать тому физической причины въ веществѣ, которое отдѣляется отъ нихъ близъ перигеліи для составленія хвоста, и которое долженствовало бъ кажется разлетаться въ воздухъ; однако жъ Г. Ольберсъ, одинъ изъ самыхъ управомоченныхъ судей въ такомъ предметѣ, не считаетъ постепеннаго ослабѣванія планетъ доказаннымъ; онъ думаетъ, что убыль, замѣченная въ Галлеевой съ 1305 по 1456 по 1682 и съ 1682 по 1759, была только кажущаяся, что ее можно объяснить совсѣмъ особенными относительными положеніями, въ которыхъ находились Солнце, комета и Земля, и наконецъ въ подтвержденіе словъ своихъ приводитъ появленіе 1607 года, въ которое по причинѣ сходства положеній съ бывшими въ 1759 году, блескъ кометы,

по свидѣтельству Кеплера, не представлялъ ничего замѣчательнаго. При такомъ положеніи вопроса каждый легко постигнетъ, какъ должны быть любопытны обстоятельства, которыми будетъ сопровождаться появленіе, ожидаемое нами въ будущемъ ноябрь.

Комета будетъ находиться

20	августа	новаго	стиля....	близъ	Тельца.
28	—	—	между	Близнецовъ и Возничаго.
21	сентября..	—	въ	Возничемъ.
3	октября.....	—	въ	Рыси.
6	—	—	въ	Большой Медвѣдицъ.
11	—	—	тоже.	
12	—	—	въ	Боотесъ.
13	—	—	въ	Коронъ.
15	—	—	между	Геркулесомъ и Змѣноскоемъ.
19	—	—	въ	Змѣноскоцъ.
31	—	—	тоже.	
16	ноября.....	—	близъ	у Змѣноскоца.
26	декабря.....	—	Въ	Скорпіонъ близъ Антареса.

Трудно сказать, въ какой именно день комета сдѣлается видимою. Состояніе неба, сила инструментовъ, качество зрѣнія каждого наблюдателя, все это, вмѣстѣ съ физическими причинами, то есть, съ измѣненіями степени ея блеска, за-прещаетъ даже и думать о рѣшеніи этого вопроса. Г. Ольберсъ полагаетъ, что даже въ сильнѣйшей степени своего блеска ожидаемая комета не только не превзойдетъ той, которая была въ 1811 году, но не сравнится даже и съ третьей кометою 1825 года, на которую публика не обращала ни какого вниманія.

Въ срединѣ октября, по новому стилю, комета Галлея подойдетъ на ближайшее разстояніе къ земному шару. Прибавимъ, что никогда разстояніе ея не будетъ меньше восьми милліоновъ миль, по 25 въ градусъ. Поэтому даже и тѣмъ, которыхъ не успокоили многочисленныя разсужденія, недавно изданныя въ защиту кометъ, въ настоящемъ случаѣ бояться нечего.

Annuaire du Bureau des longitudes, 1835.

=

ПЕРІОДЪ САМОЗВАНЦЕВЪ.

=

Теперь занимаются очень много періодомъ Самозванцевъ,—пишутъ трагедіи, драмы, повѣсти, романы: поэтому весьма кстати показать коротко и какъ-можно простѣе ходъ тогдашнихъ происшествій, чтобы поставить читателей этихъ трагедій, драмъ, повѣстей и романовъ въ возможность судить самимъ объ употребленіи, какое дѣлаютъ сочинители изъ лицъ и событій, ознаменовавшихъ столь любопытную эпоху нашей исторіи.

Около 1601 году, въ Литвѣ, въ домъ князя Адама Вишневецкаго, явился человекъ, который объявилъ себя Димитріемъ, сыномъ Царя Іоанна Васильевича, спасшимся будто въ Угличѣ при покушеніи слугъ Годунова на жизнь его. Вишневецкій, братъ его, тестъ послѣдняго—воевода Сандомирскій Юрій Мнишехъ, приняли живое участіе въ судьбѣ samozванца, и донесли объ немъ Сигисмунду III, королю Польскому, прося о помощи. Іезуиты, всесильные тогда въ Польшѣ, еще прежде начали дѣйствовать въ его пользу, вмѣстѣ съ папскимъ пунціемъ Рангони. Они имѣли въ предметъ, посредствомъ его подчинить папѣ Греческую церковь. Суетные и легковѣрные паны надѣялись получить почести и сокровища отъ Царя, который будетъ обязанъ царствомъ ихъ покровительству, а король могъ думать о возвращеніи потерянныхъ областей, приобрѣтеніи новыхъ. Какое благопріятное стеченіе обстоятельствъ для дерзкаго!

Однако жъ Сигисмундъ, безъ согласія сейма, не могъ нарушить мира съ Россіей, и дать Самозванцу вспомогательнаго войска. Онъ назначилъ ему только ежегодное жалованье, и вельмъ Мнишху и Вишне-

вещкииъ составлять рать изъ вольницы; опредѣлилъ ей на жалованье доходъ Сандомирскаго воеводства; внушалъ дворянамъ, что слава и богатство ожидаютъ ихъ въ Россіи, и, торжественно возложивъ съ своей груди золотую цѣпь на Самозванца, отпустилъ его съ двумя іезуитами изъ Кракова въ Галицію, гдѣ, близъ Львова и Самбора, въ маетностяхъ Мнишка, уже толпилась шляхта и чернь, чтобъ итти на Москву.

Главою вооруженія былъ старый Мнишекъ; Самозванецъ обещалъ взять себѣ дочь его, Марину, въ супружество, и отдать ей Новгородъ и Псковъ въ полное владѣніе, а ему княжества Смоленское и Сѣверское, кромѣ нѣкоторыхъ уѣздовъ, назначенныхъ для Сигизмунда.

Къ Польской сволочи пристало нѣсколько Московскихъ бѣглецовъ, поселившихся въ Литвѣ. Самозванецъ послалъ звать Домскихъ Казаковъ, которые, бывъ рады всякому случаю грабить, пришли къ нему съ охотою.

Царь Борисъ Феодоровичъ не приготовился встрѣтить его на границѣ, какъ-будто стыдѣсь воевать съ бродягою, и надѣялся кончить дѣло переговорами, убѣжденіями, угрозами.

Октября 16, 1604 года, Самозванецъ, рассылая всюду манифесты, вступилъ въ наши предѣлы съ тысячей пятьюстами человекъ воиновъ и двумя тысячами Донскихъ Казаковъ, кромѣ вольницы Кіевской и Сѣверской.

Въ буйномъ и легкомысленномъ народѣ, подготовленномъ лазутчиками, произошло волненіе. Бродяги, которыми издавна была полна земля Сѣверская, слуги опальныхъ бояръ, разбойники изъ неловленныхъ шаекъ, бѣглецы послѣ указа 1600 года, ненавидѣвшіе Царя, стремились къ Самозванцу со всѣхъ сторонъ,

и умножали его шайку. Одни хотѣли грабить, другіе вѣрили ему въ самомъ дѣлѣ.

Пограничные города, начиная съ Моравска, въ которыхъ было очень мало войска, сдались ему, не бывъ въ силахъ защищаться поодиначкѣ; прочіе стали слѣдовать примѣру. Вездѣ вязали начальниковъ и присылали къ Самозванцу, который принималъ ихъ къ себѣ въ службу, чему они были очень рады, спасаясь этимъ отъ смерти; другіе сами становились въ его ряды, потому что надѣялись возвыситься или удовлетворить своей ненависти къ Борису.

Такимъ образомъ Самозванецъ, увеличивая свои силы, шелъ безпрепятственно впередъ, и наконецъ 26 октября занялъ Черниковъ, котораго не успѣла уже защищать рать, высланная наконецъ Борисомъ съ Басмановымъ и Трубецкимъ.

Воевода Черниговскій, князь Татевъ, не любившій Бориса, вступилъ въ службу къ Самозванцу, который раздѣлялъ найденную казну между своими воинами и тѣмъ усилилъ ихъ ревность.

Изъ Чернигова Самозванецъ пошелъ—было на Новгородъ Сѣверскій, гдѣ заперся Басмановъ, но получилъ сильный отпоръ, несмотря на то, что въ крѣпости было только пять сотъ Московскихъ стрѣльцевъ.

За то прочіе города и села признавали власть его. Князь Рубецъ-Мосальскій съ дякомъ Сутуповымъ предалъ крѣпкой Путивль (18 ноября), и сдѣлался съ того времени его любимцемъ и совѣтникомъ. Немнѣе важный Рыльскъ, волость Комарницкая или Сѣвская, Борисовъ, Бѣлгородъ, Валуйки, Осколь, Ворожежъ, Кромы, Ливны, Елецъ, поддались ему.

Перехвативъ казну, тайно везенную къ начальникамъ Сѣверскихъ городовъ, онъ послалъ знатную часть ея въ Литву, къ князю Вишневецкому, чтобъ набирать тамъ новыя дружины.

Борисъ, увидѣвъ такой неожиданный оборотъ, ве-

*

лѣлъ строго людямъ ратнымъ, всѣмъ безъ исключенія, спѣшить въ Брянскъ, и поручилъ начальство надъ ними первому боярину, князю Мстиславскому. Въ церквахъ начали пѣть вѣчную память Димитрію и анаѹему Самозванцу.

Войско шло безъ охоты, въ сомнѣніи, при такихъ быстрыхъ и чудесныхъ успѣхахъ Самозванца и медленныхъ мѣрахъ Бориса, видя множество бояръ и чиновныхъ людей у него въ службѣ, и думая вмѣстѣ съ народомъ, не точно ли онъ сынъ Іоанновъ.

Воеводы были слабаго духа, кромѣ Басманова.

Въ Брянскъ съ большимъ трудомъ собралось около пятидесяти тысячъ человекъ.

Воеводы выступили, и встрѣтились на берегу Десны съ Самозванцемъ, у котораго было двѣнадцать тысячъ человекъ. Декабря 18, произошло сраженіе, и Борисово войско было бѣ совершенно разбито, если бѣ семь сотъ Нѣмецкихъ всадниковъ, удержавъ стремленіе неприятельскихъ, не спасли лѣваго крыла.

Однако жѣ, это было сраженіе, а Самозванецъ и Поляки ожидали сдачи. Поляки увидѣли, что имъ надо будетъ брать съ бою, и какъ легкомысленно начали, такъ легкомысленно и кончили: всѣ бѣжали домой, а съ ними и горестный Мнишехъ. Съ Самозванцемъ осталось не болѣе четырехъ сотъ Польскихъ удалцевъ, кромѣ нашихъ измѣтниковъ. Онъ ушелъ въ Комарницкую Волость, занялъ Сѣвскій острогъ, и началъ вооружать, кого могъ. Дѣла его были очень дурны.

Борисъ пожаловалъ израненнаго Мстиславскаго, и прислалъ вторымъ предводителемъ князя Василя Шуйскаго. Басмановъ, который выступилъ изъ своей крѣпости на помощь Мстиславскому, и по отступленіи его снова въ ней заключился, былъ вызванъ въ Москву, принять съ великими почестями, и награжденъ саномъ думнаго боярина.

Шуйскій, получивъ сильное подкрѣпленіе, съ шестидесятью или семидесятью тысячами пошелъ на Самозванца, который смѣло, имѣя не болѣе пятнадцати тысячъ, вышелъ къ нему на встрѣчу, и напалъ на него подъ Добрыничами. Несмотря на свою храбрость, онъ долженъ былъ уступить, и царское войско, преимущественно при помощи Нѣмцевъ Борисовыхъ, одержало рѣшительную побѣду 21 января. Сволочь Самозванцева была бы истреблена совершенно, если бы воеводы не вѣли остановиться преслѣдователямъ, думая, можетъ-быть, что все кончено, и что самъ Лжедмитрій убитъ.

Но онъ бѣжалъ, сперва въ Рыльскъ, а потомъ въ Путивль. Однако жъ онъ находился въ такой крайности, что оттуда хотѣлъ-было тайно уйти въ Польшу; но наши измѣнники, которымъ не оставалось ни какой надежды безъ него, удержали его, ручаясь за множество единомышленниковъ и въ полкахъ Борисовыхъ и въ государствѣ, и увѣряя, что можно еще поправиться. И въ самомъ дѣлѣ, оплошныя воеводы, вмѣсто окончательнаго преслѣдованія, начали казнить попадавшихся къ нимъ измѣнниковъ и угрожать прочимъ, а потомъ, въ такое ненастное время, рѣшились еще дать отдохновеніе усталому войску. Самозванецъ не только спасся, но могъ собираться съ новыми силами.

Борисъ прислалъ гнѣвное слово войску; многіе воеводы оскорбились такою немилостью за свои заслуги, но, по приказанію Царскому пошли, хотя не охотно, съ восьмидесятью тысячами осаждать Кромь, въ которыхъ сидѣло шесть сотъ казаковъ. Осада продолжалась очень слабо, какъ вдругъ Борисъ, 13 апрѣля, послѣ почетнаго объѣда, въ Москвѣ, скоропостижно скончался изшедши кровію, — можетъ-быть отравленный, но не отравившійся. Его смертію приуготовился успѣхъ Самозванцевъ.

Борисъ благословилъ на царство сына своего Θεодора, которому Москва и присягнула.

Главные воеводы, Мстиславскій и Шуйскіе, были отозваны отъ войска, чтобы засѣдать въ Думѣ.

Воспачальникомъ посланъ Басмановъ.

Басмановъ привелъ войско къ присягѣ, но черезъ нѣсколько дней измѣнилъ, и 7 мая передался съ войскомъ Самозванцу, — потому ли, что уже видѣлъ общее нерасположеніе къ юному Θεодору, или потому, что своею измѣною надѣялся приобрести титулъ благодѣтеля и друга Самозванцева. Прочіе знатные воеводы, князь Василій и Иванъ Голицыны, Михаилъ Салтыковъ, дѣйствовали заодно съ Басмановымъ.

Измѣна войска рѣшила торжество Самозванца. Едва державшійся до-тѣхъ-поръ въ Путивль, онъ выступилъ 19 мая къ Москвѣ. На пути всѣ уже преклонялись ему, славили Бога за его избавленіе и присягали въ вѣрности.

Въ Москвѣ прежде всѣхъ взяли его сторону Красносельскіе суконщики, которыхъ возмутить присланы были отъ Самозванца особые чиновники, и которые въ свою очередь возмутили народъ. Θεодоръ былъ сведенъ съ престола 1 іюня. Бояре съ повинною поѣхали въ Тулу на встрѣчу къ Самозванцу, который прислалъ другихъ злодѣевъ умертвить несчастное семейство Годуновыхъ: оно и погибло 10 іюня, кромѣ Ксеніи. Патріархъ Іовъ, другъ ихъ, былъ лишенъ своего сана.

Самозванецъ вступилъ торжественно въ Москву 20 іюня.

Всѣ знатные сановники, Бояре, оказавшіе ему приверженность, особенно опальные бояре времянь Борисовыхъ, Нагіе и Романовы, были пережалованы. Народу объявлены разные милости. Патріархомъ назначенъ Грекъ, Игнатій, епископъ Рязанскій. Послано почетное посольство въ Выксинскую Пустынь за мни-

мою матерью, инокинею Марою, жившею тамъ тринадцать лѣтъ, которая признала его своимъ сыномъ передъ всѣмъ народомъ, и Самозванецъ утвердился, казалось, совершенно на чужемъ престолѣ.

Онъ судилъ и рѣдилъ въ Думѣ умно, въ сношеніяхъ съ Польскимъ королемъ соблюдалъ достоинство, и не думалъ исполнять своего обѣщанія іезуитамъ о введеніи въ Россіи Римско-Католическаго исповѣданія; даже уклонялся отъ совѣта съ ними, позволивъ однако жъ служить имъ въ Кремль Латинскую обѣдню.

Но домашняя его жизнь была противна нашему нраву: онъ презиралъ всѣ Русскіе обычаи, любилъ веселиться съ Поляками, которымъ отдавалъ явное предпочтеніе, и которые своевольничали безнаказанно, сорилъ деньгами, безчинствовалъ.

Бояре, оскорбляемые имъ безпрестанно, воспользовались его дурнымъ поведеніемъ, и начали распускать молву объ его самозванствѣ. Первое лице между ними представилъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій, свидѣтель смерти Царевича Димитрія. Слухи дошли до Самозванца, и Шуйскій былъ осужденъ на смерть; но предъ самую казню помилованъ по ходатайству Царицы матери.

Однако молва, хотя тайная, не умолкала, и Самозванецъ своими поступками подавалъ непрерывныя поводы къ утверженію о себѣ дурнаго мнѣнія. Прибытіе невѣсты его, Марины, рѣшило все.

Она прѣехала 1 мая, по уплатѣ Самозванцемъ всѣхъ долговъ Мнишховыхъ. Оставаясь при своемъ исповѣданіи, она была вѣнчана на царство, что весьма не понравилось народу. Въ тотъ же день, на пятницу, на день Св. Николая Чудотворца, Самозванецъ сочетался съ нею бракомъ.

Въ упоеніи отъ брачныхъ празднествъ, видя безпрекословное повинновеніе всѣхъ бояръ, надвѣясь на Нѣмецкихъ своихъ тѣлохранителей и Польскихъ го-

стей, которыхъ наѣзжало безпрестанно болѣе и болѣе, онъ не принималъ ни какой осторожности, равно какъ его друзья, хотя уже доходили до него слухи о новомъ заговорѣ.

Главою заговора былъ опять Василій Ивановичъ Шуйскій. Онъ убѣдилъ многихъ бояръ, купцовъ, посадскихъ и военныхъ, ему содѣйствовать, представивъ имъ разительно всю опасность, которою Лжедимитрій грозилъ Церкви, отечеству и имъ самимъ. Положено было ночью, на 17 мая, собраться на Красной Площади, созвать туда народъ и всѣмъ вмѣстѣ идти на «еретика и чернокнижника».

Всѣ мѣры удались, и Самозванецъ былъ убитъ вмѣстѣ съ своимъ паперсникомъ, Басмановымъ, и множествомъ Поляковъ и Нѣмцевъ. Бояре насилу могли утишить мятежъ. Марина Мнишехъ, посольство Сигизмундово и нѣкоторые знатные Поляки были спасены, но отданы подѣ стражу.

Царемъ былъ провозглашенъ освободитель отъ Самозванца, князь Василій Ивановичъ Шуйскій, впрочемъ не по единогласному желанію всѣхъ бояръ и выборныхъ людей, а только по желанію многочисленныхъ его приверженцевъ. Многіе бояре, изъ коихъ одни сами для себя питали надежду, а другіе не любили Шуйскаго, требовали напротивъ отложить избраніе до прибытія въ Москву сановниковъ изъ всѣхъ городовъ; но противная сторона, подкрѣпленная голосами народа, превозмогла, и 19 мая Шуйскій былъ нареченъ Царемъ Русскимъ.

При самомъ вступленіи своемъ на престолъ, Василій Ивановичъ, по требованію нѣкоторыхъ бояръ, далъ, къ общему изумленію, присягу, дотоль неслышанную: 1. не казнить смертію никого безъ суда боярскаго; 2. преступниковъ не лишать имѣнія, но оставлять его въ наслѣдіе женамъ и дѣтямъ невиннымъ; 3. въ извѣтахъ требовать прямыхъ уликъ съ очей на

очи, и наказывать клеветниковъ тѣмъ же, чему они подвергали винимыхъ имъ несправедливо.

Впрочемъ, несмотря на всѣ мѣры Василія, со дня его воцаренія, начались въ Москвѣ безпокойства. Народъ, подушаемый злоумышленниками, безпрестанно волновался. Между-тѣмъ какъ Василій старался убѣдить всю Россію въ samozванствѣ убитаго, они начали распускать слухи, что мнимый Димитрій спасся.

Явный бунтъ открытъ княземъ Шаховскимъ, намѣстникомъ Путивльскимъ, приверженцемъ samozванца. Съверскіе города, также его любившіе, тотчасъ повѣрили Шаховскому, у котораго не было еще чловѣка готоваго принять имя Димитрія, и не хотѣли отнынѣ слушать ни доказательствъ, ни увѣщаній Василіевыхъ. Собиралось войско. Поляки, услышавъ, объ этомъ новомъ случаѣ грабить Россію, стекались толпами къ Шаховскому. Нѣкто Болотниковъ сдѣлался предводителемъ его передоваго отряда, и въ скорое время дошелъ до Москвы, почти безъ всякаго затрудненія, послѣ одной легкой побѣды, покоряя волею и неволею всѣ города, по дорогѣ и въ окружности, именемъ Димитрія, и умножая свою сволочь новыми измѣнниками и людьми легковѣрными. Князь Скопинъ-Шуйскій отразилъ его однако жъ отъ Москвы 2 декабря, и принудилъ отступить въ Калугу, а потомъ въ Тулу.

Между-тѣмъ Шаховской привлекъ также многіе города на свою сторону даже до Астрахани и Сибири, и призналъ казака Илейку сыномъ покойнаго Царя Феодора Іоанновича, чтобъ воспользоваться помощію Терскихъ и Волжскихъ казаковъ, которые еще при Лжедимитріи начали разбойничать подъ этимъ предлогомъ въ южной сторонѣ. Напрасно поджидая къ себѣ какого-нибудь samozванца изъ Сандомира, откуда его безпрестанно требовалъ Шаховской, пошелъ онъ наконецъ впередъ, вмѣстѣ съ Илейкою, освободо-

ждать Болотникова. Они соединились въ Туль, подъ которою явился самъ Царь съ многочисленнымъ войскомъ. Послѣ продолжительной осады съ 30 июня 1607 года по 10 октября, онъ взялъ городъ; Болотниковъ, Шаховской, Илейка и прочіе начальники были плѣнены; Илейка былъ казненъ, Болотниковъ умерщвленъ въ темницѣ, Шаховской сосланъ.

Но до взятія Тулы явился уже въ сѣверной сторонѣ новый самозванецъ, такъ долго исканный Шаховскимъ, и теперь присланный Мнишхами. Мъховецкій, другъ и секретарь перваго обманщика, былъ его руководителемъ. Множество Поляковъ, знатныхъ и незнатныхъ, сопровождали его.

Сѣверскіе города признали его своимъ царемъ. Казаки, искавшіе случая грабить, приходили къ нему толпами. Онъ пошелъ впередъ, разбилъ нѣсколько царскихъ отрядовъ, и, услышавъ о взятіи Тулы, отступилъ.

Василій, думая, что взятіемъ Тулы все кончено, выпустилъ значительную часть войска, и спѣшилъ въ Москву, чтобъ успокоить жителей. Василій надѣялся легко управиться послѣ съ Самозванцемъ, а тотъ, собравшись съ новыми силами, выступилъ опять впередъ, взялъ нѣсколько городовъ и расположился зимовать въ Орлѣ. Слѣдуя правилу Болотникова и Шаховскаго, онъ возмущалъ оттуда крестьянъ; объявлялъ свободу и независимость тѣмъ, которыхъ господода служили Царю; жаловалъ холопей въ чины, давалъ помѣстья своимъ усерднымъ слугамъ, иноземцамъ и Русскимъ. Туда прибыли къ нему знатные князья Рожинскій и Адамъ Вишневецкій съ двумя или тремя тысячами всадниковъ, а еще прежде отчаянный набѣдникъ Лисовскій. Рожинскій убилъ Мъховецкаго и сдѣлался наставникомъ и гетманомъ бродяги. На весну, шайки его разсыпались во всѣ стороны.

Дмитрій Шуйскій, братъ Царя, высланный противъ него съ войскомъ, былъ разбитъ совершенно подъ Болховымъ 13 апрѣля. Самозванецъ, послѣ этой побѣды, быстро пошелъ впередъ. Не находя почти ни какого твердаго сопротивленія, онъ приблизился къ самой Москвѣ, обошелъ Скопина, которому наконецъ дано было начальство надъ войскомъ, и расположился станомъ въ селѣ Тушинѣ, въ двѣнадцати верстахъ отъ него.

Онъ надѣялся однимъ своимъ появленіемъ взволновать столицу и свергнуть Василия. Онъ писалъ грамоты, но грамоты не произвели ни какого общаго дѣйствія ни надъ войскомъ, ни надъ народомъ. Онъ не рѣшался на приступъ, чтобъ не разорить города и не лишиться его сокровищъ, и эта медленность погубила его.

Василій укрѣпилъ городъ, собралъ туда все войско, приготовился защищать, и вмѣстѣ принялъ другія мѣры: онъ вступилъ въ переговоры съ Польскими послами, прибывшими въ Москву ходатайствовать о свободѣ своимъ заточеннымъ соотечественникамъ, согласился на ихъ требованія, и освободилъ даже Мнишха и Марину съ тѣмъ условіемъ, чтобъ всѣ Поляки оставили Самозванца.

Но Поляки обманули его. Плѣнники ихъ, получивъ свободу, уѣхали, а Рожинскій со всеми своими товарищами остался въ Тушинѣ: еще болѣе, — Марина съ отцемъ своимъ воровсны были съ дороги къ Самозванцу, который выслалъ за ними отрядъ. Марина поневолѣ признала его, 1 сентября, своимъ мужемъ, къ большому соблазну вѣрности народа, такъ, что многіе чиновные люди изъ дальнихъ городовъ и самаго войска Царскаго стали наѣзжать къ Самозванцу.

Въ станѣ его явилось новое лице, Сапѣга, который привѣлъ съ собою изъ Литвы семь тысячъ самыхъ удалыхъ наѣздниковъ. Онъ совѣтовалъ битвою рѣшить

судьбу Москвы; но Рожинскій, начавшій во время переговоровъ Васильевыхъ сношеніе съ Московскими злоумышленниками, медлилъ, ожидая скорой измѣны. Сапѣга отдѣлился, пошелъ завоевывать внутреннія области Россіи, и приступалъ къ Троицкой Лаврѣ 28 сентября. Лисовскій дѣйствовалъ съ другой стороны.

Василій послалъ Скопина къ Шведскому Королю Карлу IX, врагу Сигисмундову, за помощью, отъ которой прежде, подобно Борису, самъ отказывался; разослалъ грамоты по городамъ за ратными людьми, оставилъ станъ, и заперся въ Москвѣ. Городъ сильно волновался. Число измѣнниковъ увеличивалось безпрестанно. Многіе чиновные люди, видя критическое положеніе Василя и полагая, что Самозванецъ возьметъ верхъ, стали перебѣгать явно къ Тушинскому царьку. Всѣ города, до которыхъ достигали его шайки, признавали его своимъ царемъ, — Суздаль, Владиміръ, Переяславль, Угличъ, Кострома, Галичъ, Вологда, тѣ самыя, откуда Василій ждалъ помощи. За ними послѣдовали Тверь, Бѣлозерскъ, Ярославль. Самозванецъ веселился въ Тушинѣ, и ждалъ послѣдняго успѣха, — бунта въ Москвѣ, чтобъ взять ее безъ сраженія. Переметчики, которые берегли въ городѣ свои семейства и имущества, утверждали его въ этой надеждѣ, и она въ самомъ дѣлѣ казалась несомнѣнною. Россія находилась въ самомъ крайнемъ положеніи, но новый врагъ помогъ ей выйти изъ него.

Этотъ врагъ былъ Сигисмундъ III. Желая воспользоваться бѣдствіями Россіи, чтобъ вознаградить себя завоеваніемъ этого государства потерю наслѣдственнаго престола Швеціи, онъ объявилъ войну въ іюнѣ 1609, и приступилъ къ Смоленску. Запорожскія шайки начали отъ его имени брать Сѣверскіе города, а независимые отъ него конфедераты Польскіе въ Тушинѣ, Рожинскій, Сапѣга и другіе, считавшіе всю

Россію своею добычей, называли дѣйствія Сигисмунда нарушеніемъ правъ своихъ и Самозванцевыхъ, и требовали, чтобъ онъ ее оставилъ. Съ того времени вниманіе ихъ частію отвлеклось отъ Москвы, и раздоръ ихъ съ своимъ королемъ былъ полезенъ Васп-лію.

Другія обстоятельства также стекались въ его пользу: внутренніе города Русскіе, особенно сѣверные и сѣверовосточные, выведенные изъ терпѣнія буйствомъ и грабительствомъ шаекъ Самозванцевыхъ, начали возставать противъ нихъ, признавать снова державу Василія, и слать ему ратныхъ людей. Бояринъ Ѳедоръ Шереметевъ шелъ отъ Астрахани къ Москвѣ, и возстановлялъ порядокъ по своему пути. Скопинъ-Шуйскій получилъ въ помощь отъ Шведовъ пять тысячъ человекъ, и шелъ отъ Новагорода къ Москвѣ, очищая эту сторону отъ Поляковъ и отъ измѣнниковъ. Подъ Калязинымъ онъ разбилъ Сапѣгу, Лисовскаго и Заруцкаго, которые хотѣли-было преградить ему путь.

Гроза на Самозванца собиралась со всѣхъ сторонъ, и онъ принужденъ былъ рѣшиться на приступъ, чтобъ предупредить соединеніе всѣхъ своихъ противниковъ; но онъ былъ отраженъ съ величайшимъ урономъ.

Скопинъ дождался наконецъ 16 сентября, въ Переяславль, Делгагардія съ главнымъ его отрядомъ, открылъ сообщеніе съ Москвою, которая томилась голодомъ, и продолжала волноваться, несмотря на послѣдніе успѣхи; занялъ Александровскую Слободу, и разбилъ еще разъ Сапѣгу.

Конфедераты, лишась теперь даже и надежды взять Москву, опасаясь Скопина и голода, укротились и вошли въ сношеніе съ Сигисмундомъ. Король прислалъ къ нимъ изъ-подъ Смоленска посольство, зова ихъ къ

себѣ на помощь. Послѣ нѣсколькихъ споровъ они сторговались, и обѣщали оставить Самозванца.

Польскіе послы начали тогда же переговоры и съ Русскими боярами, бывшими при Самозванцѣ. Салтыковъ, Рубецъ-Мосальскій и прочіе готовы были на все, чтобъ спастись отъ мести Шуйскаго.

Самозванецъ, узнавъ объ этихъ происшествіяхъ, бѣжалъ 29 декабря въ Калугу, гдѣ находилось много его приверженцевъ. Марина, тщетно желавъ сдѣлать возмущеніе въ войскѣ, которое впрочемъ ее любило, бѣжала туда же 11 февраля 1610 года. Тушинскіе бояре послали посольство къ Сигисмунду съ предложеніемъ вѣнца Владиславу.

Конфедераты долго ожидали исполненія условій отъ короля, и оставили Тушино, опасаясь нападенія отъ Скопина, который приближался къ нимъ, принудивъ Сапѣгу снять осаду Лавры. На пути своемъ къ Смоленску они сражались безпрестанно съ царскими отрядами. Рожинскій умеръ въ Волокѣламскомъ, и по смерти его войско разсѣялось: часть пошла къ Сигисмунду; другая въ Калугу къ Самозванцу, который собиралъ тамъ новыя силы; третья къ Сапѣгѣ, который сталъ между обоими на Угрѣ, и продавалъ и тому и другому свои услуги.

Сигисмундъ, желая Россіи для себя, а не для своего сына, отвѣчалъ Русскимъ посламъ двусмысленно, и требовалъ сдачи Смоленска, котораго Шеннъ, защищавшійся упорно въ продолженіе пяти мѣсяцевъ, не отдалъ и теперь.

Скопинъ, очистивъ все города отъ враговъ, своихъ и чужихъ, вступилъ въ Москву. Народъ поднесъ ему хлѣбъ и соль, и билъ челомъ за спасеніе Московскаго государства. Скопинъ просилъ указа Царскаго довершить начатое дѣло, — истребить Лжедмитрія въ Калугѣ, и изгнать Сигисмунда изъ Россіи. Но Шуйскій

недвигая исполнить его желаніе, ревнуя къ его славіи и опасаясь, по наветамъ своего брата Димитрія, властолюбивыхъ его замысловъ, тѣмъ болѣе, что послѣ первыхъ еще его успѣховъ, Рязанскій Ляпуновъ предлагалъ ему въ Александровской Слободѣ быть Царемъ.

Скопнимъ скоропостижно умеръ на пиру у Димитрія Шуйскаго.

Ляпуновъ, въ согласіи съ нѣкоторыми Московскими боярами, началъ новый бунтъ, обвиняя торжественно Димитрія Шуйскаго и самого Василя отравителями Скопина. Рязанскіе города отложились отъ Василя кромя Зарайска, удержаннаго княземъ Пожарскимъ.

Сигисмундъ, узнавъ о происшествіяхъ Московскихъ, послалъ туда отъ себя гетмана Жолкѣвскаго на встрѣчу Димитрію Шуйскому, принявшему послѣ смерти Скопина главное начальство надъ войскомъ. Подъ Клушиномъ Жолкѣвскій разбилъ его совершенно. Нѣмецкіе помощники среди сраженія передались Полякамъ, а Деллагарди съ своими вошелъ къ Новугороду, обѣщая Царю — новое вспоможеніе, а своему королю — легкое завоеваніе сѣверозападной Россіи для Швеціи.

Жолкѣвскій приближался къ Москвѣ, вошелъ въ сношеніе съ жителями, убѣждалъ ихъ выдать Василя и присягнуть Владиславу.

Съ другой стороны шелъ къ Москвѣ Самозванецъ Сапѣга, сторговавшійся съ нимъ, взялъ его сторону. Они надѣялись предупредить гетмана и взять Москву, думая, что она въ смятеніи скорѣе сдастся Самозванцу, чѣмъ Сигисмунду, и расположились въ селѣ Коломенскомъ.

Единомышленники Ляпунова дѣйствовали въ Москвѣ, возбуждая народъ противъ Шуйскаго, и вскоре усилились.

Они рѣшились убѣдить сообщниковъ Самозванца оставить его и соединиться съ ними. На свиданіи у Данилова Монастыря Москвитяне и измѣнники дали взаимную клятву, — первые оставить Василю, вторые выдать Ажедимитрія; избрать вмѣстѣ новаго Царя и выгнать Поляковъ.

Этотъ договоръ объявленъ былъ въ Москвѣ, и въ общей думѣ, несмотря на возраженія патріарха Гермогена: положено было бить челомъ Василю, чтобъ онъ оставилъ царство. Василій не соглашался, и былъ постриженъ въ монахи.

Но Тушинскіе измѣнники обманули Московскихъ, и не выдали Самозванца. Жолкѣвскій приближался къ Москвѣ, и сторона Ляпунова и Голицына, рѣшительныхъ противниковъ Шуйскому, Самозванцу и Полякамъ, желавшая избрать своего Царя, принуждена была уступить сторонѣ князя Мстиславскаго, перваго боярина Думы, который, для скорѣйшаго успокоенія отечества, подалъ голосъ въ пользу Владислава.

Начались сношенія съ Жолкѣвскимъ, который обещалъ все отъ имени Сигисмунда, и Москва присягнула Владиславу. Въ города посланы были грамоты.

Сапѣга и его Поляки принуждены были Жолкѣвскимъ оставить Самозванца, и онъ съ Мариною и Заруцкимъ бѣжалъ опять въ Калугу.

Но Сигисмундъ не внималъ представленіямъ гетмана, возбуждаемый его противниками, или ревнуя къ его славѣ, и писалъ къ нему занять Москву именемъ королевскимъ, а не Владиславовымъ.

Изъ Москвы отправлено было посольство къ Сигисмунду съ извѣстіемъ объ избраніи сына его на царство и просьбою о принятіи условій. По устроенію Жолкѣвскаго, послами назначены были князь Василій Голицынъ, котораго духовенство думало прежде избрать на престолъ, и митрополитъ Филаретъ, котораго сыну желали вѣнца народъ и лучшіе граждане. Да-

лѣе, Жолкѣвскій убѣдилъ бояръ, чтобъ они потребовали вступленія Поляковъ въ Москву для усмиренія мятежной черни, будто-бы готовой принять Лжедмитрія. Поляки заняли всѣ укрѣпленія и важнѣйшія мѣста.

Сигисмундъ упорствовалъ, не хотѣлъ пустить Владислава, требовалъ Смоленска, и упустилъ случай укрѣпить Россійскій престолъ въ своей династіи. Жолкѣвскій самъ пріѣзжалъ къ нему изъ Москвы, доказывалъ, что воцареніемъ королевича, Московская и Польская держава будутъ навѣки сдиною къ ихъ обоюдному счастью, въ противномъ случаѣ грозилъ новою, жестокою войною: все было тщетно; Сигисмундъ, которому надоѣло быть королемъ бурной республики, хотѣлъ самъ царствовать самодержавно, приступилъ къ Смоленску, и былъ отраженъ опять.

Неудовольствіе въ Россіи возрастало: Поляки вели себя хорошо только въ Москвѣ, подъ начальствомъ Гонсѣвскаго, а въ прочихъ городахъ своевольничали.

Между-тѣмъ Самозванецъ былъ убитъ въ Калугѣ Ногайскимъ княземъ Урусовымъ, по личной злобѣ.

Ляпуновъ возсталъ опять и былъ подкрѣпляетъ въ своихъ дѣйствіяхъ патріархомъ Гермогеномъ. Они начали писать грамматы во всѣ города и звать ратныхъ людей къ Москвѣ, чтобъ избавить ее отъ Поляковъ, — а Московская боярская Дума доносила на нихъ Сигисмунду какъ на крамольниковъ.

Ляпуновъ принималъ къ себѣ на службу всѣхъ, кто ни являлся, — атамана Просовецкаго, главнаго дотолѣ сообщника Лисовскому и который злодѣйствовалъ въ то время во Псковѣ; князя Дмитрія Трубецкаго, атамана Заруцкаго и всю остальную дружину Тушинскую; звалъ даже Сапѣгу. Около трехъ мѣсяцевъ готовились, и наконецъ выступили къ Москвѣ, — Ляпуновъ изъ Рязани, князь Дмитрій Трубецкой изъ Ка-

луги, а Заруцкій изъ Тулы, Просовецкій изъ Суздаля, прочіе съ другихъ сторонъ.

Но прежде нежели они сошлись, Москвитяне поссорились съ Сигисмундовыми Поляками, которые, принявъ всѣ мѣры для укрѣпленія за собою Москвы, сняли съ себя личину охранителей. Изъ драки сдѣлалось сраженіе. Поляки принуждены были уступить и наконецъ зажгли городъ со всѣхъ сторонъ. Двѣ тысячи человекъ съ отрядомъ конныхъ посланы были Гонсѣвскимъ во всѣ улицы для зажигательства. Пожаръ продолжался двое сутокъ. Вся Москва выгорѣла. Жители разбѣжались. Поляки заперлись въ Кремль. Гермогенъ былъ заключенъ, а на мѣсто его возведенъ Игнатій, патріархъ Самозванцевъ.

Черезъ недѣлю собрались воеводы къ Москвѣ, и въ числѣ ста тысячъ осадили малочисленную горсть Поляковъ. Начались сраженія, въ которыхъ болѣе всѣхъ дѣйствовалъ Ляпуновъ.

Но между начальниками обнаружилось несогласіе. Рѣшено было избрать, а избраны трое, — Тушинцами Трубецкой, Казаками Заруцкій, прочими Ляпуновъ. Ляпуновъ приступалъ безпрестанно, и стѣснялъ Поляковъ, тщетно ожидавшихъ помощи отъ Сигисмунда, который думалъ только о томъ, какъ бы взять Смоленскъ, и наконецъ взялъ его, когда у Шенна истощились всѣ средства защиты.

Взявъ Смоленскъ, Сигисмундъ уѣхалъ въ Варшаву наслаждаться своею мнимою славою. Несчастный Шуйскій, братья его, Смоленскіе плѣнные, везены были въ триумфъ. Шуйскій вскорѣ скончался въ Варшавѣ. Московскіе послы были также заточены. Къ Москвѣ былъ посланъ гетманъ Ходкевичъ.

Русскіе начальники ссорились. Заруцкій сносялся съ Гонсѣвскимъ и Мариною; и хотѣлъ жениться на

ней съ условіемъ возвести сына ея на престолъ и въ качествѣ Правителя властвовать вмѣстѣ съ нею.

Ляпуновъ старался сколько возможно образовать правительство, и думалъ объ избраніи государя. Онъ перемѣнилъ прежнее свое мнѣніе и рѣшился избрать иностраннаго принца, именно Шведскаго. Но Делагарди, который дѣйствовалъ тогда на сѣверѣ непріятельски, сдѣлалъ ту же ошибку что Сигисмундъ, и упустилъ время, хотѣвъ для залога овладѣть Новымъ-городомъ, какъ тотъ Смоленскомъ.

Между-тѣмъ Ляпуновъ, ненавистный почти всѣмъ военачальникамъ, особенно казацкимъ, за его строгость, былъ оклеветанъ предъ ними и убитъ. Заруцкій торжествовалъ. Грабительства и смертоубійства возобновились. Сапѣга долго не приставалъ ни къ Русскимъ, ни къ своимъ. Струсь явился съ подкрѣпленіемъ, и Гонсѣвскій сдѣлалъ вылазку: онъ снова занялъ весь Бѣлой Городъ и всѣ укрѣпленія за Москвою рѣкою. Струсь вошелъ въ Кремль, а въ послѣдствіи соединился съ ними и Сапѣга, съ побѣдою и запасами.

Россія находилась въ ужасномъ положеніи: вся полуденная была беззащитною жертвою грабителей Погайскихъ и Крымскихъ; вся юго-западная, отъ Десны до Оки, въ рукахъ Поляковъ, которые, по убіеніи Лже-Димитрія въ Калугѣ, взяли и разорили вѣрные ему города Орель, Болховъ, Бѣлевъ, Карачевъ, Алексинъ и другіе; Астрахань, гнѣздо мелкихъ самозванцевъ, какъ бы отдѣлилась отъ Россіи, и думала существовать въ видѣ особеннаго царства; Шведы, захвативъ Новгородъ, присвоивали себѣ наши сѣверо-западныя владѣнія, гдѣ явился еще новый самозванецъ и грабилъ, и гдѣ еще держался Лисовскій съ своими злодѣйскими шайками.

Ходкевичъ въ ноябрѣ прибылъ съ новымъ вспомогательнымъ отрядомъ къ Москвѣ, и имѣлъ частыя сшибки съ нашими войсками.

Тогда-то пречетныя грамматы, посланные изъ Троицкаго Монастыря архимандритомъ Діонисіемъ и келаремъ Аврааміемъ Палицынымъ съ призываніемъ знатныхъ людей къ Москвѣ, для освобожденія ея отъ Поляковъ, произвели особенное дѣйствіе въ Нижнемъ-Новгородѣ. Купецъ тамошній, Козьма Мининъ Сухокурой воспламенилъ всѣхъ своихъ согражданъ. Составилось новое ополченіе, главою котораго былъ избранъ князь Пожарскій, сражавшійся и прежде съ Поляками въ Москвѣ, а теперь проживавшій въ деревнѣ для излеченія ранъ. Пожарскій вмѣстѣ съ Мининымъ пошелъ къ Москвѣ.

Заруцкій старался мѣшать ихъ приближенію, и былъ проклятъ патріархомъ Гермогеномъ; онъ вошелъ было въ связь даже съ Ходкевичемъ, и наконецъ обнаруженный принужденъ былъ бѣжать изъ стана въ Коломну, гдѣ и обвѣнчался съ Мариною.

У Пожарскаго начались споры съ Трубецкимъ, отъ котораго въ сраженіяхъ онъ рѣдко получалъ помощь. Къ нашему счастью между Поляками были также раздоры. Часть ихъ оставила Москву; главный начальникъ, Гонсѣвскій, оскорбленный полковникомъ Струсемъ, ушелъ изъ Москвы съ другою частію; Струсъ изъ Кремля не хотѣлъ дѣйствовать за одно съ Ходкевичемъ, стоявшимъ около города. Сапѣга, истребившій, по свидѣтельству Польскихъ историковъ, до ста тысячъ Россіянъ, умеръ.

Палицынъ примирилъ Пожарскаго и Трубецкаго. Они начали дѣйствовать наступательно, и во всѣхъ сраженіяхъ оставались побѣдителями, такъ что Ходкевичъ принужденъ былъ отступить къ Вязьмѣ. По-

ляки въ Кремль, лишась подвозовъ, терпѣли ужасный голодъ, и наконецъ уступили и согласились сдать Кремль, живя тамъ въ осадѣ около полутора года.

Сигисмундъ въ это время шелъ уже къ Москвѣ, но услышавъ о происшедшемъ, воротился.

Заруцкій, скитаясь нѣсколько времени въ Рязанскихъ предѣлахъ, бѣжалъ въ Украину, и вся Россія почти очистилась отъ враговъ.

Къ 21 числу февраля, созванъ былъ великій Земскій Совѣтъ, на коемъ положено было возвести на престолъ семнадцатилѣтняго Михаила Ѳеодоровича Романова, племянника Царю Ѳеодору Іоанновичу, по матери Анастасіи, изъ роду Романовыхъ.

Къ нареченному Царю отправлено было посольство въ Кострому, гдѣ онъ, въ Ипатьевскомъ Монастырѣ, пребывалъ вмѣстѣ съ своей матерью, инокинею Марфою Іоанновной, и едва спасъ свою жизнь усердіемъ крестьянина Ивана Сусанина. Апрѣля 19, Михаилъ прибылъ въ Москву, іюля 11 былъ вънчанъ на царство, и Россія, въ теченіе семи лѣтъ испытывъ всѣ возможныя бѣдствія, успокоилась, и приуготовилась къ новой жизни.

ПОГОДИНЪ.

=

НАЧАЛО РЪКЪ И КЛЮЧЕЙ.

=

СТАТЬЯ Г. АРАГО.

=

Одинъ изъ удивительнѣйшихъ процессовъ природы, одно изъ великолѣпнѣйшихъ чудесъ преднамѣренія, устроившаго все въ мѣрѣ съ непостижимою предусмотрительностью и точностью, непрерывно совершается передъ нашими глазами, и никто ихъ не примѣчаетъ! Мы говоримъ о процессѣ водообращенія въ тѣлѣ земнаго шара, объ этой могущественной жизни воды, которая составляетъ какъ-бы кровь нашей планеты и основаніе всей органической жизни, цвѣтущей на ея поверхности. «Тотъ, кто сомнѣвается въ существованіи Бога, вскричалъ одинъ знаменитый анатомъ, пусть вскрыетъ челоуѣка и разсмотритъ устройство собственнаго своего тѣла!» То самое, и еще съ большимъ величіемъ истины, можно сказать о движеніи воды въ земной природѣ. Вскройте черепъ шара, и посмотрите, какой вѣрный, какой простой, и вмѣстѣ какой дивный, могущественный, разнообразный способъ употребило Провидѣніе для орошенія материковъ, то есть, для доставленія органическому бытію первой его пищи и важнѣйшей его пружины. Огромныя массы воды сложены имъ въ углубленія и пропасти планеты, которыя мы называемъ океанами и морями. Что была бы жизнь органическая, — растительная и животная, если бъ ни одна частица воды не отдѣлялась отъ этихъ массъ, не взлетала на воздухъ изъ этихъ пропастей, не переносилась, нарочно къ тому приспособленнымъ движеніемъ атмосферы, на сухія земли, для смоченія

ихъ коры и перехода изъ нея въ существа, которыхъ освѣжаетъ она жилы и промываетъ скважины? Та самая капля горькой воды, которая, данною атмосферѣ силою, подымается съ океана въ видѣ незримаго пара, — та самая капля носится потомъ надъ материкомъ въ видѣ облака, доставляетъ ему тѣнь, необходимую для свободнаго дѣйствія отпращеній органической жизни, умѣряетъ палящее впечатлѣнiе лучей солнца, которые безъ этого сожгли бь ее, хотя сами ее возбудили, и сообщаетъ питательную влажность воздуху; потомъ она же падаетъ сладкою, благотворною каплею жидкости въ видѣ дождя, смачиваетъ все растительное населенiе почвы, и тутъ же раздѣляется, такъ сказать, надвое, — частiю входитъ въ живущiя существа и кружить въ нихъ вмѣстѣ съ кровiю и сокомъ, частiю проникаетъ въ нѣдра планеты, и скопляется тамъ съ своими предтечами въ подземные пруды и водохранилища; и потомъ придавленная другою, слѣдующею за ней частицею капли, она же брызжетъ оттуда вверхъ, вылетаетъ сквозь природныя трубы и отверстiя земли, струится по ней ключемъ, становится рѣкою, — первымъ орудiемъ образованности человѣка, — пробѣгаетъ извиристою жилою обитаемая имъ пространства, поить, обогащаетъ его, — и наконецъ обратно втекаетъ въ океанъ, чтобъ опять начать то самое дѣйствiе, тѣ самыя превращенiя. Можно ли представить себѣ что-нибудь величественнѣе, что-нибудь искусственнѣе, предусмотрительнѣе и благодѣтельнѣе подобнаго механизма?

Этотъ первый очеркъ теорiи жизни воды, или простѣе правильнаго и постояннаго водообращенiя на поверхности и въ тѣлѣ планеты, который мы намѣрены развить во всѣхъ частяхъ простымъ и удобопонятнымъ образомъ, — этотъ первый очеркъ достаточно уже показываетъ, что мы отвергаемъ блистательныя учозрѣнiя нѣкоторыхъ естествоиспытателей и о пред-

стоящемъ истощеніи внутренней теплоты земли, и объ изсушеніи ключей и рѣкъ, обрушеніи горъ и гибели органической жизни отъ безводія. Что касается до истощенія теплоты, то мы уже сказали въ прошломъ году, что землѣ нечего опасаться всеобщаго мороза: внутренняя теплота ея не убываетъ, и не истощится; если бъ и истощилась, все-таки жизнь будетъ процвѣтать на поверхности шара, потому что собственный жаръ его почти ни въ чемъ ей не содѣйствуетъ. Относительно изсушенія ключей, мы увѣрепы, что они тогда только перестанутъ истекать изъ земли, когда вода потеряетъ способность растворяться въ воздухъ, когда воздухъ лишится свойства растворять ее, когда онъ будетъ приведенъ въ неподвижное состояніе, волны его остановятся навѣки, вѣтеръ замретъ въ его прозрачныхъ слояхъ и ни что не будетъ переносить облаковъ съ океана въ пространства, господствующія надъ материками, — словомъ, когда дождь не станетъ уже итти на землю. Мы показали, что внутренняя теплота шара не уменьшается, и согласны въ томъ, что ключи происходятъ изъ огромныхъ водоемовъ, сокрытыхъ подъ толстою его корою: изъ этого, иные могли бъ подумать, что, оспаривая въ то же время будущее истощеніе рѣкъ и ключей, мы пристаемъ къ тому мнѣнію, будто внутренняя вода земли имѣетъ нужду во внутренней ея теплотѣ, чтобы подыматься въ видѣ паровъ сквозь ея слои на вершины горъ и образовать тамъ источники. Отнюдь не говоримъ мы этого. По нашему, дѣло происходитъ гораздо простѣе, и тѣмъ самымъ гораздо удивительнѣе и достойнѣе величія природы. Мы утверждаемъ, что рѣка — просто капля дождя, упавшаго съ воздуха.

Сдѣлаемъ это фактомъ осязательнымъ и очевиднымъ до ясности арифметическаго вычисленія. Артезіанскіе колодцы доставятъ намъ много важныхъ поясненій по этому предмету.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, при буравленіи земли, вертикально, до извѣстной глубины, встрѣчаютъ хранилища воды, которая поднимается на поверхность, по отверстію, продѣланному буравомъ: эта вода часто образуетъ высокіе и обильные фонтаны. Водометы, выкопанные человѣческою рукою и даже простые неширокіе колодцы, наполняемые водою, выходящею изъ большой глубины, называются артезіанскими водометами, артезіанскими колодцами или просто буравленными колодцами. Они получили названіе отъ Французской провинціи *Артезиі* (Артуа), гдѣ жители особенно занимались отыскиваніемъ подземныхъ источниковъ, но весьма хорошо извѣстны были древнимъ, которые знали не хуже насъ о существованіи большихъ водоемовъ подъ землею и о свойствахъ воды вылетать оттуда собственною силою, и умѣли устраивать искусственные ключи.

Олимпіодоръ говоритъ, что когда въ Оазисѣ рыли колодцы, глубиною въ 200, 300 и до 500 локтей, изъ отверстія этихъ колодцевъ вырывались цѣлыя рѣки, которыми земледѣльцы орошали поле.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ Италіи артезіанскіе колодцы также были извѣстны съ самыхъ отдаленныхъ временъ. При разрываніи остатковъ весьма древняго города Модены, находятъ свинцовыя трубки, которыя, по всей вѣроятности, имѣли сообщеніе съ древними колодцами. Эти трубки очевидно служили для добыванія въ 30 или 40 аршинныхъ глубины, то есть, гораздо ниже нечистыхъ, нездоровыхъ водъ, просачивающихся мѣстами сквозь землю, чистыхъ, ясныхъ ключей, снабжающихъ водою всѣ колодцы новаго города.

Во Франціи самый древній артезіанскій колодезь устроенъ, какъ полагаютъ, въ 1126 году. Онъ находится въ Англѣ, въ Артуа, у древняго монастыря Картезіанцевъ.

Жители Сахарской пустыни въ Африкѣ съ давнихъ

временъ знаютъ артезіанскіе колодцы, какъ видно изъ одного мѣста въ путешествіи Ша (Shaw). «Вади-Ригъ, говоритъ онъ, составляютъ нѣсколько деревень въ глубинѣ Сахары. Въ этихъ деревняхъ нѣтъ ни ключей, ни источниковъ. Жители добываютъ воду довольно страннымъ образомъ. Они вырываютъ колодцы на сто, иногда на двѣсти сажень въ глубину, и всегда находятъ воду въ большомъ количествѣ. Они прокапываютъ для этого разные слои песку и щебня до тѣхъ поръ, пока находятъ камень, похожій на аспидъ и который, какъ имъ извѣстно, находится непосредственно надъ тѣмъ мѣстомъ, которое они называютъ *Baхrъ тахтъ эль-ардъ*, или «Моремъ-подъ-землею»: это имя даютъ слоямъ воды, находящимся въ извѣстной глубинѣ подъ почвою. Камень этотъ легко просверлить, и изъподъ него тотчасъ брызжетъ вода, иногда такъ быстро и въ такомъ количествѣ, что она заливасть работниковъ, хотя ихъ вытаскиваютъ какъ можно скорѣе.»

Въ половинѣ XVII столѣтія Доминикъ Кассини устроилъ въ Фортѣ Урбинскомъ буравленный колодезь, изъ котораго вода, безъ посредства трубокъ, была на пятнадцать футовъ въ высоту, а въ трубкахъ достигала до вершины домовъ.

Эти историческія извѣстія приводимъ мы только для того, чтобъ показать, что понятіе о нахожденіи въ недрахъ земли огромныхъ прудовъ и слоевъ воды не ново; что объ нихъ знали всѣ вѣка и всѣ народы, и что давно уже не трудно было согласиться въ томъ, что они-то и суть непосредственныя начала рѣкъ и ключей, природныхъ и искусственныхъ. Но откуда происходитъ эти внутренніе водоемы? Какъ они тамъ образовались? Эти массы воды заключены ли тамъ со временъ образованія планеты и слѣдственно должны когда-нибудь истощиться, или же накапливаются тамъ при насъ, возобновляясь по-мѣрѣ истощенія ихъ

ключами? Последнее кажется намъ столько же достовѣрнымъ, сколько оно согласно съ благостью Мудрости, пекущейся о нуждахъ всего созданнаго ею.

Эта мысль привела бѣ насъ прямо къ необходимости признать существованіе обширной и многосложной системы путей сообщенія съ океаномъ, развѣтвленныхъ подъ всѣмъ пространствомъ материковъ, если бѣ загадка не объяснилась гораздо простѣйшимъ образомъ. Неестественно ли заключить, что вода обыкновенныхъ колодцевъ, артезіанскихъ колодцевъ, и вообще всякихъ ключей не что иное, какъ дождевая вода, которая, проникнувъ щели и другія пустоты земли, достигла до слоевъ непроницаемыхъ и на нихъ остановилась? Между-тѣмъ это мнѣніе не было сначала принято; ему предшествовали теоріи болѣе ученныя, которыя, по справедливости, были впоследствии оставлены. Къ удивленію, онѣ возобновились въ наше время, и объ нихъ говорятъ нынче съ большимъ уваженіемъ во многихъ сочиненіяхъ, гдѣ стараются истолковать явленія, примѣченныя при устройеніи бурявленныхъ колодцевъ.

Долго думали, что морская вода, просачиваясь сквозь землю волосяными трубками, необходимо должна была разлиться во внутренности массы материковъ и образовать въ ней водяную площадь, которая, если сбавить съ нея дѣйствіе закона волосяныхъ трубокъ, находится на продолженіи общаго уровня океана.

Предполагали, что пробираясь долгое время тончайшими и извилистыми путями сквозь песокъ, землю и между скалами, морская вода постепенно теряла свою соляность, такъ, что теперь, въ какомъ бы мѣстѣ земли ни начали рыть колодца, вездѣ по необходимости встрѣчаются хранилища прѣсной воды, какъ скоро дно колодца достигло въ почвѣ глубины, находящейся на уровнѣ съ поверхностью моря.

Для опроверженія этой ипотезы нынче уже не ну-

жно приводить въ примѣръ разныхъ безводныхъ колодезь, которыхъ дно между-тѣмъ несравненно ниже того пункта, гдѣ должно уже встрѣтить мнимую водяную площадь: можно привести въ примѣръ цѣлую страну, — ту часть Россіи, которую орошаетъ южная Волга. Это обширное пространство земли лежитъ гораздо ниже поверхности Чернаго Моря, и оно не понято водою, и оно не составляетъ даже болота, какъ должно бы быть, если бѣ море, непрерывнымъ просачиваніемъ, бесконечно проникало во внутренность земной коры.

Для подкрѣпленія теоріи, которой показали мы неосновательность, употребляли еще другую стихію, — центральную теплоту шара, когда дѣло шло о водѣ ключей, лежащихъ болѣе или менѣе высоко надъ поверхностью моря. Полагали, что внутренніе пары, одни или смѣшанные съ воздухомъ, сгущаясь у поверхности земли, поддерживаютъ въ ней всегдашнюю сырость. Таковы были, въ сущности мнѣнія Аристотеля, Сенеки, Кардона и Декарта: этотъ философъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій: «Воды про-
«никаютъ подземными путями до подошвы горъ, от-
«куда теплота, находящаяся въ землѣ, подымаетъ ихъ
«какъ бы въ видѣ паровъ къ вершинамъ этихъ горъ
«и образуетъ истоки ключей и рѣкъ.»

Это ученіе, въ которомъ земной шаръ становится перегоннымъ кубомъ, а земляная его оболочка губкою; это ученіе, которое такъ часто поддерживали со временъ Декарта, и теперь снова поддерживаютъ, пренебрегая столь простую идею о происхожденіи ключей и истоковъ отъ дождевой воды, такъ сложно, что очевидно оно было составлено въ пользу какого-нибудь неточнаго или непонятаго наблюденія. И дѣйствительно, мы сейчасъ увидимъ, что происхожденіе его таково, или что по-крайней-мѣрѣ этого рода обстоятельство придало ему нѣкоторый вѣсъ.

Сенека, въ своихъ «Естественныхъ Вопросахъ,» говоритъ, что дождь, какъ бы силенъ онъ ни былъ, никогда не проникаетъ въ землю глубже десяти футовъ; онъ говоритъ, что убѣдился въ этомъ тщательными изслѣдованіями. Надобно ли послѣ этого разыскивать, для чего почитали нужнымъ прибѣгнуть къ внутреннимъ парамъ, когда надлежало объяснить существованіе высоко надъ поверхностью моря водометовъ, которыхъ предполагаемые истоки находятся подъ большими массами земли, въ уровень съ океаномъ?

По опытамъ большей части новѣйшихъ физиковъ, занимавшихся этимъ предметомъ, проницаемость земли оказалась еще менѣе того, какъ предполагалъ Сенека. Такъ Маріоттъ говоритъ, что самые сильные лѣтніе дожди проникаютъ вспаханныя земли не болѣе какъ на 6 дюймовъ. Лагиръ убѣдился, что земля, покрытая травой, напитывается водой только на два фута. Тотъ же наблюдатель говоритъ, что глыба обнаженной земли, въ 8 футовъ толщиною, подвергнутая въ теченіе пятнадцати лѣтъ вліянію всѣхъ атмосферныхъ перемѣнъ, не пропустила ни одной капли воды до свинцовой доски, на которой она лежала. Бюффонъ разсматривалъ въ одномъ саду кучу земли въ полторы сажени вышины, до которой нѣсколько лѣтъ никто не дотрогивался, и нашелъ, что дождь никогда не проникалъ въ нее далѣе 4 футовъ. Какъ не вѣрить послѣ этого, что внутренняя вода не могла прійти въ нѣдра шара изъ атмосферы, и что она не пробралась туда другими подземными путями?

Эти наблюденія были бы весьма важны при разсмотрѣніи вопроса о происхожденіи источниковъ, если бы поверхность шара вездѣ была покрыта слоемъ растительной земли; но всякому извѣстно, что верхнюю его оболочку составляетъ во многихъ мѣстахъ песокъ, сквозь который вода проходитъ, какъ сквозь рѣшето; что въ иныхъ, являются обнаженныя скалы, и

что жидкость довольно свободно проникает сквозь ихъ разщелины и трещины. Доказательствомъ удивительной проницаемости земной коры для дождей, можетъ служить обстоятельство, всегда замѣчаемое рудокопами, и особенно Корнуальскими, — что въ рудникахъ, высѣченныхъ въ известковомъ камнѣ, вода въ самыхъ глубокихъ штольняхъ прибываетъ черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ на поверхности земли пошелъ дождь. Въ подтвержденіе этого можно также привести водометы, которые на приморскихъ берегахъ Франціи бьютъ изъ отвѣсныхъ слоевъ мѣловатаго известковаго камня, и которыхъ сила увеличивается тотчасъ послѣ дождя.

Доводъ, на который преимущественно опирались искавшіе происхожденія подземныхъ водъ въ сгущеніи весьма горячихъ внутреннихъ паровъ, во время прикосновенія ихъ къ холоднымъ верхнимъ слоямъ земли, былъ извлекаемъ изъ обстоятельства, заслуживающаго внимательное разсмотрѣніе: мы говоримъ о мнимомъ существованіи довольно обильныхъ источниковъ на вершинѣ, на высшей полосѣ нѣкоторыхъ горъ. Разгорячившись при словопреніи, ссылались даже на ничтожную Монмартрскую гору подлѣ Парижа. На этомъ холмѣ былъ, а можетъ и теперь есть, источникъ, лежащій только 50 футами ниже самой возвышенной его части. Ни какая вода, говорили защитники мудренаго мнѣнія, не въ состояніи наполнять столь высокаго ключа, если она не подымается снизу въ видѣ паровъ. Между-тѣмъ, по надлежащемъ изысканіи, оказывается, что часть Монмартрскаго холма, лежащая *выше* этого ключа, и которая слѣдственно можетъ сообщать ему простымъ внутреннимъ теченіемъ воды, пролившія на нее во время дождей, содержитъ въ длину до 300, а въ ширину 200 сажень. Средняя масса дождя, упдающая въ Парижъ на подобное пространство съ 1 января по 31 декабря, дале-

ко превосходить количество воды, изливаемое въ годъ небольшимъ источникомъ, о которомъ здѣсь говорится.

Поэтому, затрудненія надо было искать въ другомъ мѣстѣ, и нѣкоторые писатели указывали на одинъ источникъ въ окрестностяхъ Дижона; но и тамъ также оказалось, что масса воды, падающая на пространство, возвышающееся надъ источникомъ, весьма достаточна для поддержанія его.

Приводили еще въ примѣръ знаменитую гору Венту въ департаментъ Воклюзскомъ, гдѣ существуетъ источникъ, называемый La Font Feysle, на высотѣ 877 сажень. Но вершина горы еще 100 сажень выше источника. Очевидно, что этотъ примѣръ ни къ чему не служитъ, пока годовое количество дождя, росы и снѣга, падающее на часть Венты, лежащую выше источника, не будетъ сравнено надлежащимъ образомъ съ количествомъ воды, которое онъ доставляетъ въ продолженіе года.

Впрочемъ достаточно одного замѣчанія, чтобы уничтожить всѣ умозрѣнія, которыя мы разсматривали отдѣльно: надобно вспомнить, что при большихъ засухахъ почти всѣ источники становятся менѣе обильными, а что нѣкоторые изъ нихъ даже совершенно перестаютъ течь, хотя внутренніе пары и тогда должны были бы какъ обыкновенно подниматься и сгущаться у поверхности почвы.

Одно только справедливое, но слишкомъ далеко простертое, замѣчаніе о малой проницаемости нѣкоторыхъ веществъ, составляющихъ наружную оболочку земнаго шара, продолжи существованіе теоріи Аристотеля, Сенеки и Декарта о происхожденіи возвышенныхъ источниковъ. Истинно нелѣпыя идеи о годовомъ количествѣ воды, изливаемой разными источниками, и незнаніе количества дождя, росы и снѣга, падающихъ въ извѣстныхъ странахъ, тоже способствовали укорененію понятія, будто образованіе рѣкъ

должно приписывать въ особенности внутреннимъ парамъ. Въ одной книгѣ, которую Ньютонъ удостоилъ быть ея издателемъ, именно въ «Географіи Бернарда Вареніуса», служившей въ концѣ XVII вѣка руководствомъ въ Кембриджскомъ университетѣ, сказано между прочимъ слѣдующее: «Главныя рѣки производятъ столь огромное количество воды, что масса, вливаемая каждою рѣкою ежегодно въ море, превышаетъ величиною всю землю !!! Таково, напримѣръ, количество воды, доставляемое Волгою Каспійскому Морю; такъ что вода необходимо должна переходить внутренними путями изъ моря въ землю.» Многіе утверждали, что количество воды, падающее ежегодно въ видѣ дождя въ бассейнъ Сены, — мы называемъ такъ всю область, въ которой большіе и малые источники впадаютъ въ эту рѣку, — могло равняться количеству воды, изливаемому въ то же самое время Сеною въ море. Перрѳ и Мариѳттѣ первые изучали этотъ вопросъ, опираясь на опыты, и они нашли, какъ это обыкновенно случается, что неопредѣленныя соображенія ихъ предшественниковъ совершенно противоположны истинѣ. Мариѳттѣ утверждаетъ, что Сена изливаетъ въ годъ въ море только шестую часть воды, падающей на все пространство ея бассейна въ видѣ дождя, снѣга и росы; остальные пять-шести хъ должны поэтому или испаряться и образовать облака, или напитывать поверхностную землю, въ которой растенія находятъ себѣ пищу, или наконецъ пробираться по трещинамъ скалъ до внутреннихъ водохранилищъ, изъ которыхъ выходятъ источники.

Количество дождя, падающаго подъ каждою широтою и въ каждомъ мѣстѣ, съ большею точностью опредѣляется прямыми мѣрами.

Растаивая въ удометрѣ снѣгъ, пока онъ еще не успѣлъ испариться, можно также узнать количество жидкости, представляемой упавшимъ снѣгомъ. Эти

опыты были такъ часто повторяемы, что пынче пропорцію снѣговую можно почти опредѣлять глазомѣромъ. Когда снѣгъ шелъ большими хлопьями, то измѣривъ высоту его прежде, нежели онъ ссылся, надобно полагать, что, по растаяннiи, высота воды, которая произошла бы оттого, если бы почва была горизонтальна и непроницаема, равнялась бы только десятой части первоначальной высоты снѣга. Мелкiй снѣгъ, безъ сомнѣнiя, плотнѣе: количество воды, имъ доставляемой, равняется пятой части.

Вода, происходящая отъ града, могла бы быть оставляема безъ вниманiя, но какъ градъ рѣдко идетъ безъ дождя, то удомеръ представляеть жидкость того и другаго.

Тенерь остается опредѣлить количество росы. Дальтонъ полагаетъ, что толщина слоя воды, которою роса покрываетъ шаръ земной въ годъ, составляетъ около $2\frac{1}{2}$ вершковъ. Этотъ результатъ, выведенный изъ опыта, сдѣланнаго Гельсомъ, могъ быть логически принимаемъ за общее правило, когда вѣрили, что роса падаетъ точно такъ же какъ дождь; но со времени изданiя творенiя Велльса, съ тѣхъ поръ какъ узнали, что роса не падаетъ; что воздухъ низлагаетъ ее на поверхности, предварительно охлажденныя по причинѣ лучистаго ихъ сообщенiя съ небесными пространствами; что свойства тѣлъ, ихъ положенiе и чистота неба имѣють величайшее влiянiе на росу, — съ тѣхъ поръ очевидно, что даже и довольно грубое опредѣленiе количества росы, бывающей въ теченiе года въ какой-нибудь странѣ, было бы одною изъ труднѣйшихъ физическихъ задачъ.

Дальтонъ нашель, что садовая земля, насыщенная сыростию, содержитъ въ себѣ по объему семь-двѣнадцатыхъ воды. Четверть, даже половина этой воды, можетъ исчезнуть и земля еще не сдѣлается неспособною питать растенiя.

Кажется, что въ каждой странѣ количество воды, отнимаемое у водохранилищъ испареніемъ, не много разнится отъ того, которое возвращаютъ имъ дожди. Впрочемъ опыты по этому предмету надобно было бы повторить въ сосудахъ, несравненно болѣе тѣхъ, которые метеорологи доселѣ употребляли. Опыты, произведенные лѣтъ за сто до нашего времени Базеномъ, показываютъ, что испареніе въ землѣ, насыщенной водою, сильнѣе того, которое происходитъ въ чистой водѣ. Этотъ результатъ кажется неестественнымъ; но въ подобныхъ предметахъ можно основываться только на опытахъ.

Въ заключеніе должно упомянуть о замѣчаніи Леллія, которое, не прибавляя ничего къ нашимъ еще весьма несовершеннымъ понятіямъ о причинахъ испаренія, показываетъ намъ въ этомъ явленіи развитіе механической силы, поражающее своею огромностію воображеніе, особенно, когда вспомнишь, какъ безмолвно природа его совершаетъ.

Положимъ, что каждый годъ вода, похищаемая съ земнаго шара испареніемъ, равняется въ каждой странѣ количеству падающаго тамъ дождя. Эта испарившаяся вода распространяется въ атмосферѣ на всѣхъ высотахъ. Представивъ себѣ, что вся эта вода поднялась на извѣстную среднюю высоту, мы не сдѣлаемъ большой разности. Такимъ образомъ годичное испареніе можетъ быть представлено въ своихъ механическихъ дѣйствіяхъ, извѣстною массою воды, поднятою перпендикулярно также на извѣстное число сажень. Величина подобной работы, которую одинъ человекъ могъ бы произвести въ годъ, опредѣлена; сравнивъ эти два результата, мы увидимъ, что испареніе представляетъ работу 80 билліоновъ человекъ. Положимъ, что все народонаселеніе земнаго шара составляетъ 800 милліоновъ и что только половина этого числа въ состояніи работать, и мы увидимъ, что сила, употребляемая

природою при образованіи облаковъ, въ двѣсти тысячъ разъ болѣе работы, которую можетъ произвести весь человѣческій родъ.

Мариоттово исчисленіе, о которомъ мы говорили выше, передѣлано теперь по даннымъ, болѣе точнымъ, особенно въ отношеніи къ количеству воды, доставляемому Сеною. Вотъ вывады, сложенные въ одномъ превосходномъ еще не изданномъ твореніи Г. Дюсса.

Поверхность бассейна Сены составляетъ около 3,900,000 десятиинъ. Вода, падающая въ этотъ бассейнъ, если бы она не испарялась, не проникала во внутренность земли, если бы почва была вездѣ горизонтальна, составила бы къ концу года жидкій слой, толщиной въ $5\frac{1}{4}$ вершковъ. Очевидно, что подобный слой составлялъ бы въ объемѣ почти 2,300,000,000 кубическихъ сажень воды. Сена изливаетъ среднимъ числомъ 25 кубическихъ сажень въ секунду, или 2,200,000 кубическихъ сажень въ день, или 804,200,000 кубическихъ сажень въ годъ. Последнее число содержится къ 2,300,000,000 кубическихъ сажень дожда, падающаго въ бассейнъ Сены, какъ 100 къ 285 или почти какъ 1 къ 3. Такимъ образомъ количество воды, проходящее въ годъ Парижскими мостами, равняется только трети количества падающаго въ видѣ дожда въ бассейнъ Сены. Двѣ трети этой дождевой воды или возвращаются въ атмосферу посредствомъ испаренія, или поддерживаютъ жизнь растеній и животныхъ, или проникаютъ въ высокія земли для снабженія ключей и источниковъ, или наконецъ входятъ въ почву низменныхъ мѣстъ, и утекаютъ въ море посредствомъ рѣкъ подземныхъ.

Этого примѣра достаточно для того, чтобы показать, какъ мало самыя рѣки, когда ихъ изучаешь внимательно, оправдываютъ системы прежнихъ физиковъ. Огромныя массы воды, которыя текутъ въ рѣкахъ

изъ внутреннихъ странъ материковъ въ море, вездѣ составляютъ только небольшую часть дождевой воды, падающей на окрестныя страны: очень достаточно воды, проливающейся съ облаковъ на верхнюю часть исполинской горы, чтобъ образовать въ известной высотѣ ея весьма обильный рѣчной источникъ, — а у подножія и подавно! Но мы еще увидимъ далѣе, какимъ образомъ вода внутреннихъ водохранилищъ, помѣщенныхъ глубоко въ землѣ, можетъ подыматься до весьма значительной вышины безъ всякаго содѣйствія центральной теплоты и внутреннихъ паровъ. Должно также вспомнить, что и самыя большія рѣки у истоковъ своихъ — простые ручьи, и что только удаляясь отъ нихъ, увеличиваются въ своемъ объемѣ; а это увеличеніе всегда сообразно обширности бассейновъ, которые съ разныхъ точекъ своихъ склоновъ сливаютъ въ нихъ дождевыя воды рукавами, рѣчками и тонкими жилками воды, струящейся изъ высокихъ береговъ. Сверхъ-того, чѣмъ длиннѣе рѣка и чѣмъ шире ея корыто, тѣмъ большую площадь представляетъ сама она ниспадающей прямо на нее дождевой водѣ, — что также значительно усиливаетъ общую массу водъ ея.

Эти численные доводы послужатъ возраженіемъ и мнѣнію тѣхъ, которые, въ послѣднее время, вздумали очень учено утверждать, что вода артезіанскихъ колодезѣвъ происходитъ изъ внутреннихъ лужъ, оставшихся подъ почвою отъ допотопныхъ водъ, въ которой были нѣкогда растворены осадочные слои земли, если какая-нибудь земля поддерживала эти воды. Очевидно, что подобное предположеніе заслуживало бы нѣкотораго вниманія только въ такомъ случаѣ, когда было бы доказано, съ одной стороны, что дождевыя воды не довольно обильны для того, чтобы могли служить къ образованію источниковъ, и съ другой, что тѣ же самыя воды не могутъ проникать на боль-

шую глубину въ оболочку нашего шара. Изъ предъидущаго видно, что ни то ни другое не справедливо.

Есть люди, которые, размышляя о возможномъ и скоромъ истощеніи этихъ воображаемыхъ древнихъ водоемовъ, гдѣ воды цѣлыя тысячи лѣтъ стояли неподвижно, думаютъ, что рѣки, ключи и даже артезіанскіе колодцы должны одинъ за другимъ изсякнуть. Но если они поддерживаются атмосферною водою, то существованіе ихъ, такъ же какъ и всѣхъ ключей, зависитъ отъ продолженія на землѣ дождя, снѣга, росы, испаренія.

Я не говорю о землетрясеніяхъ, которыя, разрывая минералогическіе слои скорлупы шара, могутъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ измѣнить положеніе и обильность подземныхъ водохранилищъ.

Минеральная, твердая скорлупа земнаго шара образовалась не одновременно. Образованіе разныхъ каменныхъ породъ иземель, ея составляющихъ, принадлежитъ къ различнымъ эпохамъ, которыя Геологія опредѣляетъ по признакамъ несомнѣннымъ. Надобно однако же замѣтить, что многія изъ ископаемыхъ, которыя Наука почитаетъ одновременными, весьма различествуютъ между собою и внутреннимъ составомъ и наружнымъ видомъ.

Для нашего предмета довольно различить только три главные рода земель, лежащія одинъ на другомъ и заключающіе въ себя многія породы: они суть, видя снизу вверхъ, и переходя отъ древнѣйшаго къ новѣйшему, — почвы первозданныя и переходящія; почвы второстепенныя и почвы третичныя.

Первозданныя почвы мало и рѣдко нѣбуютъ слоистое образованіе. Это предложеніе не удивить, конечно, и тѣхъ, которые со вниманіемъ разсматривали шиферныя почвы, если только они размыслятъ о важной разности скалъ слоистаго и скалъ листоваго образованія. Многіе весьма искусные естествоиспытатели

тели даже сомнѣваются, бываетъ ли когда-нибудь гранить расположенъ слоями. Трещины, разсѣлины гранитныхъ скалъ; щели, отдѣляющія одну массу отъ другой, вообще бываютъ не глубоки, не широки и рѣдко находятся въ сообщеніи между собою. Въ первозданныхъ почвахъ просачивающаяся вода можетъ имѣть только весьма ограниченное подземное движеніе; каждый, такъ сказать, ручеекъ оканчиваетъ свое теченіе отдѣльно и не усиливаясь другимъ ручейкомъ. И дѣйствительно опытъ убѣждаетъ насъ, что въ почвахъ этого рода подземные ключи весьма многочисленны, не обильны и скопляются всегда въ небольшомъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ происходитъ просачиваніе дождевой воды.

Излишне было бы исчислять подробно разные роды скалъ, изъ которыхъ состоятъ почвы второстепенныя. Довольно сказать, что эти почвы вообще имѣютъ видъ огромныхъ бассейновъ, то есть, что, занимая большое почти плоское пространство, они возвышаются по краямъ такъ, что обхватываютъ горизонтальную часть свою рядомъ холмовъ или горъ. Мы должны прибавить, что второстепенныя скалы располагаются слоями; что нѣкоторые изъ этихъ слоевъ, иногда очень толстыхъ, состоятъ изъ песковъ частью разобщенныхъ и весьма проницаемыхъ; что возвышавшись по краямъ бассейна, эти слои являются обнаженными на отлогостяхъ холмовъ или горъ; что дождевая вода можетъ, просачиваясь въ нихъ, образовать внутри ихъ водяныя плоскости; что эти плоскости, при большомъ наклонѣ слоевъ, необходимо должны быстро стремиться внизъ; что эти стремящіяся воды мало-по-малу уносятъ съ собою песокъ и даже части ближнихъ скалъ, и что подземныя рѣки должны занять мѣсто твердыхъ массъ и образовать большія пустоты тамъ, гдѣ прежде была сплошная масса.

Въ числѣ второстепенныхъ почвъ, есть одна, мѣло-

ватый известнякъ, которая раздвигается во всехъ направленияхъ величайшимъ множествомъ трещинъ; потому дождевая вода можетъ удобно проникать въ него и обращаться въ его массу до чрезвычайной глубины.

Третичныя почвы всегда бываютъ слоистыя, то есть, состоятъ изъ болѣе или менѣе значительнаго числа слоевъ, лежащихъ одинъ надъ другимъ и ясно раздѣленные между собою, какъ ряды кирпичной стѣны.

Эти почвы, какъ и почвы второстепенныя, принимаютъ видъ бассейновъ, но обыкновенно менѣе тѣхъ. Ненадобно забывать, что эта почва происходитъ отъ выпрямленія слоевъ. Составныя части третичныхъ почвъ образуютъ окраину холмовъ и возвышеній именно оттого, что слои выпрямляются.

Хотя большая часть бассейновъ второстепенныхъ и третичныхъ образуются отъ выпрямленія слоевъ, которые первоначально лежали горизонтально, бываетъ однако жъ, что осажденіе второстепенныхъ и третичныхъ почвъ происходило въ бассейнахъ уже существовавшихъ и ограниченныхъ массами болѣе древними. Въ этомъ случаѣ разные слои почвъ новѣйшаго образованія идутъ горизонтально до тѣхъ поръ, когда встрѣчаются съ древними скалами, которыя заключаютъ ихъ какъ бы въ круту. Видимъ бываетъ одинъ только верхній слой; онъ одинъ принимаетъ дождь, и такимъ образомъ дождевая вода можетъ проникать въ нижнія части этой массы только сквозь трещины слоевъ, которыми она покрыта; а это обстоятельство неблагопріятное для образованія подземныхъ водяныхъ плоскостей, — неблагопріятное но-крайней-мѣрѣ въ сравненіи съ положеніемъ бассейновъ, которыхъ окраина состоитъ изъ выпрямившихся слоевъ.

При выпрямленіи цѣлой массы почвъ, всѣ слои обыкновенно ломаются, трескаются, раздвигаются на

части; отсюда происходит то, что они являются обнаженными на отлогостяхъ и вершинахъ холмовъ. Все это легко можно представить себѣ, перегнувъ десять или двѣнадцать листовъ бумаги, лежащихъ одинъ на другомъ. Въ этомъ видѣ, такъ же какъ и когда бумага лежитъ прямо; верхній листъ покрываетъ весь второй; второй покрываетъ весь третій, и такъ далѣе; но продеремъ эту бумагу близъ перегиба, проведемъ въ ней болѣе или менѣе широкой разрѣзь, глубиною по крайней-мѣрѣ въ толщину десяти или двѣнадцати сложенныхъ листовъ, — и каждый изъ нихъ будетъ подверженъ атмосфернымъ переменамъ.

Въ рядѣ слоевъ разнаго рода, которые, составляя третичныя почвы, вездѣ бывають расположены въ постоянномъ порядкѣ, находятся во многихъ этажахъ слоеи проницаемаго песка. Дождевыя воды должны протекать по этимъ слоямъ, во-первыхъ въ наклонной ихъ части, по причинѣ тяжести жидкости, потомъ въ горизонтальныхъ частяхъ, по причинѣ давленія, производимаго водою, которой приподнятыя части слоевъ не позволили еще стечь. Поэтому, во всякомъ мѣстѣ третичныхъ почвъ должно быть столько же подземныхъ водяныхъ плоскостей, сколько въ нихъ есть этажей слоевъ проницаемыхъ, покоящихся на слояхъ непроницаемыхъ.

Въ отношеніи къ расположенію водъ, почвы второстепенныя и третичныя могутъ быть считаемы за одно и то же, какъ ни важны причины, побудившія геологовъ раздѣлить ихъ въ другихъ отношеніяхъ. Мы должны упомянуть здѣсь объ одномъ только различіи между этими двумя родами почвы, — о различіи, на которое указываетъ Г. Бюръ въ превосходномъ разсужденіи объ артезіанскихъ колодцахъ, — именно, что во второстепенныхъ почвахъ всѣ явленія происходятъ въ большомъ размѣрѣ, по причинѣ чрезвычайной толщины слоевъ, не столь частаго ихъ перемеженія и

силы низшихъ водяныхъ токовъ. Этимъ объясняется рѣдкость и обильность природныхъ источниковъ во второстепенныхъ почвахъ.

Теперь переберемъ поодиначкѣ всѣ слѣдствія, которыя мы извлекли изъ формы и свойства обоихъ родовъ слоистыхъ почвъ, и посмотримъ, подтверждаетъ ли ихъ наблюденіе.

Вода обращается свободно во всѣхъ глубинахъ въ массѣ мѣловатаго известняка. Для убѣжденія въ этомъ стоитъ только указать на безчисленные водометы, которые, на всѣхъ высотахъ, вырываются изъ утесовъ на мысахъ Blanc-Nez и Gris-Nez въ департаментъ Па-де-кале. Тутъ природа захвачена на дѣль.

Въ слоистыхъ почвахъ существуютъ пустыя пространства, большія пещеры. Видя, какія сложныя пособія искусства должны употреблять люди, чтобы устроить даже въ маломъ размѣрѣ арку или сводъ, который бы въ состояніи былъ выдержать большую тяжесть, многіе не въ силахъ вообразить, чтобы земля могла заключать въ пѣдрахъ своихъ обширныя природныя своды: но что нужды до такого расположенія нашего ума, когда событія непрерывно убѣждаютъ насъ въ противномъ?

Кто не слыхалъ о знаменитой скалѣ Торгатской въ Норвегій, скалѣ, прорѣзанной съ конца въ конецъ отверстіемъ въ 25 сажень вышиною и въ 500 сажень длиною? Что значать, въ сравненіи съ этимъ, своды, устроенныя человѣческими руками!

Отверстіе пещеры Гуахаро, въ Карипской долинѣ въ Новомъ-Свѣтѣ, которую Александръ Гумбольдтъ такъ занимательно описалъ, вышиною въ 72 фута, шириною въ 80: эта пещера прорыта въ отвѣсномъ боку огромной скалы особой породы второстепеннаго известняка; она сохраняетъ всѣ размѣры этого свода на пространство 1453 футовъ. Суевѣріе Индѣйцевъ не позволяло проникнуть туда далѣе 1200 футовъ отъ

входа. Рѣка въ 30 футовъ шириною течеть въ ней во всему пройденному путешественникомъ пространству.

Пещера Адельсбергская въ Карнiоли, въ которую падаетъ рѣка Пойкъ и въ которой воды ея то исчезаютъ, то снова появляются, была уже осмотрѣна любопытными на пространствѣ болѣе восьми верстъ. Большое озеро, черезъ которое нельзя перебраться иначе какъ въ лодкѣ, не позволяло досель простираться разысканiй далѣе этого мѣста. Если вѣрить рассказамъ новѣйшиимъ путешественниковъ, многiя отдѣльныя части, изъ которыхъ состоитъ эта пещера, превосходить длиною, шириною и вышнiю величайшiю церкви.

Въ гипсовыхъ формаціяхъ бываютъ также цѣлыя ряды гротовъ, соединенные между собою галлерейми болѣе или менѣе узкими, и обнимающими иногда огромныя пространства. Въ Саксонiи, гротъ Вимальбургъ имѣетъ сообщеніе съ пещерою Кресфельдскою, удаленною отъ него болѣе чѣмъ на десять верстъ.

Понтопиданъ говоритъ, что поблизости Фридериксталля, въ Норвегiи, есть въ горѣ отвѣсная трещина, въ видѣ колодца, въ которой паденіе камня, брошеннаго съ верху, продолжается около двухъ минутъ. Если это паденіе совершается прямо; если камень не отскакиваетъ, ударяясь обо что-нибудь, не останавливается то на одной, то на другой выпуклости стѣнъ ямы, то это двухъ-минутное паденіе заставило бы предполагать, что Фридериксталльская трещина глубиною 3-версты и 300 сажень, то есть 375 сажень болѣе вышины огромнѣйшей изъ Пиренейскихъ Горъ.

Въ слоистыхъ почвахъ существуютъ огромныя водохранилища, — какъ же иначе назвать, напримѣръ, внутренний прудъ, въ которомъ непрерывно, то есть, во всякое время года, почерпаетъ воды свои ключъ Воклюзскiй? При выходѣ своемъ изъ подземныхъ скалъ, откуда онъ вырывается, онъ образуетъ настоящую

рѣку (Соргу.) Въ самое необильное время онъ, по исчисленію Г. Герена (Guérin) изливаетъ 44 кубическихъ сажени въ минуту. Въ полую воду онъ доставляетъ въ такое же время втрое болѣе воды, чѣмъ во время засухи, именно 133 кубическихъ сажени. Въ среднемъ состояніи ключа изъ него вытекаетъ по 90 кубическихъ сажень въ минуту, то есть около 130,000 кубическихъ сажень въ день, или 47,000,000 кубическихъ сажень въ годъ, то есть, гораздо болѣе трети кубической версты. Замѣтимъ мимоходомъ, что это количество равняется всему количеству дождя, падающаго въ этой части Франціи въ цѣлый годъ на пространство 520 квадратныхъ верстъ. Послѣ сильныхъ дождей, когда вода Воклюзскаго источника прибываетъ весьма быстро, она не имѣетъ обыкновенной своей чистоты. Ясно, что прибыль ключа происходитъ отъ дождевой воды, теряющейся въ трещинахъ и извлекаемой оттуда ключемъ. Къ сожалѣнію, далѣе мы ничего не знаемъ. Въ послѣднее время утверждали, что рѣка Дуранса и Воклюзскій водоемъ имѣютъ между собою подземное сообщеніе. Разсматривать эту догадку было бы бесполезно, потому что мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ объ уровнѣ разныхъ частей русла этой внутренней рѣки и углубленія, изъ котораго выходитъ Воклюзскій ключъ. По достовернымъ документамъ извѣстно, что въ этомъ углубленіи, между высшимъ и низшимъ стояніемъ воды была разница въ 10 сажень. Конечно, это объяснить трудно, но никто не имѣетъ права оставить подобнаго обстоятельства безъ вниманія.

Разительнѣйшій примѣръ большаго подземнаго водохранилища съ переменнымъ стояніемъ воды, представляетъ Циркницкое Озеро въ Карніоліи. Оно въ длину около восьми верстъ, а въ ширину около четырехъ. Въ половинѣ лѣта, когда время стоитъ сухое, поверхность воды этого озера быстро понижаетъ

ся, и въ нѣсколько недѣль оно совершенно высыхаетъ. Тогда ясно видны отверзтія, въ которыя вода уходитъ; одни изъ нихъ идутъ вертикально, другія наклонно къ пещерамъ, которыми изрыты окрестныя горы. Тотчасъ по сбытіи воды, сосѣдніе жители начинаютъ воздѣлывать дно озера, и мѣсяца черезъ два они косить сѣно или жнутъ хлѣбъ тамъ, гдѣ не за долго предъ тѣмъ ловили рыбу. Въ концѣ осени, послѣ дождей, воды выходятъ изъ тѣхъ же природныхъ каналовъ, черезъ которые лѣтомъ исчезли. Это обыкновенный, нормальный порядокъ появленія и исчезанія воды въ Циркницкомъ Озерѣ; но атмосферныя перемѣны часто нарушаютъ этотъ порядокъ. Иногда довольно одного сильнаго бурнаго дождя на горахъ, окружающихъ Циркницъ, чтобы подземное озеро выступило и затопило окрестныя земли.

Другое такое озеро находится въ Россіи, недалеко отъ Каменца-Подольскаго, и, что удивительнѣе, перемѣнное стояніе воды совершаетъ здѣсь свой періодъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Пять, шесть, иногда семь лѣтъ озеро наполнено водою; потомъ вода исчезаетъ въ одно лѣто, оставляя множество рыбъ, особенно лещей, зарытыхъ въ иль, и дно озера бываетъ столько же лѣтъ занято пашнями, пока вода опять не появится сквозь трещины, въ которыя ушла. Должно сожалѣть, что въ новѣйшее время никто изъ геологовъ не наблюдалъ этого озера довольно долго, и что свѣдѣнія объ немъ основаны только на разсказахъ мѣстныхъ жителей.

Въ днѣ Циркницкаго Озера, между подземными отверзтіями есть замѣчательное различіе: изъ однихъ выходитъ только вода, изъ другихъ вода и крупная или мелкая рыба; есть еще третій родъ проходовъ, изъ которыхъ появляются прежде всего утки. Эту разность въ произведеніяхъ, — прошу извинить за подобное слово, — въ произведеніяхъ различныхъ от-

верзтій Циркницкаго Озера, объяснить не такъ трудно, какъ кажется съ перваго взгляда. Труба, или каналъ, проведенный въ почвъ, котораго внутреннее отверстие ниже поверхности подземнаго озера, не можетъ доставить, при выступленіи воды, ничего такого, что живетъ и движется выше нижняго его конца. Утки плаваютъ на поверхности воды, и потому не могутъ выходить сквозь такой каналъ. Если напротивъ нижній каналъ другой трубки находится въ подземномъ воздухѣ, то есть, выше поверхности озера, то очень не мудрено, что подземныя утки прячутся въ нее. Когда эта поверхность начинаетъ возвышаться, вода, мало-по-малу, выталкиваетъ ихъ въ верхнее озеро. Еще легче истолковать, отъ чего изъ нѣкоторыхъ трубокъ или каналовъ никогда не выходитъ рыбы; онѣ могутъ быть широки на верху и очень узки внизу или даже оканчиваться трещинками. Г. Джонъ Руссъ, въ «Путешествіи по Германіи въ 1820, 1821 и 1822 годахъ», не упоминаетъ объ уткахъ, въ числѣ живыхъ существъ, извергаемыхъ нижнимъ озеромъ, сокрытымъ подъ почвою Циркница. Можно бы полагать, что эти жители подземнаго міра истреблены со временъ Вальвазора, то есть, съ 1687 года; но въ *Itenerario* Джироламо Агапито, напечатанномъ въ Венеціи лѣтъ десять назадъ, сказано, что Циркницкое Озеро *rinasce rigurgitando delle anitre senza riuime e cieche*, — «возрождается каждый годъ, извергая изъ земли утокъ безъ перьевъ и слѣпыхъ.» Въ этихъ же самыхъ подземныхъ Карніольскихъ водахъ найдена странная рыба *proteus anguinus*, которая возбудила въ такой высокой степени вниманіе естествоиспытателей.

Эти утки, въ то время какъ вода вытѣсняетъ ихъ изъ земли, плаваютъ очень хорошо. Онѣ въ скоромъ времени получаютъ чувство зрѣнія; но перья, черныя вездѣ за исключеніемъ головы, не прежде какъ въ двѣ

или три недѣли вырастаютъ на нихъ такъ, чтобы онѣ могли улетѣть. Вальваторъ посѣтилъ Циркницкое Озеро въ 1687 году. Онъ самъ поймалъ много этихъ утокъ и видѣлъ, какъ мужики ловятъ угрей (*mustela fluviatilis*), въсомъ въ два и три фунта; линей въ шесть и семь фунтовъ; наконецъ щукъ въ двадцать, тридцать и даже сорокъ фунтовъ.

Такимъ образомъ, есть не только подъ землею огромныя водохранилища, но и настоящія озера съ рыбами и утками, какъ на поверхности планеты.

Но Карніолія и южная Россія отнюдь не единственныя страны въ мѣрѣ, гдѣ существуютъ подземныя водохранилища, населенныя рыбами. Во Франціи есть также, хоть въ меньшемъ размѣрѣ, свои Циркницкія озера. Такъ это уже не случайность, не странный феноменъ безъ видимой причины, а фактъ, поступающій въ разрядъ явленій правильныхъ и такихъ, которыхъ существованіе связано съ свойствомъ земнаго шара, съ его геологическимъ устройствомъ.

Въ «Запискахъ Парижской Академіи Наукъ», 1741, изложено, что близъ Саблѣ, въ Анжу, посреди безплодной пустоши, есть ключъ, или лучше сказать пропасть въ 3 или 4 сажени въ діаметръ, которой глубина еще не опредѣлена; что эта пропасть, извѣстная въ той странѣ подъ именемъ «бездоннаго ключа», выступаетъ изъ береговъ, и тогда изъ нея выходитъ множество рыбы, особенно необыкновеннаго рода форелей. «Надобно думать, говорить тогдашній секретарь Академіи, что вся эта земля составляетъ какъ бы сводъ озера, лежащаго подъ нею.»

На другой сторонѣ, въ департаментъ Верхней-Соны, близъ Везуля, есть природное углубленіе, которое называется Frais-Puits и представляетъ явленія того же рода. Лѣтомъ и осенью, когда дня два или три сряду идетъ сильный дождь, вода съ пѣною выбрасывается изъ этого углубленія, и образуетъ потокъ,

который разливаеся по всей окрестности. После этого водянаго изверженія, продолжающагося только нѣсколько часовъ, на поляхъ, понятахъ водою, находятъ иногда шукъ.

Даже и въ плоскихъ странахъ, есть подземныя пустоты, въ которыхъ цѣлыя рѣки поглощаются. Это явленія въ высокой степени возбуждало любопытство древнихъ. Плиній уже говорилъ, что къ числу рѣкъ, исчезающихъ подъ землею, принадлежать Алфей въ Пелопонезѣ, Тигръ въ Месопотаміи, Тимавусъ въ землѣ Аквилейской, и прочая, и прочая. Онъ относилъ къ нимъ также и Ниль, утверждая, что онъ при вступленіи своемъ въ Цезаріянскую Мавританію, исчезаетъ на пространствѣ трехъ дней ходьбы и потомъ на границахъ Египта опять на двадцать дней ходьбы. Но мы обратимся къ примѣрамъ, болѣе близкимъ къ намъ, или болѣе изученнымъ и не подлежащимъ сомнѣнію.

Баберъ, сперва государь небольшого владѣнія между Семипалатинскомъ и Бухаріею, потомъ основатель династїи Великихъ Монголовъ, свидѣтельствуегъ въ своихъ знаменитыхъ «Запискахъ,» что Сыръ-дарья, огромная рѣка Киргизской Степи, впадающая въ Аральское Море, въ нѣсколькихъ мѣстахъ погружается въ песокъ на большія пространства и уходитъ съ поверхности земли. Извѣстно, что эта пустынная страна плоска и гораздо ниже уровня океана.

Гвадіана вдругъ исчезаетъ въ странѣ ровной, посреди обширныхъ луговъ. Вотъ почему Испанцы, когда похвалишь передъ ними какой-нибудь мостъ не въ ихъ отечествѣ, всегда говорятъ, что у нихъ, въ Эстремадурѣ, есть мостъ, на которомъ можетъ пастись сто тысячъ штукъ рогатаго скота.

Маасъ исчезаетъ въ Базуаль. И это исчезаніе происходитъ, какъ кажется, не съ давнихъ временъ. Г. Терикарь-де-Тюри говорить, что прежнее русло, хо-

та и воздыманное, еще ясно видно надъ подземнымъ русломъ.

Дрома, въ Нормандіи, совершенно исчезаетъ посреди луга, въ ямъ сажень въ 5 или 6 въ діаметръ, которая извѣстна въ той странѣ подъ именемъ Fosse-de-Soucy; но рѣка достигаетъ этой пропасти, уже весьма ослабленная. Другія ямы, находящіяся на томъ же лугу, *выливаютъ* (это мѣстное выраженіе) большую часть ея воды.

Въ той же части Франціи рѣки Рилля, Итонъ, Ора, и прочія, также мало-по-малу исчезаютъ. Въ руслахъ этихъ рѣкъ есть по мѣстамъ ямы, изъ которыхъ каждая поглощаетъ часть воды. Приближаясь къ пропасти, въ которой исчезаетъ окончательно, рѣка обыкновенно уже есть не что иное, какъ слабый ручей.

Не трудно было бы привести и болѣе примѣровъ, даже говоря только о тѣхъ рѣкахъ, которыя исчезаютъ совершенно; а тщательныя пзмѣренія количества воды въ рѣкахъ, конечно, показали бы множество такихъ, которыя лишаются только части водъ своихъ. Мы увидимъ далѣе, что Лоара должна быть отнесена къ этой категоріи.

Въ слоистыхъ почвахъ часто бываютъ подземныя водохранилища въ различныхъ глубинахъ. Поиски каменнаго угля, предпріятыя въ окрестностяхъ Сентъ-Никола въ Аліермонъ, близъ Діеппа, показали существованіе семи пространныхъ и обильныхъ водохранилищъ. Вотъ ихъ относительное положеніе.

Первое, въ глубинѣ.....	отъ 12 до 15 сажень.
Второе.....	48
Третье.....	85
Четвертое.....	100
Пятое.....	120
Шестое.....	140
Седьмое.....	160

Всѣ эти водохранилища одарены большимъ стремленіемъ къ верху.

При устроении колодцевъ въ Сентъ-Уанъ, встрѣтили пять отдѣльныхъ водохранилищъ, способныхъ подниматься. Онѣ тоже расположены въ разныхъ ярусахъ почвы, изъ которыхъ верхній находится въ 15, а самый нижній въ 30 саженьяхъ подъ поверхностью земли.

Четыре подобныхъ водохранилища открыли буромъ: въ 30 саженьяхъ глубины, подъ площадью города Сентъ-Дени.

Въ Туръ, тоже подъ площадью, нашли три водохранилища, стремящіяся къ верху, одно въ 45, другое въ 55, третье въ 60 саженьяхъ глубины.

Въ окрестностяхъ Лондона и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ буравъ проходилъ также сквозь нѣсколько этажей водохранилищъ.

Въ слоистыхъ почвахъ бываютъ иногда, кромѣ стоячихъ водохранилищъ, еще текущія, настоящія подземныя рѣки, бѣгущія довольно быстро въ пустыхъ пространствахъ между разными непроницаемыми слоями.

Подъ именемъ подземныхъ рѣкъ мы не разумѣемъ здѣсь ни тѣхъ рѣкъ, которыя, подобно Пойку въ Карніоли, низвергаются въ огромныя горныя пещеры, ни тѣхъ, которыя, подобно Гвахаро, изъ нихъ выходятъ. Мы говоримъ о подземной текучей водѣ, которая замѣнила первоначальные слои почвы и совершенно заняла ихъ мѣсто.

Въ самомъ Парижѣ и его окрестностяхъ есть нѣсколько подземныхъ рѣчекъ.

Работники недавно буравили землю для артезіанскихъ колодцевъ въ одномъ мѣстѣ близъ Фонтенеблосской заставы. По обыкновенію эта работа шла очень медленно; но вдругъ буравъ ускользаетъ изъ ихъ рукъ и погружается на три сажени съ половиною. Если бѣ не рукоятка, продѣтая въ ушко перваго кольна и не могшая пройти сквозь продѣланное уже от-

верзтіе, то ввроятно паденіе еще бы продолжалось. Когда стали вытаскивать щупъ, оказалось, что онъ какъ бы виситъ; что нижній его конецъ не упирается въ твердую почву, и что наконецъ сильное теченіе относитъ его въ сторону. Вода этой подземной рѣки начала бить такъ сильно, что наблюденій продолжать было невозможно.

Въ Сентъ-Уанъ инженеры убѣдились, что третья изъ пяти открытыхъ ими водяныхъ восходящихъ плоскостей, течетъ въ пустотѣ около аршина вышины. Щупъ опустился тутъ вдругъ на 9 вершковъ. Теченіе этой воды должно быть очень сильно, потому что оно сообщало щупу весьма замѣтное качаніе. Этотъ двойной фактъ, — существованіе и сила теченія, — можетъ быть также достовѣрно выведенъ изъ другаго любопытнаго явленія: когда сверло съ выбуравленными частицами почвы должно было проходить сквозь третье водохранилище, всѣ эти частицы были тотчасъ уносимы водою. Само собою разумѣется, что стоячія водохранилища не производили ничего подобнаго.

Мы могли бъ привести множество такихъ примѣровъ. Но вотъ еще сильнѣйшее доказательство существованія подземной рѣки.

Тридцатого января, 1831, вертикальная трубка водомета на площади соборной церкви въ Туръ, была укорочена на двѣ сажени, и масса извергаемой воды сдѣлалась, разумѣется, больше. Она увеличилась цѣлою третью; но вода, которая была сначала весьма чиста, ускоривъ свое движеніе, сдѣлалась мутною. Нѣсколько часовъ сряду она выбрасывала изъ глубины 50 сажень обломки растеній, «въ числѣ которыхъ, говорятъ Г. Дюжарденъ, можно было узнать вѣтки терновника, въ нѣсколько дюймовъ длиною, почернѣвшія отъ пребыванія въ водѣ; еще бѣлые корни и стебли болотныхъ растеній; сѣмена разныхъ родовъ, сохранившіяся такъ хорошо, что нельзя было пред-

«полагать, чтобы они оставались въ водѣ болѣе трехъ или четырехъ мѣсяцевъ. Въ числѣ ихъ были сѣмена «бодягистой сывороточной травы. По временамъ по-«являлись также раковинки земляныя и прѣсной во-«ды. Все это походило на то, что небольшія рѣки и «ручьи оставляютъ на берегахъ, которые были ими «поняты.»

Изъ того, что зерна, привезенныя въ Туръ, еще не подверглись разложенію, Г. Дюжарденъ заключаетъ, что они находились въ водѣ менѣе года. Но они зрѣютъ осенью, собраны въ январь: такимъ образомъ они должны были достигъ до мѣста мѣсяца въ четыре. Эти замѣчанія, вѣроятно не будутъ опровергаемы. Мы не смѣемъ сказать того же о мнѣшій Г. Дюжардена, будто вода артезіанскихъ колодцевъ въ Туръ необходимо должна происходить изъ какой-нибудь сырой долины въ Оверни или Виварѣ.

Не одинъ этотъ естественный испытатель счелъ нужнымъ прибѣгнуть къ такой гипотезѣ. «Петръ де ла Валле говоритъ, что на Строфадскихъ Островахъ, по рассказамъ живущихъ тамъ монаховъ, есть фонтанъ, котораго истокъ долженъ быть въ Морей, и который, по мнѣнію ихъ, проходитъ подъ моремъ съ твердой земли на острова. И дѣйствительно, изъ фонтана по-«являются иногда, вмѣстѣ съ водою, такія вещи, которыя могутъ происходить только изъ Морей. Однажды вышла отсюда тыквенная, обдѣланная серебряною чашка для питья.» Это мѣсто заимствовано изъ сочиненія Петра Перро, подъ заглавіемъ — «О происхожденіи источниковъ». Въ наше время нельзя рассказывать ничего чрезвычайнаго, безъ оговорки!

То что мы говорили о Турскихъ колодцахъ, неоспоримо доказываетъ, что третья тамошняя подземная водяная плоскость не происходитъ, или по-крайней-мѣрѣ не вполне происходитъ, отъ просачиванія сквозь слои песка. Чтобы эта вода могла уносить раковины и

куски дерева, для этого надобно, чтобы она текла свободно въ настоящихъ руслахъ.

Если бы нужно было прибавить что-нибудь къ изложеннымъ здѣсь доказательствамъ существованія быстрыхъ подземныхъ рѣкъ въ такихъ почвахъ, гдѣ прежде и не подозрѣвали ихъ, мы могли бы привести явленія, происходящія въ знаменитомъ Нимскомъ фонтанѣ.

Въ большія засухи этотъ фонтанъ изливаетъ не болѣе 108 ведеръ воды въ минуту; но когда въ сѣверо-западной части города за десять или двѣнадцать верстъ отъ фонтана идетъ сильный дождь, вслѣдъ за этимъ, вода въ немъ прибываетъ, такъ что вмѣсто 108 ведеръ, въ минуту выходитъ до 8,150 ведеръ, и, несмотря на это чрезвычайное усиленіе теченія, температура воды почти не измѣняется.

Такимъ образомъ, дождь идетъ вдали, въ сѣверо-западномъ направленіи, а Нимскій фонтанъ усиливается! Ясно, что вода его приходитъ издалека, по длиннымъ подземнымъ проводамъ, — что, впрочемъ, доказывается и неизмѣняемостью температуры при самыхъ сильныхъ и самыхъ внезапныхъ приливахъ. Приливъ слѣдуетъ въ скоромъ времени за дождемъ: видно, что вода быстро протекаетъ большія пространства; этого не можетъ быть, когда вода только просачивается, какъ бы ни проницаема была почва. Ясно, что Нимскій фонтанъ заимствуетъ воды свои не изъ долинъ въ отдаленной области, но изъ одной или нѣсколькихъ подземныхъ рѣкъ.

Но какая сила поднимаетъ подземныя воды, и заставляетъ ихъ бить на поверхность земнаго шара? Известно, что если мы нальемъ воду въ трубку, сдѣланную въ видѣ U, она приходитъ въ уровень и стоитъ въ обоихъ коленяхъ трубки на совершенно равныхъ высотахъ. Положимъ, что лѣвое колено этой

трубки вставлено въ обширный резервуаръ, изъ котораго она всегда наполняется; что правое колено внизу отрезано; что отъ него остается только небольшая вертикальная часть; что наконецъ эта часть заперта краномъ. Если вы откроете этотъ кранъ, вода начнетъ бить изъ праваго колена вверхъ, до той высоты, на которой она стояла, когда это колено еще не было отрезано. Она подымается вверхъ на такое же пространство, на какое прежде была понижена, считая отъ уровня воды въ резервуаръ, наполняющемъ противоположное колено. На самомъ дѣлѣ вода подымается нѣсколько ниже этого; но маловажная разность не уничтожаетъ правила: она зависитъ отъ тренія, отъ сопротивленія воздуха, отъ противоположнаго теченія жидкихъ частицъ, поднимающихся и опускающихся.

Эти два опыта осуществлены въ большомъ видѣ въ Турецкихъ *су-теразы* и во всѣхъ фонтанахъ и заведеніяхъ для снабженія водою разныхъ частей города и всѣхъ этажей домовъ. Римляне, когда хотѣли провести воду съ одного холма на другой, строили въ долину между этими холмами, дорого стоящіе мосты на аркахъ, называемые водопроводами. Турки рѣшаютъ ту же самую задачу несравненно дешевѣйшимъ образомъ: они проводятъ внизъ по склону перваго холма трубу, сдѣланную изъ кирпича, изъ обожженной глины, изъ какого-нибудь металла; эта труба проходитъ черезъ долину, изгибась по ея неровностямъ, и потомъ подымается по склону втораго холма. По закону коленчатыхъ трубокъ, о которомъ мы говорили выше, вода съ одного холма, пройдя по этой трубѣ чрезъ всю долину, сама собою подымается на другой холмъ почти на такую же высоту, съ какой спустилась, и уравнивается съ нею. Вотъ почему трубки, превосходно замѣняющія древніе водопроводы, и названы Турками *су-теразы*, «водовъсами»!

Теперь, продолжимъ трубку только до половины долины, и сдѣлаемъ отверстіе съ наружной стороны трубки: вода будетъ бить изъ него къверху, а притомъ до такой высоты, съ какой она опустилась. Такъ устрояются всѣ фонтаны.

Гидростатическій законъ, котораго мы означили два примѣненія, совершенно независимо отъ формы трубы, по которой жидкость проходитъ. Замѣните круглую трубку эллиптическою, четырехугольною, многоугольною, сдѣлайте трубку тонкую и чрезвычайно длинную, суживайте ее въ разныхъ мѣстахъ, дѣлайте въ ней какіе вамъ угодно извороты, несмотря на это она будетъ подниматься до той же высоты, во всѣхъ пунктахъ, гдѣ найдетъ отверстіе, которое позволитъ ей повиноваться производимому на нее давленію.

Теперь вспомнимъ, какимъ образомъ дождевая вода проникаетъ въ нѣкоторые слои словстыхъ почвъ; не надобно терять изъ виду, что слои являются обнаженными только на склонахъ или на вершинѣ холмовъ; что они тамъ именно принимаютъ въ себя дождевую воду; вспомнимъ притомъ, что эти водопродные слои, спустившись съ высотъ, которыя и тогда согнули и изломали ихъ, идутъ по долинѣ горизонтально или почти горизонтально; что они часто, какъ-бы заперты между двумя непроницаемыми слоями камня или жирной глины, — и мы тогда поймемъ существованіе подземныхъ водяныхъ плоскостей, находящихся въ положеніи трубокъ *су-теразы* и нашихъ фонтановъ: отверстіе, пробуравленное сквозь всѣ слои и наконецъ сквозь тотъ, который непосредственно покрываетъ водопродный слой, сдѣлается вторымъ коленнымъ трубки, имѣющей видъ U, о которой мы говорили, или опрокинутого сифона, или, если угодно, *сутеразы*; жидкость будетъ подниматься

по этой пробуравленной дырѣ до той высоты, на которой соответствующая водяная плоскость стоитъ на склонѣ холма, гдѣ она происходитъ. Такимъ образомъ всякой легко пойметъ, отчего въ известной горизонтальной почвѣ подземныя воды, находящіяся въ разныхъ глубинахъ, могутъ быть одарены неодинаковою силою возвышенія; вслѣдствіе этого можетъ объясниться, отчего та же самая водяная плоскость бьетъ въ одномъ мѣстѣ на большую высоту, а далѣе не поднимается и до поверхности почвы. Простыя неровности почвы сдѣлаются достаточною, естественною причиною этой разности.

Это объясненіе подниманія воды въ артезіанскихъ колодцахъ, такъ естественно, что оно первое представилось физикамъ. И действительно, еще въ 1671 году Кассини говорилъ: «Быть можетъ, эта вода (вода «буравленныхъ колодцевъ въ Моденѣ) течетъ по подземнымъ каналамъ съ Аппенинской горы, которая отсюда не болѣе какъ въ десяти миляхъ.» Нынче, вѣра въ эту простую и ясную теорію ослабла. Посмотримъ, есть-ли на это достаточныя причины.

Въ Исландіи существуютъ источники, которые бросаютъ на значительную высоту, иногда горячую воду, иногда только столбы паровъ. Причину этого любопытнаго явленія искали сначала въ упругости водяныхъ паровъ; и надобно сказать, что это объясненіе довольно хорошо согласуется со всеми обстоятельствами, о которыхъ рассказываютъ путешественники. Но изъ того, что въ Исландіи, то есть, по близости дѣйствующихъ вулкановъ, пары производятъ фонтаны, слѣдуетъ ли заключать, что въ нашихъ странахъ, гдѣ нѣтъ вулкановъ, битье водометовъ изъ земли также зависитъ отъ дѣйствія газа, что единственною причиною ихъ можетъ быть сгущенный воздухъ? Признаюсь, я не вижу необходимости подобнаго слѣдствія. Притомъ надобно замѣтить, что

гейзеры перемежаются, что между двумя последовательными извержениями, проходит довольноное время совершенного спокойствія, между-тѣмъ, какъ буравленные колодцы быють съ одинакою быстротою цѣлые дни, мѣсяцы, годы? Къ чему же и уподоблять два явленія, такъ несходныя между собою?

Воздухъ сжатый въ подземной пещерѣ, могъ бы выдавливать воду сквозь восходящую трубку буравленнаго колодца не иначе, какъ непрерывно расширяясь; но расширяясь, онъ лишился бы постепенно своей силы и вода должна была бы течь медленнѣе. Привержейцы этой гипотезы говорятъ, что по временамъ въ подземныя водохранилища проливается количество воды, достаточное для того, чтобы привести все въ первобытное состояніе, такъ, что дѣйствующій воздухъ не можетъ замѣтно ослабѣть въ своей упругости; но эти господа забываютъ, что ихъ вспомогательныя колонны воды могли бы играть роль, которую они имъ назначаютъ, только тогда, когда бы онѣ преодолѣли упругость сжатаго воздуха, — а въ такомъ случаѣ не жидкая ли прибывающая колонна вдавливать воду въ восходящую трубку? Почему же сила, дѣйствующая въ эту минуту, не могла бы быть достаточною навсегда?

Во многихъ машинахъ резервуары газа, и колеса, извѣстныя подъ именемъ маховъ, употребляются для уравненія дѣйствій; но какъ отдѣльные двигатели, они не могутъ производить правильности, постоянства теченія, замѣтныхъ въ буравленныхъ колодцахъ, или искусственныхъ источникахъ, которымъ стоитъ только дать долину, русло и наклонную площадь, и они превратятся въ настоящія, неистощимыя рѣки. Когда-нибудь люди будутъ дѣлать рѣки искусственныя, — мы въ томъ увѣрены: стоитъ только хорошо уразумѣть происхожденіе источниковъ, ихъ законы и теорію образованія рѣкъ. И теперь уже можно дѣ-

латъ въ садахъ прекрасныя струи текучей воды и цѣлыя рѣчки, не проводя воды каналами изъ отдаленныхъ мѣстъ и помощію одного бурава.

Оставимъ другія и весьма важныя возраженія, которыя можно противопоставить теоріи, основанной на дѣйствіи резервуаровъ сжатого воздуха, и рассмотримъ еще одну гипотезу, очень странную, которую однако жъ въ послѣднее время восхваляли.

Водяная плоскость, въ которую погружается восходящая трубка, продѣланная буравомъ, всегда заключается между двумя минералогическими, непроницаемыми слоями. Говорятъ, что высшій изъ этихъ слоевъ, на которомъ лежитъ вся тяжесть верхней земли, необходимо долженъ понижаться и давать жидкость, которую онъ покрываетъ; отъ этого и происходитъ подниманіе воды.

Допустимъ на время, что это мнимое давленіе существуетъ. Тогда надобно рассмотретьъ три случая, — или гнущійся слой будетъ постоянно двигаться сверху внизъ до соприкосновенія со вторымъ непроницаемымъ слоемъ, — или онъ остановится, прежде этого соприкосновенія, въ положеніи равновѣсія, — или будетъ то подниматься, то опускаться. Ясно, что ни одинъ изъ этихъ случаевъ не силенъ объяснить постоянного теченія нѣкоторыхъ артезіанскихъ фонтановъ. Въ послѣднемъ случаѣ оно должно бы быть перемежающимся; во второмъ постепенно уменьшаться и наконецъ остановиться; въ первомъ также, рано или поздно, брызженіе должно остановиться, особенно въ тѣхъ многочисленныхъ мѣстахъ, гдѣ водяная плоскость представляетъ толщину небольшую.

Не мудрено было бы собрать здѣсь множество другихъ возраженій, но лучше рассмотретьъ важность единственнаго возраженія, которое дѣлаетъ противъ

уподобленія буравленныхъ колодцевъ опрокинутымъ сифонамъ или Турецкимъ *су-теразы*.

Нѣкоторые изъ артезіанскихъ фонтановъ, напримѣръ Лилльберскій въ Артуа, быють посреди пространныхъ долинъ. Ни съ которой стороны не видно ни малѣйшаго возвышенія: гдѣ же, говорятъ, искать гидростатическихъ колоннъ, которыхъ давленіе принуждало бы подземныя воды подниматься на поверхность земли? Отвѣчаемъ, что ихъ надобно искать, если нужно, и далѣе объемлемаго глазомъ горизонта, за пятьдесятъ, за сто, за сто пятьдесятъ верстъ и даже болѣе. Существованіе подземной водяной плоскости въ четыреста верстъ длиною, можетъ быть важнымъ возраженіемъ только въ глазахъ тѣхъ, которые вопреки свидѣтельству науки, стали бы утверждать, что пространство земли въ четыреста верстъ не можетъ имѣть одинаковаго геологическаго строенія. Впрочемъ вотъ явленіе, которое ясно разрѣшаетъ этотъ вопросъ.

Въ глубинѣ Океана есть источники прѣсной воды, которые быють вертикально до самой поверхности его. Очевидно, что вода этихъ источниковъ течетъ изъ земли по природнымъ каналамъ, идущимъ подъ дномъ моря. Нѣсколько лѣтъ назадъ одинъ Англійскій корабль, на которомъ находился Г. Букананъ, нашель въ Индѣйскомъ морѣ, при совершенномъ штилѣ, обильный источникъ прѣсной воды въ 125 миляхъ отъ Читтагонга и около 100 миль отъ ближайшаго берега. Если неоспоримое открытіе доводитъ насъ до подобныхъ чиселъ, то возраженія, основанныя на разстояніи, падаютъ сами собою.

Что подземныя рѣки достигаютъ моря такъ же, какъ наземныя, доказательство тому — вліяніе морскихъ приливовъ и отливовъ на колодцы, буравленные внутри областей. Г. Балль замѣтилъ, что бьющій источ-

никъ *Nouvelle-sur-Mer*, въ департаментъ *Соммы*, возвышается и понижается вмѣстѣ съ приливомъ. То же самое явленіе должно происходить и во всѣхъ подобныхъ источникахъ, пробуравленныхъ въ окрестностяхъ *Аббевиля*.

Если бъ и не было средствъ исчислить намѣненія въ стояніи воды, то дѣйствіе прилива и отлива можно также вѣрно замѣчать, измѣряя въ надлежащее время количество воды, доставляемое бьющими колодцами. Такъ напримѣръ въ *Фульгамъ*, близъ *Темзы*, есть буравленный фонтанъ въ пятьдесятъ сажень глубиною, который доставляетъ то $30\frac{1}{2}$, то $47\frac{1}{2}$ ведеръ воды въ минуту, смотря по приливу и отливу.

Посмотримъ, такъ ли трудно объяснить это дѣйствіе прилива, какъ кажется съ перваго взгляда.

Если въ стѣнкѣ сосуда, какой бы то формы ни было, наполненнаго жидкостію, мы сдѣлаемъ отверстіе, весьма малое въ сравненіи съ величиною сосуда, теченіе, которое будетъ происходить чрезъ это отверстіе, не произведетъ замѣтнаго измѣненія въ давленіи жидкости на стѣны. Два, три отверстія, десять отверстій, если только они всѣ вмѣстѣ весьма малы въ сравненіи съ размѣромъ сосуда, также оставляютъ давленіе жидкости на всѣ его точки въ томъ же самомъ положеніи, въ которомъ было оно въ состояніи равновѣсія, когда жидкость не имѣла ни малѣйшаго движенія. Предположите теперь, что это отверстіе, или эти отверстія сдѣлались побольше, тотчасъ все измѣняется, и размѣръ, который вы имъ дадите, будетъ опредѣлять давленіе жидкости на каждомъ пунктѣ; и ежели одно изъ отверстій уменьшится, теченіе во всѣхъ другихъ сдѣлается обильнѣе.

Эти правила Гидродинамики, совершенно доказанныя, легко могутъ быть примѣнены къ явленію, о которомъ мы разсуждаемъ.

Коль скоро подземная рѣка, изъ которой бьетъ пробуранный фонтанъ, изливаетъ частію воды свои въ море или въ другую рѣку, подверженную приливу и отливу и притомъ сквозь отверстіе, довольно большое въ сравненіи съ ея размѣромъ, такъ что ежели это отверстіе уменьшится, давленіе тотчасъ увеличится на всѣхъ пунктахъ природныхъ или искусственныхъ каналовъ, наполняемыхъ водою этой рѣки : такимъ образомъ теченіе изъ пробураннаго отверстія усилится, если поверхность воды въ морѣ возвысится. Между-тѣмъ ясно, что если приливъ происходитъ на то самое мѣсто, гдѣ подземная рѣка изливаетъ свои воды, то усиленіе наружнаго давленія уменьшить количество воды, вытекающей въ данное время; дѣйствіе будетъ то же самое, которое произошло бы при уменьшеніи отверстія и слѣдствіе должно быть точно такое же: приливъ и отливъ моря будутъ производить соответствующіе имъ приливъ и отливъ въ артезианскомъ колодцѣ. И дѣйствительно это явленіе замѣчено и въ *Nouvelle-sur-Mer*, и въ *Фульгамъ*. Но довольно объ этомъ.

Изъ всѣхъ ученыхъ вопросовъ, которые были въ последнее время разсматриваемы, одинъ изъ любопытнѣйшихъ есть вопросъ о томъ, сохранилъ ли земной шаръ первобытную теплоту свою. *Фурье* привелъ рѣшеніе этой важной задачи *Естественной Философій* къ весьма простому наблюденію: онъ доказалъ, что если бы земля заимствовала всю теплоту свою отъ солнца, то температура слоевъ ея во всѣхъ климатахъ была бы одинакова во всѣхъ достижимыхъ глубинахъ, и сверхъ того она была бы равна средней температурѣ поверхности. Между-тѣмъ наблюденія, произведенныя во многихъ рудникахъ, не соответствуютъ этимъ результатамъ. Но эти наблюденія не произвели убѣжденія. *Штольба* въ рудникѣ представлялась нѣкоторымъ умамъ какъ бы лабораторіею, въ

которой химическія дѣйствія непрерывно производятъ большое отдѣленіе теплоты. Говорили также, что присутствіе работниковъ, зажженные факелы, пороховые взрывы, и прочая, и прочая; могутъ производить измѣненіе въ температуръ рудниковъ, и хотя самыя подробныя исчисленія доказали, какъ недостаточны для объясненія явленій всѣ эти причины, вмѣстѣ взятая, многіе однако продолжали сомнѣваться. Наблюденіе, сдѣланное мною въ октябрь 1821 года, въ то время какъ я, вмѣстѣ съ Гг. Кольби, Кеторомъ и Матъё, соединялъ посредствомъ геодезическихъ операцій берега Франціи съ берегами Англии, указало мнѣ на неоспоримое рѣшеніе этой задачи. Я нашелъ, что температура источниковъ, вытекающихъ у подошвы утесовъ Бланъ-не, значительно выше температуры воды въ близкомъ оттуда колодцѣ Монлаамберскомъ.

Тутъ я увидѣлъ, что опредѣленіе температуры артезианскихъ фонтановъ, есть предметъ, достойный вниманія: мнѣ казалось, что воды этихъ фонтановъ, особенно если онѣ обильны, необходимо должны, при появленіи своемъ на поверхности земли, сохранять температуру внутреннихъ слоевъ, обыкновенно горизонтальныхъ, между которыми онѣ заключены. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ одной и той же странѣ, если только земля имѣетъ свою собственную теплоту, — а это-то и надобно было доказать, — высшая температура должна быть въ водахъ, которыя бьютъ изъ большей глубины. Поэтому я уже четырнадцать лѣтъ не перестаю собирать, самъ и съ помощію моихъ пріятелей, термометрическіе документы, имѣющіе столь прямое соотношеніе съ исторіею земнаго шара. Надѣюсь, что скоро я въ состояніи буду предложить ихъ публикѣ. Тогда я выведу изъ нихъ и всѣ слѣдствія, которыя при этомъ представляются: здѣсь, при помощи избранныхъ результа-

товъ, я покажу только, что во всѣхъ мѣстахъ температура буравленныхъ колодцевъ выше температуры поверхности земли, и притомъ въ пропорціи одного градуса стоградуснаго термометра на каждые 9—14 сажень глубины.

Парижъ.

Средняя температура въ Парижѣ на поверхности земли.. + 10°,6.
Температура фонтана Сентъ-Уанскаго..... + 12°,9.
(Глубина 31 сажень.)

Департаменты Сѣверный и Па-де-Кале.

Средняя температура поверхности земли составляетъ около. + 10°,3.
Температура артезианскаго фонтана Маркеттъ..... + 12°,5.
(Глубина 25 сажень.)

Артезианскаго фонтана въ Эрв..... + 13°,3.
(Глубина 30 сажень.)

Артезианскаго фонтана въ Сентъ-Венанъ..... + 14°,0.
(Глубина 48 сажень.)

Ширнесъ, при устьѣ Медвей въ Темзу.

Средняя температура поверхности..... + 10°,5.
Температура артезианскаго колодца..... + 15°,5.
(Глубина 52 сажени.)

Туръ.

Средняя температура на поверхности..... + 11°,5.
Температура артезианскаго фонтана..... + 17°,5.
(Глубина 65½ сажень.)

Изысканія надъ другими буравленными колодцами конечно представлять тѣ же результаты правильнаго усиленія внутренней теплоты земнаго черепа, какъ скоро ими займутся. Въ Европѣ многіе пробуравленные водометы выбрасываютъ воду изъ глубины отъ 100, до 120 и даже 160 сажень, какъ напримѣръ въ Сентъ-Никола-д'Алиермонъ, во Франціи, гдѣ дошли до седьмой водяной плоскости. Въ области Кя-тинъ-фу, по свидѣтельству Дюфрена, Китайцы выбуравливаютъ землю до 275 сажень, для добыванія соленой воды.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, когда пробуравишь землю до известной глубины, вдругъ вылетаетъ изъ отверстія горячая вода, которой температура гораздо

сильнѣе водѣ ближайшихъ буравленныхъ колодцевъ: это должно отнести къ особеннымъ свойствамъ мѣстности, тѣмъ же разнымъ тѣмъ и броженію газовъ въ омежныхъ пустотахъ почвы.

Нельзя забыть при этомъ, что точно такимъ, образомъ какъ мы заставляемъ дождевую воду, просачивающуюся сквозь земные слои, подыматься изъ внутреннихъ водоемовъ на поверхность материка, можно обратно заставить воду, накопившуюся на его поверхности, пролиться въ пустоты земнаго черепа и образовать тамъ искусственныя водяныя плоскости, которыя прежде не существовали. Отверстія, увлекающія внутрь земли наружныя водяныя плоскости, которыя, безъ этого пособія, оставались бы на поверхности земли, составляютъ родъ отрицательныхъ артезіанскихъ фонтановъ. Нужда, мать многихъ важныхъ изобрѣтеній, съ раняго времени подала людямъ мысль подражать въ этомъ природѣ.

Долина Палёнъ (Paluns) близъ Марсели, была обширнымъ болотистымъ бассейномъ. Осушить его посредствомъ поверхностныхъ каналовъ, казалось невозможнымъ. Король Ренѣ приказалъ выкопать множество глубокихъ ямъ, и эти ямы проводили, и проводятъ донинѣ, въ проницаемые слои, лежащія въ некоторой глубинѣ, воду, которая иначе сдѣлала бы всю эту землю не плодородною. Увѣряютъ, что эти самыя воды, ушедшія въ Палёнскія ямы, протекши некоторое пространство подъ землею, образуютъ фонтаны Мюнскаго порта, близъ Касси.

Рѣка Орбъ, въ Жюрасскомъ департаментѣ, приноситъ въ озеро Жу гораздо болѣе воды, нежели сколько можетъ испариться; между-тѣмъ вода въ этомъ озерѣ изъ котораго не вытекаетъ ни одна рѣка, стоитъ почти всегда на одинакой высотѣ. «Это происходитъ оттого, говоритъ Соссюръ, что природа

« устроила въ этомъ мѣстѣ подземные проходы, въ которыхыхъ вода озера поглощается и исчезаетъ.... Такъ какъ для жителей этой долины весьма важно поддерживать эти природные стоки воды, безъ которыхыхъ нахотныя поля и жилища были бы вскорѣ затоплены, то они тщательно ихъ поддерживаютъ; и даже замѣтивъ, что они недовольно сильно поглощаютъ воду, устраиваютъ новые ».

« Для этого надобно только выкопать нѣсколько колодезь въ 15 или 20 футовъ глубиною и отъ 8 до 10 шириною, въ тонкихъ и вертикальныхъ слояхъ, которыхыхъ вершины остаются обнаженными. Эти колодцы называются воронками..... Воды, поглощаемыя всѣми этими воронками, выходятъ потомъ изъ земли, и образуютъ прекрасный источникъ (также называемый Орбою) верстахъ въ трехъ ниже свершной оконечности озера.» При этомъ теченіи на пространствѣ трехъ верстъ, воды, поглощенныя землею, спускаются на 103 сажени.

Эта проникаемость почвы можетъ даже принести большую пользу промышленности и здоровью городовъ.

Одинъ крахмальный фабрикантъ въ Вилльтавѣзѣ, недалеко отъ Сенъ-Дени, избавился зимою 1832 года, посредствомъ колодца пробуравленнаго до нѣкоторыхъ слоевъ поглощающей земли, отъ 16,000 ведеръ въ день нечистой воды, которой вонь подавала поводъ къ жалобамъ и вѣроятно принудила бы его перенести свое заведеніе въ другое мѣсто. Послѣ пятимѣсячнаго поглощенія на днѣ колодца нашли сверломъ одинъ только песокъ, и колодець съ тѣхъ поръ дѣйствуетъ какъ при самомъ началѣ.

Содержатели Бондѣйской живодерни избавляются такимъ же образомъ каждыя сутки отъ 100 кубическихкихъ метровъ воды, которая мѣшаетъ ихъ работамъ.

Инженеръ Мюло чрезвычайно замысловато воспользовался поглощающимъ свойствомъ нѣкоторыхъ каменистыхъ слоевъ, для рѣшенія задачи, весьма важной для города Сень-Дени. Вода фонтана, вырѣтаго на почтовой площади, служила лѣтомъ къ очищенію ея, но при наступленіи морозовъ на мостовой скопился ледъ, который препятствовалъ свободному обращенію экипажей. Это заставило было отказаться отъ прорытія колодца на другой площади, какъ Г. Мюло придумалъ для отвращенія такого неудобства замысловатое средство, которое мы опишемъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Превосходная вода изъ слоя, лежащаго въ 28 сажняхъ глубины, подымается металлической трубкою извѣстнаго діаметра. Другая трубка, значительно толще этой, обнимаетъ ее, и погружается въ 24 сажняхъ глубины въ другую воду, годную въ питье, но однако же не столь чистую, какъ первая. Вода, находящаяся въ 24 сажняхъ глубины, можетъ подыматься только въ пустомъ пространствѣ, остающемся между обими трубками. Наконецъ третья трубка, значительно толще второй, обнимаетъ ее, и спускается до одного поглощающаго слоя. Такимъ образомъ по пустому пространству, остающемуся между среднею и крайнею трубкою, не подымается ничего, но напротивъ зимою по немъ спускается во внутренность земли вода двухъ первыхъ восходящихъ источниковъ, которая остается безъ употребленія и, разлившись по улицѣ, могла бы образовать толстый пластъ льда. Впрочемъ, какъ въ этомъ случаѣ поглощаемая вода чиста, то она бы не подала повода къ возраженіямъ, которое произвело въ Вильтанезъ и Бонди опасеніе, чтобы вода сосѣднихъ колодцевъ не была испорчена просачиваніемъ нечистотъ.

Теперь перейдемъ къ нѣкоторымъ явленіямъ, замѣченными при бурвленіи земнаго черепа. Въ Блинге-
Т. X. — Отд. III.

ль, въ долину Тернуазъ, изъ трехъ пробуранныхъ въ 1820 году отверстій, первое сдѣлалось прекраснымъ фонтаномъ, а въ двухъ другихъ не оказалось ни капли воды, хотъ всѣ были весьма близко одно отъ другаго.

Въ Лиллѣ, въ Сенъ-Полъ и въ Сенъ-Венанъ замѣчена также неправильность.

Въ Бетюнѣ, отверстіе, пробуранное въ 10 саженьяхъ почвы новаго образованія и 5 саженьяхъ известняку, произвело фонтанъ самой чистой воды. Въ саду сосѣдняго дома точно такое же отверстіе не доставило ни капли воды, хотъ было углублено еще на 15 сажень въ известнякъ.

Но такъ ли удивительны, какъ многіе полагаютъ, эти явленія, которыхъ можно было бы собрать гораздо болѣе?

Надобно вспомнить, что подземныя воды образуютъ водяныя большія плоскости только въ промежуткахъ между отдѣльными минералогическими слоями; что напротивъ въ самой серединѣ этихъ пластовъ, даже и наименѣ сплошныхъ, какъ напримѣръ въ мѣловатомъ известнякѣ, вода обращается только по нѣкотораго рода желобкамъ, между которыми остаются массы мѣла, совершенно плотнаго и непроницаемаго. Если бурованное отверстіе пройдетъ въ одинъ изъ этихъ желобковъ, вода болѣе или менѣ подымается, смотря по давленію, претерпѣваемому жидкостью. Ежели же вы попадете на плотную массу известняка, то работа ваша пропала, — но все-таки этотъ результатъ не представляетъ ничего удивительнаго. Если вмѣсто того, чтобы искать воды во внутренности, или даже только въ верхней части мѣловаго пласта, отверстіе углубили до непроницаемаго слоя, на которомъ онъ покоится, тамъ встрѣтили бы уже не желобки, но цѣлую водяную плоскость, и успѣхъ работы не подлежалъ бы ни какому сомнѣнію.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и между прочимъ въ Турѣ, можно надѣлать колодцевъ столько и такъ близко одинъ отъ другаго, какъ вамъ угодно, и они не будутъ вредить другъ другу. Напротивъ того въ другихъ мѣстахъ каждый новый колодезь уменьшаетъ произведеніе ближнихъ колодцевъ, или понижаетъ въ нихъ стояніе воды.

Это различіе не покажется удивительнымъ тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые хорошо поняли предложенное нами объясненіе дѣйствія приливовъ на артезіанскіе фонтаны. Они увидятъ, что въ первомъ случаѣ сумма восходящихъ трубокъ весьма мала въ сравненіи съ водяною плоскостію, въ которую онѣ проходятъ; что во второмъ случаѣ сравнительная маловажность размѣра, необходимая для того, чтобы гидростатическое давленіе оставалось въ прежней силѣ, не существуетъ. Такимъ образомъ, эти явленія будутъ нѣкоторымъ образомъ только повѣркою гидродинамическаго закона, о которомъ мы уже говорили.

Два артезіанскіе фонтана, устроенные на бумажной фабрикѣ Г. Деллагарда близъ Куломмь, возвысились болѣе чѣмъ на аршинъ въ засуху 1825 года, то есть, когда большая часть обыкновенныхъ источниковъ изсякла. Это явленіе, хотя оно продолжалось только нѣсколько дней, не менѣе того весьма замѣчательно, — и объясненіе его еще не найдемъ. Надобно прибавить, что послѣ этого, воды обохъ фонтановъ начали мало по малу понижаться, однако же не опустились ниже обыкновеннаго.

Однажды, при оттепели, случившейся послѣ снѣжнаго сѣвга, Г. Дегирандъ, Шокскій меръ, былъ разбуженъ необычайнымъ шумомъ. Онъ сошелъ въ садъ, и къ величайшему своему удивленію, увидѣлъ, что находящійся тамъ артезіанскій фонтанъ былъ втрое выше обыкновеннаго, что продолжалось только пять или шесть часовъ. Это явленіе кажется намъ новымъ

доказательствомъ того, что подъемъ воды изъ внутренности земнаго черепа на его поверхность, въ видѣ ключей, истоковъ, фонтановъ, дѣйствительно происходитъ отъ гидростатическаго давленія. Въ время этого явленія оттепель могла наполнить во всю ихъ длину трещины въ землѣ, лежащей выше деревин, — трещины, которыя обыкновенно, даже и въ дождливое время, не заключаютъ въ себѣ воды или по крайней мѣрѣ не содержатъ непрерывныхъ массъ ея. А всякому извѣстно, что достаточно струи самой малой, даже волосковатой, для произведенія сильнаго давленія въ неопредѣленной жидкой массѣ.

Въ Рошелъ, въ 32 саженьяхъ отъ морскаго берега, есть буравленный колодезь, въ которомъ восходящая водная плоскость, встрѣченная буравомъ, не поднялась на поверхность земли: она осталась на $2\frac{1}{2}$ саженьяхъ ниже. Вся глубина этого колодезасоставляетъ до 95 сажень. Четыре года высота этой жидкой колонны въ $92\frac{1}{2}$ сажени не измѣнялась значительно; но въ 1833 году, когда колодезь хотѣли углубить, высота воды начала чрезвычайно сильно измѣняться, то убывая, то прибывая. Иногда въ одинъ день она упала на 22 сажени, а на слѣдующее утро бывала только въ 2 или 3 саженьяхъ отъ своей обыкновенной точки. Чтобы можно было сдѣлать какое-нибудь заключеніе о причинахъ этихъ измѣненій, столь странныхъ по неправильности и по важности своей, надобно было бы наблюдать ихъ болѣе.

Не одна вода стоитъ огромными лужами въ пластахъ, образующихъ слоеную оболочку нашего шара, или прорываетъ себѣ въ нихъ подземныя русла: нины пустоты его наполнены летучими парами.

Случается, что фонтанчики, ища въ землѣ воды, вмѣсто ея встрѣчаютъ большіе резервуары газа, который быстро и сильно поднимается на поверхность земли. Этотъ газъ обыкновенно бываетъ горючій инос-

да это чистый водородъ, но большею частию углеводородъ, то есть, тотъ самый газъ, который самъ собою отдѣляется отъ каменнаго угля и производитъ въ ломкахъ такія ужасныя послѣдствія, и который нынче употребляютъ для освѣщенія.

Въ Китаѣ много подобныхъ колодцевъ. Газъ, отдѣлявшійся изъ того, который нѣсколько лѣтъ назадъ видѣлъ Аббатъ Имберъ, былъ проведенъ длинными трубками подъ триста котловъ, гдѣ его зажигали. Тамъ не употребляли ни какого другаго средства выпариванія. Улицы, рынки, мастерскія были освѣщены этимъ же газомъ, приведеннымъ на мѣсто посредствомъ бамбуковыхъ трубокъ.

Во многихъ деревняхъ Сѣверной Америки освѣщаютъ улицы и дома струями газа, непрерывно выходящаго уже нѣсколько лѣтъ изъ углубленій, сдѣланныхъ для отыскиванія воды.

Плиній говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «Изъ горы Хи-меры, близъ Фаселиса, непрерывно выходитъ пламя, которое горитъ день и ночь.» Оно снова отыскано въ 1811 году Г. Бофоромъ. Это явленіе заслуживаетъ упоминанія по своей древности.

Въ 1833 году, въ Италіи, недалеко отъ Болоньи, при сверленіи артезіанскаго колодца въ глубинѣ 10 сажень, вдругъ хлынула толстая струя углекислаго водороднаго газа, который былъ огненнымъ фонтаномъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Вообще резервуары газа, находящіеся во внутренности земли, производятъ обыкновенно фонтаны не долговременныя. Въ Кормель, изъ буравленнаго отверстія, началось вдругъ такое сильное отдѣленіе водорода, что работники принуждены были удалиться; но чрезъ трое или четверо сутокъ не было уже и слѣдовъ этого газа. То же явленіе, съ тѣми же самыми обстоятельствами, происходило близъ Триеста.

Болѣе или менѣе скорое истощеніе этихъ огненныхъ фонтановъ можетъ служить послѣднимъ доказательствомъ того, что мы доселѣ сказали о движеніи воды сквозь и внутри земнаго черепа. Газы заключены въ его пустотахъ и пещерахъ; они не кружатъ и не возобновляются, тогда какъ вода, упавшая съ облаковъ, подобно крови въ нашихъ жилахъ непрерывно струится внутрь сквозь пласты большими трещинами и тончайшими трубками, и оттуда обратно восходитъ на поверхность земли, льется по ней, улетаетъ съ нею въ воздухъ, и тамъ опять соединяется съ тучами. Это благодѣтельное водообращеніе, великое колѣно органической жизни, составляетъ одно изъ чудеснѣйшихъ звеньевъ безконечно-сложнаго сцепленія круговращательныхъ движеній, которое мы называемъ міромъ: не будь этого процесса, поверхность материковъ или была бы постоянно покрыта слоемъ воды въ пять, шесть вершковъ толщиною, — потому что вѣроятно такова средняя высота воды, упадающей на нихъ въ теченіе года въ видѣ дождя, снѣга и града, — или органическая жизнь не существовала бы на сушѣ.

=

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

СВЕКЛО-САХАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

И НОВЫЕ МЕТОДЫ ПРОИЗВОДСТВА.

Теперь, когда успѣхъ свекло-сахарнаго производства во Франціи невольно заставляетъ усмѣхнуться такимъ мнѣніямъ, каково напримѣръ знаменитаго Сел, который, лѣтъ девять тому назадъ, утверждалъ въ своей Политической Экономіи, что «это — сумасшествіе, хотѣть принудить умренные климаты къ тому, чтобъ они доставляли, съ трудомъ и низкой доброты, вещества сахарныя и красильныя, которыя жаркій поясъ производитъ въ изобиліи»; когда всѣ возраженія Аниссона * въ защиту сахарныхъ колоній не могли остановить распространенія свекло-сахарныхъ заводовъ, и когда благонамѣренныя предположенія Домбала такъ блистательно приводятся въ исполненіе его послѣдователями, — неужели у насъ промышленность эта навсегда останется, въ общемъ мнѣніи, на такой ничтожной степени, какую нынче она въ немъ занимаетъ? Пусть первые неудачные порывы, пусть противорѣчія заводчиковъ, упадокъ многихъ заведеній, — пусть все это могло дать невыгодное понятіе объ этой промышленности; но теперь, когда мануфактурная дѣятельность болѣе и болѣе развивается въ нашемъ отечествѣ, когда люди образованные и даже знатные, собственными трудами открываютъ новые источники блага народнаго, и когда дво-

* Examen de l'enquête commerciale sur les sucres en 1829.

ряство, обративъ особенное вниманіе на свекло-сахарную отрасль, усиленными трудами дало ей быть народный, теперь, говорю я, было бы непростительно не представить уваженію нашихъ соотечественниковъ тѣхъ выгодъ, какія приносятъ подобный заводъ, и тѣмъ не возбудить желанія — общими трудами споспѣшествовать къ распространенію производства, столь благодѣтельнаго для Россіи.

Какъ заводчикъ, которому даютъ нѣсколько правъ и многолѣтнія занятія по этой части, и собственными, тяжелыми трудами приобретенныя по ней познанія, и свѣдѣнія собранныя при личномъ обзорѣ лучшихъ нашихъ заводовъ, я предпринимаю познакомить читателей Б. для Ч. съ ходомъ и теперешнимъ состояніемъ у насъ свекло-сахарнаго дѣла.

Вотъ уже почти девяносто лѣтъ, какъ Марграфъ, Прусской химикъ, открылъ, что въ свекловицѣ есть кристаллизованый сахаръ, и вотъ уже почти пятьдесятъ лѣтъ, какъ другой химикъ, Ахардъ, показалъ опытами, что это открытіе можетъ составить важную промышленность. Отчеты его быстро распространились по всей Европѣ, и Франція болѣе всѣхъ схватила за нихъ: здѣсь-то эта промышленность возростала, упала, снова возростала, и, можетъ-быть, навсегда упала бы, если бъ не континентальная система: воля Наполеона дала ей жизнь, и теперь тамъ до трехъ сотъ заводовъ; да не только во Франціи, — въ Богеміи считаютъ около двадцати такихъ заводовъ, а въ Галиціи встрѣчаютъ они на каждомъ участкѣ земли.

Хотя у насъ, въ эти послѣдніе годы, все усовершенствованія свекло-сахарнаго производства замѣтнованы отъ Французовъ, однако жъ первый заводъ, устроенный Г. Бланкеншагелемъ въ 1800 году, показался въ Россіи тогда, какъ во Франціи еще и не думали о такихъ заведеніяхъ. Предпріятіе Г. Бланкеншагеля, какъ начало, было очень трудно, и нѣтъ сомнѣнія, что заводъ его не могъ бы поддержать себя, если бъ не помогло правительство, отпустивъ 50,000 рублей, и если бъ тогдашнія политическія обстоятельства не возвысили сахара на такую безвѣрную цѣну.

Ни одна промышленность не начиналась у насъ съ такимъ дурнымъ предзнаменованіемъ, какъ свекло-сахарная, и ни одна не колебалась такъ долго въ своемъ предопредѣленіи, — быть

или не быть ей? Мы теперь съ трудомъ върнемъ, куда можно было, на этихъ заводахъ, употребить столько капиталовъ, и притомъ безъ всякой пользы. Но теперь, кажется, дѣло кончено: благодаря безкорыстности и трудамъ нашихъ соотечественниковъ, предубвжденія противъ этой промышленности болѣе и болѣе развеваются. Мы съ признательностью упоминаемъ имена Бланкеннагеля, какъ перваго ея основателя, И. А. Мальцова, какъ ревностнаго распространителя, графа А. А. Бобринскаго, какъ того, чьямъ трудамъ и вниманію она обязана тѣмъ улучшеннымъ состояніемъ, въ какомъ теперь находится.

Въ чемъ состоятъ выгоды свекло-сахарной промышленности? Разсматривая ее только какъ вещественное богатство, онѣ представляются въ трехъ видахъ: выгоды частныя, выгоды земледѣльческаго класса народа, и выгоды государственныхъ доходовъ.

Выгоды частныя. Какъ велика прибыль заводчика? Прежде опредѣлимъ вопросъ, во всей ли Россіи одинаковы выгоды доставляетъ эта промышленность. Легко отвѣчать, что — нѣтъ: климатъ, почва, народонаселеніе, цѣнность матеріаловъ, весьма ихъ разнообразятъ. Кромѣ того, упадкомъ многихъ свекло-сахарныхъ заведеній, мы теперь убѣждены, что къ северу отъ Москвы они существовать не могутъ по недостатку удобрения земли; сомнѣваюсь также, чтобы и къ югу отъ Харькова, въ этихъ необозримыхъ степяхъ, могли они существовать, предполагая, что ранніе южные вѣтры вредятъ постоянному урожаю свекловицы. Къ востоку за Волгой нѣтъ заводовъ, а къ западу крайніе въ Смоленской и Полтавской губерніяхъ, такъ, что Днѣпръ можно принять границею, далѣе которой не знаемъ, есть ли они. Я не отвергаю, чтобы за Днѣпромъ, въ западныхъ губерніяхъ, не могли быть заводы, особенно, зная, что до 1830 года въ Подольской губерніи былъ огромный заводъ Сабанскихъ; но не хочу увлекаться предположеніями, и беру только то пространство, на которомъ издавна существуютъ заводы, именно, между 50° и 55° сѣверной широты и 63° и 48° долготы, что составляетъ около 800,000 квадратныхъ верстъ. И на этомъ пространствѣ выгоды заводчиковъ разнообразны; для соображенія возьмемъ отчеты, представленные изъ раз-

ныхъ мѣсть: отчеты Г. Мальцова, котораго заводы — крайнѣе на западъ; отчетъ барона Котца изъ Пензенской губерніи; къ югу, отчетъ завода устроеннаго въ Сумскомъ уездѣ.

Въ «Земледѣльческомъ Журналѣ» помѣщенъ отчетъ Г. Мальцова по свеклосахарному заводу, находящемуся въ Жиздренскомъ уездѣ. Въ этомъ отчетѣ доходъ представленъ отъ переработки песку въ сахаръ, что безъ-сомнѣнія уменьшило выгоды, получаемыя отъ продажи прямо пескомъ; однако жъ по вычисленіи выходитъ, что берковецъ корней очищенныхъ даетъ чистаго доходу 3 рубля 90 копѣекъ. Весьма легко опредѣлить доходъ, доставляемый десятиною землн. Заводъ Г. Мальцова не имѣетъ собственныхъ свекловичныхъ плантацій, а покупаетъ матеріалъ отъ крестьянъ, которые сѣютъ свекловицу на своихъ конопляникахъ. По мнѣнію Г. Мальцова, каждая десятина сороковая можетъ дать до 500 четвертей. Следовательно казенная (2400 кв. сажень) дастъ 225: приведа въ берковцы, выходитъ, что казенная десятина дастъ 185 берковцовъ свекловицы. А какъ берковецъ корней даетъ чистаго дохода 3 р. 90 к., то десятина приноситъ дохода 721 рубль 50 копѣекъ*.

Другой отчетъ, по заводу, устроенному въ 1828 году въ Рославскомъ уездѣ, Смоленской губерніи, Г. Мальцовымъ, для полученія одного песку, находится въ томъ же повременномъ изданіи. Изъ этого отчета видимъ, что берковецъ корней даетъ чистаго доходу 4 рубля: следовательно десятина принесетъ чистаго дохода 740 рублей.

Далѣе «Земледѣльческій Журналъ» сообщаетъ отчетъ барона Котца, котораго заводъ въ Пензенской губерніи, въ Красно-слободскомъ уездѣ. Здѣсь къ расходу ежегодной суммы присоединена цѣнность такихъ вещей, которыя должны бы войти въ счетъ вкладочной суммы, напримѣръ желѣзные листы, бондарская работа; но я принимаю его такъ, какъ онъ написанъ, присоединяя только 420 рублей процента на ка-

* У нашихъ заводчиковъ на сахарныхъ заводахъ нѣтъ еще опредѣленной мѣры: нныя подъ названіемъ четверти разумѣютъ 8 четвериковъ, не опредѣляя вѣсомъ; другіе четвертью называютъ вѣсъ 9 пудовъ, а вѣкоторые 10 пудовъ. Для ясности обозрѣнія, я все отчеты привожу здѣсь въ одну мѣру: то есть, 10 пудовъ очищенныхъ корней принимаю за единицу мѣры и называю берковцемъ.

ниталь (7000 руб.), положенный на устройство завода. Каждый берковецъ корней даетъ чистаго дохода 5 р. 70 к.; а какъ по этому отчету видимъ, что на удобренной десятинѣ, при лучшей обработкѣ, получается 200 берковцевъ корней, то эта десятина при свеклосахарномъ заводѣ даетъ 740 рублей дохода.

На заводѣ устроенномъ въ Сумскомъ уездѣ, находящемся подѣ моимъ управленіемъ, берковецъ корней даетъ чистаго дохода 5 рублей. Въ удостовѣреніе этого — «я могъ бы опереться на засвидѣтельствованіе нѣсколькихъ лицъ, посѣщавшихъ мое заведеніе»: этихъ пустыхъ словъ я здѣсь не скажу, а представлю, въ концѣ статьи, подробный отчетъ завода, что для всякаго опытнаго заводчика будетъ лучшимъ средствомъ убѣжденія. Тутъ средній урожай съ десятины отлично удобренной болѣе не приносить какъ 150 берковцевъ: следовательно десятина даетъ чистаго дохода 750 рублей. Хотя всѣ эти отчеты показываютъ разнообразныя выгоды заводовъ, устроенныхъ въ трехъ противоположныхъ мѣстахъ Россіи, однако, судя по цѣнности матеріаловъ и работы, легко видѣть, что со-временемъ, при распространеніи улучшеннаго способа производства, выгоды будутъ почти одинаковы на всемъ пространствѣ, ограниченномъ тремя заводами, и если Малороссія будетъ имѣть какое преимущество передъ Россійскими губерніями, такъ это въ одномъ — въ неисчерпаемомъ количествѣ навоза, столь необходимаго для удобренія свекловъчныхъ плантацій.

Всѣ изобретенія челоуѣка идутъ непрерывно къ совершенству, и нѣтъ сомнѣнія, что и свекло-сахарное производство, какъ дѣло почти новое, должно со-временемъ много улучшиться, тѣмъ болѣе, что мы и теперь видимъ въ немъ недостатки, — весьма важныя, происходяще отъ прессовъ, отъ сгущенія сыроповъ голымъ огнемъ, даже отъ дурнаго способа обработыванія земли. Но этихъ недостатковъ заводчикъ не въ силахъ отмѣнить до тѣхъ поръ, пока искусства механическихіи не будутъ у насъ на лучшей степени, и пока ремесла и художества не распространятся болѣе между народомъ.

Такъ, изъ представленныхъ здѣсь отчетовъ видимъ, что выгоды, доставляемая заводчику этою промышленностью,

простираются от 140% до 307%; среднее число будет 225%. Если положимъ, что заводчикъ въ течение десяти лѣтъ два года испытаетъ неурожай свекловицы и не получитъ ни какого дохода, то и тогда, въ десять лѣтъ, на каждый годъ получить онъ 170 за 100.

Судя по этому, надобно согласиться, что изъ всѣхъ заведеній ни одно теперь не можетъ доставить такихъ выгодъ, какъ свеклосахарное, и здѣсь же прибавимъ, что ни одно заведеніе не можетъ быть такъ убыточно, если заводчикъ, не приобрѣта опытности долговременной практикою, предприметь устроить его и управлять имъ по однимъ теоретическимъ даннымъ.

Выгоды земледѣльческаго класса народа. Нѣтъ сомнѣнія, что земледѣліе должно составлять лучшую промышленность нашего народа: все этому благоприятствуетъ,—климатъ, огромное пространство Россіи, степень образованія нашего народа, убжденіе, что земледѣлецъ наиболее сохраняетъ простоту нравовъ, любовь къ семейной жизни, это основное чувство любви къ отечеству. Но чтобъ понять весь бытъ нашего народа, — его потребности, его способъ пропитанія, его образъ жизни, для этого надобно совершенно ознакомиться съ сельскою жизнію; надобно смотрѣть на крестьянина, какъ на человѣка, хотя и отдаленнаго отъ насъ степенью образованія, но близкаго нашему сердцу. Кто понимаетъ, какъ твердо соединено благо отечества съ благосостояніемъ этого класса; кто знаетъ, какой помощи требуетъ нашъ крестьянинъ, кто находитъ удовольствіе въ добромъ дѣлѣ, — тотъ, вѣрно, при доставленной ему возможности, воспользуется случаемъ споспѣшествовать благодѣтельной цѣли правительства, такъ постоянно пекущагося объ улучшеніи состоянія земледѣльческаго класса. Я не хочу даже предполагать, чтобъ были такіе, которые бы не пользовались подобными случаями, но, конечно, не оскорблю ни кого, допустивъ, что немногіе умѣютъ создавать сами себѣ случаи этого рода. Одна изъ главныхъ причинъ бѣдности нашихъ поселенъ — недостатокъ работы: все, что приобретается имъ отъ хлѣбопашества, не можетъ удовлетворить его потребностей. Онъ имѣетъ время, имѣетъ желаніе трудиться: но на что онъ ихъ употребить? Не имѣя работы

въ своемъ хозяйствѣ, онъ бросаетъ домъ, семейство, и бредеть въ отдаленный край Россіи; проходитъ годъ, другой, нѣрѣдко вся жизнь, и онъ не видитъ родины своей. И что онъ пріобрѣтаетъ? Да и проченъ ли этотъ способъ пропитанія? Не видимъ ли мы, что тамъ, гдѣ прежде такъ щедро награждались его труды, теперь едва онъ себя находитъ работу: знаніе ремесла болѣе и болѣе распространяется даже въ отдаленныхъ углахъ Россіи: оно — достояніе Великороссійскаго поселяннина; расторопность, смысленность, еще ему помогаютъ. Но что скажемъ о Малороссійнинѣ? Не зная ни какого ремесла, безъ развитыхъ способностей къ какому-нибудь искусству, при простотѣ и добродушіи, все богатство и знаніе его — воля и плугъ. Отнимите у него землю, и онъ совершенно безъ пропитанія. Такъ оно и есть! Недостатокъ земли производитъ здѣсь видимую бѣдность, и онъ же одна изъ главныхъ причинъ тѣхъ неоплатныхъ недоимокъ, которыми обременены столь многія селенія въ Малороссіи. Выставлятъ причиною бѣдности Малороссійнина его лѣность, нерадивость—это несправедливо! Дайте человѣку средства трудиться, и умѣйте его руководить сообразно степени его образованія, тогда, вѣроятно, бѣдность не будетъ угнетать такъ многихъ, какъ теперь: мы это видимъ въ образѣ управленія удѣльныхъ крестьянъ, видимъ во многихъ экономіяхъ, принадлежащихъ помещикамъ, гдѣ попеченіе о благосостояніи крестьянъ неразлучно соединено съ усовершенствованіемъ различныхъ отраслей сельскаго хозяйства. И такъ, недостатокъ работъ, особенно теперь, когда несчастные годы лишили многихъ и послѣдняго имущества, составляетъ важную причину бѣдности Малороссійнѣ*.

Чѣмъ же пособить этому?

Пожертвованія здѣсь бесполезны. въ этомъ убѣждаетъ насъ результатъ современныхъ изысканій о благотворитель-

* Лучшее понятіе о состояніи Русскаго хозяйства представляютъ намъ очерки Г. Муравьева и Г. Бунина. Въ № 3 «Земледѣльческаго Журнала», 1833, Г. Буниинъ, помещикъ Тамбовской губерніи, весьма обстоятельно представилъ причины бѣдности пахатнаго крестьянина, но къ этимъ причинамъ еще много надобно присоединить, чтобъ получить картину состоянія Малороссійскаго обывателя.

ности, — эта горькая победа ума надъ лучшимъ чувствованіемъ сердца. Одушевите трудолюбіе; доставьте крестьянину работу, которая по-крайней-мѣрѣ вознаграждала бы трудъ его возможностью обезпечить себя необходимымъ, — работу, которая, не отвлекая его отъ земледѣлія, была бы свойственна его понятіямъ, привычкамъ и способностямъ: это будетъ благодѣяніе. Но какъ и чѣмъ одушевить трудолюбіе? Намъ давно предлагаютъ улучшать наше хлѣбопашество введеніемъ плодоперемѣннаго полеводства. Не спорю: оно весьма полезно, — и когда оно спасетъ насъ только отъ голода, уменьшить только число неурожайныхъ годовъ, оно уже будетъ величайшее благодѣяніе. Но въ одномъ ли голодѣ дѣло? Не нужно ли умножать средствъ къ трудолюбію поселянина, который, обезпечивъ себя со стороны хлѣба, имѣетъ еще нужду во многихъ другихъ предметахъ. Да и не вѣсѣмъ же производить хлѣбъ! Въ урожайные годы хлѣбъ приходитъ у насъ въ совершенную безцѣнность, а потребности гражданскаго быта не взираютъ на урожай и требуютъ денегъ ежегодно. Сверхъ-того, при этихъ имѣніяхъ, столь часто дробнымихъ наслѣдствами, при этой чрезполосности земель, при отдаленности ихъ отъ селеній, при дурныхъ орудіяхъ, при дурномъ рабочемъ скотѣ, при разныхъ мелкихъ препятствіяхъ, которыхъ и исчислить здѣсь не возможно, плодоперемѣненіе долго еще будетъ у насъ опытомъ, примѣромъ безъ подражателей, улучшеніемъ, котораго цѣну немногіе постигнуть и которое будетъ распространяться очень медленно. Плодоперемѣнная система, столь превосходно вложенная трудами Теэра, Синклера, Феленберга, Юнга, Домбаля, и польза которой показана на дѣлѣ въ Германіи, Англіи, Голландіи, даже въ некоторыхъ мѣстахъ Франціи и Россіи, вообще примѣняется у насъ только къ господской запашкѣ: она, по-крайней-мѣрѣ нынче, недоступна крестьянину; помѣщикъ не въ состояніи на свои деньги перемѣнить у своихъ поселянъ всѣхъ ихъ земледѣльческихъ орудій, всего ихъ домашняго скота, всей ихъ хозяйственной обстрѣйки. Тогда какъ помѣщикъ будетъ одинъ пользоваться выгодами этой системы, а крестьянинъ, въ неурожайные годы съѣдать весь богатый избытокъ хлѣба, приобрѣтѣнный владѣльцемъ посредствомъ пло-

допережвненія, никто изъ нихъ конечно не будетъ голодень, но все-таки ни у того ни у другаго ничего не останется. Надо-бно поставить крестьянина въ возможность покупать хлѣбъ у своего помѣщика на деньги или на что-нибудь имѣющее достоинство наличныхъ денегъ. Это значить, что надобно обогатить его. Отъ его благосостоянія зависятъ выгоды владѣльца, и слѣдственно выгоды государства. Чѣмъ же обогатить его? Надобно представить ему средства, кото-рыя бы возбудили въ немъ дѣятельность и трудолюбіе не-посредственною прибылью.

Лучшее, по моему мнѣнію, и самое свойственное нынѣ-шнему состоянію Русскаго сельскаго хозяйства, есть рас-пространеніе тѣхъ фабрикъ и заводовъ, для которыхъ пер-вый матеріалъ составляютъ произведенія нашего отечества. Соединеніе такихъ заведеній съ земледѣліемъ одно можетъ оживить дѣятельность народную: тогда крестьянинъ беззе-мельный, теперь нищій, сдѣлается мастеровымъ, а земе-дѣлецъ будетъ имѣть способы разнообразить свои произве-денія и тѣмъ улучшать даже свое хлѣбопашество, дойти у себя до плодопережвннаго полеводства, въ подражаніе помѣщику. Мы теперь имѣемъ одни винокуренные заводы, и видимъ ихъ полезное вліяніе на наше хлѣбопашество: и въ самомъ дѣлѣ, что за цѣна была бы нашему хлѣбу безъ этихъ заводовъ? Прежде не менѣе одушевляли дѣятельность поселенина въ Малороссійскомъ краю селитренныя заводы, но теперь уже не то: и самыя винокурни, при введеніи пароваго производства несравненно менѣе требуютъ рабо-чихъ, а еще менѣе горючаго матеріала, для заготовленія котораго употреблялось такъ много рукъ; селитренныя за-воды почти упали. Что жъ можетъ замѣнить этотъ ощути-тельный недостатокъ средствъ для дѣятельности простаго народа, особенно теперь, при увеличенномъ народонасе-леніи?

Чѣмъ больше крайность чловѣка, тѣмъ изобрѣтательнѣе умъ его, — это справедливо. Кто могъ думать назадъ тому нѣсколько лѣтъ, что сахаръ, произведеніе отдаленнаго, жаркаго края, можетъ быть промышленностью, благотвори-тельною для нашего народа!

Въ этомъ хотя весьма немногіе еще убеждены, но тотъ,

кто ознакомился съ ходомъ производства свекло-сахарной промышленности, съ ея разнообразными потребностями, — тотъ вполне пойметъ, какъ сильно можетъ оживиться трудолюбіе земледельца ея распространеніемъ: во вся времена года она доставитъ крестьянину работу, столь собственную ему и столь обычную, — и не только ему: все его семейство находятъ здѣсь средство собственными трудами доставлять себѣ пропитаніе.

Чтобъ получить столько песку, сколько привозятъ его теперь въ Россію, надобно употребить для земледельческой и заводской части свекло-сахарнаго производства —

Работниковъ.....	2,648,000.
Работницъ.....	4,256,000.
Лошадей.....	1,145,800.

Не говорю уже о тѣхъ выгодахъ, какія получить крестьянинъ отъ своихъ огородовъ, теперь неприносящихъ ему ни какихъ доходовъ: имѣя вѣрный сбытъ свекловицы, онъ увеличилъ бы труды свои, — а что могло бы надежнѣе обезпечить его состояніе? Нынче, въ обезпеченіе его благосостоянія, предлагаютъ ему картофель! Хотя намъ уже теперь известно, что «честный человекъ, употребляя въ пищу картофель, не бываетъ побуждаемъ къ дѣламъ нечестивымъ, и что картофель не ведетъ по слѣдамъ своимъ грѣха и наказанія Божія», однако жъ, воля ваша, — этимъ не уплатить казенныхъ податей. Сколько ни ѣшь картофеля, никто не дастъ за то ни пары дюжихъ воловъ, ни чугунной бороны для хозяйничанія по системѣ Тезра и Домбала. Хотите ли видѣть хлѣбопашество наше улучшеннымъ? Представьте жъ намъ такое корнеплодное растеніе, которое бы могло дать доходъ по-крайней-мѣрѣ не менѣе вѣрный того, какой даетъ хлѣбъ, и, что важнѣе, такое растеніе, которое бы не требовало зимняго сохраненія, столь труднаго и многосложнаго по картофельной части**. Кажется,

* Здѣсь, кстати, предлагаемъ прочитатъ прекрасное разсужденіе барона Котца, написанное съ добродушною откровенностью. Оно напечатано въ «Земледѣльческомъ Журналѣ», № 5, 1833.

** Мы не можемъ пропустить этой выходки остроумнаго сочинителя, противъ столь полезнаго и вкуснаго корня, безъ замѣчанія: намъ крайне

изъ всего растительнаго царства ни одно не удовлетворить теперь этому требованію, кромѣ свекловицы, и то тогда только, когда здѣсь же, или по сосѣдству, находится свекло-сахарный заводъ.

Вотъ все, что я хотѣлъ сказать о выгодахъ, какія можетъ доставить эта промышленность земледѣльцу. Остается еще прибавить, что распространеніе этихъ заводовъ не менѣе бы одушевило дѣятельность ремесленнаго класса: кузнецъ, столяръ, паяльщикъ, мѣдникъ, горчешникъ, бондарь,— всѣ здѣсь необходимы; и кромѣ того, если бы устроить столько заводовъ, сколько нужно для полученія песку, теперь потребляемаго въ Россіи, для этого пришлось бы употребить мѣди и желѣза на сумму около 500 милліоновъ рублей. Какой богатый источникъ для сбыта неисчерпаемыхъ произведеній изъ нѣдръ земли Россійскаго государства!

Выгоды государственныя доходовъ. Чтобы яснѣе представить эти выгоды, рассмотримъ ихъ слѣдующимъ образомъ.

1. Имѣетъ ли Россія столько земли, способной для произрастенія свекловицы, сколько нужно для полученія потребляемаго теперь сахару?

Россія получаетъ, каждый годъ, иностраннаго, пробѣлннаго, сахарнаго песку около полутора милліона пудовъ, платя за него около 30 милліоновъ рублей. Сообразно съ расчетомъ, представленнымъ въ концѣ этой статьи, десятина удобренной земли можетъ дать при среднемъ урожаѣ 33 пуда бѣлаго песку, такого, какой доставляютъ намъ иностранцы: слѣдовательно, чтобы получить полтора милліона пудовъ песку, теперь потребляемаго, надобно, чтобы свекловицею было засѣяно $45,45\frac{1}{4}$ десятины. Но какъ мы видѣли прежде, что пространство, на которомъ теперь разбросаны заводы, занимаетъ около 800,000 квадратныхъ

пріятно было бы видѣть всегда миръ и согласіе между свеклою и картофелемъ, и мы должны принять сторону послѣдняго въ явной его обидѣ. Картофель сохранять на зиму такъ же легко, какъ конфеты изъ свекловичнаго сахару. Важный опытъ Г. Шелехова по этому предмету долженъ обратить на себя вниманіе сельскихъ хозяевъ. Мы спѣшимъ помѣстить его описаніе въ вышней же книжкѣ. *Б. для Ч.*

версть, то 45,454 десятины земли составлять самую ничтожную часть этого пространства и легко могут быть заключены въ однихъ огородахъ. Слѣдственно Россія, какъ по климату, такъ и по почвѣ, не только не можетъ имѣть недостатка въ землѣ для полученія теперъ ею потребляемаго сахара, но еще властна снабжать сахаромъ другія государства*.

2. Не будетъ ли выгоднѣе для Россіи покупать иностранный сахаръ нежели свой?

Рѣшеніе этого вопроса прямо относится къ тому, чтобы опредѣлить цѣнность, во что обходится пудъ песку Американскому колонисту и свекло-сахарному заводчику. Изъ представленнаго въ концѣ статьи отчета видно, что употребивъ 16,444 рублей, получаемъ мы блага песку 2,103 пуда и 1,128 пудовъ патоки: выжимокъ не включаю. Если, соображаясь съ цѣнностью; положимъ, что 1,128 пудовъ патоки равно 100 пудамъ песку, то выйдетъ, что заводчикъ, употребившій 16,444 рублей, получаетъ 2,203 пуда блага песку, то есть, что ему самому пудъ блага песку обходится 7 р. 46 к. Въ *Art du raffineur, par Chandelet*, есть извлеченіе изъ письма одного негоціанта, давно живущаго въ Гваделупѣ, который довольно отчетливо представляетъ

* Для убѣжденія, въ какомъ еще юномъ состояніи находится у насъ свекло-сахарное производство, и до какой степени оно можетъ быть доведено, представляю выписку изъ сочиненія Домбала, извѣстнаго и неутомимаго агронома, — *Des impôts dans leurs rapports avec la production agricole*, 1829. Одно отвлеченіе этого сочиненія, «О посылкѣ съ привознаго сахара», было у насъ переведено графомъ Дм. Толстымъ и напечатано въ «Земледѣльческомъ Журналѣ», № 6, 1833. «Франція теперъ употребляетъ около 2,100,000 пудовъ сахарнаго пеку (около 35,000,000 килограммовъ); изъ каждой десятины, засѣянной свекловицею, Французскіе заводчики получаютъ среднимъ числомъ 65 пудовъ песку (изъ каждаго гектара около 1000 килограм.); слѣдственно, чтобы Франція имѣла столько песку, сколько ей теперъ нужно, надобно, чтобы она засѣяла свекловицею 30,000 десятинъ (35,000 гектаровъ).» И такъ десятина земли во Франціи даетъ песку почти вдвое болѣе нежели у насъ. Какая причина этому? Причинъ такъ много, что описаніе ихъ далеко отвлекло бы насъ отъ предмета; довольно и того, что, не отвергая возможности полученія двойнаго количества, я здѣсь основываю весь расчетъ на выгодахъ нынѣшняго нашего производства.

издержки и выгоды сахарных заводчиков этой колонии. Онъ говорить, что прибыль заводчика отъ продажи песку желтаго (moscogade) бываетъ не болѣе какъ $4\frac{1}{2}$ процента: «это очень не великолѣпно для заведеній, которыхъ существованіе подвержено столькимъ случайностямъ: поэтому, можно быть увѣреннымъ, что какъ скоро обыватель не продастъ своего товару по-крайней-мѣрѣ по 50 франковъ за сто полукилограммовъ, — онъ въ убыткѣ.» Такъ, Гваделупскому заводчику за менѣе нельзя продать пудъ песку какъ за 16 р. 60 к.; но врядъ ли и въ самой Франціи, гдѣ сахаръ дороже нашего, онъ можетъ продать пудъ песку по этой цѣнѣ, потому что, заплативши пошлину, какую беретъ Французское правительство (9 р. 96 к.), песокъ надлежало бы ему продать по 26 р. 56 к., а между-тѣмъ Французскіе рафинировщики не дороже покупаютъ какъ отъ 23 до 25 рублей пудъ: следовательно Гваделупской заводчикъ не беретъ и 4 процентовъ на свой капиталъ. Впрочемъ есть другія Французскія поселенія, гдѣ выдѣлка песку дешевле; но меньшей цѣны, по которой Французскимъ колоніямъ обходится на мѣсть пудъ желтаго песку, нѣтъ, какъ 9 р. 96 к.; а пудъ бѣлаго песку имъ обойдется въ 13 р. 28 к., полагая третью часть на утрату при пробѣлкѣ. Въ Англійскихъ колоніяхъ, особенно въ Вестъ-Индіи, песокъ добывается гораздо дешевле: на мѣсть, самому заводчику пудъ желтаго песку стоитъ 5 р. 80 к., а пудъ бѣлаго 7 р. 73 к. Если положимъ издержки на провозъ, убыль, коммисіонеру, и прочая, что составить не менѣе 3 рублей на пудъ *, то Французскій колонистъ на Петербургской биржѣ продастъ бы только за свою цѣну, если бы получилъ 16 р. 28 к. за пудъ бѣлаго песку; Англійскій колонистъ то же, если бы получилъ за пудъ такого же песку 10 р. 73 к.; но какъ въ Петербургѣ колонистъ продаетъ пудъ бѣлаго песку, за исключеніемъ пошлины, по 16 р. 80 к. (15 р. асс.), следовательно, легко можно быть увѣреннымъ, что песку изъ Французскихъ колоній къ намъ не привезутъ, и что Англійской колонистъ беретъ отъ насъ

* Французскій колонистъ за доставку во Францію платитъ корабельщику съ пуда 1 р. 83 к. (Cinq francs cinquante centimes par quintal: j'ai acquis la certitude qu'il leur faut au moins cela pour ne pas perdre). Письмо изъ Гваделупы.

чистаго доходу 6 рублей съ пуда; а если положить изъ Вестъ-Индіи провозъ дороже трехъ рублей, то и тутъ онъ беретъ чистаго барыша не менше 4-хъ рублей. Этотъ расчетъ показываетъ, что тогда какъ нашему свекло-сахарному заводчику обходится на мѣсть пудъ благаго песку 7 р. 46 к., Англійскому колонисту 7 р. 75 к. Следовательно, цѣна почти одинакова, менше которой не могутъ продать ни нашъ свекло-сахарный заводчикъ, ни Англійскій колонистъ; но если присоединимъ издержки на провозъ, неизбежныя для Англійскаго колониста, то легко убѣдиться, что Россія, добывая сахаръ изъ свекловницы, можетъ имѣть его дешевле, нежели какъ теперь платитъ за тростниковой.

Вотъ почему и при нынѣшнихъ, еще младенческихъ способахъ свекло-сахарнаго производства Англійскій колонистъ долженъ будетъ отказаться отъ торгу сахаромъ съ Россією, и контрбанды сахаромъ быть уже не можетъ*.

3. Государственный доходъ, получаемый теперь пошлин-

* Отнюдь не съ цѣлю опровергать почтеннаго автора, который намъ сдѣлалъ честь и удовольствіе доставленіемъ этого превосходнаго разсужденія, но единственно съ тѣмъ, чтобы придать вопросу надлежащую ясность и доставить самому сочинителю нужныя данныя для его статистическихъ изслѣдованій о торговлѣ колониальнымъ сахаромъ, мы должны замѣтить, что эти выводы подлежатъ нѣкоторымъ ограниченіямъ. Авторъ не принимаетъ здѣсь въ расчетъ ни какихъ издержекъ на комиссію, убыль и перевозъ песку внутри Россіи отъ заводовъ до большихъ рынковъ и до мѣсть, гдѣ песокъ будетъ рафинированъ. Наши огромныя пространства, наши дурныя дороги въ климатѣ непостоянномъ, наши сухопутныя перевозки, чрезвычайно увеличиваютъ издержки и требуютъ значительнаго времени, и Петербургъ несравненно ближе къ Америкѣ, относительно цѣвъ транспорта, чѣмъ къ Малороссіи и губерніямъ, лежащимъ къ югу отъ Москвы. Авторъ полагаетъ цѣну транспорта песку отъ Вестъ-Индіи до Петербурга, на Англійскихъ корабляхъ, до 5 рублей съ пуда. Это слишкомъ преувеличено. Вся доставка пуда сахарнаго песку изъ Вестъ-Индіи въ Крошштатъ, стоитъ только 1 р. 71 к. За эту цѣну не всегда можно привезти пудъ вещей изъ Москвы въ Петербургъ. Доколѣ свекло-сахарнымъ заводамъ пудъ песку на мѣсть не будетъ обходиться несравненно дешевле того, во что онъ обходится на мѣсть въ Вестъ-Индіи, до тѣхъ поръ заводъ не выдержитъ соперничества съ западными колоніями безъ помощи запретительной системы. *Б. для Ч.*

ною съ иностраннаго сахарнаго песку, можетъ ли быть взносъ сибъ безъ увеличенія цѣны на сахаръ?

Мы видѣли, что песокъ, привезенный изъ Америки или Вестъ-Индіи, не можетъ у насъ быть проданъ по той цѣнѣ, по какой свекло-сахарный заводчикъ въ состояніи продать его въ Россіи: следовательно сахаръ при ввозѣ пошлины, теперь получаемой, не только не возвысится, но скорѣе сдѣлается дешевле. И въ самомъ дѣлѣ, если бы Россія теперь производила все количество потребляемаго ею сахару, то заводчикъ, заплативъ 9 рублей пошлины, пудъ песку обошелся бы въ 16 р. 20 к., и следовательно онъ получалъ бы чистаго доходу съ пуда 13 рублей. Это показываетъ, до какой степени можетъ понизиться цѣна сахару при распространеніи свекло-сахарныхъ заводовъ. Когда же промышленность эта можетъ составить статью государственныхъ доходовъ? Это совершенно зависитъ отъ скорости ея распространенія; однако жъ то несомнѣнно, что теперь всякой налогъ былъ бы тяжелъ для ней, потому что заводовъ у насъ еще немного, усовершенствованія производства еще не вездѣ введены, и, кромѣ того, рѣдкій заводъ, при начальномъ ходѣ своемъ, не имѣлъ убытковъ, значительно увеличившихъ вкладочный капиталъ.

Такъ, остается желать одного, — распространенія заводовъ: тогда всѣ убѣдятся въ прочности этой промышленности, которая столь благодѣтельна для земледѣльца, которая способна удержать такой огромный капиталъ, выпускаемый Россією за сахаръ, которая наконецъ можетъ составить богатый источникъ государственныхъ доходовъ, особенно если налогъ будетъ разложенъ какъ на производителей песку, такъ и на рафинеровъ.

Но скажутъ — можетъ ли доходъ этотъ быть постояннымъ, когда онъ зависитъ отъ урожая свекловицы? Развѣ доходъ, получаемый отъ нивянныхъ растений, можетъ быть постояннѣе, — отъ растений, требующихъ несравненно болѣе благоприятныхъ условій для своего созрѣнія? Однако жъ все благосостояніе мы основываемъ на урожаѣ этихъ растений, и преданія прошедшихъ временъ удостовѣряютъ, что, если и бывали неурожаи, обыкновенно бывали мѣстные: почему же непременно полагать, что 45,000 десятинъ засѣянныхъ свекло-

вицею въ разныхъ полосахъ Россіи, растеніемъ не подверженнымъ истребленію, ни граду, ни бурѣ, и несравненно удобнѣе переносящимъ засуху и мокроту, — что эти 45,000 десятинъ ничего не произведутъ? Я очень согласенъ, что если бъ для этого расчета мы захотѣли принять климатъ Финляндіи или климатъ Грузіи, это была бы самая пустая мечтательность; но здѣсь я опредѣляю только то пространство, на которомъ существуютъ заводы десять, двадцать, тридцать лѣтъ, и которые опытами убѣдили въ возможности произращать свекловичу.

Впрочемъ, если мы и допустимъ мѣстный неурожай, способный на время возвысить цѣну на сахаръ, это не можетъ еще быть такъ ощутительно какъ теперь, при настоящей торговлѣ сахаромъ: въ случаѣ разрыва мирныхъ сношеній, мы опять будемъ платить по сту рублей за пудъ сахару, и правительство лишится всего налога, какой оно теперь получаетъ. Ктому жъ не видимъ ли мы, какъ Американскія колоніи быстро идутъ къ паденію? Нѣтъ сомнѣній, что монополія сахару исключительно перейдетъ въ руки Англичавъ: во что же намъ обойдется тогда сахаръ, это произведеніе, которое сдѣлалось для насъ столь же необходимымъ какъ хлѣбъ?

Я не стану входить въ различныя подробности относительно торговаго перевѣса въ балансѣ, мѣнливой торговли, и тому подобнаго, хотя очень увѣренъ, что благосостояніе государства отнюдь не зависитъ отъ того, чтобъ *все* было свое; здѣсь я желалъ только обратить вниманіе соотечественниковъ на эту раждующуюся промышленность, которой выгоды могутъ принадлежать преимущественно Россіи, болѣе чѣмъ другому какому-либо государству въ Европѣ; промышленность, которая приготовляетъ мѣстный источникъ важной части государственныхъ доходовъ, раскрываетъ столько средствъ для народнои дѣятельности, подаетъ столь прочную надежду на успѣхи нашего земледѣлія; которая наконецъ, будучи такъ тѣсно соединена съ земледѣліемъ, составляетъ лучшее средство къ поддержанію благосостоянія мѣстній, столь видимо приходящихъ въ упадокъ.

Заклучимъ: если мы убѣждены въ пользѣ, доставляемой этою промышленностью, то постараемся употребить трудъ нашъ

къ тому, чтобъ содѣйствовать къ ея распространенію. Прежде всего обратимъ вниманіе на успѣхи производства; покажемъ различныя методы производства; ихъ недостатки; положенія, какъ избѣгнуть этихъ недостатковъ; и особенно подробно рассмотримъ новую методу производства, посредствомъ вымочки свекловицы, появившуюся недавно во Франціи и съ такимъ шумомъ выданную намъ за открытіе Г. Давыдова*, — методу, которая, по справедливости, можетъ быть только употреблена на домашнихъ сахароварняхъ, и которая тѣмъ убійственнѣе, что, представляя столь изумительные выходы, невольно влечетъ къ упадку многіе капиталы, и тѣмъ кладетъ преграду къ распространенію самой промышленности. Все это составитъ предметъ другой статьи.

ОТЧЕТЪ

СВЕКЛО-САХАРНАГО ЗАВОДА, ОБРАБАТЫВАЮЩАГО СТО ВЕРКОВЦЕВЪ КОРНЕЙ ВЪ СУТКИ.

Въ Сумскомъ уездѣ, Харьковской губерніи, въ нераздѣльномъ имѣніи Лялиныхъ, давно уже устроенъ свекло-сахарный заводъ. Прежде обыкновенно строили такіе заводы съ двойною цѣлью, — получить изъ свеклы песокъ, и рафинировать. Такъ былъ устроенъ и этотъ заводъ. Но теперь, когда сбытъ бѣлымъ и желтымъ пескомъ такъ удобенъ, рафинированіе уничтожено. Поэтому всѣ издержки, сдѣланныя для увеличенія строенія и на покупку различныхъ вещей необходимыхъ только при рафинированіи, теперь совершенно бесполезны. Не включая этихъ издержекъ, равно и тѣхъ убытковъ, какіе вначалѣ имѣлъ заводъ отъ дурныхъ мастеровъ и холерныхъ карантинныхъ, я представляю отчетъ заведенія, какъ оно теперь существуетъ, то есть, заведенія, имѣющаго одну цѣль, — добываніе сахарнаго песку.

При учрежденіи завода, одною изъ важнѣйшихъ мыслей была и та, чтобъ не разстроить прежде введеннаго

* Объ этомъ «открытіи» коротко упомянуто въ Литературной Лѣтописи Б. для Ч., стр. 21, № 15, 1835.

порядка хлебопашества: потому заводъ устроенъ совершенно на коммерческомъ положеніи. Вотъ условія:

1. Вся работы, какъ полевая, такъ и заводскія, производятся наймомъ; покупку леса, хлеба, заводъ дѣлаетъ тамъ, гдѣ найдетъ выгоднѣе.

2. Экономія ни въ какомъ случаѣ не обязана поставлять рабочихъ людей; въ свободное время, когда въ экономіи нѣтъ работы для барщины, она можетъ присылать людей, получая плату, сообразную съ вольными цѣнами.

3. Заводъ имѣетъ, собственно ему принадлежащихъ, 5 тяголъ, которыя, отработавъ на заводѣ четыре мѣсяца, отпускаются для собственныхъ работъ, и заводъ не дѣлаетъ ни какихъ издержекъ для нихъ содержанія.

4. Заводъ въ правѣ отъ экономіи требовать столько земли, сколько нужно, выбирая тамъ, гдѣ удобнѣе. За всякую неудобренную десятину заводъ платитъ экономіи каждыи годъ по 6 рублей; за удобренную 20 рублей. Если случится, что на какой-нибудь десятинѣ будетъ дурной всходъ или вовсе не будетъ всхода, въ такомъ случаѣ заводъ отдаетъ экономіи обратно эту десятину, не платя за нее ничего; но возвращеніе такой земли должно быть не позже 10 іюня, и тогда экономія засѣваетъ ее гречихою.

Такъ какъ условія, на которыхъ основанъ заводъ, новы, то многимъ вначалѣ казалось невозможнымъ существованіе подобнаго заведенія: представляли причиною, что нельзя найти столько попольщицъ для такого количества земли. Но вотъ уже восемь лѣтъ какъ существуютъ заводы, и ложность этого мнѣнія совершенно опровержена дѣломъ: не только теперь нѣтъ недостатка, но если бъ заводъ увеличилъ вчетверо свой денежный оборотъ, и тогда не имѣлъ бы недостатка въ рабочихъ. Строгая точность при заработной расплатѣ, удаленіе обидъ и пустыхъ требованій, хорошее содержаніе, — этими средствами заводъ успѣлъ приобрести довѣріе не только окружныхъ крестьянъ, но даже отдаленныхъ деревень: въ лѣтнее время приходятъ крестьянки цѣлыми партіями для пополья. Следовательно, поговорка, что заведеніе въ Малороссіи не можетъ существовать на совершенно коммерческомъ положеніи, несправедливо.

Познакомивъ съ ходомъ управленія, рассмотримъ, какія выгоды доставляетъ это заведеніе. Для этого опредѣлимъ, во-первыхъ, какъ великъ вкладочный капиталъ, во-вторыхъ, какъ велика сумма, ежегодно употребляемая для производства (оборотный капиталъ); въ-третьихъ, количество произведеній и ихъ цѣнность.

1. Вкладочный капиталъ.

	<i>Рубл.</i>
Матеріалъ деревянный.	Дерево для завода, подвала, четырехъ избъ, привода, для досокъ, бочекъ и прочаго 3,644.
	За постройку завода, подвала, четырехъ избъ; за столярную работу и за привозъ дерева..... 1,630.
Матеріалъ мѣдный.	4 котла отстойные, 6 котловъ рычажныхъ, 1 холодильный, проводныя трубы, большіе и малые краны, трезель, 4 енды, латуни, наждачки, сборные чаны, ушаты, решетки, ковши, ареометры, термометры, часы, зеркальныя лампы. 5,016.
	За мелочную работу изъ латуни..... 164.
Матеріалъ желѣзный и чугунный.	Различнаго желѣза для печей, чановъ, чугунные котлы, чугунная печь, терка, 8 прессовъ, вѣсы, дверцы для печей, бскень, ковши, кружки, и проч..... 1,947.
	Кирпичу, изразцевъ, формъ разной величины 2,630.
Матеріалъ горчешный.	За работу печникамъ и камешщикамъ..... 210.
Смѣсь.	За раскопку мѣста подъ заводъ, за солому для кровли, за внутреннюю штукатурку комнаты, за стекло, веревки, счеты и за мелочь..... 866.
<hr/>	
Итого..... 16,407.	

2. Оборотный капиталъ.

Здѣсь нужно сперва опредѣлить цѣнность свекловицы. Заводъ въ сутки обрабатываетъ до 100 берковцевъ кореньевъ; но какъ работу можно производить, начиная съ 25 августа до 20 декабря, что составитъ, за исключеніемъ праздниковъ, 96 дней, то всего можно переработать 9,600 берковцевъ. Я знаю, что многіе изъ хорошихъ заводчиковъ сомнѣваются, чтобъ можно было съ выгодой обрабатывать свекловицу въ ноябрь и декабрь, и по ихъ мнѣнію лучше увеличить строеніе и капиталъ для снарядовъ и передѣлывать въ два мѣсяца то, что при меньшихъ издержкахъ можно переработать въ четыре мѣсяца. Собственные мои опы-

ты не позволяють мнѣ согласиться съ этимъ: бывали годы, что оканчивалъ переработку свекловицы 20 января, и въ самі последние дни получалъ песокъ одинаковой доброты и въ такомъ же количествѣ, какъ и въ сентябрѣ. Дѣло въ томъ, чтобъ уметь сохранить свекловицу отъ поврежденія, и это, правда, дѣло не легкое.

Повѣрите ли? причина упадка нашихъ заводовъ большею частию — незнаніе сохранять свекловицу, а не незнаніе производства, какъ пѣкоторые полагаютъ. Теперь, когда заводы у насъ приметно умножаются, получить хорошій песокъ и въ выгодномъ количествѣ изъ неиспорченной свекловицы — становится дѣломъ легкимъ; но ни какое искусство не можетъ доставить хорошаго песку и въ такомъ же количествѣ изъ испорченной свекловицы. Вотъ почему умѣніе сохранять сырой плодъ должно составлять важный предметъ заботы нашихъ заводчиковъ, но, къ сожалѣнію, на него менѣе всего обращаютъ вниманія. Всѣ говорятъ, что въ свекловицѣ измѣняется сахарное начало отъ мороза и отъ оживленія растительной силы, но нигдѣ не случалось мнѣ слышать, и даже читать, о самой важной причинѣ измѣненія качествъ свекловицы, — о томъ что я теперь назову простымъ словомъ — *вѣлостью*. Отъ незнанія этой причины и отъ неумѣнья предупредить ее въ первыхъ годахъ моего производства, я имѣлъ большіе убытки; но, какъ при всѣхъ моихъ неудачахъ, я не оставлялъ и здѣсь изыскивать способовъ для отклоненія неудобства, и убедился, что сохраненіе свекловицы въ нашемъ климатѣ есть дѣло трудное, и требуетъ отъ заводчика долговременной опытности. Нѣтъ возможности говорить объ этомъ предметѣ кратко: замѣчу только, что весьма дурно дѣлають заводчики, не обращая вниманія на обработку свекловицы сообразно времени ея выкапыванія; свекловица, выкопанная въ августѣ и до половины сентября, не только не годится для зимняго сохраненія, но ее должно какъ-можно скорѣе перерабатывать; въ противномъ случаѣ, черезъ четыре дня, она обнаружитъ видимое измѣненіе *вѣлостью*, и довольно десяти дней, чтобъ, полежавши въ большихъ кучахъ, она сдѣлалась совершенно неупо-

требительною для производства. Не могу определить, какая причина этой порчи, — не дозрѣніе ли, или сыр?

Возвратимся къ предмету: мы говорили о цѣлости свекловичны.

Урожай свекловичны зависитъ отъ степени удобренія земли, отъ способа посѣва и отъ времени посѣва, и отъ болѣе или менѣе благопріятной погоды. Знаніе всего этого пріобрѣтается отнюдь не теоретическимъ изученіемъ, а долговременною опытностію и неутомимымъ трудомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Малороссія — лучший край для свекловичны, однако жъ не должно увлекаться безотчетнымъ довѣріемъ. Думать, что обработка свекловичны въ Малороссіи не требуетъ ни какого вниманія, что свекловична можетъ родиться на черноземѣ безъ удобренія, что удобренная десятина въ кругломъ счетѣ даетъ 300 четвертей, — это заблужденіе. Нѣкоторыя изъ моихъ замѣчаній о земледѣльческой части свекловичнаго производства напечатаны въ «Земледѣльскомъ Журналѣ» (№ 12), но они еще не полны, и требуютъ правокъ, которыя въ скоромъ времени надѣюсь представить публикѣ. Такъ, не увлекаясь удостовѣреніями энтузіастовъ, которые твердятъ, что въ Малороссіи десятина земли даетъ 1600 четвертей свекловичны, — Г. Муравьевъ слышалъ это отъ какого-то очевидца, — послѣдуемъ указаніямъ опыта. Передо мною лежатъ собственныя мои записки многихъ лѣтъ: изъ нихъ я вижу, что десятина (2400 кв. сажень) на плантаціяхъ, состоящихъ изъ чернозема не удобренной земли даетъ около 70 берковцевъ корней, но корней весьма мелкихъ, и то въ годъ весьма благопріятный; десятина плантацій, хорошо удобренныхъ, доставляетъ среднимъ числомъ 150 берковцевъ очищенныхъ корней*. Но

* Въ мануфактурномъ дѣлѣ сравненія много помогаютъ убѣжденію: вотъ почему должно прочесть здѣсь о количествѣ сбора свекловичны въ Франціи. Въ сочиненіи Дюбрюяно, *Art de fabriquer le sucre de betteraves*, представлено десять отчетовъ различныхъ Французскихъ заводчиковъ, и тутъ мы видимъ, что количество получаемой свеклы весьма разнообразно: такъ напримѣръ, самое меньшее количество представлено Домбалею, 12,500 килограммовъ изъ гектара, что на нашу казенную десятину даетъ 82 берковца корней; самое большое Креспелею: по его счету изъ нашей десятины выходитъ 164 берковца; огородники, обрабатывающіе свеклу возлѣ Парижа для продажи

как этот заводъ можетъ обработать 9,600 берковцевъ корней, то и нужно 64 десятины.

Опредѣливъ количество свеклы, получаемой изъ десятины, должно привести въ ясность мѣры земледѣльской обработки:

	Работникъ.	Работница.	Лошадь.
Пахать осенью	2	—	4.
Бороновать весною.....	—	4	4.
Пахать весною	2	—	4.
Бороновать.....	—	1	4.
Каткомъ землю разбивать	1	—	2.
Ряды дѣлать.....	4	—	2.
Связать сѣмена и зарывать.....	—	11	
Полоть и выбивать землю	{ 1 разъ..... — 2 разъ..... — 3 разъ (только на жирныхъ земляхъ) —	30	
		30	
		30	
Каждая женщина вылапываетъ почищаетъ въ осенній день 3 берковца корней: следственно 150 берковцевъ очистить —		50	
150 берковцевъ свозить	11	—	11.
И того ... 17		153	31.

Теперь перейдемъ къ оцѣнкѣ работы:

	Рубл.	Коп.
17 работникамъ по 50 копѣекъ	8	50.
153 работницамъ по 28 коп.	42	84.
За 31 лошадь по 30 коп.	9	30.
Наемъ десятины удобренной	20	—
Сѣмя 18 фунтовъ по 20 коп. фунтъ	3	60.
И того		84 24.

Слѣдовательно 150 берковцевъ обходятся въ 84 р. 24 к., а берковецъ корней въ 56 копѣекъ; но какъ заводъ, за неимѣнiемъ еще удобренной земли, принимаетъ третью часть отъ поставщиковъ, платя по 1 р. 10 к. за берковецъ, то въ общемъ счетѣ заводу обходится берковецъ корней въ 74 копѣйки.

на рынкахъ, получаютъ изъ казенной десятины около 250 берковцевъ (37,500 kil. per hectare). Но что все это значить сравнительно съ тѣмъ, что получаетъ у насъ Г. Давыдовъ, — *шестьсотъ пятьдесятъ пять берковцевъ изъ десятины!* Если бъ это не было напечатано, то можно было бы даже не вѣрить этому.

Рубли. Коп.

Мы видели, что заводъ этотъ можетъ обработать 9,600 берковцевъ. Вся сумма за свекловичну выйдетъ 7,104.

Всѣхъ рабочихъ на двѣ сѣны 74; каждый изъ нихъ въ день обходится вмѣстѣ съ содержаніемъ 43 к., что составляетъ для 96 дней..... 3,054 72,

Работницъ и мальчиковъ всего 20; по 28 к. въ день, за 96 дней..... 537 60.

12 лошадей; за каждую въ день по 30 к.; за 96 дней... 345 60.

Освѣщеніе на 2 рубля въ день; за 96 дней..... 192

Дровъ въ сутки $1\frac{1}{2}$ сажени. Кубическая сажень на мѣсть стоитъ 4 рубля; перевозка 2 рубля; перерубить какъ должно для топки 80 коп.; следовательно $1\frac{1}{2}$ сажени будутъ стоить 10 р. 20 к. Это издержки въ сутки; для 96 сутокъ выйдетъ 144 сажени, на сумму..... 979 20.

Вместо дровъ можно употреблять и кизьякъ.

Известн для 96 сутокъ..... 140.

Животнаго угля въ сутки 43 пуда. Самому заводчику стоитъ пудъ угля, считая даже и бочки, въ которыхъ онъ содержится, 64 коп.; следовательно животнаго угля въ сутки выходитъ на 26 рублей 23 коп.; но какъ уголь, бывши въ дѣлѣ, можетъ опять быть оживленъ посредствомъ кислоты или пережиганія, что описалъ Клевандо (*Observation pratique, etc., p. 63*), и какъ отъ этого дѣйствія теряется только третья часть, а двѣ трети остаются для будущаго производства, то и потерю должно класть на $\frac{1}{3}$ суммы, то есть, на 8 р. 76 к. Это издержки сутокъ; для 96 сутокъ выйдетъ..... 841.

Полотно для мѣшковъ въ цѣдильки..... 49.

Холста для салфетокъ на..... 110.

Проценты на вкладочный капиталъ 6 %..... 966 42.

Вещи, означенныя въ цѣнности вкладочнаго капитала, безъ сомнѣнія могутъ существовать и болѣе 12 лѣтъ, но я ограничиваюсь этимъ срокомъ, и вотъ почему полагаю только 6 процентовъ: по истеченіи 12 лѣтъ вся сумма вкладочнаго капитала будетъ уплачена этими процентами, и тогда строеніе и всѣ оставшіяся вещи составятъ чистый доходъ заводчика.

На поправленіе снарядовъ, машинъ, масла для смазки; починка ящиковъ, пилокъ; запасный прессъ, и вообще ежегодная ремонтная сумма... 1,225.

Контрощину въ годъ, съ содержаніемъ..... 200.

Двумъ смотрителямъ за посылкомъ и уборкою свеклы.... 300.

Рубл. Коп.

За 5 месяцев проценты на оборотный капитал 400.

Здесь я не полагаю жалованья мастеру, потому что всякая отдельная часть имеет своего смотрителя, которые включены в число 74 рабочих. Надзор над всеми ими имеет сам хозяин завода.

Сумма ежегодно употребляемая для производства..... 16,444. 54.

Изъ этого расчета видно, что обработка берковца корней обходится заводу въ 1 рубль 71 копейку.

3. Количество и ценность произведений.

Произведения свекло-сахарного завода состоятъ изъ песку, патоки и выжимокъ. Ничто не можетъ быть разнообразнѣе мнѣній нашихъ заводчиковъ касательно выходовъ произведений свекло-сахарного завода: это доказываетъ, что знаніе предмета не сдѣлалось еще у насъ общимъ. Посвятить себя занятію этой промышленностью и желая лично убѣдиться, въ какомъ состояніи находится она у насъ, я осматривалъ многіе заводы и видѣлъ лучшіе. Всѣ собранныя мною свѣдѣнія о выходахъ можно привести къ количествамъ, изображеннымъ въ слѣдующихъ отчетахъ, которые тѣмъ убѣдительнѣе, что напечатаны самими заводчиками.

Въ «Подробномъ описаніи свекловично-сахарного завода», Г. Мальцова (1827), представлено, что четверть свекловицы даетъ желтаго песку 11 фунтовъ; патоки 10,6 фунтовъ; выжимокъ и очистокъ 93,3 фунтовъ. Жаль, что здѣсь четверть не опредѣлена вѣсомъ: отъ этого расчетъ не можетъ быть основателенъ. Такъ напримѣръ, если четверть въ 8 четвериковъ, то при крупной, очищенной свекловицѣ (189 корней въ четверти) она будетъ вѣсить 8 пудовъ 25 фунтовъ, а при мелкой свекловицѣ (1200 корней въ четверти) вѣсъ ея будетъ 7 пудовъ 35 фунтовъ: слѣдовательно, полагая среднее число, четверть вѣсомъ будетъ 8 $\frac{1}{4}$ пуда. Чтобы избѣгнуть подобныхъ недоразумѣній, лучше принять какую-нибудь постоянную мѣру, опредѣляемую вѣсомъ. Теперь на многихъ заводахъ уже принята мѣра — берковецъ, то есть, десять пудовъ очищенныхъ корней. Для лучшаго со-

ображения я все здесь отчеты привожу въ берковцы. По отчету Г. Мальцова берковецъ корней дасть:

песку..... 13,3 фунтовъ.
патоки..... 12,8.
выжимокъ... 14,5.

Въ 1829 году Г. Мальцовъ сообщилъ публикѣ другой отчетъ завода, устроеннаго имъ въ Рославскомъ уездѣ въ 1828 году: здѣсь изъ четверти получено песку 15,8 фунтовъ, патоки 14,5 фунтовъ. Приведа въ десяти-пудовый вѣсъ, выйдеть:

песку..... 16,7 фунтовъ.
патоки..... 17,3.

Г. Мальцовъ выстроилъ собственными издержками на хуторѣ, принадлежащемъ Московскому Земледѣльческому Обществу, свекло-сахарный заводъ съ тою цѣлью, чтобъ на немъ производились различныя опыты, и чтобъ знакомить другихъ съ выгодами этой промышленности. Мысль прекрасная. Къ сожалѣнію, у насъ подобныя заведенія рѣдко достигаютъ своей цѣли: кто видѣлъ теперь хуторъ и заброшенный тамъ заводъ, тому легко понять, такая ли цѣль была этихъ учрежденій. Однако жъ въ 1828 году на этомъ заводѣ былъ дѣланъ опытъ, котораго отчетъ обнародованъ. Изъ отчета видно, что производство совершалось двумя способами, — холоднымъ и горячимъ отстоемъ.

Посредствомъ холоднаго получено песку изъ берковца 11,8 фунтовъ.

Посредствомъ горячаго отстоя получено { песку.. .. 12.
патоки.... 13,5.

Въ отчетѣ барона Котца показано, что изъ 1,478 берковцевъ получено 259 пудовъ бѣлаго песку, 167 пудовъ желтаго, и 623 пуда патоки. Полагая утрату при продажѣ изъ берковца корней, выйдеть, безъ переварки патоки:

желтаго песку 12 фунтовъ.
патоки..... 14.
выжимокъ... 108*.

* Соображаясь съ количествомъ соку, означеннымъ въ отчетѣ, выжимокъ должно быть 145 фунтовъ.

Въ этихъ отчетахъ выходъ опредѣленъ изъ всего количества переработанной свекловицы: оно и должно быть такъ. Слыхино читать, какъ нѣкоторые, сработавши назаказъ одну варю, на этомъ основываютъ весь чудный расчетъ своего производства. Это доказываетъ или пустое тщеславіе, вредное для себя и другихъ, или, просто, совершенное незнаніе мануфактурнаго дѣла, особенно свекло-сахарнаго, гдѣ при всемъ неутомимомъ присмотрѣ не возможно въ теченіе ста сутокъ непрерывной работы отклонить упущеній, происходящихъ или отъ небрежности и неискусства работниковъ, или отъ поврежденія машинъ, или наконецъ отъ разнообразныхъ свойствъ и измѣненій свекловицы. Кто хочетъ представлять отчеты публикѣ, тотъ долженъ основывать ихъ на выдѣлкѣ произведеній въ большемъ количествѣ и на сложности результатовъ въ теченіе по-крайней-мѣрѣ нѣсколькихъ лѣтъ сразу.

Долговременными моими опытами я убѣжденъ, что выходы бываютъ разнообразны отъ весьма многихъ причинъ, и даже отъ лѣта болѣе или менѣе благопріятнаго для росту свекловицы. Вотъ почему слѣдующіе выходы выведены среднимъ числомъ изъ непрерывнаго производства нѣсколькихъ лѣтъ:

Берковецъ очищенныхъ корней даетъ	{	песку № 1.. 7,3 фунтовъ.
		песку № 2.. 4,4
		патоки12,4
Отъ переварки патоки получается:	{	песку № 3.. 3,2
		патоки..... 4,7

И такъ изъ 9,600 берковцевъ выйдетъ:

песку № 1.....	1,752 пуд.
песку № 2.....	1,056.
песку № 3.....	768.
патоки.....	1,128.
выжимокъ.....	32,640..

Вотъ пять отчетовъ изъ четырехъ совершенно противоположныхъ мѣстъ Россіи. Здѣсь видно различіе въ выходахъ. Какая же причина этому? климатъ ли, способъ обработки, или неточность отчетовъ? Это рѣшить общій голосъ, когда свекло-сахарное производство сдѣлается поприщемъ

более обширнымъ для дѣятельности людей внимательныхъ образованныхъ*.

До-сихъ-поръ мы занимались количествомъ произведеній: обратимся къ ихъ цѣнности. Недостаточно того, чтобъ песку было много: надобно, чтобъ песокъ былъ хорошъ. Въ самомъ дѣлѣ, что пользы получить 20 и болѣе фунтовъ изъ четверти такого песку, котораго нельзя ни пробывать, ни продать? Такого сорту пески мнѣ случалось видѣть и на заводахъ, и въ Москвѣ, куда они были привезены для продажи.

Прежде, сбытъ произведеній управляема мною заведе-

* Чтобъ лучше ознакомить читателей съ пользами свекло-сахарнаго производства, предложимъ еще выходы Французскихъ заводчиковъ.

Шапталъ (Chippie appl. à l'Agr.) показываетъ изъ берковца корей:

песку № 1 и 2....	14,4	} всего 16,8 фунтовъ.
песку № 3.....	2,4	
патоки.....	10,4.	

Дюбрюноо (Art de fabriquer le sucre):

песку № 1 и 2....	14	} всего 18,3 фунтовъ.
песку № 3.....	4,3	
патоки.....	15,6.	

Креспель (Art de fabriquer le sucre):

песку № 1, 2 и 3..	20 фунтовъ, или 5%.
патоки.....	16.

Но всѣ эти выходы далеко не могутъ сравниться съ тѣми, какіе представляетъ намъ Г. Давыдовъ. По первой его методѣ, посредствомъ *пропариванія*, выходы простираются до 30 фунтовъ и болѣе изъ каждой десяти-пудовой четверти. (Взглядъ на свекловично-сахарное производство, стр. 6). Чего же болѣе? Увы, спустя мѣсяць самъ почтенный заводчикъ нашель, что метода его дурна! Онъ предлагаетъ лучшую методу, — *вымочку свекловицы посредствомъ холодной воды*. «Этою методою, пишетъ онъ, я несомнѣнно надѣюсь при восьми-градусномъ *французскомъ* сокѣ и при свѣжей свекловицѣ получать выходы изъ каждаго берковца кореньевъ 20 фунтовъ настоящаго сахару въ головкахъ, и по-крайней-мѣрѣ 10 фунтовъ превосходнаго песку изъ патоки (Донесеніе Г. Давыдова Обществу; Мос. Вѣд. № 27, 1834).» Это выходитъ ни болѣе ни менѣе 40 фунтовъ песку изъ четверти. Но опять — *увы!* Надежда, на которую такъ несомнѣнно полагался сочинитель Донесенія, оказалась крайне сомнительною: заводы, выстроенные прошлесію осенью по этой методѣ, обнаружилъ всю обманчивость гиперболическихъ ожиданій. Неудачный ходъ знаменитаго «открытія» — лучшее доказательство, что въ мануфактурномъ дѣлѣ нельзя основывать несомнѣнныхъ надеждъ на редкихъ, комматныхъ опытахъ. Но объ этомъ послѣ.

И такъ, 96,000 берковцевъ свекловицы даютъ чистаго дохода 48,728 рублей. Следственно каждый берковецъ корней приноситъ пять рублей чистаго доходу.

Я желаю, сколько позволяетъ предѣлъ журнальной статьи, изложить отчетъ свой подробно, чтобъ вѣрнѣе убѣдить всякаго въ выгодахъ, которыя доставляетъ свекло-сахарная промышленность. Жалю, что не могу представить вмѣстѣ плана, съ подробнымъ описаніемъ, всѣхъ матеріаловъ, и цѣны каждой особенно вещи: это было бы лучшимъ доказательствомъ, что сумма, показанная мною вкладочнымъ капиталомъ, не могла быть больщею. Впрочемъ не только въ Малороссіи, но и въ Россійскихъ губерніяхъ, для устройства завода на сто четвертей въ сутки, капиталъ употребляется почти одинаковый: такъ напримѣръ, по обнародованнымъ извѣстіямъ, огромный заводъ Г. Горяинова въ Воронежской губерніи, Павловскомъ уездѣ, стоилъ 18,000 рублей; другой въ Тульской губерніи, основанный Г. Безвалемъ на девяносто шесть четвертей въ сутки, стоилъ 16,000.

Сумма для ежегоднаго производства, кажется, довольно подробно выведена. Количеству произведеній, получаемое на заводѣ, весьма обыкновенно: въ этомъ ссылаюсь на лучшіе наши заводы, — на заводъ графа Бобринскаго и на весьма близкій отъ меня заводъ Г. Савича; ктому жъ, выходы означены у меня меньше, чѣмъ въ приведенныхъ здѣсь отчетахъ Г. Мальцова и барона Котца. Цѣнность произведеній опредѣлена самою продажею купцамъ Абрикосовымъ и постоянно существующею цѣною на бѣлый песокъ въ Москвѣ.

Остается одинъ вопросъ: могутъ ли 64 десятины каждый годъ давать 9,600 берковцевъ корней? На это легко отвѣчать прошедшимъ 1834 годомъ: свекловица выросла только на тѣхъ десятинахъ, которыя зазяны очень рано, а на прочихъ ничего не было. Восемь лѣтъ занимаюсь я производствомъ, и это былъ первый годъ, такой убійственный. Но, хотя заводъ и лишился своихъ обыкновенныхъ выгодъ, онъ не остался въ убыткѣ: издержки всегда бываютъ соразмѣрны количеству свекловицы. сверхъ-того, за тѣ десятины, на которыхъ не было свеклы, заводъ ничего

не платилъ, и возвратилъ нѣ экономіи, которая засѣяла нѣ гречихою; а изъ собранной свекловичи заводъ приобрѣлъ болѣе 20 процентовъ на вкладочный капиталъ, составляющій, какъ мы видѣли, очень незначительную сумму. П. Лялинъ.

=

КАРТОФЕЛЬ.

Происхождение и важность картофеля въ сельскомъ хозяйствѣ; способъ сохранять его въ большихъ количествахъ безъ подваловъ, въ обыкновенныхъ житницахъ; употреблять въ пищу, хотя бы и перемерзъ, и изъ перемерзшаго печь хлѣбъ лучшей чѣмъ изъ варенаго.

«Не болѣе двухъ сотъ семидесяти лѣтъ, говоритъ Теэръ, какъ извѣстенъ въ Европѣ картофель, необходимое въ нашу вѣкъ произрастеніе. Въ 1565 году Англичанинъ Джонъ Гамкпнсъ вывезъ его въ Европу изъ Санта-Фе, города Новой Мексики, въ Америкѣ. Сажали его только въ садахъ, какъ рѣдкое растеніе, и такъ же употребляли въ пищу. Во Франціи, въ 1622, подавали его только на королевскій столъ. Въ 1623 году пѣвко Вальтеръ Ралеѣъ показалъ въ Ирландіи употребленіе картофеля въ домашнемъ быту, по-Виргински. Въ Италиі до 1688 года мало знали о картофелѣ. Вероятно оттуда перешелъ онъ въ Саксонію въ 1650, но только около 1710 года сталъ всею извѣстенъ въ Германіи. Однако и тогда сажали его въ садахъ, и по большей части онъ появлялся на столахъ богатыхъ людей. Въ концѣ семилѣтней войны, около 1760 года, употребленіе картофеля распространилось въ Германіи; но еще во многихъ провинціяхъ считалось дѣломъ страшнымъ, непонятнымъ, безразумнымъ, сажать картофель въ полѣ вмѣстѣ съ хлѣбными растеніями. Только въ годы, неурожайные на все вообще зерновые хлѣба, именно въ 1771 и 1772, посевъ картофеля въ большомъ количествѣ нашелъ защитниковъ. Голодъ вразумилъ людей, что можно питаться однимъ картофелемъ и безъ хлѣба. До того времени картофель составлялъ подробную, дополнительную пищу. Однако жъ и послѣ онъ сѣялся единственно на продовольствіе челоуѣка. Изрѣдка, въ некоторыхъ хозяйствахъ, давали скоту картофель, оставшіяся отъ

годового продовольствия людей. Весьма нескоро узнали пользу кормить имъ скотъ, и стали разводить на этотъ предметъ. Первый Бергенъ, въ своемъ «Введеніи къ Скотоводству», совѣтовалъ разводить его въ большомъ количествѣ на прокормленіе животныхъ, а, для сокращенія работы, употреблять орудіе въ родѣ нынѣшняго коннораспашнаго плужка. Нельзя не удивляться, что такъ долго не могли постигнуть огромной пользы картофеля для сельскаго хозяйства.»

Картофель первоначально происходитъ изъ Виргиніи. Во Франціи возникъ въ 1825 году споръ, действительно ли картофель уроженецъ Америки, а не Европы. Къ спору подало поводъ то, что открыли дикій картофель въ Испаніи въ приморской провинціи Бетансось, гдѣ онъ называется castaña magra, морскимъ каштаномъ. Земледѣльцы того края жалуются, что трудно искоренить это растеніе. Оно забирается въ виноградники и разрастается во множествѣ на поляхъ пахотныхъ; листья и всѣ части гораздо меньше, нежели у вывезеннаго изъ Америки. Бетансоскій картофель имѣетъ видъ простой травы въ сравненіи съ Американскимъ, который вѣроятно улучшился отъ времени и попеченій человека. Въ Бетансось появляется онъ изъ земли въ іюнѣ и въ іюль, а послѣ жатвъ хлѣба начинаетъ расти съ необыкновенною быстротою; плоды его малы; нѣкоторые сладки, другіе горьки, и вообще бываютъ трехъ родовъ, круглые бѣлые, продолговатые бѣлые, и продолговатые красные. Последніе имѣютъ глазки, или зародыши, съ полоскою, подобною проведенной ногтемъ по воску. Круглые картофелины имѣютъ также глазки, но безъ полосокъ. Дикой картофельъ растетъ тамъ семь мѣсяцевъ, и въ декабрѣ совершенно поспѣваетъ; скороспѣлый даетъ всходы въ мѣзъ. Стебель, или батва, дикаго вырастаетъ въ четверть аршина; листья короткіе, темно-зеленаго цвѣта; цвѣтковъ вовсе не бываетъ, даже нѣтъ признаковъ завязки цвѣтка. Сильные морозы и проливные дожди не вредятъ Бетансоскому картофелю и не подвергаютъ его гніенію, если онъ покрытъ землей; напротивъ, обыкновенныя земляныя яблоки отъ малѣйшаго мороза и сырости портятся даже въ лучшихъ подвалахъ. Были дѣланы опыты посѣва Бетансоскаго картофеля во Франціи, въ окрестностяхъ Ангулема, на землѣ хо-

рошей, лежащей на полдень: онъ произрасталъ отменно хорошо; батва достигала аршина, и болѣе; образовались цвѣтки, но безцвѣтные, съ пустоцвѣтомъ; наросты корня, или яблоки, оказались больше посаженныхъ и походили точь-въ-точь на обыкновенный картофель, съ тѣмъ только, что были мельче. Это заставило думать, что отечество картофеля—Испанія, и нѣкоторые полагали, что онъ оттуда перевезенъ въ Америку. Впрочемъ извѣстно, что въ южной Америкѣ во всему морскому берегу до самыхъ Кордильероу растутъ дикой картофель во множествѣ.

Какъ бы то ни было, картофель сдѣлался для Европы столько же необходимъ, какъ зерновой хлѣбъ. Польза и употребленіе его обширны и разнообразны. Цѣлые народы, напримеръ Ирландцы, живутъ картофелемъ, который у нихъ составляетъ главную пищу, какъ у насъ ржаной хлѣбъ. Неурожай картофеля повергъ бы въ нашъ вѣкъ едва ли не половину Европы въ крайнее бѣдствіе. Кромѣ недостатка въ прокормленіи людямъ, скотоводство Европейское разстроилось бы совершенно, потому что оно большею частію основывается на этомъ кормѣ. Выпукреніе уменьшилось бы пополамъ: въ чужихъ краяхъ выгоняютъ водку наиболѣе изъ картофеля.

Посѣвы въ большомъ количествѣ и полевая обработка картофеля имѣли великое вліяніе на успѣхи земледѣлія и вообще сельскаго хозяйства. Не только сѣвообороты улучшились и сдѣлались разнообразнѣе, не только полеводство усовершенствовалось, зерновые хлѣба стали родиться лучше и постояннѣе, особливо яровые, которые отменно растутъ послѣ картофеля, но все земледѣліе двинулось отъ него впередъ. Для посѣва и обработки картофеля потребовались и изобрѣтены превосходныя земледѣльческія орудія. Они годились и для другихъ хлѣбовъ или подали мысль къ улучшенію прежнихъ и къ изобрѣтенію новыхъ. Дознано, что картофель и безъ помощи хлѣба составляетъ питательную и здоровую пищу не только для людей и скота, но и для домашнихъ птицъ, которыя отъ него тучнѣютъ. Изъ картофеля добывается также пиво, патока, крахмалъ. Сколько блюдъ и разнообразія доставилъ онъ Гастрономіи.

Самое затруднительное дѣло, когда сѣютъ картофель въ

большомъ количествѣ, состояло до-сихъ-поръ въ сбереженіи вырытаго изъ земли, и на этомъ обстоятельствѣ враги плодотворной системы полеводства болѣе всего опираются свои возраженія. Сырость, теплота, морозъ, свѣтъ для него вредны. Отъ первыхъ трехъ онъ тотчасъ гниетъ, отъ свѣта пускаетъ ростки и лишается питательной силы. Для посѣва въ большомъ количествѣ картофеля, который по величинѣ своей не вмѣщается въ малыя хранилища, надобно было готовить обширныя подвалы теплыя, сухія, темныя. Нельзя было сберегать картофель въ нашихъ северныхъ губерніяхъ, какъ совѣтуютъ иностранцы, просто на поверхности земли, складывая въ кучи и покрывая соломой: земля у насъ промерзаетъ на полтора и болѣе аршина. Даже въ глубинахъ ямахъ трудно уберечь его отъ мороза, особливо если ямы разкрываются зимой при надобности въ картофель. Но весной, когда замерзшая земля станетъ отходить, онъ портится въ ямахъ отъ внутренней земляной воды, если не перемѣстятъ его въ сухія хранилища. Эти затрудненія въ сбереженіи останавливали успѣхи и распространеніе посѣвовъ картофеля въ большомъ количествѣ. На вопросъ, куда употреблять его, когда родится много, отвѣчать было не трудно: употреблять его въ пищу людямъ, замѣнять имъ зерновой хлѣбъ, кормить имъ скоть, обращать его въ мясо, молоко, сыръ, деньги, выжимать изъ него водку, дѣлать патоку, пиво, крахмалъ; отъ корма скота картофелемъ накапливается много отличное навоза, лишь-бы только была подстилка для жидкаго изверженія. Но какъ сберечь большое количество картофеля, особливо крестьянину, у котораго даже въ подпольѣ подъ избою не рѣдко онъ сопрываетъ? Эти неудобства и затрудненія отвращены теперь наукою и опытомъ.

Въ наше время Земледѣльческая Химія во многомъ усовершенствовалась; она сдѣлалась обширнѣе, полнѣе; она включила въ область свою и освѣтила забытыя отрасли сельскаго хозяйства; она истолковала самыя трудныя задачи земледѣлія и скотоводства, выводя новыя истины изъ общихъ постоянныхъ законовъ природы. Съ успѣхами Земледѣльческой Химіи сдѣлалось извѣстнымъ между прочимъ и то, что картофель не лишается своей питательности, если и пере-

мерзнуть; напротивъ дѣлается лучше и выгоднѣе для выгонки водки и печенія хлѣбовъ. Изъ мерзлаго картофеля выходитъ больше водки и больше бываетъ припеки въ хлѣбѣ, чѣмъ отъ варенаго. Объяснимся.

По Химіи извѣстно, что всѣ растенія, плоды, зерна, употребляемые въ пищу, состоятъ изъ двухъ главныхъ частей, — питательныхъ и непитательныхъ. Въ зерновыхъ хлѣбахъ преимуществуютъ питательныя, а въ картофелѣ напротивъ. Въ 1000 частяхъ озимой пшеницы, по Деви, находится питательныхъ частей 955; именно, крахмала и слизи 765, растительнаго клея, отъ котораго пшеница и рожь могутъ сами по себѣ составлять печеный хлѣбъ, а картофель не можетъ, и бѣлковатаго вещества, 190: сладостенно остается непитательныхъ частей только 45, то есть, кожицы, или щелухи, называемой отрубями, и влаги. Да и отруби съ пользою употребляются для примѣси въ хлѣбъ: онѣ доставляютъ питаніе оставшимся въ ней частицами муки. Но, въ 1000 частяхъ картофеля, питательныхъ частей только 260; именно, крахмала и слизи 200, сахарнаго вещества 20 и бѣлковатаго 40. Остальное составляютъ влага, или сокъ, и кожа, — вещества непитательныя. Влага, при извѣстной степени теплоты, приходитъ въ броженія и заставляетъ тѣла органическія измѣняться. Первое броженіе бываетъ сахарное, потомъ винное, за нимъ уксусное, и наконецъ наступаетъ гніеніе. Кто останавливаетъ броженіе въ тотъ или другой періодъ, тотъ получаетъ патоку, водку, уксусъ, или вся масса сгніетъ. Нѣтъ влаги, нѣтъ и броженія. Оттого сухія хлѣбныя зерна не повреждаются и не гніютъ въ закромѣ, а сыромолотныя сопрѣваютъ. То же и съ картофелемъ. Отымите влагу, высушите картофель: онъ не потеряетъ ни одной питательной частицы, и можетъ лежать и сохраняться во всякое время года въ закромѣ и гдѣ угодно, лишь бы не было сырое мѣсто. Извѣстно также, что чѣмъ лучше и въ большемъ количествѣ отдѣляются питательныя части отъ непитательныхъ, тѣмъ сытнѣе дѣлается всякое растеніе: картофель также.

Морозъ—самый лучший химикъ природы. Онъ отдѣляетъ совершенно и безъ малѣйшаго ущерба питательныя части картофеля отъ самаго большаго количества непитательныхъ,

— сока, или влаги. Напротивъ того, если варить картофель въ воду, она всегда растворяетъ въ себя большую часть сахарныхъ частей и белковатаго вещества, а въ зерновыхъ хлебахъ самую связь. Вотъ почему печеный картофель, не лишаящийся вовсе ни какихъ питательныхъ частей, вкуснѣе и сытнѣе варенаго. То же и въ сушеномъ: испаряется одна влага, а питательныя части все остаются въ цѣлости. Хлебныя зерна обыкновенно толкутъ, шатаютъ для того, чтобы отделить кожицу, отруби, и оставить одну питательную часть.

Правила теории подтверждаются и на опытъ. Въ 1833 году, въ помѣстьи моему Фролову, Тверской губернии, картофель, посаженный въ овощномъ полѣ, родился отлично хорошо, и обошелся самъ-семь съ половиною. Тамъ болѣе десяти лѣтъ свется въ полѣ отъ десяти до двѣнадцати десятинъ картофелю по способу плодопеременнаго полеводства. Съ осени употребляется картофель во Фроловскомъ хозяйствѣ сырой отъ одного до двухъ гарнца съ макиной въ корнѣ дошнымъ коровамъ, а варенымъ поливается макина для жеребятъ и телатъ. Какъ скоро начать давать коровамъ сырой картофель, тотчасъ молоко желтѣетъ, густѣетъ, делается отминокъ вкуснымъ, а изверженіе жидкимъ какъ весною отъ зеленой травы: была бы только подотила, — наконецъ можно навоза отъ корма картофелемъ бездну, и самаго отличнаго. Во Фроловѣ картофель сохранялся до-сей-поры въ каменныхъ подвалахъ съ предосторожностями, описанными въ сочиненіи моемъ, «Главныя Основанія Земледѣлія».

Въ 1834 году послано было изъ Фролова за Волгу, въ другое имѣніе, село Виталино, разстояніемъ за девяносто верстъ отъ перваго, сто двадцать четвертей картофелю по последнему пути. Обовъ съ картофелемъ былъ отправленъ въ оттепель, въ концѣ марта, а на другой день въ ночь подулъ северный вѣтеръ и сдѣлался сильный морозъ. По прибытіи въ Виталино, оказалось не перемершаго только тридцать четвертей, и тотъ долженъ былъ поступить на семена. Что было дѣлать съ перемершимъ? Жаль бросать девяносто четвертей. Но можно ли безъ вреда варить и употреблять безъ отвращенія перемерзшій картофель въ пищу, какаѣ бы ни была нужда крестьянамъ въ неурожайный 1833

годъ? И такъ рѣшились рубить перемерзшіи стѣнами въ корытахъ, какъ камусту, только гораздо крупнѣе, и раздавать крестьянамъ сушить въ вѣскахъ. Изъ четвертика или одного пуда рублевого выходило сушеного тринадцать фунтовъ.

Такимъ образомъ всѣ девяносто четвертей, полагая въ четверти восемь пудовъ, всего семь сотъ двадцать пудовъ, были нарублены и высушены. Получено сушеного, сохраняющаго всѣ питательныя части двести тридцать четыре пуда. До сихъ поръ изъ этого сушеного картофеля оберегается безъ поврежденія нѣсколько въ житницѣ, въ закромѣ. Сухіе куски легко перемалываются въ муку крестьянскими ручными жерновами. Чемъ угловатѣе куски, тѣмъ лучше для молоты. Эту картофельную муку прибавляли въ квашню, въ растворъ ржаной муки, приготовляемый на хлѣбъ; къ пуду ржаной муки прибавляли тринадцать фунтовъ картофельной. Изъ пуда ржаной муки обыкновенно выходитъ печенаго хлѣба полтора пуда, припеки двадцать фунтовъ; а изъ пуда ржаной и тринадцати фунтовъ картофельной выходило печенаго хлѣба два пуда; прибавлялось на тринадцати фунтахъ еще семь припеки, а всего приращеніе отъ картофеля двадцать фунтовъ. Напротивъ того изъ пуда сырого картофеля, если сварить, протереть и прибавить къ пуду ржаной муки, выходило печенаго хлѣба только мулъ тридцать фунтовъ: следовательно приращенія бываетъ въ хлѣбѣ только десять фунтовъ. Прибыль не важная, вдвое меньшая противу сушеного. Кроме того, мука изъ сушеного картофеля совершенно соединяется съ ржаной, не остается ни какихъ слѣдовъ прирѣси картофеля и лишней сырости въ хлѣбѣ, какія оказываются отъ варенаго и протертаго: это чрезвычайно важно. Хлѣбъ бываетъ отменно вкусенъ: картофельная мука отнимаетъ лишнюю кислоту у ржаной, а эта лишнюю прѣвность у картофельной. Опыты выгодной выгономъ изъ мороженнаго картофеля водки, произведенные президентомъ Санктпетербургскаго Экономическаго Общества, были отменно удачны и согласны съ теоріей.

Уже давно известно, что свѣжій картофель можно сушить. И такъ неудачная перевозка картофеля во время зимы послужила, если не къ новому открытію, то новымъ доказательствомъ возможности сушить съ пользою и перемерзшіи, ко-

торый обыкновенно бросали, какъ ни къ чему негодный, и потому сушеный употребляютъ въ хозяйствѣ еще съ большою выгодой чѣмъ свѣжій. Эту картофельную мукою хорошо посыпать кормъ скоту и птицѣ, вмѣсто зерноваго хлѣба.

Вотъ теперь можно безъопасенія пользоваться совѣтомъ иностранцевъ, — складывать картофель въ кучи просто на поверхности земли, и въ северныхъ губерніяхъ, — разумется только тотъ, который не нуженъ для семянъ и употребленія свѣжимъ. Крестьяне каждый день могутъ рубить перемерзшій и сушить въ избахъ въ печи. Для сушки картофеля имъ не нужно тратиться ни на дрова, ни на постройку особыхъ печей. При посѣвѣ въ большомъ количествѣ картофеля можно обойтись безъ обширныхъ подваловъ и огромныхъ ямъ, ненадежныхъ для храненія. При селеніи всегда найдется нѣсколько возвышенныхъ мѣстъ, чтобъ хранить сымяный картофель и нѣсколько свѣжаго въ небольшихъ ямахъ, куда вода весенняя не подходитъ. Теперь ни что уже не препятствуетъ сѣять въ большомъ количествѣ благотворное растеніе, совершенно завнѣяющее зерновой хлѣбъ, и съ тѣмъ преимуществомъ, что оно не боятся ни побитія градомъ, ни сильныхъ дождей. Теперь оохраненіе картофеля, прежде столь трудное, становится чуть ли не легчайшимъ изъ всѣхъ предметовъ, сохраняемыхъ въ деревнѣ. Теперь безъ всякой несправедливости можно давать дворовымъ людемъ въ обыкновенную мѣсячину вмѣсто полнаго количества ржаной муки, двѣ трети ржаной и одну третью часть картофельной: это сбережетъ въ каждомъ хозяйствѣ, гдѣ живетъ помѣщикъ, почти цѣлыя семена ржи. Всякому сельскому хозяину известно, какъ важно и необходимо имѣть всегда запасъ сѣменнаго хлѣба. Распространеніе посѣвовъ картофеля въ большомъ количествѣ послужитъ самою надежною обороною отъ голода, жестокаго бича народнаго, и въ то же время лучшимъ средствомъ къ составленію сельскихъ запасовъ зерноваго хлѣба. *Д. Шелеховъ.*

=

ИСТОРИЯ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

РУССКАГО ПОМѢСТЯ СЪ ТРѢХПОЛЬНЫМЪ ЗЕРНОВЫМЪ ПОЛЕВОДСТВОМЪ ВЪ АНГЛІЙСКОЕ СЪ ПЯТИПОЛЬНЫМЪ ПЛОДОПЕРЕМѢНЫМЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Чѣмъ начать описаніе событія, небывалаго въ цѣлой губерніи, сначала весьма труднаго, внослѣдствіи чрезвычайно легкаго, вовсе незамысловатаго, стоящаго весьма мало денегъ и усилій, о которомъ старожилы не слыхивали, которое изумило жителей, особливо простонародіе; по случаю котораго предвѣщали дурной конецъ «затѣямъ» помѣщика, разстройство его хозяйству, разореніе крестьянамъ; которое мнимые знатоки Россіи называли невозможнымъ въ нашемъ краѣ по тысячѣ-одному непреодолимому препятствію, и провозглашали худою потѣхою владѣльца? Возможно ли вздумать, говорили простолюдины, сѣять по хлѣбу траву и зелье? Возможно ли чтобъ съ одной земли въ одинъ годъ снимались двѣ жатвы, и вынесетъ ли земля? Какъ мѣнять, по пословицѣ, кукушку на лстреба, сѣять въ полѣ намѣсто хлѣба картофель, этотъ переводъ хлѣба и грѣшную пищу? Старожилы болѣе образованные недоумѣвали, какъ можно обойтись безъ пара; куда выгонять скоть, когда луга закажутъ; гдѣ сохранять картофель, и что дѣлать съ большимъ количествомъ при урожаѣ; сомнѣвались, будутъ ли у насъ родиться кормовыя травы и доставлять хорошіе сѣнокосы; по нашему ли климату заводить иностранное хозяйство; какія надобно имѣть суммы на покупку сѣмянъ нововводимыхъ растеній, на обзаведеніе хозяйства плугами, рабочими лошадьми, сбруей; вознаграждаются ли урожаями подобныя издержки, содержаніе лошадей и работниковъ на господскомъ

продовольствіи? Я уже не говорю о тѣхъ возражателяхъ, которые, хватая предметъ подальше, говорили о преградахъ, поставляемыхъ нашимъ политическимъ бытомъ. Вся эти умствованія заставляли даже людей благонамѣренныхъ искренно сожалѣть о трудахъ мечтательнаго нововводителя, который и самъ сначала утопалъ въ недоумѣніяхъ и сомнѣвался въ успѣхъ дѣла по неопытности, по неизмѣннѣ образцовъ предъ глазами, по неполному еще познанію науки Сельскаго Хозяйства. Однако жъ это неслыханное событіе совершилось, — и совершилось у меня нижеподписавшагося, въ моей скромной отчинѣ, Фроловѣ. То было въ 1822 году, въ Тверской губерніи. Тогда не имѣли еще яснаго понятія о плодотермѣненіи и о системѣ этого полеводства. Всякое полеводство не-трехпольное называли Англійскимъ или Нѣмецкимъ, и вообще иностранною новизною, несообразною съ кореннымъ устройствомъ нашихъ помѣстій, недоступною для силъ Русскихъ крестьянъ и для ихъ животныхъ. Но черезъ двѣдцать лѣтъ какая перемѣна въ понятіяхъ, по-крайней-мѣрѣ въ здѣшнемъ краю! Теперь никто уже здѣсь не сомнѣвается, послѣ десяти-лѣтняго Фроловскаго опыта, о возможности производить плодотермѣнное полеводство съ выгодою, хотя и до-сихъ-поръ его идея не вовсе пряснилась. Сущность его еще темна; оно извѣстно больше по своей формѣ. Говорятъ обыкновенно, — вы производите семи-польное хозяйство, или пяти-польное, трехпольное; у васъ въ пятипольномъ хлѣбъ хорошо родится, и тому подобное, — не подразумѣвалъ даже того, что дѣло состоитъ не въ числѣ полей. Едва ли не всѣ питаютъ нынче въ хозяйствахъ здѣшняго края мысль и желаніе преобразовать свое зерновое (трехпольное) въ плодотермѣнное, но большею частію ограничиваютъ виды преобразования учрежденіемъ у себя четырехъ полей, именно по причинѣ тѣхъ же

неясныхъ, смѣшанныхъ идей о многопольномъ хозяйствѣ и плодощеремъненіи. Не достаетъ еще большаго числа примѣровъ и опытныхъ указаній; нуждаются еще въ руководствѣ, содѣйствіи и поощреніи; за всѣмъ тѣмъ первая и самая толстая кора предубѣжденія спала и съ самыхъ одеревянѣлыхъ умовъ.

Начну исторію искреннимъ признаніемъ и изложеніемъ всего, что было, — именно, что послужило поводомъ къ измѣненію зерноваго полеводства, что рѣшило на это предпріятіе, какія взяты были мѣры, какія встрѣчались препятствія, какія сдѣланы погрѣшности.

Преобразователь полеводства въ сельцѣ Фроловѣ имѣлъ передъ глазами еще съ 1817 года весь ходъ мѣстнаго хозяйства, урожай и доходы, хотя находился на службѣ вдалекѣ отъ помѣстья. Недостатки зерноваго полеводства были очевидны. Не проходило ни одной весны, чтобы на скотномъ дворѣ многихъ коровъ не подымали, чтобы по нѣскольку не издыхало отъ худобы. Остальной скотъ выходилъ весною на паству, едва передвигая ноги. Не было года, самаго урожайнаго на сѣно и солому, чтобы, несмотря на огромную дачу, на изобиліе въ лугахъ, накоплялось удобренія даже на полпара. Въ иной годъ удобрялась только треть пароваго поля. Земля истощалась примѣтно, хотя только за одиннадцать лѣтъ до 1817 года Фроловская усадьба устроилась на новомъ, пустошномъ мѣстѣ, гдѣ пахали одними наѣздами. За одиннадцать лѣтъ всѣ поля образовались изъ поднятой нови; но уже въ 1817 году иныя десятины вовсе перестали родить хлѣбъ, потому что съ первой распашки ни разу не получали унавоживанія. Однако жъ до 1817 года еще могли распахать новь; съ того времени подъемка нови вовсе прекратилась: возвышенныхъ, годныхъ къ хлѣбопашеству мѣстъ не стало. Оставались только низины и болотины; для об-

ращенія ихъ въ пашню требовалась помощь искусства, о которомъ въ здѣшней странѣ слыхомъ не было слышно.

Тогда естественно представились уму вопросы: Если въ здѣшней краю земля не пошь, и безъ удобренія не плодородна, то какимъ образомъ увеличить удобреніе? Покупкою ли, прибавленіемъ скота? Но чѣмъ кормить прибывшихъ, когда и прежній отъ безкормицы едва переводилъ духъ? Были передъ глазами примѣры разстройства и опустошенія скотнаго двора, именно отъ умноженія скота покупкою. Одинъ сосѣдь, жившій въ столицѣ, имѣвшій много свободныхъ денегъ, накупилъ скота столько, что составилъ двойное число: на слѣдующую весну отъ недостатка корма сдѣлался надежъ; скотъ переколѣлъ, не только купленный; но и коренной, прежній. Оставалось еще средство: не отдавать въ наймы сенокосныхъ пустошей, чтобъ съ нихъ собирать болѣе сѣна для себя. Но сенокосу находилось и безъ прибавленія столько, что силъ и средствъ не доставало тягловымъ крестьянамъ скосить и убрать сѣно съ большаго пространства прежнихъ луговъ.

Такъ, Фроловское хозяйство находилось въ печальной необходимости ожидать изобилія и урожая отъ случайности погодъ, зависѣть только отъ благопріятныхъ для урожая годовъ, и страдать при малѣйшемъ ихъ измѣненіи. Незнаніе другихъ способовъ полеводства и основаній разсудительнаго сельскаго хозяйства содѣлывало его невольникомъ, слѣпымъ исполнителемъ старинныхъ и безотчетныхъ дѣйствій и предразсудковъ крестьянскихъ, заставляло основывать всѣ надежды на улучшеніи только прежняго трехпольнаго полеводства и утверждаться въ мысли, что дальѣе обыкновеннаго дѣлопроизводства итти не возможно. Одинъ только идеаль — зерновое полеводство, носился въ умѣ, и видъ его

Все было хаосъ и иракъ. Одно было у помѣщика желаніе — устроить свое хозяйство, приобрести искусство кормить скотъ, пахать землю, и прочая, такъ же хорошо, какъ дѣлаютъ для себя крестьяне.

Нѣтъ сомнѣнія, что во Фроловскомъ хозяйствѣ было столько просвѣщенія, чтобъ не принимать за великія истины увѣреній старостъ; скотниковъ и крестьянъ, будто-бы скотъ отъ того худо ведется, что много развелось былокъ и пестрыхъ коровъ, которые не ко двору; будто измѣнилось хлѣбородіе отъ того, что начали пахать ржанище подъ зиму, тронть пашню подъ рожь и яровое; будто здѣшняя земля отвращается рыхлости и не любитъ хорошей обработки; будто и самое уваживаніе не помогаетъ въ года неурожайные; будто все родится только годомъ и не зависитъ отъ трудовъ и удобренія, потому что у такого-то крестьянина рожь, дискать, родилась на землѣ навозной хуже чѣмъ на пресницѣ, хуже на троеной чѣмъ на одномъ взметѣ; будто все зависитъ отъ судьбы, а ни сколько отъ заботливости, искусства и умѣнья.

Въ то время впрочемъ казалось достовѣрнымъ, что если не этимъ предразсудкамъ приписывать Фроловскіе плохіе урожаи и пониженіе хозяйства, то надобно приписать худому присмотру и неприсутствію самого хозяина. И такъ служба оставлена въ началѣ 1820 года. Дѣятельный и неусыпный надзоръ обращенъ былъ на всѣ части хозяйства. Помѣщикъ самъ присутствовалъ при жатвѣ, кошеніи и уборкѣ хлѣба, при молотбѣ, приѣмѣ и отпускѣ хлѣба изъ житницъ, при раздачѣ мѣсячины людямъ, при кормѣ скота. Но и трехлѣтняя дѣятельность не помогла. Наступили ужасные годы 1820, 1821 и 1822, столь дождливые, что хлѣбъ подопрѣвалъ на десятинахъ и съ трудомъ ѣздили по полямъ на тельгахъ. Вымочекъ на поляхъ было безчисленное множество; ничто не пре-

дуршеждало этого бѣдствія, ничто не утверждало на корнѣ жать; не осушало полей, загроможденных кустарниками, кущами деревъ, рощицами и болотинами; о землезаготовленіи, объ осушеніи полей посредствомъ окружныхъ и полевыхъ каналовъ и стоковъ, вовсе не было извѣстно Фроловскому хозяину, какъ и его сосѣдямъ; почитали за порчу полямъ, если обводить ихъ вокругъ каналами; думали, что хозяйство лишается много пахатной земли, если провеста по нимъ стоки.

Трехгодичный неурожай довель хозяйство до самого стѣсненнаго положенія. Доходовъ отъ хлебопашества вовсе почти не было. Приходилось жить въ долгъ. Надобно было обсемянить многихъ крестьянъ озимымъ хлѣбомъ и кормить другихъ почти съ перваго снопа. Отчаяніе, и безсиліе помочь урожаю полей, заставляли уже помышлять о томъ, какъ-бы по старинному обычаю, оставить помѣстье, переселиться опять въ городъ, поискать мѣстечка съ жалованьемъ, или иными средствами обезпечить себѣ способъ жизни и выгодное употребленіе трудовъ. Но прїѣздъ одного почтеннаго, просвѣщеннаго хозяина, *Ө. Ө. Р****, въ свое помѣстье близъ Фролова, остановилъ предпріятіе, и сельскія занятія, неволью привлекавшія сердце, не были покинуты.

Весьма памятно Фроловскому помѣщику, который, по воспитанію въ Московскомъ университетѣ, имѣлъ нѣсколько свѣдѣній въ Физикѣ, Химіи, Естественной Исторіи, Государственномъ Хозяйствѣ, но вовсе ни какихъ въ самой простой и нужнѣйшей отрасли естествознанія, — сельскомъ хозяйствѣ, весьма памятно тогдашнее его полное невѣдѣніе въ этой отрасли и изумленіе при словахъ новопрїѣзжаго сосѣда о различныхъ способахъ земледѣлія, существующихъ въ мі-

ръ*. Наравнѣ съ пшеническими вымыслами представлялись рассказы, объ иностранномъ сельскомъ хозяйствѣ, просвѣщеннаго гостя, путешествовавшаго въ зрѣлыхъ лѣтахъ по чужимъ краямъ и наблюдавшаго тамошнее дѣлопроизводство. Тогда въ первый разъ поразили слухъ слова — сѣвооборотъ, плодосрѣзьянная система, и прочая. Казалось баснею, будто бы можно обойтись безъ пароваго поля въ Россіи; будто можно, посредствомъ травосѣянія и корнеплодныхъ овощей, высѣваемыхъ на поляхъ пахатныхъ, кормить скотъ на стойлѣ даже во время лѣта, безъ выпуска на паству, какъ ѣзжалыхъ лошадей, и будто животнос отъ того не только незадохнется и не поху-дѣеть, но доставитъ болѣе молока, сдѣлается тучнѣе. Истинны разсудительнаго хозяйства казались мечтами заморскими, и самый опытъ *Θ.Θ. Р**** въ Тамбовской его деревнѣ, удобрять поля запахиваемою гречихою, несбыточнымъ чудомъ.

Возбужденное любопытство искало однако жъ удовольствій. Для всякаго дѣлопроизводства есть правила: слѣдственно должны быть и для сельскаго хо-

* Благодаря прозорливой попечительности нашего правительства, нынче почти при всѣхъ университетахъ находятся кафедры Сельскаго Хозяйства, не мнимыя, а действительныя. Молодые люди, въ томъ числѣ знаменитый Московскій профессоръ, Г Павловъ, были посланы въ чужіе края для пріобрѣтенія въ немъ познаній, теоретическихъ и практическихъ. Еще недавно учрежденъ въ Курляндской Гимназіи классъ Лѣсоводства, одной изъ отраслей сельскаго хозяйства. Что, если бы во всѣхъ гимназіяхъ открытъ былъ классъ для преподаванія сельскаго хозяйства? Гимназисты переходили бы въ университетъ съ запасомъ нужныхъ свѣдѣній о предметѣ, а выходящіе изъ гимназій на службу не были бы лишены первыхъ, основныхъ понятій, не чуждались бы усовершенствованій, не поддавались бы легко въ сѣти предрасудковъ и погрѣшій, могли бы, при случаѣ, занимать мѣста управителей въ мѣстностяхъ. Еще бы удвоилась польза и быстрѣе разнились бы свѣдѣнія въ образованныхъ сельскихъ занятіяхъ, если бы при губернскихъ городахъ учреждены были, сообразныя съ мѣстностью, образцовыя, опытыя усадьбы. Теорія находила бы для себя подъ-рукою повѣрки и опытыя указанія.

зяйства, думалъ Фроловскій помѣщикъ. Первая книга, которая подѣлалась ему въ руки, было — «Новое Земледѣліе по руководству Шубарта». Во второй части были описаны опыты плодоперемѣннаго полеводства, провѣдены въ Калужскомъ помѣстьи Г. Полторацкимъ. Книга эта удивила, но не внушила довѣрія. По-несчастію, была у другаго сосѣда ничтожная книжонка, подъ заглавіемъ «Плугъ и Соха» съ эпиграфомъ — *Предки не глупѣе насъ были*. Въ ней опровергалась польза такъ называемаго Англійскаго хозяйства, и были приведены расчеты доходовъ и работъ обыкновеннаго зерноваго полеводства и новаго, «Англійскаго», или плодоперемѣннаго. Это точно такой же бредъ, какъ впоследствии увидѣлъ я въ примѣчаніяхъ къ Теэру въ Русскомъ переводѣ; но онъ возбуждалъ во мнѣ бездну сомнѣній. Третья книга, сообщенная мнѣ Г-мъ Р***, была Нѣмецкая; «Начертаніе руководства къ плодоперемѣнному хозяйству», Людвигъ Фишера, переведенная впоследствии на Русскій Г. Масловымъ. Эта книга бросила первыя семена вѣрованія въ усовершенствованія сельскаго хозяйства и въ плодоперемѣнное полеводство. Многія сомнѣнія разъяснились. Но полный свѣтъ разлило и душу согрѣло твореніе Теэра, — «Основанія разсудительнаго сельскаго хозяйства». Казалось, что завѣса совершенно спала. Глаза прозрѣли, и умъ совпалъ со вновь открытыми истинами. Воспламенилось желаніе исполнить на дѣлѣ правила науки. Надежда на лучшее окрыляла нынѣ и побуждала къ преобразованію.

Но какъ взяться за преобразованіе? Гдѣ примѣры? Никто во Фроловскомъ хозяйствѣ не видывалъ ни плуговъ, ни желѣзныхъ боронъ, ни катковъ, въ натурѣ. Кто разрѣшить недоумѣнія, подастъ нить Аріадны для выхода изъ лабиринта незнанія? Кто ободритъ владѣльца и защититъ отъ насмѣшекъ и

уководь, внѣшнихъ и внутреннихъ? Передъ тѣмъ временемъ составилось Московское Общество Сельскаго Хозяйства. Люди, известные своими заслугами отечеству и правилами, соединились съ цѣлю стремиться къ улучшенію отечественнаго земледѣлія. Неужели мужи просвѣщенные соединились хлопотать о мечтахъ несбыточныхъ и желаютъ вреда государству? Обыкновенными возраженіями старожиловъ было то, что эти просвѣщенные мужи желаютъ безъ всякаго сомнѣнія общей пользы, — но известно ли имъ вполне даже обыкновенное трехпольное полеводство? много ли эти мужи жилали въ деревняхъ, и управляли ль они когда-нибудь хозяйствомъ? Подобныя возраженія не охлаждали ревности владѣльца, и она повлекла его въ столицу для совѣщаній и знакомства съ членами Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства.

По прежнему знакомству съ Московскими учеными, нельзя было не узнать тотчасъ о рѣдкомъ феноменѣ, — о систематическихъ познаніяхъ Г. профессора Павлова въ Европейскомъ сельскомъ хозяйствѣ. Знакомый со всеми современными системами естественныхъ наукъ, онъ развивалъ цѣлыя массы новыхъ свѣдѣній и соображеній. Основательный умъ, краснорѣчіе и любезность невольно привлекли къ нему сердце. Этотъ ученый, впоследствии проявившій обширныя свои познанія многими сочиненіями, между-прочимъ «Земледѣльческою Химіею», лучшимъ его произведеніемъ, установилъ колеблющееся намѣреніе путешественника, въ памяти котораго всегда останутся наставительныя повѣдки съ нимъ въ разныя хозяйственныя заведенія. Въ шестнадцати верстахъ отъ Москвы, помѣсть Кагуль, покойнаго канцлера графа Румянцова, находилось тогда подъ управленіемъ стараго Англичанина, Г. Роджера. Стоило только взглянуть на его хозяйство, чтобъ быть очарованнымъ. Въ

первый разъ въ жизни представилась взорамъ чудесная картина усовершенствованнаго земледѣлія, скотоводства, орудій и домоводства. Съ первымъ шагомъ въ поимъстьи сдѣлалось лѣвнѣмъ, что познанія, а не по-вѣрья, управляютъ дѣломъ. Все носило на себѣ отпечатки размышленія и искусства. Просторныя дороги, обрытыя широкими каналами съ высокимъ валомъ, обложеннымъ дерномъ и обсаженнымъ ветлами, которые до того возмужали, что можно было прорѣживать деревья и употреблять на тошку: для мѣсть степныхъ, безлѣсныхъ, это превосходный способъ отопленія; ветлы растутъ скоро и по срубкѣ вновь даютъ отпрыски, изъ которыхъ образуются деревья. За каналами участки пахатныхъ полей, превосходно воздѣланныхъ. Въѣзды на поля между валомъ снабжены хорошими, прочными мостиками и красивыми воротцами. Не только картофель и морковь посѣяны въ поля и обработаны грядами, но яровой хлѣбъ, свѣянный сѣворальникомъ, также произрасталъ грядами, между которыми можно было пропахивать порожнія полоски земли култиваторомъ, орудіемъ наподобіе гусиной лапы, истреблять сорныя травы, разрухлять землю и обваливать ею хлѣбныя растенія, вбирающія въ себя обильное питаніе изъ толстаго слоя пашни. Полеводство было плодоперемѣнно-выгонное, приличное песчаной почвѣ и принаровненное преимущественно къ скотоводству, отъ котораго, по близости столицы, получались большіе доходы. Постояннаго сѣвооборота принято не было: искусный хозяинъ, Г. Роджеръ, по своему усмотрѣнію располагалъ посѣвами. Пахатныя поля раздѣлялись на нѣсколько участковъ, которые попеременно были засѣваемы озимымъ хлѣбомъ, корнеплодными овощами, картофелемъ, морковью, потомъ яровымъ съ трилистникомъ (дятловною) на сѣнокосы и на выгоны скоту, которыхъ было нѣсколько. Скотъ пасся поочередно на каждомъ. По

ябрь вытравливанія трилистника на одномъ выгонъ, уже отросталъ трилистникъ на другомъ. Домъ и въ вообще постройки для хозяйства изумляли своею обдуманною пользою, необыкновенною удобнымъ расположеніемъ и близостью для надзора. Двухэтажный домъ раздѣлялся внутреннимъ корридоромъ на двѣ половины. Въ лицевой жилъ самъ Г. Роджеръ съ семействомъ. Опрятностью и домашнимъ приборомъ комнаты его не уступали лучшимъ помѣщичьимъ покоямъ. Выходя изъ корридора въ другую половину дома, вы поражались неожиданнымъ явленіемъ: тамъ помѣщенъ скотъ — великолѣпно! Полъ чистый, усыпанный пескомъ, стояла свѣтлая, просторная, забранная искусно досками въ столбахъ, простыхъ, но походившихъ на колонны. Ставъ на одномъ концѣ этой коровьей конюшни, вы видите широкую и длинную площадь, или амфиладу, обставленную колоннами. Въ стойлахъ полъ нѣсколько покать, чтобъ жидкость могла стекать въ каменные жолобы, проводившіе на вѣншній дворъ въ особыя хранилища, изъ которыхъ насосами поливалась солома и навозъ. Въ придѣлахъ къ дому, съ правой стороны отъ конюшни, помѣщались люди и контора, гдѣ все было чисто какъ стекло; съ лѣвой стороны были комнаты для стопа и сырости, маслостройни ручныя и конныя. Послѣднія приводились въ движеніе лошадыю швнѣ. Далѣе телатчикъ. Въ придѣлахъ съ лицевой стороны, направо, помѣщались рабочія и ѣзжалыя лошади и свиньи; на лѣво дворовая птица. Передъ домомъ площадка, усыпанная пескомъ; за домомъ высланный камень обширный дворъ: на немъ весною и лѣтомъ стлалась солома, которую уминалъ скотъ, выпускаемый изъ стойлъ, для умноженія навоза. Далѣе, къ низу, прудъ, надъ которымъ возвышалось строснѣ для кухни и приготовленія корма скоту. Скотъ кормился мякиною съ сырымъ картофелемъ, сѣномъ, яровою соломой, никогда

ржаную, шедшей только на подстилку. Изобиліе въ кормѣ было чрезвычайное. Особья строенія, ограивающія дворъ налѣво, заключали въ себѣ ригу, съ сараемъ и молотильною машиною, и вѣльницу. Въ противуположности, на правой сторонѣ, находились хлѣбные амбары, а подъ ними огромные подвалы для храненія овощей. Въ мѣкоторомъ отдаленіи кузница и сарай, каменные, для экипажей и земледѣльческихъ орудій. Здѣсь сохранялись сокровища земледѣлія, — земледѣльческія превосходныя орудія. Первое, что поразило, взоръ былъ плугъ, прелестной формы, изобрѣтенія Г. Роджера, съ чугуннымъ корпусомъ и крыломъ, съ желѣзными дышломъ, отрезомъ и леменемъ. Потомъ большія желѣзныя бороны, называемыя распахивающими, и малыя, дѣйствующія по три въ рядъ; сѣяльная машина, скарпификаторъ, или эстирпаторъ, и прочая.

Вводенъ явилось цѣлое стадо скота, какого не видно. Скотъ, огромный, тучный, шелъ отдыхать во время зноя въ стойла и освѣжиться сочнымъ, зеленымъ трилистникомъ. Лошади, дѣйствовавшія чугунными плугами, были, какъ у знатныхъ людей въ городскихъ экипажахъ; земля пахалась скоро, ровно, рассыписто*. Такъ называемыя Китайскія свиньи, никогда не выпускавшіяся изъ хлѣва, отъ тучности не держались на ногахъ; онѣ кормились одною сывороткою отъ сырдылія. Въ отдаленности отъ дома выстроены были особые каменные сараи для храненія сѣна, соломы и огуменнаго корма. Тамъ паслись телята, истинно живописныя.

Съ жадностью пожирали взоры каждую отрасль такого хозяйства, и не могли насытиться. Нельзя было не чувствовать признательности къ просвѣщенному

* Мѣсто не позволяетъ уже намъ присоединить къ этой статьѣ описаніе земледѣльческихъ орудій Г. Роджера: мы сообщимъ его въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. *Б. для Ч.*

владѣльцу за доставленіе своимъ соотечественникамъ образца превосходныхъ заведеній, которыя стоили издержекъ, но возвращали ихъ вполнѣ доходами Кагульскаго хозяйства, повѣреннаго рукъ искусной. Удивительный во всемъ порядокъ и отчетность насъ восхищали. Шнуровыя книги, приходныя и расходныя, показывали въ своихъ итогахъ немовѣрно высокій доходъ отъ помѣстья. Главную часть прибыли доставляло скотоводство.

Тогда совершенно исчезли опасенія Тверскаго помѣщика насчетъ пользы отъ усовершенствованій. Въ душѣ, восхищенной всѣмъ видѣннымъ, рѣшено было преобразовать жалкое зерновое полеводство, ввести плодoperемѣнное, эту могущественную пружину улучшения скотоводства и хлѣбопашества. Возродилось пламенное желаніе хоть нѣсколько приблизиться къ совершенству, представлявшемуся взорамъ въ Кагуль, изобразить хоть тѣнь этого превосходства въ Русскомъ помѣстьи. По идеѣ Кагульскихъ заведеній и расположенію зданій составленъ былъ планъ для новой постройки во Фроловской усадьбѣ, чтобъ замѣнить прежнюю, приходившую въ ветхость.

Наконецъ обозрѣніе усадьбы, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы, принадлежащей члену Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, Г. Гусятникову, опытному и свѣдущему хозяину, утвердило рѣшимость. У него для полей пахатныхъ принять былъ съвооборотъ постоянный съ травосѣяніемъ, корнеплодными овощами, и частію съ паромъ; жатвы на поляхъ были обильныя; трилистникъ отмѣнно росъ по ржи; устройство скотнаго двора, описаннаго въ «Атенеѣ» Г. Павловымъ, отлично хорошее. Скотный дворъ не великолѣпный какъ Кагульскій, но принаровленный къ Русскому быту. Скоть мельче Кагульскаго, но отличной породы, безъ роговъ, послушный малѣйшему мановенію пастуха. Мельница водяная превосходная: въ

ней всѣ колеса и шестерни чугунныя, и онѣ не производили ни какого стука. Привѣтливость хозяина, пламенный патриотизмъ и стремленіе къ усовершенствованіямъ, внушали уваженіе къ полезнымъ предпріятіямъ. Жребій выпалъ. Фролово должно быть преобразовано!

Исторія этого преобразованія, изложенная откровенно, безъ утайки ошибокъ, неудачъ и трудностей, можетъ быть весьма полезна нашимъ сельскимъ хозяевамъ. Она будетъ раздѣлена на двѣ части. Въ первой, изобразится прежній порядокъ хозяйства въ сельцѣ Фроловѣ, и состояніе всѣхъ его отраслей въ минуту приступленія къ введенію новой системы. Вторая часть объемлетъ переходъ отъ зерноваго полеводства къ плодоперемѣнному, способы употребленные владѣльцемъ и результатъ улучшеній. *Д. Шелеховъ.*

=

ПРИГОТОВЛЕНІЕ КОЛПАЧКОВЪ ДЛЯ УДАРНЫХЪ РУЖЕЙ.

Несмотря на все превосходство ударныхъ ружей передъ обыкновенными съ кремнями, многіе недостаточные охотники, особливо живущіе далеко отъ столицъ и другихъ большихъ городовъ, гдѣ бы они могли свободно запастись необходимыми для этихъ ружей воспламеняющимися колпачками, по неволѣ должны отказываться отъ такого полезнаго изобретенія. Въ отвращеніе столь важнаго неудобства сообщаемъ, для желающихъ, способъ приготовленія этихъ колпачковъ, слѣдующему которому каждый можетъ дѣлать ихъ у себя, дома.

Главное дѣло состоитъ въ приготовленіи гремучаго порошка, который кладется въ колпачки. Вотъ его составъ.

Возьми:

Очищенной живой ртути..... 1¼ унцій.

Селитреной кислоты въ 34 градуса по ареометру Бома (кряцкая водка).... 9 унцій.

Чистѣйшаго виннаго спирту, или алкоголя, въ 32° того жъ ареометр..... 42 унцій.

Сперва надобно растворить ртуть въ селитреной кислоте: для этого объ жидкости вливаются въ большую стеклянную колбу, которая ставится на огонь и исподоволь подогрвается, доколѣ вся ртуть растворится и отдѣленіе бурныхъ паровъ совершенно прекратится. Тогда надобно колбу снять съ лампы, и, заткнувъ пробкою, оставить на цѣлыя сутки въ покоѣ, чтобы раствореніе ртути совершилось вполнѣ. Въ полученный такимъ образомъ прозрачный растворъ ртути въ селитреной кислотѣ, должно разомъ влить все показанное выше количество виннаго спирту, хорошенько взболтать, и, поставивъ колбу въ сосудъ съ теплою водою, нагрѣвать до тѣхъ поръ, пока жидкость, находящаяся въ колбѣ, также закипитъ и появятся въ ней густые бѣлые пары съ запахомъ, покожимъ на запахъ Гофманскихъ капель. Покипятивъ эту смѣсь около пяти минутъ, надобно колбу изъ воды вынуть и поставить въ спокойное мѣсто, гдѣ кипѣніе будетъ продолжаться само собою; въ это время, и послѣ, когда жидкость въ колбѣ станетъ простывать, получится на днѣ сосуда значительное количество сѣроватаго порошка, — гремучей ртути. Когда колба совсмѣмъ охладится, должно всю жидкость съ осадка тихонько слить въ особый стеклянный сосудъ, а на порошокъ, оставшійся въ колбѣ, палить немного холодной воды, взболтать и процедить все сквозь пропускную бумагу въ стеклянной воронкѣ; колбу еще разъ сполоснуть холодною водою, которую также пропустить сквозь ту же цѣдилку. По стокъ всей жидкости, цѣдилку должно изъ воронки вынуть, и, положивъ ее, не развертывая, на тарелку на сложенный вчетверо листъ пропускной бумаги, поставить для просушки въ теплое мѣсто, напримѣръ на лежанку или даже въ печь, въ вольный духъ. Когда бумага совершенно высохнетъ, тогда цѣдилку можно развернуть и соскоблить съ нея весь осѣвшій порошокъ. Должно замѣтить, что этотъ порошокъ очень легко отъ трепія вспыхиваетъ, и потому соскабливать его съ бумаги надобно очень осторожно, ссыпая безпрестанно все соскобленное количество на другую бумагу.

Слитую съ осадка жидкость можно вторично вскипятить, причемъ изъ нея осядетъ еще нѣсколько гремучей

ртути, которая едва ли не лучше полученной в первый разъ.

Такъ какъ чистая гремучая ртуть уже слишкомъ легко вспыхиваетъ и сверхъ-того даетъ не довольно огня, то ее смѣшиваютъ съ разными веществами, какъ-то съ аравійскою камедью, съ сахаромъ, съ воскомъ, съ толченымъ стекломъ и прочая. Но кажется, что всего лучше стертъ ее съ обыкновеннымъ порохомъ, поступая слѣдующимъ образомъ:

Возьми одинъ гранъ аравійской камеди въ порошокъ, и, спустивъ ее въ столовой ложкѣ горячей воды, смочи ею полдрахмы пороховой мякоти; сдѣлавши изъ этого довольно жидкое тѣсто, размажь его костянымъ ножомъ по стеклянной плиткѣ и посыпь сверху 20 грановъ гремучей ртути; смѣшай все хорошенько, опять размажь смѣсь по плиткѣ, и снова насыпь сверху 20 грановъ гремучей ртути; потомъ, смочивъ смѣсь еще разъ клейкою водою, хорошенько смѣшай, и, такимъ же образомъ какъ прежде, прибавь въ третій разъ 20 грановъ ртути; размѣшавъ опять, сдѣлай довольно густое тѣсто. Вотъ смѣсь, которую должно класть въ колпачки. Только ее надобно дѣлать не вдругъ, а всегда въ маломъ количествѣ, чтобы въ случаѣ взрыва не произошло большаго вреда.

Теперь слѣдовало бы показать, какъ дѣлаются мѣдные колпачки; но какъ эта работа требуетъ нѣкотораго искусства и особыхъ приборовъ, то лучше замѣнять ихъ свинцовыми или даже бумажными, которыхъ приготовленіе несравненно легче и удобнѣе въ обыкновенномъ хозяйствѣ.

Выстрогавъ гладко, ровно и совершенно по одной мврѣ десятокъ или побольше круглыхъ деревянныхъ палочекъ, толщиною въ куриное перо, обрубь кончики ихъ какъ можно ровнѣе; приготовь густаго раствора аравійской камеди (вишневыи клей) въ водѣ, или другаго крѣпкаго клею; нарежь изъ писчей бумаги узенькихъ ленточекъ и кружечковъ, которые были бы немного пошире діаметра палочекъ; концы палочекъ вытри иссуха льнянымъ или другимъ масломъ. Изготовивъ все это, какъ слѣдуетъ, наложи на конецъ палочки бумажный кружечекъ, загни его краешки, облепи ихъ бумажною ленточкою ряда въ два или три, и

положи палочку въ теплое мѣсто, гдѣ бы колпачекъ могъ скорѣе просохнуть. Облепивъ такимъ образомъ около десятка палочекъ, покрой сдѣланные колпачки, не снимая ихъ съ формы, спиртовымъ лакомъ, высуши, сними съ палочекъ, и опять начинай на нихъ ту же работу. Надѣлавъ потребное число колпачковъ, положи въ нихъ по кусочку гремучаго состава, величиною не много побольше булавочной головки, и, прибивъ его къ донышку каждаго колпачка посредствомъ тѣхъ же палочекъ, положи колпачки для просушки въ теплое мѣсто.

Такіе колпачки могутъ служить не хуже мѣдныхъ: спиртовый лакъ, которымъ они покрыты, защититъ ихъ отъ сырости. *Н. Филиповъ.*

=

ИСПЫТАННОЕ СРЕДСТВО ОТЪ ЗАНОЯ.

Многіе тщетно пытались лечить отъ пьянства, которое не только страсть, предосудительная привычка, но вмѣстѣ и болѣзненное состояніе тѣла; даже опытнѣйшіе врачи не могутъ еще похвалиться знаніемъ вѣрнаго средства противъ этой болѣзни, хотя имъ и известны многія лекарства, дѣйствующія противъ нея довольно успѣшно, какъ напримѣръ, рвотный винный камень, который даютъ больнымъ безъ нихъ вѣдома въ малыхъ приемахъ (10 гранъ на штофъ водки), для произведенія непрерывной тошноты и съ тѣмъ вмѣстѣ отвращенія отъ крѣпкихъ напитковъ. Но по этому нельзя, однако жъ, сдѣлать положительнаго заключенія, чтобы желаемое средство вовсе не существовало; напротивъ, есть побудительныя причины полагать, что оно не только существуетъ, но даже известно уже нѣкоторымъ. Въ самомъ дѣлѣ, неужели цѣлые вѣки канули въ вѣчность и многіе милліоны людей померли, не оставивъ по себѣ открытія, котораго потребность всегда, особливо въ Россіи, была такъ ощутительна? Къ числу средствъ, переходящихъ потомственно, принадлежитъ известное *Сальваторіево средство*, которое онъ, по точномъ удостовѣреніи въ спасительномъ его дѣйствіи, кушалъ въ

1814 или 1815 году у одного крестьянина за значительную сумму, и съ тѣхъ поръ самъ пользовалъ имъ отъ запоя съ неизвѣрнымъ успѣхомъ. Хотя докторъ Сальватори хранилъ въ тайнѣ составъ своего лекарства, очевидно состоявшаго изъ истертыхъ въ порошокъ травъ, однако жъ, по тщательномъ его изслѣдованіи и по посвѣвъ самаго растенія помощію смѣянь, найденныхъ въ лекарствѣ, удалось наконецъ узнать, что оно главнѣйше состояло изъ *Богородицкой травы*. Въ слѣдствіе этого открытія, докторъ Нелюбинъ, бывшій самъ наочнымъ свидѣтелемъ исцѣленія Сальваторіевымъ лекарствомъ одного изъ извѣстныхъ ему людей, сообщилъ названіе травы въ изданной имъ въ 1851 году фармакографіи, описавъ и способъ ея употребленія.

Однако жъ, видно, изслѣдованіе лекарства было сдѣлано не съ довольною точностію; намъ заподлинно извѣстно, что отъ глазъ испытателей ускользнули два вещества, входившія въ составъ Сальваторіева средства, а въ описаніи способа леченія пропущена цѣлая и, быть можетъ, самая важная его половина. И такъ сообщаемъ къ свѣдѣнію читателей составъ этого средства вмѣстѣ съ описаніемъ, какъ его употреблять, точно въ томъ видѣ, въ какомъ мы получили его отъ вдовы покойнато доктора Сальватори, наслѣдовавшей его секретъ, и, по врожденному чувству любви къ ближнему, не скрывающей его болѣе.

Возьми :

истертой въ порошокъ Богородицкой травы	1 фунтъ.
ревеню въ порошокѣ.....!	1 стол. ложку.
полыни.....!	1 стол. ложку.

Истервь въ травы какъ-можно мельче и перемѣшавъ ихъ съ ревенемъ, надей смѣсь двумя штофами пѣннаго или полугарнаго вина и, хорошенько взболтавъ, вылей все въ муравянный горшокъ; закрой его крышкою, и, замазавъ ржанымъ тѣстомъ, поставь на трое сутокъ въ теплое мѣсто, какъ то, на лежанку, на плиту или лѣтомъ на солнце, и почаще взбалтывай. По истеченіи трехъ дней процѣди жидкость сквозь частое полотенецъ, весь сокъ изъ травы хорошенько выжми, и смѣшай его съ тою же жидкостію: получится одинъ штофъ настойки, имѣющей довольно при-

ятный горькій вкусъ. Для совершеннаго успѣха леченія надобно, чтобы больной не зналъ принимаемыхъ мѣръ, и потому приготовленный напитокъ должно ему подставить, когда онъ уже хмѣлецъ, и дать волю упиваться имъ сколько хочетъ. Дѣйствіе этого лекарства обнаруживается не навсѣхъ одинаково: однихъ отъ него тошнить и даже рветъ, другихъ слабить, иныхъ кидаетъ въ потъ, и т. д. Если припадки очень усилятся, чего впрочемъ не должно пугаться, для облегченія слѣдуетъ давать больному теплый настой Богородицкой травы, приготовленный какъ обыкновенный чай: на горсть травы, изрѣзанной довольно мелко, наливаются четыре чайныхъ чашки кипятку. Сверхъ-того должно пить больнаго постоянно недѣли двѣ тѣмъ же чаемъ, давая ему по стакану дважды въ день. Этотъ способъ леченія почти всегда удается; если не съ перваго, то по крайней-мѣрѣ съ другаго или третьяго разу больной получаетъ такое отвращеніе отъ спиртныхъ напитковъ, что при одномъ видѣ водки или ощущеніи ея запаха, даже только отъ названія этого напитка, получаетъ судорожное, болѣзненное чувство. Одно развѣ непонятное управство и необыкновенно крѣпкія физическія силы въ состояніи преодолѣть это отвращеніе; въ такомъ случаѣ, то есть, если больной непремѣнно будетъ требовать водки, надобно давать ему ту же настойку, пока самъ откажется.

Мы упомянули, что для успѣшнаго леченія непремѣнно должно его скрывать отъ больнаго; повторяемъ, что эта мѣра необходима: если больной знаетъ о своемъ леченіи, то, выпивъ рюмку водки и почувствовавъ отъ нея болѣзненные припадки, непремѣнно припишетъ ихъ дѣйствію лекарства, а совсѣмъ не тому напитку, которымъ онъ долгое время упивался безъ малѣйшаго, по его мнѣнію, вреда для здоровья; онъ броситъ тотчасъ пользованіе, и сочтетъ его для себя вреднымъ. Въ противномъ случаѣ, то есть, оставаясь въ неведѣніи на счетъ леченія, онъ по неволѣ припишетъ болѣзнь свою дѣйствію водки, какъ то и дѣйствительно есть, отстанетъ отъ пьянства, и удостовѣрится на опытъ, какъ оно для него вредно. *Н. Филиповъ.*

ОПИСАНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХЪ ОРУДІЙ Г. РОДЖЕРА.

1.

ЧУГУННО-ЖЕЛѢЗНЫЙ ПЛУГЪ.

Это превосходное земледѣльческое орудіе, о которомъ упомянули мы во введеніи въ «Исторію преобразованія Русскаго помѣстья», изобрѣтено было и употреблялось Г. Роджеромъ въ Кагуль, имѣніи покойнаго канцлера графа Румянцова. Оно, какъ всѣ изобрѣтенія Г. Роджера, отлично-умнаго и знающаго свое дѣло сельскаго хозяина, необыкновенно полезно для хлѣбопашества и, что всего важнѣе, весьма годно для Русскаго.

Орудіе это превосходно тѣмъ, что прочно, легко, верно и отменно красиво; сверхъ-того дешево и удобно для поправки. Въ немъ нѣтъ ничего деревяннаго, и его можно сработать скорѣе, нежели деревянный плугъ. По десятилѣтнему опыту мнѣ извѣстно, что въ чугунно-желѣзномъ плугѣ можетъ портиться только дышло, — именно нѣсколько погнуться вверхъ или на бокъ. Но одинъ ударъ молота поправляетъ орудіе. Стирается еще нижній полозокъ, В. (см. чертежъ). Нужно запастись лишнимъ полозкомъ при отливкѣ чугуна. Дѣйствуетъ этотъ плугъ чрезвычайно ровно и чисто, и употребляется у меня самого съ полнымъ успѣхомъ. Работникъ не затрудняется ручками, какъ въ деревянномъ, которыхъ не возможно передѣлать по росту, разъ установивъ ихъ. Желѣзныя ручки могутъ получать изгибъ, понизиться, повиситься и расшириться, какъ угодно. Отъ двухъ, трехъ ударовъ молота, они дѣлаются впору большому и малому работнику.

Въ этомъ плугѣ, для хорошаго паханья, нѣтъ и не нужно ни какихъ цѣпочекъ, какъ въ Тезровскомъ, ни какихъ колесъ, какъ въ Малороссійскомъ, по совершенной правильности литаго орудія. Винтъ З, приноситъ двоякую пользу: онъ придерживаетъ ножъ, или рѣзецъ, въ самой срединѣ; е, и не допускаетъ плуга зажирать при паханьи жнивины въ к, подъ плугъ, который отъ того выскакиваетъ: жнивина, останавливаясь на винтѣ, легко сваливается. Весь плугъ

всѣтъ три пуда и десять фунтовъ. Дышло, *вв*, гребенки, *жжж*, ручки, *хх*, съ распорками и винтами, *дд* и *бб*, съ лемешомъ, *т*, съ пластинкою, *л*, всѣ желѣзные, всѣтъ пудъ и двадцать шесть фунтовъ; остальное изъ чугуна, именно корпусъ, *А*, полозокъ, *ВВ*, крыло *Д*, всѣтъ пудъ и двадцать четыре фунта.

Какъ это прекрасное орудіе дешево, можно судить изъ слѣдующаго обстоятельства: въ Твери, въ давѣ тамошняго купца М. К. Свѣтогорова, весь чугунный приборъ къ плугу стоитъ шесть рублей. Желѣза на плугъ не пойдетъ болѣе, какъ рублей на семь. Такъ, за тринадцать рублей можно имѣть вѣковѣчное, превосходное земледѣльческое орудіе. По личному моему опыту, для пятиподняго плодоперемѣннаго полеводства, считая по двадцати пяти десятинъ въ каждомъ полѣ, нужно восемь плуговъ, — надержка ничтожная на орудіе, самое важное для отдѣльной обработки земли.

2.

ТРИ БОРОНЫ СЪ ЖЕЛѢЗНЫМИ ЗУБЬЯМИ.

Эти бороны также дѣйствовали въ Кагуль, двумя лошадьми, но разумѣется не крестьянскими. Двѣ первыя бороны (см. чертежъ, 1 и 2), точно того размера, какія были въ Кагуль; третья, 3, употребляется въ казенной волости Мологнѣвъ, Старичкаго уѣзда, гдѣ промышленные крестьяне еще усовершенствовали это орудіе, приспособивъ его къ своему быту и своей землѣ. Мологнѣвскіе поселенцы, которые прежде, при своемъ помѣщикѣ, Г. Юрьевѣ, были первые въ уѣздѣ по богатству и промышленности, извѣстны доселѣ отличною выдѣлкою саней, телегъ, колесъ, ведеръ, ушатовъ и другихъ деревянныхъ издѣлій. Удивительно, что въ одной только этой волости употребляются бороны съ желѣзными зубьями, точно такъ же какъ одни только сосѣди ихъ Луковьяне, тоже казенной волости, сѣютъ въ большомъ количествѣ картофель. Всѣ обширные огуменники заняты у Луковьянъ картофелемъ; конопля не сѣютъ вовсе; у инаго крестьянина выкашивается по оту четвертей картофелю — и у Луковьянъ, живущихъ

рядомъ съ Мологинцами, нѣтъ съ желѣзными зубьями бороны! Наоборотъ, Мологинцы не промышляютъ картофелемъ! Они съюгъ его весьма мало, только для себя, а не на продажу. Такъ сильны привычки у нашего простаго народа! Несмотря на очевидную выгоду у сосѣда, полезное улучшеніе не переходитъ съ поля на поле безъ понужденія.

Роджерова борова имѣетъ двадцать желѣзныхъ зубьевъ четырехгранныхъ и вѣситъ пудъ и десять фунтовъ. Мологинская имѣетъ 25 зубьевъ, плоскихъ; она квадратная, больше Роджеровой и вѣситъ пудъ. Мологинскую бороною захватывается больше мѣста и земля боронуется лучше и скорѣе, по причинѣ лишнихъ пяти зубовъ. Соображеніе Русскихъ крестьянъ удивительное: они долго не рѣшаются перенять, но тотчасъ приладятъ и улучшатъ перенятое. Можно ручаться, что если бъ наши мужички имѣли передъ глазами хоть нѣсколько образцовъ плодотворнаго полеводства въ крестьянскомъ хозяйствѣ, они бы живо перенали его, улучшили бъ и приспособили изумительно къ своему быту и средствамъ.

У меня дѣйствуютъ Мологинскія бороны порознь, не соединяя ихъ по три рядомъ, такъ какъ землешество производится крестьянскими лошадьми. Кто употребляетъ своихъ, господскихъ лошадей, какъ К. М. Полторацкій въ своемъ селѣ Грузинахъ, Новоторжскаго уезда, тотъ еще съ большимъ успѣхомъ можетъ дѣйствовать вмѣстѣ тремя боровами, запрягая двѣ лошади.

3.

распахивающій, пашущій и боровающій въ одно время.

Орудіе безцѣнное. Оно дѣйствуетъ тремя лошадьми при одномъ работникѣ, и употребляется вмѣсто двоенія послѣ перваго взмета плугомъ или сохою. Распахивающій пашетъ тѣмъ, что большими желѣзными зубьями онъ проникаетъ до самаго материка пашни, а боровающій тѣмъ, что совершенно разрыхляетъ пашню своимъ движеніемъ, и выдираетъ всѣ, самыя глубокіе, корни сорныхъ травъ. Распахивающій сберегаетъ много работниковаго, исполняя дѣло сохи

и обыкновенной съ желѣзными зубьями бороны, но съ большимъ успѣхомъ. Сохою и плугомъ работникъ можетъ сдѣлать непропашку, которую трудно иногда усмотрѣть самому дѣлательному прикащику, потому что непропашка заваливается пластомъ земли; сохою и плугомъ онъ можетъ, если захочетъ, взять мелко пашню; но распашникомъ нельзя погрѣшить ни въ томъ ни въ другомъ: онъ вездѣ пройдетъ по пашнѣ, дѣйствуя вдоль и поперекъ.

Вотъ расчетъ работамъ сохою, бороною и распашникомъ.

Послѣ перваго взмета пашню слѣдуетъ бороновать. Ставятъ обыкновенно для этого —

На 1 десятину	— 4 бороны,	2 работниковъ,	4 лошади
Для вторичнаго паханія	3 сохи,	3 работниковъ,	3 лошади.
Вторично забороновать	2 бороны,	1 работника,	2 лошади.

Всего..... 6 работниковъ, 9 лошадей.

Все это дѣлаетъ распашникъ, но гораздо лучше и съ большею выгодною для пашни. Бороны съ желѣзными зубьями не можетъ такъ далеко проникнуть въ землю, ни такъ хорошо разрыхлить, ни такъ много выдрать сорныхъ травъ, какъ распашникъ. При дѣйствованіи сохою вывѣтривается и высыхаетъ влажность пашни, что вредно въ сухіе годы. Кромѣ-того, какая разница въ числѣ работниковъ!

Распашникъ запрягается тремя лошадьми, на сѣвну которыми для суточного дѣйствованія приводятся еще три лошади. Следственно для двухъ распашниковъ потребно 12 лошадей.

Два распашника проходятъ до полудня полторы десятины, и послѣ полудня до вечера еще проводятъ поперекъ тѣ же полторы десятины при двухъ работникахъ.

Но чтобъ обработать полторы хозяйственныхъ десятины, то есть, дважды забороновать и поддвоить сохою землю, для этого требуется, по приведенному здѣсь расчету —

	9 работниковъ,	13 лошадей.
Съ распашникомъ довольно	2	— 42 —
	<hr/>	
	Разница	7 работниковъ, 1 лошадь.

Это лучшее доказательство неоцѣненныхъ выгодъ дѣйствованія въ земледѣліи усовершенствованными орудіями.

Д. Шелеховъ.

ПРИГОТОВЛЕНИЕ ЛЕНТИНОВА ШОКОЛАТА

ОТЪ ЧАХОТКИ СУХОТКИ И ВСЯКАГО РОДА РАЗСЛАБЛЕНІЙ.

Въ 1819 году сдѣлался у насъ подѣ этимъ именемъ извѣстенъ шоколатный порошокъ, приготовляемый аптекаремъ Имзенемъ; впоследствии, когда академикъ Шереръ доказывалъ въ *Nordische Annalen der Chemie*, что знаменитый Лентинъ никогда подобнаго состава не предлагалъ, Г-нъ Имзенъ тогда же объявилъ, что этотъ порошокъ есть собственное его изобрѣтеніе, которое и доселѣ готовится имъ исключительно какъ секретъ. Вѣроятно, большей части нашихъ читателей извѣстно, какою славою пользуется, а особливо пользовался этотъ составъ. Нимало не уменьшая его достоинства, скажемъ даже, что эта слава была заслуженная; но съ тѣмъ вмѣстѣ считаемъ обязанностію присовокупить, что шоколатный порошокъ Г. Имзена вовсе не есть тайна, а просто шоколатъ съ Исландскимъ мхомъ и другими слизистыми, питательными и пряными веществами, приготовленіе котораго давно уже извѣстно въ Европѣ.

Шоколатъ сей бываетъ двухъ видовъ, съ пряностями и безъ пряностей. Вотъ способы приготовленія того и другаго:

Шоколатъ изъ Исландскаго мха. — Возьми фунтъ поджаренныхъ, очищенныхъ отъ внешней шелухи, истолченныхъ на холоду и просѣянныхъ сквозь сито бобовъ какао, пять унцій сахара изъ Исландскаго мха, приготовленнаго предварительно по способу, ниже сего показанному; двѣ драхмы истолченнаго въ мелкій порошокъ салепаго корня, и восемь унцій обыкновеннаго сахара рафинаду; сотри все это въ мраморной или стеклянной ступкѣ, и храни для употребленія.

Шоколатъ изъ Исландскаго мха съ пряностями. — Возьми

Сахару изъ Исландскаго мха.....	5 унцій.
Истолченнаго въ порошокъ какао, какъ выше сего показано.....	1 фунтъ.
Бѣлаго сахару въ порошокъ.....	8 унцій.
Толченнаго салепаго корня.....	5 драхмы.
Корицы въ порошокъ.....	1 драхму.

Гвоздики.....	10 гранъ
Черного Перувианскаго бальзама.....	$\frac{1}{4}$ драхмы
или, порошка Толютанскаго бальзама.	1 драхму

Смѣшавъ, сдѣлай изъ всего этого однородный порошокъ.

Какъ тотъ, такъ и другой шоколаты могутъ быть приготовлены не только въ порошокъ, но и въ плиткахъ. Для этого надобно поджаренные и очищенные бобы какао толочь въ горячей мраморной ступкѣ до тѣхъ поръ, пока они превратятся въ густое и мягкое тѣсто, къ которому присоединить прочія истертая въ порошокъ вещества, и снова хорошенъко стеревъ, выложить тѣсто въ теплыя жестыяныя формы или въ бумажныя коробки.

Шоколатъ изъ Исландскаго мха съ пряностями преимущественно употребляется въ грудныхъ болѣзняхъ, сопряженныхъ съ слабостию и недѣятельностию легкихъ, какъ-то: въ застарѣломъ катаррѣ легкихъ, мокротной чахоткѣ, продолжительномъ кашлѣ, одышкѣ стариковъ, также въ изнурительныхъ болѣзняхъ, сопряженныхъ съ слабостию всего тѣла и въ болѣзняхъ нервныхъ, сопровождаемыхъ судорогами. При раздраженіи же дыхательныхъ органовъ, при твердомъ и скоромъ пульсѣ и лихорадочныхъ движеніяхъ, равно какъ и при кровоточеніи употреблять его не должно: въ такихъ случаяхъ болѣе приличенъ тотъ же шоколадъ, только безъ пряностей.

Для приготовления сахара изъ Исландскаго мха, — возьми фунтъ этого растенія, облей его 8-ю фунтами холодной воды, и намачивай въ стеклянномъ или глиняномъ сосудѣ въ продолженіе 6 часовъ; потомъ воду сцѣди и налей свѣжую; такимъ образомъ повторяй это до тѣхъ поръ, пока вновь налитая вода не будетъ болѣе имѣть горькаго вкуса, на что потребно около трехъ дней. Обытый Исландскій мохъ вари въ 10 фунтахъ воды, покуда онъ совершенно разварится; жидкость процѣди сквозь суконку, а остатокъ сильно выжми, и въ отвѣру прибавь фунтъ сахару рафиниаду. Полученную смѣсь поставь на легкій огонь и выпаривай до густоты экстракта, безпрестанно помешивая ее деревянною ложаткою; потомъ вылей жидкость въ теплыя жестыяныя или въ бумажныя формы,

и поставь ихъ въ теплое мѣсто, пока масса совершенно высухнетъ; тогда истолки ее въ порошокъ и просѣй сквозь мелкое сито. Получится такъ называемый сахаръ Исландскаго мха.

Приготовленный по сему способу шоколатъ обойдется несравненно дешевле приготавливаемого въ аптекахъ Г. Имвена, дѣйствія же того и другаго совершенно одинаковы; ибо какъ, сказано уже, составъ ихъ одинъ и тотъ же.

Въ заключеніе не бесполезнымъ считаемъ сообщить извлеченіе изъ напечатаннаго съ дозволенія Медицинскаго общества наставленія, съ которымъ продается Г-мъ Имвеномъ шоколатъ изъ Исландскаго мха.

«Польза шоколота. По истощеніи тѣла нервическими и гнилыми лихорадками, тяжелыми ранами и всякою потерей крови, также въ сухоткѣ, бывающей послѣдствіемъ кори, красухи, коклюша; въ подагру, ревматизмъ, водяной болѣзни, золотухъ, рахитизмъ и въ венерической болѣзни, послѣ употребленія меркуріальныхъ средствъ, нѣтъ вѣрнѣе способа къ укрѣпленію и выздоровленію, какъ ежедневное употребленіе сего и на вкусъ пріятнаго напитка. Въ кровавомъ поносѣ, гемороеѣ, истерикѣ, ипохондріи, хлорозѣ и теченіи бѣли, онъ тѣмъ преимуществуетъ, что слизистыми частями своими, принося чрезвычайную пользу, не производитъ запору. Для молодыхъ стариковъ и для разслабленныхъ онаніемъ или другою невоздержностію, также и послѣ тяжкихъ родовъ, это — спасительное средство. Отъ кашля и всякихъ чахотокъ, особенно мокротныхъ, часто его одного достаточно; даже въ самой сильной чахоткѣ онъ облегчаетъ, особливо при сухомъ кашлѣ съ колотьемъ.»

Приготовленіе и употребленіе. Взять двѣ чайныя ложки порошка на одну шоколатную чашку, налить кипяткомъ и хорошенько смѣшать; вотъ все приготовленіе этого шоколота, однако жъ лучше его варить. Пить по одной чашкѣ поутру и послѣ обеда, съ сухарями или безъ оныхъ, съ яичнымъ желткомъ или съ сахаромъ, съ однимъ молокомъ или безъ молока, или же пополамъ съ молокомъ и водою. Н. Ф.

СПОСОБЪ ИСТРЕВЛЯТЬ МУХЪ.

Увѣряютъ, будто-бы слѣдующимъ образомъ можно скорѣе всего освободиться отъ мухъ, которыя иногда до того распложаются въ комнатахъ и кухняхъ, что никому не дадутъ покою. Нарѣзавъ листьевъ обыкновеннаго орляка или орляка папоротника (*pteris aquilina*) и связавъ ихъ пучками, развѣсить на потолокъ въ кухню, столовой или другой комнате гдѣ много мухъ — эти досадныя насекомыя во множествѣ садятся на папоротникъ. Поздно вечеромъ, когда уже совсѣмъ смеркнется, должно все эти вѣники осторожно снять и вмѣстѣ съ мухами бросить въ огонь. Такимъ же образомъ, говорятъ, можно освободиться и отъ комаровъ, посѣщающихъ жилища наши въ лѣтнее время. *Н. Ф.*

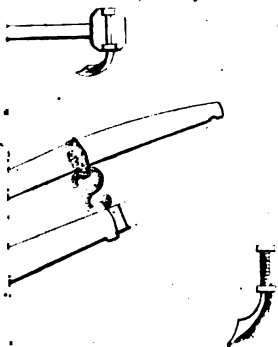
=

СРЕДСТВО СОХРАНЯТЬ НА ЗИМУ ЖИВЫЕ ЦВѢТЫ.

Отобравъ нѣсколько самыхъ лучшихъ и здоровыхъ цвѣточныхъ почекъ, готовыхъ распуститься, срезъ ихъ острыми ножницами, оставивъ при каждой почкѣ стебель длиною дюйма въ три; срезъ залѣпи сургучемъ, и когда почки нѣсколько сожмутся, заверни каждую изъ нихъ отдѣльно въ лоскутокъ бумаги и такимъ образомъ храни въ сухомъ мѣстѣ. Зимой, или когда вздумаешь, чтобы цвѣтокъ распустился, возьми съ вечера сбереженную почку, отрежь залѣпленный сургучемъ конецъ стебля, и поставь его въ воду, въ которой распушено немного селитры или простой поваренной соли: на слѣдующій день почка развернется, и цвѣтокъ явится во всей естественной красотѣ своей, сохраняя даже и свойственный ему запахъ. *Н. Ф.*

=

Ружье-пистолетъ

твѣхъ, которые спрашиваютъ, куда дѣвалась поэзія.
Вотъ, между прочимъ, два тома прелестныхъ стихо-
твореній, которые служатъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ

Т. X. — Отд. II

1

КРИТИКА.

=

Стихотворенія Евгенія Баратынскаго. Москва, 1895. Двѣ части.

Куда дѣвалась наша поэзія? Отчего извѣстнѣйшіе наши поэты мало пишутъ стиховъ? Отчего мало новыхъ поэтическихъ произведеній? Такъ спрашиваютъ нѣкоторые у насъ, и довольно часто, — на что нѣкоторые у насъ имъ отвѣчаютъ, въ подражаніе тому, что говорится въ Парижѣ, что въ нашъ вѣкъ, положительный и коммерческій, стихотворная поэзія не возможна, что поэты не существуютъ, что вдохновеніе гуляетъ по биржамъ и покупаетъ акціи и облигаціи. Куда дѣвалась наша поэзія?.... Вотъ прекрасный вопросъ! Да она вся лежитъ въ книжныхъ лавкахъ на полкахъ. Помилуйте, развѣ вамъ еще не довольно стиховъ? Съ новаго года вышли двѣ предлинныя драмы и двѣ еще длиннѣйшія трагедіи, всѣ въ стихахъ, хотъ безъ рѣмъ. Вдохновенія не гуляютъ: они напротивъ работаютъ съ безмѣрнымъ трудолюбіемъ. Были бы только читатели для стиховъ! Читателей-то, кажется, не стало. Мы оборотимъ вопросъ, и скажемъ: — отчего такъ мало читаютъ поэмы? куда дѣвались наши стихотворные читатели, которыхъ прежде была такая тма на Руси? Они-то, вѣроятно, и гуляютъ по биржамъ, да покупаютъ акціи и облигаціи. И если мы никогда не ходимъ на биржу, то единственно изъ опасенія повстрѣчаться тамъ съ многими изъ тѣхъ, которые спрашиваютъ, куда дѣвалась поэзія.

Вотъ, между прочимъ, два тома прелестныхъ стихотвореній, которые служатъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ

на этот модный вопросъ, выписанный по почтѣ изъ чужихъ краевъ. Въ нихъ много страницъ, написанныхъ съ пламеннымъ чувствомъ, глубокою мыслію. Прочтите ихъ. Мы прочитали ихъ съ удовольствіемъ.

Г. Баратынскій — поэтъ элегическій, по преимуществу. Природа или обстоятельства дали это направленіе его несомнѣнному таланту, — но онъ самъ говоритъ :—

«О счастьи съ младенчества тоскуя,
Все счастьемъ бѣденъ я.»

Этотъ мотивъ отзывается во всѣхъ его стихотвореніяхъ, даже веселыхъ, гдѣ поэтъ желалъ бы забыть свою обычную грусть. Взглядъ его намірѣ, на земныя блага, на цѣль жизни, постоянно одинъ и тотъ же, несмотря на случайныя усилія измѣнить его. Этотъ взглядъ ясно выразился въ посланіи къ покойному Дельвигу :

«Напрасно мы, Дельвигъ, мечтаемъ найти
Въ сей жизни блаженство прямое ;
Небесные боги не дѣлятся имъ
Съ земными дѣтьми Прометея.

Похищенной искрой созданье свое
Деранулъ оживить, безразсудный ;
Безсмертныхъ онъ презрѣлъ, и страшная казнь
Постигнула чадъ святотатства.

Нашъ тягостный жребій — положенный срокъ
Питаться болезненной жизнью,
Любить и лелѣять недугъ бытія,
И смерти отрадной страшиться.

Нужды непреклошной слѣпыя рабы,
Рабы самовластнаго рока,
Земнымъ ощущеньямъ насильственно насъ
Случайная жизнь покоряетъ.

Но въ искрѣ небесной пріили мы жизнь;
 Намъ памятно небо родное;
 Въ желаніи счастья мы вѣчно къ нему
 Стремимся неслынымъ желаємъ.

Вотще! Мы надолго отвержены имъ.
 Сілетъ красою надъ нами,
 На брѣнную землю; безопасно оно
 Торжественный сводъ отпираетъ....

Но намъ недоступно! Какъ алчный Танталъ
 Сгараетъ средь влаги прохладной,
 Такъ, сердцемъ постигнувъ блаженнѣйшій міръ,
 Томится мы жаждою счастья.»

Этимъ воззрѣніемъ на жизнь и людей достаточно объясняется весь стихотворный характеръ Г. Баратынскаго. Поэтъ самъ чувствуетъ свое направленіе, и говоритъ:

«Не мнѣ роптать; но думъ пенали, --
 Быть-можетъ поздно миновали.
 Съ тоской на радость я гляжу:
 Не для меня ея сіянье!
 И я напрасно упованье
 Въ больной душѣ моей бужу.
 Судьбы ласкающей улыбкой
 Я наслаждаюсь не вполнѣ;
 Все мнится, счастливѣ я ошибкой, —
 И не къ лицу веселья мнѣ.»

Въ этомъ послѣднемъ стихѣ заключается быть-можетъ все, что только строга критика въ состояніи сказать о Г. Баратынскомъ. Въ самомъ дѣлѣ, веселье не къ лицу нашему поэту. Когда онъ выходитъ изъ элегіи, онъ теряетъ всю свою силу и прелесть. Его эпиграмма не остра: она не колетъ, но тихо рѣжетъ; его вакхическія пѣсни нѣсколько принужденны: замѣт-

но, что они сочинены; его мадригалы не льстят женскаго самолюбія: если бь мы были женщины, они бь скорѣе бьсили насъ тьмъ презрѣніемъ и холодностью, которыхъ поэтъ не можетъ скрыть даже подь завѣсой угодливости и рюемованной любви.

Г. Баратынскій очень удачно оцѣниваетъ Пушкина, Дельвига, Языкова, и, если бь рѣшился излагать свои мысли въ прозѣ, онъ былъ бы замѣчательнымъ критикомъ. Будучи въ состояніи чувствовать и цѣнить талантъ свой, онъ рѣшительный врагъ подражанія. Мнѣніе его на этотъ счетъ изложено, прекрасными стихами, въ отзывѣ къ одному поэту, котораго извѣстный Германскій критикъ, Менцель, превозглашалъ въ началъ нынѣшняго года первымъ современнымъ поэтомъ, и ставилъ выше Байрона, но который, по-несчастью, не умѣлъ соединить у насъ, съ удивленіемъ къ нему любителей изящнаго, уваженія людей благомыслящихъ. Г. Баратынскій превосходно отгадалъ его дарованіе, въ этихъ стихахъ, когда онъ еще былъ въ Москвѣ.

Но цѣня другихъ по достоинству, нашъ поэтъ слишкомъ строгъ къ самому себѣ. Вотъ что говоритъ онъ про свою Музу:

«Не ослѣпленъ я Музою моею:
 Красавицей ея не назовутъ;
 И юноши узрѣвъ ее, за нею
 Влюбленною толпой не побѣгутъ.
 Приманивать изысканнымъ уборомъ,
 Игрою глазъ, блестящимъ разговоромъ,
 Ни склонности у ней, ни дара нѣтъ;
 Но пораженъ бываетъ мелькомъ свѣтъ
 Ея лица необщимъ выраженьемъ,
 Ея рѣчей спокойной простотой;
 И онъ, скорѣй чѣмъ ѣдимъ осужденьемъ,
 Ее почтитъ небрежной похвалою.»

Въ Музѣ его точно — необщее выраженіе лица и необычайная простота рѣчей: но кто же, познакомившись съ ней покороче, вздумаетъ почитать ее только небрежной похвалою? Мы полагаемъ, что въ нее можно влюбиться, прочитавъ «Черепъ», «Мадону», «На смерть Гёте», и многія другія стихотворенія, изъ которыхъ составлено ея прекрасное ожерелье, — и мы не въ состояніи похвалить ея искреннѣе, какъ переноса на наши страницы эти три маленькія поэмы:

ЧЕРЕПЪ.

«Усопшій братъ! кто сонъ твой возмутилъ?
Кто пренебрегъ святынею могильной?
Въ разрытый домъ къ тебѣ я нисходилъ,
Я въ руки бралъ твой черепъ желтый, пыльной!

Еще носилъ волосъ остатки онъ;
Я зрѣлъ на немъ ходъ постепенный тлѣнья:
Ужасный видъ! какъ сильно пораженъ
Имъ мыслящій наследникъ разрушенья!

Со мной толпа безумцевъ молодыхъ
Надъ ямою безумно хохотала:
Когда бъ тогда, когда бъ въ рукахъ моихъ
Глава твоя внезапно провѣщала!

Когда бъ она цвѣтущимъ, пыльнымъ намъ,
И каждый часъ грозимымъ смертнымъ часомъ,
Всѣ истины извѣстныя гробамъ
Пронесла своимъ безстрастнымъ гласомъ!

Что говорю? Стократно благъ законъ,
Молчаньемъ ей уста запечатлѣвшій;
Обычай правъ, усопшихъ важной сонъ
Намъ почитать издревле повелѣвшій.

Живи живой, спокойно тлѣй мертвецъ!
Всесильнаго ничтожное созданье,

О человекъ, увѣрься наконецъ,
Не для тебя ни мудрость, ни всезнанье!

Намъ надобны и страсти и мечты,
Въ нихъ бытія условіе и пища:
Не подчинишь однимъ законамъ ты
И свѣта шумъ и тишину кладбища!

Природныхъ чувствъ мудрецъ не заглушить
И отъ гробовъ отвѣта не получить:
Пусть радости живущимъ жизнь дарить,
А смерть сама ихъ умереть научить.»

Мадона.

«Близъ Пизы, въ Италіи, въ полѣ пустомъ,
(Не зрѣлось жилья на помини кругомъ)

Межъ древнихъ развалинъ стояла лачужка;
Съ молоденькой дочкой жила въ ней старушка.

Съ разсвѣта до ночи за тяжкимъ трудомъ,
А все-таки голодъ имъ часто знакомъ!

И дочка порою душой унывала;
Терпѣньемъ скудья, на Бога роптала.

Не плачь, не крушися, ты, солнце мое!
Тогда утѣшала старушка ее.

Не плачь, переменится доля крутая:
Придетъ къ намъ на помощь Мадона святая.

Да ликъ ея въру въ тебѣ укрѣпить:
Смотри, какъ привѣтно съ холста онъ глядитъ!

Старушка смиренная съ рѣчью такою,
Бывало, крестилась дрожащей рукою.

И съ теплою върою въ сердце простомъ,
Она съ умленнымъ и кроткимъ лицомъ,

На живопись темную взоръ подымала,
Что уголь въ лачужкѣ безъ рамъ занимала.

Но больше и больше нужда мнѣ тѣспить,
Дочь плачетъ, старушка свое говоритъ.

Съ утра по руннамъ бродилъ любопытный:
Забылся красъ ихъ дивясь ненасытный.

Кровь нуженъ ему отъ полдневныхъ лучей:
Стучится къ старушкѣ, и входитъ онъ къ ней.

На лавку садился пришлецъ утомленный;
Но вспрянулъ, картиною вдругъ пораженный.

«Божественный образъ! чья кисть это, чья?
О, какъ не узнать мнѣ! Корреджій, твоя!

И въ хижинѣ этой творенья таится,
Которымъ и царской дворецъ возгордится!

Старушка, продай мнѣ картину свою,
Тебѣ за нее я сто шастровъ даю.»

—Синьоръ, я бѣдна, но душой не торгую;
Продать не могу я вкону святую.—

«Я двѣсти даю, согласишься продать.»

—Синьоръ, синьоръ! бѣдность грѣшно искушать.

Упрямства не могъ побѣдить онъ въ старушкѣ:
Осталась картина въ убогой лачужкѣ.

Но вскорѣ потомъ, по Италиі всей,
Летучая вѣсть разнеслася о ней.

Къ старушкѣ моей гость за гостемъ стучится
И, дверь отворяя, старушка двинется.

За входъ она малую плату беретъ
И съ дочкой своею безбѣдно живетъ.

Прекрасно и чудно, о вѣра живая!
Тебя оправдала Мадона святая.»

НА СМЕРТЬ ГЕТЕ.

«Предстала, и старецъ великой смежилъ
Орлиныя очи въ поковъ;
Почилъ безмятежно, зане совершилъ
Въ предѣлѣхъ земномъ все земное!
Надъ дивной могилой не плачь, не жалѣй,
Что генія черепъ наслѣдье червей.

Погасъ! по ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ живыхъ безъ привѣта;
На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
Что просить у сердца отвѣта:
Крылатою мыслью онъ мѣръ облетѣлъ,
Въ одномъ безпредѣльномъ нашелъ ей предѣлъ.

Все духъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,
Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,
Цвѣтущихъ времянь упованья.
Мечтою по волю проникнуть онъ могъ
И въ нищую хату, и въ царской чертогъ.

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ;
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье,
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Извѣданъ, испытанъ имъ весь человѣкъ!
И ежели жизнью земною
Творецъ ограничилъ летучій нашъ вѣкъ,
И насъ за могильной доскою,
За міромъ явленій не ждетъ ничего,
Творца оправдаетъ могила его.

Но вся загробная жизнь намъ дана,
 Онъ здышней вполнѣ отдышавшій
 И въ звучныхъ, глубокихъ отзвухахъ, сполна
 Все дольное долу отдавшій,
 Къ Предвѣчному легкой душой возлетитъ, —
 И въ небѣ земное его не смутитъ.»

Мелкія стихотворенія всѣ, — рѣшительно всѣ хороши; каждое замѣчательно или по мысли или по стику. Изъ большихъ поэмъ, лучшее твореніе «Цыганка». Она прежде носила другое названіе, неслыханное въ хорошемъ обществѣ, — названіе, котораго пугались сама безстрашныя читательницы. Поэтъ уступилъ совѣту критиковъ, и перемѣнилъ заглавіе: теперь поэма можетъ быть допущена во всякій будуаръ. Въ «Цыганкѣ» есть сцены вѣрныя, списанныя съ природы, хотя завязка кажется намъ не правдоподобною, а знакомство героя повѣсти съ дядею своей возлюбленной во все невѣроятнымъ. «Балъ», «Пиръ» и «Переселеніе душъ» читаются съ наслажденіемъ, но мы отдаемъ рѣшительное преимущество мелкимъ стихотвореніямъ: въ нихъ болѣе силы, болѣе полноты, болѣе мысли.

Святославичъ Вражій Питоонецъ. *Диво время краснаго солнца Владимира. Сочиненіе А. Вельмана. Москва, 1835. Двѣ части.*

Раскрывая каждый новый романъ Г. Вельмана, мы всегда вспоминаемъ о первомъ его произведеніи, «Кошечей Безсмертнѣй», и всякій разъ надѣемся встрѣтить вторично автора «Кошечей Безсмертнаго». Но Г. Вельманъ любитъ обманывать. Въ своемъ Кошечѣ, онъ весьма удачно умѣлъ воскресить, олицетворить преданія и повѣрья мертвой старины, умѣлъ выставить ихъ въ заманчивомъ свѣтѣ и такъ плѣнить сявидомъ, что, прочитавъ сочиненіе, жалѣешь, что оно вдругъ окончилось.

Теперь авторъ «Кошечей Безсмертнаго» сдѣлалъ вто-

рую попытку въ томъ же родѣ, но, по мнѣнію нашему, менѣе удачную. Въмѣсто повѣсти, — повѣстямъ вѣрять всѣ степенные люди, — онъ представляетъ намъ волшебную сказку, которой не повѣрятъ даже дѣти. Здѣсь Г. Вельтманъ вывелъ на сцену нашъ народный мифъ, Кикимору, предметъ очень богатый для сатирическаго романа; далъ ему въ покровители Нелегкаго и Нечистую-Силу, и обставилъ его фигурами Ярополка и Владимира, Ольги и Царь-Дѣвицы съ звездою на лбу; но все это, — даже и звезда на лбу, — не придаетъ большаго блеска творенію, не согрѣтому внутреннимъ огнемъ созданія.

Повѣсть, — мы называемъ ее повѣстью для вѣжливости слога, какъ одинъ нашъ историкъ, для вѣжливости слога, называлъ разбойниковъ рыцарями, — повѣсть начинается разговоромъ Нелегкаго съ Нечистою-Силою. Вотъ ихъ свиданіе :

«Надъ Кіевомъ черная туча. Перунъ-Трещица носится изъ края въ край, свиваетъ вьюгою, хлещетъ молоньей по конямъ. Взвиваются кони, бьютъ копытами въ небо, пышутъ пыломъ, несутся съ полночи къ *теплому морю*. Ломится небо, стонетъ земля, жалобно плачетъ заря-вечерница: попалась на встрѣчу Перуну, со страха сосудъ уронила съ росой, — разбился сосудъ, просыпался жемчугъ небесный на землю.

«Шумить Дявиръ, ломить берега, хочетъ быть моремъ. Крутится вихрь около *дула-самогуда* у княжескихъ палатъ, на холмѣ; проснулись Кіевскіе люди: ни ночи ни дня на дворъ; замеръ языкъ, ошѣхла молитва. «Не доброе дѣется на *бѣломъ свѣтѣ!*» говоритъ душа, а сердце остыло отъ страха, не бьется.

«Надъ княжескимъ теремомъ, на трубѣ съль филинъ, прокричалъ въщунюмъ; а возлѣ трубы сыпятъ два голоса, сыплются рѣчи ихъ, стучать какъ крупный градъ о тесовую кровлю.

«Слышать ихъ княжескій глухо-нѣмой сторожъ, и таить про себя какъ могила.

— Чу! чу! раздаётся надъ теремомъ.

— Не чую! отзывается другой голосъ.

— Чу! здѣсь слышнѣе, приникни... Чу! быть добру! нашего поля прибудеть....

— Не чую, куда ни сунусь, вездѣ крещеное мѣсто! Лучи, какъ иглы, какъ правда людская, глаза колютъ, а ладныя звуки закладываютъ уши. Построили теремъ! Спасибо, хорошъ. Добро бы сквозь дымволокъ путь, да за печкой, или въ печуркѣ мѣсто *простое* для нашего брата! Такъ нѣтъ: все освятили крестами, враги!...

— Не хмурься, Нелегкій, найдемъ мѣсто! Безъ насъ кому и житье? Тсъ! чуешь?

— Ни слова!...

— Чу, чу!... Ну, другъ припасай повитушку, готовъ колыбельку, готовъ кормилку!

— Да вымолви, что дѣется въ княжескомъ теремѣ?

— Скоро наступитъ раздолье! ~~выживемъ~~ крестъ съ родного холма! Князь съ княгинею споръ ведутъ, какъ звать, величать будущаго сына. Княгиня говоритъ Скольдомъ, именишъ Свенскимъ-крещенымъ, — да не разорить ей насъ! Князь хочетъ звать Туромъ.... Чу, подняла плачь и вопль, забурлилась!... забурлился и Князь! Чу, кляплетъ онъ ребенка! «Провались утроба твоя!» говорить.... Ступай, ступай, Нелегкій, несись за бабушкой повитушкой!

«Крикнулъ снова филинъ на трубѣ княжескаго терема, застоялъ, обвелъ огненными очами по мраку, хлопнулъ крыломъ; завылъ сторожевой песъ, вздрогнулъ глухо-нѣмой привратникъ, молнія перерезала небо; Перунъ-Трещица круто заворотилъ коней, прокатился съ конца въ конецъ; припали Кіевскіе люди, творятъ молитву.

«Не доброе дѣется на блѣдомъ свѣтѣ! проговорила душа, а сердце замерло.

«Зашипѣло снова надъ княжескимъ теремомъ; застучали темныя рѣчи, какъ градъ о тесовую кровлю.

— Здорово! Совсѣмъ ли?

— Ступай принимать! Все что въ утробѣ, все наше!..

— Ну, добрая доля! Какъ же проникнуть мнѣ въ княжескій теремъ?

— Вот скважина возлѣ трубы, да въ щель, да гнлой сердцевиною вдоль перекладыны, прямо накатомъ, по стѣнкѣ, да въ уголѣ...

— Да кто тутъ пролѣзеть!... Словно ужъ въ теремъ итъ ни окна, ни дверей....

— Много, да сваты: крестъ на крестъ!... Ступай же, ступай повитушка, покуда *пльень* не повѣстилъ полночи.... Эхъ, разтолствѣла! Скоро тебя и простыми глазами размотришь!...

— Ну, такъ и быть.... Э! завязла!...

— Свернись похитрѣе, да вытянись въ нитку, а я съ конца закручу, да словно въ ушко и продну сквозь теремъ.

— Шею свернулъ, окаанный!...

«Фялинъ на трубу взмахнулъ крыломъ, крикнулъ недобрымъ въшунюмъ; вспыхнуло, грянуло въ небѣ; прокатился грохотъ между берегами Днѣпровскими, встрепенулась земля, взвизнули сторожевые псы, вздрогнули Кіевскіе люди.»

Изъ чего же такъ хлопочетъ Нечистая-Сила, вытягивается въ нитку и пробирается въ теремъ? Она задумала важное дѣло. Она хочетъ похитить младенца, вскормить его людскою кровію, воспитать въ своемъ законѣ, сдѣлать неизмѣннымъ пророкомъ лжи и неправды. Выборъ палъ на сына Святославова: его хочетъ Нечистая-Сила воспитать на свой коштъ, не жалья издержекъ и трудовъ. Младенецъ еще въ утробѣ матери, но Нечистая-Сила добудетъ его. Она пробралась въ теремъ.

«Въ одринѣ княгини Инегильды горятъ свѣтильники предъ божицею, золотые ляки пылаютъ разноцвѣтными огнями, огромныя жемчужины отбрасываютъ отъ себя радужныя цвѣты. Сквозь слюдовыя окна, видна на дворѣ грозная ночь. Стѣны въ поковъ обиты рытымъ (?) *изарбатомъ*; рѣзной потолокъ украшенъ узорами изъ жемчужныхъ раковинъ; столъ покрытъ паволочитымъ шитымъ покровомъ съ золотой бахрамою, лавки также; на поставцѣ стоятъ золотая и серебряная утварь, и городъ Торнео, кованый изъ злата, родина Инегильды.»

«На рѣзной кровати съ витыми столбами и шелковою кровлею тонеть въ пуху Инегильда; багрецовое одѣяло вздымается на груди ея, ночная повязка скатилась съ чела, русые волосы рассыпались по изголовью, ланиты разгорѣлись, надъ закрытыми глазами, брови изогнулись какъ темныя ночныя радуги. Тяжело дыханье княгини, тажки вадохн.

«Вдругъ вскрикнула она *благимъ-матомъ*, очнулась, приподнялась, приложила руку къ сердцу, водить взоры вокругъ себя, вся дрожить.

— Дѣвушки!... кто тутъ!

«Двѣ спальныя дѣвушки, съ просонковъ, бѣгутъ изъ другаго покоя.

— Дѣвушки!... продолжаетъ княгиня: кто тутъ?... Охъ, страшно!... Кто тронулъ меня?...

— Нѣтъ никого, государыня княгиня! отвѣчаютъ дѣвушки, трепеща отъ стрѣха: сквозь хрустальное красное окно видно, какъ молнія палить небо.

— Охъ, что-то недоброе содѣялось у меня подъ сердцемъ.... Хочеть выскочить.... сердце!... Взняли всѣ кости!... Чу! что загудѣло въ трубъ?... гдѣ плачетъ ребенокъ?...

— То вѣтеръ взвыль, государыня!

— Охъ, нѣтъ, не вѣтеръ!... то вонть песь, то стонеть птица ночная!... Болить подъ сердцемъ!...

«И вдругъ княгиня залилась слезами, зарыдала; и вдругъ умоляла, упала безъ памяти въ подушки.

«Стоять надъ нею дѣвушки, блвднѣють отъ страха.

«Пышетъ вдали молнія, гремитъ Перупъ-Трещница; слышнть глухо-нѣмой сторожъ княжескаго двора: опять стучать чьи-то темныя рѣчи, какъ градъ о тесовую кровлю.

— Эхъ, бабушка, мѣшкаеть! Того я гляди, что пѣвень зальется....

— Нелегкой! раздался вдругъ голосъ повитушки изъ внутреннихъ хоромъ.

— Приняла, да не знаю какъ выдти: ребенку пять лунъ, его не вытянешь въ нитку, не продѣнешь въ ушко. Слестай-ко за *словомъ*. Пришлось обратить въ невидимку. Да скоро! пѣвень проснулся, крылья расправил!...

— Заразь!...

«Утихло.

«Филинъ хлопнулъ крыломъ, вспорхнулъ, полетѣлъ; пѣвень полунощникъ хлопнулъ крыломъ, зацѣлся. Приняли его голосъ, и всѣ вѣтуди покоуть.»

Когда Г. Вельтманъ подчеркиваетъ напริมѣръ слово — *изарбатомъ*, считая его за рѣченіе того вѣка, онъ напрасно тратитъ чернила на подчеркиваніе. *Изарбатъ* (парча) слово Татарское, заимствованное нашими Монголами у новѣйшихъ Персіянъ; и не могло быть известно Русскимъ въ X вѣкѣ: это *зёрръ-бефтъ*, «золото-тканіе»; его писали также *заарбафъ* и *зарбафъ*. *Изарбафъ* не болѣе стоитъ подчеркиванія и курсивныхъ литеръ, чѣмъ башмакъ и шапка. Авторъ вѣроятно хотѣлъ сказать «рытый аксамитъ». А когда Славяне называли озеро Маозе, въ VII вѣкѣ, *Лиманомъ*, то, «си» Славяне, — авторъ можетъ быть въ томъ увѣренъ, — были прямые Турки, которые уже пертили по-своему Греческія слова. Но дѣло не въ анахранизмахъ, которыхъ здѣсь слишкомъ много.

«Дѣло шло на ладъ. Нечистая-Сила пировала насчетъ будущихъ благъ. Вѣдьмы на Лысой горѣ хороводы водили, звонко распѣвали: у-у! у-у! Кіевскіе люди со страхомъ прислушивались, а Святославъ, возвратившійся почти по волю изъ Булгаріи въ Кіевъ, по вызову Ольги, да *непраздной* своей княгини Инегильды, да бояръ и старѣйшихъ мужей, для защиты великаго княжескаго города отъ нахлынувшихъ *Бошняковъ*, скоро соскучился въ Днѣпровской столицѣ, особенно послѣ ссоры съ своею княгинею за имя будущаго сына. Его стало все сердить на Русь. Инегильда заболѣла; призвали повитушку; старуха взглянула на княгиню, приложила руку подъ сердце....

— Кое уже время, государыня ты *непраздна?*

— За половину, отвѣчала княгиня.

— Словно пѣтъ ничего! прошептала старуха. Охъ, не добро! провалилось чрево твое! убило злое слово младенца!...

«Нахмурился князь, когда дошла до него эта вѣсть, проклатіе дѣтища легло у него на душѣ.»

Такъ былъ похищенъ Свѣтославичъ, итакъ сдѣлался онъ Вражбимъ Питомцемъ, доморощеннымъ Робертомъ. Младенецъ пропалъ безъ вѣсти, когда бѣ Мокошъ, сторожъ княжескихъ заповѣдныхъ луговъ и лѣсничій, не пошелъ гулять въ лѣса и осматривать свои владѣнія.

«Мокошъ на все смотрѣлъ; но для него все равно было, смотрѣть или нѣтъ: не въ первый разъ онъ видѣлъ издали и Кіевъ, и Днѣпръ, и темный правый берегъ его. Онъ ни о чемъ не думалъ, не разсуждалъ: и о чемъ бы сталъ онъ думать?... Единообразіе жизни есть бесплодное поле, на которомъ не родится мысль. (?)

«И такъ, Мокошъ былъ въ этомъ состояніи, непонятномъ для міра, исполненнаго жизни, борьбы добра и зла. Вдругъ слышитъ онъ плачь младенца, вскакиваетъ, идетъ на голосъ, приближается ко впадинѣ, освѣщенной навѣсомъ листвы, и видитъ — на одной изъ вѣтвей дерева виситъ колыбелька, а въ ней лежитъ спеленаное дитя. Колыбелька качается, дитя плачетъ, шевелитъ устами, проситъ груди. Вдали эхо вторитъ чью-то колыбельную пѣсню; но подлѣ бѣднаго дитяти нѣтъ мамы, нѣтъ няни, нѣтъ кормилицы.

«Жалко стало Мокошу; подходитъ онъ ближе... Вдругъ колыбелька перестала качаться, эхо колыбельной пѣсни утихло, свивальникъ развертывается, пеленки вскрываются, ни кого не видно, а кто-то вынимаетъ ребенка; онъ утихъ, онъ лежитъ на воздухѣ, во что-то вцѣпился рученками и къ чему-то тянется, что-то рветъ устами, кажется сосеть, слышно какъ онъ глотаетъ....

«Дивятся Мокошъ, разинулъ ротъ.

«Невидимыя руки пестуютъ дитя; оно повеселѣло, улыбается, бросаетъ на все любопытные взоры; увидѣло Мокоша, тянется къ нему.

«Мокошъ не вытерпѣлъ, приближается, протягиваетъ къ ребенку руки, хочетъ взять его....а длинная вѣтвь орвѣшника хлысть его по рукамъ.

— Погорн ты пожаромъ! не уродись на тебѣ шишки еловой! вскричалъ Мокошъ; а ребенокъ холочетъ, опять тянется къ Мокошу. Опять Мокошъ протягиваетъ руки, а

вѣтъ орвшника опять хлысть его по рукамъ, а другая хлопъ по лицу.

— О-о-о, бѣсова клюка! кричитъ Мокошъ, протирая глаза, изъ которыхъ искры сыплются; а ребенокъ смеется, тянется къ нему снова.

— Провались ты, вражій сынъ! произнесъ Мокошъ, и побрѣлъ домой, повалился на лавку, спать.

«А подь крутыми берегами извивается Днѣпръ, шипять его волны. Давно вытекъ Днѣпръ изъ темныхъ лѣсовъ Смоленскихъ, изъ сосѣдства Двины и Волги, пробился сквозь каменные ограды земли Половецкой, скатился по десяти гранитнымъ ступенямъ и ринулся въ море.

«Извивается Днѣпръ, шипять его волны около береговъ Киевскихъ. Днѣпровскій *Омутъ* выгналъ на работу все царство отводить рѣку отъ священнаго холма, рыть новое русло.

«Извивается Днѣпръ, шипять его волны, а солнце играетъ въ немъ, а Киевскіе златоверхіе терема опрокинулись въ него и мерцаютъ въ волнахъ.

«Просыпается Мокошъ. Вчерашній день всегда былъ для него спомъ; но чудный ребенокъ на холмѣ нейдетъ у него изъ головы.

«Дявѣнь сонъ! думаетъ Мокошъ, и, кончивъ свой завтракъ, отправляется въ обходъ луговъ и лѣса, идетъ опять мимо холма, садится отдохнуть. Глядь!... а мальчикъ лѣтъ пяти, въ красной сорочкѣ, обшитой золотой тесьмою, въ сафьянныхъ сапожкахъ, шитыхъ узорами и выложенныхъ бисеромъ, бѣгаетъ одинъ-одинехонекъ и ловитъ мотыльковъ; много ихъ вьется надъ нимъ, но онъ ловитъ изумруднаго, осыпаннаго искрами золотыми, у котораго крылья какъ будто обложены полосами радуги.

«Увидѣвъ Мокоша, мальчикъ бѣжить къ нему на встрѣчу, беретъ его за руку.

— А кто ты таковъ? говоритъ ему.

— Да дѣдушка Мокошъ, отвѣчаетъ ему Мокошъ, выпучивъ на него глаза.

— А моего дѣдушку зовутъ *Омъ*! вскричалъ мальчикъ: ну, и ты будь моимъ дѣдушкой!... А можно уловить мотылька?»

- Лови, голубчикъ! отвѣчаетъ Мокошъ.
- Она не велить; говорить, что это красная двушка; говорить, что я сотру съ ея лика румянчикъ.
- Твоя бабушка обмолвилась. А гдѣ твоя бабушка?
- Гдѣ бабушка? Постой, я приведу ее къ тебѣ.
- Мальчикъ побужалъ подѣ навѣсь липы, въ кустарникъ.
- «Ау! ау! закричалъ онъ.— Ау! отозвалось въ лѣсу.
- Чу! Она ушла въ лѣсъ. Пойдемъ, поищемъ ея!
- «Онъ взялъ Мокоша за руку и повелъ въ лѣсъ.
- Ау! снова закричалъ мальчикъ.
- Ау! повторилось въ лѣсу.
- Чу! пойдемъ, пойдемъ; вотъ здѣсь Она....
- Охъ, ивѣтъ, вотъ тамъ!...
- «Мокошъ усталъ ходить за торопливымъ мальчикомъ.
- Ау! отзывалось, то съ одной, то съ другой стороны.
- Ау! закричалъ мальчикъ опять.
- Ау! раздалось позади ихъ.
- Эхъ, Она воротилась домой!
- «Пошли назадъ. Пришли на лужайку, подѣ липы.
- Нѣтъ и дома? произнесъ мальчикъ печально.
- Да гдѣ твой домъ? Веди домой.
- Вотъ здѣсь, дѣдушка, подѣ липкой.
- «Сирота, подумалъ Мокошъ. — А въ хмару, да въ ли-
вень?
- Подѣ липкой, дѣдушка.
- А въ зиму, да въ мятелицу?
- Подѣ липкой....
- «Сирота! повторилъ Мокошъ. — У тебя, чай, рученки да ноженки отморожены.
- Тепло, дѣдушка, подѣ липкой; на эту лужайку я не выхожу; какъ пойдетъ черная хмара по небу, да нанесетъ холоду, я и сижу дома; боюсь выдти изъ подѣ липки: тамъ и колеть лицо, такъ и жжетъ.
- Откуда ты, голубчикъ, взялъ такую шапочку съ обложкой горностаевой, словно княжеская, да сорочку шитую золотомъ, да сафьянные сапожки?
- Все мнѣ приноситъ Онъ. Ты видѣлъ моего дѣдушку?
- Какого дѣдушку?
- А вотъ что говорить: Безъ меня бы ни прѣсень, ни
- Т. X. — Отд. V.

радости людямъ. А видалъ ли ты какъ пляшуть, да водять хороводы? Вьются, вьются, заплетаются, дѣвушки блѣдныя, блѣдныя!... Запоютъ такъ: у-у-у-у!... А мнѣ такъ и холодно, какъ отъ бѣлой зимы, что бываетъ за нашей лужайкой.

— Ла каковъ дѣдушка твой собой?

— Каковъ? Не таковъ какъ ты; все изъ подлобья смотр , на людяхъ покойныхъ ѣздить верхомъ. Всѣ его боятся, а дѣдушка никого: только боятся кочета, что залетѣлъ изъ Кіева; а я спросилъ его: Чего ты боишься кочетка? видишь, я не боюсь... А *Онъ* сказалъ: Гони, гони его, покуда не закричалъ! Я и прогналъ.

«Мокошъ внимательно слушалъ разсказъ ребенка, присѣлъ на лужайку и сталъ поддичать, вынувъ изъ кошель кусокъ житнаго хлѣба.

— Что это, дѣдушка? вскричалъ мальчикъ: дай-ка мнѣ!

«Мокошъ отломилъ кусокъ; съ жадностью мальчикъ съѣлъ и съѣлъ.

— Ты голоденъ, голубчикъ, тебѣ повсть не дадутъ!... Вотъ тебѣ еще ломотокъ хлѣбца.

— Хлѣбца? вскрикнулъ мальчикъ. *Она* не даетъ мнѣ хлѣбца.

— Чѣмъ же ты питаешься, голубчикъ?

— *Она* меня кормить....

«Вихрь свиснулъ между мальчикомъ и Мокошемъ, и унесъ слова мальчика.

— Ась? спросилъ Мокошъ, не разслышавъ чѣмъ кормятъ мальчика.

— А понть.... продолжалъ мальчикъ.

Вихрь опять свиснулъ надъ ухомъ Мокоша; онъ не слышалъ чѣмъ поятъ мальчика.

— Ась? повторилъ онъ.

— Да, дѣдушка, продолжалъ мальчикъ, а мнѣ тошно, тошно, какъ я съѣмъ.... (Снова свиснулъ вихрь). Все хочется этого хлѣбца, да водицы испить, что течетъ подъ горой.... У тебя много хлѣбца?

— Есть мало, отвѣчалъ Мокошъ.

— Пойду я, дѣдушка, къ тебѣ: ты такой доброй, ты меня пустишь гулять въ городъ.

— Пойдемъ, пойдемъ.... я поведу тебя въ Кіевъ, отвѣчалъ Мокошъ, вставалъ.

«Мальчикъ хочетъ идти и вдругъ остановился. — А, вотъ Она!... Пусти меня къ этому двдушкѣ!... пусти! — Мокошь смотрѣлъ вокругъ себя, съ кѣмъ говорить мальчикъ, но никого нѣтъ: только вихрь свѣсталъ снова между Мокошемъ и мальчикомъ.

Мокошь хотѣлъ подойти къ нему, а вѣтъ выдунулась и хлынула его по лицу.

— О-о-о, сгинь ты грозницею!! вскричалъ Мокошь, закрывъ лице руками: — Поточи тебѣ тля поганая! продолжалъ онъ, удаляясь и проклиная Нечистую-Силу.»

Этотъ чудный мальчикъ, истинное диво, растущее не по днямъ, а по часамъ, возбуждаетъ любопытство; но только возбуждаетъ. Остальная жизнь его — жизнь самого обыкновеннаго человека, который не приноситъ большой выгоды Нечистой-Силѣ. Нечистая-Сила потратилась воспитаніемъ, издержками, кровію и трудами понапрасну, и если вѣдьмы брали акціи на эту спекуляцію, онъ навѣрное остались безъ барышей. Свѣтославичъ влюбился въ премиленькую Марію, и во все время сказки думаетъ только объ ней, не заботясь о выгодахъ Нечистой-Силы. Несмотря на то, что онъ могъ принимать всѣ образы и выдавать себя за кого ему было угодно, ему не удалось пробраться въ свѣтлицу Маріи, и онъ погибъ въ волнахъ Днѣпра, — кажется, отъ любовнаго отчаянія. Говоримъ «кажется», потому что романъ безъ конца, какъ всѣ произведенія Г. Вельтмана, не считая «Кошеля». Г. Вельтманъ не любитъ досказывать.

Безконечное сплетеніе происшествій, громоздящихся одно на другомъ, безъ всякой видимой связи, дѣлаетъ чтеніе этой повѣсти весьма затруднительнымъ. Между героями и дѣйствующими лицами такое сходство, что одинъ съ другимъ легко смѣшивается, и мы принуждены были читать «Свѣтославича» съ карандашемъ въ рукахъ, и при каждомъ происшествіи отмѣчать, для памяти, съ кѣмъ и когда оно случилось:

иначе, по прочтеніи, осталось бы только темное, неясное воспоминаніе о нѣсколькихъ происшествіяхъ.

Волшебная сказка Г. Вельтмана обнаруживаетъ со-всѣмъ неумѣстное и ни чѣмъ неоправданное притязаніе на ученость. При каждомъ томѣ находятся примѣчанія, въ которыхъ изъяснены исторически, археологически и филологически, всѣ старинныя рѣченія, въ ней встрѣчающіяся. Но надобно быть строгимъ и жестокимъ какъ самъ Каллигула, гонитель Александрійскихъ археологовъ, чтобъ притѣснять примѣчанія къ сказкѣ и взыскивать за ученые ошибки съ существъ, которыя подвязали себѣ бороду комментатора только для собственной потѣхи.

Мы охотно прощаемъ автора за эти примѣчанія. Но гдѣ повѣствованіе его переходитъ въ простую Русскую сказку, тамъ встрѣчаются у него страницы, отъ которыхъ превосходно отсвѣчивается старинный слогъ, хотя къ нему такъ трудно поддѣлаться. Здѣсь видно изученіе народной старины, знаніе литературы простолюдиновъ, короткое знакомство съ прежними повѣрьями. Этому достоинству Г. Вельтмана пріятно отдать полную и заслуженную похвалу.

=

Исторія пугачевского бунта. Санктпетербургъ, 1835. Двѣ части.

Несправедливо было бы требовать отъ сочинителя, живущаго такъ близко къ эпохѣ описываемаго происшествія, выполненія всѣхъ условій, которыхъ требуетъ Исторія: чтобы объять взоромъ все пространство значительнаго событія, необходимо стать отъ него въ извѣстной отдаленности; перспектива такъ же нужна историку, какъ и живописцу. На близкомъ разстояніи собираются только подробности, которыя со временемъ могутъ служить превосходными матеріалами для Исторіи. Съ этой точки зрѣнія должно смотрѣть на «Исторію Пугачевского бунта», изданную А. С. Пушкинымъ. Авторъ не имѣлъ даже доступа къ подлинному дѣлу о Пугачевѣ, которое, какъ онъ говоритъ въ предисловіи, хранится запечатанное въ Санктпетербургскомъ Государственномъ Архивѣ, и онъ предоставляетъ исправить и пополнить свой трудъ будущему историку, болѣе его счастливому въ этомъ отношеніи. Но нельзя не воздать ему полной похвалы и не быть благодарнымъ за совѣстливое и тщательно изготовленное сообщеніе тѣхъ бумагъ и свѣдѣній, которыя находились въ его рукахъ и для собранія которыхъ предпринималъ онъ изысканія на мѣстѣ самого происшествія, долго покрытаго молчаніемъ и наконецъ сдѣлавшагося темнымъ, почти неизвѣстнымъ нынѣшнему поколѣнію. Эти бумаги, принимая въ расчетъ разницу въ плотности печати разныхъ частей книги, занимаютъ почти семь-осьмыхъ всего сочиненія: къ нимъ приложена въ началѣ историческяя статья, въ которой авторъ изобразилъ ихъ содержаніе ясно, живо и съ возможною краткостью, и она составляетъ послѣднюю одну-осьмую цѣлаго. Сочинитель конечно и самъ не удивится тому, что мы его «Исторію» называемъ только историческою статьею: по своему объему, который занимаетъ сто шестьдесятъ восемь

страницъ крупной печати, она равняется пяти листамъ «Библиотеки для Чтенія»; многія изъ статей этого журнала были обширнѣе. Съ другой стороны и самое событіе, — бунтъ оболъщенной и пьяной черни въ отдаленной провинціи, продолжавшійся нѣскольکو мѣсяцевъ, не имѣвшій ни какого вліянія на общую судьбу государства, ни въ чемъ не измѣнившій хода ни вышней, ни внутренней политики, не можетъ быть предметомъ настоящей Исторіи, и, въ крайнемъ случаѣ, составляетъ только ея печальную страницу, которой, по несчастію, мы не въ правѣ вырвать, но которую властны перекинуть при чтеніи, не расторгнувъ тѣмъ связи повѣствованія о цѣлой эпохѣ, не разстроивъ въ мысли ряда блестящихъ и утѣшительныхъ событій, образующихъ истинную, прагматическую Исторію того времени. Какъ бы то ни было, названіе, которое мы придаемъ этому творенію, ни сколько не уменьшаетъ ни его внутренняго достоинства, ни цѣны услуги, оказанной его авторомъ. Въ сочиненіяхъ, которыхъ, по свойству ихъ предмета и обстоятельствъ писателя, не окончательны и не могутъ требовать для себя монументальнаго титула «Исторіи», которыхъ не связываютъ своего содержанія съ массою происшествій цѣлаго періода, съ ихъ обширною и сложною винословностью, съ современнымъ состояніемъ образованности, нравовъ и умовъ, — въ такихъ сочиненіяхъ любознательность и новость рассказываемыхъ подробностей, вѣрное и откровенное ихъ изложеніе, и цѣль его, благонамѣренная и выволненная съ тщаніемъ, вообще сосредоточиваютъ въ себѣ всѣ достоинства книги, и одни обезпечиваютъ ей почетное мѣсто въ народной литературѣ. И въ этомъ отношеніи, первый историческій опытъ знаменитаго нашего поэта вполне удовлетворяетъ условіямъ особеннаго рода творенія, вышедшаго изъ-подъ его пера, потому что не возможно было ни предпринять труда съ похвальнѣйшимъ намѣреніемъ, ни со-

вокупить большаго числа любопытныхъ фактовъ и анекдотовъ на полторъ сотнъ страницъ, ни дать имъ точнѣйшей и вмѣстѣ занимательнѣйшей формы.

Авторъ превосходно объясняетъ одну изъ важнѣйшихъ сторонъ событiя въ историческомъ отношенiи, именно, что Пугачевъ былъ только — орудiе мятежной партiи «Несогласныхъ», то есть, казаковъ, которые не хотѣли подчиниться преобразованiямъ, вводимымъ въ устройствѣ ихъ войска.

«Пугачевъ не былъ самовластенъ, говоритъ авторъ исторiи. Яицкіе казаки, зачинщики бунта, управляли дѣйствiями прощлеца, неимѣвшаго другаго достоинства, кромѣ некоторыхъ военныхъ познанiй и дерзости необыкновенной. Онъ ничего не предпринималъ безъ ихъ согласiя; они же часто дѣйствовали безъ его вѣдома. Они оказывали ему паружное почтенiе, при народѣ ходили за нимъ безъ шапокъ и били ему челомъ; но наединѣ обходились съ нимъ какъ съ товарищемъ, и вмѣстѣ нѣяствовали, сидя при немъ въ шапкахъ явъ однѣхъ рубахахъ, и расиввая бурлацкія пѣсни. Пугачевъ скучалъ ихъ опекою. «Улица моя тѣсна,» говорилъ онъ Денису Пьянову, пируя на свадьбѣ младшаго его сына. Не терпя посторонняго вліянія на царя, ими созданнаго, они не допускали самозванца имѣть иныхъ любимцевъ и повѣренныхъ. Пугачевъ, въ началѣ своего бунта, взялъ къ себѣ въ писаря сержанта Кармицкаго, простивъ его подь самой висѣлицей. Кармицкiй сдѣлался вскорѣ его любимцемъ. Яицкіе казаки, при взятiи Татищевой, удавили его, и бросили съ камнемъ на шею въ воду. Пугачевъ о немъ освидомился. «Онъ пошелъ,» отвѣчали ему, «къ своей матушкѣ внизъ по Яику.» Пугачевъ, молча, махнулъ рукой. Молодая Харлова имѣла несчастиѣ привязать къ себѣ самозванца. Онъ держалъ ее въ своемъ лагерѣ подь Оренбургомъ. Она одна имѣла право во всякое время входить въ его кибитку; по ея просьбѣ прислалъ онъ въ Озерную приказъ похоронить тѣла имъ повѣшенныхъ при взятiи крепости. Она встревожила подозрѣнія ревнивыхъ злодѣевъ, и Пугачевъ, уступивъ ихъ требованiю, предалъ имъ свою наложницу. Харлова и семилѣтній братъ ея были разстрѣ-

ны. Раненые, они сползлись другъ съ другомъ, и обнялись. Тѣла ихъ, брошенные въ кусты, оставались долго въ томъ же положеніи.

«Въ числѣ главныхъ мятежниковъ отличался Зарубинъ (онъ же и Чика), съ самаго начала бунта сподвижникъ и пѣтухъ Пугачева. Онъ именовался фельдмаршаломъ, и былъ первый по самозванцѣ. Овчинниковъ, Шигаевъ, Лысовъ и Чумаковъ предводительствовали войскомъ. Все они назывались именами вельможъ, окружавшихъ въ то время престолъ Екатерины: Чика графомъ Чернышевымъ, Шигаевъ графомъ Воронцовымъ, Овчинниковъ графомъ Панинымъ, Чумаковъ графомъ Орловымъ. Отставной артиллерійской мапралъ Бѣлобородовъ пользовался полнымъ довѣренностью самозванца. Онъ вмѣстѣ съ Падуровымъ завѣдывалъ письменными дѣлами у безграмотнаго Пугачева, и ввелъ строгой порядокъ и повиновеніе въ шайкахъ бунтовщиковъ. Перфильевъ, при началѣ бунта находившійся въ Петербургѣ по дѣламъ Яицкаго войска, общался правительству, привести казаковъ въ повиновеніе и выдать самого Пугачева въ руки правосудія; но, прѣхавъ въ Берду, оказался однимъ изъ самыхъ ожесточенныхъ бунтовщиковъ, и соединилъ судьбу свою съ судьбою самозванца. Разбойникъ Хлопуша изъ-подъ кнута, клейменый рукою палача, съ поздравленіями, вырванными до хрипѣй, былъ одинъ изъ любимцевъ Пугачева. Стыдясь своего безобразія, онъ носилъ на лицѣ сѣтку, или закрывался рукавомъ, какъ-будто защищаясь отъ мороза. Вотъ какіе люди колебали государствомъ!»

Когда Пугачевъ былъ схваченъ своими сообщниками и выданъ генералъ-поручику Маврину, онъ съ перваго слова признался ему во всемъ. Мавринъ приказалъ привести прежнихъ его товарищей, содержавшихся въ оковахъ, и самозванецъ громко сталъ ихъ уличать, говоря: «Вы погубили меня: вы нѣсколько дней сряду меня упрашивали принять на себя имя покойнаго Великаго Государя; я долго отрицался, а когда и со гласился, то все, что ни дѣлалъ, было съ вашей воли и согласія; вы же поступали часто безъ

«вѣдома моего и даже вопреки моей воли.» Бунтовщики не отвѣчали ни слова.

Пугачевъ однако жъ былъ не безъ твердости въ волю, ни безъ дарованій. Изысканія автора бросаютъ большой свѣтъ на личный характеръ и природныя способности этого разбойника. Но мы упомянули о Харловой: исторія этой несчастной женщины ужасна, и безъ всякихъ украшеній вымысла составляетъ полный романъ.

«Изъ Разсыпной Пугачевъ пошелъ на Нижне-Озерную. На дорогѣ встрѣтилъ онъ капитана Сурина, высланнаго на помощь Веловскому, комендантомъ Нижне-Озерной, майоромъ Харловымъ. Пугачевъ его повѣсилъ, а рота пристала къ мятежникамъ. Узнавъ о приближеніи Пугачева, Харловъ отправилъ въ крѣпость Татищеву молодую жену свою, дочь тамошняго коменданта Елагина, а самъ приготовился къ оборонѣ. Казаки его измѣнили, и ушли къ Пугачеву. Харловъ остался съ малымъ числомъ престарѣлыхъ солдатъ. Утромъ Пугачевъ показался передъ крѣпостью. Онъ ѣхалъ впереди своего войска. «Берегись, Государь,» сказалъ ему старый казакъ: «неравно изъ пушки убьютъ.»—Старый ты человекъ! отвѣчалъ самозванецъ: развѣ пушки льются на Царей?—Харловъ бѣгалъ отъ одного солдата къ другому, и приказывалъ стрѣлять. Никто не слушался. Онъ схватилъ фитиль, выпалилъ изъ одной пушки и кинулся къ другой. Въ это время бунтовщики заняли крѣпость, бросились на единственнаго ея защитника, и изранили его. Полумертвый, онъ думалъ отъ нихъ откупиться; и повелъ ихъ къ избѣ, гдѣ было спрятано его имущество. Между тѣмъ за крѣпостью уже ставили вистлицу; передъ нею сидѣлъ Пугачевъ, принимая присягу жителей и гарнизона. Къ нему привели Харлова, обезумленнаго отъ ранъ и истекающаго кровью. Глазъ, вышивбанный копьемъ, висѣлъ у него на щекѣ. Пугачевъ велѣлъ его казнить, и съ нимъ прапорщиковъ Фигнера и Кабалерова, одного писаря и Татарина Бикбая. Гарнизонъ сталъ просить за своего добраго коменданта; но Яицкіе казаки, предводители мятежа, были не-

умолимы. Ни одинъ изъ страдальцевъ не оказалъ малодушія. Магометанинъ Бикбай, взошедъ на лѣстницу, перекрестился, и самъ надѣлъ на себя петлю. На другой день Пугачевъ выступилъ, и пошелъ на крѣпость Татищеву.

«Въ этой крѣпости начальствовалъ полковникъ Елагинъ. Гарнизонъ былъ умноженъ отрядомъ Билова, некаваго въ ней своей безопасности. Утромъ 27 сентября, Пугачевъ показался на высотахъ, ее окружающихъ. Всѣ жители видѣли, какъ онъ разставилъ тамъ свои пушки и самъ направилъ ихъ на крѣпость. Мятежники подѣхали къ стѣнамъ, угонявая гарнизонъ не слушаться бояръ и сдаться добровольно. Имъ отвѣчали выстрѣлами. Они отступили. Безпозднанная пальба продолжалась съ полудня до вечера; въ то время скирды сѣна, находившіяся близъ крѣпости, загорѣлись, подожженные осаждающими. Пожаръ быстро достигнулъ деревянныхъ укрѣпленій. Солдаты бросидсь тушить огонь. Пугачевъ, пользуясь смятеніемъ, напалъ съ другой стороны. Крѣпостные казаки ему передались. Раненый Елагинъ и самъ Билонъ оборонялись отчаянно. Наконецъ мятежники ворвались въ дымящіяся развалины. Начальники были захвачены. Билону отсѣкли голову. Съ Елагина, чедовѣка тучнаго, содрали кожу; злодѣи вынули изъ него сало, и мазали имъ свои раны. Жену его изрубилъ. Дочь ихъ, накануне овдовѣвшая Харлова, приведена была къ побѣдителямъ, распорядившему казню ея родителей. Пугачевъ пораженъ былъ ея красотою, и взялъ несчастную къ себѣ въ наложницы, пощадивъ для нея семилѣтняго ея брата.»

Дикій другъ несчастной жертвы не слишкомъ былъ постояненъ въ любви: привязанность его къ Харловой не помѣшала ему, среди лужъ крови, разбоевъ и опасностей войны, предаться влеченію новой, и еще нѣжнѣйшей, страсти.

«Пугачевъ въ Яицкомъ городкѣ увидѣлъ молодую казачку, Устинью Кузнецову, и влюбился въ нее. Онъ сталъ ее сватать. Отецъ и мать изумились и отвѣчали ему: Помилуй, Государь, дочь наша не княжна, не королева; какъ ей быть за тобою? Да и какъ тебѣ жениться, когда матушка Государыня еще здравствуетъ?» Пугачевъ однако, въ началѣ

Февраля, женился на Устиньѣ, наименовалъ ее императрицей, назначилъ ей штатсъ-дамъ и фрейлинъ изъ Яицкихъ казачекъ, и хотѣлъ, чтобъ на ектеніи поминали, послѣ Государя Петра Ѳеодоровича, супругу его Государыню Устинью Петровну. Попы его не согласились, сказывая, что не получали на то разрѣшенія отъ Синода. Отказъ ихъ огорчилъ Пугачева; но онъ не настаивалъ въ своемъ требованіи. Жена его оставалась въ Яицкомъ городѣ, и онъ вѣздилъ къ ней каждую недѣлю. Его присутствіе ознаменовано было всегда новыми покушеніями на Яицкую крѣпость.»

Мы видимъ, изъ прежде приведенной выписки, плачевную кощину Харловой. Свадьба Пугачева, котораго первая жена была еще въ живыхъ и находилась тогда въ Казани, едва не стоила нашей Словесности преждевременной потери одного изъ превосходнѣйшихъ ея украшеній. Самозванецъ желалъ отпраздновать свое супружеское счастье приступомъ къ осажденной его толпами Яицкой крѣпости, въ которой мужественно защищался полковникъ Симоновъ.

«Его прибытіе оживило дѣятельность мятежниковъ. Двадцатаго января онъ самъ предводительствовалъ достопамятнымъ приступомъ. Ночью взорвана была часть вала подъ батареею, устроенною при *Старицѣ* прежнемъ руслѣ Яика.) Мятежники, подъ дымомъ и пылью, съ крикомъ бросились къ крѣпости, заняли ровъ, и ставя лѣстницы, силились взойти на валъ; но были опрокинуты и отражены. Всѣ жители, даже женщины и дѣти подкрѣпляли ихъ. Пугачевъ стоялъ во рву съ копьемъ въ рукѣ, сначала стараясь лаской возбудить ревность приступающихъ, наконецъ самъ коля бѣгущихъ. Приступъ длился девять часовъ сряду, при немумолкнувшей пальбѣ и перестрѣлкѣ. Наконецъ подвручникъ Толстоваловъ съ пятидесятью охотниками, сдѣлавъ вылазку, очистилъ ровъ, и прогналъ бунтовщиковъ, убивъ до четырехъ-сотъ человекъ и потерявъ не болѣе пятнадцати. Пугачевъ скрежегаль. Онъ поклялся повѣсить не только Симонова и его храбраго сподвижника, Капитана Крылова, но

и все семейство послѣдняго, находившееся въ то время въ Оренбургѣ. Такимъ образомъ обреченъ былъ смерти и четырехлѣтній ребенокъ, въ послѣдствіи славный Крыловъ!»

Состояніе осажденнаго Оренбурга, послѣ непрекращаемыхъ неудачъ съ мятежниками, было таково, что угроза свирѣпаго казака равнялась величайшей опасности. Тамъ давно уже боролись съ голодомъ и уныніемъ духа.

«Рейнсдорпъ требовалъ съѣстныхъ припасовъ отъ Декалонга и Станиславскаго. Оба отговаривались. Онъ ежедневно ожидалъ прибытія новаго войска, и не получалъ объ немъ ни какого извѣстія, будучи отрѣзанъ отсюда, кромѣ Сибири и Киргизъ-Кайсацкихъ степей. Для поимки языка, высылалъ онъ иногда до тысячи человекъ, и то нерѣдко безъ успѣха. Вздумалъ онъ, по совѣту Тимашева, разставить капканы около вала, и какъ волковъ, ловить мятежниковъ, разбѣгающихся ночью близъ города. Сами осажденные смѣялись надъ сею военной хитростію, хотя имъ было не до смѣха; а Падуровъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, язвительно упрекалъ губернатора его неудачной выдумкой, предрекая ему гибель и насмѣшливо советуя покориться самозванцу.....

«Положеніе Оренбурга становилось ужаснымъ. У жителей отобрали муку и крупу, и стали имъ производить ежедневную раздачу. Лошадей давно уже кормили хворостомъ. Большая часть ихъ пала и употреблена была въ пищу. Голодъ увеличивался. Куль муки продавался, и то самымъ тайнымъ образомъ, за двадцать пять рублей (серебромъ). По предложенію Рычкова, академика, находившагося въ то время въ Оренбургѣ, стали жарить бычачьи и лошадиныя кожи, и мелко изрубивъ, мѣшать въ хлѣбы. Произошли болѣзни. Ропотъ становился громче. Опасались мятежа.....

Страхъ бѣднаго губернатора, которому въ продолженіе шестимѣсячной осады мятежниками ничто не удавалось, былъ такъ великъ, что когда Голицынъ разбилъ самозванца у Татищевой, когда избавитель

уже почти стоялъ у стѣнъ Оренбурга, и бунтовщики сами прислали къ Рейндорпу съ предложеніемъ выдать ему Пугачева, тотъ не хотѣлъ еще вѣрить своему счастью, опасаясь какой-нибудь хитрости, и отвергъ ихъ желаніе. Эта нерѣшимость продлила бѣдствія Россіи еще нѣсколькими мѣсяцами.

Между-тѣмъ отецъ юнаго поэта претерпѣвалъ въ Яницкой крѣпости, вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ и своими подчиненными, неслыханныя страданія. Картина бѣдствій гарнизона и его освобожденія составляетъ одну изъ лучшихъ страницъ исторіи этихъ смутеній.

«Девятаго марта, на разсвѣтъ, двѣсти пятьдесятъ рядовыхъ вышли изъ крѣпости; цѣлью вылазки было уничтоженіе новой баттарей, сильно безпокоившей осажденных. Солдаты дошли до заваловъ, но были встрѣчены сильнымъ огнемъ. Они смѣшались. Мятежники хватили ихъ въ тѣсныхъ проходахъ между завалами и избами, которыя хотѣли они зажечь; кололи раненыхъ и падающихъ, и топорами отсѣкали имъ головы. Солдаты бѣжали. Убито ихъ было до тридцати человекъ, ранено до осьмидесяти. Никогда съ такимъ урономъ гарнизонъ съ вылазки не возвращался. Удалось сжечь одну баттарею, не главную, да нѣсколько избъ. Показаніе трехъ захваченныхъ бунтовщиковъ увеличило уныніе осажденных; они объявили о подкопахъ, веденныхъ подъ крѣпость, и о скоромъ прибытіи Пугачева. Устрашенный Симоновъ велѣлъ всюду производить новыя работы; около его дома безпрестанно пробовали землю буравами; стали копать новый ровъ. Люди, изнуренные тяжелою работою, почти не спали; ночью половина гарнизона всегда стояла въ ружь; другой позволено было только сидя дремать. Лазаретъ наполнился больными; съѣстныхъ запасовъ оставалось не болѣе какъ дней на десять. Солдатамъ начали выдавать въ сутки только по четыре фунта муки, то есть, десятую часть мѣры обыкновенной. Не было уже ни крупъ, ни соли. Вскипятивъ артельный котелъ воды, и забѣлявъ ее мукою, каждый выпивалъ чашку свою, что и составляло ихъ насущную пищу. Женщины не могли болѣе вы

терпявать голода; онѣ стали проситься вонъ изъ крѣпости, что и было имъ позволено: нѣсколько слабыхъ и больныхъ солдатъ вышелъ за ними; но бунтовщики какъ не приняли, а женщинъ, продержавъ одну ночь подъ карауломъ, прогнали обратно въ крѣпость, требуя выдачи своихъ сообщниковъ, и обѣщаясь за то принять и прокормить высланныхъ. Симоновъ на то не согласился, опасаясь умножить число враговъ. Голодъ часъ-отъ-часу становился ужаснѣе. Лошадиного мяса, раздававшася на вѣсь, уже не было. Стали ѣсть кошекъ и собакъ. Въ началѣ осады, мѣсяца за три до сего, брошены были на ледъ убитыя лошади; о нихъ вспомнили, и люди съ жадностью грызли кости, объеденныя собаками. Наконецъ и сей запасъ истощился. Стали изобрѣтать новые способы къ пропитанію. Нашли родъ глины, отменно мягкой и безъ примѣси песку. Попробовали ее сварить, и составъ изъ нея какой-то кисель, стали употреблять въ пищу. Солдаты совсѣмъ обезсиляли. Нѣкоторые не могли ходить. Дети больныхъ матерей чахли и умирали. Женщины нѣсколько разъ покушались тронуть мятежниковъ, и валяясь въ ихъ ногахъ, умоляли о позволеніи остаться въ городѣ. Ихъ отгоняли съ прежними требованіями. Однѣ казачки были приняты. Ожидаемой помощи не приходило. Осажденные отлагали свою надежду со дня на день, съ недѣли на другую. Бунтовщики кричали гарнизону, что войска правительства разбиты, что Оренбургъ, Уфа и Казань уже преклонились самозванцу, что онъ скоро придетъ къ Яицкому городку, и что тогда ужъ пощады не будетъ. Въ случаѣ покорности, обѣщали они отъ его имени не только помилованіе, но и награды. То же старались они внушить и бѣднымъ женщинамъ, которыя просились изъ крѣпости въ городъ. Начальникамъ невозможно было обнадеживать осажденных скорымъ прибытіемъ помощи, ибо никто не могъ ужъ и слышать о томъ безъ негодованія: такъ ожесточены были сердца долгимъ, напраснымъ ожиданіемъ! Старались удержать гарнизонъ въ вѣрности и повиновеніи, повторяя, что позорною измѣною никто не спасется отъ гибели, что бунтовщики, озлобленные долговременнымъ сопротивленіемъ, не пощадятъ и клятвопреступниковъ. Старались возбудить въ душѣ несчаст-

ныкъ надежду на Бога Всемогущаго и Всевидящаго, и ободренные страдальцы повторяли, что лучше предать себя волю Его нежели служить разбойнику, и во все время бѣдственной осады, кромѣ двухъ или трехъ человекъ, изъ крѣпости бѣглыхъ не было.

«Наступила страстная недѣля. Осажденные питались одною глиною уже пятнадцатый день. Никто не хотѣлъ умереть голодною смертью. Рѣшились всѣ до одного, кромѣ совершенно взнеможенныхъ, идти на послѣднюю вылазку. Не надѣялись побѣдить,—бунтовщики такъ укрѣпились, что уже ни съ какой стороны къ нимъ изъ крѣпости приступа не было, — хотѣли только умереть честною смертію воиновъ.

«Во вторникъ, въ день, назначенный къ вылазкѣ, часовые, поставленные на кроватъ соборной церкви, примѣтили, что бунтовщики въ смятеніи бѣжали по городу, прощаясь между собою, соединились и толпами вывѣжали въ степь. Казачьи провожали ихъ. Осажденные догадывались о чемъ-то необыкновенномъ, и предались опять надеждѣ. «Все это насъ такъ ободрило», говоритъ свидѣтель осады, претерпѣвшій весь ся ужасъ, «какъ-будто мы съѣли по куску хлѣба.» Мало-по-малу смятеніе утихло; все, казалось, вошло въ обыкновенный порядокъ. Уныніе овладѣло осажденными лучше прежняго. Они молча глядѣли въ степь, отколѣ ожидали еще недавно избавителей. Вдругъ, въ пятомъ часу по полудни, вдали показалась пыль, и они увидѣли толпы безъ порядка скачущія изъ-за роши одна за другою. Бунтовщики вѣвѣжали въ разные ворота, каждый въ тѣ, близъ коихъ находился его домъ. Осажденные понимали, что мятежники разбиты и бѣгутъ; но еще не смѣли радоваться; опасались отчаяннаго приступа. Жители бѣжали взадъ и впередъ по улицамъ, какъ на пожаръ. Къ вечеру ударили въ соборной колоколъ, собрали кругъ, потомъ кучею пошли къ крѣпости. Осажденные готовились ихъ отразить, но увидѣли, что они ведутъ связанныхъ своихъ предводителей, атамановъ Каргина и Толкачева. Бунтовщики приближались, громко моля о помилованіи. Симоновъ принялъ ихъ, самъ не вѣря своему избавленію. Гарнизонъ бросился на ковриги хлѣба, нанесенныя жителями. До Свѣтлаго Воскресенія, пишеть очевидецъ, оставалось еще четыре дня, но для насъ уже

этотъ день былъ свѣтлымъ праздникомъ. Самые тѣ, которые отъ слабости и болѣзни не подымались съ постели, мгновенно были исцѣлены. Все въ крѣпости было въ движеніи, благодарили Бога, поздравляли другъ друга; во всю ночь никто не спалъ. Жители увѣдомили осажденныхъ объ освобожденіи Оренбурга и о скоромъ прибытіи Мансурова. Семнадцатаго апрѣля прибылъ Мансуровъ. Ворота крѣпости, запертыя и заваленныя съ самаго тридцатаго декабря, отворились. Мансуровъ принялъ начальство надъ городомъ. Начальники бунта, Каргинъ, Толкачевъ и Горшковъ, и незаконная жена самозванца, Устинья Кузнецова, были подъ стражею отправлены въ Оренбургъ.»

Съ того времени мятежъ и поприще войны перенеслись на Волгу. Почти nepocтижимо, до какой степени въ Пугачевъ, простомъ, безграмотномъ казакъ, вдругъ развились воинскія дарованія. При первомъ извѣстіи о приближеніи Голицына, самозванецъ оставляетъ Яицкъ и Оренбургъ, и летитъ къ Татищевой Крѣпости, которую самъ разорилъ въ предъидущемъ году. «Сгорѣвшія деревянныя укрѣпленія,» говоритъ авторъ, «мигомъ замѣнены снѣговыми. Распоряженія Пугачева удивили князя Голицына, который не ожидалъ отъ него такихъ свѣдѣній въ военномъ искусствѣ.» Со времени побѣга своего на Волгу, непрерывно разбиваемый Михельсономъ, онъ черезъ нѣсколько дней опять являлся предводителемъ сильнаго и стройнаго отряда. Однажды Михельсонъ, вдругъ увидѣвъ передъ собою войско Пугачева, не могъ вообразить, чтобъ это были остатки сволочи, разсыпанной наканунѣ, и принялъ его, какъ самъ говоритъ въ донесеніи, «за корпусъ генерал-маіора Декалонга.» Признаться, и мы не можемъ вообразить, какъ происходили эти превращенія, которыя уже выходятъ изъ предѣловъ дарованій и довольно похожи на волшебство. Должно полагать, что авторъ не имѣлъ достаточно данныхъ для того

чтобы объяснить ихъ. Мы приведемъ свидѣнія, представляемая исторіею бунта, объ устройствѣ силъ самозванца и картину главной его квартиры въ ноябрь, 1774.

«Войско его состояло уже изъ двадцати пяти тысячъ; ядромъ были Яицкіе казаки, и солдаты, захваченные по кровопостямъ; но около ихъ скоплялось неимовѣрное (25,000) множество Татаръ, Башкирцевъ, Калмыковъ, бунтующихъ крестьянъ, бѣглыхъ каторжниковъ и бродягъ всякаго рода. Вся эта сволочь была кое-какъ вооружена, кто копьемъ, кто пистолетомъ, кто офицерскою шпагой. Инымъ розданы были штыки, паткнутые на длинныя палки; другіе носили дубины; большая часть не имѣла ни какого оружія. Войско раздѣлено было на полки, состоящіе изъ пяти-сотъ чело-вѣкъ. Жалованье получали одни Яицкіе казаки; прочіе довольствовались грабежемъ. Вино продавалось *отъ казны*. Корни и лошадей доставали отъ Башкирцевъ. За побѣгъ объявлена была смертная казнь. Десятникъ головою отвѣчалъ за своего бѣглеца. Учреждены были частныя разъезды и караулы. Пугачевъ строго наблюдалъ за ихъ исправностію, самъ ихъ объезжая, иногда и ночью. Ученія, особенно артиллерійскія, происходили почти всякой день. Церковная служба отправлялась ежедневно. На ектеніи поминали Государя Петра Ѳеодоровича и Супругу Его, Государыню Екатерину Алексѣевну. Пугачевъ, будучи раскольниковъ, въ церковь никогда не ходилъ. Когда ѣздилъ онъ по базару, или по Бердскимъ улицамъ, то всегда бросалъ въ народъ мѣдными деньгами. Судъ и расправу давалъ сидя въ креслахъ передъ своею избою. По бокамъ его сидѣли два казака, одинъ съ булавою, другой съ серебрянымъ топоромъ. Подходящіе къ нему, кланялись въ землю, и перекрестясь, цѣловали его руку. Бердская слобода была вертепомъ убійствъ и распутства, Лагерь полонъ былъ офицерскихъ женъ и дочерей, отданныхъ на поруганіе разбойникамъ. Казни происходили каждый день. Овраги около Берды были завалены трупами разстрѣленныхъ, удушенныхъ, четвертованныхъ страдалцевъ. Шайки разбойниковъ устремлялись во всѣ стороны, пьянствуя по оленіямъ, грабя казну и достояніе дво-

ряня, но не касаясь крестьянской собственности. Сельчичи подъезжали къ рогаткам Оренбургскимъ; иные, пачкнувъ шапку на копье, кричали: «Господа казаки! пора вамъ одуматься и служить Государю Петру Феодоровичу.» Другіе звали казаковъ къ себѣ въ гости, говоря: «У нашего батюшки вина много!» Изъ города противу нихъ выѣзжали павздники, и завязывали перестрѣлки иногда довольно жаркія. Нерѣдко самъ Пугачевъ являлся тутъ же, хвастая молодечествомъ. Однажды прискакалъ онъ, пьяный, потерявъ шапку и шатаясь на сѣдлѣ, — и едва не попался въ плѣнъ. Казаки спасли его и утащили, подхвативъ его лошадь подъ устцы.»

Характеръ этого грубаго изверга представляетъ весьма странную смѣсь неслыханной природной жестокости и мгновенныхъ проблесковъ чувства. По взятіи Ильинской крѣпости, гдѣ погибъ маіоръ Заевъ, почти всѣ его офицеры и двѣсти солдатъ, мятежники потянули остальныхъ въ ближнюю Татарскую деревню.

«Плѣнные солдаты приведены были противъ заряженной пушки. Пугачевъ, въ красномъ казацкомъ платьѣ, прѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи Хлопуши. При его появленіи солдаты были поставлены на козла. Онъ сказалъ имъ: «Прощаетъ васъ Богъ и я, вашъ Государь Петръ III, Императоръ. Вставайте!» Потомъ велѣлъ оборотить пушку и выпалить въ стѣну. Ему представили капитана Камешкова и прапорщика Воронова. Исторія должна сохранить эти смиренныя имена. — За чѣмъ вы шли на меня, на вашего Государя? спросилъ побѣдитель. — «Ты намъ не Государь,» отвѣчали плѣнники: «у насъ въ Россіи Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна и Государь Цесаревичъ Павелъ Петровичъ; а ты воръ и самозванецъ.» Они тутъ же были повѣшены. Потомъ привели капитана Башарина: Пугачевъ не сказалъ уже ему ни слова, велѣлъ было вѣшать и его. Но взятые въ плѣнъ солдаты стали за него просить. «Коли онъ былъ до васъ добръ,» сказали самозванецъ, «то я его прощаю.» И велѣлъ его, такъ же, какъ и солдатъ, остричь по-казацки.»

Въ Казани привели къ нему реформатскаго пастора. Разбойникъ узналъ въ немъ того самого сострадательнаго человека, который прежде давалъ ему милостыню, когда онъ ходилъ въ оковахъ по улицамъ Казани, ожидая утвержденія приговора къ кнуту и каторгѣ за воровство и убійства. Онъ не только пощадилъ жизнь его, но еще посадилъ его на коня, пожаловалъ въ свои волковники, и увелъ съ собою. Пасторъ едва черезъ нѣсколько дней успѣлъ отдалиться отъ его благодарности и возвратиться въ Казань. Но подлѣ этой черты благодарности, гдѣ онъ забывалъ даже принятое на себя званіе, должно тотчасъ поставить двѣ противоположныя черты, — одну истинно Турецкаго коварства въ мести, когда онъ велѣлъ тайно задушить своего вѣрнаго пріятеля, Лысова, съ которымъ поссорился напьянъ; потомъ примирился и шелъ дружески еще за нѣсколько часовъ до его казни, — другую холоднаго и насмѣшливаго зѣрства въ поступкѣ съ злополучнымъ астрономомъ Ловицемъ. Онъ нашелъ его на южной Волгѣ, и сталъ спрашивать, въ чемъ именно состоитъ званіе астронома, Ловицъ объяснилъ, что онъ, по званію своему, занимается исчисленіемъ звѣздъ. Пугачевъ, въ отвѣтъ, велѣлъ, повѣсить его «поближе къ звѣздамъ.»

Авторъ, въ приложеніяхъ къ первому тому, помѣстилъ отысканный имъ списокъ всѣхъ извѣстнѣйшихъ жертвъ свирѣпости этого злодѣя и его сообщниковъ.

Мы замѣтили между разсказываемыми подробностями событія два анекдота, относящіеся къ юности знаменитаго Державина, и выпишемъ ихъ здѣсь, не смотря на разительное несходство ихъ между собою. Въ первомъ случаѣ, обнаруживающемъ удивительную смѣлость и присутствіе духа, онъ былъ еще поручикомъ.

«Державинъ, начальствуя тремя фузелерными ротами, привелъ въ повиновеніе раскольниковъ селенія, находящіяся на берегахъ Иргиза и орды племенъ, кочующихъ между Янкомъ и Волгою. Узнавъ однажды, что множество народу собралось въ одной деревнѣ, съ намѣреніемъ итти служить у Пугачева, онъ пріѣхалъ съ двумя казаками прямо къ сборному мѣсту, и потребовалъ отъ народа объясненія. Двое изъ зачинщиковъ выступили изъ толпы, объявили ему свое намѣреніе, и начали къ нему приступать съ укорами и угрозами. Народъ уже готовъ былъ остервениться. Но Державинъ строго на нихъ прикрикнулъ, и велѣлъ своимъ казакамъ вѣшать обонхъ зачинщиковъ. Приказъ его былъ тотчасъ исполненъ, и сборище разбѣжалось.»

Спустя пять мѣсяцевъ Державинъ былъ уже поручикъ гвардіи.

«Узнавъ о взятіи Пензы, Саратовское начальство стало дѣлать свои распоряженія. Въ Саратовѣ находился тогда Державинъ. Онъ отряженъ былъ въ село Малыковку, чтобы оттуда пресѣчь дорогу Пугачеву въ случаѣ побѣга его на Иргизъ. Державинъ, извѣстясь о сношеніяхъ Пугачева съ Киргизъ-Кайсаками, успѣлъ отрѣзать ихъ отъ кочующихъ ордъ по рѣкамъ Узеньямъ, и намѣревался итти на освобожденіе Яицкаго городка; но былъ предупрежденъ генераломъ Мансуровымъ. Въ концѣ іюля прибылъ онъ въ Саратовъ, гдѣ чинъ гвардіи поручика, рѣзкій умъ и пылкій характеръ доставили ему важное вліяніе на общее мнѣніе.

«Перваго августа Державинъ, обще съ главнымъ судіею Конторы Опекунства колонистовъ, Лодыжинскимъ, потребовалъ Саратовскаго коменданта Бошняка, для совѣщанія о мѣрахъ, которыя должно было предпринять въ настоящихъ обстоятельствахъ. Державинъ утверждалъ, что около конторскихъ магазиновъ, внутри города, должно было сдѣлать укрѣпленія, перевезти туда казну, лодки на Волгѣ сжечь, по берегу разставить баттарей и итти навстрѣчу Пугачеву. Бошнякъ не соглашался оставить свою крѣпость, и хотѣлъ держаться за городомъ. Спорили, горячились, — и Державинъ, вышедъ изъ себя, предлагалъ арестовать коменданта. Бошнякъ остался непоколебимъ, повторяя, что онъ

взвращенной ему кривости и Божию церквей покинута на разхищеніе не чечетъ. Державинъ, оставивъ его, пріѣхалъ въ магистратъ, и предложилъ, чтобы все обывательское поголовно явились на земляную работу къ мѣсту, назначенному Лодыжинскимъ. Божнякъ жаловался, но никто его не слушалъ. Памятникомъ этихъ споровъ осталось извѣстное письмо Державина къ упрямому коменданту.

«Четвертаго августа узнали въ Саратовѣ, что Пугачевъ выступилъ изъ Пензы, и приближается къ Петровску. Державинъ потребовалъ отрядъ Донскихъ казаковъ, и пустился съ ними въ Петровскъ, что бы вывезти оттуда казну, порохъ и пушки. Но, подъѣзжая къ городу, услышалъ онъ колокольный звонъ, и увидѣлъ передовыя толпы мятежниковъ, вступающія въ городъ, и духовенство, вышедшее къ нимъ навстрѣчу съ образами и хлебомъ. Онъ повелъ впередъ съ есауломъ и двумя казаками, и вида, что болѣе дѣлать было нечего, пустился съ ними обратнo къ Саратову. Отрядъ его остался на дорогѣ, ожидая Пугачева. Самозванецъ въ немъ подъѣхалъ въ сопровожденіи своихъ сообщниковъ. Они приняли его, стоя на коленяхъ. Услышавъ отъ нихъ о гвардейскомъ офицерѣ, Пугачевъ тутъ же переменялъ лошадь, и взявъ въ руки дротикъ, самъ съ четырьмя казаками поскакалъ за нимъ въ погоню. Одинъ изъ казаковъ, сопровождавшихъ Державина, былъ заколотъ Пугачевымъ. Державинъ успѣлъ добраться до Саратова, откуда на другой день выѣхалъ вмѣстѣ съ Лодыжинскимъ, оставивъ защиту города на попеченіе осмѣяннаго имъ Бошняка.»

Мы желали бъ еще предложить нашимъ читателямъ прекрасное своей простотою и живостью описаніе бѣдствія Казани, взятой мятежниками, но боимся, чтобы, умножая выписки, не исчерпать всего сочиненія, и заключимъ ихъ допросомъ пойманнаго Пугачева, въ Симбирскѣ:

«Пугачева привезли прямо на дворъ къ графу Панину, который встрѣтилъ его на крыльцѣ, окруженный своимъ штабомъ. — Кто ты таковъ? спросилъ онъ у самозванца. —

«Емельянъ Ивановъ Пугачевъ,» отвѣчалъ тотъ. — Какъ же смѣлъ ты, воръ, назваться Государемъ? продолжалъ Панинъ. — «Я не воронъ,» возразилъ Пугачевъ, играя словами, и изъясняясь, по своему обыкновенію, иносказательно: «я вороненокъ, а воронъ-то еще летаетъ.»—Надобно знать, что Яцкіе бунтовщики, въ опроверженіе общей молвы, распространили слухъ, что между ними дѣйствительно находился нѣкто Пугачевъ, но что онъ съ Государемъ Петромъ III, ими предводительствующимъ, ничего общаго не имѣетъ. Панинъ, замѣтивъ, что дерзость Пугачева поразила народъ, столпившійся около двора, ударилъ самозванца по лицу до крови, и вырвалъ у него клокъ бороды. Пугачевъ сталъ на колѣна, и просилъ помилованія.»

Мы нашли въ «Исторіи Пугачевского бунта» слишкомъ много любопытнаго и занимательнаго, чтобъ за удовольствіе, доставленное намъ и нашимъ читателямъ заплатить ея сочинителю, неблагодарностью, упреками; и только мимоходомъ изъяснимъ наше сожалѣніе о нѣкоторыхъ неправильностяхъ языка и небрежностяхъ слога, оставшихся случайно подъ перомъ автора и забытыхъ его внимательностью. Кому жъ и учить насъ образцовой чистотъ Русскаго языка и изящности выраженій, если не автору «Исторіи Пугачевского бунта»?

=

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЬТОПИСЬ.

А П Р Ъ Л Ъ , 1 8 3 5 .

Н О В Ы Я Л И Т Е Р .

=

1. Поэмы и Повѣсти Александра Пушкина. *Часть первая. С.-Петербургъ, въ тип. Восковой, 1835, въ-8, стр. 232.*

2. Сочиненія Карамзина. Изданіе четвертое. *СП.-бургъ, въ тип. Смирдина, 1834-1835, въ 12. Девять томовъ, стр. 261-178-193-205-252-249-294-231-281.*

Мы уже имѣли удовольствіе извѣстить нашихъ читателей, что эти два изданія приготавливаются нашимъ неутомимымъ А. Ф. Смирдинымъ; теперь можемъ еще прибавить, что они прекрасны.

Четвертое изданіе сочиненій Карамзина свидѣтельствуетъ, что вкусъ публики не перестаетъ отдавать должной даніи удивленія классическому писателю нашей Словесности. И они всегда будутъ составлять основаніе пріятнаго чтенія.

Изданію «Поэмъ и Повѣстей» А. С. Пушкина мы предсказываемъ большой успѣхъ. Оно отличается особенною изящностью и весьма умеренною цѣною. Творенія знаменитаго нашего поэта, до-сихъ-поръ разсыпаны по брошюрамъ, были нестерпимо дороги для собирателей. Теперь они представляются въ цѣломъ, и доступны всякому. Въ этой первой части заключаются — «Русланъ и Людмила», «Кавказскій пѣвнникъ» и «Бакчисарайскій фонтанъ.»

Ижорскій. *Мистерія. СП.-бургъ, въ тип. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1835, въ-8., стр. X-151.*

«Ижорскій» писался долго. Льтъ десять назадъ, мы читали отрывки изъ него, подававшіе большія надежды. Мы

Т. X. — Отд. VI.

174

думали тогда, что въ Ижорскомъ найдемъ Русскаго Манфреда, не по формѣ только, но по идѣ; мы думали увидать со-временемъ произведеніе оригинальное, съ новымъ взглядомъ на предметы, избитые стихотворцами, писанное перомъ пламеннымъ, неподражающимъ, богатымъ роскошью поэтическихъ мыслей и свѣжихъ чувствованій.

Теперь не время еще говорить, до какой степени сбылись наши ожиданія: «Ижорскій» изданъ, кажется, безъ конца. Мы такъ думаемъ, — во-первыхъ потому, что самъ авторъ говоритъ въ предисловіи о слѣдующей части, а во-вторыхъ потому, что въ послѣдней сценѣ, Ижорскій не умираетъ; онъ только падаетъ безъ чувствъ, и Добрый Духъ говоритъ, что «грѣшный человекъ спасется». Все это заставляетъ насъ надѣяться, что будетъ еще часть. Въ предисловіи авторъ чистосердечно разсказываетъ, что онъ подражалъ не Шекспиру и его послѣдователямъ, Шиллеру и Гёте, но аллегорическимъ игрищамъ Ганса Сакса, Братій Страстей Господнихъ, Англійскихъ менестрелей, Нѣмецкихъ мейстер-зенгеровъ, и, если угодно охотникамъ до именъ болѣе громкихъ, Кальдероновымъ sacramentales. Поэтому Ижорскій названъ мистеріею. Далѣе авторъ пишетъ въ предисловіи:

«Нынѣ при общемъ движеніи въ литературахъ всѣхъ языковъ Европейскихъ, при движеніи, которое оживляетъ всякаго, создающаго мыслью за ходомъ вѣка своего, что большая народность, большая живость, большая ответственность современнымъ понятіямъ будутъ плодами *онаго*, нынѣ, кажется, можно было бы воскресить и Мистеріи, родъ драматической поэзіи, по нашему мнѣнію, не заслуживающей совершеннаго забвенія. Шекспиръ безъ-сомнѣнія величайшій изъ романтиковъ; но Сервантесъ, Лопе(са) де Вега, Кальдеронъ, Морето, самый Гансъ Саксъ, — мужи, которые имѣютъ неоспоримыя, великія права на тщательное изученіе стихотворцевъ нашего поколѣнія. Есть истинны или забытыя или слишкомъ мало еще оцененныя, истинны, которыя весьма бы желательно представить въ разительномъ видѣ не только уму, но, такъ сказать, самымъ очамъ людей мыслящихъ; а *сею* достигнуть иначе нельзя, какъ посредствомъ формы драматической. Вотъ, чего желали первые сочинители Мистерій; вотъ къ чему стремились и мы при сочиненіи Ижорскаго. Одна главная мысль господствуетъ въ нашей драмѣ: эта мысль уже изложена въ *сей* первой части, а во второй будетъ развита еще болѣе. Недоумѣніе читателей насчетъ этой основной мысли, — вотъ единственная критика, къ которой мы были бы чувствительны. Высказать здѣсь мысль *сію* было бы

« лишнимъ, ибо если сами читатели ее не отгадаютъ, мы трудъ свой « должны считатьъ неудавшимся. »

На это можно замѣтить, что во всякомъ изящномъ произведеніи господствуетъ одна основная мысль, — идея, отъ которой рождается все произведеніе. Эта основная идея не есть принадлежность одной драмы, а коренное правило всякаго искусства: изящное произведеніе — не что иное, какъ развитіе данной идеи. Между-тѣмъ авторъ можетъ быть чрезвычайно « чувствителенъ » къ нашей критикѣ, потому что по-сю-пору мы находимся въ совершенномъ « недоумѣніи насчетъ основной мысли » его творенія. Отъ какой идеи родился « Ижорской », теперь, по первой части, отгадать трудно, — именно потому, что онъ, опять судя по той же первой части, зачать не въ слѣдствіе одной идеи. Надобно подождать второй половины, для разрѣшенія вопроса.

До-сихъ-поръ, « Ижорскій » похожъ на діатрибу противъ жизни. Онъ ведетъ атаку на все, что можетъ радовать, услаждать, веселить, счастливить человека. Нѣкоторые пункты этой, въ цѣломъ несправедливой, жалобы писаны съ талантомъ замѣчательнымъ, съ чувствомъ неподдѣльнымъ, съ скорбію непритворною. Только глубоко оскорбленное сердце могло бросить такой взглядъ на жизнь и превратить наслажденія въ отраву, радости въ томленіе, красоты въ безобразіе, сильное вести къ отчаянію. Авторъ такъ мало вѣритъ въ хорошее на свѣтъ, что онъ, кажется, готовъ усумниться въ собственномъ своемъ талантѣ.

Несмотря на многосложность происшествій и дѣйствій, созданіе Ижорскаго очень просто. Кикимора и Шишимора, два героя Русской демонологіи, поссорились. Ночь; пустынное мѣсто; перекрестокъ, лѣсъ, кладбище; вдали волнуется море; луна пробѣгаетъ тучи; сова, глашатай Буки, зоветъ все его царство.

сова (сидя на пняхъ надъ курганомъ).

Крикъ призывный, крикъ совы:

Духъ, собрался ли вы

Въ часъ волшебный предъ разсвѣтомъ

На холмъ въ туманъ одѣтомъ?

МЕРТВЕЦЫ.

Мы слышали твой зовъ:
 Мы подъялись изъ гробовъ
 Тамъ изъ подъ дубовъ и липокъ,
 Рой безпятыхъ, рой Антипокъ.

ВЛАДЯЩИЕ ОГНИ.

Рой подводныхъ плясуновъ,
 Мы слышали твой зовъ
 Тамъ надъ радугой болота,
 Среди зеленыхъ, влажныхъ мховъ.
 Что? какая намъ работа?

РУСАЛКИ.

Мы при мѣсячныхъ лучахъ
 Раскачались на древахъ,
 Хохотливыя Русалки:
 Вдругъ слышали твой зовъ,
 Голосъ твой смѣшной и жалкой,
 И примчались изъ лѣсовъ.

ЛѢШИЕ.

Ель, сосна не выше лѣшихъ,
 Намъ въ травѣ равна трава:
 Что прикажешь намъ, сова?
 Мы заводимъ въ тину пѣшихъ,
 Мы обходимъ вздоковъ:
 Мы слышали твой зовъ

ДОМОВЫЕ.

На грудяхъ, какъ лебедь, бѣлыхъ,
 Чистыхъ, будто первый свѣтъ,
 Юныхъ вдовъ и дѣвъ созрѣлыхъ
 Мы избрали свой ночлегъ;
 Тамъ мы на грудяхъ сидѣли,
 Зовъ слышали, — слетѣли!

СИЛЬФЫ.

Сильфы мы: мы отъ высоты,
 Гдѣ безъ скорби, безъ заботъ
 И рѣзвились и кружились,
 На лучахъ луны спустились.

ГНОМЫ.

Блескъ несносный, свѣтъ дневной
 Ненавидать наши очи;
 Мы жильцы подземной ночи:
 Вверхъ мы вызваны совою.

ОДИНЫ.

Домъ нашъ въ глубинахъ пучины:
 Но на берегъ вышли мы
 Изъ рѣчной, прохладной тьмы,
 Сладкогласныя Одины.

САЛАМАНДРЫ.

Мы жъ купаемся въ огнь;
 Любимъ мы и трескъ и пламень;
 Съ дымомъ въемя къ вышнимъ,
 Растопляемъ мѣдъ и камень:
 Совушка, сова изъ совъ,
 Мы услышали твой зовъ!

ВСѢ.

Совушка, сова изъ совъ,
 Мы услышали твой зовъ!

СОВА.

Сюда васъ звать велѣлъ великій Бука:
 Судить онъ хочетъ двухъ ослушниковъ-духовъ;
 Надъ ними приговоръ да будетъ вамъ наука!
 Не знаю, превратить ли ихъ въ волость,
 Ихъ человеку предоставить,
 И грудь земли орать заставить,
 Или же обернуть въ почтовыхъ лошадей,
 Или въ крехтящихъ стихотворцевъ,
 Или въ дрожащихъ царедворцевъ,
 Или въ игралице дѣтей,
 Жуковъ, привязанныхъ ногою къ веткѣ;
 А только знаю, ихъ осудить къ страшной пыткѣ.»

Потомъ Бука, огромная обязына, подымается изъ-подъ земли въ большихъ креслахъ, обитыхъ алымъ бархатомъ, и въ большомъ старинномъ парикѣ. Происходить судъ. Въ наказаніе, Бука велитъ Кикиморъ и Шишиморъ быть въ услуженіи Ижорскаго. Они служатъ Ижорскому тѣмъ, что Кикимора убиваетъ его нравственно, а Шишимора доводитъ до всѣхъ возможныхъ преступленій. Отъ этого Ижорскій лишень собственного характера: онъ игрушка двухъ властей, мячикъ, бросаемый отъ предмета къ предмету, отъ преступленія къ преступленію. Вся мистерія движется отъ этихъ двухъ духовъ. Авторъ нарисовалъ имъ характеры по собственному понятію, а не по общепринятымъ на Руси повѣрьямъ. Вотъ Кикимора:

• На свзой стрекозъ верхомъ
 Летить Кикимора забавный;
 Онъ витязь, онъ наездникъ славный:
 Цвѣтъ колокольчика шеломи,
 Броня ему — кольчуга рака,
 А плащъ — листокъ багровый мака;
 Понтъ онъ пьяницу виномъ,
 Толкаетъ подъ бокъ забилку,
 Съ женою мужа вводитъ въ драку;
 Катясь, кружась кубаремъ,
 Сшибаетъ съ ногъ двинцъ спѣсивыхъ;
 Рогами красить лобъ ревнивыхъ:
 Его блаженство шумъ и громъ. •

Отдавая справедливость игривости этой фантазии, мы не можемъ умолчать, что Русскій мужичекъ, воспитанный въ настоящихъ преданіяхъ народнаго суевѣрія, сказалъ бы незапинаясь, что Кикимора совсѣмъ не то. Кикимора — злой человекъ, много нагрѣшившій въ жизни, котораго «земля не принимаетъ» (технической терминъ); онъ не находитъ покоя въ сырой землѣ, и во время ночи, до пѣтуховъ, принимая образъ человекъ, таскается по свѣту и сосетъ человѣческую кровь, когда находитъ къ тому случай. Поэтому Кикимора у насъ совершенно то же что у Малороссіянъ и Сербовъ *упырь*, у Поляковъ *upióg*, у Англичанъ и Французовъ *vampire*; и если нѣкоторые изъ нашихъ поэтовъ не могли подобрать Русскаго слова для выраженія понятія о вампирахъ, это еще не значить, чтобы у насъ его не существовало, — это значить только, что наши народныя повѣрія недостаточно были имъ извѣстны. То же и съ Шишяморой. Духи покоютъ:

ПЕРВЫЙ ДУХЪ.

• Ужъ луга и нивы пусты,
 Пахарь въ хижинѣ храпнть....
 Братцы, что за важный видъ!
 На большомъ листъ капусты
 Вонъ Шишямора летить;
 На коврѣ на самолетъ
 Хитрый козновѣй сидить;
 Полночь близко; онъ къ работѣ,
 Къ чернымъ радостямъ сплзнить.

ВТОРОЙ ДУХЪ.

Крада пауковъ добычу,
 Онъ высасываетъ мухъ;
 Розгой на красу дѣвичью
 Ворушаетъ злыхъ старухъ:
 Въ садъ ли лазить кто ршится
 Къ милой въ ночь черезъ заборъ?
 Вдругъ Шишимора примчится,
 Свистнетъ, весь подниметъ дворъ,
 Всѣхъ напуститъ на дѣтину,
 Дворнику подастъ дубнау,
 Псовъ разбудитъ, — стукъ и вой!
 И съ разодранной шинелью
 И съ разбитой головой,
 Путь къ опасному веселью,
 Обтирая кровь и потъ,
 Страстный витязъ проклянетъ!

Изъ этого пѣнія духовъ видно, что Кикимора то же что Шишимора; однако жъ, въ преданіи, между ними большая разница. Шишимора ниже Кикиморы: онъ просто плутъ, оставшійся плутомъ и послѣ смерти, со способностью посягать землю и людей во время ночи. Если бъ авторъ придерживался народнаго преданія, два главные героя его новѣсти не были бы между собою такъ схожи. Впрочемъ, характеры, данные имъ авторомъ, выдержаны превосходно.

Воздерживаясь отъ сужденія о достоинствѣ цѣлаго до появленія конца этой поэмы, не можемъ однако не признаться, что выходки противъ журналиста, худо принявшаго первые отрывки изъ «Ижорскаго», кажутся намъ излишними, неумѣстными въ драмѣ и, что всего пагубнѣе, не остроумными. Невсѣ знаютъ и помнятъ прежнихъ критиковъ, — многіе даже рады не знать ихъ: какой же интересъ читать или слушать про вѣщи, давнымъ-давно забытыя? Въ предисловіи, авторъ обѣщаетъ употреблять иронию: мы удивились столь странному признанію! Кто говорить о своихъ словахъ — это иронія!, тотъ отнимаетъ у нихъ всю иронию, которая живетъ только за занавѣсомъ и извѣщаетъ о своемъ присутствіи тонкимъ сарказмомъ, происходящимъ незнаешь откуда. Обнаруженная иронія ту же минуту превращается въ грубость. Вѣроятно этому объявленію долж-

но приписать то обстоятельство, что мы не отыскали, въ поэмѣ, проиши, обѣщанной въ предисловіи, и вмѣсто ея нашли только выходки. За всѣмъ тѣмъ, предисловіе обнаруживается въ авторѣ умнаго, образованнаго и веселаго человека: оно читалось бы съ истиннымъ удовольствіемъ, если бѣ ловкость и изящность слога содѣйствовали движениямъ игривой мысли; но сочинитель, который повидимому, съ фанатизмомъ, достойнымъ лучшихъ временъ, исповѣдуетъ веру *sego* и *онаго*, начинилъ все свои шутки этими свинцовыми мѣстоименіями, и оттого онѣ сдѣлались не весьма легкими. Играть *симъ* и *онимъ* — все равно что играть колодою: пѣть остроты, которой бы они вдругъ не раздавили своею мертвой тяжестью. Хотите быть живымъ въ рассказѣ? — рассказывайте живымъ языкомъ. Живеть — народъ, а не учебная книга; съ нимъ живеть языкъ, — и оба живутъ одной жизнью, — и эта жизнь есть источникъ всей живости въ рассказѣ. Хотите казаться шутливымъ помощію мертвой фразеологіи — то же, что хотите улыбаться смертию.

Басни Алексѣя Зилова. *Часть пятая. Москва, въ тил. Лазаревыхъ, 1835, въ-16., стр. 69.*

Между этими медвѣдями, собаками, пчелами, розами, свиньями, радугами, щуками, облаками, есть одна «Лошадь»:

«Въ крутую гору шель обозъ;
 Въ обозъ томъ лошадка прехудая,
 Разбитая, не молодая,
 Везла тяжелый возъ;
 Везла, везла, и вдругъ упала,
 Лишась послѣднихъ силъ;
 Подъ ней оглобля затрещала
 И на бокъ грузъ тельгу повалилъ.
 Безъ помощи она тутъ долго бѣ пролежала;
 Но, вотъ, товарищей хозяинъ попросилъ;
 Сошлись и разсуждаютъ,
 Какъ приподнять Пошла вокругъ воза суста!
 Конь, лежа, думать сталъ: «Какая доброта!
 «За тяжкіе труды меня не оставляютъ.»
 И вправду! возъ съ поклажей поднимаютъ,
 Коня изъ упряжи освобождаютъ,
 А чтобъ его поднять, — ну жарить въ три кнута!»

Авторъ хотѣлъ, кажется, сказать, что поэты—лошади, а критики, ть, которые упавшихъ лошадей поднимаютъ въ три кнута. Для насъ это все равно! мы лежачаго никогда не бьемъ.

Дитя поэзии. *Казань, въ тип. Университета, 1834, въ-8., стр. 111.*

Предисловіе этого дитяти такъ наивно, признанія такъ чистосердечны, оно такъ низко кланяется своему читателю, что у насъ не достааетъ сердца быть строгими къ «юнымъ мечтамъ» его. Представляя «первые, робкіе порывы своей стыдливой Музы», оно, сердечное, плачетъ горькими слезами и проситъ «не гнѣваться на погрѣшныя, невзвучныя, несвѣтлыя порывы своего поэтическаго сердца, ибо *правильность* и *вдохновеніе* принадлежать только *геніямъ*», а не ему; оно «лице молодое и уже блѣдное, задумчивое, увядшее въ скорбяхъ жизни»; оно училось въ университетѣ языкамъ «Нѣмецкому и Французскому, потомъ Латинскому, Италіянскому и Англійскому, и въ свободное отъ уроковъ время осмѣливалось излагать свои мысли въ стихахъ», и теперь, отъ этой смѣлости, «тусклыя его очи выражаютъ какое-то внутреннее безпокойство, какое-то страданіе; уста его, уставшіе просить у людей любви, дружбы, участія, безмолвствуютъ, и только въ рѣдкія свѣтлыя разочарованнаго (университетскимъ ученіемъ?) бытія высказываютъ стихами *мечту* всегда разнообразную, всегда счастливую, всегда юную.....» Какая милая простота! Какая губернская невинность! Что ни говорите, а въ наше время онѣ могутъ существовать только въ провинціи, — гдѣ ручеекъ шепчется съ юною травкою, — гдѣ бабочка роскошно качается на золотомъ цвѣточкѣ, — гдѣ стрекозы порхаютъ по бархату луговъ, гдѣ соловей учитъ рощу повторять свой звучный гимнъ любви, гдѣ корова въврънетъ чувства свои вътру обширнаго поля, увѣнчанный розами пастушокъ вздѣтъ верхомъ на вѣрной собацѣ Дамона, ворона каркаетъ на старомъ дубу, брадатый козелъ, идолъ прелестныхъ козъ, презрѣвши ихъ пламенныя ласки, прыгаетъ чрезъ плеть въ капусту..... Милое дитя! если ты еще не брѣешь бороды, прѣзжай къ намъ на палочкѣ: ты получишь отъ

насъ гостиница фунтъ конфетовъ, — особенно если будешь пай и впередъ станешь лучше учиться грамоты.

Новѣйшее собраніе романсовъ и пѣсенъ, *собранныхъ изъ лучшихъ авторовъ, — Карамзина, Жуковского, Пушкина, Веневитина, Бестужева, Ф. Глинки, Илличевского и прочихъ. Москва, въ тип. Селивановскаго, 1834, въ-16. Дѣль части, стр. 43 — 44.*

Выборъ пьесъ весьма неудаченъ, и не дѣлаетъ чести вкусу собирателя.

Досуги Инвалида. *Часть вторая, Поручикъ Любимецъ. Москва, въ тип. Селивановскаго, 1835, въ-12., стр. 275.*

Толкуйте людямъ, что бракъ по расчету, безъ любви, есть чистое, полное преступленіе, столь же достойное наказанія, какъ и прочія уголовныя преступленія; представляйте имъ эту истину въ романахъ и повѣстяхъ, рисуйте ее въ картинахъ, выводите ее на сцену въ драмахъ и водевиляхъ, — людямъ все равно. Они все-таки женятся на деньгахъ, по связямъ, по родству, изъ протекціи. Мы знаемъ одного, который изъ протекціи женился на старой тещѣ бѣднаго уѣздаваго учителя!

Г. Ушаковъ еще разъ попробовалъ дать имъ полезный урокъ: онъ написалъ прекрасную, занимательную повѣсть, въ которой выставилъ эту древнюю истину съ самой разительной стороны.

Встрѣтившись мыслию съ Г-жею Дюдеванъ, Г. Ушаковъ не употребилъ ни ея отвратительныхъ средствъ, ни ея ложныхъ красокъ. Онъ не громоздилъ преступленій на преступленія, небывальщинъ на невѣроятности; онъ выбралъ обыкновенный, очень обыкновенный случай семейной жизни, но тѣмъ болѣе разительный, что легко можетъ встрѣтиться въ нашемъ обществѣ. Мы жалеемъ только, что при повѣсти есть предисловіе, которое отнимаетъ у ней много занимательности. Прочитавши это предисловіе, или правильнѣе, вступленіе, напередъ можно догадаться о концѣ и предвидѣть развязку; и хотя частныя сцены все-еще не извѣстны, но онѣ не производятъ уже такого впечатлѣнія, когда

знаешь, тѣмъ рѣшится вся исторія. Мы советуемъ тѣмъ, которые возьмутъ въ руки это сочиненіе, не читать предисловія.

Намъ всего болѣе нравится въ «Любимцѣ» вѣрность и простота красокъ. Г. Ушаковъ обладаетъ замѣчательнымъ даромъ наблюденія; разглядывая его дѣйствующихъ лицъ, кажется, что ихъ часто встрѣчалъ въ Москвѣ, на Тверскомъ Булеварѣ или на Прѣсненскихъ Прудахъ, — такъ фнзіономіи ихъ живы, такъ вѣрны характеры; а нравы не могли бѣ отпистнуться выпукле и чище даже на свѣжѣмъ пряникѣ.

У почтеннѣйшаго инвалида есть тоже свой собственный слогъ для панегириковъ, свой способъ хвалить людей, достойныхъ похвалы: на какой-то страницѣ этой книги сказано — «Только дураки сердатся за критику: доказательствомъ тому баронъ Брамбеусъ, который никогда не сердится.»

«Досуги Инвалида» не прекратятся на второй части: если авторъ найдетъ свободное время, то издастъ еще нѣсколько повѣстей. И вотъ почему, прочитавъ эту вторую часть, всякъ пожелаетъ ему отъ души побольше свободнаго времени.

Сцены на морѣ. Сочиненіе Н. Давыдова. *СП.-бургъ, въ тип. Греча, 1835, въ-12., стр. 339.*

Г. Давыдову нельзя отказать въ любви къ морю. Присоединивъ къ ней еще талантъ, съ двумя этими качествами можно написать прекрасныя морскія сцены и познакомить насъ съ особеннымъ, оригинальнымъ характеромъ нашихъ моряковъ.

Но авторъ не простиралъ своихъ желаній такъ далеко: онъ хотѣлъ, — если мы понимаемъ его предисловіе, сдѣлать только пробу: «Читатель вѣроятно, прочтя мои «Сцены на морѣ», ожидаетъ познакомиться съ настоящимъ характеромъ Русскихъ моряковъ, съ ихъ *внѣшней* (?) жизнью? Нѣтъ! Положите мою книгу, не читайте ее. Это только прелюдія къ тому, чего вы ожидали отъ меня», — чего ожидали, прочтя, не правда ли?..... Но какъ это предисловіе выходитъ — прелюдія къ прелюдіи, то мы постигаемъ, отчего оно такъ наполнено фальшивыми нотами, такъ нестройно, больно для уха и смысла. Далѣе авторъ говоритъ, что, «издавая сію книгу, онъ подобенъ больному, принимающему лекар-

ство», и что оттого въ *сей* книгѣ «находится тысяча нелѣпостей и тысяча противорѣчій», — итого 2,000. Эти вещи завсегда лучше слагать вмѣстѣ и показывать общимъ итогомъ. Далѣе авторъ изъясняется сплошь по-Французски.

Такъ, согласно предваренію автора, *прочтя* «Сцены на морѣ», мы уже не станемъ *ожидать познакомиться* ни съ вывшею, ни съ внутреннею жизнію Русскихъ моряковъ, и если бѣ прочитали книгу съ такимъ намереніемъ, то можемъ не читать *ее*. Мы постараемся воспользоваться этимъ соизволеніемъ «потолику поколику сіе возможно», и о послѣдующемъ не преминемъ довести въ свое время. Между-тѣмъ мы очень сожалѣемъ, что авторъ не началъ играть свой концертъ безъ всякихъ прелюдій: собравшись лучше съ силами, обдумавъ тверже свои предметы, тщательнѣе воздѣлавъ свой слогу, онъ могъ бы доставить намъ хорошую книгу, потому что въ этой пробѣ есть отблескъ таланта. Нѣкоторыя страницы обнаруживаютъ въ немъ даръ наблюдательности; другія блестятъ горячимъ, молодымъ чувствомъ, которое, правда, увлекаетъ его часто на нѣсколько узловъ отъ предмета, — мы говоримъ морскимъ языкомъ. Вообще онъ еще не умѣетъ привести своей мысли къ вѣтру; паруса ея безпрестанно полощатся; рассказъ останавливается на всякомъ встречномъ, самомъ обыкновенномъ предметѣ, стараясь придать ему занимательность, которой онъ имѣть не можетъ. Эти отступленія, ничѣмъ не оправданныя, заслоняютъ собою дѣло и много вредятъ впечатлѣнію цѣлаго. Впрочемъ Г. Давыдовъ очень хорошо знаетъ за собою этотъ недостатокъ, и даже признается въ немъ въ своемъ эпилогѣ: «Винюсь предъ благоразумнымъ читателемъ во многомъ множествѣ плаксиво-поэтическихъ отступленій, пестрицкихъ морскія статьи мои. Въ оправданіе скажу — мнѣ двадцать одинъ годъ.» Хотя это оправданіе не совсемъ удовлетворительно, потому что книгу можно было издать и въ двадцать два года, но мы охотно его принимаемъ, и сверхъ-того надѣемся, что когда автору будетъ лѣтъ тридцать, онъ еще убѣдится, что вкусъ такъ же необходимъ на морѣ, какъ на сушѣ. Теперь, онъ еще не имѣлъ довольно времени для того, чтобы забыть наставленія своихъ учителей Словесности и свыкнуться съ красотами живаго, неводдѣль-

ного Русскаго языка, — языка употребительнаго въ свѣтъ: онъ принимаетъ еще макаронизмы за изящность слога. Намъ очень развеселилъ «глазь лейтенанта Бутенева». Мы имѣли удовольствіе знать Г. Бутенева, и очень хорошо помнимъ, что у него былъ *голосъ*, а не *глазь*. Употребленіе Церковно-Славянскихъ формъ слова внѣ духовныхъ сочиненій не можетъ быть одобрено чистымъ вкусомъ: тамъ онъ свойственны издремле принятому языку, тамъ онъ связаны съ важными преданіями, тамъ онъ напоминаютъ собою на священные предметы, которые облечены ими и которые въ этомъ таинственномъ облаченіи угвшали върующихъ въ теченіе девяти вѣковъ; здѣсь, въ Словесности, онъ просто формы другаго языка, не-Русскаго, звуки безъ преданія, прямые макаронизмы. *Ne misceantur sacra profanis!* Молодые сочинители могутъ смѣло следовать въ этомъ случаѣ примѣру Пушкина, поэта одареннаго, кромѣ вдохновенія, удивительнымъ вкусомъ и рѣдкою чувствительностью уха: онъ первый постигъ у насъ великое начало Европейскаго изящнаго, — что то, что смѣшно въ образованной бесѣдѣ, смѣшно и въ Словесности; онъ никогда не употребляетъ формъ Славянскихъ, развѣ въ крайней необходимости, будучи принужденъ къ тому размеромъ стиха, и, употребивъ, самъ считаетъ это за несправности, которыя слѣдовало бы настоящему набѣгнуть.

Кромѣ Славянскихъ, нашъ молодой авторъ очень любитъ еще слова Голландскія и Нѣмецкія. Какъ все описать вдругъ, онъ такъ же хочетъ и высказать разомъ все морскіе термины, которые ему известны, — во-несчастію ему известна ихъ бездна! Кто не бывалъ въ морѣ, тотъ долженъ читать книгу его, писанную по-Русски, — почти по-Русски, — съ лексикономъ въ рукахъ. А надобно знать Г. Давыдову, и всемъ пишущимъ у насъ подобныя сцены, что для сухонутныхъ читателей прелести морской жизни отнюдь не состоятъ въ морскихъ терминахъ. Да и то не худо вѣдать, что первый признакъ таланта въ Словесности — живописать предметы такъ, чтобъ каждый видѣлъ ихъ передъ собою, не будучи знакомъ ни лично съ ними, ни съ ихъ техническими названіями. Въ этомъ состоитъ живопись слова.

При всѣхъ этихъ недостаткахъ, одна изъ сценъ Г. Давы-
Т. X. — Отд. VI.

дова «Кадетъ Ловейковъ», замѣчательна по своему изложе- нію: она не похожа на другія сцены, въ которыхъ авторъ плаваеъ безъ компаса; она подаетъ очень хорошія надежды на развитіе его дарованія. Если молодой авторъ, послѣ этой пробы намѣренъ дѣйствительно приступить къ морскимъ карти- намъ, мы советуемъ ему принять себѣ въ образецъ Англий- скія этого рода сочиненія, — читать Tom Cringle's Log, Peter Simple, The cruise of the Midge, и тому подобныя. Одни Англичане умѣютъ писать морскія сцены.

Изданіе украшено картинками, на которыхъ художникъ сдѣлалъ съ своей стороны пробу рисованія кораблей, моря и неба, — даже пробу морскаго офицера. Желательно, чтобы ни тотъ ни другой не приглашали насъ впередъ на свои пробы.

ЧЕРНЫЙ ГРОБЪ, или КрОВАВАЯ ЗВѢЗДА, *послѣе XVIII вѣка. Сочиненіе Александра П-т-п-п-в-а. Москва, въ тип. Института Восточныхъ языковъ, 1835, въ-12. Три части, стр. 123—88—91.*

Черный гробъ или кровавая звезда, это совершенно одно и то же. Была ночь, прелестная, зимняя, генварская ночь, — мы говоримъ словами Г. П-т-п-п-т-п-т-п-ва, — была ночь, прелестная, зимняя, морозная, генварская. Мѣсяцъ бросалъ свои лучи на землю, покрытую свѣжимъ, чистымъ, преле- стнымъ снѣгомъ. Милліоны звездъ покрывали обширное, прелестное небо, и изрѣдка перелетали съ мѣста на мѣсто. Деревя, лишившіяся своего украшенія, зеленыхъ листьевъ, — потому что есть и голубые листья, но они вовсе не укра- шеніе для хорошихъ деревьевъ, — деревья были покрыты пре- лестнымъ вѣнемъ. Но всего удивительнѣе то, что, тогда какъ звезды перелетали съ мѣста, деревья отнюдь не пе- релетали, и «спокойно стояли на своихъ мѣстахъ», тамъ же, гдѣ были осенью. Г. П-т-п-т-п-п-т-п-п-т-въ полагаетъ, что это впрочемъ и оттого, что не было вѣтра. Ктому жъ природа была «окована цѣпью безмолвія», которая, какъ из- вѣстно очень крѣпка. Замѣьте, что Г. П-п-п-т-п-т-т-т-въ говоритъ здѣсь о «природѣ» въ тѣсномъ значеніи слова: такъ какъ филины и «лупоглазыя совы» собственно не принад- лежать къ природѣ, то они не были окованы этою цѣпью

и могли кричать, когда имъ было угодно. Въ долинь Чернаго Гроба, — или Кровавой Звезды, все равно, — былъ разложенъ прелестный костеръ, возлѣ котораго сидѣло и лежало довольное число разбойниковъ, отнюдь не столь прелестныхъ какъ зимняя, морозная, генварская ночь. Два изъ нихъ, — тѣ, которые не были окованы цѣпью безмолвія, — начали разговаривать между собою..... Да что и говорить!

Романъ очень хорошъ. Это знаетъ и самъ авторъ, Г. Т-п-п-т-п-п-т-т-въ. «Любезные соотечественники! изымайтесь онъ въ предисловіи: прочтите мое повѣрье со вниманіемъ, и вы найдете въ немъ болѣе прелестнаго, очаровательнаго, философскаго, нежели глупаго, что нынѣ въ «большемъ» (наше мѣсто свято) употребленіи. Au revoir!»

Adieu — безъ свиданія!

Атаманъ Буря, или *Волыница Заволжская. Рускій романъ изъ преданій старины. Москва, 1835, въ тип. Пономарева, въ-16. Три части, стр. 117—99—98.*

На оберткѣ первой части этого романа напечатано, что онъ стоитъ десять рублей; на оберткѣ второй части напечатано, что онъ стоитъ только семь; на оберткѣ третьей части напечатано, что онъ ничего не стоитъ. Авторъ спохватился только въ концѣ.

Повѣсти Александра Никитина. *Москва, въ тип. Степанова, 1835, въ-12. Двѣ части, стр. 107 и 84.*

Г. Александръ Никитинъ открылъ вѣрное средство «находить отраду для бѣднаго, печальнаго человека на чужбинѣ», — закурить трубку Американскаго табаку и взять стаканъ чаю въ гостинницѣ, — именно въ гостинницѣ. Къ этому Г. Никитинъ на слѣдующей страницѣ прибавляетъ еще очень дѣльное и важное замѣчаніе, — что не надобно забывать денегъ дома, чтобы не подвергнуться и обыкновеннымъ трактирнымъ увѣщаніямъ и насилію.» Для ясности, надобно было еще представить въ повѣстяхъ образцы трактирныхъ увѣщаній и трактирнаго насилія.

Въ этихъ повѣстяхъ часто встрѣчаются — трактиръ и на-

родность. О дуль ихъ можно сказать только то; что, по прочтении книги, надобно покурить въ комнату.

Могилы Марин, или притонъ подь Москвою. Русскій романъ съ картинками. правоеъ въ концѣ XVI вѣка. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1835, въ-16. Дѣль гаспи, стр. 130—89.

Въ июль мѣсяць 1598 года въ Москвѣ, ночью, шли въ одно время дождь и двое бояръ. Таково начало «Могилы». Этого быть не могло, несмотря на увѣренія автора. Русскіе бояре XVI столѣтія не имѣли обычая ходить на пирушки пѣшкомъ даже въ хорошую погоду, не только что въ проливной дождь.

Но отъ этого дожда сдѣлалась большая грязь, и ею-то написаны Русскій романъ и тѣ картины правоеъ XVI столѣтія, о которыхъ упоминается въ заглавіи.

Довмонтъ, князь Псковской, Историческій романъ XIII вѣка. Сочиненіе А. Андрѣева. Москва, въ тип. Степанова, 1835, въ-12. Дѣль гаспи, стр. II и 137—148 и III.

Вотъ еще одинъ! Это уже шестой.

Эта литература безъ дарованія, это масса мертвыхъ словъ безъ искры мысли и чувства, это отсутствіе простаго умения дать своей фразѣ форму опрятную и образованную, при-ведутъ хоть какого въ отчаяніе!

Скажите, Бога ради, кто покупаетъ эти романы? Для кого они пишутся? Изъ какой потехи ихъ сочинители или издатели тратятъ деньги на печать и бумагу?.... Для насъ это непостижимая загадка.

Въ прошломъ году мы слѣдовали правилу—ничего не говорить о сочиненіяхъ, незаслуживающихъ чтенія. Многие сочинители и читатели непремѣнно добивались того, чтобы о каждой книгѣ было что-нибудь сказано. Мы уступили требованію. Что жъ вышло? Цѣлыя страшицы упрековъ безъ пользы для Словесности, тлостныхъ для критика, прискорбныхъ для Русскаго. Сердце въ насъ раздирается, когда мы беремъ перо въ руки, чтобы опредѣлять мѣру достоинства этихъ безобразныхъ порожденій.

Притоны да разбойники! Вотъ вамъ наблюденіе нравовъ. И это изящное? это романы? это Словесность?... Хоть бы эти разбойники были похожи на разбойниковъ: а то и они такъ же безхарактерны, какъ самые романы. Впрочемъ, такъ и быть должно, когда описывается небывальщина! Князь Довмонтъ Г. Андреева воспитанъ дивнымъ образомъ: онъ дерется бутылками, кушаетъ чужіе обвды, и дѣлаетъ такіа штуки, которыя не войдутъ въ голову порядочнаго человека. Въ цѣломъ сочиненіи нѣтъ ни одного живаго характера, нѣтъ ни одной живой страницы. А какіе взгляды на Русь XIII вѣка! Ужъ лучше Г. Андреевъ не глядѣлъ бы.

Мы принуждены будемъ возвратиться къ прошлогодней нашей системѣ критики, для достоинства самого журнала, которой только теряетъ свой характеръ отъ отчетовъ о подобныхъ произведеніяхъ. Молчаніе будетъ утѣшительнѣе и для нашихъ читателей и для насъ самихъ,—да мы думаемъ, и для сочинителей.

Рахиль. Сочиненіе Евгениі Фoa. Переводъ съ Французскаго. Т.....ы П...с...нъ. Москва, въ тип. Степанова, 1834, аз-12., стр. 400.

Заглавіе обѣщаетъ только одну повѣсть, а сочинительница даритъ девять повѣстей, одна другой замысловатѣе, замѣлательнѣе, удачнѣе. Г-жа Евгения Фoa, кажется, очень любить Евреевъ; лучшія ея повѣсти заняты изъ жидовскихъ нравовъ. Она, какъ всѣ дамы писательницы, мастерски рисуетъ женскіе характеры, и умѣетъ выставлять ихъ съ самой выгодной и блестящей стороны. Даже преступницы, измѣнницы, въ ея произведеніяхъ, извинительны, и такъ милы, что, глядя на нихъ, невольно пожелаешь быть ихъ сообщникомъ.

Передпослѣдняя повѣсть, «Смоляная Маска», можетъ дать сюжетъ для самой ялачевной и трогательной мелодрамы въ новомъ вкусѣ. Тамъ есть всѣ элементы современной драмы, — любовь, убійство, скупость, дружба, могилы и маски. Рекомендуемъ ее Гг. передѣлателямъ Французскихъ мелодрамъ.

Повѣсти. Переводъ съ Нѣмецкаго. Казань, въ тип. Унив. университета, 1834, въ-8. Двѣ части. стр. 396 и 441.

Въ повѣстяхъ, переведенныхъ съ Нѣмецкаго, всу пудъ и девять фунтовъ, съ небольшимъ. Въ самыхъ трогательныхъ мѣстахъ, вдругъ занюютъ пальцы, и толстая книга валится изъ вашихъ рукъ на полъ, — что весьма прискорбно, потому что, какъ бы то ни было, въ ней есть одна порядочная повѣсть, «Прокаженный.»

Казанскіе писатели вспомнили наконецъ, что ихъ предки, Болгары, славились некогда щегольствомъ, — ходили въ сапогахъ, когда Русь ходила еще въ лаптяхъ, — и что въ память этого надобно издавать книги немножко опрятнѣе, нежели какъ доселѣ водилось въ Волжской Болгаріи. Это изданіе, въ сравненіи съ прежними Казанскими книгами, можетъ уже назваться изящнымъ.

Сказка о Щелкунѣ. *Сочиненіе Гофмана. Переводъ съ Нѣмецкаго. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1835, въ-16., стр. 173.*

Недавно мы читали, въ какой-то дѣтской книжкѣ, эту миленькую, смышленную сказку «передѣланною на Русскіе нравы». Теперь кто-то сжался надъ бѣднымъ Гофманомъ, — возвратилъ ему Нѣмецкій кафтанъ, который съ него содрали, перевелъ сказку вполнѣ, безъ искаженій, исправно, ясно, и издалъ опрятно, — три качества, рѣдкія въ дѣтскихъ книжкахъ.

Пещера смерти въ дремучемъ лѣсу. *Сочиненіе Г-жи Радклифъ. Англійское сочиненіе. Переводъ съ Французскаго Изданіе. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1835, въ-12., стр. 192.*

Этотъ Россійскій переводъ Англійскаго сочиненія съ Французскаго перевода — намъ старинный знакомецъ. Но, признаться, при встрѣчѣ, стыдно ему поклониться, — такъ онъ неопрятенъ, нечистъ и безобразенъ. Четвертое изданіе, не забудьте!..... На картинкѣ есть скелеть.

Повѣсти Блюменгагена. *Переводъ съ Нѣмецкаго Е. Глаголева. С. П-бургъ, въ тип. Д. Вильшней Торговли, 1835., въ-8., стр. 248.*

Стоило выдумывать столько запутанныхъ происшествій, не-

взрываютъ сцену, проливать столько слезъ и крови, для одного удовольствія рассказывать! Вся эта смѣсь неправдоподобнаго и неяснаго передана неправильнымъ и нечистымъ слогомъ, въ которомъ часто встрѣчаются грубыя ошибки.

1. ПЕТРЪ БАСМАНОВЪ, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Барона Розена. Сп.-бургъ, въ тип. Греча, 1835, въ-8., стр. 109.

2. ПАЛЕРМСКІЕ БАНДИТЫ, опера въ пяти дѣйствіяхъ и въ стихахъ. Посвящена Московской публикѣ. Москва, въ тип. Семена, 1835, въ-12, стр. 93.

Палермскіе бандиты, посвященные Московской публикѣ! Благонамбренность чувствованій да извинитъ неловкость комплимента. Авторъ хотѣлъ сказать совсѣмъ другое. Робертъ Бискарри, Сициланскій офицеръ, женится на Г-жѣ Долоресъ, дочери Испанскаго гранда, — мы будемъ говорить слогомъ оперы, — но въ самую минуту вѣнчанія обнаруживается, что онъ обманулъ «нѣмую Терезу», сестру рыбака и бандита Руджеро. Бандиту не подѣ стаетъ быть рыбакомъ, но такъ въ оперѣ, — и наше дѣло вѣрить на слово. Рыбакъ мститъ за сестру, вооружаетъ товарищей, ведетъ ихъ противъ Бискарри, и чуть-чуть не беретъ въ плѣнъ женатаго обольстителя нѣмой сестры своей. Рыбакъ бандитъ торжествуетъ не долго: онъ убитъ помощниками Бискарри, нѣмая бросается въ пожаръ, а Бискарри съ госпожею Долоресъ надъ ними плачутъ.

Изъ этого содержанія почитатели Петербургскаго театра видятъ, что «Палермскіе бандиты» давно имъ знакомы въ другой, болѣе изящной формѣ.

Мы привыкли слышать въ операхъ нашихъ безсмыслицу, въ полномъ смыслѣ слова, и съ радостью можемъ сказать теперь, что въ «Палермскихъ бандитахъ» всѣ стихи понятны, хотя не всѣ гладки. То самое должно сказать и о трагедіи «Петръ Басмановъ,» хотя она не опера.

Кстати! Въ оперѣ Тереза, нѣмая, въ одномъ мѣстѣ отвѣчаетъ — «да!», а въ другомъ спрашиваетъ обратъ. Какъ же это случилось? Такія забвенія со стороны нѣмыхъ конечно не важны, но они довольно смѣшны, особенно при частномъ повтореніи.

Во всякомъ случаѣ конецъ трагедіи «Петръ Басмановъ» довольно занимателенъ.

Полезное чтение для дѣтей. *Книжка II. СПб.-бургъ, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1835, въ-8., стр. 196.*

Первой книжкѣ мы отдали должную справедливость и хвалили ее отъ души. Вторая такъ же удачно составлена, какъ и первая. Въ ней обнаруживается большое умѣнье говорить о самыхъ трудныхъ и ученыхъ предметахъ дѣтскимъ языкомъ, безъ употребленія ученыхъ терминовъ. Мы думаемъ, что это «Полезное Чтеніе» будетъ въ самомъ дѣлѣ весьма полезно для дѣтей, несмотря на заглавіе.

Третья книжка обшана: мы желаемъ видѣть поскорѣе четвертую.

Разговоръ христіанина съ невѣрующимъ о воплощеніи Сына Божія, Іисуса Христа, и оправданіи челоуковъ чрезъ Вѣру въ него. *Сочиненіе Архимандрита Пасія. Москва, въ тип. Степанова, 1835, въ-12., стр. 78.*

О мнимой древности, первобытномъ состояніи и источникахъ нашихъ летописей. *Сочиненіе Сергія Скроменки. СПб.-бургъ, въ тип. Греча, 1835, въ-8., стр. 42.*

И придетъ то время, когда востанутъ родъ на родъ, и сынъ на отца, и братъ на брата.

Еще манифестъ юной исторической школы, анти-карамзинскаго раскола, который болѣе и болѣе распространяется! Между-тѣмъ поборники Карамзина умножаются ежедневно, хотя пишутъ мало, и не рѣшаются возставать печатно.

Г. Скроменко — одинъ изъ самыхъ пылкихъ приверженцевъ новой школы. Онъ не пропускаетъ ни одного удобнаго случая къ обращенію въ бѣгство карамзинистовъ. Жаль, что въ этомъ важномъ дѣлѣ, обѣ воюющія стороны стрѣляются только брошюрками да статьями. Не лучше ли приступить прямо къ дѣлу, взяться за основной вопросъ, и рѣшить его на жизнь или смерть той-или другой школы? До тѣхъ поръ, пока будутъ осмѣивать частности, страницы, строчки, никто не убѣдится въ непогрѣшимости нововводителей. Нападите, господа, разомъ, дружно, на историческую критику Шлёцера, на историческія понятія Ка-

рамзина; выставьте всю их ложность, неосновательность, баснословность; разорите врагъ непріятельскую землю, и на мѣстѣ памятника, воздвигнутаго трудами Карамзина, соорудите другой, вашъ собственный, котораго подножье было бы столь же незыблемо и непоколебимо, — тогда карамзинисты сами откажутся отъ своихъ притязаній, бросятъ Шлёцера и пойдутъ отыскивать монастырскихъ записокъ подъ вашими знаменами.

Но для этого труднаго, важнаго, великаго предпріятія юная историческая школа, кажется, еще слишкомъ юна. Желаемъ ей расти не по днямъ, а по часамъ: ея будущность много занимаетъ всѣхъ любителей отечественной Исторіи.

Очерки медалей къ *Панорамѣ Санктпетербурга. Тетрадь первая. Двѣнадцать медалей. СПб.-бургъ, въ тип. Гинце, 1835, въ-12., стр. 20.*

При открытіи подписки на «Панораму Санктпетербурга,» не было обещано къ ней медалей. Издатель присоединилъ ихъ изъ усердія.

Въ первой тетради двѣнадцать медалей, съ описаніями. Всѣ онѣ важны и любопытны, какъ памятники царствованія Императора Петра. Не обязываясь составлять полнаго нумизматическаго собранія временъ Петра Великаго, издатель собираетъ только тѣ медали, которыя имѣютъ отношеніе къ предмету книги, — Петербургу. Самая любопытная изъ всѣхъ помѣщенныхъ въ первой тетради — медаль на сооруженіе Кроншлота: на ней надпись изъ Превращеній Овидія. Медали гравированы съ тою тщательною отдѣлкою, которая отличаетъ изданія Г. Башуцкаго.

Опытъ изслѣдованія нѣкоторыхъ теоретическихъ вопросовъ. *Сочиненіе Константина Зеленецкаго. Книжка первая. Москва, въ тип. Университетской, 1835, въ-8., стр. 64.*

Литература наша, по мнѣнію Г. Зеленецкаго, слишкомъ не богата учеными сочиненіями. Поэтому онъ рѣшился задавать себѣ ученые вопросы и разрѣшать ихъ ученымъ образомъ, съ помощію прежнихъ и теперь живущихъ ученыхъ, чтобъ умножить нашу литературу хоть однимъ ученымъ сочиненіемъ.

На первый раз, онъ задавъ себѣ три вопроса, весьма любопытные: 1. о мѣстѣ, занимаемомъ Логикою, въ системѣ Философіи; 2. о содержаніи и расположеніи Географіи; 3. о предметѣ и значеніи политической Исторіи.

Оставляя его съ первымъ вопросомъ въ туманахъ Шеллинга и Гегеля до краснаго философскаго утра, обратился прямо ко второму вопросу, котораго разрѣшеніе можетъ вести къ прямой, практической пользѣ въ учебномъ преподаваніи. Вся нападка Г. Зеленецкаго на существующую нынче и употребительную въ школахъ систему Географіи весьма справедлива и дѣльна. Географія теперь еще не наука, а просто какой-то сборъ разнородныхъ свѣдѣній о земномъ шарѣ, нахватавшихся изъ другихъ наукъ. Но новый планъ, предлагаемый Г. Зеленецкимъ, таковъ, что лекарство было бы хуже самой болѣзни.

Для разрѣшенія третьяго вопроса, Г. Зеленецкій протянулъ руку къ Асту и занялъ у него, — на какихъ условіяхъ, не знаемъ, — идею, весьма справедливую, что Исторія есть изложеніе жизни рода человеческого. Развивая эту мысль по-своему, Г. Зеленецкій дошелъ до того, что «младенчество и дряхлость народа, какъ свѣдѣнія или непробужденной или немощной его личности, собственно не должны входить въ составъ всеобщей политической Исторіи.» И если бѣ авторъ писалъ политическую исторію, то у него народы являлись бы не вѣсть откуда, и пропадали бы не вѣсть куда. Въ самомъ дѣлѣ, съ народами надобно поступать, какъ съ женщинами, -- стараться видѣть ихъ только въ гостиной, и никогда не заглядывать ни туда, гдѣ онѣ одѣваются, ни туда, гдѣ раздѣваются.

Планы Г. Зеленецкаго, съ виду, хороши, стройны, даже красивы; жаль только, что они должны остаться въ портфель, за невозможностью выполнить ихъ на практикѣ.

Натура земли въ проливительности и видоизмѣняемости.
А. Т. Москва, въ тип. Университ. 1835, въ-8, стр. 127.

Это засохшая ветка, случайно замѣтывшая въ Россію отъ того огромнаго дерева, которое называется Германскою Философіею и о безплодіи котораго мы довольно говорили въ предшествующей книжкѣ Библіотеки для Чтенія.

Авторъ увѣряетъ, что его цѣль — быть полезнымъ: мы въ томъ не сомнѣваемся, и если бь отъ насъ зависѣло, для достиженія ея охотно бы помогли ему быть понятнымъ. Это — необходимое качество, безъ котораго не можетъ быть пользы: что проку въ непонятной пользѣ!

Проявительность натуры автора, осуществившаяся условною видоизмѣнностью внѣшности естества этой сѣрой книжки разредоточилась такъ, что онъ прежде всего принимаетъ двѣ главныя силы въ земной природѣ. Эту старую новость толкуетъ онъ, весьма изящно, такимъ образомъ:

«По опытамъ и явленіямъ въ природѣ, которыя мы безпрестанно можемъ наблюдать, видимъ, что вся тѣла нашей планетной вещественности отъ самотвердѣйшаго алмаза, созданнаго знаменитымъ Лавуазье, переходятъ изъ одного состоянія въ другія; или измѣняются чрезъ силу теплоты и силу тяжести, только въ разныхъ степеняхъ ихъ дѣйствія: напримѣръ, ледъ съ прибавленіемъ теплоты превращается въ воду, при увеличеніи еще степеней теплоты вода превращается въ паръ, и далѣе. И наоборотъ, отъ уменьшенія теплоты, или отъ устраненія причины, противодѣйствующей силѣ тяжести къ сосредоточиванію вещества, оно переходитъ по несчислимымъ степенямъ измѣняемости изъ разрыхленныхъ состояній въ плотнѣйшія: напримѣръ, изъ парообразнаго въ жидкое, изъ жидкаго въ твердое. Все *sic* доказываетъ, что сила теплоты, разредоточивающая вещество, а сила тяжести, сосредоточивающая оно, суть единственныя причины всѣхъ видоизмѣнностей вещества и явленій въ природѣ, и съ тѣмъ вмѣстѣ должны быть и единственными причинами проявляемыхъ частныхъ свойствъ веществомъ по разнымъ проявленіямъ *оного* въ природѣ; ибо изътъ ни какой другой причины, какъ къ видоизмѣнности вещества, такъ и къ проявленію *оныхъ* свойствъ въ частности, каждымъ видомъ оказываемыхъ. А въ природѣ безъ причины ничего не происходитъ.

«Таковыя переходы вещественности изъ одного состоянія въ другое сопровождаются слѣдующими всепримѣнимыми законами при переходѣ тѣмъ изъ твердаго состоянія въ жидкое или рѣдчайшее: теплота похищается изъ атмосферы тѣмъ веществомъ; съ тѣмъ вмѣстѣ объятность *оного* увеличивается; тяжесть или вѣсомость остается одна и та же; и обратно, при переходѣ вещества изъ разрыхленнаго состоянія въ плотнѣйшее, тѣ же самыя явленія обнаруживаются, въ противоположномъ только порядкѣ, то есть, теплота освобождается; объятность уменьшается; тяжесть, — вѣсомость вещества, остается одна и та же: напримѣръ, прибавя ко льду теплоты, онъ превращается въ воду, при чемъ объятность увеличится, а вѣсомость, или тяжесть, остается та же, въ чемъ нельзя усумниться. Процессъ, что теплота претворяетъ ледъ въ

воду, столь просто и ясно, — въ самъ всякій можетъ удостовѣриться собственнымъ опытомъ, внеся кусокъ льда въ теплую комнату. Также, что изъ растаявшаго льда происшедшая вода занимаетъ болѣе пространства, и въ самъ не трудно удостовѣриться. Большая объятность или большее занимаемое тѣломъ пространство есть сравнительное понятіе, каждому известное, и представляетъ мѣру въ пространствѣ, а въсомость, или тяжесть, въ качествѣ тѣль.

«Разсматривая *sic* въ явленіяхъ природы, напримѣръ, оставая отъ паровъ теплоту, они превращаются въ воду, которая вѣситъ столько же, какъ и пары, изъ коихъ она образовалась, но вода занимаетъ уже менѣе пространства противъ паровъ; изъ сего видно, что количество частицъ, или въсомость, тяжесть тѣла, при самъ переходѣ осталась одна и та же; но въ водѣ противъ паровъ частицы сблизились, безъ чего объятность не имѣла бы причинъ уменьшиться и не уменьшилась бы; далѣе, уменьша еще теплоту, вода замерзаетъ, гдѣ обнаруживаются тѣ же явленія, то есть, уменьшается объятность, а въсомость остается та же. Изъ сего слѣдуетъ, что теплота, дѣйствуя на вещество, разъединяетъ, удаляетъ частицы *оной* другъ отъ друга или разредоточиваетъ ее по количеству или степени своего дѣйствія, и наоборотъ, съ уменьшеніемъ теплоты пропорціонально *оному* силѣ тяжести, раскрывая свое свойство, плотнѣе, сосредоточиваетъ, сблизжаетъ частицы вещества. А потому причину, силу, способность, свойство разъединять, удалять, разредоточивать, противнѣе сжатію, сблизженію вещества, — назовемъ силою теплоты, а противоположную или противокачественную ей причину, способность, силу, свойство — назовемъ силою тяжести.»

Если бы теорія почтеннаго проявителя исполнилась на самомъ дѣлѣ, такъ прощай земля, прощайте люди, книги, умозрѣнія! Мы все, дѣйствіемъ силы теплоты, разлетѣлись бы какъ дымъ въ безконечномъ пространствѣ, или дѣйствіемъ тяжести превратились бы въ нули, — книжка автора превратилась бы тоже въ нуль, — его теорія тоже. Отчего жъ бы проявился такой недостатокъ въ образѣ дѣйствования двухъ силъ автора? Оттого, что авторъ забылъ, что тѣ, у которыхъ зналъ онъ свои двѣ силы, принимаютъ еще третью, силу связи, *cohaesio*, приписывая ей благодатное сохраненіе насъ въ настоящемъ видѣ, безъ превращенія въ пары и въ нули. Эта трех-сильная система ни на чемъ не основана, по она до-крайней-мѣрѣ не такъ нелѣпа и не представляетъ противорѣчія съ перваго взгляда. Читавшіе «Физику» профессора Павлова, найдутъ въ

ней всю теорію Г-на А. Т., съ нужными прибавками для надлежащаго прикрытія недостатковъ и неосновательности системы, которыхъ Г-нъ А. Т. неозаботился удержать ничѣмъ отъ проявленія.

Отыскивая хорошую сторону этой книги, мы съ удовольствіемъ остановимся на религіозномъ ея направленіи, и рѣшительно предпочитаемъ прекрасныя чувствованія автора всѣмъ его умозрѣніямъ.

1. *АЛГЕБРА или вычисленіе конечныхъ.* Сочинилъ Н. Лобачевскій. Казань, въ тип. Университета, 1834, въ-8., стр. X—528.

2. *Пониженіе стѣпени въ двучленномъ уравненіи когда показатель безъ единицы дѣлится на 8.* Профессора Лобачевского. Казань, въ тип. Университета, 1834, въ-8., стр. 32.

3. *Овъ исчезаніи тригонометрическихъ строкъ.* Профессора Лобачевского. Казань, въ тип. Университета, 1834, въ-8., стр. 62.

Двѣ послѣднія брошюры суть измеченіе изъ «Ученыхъ Записокъ» Казанскаго университета, а «Алгебра» — новое сочиненіе Г. Лобачевского, предназначенное повидимому служить руководствомъ его университетскимъ слушателямъ и пособіемъ самому автору при чтеніяхъ. Въ такихъ случаяхъ метода и изустныя объясненія профессора всегда значительно пополняютъ и измѣняютъ содержаніе книги, и оно по справедливости не можетъ подлежать суду общей критики, которая, такъ сказать, была бы заочною. Г. Лобачевскій извѣстенъ у насъ какъ одинъ изъ отличнѣйшихъ профессоровъ математики.

Руководство къ перспективѣ Г. Лавита, профессора Парижскаго Атеней (бывшаго Лицея). Переводъ съ Французскаго Елисаветы Клевещкой. СП.-бургъ, въ тип. Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумажъ, 1834, въ-8., томъ II, стр. 375.

Говоря о первомъ томѣ «Руководства», мы сказали, что Г-жа Клевещкая передала Лавита тщательно и исправно; что изданіе во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно, что оно от-

лячается прекрасно гравированными рисунками и тою изящностью, которая тотчас свидетельствует о прикосновении бывшей, прелестной и пахучей ручки. Теперь, пробужая второй томъ, повторяемъ то же, не изъ пустого комплимента искусной переводчицы, но потому что пріятно видѣть красивое изданіе, котораго внутреннее достоинство не уступаетъ наружному. Можно утвердительно сказать, что занимающіеся живописью будутъ благодарны за трудъ Г-жи Клевещкой, и постараются вознаградить ей значительныя издержки, съ которыми сопряжено изданіе двухъ толстыхъ томовъ и двухъ огромныхъ тетрадей рисунковъ.

Краткое руководство къ воздѣлыванію свекловицы въ Россіи. *СП.-бургъ, въ тип. Д. Вишней Торговли, 1834, въ-8., стр. 144.*

Изъ всѣхъ породъ свекловицы, мы любимъ только чистый раффинадъ, и не хотимъ вмѣшиваться въ свекловую войну, которая возгорается, и которая тѣмъ опаснѣе для третьяго лица, что ядра ея довольно полновѣсны. Г. Лялинъ бросилъ огромную свеклу въ огородъ Г. Давыдова, и Г. Давыдовъ безъ-сомнѣнія подберетъ рыцарски эту «красную перчатку». Объясненіе этой загадки читатели наши найдутъ въ отдѣленіи «Промышленности и Сельскаго Хозяйства.» Что касается до насъ, то мы рѣшились соблюдать строгій нейтралитетъ, и не можемъ лучше доказать своего безпристрастія въ этомъ дѣлѣ, какъ объявляя торжественно, что до окончанія войны будемъ всегда класть въ свой чай и кофе по ровному числу кусковъ сахару обѣихъ враждующихъ сторонъ. Это однако жъ не помѣшаетъ намъ сказать, что въ книгѣ, лежащей передъ нами, изложены свѣдѣнія, пріобрѣтенныя Г. Давыдовымъ по этой части помощію многолѣтняго опыта, и что они могутъ быть полезны тѣмъ, которые приступаютъ къ учрежденію свекло-сахарныхъ заводовъ. Здѣсь говорится о выборѣ и приготовленіи земли, на разныя породы свекловицы, и на всѣ полевыя работы, посредствомъ которыхъ можно получить наиболѣе хорошихъ корней. Замѣчанія о насѣкомыхъ, приносящихъ вредъ этому растенію, показали намъ весьма любопытными.

А. ТЕЗРА Основанія РАЦІОНАЛЬНАГО СЕЛЬСКАГО

хозяйства. Съ примѣчаніями Н. Н. Муравьева и Е. Крюда. Переводъ С. А. Маслова, действительнаго члена И. Общества Московскихъ сельскаго хозяйства и испытатель Природы, С.-Петербургскаго Вольнаго Экономическаго и проч., издалъ А. Ширлевъ, коммерціи совѣтникъ и членъ корреспондентъ И. Московскаго Общества. Сельскаго Хозяйства и проч. Москва, въ тип. Университетской, 1835, въ 4. Части IV и V, стр. 272—403 и IV.

Полезное изданіе Теэра, стоящее столь значительныхъ издержекъ, теперь совершенно кончено, и можетъ служить руководствомъ нашимъ агрономамъ. Оно тѣмъ полнѣе и совершеннѣе, что Г. Вилькинсъ перевелъ и издалъ уже «Описаніе земледѣльческихъ орудій», другое сочиненіе Теэра, на которое въ «Рациональномъ хозяйствѣ» встрѣчаются весьма часто ссылки. Нѣтъ сомнѣнія, что труды переводчика и издержки издателя не будутъ потеряны. Переводчикъ уже награжденъ золотою медалію отъ Экономическаго Общества, а издатель вниманіемъ хозяевъ, признательныхъ за дорогой имъ подарокъ, котораго достоинства, само собою разуметсяя, отнюдь не уменьшаютъ прибавленныя къ тексту примѣчанія, хотя противъ нихъ можно сказать многое. Мы возвратимся къ этимъ примѣчаніямъ въ отдѣленіи «Промышленности и Сельскаго Хозяйства».

КАРМАННЫЙ ГОМЕОПАТИЧЕСКІЙ ЛЕЧЕБНИКЪ, съ подробнымъ изложеніемъ симптомовъ болѣзней, наименованныхъ по алфавиту на Французскомъ, Латинскомъ и Русскомъ языкахъ, съ показаніемъ врачебныхъ средствъ противъ оныхъ и прибавленіемъ практическихъ примѣровъ и правилъ, какъ поступать въ выборѣ гомеопатическихъ средствъ у постели больныхъ. Изданный по руководству Гааса, съ Французскаго изданія Журдана, со многими прибавленіями, Фр. Белявскимъ. Москва, въ тип. Степинова, 1835, въ 12., стр. V—331.

Мы совсѣмъ не знали того, что Г. Белявскій, сочинитель двухъ весьма хорошихъ книгъ и котораго познанія мы очень уважаемъ, рѣшительно обратился къ Гомеопатіи! Намъ чрезвычайно пріятно это слышать.

Книга Г. Белявскаго принесетъ большую пользу чело-

вѣчеству, какъ скоро гомеопатическія лекарства начнутъ быть полезными для здоровья. По-сю-пору они доставляютъ пользу одному только карману врачующихъ: вотъ почему Г. Бьяльскій, какъ умный человекъ, безъ обиняковъ назвалъ свой гомеопатическій лечебникъ «Карманнымъ.»

Краткое описаніе способовъ освѣщенія газомъ. *Сп.-бургъ, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1835, въ-8., стр. 26.*

При учрежденіи общества для освѣщенія столицы газомъ брошюрка Г. Гесса становится весьма любопытною. Онъ математически доназываетъ выгоды этого освѣщенія передъ обыкновеннымъ, и сверхъ того разрываетъ вопросъ, очень важный для вновь образовавшагося общества, — которому изъ двухъ способовъ газоваго освѣщенія отдать преимущество, освѣщенію ли газомъ изъ масла или газомъ изъ каменнаго угля. Г. Гессъ клонится на сторону газа изъ масла, утверждая, что газъ изъ каменнаго угля портитъ позолоту, краски и картины, и что слѣдственно употребленіе его въ комнатахъ сопряжено съ большимъ вредомъ и неудобствами. Авторъ присоединилъ описаніе способа добывать газъ.

=

* * Библиотека для Чтенія умоляетъ своихъ почтенныхъ корреспондентовъ не присылать ей болѣе стиховъ. Сверхъ того она проситъ всѣхъ, кто позволитъ отправлять къ ней статьи, удерживать у себя съ нихъ копіи: полученныхъ статей она никому не возвращаетъ, такъ какъ для этого, при множествѣ посылаемыхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ, пришлось бы держать особаго секретаря. Если Гг. сочинители, по доброй волѣ сообщившіе труды свои, не видятъ ихъ напечатанными въ Библиотецѣ для Чтенія, они могутъ, безъ всякаго спросу и не обременяя ея требованіемъ объясненій, которыя въ подобныхъ дѣлахъ всегда очень трудны, печатать ихъ въ другихъ журналахъ.

=

М А И, 1835.

НОВЫЕ КНИГИ.

=

СТИХОТВОРЕНИЯ АЛЕКСѢЯ ЗИЛОВА. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1835, вв-8., стр. 115.

До сихъ поръ Г. Зиловъ печаталъ только свои басни, и въ прошломъ мѣсяцѣ мы говорили уже о пятой части его «Басень». Что сказать объ его мелкихъ стихотвореніяхъ? Мы скажемъ только то, что одно изъ нихъ, найденное случайно въ нашихъ бумагахъ, мы помѣстили въ нынѣшней книжкѣ Б. для Ч. Слѣдственно, между его стихотвореніями встрѣчаются и такія, которыя можно прочесть съ удовольствіемъ. Въ этомъ собраніи есть, напримѣръ, небольшая пьеса «Ободреніе».

Что за раздумье мнѣ одинокому?
Всталъ, встрепянулся какъ ясный соколъ!
Нить, не поддамся року жестокому;
Съ горемъ съ-издѣтства я дружество свель.

Помню, бывало, счастье проглянеть, —
Тутъ и бѣда. Но бѣда не одна!
Вспыхнетъ ли сердце, — дѣва увянетъ;
Тронулъ цвѣтницу, — порвется струна;

Нвѣ ль предамся, — громъ загрохочетъ;
Стану ль трудиться, — во всемъ перекорь.
Счастье со мною сжитися не дочеть!
Строгъ непреложной судьбы приговоръ!

Что за раздумье мнѣ одинокому?
Всталъ, встрепянулся какъ ясный соколъ!
Нить, не поддамся року жестокому;
Съ горемъ съ-издѣтства я дружество свель.

Полно же, дѣва, томные взгляды
Мнѣ несчастливцу украдкой бросать!
Я не желаю здѣшней отрады;
Мнѣ на землѣ ужъ не вѣкъ вѣковать.

Горе земное — чистое зло:
Въ вѣчности радость я горемъ куплю.

Пусть же здесь сердце стиснуто, сжато:
Много терпѣлъ я, — не много стерплю.

Что за раздумье мнѣ одинокому?
Всталъ, встрепянулся какъ ясный соколъ!
Нѣтъ, не поддамся я року жестокому;
Съ горемъ съ-издѣтства я дружество свелъ.»

Эти стихи очень милы, какъ ни печально ихъ содержаніе. Нѣсколько другихъ стихотвореній могутъ заслужить такую же похвалу.

Въ то самое время, какъ у насъ печаталась пьеса Г. Зилова «Весна», онъ издалъ ее въ этомъ собраніи. Въ собраніи она гораздо длиннѣе; въ Б. для Ч., она гораздо короче. Мы предпочитаемъ ее въ томъ видѣ, въ какомъ она въ Б. для Ч.

Мы должны еще поблагодарить Г. Зилова зато, что у него нѣтъ предисловія.

Опыты въ стихахъ Михаила Деларю. *СП.-бургъ, въ тип. Д. Вильиной Торговли, 1835, въ-8., стр. 152.*

Г. Деларю собралъ и издалъ —

Все, что отъ отроческихъ дней
И юношества дней кипучихъ,
Въ порывахъ вѣжныхъ иль могучихъ,
Изверглось изъ груди.....
Веселья кликъ, и вопль печали,
И славы ровоть громовой,
Чѣмъ струны сердца трепетали,
Что волновало духъ порой.

Г. Деларю владѣеть стихомъ очень мило. Его гекзаметры особенно плавны и звучны. Изъ числа опытовъ его въ этомъ родѣ, намъ наиболѣе нравится молитва къ ангелу-хранителю :

«Ангель-хранитель, вземли мольбу умиленнаго сердца!
Будь покровителемъ юноши въ бурномъ житейскомъ волненіи;
Сердце отъ ранъ огради, и помысловъ чистыхъ, высокихъ
Душу исполни мою! Когда же болѣзненнымъ хладомъ
Сердце сожмется, повѣй на него теплотою отрадной,
Да не изсохнетъ ово подъ дыханьемъ бездушнаго свѣта!

О, не покинь меня и во снѣ ты; но съ умиленьемъ
 Тихо къ возглавью прикинувь, мой сонъ оставляя, и сокрыльцевъ
 Въѣй благодатью на тѣло и духъ мой: пусть утѣшеные
 Сны золотые вливають въ грудь молодого счастливецъ!
 Если жь порокъ поднесетъ мнѣ сосудъ свой, исполненный желчи,
 Ангель-хранитель, не дай устамъ прикоснуться къ отравѣ!
 Буйное сердце уйми: пусть токомъ кровавымъ облившись,
 Черныя думы вскупить оно живымъ сокрушеньемъ;
 И въ минуту раскаянья, о мой небесный товарищъ,
 Въ мощиы дьяви пріавши меня, умчись въ безпредѣльность....

Переводъ одного мѣста изъ Овидія заставляетъ желать, чтобы Г. Деларю передалъ намъ весь его «Превращенія». Этотъ отрывокъ чрезвычайно удаченъ и быть можетъ составляетъ лучшія страницы его книги, которая впрочемъ вся вообще читается съ пріятностью.

Сирота; романтическая повѣсть въ стихахъ. Москва, въ тип. Лизаревыхъ, 1835, въ-12. Дѣль части, стр. 117—78.

Я былъ въ любви уважаемъ,
 Недавно въ чинъ повышаемъ.....

Нѣтъ, это не хорошо! Постойте, я приищу вамъ что-нибудь получше:

«На все Лизета согласилась,
 Пошла, забывъ и воротилась,
 Назначивъ такъ, чтобъ я пришелъ,
 И по сигналу самъ увелъ;
 А я ужъ буду на готовъ,
 Тебя уарю въ своей свободѣ.
 Возьму что нужно я въ походъ,
 На всякой случай червой годъ.....»

Фуй, это еще хуже! Но нѣтъ, постойте: тутъ есть хорошія вещи.

«Повхалъ мѣсто я принять,
 А за женой хотѣлъ послать;
 Сопѣтъ ей далъ въ деревню ѣхать,
 Самъ обѣщался не замѣшкать.
 Пріѣх.....»

Нѣтъ, ужъ болѣе ничего не покажу. Спрячу книжку у себя, и буду хранить ее какъ рѣдкость. Признательно сказать, поэма иперболически безграмотная.

Басни Н. Цитовича. *СП.-бургъ, въ тип. Крайл. 1835, въ-8., стр. 28.*

Зѣтри Г. Цитовича неповоротливы, упрямы, заносчивы, неостры, царапаются изподтишка, и говорятъ по-Русски съ сильнымъ Мадороссійскимъ акцентомъ.

Библиотека романовъ и историческихъ Записокъ, издаваемая книгопродавцемъ Ф. Ротганомъ, на 1835 годъ. *СП.-бургъ, въ тип. Грета, 1835, въ-12. Три части, стр. 244 — 247 — 218.*

Два мѣсяца тому назадъ, мы говорили мимоходомъ о предполагаемомъ здѣсь изданіи «Библиотеки романовъ,» и не усомнились одобрить это намѣреніе, которое обещало доставить средство къ пріятному препровожденію времени тѣмъ, кто предпочитаетъ книгу висту или глупому разговору, что еще хуже виста. Теперь, мы съ удовольствіемъ присовокупляемъ, что начало выполненія утверждаетъ въ насъ мысль о пользѣ предпріятія и позволяетъ предсказать ему заслуженный успѣхъ:

Въ первыхъ трехъ частяхъ «Библиотеки романовъ» которыя мы уже имѣемъ въ рукахъ, находится блестящій романъ миссъ Эджевортъ, «Елена». Этотъ первый выборъ весьма удаченъ. Въ прошломъ году, лишь только «Елена» вышла въ Лондонѣ, мы съ восхищеніемъ говорили объ ней нашимъ читателямъ, и впоследствии привели объ пей отзывы лучшихъ Англійскихъ и Французскихъ журналовъ, которые единогласно отдавали ей такую же справедливость. Простота разказа, естественность завязки и характеровъ, сильный и трогательный интересъ цѣлой повѣсти и притомъ занимательность подробностей ставятъ «Елену» на ряду съ лучшими Англійскими романами. Прочтите ее только, и сравните съ произведеніями нынѣшнихъ Французскихъ романистовъ!

Въ подобномъ предпріятіи главное дѣло — выборъ романовъ и достоинство перевода.

Что касается до выбора, то мы уже упоминали, какія имена и какіе романы должны войти въ составъ этого собранія. Общаны Куперъ, Бальзакъ, изъ котораго надобно уметь

выбирать, Манцони, Сальвио-Пеллино, и другіе. Манцони могъ бы быть исключенъ изъ списка: это скучный романъ. Мы советовали бы замѣнить его Вашингтонскія Провинцы, милую и умною леди Блессингтонъ, какимъ-нибудь сочиненіемъ леди Декръ. Мы бы советовали издателямъ перенести намъ, но перевести очень хорошо, «Веткамъ» Г. Вефорта и его *Sketches of Italy, Spain and Portugal*; — сочиненія прелестныя и написанныя удивительнымъ слогаъ. Веселый и прекрасный талантъ Г. Гука (Hook) достоинъ также знакомства съ нашей публикою. А Больверъ? Будемъ ли имѣть его «Последніе дни Помпей?» Но мы желали бы, чтобы издатели не ограничивались одними новѣйшими твореніями. Если хотѣтъ доставить истинное удовольствіе читающей публикѣ, они должны посылать новыя вещи между мастерскими твореніями стараго времени, которыхъ никто у насъ не знаетъ. Конечно, послѣдній романъ миссъ Эджвортъ превосходенъ, — по что онъ значитъ въ сравненіи съ ея *Absentee*, котораго красоты подали Валтеру Скотту мысль писать романы, съ ея *The Patronage*, который оставилъ такое сильное впечатленіе во всѣхъ, кто читалъ его въ молодости? Эти неподражаемыя картины домашней жизни, для пылчиваго поколѣнія читателей романовъ въ Россіи, были бы новѣе самой «Елены». Во всякомъ случаѣ, знаменитыя имена, приведенныя въ программѣ «Библиотеки романовъ,» ручаются въ хорошемъ составѣ собранія. Но быда, если издатели попадутъ на второстепенныхъ романтиковъ, на теперешнихъ Французскихъ писателей, на Массона, или Мишель-Ремона, на Друино, на Лакруа-Библюола, на Ансело, на Альбитта, на Сулье, Сю, Гозлана и другихъ, подобныхъ имъ повѣстчиковъ, у которыхъ все дѣло — въ ужасѣ, въ безмысленномъ скептицизмѣ, въ неестественности завязки, невѣроятности чувствъ и положеній; у которыхъ собраны все крайности, и нѣтъ ничего челоуческаго!

Переводъ «Елены» хорошъ. Этотъ романъ, на всѣхъ своихъ страницахъ, говоритъ языкомъ живымъ, свѣтскимъ, образованнымъ. Слава Богу! А то мы ужасно опасались, что «Библиотека романовъ,» желая насъ потѣшить пріятнымъ чтеніемъ, загоритъ съ нами «книжнымъ языкомъ». Мы не

можемъ описать той радости, какую ощутили, увидявъ, что въ этой книгѣ нѣтъ книжнаго языка. Отъ всего сердца поздравляемъ издателей съ этимъ шагомъ къ хорошему вкусу и настоящей изящности. Наконецъ есть надежда, что книги будутъ у насъ говорить какъ люди! Мы только этого и добиваемся. Мы только объ этомъ и молимъ небо, чтобы наконецъ у насъ не было книжнаго языка, какъ у Татаръ, Турокъ или Персіянъ, чтобъ былъ одинъ языкъ и одинъ умъ. Скажите сами, господа: къ чему намъ книжный языкъ, послѣ того какъ мы уже vybrали бороды? Къ чему намъ мертвая, вылитая изъ гробоваго свинцу фразеологія, когда мы уже воскресли и живемъ, когда языкъ воскресъ вѣсть съ нами и живетъ также новою жизнью, когда между нами и нашимъ языкомъ уже нѣтъ другаго посредника кромѣ мысли, словомъ, когда мы и языкъ отсель неразлучны и должны быть представителями другъ друга въ обшествономъ свѣтѣ?

Книги Русскія! говорите точно такъ, какъ говорятъ люди Русскіе. Пусть изъ васъ узнаетъ весь свѣтъ, что мы, принимая перо въ руки, не стыдимся того языка, которымъ разговариваемъ съ нашими женами, сестрами и дѣтьми, которымъ разсуждаемъ между собою о благоденствіи, успѣхахъ и надеждахъ Россіи, которымъ пересказываемъ нашимъ сыновьямъ победы нашего оружія и учимъ ихъ любить Царя и отечество.

Изданіе «Библиотеки романовъ,» однако жъ, могло быть изящнѣе.

Современныя повѣсти модныхъ писателей. *Собраны, переведены и изданы Фодоромъ Конп. Москва, въ тип. Семена, 1835, въ-12. Двѣ части, стр. V и 230—207.*

Модныхъ писателей? Странная похвала! У людей, модный писатель значитъ—тотъ, котораго, прочитавши, тотчасъ забываютъ и бросаютъ въ уголь, какъ помятый чепчикъ. Но Г. Кони, известный переводчикъ Французскихъ водевилей, такъ привыкъ къ куплетамъ и островамъ, что теперь не можетъ уже ни сочинить заглавія для книги, ни перевести самой плохой повѣсти, безъ остроты.

На послѣдней страницѣ его книги мы нашли еще слѣдующее NB: *Опечатки* — замѣтить каждый читатель. *Погрѣшности* — отыщутъ журналисты.

Эту услугу, безъ-сомнѣнія, окажутъ переводчику тѣ журналы, которые всегда носятъ съ собою крючекъ вѣтошника. чтобы выгребать имъ погрѣшности изъ литературныхъ стоковъ, и которые производятъ ими мелочную торговлю на толкучемъ рынкѣ брани. Мы не хотимъ марать себѣ рукъ, ни отнимать хлѣбъ у этихъ журналовъ.

Г. Кони увѣряетъ, что вся изящная Словесность выразилась нынче во Франціи повѣстями и рассказами; что Бальзакъ, Гюго, Жаненъ и Дюмо дали ей новую форму и свою, особенную, усатую, молодецкую фнзіономію, и что онъ, Г. Кони, хочетъ познакомить Русскую публику съ этими усатыми, молодецкими писателями. Для этого онъ собираетъ, переводитъ и издаетъ повѣсти Альбита, Фушѣ, Демана, Мюрѣ и Манюэля, у которыхъ еще нѣтъ усовъ. Истинно вѣрное средство познакомить публику съ усатыми писателями! Въ этихъ двухъ частяхъ нѣтъ ни одного сочиненія Гюго и Жанена, и есть только по одной, какъ нарочно самой плохой, повѣсти Бальзака и Дюма. Какъ ни старался Г. Кони, а изъ всей стаи Бальзаковыхъ повѣстей онъ поймалъ за усъ только его «Испанскую честь», которую и втащилъ въ свой сборникъ.

Г. Кони душевно увѣренъ, что переводъ нѣсколькихъ «модныхъ» повѣстей — очень важное предпріятіе, и онъ воздаетъ себѣ за него неслыханныя похвалы въ предисловіи. Что жъ Г. Кони скажетъ въ похвалу себѣ, когда онъ откроетъ *perpetuum mobile*?

Избранные листки изъ Англійскаго Зрителя и некоторыхъ другихъ періодическихъ изданій того же рода. Съ Англійскаго. Москва, въ тип. Университетской, 1835, въ-8. Книжка V, стр. 87.

Нравственные правила, преподаваемые этою книжкою, имѣютъ высокое достоинство. Статьи Аддисона дышатъ вообще самой утѣшительной философіей и искреннимъ религіознымъ чувствомъ. Выборъ статей вообще очень удаченъ и переводъ очень хорошъ.

Отелло, фантастическая повесть, Г. Гауфа. Переводъ съ Нѣмецкаго. Изданъ Д. Пагдінновскимъ. Сп.-б урв въ тип. Вингебера, 1835, въ-12, стр. 119.

Въ маленькихъ Нѣмецкихъ городахъ бывають случаи, въ которыхъ очень успѣшно дѣйствуютъ магнитизмъ, предопредѣленіе, театръ, и другія сверхестественныя силы.

Г. Гауфъ рассказываетъ одинъ изъ такихъ случаевъ. Въ городѣ * * *, который желающіе могутъ отыскать въ географіи, за каждымъ представленіемъ Отелло умиралъ кто-нибудь изъ фамиліи герцога ровно черезъ семь дней. Въ театральныхъ журналахъ съ точностью записаны разительныя примѣры уморительнаго вліянія этой оперы на фамилію герцога.

Но герцогиня Софья не вѣрила отыткамъ театральнаго режиссера, не вѣрила дурному глазу Отелло, и упросила мать свою, чтобъ опера была дана. Мать покорилась требованіямъ дочери, Отелло данъ, и Софья умерла черезъ семь дней послѣ представленія.

Эту исторію мы читали, лѣтъ десять назадъ, въ одномъ изъ покойныхъ Московскихъ журналовъ.

У Гауфа есть хорошія, и занимательныя, и живо написанныя повѣсти; но «Отелло» къ нимъ не принадлежитъ.

Сынъ жены моей. Романъ. Сочиненіе Поль-де-Кока. Переводъ съ Французскаго. Сп.-бургъ, въ тип. Вингебера, 1835, въ-12. Двѣ части, стр. 230—240.

Пришло наконецъ время, что романы Поль-де-Кока сдѣлались во Французской словесности образцами чистой нравственности и примѣрной благопристойности. Въ этомъ отношеніи, «Сынъ моей жены» конечно стоитъ гораздо выше «Барвава» Г. Жанена, выше нежели «Изволать тѣшиться» Г. Виктора Гюго, несравненно выше «Анжели» Г. Александра Дюма. Сообразивъ одно съ другимъ, Поль-де-Кокъ теперь самый благопристойный и самый нравственный писатель во Франціи!

Мы не станемъ рассказывать содержанія «Сына моей жены»: вы знаете, что романы Поль-де-Кока только читаются, но никогда не пересказываются.

МАРКИЗЪ ПО-НЕВОЛѢ или все на оборотъ , комедія-водевилъ въ одномъ дѣйствіи. Передѣланная съ Французскаго П. С. Оедоровымъ. Представлена въ первый разъ на И. С. Петербургскомъ театрѣ 19 ноября 1834 года, въ пользу актера Г. Самойлова б. СП.-бургъ, въ тип. Плюшара, 1835, въ-8, стр. 56.

Въ «Британіи» то есть, во Франціи, — въ Бретани, живетъ баронъ, который рѣшился отдать дочь свою Люсинду за какого-то маркиза, и живетъ маркизь, который вздумалъ испытать будущую жену передъ свадьбой, лаясь въ домъ ея подъ ливреею лакея. На бѣду жениха, къ барону прѣзжаетъ рекомендоваться лакей Шампань; его принимаютъ, чествуютъ, кормятъ, поятъ, чуть-чуть не женятъ. Приходитъ настоящій маркизь; его гонятъ; онъ въ отчаяніи; наконецъ Шампань узнавъ, маркизь женится на Люсиндѣ, Шампань на ея горничной Сусаннѣ, и съ радости поетъ дурные куплеты.

Все это отнюдь не занимательно. Переводчикъ, видно, и самъ чувствовалъ это, потому что, для развеселенія читателя, приложилъ къ водевилю портретъ Г. Дюра.

Начальные правила Русской Грамматикки, издавныя Николаемъ Гречемъ. Изданіе четвертое. СП.-бургъ, въ тип. Греча, 1835, въ-8., стр. 145.

До сихъ поръ разошлось уже тридцать тысячъ экземпляровъ этой Грамматикки.

Нѣмецко-Русскій Словарь, составленный по лучшимъ и новѣйшимъ источникамъ, съ присовокупленіемъ списка употребительнѣйшихъ именъ мужскихъ и женскихъ, географическаго словаря и пространной таблицы неправоуныхъ Нѣмецкихъ глаголовъ. Составленный Обществомъ любителей обонхъ языковъ. СП.-бургъ, въ тип. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1835, въ-16. Часть вторая, стол. 1318.

Это послѣдняя часть преполезнаго и нужнаго сочиненія, о которомъ мы уже отозвались въ прошломъ году съ весьма выгодной стороны. И теперь нельзя не похвалить вторично усердія и точности, съ которыми соста-

вленъ этотъ словарь. Мы не сравнимъ его ни съ лексикономъ Гейма, ни съ книгою Г. Шмидта. Онъ превосходитъ ихъ и своей полнотою, и типографскою исправностью.

Краткій Священный Словарь, составленный И. Россійской Академіи членомъ, протоіереемъ Алексѣемъ Маловымъ. *СП.—бургъ, въ тип. И. Россійской Академіи, 1835, въ-8., стр. 396.*

Тщательный и полезный трудъ, которому пріятно отдать справедливость. Почтенный сочинитель этой книги объясняетъ въ ней кратко, но ясно и опредѣлительно, собственныя имена и названія разныхъ предметовъ, встречаемыя въ книгахъ Св. Писанія, литургическую терминологию іерархическіе титулы и многія преданія Церкви. Мы надѣемся, что этотъ краткій словарь только предвѣстникъ пространнаго и полнѣйшаго, въ который авторъ внесетъ все плоды безчисленныхъ и многолѣтнихъ изысканій ученой Европы по части библейской археологіи. Этогъ первый опытъ удостовѣритъ насъ, что подобное предпріятіе было бы выполнено ученымъ и изящнымъ перомъ его съ всею точностью, съ полнымъ и несомнѣннымъ успѣхомъ.

1. Обзоръ Политической Исторіи Хазаровъ. Сочиненіе Григорьева. *СП.—бургъ, въ тип. Греча, 1835, въ 8., стр. 34.*

2. О древнихъ походахъ Руссовъ на Востокъ. *стр. 59.*

Объ эти брошюры предвѣщаютъ для историческихъ наукъ въ Россіи примѣчательно трудолюбивое перо и рѣшительную способность къ правильнымъ ученымъ изслѣдованіямъ. Молодой ориенталистъ, который даритъ насъ этими разсужденіями объ исторіи Хазаровъ и походахъ Руссовъ на Востокъ, вѣроятно не осавитъ счастливаго направленія своего ума къ ученой части избраннымъ имъ поприща, но будетъ ревностно, заниматься ею и впередъ. Между-тѣмъ, мы прочитали оба его сочиненія съ большимъ удовольствіемъ, не только какъ доказательство хорошаго употребленія времени въ настоящемъ, но и какъ залогъ высшихъ польвъ для отечественной исторіи и для науки Востока въ будущемъ.

Картина Кавказскаго края, принадлежащаго Россіи, и сопредѣльныхъ оному земель; въ историческомъ, статистическомъ, этнографическомъ, финансовомъ и торговомъ отношеніяхъ. Сочиненіе Платона Зубова. СПб.-бурга, въ тип. Вингебера. 1835, въ-8. Часть вторая, стр. 270.

Мы обѣщали полюбоваться на новую картину Г. Зубова, когда она будетъ совершенно кончена. Но она еще не кончена: кромѣ этой второй части, будутъ изданы еще двѣ, и притомъ безденежно.

Записки Герцогини Абрантесъ, или Историческія воспоминанія о Наполеонѣ, революціи, Директоріи, Консульствѣ, Имперіи и Возстановленіи Бурбоновъ. Переведенныя съ Французскаго Ксенофонтомъ Полевымъ. Москва, въ тип. Августа Семена, 1835, въ-8. Томъ первый, стр. VIII и 374.

Мы уже нѣсколько разъ говорили о содержаніи и достоинствѣ «Записокъ» Г-жи Жюно, герцогини Абрантесъ, — даже о самой Г-жѣ Жюно, и, чтобы не повторяться, отсылаемъ читателей къ двумъ статьямъ Смѣси, — «Парижскія скипцы» (№ 4.) и «Герцогиня Абрантесъ и леди Блессингтонъ» (№ 7).

Тогда, какъ въ Парижѣ выходятъ послѣдній, шестнадцатый томъ подлинника этой безконечной и презанятийной сплетни, у насъ выходитъ первый томъ перевода. Слѣдственно мы еще не потеряли дорогаго времени, и можемъ похвалиться передъ Нѣмцами и Англичанами, что перевели «Записки герцогини Абрантесъ» въ то самое время какъ и они. Если бы они вздумали упрекать насъ въ томъ, что мы занимаемся такими пустяками, мы можемъ сказать имъ — Вивствъ съ вами, господа!

Но это не пустяки. Записокъ Г-жи Абрантесъ не должно смѣшивать съ толпою тѣхъ поддѣльныхъ признаній, которыя, подъ названіемъ «мемуаровъ» непрерывно появляются въ Парижѣ, ни съ историческими преданіями камердинера, повара и горничной Наполеона. Герцогиня Абрантесъ, жена генерала, потомъ маршала Жюно, почти неразлучнаго съ Наполеономъ, вблизи видѣла и семейство На-

полеона, и революцію, и консульство, и имперію, и Бур-
жювь. Степень, которую она занимала въ обществѣ и
дворѣ, даетъ ей большое право на вниманіе читателя,
а любезность ея болтовни, совершенно женской, часто
очень умной, обезпечиваетъ его удовольствіе, хотя и не-
льзя положиться на ея безпристрастіе. Она слишкомъ горячо
защищаетъ себя и своихъ; хвалитъ до невѣроятности дру-
зей и покровителей, и готова сказать — Никто не зналъ На-
полеона кромѣ меня, — и дѣйствительно она иногда этимъ
проговаривается.

Записки начинаются едва ли не съ потопа. Подробности
о родоначальникахъ фамиліи герцогини довольно случны;
нѣкоторые утверждаютъ, что онѣ и довольно сомнительны.
Герцогиня Наполеоновской имперіи хочетъ непосредственно про-
исходить отъ Византійскихъ императоровъ. У всякаго свой
вкусъ! Впрочемъ, оно довольно вѣроятно. Если только
прародители Г-жи Жюно вышли изъ Востока, такъ объ
этомъ и спорить нечего, потому что на Востоку все про-
исходить отъ Византійскихъ императоровъ. Но она го-
раздо болѣе намъ нравится, когда переходитъ къ сно-
шеніямъ своимъ съ семействомъ Наполеона: тутъ инте-
ресъ возбуждается въ высокой степени. Она видѣла вели-
каго человѣка еще ребенкомъ. Описывая все обстоятельства
тѣсной связи между ея семействомъ и Наполеономъ, она
подмѣшиваетъ въ свой рассказъ множество анекдотовъ о по-
стороннихъ, часто весьма незначительныхъ лицахъ; эти
анекдоты бросаютъ любопытный свѣтъ на тогдашнее со-
стояніе общества во Франціи, но въ Русскомъ переводѣ
большая ихъ часть могла бѣ быть выпущена, безъ ущерба
для занимательности сочиненія.

Переводъ не блестящъ, но читается легко и пріятно. Изда-
ніе чисто и красиво: оно будетъ состоять изъ шестнадцати
томовъ.

Путешествіе Барона Александра Гумбольдта по
Америкѣ, съ Геологическими и Климатологическими из-
слѣдованіями Азии. Перевелъ съ Нѣмецкаго И. Нероновъ.
СП.—бургъ, въ тип. Плюшара, 1835, въ 8., стр. 140.

Г. Нероновъ подаетъ нашимъ переводчикамъ такой пра-

чаръ, который заслуживаетъ съ нѣхъ стороны полнаго вниманія и крѣпкаго размышленія. Если переносить творенія иностраннаго пера въ нашу литературу, такъ ужъ по-крайней-мѣрѣ приносить плоды великихъ умовъ и обширныхъ познаній, а не сказки, не повѣсти, не пустые романы не сплетни о людяхъ и происшествіяхъ, чуждыхъ нашему сочувствію. Переводъ такого творенія, каково то, которое Г. Нероновъ собирается сдѣлать доступнымъ Русской публикѣ, радуется намъ болѣе чѣмъ пятьдесятъ оригинальныхъ повѣстей и романовъ. Книжка, которой заглавіе здѣсь выписано, есть только пятая часть знаменитаго сочиненія подъ этимъ названіемъ. Она содержитъ въ себѣ только «Взгляды на природу». Прочія части, говоритъ переводчикъ, послѣдуютъ за нею. Чтобъ вполне оцѣнить всеобщность познаній, замысловатость видовъ и удачность сближеній Г. Гумбольдта, надобно быть коротко знакомымъ почти со всеми науками; но чтобы воспользоваться, и просвѣтиться его соображеніями, довольно внимательнаго чтенія,—такъ онъ ясенъ и простъ въ своихъ разсужденіяхъ. Мы возвратимся къ этому «Путешествію», какъ скоро выйдутъ слѣдующія части, и постараемся познать нашихъ читателей съ богатымъ его содержаніемъ.

Часы благоговенія для споплиестзованія истинному Христіанству и домашнему богопочтенію. Бъспды для юношества. Переводъ съ Нѣмецкаго четырнадцатаго издакія. СП.—бургъ, въ тип. заготовленія Государственныхъ Бумагъ, 1835, въ.-8., стр. 221. Часть третья.

Извѣщая о выходѣ третьей части это превосходнаго сочиненія, въ похвалу ей мы не можемъ ничего прибавить къ тому, что уже сказали о двухъ первыхъ. Родители которые ищутъ хорошаго чтенія, для подрастающихъ дѣтей, могутъ дать имъ въ руки предпочтительно эту книгу.

Лѣсоохраненіе, или Правила сбереженія растущихъ лѣсовъ. Сочиненіе Петра Перельгина, ученаго лѣсничаго при департаментѣ Имуществъ и дѣйствительнаго члена общества И. Вольнаго Экономическаго, для Поощренія Лѣснаго Хозяйства и Санктпетербургскаго Минералогическаго. Издано издженіемъ Общества для Поощренія

Льснаго Хозяйства. СП-бургъ, въ тип. Медицинскаго Департамента М. В. Д., 1835, въ-8., стр. XII—280.

Ученый сочинитель присоединилъ къ собственнымъ своимъ, многолѣтнимъ опытамъ по льсной части, наблюдени Бехштейна, Шиллинга, Лауроппа, Гартиха, Мейера и другихъ. Весь его трактатъ раздѣленъ на три части: въ первой онъ говоритъ объ охраненіи льсовъ отъ вреда, причиняемаго человѣкомъ; во второй, отъ вреда, производимаго органическою природою; въ третьей, отъ вреда, наносимаго неорганическою природою.

Охраненіе казенныхъ льсовъ рачительно производится, на основаніи правилъ, предписанныхъ Льснымъ Уставомъ; но льса, принадлежащіе частнымъ владѣльцамъ, подвержены нередкимъ опустошеніямъ, по незнанію или небрежности хозяевъ. Для нихъ-то особенно будетъ полезна книга Г. Перелыгина, какъ лучшее на Русскомъ языкѣ собраніе правилъ о льсоохраненіи.

Краткія наставленія во врачебной наукѣ, или краткій систематическій курсъ Медицины. Карманная книга, переведенная съ сочиненія Г. генераль-хирурга Тедена, съ Нѣмецкаго языка, и пополненная изъ новейшихъ сочиненій К. Ц., и содержащая Анатомію, Физиологію, Патологію; Фармакологию, Терапію и Хирургію. Москва, въ тип. Университетской, 1835, въ-8., стр. 363.

Этотъ карманный курсъ Медицины, составленный по руководству Тедена, весьма уважаемому въ арміяхъ, пополненъ, по части Хирургіи и Терапіи, изъ хирургій Рихтера, Кализена, Гильдебранта и Буша, и изъ терапіи Геккера, Гуфланда и Консбурга.

Врачебный словарь, извѣсняяющій принятыя въ Медицину Греческіе и Латинскіе термины, съ прибавленіемъ краткихъ біографическихъ очерковъ извѣстныхъ древнихъ врачей, составленный докторомъ медицины, надворнымъ советникомъ и кавалеромъ Александромъ Никитинымъ, и Медико-хирургической Академіи членомъ-корреспондентомъ и общества Русскихъ врачей въ Санкт-

петербургъ членомъ и секретаремъ. СП.-бургъ, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1835, въ-12., стр. 1V-620.

Сочиненіе очень полезное для молодыхъ врачей и для тѣхъ, которые читаютъ физиологическія книги. Должно однако сожалѣть, что опредѣленія терминовъ и біографическіе очерки древнихъ врачей иногда чрезчуръ коротки.

ФАРМАКОГРАФІЯ или Химико-фармацевтическое и Фармако-динамическое изложеніе приготовленія и употребленія новѣйшихъ лекарствъ. Изданная Александромъ Нелюбинымъ, докторомъ медицины, академикомъ, и ординарнымъ профессоромъ при И. СПетербургской Медикохирургической Академіи, членомъ медицинскаго Совѣта, статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ. Изданіе третіе, вновь разсмотрѣнное, исправленное и умноженное. СП.-бургъ, въ тип. Ш. О. К. Внутренней стражи, 1835, въ 8. Томъ второй, стр. XV-524.

=

РАЗНЫЯ НВѢСТІЯ.

— У книгопродавца А. Ф. Смирдина выпала, подъ названіемъ «Увеселительной Азбуки», тетрадь прелестныхъ и очень умныхъ рисунковъ, по которымъ дѣти могутъ учиться чтенію. Это цѣлая эпопея азбуки! Подъ каждою буквою алфавита находится миленькая группа тѣхъ фигуръ и предметовъ, которыхъ названія въ Русскомъ языкѣ начинаются тою же буквою. Дитя, забавляясь, отгадываетъ ихъ, и вмѣстѣ узнаетъ употребленіе буквы, нарисованной вверху. Эта замысловатая выдумка можетъ служить увеселеніемъ и для самой маменьки: объясняя дитятъ фигуры, ихъ дѣйствія, связь совокупленныхъ предметовъ и свойства каждаго изъ нихъ въ особенности, воображенію ея представится тысяча занимательныхъ фантазій, которыя пріятно развлекутъ и ученика и учительницу. Напримеръ, подъ буквою *Д*. Дѣти играютъ Дощечкой, и не смотрятъ на Доску, которая стоитъ передъ ними. Двери — видѣнь прекрасныя Дворецъ. Дерево растетъ подлѣ Дома. Дыня ле-

жить для тѣхъ, которые будутъ прилежно учиться. Кто жъ этотъ мальчикъ, что стоитъ на Диванѣ, надувшись, опустивъ рукава, неприятный, толстый, неуклюжій? Да это видно и по лицу, что онъ Дуракъ!

— Романъ Г. Степанова, «Постоялый дворъ, Записки покойнаго Горянова», обещанъ былъ къ концу мѣсяца, — и не вышелъ! А мы ожидаемъ его съ величайшимъ нетерпѣнiемъ, которое будетъ понятно всякому, кто только прочтаетъ прелестную статью того же автора, «Прихоть», помѣщенную въ нынѣшней книжкѣ Б. для Ч. Эта статья насъ удивила, и своимъ слогомъ, своей милою, изысочною веселостью, и остроумною мыслию, на которой она основана. Прочитайте, и скажите сами! Право, судя по этому превосходному началу, надобно поздравить Русскую словесность, да и насъ, съ открытiемъ прiятнаго и образованнаго дарованiя!.... Но мы поклялись, никогда не хвалить слишкомъ чьихъ бы то ни было началъ, съ тѣхъ поръ какъ наша похвала принесла несчастiе одному прекрасному дарованiю. Мы молчимъ. Между-тѣмъ, доставьте намъ, пожалуйста Александръ Петровичъ, еще одну такую «Прихоть»

— Второе изданiе «Фантастическихъ Путешествiй Барона Брамбеуса» также еще не вышло, но, говорятъ, уже готово.

=

VII.

С М Ъ С Ъ.

ОПЫТЫ НАДЪ ТЕРМОМЕТРОМЪ ПОДЪ ЗЕМЛЕЮ. Прежнія наблюденія заставили геологовъ принять правиломъ, что внутренняя температура земли усиливается однимъ градусомъ стоградуснаго термометра на каждыя 9 или 14 сажень. На этомъ основана теорія о было-каленомъ состояннн ядра земнаго шара. Однако, эти наблюденія подтверждались не вездѣ одинаково, и нынче опыты, дѣланные надъ термометромъ въ весьма значительной глубинѣ, представили результатъ не совсѣмъ согласный съ прежними заключеннми. Шахта, которую роютъ въ Монквинмоутской ломкѣ каменнаго угля, близъ Сундерланда, достигла глубины, до которой не доходили еще ни въ одномъ рудникѣ въ Англнн. Доселѣ самую глубокою шахтою тамъ была Пирская, въ 1470 футовъ (210 сажень) подъ землею, изъ которыхъ только 1150 футовъ (166 сажень) ниже поверхности моря, а дно Монквинмоутской шахты находится теперь уже въ 1500 футахъ (214 сажень.) ниже уровня океана и въ 1600 (229 сажень.) подъ поверхностью земли. Она начата въ маѣ 1826, и только въ 1833 году нашли въ глубинѣ двадцати сажень съ половиною первый слой каменнаго угля, и то только въ полтора дюйма толщиною. Послѣ разныхъ приключеннн, которыя иногда останавливали дѣло на болѣе или менѣе продолжительное время, работники достигли въ октябрѣ прошлаго года глубины 225 сажень. Самые отважные изъ нихъ приходили уже въ унынне и лишились надежды найти предметъ своихъ исканнн, какъ вдругъ встрѣтили богатѣйшнй пластъ угля, тотъ самый, который называется въ той странѣ Бентамовскимъ. Полагаютъ, что подъ этимъ пластомъ долженъ быть другой, еще богаче; по этому шахту дѣятельно продолжаютъ, а между-тѣмъ разрабатываютъ первый пластъ. Нѣсколько ученыхъ спустились въ послѣднее время въ этотъ рудникъ и произвели барометрическнй

и тригонометрическія наблюденія, которыхъ подробности весьма любопытны.

Стоградусный термометръ, помѣщенный въ верху шахты, въ 22 саженьхъ надъ поверхностію моря, показывалъ 12° тепла, а внесенный въ одну изъ новыхъ штольнь упалъ до 0, или точки замерзанія. Въ этомъ рудникѣ устроено четыре новыя штольни: для наблюденія избрали глубочайшую изъ нихъ, длиною въ двадцать два верга и шириною въ двѣ, къ началу которой проводима была струя воздуха, назначенная для возобновленія атмосферы въ рудникѣ. Температура воздуха при началѣ шахты была 17°, близъ дна почти 19°, а въ штольнѣ, нѣсколько выше струи воздуха, 20°. Отломали кусокъ угля, и въ мѣсто, которое занималъ онъ, вставили тотчасъ два термометра, которыхъ шарники были тщательно покрыты пылью: они вскорѣ стали показывать 19°. Въ концѣ штольни скопилось немного воды: температура ея въ одиннадцать часовъ была въ 21°, а черезъ три часа послѣ того въ 19½ градусъ. Термометръ былъ зарытъ на 18 дюймовъ ниже вочвы и около десяти вергъ отъ начала штольни: минутъ черезъ сорокъ онъ показывалъ 19½ градусъ. Другой термометръ, погруженный точно также въ самый концѣ штольни, показывалъ черезъ то же время 21°. Наконецъ третій термометръ зарылъ еще глубже; чрезъ нѣсколько времени онъ показалъ 22°. Два термометра, чрезвычайно чувствительныхъ, погруженные въ воду, образуемую теченіемъ газовъ, показывали температуру, постоянно измѣнявшуюся отъ 21° до 22°. Наконецъ термометръ, зарытый въ яму въ два съ половиною фута, находящуюся въ другой штольнѣ и замазанную глиною, для того, чтобы не допускать въ нее атмосфернаго воздуха, показалъ черезъ двое сутокъ то же почти 22°. Словомъ, эти опыты представляли только три градуса разницы между теплою слоею въ началѣ шахты и въ концѣ ея, на протяженіи слишкомъ двухсотъ сажень внутрь земли. Если принять самое высокое количество прежнихъ выводовъ, то есть, четырнадцать сажень глубины, мѣрою усиленія температуры на одинъ градусъ, разница должнаствовала бы простираться здѣсь до пятнадцати градусъ. Этотъ и другіе подобные случаи заставля

ють; кажется, согласиться, что постепенное усмирение внутренней температуры земли не есть фактъ всеобщій, но что онъ большею частію зависитъ отъ мѣстныхъ обстоятельствъ.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЙ РЫБИЙ УРОДЪ. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ American Journal of Science, журнала, издаваемого людьми учеными и заслуживающими довѣренности, напечатано описаніе двойной рыбы, называемой chat. Эта чудовищная рыбка поймана живвою съѣткою въ мартѣ мѣсяцѣ 1833 года въ устьѣ Кепъ-Фира, въ сѣверной Каролинѣ. Двѣ рыбки были соединены между собою точно такъ же, какъ известные Сіамскіе близнецы. Обѣ ихъ груди покрыты были одною оболочкою, и раздѣленіе ихъ означалось только черною полоскою. Составомъ и цвѣтомъ своимъ она совершенно походила на брюшную кожу. Голова и кишки были цѣльныя у каждой рыбки; но когда брюшину съ боку вскрыли, то увидѣли, что она пуста. Это заставило думать, что внутренности, которыя должны бы были въ ней находиться, перешли въ брюшину сосѣдки, что дѣйствительно и подтвердилось. Первая изъ этихъ рыбокъ была длиною въ три дюйма съ половиною, а вторая только въ два съ половиною. Вѣроятно, что при рожденіи своемъ обѣ онѣ были одинакой величины и равной силы; но природа, повидимому, благопріятствовала болѣе развитію одной чѣмъ другой, и первая выросла бы еще болѣе, если бы онѣ подолге жили; голова ея была надъ головою той, и поэтому верхняя рыбка могла избирать пищу, а нижняя должна была ожидать благопріятнаго случая или постыться, пока близнецъ ея насытится.

СРЕДНЕЕ ПРОДОЛЖЕНІЕ ЖИЗНИ ВЪ РАЗНЫХЪ ВОЗРАСТАХЪ. Въ последнее время, въ Петербургѣ начали поговаривать объ учрежденіи компаніи для застрахованія на жизнь человѣческую: поэтому, всякому не худо знать, сколько онъ можетъ прожить со времени застрахованія своей жизни. Г. Вигтльортъ недавно читалъ объ этомъ разсужденіе въ Сѣверо-Американской Академіи Наукъ и Художествъ. Вотъ среднее продолженіе жизни въ разныхъ воз-

растахъ, нечисленное имъ по документамъ многихъ компаній этого рода. Тотъ, кто застрахуетъ жизнь свою въ —

<i>Возрастъ.</i>	<i>Годы.</i>	<i>Мѣслицы.</i>	<i>Недѣли</i>
5 лѣтъ возраста, можетъ надѣяться прожить	40	9	3.
10 —	39	—	2.
15 —	36	1	1.
20 —	34	2	2.
25 —	32	3	3.
30 —	30	2	2.
35 —	28	2	2.
40 —	26	—	1.
45 —	23	11	1/2.
50 —	21	1	1.
55 —	18	3	3 1/2.
60 —	15	5	—
65 —	12	5	—
70 —	10	—	1/2.
75 —	7	8	3.
80 —	5	9	3.
85 —	4	6	—
90 —	3	8	2.

Достойно примѣчанія, что не достигшіе двадцати пяти лѣтъ возраста наименѣе имѣютъ надежды на долговѣчность, а достигшіе сорока пяти, наиболѣе.

ПЯСУЧАЯ БОЛЕЗНЬ. Известный въ Германіи докторъ Гекеръ издаетъ сочиненіе объ эпидеміяхъ, господствовавшихъ въ средніе вѣки. Въ первой части своей любопытной книги говорилъ онъ весьма подробно о черной смерти; вторая посвящена вся пясунействовству, или пясучей болѣзни, а третья, которая недавно появилась, заключаетъ потовую болѣзнь, *englischer Schweiss*. Мы приведемъ нѣсколько замѣчательныхъ мѣстностей изъ второй части.

Суевѣріе четырнадцатаго столѣтія приписывало двумъ Святымъ, Іоанну и Виту, какую-то особенную связь съ чрезвычайнымъ недугомъ, котораго главнымъ признакомъ было сильное и судорожное движеніе. Абиссинскіе христіане и по-сю-пору считаютъ Св. Іоанна покровителемъ страждущихъ этой болѣзнию, а странные обряды, которыми встрѣчаютъ Ивановъ день почти во всей южной

Европѣ и въ Азін, указываютъ и здѣсь на подобнос по-
вѣрье.

Ясныя извѣстія о появленіи этой фантастической, но
нешуточной, эпидеміи въ Европѣ восходятъ до 1374 года,
когда въ Ахенѣ увидѣли вдругъ толпы мужчинъ и жен-
щинъ, собравшіяся изъ всей Германіи, которыя представ-
ли на улицахъ и даже въ другихъ мѣстахъ самое странное по-
зорище. Они составляли хоробы, и, несмотря ни на кого
въ свѣтъ, плясали по цѣлымъ часамъ съ дикимъ неистов-
ствомъ; наконецъ падали наземъ въ совершенномъ изнемо-
женіи. Тогда они жаловались, что имъ очень тяжело, и стена-
ли какъ въ смертныхъ мукахъ, пока ихъ не стягивали въ про-
стыни; послѣ этого они приходили въ себя, и не страдали
ничѣмъ до перваго припадка. Къ стягиванію прибѣгали
противъ сильной натуги въ животѣ, слѣдовавшей за спаз-
модическимъ изступленіемъ; но больнымъ часто помогали
менѣе искусственнымъ образомъ, то есть, просто мали и
топтали страждущія части тѣла. Во время пляски они ни-
чего не видали и не слышали, и были совершенно безчув-
ственны къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ; но имъ грезились тогда
разныя видѣнія, и они мысленно заклинали духовъ, произ-
нося только ихъ названія; нѣкоторые изъ нихъ сказывали
послѣ, что они какъ-будто были погружены въ ручьи
крови и прыгали такъ высоко для того, чтобы изъ нихъ
освободиться.

Въ нѣсколько мѣсяцевъ этотъ недугъ распространился
по всемъ окрестнымъ Нидерландамъ, и возрастающее чи-
сло страждущихъ наводило даже ужасъ. Въ городахъ и
селахъ приняты были мѣры, согласныя съ тогдашними по-
нятіями, и никто не сомнѣвался, чтобы страшная болѣзнь не
была дѣвольское навожденіе: въ Литтихъ заперали неис-
товыхъ.

Эти плясуны отличались странными отвращеніями: видъ
остроносыхъ башмаковъ раздражалъ ихъ до такой сте-
пени, что этотъ покрой надобно было вовсе запретить.
Ненависть къ краснымъ цвѣтамъ раздѣляли они съ ин-
дѣйскими пѣтухами, а нѣкоторые изъ нихъ не могли
терпѣть, чтобы кто-нибудь плакалъ. На улицахъ въ Мецѣ
появилось однажды тысячъ сто плясунувъ, и можно себя

представить нравственные слѣдствія этой эпидеміи! Разумется тутъ было много и обмановъ, но времена скоро перемѣнились и въ шестнадцатомъ столѣтіи Парацельсъ уже говорилъ объ ней, какъ о тѣлесной болѣзни, не считая ея дѣвольскимъ навожденіемъ.

Этому недугу подвергались все состоянія, особенно тѣ, которыя вели сидячую жизнь, напримеръ башмачники и портные; впрочемъ и самые здоровые поселяне оставляли свои работы, будто одержимые злымъ духомъ: они сходились все безъ различія въ назначенныя мѣста, и, если народъ ихъ не останавливалъ, готовы были плясать до послѣдняго вздыханія. Неистовство ихъ доходило до того, что многіе разбивали себѣ головы объ углы и стѣны округныхъ зданій или бросались въ быстрыя рѣки, гдѣ находили вѣрную смерть. Зрители могли укрощать ихъ только тѣмъ, что подставляли имъ скамейки и стулья, черезъ которые они непременно хотѣли перепрыгнуть, и такимъ образомъ скорѣе истощались въ усиліяхъ. Тутъ они падали совсѣмъ безъ чувствъ, и приходили въ себя только исподволь и очень медленно.

Многіе такъ совершенно вылечивались этими чрезвычайными принадлежками, что возвращались потомъ къ своимъ работамъ, какъ-будто ничего не бывало. Напротивъ другіе утрачивали въ нихъ всю свою силу, такъ что нельзя было помочь имъ ни какими средствами. Что музыка имѣла на больныхъ величайшее вліяніе и усиливала ихъ припадки,—это очень естественно: въ нервныхъ разстройствахъ самыя глубокія впечатлѣнія получаютъ посредствомъ уха, которое есть умственнѣйшій изъ всехъ нашихъ органовъ. По-этому во многихъ городахъ бургомистры нанявали музыкантовъ для ускоренія припадковъ въ плясунахъ Св. Вита и высылали къ нимъ силачей, которые доводили ихъ до совершеннаго изнеможенія.

Феликсъ Платеръ, умершій въ началѣ семнадцатаго столѣтія, рассказываетъ, что, въ молодости его, Базельское градоначальство нарядило нѣсколькихъ здоровяковъ плясать съ одной дѣвушкой, одержимой плясенствомъ, до тѣхъ поръ, пока она совершенно влечется. Эти молодцы чередовались между собою и проплясали съ ней четыре недѣли;

тутъ наконецъ больная ушла отъ слабости, ее отнесли въ больницу и она выздоровѣла. Все это время оставалась она въ платьѣ и отнюдь не обращала вниманія на боль въ истерзанныхъ ногахъ; она садилась только чего-нибудь почитать и вздремнуть, но и тогда не прерывалось въ ней плавное движеніе.

Весь іюнь мѣсяцъ, передъ Ивановымъ днемъ, одержимые этимъ недугомъ томились непреодолимымъ безпокойствомъ и уныніемъ; они чувствовали въ разныхъ частяхъ тѣла внезапную стрѣльбу и нетерпѣливо ожидали капуна Иванова дня въ той увѣренности, что, поплававъ въ эту урочную ночь, непременно избавятся отъ всѣхъ страданій. Надежда ихъ не обманывала: удовлетворивъ трехчасовымъ неистовствомъ неодолимому влеченію природы, они во весь годъ не подвергались ни какимъ припадкамъ.

Къ этого же рода недугамъ относится и Итальянскій тарантизмъ, котораго баснословное происхожденіе приписываютъ, какъ извѣстно, ядовитому пауку тарантулу. «Укушенные имъ, говоритъ Перотти, впадали обыкновенно въ мрачную задумчивость и казались почти вовсе одуренными. Къ этому присоединялась, во многихъ случаяхъ, такая чувствительность къ музыкѣ, что при первомъ звукѣ любимыхъ мелодій они вскакивали съ криками радости и плясали непрерывно до тѣхъ поръ, пока упадутъ наземь почти бездыханными. У другихъ, болѣзнь не принимала такого веселаго направленія. Они все плакали, и, какъ-бы томясь неудовлетвореннымъ желаніемъ, проводили жизнь въ печали и горести. Еще нѣкоторые, въ болѣзненныхъ припадкахъ любви, безпрестанно смотрѣли на женщинъ, и есть примѣры, что эти несчастные умирали иногда отъ смѣха или отъ слезъ.»

Тарантисты были еще страстнѣе къ музыкѣ, нежели ихъ Германскіе собратья, Ивановцы. Для нихъ сочинялись особенныя пѣсы, называемыя тарантеллами и соответствовавшія разнымъ душевнымъ расположеніямъ страждущихъ. Цѣвта дѣйствовали на нихъ такъ же раздражительно, однако жъ красный, ненавидимый пясунами въ Германіи, предпочитали они, кажется, всѣмъ другимъ. Многоученный отецъ Кирхеръ рассказываетъ объ этомъ слѣдующее:

«Плясовые припадки одного капуципскаго монаха въ Тарентѣ возбуждали любопытство до такой степени, что кардиналъ Каetano отправился въ монастырь, чтобъ видѣть ихъ собственными глазами. Онъ засталъ капуцина въ самомъ жару пляски, но тотъ, когда увидѣлъ кардинала въ его красномъ одѣяніи, забылъ слушать тарантеллу и съ странными тѣлодвиженіями старался подойти къ знаменитому гостю, какъ-будто хотѣлъ перечестъ вся нити его багряницы. Зрители и собственное чувство уваженія помѣшали ему до нея дотронуться, но невозможность утолить непобѣдимое желаніе привела его въ такое разстройство, что онъ упалъ въ обморокъ и опаматовался только тогда, когда кардиналъ отдалъ ему изъ сожалѣнія свою пурпуровую шапку. Онъ тотчасъ схватилъ ее съ величайшимъ восторгомъ, прижималъ то къ груди, то ко лбу, то къ щекамъ, и потомъ опять пустился плясать какъ бѣшеный.»

Многіе были одержимы такою же страстію къ водѣ, плясали съ полными стаканами и обнаруживали самое пламенное стремленіе къ морю. Другіе мечтали вылечиться, зарываясь въ землю. И не одни туземцы подвергались дѣйствию чудной эпидеміи; прѣвзжіе также заражались ею: дряхлые старики бросали костыли и скакали во всю ивановскую; дѣти, едва вышедшія изъ колыбели, прыгали вмѣстѣ съ ними. Плясонейство достигло здѣсь высочайшей степени въ семнадцатомъ столѣтіи: музыканты толпами бродили по Италіи для цѣлѣнія многочисленныхъ тарантистовъ. Даже самыя скромныя и несуетверныя osoby духовнаго званія не могли устоять противъ общей заразы. Іоаннъ Баптистъ Квинцато, епископъ Фолинвойскій, давъ себя укусить тарантулу для шутки, не могъ вылечиться иначе, какъ поплясавъ подъ тарантеллу. Впрочемъ болѣзнь была не слишкомъ опасна: изъ тысячи укушенныхъ умиралъ одинъ или двое.

Замѣчательно, что въ Абиссиніи плясонейство существуетъ по сіе время. Что касается до среднихъ вѣковъ, то они представляютъ рѣдкій примѣръ еще страннѣйшихъ недуговъ въ женщинахъ. Докторъ Гекеръ рассказываетъ, а мы только передаемъ слова его, будто обита-

тельницы одного «женскаго убѣжища» во Франціи вдругъ принялись мяукать въ одинъ голосъ, какъ кошки, однако жъ въздоровѣли отъ этой ужасной болѣзни, когда ихъ постращали бичеваніемъ. Въ Германіи было еще хуже: въ нѣкоторыхъ женскихъ обществахъ, онѣ начали тамъ кусать другъ друга, — все это, разумется, въ припадкахъ истерики, а не въ здоровомъ состояніи.

Неистовства Французскихъ *судорожниковъ*, *convulsionnaires*, продолжались до 1790 года; но они должны были уступить первенство нѣкоторымъ методистскимъ сектамъ въ Англіи, и особенно въ Америкѣ, гдѣ на такъ называемыхъ полесыхъ сходкахъ, *samp-meetings*, бѣшенство методистовъ доходитъ до невѣроятности. Въ припадкахъ изступленія женщины разрываются преждевременными родами; другія, всенародно раздѣвшись, бросаются въ рѣки. Лающіе, *the barkers*, которые только изредка и поодиначкѣ являлись между судорожниками, ползаютъ здѣсь цѣлыми стадами на четверенькахъ. Дѣти, которыя бываютъ свидѣтелями всѣхъ этихъ неистовствъ, по слабости нервовъ и по сочувствію съ родителями, впадаютъ въ тѣ же самыя ужасы, и многіе разстроиваютъ здоровье на всю жизнь.

ПРЕБЫВАНІЕ НАПОЛЕОНА ВЪ БЕРЛИНѢ. (Извлеченіе изъ записокъ очевидца.) Двадцать четвертаго октября поутру въ половинѣ одиннадцатаго часа императоръ Наполеонъ сошелъ съ лошади въ Потсдамскомъ Увеселительномъ Саду.

—Такъ здѣсь я буду жить? спросилъ онъ маршала Дюрока.

—Точно такъ, государь, отвѣчалъ Дюрокъ. Ваше величество будете занимать комнаты, которыя занималъ Императоръ Россійскій.

Наполеонъ, давъ приказаніе разставить часовыхъ въ королевскомъ дворцѣ, какъ то дѣлалось во время присутствія короля Прусскаго, вошелъ въ Мраморную залу, и спросилъ меня, какую я занимаю должность.—Камердинера его величества короля Прусскаго, отвѣчалъ я, — и показалъ назначенныя для него комнаты. Войдя въ такъ называемую Желтую комнату, въ которой находились два придворныхъ

служителя, онъ спросилъ, кто они таковы, и говорятъ ли по-Французски. Я отвѣчалъ, что не говорятъ.—А вы Французъ?—Нѣтъ, государь; я Итальянецъ.—Вы останетесь при мнѣ, сказалъ онъ по-Итальянски.

Комнаты свои нашелъ онъ прекрасными и богато убранными, а войдя въ спальную, спросилъ, не на этой ли кровати почивалъ Россійскій Императоръ. Я отвѣчалъ утвердительно. Потомъ приказалъ онъ привести нѣсколько столовъ, чтобы разложить на нихъ географическія карты. По прошествіи получаса, императоръ потребовалъ завтрака, который раздѣлилъ онъ съ принцемъ Іеронимомъ и Мюратомъ. Между-тѣмъ прибыла его гвардія; ей показали двѣ главныя гауптвахты, и она, пройдя черезъ ворота Увеселительнаго Сада, заняла гауптвахты и Мраморную залу. Въ Синей комнатъ, близъ квартиры Наполеона, находилась дежурный генералъ, и въ Бронзовой залѣ нѣкоторые изъ дежурныхъ офицеровъ и адъютантовъ, принадлежавшіе къ почетной его стражѣ.

Въ два часа по полудни, войдя въ Бронзовую залу и показывая на висѣвшія надъ каменномъ картины, онъ спросилъ меня, какія это картины.

—Онѣ представляютъ короля Польскаго и Фридриха Вильгельма, перваго Прусскаго короля.

—Въроятно того, который учредилъ старый гренадерскій баталіонъ? Далеко ли отсюда до Санъ-Суса и Новаго Дворца?

—Не далеко, государь.

—Я еще сегодня намѣренъ ихъ осмотрѣть. А гдѣ здѣсь жилъ Фридрихъ Великій?

Въ другомъ флигелѣ дворца, къ Длинному Мосту.

—Хочу теперь же видѣть его комнаты.

Я немедленно приказалъ кастеляну отворить комнаты Фридриха Великаго. Наполеонъ, вошедъ въ первую, спросилъ меня:

—Это уже одна изъ комнатъ Фридриха Великаго? А что это за картины и гравюры, которыя лежатъ на полу?

Я отвѣчалъ, что онѣ куплены царствующимъ королевемъ на Берлинской выставкѣ. Проходя слѣдующими комнатами онъ желалъ знать, гдѣ почивалъ Фридрихъ Великій: я пока-

заль то мѣсто.—Гдѣ кровать, на которой онъ спалъ?—Не въ состояніи будучи дать удовлетворительнаго отвѣта, я обратился къ кастеляну, который отвѣчалъ, что кровать свою Фридрихъ II подарилъ камердинеру Рипу. Въ одной изъ комнатъ Наполеонъ отперъ стеклянный шкафъ, въ которомъ находились сочиненія Фридриха, вынулъ одинъ томъ, и сказалъ окружающимъ его генераламъ:—Вотъ господа, сочиненія Фридриха Великаго, в каталогъ имъ самимъ писанный!—Потомъ, приказавъ замкнуть шкафъ, спросилъ меня, показывая на кастеляна:—Служилъ этотъ человекъ Фридриху Великому?—Онъ былъ въ продолженіи многихъ лѣтъ при немъ лакѣемъ, и имъ же пожалованъ въ кастеляны.—Потомъ, обратясь къ своимъ генераламъ, Наполеонъ пришепталъ:—Вотъ ноты Фридриха Великаго: онъ былъ большой знатокъ въ музыкѣ.

—А чья это шпага, что лежитъ здѣсь на столѣ? продолжалъ онъ.

Надобно знать, что шпагу эту и ящикъ съ мундиромъ, которые Фридрихъ носилъ будучи въ Петербургъ, позабыли благовременно спрятать; а какъ она давно уже была известна многимъ Французамъ и одинъ изъ адъютантовъ ее узналъ, то принужденъ былъ отвѣчать, что шпага была временная Великаго короля, и что лежащіе подлѣ ней знаки ордена Чернаго Орла названы были также очень рѣдко. Потомъ спросилъ онъ—Неужели Фридрихъ Великій носилъ такую маленькую шпагу?—и получилъ въ отвѣтъ, что точно такъ. Онъ взялъ ее со стола, и, показывая своимъ генераламъ, сказалъ:—Если бы король, носившій эту шпагу былъ еще живъ, насъ бы здѣсь не было. — Къ столу прислонена была трость съ золотымъ набалдашникомъ.—Трость эта также принадлежала Фридриху Великому?—Точно такъ, отвѣчалъ я: ее носилъ Фридрихъ Вильгельмъ II.

Наполеонъ вообще осведомлялся о всѣхъ предметахъ, находившихся въ комнатѣ, объ ихъ назначеніи, и прочая. Увидѣвъ токарный станокъ Фридриха, онъ спросилъ, были ли послѣ его смерти сдѣланы какія перемѣны въ этихъ комнатахъ. Я отвѣчалъ, что нѣтъ, а онъ присовокупилъ, что онъ навсегда должны оставаться въ настоящемъ видѣ. Возвратясь въ свои покои, Наполеонъ приказалъ отыскать

человѣка, умѣющаго говорить по-Французски, который бы могъ ѣхать съ нимъ верхомъ и показывать ему дорогу. Полагая, что королевскій берейтеръ, Миллеръ, знаетъ Французскій языкъ, я послалъ за нимъ; онъ тотчасъ явился, но оказалось, что онъ по-Французски не знаетъ. Такимъ образомъ Наполеонъ и генералы его побѣжали уже безъ провожатаго осматривать Санъ-Суси и Новый Дворецъ, и по прошествіи нѣсколькихъ часовъ возвратились.

Двадцать пятаго октября утромъ явился въ корридоръ такъ называемыхъ новыхъ комнатъ нѣкто Гессе, и спросилъ меня по-Французски, не принадлежу ли я къ свитѣ императора. Я отвѣчалъ, что служу королю Прусскому. Потомъ сказалъ онъ, что имѣетъ къ Наполеону письмо, и желаетъ испросить черезъ одного изъ адъютантовъ дозволеніе отдать его лично. Я доложилъ объ немъ дежурному генералу, который взялъ отъ Гессе письмо и подалъ императору. Наполеонъ, прочитавъ, сказалъ:—Возможно ли? Я только-что пріѣхалъ, а меня уже просятъ приказать выдать сумму, которую его величество Прусскій король обѣщавъ дать въ пособіе одной фабрикѣ. Вотъ истинный патріотъ!

Послѣ обѣда Наполеонъ приказалъ маневрировать гвардіи и конной артиллеріи,—что продолжалось нѣсколько часовъ; потомъ отправился съ своими генералами на гробницу Фридриха Великаго; долго въ молчаніи осматривалъ ее, и наконецъ сказалъ:—Онъ мертвъ, но имя его бессмертно!

Двадцать шестаго октября Наполеонъ ѣздилъ съ своими генералами верхомъ въ Шарлоттенбургъ, а 27 октября около четырехъ часовъ пополудни отправился оттуда въ Берлинъ. Гордъ въ тотъ вечеръ былъ иллюминированъ. Государь болѣе часу еще прогуливался верхомъ по городу, и потомъ возвратился во дворецъ. Онъ занималъ комнаты Фридриха Великаго къ Увеселительному Саду. Въ Зеркальной комнатѣ близъ покоевъ государя находился дежурный генералъ, а въ комнатѣ съ колоннами нѣсколько дежурныхъ офицеровъ и адъютантовъ, принадлежащихъ къ почетному караулу.

Октября 28, въ одиннадцать часовъ утра, представлялись императору всѣ должностныя лица Берлина. Въ двенад-

цать часовъ государь назначилъ парадъ, дѣлалъ смотръ бывшимъ полкамъ, и повысилъ отличившихся на полѣ сраженія. Въ тотъ же день посѣтилъ онъ принца Фердинанда Прусскаго, желалъ оказать ту же честь куръ-принцессѣ Гессенъ-Касельской, но она извинилась, что не можетъ принять его по причинѣ нездоровья.

Въ одно утро Наполеонъ приказалъ позвать къ себѣ фельдмаршала фонъ-Меллендорфа; и когда тотъ явился, онъ взялъ его ласково за руку, повелъ во внутреннія комнаты, и сказалъ: «Мнѣ весьма пріятно познакомиться съ столь храбрымъ фельдмаршаломъ.»

Нѣсколько дней спустя пригласилъ онъ его къ столу, за которымъ находимось нѣсколько принцевъ крови, и въ продолженіе всего обѣда разговаривалъ почти съ нимъ однимъ.

Къ восьми часамъ вечера государь со всеми принцами, генералами и фельдмаршаломъ фонъ-Меллендорфомъ прибылъ въ Зеркальную комнату и приказалъ начать концертъ.

Маршалъ Дюрокъ представилъ императору капельмейстера Гюммеля. Наполеонъ спросилъ объ его отечествѣ: Гюммель отвѣчалъ, что онъ Пруссакъ и что Фридрихъ II посылалъ его въ Италію для усовершенствованія таланта. Дюрокъ представилъ ему также пѣвца Баварскаго короля, по имени Бриччи. Узнавъ, что онъ Болонецъ, императоръ говорилъ съ нимъ по-Италянски, и кончилъ замѣчаніемъ, что Болонцы хорошіе люди. Королевско-Прусскій оперный пѣвецъ Тамболини и оперная пѣвица Марметто были равноврно ему представлены. Впоследствии у императора былъ каждый вечеръ вокальный концертъ. Онъ слушалъ музыку, и въ то же время игралъ съ дежурнымъ генераломъ въ шахъ-маты.

Однажды, въ послѣобѣднее время, когда Наполеонъ съ своими генералами поѣхалъ въ Фридрихсфельдъ дѣлать смотръ войску, явилась во дворецъ княгиня Гацфельдъ. Узнавъ, что я нахожусь при императорѣ, она спросила меня, не извѣстно ли, гдѣ находится супругъ ея. Видя уныніе княгини, я сначала не хотѣлъ сказать истину, но она просила такъ убѣдительно, что я не могъ воздержаться, и открылъ ей, что князь взятъ подъ арестъ.—У себя ли государь? спросила она въ сильномъ волненіи духа: я дол-

жна ему вручить письмо.—Съ часъ назадъ какъ онъ увидалъ, отвѣчалъ я: и не ранѣе возвратится какъ къ вечеру.—Между-тѣмъ вошелъ гофъ-фурьеръ императора, и сказалъ княгинѣ, что ей нельзя тутъ оставаться, но я успѣлъ шепнуть ей по-Нѣмецки, что такъ какъ ей известны всѣ входы и выходы дворца, то она можетъ еще найти случай вручить государю письмо. Въ то же время вошелъ изъ другаго зала маршалъ Дюрокъ; княгиня обратилась къ нему, но онъ отдѣлался отъ нея извиненіемъ, что слишкомъ занятъ и не имѣетъ времени ее выслушать. Такимъ образомъ несчастная должна была вѣзти домой. Къ шести часамъ Наполеонъ возвратился. Княгиня Гацфельдъ явилась снова въ сопровожденіи камергера, даннаго ей принцессою, супругою принца Фердинанда: онъ указалъ ей мѣсто у дверей комнаты, въ которую долженъ былъ войти императоръ. Едва Наполеонъ появился, какъ княгиня пала на колѣни, и просила пощады своему мужу. Императоръ остановился, взялъ отъ нея письмо, которымъ ходатайствовала за нее принцесса, и спросилъ, кто она.—Я княгиня Гацфельдъ, и испрашиваю пощады моему мужу.—Императоръ снялъ шляпу и сказалъ:—Встаньте, сударыня.—Но княгиня лежала почти въ обморокъ.—Подымите ее, сказалъ онъ Дюроку и Сегюру.—Съ этими словами онъ пошелъ въ кабинетъ, и, прочитавъ письмо, приказалъ мнѣ позвать княгиню. Въ величайшемъ смятеніи послѣдовала она за мною до передней комнаты, гдѣ дежурный генералъ доложилъ объ ней: она вошла, и, не вѣдая причины арестованія мужа, просила объ оказаніи ему правосудія; увѣряла, что клевета, а не вина, свергла его въ настоящее положеніе. Въмѣсто отвѣта, государь подалъ ей перехваченное письмо князя. Съ трепетомъ беретъ его несчастная, разкрываетъ, и узнаетъ руку своего мужа. Вина его противъ гордаго побѣдителя очевидна. Въ неописанной горести, обнаружившейся во всѣхъ ея движеніяхъ, прерываетъ она молчаніе только этими словами:—Да, государь! мы слишкомъ несчастны!—Теперь вы видите, сударыня, возразилъ Наполеонъ, клевета ли это?—Слезы брызнули изъ глазъ княгини; она находилась въ жадостномъ положеніи; невольное состраданіе изображалось на лицахъ окружавшихъ ее особъ.—Суда-

рыня, сказалъ Наполеонъ, взявъ у нее обратно письмо: это письмо есть ясное доказательство вины вашего супруга, но мы его уничтожимъ.—Онъ разорвалъ письмо, и бросилъ его въ огонь.—Я прощаю вашего супруга, продолжалъ онъ: поспѣшите съ нимъ соединиться.—И маршалъ Дюрокъ, получившій тутъ же приказаніе выпустить князя, повзвалъ съ нею объявить ему свободу.

Ноября 24, поутру въ три часа императоръ повзвалъ изъ Берлина въ Кюстейнъ, сказавъ, что черезъ четыре дня возвратится; однако жъ не возвращался, и, спустя десять дней свита его, остававшаяся въ Берлинъ, получила приказаніе за нимъ слѣдовать. Этимъ кончилась и моя служба, которую я отправлялъ съ 23 октября по 5 декабря, денно и ночью, съ величайшимъ напряженіемъ силъ моихъ. Я отправился къ генералу Кларку, просилъ его о паспортѣ на возвратный путь въ Потсдамъ, и 6 декабря отдыхалъ уже въ недрахъ моего семейства. *В. Пангевъ.*

ПРАЗДНЕСТВА ВЪ ГЕРДВАРЬ И ДЖЕГЕРНАТЬ. Браминская религія почитаетъ дѣломъ весьма богоугоднымъ путешествіа на богомолье. Въ Индіи есть особенно два мѣста, которыхъ ревностный поклонникъ Браммы не можетъ не посвятить хотя однажды въ жизни, — городъ Гердваръ и храмъ Джегернатскій. Гердваръ лежитъ у подошвы горъ, смежныхъ съ Тибетскими пиками, въ томъ мѣстѣ, гдѣ священная рѣка протекаетъ въ долины Индустанскія. Живописныя красоты этого знаменитаго мѣста каждый годъ привлекаютъ туда множество Англійскихъ путешественниковъ. Городъ Гердваръ, пишетъ одинъ изъ нихъ, не что иное какъ длинный рядъ довольно красивыхъ домовъ, занимающій обширную возвышенную площадь на берегахъ Ганга. Мрачный мѣсъ окружаетъ его и надъ нимъ господствуетъ. Въ концѣ предмѣстій, столѣтнія деревья бросаютъ тѣнь свою на воды рѣки, и зеленѣющіяся ихъ вершины пріятно смѣшиваются съ колонами восточной архитектуры. На заднемъ планѣ картины тянутся горы, покрытыя вѣчными снѣгами.

«Я видѣлъ Гердваръ въ такое время, когда суевѣріе привлекаетъ туда богомольцевъ изъ всѣхъ частей Ин-

дін. По мнѣнію ихъ, вода Гангеса получаетъ каждыя двѣнадцать лѣтъ новую силу: тогда всякой сплывшій въ ней очистится. Всѣ дороги покрыты богомольцами: мужчины, женщины, дѣти, старики, богатые, бѣдные, все сплываютъ къ этому многочисленному мѣсту. Воздухъ оглашается ихъ криками, когда, добравшись до холмовъ, съ которыхъ виднѣн Гердваръ, они усматриваютъ священную рѣку, выходящую изъ горной своей колыбели. Городъ Гердваръ не довольно великъ для того, чтобы помѣстить и десятую часть народа, который въ это время туда собирается; но для Азіятца квартира вещь неважная. Большая часть приносятъ съ собою палатки, а бѣдные располагаются подъ деревьями. Всѣ окрестности составляютъ тогда одинъ обширный лагерь, въ которомъ Арабы, Сингалезцы, Персіяне, Татары, смѣшиваются съ Сейками, съ жителями Кеча, Гузерата, Нипала и разныхъ областей Индіи. Въ некоторомъ разстояніи отсюда виднѣются палатки Европейскихъ путешественниковъ: тамъ покоятся нѣжныя женщины, которыя не побоялись облаковъ пыли и мириадъ насекомыхъ, чтобы насладиться этимъ живописнымъ зрѣлищемъ.

Астрологи опредѣляютъ минуту, когда надобно погрузиться въ Гангесъ, чтобы вода его произвела полное свое дѣйствіе. Это омовеніе — единственный обрядъ, наблюдаемый купальщиками. Оно состоитъ въ простомъ погруженіи въ Гангъ и въ уплатѣ дани, собираемой браминами. Эти духовные составляютъ одну изъ главныхъ чертъ картины. Они въ большомъ числѣ собираются въ Гердваръ; ихъ видишь и на *веренде*, и на галереяхъ, и на крышахъ главныхъ зданій. Они даже строятъ себѣ въ рѣкѣ подмостки, съ которыхъ наблюдаютъ за омовеніемъ купающихся. Не нужно прибавлять, что въ продолженіе всего обряда слышенъ ужасный крикъ, сопровождающій всѣ Индѣскія церемоніи. Въ прежнія времена купающіеся подвергались не одной только опасности оглохнуть, но и разнымъ несчастнымъ приключеніямъ. Въ минуту погруженія, всѣ вдругъ бросались въ воду. Отъ этого происходилъ родъ свалки, при которой многіе лишались жизни. Англійское правительство уничтожило это неудобство, облегчивъ доступъ къ рѣкѣ. Новая пристань не менѣе ста

футовъ въ ширину и имѣеть до ста ступеней. Во всякое время дня она покрыта толпою богомольцевъ, которые всходятъ или спускаются. Благодарные за эту попечительность, купающіеся изъявляютъ свою признательность тысячу разъ повторяемыми криками — *валъ! валъ!*

«Соединеніе столькихъ народовъ въ одномъ мѣстѣ подаю поводъ къ торговымъ сдѣлкамъ, которыя освящены обычаемъ. Гердвардская ярмарка славится на всемъ Востокѣ и приманиваетъ столько же спекуляторовъ, сколько мнимая святость водъ Гангеса привлекаетъ искреннихъ богомольцевъ.

«Она, такъ же какъ и всѣ другія Индѣйскія ярмарки, не походитъ на подобныя собранія, бывающія въ Европѣ; и тамъ видимъ фокусниковъ и пласуновъ на канатъ, но нѣтъ ни одного изъ тѣхъ зрелищъ, которыя возбуждаютъ у насъ народное любопытство. Всеобщее вниманіе обращается тамъ въ особенности на торгъ скотомъ, одинъ изъ важнѣйшихъ этого рода торговъ во всей Индіи. Съ береговъ Чермнаго Моря привозятъ туда красивыхъ коней, легкихъ какъ вѣтеръ. Эти благородныя животныя прекрасными своими статями составляютъ совершенную противоположность съ болѣе скромною, но не менѣе полезною породою лошадей Кашмирскихъ и Кабульскихъ. Въ отдаленномъ мѣстѣ площади являются слоны со своими гигантскими формами, но они уступаютъ преимущество верблюдамъ, особенно породѣ, известной подъ названіемъ *киркара*, которая идетъ ровнымъ шагомъ около ста пятидесяти верстъ ни на минуту не останавливаясь отдыхать. Подлѣ этихъ нынѣшнихъ великановъ животнаго царства, являются быки, коровы, овцы, собаки и кошки; послѣднія принадлежатъ къ прекрасной Персидской породѣ. Далѣе, режутъ въ клеткахъ львы, леопарды и другіе дикіе звѣри.

«Главный предметъ торговли на Гердвардской ярмаркѣ составляютъ драгоценныя каменья, привозимые туда изъ всѣхъ частей Азіи. Кашмирскія ткани во множествѣ блестятъ тамъ рядомъ съ произведеніями Англійскихъ фабрикъ; даже Парижскіе духи и галантерейныя вещи находятъ сбытъ въ этой отдаленной части Азіи. Индѣйскіе купцы не знаютъ ни употребленія этихъ вещей, ни настоящей цѣны ихъ и большая часть тѣхъ, которые ихъ

покупають, врядь ли знаютъ болѣе этого. Въ Гердварѣ видимъ только самые естественные и пріятные символы Индусской религіи; Джегернатъ напоминаетъ объ ея странности и жестокости. Въ Джегернатъ возвышается храмъ кровожаднаго божества, которое некогда давило колесами своей колесницы тѣла своихъ неистовыхъ обожателей.

«Этотъ знаменитый храмъ возвышается на Орисскомъ берегу, который первый представляется взорамъ путешественника, прибывающаго изъ Европы. Трудно было бы подать точное понятіе объ этомъ зданіи. Форма его — пирамида футовъ въ двѣсти вышиною, съ безчисленнымъ множествомъ украшеній Индѣйской архитектуры; къ главной двери храма ведутъ широкія ступени; что касается до внутренности, то ни одинъ Европейскій путешественникъ не можетъ похвалиться тѣмъ, что ее видѣлъ. Большой Джегернатскій храмъ построенъ въ двѣнадцатомъ вѣкѣ подъ надзоромъ перваго министра раджи этого округа. Идолы, какъ говорятъ, замѣчательны только по своей величинѣ и уродливости. Три главные идола изображаютъ три верховныя божества Индѣйцевъ; но всѣ низкія божества, обожаемыя на берегахъ Ганга, являютъ свои истуканы Джегернатскомъ храмѣ, и оттого на бывающія въ немъ празднества собираются Индѣйцы всѣхъ вѣрованій и всѣхъ кастъ.

«Главное изъ этихъ празднествъ называется Рать-джатра, и бываетъ ежегодно. Богомольцевъ стекается множество. Тѣ, у которыхъ на совѣсти лежатъ важные грѣхи, достигаютъ до храма, мврля землю своимъ тѣломъ, и употребляютъ иногда на это пять лѣтъ. При наступленіи дня Рать-джатра, главный идолъ выносятъ изъ храма, и ставятъ его на гигантскую колесницу. Тутъ начинается процессія. Чтобы привести въ движеніе огромныя колеса этой колесницы, потребны усилія полуторы тысячи человекъ. Чудовищную эту машину обвозятъ вокругъ всего освященнаго мѣста, посреди изступленныхъ криковъ толпы, возбуждаемой «джогіями, госсейнами» и другими нищенствующими святошами, которые, въ припадкахъ своей изуверной радости, походятъ на воплощенныхъ дьяволовъ.»

Ниже уже никто не бросается подъ колеса огромной ко-

лесницы. Усилія Англійскаго правительства почти совершенно уничтожили этотъ ужасный обычай; но посѣщеніе Джегерната и теперь еще сопровождается плачевными обстоятельствами. Большая часть богомольцевъ, которые туда отправляются, уже не возвращается болѣе на родину. Усталость, недостатокъ пищи, обязанность подвергаться безъ защиты пагубному дѣйствию дождей, производять въ рядахъ ихъ ужаснѣйшее опустошеніе; и не рѣдко, при концѣ праздника, земля вокругъ храма бываетъ покрыта тысячами труповъ, пожираемыхъ хищными птицами.

НОВѢЙШЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ИСЛАНДІЮ. Г. Барро, тотъ самый наблюдательный человекъ, который года три тому назадъ открылъ въ Петербургѣ, въ трактирѣ Дюме, что Русскіе пьютъ водку передъ обѣдомъ, съѣзжалъ прошлаго лѣта въ Исландію и издалъ теперь описаніе своей прогулки подъ заглавіемъ — *A visit to Iceland*. Г. Барро, наскучивъ жить каждое лѣто на дачѣ, изобрѣлъ себѣ чудный способъ избѣгать жары въ знойное время: съ наступленіемъ весны въ Англии, какъ скоро ртуть въ термометрѣ подымется до 15 градусовъ, онъ садится на пароходъ, и ѣдетъ въ какую-нибудь сѣверную страну, какъ-можно поближе къ полюсу, дышать прохладнымъ воздухомъ. На зиму онъ возвращается въ Лондонъ, и издаетъ описаніе своей поѣздки. Такимъ образомъ въ 1832 году онъ былъ въ Россіи, въ 1833 въ Норвегіи (Б. для Ч., № 10), въ 1834 въ Исландіи, и въ теченіе того же времени напечаталъ три сочиненія. На нынѣшнее лѣто, Г. Барро собирается нанять себѣ дачу на Шпицбергенѣ.

Въ концѣ іюля, Г. Барро вышелъ на берегъ въ столицѣ Исландіи, Рейксавикъ: это имя означаетъ «дымную деревню», и дано ей отъ сосѣдства съ горячимъ ключемъ, изъ котораго поднимаются облака дыма. Столичная деревня окружена совершенно голою равниною, и почва такъ неблагоприятна, что едва дозволяетъ расти самому мелкому картофлю и капустѣ. Губернаторъ показывалъ путешественнику за рѣдкость три или четыре горные ясени, достигшіе удивительной вышины въ четыре фута.

На пути къ знаменитымъ Гейзерамъ Г. Барро имѣлъ слу-

чай замѣтить, что въ Исландіи вовсе нѣтъ ни телегъ, ни колымагъ: всѣ тяжести перевозятся въ влетерикахъ, которыя вѣшаютъ лошадямъ черезъ спину, подкладывая куски торфа чтобы имъ не терло бока.

Равнина, гдѣ лежатъ Гейзеры, покрыта кипящими ключами и горячимъ иломъ, и на пространствѣ около трехъ десятковъ земли какъ-будто дрожить подъ ногами и издаетъ глухой, рокочущій шумъ, подобный отдаленному грому. Въ некоторыхъ мѣстахъ вода прорывается отдельными струями, въ другихъ идетъ одинъ только дымъ. Большой Гейзеръ какъ нарочно сохранялъ спокойствіе, такъ что путешественникъ и товарищи его должны были удовольствоваться изверженіемъ одного изъ меньшихъ.

«Тутъ обратили мы вниманіе на старанія нашихъ проводниковъ, которые вырывали и бросали въ жерло большіе куски торфа. Казалось, они думали вызвать этимъ изверженіе, и какъ всѣ мы желали насладиться такимъ зрѣлищемъ, то принялись помогать имъ изо всѣхъ силъ. Кипящая влага, какъ-бы въ негодованіи за нашу дерзость, прыснула почти въ ту жъ минуту съ такою силою, что подняла черный столбъ ила, воды и торфа на шестьдесятъ или семьдесятъ футовъ въ вышину, и была такимъ образомъ минутъ восемь или десять; потомъ опять иринула въ спокойствіе и остановилась на прежней глубинѣ. Куски торфа разбились въ мелкія частицы и какъ-будто растворились въ водѣ, такъ что и послѣ изверженія она была гораздо мутнѣе обыкновеннаго: торфяныя частицы, падаая сверху, опустились опять въ водоемъ.»

Воды Гейзера имѣютъ окремняющее свойство: не только обломки дерева и кости животныхъ попадаютъ здѣсь въ окремненномъ состояніи. Г. Барро нашелъ даже печатный доскутокъ бумаги, на которомъ можно было разобрать всѣ слова, въ видѣ прозрачной кремневой пластинки, а губернаторъ острова показывалъ ему шерстяной чулокъ, который окаменѣлъ совершенно, пролежавъ около полугода у этихъ источниковъ. Въ продолженіе двадцати минутъ путешественники сварили въ нихъ нѣсколько дикихъ куликовъ, убитыхъ дорогою: температура воды была постоянно отъ 66 до 70 градусовъ Реомюрова термометра.

Возвратясь изъ этой экспедиціи, Г. Барро посѣтилъ Бессстадское училище, гдѣ на языки мертвыхъ обращено гораздо болѣе вниманія, чѣмъ на удобства живыхъ: воспитанники учатся по-Латыни, по-Гречески и по-Еврейски, а спать по-двое и по-трое рядомъ въ какихъ-то грязныхъ ясляхъ на снѣгъ. Ихъ всего до сорока человекъ, и это единственное учебное заведеніе въ цѣлой Исландіи; но большая часть молодыхъ людей воспитывается дома, и притомъ такъ тщательно, что даже многіе поселяне сокращаютъ длинныя зимнія ночи чтеніемъ Латинскихъ классиковъ.

Г. Барро былъ пораженъ бѣдностью тамошняго народа и особенно духовенства, вынужденнаго заниматься самыми грубыми работами и ремеслами. Пасторы, по словамъ его, лучшіе кузнецы на всемъ островѣ. Впрочемъ это отнюдь не мѣшаетъ имъ быть истинными христианами, и сближая съ народомъ единственныхъ его наставниковъ, распространяетъ кругъ ихъ полезнаго вліянія.

БЕДУИНСКІЕ ТУРНИРЫ. Англійскій маіоръ, сирѣ Гренвиль Темплъ, путешествовавшій по сѣверозападной Африкѣ съ женою и своячинами, издалъ описаніе этого путешествія, которое между множествомъ общезвѣстныхъ вещей содержитъ нѣсколько новыхъ подробностей объ Алжирѣ и Тунисѣ. Авторъ, между прочимъ, удачно изображаетъ турниры, празднуемые Бедуинами, по случаю свадебъ, и живо напоминающіе рыцарскія игры среднихъ вѣковъ: впрочемъ и самая идея рыцарства происходитъ отъ Бедуиновъ, и первоначально была принесена въ Испанію Аравитянами; самое слово *cavallero*, *chevalier*, *Reiter*, *Ritter*, рыцарь, то есть, всадникъ, есть переводъ Арабскаго *фарисъ*.

«Турнирное поле продолговато и окружено многочисленными рядами зрителей, которые сидятъ поджавши ноги. Лучшіе всадники всего племени выезжаютъ на самыхъ рьяныхъ коняхъ, одѣтые такъ пышно, какъ только дозволяетъ имъ состояніе; лошади покрыты разноцвѣтными шелковыми чапраками, которые достають до земли и похожи на древніе рыцарскіе, описанные Фруассаромъ. Нѣкоторые Арабы заставляють коней своихъ плясать подь звукъ трубъ и барабановъ; между-тѣмъ пѣшіе люди иногда бросаются

къ нимъ внезапно и стрѣляютъ изъ ружей подь самими ушами лошадей. Другіе мчатся во всю прыть по чертѣ зрителей и какъ-можно ближе къ ихъ ногамъ, но никогда на нихъ не наступаютъ; потомъ вдругъ ставятъ коня на дыбы, повертываютъ и скачутъ съ той же быстротою въ противоположную сторону. Страшно смотрѣть на это зрѣлище, потому что того и глядишь, что кого-нибудь задавятъ; но никогда не бываетъ несчастныхъ случаевъ: мужчины, женщины и дѣти, преспокойно сидятъ на мѣстахъ и привѣтствуютъ каждое искусное движеніе наѣздника громкими и восторженными кликами одобренія: женщины сопровождаютъ это весьма употребительнымъ, но невыразимымъ повтореніемъ звуковъ *лю-лю-лю-лю*, скороговоркой, и въ вознагражденіе закидываются тучами песку и пыли, которыя поднимаютъ за собой неукротимые скакуны. Трое или четверо другихъ, всадивъ острия стремена свои въ бока разгоряченныхъ лошадей, бѣшено несутся черезъ площадь съ воинскими кликами, *текбиръ*, вертятъ надъ головою длинныя Арабскія ружья съ серебряной насѣчкою, и потомъ разряжаютъ ихъ въ зрителей, достигнувъ крайней оконечности поля. Другіе сражаются съ пѣшими, вооруженными саблею; скачутъ вокругъ своихъ противниковъ въ неизмѣримо близкомъ разстояніи, и потомъ вдругъ повертываютъ лошадей и кружатъ въ другую сторону съ такимъ проворствомъ и ловкостью, что я не знаю, кому удивляться болѣе, всаднику или коню его. Наконецъ иные перегибаются на всемъ скаку и поднимаютъ — не платокъ, какъ наши фокусники, а піастръ или другую какую-нибудь мелочь, нарочно для того брошенную. Эти игры составляютъ одно изъ самыхъ веселыхъ и оживленныхъ зрѣлищъ, какія мнѣ только случалось видѣть. Разноцвѣтные шелковые санджаки пестрятъ въ воздухѣ, музыка гремитъ не умолкая, раздаются выстрѣлы, воинственные клики наѣздниковъ и громкія, радостныя привѣтствія многочисленныхъ зрителей.»

ВЕСТМИНСТЕРСКІЕ ОВОИ. Въ числѣ драгоценностей, сдѣлавшихся добычею пламени при последнемъ пожарѣ въ Вестминстеръ, особеннаго сожалѣнія заслуживаютъ велико-

льпные тканые обои, украшавшіе стѣны Англійской палаты перовъ, единственные въ своемъ родѣ. Первые такіе обои, появившіеся въ Европѣ, были привезены съ Востока крестоносцами: въ то время искусство на Западѣ было еще весьма слабо, и только знатныя дамы посвящали свои досуги подобнымъ работамъ. Но промышленный гений Европы вскорѣ воспользовался образцами, и сдѣлалъ изъ этого новую отрасль торговли. Известно, что Фламандцы первые прославились этого рода фабрикаціею. Англичане и Французы завели у себя шпалерныя фабрики не прежде шестнадцатаго столѣтія, въ царствованіе Генриха VIII въ Англіи и Генриха IV во Франціи. При Лувигъ XIV Французскіе тканые обои въ состояніи уже были выдерживать соперничество съ Фламандскими. Въ Англіи Іаковъ I особенно покровительствовалъ этой отрасли промышленности, и пожаловалъ 2,000 фунтовъ стерлинговъ сирь Френсису Крану для покрытія издержекъ заведенія одной такой фабрики въ Мортлакъ, въ графствѣ Суррейскомъ. До того времени Нидерланды снабжали ткаными обоями всю Европу; тамъ же были изготовлены и тѣ, которые украшали сгорѣвшую въ прошломъ году залу палаты перовъ. На нихъ изображено было знаменитое сраженіе Англійскаго флота съ Армадою. Поэтъ Спенсеръ такъ былъ пораженъ превосходною работою этихъ обоевъ, что описалъ ихъ въ стихахъ. Художникъ изобразилъ на нихъ это событіе со всѣхъ точекъ зрѣнія. Онъ представилъ сначала общій видъ Испанскаго флота; потомъ различные маневры, атаки, огромныя массы непріятельской эскадры, стоящія передъ малочисленными Англійскими кораблями; далѣе планъ сраженія, пылъ боя; наконецъ разбитіе и бѣгство эскадры, которая заставила трепетать Европу. Все это было выполнено чрезвычайно искусно. Въ 1759 году Джонъ Пайнъ (Paine) издалъ описаніе этихъ обоевъ съ гравированными изображеніями.

Вотъ различныя сцены, которыя были здѣсь представлены. 1. Испанскій флотъ въ ту минуту, какъ онъ входитъ въ каналъ. 2. Армада, построенная полукружіемъ и преслѣдуемая Англичанами передъ Фови. 3. Левое крыло и первыя непріятельскія дѣйствія: художникъ избралъ ту ми-

пугу, когда Испанцы начинали отступать. 4. Галера Вакеса, лишившаяся средней мачты и попадающая въ руки сирь Френсиса Драка, между-тѣмъ какъ лордъ великій адмиралъ съ кораблями Беаг и Marie-Rose преслѣдуетъ непріятеля. 5. адмиральскій корабль и Гипускойская эскадра, сожигаемая Англичанами, и Армада, идущая къ острову Портланду, гдѣ она должна была потерпѣть новое пораженіе. 6. Частный бой между нѣсколькими Англійскими и Испанскими кораблями. 7. Сшибки, происходившія 25 іюля передъ островомъ Вайтомъ. 8. Армада, преслѣдуемая Англичанами и ожидающая подкрѣпленія изъ Дюнкирхена и Кале: здѣсь художникъ избралъ ту минуту, когда эскадра герцога Парискаго присоединилась ко флоту. 9. Испанцы, стоящіе на якорѣ противъ Кале и принужденные брандерами сняться; вдали видѣнъ Англійскій флотъ, готовящійся къ новой битвѣ. 10. Наконецъ Испанцы, ищущіе убѣжища въ сѣверныхъ моряхъ и все еще поражаемые Англичанами въ то самое время, какъ адмиральскій корабль свѣла на мель близъ Кале.

Само исчисленіе предметовъ можетъ дать понятіе о колоссальности этого удивительнаго творенія ткацкаго станка, которое сдѣлалось уже невозможнымъ въ наше время. Но оно было примѣчательно и въ художественномъ отношеніи. Берега были обработаны несравненно старательнѣе, чѣмъ какъ это обыкновенно дѣлалось въ томъ вѣкѣ. Даль изображена была довольно хорошо: только иногда художникъ, желая представить вдругъ оба берега и не имѣя довольно мѣста, слишкомъ сблизжалъ ихъ. По мѣстамъ являлись изъ воды дельфины и разныя животныя, и любопытно, что художникъ придалъ имъ мрачную и грозную фizioномію, какъ-будто самыя рыбы были приведены въ негодованіе несправедливымъ нападеніемъ Испанцевъ на Англію. Хотя всѣ эти картины вообще слишкомъ походила одна на другую, хотя вездѣ являлась Армада, расположенная полукругомъ и преслѣдуемая Англійскимъ флотомъ, однако обои эти были драгоцѣннымъ произведеніемъ искусства, дѣлающимъ большую честь творцамъ своимъ. Рисунки были составлены знаменитымъ Гарлемскимъ живописцемъ морскихъ сраженій, Генрихомъ Корнелиемъ Вормомъ, а выполнены Френсисомъ Спрингомъ.

ДРЕВНІЯ ЕГИПЕТСКІЯ КАРТИНЫ. Въ числѣ новыхъ Англійскихъ книгъ за прошлый мѣсяцъ упомянули мы о сочиненіи Вилькинсона, «Топографія Оивъ и Общій взглядъ на Египеть.» Мы уже имѣли случай дважды говорить о Г. Вилькинсонѣ по поводу спора о Мемноновомъ колоссѣ, и собираемся еще разъ возвратиться къ нему при обзорѣ нынѣшняго состоянія «Ероглической Науки», который давно уже представили бѣ нашимъ читателямъ, если бѣ не страшились усыпить ихъ однимъ именемъ ероглическихъ и Египетскихъ древностей. Но мы когда-нибудь подыдемъ на храбрость, — а между-тѣмъ приведемъ изъ книги Г. Вилькинсона, который прожилъ двѣнадцать лѣтъ между Египетскими развалинами, описанія нѣсколькихъ барельефныхъ картинъ, покрывающихъ стѣны Оивскихъ чертоговъ и гробницъ Фараоновыхъ. Читатели наши увидятъ, что тутъ много новаго и любопытнаго, и можетъ-быть пожелаютъ, чтобы мы скорѣе приступили къ ероглическимъ. Исторія Египта чисто монументальная: одни памятники поясняютъ намъ тѣ бѣглыя указанія, которыя находимъ у Геродота, у Діодора Сицилійскаго и въ изуродованномъ отрывкѣ жреца Манефона.

Краснорѣчивѣйшій изъ памятниковъ, барельефная раскрашенная скульптура, благодаря покойному Шамполиону, который вскружилъ головы путешественниковъ и антикваріевъ мнимымъ чтеніемъ ероглическихъ, до-сихъ-поръ мало обращала на себя вниманіе Европейцевъ, между-тѣмъ какъ это единственная Египетская граммата, которую можемъ мы читать безошибочно. Потому нельзя не быть благодарнымъ тѣмъ, которые стараются пополнить этотъ недостатокъ, и пополняютъ его хорошо. Не одна Египетская исторія можетъ воспользоваться этимъ новымъ пособіемъ: слѣдующее замѣчаніе покажетъ многостороннюю его важность. На одной изъ стѣнъ храма Ремезеса II изображено взятіе нѣсколькихъ городовъ у Азіатскаго непріятеля, и всѣ военные спаряды и дѣйствія такъ похожи на описанныя въ *Илиадѣ*, что многое можно было бы почестъ живописнымъ представленіемъ воспѣтыхъ въ ней подвиговъ. Въ барельефныхъ картинахъ другихъ памятниковъ находятся изображенія народовъ, обитавшихъ еще далѣе на сѣверѣ, безъ-

сомнѣнія во Еракіи, представляющія ихъ отличительныя черты, одежду, оружіе. Довольно вспомнить, что это портреты людей, жившихъ еще въ то время, когда Греція была дикою странкою, чтобъ постигнуть всю занимательность для насъ точнаго изслѣдованія подобныхъ остатковъ глубочайшей древности.

Въ военныхъ картинахъ Египетскій царь является всегда предводителемъ, но есть изображенія и частной его жизни.

«Тутъ онъ окруженъ своимъ гаремомъ: нѣкоторые изъ женъ подаютъ ему цвѣты, другія обмахиваютъ его опахаломъ; онъ ласкаетъ любимицу или приглашаетъ ее развлечься съ нимъ игрою, подобною шахматамъ; но всѣ онѣ должны стоять въ его присутствіи: одинъ царь сидитъ между ними на красивыхъ креслахъ, — обычай, доселѣ господствующій на Востокѣ.»

Гробницы жрецовъ и частныхъ людей также заключаютъ много историческихъ картинъ, изъ которыхъ видно, что около пятнадцатаго вѣка до Р. Х. Египтяне распространили свои завоеванія на югъ въ Эѳіопію и на востокъ въ Азію. Но всего любопытнѣе тѣ изображенія, которыя представляютъ обычан, искусства и домашнюю жизнь древнихъ Египтянъ. Вотъ на примѣръ картина семейныхъ удовольствій.

«Вы видите домъ василко-грамматея, царскаго секретаря: онъ сидитъ съ матерью, и ласкаетъ на колѣняхъ маленькую дочь своего государя, у котораго онъ вѣроятно былъ пѣстуномъ. Женщины пляшутъ подъ звукъ Египетской гитары или ставятъ передъ ними сосуды съ цвѣтами и дорогою мазью, а гости сидятъ на прекрасныхъ стульяхъ, и слуги подносятъ имъ вино въ золотыхъ стаканахъ, попривѣтствовавъ напередъ cadaго помазаніемъ головы его благовоннымъ составомъ.»

«Въ нижней части картины сидитъ, поджавши ноги по Восточному гусляръ, и играетъ на семиструнной арфѣ, сопровождаемый гитарою и голосомъ одного пѣвца: слова пѣсни заключены, кажется, въ восьми строкахъ іероглифовъ, относящихся къ Амону и къ особѣ, схороненной въ гробницѣ, начинающихся словами — «Куреніе, предложеніе питья и приношеніе быковъ въ жертву», — и оканчивающихся бра

щениемъ къ василко-грамматею. Далѣе, убиваютъ быка, и два челоуѣка, отсѣкши ему голову, снимаютъ кожу съ ногъ и съ туловища. Слуги уносятъ члены по мѣрѣ ихъ отдѣленія, и всегда напередъ голову и правую переднюю ногу, а прочія ноги и части туловища слѣдуютъ по порядку. Нищій получаетъ голову отъ сострадательнаго ключника, который даетъ ему также бутылку воды. На противоположной стѣнѣ нѣсколько шутовъ пляшутъ подъ звукъ барабана, и такъ далѣе.»

Хотя барельефы Эль-Кабской пещеры гораздо ниже описанныхъ, однако жъ между ними есть любопытная картина древняго Египетскаго земледлія.

«На западной стѣнѣ поселане пашутъ и сѣютъ, и по колесницѣ, которая видна въ полѣ, должно заключать, что хозяинъ, чья гробница, прѣхалъ смотрѣть за ихъ работой. Далѣе жнутъ пшеницу, ячмень и просо, которые отличены вышиною. Еще далѣе видна уборка и молотба, обыкновенно производившаяся въ Египтѣ быками; потомъ вѣяніе, вымѣрка и ссыпка зерна въ житницы. Но съ просомъ обходились не такъ, какъ съ ячменемъ и пшеницею; его не жали серпомъ, но вырвавъ съ корнемъ, вязали въ снопы и перевозили на гумно, гдѣ отдѣляли зерно отъ стеблей особаго рода цѣпами о трехъ или четырехъ зубьяхъ.

«Ниже — рогатый скотъ, ослы, свиньи и козлы, принадлежавшіе покойному, пересчитываются и описываются его прикащиками. Въ другомъ мѣстѣ взвѣшиваютъ его золото, а остальная часть стѣны занята охотою за птицами, рыбной ловлею, солениемъ рыбы и гусей, давленіемъ винограда, лодками, обществомъ гостей, похороннымъ обрядомъ и нѣсколькими священными предметами.

«На противоположной сторонѣ особа, схороненная въ гробницѣ, сидитъ съ женою въ красивыхъ креслахъ, къ которымъ привязана любимая обезьяна, и бесѣдуетъ съ пріятелями: мужчины и женщины, какъ обыкновенно, сядятъ порознь. Является музыка, какъ во всѣхъ Египетскихъ увеселеніяхъ, но здѣсь нѣтъ другихъ инструментовъ, кромѣ двойной флейты, какой-то булавы и арфы.»

Изъ другихъ картинъ вы узнаете множество подробно-

стей Египетской образованности: видите, напримеръ, что имъ извѣстно было употребленіе насосовъ, клею, и такъ далѣе. Замѣтимъ въ заключеніе, что новая книга Г. Вилькинсона написана безъ всякихъ педантическихъ замашекъ натянутой учености.

КАКЪ И КАКЪ ИЗДАЕТСЯ ГАЗЕТА TIMES. «Если буду опять въ Лондонъ, непременно сорву личину съ этихъ журналистовъ: я покажу, что за люди управляютъ свѣтомъ подъ таинственнымъ наименованіемъ—мы!» Такъ говорилъ Г. О'Коннель въ Дублинѣ, въ ноябрѣ прошлаго года, взбѣсившись на Лондонскихъ журналистовъ, которые его «разругали»; однако жъ онъ по сию-пору не сдержалъ своего слова. Г. О'Коннель на этотъ разъ сказалъ, взбѣсившись, великую истину. Что за люди ворочаютъ посредствомъ газетъ дѣлами свѣта подъ завѣсою этого—мы? Пока Г. О'Коннель что-нибудь напишетъ читателямъ нашимъ любопытно будетъ познаться съ тѣми, которые дѣйствуютъ въ знаменитой газетѣ Times, «Времена», царицѣ Европейскихъ газетъ, имѣющей такое вліяніе на всемірную политику и на общее мнѣніе не только въ Англіи, но и на твердой землѣ. Times издается купеческимъ образомъ: собственность этой газеты разделена на двадцать четыре акціи, продававшіяся сначала по двѣ тысячи пятисотъ рублей. Помощію усилій, дарованія и щедрости покойнаго Вальтерса, а потомъ помощію трудолюбія и смѣливости его сына, газета Times достигла мало-по-малу того состоянія и той необыкновенной извѣстности, которыми пользуется она нынче, и которая возвысила цѣну каждой ея акціи до трехъ сотъ тысячъ рублей. Изъ числа двадцати четырехъ акцій, шестнадцать, или двѣ трети, принадлежатъ самому Г. Вальтерсу, что доставляетъ ему пять сотъ тысячъ рублей чистаго дохода, и доходъ этотъ не уменьшается, а напротивъ увеличивается съ каждымъ годомъ. Г. Вальтерсъ долго былъ редакторомъ-хозяиномъ газеты Times и бралъ себѣ за то пятьдесятъ тысячъ рублей въ годъ; но скопивъ огромное состояніе, онъ удалился изъ Лондона, и живетъ превеликолѣпно въ собственномъ помѣстьѣ. Онъ нынче вовсе не занимается ни редакціею, ни дирекціею газеты. Теперь самое тяже-

ное орудіе ея артиллеріи—нѣкто Г. Стерлингъ, служившій капитаномъ во время войны въ Португаліи и Испаніи противъ полководцевъ Наполеона. Онъ очень извѣстенъ герцогу Веллингтону, и хотя давно въ отставкѣ, однако живетъ противъ кавалерійскій казармы и водится только съ военными. Г. Стерлингъ пишетъ «главныя статьи,» въ газету, и уже нѣсколько лѣтъ почти одинъ гремитъ въ ней своими разсужденіями. Г. Стерлингъ сдѣлался извѣстнымъ главному редактору рядомъ писемъ, за подписью Vetus, которыхъ блестящія мысли доставили ему доходъ, возросшій постепенно до тридцати семи тысячъ рублей въ годъ. Г. Стерлингъ не имѣетъ однако жъ ни какого участія въ общемъ изданіи журнала, а получаетъ тридцать семь тысячъ за главную статью нумера, которую каждый день онъ доставляетъ. Этотъ писатель обладаетъ необыкновеннымъ даромъ легкости сочинять, такъ, что иногда меньше нежели въ часъ успѣваетъ написать на цѣломъ столбцѣ огромной газеты мелкаго шрифта, и со временъ Свифта не видаю ничего подобнаго въ политической литературѣ. Г. Стерлингъ отличается особенно своимъ слогомъ: въ пылу страсти онъ забываетъ иногда свои правила, возвращается къ нимъ спустя нѣкоторое время, и опять ихъ покидаетъ, такъ, что политика Times носитъ оттого рѣзкій отпечатокъ беспослѣдовательности. Издатели часто это примѣчали; но въ навывкакъ, пріемахъ и политикѣ Г. Стерлинга есть столько военнаго, онъ до такой степени гордъ и неуклончивъ, что они вынуждены спускать ему многое изъ уваженія къ силѣ и блеску его слога и къ тому вѣсу, какой имѣютъ его статьи въ политическомъ мірѣ, а между-тѣмъ Г. Стерлингъ увлекаетъ за собой Times куда ему угодно. Если эта газета поддерживала въ нынѣшнемъ году министерство Пилля и Веллингтона, одинъ Г. Стерлингъ тому причиною. Онъ сдѣлалъ это не изъ какихъ-нибудь корыстныхъ побужденій; уваженіе и привязанность къ герцогу Веллингтону, подвинули его на защиту правленія, котораго членомъ былъ прежній его начальникъ, и онъ-то сообщилъ недавно этотъ благородный духъ могущественной газетѣ вопреки мнѣнію и видамъ ея козлевъ. Иначе Г. Стерлингъ не покорится никому на свѣтѣ; онъ не сдѣлается работъ ни одной пар-

тія, и ни за что не отступится отъ права разбить въ дребзги всякаго, кто дерзнетъ поперечить его деспотической волѣ. Такъ, въ бѣшенствѣ за то, что ему не удалось отстоять новый билль о нищихъ, безъ жалости сразилъ онъ своей палицей лорда Алторпа, котораго прозвалъ «Воксэмльскимъ огляромъ», хотя самъ его поддерживалъ прежде.

Послѣ Г. Стерлинга главнѣйшій изъ редакторовъ Г. Беризъ, который вмѣстѣ и отвѣтственный издатель. Часто совсѣмъ напрасно приписывали ему громовыя статьи Г. Стерлинга, тогда какъ онъ пишетъ только о Словесности и Изыщныхъ Искусствахъ. Это отличный языковѣдецъ и ученый труженникъ, который день и ночь за работой. Онъ получаетъ двадцать пять тысячъ рублей жалованья, и сверхъ-того имѣетъ полъ-акціи. При своей смѣтливости и дѣятельности, Г. Беризъ прекрасно управляетъ обширнымъ механизмомъ заведенія. Разборчивость его видна въ каждомъ номерѣ Times; онъ опредѣляетъ иностранныхъ корреспондентовъ и скорописцевъ въ обѣ палаты парламента; всѣ они находятъ въ издателѣ начальника тороватаго и знающаго дѣло. Но по деньгамъ онъ требуетъ отъ нихъ и трудовъ, и притомъ безотговорочнаго повиновенія: зато ужъ кромѣ Г. Стерлинга все уступаетъ его волѣ. Въ политикѣ онъ наклоненъ къ мнѣніямъ Виговъ, хотя мало пишетъ по этой части. Онъ чувствуетъ достоинство своего положенія, презираетъ все, что могло бѣ отвлечь его отъ главной дѣли, не думаетъ объ употребленіи во зло своей силы, и всегда является человекомъ праводушнымъ. Можно бѣ посоветовать ему за это, чтобъ онъ жилъ дальше отъ великолѣпнаго дома редакціи Times: это бы заставило его ходить болѣе пышкомъ и избавило отъ опасности умереть вдругъ за работою, что при возрастающей его тучности и чрезмѣрномъ умственномъ напряженіи слишкомъ вѣроятно.

Отдѣленіе газеты, называемое «Городовою статьею», City article, завѣдывается Г. Эльседжромъ. Онъ получаетъ за это пятнадцать тысячъ въ годъ жалованья, но должно сказать правду,—трудъ его заслуживаетъ такого вознагражденія. Г. Эльседжръ знаетъ коммерческую и финансовую часть въ совершенствѣ: это доставило ему возможность оказать важныя услуги торговли статьями, помѣщаемыми

въ Times, и вмѣстѣ сдѣлать себѣ хорошее состояніе искусными спекуляціями. Мнѣнія его всегда имѣютъ большой вѣсъ въ коммерческихъ собраніяхъ.

Г. Беконъ — второй издатель газеты, а Г. Морре у него помощникомъ: оба она пишутъ хорошо и плавнымъ слогомъ. Что касается до Г. Вальтерса, то участіе въ Times было ему не подъ силу, и онъ откланялся во-время. Статьи Г. Стерлинга часто приписывались лорду Бруму, потому что настоящаго ихъ сочинителя стараются скрывать всеми мѣрами. Сотрудникъ, который не хочетъ лишиться мѣста, долженъ быть весьма остороженъ съ каждымъ постороннимъ, и даже никогда не упоминать имени Г. Стерлинга: вымолвить это имя — преступленіе, заслуживающее смертной казни. Нѣтъ журнала, который въ цѣломъ могъ бы сравниться съ газетою Times, и несмотря на бездну враговъ, вооружаемыхъ противъ нея выходами Г. Стерлинга, она безъ-сомнѣнія еще долго останется главою печатныхъ могуществъ.

ЧИСЛО ЖУРНАЛОВЪ ВЪ СЪВЕРНОЙ АМЕРИКѢ. Первый Англо-Американскій журналъ появился въ Бостонѣ въ 1704 году. Въ 1720 въ Американскихъ колоніяхъ издавалось только три журнала; въ 1775 тридцать семь. Въ 1801, выходило двѣсти журналовъ; а въ 1810, триста пятьдесятъ девять, въ 1828 восемь сотъ пятьдесятъ одинъ; а въ 1835, Северо-Американскіе Штаты считаютъ у себя тысяча двѣсти пятьдесятъ журналовъ и сорокъ газетъ. Надобно однако же замѣтить, что въ этомъ числѣ журналовъ ежедневныхъ. По исчисленіямъ довольно точнымъ можно полагать, что число листовъ всѣхъ журналовъ и газетъ, выходящихъ въ Сѣверной Америкѣ въ теченіе года, простирается отъ 70 до 80 миліоновъ. Это количество листовъ требуетъ до 200,000 стопъ бумаги. Полагая, что одна бумажная фабрика выдѣлываетъ 20,000 стопъ въ годъ, выходитъ, что десять большихъ этого рода заведеній потребны для снабженія бумагою однихъ редакцій газетъ и журналовъ.

Вотъ раздѣленіе этихъ журналовъ и другихъ періодическихъ изданій по предметамъ:

Журналовъ чисто религіозныхъ.....	85.
Журналовъ литературно-религіозныхъ.....	49.
Литературныхъ обзорнѣй и магазиновъ.....	41.
Журналовъ трезвости.....	18.
Земледѣльческихъ.....	12.
Медицинскихъ.....	8.
Юридическихъ.....	3.

Итого.....216.

Болѣе всѣхъ имѣютъ подписчиковъ журналы религіозныя. Такимъ образомъ New-York Baptiste Register, журналъ секты анабаптистовъ, издаваемый въ Утикѣ, имѣетъ 7,000 подписчиковъ; Christian-Advocate, журналъ методистскій, выходящій въ Нью-Йоркѣ, 39,000 подписчиковъ. Прочіе методистскіе журналы имѣютъ до 3,000. Наконецъ, Gospel Advocate и Trumpet Magazine, журналы универсалистовъ, считаютъ одинъ 5,000, другой 8,000 подписчиковъ.

ФАБРИКАЦІЯ ДРАМЪ И ВОДЕВИЛЕЙ ВЪ ПАРИЖѢ.

Читатели наши, если они и не читаютъ новѣйшихъ Французскихъ драмъ и водевилей, могли замѣтить изъ статей о Французскомъ театрѣ, что большая часть ихъ слѣплена вдвоемъ, втроемъ, вчетверомъ и такъ далѣе. Г. Люшѣ въ одной изъ послѣднихъ книжекъ Revue de Paris чистосердечно открылъ весь механизмъ этой фабрикаціи и страданія литераторовъ при такомъ порядкѣ вещей. «Никогда литературное товарищество, говоритъ онъ, не было въ такомъ ходу какъ нынче, и никогда не издавалось столько нелѣпостей, столько смертныхъ грѣховъ противъ вкуса, здраваго смысла и образованности. Бѣднякъ литераторъ напишетъ что-нибудь для театра. Піэсу его сперва читаютъ у знаменитой актрисы, въ присутствіи однихъ «артистовъ», и она, положимъ, снискиваетъ величайшее одобреніе. Онъ тогда пишетъ къ директору театра, прося дозволенія прочесть одобренный трулъ свой передъ комитетомъ дирекціи, — по напрасно: онъ долженъ напередъ представить его въ контору, гдѣ она подвергается сужденію главнаго раздатчика билетовъ, который былъ прежде смотрителемъ на заставѣ, а теперь разсматриваетъ піэсы, представляемыя «неягранными» авторами, и рѣшаетъ окончательно, заслуживаютъ ли онѣ вниманія комитета или нѣтъ. Раздатчикъ

билетовъ обыкновенно поручаетъ чтеніе своей почтенной супругѣ, и если та скажетъ, что пьеса «интересна», литератору назначаютъ черезъ два или три мѣсяца день для прочтенія ея въ комитетъ. Но тутъ новая мистификація: комитетъ этотъ состоитъ изъ самого директора, и больше ни изъ кого. Пьеса прочитана; одночленный комитетъ находитъ ее «очень недурною», и готовъ принять на театръ, если только литераторъ, по уваженію своей сценической неопытности, согласится взять себѣ «закройщика», *le faïzeur*, — напримеръ Скриба, Баяра, Мельвиля, не то хоть Ансело или Теомона. Закройщикъ этотъ занимается перекройкою тѣхъ пьесъ, которыя къ нему поступаютъ, и придаетъ имъ нѣкоторое однообразіе, семейное сходство. У каждаго закройщика есть своя мѣрка и свой патронъ, нѣчто въ родъ Прокустова ложа. Если пьеса шире и длиннѣй его патрона, онъ ее обрѣзываетъ; если она уже или короче, онъ ее вытянетъ, падуетъ, размочитъ въ водѣ, и послѣ того наложитъ клеймо своей фабрики, — свое имя. Вотъ откуда берутся два имени на одной пьесѣ. Это славное ремесло — и почетное, и прибыльное. Пьеса, которая прошла черезъ руки закройщика, принадлежитъ только въ третью долю и ужъ отнюдь не больше какъ въ половину тому, кто ее сочинилъ; остальное собственность закройщика, который сверхъ того выставляетъ имя свое на афишѣ передъ сочинителевымъ. Впрочемъ, это часто зависитъ отъ договора. Последнее условіе можетъ измѣниться, если пьеса упадетъ рѣшительно.

Положимъ, что какой нибудь молодой литераторъ не согласенъ взять закройщика: пьесы его никто не приметъ. Онъ жалуется своимъ пріятелямъ и знакомымъ. «Послушайте, говорить ему другой, опытный литераторъ: что вамъ за охота связываться съ директорами театровъ; оставьте вы ихъ въ покоѣ; станемте работать вмѣстѣ и посмотрите, какъ пойдетъ дѣло.» Старому писателю нуженъ былъ свѣжій работникъ: онъ ничего не проиграетъ отъ товарищества; но молодой человекъ долженъ разстаться съ самостоятельностью; онъ привыкнетъ думать чужимъ умомъ и писать чужимъ слогомъ, хотя ни тотъ, ни другой никогда не могутъ сдѣлаться его собственностью. И какая книга или

драма, сочиненная вдвоемъ, открыла путь къ славъ своимъ авторамъ? Кому изъ нихъ принадлежитъ мысль, кому слогъ, кому форма, кому удачный выборъ подробностей? Никто этого не знаетъ. Самимъ сочинителямъ трудно было бы рѣшить этотъ вопросъ, — такъ они перемышляли, перебили, перетрясли, выбывали, высвѣили и свѣяли вмѣстѣ свои мысли, свой слогъ и свою форму. А если васъ спросятъ, что такое вы написали, куда какъ ловко отвѣчать о своихъ произведеніяхъ — Я сдѣлалъ половину, четверть или треть того-то! Это такой стыдъ, что ужасъ. Что подумаете вы о ваятель, который вамъ скажетъ — Въ этой статуѣ правая нога, лѣвое плечо и носъ моей работы?... Гдѣ складчина умовъ, тамъ ремесло, а не искусство.

«Вошедъ въ товарищество, молодой человекъ обрекаетъ себя всегдашней второстепенности, и непременно кончитъ тѣмъ, что безъ зазрѣнія будетъ являться передъ публикой третью или четверткой автора. Онъ начинаетъ работать по-актно, по-картинно, по-сценно, по-главно; потомъ самъ ужъ врать, подправляеть и подкрашиваетъ; наконецъ съ гордо-стью говорить—У меня сыграно *сто дѣйстви*, а у такого-то всего семьдесятъ восемь, хотя онъ прежде меня сталъ писать для театра!» (Этотъ отзывъ — историческій: его слышали многіе). Онъ стряпаетъ пьесы изъ всего и на все; для всякаго и со всякимъ. Воръ ли кто или зажигатель, каторж-ный или просто мошенникъ, ему все равно: если у него есть оочиненная пьеса и связишки въ театрѣ, онъ ему пріятель, онъ его другъ. Имя его продаваться и отдаваться въ наймы: онъ обдѣлаетъ вашу пьеску и предоставитъ вамъ всю честь успѣха: вы напишете подъ его именемъ, и онъ приметъ на себя *безчестье* неудачи, если за такое самоотверженіе вы положите ему какую-нибудь прибавочку. Вотъ механическая и химическая часть нашей литературной промышленности!» говорить Г. Люшѣ.

Это еще не все: до сихъ поръ мы говорили о тѣхъ, которые сами пишутъ пьесы и отдаютъ ихъ подправляеть; но есть еще другой родъ сочинителей, которые только задумываютъ драмы и водевилы. «Нѣкто имѣетъ известное число драматическихъ идей, довольно сильныхъ и оригинальныхъ, но не умѣетъ употребить ихъ въ дѣло, *не знаетъ*

сцены: тогда онъ обращается уже не къ закройщику, а къ «плотнику», le charpentier, — это техническое выраженіе. Плотникъ строить пьесу изъ его идеи, и, когда кончилъ свое дѣло, они призываютъ другаго мастера для подкраски слога, — именно закройщика, le faiseur: вотъ трагедія втроемъ! Но иногда самъ закройщикъ — драматургъ односторонній; у него много «силы», онъ хорошо соображаетъ и выполняетъ ужасныя сцены, отлично умѣетъ подготавливать нечаянности, coups de théâtre, а между-тѣмъ какъ-то неловокъ въ любовныхъ сценахъ, жѣстокъ въ выраженіи материнскихъ чувствъ: онъ зоветъ сосѣда, слезнаго фабриканта, у котораго только и есть что нѣжности; сосѣдъ вставляетъ въ пьесу душу, — что называется «поддать живота», mettre des entrailles, — обминаетъ немного жесткость разговора, слегка посмачиваетъ слогъ своего пріятеля, и изъ этого выходитъ пьеса вчетверомъ.»

Все это кажется вамъ низкимъ до гнусности? Авторъ, дошедшій до такого торга своими способностями, человекъ безчестный, не правда ли? Быть можетъ, — но онъ человекъ богатый, всѣ говорятъ въ Парижѣ, что это «голова»! Теперь вы можете читать слѣдующую статью, потому что уже принимаете дѣло.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. Les beignets à la soug, *Олады при дворѣ*, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, Гг. Теолона, Дюмерсана Жема и Вандербуха.

Г. Лозъ-Веймаръ, человекъ, безспорно, умный: онъ издавъ года три назадъ книгу подъ страннымъ названіемъ Nérenthés, которую читатели Французскихъ романовъ, конечно, пробежали и забыли. Въ этой книгѣ есть прелестная повѣсть, изъ которой Г. Дюмерсанъ съ товарищи состряпали водевиль, совсѣмъ не прелестный. Какъ бы то ни было, но вотъ въ чемъ дѣло.

Молодой Лудвигъ XV былъ уже великій государь; ему было четырнадцать лѣтъ и онъ уже цѣлый годъ царствовалъ. Онъ былъ такъ благороденъ, такъ прекрасенъ, и притомъ такъ скромнень! Юныя его страсти еще спали у него въ сердцахъ. Изъ трехъ страстей предшественника и дѣда его Лудвига XIV, охоты, лакомства и любви, у него были

*

только двѣ первыя: впрочемъ и третья была уже не далеко. А въ ожиданіи этой третьей страсти, онъ билъ оленей и лакомился любимымъ своимъ блюдомъ,—не моднымъ, не очень утонченнымъ:—словомъ; онъ лакомился оладьями.

Г. Лозъ-Веймаръ привозитъ васъ въ Версаль,—не теперешній, а прежній, Бурбонскій Версаль,—береть васъ за руку и проводитъ по всемъ великолѣпнымъ покоямъ этого некогда роскошнаго дворца. Наконецъ вы входите въ довольно темную комнату, наполненную золотую и серебряною посудю. Древнія чаши, драгоценныя вазы, умывальницы съ чеканкою Бенвенуто Челлини. Въ углу комнаты пылающій каминъ. Въ каминѣ двѣ вызолоченныя перекладныя, на перекладинахъ сковородка. Подлѣ каминна прекраснѣйшій юноша, король, разводитъ и размѣшиваетъ въ фарфоровой чашкѣ; бѣлое, жидкое, подсахаренное тѣсто; подлѣ прекраснаго юноши дѣвушка, завитая и распудренная, стоитъ передъ каминомъ на колѣнахъ, и любопытнымъ, безпокойнымъ взоромъ слѣдуетъ за движеніями тѣста, которое трещитъ и гнется на сковородкѣ. Оба занимаются своимъ дѣломъ съ чрезвычайнымъ стараніемъ и внимательностью. Чтобы ловче было печь оладьи, дѣвушка сбросила свой гротетуровый робронъ, и осталась въ одной бѣленькой юбочкѣ; полы этой бѣленькой юбочки загнуты были въ карманы; и изъ подъ полъ выглядывалъ розовый чулокъ на бѣленькой и тоненькой ножкѣ. Все это было очень мило. Но въ другомъ углу комнаты старая дама съ важностью сидѣла въ огромныхъ креслахъ, и внимательно читала какую-то духовную книгу.

Когда оладьи были испечены, поджарены и посыпаны сахаромъ, дѣвица Гюмьеръ склала ихъ на огромное блюдо изъ Японскаго фарфора, и Лудвигъ залескалъ руками съ радости при видѣ этой лакомой пирамиды. Дѣвица Гюмьеръ и король съѣли за столъ, и оладьи пошли въ дѣло: дѣвица Гюмьеръ такъ хорошо пекла ихъ, да притомъ она была такъ мила, такъ бѣла, такъ прелестна въ своей простой юбочкѣ! Король кушалъ оладьи, и смотрѣлъ на дѣвицу Гюмьеръ; дѣвица Гюмьеръ кушала оладьи и смотрѣла на короля, и скоро вкусныя оладьи были забыты, и голубые взгляды встрѣтились и смѣшались. Лудвигъ XV, себя невѣдомо, всту-

пилъ въ третью страсть Лудвига XIV, — любовь, изъ которой и не выходилъ уже.

Въ эту минуту пробилъ часъ, и кто-то тихонько постучался въ двери. То былъ камердинеръ короля, честный Лебелъ, Меркурій Лудвига XIV. Онъ пришелъ доложить, что весь дворъ собрался, что все готово къ охотѣ, и что герцогъ Мальи идетъ вслѣдъ за нимъ. — Боже мой, сказалъ король въ смущеніи: Боже мой, Лебелъ, что же намъ дѣлать?

Лебелъ, не глядя на дѣвицу Гюмберъ, не глядя на короля и ни на кого, указалъ на горку, на которой разставлена была посуда. Дѣлать нечего: дѣвица Гюмберъ въ одной юбочкѣ и то подобранной; глазки ея влажны, щечки красны, — все отъ того, что она стояла у каминна: она поняла жестъ Лебеля, и спряталась за горку.

Тутъ Лудвигъ, отбросивъ свое минутное смущеніе, снова сталъ королемъ. Онъ подошелъ къ маршальшѣ Гюмберъ, и, какъ бы оканчивая давно начатый разговоръ, ласково съ нею простился. Никогда еще король не бывалъ такъ прекрасенъ. Между-тѣмъ онъ былъ недоволенъ, брови его нахмурились, и онъ съ видимымъ неудовольствіемъ приготовился выслушать просьбу Г. Мальи.

Герцогъ Мальи, старый придворный, старый солдатъ, испросилъ эту аудіенцію, чтобы изложить королю все свои заслуги, все свои побѣды, все неотъемлемыя права свои на голубую ленту. Лудвигъ, твердо помня, что дѣвица Гюмберъ за горкой, что дѣвица Гюмберъ безъ роброна, отказалъ Г-ну Мальи, позвонилъ Лебеля, и герцогъ вышелъ, очень недовольный. Но какъ, приготовясь вѣхать на охоту, онъ былъ въ сапогахъ и шпорахъ, то проходя мимо голубаго роброна дѣвицы Гюмберъ, забытаго на креслахъ, онъ зацѣпилъ шпорою за гирлянду этого роброна, и унесъ ее съ собою.

И Лудвигъ остался наединѣ съ дѣвицею Гюмберъ. Маршальша Гюмберъ была въ большихъ покояхъ; Лебелъ ушелъ за другимъ роброномъ, а дѣвица Гюмберъ не могла же выйти въ одной юбочкѣ, съ голою грудью и обнаженными плечами. Бедняжки, не зная что дѣлать, оба потупляли глаза: они оба были воспитаны въ строгихъ правилахъ; онъ подъ надзоромъ кардинала; она въ Шельскомъ аббатствѣ, гдѣ изъ всего мірскаго научилась только искусству печь оладьи,—

великому искусству, которое ее и погубило. Но у Лудвига была въ жилахъ кровь, готовая воспламениться при первой искрѣ; она, хотя и была дочь добродѣтельныхъ родителей, но по-неволѣ до самой души была погружена въ теплую, заразительную испаренію осямнадцатаго вѣка. Весь развратъ временъ регентства вдвухъ тонкій ядъ свой въ это шестнадцати-лѣтнее сердце, которое билось такъ сильно подъ пламенными взглядами четырнадцати-лѣтняго короля....
Бѣдная дѣвушка!

Наконецъ Лебель, очень поздно возвратился съ маршальшей, которая, разувъется, очень беспокоилась: она видѣла на шпорахъ Г-на Мальи часть платья своей дочери. Въ этотъ день охота была отказана, потому что Лудвигъ чувствовалъ себя нездоровымъ; при дворѣ никто не зналъ, что онъ лакомился оладьями дѣвицы Гюмьерь.

Мѣсяца черезъ три послѣ того, въ газетѣ *Mercur de France* напечатано было слѣдующее: «Вчера, въ церкви Св. Людовика въ Версали, совершено было бракосочетаніе герцога Мальи съ дѣвицею Гюмьерь, впучкою покойнаго маршала Гюмьера. По случаю этого бракосочетанія король пожаловалъ герцога кавалеромъ своихъ орденовъ и маршаломъ.»

Вотъ почти вся исторія и почти весь водевилъ; исторія невѣжбе, насмѣшливѣ водевиля, за то водевилъ откровеннѣе исторіи и не такъ остроуменъ. Этотъ водевилъ одна изъ тѣхъ безвкусныхъ копій, который Г. Ансело ввелъ въ моду. Надобно однако жъ сказать, что эта пьеса имѣла большой успѣхъ.

2. *Charlotte Brown, Шарлота Браунъ*, комедія въ одномъ дѣйствіи, въ прозѣ, Г-жи Бауръ.

Вотъ что писалъ въ 1813 году Жоюру о госпожѣ Бауръ (*Baur*) и объ ея прелестной комедіи — Слѣдствія маскарада: «Комедія, которую играли вчера, пьеса новая, но постройка ея древняя. Кажется, что сочинительница, пройдя сквозь нынѣшнюю испорченность, сохранила всю чистоту своего вкуса: связь и вѣрность идей, сцѣпленіе сценъ, произведеніе, въ которомъ все тѣсно соединено «между собою, планъ, въ которомъ все движется и одно

«за другимъ слѣдуетъ, — все это добродѣтели другаго вѣка, «старые законы, лишившіеся всей своей силы, съ тѣхъ «поръ какъ ложный вкусъ захватилъ всю власть и стремится владычествовать надъ всеми областями Литературы. Я радуюсь успѣху комедіи, въ которомъ есть и здравый смыслъ и искусство.»

То что думалъ и писалъ Г. Жофруа въ 1813 году о слѣдствіяхъ маскарада, отчасти можно отнести и къ новому произведенію Г-жи Бауръ. Въ «Шарлоттъ Браунъ» нѣтъ преувеличенныхъ страстей, которыми выпче театръ тышить испорченное воображеніе зрителей; нѣтъ катастрофъ, которыя поражаютъ умъ своею смѣлостью, а потомъ оскорбляютъ здравый смыслъ своею нелѣпостью; нѣтъ фразъ, которыя ослабляютъ наружнымъ величіемъ и призракомъ мысли; но вы найдете нравы тихіе, чистые, хотя неправдоподобные; дѣйствіе простое и ясное; разговоръ легкій и остроумный. Вѣрности нравовъ не должно искать во Французской пьесѣ, какъ скоро дѣйствіе происходитъ за границею: Парижская публика принимаетъ за вещь очень естественную всякую нелѣпость, какую только сочинителю вздумается приписать Нѣмцамъ или Англичанамъ, — особенно Нѣмцамъ. Г-жа Бауръ помѣстила сцену свою въ Германіи: слѣдственно нравы и происшествія здѣсь — совсѣмъ фантастическіе.

Содержаніе комедіи ровное; планъ самъ собою развивается; ни какое непредвидѣнное, необычайное происшествіе не разстроиваетъ его порядка. Шарлота Браунъ, которая является во второй сценѣ большою дамою при какомъ-то маленькомъ Германскомъ дворѣ, невѣсткою оберъ-гофмаршала, графинею Расбергъ, несчастлива посреди всѣхъ почестей. «Ужасная» тайна тяготитъ ея совѣсть: всѣми этими почестями она обязана лжи. Графиня Расбергъ, по рожденію своему не могла бы ими пользоваться, потому что она только пріемная дочь одного Эльсбахскаго портнаго. Графъ Генрихъ Расбергъ, бывшій мужъ ея, провѣдалъ черезъ этого городъ, увидѣвъ ее, и влюбился. Шарлота, или скорѣе Лотхенъ, долго противилась его страсти, которую между-тѣмъ сама раздѣляла. Наконецъ она уступила любви Генриха Расберга, — лучше сказать, своей собственной,

но уступила добродѣтельно: къ удивленію всѣхъ Парижскихъ зрителей, Генрихъ Расбергъ на ней женился! Но такъ какъ отецъ его, оберъ-гофмаршалъ, одинъ изъ самыхъ гордыхъ Нѣмецкихъ бароновъ, такъ какъ онъ не захотѣлъ бы, чтобы сынъ его женился на дочери портнато, — въ чемъ онъ былъ бы совершенно правъ, — то дочь портнаго, посредствомъ маленькой лжи, изъ Лотхенъ Браунъ сдѣлалась графинею Шарлотою Браунъ, наследницею владѣтелей Эльсбахъ, Розенбахъ, Кирхенбахъ и многихъ другихъ *баховъ*. Въ этомъ званіи она была представлена Генрихомъ тестю оберъ-гофмейстеру. Но, Боже мой, что будетъ съ Шарлотою, что будетъ съ Генрихомъ, если отецъ его, оберъ-гофмейстеръ, откроетъ этотъ подлогъ! Шарлота дрожить поминутно среди почестей и блеска, и страждетъ въ душѣ.

Къ этому горю Шарлоты прибавилось еще нѣсколько другихъ. Молодая Луиза Расбергъ, сестра ея мужа, съ которой она очень подружилась со времени своего замужества, говоритъ ей, что ее, Луизу, хотятъ отдать замужъ..... За кого жъ если не за Г. Рюдгейма, — *Bêtemann, Sotmann и Rudeheim* суть три неизбѣжныя лица всякой Французской пьесы, основанной на Нѣмецкихъ правахъ! Ее дѣйствительно отдаютъ за Г. Рюдгейма, между-тѣмъ какъ она любитъ другаго и сама имъ любима, какъ они уже дали другъ другу слово. Кто жъ этотъ другой? Само собою разумется, что онъ не кто иной какъ наследственный принцъ, сынъ владѣтельнаго герцога! Это ужъ всегда такъ водится, — со временъ Г. Скриба. Луиза очень добра, очень тиха, очень мила, очень покорна воли родителя, но она умѣетъ держать свое слово. Она говоритъ по-секрету Шарлотѣ, что вмѣсто того, чтобы публично выйти за Г. Рюдгейма, она тайно обвѣнчается съ наследственнымъ принцемъ. При словѣ тайный бракъ, Шарлота въ длинной тирадѣ, исполненной благородія и убѣдительности, показываетъ Луизѣ всѣ заботы, всѣ огорченія, всѣ непрерывно возражающіяся безпокойства жизни, проведенной въ обманѣ, въ стыдѣ самого себя и въ страхѣ другихъ. Наконецъ она открываетъ ей тайну своего рожденія и всѣ мученія, которыя она терпитъ. Такимъ образомъ изложеніе подведено весьма естественно, и было бы даже замысловато, если бъ тайные

браки наследственныхъ принцевъ существовали въ земной природѣ.

А между-тѣмъ время не терпитъ. Является оберъ-гофмаршалъ, графъ Расбергъ. Коротко и ясно объявляетъ онъ дочери своей Луизѣ, при Шарлотѣ, при Генрихѣ, даже при самомъ принцѣ, что рука ея уже общана графу Рюдгейму,—замѣтите: *графу*, а не *князю*; Rudeheim всегда бываетъ графъ, князь обыкновенно — Sotmann; Vêtemann только баронъ. Шарлота, Генрихъ, принцъ, Луиза, — всѣ въ смущеніи. Къ счастью, является запасное лице, которое въ комедіяхъ всегда поспѣваетъ на выручку любовниковъ: это лице самъ владѣтельный герцогъ. Онъ знаетъ любовь сына своего къ Луизѣ, и проситъ для него руки ея. Можете не вѣрить; но наша обязанность сказать все такъ, какъ было. Да! владѣтельный герцогъ проситъ у своего оберъ-гофмаршала руки его дочери для своего сына, наследственного принца. Нужно ли говорить, что оберъ-гофмаршалъ съ восторгомъ соглашается на эту честь?

Но вдругъ дѣйствіе принимаетъ совсѣмъ иной видъ. Тутъ начинается комическое: графиня Шарлота Расбергъ, урожденная Браунъ, женщина добрая и добродѣтельная, два раза въ жизнь свою солгала, и солгала въ вещахъ довольно важныхъ: во-первыхъ, она сказала оберъ-гофмаршалу, или по-крайней-мѣрѣ допустила его подумать, что она происходитъ изъ знаменитаго дома графовъ Брауновъ; во-вторыхъ, она не сказала своему пріемному отцу, портному, что настоящее происхожденіе ея должно оставаться въ тайнѣ. Портной зналъ, что милая его Лотхенъ вышла законнымъ образомъ за графа Расберга, и этого было ему довольно. Онъ соскучился въ Эльсбахѣ; и ему очень хотѣлось посмотреть на свою дочь, графиню Шарлоту, и на своего зятя, графа Расберга. Вздумано, сдѣлано: портной собрался, съѣзъ въ дилижансѣ въ Эльсбахъ, и явился въ домъ графа Расберга въ тотъ самый день, когда нужно было для комедіи, — въ тотъ день, когда все на свѣтѣ происходитъ, — когда всѣ эти важныя семейныя дѣла рѣшались и Луиза должна была выйти за принца.

Тутъ сряду три превосходныя сцены: первая между Шарлотой, графомъ Генрихомъ и портнымъ Брауномъ: дочь и

зять бросаются къ его погамъ, и умоляютъ его ничего не говорить, принять и поддерживать ложь, къ которой принудила ихъ любовь. Сначала честность добраго портнаго возмущается, и онъ отказывается; но потомъ онъ уступаетъ слезамъ милой своей дочери. Портной рѣшается слыть барономъ. Тутъ графу Расбергу, оберъ-гофмаршалу, говорить, что отецъ его невестки хочетъ съ нимъ видѣться: благодаря Шарлотъ, которая его поддерживаетъ и почти непрерывно говоритъ за него, Браунъ довольно хорошо выполняетъ свою роль и думаетъ, что уже выпутался изъ хлопотъ, потому что на другой день на разсвѣтъ, онъ снова увязаетъ. Но вдругъ послѣ ужина, собираясь уже спать, добрый Браунъ встрѣчается глазъ на глазъ съ наследственнымъ принцемъ, и тотъ начинаетъ спрашивать его о фамиліи графовъ Брауновъ, о старшей и младшей линіи, объ ихъ обстоятельствахъ, процессахъ, и прочая. Ни одинъ еще разночинецъ, попавшійся въ знать, не жалѣлъ объ этомъ такъ, какъ нашъ Браунъ, — а онъ, бѣднякъ, попалъ въ знать по неволѣ!

Развязка — самая слабая часть этой комедіи. Принцъ вдругъ узнаетъ въ Браунѣ почтеннаго Эльсбахскаго мѣщанина, который, принявъ его къ себѣ, когда онъ былъ раненъ на сраженіи съ Французами, пекся объ немъ какъ о своемъ собственномъ сынѣ. Принцъ жалуетъ портнаго въ бароны, — принцъ, а не владѣтельный герцогъ, — и старый графъ Расбергъ соглашается утвердить бракъ сына своего съ дочерью портнаго, что нынѣ баронъ. Это и пошло, и невѣроятно.

3. Le père Goriot, *Старикъ Горіо*, водевилъ въ трехъ дѣйствіяхъ, Гг. Жема, Комберуса и Теолона.

Содержаніе повѣсти Г. Бальзака, «Старикъ Горіо», весьма известно нашимъ читателямъ. Изъ этой повѣсти Гг. Жемъ и компанія кое-какъ сдѣлали небольшую драму, живую, занимательную, романическую, которую съ удовольствіемъ можно выслушать до конца. Въ первомъ дѣйствіи старикъ Горіо выдаетъ двухъ дочерей замужъ, и каждой даритъ, по обыкновенію, милліонъ приданого. Во второмъ дѣйствіи выгоняютъ старика Горіо за неплатежъ изъ дома, въ которомъ онъ жилъ на хлѣбахъ. Въ послѣднемъ дѣйствіи старикъ Горіо, доведенный до крайности жестокостью

дочерей своихъ, находить гдѣ-то еще одну дочь, и снова богатѣть, чтобы замѣнить все, чего онъ лишился. Авторы этой драмы догадались, что Г. Бальзакъ зашелъ слишкомъ далеко въ своемъ «Старикъ Горіо», и придумали для его исторіи другой конецъ.

4. Le père Goriot, *Старикъ Горіо*, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, Гг. Ансело и Полена.

Эта пьеса такъ дурна, какъ только можетъ быть пьеса Г-на Ансело. Сверхъ-того она упала при представленіи.

5. Le cheval de bronze, *Бронзовый конь*, волшебная опера, слова Г. Скриба, музыка Г. Обера.

Никогда еще Г. Скрибъ не возносился такъ высоко, какъ въ этой оперѣ: онъ взлетѣлъ на воздухъ на бронзовомъ конѣ и забрался въ «Царство Поцѣлуевъ», — а оно очень высоко, несмотря на то, что названіе его немножко пошло. Сверхъ-того, Г. Скрибъ сдѣлался ужаснымъ Азіатцемъ. Известно, что онъ уже академикъ.

Новое произведеніе Г. Скриба — комическая опера, волшебная опера, Китайская опера, — все что вамъ угодно. Въ первомъ дѣйствіи вы въ домъ мандарина перваго класса, по имени Цинъ-цина. Цинъ-цинъ, видно, болѣе богатъ чѣмъ умень: онъ старъ, безобразенъ, да еще сверхъ-того ученъ, а между-тѣмъ у него четыре жены, и онъ еще собирается жениться на пятой, — юной Пеки, дочери мызника Чинъ-као. Г-жа Пеки, дочь мызника Чинъ-као, ни-чуть ни-крошечки не влюблена въ ученаго Цинъ-цина. Вообще надобно замѣтить, что дѣвушки плохо уважаютъ ученость. Зато она отъ всей души любитъ молодаго Янько: бѣда только въ томъ, что Янько не богатъ. Бѣдная Пеки принуждена покориться судьбѣ своей, и свадьба готовится, какъ вдругъ при звукахъ Китайской музыки, является сынъ императора, принцъ Янь. Вся падаютъ ницъ передъ принцемъ. Между-тѣмъ, онъ объявляетъ ученому Цинъ-цину, что императоръ назначилъ его, Цинъ-цина, камергеромъ послѣдняго принца. Цинъ-цинъ радуется своему возвышенію, а между-тѣмъ онъ, по званію камергера, долженъ подъ опасеніемъ смертной казни повсюду слѣдовать за принцемъ.

Принцъ Янъ повѣряетъ своему камергеру Цинь-цину злое свое горе. Три мѣсяца принцъ видитъ во снѣ юную красавицу, которая призываетъ его въ свои объятія. Кто жъ эта красавица? Никто этого не знаетъ; ни самъ даже ученый Цинь-цинъ, который знаетъ всѣ восемьдесятъ тысячъ литеръ Китайской азбуки. Бѣдный принцъ Янъ не пьетъ, не ѣстъ, и все ѣздитъ по провинціямъ будущей своей имперіи, ища будущей своей красавицы. Ученый Цинь-цинъ представляетъ принцу одну изъ женъ своихъ; но не ее видѣлъ принцъ во снѣ три мѣсяца сряду. Тутъ Цинь-цинъ, дрожа и труся, представляетъ принцу юную Пеки, но не ее видѣлъ принцъ во снѣ три мѣсяца сряду. Но плутовка Пеки пользуется этимъ случаемъ: она проситъ принца, чтобъ онъ не позволялъ отдавать ее за старика Цинь-цина. Принцъ пробуетъ увѣщевать новаго своего камергера, но тотъ и слышать ничего не хочетъ. Видя, что съ старикомъ не сладить, принцъ идетъ къ бронзовому коню, ставитъ ногу въ стремя, и приказываетъ Цинь-цину ѣхать по обязанности своей съ нимъ. Мандаринъ съ трепетомъ повинуется; лошадь пускаетъ шутиху, и—всѣ трое взвились на воздухъ.

Дѣйствіе второе. Но прежде всего должно сказать вамъ, что такое этотъ бронзовый конь. Это новое, дивное изобрѣтеніе Г. Скриба. Онъ одинъ только въ состояніи придумать подобныя волшебства. Тыква Сандрильоны, которая превращается въ золотую колесницу, хорошенькія мышки, которыя дѣлаются свропѣгими лошадьми, все—это ничего не значить въ сравненіи съ бронзовымъ конемъ Г. Скриба. О воображеніи, чего ты не дѣлаешь, божество всемогущее! Однажды Г. Скрибъ шелъ въ академію: идетъ онъ и видитъ, — на мосту Понъ-Нѣфъ стоитъ бронзовый конь, и на немъ сидитъ бронзовый Генрихъ IV. Г. Скрибъ записалъ въ своей памятной книжкѣ: «Видѣлъ сегодня бронзоваго коня; *годится въ водевилъ или оперу.*» И возвратясь домой, онъ сдѣлалъ изъ этого коня оперу; велѣлъ коню летѣть въ Китай,—конь полетѣлъ въ Китай, и спустился наземь въ деревнѣ Цинь-цина. Всякой, кто сядетъ на этого коня, уносится въ безизвѣстныя пространства: потомъ и конь и всадникъ возвращаются, одинъ молчаливѣе

другаго. Конь молчитъ по привычкѣ, а человекъ потому, что если онъ, станетъ говорить о своемъ воздушномъ путешествіи, то будетъ превращенъ въ истукана.

Вы знаете уже, что бронзовый конь унесъ далеко отъ земли дерзкаго принца Яна и робкаго его камергера Цинь-цина. Съ тѣхъ поръ объ нихъ ни слуху ни духу; всѣ четыре жены Цинь-цина и пріятели принца напрасно ломаютъ себѣ голову. Одинъ только человекъ могъ бы кое-что поразсказать о путешественникахъ: этотъ человекъ Янько, любовникъ Пеки, который тоже леталъ на бронзовомъ конѣ въ пространства безвѣстныхъ, и возвратился живъ и здоровъ. Но Янько не говорить ни слова, боясь превратиться въ истуканъ; сама Пеки, страшась лишиться своего любезнаго, уважаетъ его тайну. Между-тѣмъ и Пеки и четыре жены Цинь-цина, надѣясь, что наконецъ сдѣлались вдовами, радуются своему благополучію, какъ вдругъ Цинь-цинъ возвращается.

Цинь-цинъ возвращается одинъ: принцъ Янь остался гдѣ-то на дорогѣ. Тутъ всѣ жены мандарина окружаютъ его и принимаютъ распрашивать. Но ученый Цинь-цинъ человекъ осторожный: онъ не говорить ни слова и, утомленный путешествіемъ, ложится спать. Къ несчастію, во снѣ, тайна у него вырывается: онъ говорятъ о какой-то принцессѣ, о браслетѣ, — и вдругъ превращается въ истуканъ!

Жены Цинь-цина радуются, молодой Янько радуется. Онъ избавился отъ своего соперника, и можетъ жениться на своей любезной. Но, увы, счастье болтливо и доверчиво! Янько проговаривается, и бѣдный Янько, влюбленный Янько, счастливый Янько, превращается въ истуканъ.

При этомъ видѣ Пеки, въ отчаяніи, сбрасываетъ съ себя свою женскую одежду; надѣваетъ платье покойнаго Янько; хочетъ узнать эту тайну, смѣло садится на бронзоваго коня, и улетаетъ.

Дѣйствіе третье. Куда же летитъ прекрасная Пеки? Вы думаете, на какую-нибудь планету? Конечно, на планету: но на какую именно? На Венеру; въ губернію счастливой любви, въ уѣздъ пламенныхъ поцѣлуевъ. Да! знаменитое царство поцѣлуевъ, открытое Іоанномъ Секондомъ,

распространенное Иваномъ Доратомъ, снова открыто и снова распространено Г. Скрибомъ: онъ открылъ все сокровенныя его древности, пробудилъ его спящее эхо. На этой планетѣ, поцѣлуи падаютъ сотнями, сыплются тысячами; стоять только нагнуться, чтобы поднять дюжины двѣ поцѣлуевъ; стоять только протянуть губы. Тамъ поцѣлуи подбираютъ на берегу ручьевъ, срываютъ подъ тѣнію кустарниковъ; но эти поцѣлуи пагубны: по закону, существующему съ давняго времени на планетѣ Венерѣ, смертный, принесенный туда бронзовымъ копемъ и желающій быть счастливымъ любовникомъ царицы этихъ прекрасныхъ мѣстъ, не долженъ въ теченіе первыхъ сутокъ ни срывать, ни подбирать, ни принимать ни одного поцѣлуя. При первомъ поцѣлуѣ вышервченнй смертный падаетъ сквозь опускающую дверь на спину бронзоваго коня, который несетъ, несетъ его, и сбрасываетъ тамъ, гдѣ взялъ, и никогда уже къ себѣ не подпускаетъ. Впрочемъ, при первомъ вступленіи на эту планету, васъ тотчасъ предостерегаютъ, что вы подвергаетесь опасности никогда не цѣловать владычицы этихъ прекрасныхъ мѣстъ, если захотите поцѣловать ее прежде истеченія сутокъ.

Вы знаете, хотя я этого вамъ еще и не говорилъ, — но ваше воображеніе, конечно то же засѣло на своего бронзоваго коня, — вы знаете уже, что принцъ Янгъ, взглянувъ на царицу поцѣлуевъ, тотчасъ узнаетъ красавицу, которую онъ видѣлъ во снѣ. Эту красавицу зовутъ Стелла, что по-Латыни и по-Китайски значитъ — звезда. Здѣсь Г. Скрибъ доказываетъ всю свою ученость: онъ рѣшилъ, что Латынь языкъ всесвѣтнй, даже и въ Китаѣ.

И Стелла тоже узнала свою звезду въ особѣ принца Янга; и желая сохранить его, она дѣлаетъ все, что только возможно, чтобы онъ цѣлыя сутки вытерпѣлъ искусь. И принцъ Янгъ двадцать три часа и три четверти противился всѣмъ поцѣлуямъ, которые ему со всѣхъ сторонъ протягиваютъ. Еще четверть часа, и принцъ будетъ имѣть право обнять свою принцессу. Но, увы, настаетъ ночь! Принцъ Янгъ остается одинъ съ принцессой въ очарованныхъ рощахъ. Все кончено: роковой поцѣлуей раздастся, Янгъ про-

валивается на спину бронзоваго коня, и принцесса лишается всей своей надежды.

Между-тѣмъ судьбы рѣшили, что волшебство будетъ разрушено. Юная Пеки въ мужскомъ платьѣ является на островъ поцѣлуевъ, и поцѣлуй со всѣхъ сторонъ сыплются на молодого незнакомца. Но незнакомецъ не поддается искушенію; онъ холоденъ и спокоенъ. Напрасно сама принцесса, чтобы свободнѣе предаться своей горести, старается скорѣе отправить незнакомца на землю; онъ ничего не хочетъ знать, ничего не видитъ, ничего не слышитъ, ничего не цѣлуетъ; онъ непроницаемъ для поцѣлуевъ; онъ ледяной, онъ резиновый: царица въ отчаяніи. Наконецъ сутки вышли; цѣлая сутки въ этомъ блаженномъ царствѣ не дано ни одного поцѣлуя. И тутъ земля разверзается; но она уже поглощаетъ двоихъ, мнимаго юношу и царицу, имъ прибрѣтенную.

Мы опять на нашей жалкой землѣ. Вотъ три неподвижные истукана.—Цинъ-цинъ первый истуканъ, Янько второй истуканъ, принцъ Янь третій и послѣдній истуканъ. Пеки слезаетъ съ бронзоваго коня своего, и помогаетъ Стеллѣ сойти на землю; въ эту минуту Цинъ-цинъ, Янько и принцъ снова превращаются изъ истукановъ въ людей. Цинъ-цинъ остается мужемъ четырехъ женъ своихъ; молодая Пеки выходитъ за любезнаго своего Янько; а принцъ Янь получаетъ руку Стеллы, и, въ ожиданіи Китайскаго престола, дѣлается императоромъ царства поцѣлуевъ со всѣми зависящими отъ него областями.

Вы видите, что эта поема глупа какъ бронзовый конь.

Было время, когда Г. Скрибъ принималъ подъ свое покровительство Г. Обера; теперь Г. Оберъ принялъ подъ свое покровительство Г. Скриба. Въ этой новой партіи автора Фенеллы, видны всѣ достоинства, которыя дѣлаютъ музыку народною: она поетъ и, вы знаете, она жива, весела и развязна и помнитъ Россини. Г. Оберъ никогда не бывалъ такъ щедръ на легкія, пѣвкія аріи, на романсы по силамъ всѣмъ фортепіанамъ, на прелестные квартеты по плечу всѣмъ хористамъ. Увертюра—прекрасное произведеніе, легкое, живое, пляшущее, скачущее и нисколько не Китайское. Первый хоръ, романсъ, большая

арія, маршь принца Яна, все это прелестно. Во второмъ дѣйствіи замѣчательны: большая арія, потомъ восхитительное, почти оригинальное тріо между Пеки, Янько и Цинь-циномъ, который поетъ во снѣ; и особенно финаль этого дѣйствія. Чинь-као даетъ серенаду зятю своему Цинь-цину. Цинь-цинъ въ это время превращенъ въ истуканъ. Музыканты приходятъ, и, воображая себя, что онъ спитъ, поютъ тихо; потомъ голоса возвышаются, и изъ легкаго шопота переходятъ въ хоръ блестящій, полный огня и живости. Третье дѣйствіе не стоитъ двухъ первыхъ. Вообще это музыка шуточная, забавная, пріятная и легкая; она дѣлаетъ честь если не изобрѣтательности, не гению Г. Обера, то по-крайней-мѣрѣ его уму и смѣливости.

Однимъ словомъ «Бронзовый конь» хорошая комическая опера, но не болѣе какъ комическая опера. Поэма понятна всякому, кто только не знаетъ Астрономіи; музыка понятна всякому, кто даже не знаетъ музыки.

ИТАЛІАНСКІЙ ТЕАТРЪ. *Marino Faliero*, *Марино Фалиеро*, драматическое дѣйствіе, въ трехъ актахъ, слова Г. Бидеры, музыка Г. Доницетти.

Въ началѣ прошлаго года мы говорили, что эта опера играна въ Неаполѣ и принята съ восторгомъ. Она представлена нынче въ Парижѣ въ присутствіи самого Доницетти, и мы можемъ сообщить нѣкоторыя подробности объ этой музыкѣ; но прежде должны сказать нѣсколько словъ, чтобы напомнить содержаніе этой драмы, прославленное лордомъ Байрономъ. Марино Фалиеро, знаменитый своими побѣдами надъ Турками и Венгерцами, своими заслугами въ качествѣ посланника и чловѣка государственнаго и любимый Венеціанскимъ народомъ; Марино Фалиеро, достигшій престарѣлаго возраста и женившійся на молодой и прекрасной женщиной, вдругъ становится подозрительнымъ республиканской знати, и противъ него, противъ юной его супруги, пишутъ на городскихъ стѣнахъ кровавыя сарказмы. Творцемъ этой гнусной обиды былъ Стено, молодой дворянинъ, одинъ изъ сорока вельможъ, раздраженный отказами Елены, супруги дожа. Это оскорбленіе и разныя неудовольствія, сдѣланныя дожу Венеціанскими

вельможами, заставило его вступить въ преступный заговоръ, котораго начальникомъ былъ Израэль Бертуччи, главный работникъ въ арсеналѣ. Заговорщики хотѣли умертвить всѣхъ сорокъ правителей. И самъ дожъ рѣшается принять участіе въ этомъ ужасномъ предпріятіи.

Фернандо, племянникъ дожа, питалъ къ Еленѣ страсть, которую она вполне раздѣляла. Движимый чувствомъ чести, онъ хотѣлъ уѣхать изъ Венеціи, и предувѣдомляетъ объ этомъ дядю. Но старикъ, не имѣя дѣтей и нѣжно любя своего племянника, удерживаетъ его, и заставляетъ остаться съ нимъ. Посреди пиршества, даднаго однимъ благороднымъ Венеціаниномъ, дожъ и Израэль Бертуччи оканчиваютъ устройство заговора. Между-тѣмъ какъ происходятъ эти дѣла, Стено, замаскированный, преслѣдуетъ Елену, и такъ неотступно, что возбуждаетъ ревность и гнѣвъ Фалиеро и племянника его, Фернандо. Дожъ клянется погубить враговъ своихъ, а Фернандо рѣшается отмстить шпагою дерзкому своему сопернику.

Во второмъ актѣ заговорщики собираются. Дожъ еще не рѣшается, когда назначить время для исполненія предпріятія, какъ вдругъ онъ узнаетъ, что Стено убилъ его племянника. Это заставляетъ его тотчасъ рѣшиться, и заговорщики готовятся приступить къ дѣлу.

Въ третьемъ актѣ дожъ объявляетъ жѣнгъ своей о смерти Фернандо, и идетъ принять начальство надъ заговорщиками. Но ему измѣняютъ; онъ принужденъ отдать свой мечъ, и присутствовать при казни Израэля Бертуччи. Судъ лишаетъ Фалиеро достоинства дожа и приговариваетъ его къ смерти. Последняя сцена есть свиданіе между дожемъ и его юною супругою. Терзаемая раскаяніемъ, она признается ему въ своемъ проступкѣ и называетъ своего сообщника, который уже не существуетъ. Старый Фалиеро краснѣетъ отъ стыда и гнѣва, и готовъ проклясть невѣрную, но вспомнивъ, что ему самому скоро нужно будетъ Божеское милосердіе, прощаетъ Елену и мужественно идетъ на смерть.

Съ тѣхъ поръ, какъ вкусъ ко декламированной музыкѣ снова распространился въ Италиі, композиторы сдѣлались скупы на увертюры. Въ Марино Фалиеро оркестръ едва

только играетъ нѣсколько тактъ, и занавѣсъ поднимается, и тотчасъ начинается интродукція: это хоръ работниковъ въ арсеналѣ; онъ перерѣзанъ почти на половинѣ арією Израэля Бертуччи, къ которому опять присоединяется хоръ работниковъ, воспѣвающихъ славу побѣдителя при Царя. За эггомъ слѣдуетъ прелестная каватина Фернандо во дворцѣ дожа. музыкантъ хорошо выразилъ чувства негодованія и горести, волнующія Фернандо; потомъ дуетъ, котораго предметомъ послѣднее свиданіе Фернандо и Елены. Вторая половина этого дуета, въ которой голоса перекликаются и потомъ сливаются, производятъ чрезвычайно пріятное дѣйствіе. Далѣе, въ той сценѣ, когда дождь рѣшается сдѣлаться главою заговора, композиторъ помѣстилъ дуетъ, котораго первая половина удивительна по своему величію, простотѣ и выразительности. Это истинная мелопея, обработанная такъ, что плѣняетъ слухъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворяетъ уму.

Финаль начинается посреди бала, въ то время какъ Фалиеро и Израэль устраиваютъ заговоръ свой, а Стено преслѣдуетъ Елену. Прелестные мотивы, оживляющіе пиршество, происходящее въ глубинѣ театра, служатъ акомпаниментомъ важному разговору между дожемъ и Бертуччи, остающимся на передней части сцены. Это самое устройство видимъ мы въ Иогенія въ Авлидѣ и въ Альцестъ Глука, и оно употреблено съ большимъ успѣхомъ авторомъ Маріено Фалиеро. *Andante*, помѣщенное въ этомъ финалѣ, весьма хорошо приготовляетъ слушателя къ сценамъ ревности, угрозы, ярости, безпокойства, въ которыхъ участвуютъ Стено, Фернандо, Израэль, дождь, супруга его Елена и всѣ присутствующіе на этомъ роковомъ пирѣ. Финаль оканчивается прелестнымъ *allegro*, въ которомъ музыкантъ слилъ веселіе праздника, надежды тѣхъ, которые жаждутъ мести, и горестныя предчувствія несчастной супруги Маріено Фалиеро.

Во второмъ дѣйствіи заговорщики выходятъ одинъ за другимъ изъ гондолъ своихъ. Строгій хоръ, который они поютъ, прерывается баркароллою, слышимою вдали. Фернандо, оживляемый надеждою отмстить за Елену, ожидаетъ своего соперника. Онъ поетъ вторую каватину, состоящую

изъ воспитательнаго *andante*, котораго тему играетъ сначала виолончели, и изъ превосходной *sauletta*, въ которой удивительнѣйшимъ образомъ выражена ярость. Наконецъ Фернандо окровавленнаго приводятъ къ Фалиеро. Сцена его смерти превосходна; музыка заслуживаетъ величайшей похвалы.

Последняя сцена — одна изъ самыхъ трогательнѣйшихъ во всемъ этомъ твореніи. Мы говорили уже о содержаніи этой сцены. Дуэтъ, изъ котораго она состоитъ, превосходно приспособленъ къ положенію дѣйствующихъ лицъ. Вообще музыка Маріано Фалиеро исполнена необычайной выразительности; написана съ жаромъ и чувствомъ; инструментовка весьма хороша, и ни на минуту не ослабляетъ вниманія слушателя пустотами въ оркестръ. Мелодіи, не отличаясь особенною новостью, просты, чисты, выразительно и весьма искусно разнообразятся, смотря по характерамъ дѣйствующихъ лицъ. На всякомъ шагу видно, что музыка «Фалиеро» написана человѣкомъ, который глубоко изучилъ всѣ тайны и пособія своего искусства.

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦІИ. Множество сочиненій духовнаго содержанія. Мы упоминаемъ объ этомъ, какъ о примѣчательномъ явленіи въ нынѣшней Французской литературѣ. Оно было доводомъ утѣшительнаго направленія умовъ въ томъ краю, въ которомъ такъ долго свирѣпствовало безвѣріе, если бы не состояло въ связи съ превратными политическими ученіями аббата де-ла-Менѣ, которыя болѣе и болѣе проникаютъ въ нѣдра общества.

— Такъ называемый лордъ Филлингъ, котораго талантъ намъ вовсе не нравится, издалъ *Scènes de la vie castillane et andalouse*, расхваленныя общими словами во многихъ журналахъ.

— Г. Александръ Дюма, который все-еще не увѣалъ въ Африку, написалъ родъ исторіи и романа, подъ заглавіемъ *Isabelle de Bavière*. Это картина царствованія Карла VI.

— Въ числѣ новостей есть нѣсколько романовъ, которые «общаютъ» быть хорошими, — романъ Г-жи Эмилъ-Жирарденъ, — романъ Г. Ламоттъ-Лангона, — романъ Г. Фрдерика Сусиѣ, и прочая. Мы ничего не знаемъ объ ихъ содер-

жанія: Авторы «Струэнзе», Г. Арну и Фурниэ, состранили романъ изъ Русской исторіи, котораго содержанія мы и знать не любопытны.

— Хвалить довольно, но все общими словами, *Essai sur l'étude de l'histoire*, Г. Латура, и *Les maladies du siècle*, Г. Аллеза.

— Осьмой томъ *Encyclopédie des gens du monde* уже вышелъ изъ печати. Мы разсматривали съ большимъ вниманіемъ четыре первые тома этого творенія, которому Французскіе журналы воздаютъ такую хвалу, и нашли ихъ очень слабыми, очень посредственными. Мы надеемся, даже увѣрены, что Русскій «Энциклопедическій Лексиконъ» будетъ несравненно лучше.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛІИ. Блестящій, мечтательный Томасъ Муръ является передъ свѣтомъ съ «Исторією Ирландіи», и надо сказать правду, что эту первую часть своего труда посвящалъ онъ неблагодарнѣйшему изъ предметовъ, — преданіямъ, сохраненнымъ бардами и монахами среднихъ вѣковъ, или выбраннымъ изъ ихъ легендъ летописцами одиннадцатаго и двѣнадцатаго столѣтій. Какая бы ни была тому причина, но изъ всѣхъ Европейскихъ народовъ одни Ирландцы до сей поры объявляютъ серьезное притязаніе на отдаленнѣйшую древность, и приписываютъ предкамъ своимъ высокое образованіе въ то время, когда Греки были еще варварами и Ромулъ висвалъ еще у сосцевъ волчицы. Г. Муръ конечно не пускается такъ далеко: онъ хочетъ держаться середины между скептицизмомъ и легковѣріемъ, но его ослѣпляютъ, часто противъ воли, мечты прежней народной славы, парившія передъ молодымъ его воображеніемъ, и поэтъ не исчезаетъ въ историкъ. Не входя въ мелочныя разысканія о происхожденіи Ирландскаго народа, можно вообще полагать, что разные поселенцы, изъ которыхъ замѣчательнѣйшіе были Феръ-Болги или Белги, и Туата-Дананы, или Дамны, основались на островѣ въ неопредѣленный періодъ; что въ какое-то равно неизвѣстное время Финикійцы производили черезъ Испанскія колоніи довольно обширный торгъ съ Ирландією, и что это установило тѣсную связь между двумя послѣдними странами, которой

существованіе есть наилучше дознанный фактъ Ирландской исторіи. Финикіяне вѣроятно вывозили отсюда мѣха и кожи: слѣдственно Ирландцы были къ нимъ въ такомъ же отношеніи, какъ Сѣверо-Американскіе Индѣйцы къ пынѣшнимъ Англійскимъ купцамъ. Что торговля съ Финикіянами не произвела здѣсь ни какого быстраго улучшенія, это можно доказать несомнѣнными фактами. Ирландія, вплоть до историческаго періода, была немногимъ лучше обширнаго лѣса, и трясинны, досель въ ней существующія, подтверждаютъ древнія извѣстія всѣхъ достовѣрныхъ писателей. За исключеніемъ «круглыхъ башень», о которыхъ сдѣлано больше пустыхъ заключеній, нежели о какомъ-нибудь другомъ зданіи въ подсолнечной, Ирландія не представляетъ ни одного каменнаго строенія старѣе одиннадцатаго вѣка. Діодоръ Сицилійскій, въ пятой книгѣ своей исторіи, говоритъ: «свирыпѣйшіе изъ всѣхъ Галловъ тѣ, которые живутъ на сѣверѣ, какъ напримѣръ Бритты, занимающіе Ирландію». Въ другомъ мѣствѣ онъ называетъ ихъ «людобѣдами». Страбонъ и Св. Іеронимъ подтверждаютъ это свидѣтельство. Равно неблагопріятны отзывы Тацита, Солина и Помпонія Мелы. Такъ чѣмъ же тутъ хвастать! Поэмы самаго Г. Мура конечно болѣе приносятъ славы Ирландіи, нежели связи ея съ Финикіянами. Слабый историческій свѣтъ начинаетъ мерцать надъ этой землею около втораго вѣка передъ Рождествомъ Христовымъ, когда она подпала власти Милезійцевъ,—племени, которое перешло, полагаятъ, съ береговъ Каспійскаго Моря въ Испанію, и оттуда послало поселенцевъ въ Ирландію. Кто бы ни были Милезійцы, они такъ же немилосердо обходились съ Ирландцами, какъ потомъ Англо-Норманны съ ними. Кажется, они одни знали грамоту, потому что единственными памятниками борьбы между утѣснителями и утѣсненными остались пѣсни Милезійскихъ бардовъ, которые, разумѣется, стоятъ за своихъ. Впрочемъ и Г. Муръ не беретъ ихъ стороны. Введеніе Христіанской вѣры встрѣтило здѣсь менѣе сопротивленія, чѣмъ въ какой-нибудь другой странѣ Европы, и дѣйствіе ея было замѣчательно. «Съ этого времени, говоритъ Г. Муръ, драма Ирландской исторіи принимаетъ совсѣмъ иной характеръ. Кровавые междоусобія королей и старшинъ уступаютъ мѣсто

«чистымъ и мирнымъ торжествамъ религіи. Рядъ святыхъ «обоюго пола представляется нашимъ взорамъ; кlobукъ и «ряса затмѣваютъ самый блескъ короны.» Авторъ очень пространно старается доказать, что догматы древнихъ Ирландскихъ христіанъ были тѣ самыя, какимъ следовала Римская церковь; однако жъ Св. Иеронимъ называетъ Ирландцевъ раскольниками, папы часто буллами увѣщевали Англійскихъ королей истребить «этихъ нечестивыхъ», и епископы ихъ не получали изъ Рима инвеституры до времени вторженія Англичанъ. Какъ же Г. Муръ согласить это? Впоследствии, когда кроворолитныя войны опустошали Европу и одна Ирландія, благодаря своему уединенію, наслаждалась спокойствіемъ и въ монастыряхъ своихъ давала убѣжище пришельцамъ изъ отдаленныхъ странъ, все западное христіанство, правда, прозвало ее «Островомъ святыхъ угодниковъ.» Читатели могутъ видѣть изъ этого обзора, что половина книги знаменитаго поэта, которому вздумалось быть историкомъ, занята изслѣдованіемъ легендарной исторіи, а другая религіознымъ преніямъ. Авторъ достигъ въ ней только перваго вторженія Датчанъ, и если будетъ продолжать въ такой же соразмѣрности, то третій томъ, которымъ онъ хотѣлъ кончить свою исторію, врядъ-ли доведетъ ее и до реформациіи.

— Изъ числа другихъ новостей мы упомянемъ только объ «Лодорѣ», I. Lodge, романъ Г-жи Шелли, написавшей «Франкенштейна» и нѣсколько другихъ повѣстей, которыя отличаются тонкимъ изобрѣтеніемъ характеровъ, сильною увлекательностью и пѣжною гармоніей слога. Основаніемъ повому ея произведенію служитъ ссора лорда Лодора съ женою, влекущая за собой отъѣздъ его и еще тягостивѣйшую разлуку дочери съ матерью. Характеры обѣихъ очаровательны: одна постепенно укрощаетъ свое негодованіе, и оставляетъ прежнюю суетность; другая, подкрѣпленная ея нежностью въ часы испытанія, изъ простодушнаго, невиннаго ребенка дѣлается вѣрною и великодушною суиругой: да, — мало такихъ прелестныхъ созданій воображенія, какъ Ethel Villiers!

— Извѣстія о прочихъ замѣчательныхъ явленіяхъ Англій-

ской литературы, особенно по части «Путешествій», помѣщены въ нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ этого отдѣленія.

— Мы читали объявленіе о выходѣ новаго творенія Г. Бекфорда, изъ книги котораго помѣщенъ былъ у насъ въ прошломъ году прелестный отрывокъ, «Очерки Италіи, Испаніи и Португаліи». Заглавіе этого новаго творенія — *Alcobaça and Batalha*.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ ГЕРМАНИИ. Не посмотрѣвъ собственными глазами въ Нѣмецкіе критическіе журналы, нельзя и представить себѣ того множества сочиненій экзегетическаго и мистическаго содержанія, какимъ наводняется нынче Германская литература подъ всевозможными заглавіями, изъ которыхъ часто одно страннѣе другаго. Это преобладающая часть современной Нѣмецкой библіографіи: она поглотила и прежнюю тучу книгъ о Философій, о которой мало теперь пишутъ, и совсѣмъ придавила изящную Словесность, въ которой давно уже не появляется ничего особенно примѣчательнаго.

— Извѣстный Нѣмецкій литераторъ, Лудвигъ Вахтлеръ, издалъ недавно первую часть своихъ мелкихъ сочиненій, содержащую между прочимъ біографіи Ж. Ж. Руссо, Бернарденъ-де-Сень-Піерра, Иоганна Мюллера и Куріе. Большая часть статей, помѣщенныхъ въ этомъ томѣ, напечатана была прежде въ повременныхъ изданіяхъ, напримѣръ, въ Раумеровомъ Историческомъ Альманахѣ, а біографія Сень-Піерра передѣлана изъ Французской, сочиненной Эмѣ-Мартеномъ.

— При всемъ уваженіи къ Г. Румору, мы должны сказать, что его Киналопекомахія, или «Война собакъ съ лисицею», отдаленное во всѣхъ отношеніяхъ подражаніе извѣстной поэмѣ *Reineke Fuchs*. Дѣло въ томъ, что лисица надуваетъ собакъ на кусокъ хлѣба, и изъ этого возникаетъ длинная, предлинная вражда, которая оканчивается тѣмъ, что собаки растерзываютъ лисицу, убитую охотникомъ. Съ помощію неумѣстныхъ естественно-историческихъ, нравоучительныхъ и Нѣмецко-шуточныхъ отступленій, автору стало этого предмета на шесть пѣсней.

— Въ новомъ собраніи стихотвореній Г. Густава Фицера есть нѣсколько пѣсень, кажется, нигдѣ еще не напечатанныхъ, но отличающихся тѣмъ же избыткомъ размышленія, какъ

и прежнія. Это не живое выраженіе чувствъ или предметовъ, а мысли посторонняго человѣка о тѣхъ и о другихъ.

— «Поликратъ», новая трагедія Г. Вильгельма Шниттера, отличаетъ въ авторѣ поэтическое дарованіе и умъ образованный; но кажется, что онъ не совсѣмъ удачно воспользовался исторіею Поликрата, который становится у него безхарактернымъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ начинаетъ стращаться и счастья, и несчастья. Это бѣшенный гипохондрикъ, котораго сумасбродство пугаетъ читателя, но отнюдь не возбуждаетъ въ немъ поэтическаго участія и любопытства.

— Двѣ повѣсти извѣстнаго Фиделіо, *Der Geächtete bei Mongarten* и *Songrad von Felseck*, могутъ привлечь къ себѣ вниманіе любителей Нѣмецкихъ повѣстей. Когда мы говоримъ «Нѣмецкихъ», это имѣетъ свое значеніе: Нѣмецкія повѣсти тѣмъ особенно отличаются отъ Французскихъ, что, въ первыхъ герон, то есть, *онъ* и *она*, всегда въ концѣ женятся, а въ послѣднихъ *она* погибаетъ, а *онъ* идетъ на каторгу. Г. Фиделіо, въ обѣихъ этихъ повѣстяхъ, беретъ по парѣ любовниковъ и проводитъ ихъ сквозь строй разныхъ опасностей, — опасности отъ рыцарей, опасности отъ разбойниковъ, опасности отъ правосудія, инквизицій, войны, огня и воды; но, какъ въ Нѣмецкой Словесности любовь всегда застрахована, то чувствованія ихъ не претерпѣли отъ этого ни малѣйшаго ущерба, и они все-таки женились.

— «Историческіе Разказы», *Erzählungen*, Шарлотты Глюмеръ, урожденной Шпоръ, ужасно сентиментальны, какъ и всѣ ея произведенія.

— *Frauengrösse*, новый романъ Богемуса (Г. Опица), очень занимателенъ: предметъ его взятъ изъ провсшествій Тридцати-лѣтней войны въ Богеміи. Талантъ Богемуса уже извѣстенъ нашимъ читателямъ.

— Саторя, или просто Г. Нейманъ, написалъ историческую повѣсть подъ заглавіемъ «*Joanna I, королева Неволитанская*». Тутъ вы видите, какъ несчастная принцесса достигаетъ и потомъ лишается престола. Авторъ сохранилъ все историческое, и украсилъ его довольно удачно блестками романтизма. Книга его читается съ удовольствіемъ, кромѣ однако жъ разговоровъ высшаго общества, которые не похожи на то, за что выдаетъ ихъ книга.

— Г. Леопольд Шефферъ выдалъ историческій романъ, «Графиня Ульсельдъ», принятый Берлинскою публикой довольно благосклонно. Содержаніе взято изъ Датской исторіи, а обдыка приносить честь наблюдательности автора и его умѣнию живописать подробности.

— Мы упомянемъ еще о выходѣ въ свѣтъ четвертаго тома повѣстей барона А. фонъ-Штернберга: любителя этого плодовитаго писателя найдутъ здѣсь — «Лейпцигскую битву», страшный разсказъ стараго времени; «Последнюю розу Калленфельса», «Коперника» и «Г. фонъ Мюндшейна».

— Говоря о Словесности въ Германіи, нельзя избѣгнуть того, чтобъ не задѣть Философіи, потому что она тамъ входитъ въ составъ чернилъ, вмѣстѣ съ чернильными орѣшками, купоросомъ и сажею. Впрочемъ во всякомъ хорошемъ романѣ есть много Философіи, и во всякой хорошей Философіи очень много романа. Подъ непоможко страннымъ заглавіемъ, — «Человѣкъ и звезды, отрывки къ исторіи души міра», Эрлангенскій профессоръ докторъ Пфафъ издалъ собраніе статей, большею частію помѣщенныхъ прежде отдѣльно въ Morgenblatt, а теперь связанныхъ имъ въ одно цѣлое космографическаго содержанія. Тутъ есть разсужденія о системѣ міра, о планетахъ, о высшей Физикѣ и даже объ исторіи Астрономіи: жаль только, что авторъ слишкомъ часто сбивается въ колею Естественной Философіи, и подбиваетъ мечтательными предположеніями вмѣсто физическихъ достовѣрностей. Но тамъ, гдѣ онъ спускается съ высотъ псалтингизма къ уровню со-здравымъ смысломъ, и оставляя толки о Фениксѣ, объ единствѣ и множествѣ міровъ, о небѣ и новѣйшихъ схоластикахъ, переходитъ къ последнему сочиненію Гершеля или говоритъ о звездахъ Тихо Браге и Кепплера, — тамъ книга его доставитъ удовольствіе и пользу каждому порядочно мыслящему читателю.

— Мы уже означили въ спискѣ новыхъ книгъ за прошлый мѣсяць выходъ двухъ новыхъ томовъ сочиненій Фихте, издаваемыхъ его сыномъ изъ бумагъ, оставшихся по смерти великаго философа. Эти два тома содержатъ въ себѣ чтенія его въ Берлинскомъ университетѣ о знаменитой

«Наука знанія» и о «Наука права», по которой однако ж не возможно править людьми и двухъ сутокъ.

— Одинъ изъ остроумѣйшихъ учениковъ Гегеля, профессоръ Е. Гансъ, издалъ, подъ именемъ «Смѣсь», два тома мелкихъ сочиненій объ Исторіи, Политической Экономіи, Эстетикѣ, и прочая. Къ произведенію Г. Ганса нельзя приложить пословицы о ложности книжныхъ заглавій: это настоящая смѣсь. Подлѣ Гегеля и Гёте является экз-двница Зонтагъ; подлѣ Гизо, Раумера и Геннинга, старинная Нѣмецкая актриса Софія Мюллеръ. Вторая часть содержитъ замѣчательные разборы главѣйшихъ историческихъ и періодическихъ сочиненій, появившихся въ послѣдніи пятнадцать лѣтъ въ Германіи, Франціи и Англии. За этимъ слѣдуетъ нѣсколько эстетическихъ разсужденій, и между прочимъ одно о характерѣ Гамлета въ сравненіи его съ лицами, созданными Эсхиломъ и Софокломъ.

— Полковникъ Густафссонъ (бывшій Шведскій король) издалъ еще одну брошюру о переворотѣ, происшедшемъ 1809 года въ его отечествѣ. Эта любопытная книжка вышла на двухъ языкахъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ, подъ заглавіями — *Der dreizehnte März,—La Journée du treize mars.*

— Мы забыли сказать въ прошломъ мѣсяцѣ о выходѣ первой книжки новаго журнала «Литературный Зодиакъ», который издается въ Лейпцигѣ Г. Мюндтомъ при содѣйствіи князя Пюклеръ-Мускау, Фарнгагена, Шефера, Лемана, Гёшеля, и прочая, и прочая.

— Мы должны еще извѣстить любителей изящныхъ художествъ о выходѣ двухъ новыхъ тетрадей «Собранія архитектурныхъ проектовъ» (21 и 22), знаменитаго Шипкелла, о которомъ говорили мы съ такимъ удивленіемъ въ статьѣ «Новая архитектурная школа въ Германіи.» Каждая изъ нихъ состоитъ изъ шести листовъ рисунковъ. Первое занимаетъ здѣсь проектъ строенія (*Parkhofgebäude*) для жительства придворныхъ служителей и для помѣщенія придворной конторы въ Берлинѣ. Потомъ представленъ проектъ церкви для Петергофскаго Сада, — малаго размѣра, но въ очень богатомъ стилѣ среднихъ вѣковъ: созданіе это прелестно; пышно украшенные врата, надъ ними великолѣпное по-

лукруглое окно, четыре легкія, изящныя башенки по угламъ зданія, производятъ большой эффектъ въ рисункѣ. Остальные листы посвящены проэктамъ разныхъ храмовъ въ Берлинѣ и другихъ городахъ Германіи: тутъ же находится и рисунокъ прекрасной церкви Св. Николая, строящейся въ Потсдамѣ. Прибавимъ еще что, почти, подъ тѣмъ же заглавіемъ, какъ и твореніе Г. Шинхеля, въ Дрезденѣ выходитъ другое собраніе архитектурныхъ рисунковъ, которое заслуживаетъ вниманія художниковъ и любителей зодчества: это — *Architectonische Entwürfe und Details*, издаваемое обществомъ молодыхъ архитекторовъ. Первые двѣ тетради заключаютъ въ себѣ восемнадцать гравированныхъ листовъ. И «Всеобщая теорія музыки», сочиненіе Г. Опельта, заранѣе такъ расхваленное въ Лейпцигскихъ журналахъ, скоро выйдетъ изъ печати.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Французскія.

- DE LA NOUVELLE JÉRUSALEM**, par *Edouard Richter*. 4 vol.
CHRIST ET PEUPLE, par *M. Auguste Ségnier*. 1 vol.
ANALYSE DE L'HISTOIRE asiatique et de l'histoire grecque, par *E. G. Arbanère*. 2 vol.
LETTRÉS ÉDIFIANTES, ou choix de lettres écrites des missions étrangères, précédé de tableaux géographiques, historiques, politiques, religieux et littéraires des pays de mission. Troisième édition, augmentée d'une notice historique sur les missions étrangères et de *Nouvelles Lettres Edifiantes*.
MÉLANGES historiques et littéraires, par *M. de Barante*. 3 vol.
HISTOIRE MONARCHIQUE et constitutionnelle de la révolution française, par *Eugène Labaume*.
SOUVENIRS ET MÉMOIRES du général *Lamarque*. Tome II.
ITALIE, GRÈCE, TURQUIE. Voyage en Orient à bord du François I., armé en guerre pour cette expédition scientifique, et retour par la Sicile, Malte et les îles de l'Archipel. Mœurs, coutumes, monumens, antiquités et souvenirs historiques. 1 vol.
SOUVENIRS, impressions, pensées et paysages pendant un voyage en Orient, par *Alphonse de Lamartine*. 4 vol. avec un portrait-

- MÉMOIRES DE FLEURY** de la comédie-française (1757 à 1820). 3 vol.
BIOGRAPHIE MARITIMES, ou notices historiques sur la vie et les campagnes des marins célèbres français et étrangers, par M. *Hennequin*. Par livraisons.
HISTOIRE PITTORESQUE de l'Angleterre et de ses possessions dans l'Inde, par MM. le baron *de Roujoux*, *Taylor* et *Charles Nodier*. 3 vol. ornés de 500 gravures. Par livraisons.
ATLAS PITTORESQUE de 48 quartiers de Paris, avec un tableau d'assemblage et une nomenclature des rues, etc., par *A. M. Perrot*.
ATLAS HISTORIQUE et chronologique des littératures anciennes et modernes, des sciences et des beaux-arts, par *N. A. Jarry de Mancy*. 26 tableaux.
ESSAI SUR LA GRAVELLE et la pierre, considérées sous le rapport de leurs causes, de leurs effets et de leurs divers modes de traitemens, par *P. S. Ségalas*.

-
- NAPOLÉON EN EGYPTÉ**, Waterloo et le fils de l'homme, poèmes par *Barthélemy* et *Méry*. 1 vol.
LE CONSEILLER D'ÉTAT, roman par M. *Frédéric Soulié*. 2 vol.
SAPHIRA, ou Paris et Rome sous l'empire, roman par M. *de Kératry*. 3 vol.
JEUNE ET VIEILLE, roman, par Madame veuve *Laya*. 2 vol.
MADemoiselle DE ROHAN, roman historique, par le baron *de Lamoignon Langon*. 2 vol.
BRANCHES DE BRUYÈRES, chroniques bretonnes, par Mme *Aimé Harel*. 4 vol.
RODOLPH DE FRANGON, roman historique du XVIe siècle. 1 vol.
MADemoiselle DE VALVILLE, roman, par Mme *Laure Bernard*. 1 vol.
LE SALMIGONDIS, par *Alex. Dumas*, la duchesse *d'Abrantès*, etc. 2 vol.
ISABELLE DE RAVIÈRE, par *Alex. Dumas*. 2 vol.
SCÈNES POPULAIRES, par *Henri Monnier*. Vol. XII.
MONSIEUR LE MARQUIS DE PONTANGES, par Mme *de Girardin*, auteur du *Lorgnon*. 2 vol.
FLAVIEN, ou De Rome au désert, par *Alexandre Guiraud*, de l'Académie française. 3 vol.
LE LIVRE DES ENFANS, par MM. *Audibert*, l'abbé *de Guerry*, *Michel Raymond*, *Ernest Desprez*, *Michel Masson*, etc., Mme *Desbordes-Valmore*, *Dupin*, *Waldor*, etc. 6 vol.

Английскія.

- ORIENTAL ILLUSTRATIONS** of the Sacred Scriptures. By *Joseph Roberts*. 1 vol.

- THE HISTORY OF IRELAND. By *Thomas Moore*, esq. 1 vol.
- THE ANGLIO SAXON CHURCH, its history, revenues and general character. By *Henry Soames*. 1 vol.
- STATE PAPERS published under the authority of his Majesty's commission. 3 vols.
- REPORT ON THE PENITENTIARIES of the United States. By *William Crawford*, esq. 4 vol.
- A VISIT THE ICELAND, by way of Tronyem, etc., in the summer of 1834. By *John Barrow*, Junior 1 vol.
- A WINTER IN THE FAR WEST. By *C. F. Hoffmann*. 2 vol.
- EXCURSION IN THE MEDITERRANEAN. By major sir *Grenville T. Temple*. 2 vol.
- ESSAY ON THE ARCHITECTURE of the Hindus. By *Ram Raz*. 1 vol.
- SKETCHES OF THE HISTORY OF MEDICINE, from its orgine to the commencement of the nineteenth century. By *J. Bostock*, M. D. 1 vol.
- MELANIE, and other poems, by *N. N. Willis*. Edited by *Barry Cornwall*. 1 vol.
- SCENES AND LEGENDS OF THE NORTH OF SCOTLAND, or The traditional history of Cromarty. By *Hugh Miller*. 1 vol.
-
- HENNEBON, or, the Countess of Montfort and Bertha of Burgundy, a novel. 1 vol.
- PIERCE FALCON, the Outeast, a novel. By *Emma Whitehead*. 1 vol.
- SYDNEY BERESFORD, a novel. By the author of the *Bandit's Bride*. 4 vol.
- LODORÉ, a nouvel. By the author of *Frankenstein* (*Mrs. Shelley*). 3 vol.
- FINESSE, a nouvel. 2 vol.

Нѣмецкія.

- ADRIAN GRETSCH, weiland hochwürid. Priester und Capitular in Wien, homiletische Nachlass. Feiertags Predigten. Herausgeg. von *Leopold Schwerlich*. Wien.
- DER MENSCH UND DIE STERNE. Fragmente zur Geschichte der Weltseele von *Dr. W. Pfaff*. Nürnberg.
- BEITRÄGE ZUR THEORIE des Armenwesens. Veranlasst durch des Herrn *Carl Godefroy* Theorie der Armuth. Hamburg.
- DR. LUDWIG WACHTLER'S vermischte Schriften. 1 Theil. Leipzig.
- LIEBE UND WAHRHEIT die Leitsterne aller Erziehung, v. *Wilh. Möller*. Erfurt.
- IKONOGRAPHIE DER HEILIGEN. Ein Beitrag zur Kunstgeschichte. Berlin.
- DIE KUPFERSTECHEKUNST und der Stahlstich, von *Mor. Henrici*. Leipzig.

- MECHANIK.** 2 Bd. enthaltend die allgemeinen dynamische Lehren, Geodynamik, Hydrodynamik und Aerodynamik. Von *Alex. Freih. v. Forstner*. Berlin.
- HÜLFSTAFELN** und Beiträge zur neuern Hygrometrie von *A. G. Stierlin*. Köln.
- BEMERKUNGEN** über die Anlage und Einrichtung der Salz-Magazine in den verschiedenen Provinzen des preussischen Staats, von *F. A. Eytelwein*. Berlin.
- SPEZIELLE PATHOLOGIE** und Therapie der Krankheiten der Sensibilität des Menschen, von Dr. *Karl. Geo. Neumann*. Berlin.
- NOSOLOGISCH-THERAPEUTISCHE AUFSCHLÜSSE** über mehrere der schlimmsten Krankheiten der Menschen, von Dr. *Ferd. Robert. Marburg*.
- ANNALEN DER KLINISCHEN ANSTALT** der Universität zu Breslau, für Geburtshilfe und Krankheiten der Weiber und Kinder, herausgeg vom Director derselben *J. W. Betschler*. 2 Bd. Breslau.
- WILLIAM SWAIM'S PANACEE.** Belege und Zeugnisse über Gebrauch und Wirkung dieses Geheimmittels in den gefährlichsten chronischen Krankheiten, von Dr. *E. Weidemann*. Zwickau.
- GESCHICHTE** der Gesetzgebung über das Apothekerwesen in Deutschland, nebst juristische Rechtsverhältnisse neuer Erfindungen, als Homöopathie, etc., von Dr. *C. Sundheim*. Giessen.
- LEHRBUCH** der operativen Chirurgie, von Dr. *E. L. Grossheim*. 3 Bd. Berlin.
- JAHRESBERICHT** der Königl. Schwed. Akademie der Wissenschaften über die Fortschritte der Botanik. 1830 und 1831 Jahre. 2 Bd. Breslau.
- ANLEITUNG** zur Pflanzenkenntniss, oder Botanik, für den Landwirth, Thierarzt, Aerzte und Wundärzte, von *M. v. Erdebji*. 2 Bd. Wien.
- DER SCHNELL** unterrichtende Botaniker und Blumist etc., von *J. E. v. Reider*. Nürnberg.
- NEPTUNISMUS** und Vulcanismus, in Beziehung auf von Leonhard's Basaltgebilde, von *Chr. Kapp*. Stuttgart.
- BEITRAG** zu einer Monographie des bunten Sandsteins, Muschelkalks und Ceupers, und die Verbindung dieser Gebilde zu einer Formation, von *Fr. v. Alberti*. Stuttgart.
- GEOGNOSTISCHE** Beschreibung des Zwickauer Schwarzkohlengebürges, von *A. v. Gubbier*. Zwickau.
- DER MEDICINISCHE** Blutegel, darg. von *A. F. Otto*. Weimar.
- HYMENSPTERORUE** Ichneumonibus affinium monographiæ, ser. *Nees ab *Elenheck*. Vol. 2. Stuttgart.*
- DIE WANZENARTIGEN** Insekten, von Dr. *K. W. Hahn*. 2 Bd. mit Taf. Nürnberg,
- DIE FOSSILEN** Zähne und Knochen in der Gegend von Georgensmund in Bayern, von *H. v. Meyer*. Frankfurt a. M.

ORGANISATION in der Richtung des kleinsten Raums. Dritter Beitrag, v. *Ehrenberg*. Berlin.

GRUNDZÜGE der Chemie mit besonderer Berücksichtigung der Pharmacie und Medicin, von Dr. *E. Wittig*. Paderborn.

APOLLONII CITIENSIS, Stephani, Palladii, Theophili, Meletii, Damascii, Joannis, aliorum scholia in Hippocraten et Galenum, e codd. mss. Vinnob., Monac., Florent., Mediol., Escorial., etc., primum graece edidit *Fr. Reinh. Dietz*. Vol. II. Regiomontii.

HOMERI ILIAS. Recensuit et brevi annotatione instruit *Fr. Spitzner*, Saxo-Gothae.

LEXICON SOPHOCLEUM adhibitis veterum interpretum explicationibus, grammaticorum notationibus, recentiorum doctorum commentariis compositum *Frid. Ellendt*. A. M. etc. Vol. I. Regiomontii.

KINALOPEKOMACHIA. Der Hunde Fuchsenstreit. Herausgeg. von *C. Fr. v. Kuhmor*. Lübeck.

GEDICHTE von *Fustav Pfizer*. Neue Sammlung. Stuttgart.

DES SCHWEIZERS ALPENHORN. Gedichte von *Karl Steiger*. St. Gallen.

POLYKRATES. Trauerspiel in fünf Aufzügen, von *Wilh. Schnitter*. Leipzig.

POETISCHE ZWISCHENSPIELE in der Prosa des Lebens. Von *Fr. v. Sydow*. 2 Theile. Leipzig.

JOHANNA I. Königin von Neapel. Eine historische Erzählung von *J. Satori (Neumann)*. 2 Bde. Leipzig.

DRILLINGE. Historisch-romantische Erzählungen von *David Russa*. Wismar.

DIE ERBSÜNDE. Novelle von *Emerentius Scävola*. 2 Theile. Berlin.

DER KÖNIG. Ein Roman von *A. J. Gross-Hoffinger*. 2 Bde. Stuttgart.

NOVELLEN von *A. Freih. von Sternberg*. 4 Bd. Stuttgart.

М О Д Ы.

Парижъ. Апрельъ.

При заключеніи этой книжки, извѣстія о Лоншанскомъ гуляньѣ еще не были получены въ Петербургъ: сладствен-но весеннія и лѣтнія моды еще не рѣшены. Причиною тому — современность Пасхи, которая, по новому и по старому стилю, пришлось въ нынѣшнемъ году въ одинъ и тотъ же день. Сверхъ-того апрель не лучше былъ въ Парижѣ чѣмъ у насъ. Послѣ нѣсколькихъ хорошихъ дней, вдругъ наступилъ холодъ и дождливая погода, и дамы принуждены были возвратиться къ зимнему платью.

Хотя это не относится къ модамъ, но, говоря о холодѣ, мы можемъ упомянуть здѣсь объ одномъ примѣчательномъ обстоятельстве: тогда какъ у насъ зима была такъ непостоянна и умѣренна, въ Америкѣ господствовали неслыханные морозы; Г. Араго читалъ въ засѣданіи Парижской Академіи Наукъ письмо, которымъ доносятъ ему, что въ Соединенныхъ Штатахъ холодъ доходилъ до 37 градусовъ.

До Лоншанскаго гулянья всѣ лучшіе модные магазины въ Парижѣ содержатъ въ величайшей тайнѣ наряды, приготовляемые ими для отличнѣйшихъ щеголихъ на этотъ день, въ который рѣшается судьба шляпокъ, юбокъ, корсажей, платковъ и матерій. Последніе модные журналы не сообщаютъ ни какихъ новостей, и оправдываются тѣмъ, что они «учинили присягу» моднымъ магазинамъ, особенно Морису Бовѣ, не открывать великой тайны, пока она торжественно сама не обнаружится на гульбищѣ.

— Между-тѣмъ капоты совершенно такіе же, какіе носили въ прошломъ году, и единственный признакъ модной луристики, *femme rigiste fashionable*, — длинное збровое перо, окрашенное полосами дикаго и голубаго цвѣтовъ.

— По вечерамъ видно множество турбановъ: самый употребительный фасонъ — *à la Juive*.

— Цвѣтъ башмаковъ на нынѣшнее лѣто будетъ краснаго дерева; но это только предположеніе. Много говорятъ объ одной чудесной лентѣ, *à dents frangées*.

=

Р. S. Вчера, 30 числа, получены самыя плачевныя извѣстія изъ Парижа. Въ пятницу на Страстной недѣлѣ, во время Лоншанскаго гулянья, неожиданно выпалъ страшный снѣгъ съ вѣтромъ и морозомъ, точно такъ же какъ у насъ въ Петербургѣ, и перепортилъ, уничтожилъ всѣ шляпки, цвѣты, ленты, банты, вуали, шарпы. Впрочемъ хорошихъ экипажей было очень мало; дамы, исключая весьма немногихъ, явились въ шубахъ или сидѣли зипрятанныя въ своихъ каретахъ, и новыя моды остались столь же неизвѣстными, какъ были прежде. Въ Светлое Воскресеніе — полтора аршина снѣгу на улицахъ!

Письма изъ Дрездена сообщаютъ такіе же новости: въ первый день праздниковъ — глубокій снѣгъ, вѣтеръ и морозъ. По этому кажется, что ужасная погода, которая изумила насъ въ первой половинѣ апрѣля, особенно въ Светлое Воскресеніе, была общаа во всей Европѣ.

=

ПАРИЖСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ. Давно уже не говорили мы о Французскомъ Институтѣ, который однако жъ безспорно занимаетъ первое мѣсто между всеми учеными сословіями въ Европѣ. Это потому, что первое ученое сословіе въ Европѣ съ нѣкотораго времени ничего не дѣлаетъ. Кажется, что господа академики слишкомъ заняты ничтожною политикой, которая въ это мгновеніе обуреваѣтъ всѣ головы во Франціи. Уже два мѣсяца, большая часть записавшихся для чтенія разсужденій не отвѣчаютъ на переключку, которую дѣлаетъ президентъ каждый понедѣльникъ. Надобно однако жъ поискать, какими новыми истинами обогатились Науки со времени послѣдняго нашего отчета.

1. *Новое ударное ружье.* Докторъ Гёртлу (Heurteloup), изобрѣтатель остроумныхъ и ятогритическихъ способовъ, представилъ Академіи ударное ружье, изъ котораго можно дѣлать по восьмидесяти выстрѣловъ, не перемѣняя затравки. Этотъ чрезвычайно простой механизмъ наконецъ разрѣшается, кажется, вопросъ, которымъ такъ часто занимались со времени изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія: къ быстротѣ присоединяетъ онъ совершенную безопасность, и можно надѣяться, что при его содѣйствіи, пистонъ и гремучій порошокъ войдутъ во всеобщее употребленіе. Извѣстно, что многочисленные опыты, дѣланные доселѣ по этой части, не имѣли совершенно удовлетворительныхъ послѣдствій, и что ни одна Европейская Держава не вооружила еще войскъ своихъ ударными ружьями.

Правда, что гремучія затравки дѣлаютъ выстрѣлъ вѣрнѣе, быстрѣе и дальнометнѣе, и рѣдко даже во время дождя ударное ружье освѣдается или долго не даетъ огня. Но эти выгоды, такъ высоко цѣнимыя охотниками, сопряжены съ большими неудобствами для войска. Во-первыхъ, при заряданіи не выигрывается ни сколько времени, а колпачки составляютъ излишекъ въ солдатской лядункѣ. Во-вторыхъ нужна нѣкоторая осторожность при утвержденіи колпачка, и кромѣ-того, кажется, что блескъ, производимый воспламененіемъ гремучаго пороха, мѣшаетъ солдатамъ, когда они стрѣляютъ по-заводно или плутонгами.

Изобрѣтеніе Г. Гёртлу не имѣетъ ни одного изъ этихъ недостатковъ. Оно основано на возможности пересѣчь пластинкою часть гремучаго порошка и не дать ей воспламениться. Г. Гёртлу дѣлаетъ длинный колпачекъ изъ трубки мягкаго металла, наполненный гремучимъ порошкомъ; съ одного раза часть трубочки отдѣляется острой пластинкою, которая по ней ударяетъ, и почти въ ту жъ минуту пистонъ бьетъ по маленькому отдѣленному колпачку, и тотъ воспламеняется. Разумѣется, здѣсь все дѣло въ томъ, чтобъ вложить металлическую трубочку въ прикладъ какъ слѣдуетъ и подвигать ее къ станку посредствомъ особеннаго механизма. Г. Гёртлу исполнилъ это самымъ простымъ и остроумнымъ образомъ. Ружье, представленное имъ комиссіи, состоящей изъ генерала Ронья, Араго и Сегье, вполне удовлетворяетъ всемъ требованіямъ.

Какимъ образомъ Г. Гёртлу перешелъ отъ Литотритіи къ изобрѣтенію огнестрѣльнаго оружія; какъ пришла ему въ голову мысль объ этомъ новомъ инструментѣ, который называется онъ *китипиторомъ*, *kitipteur*, какъ наконецъ вздумалось ему, послѣ того что онъ спасалъ людей, усовершенствовать способъ къ ихъ истребленію, этого мы отнюдь не беремъ объяснить. Правда, отъ хирургическаго до убійственнаго орудія, не такъ далеко, какъ вообще полагаютъ, и быть-можетъ наконецъ до того усовершенствуютъ средства истребленія, что не будетъ стоить труда убивать другъ друга. Если бъ искусство дошло до такой степени, что можно бъ было взрывать по тридцати и по сороку тысячъ человѣкъ разомъ, тогда вѣроятно, всѣ перестали бы драться.

2. *Литотритія, или камнетрѣніе.* Кстати о Парижскихъ литотриторахъ. Имъ много дѣла и безъ ударныхъ ружей, и безъ воспламеняющихся колпачковъ; едва достаѣтъ у нихъ силъ на защиту себя отъ жаркихъ нападеній, которымъ подвергаются они въ Парижской Медицинской академіи. Читатели наши вѣроятно помнятъ, какія пренія возбуждалъ этотъ способъ истреблять каменную болѣзнь, лѣтъ за восемь здѣсь въ Петербургъ, когда Г. Сѣ привѣхалъ къ намъ изъ Парижа съ намѣреніемъ ввести въ Россію литотритію, которую выдавали тогда за великое открытіе и за

удовлетворительнѣйшее рѣшеніе одного изъ важнѣйшихъ хирургическихъ вопросовъ. Отличнѣйшіе наши операторы отважились тогда оспоривать преимущества новаго способа передъ старымъ: за то по возвращеніи въ Парижъ, Г. Сѣ объявилъ ихъ завистливыми и отсталыми, — но вотъ теперь и въ самомъ Парижѣ лучшіе хирурги рѣшительно отвергаютъ мнимую благотѣльность литотритіи, которая получила столько вѣнковъ отъ тамошней Академіи Наукъ, и которой слава огласила всю подсолнечную. Они утверждаютъ, что эта операція отнюдь не такъ невинна, не такъ сладка и безопасна, какъ угодно было рассказывать, и что въ большей части случаевъ лучше прибѣгать къ бистурію и къ старинному способу Брата Космы, чѣмъ къ камнетренію. Трезубые щипцы Г-на Леруа д'Этіолля, перкуторъ Г. Гертлу и столько другихъ остроумныхъ изобрѣтеній для превращенія камня въ порошокъ на мѣстѣ, кажется, не нѣжше Дююнтренова двойнаго литотома. Антिलитотриторы опираются на неопровержимыхъ доказательствахъ. Они перечли по пальцамъ больныхъ, ввѣрившихся искуснѣйшимъ литотриторамъ, Гг. Сивіалю, Гертлу, Леруа, Амюза, и прочая, и на повѣрку вышло, что не малое число подвергшихся операція оставили въ рукахъ этихъ господъ не одни свои камни. Г. Вельпо, хирургъ больницы Charité, первый поднялъ тревогу, и былъ крѣпко поддержанъ Г. Сансопомъ. Послушать литотриторовъ, говоритъ Г. Вельпо, такъ камнетреніе не причиняетъ почти ни малѣйшаго страданія и больные не подвергаются отъ него ни какой опасности; они зовутъ ихъ къ себѣ самымъ умилнымъ голосомъ, и обѣщаютъ скорое и вѣрное исцѣленіе, а между-тѣмъ изъ 83 больныхъ, которымъ Г. Сивіаль дѣлалъ операцію въ 1827 году, выздоровѣли только 42; въ 1830 году изъ 24 человекъ выздоровѣло 13, и въ недавнемъ времени изъ 53 больныхъ получили исцѣленіе только 30. Напротивъ того, камнеизсѣченіемъ Дююнтренъ спасъ 295 человекъ изъ 356 Братъ Косма спасалъ по 81 изъ 100, Г. Субербель 116 изъ 133, и такъ далѣе.

Должно однако сказать, что, и послѣ этого невыгоднаго сравненія, Гг. Сансонъ и Вельпо признаются, что сами предпочли бы литотритію, если бѣ имъ довелось подвергнуть

ся операціи отъ небольшого камня при благоприятномъ состояніи здоровья. Впрочемъ Гг. Дюбуа и Льеранъ поступили въ подобныхъ обстоятельствахъ точно также. Оба эти хирурга предпочли литотритные инструменты бистурию, которыми сами владѣютъ съ большимъ успѣхомъ. Несмотря на то, Г. Вельпо утверждаетъ, что по числовымъ выводамъ камнеизсѣченіе должно быть общимъ способомъ, а литотритія только исключеніемъ.

3. *Движеніе крови въ волосковатыхъ сосудахъ.* Докторъ Пуазель сообщаетъ нѣсколько любопытныхъ наблюдений объ этомъ предметѣ.

Наблюдая въ волосковатыхъ сосудахъ лягушекъ движеніе кровяныхъ шариковъ въ водяной жидкости, гдѣ они плаваютъ, можно замѣтить, что не всѣ они имѣютъ одинаковую скорость, и это заставило нѣкоторыхъ предполагать, что шарики заключаютъ въ самихъ себѣ начало движенія, независимое отъ сообщаемого имъ сердцемъ. Мнѣніе это подкрѣпляли тѣмъ, что они продолжаютъ двигаться нѣсколько времени по устраненіи отъ нихъ дѣйствія этого органа. Но изъ новыхъ опытовъ Г. Пуазеля выходитъ, что сердце и упругость сосудовъ единственные дѣятели кровообращенія въ волосковатой системѣ.

Что касается до неравенства въ быстротѣ шариковъ, оно зависитъ отъ того, что тѣ изъ нихъ, которые кружатъ около стѣнокъ сосуда, погружены въ слой жидкости, почти неподвижный, тогда какъ шарики, обращающіеся въ серединѣ сосуда, увлекаются быстрымъ потокомъ. Это общій гидравлическій фактъ, замѣчаемый во всѣхъ безжизненныхъ трубкахъ, способныхъ смачиваться влагою, которая движется въ ихъ внутренности.

Холодъ, увеличивая толщину этого неподвижнаго слоя, чувствительно замедляетъ скорость обращенія.

Г. Пуазель изслѣдовалъ дѣйствіе внѣшняго давленія на движеніе шариковъ. Извѣстно, что нѣкоторыя животныя, какъ напримѣръ рыбы и отчасти млекопитающія земноводныя, ныряютъ саженъ на сорокъ подъ воду и въ такомъ случаѣ выносятъ давленіе отъ семи до восьми атмосферъ. Чтобъ привести въ подобное положеніе животныхъ,

которыхъ онъ хотѣлъ наблюдать, Г. Пуазёлъ придумалъ пневматическій снарядъ, въ которомъ посредствомъ насоса можно было производить давленіе отъ трехъ до восьми атмосферъ. Сквозь стекло наблюдалъ онъ теченіе крови въ разныхъ обстоятельствахъ, и удостоверялся, что при одинаковости прочихъ условій, быстрота его остается все та же, каковыя перемены ни подвергалось бы давленіе.

ЛУЧЕМѢРЪ ГЕРШЕЛЯ. Мы не имеемъ еще описанія этого инструмента, но самое имя изобрѣтателя и любопытные факты, которые могутъ быть слѣдствіемъ его употребленія, заставляютъ насъ сообщить то, что мы сами объ немъ узнали. Сиръ Джонъ Гершель, находящійся, какъ извѣстно, на Мысѣ Доброй Надежды, пишетъ оттуда къ бывшему секретарю Королевскаго Общества Ученыхъ въ Лондонѣ, Г. Годсону, о выводахъ метеорологическихъ своихъ наблюденій, которыми занимается онъ повидимому такъ же усердно, какъ и астрономическими, составляющими главную цѣль его путешествія.

«Не знаю, говоритъ онъ, между прочимъ, въ письмѣ своемъ отъ 8 января, упоминалъ ли я вамъ когда-нибудь объ моемъ актинометрѣ «лучемѣрѣ», а я давно употребляю этотъ инструментъ для непосредственнаго измѣренія силы солнечныхъ лучей. Слѣдующій примѣръ можетъ дать вамъ нѣкоторое понятіе о ясности неба и теплотѣ солнца въ здѣшнемъ краѣ: дѣйствіе солнечныхъ лучей, замѣченное мною третьего-дня, простиралось до 48 градусовъ 75 минутъ, а въ Англій, въ обыкновенный хорошій день, оно бываетъ не болѣе 25 градусовъ 30 минутъ.

«Я нахожу, что этотъ инструментъ чрезвычайно вѣренъ и точенъ въ своихъ показаніяхъ; испытавъ его въ теченіе одиннадцати лѣтъ, могу рѣшительно сказать, что онъ вполне соответствуетъ своей цѣли. По-этому я въ непродолжительномъ времени представляю Королевскому Обществу подробное описаніе его устройства и употребленія.»

ИЗМѢРЕНІЕ БЫСТРОТЫ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. Извѣстный профессоръ Витстонъ (Wheatstone) дѣлалъ недавно въ Лон-

донскомъ Королевскомъ Коллегіумъ (Kings College) прекрасные и остроумные опыты надъ быстротою, съ которою электрическая жидкость распространяется по металлическихъ проволокамъ. Въ зданіи народной галлерей протянулъ онъ мѣдныя проволоки въ $\frac{3}{4}$ версты длиною: онѣ сообщались съ электрическою машиною, и представляли нѣсколько разрывовъ, гдѣ можно было наблюдать въ подвижномъ зеркалѣ переходъ электрической искры изъ одного конца въ другой. Зеркало было устроено такимъ образомъ, что дѣлало нѣсколько сотъ поворотовъ въ секунду, которые тотчасъ же означались и доставляли возможность опредѣлять самамалѣйшіе промежутки времени. Г. Витстонъ доказалъ такимъ образомъ, что быстрота, съ которою электрическая жидкость пробѣгаетъ мѣдную проволоку, превосходить почти цѣлою третью скорость свѣта въ пространство. Изъ наблюдений абераціи неподвижныхъ звѣздъ и затменія Юпитеровыхъ спутниковъ намъ извѣстно, что свѣтъ пробѣгаетъ въ одну секунду 280,000 верстъ и отъ солнца достигаетъ къ намъ въ восемь минутъ слишкомъ; но электрическая жидкость пробѣгаетъ, по опытамъ Витстона, 420,000 верстъ въ секунду, такъ что если бѣ можно было протянуть отъ земли къ солнцу мѣдную проволоку, то эта жидкость достигла бѣ его въ $5\frac{1}{2}$ минутъ. Исследования Г. Витстона принадлежатъ къ числу важнѣйшихъ въ опытной Физикѣ: желательно, чтобъ они были повторены другими наблюдателями.

НОВЫЯ НАБЛЮДЕНІЯ НАДЪ МАГНИТНОЮ СТРѢЛКОЮ.
Извѣстно, что знаменитый Геттингенскій ученый, Гаусъ, изобрѣлъ снарядъ для точнѣйшаго наблюденія космическихъ и земныхъ вліяній на склоненіе и уклоненіе магнитной стрѣлки посредствомъ качающейся иглы, изъятаго отъ дѣйствій всякаго металла и даже близости наблюдателя. Подобный снарядъ устроенъ теперь профессоромъ Марксомъ въ Брауншвейгѣ. Выводы Геттингенскихъ и Брауншвейгскихъ наблюдений оказывались доселѣ совершенно согласными. Перваго ноября прошлаго года обѣ магнитныя стрѣлки двигались, какъ обыкновенно, и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ не уклонились отъ средняго направленія почти ни

на минуту. Но на другой день онъ такъ же согласно заколебались, и послѣ девяти часовъ утра вдругъ передвинулись на 22 минуты отъ своего первоначальнаго направленія, какъ бы получивъ одинъ общій толчокъ. Какое особенное событіе въ природѣ произвело столь необыкновенную неpravильность? Это намъ еще не извѣстно; однако жъ, какъ познаніе барометрическихъ переменъ усовершилось послѣ долговѣтныхъ наблюденій до такой степени, что по однимъ измѣненіямъ въ высотѣ ртути мы достоверно заключаемъ о предстоящей переменѣ погоды, вѣтра, и прочая, такъ можемъ мы надѣяться, что и теорія магнитныхъ уклоненій скоро достигнетъ того совершенства, которое доставитъ намъ способы заключать съ равной достоверностью о другихъ, быть-можетъ еще и незамѣченныхъ нами дѣйствіяхъ природы и даже космическихъ событіяхъ.

ВТОРИЧНАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ КАПИТАНА РОССА КЪ ПОЛЮСУ. Наконецъ вышло давно ожиданное описаніе новой попытки къ отысканію свверозападнаго прохода, то есть, къ опытію Америки съ свверной стороны. Извѣстно, что это было частное предпріятіе. Англійское правительство утомилось наконецъ многочисленными экспедиціями, которыя стоили дорого и оканчивались всегда безуспѣшно. Между-тѣмъ этотъ географическій вопросъ привлекалъ общее вниманіе до такой степени, что съ прискорбіемъ слышали объ оставленіи его нерѣшеннымъ. Несмотря на трехвѣковыя неудачныя покушенія, многіе еще надѣялись, что можно отыскать проходъ въ Заливъ Принца Регента. За дальнѣйшимъ предѣломъ котораго достигалъ корабль Фигу и у противоположнаго берега, около мыса Торнегена, къ которому доходили Беринговымъ проливомъ, видно было открытое море, а эти двѣ точки раздѣляются небольшимъ пространствомъ, то есть, нѣсколькими стами верстъ. Основываясь на этихъ данныхъ, капитанъ Россъ рѣшился еще разъ испытать счастья, — или отыскать проходъ, если онъ существуетъ, или доказать, что его нѣтъ, по крайней-мѣрѣ въ Регентовомъ Заливѣ.

Частное лице, — Лондонскій гражданинъ Г. Бутъ, — взяло на себя всѣ издержки экспедиціи. Капитанъ Россъ заклю-

чалъ изъ опыта, что пароходъ будетъ ему всего полезнѣе, потому что въ этихъ свѣрныхъ широтахъ, когда море вскроется, вѣтеръ обыкновенно бываетъ противный, притомъ и малое углубленіе такого судна даетъ ему большое преимущество передъ паруснымъ. Купили пароходъ *Victory*, снабдили его новыми патентованными машинами, и въ мѣсяцъ 1829 года онъ вышелъ изъ Тѣмзы съ другимъ судномъ, которое должно было везти за нимъ всѣ припасы до Залива Принца Регента. Черезъ нѣсколько часовъ повый механизмъ оказался негоднымъ, такъ что его наконецъ вынули и бросили въ море, а на другомъ суднѣ взбунтовался экипажъ, и не хотѣлъ плыть далѣе. Несмотря на всѣ эти и на многія другія непріятныя обстоятельства, капитанъ Россъ не терялъ рѣшительности. Въ іюль достигъ онъ Девисова Пролива, и остановился для починокъ въ Датскомъ селеніи Голстейнборгъ, гдѣ встрѣтилъ его самый дружелюбный пріемъ. Двѣнадцатаго августа увидѣли они то мѣсто, гдѣ корабль *Figu* потерпѣлъ крушеніе, и даже палатку, въ которой экипажъ жилъ на берегу.

«Оставленное здѣсь соленое мясо и овощи нашли мы въ совершенной цѣлости. Корзины были сложены въ двѣ кучи, и хотя провели четыре года на открытомъ воздухѣ, однако ни жало не потерпѣли. Вино, водка, сахаръ, хлѣбъ, мука и какао были въ хорошемъ состояніи, даже лимонный сокъ и пикольсы почти не попортились.»

Но корабля *Figu* не было и слѣдовъ! Въ сентябрѣ путешественники должны были остановиться на зимовку, потому что все море вокругъ покрылось льдомъ.

«Какая унылая картина! Несмотря на освѣжительную бѣлизну, этотъ край льдовъ и снѣга всегда былъ и всегда будетъ скучнымъ, печальнымъ, однообразнымъ, пустыннымъ, наводящимъ грусть и тоску; умъ цѣпензеть и перестаетъ заботиться и думать, лишенный всего того, что хотя бы изрѣдка возбуждало его своей новостью; здѣсь передъ нимъ только однообразіе, безмолвіе и смерть. Самое поэтическое воображеніе не найдетъ картинныхъ подробностей тамъ, гдѣ нѣтъ ни малѣйшей пестроты, гдѣ ни что не движется, ни что не изменяется, гдѣ все и всегда одно и то же, — печально, холодно и тихо.» Къ счастью, однообразіе ихъ зим-

ней жизни одушевилось немного появленіемъ въ сосѣдствѣ неожиданныхъ гостей.

«Я пошелъ въ ту сторону, гдѣ мнѣ ихъ указали, и скоро увидѣлъ четверыхъ Эскимосовъ у небольшой ледяной горы, недалеко отъ берега и съ милою отъ корабля. Они спрятались за нее, какъ скоро меня увидѣли, а когда я сталъ подходить, то вышли вдругъ цѣлымъ строемъ человекъ до тридцати: поодаль къ берегу былъ еще одинъ человекъ и кажется, сидѣлъ въ салазкахъ. Я послалъ сказать командору Россу, чтобъ онъ пришелъ ко мнѣ съ людьми, которымъ однако жъ вѣжливо было оставаться въ отдаленіи. Между тѣмъ я приблизился къ нимъ одинъ на разстояніе двухъ сотъ шаговъ, и увидѣлъ, что всѣ они были вооружены дротиками и ножами, но луковъ и стрѣлъ я не замѣтилъ.

«Зная, что привѣтствіе у нихъ — *Тайма, тайма!* я поздоровался съ ними на ихъ собственномъ языкѣ, и мнѣ отвѣчали тѣмъ же въ одинъ голосъ: человекъ, сидѣвшій отдѣльно, вызванъ былъ впередъ. Когда приспѣли ко мнѣ наши, мы подошли еще ближе и бросили ружья съ крикомъ — *Аджа, тайма:* такъ, слышали мы, обыкновенно открываютъ здѣсь дружескія сношенія. Эскимосы побросали свои ножи и дротики, кричали — *Аджа!* и протягивали руки, чтобъ показать, что они безоружны. Но такъ какъ они не трогались съ мѣста, то мы сами подошли къ нимъ, и обняли поочередно всѣхъ, стоявшихъ напередѣ, а они отплатили намъ тою же учтивостію. Все это доставляло имъ повидимому много удовольствія, и они выражали его смѣхомъ, крикомъ и странными тѣлодвиженіями: мы тотчасъ вошли у нихъ въ совершенную довѣрчивость.

«Опытность командора Росса была намъ очень полезна. Узнавъ отъ него, что мы Европейцы — Коблунѣ, Эскимосы отвѣчали, что они люди Иннуитъ. Всѣ они были хорошо одѣты, по большей части, въ превосходныхъ оленьихъ кожахъ: верхнее платье у нихъ двойное, и спереди закрываетъ тѣло отъ подбородка до половины лядвей, а сзади начинается откидною шапкой, и оканчивается у икры клиномъ. Рукава закрывали пальцы. Изъ двухъ шкуръ, которыя составляли платье, нижняя была шерстью къ тѣлу, а верхняя на выворотъ. На нихъ было по двѣ пары сапо-

говъ, обш шерстью впутры, а сверху ихъ длинныя шаровары изъ оленьей кожи; у нѣкоторыхъ на сапогахъ были еще башмаки и шаровары не изъ оленьей, а изъ тюленьей кожи.

«Подъ этимъ выюкомъ одежды, они казались гораздо больше, чѣмъ были въ самомъ дѣлѣ. У всѣхъ видѣли мы дрютики, похожіе на трость, съ деревяннымъ или костянымъ шаромъ на одномъ концѣ и съ роговымъ остриемъ на другомъ. Разсмотрѣвъ ихъ, мы нашли, что они составлены изъ мелкихъ кусочковъ дерева или изъ костей животныхъ, весьма искусно сплоченныхъ. Ножи были костяные или роговые и такъ тупы, что не могли причинить большого вреда; но мы скоро замѣтили, что у нихъ за спиною были другіе съ желѣзными остроконечіями, а нѣкоторые и съ лезвиемъ изъ этого металла. Одинъ оказался сдѣланнымъ изъ клинка Англійскаго складнаго ножа съ клеймомъ мастера, и былъ оправленъ въ видѣ кинжала...

«Тронхъ ввели мы къ себѣ въ каюту, и они безпрестанно обнаруживали знаки удивленія. Картинки прежнихъ путешествій, представлявшія ихъ соотечественниковъ, доставляли имъ большое удовольствіе, и они тотчасъ узнали въ нихъ свое племя. Но зеркала были по-обыкновенію главнымъ источникомъ удивленія, особенно, когда они увидѣли себя въ большомъ во весь ростъ. Почти столько же изумили ихъ лампа и подсвѣчники; но они ни разу не выказали желанія присвоить что-нибудь себѣ, хотя принимали подарки съ явными признаками благодарности. Имъ не нравилось наше маринованное мясо, но одинъ изъ нихъ съѣлъ кусочекъ, какъ-будто изъ послушанія, и сказалъ, что очень хорошо; однако, переспрошенный командоромъ Россомъ, онъ признался, что сказалъ неправду: послѣ этого и всѣ прочіе бросили свои куски, какъ скоро имъ позволили. Тотъ же самый человекъ, когда поподчивали его деревяннымъ масломъ, выпилъ его съ большимъ удовольствіемъ, и похвалилъ уже въ самомъ дѣлѣ.

«Этотъ день былъ для насъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ, потому что мы совсѣмъ-было потеряли надежду встрѣтить здѣсь обитателей, тогда какъ отъ однихъ туземцевъ могли мы почерпнуть географическія свѣдѣнія, необходимыя для продолженія нашего путешествія. Пусть философы поло-

маютъ голову надъ этой малочисленной, уединенной ордою, занимающею такой бесплодный, дикій, несносный край, и однако жъ цвѣтущею силами, здоровьемъ и вѣснью, что составляетъ здѣсь не только богатство, но даже роскошь: они были такъ же обильно снабжены съѣстнымъ припасомъ, какъ и прочими необходимыми для нихъ вещами.»

На другой день капитанъ отправился съ визитомъ къ нимъ въ деревню.

«Она состояла изъ двѣнадцати свѣжныхъ юртъ, построенныхъ въ углубленіи маленькаго залива на берегу, въ двухъ съ половиною миляхъ отъ нашего судна. Онѣ были похожи на опрокинутые водоемы и расположены безъ всякаго порядка: у каждой была длинная и кривая пристройка, родъ свней, и при входѣ стояли женщины съ дѣвочками и ребятишками. Насъ скоро пригласили посѣтить этихъ дамъ, для которыхъ мы запаслись бусами и иглами: раздача этихъ драгоценностей тотчасъ прогнала робость, которую онѣ обнаружили при первомъ нашемъ появленіи.

«Свни, всегда длинныя и обыкновенно изгибомъ, великъ главному покою, въ видѣ круглаго купола, который былъ футовъ десяти въ поперечникъ, если предназначался для одного семейства, а если для двухъ, то былъ продолговатый, и при такой же ширинѣ имѣлъ въ длину футовъ пятнадцать. Насупротивъ дверей была насыпь изъ снѣгу, въ два съ половиною фута вышины, занимавшая треть всего пространства, ровная сверху, покрытая разными шкурами и служившая постелью или спальнею для всей семьи. На концѣ ея сидѣла хозяйка противъ лампы, гдѣ, по общепринятому обычаю здѣшняго края, въ жиру горѣлъ мохъ и давалъ столько пламени, что отъ него было и свѣтло, и жарко: вообще комната была совершенно комфортабельна. Надъ лампадою стояло каменное блюдо съ оленьимъ и тюленьимъ мясомъ и жиромъ; кажется, что этого запаса было вездѣ вдоволь. Все прочее,—платья, утварь и съѣстное, валялось вездѣ разбросано, и служило яснымъ доказательствомъ, что по-крайней-мѣрѣ порядокъ не въ числѣ Эскимосскихъ добродѣтелей.....

«Касательно ихъ свѣжныхъ юртъ я долженъ прибавить, что днемъ свѣтъ проходитъ въ большую овальную льдину,

вставляемую почти на половинѣ ихъ высоты въ восточной сторонѣ кровли, а впрочемъ мы замѣтили въ нихъ мало разнообразія. По причинѣ темноты, мы разглядели уже въ послѣдствіи, что среди каждаго свѣи былъ особенный ходъ въ собачью кануру. Легко можно было догадаться, что внѣшнее отверстіе обращается во все стороны, такъ что всегда можно ставить его за вѣтеръ. Юрты только что были сдѣланы; я думаю, не прошло еще и сутокъ: по этому можно себя представить, какъ быстро идутъ здѣсь архитектурныя работы. Мы удостовѣрились, что лѣтомъ Эскимосы зарывають часть свѣтныхъ припасовъ въ свѣгъ для употребленія ихъ зимою. Доселѣ не замѣчали у нихъ этого обыкновенія,—почему, мнѣ неизвѣстно.

«Женщины ихъ вовсе не пригожи; по по-крайней-мѣрѣ не уступаютъ мужьямъ своимъ, и ведутъ себя такъ же хорошо; какъ они. Всѣ, которыхъ старѣе тринадцати лѣтъ, замужемъ, и въ каждой юртѣ было такихъ по три или по четыре, не знаю, одной ли семьи, но кажется, что при каждой старой женѣ держатъ здѣсь по нѣскольку молоденькихъ. Онѣ были малы ростомъ, одѣты не такъ хорошо, и не такъ опрятны какъ мужчины; особенно волосы у нихъ были склочены и въ безпорядкѣ. Лица ихъ кротки, и, какъ у мужчинъ, оживлены румянцемъ: одна тринадцати-лѣтняя дѣвочка показала намъ очень не дурна собою. Всѣ татуировались болѣе или менѣе, особенно на лбу, по обѣимъ сторонамъ рта и на подбородкѣ: это украшеніе состояло въ однахъ чертахъ безъ всякихъ фигуръ, и слѣдственно сходствовало съ обычаемъ свѣрозападныхъ Эскимосовъ, описанныхъ разными путешественниками.»

Двадцатаго января солнце явилось въ первый разъ послѣ пятидесятидневнаго отсутствія. Около того же времени капитанъ Россъ и его спутники имѣли случай удостовѣриться, что новые ихъ знакомцы не такъ честны и безкорыстны, какъ они сперва полагали.

«У меня пропало большое увеличительное стекло, и подумавъ хорошенько, я сталъ подозрѣвать колдуна Отуксаю, который такъ успешно заговаривалъ зубы нашему лекарю. Подозрѣніе мое подтвердилось послѣ тѣмъ, что онъ не хотѣлъ пустить меня къ себѣ въ домъ въ последнюю

бытность мою въ деревнѣ. Когда онъ самъ пришелъ къ намъ съ распухшею щекой и вросилъ его вылечить, я сказалъ ему, что онъ боленъ отъ волшебнаго стекла, и долженъ возвратитъ его непременно. Онъ тотчасъ сознался, и обещалъ принестъ покражу на слѣдующій день, а я увѣрялъ его; что иначе и другая щека у него распухнетъ.... Бѣдный колдунъ такъ перепугался, что привнесъ не только стекло, но крючокъ и острогу, за которые я вымѣнялъ у него лукъ; чтобъ эта острастка имѣла полное свое дѣйствіе, я согласился на обратную мѣну.»

Вскорѣ послѣ этого происшествія Эскимосы добровольно отдали путешественникамъ всѣ похищенные у нихъ, мелочи. Випокъ такого общаго раскаянія были ружейные выстрѣлы, дѣланные для опытовъ надъ распространеніемъ звука. Одинъ изъ Эскимосовъ, бывшій съ командоромъ Россомъ на обсерваторіи, спросилъ его, что «говорять ружья» и узнавъ, что они называютъ по имени воровъ, похитившихъ съ корабля разныя вещи, онъ побѣжалъ сказать объ этомъ въ деревнѣ: сдѣлали сходку, и положили возвратитъ Каблунѣ все украденное.

Къ сожалѣнію мы можемъ только упомянуть здѣсь о многочисленныхъ поискахъ командора Росса для открытія сѣверозападнаго прохода, но ему назначено было достигнуть западнаго берега Америки сухимъ путемъ, а не водою. Последняя и самая удачная экспедиція привела его на разстояніе двухъ сотъ миль отъ мыса Торнегенъ.

«Передъ нами былъ океанъ, котораго мы искали, — цѣль всѣхъ нашихъ надеждъ и усилій; свободное пространство, по которому мечтали мы прежде обогнуть Американскій материкъ, и которое могло бы доставитъ намъ торжество, составлявшее предметъ многотрудныхъ, продолжительныхъ поисковъ для насъ самихъ и для нашихъ предшественниковъ. Все сдѣлало бы это море въ нашу пользу, если бъ не воспрепятствовала сама природа; — если бъ цѣпь озеръ была сплошнымъ проходомъ и долиа свободнымъ путемъ сообщенія между восточнымъ и западнымъ морями. По крайней мѣрѣ мы удостовѣрились въ невозможности: желанное море было у нашихъ ногъ; намъ предстояло плыть по немъ въ скоромъ времени; и если мы обманулись въ пер-

воначальныхъ ожиданіяхъ, то утѣшались нѣсколько отрадною мыслию, что устранили всѣ сомнѣнія, усноковали всѣ напрасныя чаянія, увидѣли, что гдѣ Богъ сказалъ — Нѣтъ! тамъ человеку остается лишь покорствоваться и благодарить за то, что дано ему Промысломъ!»

ЭСКУРИАЛЬСКАЯ БИБЛИОТЕКА. Если чѣмъ-либо просвѣщенные Европейскіе писатели заслужили упрекъ въ грубой и невѣжественной несправедливости, такъ это приговоромъ своимъ по дѣлу Омара и Александрійской бібліотеки. Нѣтъ ни одного изъ нихъ, который бы, при первомъ удобномъ случаѣ, не бросалъ на могилу этого Аравитянина своей горсти ругательныхъ эпитетовъ за мнимое сожженіе умственныхъ сокровищъ древняго міра: почему жъ никто не говоритъ о томъ, что мы, просвѣщенные Европейцы, оплатили тою же монетою Аравитянамъ? Преданіе пламени Александрійской бібліотеки Омариомъ, или точнѣе его полководцемъ Амру, который будто-бы отплатилъ ея книгами *четыре тысячи баней*, отличается всеми условіями порядочной басни, тѣмъ болѣе, что уже въ началѣ V вѣка Орозій видѣлъ тамъ однѣ пустые шкафы, тогда какъ нѣтъ сомнѣнія, что Испанцы торжественно сожигали Арабскія бібліотеки, оставшіяся на ихъ землѣ по изгнаніи Мавровъ.

Арабскіе короли, которые въ продолженіе двухъ-сотъ семидесяти девяти лѣтъ владѣли въ Испаніи имперією Западныхъ Оммадовъ, постоянно пекились о процвѣтаніи литературы и художествъ. Въ 999 году Аль-Хакемъ, король Кордуанскій, основалъ Мерванскую бібліотеку, названную такимъ образомъ потому, что она находилась въ Кордузъ во дворцѣ этого имени: въ ней считалось болѣе 60,000 томовъ. Книги были расположены по предметамъ, а полки украшены надписями, приличными каждому роду книгъ. Каталогъ, состоявшій изъ сорока четырехъ томовъ въ листъ, содержалъ въ себѣ заглавія книги, мѣсто ея въ бібліотекѣ, имя сочинителя, время его рожденія и смерти. То была первая публичная бібліотека, и учрежденіе публичныхъ бібліотекъ въ Испаніи должно отнести къ этому времени. Слѣдуя примѣру первой столицы, Малага, Гренада, Се-

вида, Кадиксъ, Альмейра и многіе другіе города старались превзойти другъ друга многочисленностью и пышностью своихъ библиотекъ и академій. Вскорѣ на Испанскомъ полуостровѣ открыто было для публики болѣе семидесяти библиотекъ. Исчисленіе и подробное описаніе ихъ находится въ Арабскомъ сочиненіи, писанномъ въ началѣ XIV столѣтія, подъ заглавіемъ «Литературный Указатель.»

Между-тѣмъ какъ Арабскіе владѣтели такъ ревностно пе-
клись объ успѣхахъ наукъ и литературы, ничего не сдѣлано было христіанскими королями Испаніи, чтобы спасти отъ истребленія временемъ и войною драгоценныя остатки своихъ народныхъ преданій. Эскуріальская библиотека была первымъ заведеніемъ, основаннымъ съ этою цѣлію. Филиппъ II, воздвигнувъ это обширное зданіе, собралъ въ немъ небольшую библиотеку, назначенную для употребленія монаховъ, которые должны были тамъ обитать. Не прежде какъ въ двѣсти лѣтъ эта библиотека сдѣлалась однимъ изъ драгоценнѣйшихъ собраній. Филиппъ III, вступивъ на престолъ, не пренебрегалъ ни чѣмъ, чтобы совокупить въ залахъ Эскуріала литературныя сокровища, разсѣяныя въ остальныхъ частяхъ Испаніи, но пріобрѣтеніе знаменитаго собранія Арабскихъ рукописей, которымъ славится это книгохранилище, произошло внѣ государства случайно, и довольно страннымъ образомъ. Въ 1611 году два Испанскіе корабля, крейсировавшіе у Варварійскихъ береговъ, овладѣли близъ Сале двумя судами, принадлежащими Марокскому императору Мулей-Зейдану. Въ числѣ предметовъ, составлявшихъ грузъ судовъ, было нѣсколько ящиковъ съ тремя тысячами рукописей, купленныхъ на Востокъ, по повелѣнію этого государя, покровительствовавшаго искусствамъ и наукамъ, — рукописей еще драгоценныхъ но уже не принадлежащихъ золотому вѣку Арабской учености, которой плоды болѣею частью погибли на Востокъ отъ невѣжества Турокъ, на Западѣ отъ невѣжества и фанатизма Испанцевъ. Мулей-Зейданъ былъ очень огорченъ этою потерею, и предлагалъ за книги, захваченныя кораблями Филиппа III, 70,000 червонцевъ выкупа. Испанскій король соглашался, но требовалъ сверхъ-того освобожденія всѣхъ христіанскихъ

невольниковъ, находящихся въ Марокскихъ владѣніяхъ. Мулей-Зейданъ охотно принялъ предложеніе, и Испанія навсегда лишилась бы доставшагося ей сокровища, если бы мятежъ Мулей-Шейха, императорскаго племянника, не произвелъ въ Мароккѣ междоусобной войны. Такимъ образомъ рукописи остались въ Европѣ. Къ несчастію, болѣе половины ихъ погибло во время пожара, который въ 1671 году разрушилъ часть Эскуріала; но и остатокъ составляетъ еще богатѣйшее въ свѣтѣ собраніе. Одинъ Англійскій оріенталистъ посѣтилъ въ прошломъ году эту бібліотеку, и мы приведемъ слова его о нынѣшнемъ ея состояніи.

«Эскуріальская бібліотека состоитъ изъ трехъ главныхъ отдѣленій, — изъ нижней бібліотеки, верхней бібліотеки и хранилища рукописей. Первое и самое большое отдѣленіе имѣетъ три обширныя залы, и одна изъ нихъ длиною въ двадцать семь сажень и шириною болѣе нежели въ четыре сажени. Въ ней заключается около 18,000 томовъ, въ томъ числѣ 700 рукописей Греческихъ, Латинскихъ и Испанскихъ. Нѣкоторыя изъ нихъ относятся къ седьмому и осьмому столѣтіямъ. Въ верхней бібліотекѣ почти такое же число томовъ: она служитъ дополненіемъ къ нижней, и состоитъ изъ тѣхъ же самыхъ статей бібліографическихъ. Иностранцамъ обыкновенно показываютъ нѣсколькихъ готическихъ экземпляровъ Библіи, богато раскрашенныхъ; но когда являются посѣтители, о которыхъ извѣстно, что они не еретики, монахи становятся нѣсколько сообщительнѣе. Это случилось и со мною, когда я осматривалъ Эскуріаль. Отецъ бібліотекаръ зналъ навѣрное, что я *catolico, apostolico u gotiano*; онъ взглянулъ на меня съ таинственнымъ видомъ, сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы я за нимъ послѣдовалъ, и повелъ меня въ какую-то часовню. Тамъ, отдернувъ занавѣсъ, онъ показалъ мнѣ книгу, написанную, по его словамъ, собственною рукою Св. Августина, другую Святыхъ Іоанномъ Златоустымъ и нѣсколько рукописей, начертанныхъ святою Ferrera de Semo.

«Важнѣйшая часть Эскуріальской бібліотеки та, въ которой заключаются рукописи. Зала, въ которой онѣ хранятся, обширна и шкафы весьма красивы. Судя по каталогу, она далеко не вся состоитъ изъ Арабскихъ рукописей. Въ ней

находится также множество манускриптовъ Греческихъ и Латинскихъ. Одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ, показываемыхъ любопытнымъ въ этой залѣ, есть Коранъ, писанный въ половинѣ девятаго столѣтїа, разноцвѣтными литерами, для одного изъ первыхъ Кордуанскихъ королей. Монахъ, которому поручено храненіе рукописей, не умѣя отвѣчать на многочисленные мои вопросы, разсудилъ за лучшее вѣрить мнѣ ключи и позволить разсматривать что вздумается, и я исполнѣ воспользовался этимъ позволеніемъ.

«Всѣ эти рукописи расположены въ большомъ порядкѣ, и каталогъ ихъ составленъ хорошо, такъ что я въ короткое время просмотрѣлъ очень много. Я однако же долженъ умѣрить похвалы мои однимъ замѣчаніемъ. Рукописи хорошо переписаны, и снаружн содержатся весьма чисто, но внутри наполнены пылью. Эта разрушительная пыль не была отряхнута съ 1807 года, когда извѣстный Испанскій ориенталистъ, донъ Франсиско Антоніо Конде, просматривалъ ихъ для составленїа своего сочиненїа о владычествѣ Арабовъ надъ Испанїею. Кромѣ 1631 рукописи, внесенной въ каталогъ, есть еще нѣсколько неполныхъ, испищенныхъ изъ пламени. Вотъ все, что остается намъ отъ ученыхъ трудовъ народа, который, въ теченїе осьми вѣковъ, стоялъ въ первомъ ряду просвѣщенныхъ націй. Рука вандализма содѣйствовала времени въ разрушенїи этихъ блестящихъ остатковъ.»

Мы говорили въ началѣ этой статьи объ Омарѣ, котораго прославили литературнымъ Геростратомъ, за сожженїе, впрочемъ весьма сомнительное, пѣлокъ, на которыхъ прежде расположены были рукописи Александрійскаго «Музеума,» великолѣпные даръ Птолемеевъ и Хитонїа, добыча, заграбленная въ Тиръ, Рансъ и Пергамъ, и разхищенная еще до пришествїа Арабовъ. Настоящїй Омаръ, — Омаръ не подлежащїй ни какому сомнѣнїю ни спору, есть *Su Eminença* донъ Хименесъ Сиснероса. По приказанїю кардинала Хименеса Сиснероса *восемьдесятъ тысячъ* томовъ Арабскихъ рукописей было сожжено на площади въ Кордуѣ: это въ восемьро больше противъ того, что полагаетъ Георгїй Синкеллъ въ знаменитой Александрїйской библіотекѣ. Это варварское *autodafé* продолжалось нѣсколько дней; тутъ конечно погибли и тѣ важныя творенїа, которыя мы теперь знаемъ только по э-

главнымъ; тутъ превращены въ золу славные Арабскіе переводы Греческихъ авторовъ; тутъ наибольшую частію разрушены ученые труды четырехъ столетій, а немногія оставшіяся сочиненія, исчезли съ Магриби, которые унесли къ себѣ обоею въ изгнаніе. Между тѣмъ, несмотря на все эти потери, Эскуріальская бібліотека заключаетъ въ себѣ богатые, еще неразработанныя рудники. «Я съ любопытствомъ пробывалъ здѣсь, говоритъ ученый путешественникъ, между прочимъ два сочиненія, — «Записки благороднаго сочинителя» и «О славныхъ мужахъ Испаніи», — первое Шагаб-аддина эль-Омари, а второе Алія эль-Гарнати: оба они разсуждаютъ объ изобретеніи пороха, о началѣ употребленія его при военныхъ дѣйствіяхъ, и оба согласно признаютъ его плодомъ не-Европейскаго искусства, — утверждая, что порохъ былъ приписанъ Персами, которые заимствовали его у Китайцевъ, и что Арабляне въ первый разъ прибыли къ нему при осадѣ Мекки Хаджазомъ въ 691 году отъ Р. X. Но все эти сокровища потеряны для науки: Испанское правительство всегда почитало это изобретеніе исключительною собственностію здѣшнихъ монаховъ, а они рѣдко допускаютъ туда ученыхъ. Между-тѣмъ какъ Лондонское Азіатское Общество и другія подобныя общества въ Англійской Индіи, во Франціи и въ Германіи, дѣлаютъ все что только возможно, чтобы воскресить восточную литературу, въ Испаніи рѣдко встрѣишь человека, занимающагося Арабскимъ языкомъ, и онъ преводается только въ одномъ классѣ Іезуитовъ, который самъ вѣдѣе знаетъ даже начальныя основанія этого языка.»

ПРОСИТЬ СТРАХОВОЙ КОМПАНИИ НА АНЦІЯХЪ ДЛЯ ПОКОЙНИКОВЪ. Недостатокъ земли въ Англій заставляеть прибѣгать къ страннымъ затѣямъ. И этотъ недостатокъ такъ великъ, что земли тамъ мало не только для пропитанія живыхъ, но и для обителй мертвыхъ. Почва Лондонскихъ кладбищъ постепенно поднималась гораздо выше обыкновеннаго своего положенія, и гроба нынче уже такъ близки одинъ къ другому, что, всякой разъ какъ роютъ новую могилу, изъ земли выходятъ чрезвычайно испаряющіяся испаренія, которыя производятъ вредное вліяніе на окрест-

стных жителей. Цѣлыя грузы человѣческихъ костей ежегодно вывозятся нѣсколькими кораблями изъ Лондона въ сѣверныя части Англiи, гдѣ ихъ толкутъ и потомъ употребляютъ на удобренiе земли. Въ примѣрскихъ городахъ Шилдса и Сундерленда придуманъ забавный способъ для вознагражденiя недостатка земли подъ могилами: городовыя думы этия городовъ принуждаютъ корабли, приходящiе въ тамошнiе порты, складывать баластъ свой на кладбищахъ. Такимъ образомъ первоначальная почва покрылась уже нѣсколькими слоями земли и для новыхъ гостей-покойниковъ изготовились новые ярусы помѣщенiя.

Теперь, для сбереженiя земли въ Лондонѣ, нѣкто Г. Вильсонъ придумалъ выстроить огромную пирамиду, которая могла бы нѣсколько вѣковъ сряду принимать бранные остатки жителей столицы. Его проектъ, несмотря на гигантскiе свои размеры и на трудность выполненiя, заслуживаетъ любопытства. Этотъ, какъ говорили Египетскiе Греки, «трупоградъ», песгоролis, будетъ нѣчто ужасно монументальное. Тутъ не будетъ ни деревьевъ, ни зелени и ни какихъ игрушекъ свѣтской архитектуры, такъ мало соответствующихъ идеямъ смерти и вѣчности. Представьте себѣ испанскую гранитную пирамиду, впятеро выше Хеопсовой, величайшей изъ Египетскихъ пирамидъ: ея основанiе будетъ занимать площадь въ 9,000,000 квадратныхъ футовъ, а вершина возвышаться на 1800 футовъ, то есть, болѣе чѣмъ на *полверсты*, надъ поверхностью земли. Мы цѣлкомъ эти размеры по Англiйскимъ журналамъ, отсюда перучаясь, чтобъ это не была шутка: издатели *Review Britanique* однако жъ приняли ее за чистыя деньги. Вотъ каковъ долженъ быть общiй видъ этого безпримѣрнаго памятника.

Фундаментъ пирамиды долженъ состоять изъ нѣсколькихъ слоевъ камней, связанныхъ между собою цементомъ. Во внутренность зданiя надобно будетъ прошикать четыремя дверями, устроенными на сѣверъ, востокъ, югъ и западъ. Начиная съ фундамента до вершины пирамиды будетъ девяносто четыре этажа (двадцатью двумя больше Вавилонскаго столба). Въ каждомъ изъ этихъ этажей, раздѣленныхъ на нѣсколько частей корридорами, будетъ помѣщаться ярусомъ известное

число гробовъ, соразмерное его пространству: такъ въ нижнемъ этажѣ можетъ быть уставлено 147,300 гробовъ, въ верхнемъ только 480. По исчисленіямъ Г. Вильсона, все зданіе можетъ вмѣстить въ себя 5,167,104 гроба. Такимъ образомъ, полагая, что въ Лондонѣ умираетъ ежегодно 27,000 человекъ, этотъ дивный трупоградъ наполнится не ранѣе двухъ вѣковъ. Въ отношеніи къ сбереженію земли, проектъ Г. Вильсона, конечно, представляетъ большую выгоду, потому что при обыкновенномъ способѣ погребенія, на помещеніе 5,000,000 гробовъ нужно было бы около четырехъ сотъ десятиныхъ, между-тѣмъ какъ основаніе пирамиды Г. Вильсона занимало бы только восемь десятиныхъ (!!!). Скажемъ еще нѣсколько словъ о внутреннемъ расположеніи этого зданія: просторные корридоры должны вести въ средину строения, откуда общій душникъ (ventilator) будетъ возобновлять воздухъ даже въ малѣйшихъ частяхъ его. Къ четыремъ главнымъ переходамъ будутъ примыкать разныхъ размѣровъ переходы, которые посредствомъ наклонныхъ площадей вмѣютъ служить сообщеніемъ между этажами. Нижняя часть зданія назначается для большихъ гробницъ и склеповъ: тутъ будутъ возвышаться статуи и блистать вся пышность искусствъ. Въ глубинѣ будетъ часовня, а по бокамъ контора для расчета съ покойниками, квартиры для сторожей, смотрителей и прочіихъ. Такимъ образомъ ни малѣйшее пространство не останется безъ употребленія и внутренность пирамиды будетъ походить на огромный улей, въ которомъ каждая ячейка — могила. Но главнѣйшее удобство ея то, что покойники будутъ въ ней въ совершенной безопасности: никто не пошевелитъ ихъ костей, и прахъ ихъ останется навсегда неприкосновеннымъ, равно какъ всѣ ихъ титулы, вырѣзанные на мраморныхъ и гранитныхъ доскахъ. По сметѣ Г. Вильсона на сооруженіе этого мавзолея потребуются 2,500,000 фунтовъ стерлинговъ (37,500,000 рублей); но какъ, по всей вѣроятности трудно было бы собрать вдругъ столь огромную сумму, то архитекторъ предлагаетъ особый родъ производства постройки. Онъ хочетъ воздвигать пирамиду по-немногу, чтобы каждое поколѣніе трудилось, на свои деньги, надъ этимъ общимъ памятникомъ. Между-тѣмъ Г. Вильсонъ полагаетъ, что его можно бы

окончить въ девяносто и даже въ двадцать лѣтъ, если бы капиталовъ было достаточно. По его мнѣнію, какъ это дѣло торговое, то стронтели могутъ выручить свои деньги, слѣдующимъ образомъ: полагая, говорить онъ, что число умирающихъ простирается ежегодно въ Лондонѣ до 30,000 и что только 10,000 изъ нихъ будутъ хорошими въ пирамидѣ съ платою за каждую могилу по 10 фунтовъ (250 рублей), — кто не дастъ этой ничтожной суммы, чтобъ застраховать прахъ свой отъ разсыпанія и имя свое отъ забвенія? — Доходы будутъ простираются въ годъ до 100,000 фунтовъ стерлинговъ, а въ столѣтіе до 10,000,000 (250,000,000 рублей). А какъ пирамида будетъ стоять только 2,500,000 фунтовъ, то акціонеры получатъ 7,500,000 фунтовъ стерл. барыша, что будетъ слишкомъ достаточно для покрытія ихъ капиталовъ и съ процентами: акціи на группоградъ могутъ черезъ полгода возвыситься вдвое и втрое.

ИДЕЙНАЯ ТОРГОВЛЯ ИДЕЯМИ И РЕПУТАЦИЯМИ. Съ какою быстротою, замѣчаетъ одинъ Англійскій журналъ, нынче обращаются и обмѣниваются плоды ума человѣческаго! О, эта умственная мѣна происходитъ не только между соседственными народами, но отъ полюсовъ къ экватору, отъ одного края свѣта до другаго. Америка заимствуетъ отъ Европы; Европа почерпаетъ новыя вдохновенія изъ Азіи; Азія снабжается понятіями у Европы и Америки. Идеяныя произведенія, остроумныя мысли, покрытыя рукоплесканіями въ одной изъ Европейскихъ столицъ, вскорѣ послѣ того возбуждаютъ тотъ же восторгъ въ Нью-Йоркѣ, въ Ріо - Янейро, въ Гобарто - Тоунѣ или въ Калькуттѣ. Ихъ забиваютъ въ ящики на таможенныхъ набережныхъ Европы, и онѣ плывутъ въ отдаленныя земли вмѣстѣ съ сельдіями, сукномъ и сыромъ: тамъ мѣняютъ ихъ на хлопчатую бумагу, шелкъ, чай и сахаръ, берутъ еще въ придачу нѣсколько мѣстныхъ мыслей, и все это летитъ на парусахъ въ Европу. Народы торгуютъ своими идеями и репутациями сочинителей, такъ же какъ произведеніями своей почвы или промышленности. Это обращеніе такъ дѣятельно, такъ быстро, такъ безпрерывно, что его даже не замѣчаютъ, и нѣтъ ни одного журнала, который бы отмѣчалъ

столь любопытное движеніе ума вокругъ свѣта, какъ-будто оно не важнѣе для исторіи просвѣщенія, чѣмъ повышеніе и пониженіе фондовъ и цѣны товаровъ. Все эти событія расвяты, и никто ихъ не собираетъ: только во временахъ политическихъ повременихъ изданія небрежно вставляютъ ихъ въ свои столбцы посреди скучныхъ преній палатъ, ученыхъ происшествій и домашнихъ сплетней. *Lancelot Independent*, журналъ, издаваемый въ южномъ Новомъ Валлисѣ, сообщаетъ намъ прейсъ-кураптъ Австральской шерсти, рассказываетъ, что актрисы Богъ-вѣсть какого Европейскаго театра, нѣкто Г-жи Рудловъ и Ремансъ, ангажированы на Гобартъ-Тоунскій театръ, и что дебюты ихъ были чрезвычайно блестящи: онъ прибавляетъ, что нѣсколько туземныхъ Австральскихъ пьесъ изготавляются къ представленію, и что дирекція театра полагаетъ большія надежды на драму «Рейнскій разбойникъ». Вотъ, до чего дошли смѣшныя! Въ Кантонѣ намѣреваются издавать Китайскій переводъ *Reppu-Magazine* со всеми картинками. Американскіе дикари, Чирокки, изобрѣтаютъ для себя азбуку, и печатаютъ на своемъ языкѣ классическія произведенія Европейской литературы. Въ журналѣ «Сингапурская летопись», посреди означенія цѣпь индиго и шерсти, недавно рассказывали, что одинъ браминъ занимается переводомъ поэмъ Данта, въ то же самое время, какъ Парижскіе журналы, наполненные описаніемъ баловъ, маскарадовъ и бунтовъ, мимоходомъ объявляли о переводѣ Конфуція, издаваемомъ Г-мъ Понтье. Почти тогда же Аугсбургская газета, вмѣстѣ съ извѣстіемъ о пожарѣ въ Константинополь и о заведеніи новой пивоварни въ Веймаръ, возвычала, что улемы переводятъ на Турецкій языкъ некоторыя изъ ученыхъ книгъ западной Европы, а въ *Journal de Francfort*, въ промежуткѣ длиннаго разсужденія о Прусскомъ тарновѣ, говорили, что Г. Гаммеръ перевелъ творенія Турецкаго поэта Фазли, и что Гг. Семеле и Тасси въ Парижѣ издають переводы, одинъ Гулстина Сада, другой мѣсты Индѣйскаго поэта Вали. Вотъ какъ пишутъ исторію ума человѣческаго!

НОВЫЙ РОДЪ МЕДВѢЖЬИХЪ ШУЛЬ. Капитанъ *Marrigt* знаетъ удивительныя анекдоты. Вотъ, что ему рассказывал

одинъ Аяргіейскій шкиперъ, часто посѣщавшій берега Гренландіи для ловли китовъ.

«Я помню, говорить Г. Торнбуллъ въ прежнемъ и занимательномъ сочиненіи Г. Марриета, Jacob Faithfull, помню, что однажды чуть не съѣли меня заживо лисицы, — и, повѣривъ ли, самымъ удивительнымъ образомъ! Я былъ тогда подшкиперомъ на «Гренландскомъ кораблѣ», то есть, на кораблѣ, который обыкновенно ходилъ въ Гренландію. Мы были уже три мѣсяца на промыслѣ, и паловили двѣнадцать китовъ. Видимъ, что дѣло идетъ хорошо: мы врылись «ледянымъ» якорями къ огромной ледяной горѣ, носились съ пѣю по морю во все стороны, какъ въ подвижной гавани рыскали въ шлюпкухъ въ окрестностяхъ судна, и ловили рыбу, гдѣ попадетъ. Однажды утромъ мы вышли на берегъ Гренландіи съ пойманнымъ уродомъ, вокарабкались съ нимъ на небольшой мысъ, весь покрытый глыбами льду, и только что бросили въ море остовъ распластаннаго кита, какъ матросъ, бывшій на сторожѣ, закричалъ намъ, что огромная бѣлая медвѣдица съ медвѣженкомъ плывутъ къ нашей горѣ, — а около нея, въ полумилѣ отъ насъ не болѣе, трепетали еще остатки убитой рыбы. Дѣлать намъ было нечего, — мы семеро пошли охотиться. Иготововась еще прежде на лисицы, которыхъ собралось сотни около китовины. Погода была тихая: мы скоро подошли къ медвѣдицѣ; она хотѣла было уйти, но медвѣженокъ не могъ успѣть за пѣю по льду, и она должна была воротиться. Чтобы не выпустить ее изъ рукъ, мы застрѣляли медвѣженка, и тогда ужъ могли быть увѣрены, что она не разстанется съ нами, пока сама погибнетъ или передупитъ всѣхъ насъ. Никогда не забуду, какъ она рычала падъ медвѣженкомъ, исходявшимъ кровью; мы между-тѣмъ посылали въ нее пулю за пулей. Наконецъ она обернулась, вѣрнула съ пронзительнымъ хрюкомъ, который услышалъ бы, кажется, за милію, и, сверкая глазами, бросилась прямо на насъ. Мы встрѣтили ее сомкнутымъ рядомъ, оставивъ лжи ей въ грудь, но она была такъ велика и такъ сильна, что столкнула всѣхъ насъ, и двое упали: къ счастью другіе остались на ногахъ, и успѣли всадить ей въ животъ три пули, отъ которыхъ она свалилась. Никогда въ жизни

не видалъ я такого огромнаго зѣбра. Не хочу хвостать, а право, иной быкъ не годится ей въ подметки. Мы не знали, что съ нею дѣлать: вѣтеръ заходилъ съ сѣвера, и пошелъ сильный снѣгъ. Товарищи мои рѣшились тотчасъ воротиться къ судну, какъ и следовало, а я думалъ, что мѣтель скоро пройдетъ; не хотѣлось мнѣ упустить изъ рукъ славнаго мѣха, и я началъ сдирать его, зная, что если оставлю тутъ на нѣсколько часовъ, то лисицы, которыя напрасно поджидали, что кита выбросятъ на закраину, скоро подберутся къ медвѣдамъ и перепортятъ всю шкуру. Товарищи отправились къ кораблю, и какъ нарочно поднялась такая вьюга, что они сбились съ дороги и вѣкъ бы не нашля ея, если бъ съ корабля не звонили въ колоколъ. Я скоро увидѣлъ, что сдѣлалъ большую глупость: мѣтель не только не проходила, а безпрестанно усиливалась, и прежде, чѣмъ я успѣлъ содрать четверть шкуры, окоченѣлъ всякъ тѣломъ до такой степени, что и радъ бы идти, да не могъ. — Пришлось замерзнуть! подумалъ я. — Наконецъ я смѣкнулъ, какое мнѣ осталось средство. Я ужъ ободралъ медвѣдю все брюхо, не разрезывая мяса: тутъ я пропоролъ его, выпотрошилъ, и угораздился взять во внутренность; потомъ стянулъ отверстіе и тотчасъ почувствовалъ, что мнѣ тамъ очень тепло и хорошо: живогное еще не остыло. Эта уловка спасла меня: я слышалъ, что Французы дѣлали то же самое въ Русскомъ походѣ, — убивали лошадей и укрывались въ нихъ отъ ненастной погоды. Могу васъ увѣрить, сударь, что лучшей шубы и желать нельзя. Я купилъ въ Архангельскѣ медвѣжью, спящую по Русскому фасону, которая и теперь у меня, но она вполдвину не такъ мягка, не такъ тепла и отрадна, какъ была моя Гренландская. Хорошо! я лежалъ въ ней такъ съ полчаса, какъ вдругъ толчки и пинки со всѣхъ сторонъ доложили мнѣ, что лисицы трудятся надъ моимъ убѣжищемъ. И точно лисицы! Я чаю, ихъ было тутъ три сотни: онѣ шарили во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ и нѣкоторыя просовывали острые носы свои въ отверстіе, которымъ я взялъ; но я успѣлъ вынуть свой ножъ и сталъ пырять имъ въ дерзкія рыла наглаюнокъ: иначе онѣ скоро бы меня выкушали. Злодѣйки прогрызли толстую шкуру, и начали рвать мясо.

Впрочемъ я не слишкомъ боялся ихъ зубовъ, думая, что мнѣ стоитъ только выскочить, и онѣ вѣрно все разбѣгутся. Правда, что двести или триста голодныхъ чертвовокъ, вмѣстѣ, могли быть и посязателе; но меня пуще всего беспокоило то, что онѣ проедають мой домъ, и я погибну отъ холода, или начнутъ рвать изъ меня куски, и поневолю заставить выскочить. Наконецъ въ верхней части трупа образовалось окно, и меня защищали только медвѣжьи ребра, сквозь которыя часто проглядывали оскаленные зубы, и уже теребили мою тюленью фуфайку. Я только-что хотѣлъ закричать, чтобъ пугнуть ихъ, какъ услышалъ залпъ изъ пяти или шести ружей, и нѣсколько пуль ударили въ моего медвѣдя,—но къ счастью мимо меня. Я тотчасъ закричалъ во все горло, и стрѣльба прекратилась. Товарищи мои мѣтали въ лисницъ, отнюдь не полагая, чтобъ я былъ въ медвѣдь. Я выползъ; вьюга перестала, и съ корабля впрочемъ пришли искать меня. Братъ мой, который также былъ на этомъ суднѣ, присоединился къ людямъ, отправленнымъ для поиска, и онъ совсѣмъ было потерялъ надежду увидѣть меня въ живыхъ. Бѣдняга! его ужъ нѣтъ на свѣтъ, а какъ онъ бросился тогда ко мнѣ на шею, даромъ что я былъ весь въ крови! Такъ вотъ, сударь, какая исторія.

«Я часто привожу себя на память этотъ случай, особенно зимою, когда мнѣ холодно,—и тогда мнѣ страхъ хочется полежать хоть четверть часа въ медвѣдь.»

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. *Angelo Malipieri, Анджели Маллипери*, драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, Г. Виктора Гюгò.

При появленіи новой драмы Г. Виктора Гюгò, Парижскіе литераторы прежде покупали каждый полную бутылку чернилъ,—одни съ тѣмъ, чтобъ выписать ее до послѣдней капли на брань,—другіе съ тѣмъ, чтобъ выписать на восторги. Теперь это прошло: теперь, когда появится его драма, Гг. Пишо, Планшъ и Этьеннъ, три великіе Парижскіе Артиста, тотчасъ разбранятъ ее; Г. Жаненъ пересмѣетъ ее при случаѣ, по поводу какого-нибудь водевиля; прочіе господа расхвалятъ ее въ мелкихъ журналахъ и листкахъ, — и

дѣло вмѣстѣ съ драмой предоставляется «суду Божию». Вообще, три важнѣйшія литературные журнала и четыре главныя газеты приняли правиломъ говорить о драмѣ Г. Гюго съ возрастающимъ презрѣніемъ, тогда какъ мелкія по-временныя изданія, модные журналы, летучіе листки, рѣшились быть отъ нихъ въ восторженномъ восхищеніи. Здѣсь Викторъ Гюго царствуетъ, — царствуетъ надъ умми модистокъ, субретокъ, конторщикокъ, всего чернаго народа читателей; тамъ онъ сброшенъ съ пьедестала, какъ кумиръ прежнихъ язычниковъ, и оплеванъ своими же жрецами. Мы передаемъ читателямъ этотъ результатъ нашихъ наблюденій надъ Французскою журналистикою, чтобъ дать имъ точное понятіе о состояніи драматической критики въ Парижѣ, — единственной критики, каковая тамъ еще существуетъ. Между-тѣмъ должны мы сказать что-нибудь и о примѣчательномъ замѣшательствѣ, происшедшемъ въ ходѣ этой критики отъ появленія послѣдней драмы Г. Гюго. *Revue de Paris*, одинъ изъ трехъ главныхъ журналовъ, который всегда бранилъ театральныя пьесы этого писателя, вдругъ началъ хвалить ихъ: онъ превозноситъ, то есть, почти превозноситъ, не только «Анжели Малльери», но и «Дукрецію Борджія», и «Марію Тюдоръ», и «Изволятъ тѣшиться», и все прочее; онъ утверждаетъ, вопреки прежнимъ своимъ мнѣніямъ, что критика не понимаетъ драмъ Г. Гюго, что она не умѣетъ судить объ нихъ, даже не имѣетъ права судить. Въ оштолбененіи, обезумленныя, какъ вкопанные, вы спросите — что жъ это такое? Ничего, такъ! Обыкновенный случай. Вы помните Г. Граніе-де-Кассаньяка? Того, который недавно отличался въ томъ же самомъ журналѣ своими колкими, «строгими» разборами, который отдѣлывалъ по порядку Викторъ Гюго, Александра Дюма, Карла Нодіе, Библиофила Жакоба, Юлія Жанена, и прочая, и прочая, который рѣзалъ всѣмъ матку-правду, и обѣщалъ рѣзать ее регулярно всякія двѣ недѣли? Мы ему предсказывали, что этимъ путемъ онъ недалеко уйдетъ. И дѣйствительно, издатели *Revue de Paris*, боясь разсориться со всѣми «знаменитостями» за разборы Г. Кассаньяка, отказались принимать его статьи въ свой журналъ. Онъ замолкъ, молчалъ долго, и въ молчаніи размышлялъ о сравнительной

выгодъ истинны и лести. Результатъ размышленій оказался не въ пользу истины, — и тотъ самый Г. Кассаньякъ, который такъ резко, умно, насмѣшливо разобралъ все ученіе Г. Гюго въ статьѣ «Школы нынѣшней Французской Словесности» (Б. для Ч. № 12), тотъ самый Г. Граніе-де Кассаньякъ, переменяя ноты и понизивъ голосъ тремя октавами, поетъ теперь, что критика ничего не смыслитъ объ его драмахъ и не въ правѣ имѣть объ нихъ сужденіе. Вотъ вся исторія! Доказательства Г. Кассаньяка очень недовки, какъ всѣ доказательства, дѣланныя на заказъ.

Изъ всѣхъ критикъ, которыя напечатаны въ Парижѣ о послѣдней драмѣ Г. Гюго, самая замѣчательная, — Г. Густава Планша. Мы выпишемъ ее всю изъ *Revue des deux mondes*, какъ по причинѣ многихъ весьма основательныхъ сужденій, которыя въ ней содержатся, такъ и потому, что тутъ есть нѣкоторыя любопытныя подробности о состояніи и духѣ Парижскихъ литературныхъ партій.

Голосъ имѣетъ — Г. Густавъ Планшъ!

«Какъ теперь прикажете говорить объ Анджело? Вопросъ важный и требуетъ разсмотрѣнія внимательнаго, потому что ученики, приверженцы и пріятели Г. Виктора Гюго нынче уже не обвиняютъ критики въ старовѣрствѣ, въ привязанности къ обветшалымъ идеямъ: они просто говорятъ, что критика не имѣетъ права судить о Г. Викторѣ Гюго. Обвиненія въ старовѣрствѣ годились тогда развѣ, когда Академія Надписей и Словесности умоляла прошеніемъ Карла X оградить своей властію Французскій театръ отъ нашествія романтизма, — и тогда господа Гюго-поклонники поступали очень хитро, налагая одну, общую иронию на всѣхъ безъ изъятія противниковъ «Эрцани,» старовѣровъ и нестаровѣровъ. Нынче, споръ идетъ уже не о томъ; никто уже не взымаетъ къ прошедшему для сопротивленія расколу, никто уже не воюетъ ни за Аристотельскіе законы, ни за военную выправку Александрійскаго стиха, и литературная діалектика уже не во имя Цицны и Британника нападаетъ на драматическія произведенія Г. Виктора Гюго. Всѣ попытки, какъ бы смѣлы онѣ ни были, возбуждаютъ нынче всеобщее участіе. Г. Гюго обещалъ возродить театръ, и ему предоставлена полная свобода выполнить мысль свою. Къ чему же, смѣявшись надъ

негодованіемъ толпы, презиравъ всякое сравненіе, издумалъ онъ, устами учениковъ своихъ, отвергать права критики? Въ этомъ и состоитъ единственная мысль всякаго царедворца этого литературнаго властелина: это для него сладчайшее изъ ласкательствъ, и этимъ именно его всякое утро утѣшаютъ и приветствуютъ.

«Для драматической верховной власти, еще очень недавно родившейся и еще не освященной всеобщемою покорностію, это ужъ слишкомъ отважно!

«Г. Гюго не происходить ни отъ кого, кромѣ самого себя; у него нѣтъ предковъ, не будетъ и наследниковъ. Онъ хочетъ быть уважаемъ какъ основатель новой династіи въ поэзіи, но никому не обещаетъ занимаемаго имъ трона. Послѣ него поэтическіе народы будутъ погружены въ мракъ и смятеніе. И вотъ почему разсмотрѣніе его дѣяній — не что иное какъ богохульство. Кто смѣетъ судить объ немъ, тому анаема. А вы знаете, что у новообращенныхъ отъ анаемы до побитія камнемъ очень не далеко!

«Вступленіе Г. Виктора Гюго на престолъ Французской поэзіи послѣдовало лѣтъ восемь назадъ: онъ самъ возвыстился объ этомъ манифестомъ, — въ предисловіи къ Кромвелю.

«Такъ какъ я не имѣю прѣзда ко двору Г. Виктора Гюго, то долженъ былъ спрашивать приближенныхъ его литературнаго величества, въ чемъ именно состоитъ ученіе о неспособности критики судить объ его дѣяніяхъ. Вотъ что узналъ я. Понимать Г. Гюго значить одобрять его безусловно, и наоборотъ. Разсматривать достоинство его произведеній, сожалѣть объ отсутствіи въ его драмахъ вроподобія, чувствовать несообразности, не восиняться какою странностью метафоръ — значить покаяться въ невѣжествѣ, признаться, что вы еще не посвящены въ таинства. Но вамъ, вѣроятно, любопытно было бы узнать, въ чемъ состоитъ это посвященіе. Такъ и быть, я не поступлю, какъ Фонтенель: правая рука моя полна истинами, — я не зажму ея. Чтобы постигнуть таинственный смыслъ драмы Г. Виктора Гюго, надобно прежде всего хорошенько обдумать слова Магомета — «Вѣрьте, или я васъ всехъ велю посадить на колъ». Великій пророкъ Викторъ Гюго, изволите видѣть, требуетъ почитанія нераздымаго, вѣры полною,

нылкой, А—рабской, покорности безграничной. Если вы еще сохраняете еретическое уваженіе къ какимъ-нибудь знаменитымъ покойникамъ или къ именамъ, славящимся понынь, то не ищите чести посвященія: вы не достойны, чтобы на васъ низшла благодать, вы напрасно стали бы размышлять, и долговременнымъ, трудолюбивымъ чтеніемъ приготовляться къ постиженію его въщаній; вы никогда не дойдете далѣе смысла буквального и мертвого; ясновидѣніе ваше не проникнетъ духа новаго закона. Выметите, какъ не пухный соръ, всѣ воспоминанія, толпящіяся въ святилищѣ вашей мысли; вычеркните изъ книги вашей совѣсти всѣ свѣтлыя имена, которыя въ продолженіе тридцати вѣковъ, являлись въ человѣческомъ семействѣ; смиритесь предъ своимъ ничтожествомъ; пожалуйте о прошедшемъ, въ которомъ Г. Викторъ Гюго еще не было; порадитесь за вѣки грядущіе, въ которыхъ онъ будетъ жить, и вы сопритчетесь къ ученикамъ его.

«Онъ откроетъ вамъ то, чего не вѣдаетъ толпа безсмысленная: отчего, напримѣръ, имѣя подъ руками событія и людей, переданныхъ намъ Исторіею, онъ нисколько до нихъ не касается; зачѣмъ передвмываетъ онъ по своему поколѣнію давно минувшія, которыя ученые считали извѣстными и о которыхъ они ровно ничего не знали. Онъ скажетъ вамъ, отчего покинулъ онъ исторію Испаніи въ XVII вѣкѣ, изъ которой хотѣлъ-было что-то сдѣлать. Оттого, что объ этой эпохѣ Испанской исторіи, во Французскихъ библіотекахъ есть только достовѣрные документы, оффиціальныя памятки, но нѣтъ ни одного пасквиля, ни одной трактирной пѣсни, ни одной сатиры, написанной какимъ-нибудь прогнаннымъ придворнымъ или продажною прелестницею. Стыдъ и срамъ падеть на голову правительства, которое не потрудится доставить Г. Гюго эти безцѣнныя пособія и помочь ему писать по нимъ драмы. О чемъ же хлопочутъ эти Палаты? Стряпаютъ финансовыя законы, между-тѣмъ какъ имъ бы следовало посвятить себя служенію Г. Гюго. Какое вамъ кажется прошеніе, поданное въ Палату Депутатовъ о томъ, чтобы Французскій посланникъ въ Мадридъ уполномоченъ былъ порыться въ тамошнихъ библіотекахъ? Секретарямъ посольства, вмѣсто того, что любезничать въ Прадо, придется от-

нынѣ собирать эту слизистую искру, которую Г. Гюго на-мѣрея оплодотворить своимъ гениемъ!

Вы узнаете, что, когда представляютъ его драму, помысламъ поэта, помысламъ священнымъ и неприкосновеннымъ. нѣтъ ни какого дѣла до негодованія зрителей. Ршѣмы, которыя онъ, по благодати своей, собираетъ для нашего наслажденія и назиданія, не подлежатъ оцѣнкѣ нашего вкуса. Въ театрѣ, онъ собственно отворяетъ намъ двери дворца своего, зажигаетъ для ослѣпленныхъ глазъ нашихъ люстры и канделябры галерей своихъ: мы у него въ гостяхъ; онъ допускаетъ насъ на свои пиры, и намъ неидетъ оуждать устройство этого праздника. Будьте довольны или сидите дома. Если вы вздумаете чертить углемъ каррикатуры на стѣнахъ палатъ, смѣяться надъ танцами, распрашивать какъ старо вино, которое подаютъ вамъ, — вы неучъ, невежда, человекъ невоспитанный, — извольте убираться вонъ.

«Правда, что воля Г. Виктора Гюго объявляется не имъ, а его учениками, но она не менее того тверда и непреклонна. Критика знаетъ, чего ей ожидать, и если вздумаетъ опять приняться за разсужденіе, то должна пенять сама на себя.

«Между-тѣмъ и теперь еще есть не одна упрямая совесть, не одна упорная память, которыя осмѣливаются сравнивать Виктора Гюго съ Корнелемъ и даже не краснѣютъ отъ этого святотатства. Иные, самые дерзкіе, доходятъ даже до того, что требуютъ отъ него отчета въ обязанностяхъ, принятыхъ имъ на себя въ 1827 году. Вы, говоря они, обещали намъ обратитъ исторію въ драму, а съ тѣхъ поръ какъ сѣпа принадлежитъ вамъ, исторія для вашего надменнаго генія какъ-будто не существуетъ. Неужели же вы хотѣли усыпить насъ сказками, чтобъ во время сна нашего возложить на главу свою вѣнецъ поэзій?

«Но нѣтъ ли какихъ-нибудь средствъ доказать право публики судить о произведеніяхъ Виктора Гюго? Я изложилъ съ дипломатическою точностью ученіе, принятое при дворѣ его, и теперь долженъ высказать съ такою же искренностью мнѣніе большинства, которое то же кое-что знаетъ о предметахъ, его занимающихъ.

«Если бы Г. Гюго, вмѣсто того, чтобы выкраивать изъ

исторіи драмы и романы или, лучше сказать, занимать изъ летописей названія своихъ драмъ и романовъ, называломъ Галлилемъ, Ньютономъ или Гершелемъ; если бы онъ провѣлъ лучшіе годы свои въ трудолюбивомъ уединеніи, и вдругъ явился бы свѣту съ новою теоріею небесной механики, — о, тогда онъ могъ бы сказать толпѣ—Ты не въ правѣ судить обо мнѣ. Если бы онъ для собственнаго своего, скудаго и жаднаго, глаза составилъ рѣдкія и не извѣстныя свѣту увеличительныя стекла; если бы онъ основалъ на своихъ собственныхъ открытіяхъ формулы неопровержимыя, онъ также безъ сумасбродства могъ бы сказать, даже и небольшому числу ученыхъ—Вы не имѣете права судить обо мнѣ; вы не знаете, съ чего я началъ; не знаете, по какимъ путямъ, мною самимъ проложеннымъ, прошелъ я; молчите и ждите. Но ткань, на которой фантазія Г. Виктора Гюго выводитъ всѣ дивныя узоры, въ рукахъ у каждаго. Онъ не изобрѣлъ ни семейства, ни отечества; не создалъ чувствованій, которыя приводится имъ въ движеніе. Основа, надъ которой онъ трудится иглою, или шелковой, или шерстяная. Онъ не похищалъ руна таинственнаго барана, чтобы изъ него соткать свою багрянцу. Мѣдь, изъ которой выливаетъ онъ свои статуи, почерпнута изъ рудника, не для него одного, но и для всѣхъ насъ доступнаго. Пусть онъ придаетъ металлу ученые формы, пусть запечатлѣваетъ свое твореніе печатью всемогущаго генія; но если статуя, подъ которою онъ подписываетъ свое имя, изображаетъ одного изъ насъ, вѣстель необходимо долженъ подвергнуться нашему суду. Если герои его не принадлежатъ ни къ какой странѣ, ни къ какой породѣ, равнодушная толпа не приметъ даже на себя труда забыть ихъ: она не станетъ на нихъ смотреть.

«Если критика не имѣетъ права судить о Г. Викторѣ Гюго, какъ уверяють его послѣдователи, то драмы учителя необходимо должны быть выше человечества, — то есть, божественны или чудовищны. Въ неумолимой дилеммѣ, въ которую нововводитель заключается, есть только эти два трудные выхода.

«Не мудроно понять, что души робкія и доброжелательныя почтительно преклоняются передъ важною осанною

Г. Гюго; что умы юные и склонные къ энтузіазму принимаютъ волю за могущество и прильплются къ судьбѣ отважнаго нововводителя; что тунелдныя гордости обиваются вокругъ надменности учителя и тщеславятся его надеждами: все это очень просто, и могло быть предвидѣно. Вокругъ нововводителей всегда собирается толпа шумящихъ любопытныхъ, которые сами не сражаются, а только глядятъ на сражающихся; не устремляются на встрѣчу мечей, но мужественно проклинаютъ побѣжденнаго еще прежде его паденія, и благодарятъ небо за торжество, не стоявшее имъ ни какихъ опасностей. Но умы независимы имвуютъ полное право защищать закладъ свой, а въ спорѣ между критикою и поэтомъ, закладомъ служить достоинство ума человѣческаго.

«И вотъ почему мы намѣрены говорить объ Анджело съ полною свободою и откровенностію.

«Не всѣ характеры въ этой пьесѣ одинакимъ образомъ развиты; Анджело и Родольфо не такъ рѣзко выставляются, какъ Тисбе и Катерина. Ясно видно, что авторъ хотѣлъ въ особенности обратить вниманіе на этихъ двухъ женщинъ. До поднятія занавѣса услужливые друзья автора строгимъ и торжествующимъ голосомъ говорили: «Нынѣшній разъ, господа, вы будете удивлены какъ нельзя болѣе. Гюго изпровергнетъ всѣ предсказанія; онъ покажетъ вамъ, до чего можно дойти въ анализѣ страстей. Онъ мало дѣйствуетъ на чувства, но за то съ неожиданною смѣлостію роется въ человѣческомъ сердцѣ.» Во всемъ театрѣ не было ни одного зрителя, который бы не торопиль своимъ желаніемъ исполненія этого дивнаго обещанія. Но посмотримъ, не обманулось ли дружество.

Тисбе — актриса; она возбуждаетъ восторгъ и зависть; она богата, изобрѣтательна въ расточительности; но она печально раздѣляется между двумя любовями: она откровенно — любовница Анджело, который тиранствуетъ въ Падувѣ отъ имени Венеціанской республики; но эта великодушная диврея, какъ свинець давить ей грудь. Сердце ея навсегда принадлежитъ Родольфу, который подъ именемъ ея брата, живетъ вмѣстѣ съ нею. Но какъ и для чего заключила она этотъ постыдный торгъ? Какъ рѣшилась она продать кра-

соту свою? Мы этого не знаемъ. Гордость или нящета повергли ее въ объятія Анджело? Предавъ тѣло, не сохранила ли она души своей? Не хочетъ ли она усмирить своими ласками разъяреннаго тигра, который терзаетъ Падую? Не скрываетъ ли она подъ безпечною прелестницею мстительной Юдиои? Поэтъ намъ этого не сказываетъ. Тисбе терпитъ справедливое наказаніе: тотъ, кого она любитъ, ее презираетъ. Родольфъ, котораго она хотѣла бы приковать къ себѣ, за которымъ она ревниво присматриваетъ, за которымъ она безпрерывно слѣдуетъ, съ надменнымъ отвращеніемъ принимаетъ ея докучныя ласкательства. Онъ хотѣлъ бы сбросить съ себя эту любовь, какъ изношенное платье. Какія черты составляютъ характеръ Тисбе? Что таится въ глубинѣ души ея? Романическая ли преданность, или эгоизмъ развратницы? Что любить она въ Родольфѣ? Красоту ли, юность, или мужество? Покинутаго ли хочетъ она утѣшить, или гордаго заставить пасть къ стопамъ своимъ? Не думаю, чтобы кто-либо въ состояніи былъ рѣшить эти вопросы.

«Катерина, въ ранней юности обвинянная съ Анджело, всякой день призываетъ, какъ небесное видѣніе, милый образъ одного павалера, котораго она нѣкогда знала и снова неожиданно встрѣтила на балѣ. Она безъ гнѣва, но не безъ слезъ, терпитъ непреклонную власть мужа. Она не можетъ безъ страха слышать голосъ своего повелителя, но питаетъ релігіозное уваженіе къ клятвѣ, ею данной. Она страдаетъ безмолвно, и не видитъ, что концемъ ея страданій могло бы быть преступленіе. Увидѣвъ снова любовника, котораго поцѣлуи представлялись въ мечтахъ ея, она съ дѣтскою непредусмотрительностію предается благополучію. Полагаясь на чистоту свою, она не можетъ вѣрить мщенію, которое носится надъ ея головою; она не постигаетъ наказанія за вину, которой не сдѣлала.

«Анджело, намѣстникъ, поставленный Венеціанскою республикою, желѣзнымъ жезломъ управляетъ въ Падувѣ. Какъ превосходный теоретикъ, онъ хладнокровно объясняетъ самъ себѣ всю мерзость своего деспотизма. Онъ разитъ, чтобы не быть поражену. Онъ налагаетъ на стѣнящій городъ неумолимую свою руку; онъ слишкомъ робокъ, чтобы рѣ-

шиться на милость, которой ему не простили бы. Онъ тиранъ подчиненный и преданный властелиннмъ, отъ которыхъ посланъ; трепещущая рука его не могла бы подиковать приказъ о помилованіи. Онъ знаетъ, что отъмена смертной казни навсегда погубила бы его въ мнѣніи Совета Десяти. Онъ не заблуждается на счетъ внушаемаго имъ ужаса. Онъ самъ себя стыдится, и старается приобрести любовь Тисбе, врозь для того, чтобы заглушить крики своего разращенного сердца. Онъ покупаетъ красоту ея, и хочетъ, чтобы она любила его за его деньги. Но его, какъ и большую часть богатыхъ эгоистовъ, обманываютъ какъ глухихъ.

«Родольфо, которому Тисбе наскучила, преслѣдуетъ Катерину, жену тирана; по въ объятіяхъ прелестницы онъ не научился искусству покорять упорную добродѣтель. Въ немъ вся необытность разврата. Полюбивъ Катерину, онъ вступилъ въ міръ, для него новый. Безразсудная его шлкость не устраняетъ опасностей, но только умножаетъ ихъ.

«Вотъ лица, изъ которыхъ Викторъ Гюго составилъ свою новую драму. Никогда еще, я думаю, нерышительность характеровъ не вела прямѣ этого къ нерышительности самого сюжета. Разборъ Анджело есть одна изъ труднѣйшихъ задачъ, которыя разсудокъ можетъ предложить себѣ.

«Послѣ объясненія Анджело съ Тисбе, сцена живой, важной, замысловатой, изящной, является таинственный чловкъ, шпіонъ Совета Десяти, Омоден, и проникаетъ горестъ Тисбе. Она одна; онъ свободно подходитъ къ ней, какъ-будто давно знакомъ съ нею. Онъ предлагаетъ и предлагаетъ ей доказать невѣрность Родольфа. Тисбе, не страшась гнѣва Анджело, превращается незнакомому чловку и въ любви своей, и въ ревности. Ей надобно только получить отъ Анджело ключъ, который отворитъ все двери. Омоден уходитъ, и Тисбе вышаниваетъ всемогущій ключъ. Эта сцена, такъ же какъ и первая, хорошо приведена и коротко расположена. Въ первомъ дѣйствіи замѣтна тщательность выраженія, необыкновенная у Г. Виктора Гюго. Но надежды слушателей были скорѣе обмануты: три слѣдующіе акта преслазки. Не достаетъ духу ихъ рассказывать, и не рѣшались порицать при видѣ этой звонкой и надменной ничтожло-

сти, которая старается прикинуться драмою и только оглушаетъ.

«Тисбе входитъ къ Катеринѣ; по беспокойству, изображенному на лицѣ супруги Анджело, она угадываетъ, что Родольфо тутъ, хоть и не видитъ его; но она когда-то поклялась умирающей своей матери быть преданною тому, у кого окажется крестикъ, который какъ святиня переходилъ въ ихъ домъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, неразъ былъ обливаемъ дѣтскими ея слезами, и отданъ какой-то неизвѣстной особѣ въ знакъ благодарности. Этотъ крестикъ передъ нею; она видитъ его у Катерины. Ревность ея вдругъ умолкаетъ предъ нарушимою клятвою. Анджело входитъ, и пылкая Тисбе вмѣсто того, чтобы обличить передъ нимъ свою соперницу, Катерину, говоритъ ему о какомъ-то выдуманномъ заговорѣ.

Но плащъ Родольфа, который забыли спрятать, потому что въ драмахъ всегда забываютъ плащи, обвиняетъ Катерину въ глазахъ мужа. Тисбе уводитъ Анджело, чтобы дать соперницѣ своей время спасти своего любовника, по тирашѣ неумолимъ: онъ хочетъ смерти жены своей, и требуетъ у любовницы ада вѣрнаго и быстрого. Тисбе является великодушною до конца. Она убѣждаетъ Катерину выпить ядъ, и замѣняетъ его сильнымъ усыпительнымъ. Опіумъ теперь въ модѣ: его покупаютъ все въ Англійской лавкѣ, у Вилліама Шекспира. И какъ Шекспировскій опіумъ отличной доброты, то Катерина ту же минуту погружается въ сонъ. Готова могила, которая должна принять ее, готовъ и саванъ, въ который облекутъ усопшую, и Анджело веселится своею местию, считая ее полною.

«Катерина перенесена къ Тисбе: супруга Анджело, рѣшившаяся пожертвовать жизнью, лежитъ безъ чувствъ на постели его любовницы. Родольфо, узнавъ о казни любимой имъ женщины, прибѣгаетъ къ Тисбе. Онъ яростнымъ, прерывистымъ голосомъ ее спрашиваетъ; онъ требуетъ отъ нея жизни, которую она прервала. Тисбе произноситъ слова гнѣва и ненависти къ своей соперницѣ. Родольфо болѣе не сомнѣвается: онъ закалываетъ Тисбе, и едва только она испустила послѣднее дыханіе, какъ Катерина вдругъ пробуждается и бросается въ объятія Родольфа.

«Позвольте васъ спросить: что это такое, если не булѣ

варная мелодрама? Перечтемъ по пальцамъ: ключъ, крестикъ, плащъ, баночка съ ядомъ, опиумъ, наружная смерть, и вдругъ прыжокъ изъ гроба въ объятія любовника. Не полный ли эпитала репертуара, прославившаго бульварные театры! Тиранъ, прелестница, сборъ, шпионъ, — все тутъ есть. Омоден, который зажегъ пожаръ, убить въ половинѣ пьесы, по точному примѣру жида въ Маріи Тюдоръ. Анджело уже не является, какъ скоро жена его заснула спомъ, который, какъ онъ надѣется, будетъ въчпымъ. Точь-въ-точь сказка «Рауль Синяя-Борода!»

«Шуть, пройденный Г. Викторомъ Гюго отъ Герпани до Анджело, чрезвычайно длинень. Какимъ образомъ Г. Гюго спустился съ высотъ лирической поэзіи до подмостковъ мелодрамы? Какимъ образомъ, возвѣстивъ при звукъ трубномъ вступленіе исторіи на театръ, дошелъ онъ до того, что создалъ для празднаго любопытства лица, которыя не принадлежатъ ни какой странѣ, ни какому времени? Правда ли, какъ разглашаютъ его пріатели, что онъ съ намѣреніемъ нарушаетъ исторію, или что онъ непрерывно искажаетъ ее для того, чтобы поддерживать интересъ и производить неожиданныя развязки? Но если это признаніе искреннее, то оно не что иное какъ признаніе въ немоцности. Драматическое искусство въ рукахъ Г. Виктора Гюго сдѣлалось ученымъ искусствомъ фокусъ-покусовъ. Актеры его между безчисленными дверями размалеванной холстины, играютъ ту же самую роль, какъ шарикъ подъ стаканами.

«Эсхилу, Софоклу и Еврипиду, Шекспиру и Шиллеру, было просторно посреди историческихъ и героическихъ преданій. Отъ Электры до Валленштейна ни одинъ великій поэтъ не пренебрегалъ исторіею, какъ плащемъ слишкомъ узкимъ для него. Но сквозь эту дырявую надменность проглядываетъ жалкое намѣреніе. Г. Викторъ Гюго избѣгаетъ исторію не для того, чтобы владычествовать надъ нею, но для того, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ вернуться и отъ человечества, которое, во всѣхъ эпохахъ своего существованія, повинуется законамъ постояннымъ и непреодолимымъ. Придавая Италіи XVI вѣка нравы небывалые, онъ собственной своею властію даетъ себѣ право создавать лица нигдѣ

невиданный. Онъ уважаетъ только декорации и костюмы: Лишь бы только предоставили въ его распоряженіе готическую залу и полдюжины шитыхъ камзоловъ, онъ разомъ, кстати или не кстати, приведетъ вамъ свою вѣчную антитезу,—страсть въ порокъ и великодушіе въ уничиженіи. Лукреція Борджія, Марія Тюдоръ и Анджело принадлежатъ къ одному семейству,—но только не къ семейству рода человеческого. Это цѣлое поколѣніе болтливыхъ чудовищъ. Дочь Александра VI перемѣнила роль, и называется Тисбе. Марія Тюдоръ перемѣнила роль, и называется Анджело. Первообразы этихъ невозможныхъ трагедій расположены въ воображеніи Г. Виктора Гюго какъ штемпели собранія монетъ. Когда нужно отчеканить изображеніе героя или прелестницы, ему стоитъ только перемѣнить имя; рѣзецъ остается празднымъ и не углубляется въ сталь. Одинъ неизмѣнный профиль, служить для всѣхъ знаменитостей и для всѣхъ распутствъ.

«Послѣ этого, критикъ остается только одно оружіе противъ драматическихъ произведеній Г. Виктора Гюго: это оружіе—молчаніе. Когда пренія не будутъ болѣе производить шума вокругъ мелодрамъ, которыя онъ бросаетъ на сцену, онъ по справедливости сдѣлаютъ добычею равнодушія и скуки. Лишившись протпвпваковъ, онъ принужденъ будетъ отступать.»

Мы нарочно заставили говорить все время Г. Густава Планша, чтобъ тѣ, которые у насъ слѣпо раболѣпствуютъ передъ именемъ Виктора Гюго, видѣли, какъ объ немъ судятъ теперь въ самомъ Парижѣ. Самое изложеніе содержанія этой драмы показываетъ всю ея нелѣпость. О правдивности и говорить нечего. Если авторъ имѣлъ въ виду какое-нибудь правоученіе, такъ развѣ то, что наложница—существо добродѣтельнѣе самой добродѣтельной жены. Другаго вывода нельзя сдѣлать изъ этой исторіи. Г. Планшъ однако забываетъ сказать, что въ новой драмѣ Г. Виктора Гюго есть мѣста, отличающіяся большимъ театральнымъ эффектомъ. Сцена, въ которой Анджело, послѣ мнимой смерти Катерины, отдастъ приказанія объ ея погребеніи и въ то самое время объясняетъ рыщнику подробности своего герба, должна поражать зрителей. Въ чтеніи, она несносна, тѣмъ болѣе, что это пошлое средство производить ужасъ

помощію искусственнаго смѣшенія погребальныхъ обрядовъ съ пустяками, уже надовло и не ново даже въ драмахъ самаго Г. Гюго.

2. *Le Monopape, Помпшанный на одной точкѣ*, драма въ пяти дѣйствіяхъ, Г. Дюверіе.

Эгожь Г. Дюверіе, съ позволенія сказать, сенсимонистъ. Проповѣдавъ долгое время новую религію, онъ наконецъ замѣтилъ, что новыя религіи нынче не въ ходу, и, по примѣру многихъ своихъ сотоварищей сенсимонистовъ, рѣшился быть полезнымъ чѣмъ-нибудь свѣту. Оттого онъ сталъ писать мелодрамы, и теперь, для ващей пользы, написалъ «Помпшаннаго на одной точкѣ».

Парижскіе критики хлопочутъ, чтобы проникнуть «высокій тайный смыслъ» драмы Г. Дюверіе, а это просто пошлая нелѣпость, одна изъ тѣхъ пошлыхъ нелѣпостей, которыя порождаются сотнями въ большихъ мозгахъ, откуда выходитъ большая часть новѣйшихъ драматическихкихъ произведеній во Франціи. Герой драмы Г. Дюверіе, — уже второй драмы, — человекъ пораженный кровожаднымъ помпшательствомъ. Вы знаете, что дѣлають этого рода помпшаннины! Печальные, суровые, они рвуть въ гюу дѣтей, убиваютъ въ одинъ и тотъ же вечеръ у камня отца, жену, все свое семейство. Это несчастные, у которыхъ воспитаніе не сгладило шишекъ черепа! Теперь положить, что этотъ несчастный, на основаніи законовъ френологіи непреодолимо наклоненъ къ убійству, кровопрлитиво, а между-тѣмъ правила нравственности и добродѣтели, очерпнутыя въ воспитаніи, безпрестанно твердятъ ему, что проливать кровь, убивать — грѣшно, какая борьба начнется въ немъ между человекомъ природнымъ и человекомъ искусственнымъ. Какое соглашеніе произойдетъ между его правилами и его инстинктомъ? Это именно сенсимонистъ Дюверіе и хочетъ показать въ своей драмѣ, и показать посредствомъ способа самаго убедительнаго и безошибочнаго, — сомнамбулизма. И если ужъ доводы Френологіи, доводы сомнамбулизма, театральныя истины, на васъ не дѣйствуютъ, то вы невѣрный, и никогда не сдѣлаетесь сенсимонистомъ. Тогда вы заслуживаете только, чтобы васъ

безъ вины отправилъ на висѣлицу такой прокуроръ, каковъ Г. Балтазаръ, помѣшанный на одной точкѣ. Благоволите быть извѣстны, что философическая драма Г. Дюверіе есть не только манифестъ противъ смертной казни, любимая тема сенсимонистовъ и Г. Виктора Гюго, но и манифестъ противъ всякаго человеческого правосудія, тоже любимая тема вышеразвѣннаго философа, Г. Виктора Гюго и другихъ философовъ того же прихода. Г. Дюверіе хочетъ показать вамъ, что есть люди, родившіеся съ желаніемъ убійства, невольно жаждущіе причинять смерть другимъ, и вы можете сами вообразить, что будетъ, ежели такого помѣшаннаго, что весьма извѣстно, сдѣлаютъ прокуроромъ или вѣдѣтелемъ при какомъ-нибудь уголовномъ судѣ. Тогда—бѣда невиннымъ! Такой прокуроръ или судья отправить на висѣлицу всехъ подсудимыхъ, виновныхъ и невинныхъ. И вотъ почему юстиція и суды должны быть уничтожены. Что вы можете сказать противъ этого?

Балтазаръ—прокуроръ при Кольмарскомъ уголовномъ судѣ, и славится чиновникомъ отличнымъ, честнымъ, строгимъ въ исполненіи своихъ обязанностей. Твердость Балтазара вскорѣ подвергается испытанію. Законъ постигаетъ одного преступника, который самъ повдиглся въ отравленіи. Напрасно Леонтина, обожаемая Балтазаромъ жена, тщетно старый докторъ Симонъ, опекунъ Леонтины, и племянникъ его докторъ Клоде, просятъ его остановить приговоръ, пославъ прошеніе къ королю о помилованіи: онъ не соглашается, потому что у него есть на черепѣ шипка убійства. И подъяломъ! Этотъ преступникъ самъ во всемъ признался, самъ разсказалъ подробно все обстоятельство своего злодѣянія и привелъ доказательства. Прокуроръ долженъ былъ требовать для него смертной казни; судъ исполнилъ свое дѣло, приговоривъ его къ смерти; обвиненному остается только помириться со своей совѣстью, а не ожидать помилованія за оубраденіе. Но Г. Дюверіе не согласенъ съ этимъ мнѣніемъ.

Вотъ что придумалъ Г. Дюверіе, чтобы помрачить поведеніе столь прямое и столь честное. Онъ привелъ ясновидящую, которая во время своего сна объявляетъ, что обвиненный невиненъ. Жадное средство! Цриво, оракулъ

древних трагедій несравненно лучше этого. Балтазаръ не хочетъ вѣрить ясновидящей, и требуетъ, чтобы приговоръ былъ исполненъ. Приговоръ исполняется, и повторяемъ, весьма законно: преступникъ самъ признался въ отравленіи.

Между-тѣмъ изъ Парижа получается письмо, въ которомъ невинность казеннаго подтверждается: преступникъ не онъ. И въ то самое время, нѣкто Патруччіо упалъ съ лошади, разбился, и его принесли къ доктору Симону, который живетъ у своего зятя, прокурора Балтазара. Балтазаръ пораженъ этими исторіями; въ умъ его бродятъ страшныя грезы, и ночью, въ припадкѣ лунатизма, онъ съ закрытыми глазами встаетъ съ постели, беретъ одинъ изъ хирургическихъ инструментовъ молодого доктора Клоде, который тоже живетъ у него, и отправляетъ Патруччіо на тотъ свѣтъ. Все это, какъ изволите видѣть, потому, что у прокурора Балтазара есть на головѣ шишка. Онъ умерщвляетъ виновныхъ и невинныхъ, днемъ и ночью,—днемъ посредствомъ юстиціи,—ночью, прогуливаясь во снѣ по дому.

На другой день поднимается шумъ: являются жандармы и слѣдственный судья, начинаются допросы и протоколы. Балтазаръ, и не подозревая самого себя въ убійствѣ, непремѣнно хочетъ отыскать преступника. Искусство его является въ разысканіи слѣдовъ преступленія, и подозрѣнія падаютъ на Г. Клоде, который эту ночь не почевалъ дома. Улики очень сильны, а между тѣмъ Г. Клоде совершенно невиненъ; онъ не только ничего худаго не сдѣлалъ въ эту ночь, но еще занимался, по мнѣнію Г. Дюверіе, преполезнымъ и достопохвальнымъ дѣломъ—заговоромъ противъ существующаго во Франціи порядка. И вотъ невинный Клоде взятъ подъ стражу, по приказанію Г. Балтазара, который будетъ имѣть удовольствіе повѣсить еще одного невиннаго, и притомъ своего роднаго и короткаго пріятеля,—а все потому, что онъ, Г. Балтазаръ, помѣшанный на одной точкѣ и сверхъ того прокуроръ.

Г-на Клоде приводятъ въ судъ. Балтазаръ произноситъ противъ него прекрасную рѣчь, и требуетъ смертной казни, и тутъ начинается сцена, противная всемъ правиламъ

судопроизводства. Является старый доктор Симонъ, требуетъ, чтобы заседание объявлено было секретнымъ, и председатель на это соглашается. Къ чему же это? Докторъ Симонъ, зная, что у Балтазара на головѣ подъ парикомъ, есть шишка убійства, и что онъ подверженъ припадкамъ сомнамбулизма, начинаеть магнетизировать его въ полномъ присутствіи. Симонъ проводитъ два раза руками передъ лицомъ прокурора, тотъ засыпаетъ, и во время сна магнитически пишетъ признаніе въ своемъ преступленіи. Удивительно, какъ семейно отправляется въ Кольмаръ юстиція. Вслѣдъ за этимъ, председатель и судьи взяли шляпы и разошлись.

Министръ юстиціи узнаеть въ Парижѣ эту Кольмарскую исторію; онъ приказываетъ сомнамбулу - прокурору ѣхать для здоровья путешествовать; родные совѣтуютъ ему тоже, но требуютъ, чтобы онъ ѣхалъ одинъ, безъ жены и безъ дочери: они узнали, что помѣшанный на одной точкѣ Балтазаръ во снѣ не разъ покушался умертвить я жену и дочь. Балтазаръ упрямится, и не хочетъ ѣхать одинъ. Но вечеромъ, при последнемъ свиданіи съ женою, ему приходитъ такая страшная охота задушить бѣдную Леонтину ея же волосами, что онъ отравляетъ себя, выпивая склянку опиума, которая была у него сиритана въ колыбели его дѣтяти.

Последняя черта этого сбора пелвпостей, которому приписываютъ «высокую философію», показываетъ только въ Балтазарѣ человека самаго честнаго, одареннаго величайшею добродѣтелью: какъ судья, онъ былъ строгъ и справедливъ, пока не зналъ пагубныхъ свойствъ своего сомнамбулизма;—теперь узнавъ объ нихъ, онъ лишаетъ себя жизни, чтобы не сдѣлаться преступникомъ, съ сознаниемъ возможности этого. Такъ что же значить манифестъ Г. Дюверіе противъ человѣческаго правосудія?

«Помѣшанный на одной точкѣ» былъ выслушанъ до конца съ большимъ вниманіемъ. Въ числѣ зрителей находилось множество сенсимонистскихъ бородъ. Представленіе продолжалось цѣлыхъ семь часовъ, и эту прекрасную пьесу даютъ часто въ Парижѣ.

3. *La traite des noirs, Торговля неграми*, мелодрама въ пяти дѣйствіяхъ, съ большимъ спектаклемъ и балетомъ, Гг. Денюе и Альбуаза.

Извѣстно, что, подражая Англичанамъ, Французы принялись нынче толковать съ удивительнымъ жаромъ, и въ палатахъ и въ журналахъ, о невольничествѣ негровъ во Французскихъ колоніяхъ, хотя во всѣхъ необозримыхъ Французскихъ колоніяхъ негровъ — невольниковъ состоитъ на лицѣ не болѣе сорока штукъ. Всѣ хлопочутъ о томъ, какъ бы отыскать поболѣе добродѣтелей у черныхъ, поболѣе пороковъ у бѣлыхъ; многіе даже стараются доказать, что все бывшее, — за исключеніемъ только бѣлыхъ негровъ, — недостойно жизни; что бѣлый честный чедовѣкъ не что иное какъ негръ большой или сانشкомъ старѣй, чтобы быть чернымъ; что на нашей бѣлой сторонѣ все низости и пороки, а на ихъ черной сторонѣ все чувства благородныя и великодушныя.

Не должно будетъ и удивляться, если послѣ возмѣтъ этихъ рѣчей, пасквилей, драмъ, мелодрамъ, романовъ и повѣстей въ пользу черныхъ и противъ бѣлыхъ, все Парижане вдругъ вымажутъ себѣ лица Англійскою ваксою, чтобы однажды навсегда перестать быть бѣлыми. И теперь ужъ, особенно послѣ прекрасной рѣчи Г. Ирамбера въ Палатѣ Депутатовъ, Парижанки, отличающіяся любовью къ совершенствованію человечества и къ денежнѣю, берутъ любовниковъ не иначе какъ изъ негровъ.

Если мы взглянемъ все эти глупыя драмы и мелодрамы, все эти выходы противъ судебной власти, противъ брака, противъ бѣлыхъ, — то единственно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы образумить страстныхъ обожателей новѣйшей Французской словесности, показавъ, до какой степени умственного униженія и безпорядка въ мысляхъ дошелъ въ этой странѣ классъ, владѣющій перомъ и служащій представителемъ общественнаго ума.

Капитанъ Леонаръ помѣшанъ на неграхъ точно такъ же, какъ прокуроръ Балтазаръ помѣшанъ на убійствѣ. По какому-то случаю капитанъ Леонаръ ваялъ къ себѣ на корабль грузъ негровъ; но при самой сдачѣ товара по при

надлежасти, онъ сажаетъ всѣхъ своихъ негровъ на шлюпки, а корабль его тонетъ.

Адмиралъ Леонара, бывъ свидетелемъ этого востука, могъ бы велѣть расстрѣлять его: таковъ морской законъ. Но онъ только дѣлаетъ его чиновъ, и тутъ капитанъ Леонаръ принимается проклинать все бывшее: бывшихъ адмираловъ, бывшихъ прокуроровъ, бывшие суды, бывшее общество. Онъ клянется въ вѣчной непримиримой ненависти ко всѣмъ учрежденіямъ бывшимъ и бывсоватымъ, и на первый случай набираетъ ватагу негровъ, и дѣлается пиратомъ, бело-чернымъ.

Чтобы имѣть бѣлый корабль, Леонаръ, предводительствуя своими неграми, умерщвляетъ Богъ-вѣсть сколько Английскихъ матросовъ и оенцеровъ, хотя, принимая въ должное соображеніе ихъ мундиръ, они были только отъ шляпы до галстука, а далѣе до самыхъ пятъ красны. Спрашивается, что бы онъ сдѣлалъ съ Австрійцами, которые были и лицомъ и мундиромъ!

Леонаръ называетъ корабль свой «Правосудіемъ,» и пускается воевать на морѣ, вмѣстѣ съ пріателемъ своимъ, негромъ Баркамомъ. Этотъ господинъ Баркамъ—негръ очень свирѣпый, но очень благородный. Готовясь на опасности, онъ хочетъ еще разъ повидаться въ Африкѣ съ своимъ отцемъ, своею женою и своимъ королемъ; отцемъ чернымъ, женою черною, и королемъ тожъ. Баркамъ пріѣзжаетъ на родину въ то самое время, когда король его продастъ своихъ черныхъ подданныхъ одному честному купцу, который осматриваетъ ихъ съ ногъ до головы, какъ лошадей или рогатый скотъ. Добрые негры пляшутъ, борются и занимаютъ разными другими гимнастическими упражненіями. Добрый король снисходительно показываетъ ихъ покупщику. Онъ отдаетъ свой товаръ за нѣсколько сабель, нѣсколько пистолетовъ и нѣсколько ножицковъ. По сдачѣ товара, купецъ клеветитъ добрыхъ негровъ распаленнымъ желзвомъ. Впрочемъ, послѣднее обстоятельство не советамъ достоверно. Къ счастью, посреди этого гнуснаго торга дѣлается негролюбивый капитанъ Леонаръ. Онъ возвращаетъ этимъ несчастнымъ неграмъ свободу и чуть-чуть не беретъ въ плѣнъ и свирѣпаго ко-

роля Радама; но свирѣпый король Радамъ прячется за огромную деревянную ящерицу, фетиша, къ которому онъ питаетъ глубочайшее уваженіе.

Счастливымъ своимъ подвигомъ, капитанъ Леонаръ возвращается съ пловцами на корабль свой. Но у него на корабль скрывается предатель, злой человекъ, хотя и негръ. Этого негра зовутъ Маркуфомъ. За первую вину Леонаръ наказалъ Маркуфа, за вторую приказываетъ убить его какъ было. Въ это же самое время честный негръ Баркамъ проситъ Леонара отмстить за смерть отца его Тинъ-Кина. А убійца отца Баркама не кто иной какъ братъ Леонара, капитанъ торгующій невольниками. Леонаръ чуть-чуть не былъ принужденъ поступить съ братомъ, какъ Брутъ поступилъ съ дѣтьми; но краснорѣчіе его восторжествовало надъ мстительностію Баркама.

Эта прекрасная драма оканчивается превосходнымъ морскимъ сраженіемъ. Леонаръ, встрѣтивъ корабль, наполненный черными невольниками, палитъ въ него лѣвымъ и правымъ бортомъ. Корабли сходятся, сцепляются, экипажи идутъ на abordажъ, дерутся, — бой во всей формѣ. Наконецъ черный корабль побѣждаетъ корабль бѣлый, и всѣ бѣлые поглощаются ненавистнымъ моремъ.

4. Une chaumière et son coeug! *Хижину, и его сердце!*
 Водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, Гг. Скриба и Делафорэ.

Замѣтите, что когда Г. Скрибъ ставитъ въ заглавіи восклицательный знакъ —!, это значить — иронія. Люби, или умру! Хижину и его сердце! Все это страшная иронія. И цадъ чѣмъ же Г. Скрибъ такъ насмѣхается, съ тѣхъ поръ какъ онъ сдѣлался академикомъ? Надъ любовію, изъ которой онъ вылилъ двѣсти водевилей! Надъ добрыми, простодушными дѣвушками въ зеленомъ передникѣ, которыхъ онъ прежде всегда выдавалъ замужъ за полковниковъ! Теперь Г. Скрибъ предался вдругъ ужасному скептицизму, и уже не вѣрить въ добродѣтель зеленого передника.

Дѣло вотъ въ чемъ. Восемь лѣтъ тому назадъ лордъ Вольси нашель подъ ногами у лошадей своихъ, которыя чуть было его не задавили, самую миленькую дѣвочку, какую только можно себя представить; голубоглазую, свѣт-

лорусую, и бѣлую — это ужъ само собою разумѣется. Англичанинъ, который любить хорошенкиихъ дѣвочекъ, беретъ ее къ себѣ въ коляску, и скачетъ. Тогда этому ребенку было десять лѣтъ, а теперь ребенку лѣтъ восемнадцать. Прекрасная барышня, — стройна, мила и задумчива, какъ савдугетъ. Лордъ Вольси, тотъ самый, который поднималъ ее на большой дорогѣ, обожаетъ Дженни. Мало этого, лордъ Вольси умоляетъ Дженни, чтобъ она позволила превратить себя въ миледи: бездѣлица! Леди Вольси! Оно не дурно. Тѣмъ болѣе, что лордъ Вольси прекрасный молодой человекъ, одѣтый со вкусомъ, покорный, невыскаательный и умоляющій о томъ, что могъ бы просто приказать. И въ самомъ дѣлѣ, не принадлежитъ ли мамзель Дженни лорду Вольси? Вѣдь онъ нашелъ и поднялъ ее на большой дорогѣ? Но нѣтъ, лордъ Вольси хочетъ получить Дженни только отъ нея самой, и будетъ ждать отвѣта ея до завтра.

Оставшись наединѣ, Дженни по обыкновенію погружается въ задумчивость; она вспоминаетъ о шинкѣ, гдѣ протекло первое ея дѣтство. Какъ она была счастлива! Она бѣгала, прыгала, пѣла пѣсенки, ѣла вкусный черный хлѣбъ съ ветчиннымъ саломъ, пила славное черное пиво, гуляла по солнцу и по мѣсяцу, встрѣчала и провожала путешественника, любовалась на шумное веселье крестьянина. Милый шинокъ! И особенно, особенно любила она отъ всей души пригожаго Джона Гриппа. Джонъ Гриппъ, вотъ былъ умница! вотъ умѣлъ занять! вотъ было на что посмѣяться! Возьмите вы Джона Гриппа: хорошенкій, статный, стройный, чистосердечный, отважный, — и какъ умѣетъ онъ любить! Что лордъ Вольси передъ Джономъ Гриппомъ! Милый Джонъ! И вотъ миссъ Дженни вскружило головку; ея маленькое сердце натужилось, и кричить, что есть силы — Не хочу лордовъ! Прочь замки! Прочь богатства! Не хочу ничего! Хижину и его сердце!

Первое дѣйствіе, какъ видите, не что иное, какъ остроумное введеніе ко второму. Бросившись такимъ образомъ въ буколикку, юная и прелестная Дженни скидаетъ съ себя нарядъ барышни, одѣвается въ грубое платье, обувается въ деревянные каты вмѣсто миленькихъ, шелковыхъ башмачковъ, — но она все таки прелестна. Какъ не быть пре-

лестной въ двадцать лѣтъ! Однако миссъ Дженни боится, что она еще не довольно хороша для Джона Гринна.

Второе дѣйствіе этой маленькой драмы исполнено значительности. Вы въ шинкѣ очаровательнаго Джона Гринна. Вдругъ видимъ, онъ входитъ: это онъ, точно онъ! Какъ не узнать его? Онъ царь деревни. Онъ самый отважный птухъ въ цѣломъ околоткѣ. Онъ самый отчаянный игрокъ на двадцать миль въ округности. Сейчасъ видно, что онъ богатъ и богатаго отца сынъ. Онъ тщеславенъ, повеса, вспыльчивъ, прожорливъ, себялюбивъ, корыстенъ, болтливъ, насмѣшливъ, волокита, — впрочемъ добрый сынъ.

Вдругъ маленькая ручка стучитъ въ двери: это миссъ Дженни. Она послушалась головы и сердца; бросила замокъ для хижинны, и пришла просить мѣста служанки въ шинкѣ Джона Гринна. Во-первыхъ она видитъ Джона, — и она счастлива. Джонъ тоже ее видитъ, но Джонъ голоденъ, и спрашиваетъ вѣтъ; Дженни накрываетъ на столъ для своего милаго Джона. И тутъ тысяча прелестныхъ подробностей. Скатерть претолстая, стулья прѣстѣкіе. Джонъ Гриннъ нѣтъ безъ милосердія; серебра на столѣ нѣтъ вовсе, — и что за посуда! Миссъ Дженни безпрестанно забываетъ роль служанки: она такъ долго была знатной дамою! Сначала Джонъ Гриннъ очень забавляется вулганізмъ Дженни. Потомъ, напившись и напившись досыта, Джонъ подходитъ къ прелестной Дженни. Онъ пожалъ ей руку такъ, что она завизжала; онъ треплетъ ее такъ нѣжно, что у ней плечо омертвѣло; онъ выпиваетъ двѣ бутылки вина за ея здоровье: это со стороны физическаго. Джонъ Гриннъ немножко перемѣнился, думаетъ себѣ Дженни: но у него такое доброе сердце. И въ ту жъ минуту Джонъ Гриннъ показываетъ Дженни свое сердце. Джонъ Гриннъ скупецъ, игрокъ, корыстолюбецъ, своевольникъ, лгуны, себялюбивый и порочный. Джонъ Гриннъ хочетъ жениться за деньги на старухѣ: что жъ за бѣда! говоритъ онъ миссъ Дженни: «ты будешь моя любушка!» Тутъ пуританка Дженни совсѣмъ вышла изъ терпѣнія. Такъ вотъ этотъ милый Джонъ, этотъ очаровательный Джонъ Гриннъ! Такъ вотъ ея греза, ея счастье, ея идеаль! А между-тѣмъ вино разобило Джона; онъ лезетъ цѣловать Дженни силою: Джен-

ни въ страшномъ испугѣ бѣжить отъ него со всѣхъ ногъ и бросается изъ окошка съ тѣмъ, чтобъ уже никогда не возвращаться въ эту хижину. Хижину и его сердце!

Наконецъ, чтобъ досказать вамъ всю исторію, миссъ Дженинъ приходитъ въ замокъ, и только о томъ и думаетъ, какъ-бы ей выйти замужъ за лорда Волсын. Теперь она любитъ лорда, — во-первыхъ за его особу, — а потомъ за его замокъ, за прислугу, за славныхъ лошадей, за его отличные приемы, за нѣжный взглядъ, за благородный звукъ голоса. Она его любитъ, она выходитъ за него замужъ, по вѣсть женить и Джона Гриппа, которому ни разу не пришло въ голову, какого онъ лишился благополучія.

Водевиль очень милъ и исполненъ остроумія.

5. *Les Bourgeois, Досадующіе*, водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, Г. Лоипре.

Эго однако жъ не водевиль, а комедія, хотя въ ней и поютъ. И притомъ хорошая комедія, забавная какъ нынѣшнее общество во Франціи. По заглавію уже можно догадаться, что рѣчь идетъ о досадѣ Французскаго дворянства на нынѣшнее Французское правленіе и о спеси кушцевъ, давочниковъ и ремесленниковъ, которые заняли и при Дворѣ и въ правленіи мѣсто прежнихъ герцоговъ, графовъ и маркизовъ.

Досадующіе Г-на Лоипре суть нѣсколько благородныхъ жителей Сен-Жерменскаго предместья. Революція ихъ удивила, оскорбила и загнала въ ихъ Нормандскій замокъ. Въ этомъ древнемъ жилищѣ томится цѣлая куча маркизовъ, виконтовъ, бароновъ, кавалеровъ, графинь, маркизъ и виконтессъ. Вотъ уже четыре года, какъ всѣ они вздыхаютъ потихоньку о Тюильрійскомъ замкѣ, его балахъ, его великолѣпіи. Она думали сначала, что старый замокъ безъ нихъ повалится и балыня свѣчи погаснутъ, но между-тѣмъ вотъ уже четыре года, а замокъ все еще не повалился. Другіе балы заступили мѣсто прежнихъ баловъ, и новый дворъ замѣнилъ людей прѣжняго двора; и этотъ новый дворъ, состоящій изъ людей невоспитанныхъ, бѣситъ ихъ и подаетъ имъ поводъ къ шуткамъ и насмѣшкамъ. Между-тѣмъ годы летятъ. У двадцатипяти-лѣтней графини не выходитъ

изъ головы, что ей ужъ скоро тридцать, а она еще ни разу не танцовала на придворныхъ балахъ; пятидесяти-лѣтній виконтъ съ горестію помышляетъ о томъ, что вотъ уже четыре года, какъ онъ бесполезенъ для государства и юность его гибнетъ безъ пользы. Въ такомъ плачевномъ положеніи находится благородное общество Г. Лонпре.

Однажды, какъ эти господа и госпожи раздосадовались и начали скучать больше обыкновеннаго, къ нимъ пріѣзжаютъ Г. и Г-жа Дюгорже, капитаны національной гвардіи. Мы не напрасно говоримъ — капитаны, потому что, если бы мы сказали — капитанъ, въ единственномъ числѣ, это могло бы относиться только къ Г-жѣ Дюгорже. И дѣйствительно, она капитанъ; она говоритъ не иначе какъ *нашъ баталіонъ, наша рота*; она истинный командиръ роты лавочниковъ и сапожниковъ, которые гордятся своимъ гадкимъ мундиромъ не менше того, какъ Г. Дюгорже своимъ эплетами уличнаго капитана. Этотъ Г. Дюгорже политическій пройдоха, который ладитъ со всеми возможными правительствами. Сначала и ему и женѣ его, истинному капитану, какъ-то неловко въ этомъ благородномъ, въжливомъ обществѣ, но потомъ они такъ успѣшно проповѣдуютъ хозяевамъ своимъ, графамъ и графинямъ, баронамъ и баронессамъ, о томъ, какъ безразсудно въ нынѣшнее время держиваться во Франціи какихъ бы то ни было правилъ, что сильно потрясаютъ вѣрованіе господъ досадающихъ, и господа досадающіе очень бы рады были сдѣлаться людьми безъ правилъ, еслибъ только этотъ переходъ могъ совершиться съ соблюденіемъ свѣтскихъ приличій.

Вдругъ Рибервилли узнаютъ, — такъ зовутъ досадающую фамилію, — узнаютъ, что дядя ихъ, герцогъ Рибервель наименованъ первымъ министромъ. И досадающіе втайнѣ радуются, досадающія (въ женскомъ родѣ) уже воображаютъ себя, какъ онѣ будутъ нарядны и прелестны на первомъ балѣ въ Тюильри; досадающіе (въ мужескомъ), заказываютъ себя по секрету старинные придворные мундиры.

Всѣ эти господа и госпожи сходятъ съ ума, и отправляются въ Парижъ.

Тамъ всѣ они интригуютъ. Они не стучатся, а скребутъ

ся въ двери Тюильри, и съ нетерпѣніемъ ждуть дѣя-
ствленія. Въ этомъ второмъ актѣ нѣтъ ни дѣйствія, ни
драматической занимательности, но оно наполнено очень
ядкими остроумными эпиграммами. И эти эпиграммы сып-
лются на всѣхъ безъ разбора: на графинь, герцогинь, ба-
ронессъ, виконтессъ, на банкировъ, купцовъ, адвокатовъ и
лавочниковъ. — «Да я скорѣй возьму его въ отставку, не-
жели соглашусь на эго!» говоритъ госпожа Дюргоже о сво-
емъ мужѣ. Портной приносить придворное платье; мар-
кизь, по старой привычкѣ, говоритъ ему — «братецъ». Но
этотъ портной владѣлецъ, избиратель, присяжный и слу-
жить въ національной гвардіи; онъ обижается, что съ нимъ
говорятъ «какъ съ какимъ нибудь презрѣннымъ разнош-
цемъ»; онъ бросаетъ платье маркизу въ лице и говоритъ
ему: «Знайте, сударь, что во Франціи всѣ богатые равны
въ глазахъ закона.»

Наконецъ въ третьемъ дѣйствіи всѣ прежніе досадовав-
шіе, отправляются на балъ въ Тюильрійскій замокъ, кото-
рый будетъ имъ очень радъ и заставитъ виконтессу танцо-
вать съ портнымъ ея мужа, портнымъ владѣльцемъ, изби-
рателемъ, присланнымъ и сержантомъ національной гвардіи.

6. *Manette, Манетта*, водевиль въ одномъ дѣйствіи Гг.
Баяра и Габріэля.

Манетта—двушка не совсѣмъ почтенная: она въ одно вре-
мя обманываетъ унтеръ-офицера, солдата и почталіона.
Сначала, почталіонъ любилъ было не Манетту, а сест-
ру ея, вдову Валентину; но однажды онъ видѣлъ, что ка-
кой-то мужчина вылезаетъ изъ окна Г-жи Валентины; въ
другой разъ онъ видѣлъ, что унтеръ-офицеръ обнимаетъ
Г-жу Валентину; въ третій разъ онъ видѣлъ, что солдатъ
обнимаетъ Г-жу Валентину; въ четвертый разъ онъ видѣлъ,
что солдатъ и унтеръ-офицеръ дерутся за Г-жу Валентину.
Увидѣвъ все это, бѣдный почталіонъ сталъ просить руки,
не Г-жи Валентины, а Манетты. А тутъ-то и бѣда. Окно,
изъ котораго вылезалъ какой-то мужчина, было окно Манет-
ты; унтеръ-офицеръ обнималъ Г-жу Валентину за Манет-
ту; солдатъ то же; дрались они за Манетту, и драка кон-
чилась благополучно только потому, что унтеръ-офицеръ

доказалъ солдату, что Манетта его любитъ, и солдатъ доказалъ унтеръ-офицеру, что Манетта его любитъ. Манетта, какъ вы изволите видѣть, плохой сюжетъ для водевиля, и мы право не знаемъ, что тутъ забавнаго — заставить честнаго почталіона на ней жениться!

Къ счастью Манетта на сцену не является: будетъ и того, что вы наслаждаетесь лицезрѣніемъ солдата, унтеръ-офицера, почталіона и сестры Г-жи Манетты.

7. *La soix d'ог, Золотой крестикъ*, водевиля въ двухъ дѣйствіяхъ Гг. Дюпети и Ружмоне, съ присовокупленіемъ всѣхъ другихъ водевилей того же имени.

Вы знаете, что года два назадъ, Были заразили весь Парижъ. Писали только Были, читали только Были. Не было ни одного матушкина сына, который бы не написалъ Были; не было ни худенькой, ни толстенькой, ни молодой, ни старушки, которая бы не написала своей Были. Свѣтъ наводнился авторами повѣстей; повѣсти сыпались градомъ. Были бездны повѣстей, пропасти повѣстей, — пропасти зіющія, всегда отверзтыя, вѣчно ненасытныя; каждый бросалъ въ эту пропасть Быль или Повѣсть, и пропасть не закрывалась. Однако жъ наконецъ и повѣстная пропасть нашла своего Курція, сказочника неутомимѣе и безжалостнѣе всѣхъ другихъ, сказочника изъ сказочниковъ, однимъ словомъ Бальзака; онъ хотѣлъ бросить въ пропасть возъ повѣстей и быллей, и упалъ въ нее самъ, и пропасть закрылась, — и съ тѣхъ поръ не слышно ни о повѣстяхъ, ни о быдлѣхъ. И онъ одинъ только въ глубинѣ пропасти все еще рассказываетъ сказки, были и повѣсти.

Но какъ для того, чтобы писать театральныя пьесы, надобно имѣть идеи, то люди стали рыться въ общедоступныхъ забытыхъ повѣстяхъ 1835 года. Одному молодому человѣку посчастливилось, послѣ многотрудныхъ изысканій, отрыть тамъ повѣсть не дурную. Если бы онъ былъ поосторожнѣе, то преспокойно сострипалъ бы изъ нея водевиля и никто бы и не догадался, что сюжетъ не его, а взятъ изъ повѣсти «Арабелла.» Къ несчастію, радуясь своей находкѣ, онъ слишкомъ рано похвастался ею, и разгласилъ свое счастье. Боясь, чтобы кто-нибудь не овладѣлъ этимъ сюжетомъ, онъ напечаталъ въ маленькомъ журналѣ,

! Entre-acte, маленькое объявленіе съ слѣдующаго содержания:

«Въ театрѣ *** идутъ репетиціи водевиля въ двухъ дѣйствіяхъ, подъ заглавіемъ «Золотой крестикъ». Этотъ водевиля, отъ котораго дирекція театра надѣется большихъ доходовъ, заимствованъ изъ прелестной повѣсти Г. Мориса «Сентъ-Аге.»

Бѣдный молодой человекъ попался какъ ворона въ сумѣ. Это объявленіе не предупредило контрафакцію, а породило ее. Жадная толпа драматическихъ писателей, воспользовавшись его указаніемъ, принялась отыскивать и читать повѣсть Г. Сентъ-Аге. Вся эта жадная толпа, какъ и первый открыватель, нашла въ этой повѣсти готовый водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ. Свое берешь, гдѣ ни найдется: эти господа; сѣвши и торопясь, схватились за добро по двое и по трое; и на всѣхъ театрахъ явилось разомъ по водевилю подъ заглавіемъ «Золотой крестикъ»; водевилю, который заимствованъ изъ прелестной повѣсти Г. Мориса Сентъ-Аге и отъ котораго дирекція надѣется большихъ доходовъ. Пять или шесть подобныхъ водевилей были играны на одной недѣлѣ, а забавіе всего то, что первый открыватель объявлялъ, что водевиль его уже учать, когда онъ только еще писалъ его; и онъ не успѣлъ еще его кончить, какъ тотъ же сюжетъ былъ уже на нѣсколькихъ театрахъ.

Какъ бы то ни было, а повѣсть Г. Сентъ-Аге дѣйствительно, если не прелестна, то по-крайней-мѣрѣ очень пріятна, написана хорошо, и занимательна безъ ужасовъ.

Одинъ молодой семинаристъ проходилъ въ 1812 году черезъ деревню Круасси. Конскрипція только что похитила изъ этой бѣдной деревни всѣхъ мужчинъ, которые были въ состояніи носить оружіе. Во всѣхъ хижинахъ было горе. Хорошенькая, шестнадцатилѣтняя Христина плакала о своемъ братѣ, который отправлялся въ походъ. А въ то время идти въ походъ или умереть было почти одно и то же. И дѣвушка плакала: И у ней не было ни какихъ средствъ спасти брата. А этотъ братъ былъ единственною опорой, надеждою, кормильцемъ цѣлаго семейства. Въ отчаяніи своемъ бѣдняжка снимаетъ съ шеи золотой крестикъ своей матери, и говорить вслухъ: «Золотой мой крестикъ тому, кто

пойдетъ въ походъ за брата, и рука моя тому, кто принесетъ мнѣ изъ похода этотъ крестикъ.» При этихъ словахъ, глаза ея были омочены слезами, грудь вздымалась; она была истинно прекрасна. Но увы, въ то время мужчина былъ товаръ дорогой и рѣдкій. Надобно бы десять тысячъ такихъ золотыхъ крестиковъ какъ у Христины, а у ней былъ только одинъ. Въ деревнѣ никто не слышалъ словъ ея. Одинъ только нашъ молодой семинаристъ, спрятавшійся за деревомъ, услышалъ это предложеніе и обещаніе. Онъ былъ человекъ мужественный, и постыдился бы не пойти даромъ туда, куда другихъ посылали насильно. Онъ принялъ крестикъ Христины, и пошелъ въ походъ за ея брата. И это было тѣмъ прекраснѣе съ его стороны, что онъ не видѣлъ ни омоченныхъ слезами глазъ, ни вздымающейся ея груди, онъ не зналъ, хороша ли и какъ хороша она; только голодъ ея проникъ въ его сердце.

Онъ былъ съ большою арміею въ Россіи, видѣлъ, какъ она среди снѣговъ растаяла и какъ Наполеоновскій орелъ равенъ былъ на смерть.

Между - тѣмъ въ деревнѣ Круасси о немъ часто думали. Христина тайнѣ его любилъ, хотя они едва другъ друга видѣли. День и ночь она о немъ думала. Твердая и постоянная, она все ждала его; она знала, что онъ рано или поздно воротится. Она знала, что онъ принадлежитъ ей, она принадлежитъ ему. И дни проходили, и мѣсяцы одинъ за другимъ исчезали, и Наполеонъ исчезъ, и Наполеонъ упалъ, а она все еще ждала его.

Наконецъ онъ возвратился въ Круасси. Бяднякъ возвращался издалека. Онъ шелъ изъ Сибири, шелъ одинъ и печально: онъ всего лишился, и багажей и славы, и друзей, и даже членовъ, отмороженныхъ въ Россіи: онъ уберегъ одинъ только крестикъ Христины. И этотъ золотой крестикъ открылъ ему и домъ, и сердце, и объятія Христины.

Вотъ и вся эта простая исторія; ее играли въ одинъ день на двухъ театрахъ.

8. La chasse aux magis, *Ловля мужей*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи Гг. Люриня и Солара.

Это довольно остроумная, но холодная и дурно расположенная пьеса. Въ одномъ старомъ домикѣ въ Бурбонѣ, Г. Мовьеть ждетъ изъ Парижа гостей, которые должны привести у него лѣто. Почтенный Г. Мовьеть живетъ въ большой дружбѣ со своею соседкою, Г-жею Барбо, у которой три дочери невесты, Луиза, Жюльета и Нанда Барбо. Теперь въ домѣ Г. Мовьета большая тревога, въ душѣ Г-жи Барбо большое волненіе. У Г. Мовьета остановился какой-то Парижанинъ, молодой человекъ, милліонщикъ и холостой — прекрасная партія для одной изъ дочерей Г-жи Барбо.

Дело однако жъ въ томъ, что этотъ молодой человекъ совсемъ не милліонеръ, а просто юный поэтъ, который вдался въ средніе вѣка, гонялся за стрѣльчатыми арками, позолоченною рѣзбою, и расписными окнами, а за нимъ гонялись неумолимые кредиторы. Этого поэта зовутъ Луазо, но онъ скрывается подъ именемъ Ремона. Едва только поселился онъ у Г. Мовьета, какъ всѣ сестры на него напали, и каждая хочетъ за него выйти. Нанда протягиваетъ ему руку, Жюльета подставляетъ щеку, Луиза увлекаетъ въ кусты. Ремонъ, или лучше сказать Луазо, какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ милліонщикъ, позволяетъ любить себя сколько кому угодно. Наконецъ является судебный приставъ, и Ремонъ, чтобы избавиться отъ пристава, женится на самой хорошенькой изъ трехъ дѣвицъ Барбо.

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦІИ. Мы упомянули въ прошломъ мѣсяцѣ о путешествіи лорда Флинга по Испаніи, — *Scènes de la vie castillane*. Это Французскій дипломатъ, который притворяется Англичаниномъ, и путешествуетъ себѣ на счетъ читателя, — что всегда позволяетъ автору сдѣлать большое сбереженіе своего ума. Онъ проѣхалъ Испанію, и приметилъ въ ней множество Испанцевъ и Испанокъ, не считая мериносовъ; былъ на скачкахъ, присутствовалъ при травлѣ быковъ, узналъ бездну любовныхъ затѣй, наглядѣлся на великолѣпные обряды, которыми сопровождаются тамъ казни преступниковъ, и видѣлъ, какъ Испанцы душатъ нынче другъ друга. Помнится, — ежели только мы не ошибаемся, — онъ даже самъ задушилъ одного. Однимъ словомъ, лордъ Флингъ провелъ время, какъ кажется, очень весело въ Ис-

пании. Больше ничего не узнаете вы из этой скучной книги, которую так расхвалили.

— Гапри Монни издалъ напротивъ томъ *Proverbes et scènes populaires*, который заставляетъ смѣяться отъ чистаго сердца.

— О романъ *Marie, ou l'Esclavage aux Etats-Unis*, мы теперь ничего не скажемъ, потому что намерены дать изъ него извлеченіе въ слѣдующей книжкѣ Б. для Ч.

— Новыхъ романовъ — цѣлый коробъ: заглавія ихъ можно видѣть въ спискѣ новыхъ Французскихъ книгъ. Вы найдете тамъ одинъ романъ Мишель-Ремона, одинъ Г-жи Евгении Фoa, и одинъ Г-жи Боденъ, — и больше ничего не найдете.

— Въ статьѣ «Французскій театръ въ Парижѣ», помѣстили мы длинное разсужденіе о новой драмѣ Г. Виктора Гюгô, и здѣсь можемъ пройти ее молчаніемъ, отъ котораго она, впрочемъ, не сдѣлается лучшею.

— Но чѣмъ говорить о романахъ и сказкахъ, намъ гораздо пріятнѣе извѣстить собирателей хорошихъ книгъ о предпріятомъ въ Парижѣ новомъ изданіи *Lettres Edifiantes*: это важное сочиненіе сдѣлалось, какъ известно, столь рѣдкимъ, что многіе ученые уже не могли приобрести его для своихъ библіотекъ.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛІИ. Г. Бальверъ, знаменитый, то есть, Г. Эдуардъ Литтонъ Бальверъ, издалъ, подъ заглавіемъ *The student*, два тома мелкихъ своихъ сочиненій, которыя по большей части были уже напечатаны въ разныхъ журналахъ. Приверженецъ нововведеній послѣдовалъ въ этомъ случаѣ старому закоренному обычаю статьяписателей — собирать воедино свои *disjecta membra*, разбросанные члены, которые впрочемъ никогда не могутъ составить ничего цѣлаго и часто болѣе теряютъ, чѣмъ выигрываютъ отъ подобнаго соединенія. Какъ бы то ни было, этой книгѣ пророчать величайшій успѣхъ въ гостиницѣхъ, гдѣ Г. Бальверъ любезничаетъ и отпускаетъ остроты: онъ человекъ свѣтскій, и водится только съ лордами. Г. Бальверъ самъ объявлялъ своимъ читателямъ, что здѣсь обращается онъ «болѣе къ чувству, нежели къ уму, болѣе утверждаетъ, чѣмъ

доказываетъ; вышеть скорее для тѣхъ, кто готовъ съ нимъ согласиться, чѣмъ для тѣхъ, кого должно еще убѣдить.» Никто не въ правѣ упрекнуть автора, зачѣмъ онъ сдѣлалъ такъ, а не иначе; однако можно высказать объ этомъ свое мнѣніе. Намъ кажется, что цѣль такого заблужденія, котораго бы нельзя было оправдать слѣпымъ чувствомъ, — и ссылаться, въ случаѣ нужды, на грезы воображенія какъ на дѣйствительность, не то ли самое, что вѣрить въ блуждающихъ мертвецовъ, потому что въ темнотѣ бываетъ страшно? Впрочемъ, въ этомъ собраніи есть многія статьи, которыя можно читать съ удовольствіемъ.

— Г. Джонъ Пуль, авторъ «Поля Прая» и прочая, издалъ подобно Г. Больверу собраніе своихъ Scetches and recollections; но онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ писателей, которые дорожатъ своимъ именемъ и трудятся надъ чистотою отлива своихъ прекрасныхъ мыслей. Г. Пуль особенный мастеръ схватывать характеры: читая эти очерки, вы невольно убѣждаетесь, что дѣйствующія лица его именно таковы, какими онъ ихъ описываетъ.

— Романъ The Captive, автора «Братьевъ Пильгримовъ,» исполненъ тѣхъ воинственныхъ подробностей, которыя привлекали бы вниманіе лѣтописца блаженныхъ рыцарскихъ временъ. Онъ займетъ всякаго, кто не гонится за тонкимъ очертаніемъ характеровъ или за глубокими, освѣщающими мыслями, лишь бы витязи были вооружены, какъ слѣдуетъ, и кони ихъ убраны; лишь бы возлюбленные были довольно нежны, довольно смѣлы или довольно лукавы; лишь бы не было недостатка въ подъемныхъ дверяхъ, въ потерянныхъ дѣтяхъ, въ таинственныхъ свиткахъ и тому подобному. Въ своемъ родѣ романъ дѣйствительно хорошъ, а всякій родъ, кромѣ скучнаго, заслуживаетъ найти себѣ читателей.

— Къ довольно значительному числу Англійскихъ прозаическихкихъ писательницъ присоединилась еще новая, — Г-жа Нортонъ, и въ видѣ диплома на это званіе представила двѣ повѣсти, The Wife и Woman's reward, которыя заслужили леотные отзвѣвы со стороны лучшихъ Англійскихъ журналовъ, хотя и напоминаютъ немного романы прошедшаго времени. Woman's reward — главная, и по объему и по за-

нимательности: она отличается многими прекрасными чертами истинного чувства. Герой и героиня — сироты, дитя негодянта, умершаго на остров Мадеръ и поручившаго ихъ при смерти попеченію сестры своей, которая старше ихъ немногими годами. Достигнувъ зрѣлаго возраста, Марія Дюпрё жертвуетъ всѣмъ, — спокойствіемъ, отечествомъ даже обътомъ, даннымъ жениху, — для истиннаго или мнимаго счастья ея брата. Этотъ братъ — тщеславное, блестящее созданіе, исполненное страстей и чудныхъ притязаній, приводитъ подругу своего дѣтства на край гибели, истощаетъ все ея терпѣніе, и наконецъ женится тайнымъ образомъ на дочери одного знатнаго человека, которая такъ же блестяща и такъ же упряма, хотя и не такъ бездушна, какъ онъ самъ. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого брака вѣчная ссора между мужемъ и женою, и обѣ стороны безпрестанно прибѣгаютъ къ посредничеству сестры, которая уже поздно получаетъ вознагражденіе за все свои печали. Кажется, сочинительница имѣла цѣлію показать въ этой повѣсти, что счастье женщины ни въ случайномъ, произвольномъ замужествѣ, ни въ приторной, пастушеской любви, а въ прочномъ, постоянномъ спокойствіи духа. Въ заключеніе мы замѣтимъ, что Г-жа Нортонъ никогда еще не писала такихъ милыхъ стиховъ, какими она украсила настоящее свое произведеніе.

— Г. Джемзъ, авторъ довольно извѣстнаго романа *Riche-lieu*, издалъ теперь новый подъ заглавіемъ *The Gipsy*, въ которомъ видно болѣе развязности и менѣе искусственности, чѣмъ въ прежнихъ его сочиненіяхъ. Г. Джемзъ любитъ изображать людей безстрастныхъ, съ благородными чувствами, но холодныхъ какъ май въ Петербургѣ. Однако жъ героини его книги, цыганка Фарольдъ, созданіе замѣчательное: вообще женщины у него чрезвычайно милы, и сцены домашняго быта, въ которыхъ онъ играютъ главную роль, дышатъ жизнію.

— Г. Джемзъ Монтгомери, стихотворецъ, особенно уважаемый тѣмъ многочисленнымъ классомъ читателей, для котораго не доступны ни Байронъ, ни Муръ, ни Вордсвортъ, и о которомъ вообще такъ мало заботятся лучшіе писатели, издалъ собраніе мелкихъ стихотвореній, отличающихся слякою чувства, прямодушіемъ и простотою. Сочиненія это-

го поэта, едва известна въ Англіи, принадлежать тамъ къ числу самыхъ многочитаемыхъ.

— Известная миссъ Митфордъ выдала три тома своихъ «Очерковъ областного городка», изъ которыхъ мы уже сообщили нашимъ читателямъ одинъ отрывокъ («Честные люди», Б. для Ч., № 12), заимствованный изъ «Блаквудова магазина.»

— Изъ новыхъ путешествій самая замѣчательная — «Второе плаваніе въ арктическія страны», капитана Росса, и «Десять лѣтъ въ южной Африкѣ», одного господина, котораго имени никакъ нельзя выразить Русскими буквами. Англійскія заглавія этихъ сочиненій выставлены въ списокъ новыхъ книгъ. Изъ перваго, мы помѣстили любопытный отрывокъ въ «Смѣси» этой книжки; изъ втораго сообщимъ нѣкоторыя мѣста въ будущей.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ ГЕРМАНИИ. Г. Раупахъ, прежде профессоръ Главнаго Педагогическаго Института въ Петербургѣ, нынче Нѣмецкій Мариво Пиксереекуръ; Скрибъ и все что вамъ угодно, осердился на гомеопатовъ, и написалъ на нихъ комедію, хотя самъ придерживается строгой гомеопатической экономіи, когда дѣло идетъ о правсѣ остроумія къ его пьесамъ.

Эта шутка, представленная въ концѣ прошлаго года подъ заглавіемъ *Die feindlichen Brüder oder Homöopath und Allopath*, «Братья враги, или Гомеопатъ и аллопатъ», основана на взаимной любви двоюродныхъ братца и сестрицы, — сына аллопатическаго аптекаря и дочери гомеопатическаго доктора. Короткій пріятель молодыхъ любовниковъ, нотариусъ Тиле, надѣется помирить антипатическихъ братьевъ, если сведетъ ихъ вмѣстѣ, и для этого увѣряетъ cadaго изъ нихъ, что другой сумасшедшій. Они отправляются навѣстить другъ друга по этому случаю, и съезжаются дорогою въ городъ, гдѣ живетъ ихъ сестра. Въ пылу разговора аптекарь роняетъ свертокъ бумаги; другъ влюбленныхъ, Тиле, подымаетъ его, и говоритъ: «Вы что-то потеряли, Г. аптекарь. Что это такое?» Между-тѣмъ бумага развернулась на полтора аршина: это аллопатическій рецептъ.

«Аптекарь. Маленькой рецептникъ! Я выписалъ его ми-

моходить для себя. Я, знаете, невозможно осипь отъ вѣтра, а предосторожность не мѣшаетъ.

«Тиле (*проблосавъ рецептъ.*) Черезъ четверть часа по стакану. Это порядочно!

«Аптекарь. Ахъ, почтенный Г. нотаріусъ, въ эти ужасныя времена, когда язва гомеопатія такъ быстро разливается, несчастному аптекарю пріятно хоть самому проглотить весь запасъ свой!

Тиле. Ваша правда. Романы и аптеки часть отъ часу удають въ цѣнѣ.

«Аптекарь. Охъ, охъ, охъ! Еще лѣтъ десять тому назадъ можно было нажить тридцать тысячъ талеровъ, а нынче не наживешь и двадцати пяти.

«Тиле. А все вѣдь эхидное племя, гомеопаты! Завли лѣтъ у аптекарей!

«Аптекарь. Эхидное племя? Прекрасно сказано! (*Береть его за руку.*) Однако есть еще добродѣтель на земномъ шарѣ. Пріѣзжайте вы къ намъ въ Наумбургъ, Г. нотаріусъ, да захворайте хоть немного: ручаюсь, дадутъ столько лекарства, что вамъ ни за что не одолѣть.»

Теперь взглянемъ на гомеопата. Сцена представляетъ номеръ въ гостинницѣ. Двѣ кровати разделены тонкой перегородкою. Слуга Фиттигъ свѣтитъ доктору въ его комнату.
Докторъ. Лей еще, лей еще! Надо же какъ-нибудь запить вашъ мерзкій ужинъ (*пьеть.*) Какого вина велѣлъ я подать бездыльникъ?... А?

«Фиттигъ. Рудесгеймскаго, сударь.

«Докторъ. Такъ чудные же вы географы. Вѣрно вы передвинули Рудесгеймъ въ другое мѣсто.... Это вино подмѣшано Наумбургскимъ. Стыдно такъ поддѣлывать! Тутъ рѣчь не объ обманѣ; обманъ—дѣло наживное; пусть каждый промышляетъ по-своему: а надо помнить, что по правиламъ разсудительной Медицины всякое лекарственное средство, следовательно и вино, должно давать чистое, безъ малѣйшей примѣси. Знаешь ли ты, что такое гомеопаты и аллопаты

«Фиттигъ. Нѣтъ-съ. Лопаты я знаю-съ.....

«Докторъ. О, невѣжество!

«Фиттигъ. Извините, сударь, если я не такъ сказалъ.

«Докторъ. (*посмотрѣвъ на него, говоритъ ласково.*)

Ты кажется малой славиный, и здоровъ; совершенно здоровъ, какъ воля?

«Фиттигъ. Благодаря Бога! Если бѣ и карманъ мой обстоалъ такъ же благополучно...

«Докторъ. Если карманъ твой слабъ, не худо было бѣ подкрѣпить его? Напримѣръ, хоть талеромъ?

«Фиттигъ. Ужъ и очень не худо, сударь. Да какъ?

«Докторъ. Сиди всю ночь у меня въ комнатѣ, и не спи.

«Фиттигъ. Хоть эти комнаты не много и въ сторонѣ отъ другихъ, но могу васъ увѣрить, сударь, что домовыхъ вѣдьсъ нѣтъ, и вамъ бояться нечего.

«Докторъ. Полно бредить! Мнѣ надо наблюдать тебя.

«Фиттигъ (*про себя*). Вотъ-те на! Да онъ, знать, какой-нибудь астрономъ, что ли. (*Вслухъ*) И, сударь, что вамъ напрасно беспокоиться! Мы вѣдь люди простые: на насъ звездъ не увидите.

«Докторъ. Какъ? Въ бреду? (*Шупаетъ у него пульсъ.*)

«Фиттигъ (*про себя*). Нѣтъ! Видно я ошибся.

«Докторъ. Совершенно правиленъ. Ты здоровъ какъ рыба! Чудо, какъ здоровъ!... Что жъ? хочешь остаться со мною? Тебѣ больше ничего не дѣлать, какъ сидѣть преспокойно на мѣстѣ.

«Фиттигъ. И не спать. Хоть бы пожаловали, сударь! два талера.

«Докторъ. Ну, два, такъ и быть. Когда жъ ты придешь?

«Фиттигъ. Часа черезъ два, если будетъ можно.

«Докторъ. Такъ и надобно: ранѣе не подѣйствуетъ. Смотри, честное слово! (*Отворяетъ маленькій ларчикъ съ лекарствами, вынимаетъ скляночку и ложку.*)

«Фиттигъ. Ужьбудьте увѣрены!—Вы сударь хотите принимать лекарство?

«Докторъ. Нѣтъ, это для тебя.

«Фиттигъ. Для кого? Для меня? Вѣдь вы сейчасъ изволили сказать, что я здоровъ какъ рыба?

«Докторъ. Да! И потому-то я хочу сдѣлать тебя искусственно больнымъ, чтобъ потомъ наблюдать, что съ тобою будетъ.

«Фиттигъ. Хе, хе! да это плохія шутки. Спокойной ночи, сударь! (*уходитъ*).

«Докторъ (*останавливая его*). Послушай, любезный; постой. Вся лекарства должно испытывать на здоровыхъ, прежде чѣмъ давать ихъ больнымъ. Прими это лекарство, чтобы мнѣ удостовѣриться, произведетъ ли оно трепетаніе сердца, тоску, судороги, головокруженіе, притупленіе чувствъ и дурноту.

«Фиттигъ. Помните, сударь, какъ это можно! У меня чувства и безъ того не слишкомъ остры: за чѣмъ мнѣ ихъ притуплять. Возьми на себя всякой немочи, — и изъ чего же? изъ двухъ талеровъ!

«Докторъ. Ну, вотъ тебѣ червонецъ, любезный.

«Фиттигъ. Не соглашусь и за сто червонцевъ. (*Хочетъ уйти; докторъ прижимаетъ его къ углу*.)

«Докторъ. Слушай же, другъ мой: ты окажешь этимъ услугу наукъ. (*Наливаетъ лекарства въ ложку*.)

«Фиттигъ. Провались она! Мое дѣло услуживать пріезжимъ. Наука пусть сама себя услуживаетъ.

«Докторъ (*поднося лекарство*). Прими, голубчикъ! Прими, ради страдающаго человечества.

«Фиттигъ. Помилуйте! Съ насъ и то берутъ каждый мѣсяцъ по грошу на бѣдныхъ: чего еще страдающему человечеству?

«Докторъ. Безчувственный варваръ! Проглоти это, каннибалъ, проглоти! Или.... (*Фиттигъ выталкиваетъ ложку, и ускользаетъ у доктора изъ-подъ руки*).

«Докторъ (*одинъ*). Варварство, иракъ и невѣжество у насъ въ Германіи! И однако жъ какимъ яркимъ свѣтомъ могъ бы озариться этотъ край, колыбель гомеопатіи!..... (*надвѣваетъ халатъ и колпакъ*.) Дай, одѣвнись попокойнѣе, и приготовлю лекарство для бѣднаго брата. Я не видалъ его, но готовъ побиться объ закладъ, что угадываю родъ его болѣзни. Онъ всегда былъ меланхоликъ, а эти задумчивые господа, когда помѣшаются, бываютъ обыкновенно бѣшены и неистовы такъ, какъ смиренные люди всегда задоривы подъ хмѣлькомъ. Постой! Вотъ мысль! Вотъ блестящая мысль! Вотъ лучъ свѣта! Великая мысль! Вино лишаетъ человѣка чувствъ, и производитъ въ немъ родъ помѣшательства: не

должно ли оно быть вѣрнымъ средствомъ отъ этой болѣзни? Если такъ,—а оно должно быть такъ,—я себя обезмертвляю. (*Вынимаетъ оловянный пестикъ изъ его изъ своего ларчика, и ставитъ ихъ противъ себя*). Въ этомъ гранѣ одна десятитысячная доля лекарства (*кладетъ ее въ изъ*); теперь, если смѣшать ее съ девяното девятю гранами молочнаго сахара (*высыпаетъ его изъ коробочки въ изъ*), каждый гранъ будетъ содержать одну миліонную долю лекарства, — приемъ ужасно сильный, — но противъ сильной болѣзни предстоитъ и дѣйствовать! Я увѣренъ, что онъ въ жесточайшей степени бѣшенства.»

Но мы устаемъ выписывать. Для любопытствующихъ знать развязку, мы скажемъ, что аптекарь остановился въ смежной комнатѣ, и братья такъ перепугали другъ друга, или точнѣе каждый самъ себя, что выскочили изъ оконъ, и въ халатахъ, колпакахъ и туфляхъ бросились къ полицеймейстеру, у котораго былъ въ это время балъ. Тиле, находившійся въ числѣ гостей, уговариваетъ полицеймейстера отослать ихъ обоихъ въ домъ сумасшедшихъ, и заставляетъ братьевъ доказать здоровое состояніе ихъ разсудка тѣмъ, что они обвиняются и подписываютъ брачный договоръ дѣтей своихъ. Самая остроумная мысль этой комедіи состоитъ въ томъ, что, несмотря на присутствіе и участіе въ дѣлѣ доктора и аптекаря, въ концѣ пьесы никого изъ дѣйствующихъ лицъ не похоронили.

Мѣсто не позволяетъ намъ заняться въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ другими новостями Нѣмецкой словесности, которыхъ впрочемъ очень мало.

=

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Французскія.

HISTOIRE DE FRANCE, depuis la Restauration, par *Charles Lacretelle*. 4 vol.

LE CONSULAT ET L'EMPIRE ou histoire de la France et de Napoléon Bonaparte de 1799 à 1815; par *M. A. C. Thibaudéau*. 10 vol. par souscription.

HISTOIRE D'ANGLETERRE, depuis l'invasion de Jules-César jusqu'à nos jours, par *D. Hume et ses continuateurs Smollet, Adolphus, Aikin*

- etc., avec des notes, des additions et des corrections de *Thierry, Guisot, Lingard, Hallam, Armand Carrel, etc.* 3 vol.
- MÉLANGES HISTORIQUES ET LITTÉRAIRES, par M. le baron de Barante, pair de France, membre de l'académie française. 3 vol.
- ROME AU SIÈCLE D'AUGUSTE, ou voyage d'un Gaulois à Rome à l'époque du règne d'Auguste, et pendant une partie du règne de Tibère, par M. L. *Charles Dezobry*. 4 vol.
- LA SYRIE, L'ÉGYPTE, LA PALESTINE ET LA JUDÉE, considérées sous leur aspect historique, archéologique, ethnologique, descriptif et pittoresque, par MM. le baron *Taylor* et *Louis Reybaud*. 1 vol. 100 gravures en acier.
- VOYAGE PITTORESQUE DU LUXOR, par M. *De Joannis*, lieutenant de vaisseau. 1 vol. Avec un Album.
- SOUVENIRS DE TRENTE ANNÉES DE VOYAGES à Saint-Domingue, à diverses colonies étrangères et au continent de l'Amérique, par *A. de Laujon*. 2 vol.
- LE GLOBE, atlas classique universel de géographie ancienne et moderne d'après MM. *Dufour, Jomard, Balbi*. 4 vol., in-4.
- RECUEIL GÉNÉRAL DES ANCIENNES LOIS FRANÇAISES, depuis l'an 420 jusqu'à 1789; avec des dissertations relatives aux sources du droit, aux lois fondamentales de la première race, etc., par MM. *Isambert, Decrusy* et *Taillandier*. 30 vol. Par souscription.
- ENQUÊTE COMMERCIALE. Edition officielle, publiée par les soins de M. *Duchatel*, ministre de commerce. 3 vol.
- TRAITÉ ÉLÉMENTAIRE de mécanique industrielle, résumé des traités de *Christian, Poncelet, d'Aubuisson, Coriolis, Hachette, Lanz* et *Bétancourt, Charles Dupin, Borgnis, Guenivau, Leblanc, etc.*, par M. *Stéphane Flachet*, ingénieur civil. 1 vol., avec des planches.
- MANUEL D'ORNITHOLOGIE ou tableau systématique des oiseaux qui se trouvent en Europe, par *C. J. Temminck*. 3me partie.
- L'ART DE L'ESSAYEUR, par M. *Chaudet*, ex-essayeur des monnaies de France. 1 vol.
-
- LA CITÉ DES HOMMES, par *Adolphe Dumas*. 1 vol.
- AU PIED DE LA CRÉIX, par *Justin Maurise*, auteur des *Pensées du ciel*. 1 vol.
- ODES D'HORACE, traduites en vers français par *B. L. C.* 4 vol.
- ANGELO MATIPERRI, tyran de Padoue, drame, par *Victor Hugo*. 1 vol.
- LE MONSIEUR, drame par *Charles Duveyrier*. 1 vol.
- ERRAND DU CHATELET, roman par M. le comte *A. de Pastoret*. 2 vol.
- LE MARÉCHAL DE LA REINE, 1542-1546, roman par *E. L. Guérin*, auteur d'Une actrice et de la Fleuriste. 2 vol.

- LE PRÊCHE ET LA MESSE**, roman-chronique de guerres de religion pendant le seizième siècle; par *A. de Tronslitz* et *L. F. L'Héritier*. 2 vol.
- BLANCHE DE SAINT-SIMON**, ou France et Bourgogne, roman par *M. Antony Thouret*. 1 vol.
- LA JUIVE**, histoire du temps de la régence, par *Mme Eugénie Foa*. 2 vol.
- SAVINIE**, roman par *Mme Camille Bodin* (*Jenny Bastide*), auteur de la *Cour d'Assises*. 2 vol.
- PEUT-ÊTRE**, roman par *Alph. Darton*. 1 vol.
- LA LAMPE DE FER**, roman par *Michel Masson* (*Michel Raymond*) 2 vol.
- BUDIC-MUR**, marine du quatorzième siècle, par *Ernest Mesnard*. 2 vol.
- VOYAGES ET AVENTURES en Espagne**, scènes de la vie castillane et andalouse, par lord *Feeling*.
- BIBLIOTHÈQUE ANGLO-FRANÇAISE**, ou collection des poètes anglais les plus estimés, avec la traduction française en regard, par *MM. Ampère, fils, Chateaubriand, Charles, Coquerel, Custines, Arincourt, Guizot Jay, Jussieu, Julien de Paris, Saint-Marc-Girardin, Saulnier, Villemain, M^{ms} Belloc, Nodier-Menessier, Tastu*, etc., avec des imitations en vers français des plus beaux morceaux de la poésie anglaise par *Voltaire, Collardeau, Chénier*, etc., et une histoire complète de la littérature anglaise, par *M. O'Sullivan*. 30 à 33 vol. Par souscription.

Английскія.

- THAUMATURGIA**, or, Elucidations of the marvellous. By an *Oxonian*. 4 vol.
- TRACTS, LEGAL AND HISTORICAL**, with other antiquarian matter, chiefly relative to Scotland: By *John Riddell, Esq.* 1 vol.
- TEN YEARS IN SOUTH AFRICA**, including a particular description of the wild sports of that country. By Lieut. *J. W. D. Moodie*. 2 vols.
- SECOND VOYAGE OF DISCOVERY** thro the arctic regions. By Captain *Ross*, R. N. 1 vol., 4to with numerous plates.
- HISTORY OF THE BRITISH COLONIES**. By *R. Montgomery Martin, Esq.* Vol. IV.
-
- SKETCHES AND RECOLLECTIONS**. By *John Poole, Esq.* 2 vols.
- THE WIFE**, and *Woman's reward*. By the Hon. *Mrs Norton*. 3 vols.
- THE GYPSY**, a tale. By the author of *Richelieu*, etc. (*Mr James*) 3 vols.
- A POETS PORTFOLIO**, or minor poems. By *James Montgomery*. 1 vol.

BELFORD REGIS, or Sketches of a country town. By Mary Russel Mitford. 3 vols.

THE STUDENT, a Series of papers. By the author of Eugene Aram. 2 vols.

THE CAPTIVE, a novel. By the author of the Pilgrim Brothers. 3 vols.

=

М О Д Ы.

Парижъ. Май.

Это ужь рѣшено: Лоншанское гулянье не будетъ болѣе поприщемъ, на которомъ пробуютъ моды, и моды могутъ рѣшать свою участь гдѣ имъ угодно. Въ послѣдніе годы, оно имѣло уже мало вліянія на шляпки и капоты, а въ нынѣшнемъ не имѣло никакого.

Слѣдственно моды остаются совершенно тѣ же какъ въ прошломъ году. Въ покровъ платьевъ, капотовъ и шляпокъ не замѣтно почти ни какой разницы, кромѣ тѣхъ легкимъ измѣненій, которыя личный вкусъ каждой придумываетъ для соглашенія наряда съ лицомъ или таліей.

Нѣкоторыя дамы изъ класса «разряжающихся впухъ», стараются правда ввести въ употребленіе разныя выдумки, но съ такихъ дамъ свѣтъ высокаго стилиа не беретъ примѣра. Одинъ модный журналъ приводитъ по этому случаю слѣдующій, непреложный афоризмъ современнаго вкуса: «плохія модистки *изобрѣтають*; отличная модистка только *улучшаетъ*.»

— Изъ одиннадцати платьевъ десять дѣлаются въ видѣ капота или пеньюара.

— Платья длинны, но безъ преувеличенія: ежели ножка хороша, надобно, чтобы хоть часть ея была видна.

— Шведскія перчатки въ большомъ употребленіи для утренняго наряда; по-полудни господствуютъ желтыя перчатки, а ввечеру нѣжнаго перловаго цвѣта.

— Шотландскія (клетчатая) ленты и матеріи пользуются большою милостью у шеголихъ хорошаго тона. Самые модные цвѣта — падевый и зеленый.

=

FEB 11 1947

